

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. М. ВАСИЛЬЕВ

История Саудовской Аравии

(1745 — 1973)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

9 (М)
В 19

Ответственный редактор
Н. А. ИВАНОВ

В книге излагается история государства Саудовской Аравии со времени его возникновения в 1745 г. до 1973 г., когда энергетический кризис и учетверение цен на нефть в капиталистическом мире вывели это государство на авансцену не только ближневосточной, но и мировой политики. В книге исследуются эволюция социально-политической структуры общества в Саудовской Аравии, роль движения мусульманских реформаторов-ваххабитов, место Саудовской Аравии в современном мире, воздействие «нефтяного фактора» на ее общество, появление новых классов и социальных слоев, их противоречия с существующим режимом.

В 0506000000-096 КБ – 5 – 29 - 82
013(02)-82

© ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«НАУКА», 1982.

OCR – Aspar, 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть I	19
<i>Глава I.</i> Аравия накануне появления ваххабизма.	
Хозяйство. Общество. Политика	19
<i>Глава II.</i> Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб и его учение	63
<i>Глава III.</i> Возвышение первого государства Саудидов (1745—1811)	86
<i>Глава IV.</i> Общественный и политический строй Дирьийского эмирата	119
<i>Глава V.</i> Разгром ваххабитов египтянами (1811—1818)	151
<i>Глава VI.</i> От падения Эд-Дирьи до эвакуации египтян из Аравии (1818—1840)	171
<i>Глава VII.</i> Второе государство Саудидов (1843—1865)	190
<i>Глава VIII.</i> Развал Риядского эмирата и Джебель-Шаммар (1865—1902)	211
<i>Глава IX.</i> Возрождение Риядского эмирата в начале XX в. (1902—1914)	231
<i>Глава X.</i> Неджд и Хиджаз в первой мировой войне (1914—1918)	261
Часть II	281
<i>Глава XI.</i> Собрание аравийских земель вокруг Неджда (1918—1926)	281
<i>Глава XII.</i> Усиление феодальной централизации и движение ихванов (1926-1934)	298
<i>Глава XIII.</i> Социально-политическая структура Саудовской Аравии после ее образования	320
<i>Глава XIV.</i> Нефтяные концессии	351
<i>Глава XV.</i> Саудовская Аравия и вторая мировая война (1939—1945)	360
<i>Глава XVI.</i> Внутренняя обстановка и внешняя политика королевства (1945—1958)	369
<i>Глава XVII.</i> Кризис власти и его временное преодоление (1958—1973). Новая роль Саудовской Аравии	403
<i>Глава XVIII.</i> Социально-экономическая структура Саудовской Аравии в «нефтяную эпоху»	454
<i>Глава XIX.</i> Политический режим	500
Заключение	519
Примечания	532
Библиография	583
Указатель имен	596
Указатель географических названий	605

ПРЕДИСЛОВИЕ

Саудовская Аравия в современном мире приобрела гораздо большее влияние, чем предполагает численность ее населения — 4—5 млн. коренных жителей в конце 70-х годов.

Обладая почти третью разведанных ресурсов нефти несоциалистических стран, Саудовская Аравия стала ее самым крупным после Советского Союза производителем и первым в мире экспортером. Не в силах освоить внутри страны астрономические доходы от этого ценнейшего сырья, саудовский правящий класс превратился и в крупнейшего экспортера капитала, а королевский клан Саудидов по абсолютным размерам своего состояния превзошел самых богатых финансовых магнатов капитализма. Решения, принимаемые в Эр-Рияде, хотя отнюдь не всегда самостоятельные и часто вынужденные, продиктованные внешними силами, воздействуют прямо или косвенно на платежный баланс США и многих других капиталистических государств, на темпы их экономического

развития и уровень инфляции, на будущее доллара, судьбу арабско-израильского конфликта, на устойчивость некоторых режимов в развивающихся странах.

К уникальным финансово-экономическим факторам добавляется роль Саудовской Аравии как родины ислама. На территории страны находятся две его главные святыни — Мекка с Каабой, куда верующие обращаются лицом во время молитвы и куда религиозные каноны предписывают совершить паломничество — хадж, и Медина с могилой основателя мусульманства Мухаммеда. Усиление религиозных чувств в мусульманских странах придает религиозную окраску многим происходящим в них социально-политическим конфликтам. Поэтому в мусульманском мире возрастает значение «хранителя двух святых мест ислама».

Социально-экономическая структура Саудовской Аравии буквально за одно поколение претерпела быстрые изменения. Рыночная капиталистическая экономика наложилась извне на традиционное феодально-племенное общество, которое не было готово к преобразованиям, не имело для них ни кадров, ни государственных и общественных институтов, ни соответствующей правовой системы. В Саудовской Аравии при сохранении одного из самых архаичных режимов на земном шаре стала происходить болезненная ломка экономики, общественных отношений, права, социальной психологии.

Естественно, что возрастание интереса к этой стране сопровождалось увеличением числа посвященных ей публикаций.

В Советском Союзе только за последние годы появилось несколько десятков книг, брошюр, крупных журнальных и газетных статей о Саудовской Аравии. Но до сих пор у нас не было труда, охватывающего всю историю государства Саудидов, его экономическую и социально-политическую эволюцию, начиная с его основания в середине XVIII в. и кончая 70-ми годами нашего столетия. Предлагаемая читателю книга представляет собой попытку восполнить этот пробел. Она хронологически кончается 1973 г., когда после арабско-израильской войны резко выросли цены на нефть и Саудовская Аравия стала приобретать все больший вес в мире. Период после 1973 г., видимо, представляет собой поле исследования для экономистов, социологов, политиков, публицистов в большей степени, чем для историков, так как события последних лет еще недостаточно отстоялись для чисто исторического труда.

В качестве базы для разработки истории Саудовской Аравии было использовано несколько групп источников. Прежде всего — арабские хроники, написанные как сторонниками династии Саудидов и ваххабитского учения, так и их противниками и нейтральными наблюдателями. Затем идут работы Ибн Абд аль-Ваххаба, его последователей и видных аравийских богословов. Следующую группу источников составляют записки европейских путешественников, дипломатов, ученых, разведчиков, посетивших Аравию и соседние с нею страны в XVIII—XX вв. Материалы англо-индийской администрации проливают свет на некоторые проблемы XIX — начала XX в. В официальных саудовских публикациях можно найти сведения об экономике, социальных отношениях, правовой системе страны. Ряд американских публикаций со сводными данными о Саудовской Аравии могут быть приравнены к источникам. Используются также документы, содержащие сведения о Саудовской Аравии из Архива внешней политики России и Архива внешней политики СССР.

Арабские летописи. Лишь одна из известных нам арабских хроник написана человеком, который наблюдал за развитием ваххабитского движения и государства Саудидов с первых лет их существования. Это «История Неджда, называемая садом мыслей и понятий» Хусейна ибн Ганнама*, богослова из Эль-Хасы, который умер в 1811 г. В первой части работы Ибн Ганнам воспроизводит некоторые сочинения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба. Во второй части он излагает историю войн ваххабитов с 1746 по 1796/97 г.

* Здесь и далее работы упомянутых авторов см. в разделе «Библиография».

Ибн Ганнам — последователь учения Ибн Абд аль-Ваххаба. Действия ваххабитов, по его мнению, вдохновлялись самим Аллахом, а их врагов подталкивала рука дьявола. Данные о социальной и политической структуре первого государства Саудидов приходится отыскивать буквально по крупицам. Тем не менее летопись Ибн Ганнама — исключительный по значению источник. Собранный в ней материал является результатом личных наблюдений автора или получен им из первых рук. Вторая хроника — «Символ славы в истории Неджда» — принадлежит перу недждийского летописца XIX в. Османа ибн Абдаллаха ибн Бишра, одного из известных в Аравии богословов оазиса Шакра провинции Вашм. Он был современником многих событий в Аравии после момента, на котором оборвалась хроника Ибн Ганнама. Умер Ибн Бишр в 1871/72 г.

Ибн Бишр также придерживался ваххабитского учения, но отличался более широкими взглядами, чем его предшественник. Недждийский летописец включил в летопись ценные факты о структуре первого государства Саудидов и общественной жизни Аравии. Хроника, которую он начинает с 1745 г., сопровождается экскурсами в более давнюю аравийскую историю; труд его завершается описанием событий 1854 г.

Летопись Ибн Бишра во многом совпадает с хроникой Ибн Ганнама. Ибн Бишр полностью приводит стихотворение своего предшественника на смерть Ибн Абд аль-Ваххаба, которое содержится и в «Истории Неджда». Однако они иногда дают различное описание одних и тех же фактов, делают акцент на разных событиях, их даты и цифры не всегда совпадают. Может быть, Ибн Бишр не был знаком с сочинением Ибн Ганнама. Во всяком случае в предисловии он не упоминает его имени среди известных ему летописцев. Сообщая о смерти Ибн Ганнама и перечисляя его достоинства как богослова и поэта, он ни слова не говорит о его исторических произведениях.

Достоверность данных Ибн Ганнама и Ибн Бишра подтверждается с помощью перекрестной проверки фактов, упоминаемых также европейцами. И арабским и европейским историкам эти две летописи стали известны лишь в XX в.

Из поля зрения востоковедов, писавших об Аравии, почему-то выпала хроника государства Саудидов, приведенная Ф. Манженом в приложении к его «Истории Египта под властью Мухаммеда Али». Французский историк составил летопись на основе информации, полученной от внука Ибн Абд аль-Ваххаба (сосланного в Египет после разгрома Эд-Дирьи в 1818 г.), а также, видимо, от других ваххабитов. И кажется просто странным, что такой первоклассный источник не был использован востоковедами, хотя эту книгу они знали.

У Ф. Манжена в его «Истории Египта» есть ценные сведения об аравийском обществе, почерпнутые из отчетов египетской администрации в Неджде во втором десятилетии XIX в.

За последние годы внимание востоковедов и некоторых арабских историков привлекла хроника «Блеск метеора в житии Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба», оригинал которой хранится в Британском музее. Большинство авторов считают ее анонимной. Эта летопись объемом 764 страницы охватывает период аравийской истории примерно с четвертого десятилетия XVIII в. и обрывается внезапно на событиях декабря 1817 г. Летописец относится к Ибн Абд аль-Ваххабу с уважением, но, ссылаясь на мнение «шейхов из Басры и Эз-Зубайра», считает его учение «ересью» (ибтида).

«Блеск метеора» представляет собой наброски, сделанные на основе рассказов участников событий, слухов и легенд. Это не мешает хронике иметь ряд несомненных достоинств, которые ставят ее в один ряд с тремя арабскими источниками того периода — Ибн Ганнамом, Ибн Бишром и манженовским изложением ваххабитской летописи. Созданная человеком, не согласным с учением ваххабитов, но достаточно объективным, она ценна именно своей самостоятельностью, неофициальностью. «Блеск метеора» содержит дополнительные сведения по ряду проблем: о характере феодальных и племенных отношений в Аравии, о торговле и ремесленном производстве в Неджде, о

формах права в кочевых племенах, об организации власти, налогового аппарата, судебной системы, войска в первом государстве Саудидов.

Работы Ибн Абд аль-Ваххаба, приведенные в рукописи, — несомненно, одни из самых старых дошедших до нашего времени. Две из них — «Книга единобожия» и «Книга обнаружения сомнений в единобожии» — в своих основных положениях совпадают с недавними публикациями. Однако сочинения Ибн Абд аль-Ваххаба, выпущенные уже в нашем веке, подверглись значительному редактированию и чистке или же публиковались на основе других вариантов этих же работ.

Дополнительные сведения о ваххабитском движении и первом государстве Саудидов, а также материалы для проверки известных фактов можно почерпнуть у хиджазца Ахмеда ибн Зай-ни Дахлана, йеменца Мухаммеда ибн Али аш-Шаукани, оманца Салиля ибн Разика, знаменитого египетского историка Абдуррахмана аль-Джабарти, бахрейнца Мухаммеда ан-Набхани, басринца Османа ибн Санада, багдадца Ибрагима аль-Хайдари аль-Багдади.

После Ибн Бишра хронику неждийских событий продолжал Ибрагим ибн Иса, родившийся в Шакре в 1853/54 г. Его работа «Жемчужное ожерелье событий, которые произошли в Неджде» заканчивается 1885/86 г., но написана или завершена во время правления основателя современной Саудовской Аравии Абд аль-Азиза (Ибн Сауда), которого он восхваляет во вступлении. Она осталась недоступной автору данной работы, но он воспользовался другим вариантом его хроники — «История некоторых событий, произошедших в Неджде».

Более поздняя летопись — «Символ счастья и славы в том, что хорошо продумано об истории Хиджаза и Неджда» принадлежит Абдуррахману ибн Насыру. Она доведена до середины 30-х годов XX в. Этой хроникой автор пользовался в изложении английского востоковеда Г. Филби и ряда арабских историков.

Важный источник — летопись Дари ибн Фухайда ибн Рашида, которая хороша тем, что выражает шаммарскую точку зрения на события в Неджде во второй половине XIX — начале XX в. «История королей Ааль Саудов» в конце XIX — начале XX в. написана Саудом ибн Хизлюлем, представителем клана Ааль Су-найянов — боковой ветви Саудидов.

Несколько рукописных хроник начали вводиться в научный оборот за последние годы. Одной из них, принадлежащей перу аль-Бассама, автор воспользовался при подготовке материалов, посвященных образованию Саудовской Аравии в первой трети XX в.

Сочинения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба и его последователей составляют группу источников, существенно важных для изучения идеологии ваххабизма. Они дошли до наших дней в многочисленных списках, часть из них хранится в западноевропейских библиотеках и музеях. Работы, в которых выражено кредо ваххабизма, — «Книга единобожия» (самая ранняя из всех, написана в 30-х годах XVIII в.), «Книга обнаружения сомнений в единобожии», «Книга смертных грехов», «Вопросы джахилии, о которых спорили посланник Аллаха и люди джахилии», «Краткое изложение жития посланника» — упоминаются еще Ибн Ганнамом, или Ибн Бишром, или и тем и другим. Другие сочинения вероучителя, в числе которых «Назидание извлекающему пользу из нечестивости покинувшего единобожие», «Принцип веры», «Достоинство ислама», «Совет мусульманам на основе преданий о печати пророков», «Три принципа и их доказательства», многочисленные «Послания» включены К. Броккельманом в библиографию его «Истории арабской литературы».

Произведения Ибн Абд аль-Ваххаба изданы сейчас по ранним спискам, относящимся к концу XVIII — первой половине XIX-столетия, хотя, видимо, отредактированным позднее. Данные об учении ваххабитов, собранные европейскими востоковедами, в целом соответствуют догмам, изложенным в этих источниках.

Сын вероучителя Абдаллах также известен как автор богословских работ. Одна из них, «Послание», впервые была опубликована в английском переводе с арабской рукописи в 1874 г. в «Журнале Азиатского общества Бенгалии» (т. 43, ч. 1, с. 68—82) (здесь автор ошибочно назван внуком вероучителя), а затем в ваххабитском сборнике «Суннитский дар и недждийская ваххабитская диковинка», появившемся в 1923/24 г. Послание ценно тем, что оно не загружено цитатами из преданий и комментаторов и четко выражает некоторые догматические установки ваххабизма.

Много писал на богословские темы внук вероучителя Абдурахман ибн Хасан. Его книга «Открытие славного» представляет собой обширнейший комментарий к «Книге единобожия» Ибн Абд аль-Ваххаба. Соответствует общим установкам ваххабизма и «Послание» одного из недждийских богословов, выходца из знатной семьи Ааль Муаммаров — Ахмеда ибн Насыра ибн Османа.

Антиваххабитскую литературу сейчас найти значительно труднее. Помимо указанных работ Ибн Зайни Дахлана и Ибн Разика стоит упомянуть две рукописи по догматическим вопросам, хранящиеся в Тюбингенской библиотеке ФРГ. Это «Послание с возражениями Ибн Абд аль-Ваххабу», написанное Мухаммедом ибн Афаликом аль-Ханбали и «Стародавние вопросы в ответе ваххабитам» Ибн ас-Сувайди.

Информация европейцев, посетивших Аравию и сопредельные страны в XVIII — начале XIX столетия. Первые сообщения о ваххабитах принес в Европу более двухсот лет назад датский путешественник К. Нибур.

Хотя французский энциклопедист и путешественник К.-Ф. Вольней не был в Аравии, в 70-х годах XVIII в. он посетил Сирию и Палестину. Его заметки об арабах-бедуинах, составленные на основе наблюдений за племенем вахидат, кочевавшим недалеко от Газы, и рассказов о племенах внутренней Аравии, отличаются меткостью наблюдений и суждений.

Наполеоновский агент испанец Бадиа-и-Леблих, путешествовавший под именем Али-бея, посетил в 1807 г. Хиджаз и Мекку.

Выдающееся место среди путешественников занимает И. Буркхардт. Швейцарец по происхождению, британский подданный, он был движим неукротимой страстью к путешествиям, и Хиджаз, где он был в 1814—1815 гг., представлял собой лишь этап в его странствованиях. Он собрал обширнейшие сведения об Аравии и жизни арабов на основе личных бесед с хиджазцами и недждийцами. И. Буркхардт изучал не только историю ваххабитов, их идеологию и структуру первого государства Саудидов, но и общественные отношения и право как бедуинов, так и оседлых, интересовался формами семьи, собственности, налоговой системой. Большая культура путешественника и широта кругозора, соединенные с научной добросовестностью, позволили ему написать книги, без которых наши знания об Аравии XVIII—XIX вв. были бы гораздо более скудными. Ко многим достоинствам И. Буркхардта следует добавить увлекательный стиль, который избавляет читателя от утомительной скуки многих путевых заметок европейцев.

В 1819 г. английский офицер Дж. Сэдльер пересек Аравийский полуостров от Эль-Катифа до Янбо.

Об Аравии сообщали европейцы и из сопредельных стран. На первое место из такого рода работ следует поставить «Историю ваххабитов», выпущенную в 1810 г. Л. Корансезом, французским консулом в Алеппо (Халебе). В составе группы ученых он принимал участие в экспедиции Наполеона в Египет, затем в течение восьми лет жил в Халебе. Его работа содержит немало информации о политической истории государства Саудидов, его структуре, идеологии. «История ваххабитов» Л. Корансеца, впрочем, не свободна от неточностей и легковесных суждений.

Французский артиллерист на службе багдадского паши Ж. Раймон собирал свои материалы в Ираке и изложил их в донесении во французское министерство иностранных дел.

Лишь спустя несколько десятилетий после возвращения из арабских стран опубликовал свои воспоминания политический агент Ост-Индской компании в Басре (с 1784 г.), а затем в Багдаде Х. Бриджес.

В русскую печать информация о ваххабитах проникала в основном через западноевропейские каналы. Самое раннее из обнаруженных сообщений (после публикации «Путешествия» К.-Ф. Вольнея) появилось в 1803 г. в «Вестнике Европы»: «Аравии назначено быть колыбелью азиатских революций. Новый тамошний пророк Абдул Вегаб имеет уже... многочисленное войско и приближается к Мекке». Позднее на страницах «Журнала различных предметов словесности» (1805 г.) и «Вестника Европы» (1819 г.) публиковались статьи, освещавшие события в Аравии.

Европейские путешественники после Дж. Сэдлера, посетившие Аравийский полуостров в XIX в., дают богатый и первоклассный материал для выяснения его общественно-политической жизни. Добавляя, подтверждая или опровергая И. Буркхардта, К.-Ф. Вольнея, К. Нибура и арабских летописцев, они помогают изучить аравийское общество XVIII, XIX, начала XX в.

В 30-х годах английский офицер Д. Уэлстед побывал в Омане и объехал аравийское побережье; примерно в это же время француз М. Тамизье посетил Хиджаз и Асир; в 40-х годах финский ученый Г. Валлин путешествовал по Хиджазу и Северной Аравии; англичанин Р. Бэртон в 50-х годах побывал в Хиджазе и Сирийской пустыне. В 1854 г. Мекку посетил француз Ш. Дидье. Член ордена иезуитов и французский агент У. Пэлгрев в 1862—1863 гг. проник в Центральный Неджд, посетил столицу возрожденного ваххабитского государства — Эр-Рияд, а также Касим и Эль-Хасу. Неоднократно подвергался сомнениям сам факт путешествия У. Пэлгрева из-за многих неточностей, допущенных им, но сейчас признано, что оно действительно имело место.

Поездка в Эр-Рияд английского резидента в Бушире Л. Пелли относится к 1864—1865 гг. Примерно в это же время в Северном Неджде был итальянец К. Гуармани.

Английский археолог и писатель Ч. Доути путешествовал по Северному Неджду и Хиджазу в 1876—1878 гг. Его сочинение в английской литературе считается шедевром путевых заметок. Сведения Ч. Доути чрезвычайно содержательны.

Из других путешественников стоит отметить француза Ш. Юбера, побывавшего в Северном Неджде и Хиджазе в 1878, 1883—1884 гг. и убитого там, англичан, супругов Блант, посетивших Сирийскую пустыню и Джебель-Шаммар в 1878—1879, 1881 гг., русских коннозаводчиков С. А. Строганова и А. Г. Щербатова с женой, совершивших поездки в Сирийскую пустыню в 1888. и 1890 гг., и русского офицера Давлетшина, который был в Хиджазе в конце 90-х годов.

Из важных работ по аравийским кочевникам отметим труды М. фон Оппенгейма, германского арабиста и разведчика, который путешествовал по Сирийской пустыне в 90-х годах прошлого века, но его трехтомный труд о бедуинах появился лишь спустя несколько десятков лет.

Золотой период европейских исследователей Аравии продолжался и в первой половине нашего столетия. Среди всех имен два стоят особняком — Г. Филби и Х. Диксон. Оба провели в Аравии большую часть жизни и изучали ее в географическом, социальном, этнографическом отношениях. Г. Филби, офицер англо-индийской службы, с 1917 г. находился при английском экспедиционном корпусе в Ираке, в том же году стал британским политическим агентом при Ибн Сауде. В начале 20-х годов его назначили британским политическим комиссаром в Трансиорданию. В 1925 г. он оставил официальную английскую службу и поселился в Саудовской Аравии, приняв через несколько лет ислам. Одно время он занимался продажей фордовских автомобилей. Он же был одним из посредников при заключении соглашения о предоставлении концессии «Стандард ойл оф Калифорния», положившей начало могущественной АРАМК.О, первого в капиталистическом мире производителя нефти. Г. Филби провел исследования

ряда районов Саудовской Аравии, в том числе пустыни Руб-эль-Хали, и оставил многочисленные описания своих путешествий.

Диапазон поездок Х. Диксона более ограничен. Он был британским политическим агентом в княжествах Восточной Аравии, затем политическим резидентом в Кувейте, посещал центральные районы полуострова. Его две книги «Арабы пустыни» и «Кувейт и его соседи» содержат важные, иногда единственные в своем роде описания жизни, хозяйственной деятельности, социальной структуры бедуинских племен, а также ряд важных сведений об истории Саудовской Аравии и Кувейта.

Особое место занимает англичанин Т. Лоуренс, бывший офицером связи при шерифе Мекки во время восстания арабов Хиджа-за против турок. После первой мировой войны официальной британской пропаганде нужны были герои, и она одним из них сделала Лоуренса. Его сочинения, написанные с несомненными проблесками литературного таланта, умножили его славу. Но это скорее не книги об Аравии и арабском восстании против турок, а сочинения Лоуренса о собственном месте в этом восстании, причем не подлинном, а том, каким он его видит через призму своего болезненного самолюбия. Научное значение его сочинений невелико.

Чешский ученый А. Мусил с конца 90-х годов по 1917 г. много путешествовал по Северной Аравии и сопредельным странам. В годы первой мировой войны выполнял задания австро-венгерского генштаба в Джебель-Шаммаре. Опубликовал ряд работ, в том числе этнографического характера.

Стоит указать на исследование А. Жоссана, посвященное бедуинам Северной Аравии, а также на труды Р. Монтаня.

Свои записи в разной форме оставили британский натуралист Д. Каррутерз, работавший в 1909 г. в Северо-Западной Аравии и Большом Нефуде, датчанин Б. Раункьяэр, посетивший в 1912 г. Неджд, немец К. Расван, работавший в 1911 — 1914 гг. и в начале 20-х годов в Сирийской пустыне, англичане С. Бэтлер, Дж. Личмен, Р. Чизмен. Ряд сочинений написала Г. Белл, английская разведчица и крупная арабистка. Б. Томасу принадлежит описание поездок в Северную Аравию в 20-е годы и его же исследования Центральной и Южной Аравии.

Другие авторы этого периода позволяют лучше ориентироваться в социально-экономической и политической обстановке Аравии 30—40-х годов. Среди них английский путешественник У. Сибрук, голландский консул в Джидде Ван дер Мелен, будущий командующий арабским легионом в Иордании и плодовитый писатель на арабскую тему Дж. Глабб.

Ряд книг, в которых изредка приводятся малоизвестные и новые факты об аравийском обществе, принадлежит перу европейцев и американцев, посетивших Аравию в 30 — 50-е годы, — К. Наллино, Дж. де Гори, А. Зишке, Дж. Хайраллаху, Ф. Бальзану, Г. Армстронгу, Д. Хауэрсу, Э. Раттеру, Ф. Томише, К. Твитчелу, А. Фальк, М. Чини, Р. Сэнджеру, П. Харрисону. Их информация позволяет отчетливо судить о переменах в аравийском обществе за последние несколько десятков лет, а также лучше изучить общественные институты, известные здесь на протяжении столетий и сохранившиеся почти до наших дней.

Подробные сведения о европейских исследователях Аравии можно найти в книгах А. Цеме, А. Ралли, С. Цвемера, Д. Хогарта, В. В. Бартольда, Р. Кирнена, Ж. Пирен.

Важную группу источников и литературы, которая лишь последние полтора-два десятилетия начала включаться в научный оборот, составляют *документы и публикации англо-индийской администрации*. Среди них выделяется сборник соглашений между Индией и сопредельными странами, составленный К. Эйтчисоном в конце XIX в., впервые опубликованный в 1892 г. в Калькутте. Второе, дополненное издание этого сборника вышло в Дели в 1933 г.

Чиновник англо-индийской администрации Дж. Лоример в 1908—1915 гг. издал капитальный труд «Хроника событий в Персидском заливе, Омане и Центральной

Аравии» объемом в несколько тысяч крупноформатных страниц. Его сочинение долгое время предназначалось для служебного пользования, и ученые других стран смогли познакомиться с ним лишь после второй мировой войны. Оно ценно тем, что представляет взгляд англо-индийской администрации на положение дел в странах бассейна Персидского залива и сумму информации, которой оно обладало об этом регионе с XVIII до начала XX в. Недостаток работы Дж. Лоримера — редкие ссылки на источники. Часто не понятно, почерпнул ли он те или иные сведения из известных работ Буркхардта, Корансеца, Манжена, Бриджеза и других или из донесений британских агентов.

В этом смысле ценны публикации Дж. Салданы, посвященные бассейну Персидского залива XIX — начала XX в. и сделанные на основе англо-индийских архивных материалов. Но они остались недоступными автору данной работы, и ими можно было пользоваться по обширным ссылкам Р. Уиндера в его «Истории Саудовской Аравии в XIX в.»

Официальные саудовские публикации. Важная саудовская статистика, в том числе по составу саудовского общества, публиковалась в «Статистическом ежегоднике». Представляют интерес сборники саудовских документов и заявлений.

Саудовско-британский конфликт из-за группы оазисов Эль-Бурайми привел к появлению трехтомной «Памятной записки правительства Саудовской Аравии» и двухтомной «Памятной записки» британского правительства. Саудовская публикация ставила своей задачей доказать принадлежность спорной территории Саудовской Аравии, но вместе с тем содержала ряд новых материалов о налоговой системе и племенах.

В XX в. среди источников на арабском языке, написанных участниками событий, появился один, сопоставимый по значению для изучения общества Саудовской Аравии XX в. с «Символом славы в истории Неджда» и «Блеском метеора» для XVIII — первой половины XIX в. Речь идет о четырехтомнике Хайр ад-Дина аз-Зирикли «Аравийский полуостров в эпоху Абд аль-Азиза». Конечно, этот труд — безудержная апологетика основателя Саудовской Аравии, клана Саудидов и в целом саудовского режима. Но вместе с тем он представляет собой богатое собрание фактических сведений самого различного свойства о стране — от ее истории до организации армии, от судебной и правовой системы до этнографии, от экономики до анекдотических подробностей быта при королевском дворе. Аз-Зирикли, долгое время служивший в министерстве иностранных дел, включил в свою книгу ряд ценных документов из саудовского дипломатического ведомства. В числе недостатков его работы — очень частое отсутствие ссылок на источники. Перу Аз-Зирикли принадлежат и другие работы.

Египтянин Хафиз Вахба, проведший полсотни лет на службе саудовских королей, оставил записки, которые пополняют наши знания об эволюции саудовского общества. Он был доверенным лицом Ибн Сауда на дипломатических переговорах, занимал важные административные посты в Хиджазе после его завоевания, возглавлял департамент просвещения, был саудовским послом в Лондоне. Он оставил после себя несколько сочинений. Х. Вахба сообщает о хозяйственной деятельности и социальной организации оседлых и кочевников Центральной Аравии до появления нефтяной промышленности, о религиозно-политическом движении ихванов.

Сириец Фуад Хамза, также находившийся на службе саудовских королей, написал несколько книг, содержащих, в частности, информацию социально-политического и экономического характера о Саудовской Аравии «донефтяной эпохи».

Литература саудовской оппозиции, в том числе революционно-демократической, немногочисленна. Но она ценна тем, что раскрывает установки организаций, борющихся против саудовского режима.

В арабской литературе 30—70-х годов вместе с сотнями легковесных работ, практически не имеющих научной ценности, стали появляться более серьезные. Среди них исследование социально-экономических сдвигов в недждийской провинции Касим, проведенное в середине 60-х годов саудовцем Абдурахманом аш-Шарифом. Лига

арабских стран в 1965 г. выпустила сборник о кочевниках в арабских странах, в частности в Саудовской Аравии.

Обширное толкование кодекса о труде дал Наззар аль-Кияли. Арабский автор (видимо, египтянин) Мухаммед Садик исследовал эволюцию саудовского административного аппарата.

Арабская литература по истории Саудовской Аравии построена главным образом на аравийских хрониках, она мало использует европейские источники и литературу. Арабские авторы ограничиваются, как правило, лишь изложением исторических событий, не вникая в их политическое содержание, не говоря уже о социальном. Это относится даже к лучшим из них — Махмуду Шукри аль-Алюси, Амину ар-Рейхани, Ахмеду Али, Амину Сайду, Саляху ад-Дину аль-Мухтару, Ахмеду Абд аль-Гафуру Аттару, Мухаммеду Абдаллаху Мады, Рагибу Харразу, Муниру аль-Аджляни. Особое внимание на изложение ваххабитского учения обращает Абдаллах аль-Касими, Ахмед Амин, Мухаммед Хамид аль-Факи, Аббас Махмуд аль-Аккад, а также один из деятелей мусульманской реформации в Египте — Мухаммед Рашид Рида. Мухаммед аль-Ахсаи сконцентрировал свое исследование на Восточной Аравии. Для выяснения процесса складывания Саудовской Аравии помогают книги Мухаммеда аль-Мадани и Хусейна Насыфа.

Несколько более высоким уровнем отличается книга хиджазца Абд аль-Хамида аль-Хатыба «Справедливый имам», рассказывающая об эпохе Абд аль-Азиза. Она содержит ряд малоизвестных или неизвестных исторических фактов и написана бывшим противником Саудидов, одним из организаторов хиджазской либеральной партии. Ее руководители через некоторое время после разгрома были амнистированы Ибн Саудом и кооптированы его режимом. Идеологии и литературе общества Саудовской Аравии в XX в. посвящены книги Абдаллаха Абд аль-Джаббара и Фахда аль-Марика.

Арабский юрист Субхи аль-Мухаммасани подробно разбирает правовую систему Саудовской Аравии.

Некоторые новые материалы из египетских и других архивов для истории первого государства Саудидов привлек Абдуррахим Абдуррахман Абдуррахим, а второго государства Саудидов — Абд аль-Фаттах Абу Алия.

Полемические сочинения в защиту ваххабизма, написанные Сулейманом ибн Сахманом, содержат помимо ваххабитской догматики выдержки из работ противников этого учения.

В «нефтяную эпоху» количество западноевропейских и американских работ по Саудовской Аравии увеличивается во много раз. Естественно, что социально-политические и экономические изменения затрагиваются многочисленными европейскими путешественниками. К ним следует добавить ряд важных трудов.

В начале 50-х годов полевое изучение оазисов Эль-Хасы провел по заданию администрации АРАМКО Ф. Вайдэл, собрав ряд новых сведений о хозяйственной и общественной жизни их жителей.

Специальное, этнографическое и социально-экономическое полевое исследование поселений в вадии Фатима в Хиджазе, между Меккой и Джиддой, осуществила в конце 60-х годов японка Мотоко Катакура. Оно ценно описанием оседлых поселений, их взаимоотношений с кочевыми племенами, традиционных общественных связей, внедрения товарно-денежных отношений.

Американец У. Ру — глава информационной службы посольства США в Эр-Рияде — провел анализ системы образования в Саудовской Аравии и ее воздействия на общество. Он собрал интересные факты, хотя его методология — попытка объединить в один «класс» людей по критерию полученного образования — не может считаться серьезной.

Ряд солидных американских работ по Саудовской Аравии, которые формально не могут быть включены в число источников, фактически являются ими. Это сборники

«Аравия Ибн Сауда», написанный сотрудниками АРАМКО Лебкичером, Ренцем и Стейнике, опубликованный в 1952 г., «Саудовская Аравия: население, общество, культура» Дж. Липского и ряда других авторов, появившийся в 1959 г., два издания американского департамента труда «Законы о труде и практика в Саудовской Аравии», полузакрытое издание «Региональный справочник по Саудовской Аравии», который выдержал несколько постоянно обновляющихся изданий.

Эти книги построены на основе материалов, собранных непосредственно в Саудовской Аравии, в том числе полевых этнографических, антропологических, социальных, экономических исследований. Авторы «Регионального справочника», например, использовали отчеты и исследования американской разведки, посольства США, ряда департаментов АРАМКО. Они имели доступ к архивам и некоторым подлинным статистическим выкладкам различных саудовских ведомств. Эти книги предназначены в первую очередь не для широкой публики, а для специалистов, для лиц, непосредственно связанных с Саудовской Аравией, — бизнесменов, инженеров, дипломатов, журналистов. Поэтому они насыщены большим количеством фактов и цифр, содержат некоторые объективные оценки. Однако их общая слабость, как и всей американской литературы по Саудовской Аравии, — апологетический характер в подходе к американской политике и деятельности АРАМКО. Их оценки саудовского режима в высшей степени осторожны и напоминают скорее расшаркивание, чем научный анализ. Но из этой литературы можно почерпнуть сведения о характере поземельных отношений и землепользования, изменениях в сельском хозяйстве, особенностях формирования рабочего класса и буржуазии, социальных сдвигах в саудовском обществе, перестройке механизма власти, развитии правовой системы.

Р. Кнауэрхейз написал ценный труд по саудовской экономике середины 70-х годов. Он приводит много цифр и фактов, полученных непосредственно из саудовских источников.

Среди последних работ, которые носят больше политический или, скорее, публицистический характер, но содержат тем не менее важные детали о положении в Саудовской Аравии, следует упомянуть «Аравию без султанов» англичанина Ф. Холлидея и две книги, написанные совместно французами Л. Шампенуа и Ж.-Л. Сулье. К серьезной журнальной публицистике относятся статьи Бонанфана.

Из западных авторов, писавших по нефтяным проблемам Ближнего и Среднего Востока, выделяются С. Лонгриг, Б. Швадран, Ш. Клебанофф, Ф. Рухани, Ж.-М. Шевалье, Ш. Р. Али, авторы справочника АРАМКО.

Правовую систему Саудовской Аравии разбирает Г. Баруди.

Большое внимание социально-политическим проблемам, в том числе структуре власти, праву, уделяют П. Хобдей, А. Келидар, Д. Лонг, авторы сборника «Королевство Саудовская Аравия», вышедшего в Лондоне.

Ряд публикаций по Саудовской Аравии, участившихся за последнее десятилетие, появился в *периодических изданиях*, как западных, так и арабских.

Западноевропейская и русская дореволюционная литература по истории Аравии отличается в основном описательством, игнорированием социальной стороны событий и поверхностными замечаниями об их политических мотивах. Большинство европейских востоковедов отказываются признавать какое-либо развитие аравийского общества вплоть до XX в. Не выделяется из этого ряда и сочинение А. Крымского.

Единственной европейской работой, охватывающей довольно подробно всю саудовскую историю, была «Саудовская Аравия» упоминавшегося уже Г. Филби, вышедшая в 1955 г. и представлявшая собой расширенное повторение его более ранней книги «Аравия», появившейся в 1930 г. Он построил изложение событий целиком на аравийских хрониках от Ибн Ганнама до Ибн Хизлюля и был первым из европейцев, сделавшим это. Но Г. Филби избегает пользоваться европейскими источниками по истории Аравии, минимальное внимание уделяет эволюции социально-политической

структуры и экономики. Ему невозможно приписать добродетель объективности и непредвзятого изложения исторических фактов. Г. Филби был увлечен личностью Ибн Сауда и идеализировал деятельность дома Саудидов. Но историк, занимающийся Саудовской Аравией, не имеет права игнорировать ни его книги путешествий, ни исторические сочинения, так как они написаны европейцем, интимно знакомым с конкретикой аравийской жизни и поэтому способным обратить внимание на такие нюансы, содержащиеся, например, в аравийских летописях, мимо которых могли бы пройти академические исследователи.

Арабские хроники использованы также чешским исследователем А. Музиллом.

Из опубликованных американских работ по отдельным периодам аравийской истории выделяются уже упомянутая «Саудовская Аравия в XIX в.» Р. Уиндера и «Рождение современной Саудовской Аравии» Г. Троллера, посвященная первым двум десятилетиям XX в. Обе книги основаны на многих и разнообразных источниках. Но они ограничиваются в основном изложением политических событий.

Некоторые европейские востоковеды, например венгерский ученый И. Гольдциер, в общих чертах верно воссоздали догматически-богословскую сторону ваххабизма и отметили специфические черты ваххабитского культа. Подробное изложение ваххабитской догматики можно найти в статье Марголиуса, опубликованной в первом издании четырехтомной «Энциклопедии ислама». Ряд важных работ, посвященных Ибн Таймийе, предшественнику ваххабитов, и воздействию его учения на идеологию правящего класса в саудовском обществе написал французский востоковед А. Ляуст. Он же автор статьи о Мухаммеде ибн Абд аль-Ваххабе в новом издании «Энциклопедии ислама».

В советской литературе первым к теме ваххабизма и истории государства Саудидов обратился М. Томара. Ему же принадлежит честь постановки вопроса о социальных корнях ваххабизма. Однако выводы его в настоящее время по большей части устарели.

Ряд работ по Аравии, ее социально-политическому строю, этнографии написан А. И. Першицем. Итоги многолетних исследований он суммировал в превосходной книге «Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.», которая послужила основой при подготовке первой главы настоящей работы. Эта книга насыщена большим количеством систематизированных фактов, взятых у большинства европейских путешественников по Аравии; сделан марксистский анализ аравийского общества. Монография А. И. Першица позволила лучше ориентироваться в группе европейских нарративных источников. Часть цитат из них дана в его переводе. Некоторые положения А. И. Першица, однако, не бесспорны. Взгляды А. И. Першица претерпели определенную эволюцию, что нашло отражение в его статье «Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов», появившейся позднее.

М. В. Чураков пересказывает в своей работе «Историю современного Неджда» Амина ар-Рейхани (в которой события вплоть до середины XIX в. описаны по Ибн Бишру), выбирая места, интересные для изучения этнографии и общественных отношений Центральной Аравии.

Работа «Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье» Е. А. Беляева дает историческую глубину при изучении аравийского общества и его идеологии на протяжении столетий.

Труды Н. А. Иванова об арабских племенах Северной Африки, истории Марокко и арабо-османском обществе и И. М. Смилянкой о Передней Азии XVIII — XIX вв. представляют в распоряжение исследователя Аравии важные социально-исторические параллели.

Н. И. Прошиным была выпущена монография «Саудовская Аравия». Ее историческая часть представляет интерес описанием событий 40-х — начала 60-х годов. Довольно подробно изложено восстание ихванов в 20-е годы. Первым в нашей литературе

Н. И. Прошин предпринял попытку проанализировать генезис саудовского капитализма, появление и развитие в стране капиталистических отношений, формирование рабочего класса.

Две серьезные книги о Саудовской Аравии были выпущены В. В. Озолингом. Они посвящены прежде всего экономике страны, но вместе с тем содержат добротный материал о ее обществе, об эволюции социально-экономических институтов и организаций. Экономический анализ В. В. Озолинга использован в главе о социально-политической структуре Саудовской Аравии «нефтяной эпохи».

Работа о внешней политике Саудовской Аравии, в основном 60—70-х годов, написана Л. В. Вальковой. В ней собран обширный материал на эту тему.

Книга Г. Л. Бондаревского, посвященная бассейну Персидского залива на рубеже XIX—XX вв., проливает свет на некоторые проблемы аравийской истории тех лет. По книге М. С. Лазарева «Крушение турецкого господства на Арабском Востоке» можно проследить ход первой мировой войны в Аравии.

Уяснению некоторых правовых вопросов служат материалы по саудовскому государственному устройству, опубликованные в сборнике «Конституции государств Ближнего и Среднего Востока», хотя перевод ряда текстов нуждается в уточнении.

Работы о Саудовской Аравии выпущены И. П. Беляевым, В. Л. Бодянским и М. С. Лазаревым, О. Г. Герасимовым. В ряде советских журналов появились статьи, в которых затрагиваются различные аспекты общественной жизни и политики Саудовской Аравии.

Советские авторы много внимания уделяли проблемам нефти, воздействию нефтяной промышленности на общество стран Ближнего и Среднего Востока, в том числе Саудовской Аравии. Из этих работ выделяются труды Р. Н. Андреасяна, Б. В. Рачкова.

В заключение нелишне упомянуть *специальные библиографические работы по Аравии* Э. Макроу, Г. Хейуорт-Дюна, Дж. Стивенса и Р. Кинга, саудовцев Яхья Махмуда Саати и Абдаллаха Салима аль-Кахтани, справочник, изданный в Вашингтоне в 1951 г., список работ по Аравийскому полуострову, хранящийся в Национальной библиотеке в Каире, «Избранную библиографию о короле Фейсале».

ЧАСТЬ I

Глава I

АРАВИЯ НАКАНУНЕ ПОЯВЛЕНИЯ ВАХХАБИЗМА ХОЗЯЙСТВО. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА

Государство Саудидов возникло в Аравии в XVIII в. на основе движения мусульманских реформаторов — ваххабитов. Естественно, что ключ к пониманию ваххабитской идеологии, причин создания, развития, гибели и возрождения государства, которое сегодня именуется Саудовской Аравией, может дать прежде всего изучение аравийского общества. Заранее оговариваемся, что наше внимание сосредоточивается на центральных, северных и восточных областях полуострова — Неджде и Эль-Хасе. Йемен и Оман остаются за пределами нашего исследования не только потому, что они сохранили самостоятельное от Саудовской Аравии существование, но прежде всего в силу ясно выраженных особенностей (географических, исторических, этнических, религиозных), которые дают основание рассматривать их жителей как отдельные народы со своей судьбой. Святыни ислама Мекка и Медина были слишком заманчивой добычей для всех ближневосточных империй, чтобы Хиджаз, где они расположены, сохранил независимость. Его общественно-политическое и хозяйственное устройство было примерно таким же, как Неджда, который практически не знал иностранного владычества, но положение провинции Омейядского или Аббасидского халифатов, Египта или Османской империи, а также ежегодные доходы от паломников делали Хиджаз отличным от соседей. Поэтому, говоря об «аравийском обществе», мы будем иметь в виду главным

образом Неджд, колыбель ваххабизма и государства Саудидов, и прилегающие к нему районы к северу и востоку.

Два песчаных моря: на севере — Большой Нефуд, на юге — Руб-эль-Хали — примерно определяют южную и северную границы Неджда. С запада на восток Неджд простирается от гор Хиджаза до побережья Персидского залива. Общий наклон территории идет с запада на восток. Климат отличают правильные колебания температуры — очень большая, но сухая жара летом и довольно сильный холод зимой. Часто бывают годы совсем без дождей. Но когда идут дожди, это смешанное благословение. Бурные сели, пронсящиеся по долинам — вади, иногда приносят катастрофы. Самая известная долина вади Эр-Румма, которая начинается в Хиджазе, к северо-востоку от Хайбара, идет на восток примерно 360 км, поворачивает на северо-восток, пропадает в песках и затем появляется под новым названием Эль-Батин и кончается около Басры в Ираке примерно в 1 тыс. км от своего «истока». Другие известные вади — Ханифа, Эд-Давасир, а также Наджран. В вади подпочвенные воды подходят наиболее близко к поверхности, и там может быть жизнь. Как раз в вади Ханифа и появилось несколько больших оазисов, которые стали колыбелью ваххабизма и династии Саудидов.

В вади Эр-Румма находятся главные города провинции Касим — Бурайда и Анайза.

Неджд разделен на районы с плохо определенными границами. Однако эти районы сложились исторически и имели некоторое географическое единство. Самые важные из них — центральные: Арид, который пересекается вади Ханифа, Махмаль, Судайр и Вашм. В Ариде расположена столица государства — Эр-Рияд. На юге главные районы — Эль-Хардж, известный своими глубокими колодцами и бассейнами, Эль-Афладж, в котором сохранились древние подземные оросительные каналы, вади Эд-Давасир и, наконец, Наджран. На севере лежат важные районы — Касим и Джебель-Шаммар. В Касиме города-соперники Бурайда и Анайза расположены на пути из Басры в Медину, поэтому они всегда были важными торговыми центрами. Джебель-Шаммар лежит южнее Большого Нефуда. Это самая северная часть Неджда.

Материалы XVIII столетия донесли до нас изолированные фрагменты общественной жизни Аравии. Лишь более поздняя информация позволяет хотя бы в общих чертах восстановить всю картину. Замедленность развития производительных сил, многовековая устойчивость социальных структур дают возможность как бы проецировать общественные отношения Аравии XIX или начала XX в. на более ранние эпохи.

Жизнь подавляющего большинства населения Неджда, Эль-Хасы, а также Хиджаза была в основном связана с двумя видами хозяйственной деятельности — поливным земледелием в оазисах и кочевым скотоводством.

Поливное земледелие. Засушливый субтропический климат на большей части полуострова определяет необходимость искусственного орошения для земледелия. Более или менее обильные подземные воды пробиваются на поверхность лишь в восточных районах Аравии. В большинстве других областей орошение возможно при помощи колодцев; реже используются собранные дождевые воды или селевые потоки. Источники воды иногда отстоят друг от друга на десятки и даже сотни километров. Но в Неджде, где водоносные слои подходят близко к поверхности земли, и в Эль-Хасе можно наблюдать сравнительно большое сосредоточение оазисов.

Создание колодцев требовало значительных труда и средств; примитивные водоподъемные механизмы приводились в движение верблюдами, мулами или осликами. Все это, естественно, ограничивало площадь орошаемого земледелия и объем сельскохозяйственного производства. Из обычного колодца глубиной около 10 м при помощи водоподъемника орошали примерно 1 феддан — две пятых гектара¹.

Главной сельскохозяйственной культурой северных и центральных областей Аравии была финиковая пальма. Ее плоды употребляли в пищу в разных видах, и они

были единственным жизненно важным сельскохозяйственным продуктом, который в благоприятные годы как-то удовлетворял потребности оседлого и кочевого населения. Финиковая пальма требовала постоянного тщательного ухода и начинала плодоносить в полную силу лишь лет через 15 после посадки.

На втором после фиников месте стояли зерновые — ячмень, просо, пшеница, овес. Известно, что из Неджда в отдельные годы вывозили некоторое количество зерновых в Хиджаз. Кое-где выращивали рис и хлопок. Там, где было много воды, выращивали овощи и фрукты. Своими огородами и садами славился, например, Эт-Таиф.

На поливных участках получали относительно высокие урожаи, но общий объем продукции был незначителен из-за ограниченной площади обрабатываемых земель, недостатка удобрений, примитивной агротехники. Постоянные засухи, о катастрофических последствиях которых сообщают и арабийские летописцы, и европейские путешественники, означали невозможность гарантировать устойчивые урожаи даже на поливных землях. В период продолжительной засухи некоторые колодцы пересыхали полностью. Тогда гибли посевы, сокращалась площадь обрабатываемых земель и высыхали даже финиковые пальмы; жители голодали, умирали или массами покидали насиженные места. Когда вновь выпадали дожди и колодцы и водоемы наполнялись водой, крестьяне возобновляли посевы, начинали ухаживать за уцелевшими финиковыми пальмами. Но некоторые оазисы исчезали навсегда, поглощенные пустыней.

Не только засуха, но и редкие проливные дожди могли быть врагами земледельцев. Случалось, что мощные сели скосили верхний слой почвы вместе с посевами, разрушали жилища, уничтожая плоды многолетнего труда. Часто саранча пожирала все растущее и оставляла людей без средств к существованию. Продуктов питания у населения оазисов зачастую не хватало до нового урожая. Жители Табука, например, весной утоляли голод почти исключительно дикорастущими травами, «съедая их сырыми или вареными в воде без чего-либо более существенного в добавление»².

Повальные болезни (холера, чума) опустошали целые селения.

Узость производственной базы, враждебные земледельцу природные факторы (речь пока не идет о социальных), примитивная агротехника, изолированность оазисов — все это приводило к крайне замедленному развитию хозяйства. Возможность регулярного расширенного воспроизводства была незначительной, и оно часто прерывалось попятным движением.

Оазисное земледелие отличалось дроблением хозяйственных усилий, деятельностью небольших групп крестьян или отдельных семей. Крупных ирригационных сооружений и больших массивов обрабатываемых поливных земель, которые навязывали бы централизованную организацию общества, в средневековой Аравии не существовало. Разобщенность оазисов не требовала объединения земледельцев под централизованным руководством для совместной хозяйственной деятельности.

Кочевое и полукочевое скотоводство. Скотоводческое хозяйство арабийских кочевников разделялось на два типа.

«Настоящими» бедуинами считались кочевники, которые по преимуществу или исключительно занимались разведением верблюдов, «едва ли не самых универсальных из всех животных»³. Верблюжье молоко, свежее или кислое, сыр и масло шли в пищу, зачастую долгие недели бедуин мог жить только на молоке и молочных продуктах. В особых случаях животное закалывали и ели его мясо и жир. Из шерсти верблюда изготавливали ткани, шкура использовалась для различных поделок, навоз — на топливо, моча — для мытья и медицинских целей. Необычайно неприхотливый, выносливый, верблюд служил незаменимым транспортным средством при переходах через безводные местности. «Верблюд для пустыни столь важное животное, что если бы он исчез, то вместе с ним исчезло бы все ее население»⁴, — справедливо замечал К.-Ф. Вольней.

Однако широко известное изречение австрийского востоковеда А. Шпренгера: «Бедуин — паразит верблюда» — не более чем остроумие. Труд кочевников-верблюдоводов

был тяжелым и требовал навыков и умения. Они должны были хорошо знать и использовать пастбища, перегонять верблюдов, лечить их, доить верблюдиц, стричь шерсть. Молодняк приучали выполнять различную работу, ходить под седлом или вьюком. Бедуины рыли и поддерживали в пустыне колодцы. Протяженность перекочевков верблюдоводов достигала нескольких тысяч километров.

Жизнь была полна лишений. В редкие снежные зимы молодняк погибал, скот голодал, верблюдицы переставали давать молоко. Лишения и опасности подстерегали бедуина и сухим летом, когда даже скудные запасы фиников и зерна кончались и малоимущие бедуины питались дикорастущими съедобными корнями и плодами, а многие гибли от недоедания. Около летних стоянок бедуинов обычно расположены кладбища⁵.

Знаменитые арабские лошади — предмет гордости владельцев и зависти неимущих — использовались лишь для военных целей и парадных выездов. В долгих перекочевках для лошади всегда везли запас воды или поили ее верблюжьим молоком. Небогатый бедуин отрывал воду и молоко от сноси семьи, чтобы поддержать это благородное животное.

Тех скотоводов, кто преимущественно или исключительно занимался разведением овец и коз, чаще всего называли шавия. Возможности перехода по безводной местности у них были ограничены, поэтому они кочевали лишь на расстояние нескольких сот километров; близ пастбищ обязательно должны были находиться источники воды.

Сравнительно небольшие расстояния перекочевков в местах с постоянными водными источниками позволяли овцеводам заниматься земледелием. Они прерывали кочевание в месяцы земледельческих работ, чтобы ухаживать за рощами финиковых пальм или за полями зерновых. Для части овцаводои земледельческий труд становился главным.

Описание такого рода сочетания земледельческого и кочевого скотоводческого хозяйства в Северном Неджде можно найти у Г Валлина: «Вследствие тесных и близких уз, связывающих два подразделения шаммаров, мы находим, что сельчане в определенной степени еще цепляются за обычаи и нравы кочевой жизни, в то время как бедуины обращаются к занятиям, которые обычно считаются для них неподобающими. Большое число первых весной кочует со своими лошадьми и стадами овец в пустыне, где они некоторое время живут в шатрах, как номады, а многие бедуинские семьи владеют рощами пальм и полями зерновых... которые они обрабатывают сами»⁶.

И. Бурххардт сообщал, что одно из подразделений хиджазского племени харб «владеет несколькими водопоями, расположенными в плодородной местности, где они сеют рожь и ячмень. Но они живут в шатрах и большую часть года проводят в пустыне»⁷.

Между кочевниками-верблюдоводами, полукочевниками-овцеводами и оседлыми непреодолимыми границ в смысле хозяйственной деятельности, как правило, не было. Многие бедуины-верблюдоводы начинали заниматься разведением овец: часть кочевников оседала на землю. Одновременно происходил встречный процесс номадизации. Скользящее равновесие между кочевниками и оседлыми определялось природно-историческими условиями Аравии и не могло выйти за определенные рамки. Избыточное кочевое население мигрировало на север. Если оно оседало там, то по большей части навсегда порывало со своим бедуинским прошлым. Недаром говорили, что «Ирак — могила арабских племен»⁸. В известной степени это относится и к Сирии. Поэтому в пределах самой Аравии оседание и номадизация уравнивали друг друга.

Деление на бедуинов-верблюдрводов и полукочевников-овцеводов могло совпадать с делением на племена. Иногда часть одного племени занималась верблюдоводством, другая часть — разведением овец и коз, а третья — оседлым земледелием.

Кочевое хозяйство в еще большей степени, чем оседлое, зависело от выпадения осадков. При обильных дождях степи и пустыни покрывались сочной травой, стада тучнели, кочевники процветали. Засухи, зимние холода, эпизоотии приводили к массовому падежу скота, голоду и вымиранию бедуинов. Возможности расширенного воспроизводства, получения прибавочного продукта были в кочевом скотоводстве еще меньшими, чем в оазисе.

Ремесло и торговля. Домашнее ремесло оседлых крестьян удовлетворяло их весьма ограниченные потребности. Из пальмовых листьев плели корзины, мешки, циновки, из пальмового волокна — веревки и упряжь, стволы деревьев шли для изготовления сельскохозяйственного инвентаря, применялись для строительства жилищ. Производили примитивные гончарные изделия, шерстяные и хлопчатобумажные ткани.

В то же время значительная часть продукции менее развитого ремесленного производства бедуинов (грубые шерстяные ткани, кожаные изделия) не оставалась полностью в кочевье, а попадала на рынок.

В крупных оазисах полухило некоторое развитие профессиональное ремесло. Среди ремесленников (суннаа) были оружейники, кузнецы, медники, лудильщики, ювелиры, столяры и плотники, мастера по различным деревянным поделкам, строители, штукатуры, специалисты по изготовлению колес для водоподъемных сооружений, сапожники, швеи и злато-швеи, портные, изготовители мраморных ступок для кофе, плетельщики циновок⁹. Наиболее многочисленную прослойку ремесленников составляли металлисты и оружейники. В узком смысле именно их называли суннаа. Оружейники, впрочем, больше чинили привозное оружие, чем делали его сами. Сложилась известная специализация производства по отдельным районам, но ее контуры до XVIII в. определить трудно. Известно, например, что в «Неджде производили хлопчатобумажные ткани, которые служили для изготовления одежды жителей и для обмена с племенами на шерсть и скот»¹⁰. В некоторых районах получило развитие изготовление шерстяных тканей, пошив из них плащей аба (ими особенно славилась Эль-Хаса), полотниц для шатров.

Каких-либо крупных мастерских в Аравии не встречалось. В редких случаях ремесленники создавали подобие цеховых организаций.

Часть ремесленников кочевала вместе с бедуинскими племенами. Они подковывали лошадей, чинили оружие и утварь, некоторые из них лечили скот. Кочевые суннаа и сами занимались скотоводством,

В Аравии трудно было найти город в прямом смысле слова, для большинства жителей которого сельское хозяйство не было бы главным источником существования¹¹. Мекка представляла собой яркое исключение. Понятия «город» и «крупный оазис» в Аравии в большинстве случаев совпадали. Столицу будущего государства Саудидов — Эд-Дирью образовали несколько близко стоявших селений.

Ремесло не определяло хозяйственную жизнь аравийских городов-оазисов. Их важная роль в аравийском обществе была связана с интенсивным торговым обменом, вызванным глубоким разделением труда между земледельцами и кочевниками-скотоводами.

У кочевников хозяйство носило гораздо менее самообеспечивающий характер, чем у земледельцев. Хотя некоторые бедуины часто были вынуждены питаться в основном верблюжьим молоком, в своей массе они не могли обойтись без продуктов земледелия — фиников и зерна; они нуждались также в предметах ремесленного изготовления. И. Буркхардт так определял расходы богатого кочевника: четыре верблюжьи ноши пшеницы — 200 пиастров, ячмень для кобылы — 100 пиастров, одежда — 200 пиастров, кофе, табак сладости, баранина — 200 пиастров. В сумме все это было равно 55 — 40 ф. ст.¹² Отсутствие в этом списке фиников, видимо, вызвано тем, что состоятельные бедуины могли их получать не путем товарного обмена, а в виде дани с подвластных земледельцев.

Рядовые бедуины, очевидно, тоже приобретали многие из перечисленных И. Буркхардтом товаров, хотя и в меньшем количестве.

Летом бедуины стекались к крупным оазисам и торговым центрам, предлагая скот, шерсть, масло, сыр для обмена на финики, зерно, ткани, циновки, подковы, оружие, порох и пули, медикаменты, кофе, табак. Часть торговли совершалась путем натурального обмена. Однако постоянное упоминание аравийскими летописцами цен в денежном выражении на самые различные товары свидетельствует о развитом денежном обращении в Аравии той эпохи. Летнее движение кочевников к торговым центрам, называемое «мусабила», и для них, и для оседлых считалось «величайшим событием года»¹³. Именно на летние ярмарки падала основная часть товарообмена между кочевниками и оседлыми.

Бедуины торговали не только в близлежащих оазисах. Диапазон их торговых связей был несравненно шире и выходил за пределы полуострова. Верблюды в те годы являлись основной статьей аравийского экспорта и пользовались большим спросом. Эти животные служили транспортным средством не только для населения Аравии, но и для жителей других стран Ближнего Востока. Из Аравии вывозили также шерсть, масло, шкуры, породистых лошадей. Внешняя торговля в еще большей мере, чем внутренняя, способствовала развитию товарно-денежных отношений на полуострове.

В Северную и Центральную Аравию, но особенно в Хиджаз, поступали египетский и индийский рис, египетские и йеменские пшеница и ячмень. Ввозили также кофе из Йемена, пряности из Индии, сухофрукты из Сирии, сахар из Египта, оружие, железо, медь, свинец для пуль и серу для изготовления пороха¹⁴. Конкуренция развитых ремесленных центров Ближнего и Среднего Востока препятствовала прогрессу местного, аравийского ремесла.

«Куфии в Неджд поступают из Ирака, Эль-Хагы, Эль-Катифа, — сообщил автор хроники «Блеск метеора», — плащи-аба — из Эль-Хасы и Ирака. Богатые женщины одеваются в индийский шелк, и стоимость одного платья — 20 риалов или больше. Шелка разноцветные — красные, желтые и зеленые. Женщины в Неджде чрезмерно любят драгоценности, даже бедные покупают себе какие-нибудь золотые украшения, а мужчины украшают серебром сабли, ружья и пики»¹¹.

«Из особенностей занятий жителей Неджда, — продолжал летописец, — торговля. Многие из них торговцы, которые путешествуют в земли Рума (Передняя Азия и Анатолия. — *А.В.*) и разные концы Арабийского полуострова. Но они не едут со своими собственными товарами из Неджда в страны румов, однако несут с собою деньги и привозят из Халеба и Дамаска шелк, а также медь, в зависимости от условий, железо, свинец. Продают они чистопородных лошадей. На них большой спрос в землях румов. Также они продают много верблюдов в Халебе и Дамаске. Мне говорили некоторые из людей: я видел торговцев из Неджда, особенно из Касима, они продают финики из своих областей в Дамаске — в Сирии; может быть, они ездят даже в Египет, однако они покупают только оружие и кораллы. Они торгуют и с другими арабскими странами. Они едут туда с деньгами. Из Йемена они привозят много кофе, и строковую смолу, и благовония... Я знаю, что у торговцев из жителей Неджда нет особых складов для продажи и купли, но все вещи, которыми они торгуют, они держат у себя дома. А у тех, кто продает понемногу, есть лавки... Нет у них крытого базара, как у иранцев. И нет тесноты, как у них. Но у них есть открытый рынок, без крыши. Дорога через рынок очень широкая, по ней могут проходить груженные караваны. Я также знаю, что некоторые товары из Индии, подобные сахару, кардамону и гвоздике, корице, перцу и куркуме, пользуются спросом у жителей Неджда. Большую часть этого привозят из портов Йемена. Кое-что привозят из портов побережья Омана. Много приходит к ним из портов Эль-Катифа и Бахрейна... У недждийцев есть обычай — они могут уезжать со своей родины на двадцать лет и больше, даже в Китай. Многие из недждийских торговцев живут в Халебе и Дамаске, есть и в Египте...

Оседлые жители Неджда много возделывают полей, сажают деревья и пальмы и заботятся о них. У оседлых жителей есть мелкий рогатый скот, коровы, верблюды. Может быть, и немного, но они используют скот для получения молока, мяса и для передвижения.

Что касается бедуинов Неджда, то они живут в палатках из козьей шерсти. У них нет ничего, кроме скота. Кто-то из них занимается торговлей лишь тогда, когда случается засуха. Они прибывают в города и деревни вместе со своими семьями. Некоторые кочевники-арабы путешествуют с женой, или с сестрой, или матерью, или дочерью, куда хотят, в поисках пищи, и продают они кое-что из жира, шерсти, животных, потому что они говорят: взгляд женщины и атом деле сильнее. Они не любят заниматься чем-либо из домашних дел без того, чтобы этого не хотели их женщины»¹⁶.

Бедуины поставляли скот и погонщиков для торговых перевозок в Аравии и участвовали в составлении караванов за ее пределами. О Северной Аравии имелись объединения верблюдоторговцев и погонщиков верблюдов, которые причисляли себя к племени укайль. Они осели в различных частях Неджда, но некоторые жили также в Ираке. В конце XVIII в. только они имели право составлять, вести и охранять караваны, пересекавшие Сирийскую пустыню¹⁷.

Торговцы наживали крупные состояния. Правда, купеческим домам Неджда было далеко до хиджазских оптовиков. В Джидде капиталы торговцев кофе и индийскими товарами достигали десятков тысяч, а то и сотен тысяч фунтов стерлингов. Но и купцы Центральной Аравии на вывозе верблюдов и лошадей и ввозе продовольствия и ремесленных изделий получали солидные барыши.

Исключительное значение для Аравии в целом, а особенно для Хиджаза, имело ежегодное паломничество мусульман в Мекку и Медину. Главные караванные пути паломников шли через Северный Хиджаз из Египта и Сирии. Через северные районы Неджда с отклонением в разные годы на север или на юг пролегал путь ирано-иракского хаджа, хотя он и уступал первым двум по значению. Четвертый путь шел от портов Персидского залива и из Омана через Центральный Неджд и Хиджаз, пятый — из Йемена. Хадж сочетался с торговлей, и паломники везли разнообразные товары. Перевозка паломников обеспечивала многим бедуинам средства к существованию.

Элементы патриархально-родовых отношений в оазисах. Большая часть оседлых жителей Аравии относилась к тем или иным родовым группам, считалась выходцами из определенного племени. Оседлые и кочевые соплеменники поддерживали тесные связи, которые могли сохраняться на протяжении многих поколений. Иногда в одних и тех же оазисах выходцы из разных племен жили в отдельных кварталах.

Потомственные феллахи и горожане возводили свою генеалогию к дрсопеарабским племенам.

Несколько больших и малых семей составляли объединение, называвшееся хамуля, или джамаа. «Джамаа, — писал Ч. Доути, — это естественный союз хозяйств, члены которых состоят в близком родстве и считаются имеющими одного и того же джадда, т. е. праотца. Они объединены под властью старейшины, главы всего дома, наследующего власть родоначальника. Только в этих родственных союзах и подразделениях возможны корпоративная жизнь и безопасность в безвластной, опустошенной стране. Присоединившиеся чужаки считаются союзниками своих друзей. Вольноотпущенники становятся клиентами господствующего дома... Все они — "племянники" данной джамаа... Джамаа в оазисах — братства, члены которых населяют несколько кварталов. Когда ссорятся горожане из разных братств, их старейшины стараются помирить их, хотя в больших самоуправляющихся оазисах, подобных Анайзе, горожане обращаются со своими спорами к заседающему в маджлисе эмиру... Пока ваххабитская власть не установила гражданского благоденствия, жители большинства поселений внутренней Аравии постоянно враждовали — джамаа против джамаа, сук (базар. — А.В.) против сука»¹⁸. Человеку, жившему вне такого объединения, безродному одиночке, приходилось

тяжело, за его спиной не стоял коллектив, обязанный защитить его от посягательств на его жизнь и собственность.

Особенно крепкими родственными связями отличались эмирские и шейхские семьи. Это придавало им больший вес и влияние. Их также часто объединяла общая собственность на землю и получаемые доходы.

«Оседлое население, за исключением той его части, которая совсем недавно перешла к оседлости и еще не полностью порвала прежние связи, совершенно не знало родо-племенной организации, — отмечает советский этнограф А. И. Першиц. — Реально сохранялись лишь большая семья и сравнительно небольшая группа родственников, представлявшая собой ту пережиточно-родовую ячейку, которая в нашей этнографической литературе часто называется патронимией»¹⁹. Мы можем принять эту характеристику, лишь отвергнув категорическое «совершенно не знало». Факты даже последней четверти XX в., не говоря о более ранних временах, показывают, сколь живуча родо-племенная организация среди оседлых Аравии и вообще всей Передней Азии. Поэтому правильнее было бы говорить о значительном ослаблении или, скорее, изменении родо-племенной организации у земледельцев.

Большая семья сообща владела земельной и иной собственностью, вела нераздельное хозяйство под началом отца. После смерти отца происходил раздел имущества. Преимущественные права на наследство имел старший, сын.

В некоторых районах Аравии сохранялись различные формы обширной собственности на землю отдельных родов. Там, где орошение производилось из крупных водных источников, сельские жители совместно владели и пользовались водой. Иногда в общинной собственности оседлых были пастбища. Если жители оазисов не имели собственных пастбищ, они вынуждены были пастись свой скот на землях, принадлежавших кочевым племенам²⁰.

Обычаи патриархально-родовой взаимопомощи в некоторой степени существовали в среде оседлого населения. Земледельцы коллективно содержали пастухов и сторожей своего скота, почитали обычаи гостеприимства, хотя особым, хлебосольством и не славились. Сохранялись традиции соседской взаимопомощи. Бывало, что собсгвениини убирали упавших колосьев, оставляя их беднякам. Иногда беднякам выделяли несжатый участок поля или несколько пальм с плодами²¹. Однако не эти патриархально-родовые связи определяли социальные отношения в оазисах.

Классовое деление в оазисах. В земледельческом обществе Аравии XVIII в. в результате длительного и сложного процесса часть земли попадала во владение знати, как бедуинской, так и давно осевшей в оазисах. Правитель оазиса Аяйна, например, в первой половине XVIII в. имел собственность в Эль-Хасе и получал с нее доходы²². Участки пальмоых насаждений, садов и полей могли принадлежать и богословам, как показывает пример основателя ваххабизма Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба²³. Но ни у арабийских летописцев, ни у европейских путешественников мы не находим указаний на то, что крупная земельная собственность была преобладающей или господствующей в Неджде. Хиджазе или Эль-Хасе. У. Пэлгрев примерно в середине XIX в. отмечал, что земля «редко находилась в руках крупных землевладельцев, подобных индийским заминдарам и крупным английским фермерам»²⁴.

Мелкие земледельцы, опутанные долгами, могли потерять собственность на землю, которая переходила к богатым ростовщикам и купцам. «Они и их доля земли, — писал Ч. Доути о крестьянах, — пожираются (едва ли меньше, чем в Египте и Сирии) богатыми заимодавцами, в течение долгого времени опутывающими их кабальными ростовщическими долгами»²⁵. Это явление, видимо, было распространено и накануне появления движения ваххабитов в XVIII в., иначе нельзя объяснить, почему они с такой настойчивостью осуждали лихвенные проценты.

Землевладельцы сдавали крестьянам участки в аренду на различных условиях. Основным путем получения ренты была натуральная издолящина, размеры которой определялись обычаем.

Захват в частное владение больших и малых источников воды позволял их хозяевам продавать воду и тем самым взимать поборы в свою пользу с орошаемой земли. Многие крестьяне, не имея своего рабочего скота, не могли самостоятельно пользоваться общественными колодцами или источниками, обрабатывать землю и вынуждены были арендовать скот.

Большие доходы приносили знати различные поборы, налагаемые на население. Известно, например, что в середине XVIII в. эмир, обладая политической властью, собирал с местных жителей какой-то налог²⁶. «Пошлины» на проходящие торговые караваны также обогащали прежде всего аристократию. Сильные оседлые правители могли существенно пополнять свою казну во время личных военных набегов (газу) на соседние оазисы, кочевые или полукочевые племена. Для многих феодалов газу становился основным источником дохода.

Способы обогащения правящей аристократии оазисов можно видеть на примере мекканского шерифа. Наибольшие доходы ему приносили таможенные сборы в Джидде. Он участвовал в прибыльной транзитной торговле, которая велась через этот город, владел морскими судами, продавал продовольствие паломникам. Он облагал тяжелыми подушными поборами персидских хаджи и получал подношения от богатых паломников-суннитов. Ему доставалась также часть денег, посылаемых из Стамбула в Мекку в качестве дара султана жителям священного города. В казну шерифа стекались доходы от земельной собственности в Эт-Таифе и других оазисах, а также от принадлежавших ему домов. По мнению И. Буркхардта, ежегодный доход мекканского шерифа достигал 350 тыс. ф. ст.²⁷ Конечно, правитель Мекки находился в Аравии на особом положении, но и другие эмиры имели некоторые из перечисленных статей дохода, хотя и в меньшем объеме.

В Аравии не получили развития формы прямого прикрепления крестьянина к земле. К. Нибур отмечал: «Крестьянин, недовольный своим сеньором, волен его покинуть и поселиться о другом месте»²⁸. Но невозможность обойтись без покровительства могущественного человека или клана в условиях отсутствия безопасности приводила к возникновению личной зависимости крестьянина от правителя оазиса, хотя она была очень слабой.

В аравийских оазисах в интересующий нас период, несомненно, существовали классовые отношения, которые, очевидно, сложились за много столетий до XVIII в. Однако, характеризуя их как «феодальные», мы должны сделать существенную оговорку. Социальная структура земледельческого населения Аравии, в общем-то отсталой периферии Ближнего Востока, повторяла в примитивном виде основные элементы общественного устройства более развитых стран этого района. Поэтому, употребляя в дальнейшем термин «феодализм» для характеристики аравийского общества, мы будем подразумевать, что это был феодализм, характерный для стран Ближнего Востока.

Патриархально-родовые отношения внутри кочевых племен. Хроника «Блеск метеора» оставила нам перечень кочевых объединений Центральной, Восточной, Северной и Западной Аравии в XVIII — начале XIX в.²⁹, чего мы не находим в ваххабитских летописях того периода. Самым крупным из арабских племен (мы назвали бы его конфедерацией племен) автор «Блеск метеора» считал аназа, разделенные на три группы, в каждой из которых было примерно 60 тыс. мужчин. Под этой цифрой анонимный летописец подразумевал бедуинов, способных носить оружие. (Ф. Манжен упоминал, что соотношение воинов и женщин, детей, немощных, стариков составляло один к трем³⁰, что позволяет определить общее число аназа примерно в полмиллиона человек.) Аназа славилась искусством верховой езды. Традиции взаимопомощи и солидарности были у них сильнее, чем у других племен. Когда во время засухи часть

подразделений аназа перекочевывала из Неджда в полупустыни Сирии, им помогали жившие там (соплеменники).

Анонимный летописец сообщал, что большая часть аназа подчинилась Саудидам без войны. Это многозначительный факт. Видимо, централизаторские, объединительные усилия диръйских эмиров отвечали интересам племени, распространившегося по значительной части Аравии.

Шаммары, обосновавшиеся в Северном Неджде, которые считали своими предками кахтанов из объединения тай, могли выставить 20 тыс. воинов. Хиджазское племя харбов имело 30 тыс. вооруженных мужчин из числа кочевников и оседлых.

Недждийское племя мутайр, славившееся своими воинами и боевым духом, имело 14 тыс. бойцов, племя атайба (из кахтанитов), расселенное в Неджде и Хиджазе, — 40 тыс., бакум — 14 тыс., племя субай, особо преданное Саудидам, — 12 тыс., сухуль — 10 тыс.

На юге Неджда в могущественном племени кахтан было 50 тыс. воинов, и его никто не смел трогать. Кахтаны присоединились к Саудидам на условии поддержки Эд-Диръией их набегов на Тихаму, Горный Йемен и Хадрамаут.

Аджманы могли собрать 5 тыс. бойцов. Это племя в XVIII в., откочевав из района Наджрана на север, видимо, разрослось и укрепилось. В последней трети XIX в. они выставляли в Восточной Аравии на поле боя многие тысячи воинов.

Бану мурра, или ааль мурра, жившие на кромке Руб-эль-Хали, насчитывали до 2 тыс. бедуинов «или больше», замечал автор «Блеска метеора». Суровые условия их жизни поражали даже арабийского летописца, и он не преминул отметить, что бану мурра могли питаться одним молоком верблюдиц и пить солоноватую воду.

Наконец, бану халид, хозяйева Восточной Аравии в середине XVIII в. и соперники Диръйского эмирата в период его возвышения, насчитывали 30 тыс. воинов.

Не вызывает сомнения, что все эти цифры очень приблизительны. Летописец не уделил внимания ни «неблагогородным» племенам, ни рабам и вольноотпущенникам, ни ремесленникам — суннаа, о которых речь пойдет ниже. Но перечисление племен дает хотя бы условную статистическую картину кочевого общества Аравии того времени (без Йемена и Омана). Общее число воинов-бедуинов достигало почти 400 тыс., что позволяет определить численность кочевников Аравии примерно в 1,2—1,5 млн.

Общие черты социальной структуры арабийских кочевников достаточно хорошо изучены, и мы ограничимся здесь ее кратким описанием.

Низшей ячейкой племени была семья. Иногда группа из трех-четырех семей, связанных между собой узами близкого кровного родства, владела «более или менее нераздельным имуществом»³¹, но это явление встречалось редко. Сами потребности кочевого хозяйства, уход за скотом и его выпас не делали необходимым в условиях Аравии объединение больших коллективов людей для совместного труда.

Несколько семей близких или дальних родственников, помнивших или знавших общего предка, составляли небольшую родовую группу.

Широкая родовая группа охватывала семьи, объединенные отдаленным родством. Самое распространенное ее название — ашира. Ее члены были связаны строгими обязательствами и правами взаимопомощи и взаимответственности. Во главе аширы стоял старейшина — шейх, иногда военачальник — акыд. Род также имел знатока и толкователя обычного права. У каждой аширы были собственное имя, тамга, военный клич, нередко родовое кладбище. Род мог принимать в свой состав и чужаков.

Далее шло подплемя — группа родов, связанных вымышленными генеалогическими или фактическими родственными отношениями, а также политическим или военным союзом.

Следующей ступенькой общественной структуры кочевников было племя, которое чаще всего называлось кабила (кабия). Оно имело свою территорию, некоторые диалектальные особенности в языке, специфические черты быта, культуры, верований,

свою тамгу и военный клич. Соплеменники считали себя родственниками, происходящими от одного предка. Во главе племени стоял шейх, имелись также акыд и несколько знатоков обычного права — ариффов.

Группировки племен формировались по этническому (родственному) признаку и по политическим соображениям. Отношения между родственными племенами регулировались нормами обычного права — урфа³².

Внутри кочевых племен сохранялись реальные явления, свойственные патриархально-родовому обществу. К ним прежде всего относится коллективная собственность племен на пастбищные территории (дира). Границы земель, принадлежавших племени, были строго определены. «Каждое из таких племен присваивает себе какую-либо, территорию, которая образует его владение, — писал К.-Ф. Вольней. — В этом отношении отличаются они от земледельческих народов тем только, что их земли должны быть гораздо более обширными, чтобы на весь год обеспечить кормом их стада. Каждое из этих племен образует один или несколько лагерей, разбросанных по местности. Они постепенно меняют места стоянок на этой территории, по мере того как стада поедают весь корм вокруг лагерей»³³. Эта информация подтверждается позднейшими путешественниками.

Значительная часть степных колодцев и водоемов также принадлежала бедуинским племенам. «Большинство колодцев в глубине пустыни и особенно в Неджде. — сообщал И. Буркхардт, — является исключительной собственностью кого-либо племени или отдельных лиц, предки которых выкопали колодец... Когда в пустыне иссякнут дождевые воды, племя разбивает шатры подле собственного колодца; никаким другим бедуинам не позволяют поить здесь своих верблюдов»³⁴.

Родо-племенные подразделения могли быть коллективными собственниками обрабатываемых земель в оазисах³⁵. Бедуины сдавали их в аренду африканским вольноотпущенникам или арабским феллахам, забирая определенную долю урожая и распределяя ее среди отдельных семей³⁶. В общественной собственности племен находилась большая часть жеребцов-производителей, но кобылы всегда считались частной собственностью³⁷. Ксть сообщения об общественных стадах верблюдов у отдельных племен.

В среде кочевников существовали многие элементы патриархально-родовой взаимопомощи в хозяйственных делах, например при стрижке овец, которая сопровождалась угощением. Сородичи также оказывали помощь друг другу во время семейных событий — свадьбы, обрезания.

Бедуины славилась гостеприимством. Пренебрежение его обычаями считалось страшным позором. «Если чужестранец или даже неприятель прикоснется к палатке бедуина, то его личность становится, так сказать, неприкосновенной, — сообщал К.-Ф. Вольней. — Было бы подлостью, несмываемым позором даже удовлетворить справедливую месть в ущерб гостеприимству. Если бедуин согласился разделить с гостем хлеб и соль, ничто в мире не может заставить его предать гостя»³⁸. Но так как вовсе не каждый мог длительное время содержать гостя, его выручали сородичи. Они также приходили на помощь, если гость лишился какой-либо части или всего имущества и хозяин был обязан возместить потери.

Огромное значение имела материальная помощь сородичей в случае падежа скота в результате засух и болезней, потерн имущества при грабительских набегах. Утраченную собственность возмещали скотом, деньгами, утварью или лагерным снаряжением. Попавшим в беду семьям помогали сородичи, а родовым объединениям — соплеменники или союзные племена. Как писал Ч. Доути, кто бы ни был ограблен, это считалось «общей бедой всего племени; никто из лишившихся скота не должен оставаться неимущим, и прапящий шейх обязывает всех соплеменников в течение одного-двух дней возместить пострадавшим весь утраченный ими скот»³⁹.

Стоит заметить, однако, что даже при крепких узах родо-племенной солидарности полностью покрыть убытки чаще всего было невозможно. Так, если племя лишалось значительной части скота после военного разгрома, то обычай возмещения потерь практически переставал действовать. Бедняки в таких случаях были обречены на голодную смерть. То же самое происходило при страшных засухах или во время эпидемий. Теряли при этом в той или иной мере все члены племени, и часто они уже просто не могли помочь особо пострадавший. Обычай восполнения потерь не был фикцией, но его ограничивали рамки реальных возможностей.

Отношения между различными родо-племенными подразделениями регулировались прежде всего с помощью важнейшего института обычного права — кровной мести (сар)⁴⁰. «Интересы общей безопасности издавна ввели у арабов закон, который требует, чтобы кровь любого убитого была отомщена кровью убийцы, — писал К.-Ф. Вольней. — Это называется у них сар, или отплата; она возлагается на ближайшего родственника убитого. Честь его перед всеми арабами настолько задета, что если он пренебрежет своей обязанностью мести, то навеки будет обесчещен. Вследствие этого он выжидает удобный случай, чтобы отомстить. И если его враг умирает от какой-либо другой причины, то он не считает себя ни в какой мере удовлетворенным и его месть переходит на ближайшего родственника убийцы. Эта ненависть передается по наследству от отца к детям и прекращается лишь с исчезновением одного из родов, если только семьи не договорятся пожертвовать виновным или заплатить выкуп за кровь деньгами или скотом»⁴¹.

Среди бедуинов обычай кровной мести охватывал, как правило, родственников до пятой степени родства. Часто вся группа сородичей, на которую распространялась кровная месть, покидала свое племя и искала пристанища у могущественного шейха чужого племени. Затем они пытались договориться об уплате выкупа. Если убитый не принадлежал к аристократии, то его родственники соглашались на выкуп. В разных районах и племенах размеры выкупа были различны, но значительны. В выплате участвовали все родственники убийцы. Шейхская же верхушка за смерть сородича требовала уплаты кровью⁴².

Весь род помогал выкупать из плена своих членов⁴³. Состоятельные бедуины в случае нужды помогали беднейшим. Они же делали своим менее обеспеченным сородичам подарки продуктами, тканями, скотом, устраивали угощения. Таким образом они завоевывали себе популярность. Прослыть скупым было позором для представителя знати. Зато щедрость причислялась и самым высоким добродетелям⁴⁴.

Бедуины не знали никаких регулярных налогов. «Платить налог — это всегда унижение»⁴⁵, — считали они. Отсутствие налогов внутри племен — важнейшее доказательство стойкости патриархально-родовых отношений.

Тем не менее даже наблюдатели, восхищенные солидарностью и взаимопомощью кочевников, обнаруживали в бедуинском племени явления, далекие от патриархально-родовой идиллии.

Элементы неравенства внутри кочевьих племен. В конце 1784 г. К.-Ф. Вольней посетил шейха племени, кочевавшего в районе Газы. Сравнение благосостояния этого представителя кочевой аристократии, хотя и небогатого по европейским масштабам, с достатком рядового кочевника говорит о многом.

Шейх «почитался самым могущественным во всем округе, мне же показалось, что его расходы не превышали расходов рогатого откупщика. Его движимое имущество, состоявшее из одежды, ковров, оружия, лошадей и верблюдов, можно оценить не более чем в 50 тыс. ливров. Следует заметить, что сюда входят четыре чистокровные кобылы стоимостью 6 тыс. ливров и каждый верблюд по 10 луидоров. Поэтому, если речь идет о бедуинах, не следует применять наши обычные понятия к словам „государь" или „сеньор". Вернее будет их сравнить с состоятельными откупщиками из горных районов, на которых они похожи в простоте одежды, а также в домашней жизни и нравах. Шейх,

который командует отрядом из 50 конников, не гнушается оседлывать взнуздывать свою лошадь, дает ей ячменя и рубленой соломы. В палатке жена готовит кофе, замешивает сама тесто и варит мясо. Дочери и родственницы стирают белье и, закрыв лицо, ходят с кувшином на голове черпать воду из водоема. Это выглядит в точности так, как описано Гомером или „Книгой Бытия" в истории Авраама...

Простота, или, если хотите, бедность бедуинов соразмерны условиям жизни их вождей. Вся собственность семьи состоит в имуществе, перечень которого я даю почти полностью: несколько верблюдов и верблюдиц, коз, несколько кур, кобылица со сбруей, талатка, копье длиной 13 футов, кривая сабля, ржавое ружье, грубка, переносная мельница, котел, кожаное ведро, сковородка для обжаривания кофе, циновка, кое-какая одежда, плащ из черной шерсти, наконец, вместо всех драгоценностей — несколько стеклянных или серебряных колец, которые женщина носит на ногах или на руках. Если все это есть, то семья богата. То, чего нет у бедняка, и то, чего он больше всего желает, — это кобыла»⁴⁶.

В описании К.-Ф. Вольнея политический мыслитель берет верх над этнографом. Но, хотя путешественник и идеализировал простоту жизни бедуинского шейха, отличие имущественного положения шейха даже от бедуина, имеющего лошадь, чрезвычайно велико. Бедный же кочевник жил несравненно хуже.

«Я заметил, — писал Вольней, — что шейхи, т. е. богатые люди, и их слуги были вообще большего роста и большей упитанности, чем простой народ .. Объяснить это можно лишь их пищей, которая более обильна у первой группы, чем у второй. Можно даже сказать, что простой бедуин всегда живет в нужде и постоянно голодает... Дневная пища большей части из них весит не более шести унций, в племенах Неджда и Хиджаза умеренность в пище доходит до крайности. Шесть или семь фиников, смоченных в растопленном масле, немного свежего или кислого молока составляют дневной рацион Йсдуина. Он считает себя счастливым, если может присоединить к юму несколько шепоток муки грубого помола или немного риса. Мясо едят лишь по самым большим праздникам; лишь на свадьбу или похороны они режут козленка. Только богатые шейхи и военачальники могут бить молодых верблюдов, есть рис, приготовленный с мясом. Из-за всегдашнего недостатка вечно голодный простолюдин не брезгует самой дрянной пищей — саранчой, крысами, ящерицами, змеями...»⁴⁷. Если у бедуинов саранча действительно была лакомством, то «крыс, ящериц и змей» мы оставим на совести французского путешественника.

Имущественное неравенство в кочевых племенах проявлялось заметнее всего в собственности на скот. Если бедняки племени аназа в начале XIX в. владели едва десятком верблюдов, то у более состоятельных стада насчитывали до полусотни голов, а семейства шейхской верхушки имели по несколько сот верблюдов⁴⁸. У самых богатых и могущественных шейхов было до нескольких тысяч голов верблюдов.

Регулируя сезонные перекочевки, участвуя в распределении пастбищ, племенная верхушка приобретала преимущественные права на распоряжение землей, хотя произвол знати и был ограничен племенными обычаями. Стада, принадлежавшие шейхам, получали лучшие пастбища. С древних времен существовали даже заповедники (хима) для шейхского скота. Часть водных источников также становилась собственностью кочевой знати, которая за их пользование рядовыми кочевниками получала определенное вознаграждение.

Из института родовой взаимопомощи возникала эксплуатация кочевников при передаче им на выпас скота. Первоначально передача скота выглядела как временная ссуда нескольких животных обедневшему сородичу⁴⁹. Это явление было распространено у аравийских кочевников и позволяло крупным скотовладельцам сохранять и приумножать свои стада.

Следующей ступенью эксплуатации была передача скота на началах издольщины малоимущим или неимущим беднякам, при которой владельцы получали часть приплода и животноводческие продукты⁵⁰.

Передача овец на выпас была еще более распространенной. Верблюдоводы не могли забирать мелкий рогатый скот в продолжительные перекочевки и оставляли его на выпас овцеводам, принадлежавшим к другим родам или чужим племенам. В этом случае эксплуатация была откровеннее и не столь замаскирована патриархально-родовыми формами. Если семьи кочевой знати не справлялись с уходом за своими стадами верблюдов, то использовались рабы или же представители других племен, но лишь редко — соплеменники.

Поборы на издержки гостеприимства становились одним из способов эксплуатации бедуинов со стороны знати. «Когда приходят гости, — сообщал И. Буркхардт, — и для них нужно зарезать ягненка, арабы обычно приносят для этого одного к шатру шейха. В некоторых кочевьях арабы не допускают, чтобы их шейху приходилось резать своего ягненка, и по очереди снабжают мясом его шатер»⁵¹. Ввиду того что шейх «должен очень часто принимать гостей, он берет то там, то здесь верблюда или овцу, которых ему охотно дают, потому что дающий нередко сам ест у него после гостей», — так объясняли А. Мусилу механику этих поборов даже в начале нашего столетия⁵².

Племя помогало шейху приобрести лошадь. Копа его стадо редело в результате грабительского набега, его убытки старались возмещать полностью. В подобных обстоятельствах рядовому бедуину восполняли лишь часть потерь, писал И. Буркхардт⁵³.

Шейхи и знатоки обычного права в племенах полупали вознаграждение за разбор судебных дел.

Рядовые бедуины иногда оказывались в личной зависимости от представителей знати. Этому способствовал развитой институт самоотдачи бедуинов под покровительство могущественного шейха своего или чужого племени (дахалья). Вокруг такого шейха собирались «небольшие семьи, которые, не будучи достаточно сильными для самостоятельной жизни, нуждались а защите и союзе»⁵⁴.

Более развитой формой зависимости была опека (висая), при которой бедняки за определенную мзду просили защиты у шейха. Широко распространена была самоотдача под покровительство целыми группами. Например, лица, опасавшиеся кровной мести, стремились получить защиту у знати чужого племени. За это бедуины должны были нести некоторые обязанности, в том числе экономические. Личная свобода таких лиц была несколько ограничена⁵⁵.

Об ослаблении патриархально-родовых уз свидетельствует и тот факт, что внутри рода должник должен был уплатить кредитору сам, в этом ему никто не помогал в отличие от практики взаимопомощи и выплаты долга кредитору со стороны.

Возникает вопрос: зашло ли разложение патриархально-родовых отношений внутри кочевых племен настолько далеко, что эти отношения уже превратились в «(классовые)? — если использовать ортодоксальный марксистский термин. Ответить на этот вопрос помогает определение характера собственности на пастбищные земли и колодцы.

«Земельная собственность, — писал К. Маркс, — предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли»⁵⁶. Обладали ли шейх какого-либо племени или аристократическая группа правом распоряжаться пастбищами как «исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли», даже учитывая, что в средневековые формы собственности не были безусловными? Можно ли в таком случае говорить о собственности одного шейха или группы знати на участки пастбищных территорий? Означало ли это, что они могли, например, продать племенные пастбища чужестранцам? Сдать их в аренду и забрать все доходы в личное пользование? Поменять на другой участок, например в оазисе, а главное — лишить своих соплеменников права

пользоваться пастбищами? В условиях Аравии до XX в. такие действия были невозможны или представляли собой неизвестные нам исключения. Право племенной верхушки распоряжаться пастбищами было ограничено хотя бы ее принадлежностью к своему племени, т. е. она пользовалась общинной территорией постольку, поскольку ее представители являлись соплеменниками, хотя и знатными, хотя и привилегированными, хотя и богатыми. Это, естественно, ограничивало их и рано распоряжения землей и возможности феодального метода ведения хозяйства, феодальной эксплуатации внутри племени⁵⁷.

В отдельно взятых кочевых племенах XVIII — XIX вв. можно наблюдать тенденцию к феодальным отношениям, но не их господство. В Саудовской Аравии ликвидация общинной собственности племен на пастбища не завершена и поныне. И прав Н. И. Прошин, который разложение патриархально-родовых отношений внутри бедуинских племен относит только к XX в.⁵⁸

Многочисленные факты свидетельствуют, что доходы аристократии, которые она получала в своем племени, были незначительны и в ряде случаев не покрывали ее расходов, связанных с традициями патриархально-родовой солидарности и взаимопомощи. Внутри бедуинских племен, во всяком случае в XVIII — XIX столетиях, преобладали патриархально-родовые отношения, основанные на общинной собственности на пастбища и источники воды, на крепких кровнородственных связях, на традициях взаимопомощи и солидарности. Процесс усиления эксплуатации простых бедуинов знатью, основанный на имущественном неравенстве, происходил, но он не достиг еще стадии раскола кочевых племен на классы.

Главная причина этого, как представляется, лежит прежде всего в слабом развитии производительных сил кочевого хозяйства и в мизерной норме и массе прибавочного продукта. Кочевая знать не могла сверх определенного минимального размера усиливать эксплуатацию соплеменников.

Сохранение в бедуинских племенах значительной или даже преобладающей прослойки «средних» бедуинов или бедняков, ведущих самостоятельное хозяйство, также служит веским доказательством отсутствия здесь сложившихся эксплуататорских отношений. Европейские путешественники не упоминают об эксплуатируемых соплеменниках внутри кочевых племен. Это предполагает, что большинство бедуинов владели собственным скотом и пасли его на общественных пастбищах.

Однако, оценивая характер социальных отношений в кочевых племенах, не стоило бы рассматривать их изолированно от аравийского общества в целом, так как подобный подход искажает реальную картину. И бедуины, и полукочевники, и оседлые жители Аравии представляли собой единый, взаимосвязанный социальный организм. Изучение взаимоотношений различных групп населения Аравии, а также многих специфических черт аравийской жизни представляет особый интерес и определяет характеристику как бедуинского племени, так и общества в целом.

Грабительский набег (газу). Бедуины при отсутствии сильной централизованной власти постоянно совершали грабительские набеги — газу. Объектом грабежа чаще всего был скот, но также и лагерное снаряжение, утварь, оружие, одежда, рабы⁵⁹, у купцов отбирали товары, у оседлых жителей — различные сельскохозяйственные продукты и утварь. Существовало различие между газу и настоящей войной из-за пастбищ и колодцев. Но эти два вида военных действий постоянно переплетались.

«Арабские племена находятся в состоянии почти непрерывной войны друг против друга, — писал И. Буркхардт, — и редко случается, чтобы какое-либо племя наслаждалось моментом общего мира со всеми своими соседями. Однако война между двумя племенами редко продолжается долго, легко заключается мир, но его нарушают по малейшему поводу. Способ ведения войны — партизанский, генеральные сражения редки: захватить противника врасплох в результате внезапного нападения, ограбить его лагерь — главная цель обеих враждующих партий. Вот почему их войны обычно бескровны. Врага атакуют

обычно превосходящим числом, и он уступает без боя. Ужасные последствия кровной мести предупреждают многие кровавые конфликты»⁶⁰.

О бедуинских газу сообщал К.-Ф. Вольней: «Будучи больше грабителем, чем воином, араб не стремится пролить кровь; он нападает только для того, чтобы ограбить; и если ему оказывают сопротивление, он считает, что небольшая добыча не стоит риска быть убитым. Нужно пролить его кровь, чтобы его озлобить; но тогда он столь же упорен в мести, сколь был осторожен, избегая опасности. Арабов часто упрекали за склонность к грабежу, но, не желая ее оправдывать, не обращали достаточного внимания на то, что стремление к грабежу направлено лишь против чужестранца, которого арабы считают врагом; поэтому подобное стремление основано на публичном праве большинства народов»⁶¹.

Газу считался самым благородным занятием, и мечта о грабеже постоянно горячила головы бедуинов. Участие в грабительских экспедициях было добровольным, но на практике воины, особенно молодые, просто не могли от них отказаться. Уклонение от газу создавало опасность ослабиться трусом и потерять уважение сородичей и соплеменников. «Уверяют, — писал К. Нибур, — что молодой человек не может жениться, пока не совершит несколько подвигов»⁶². Имена удачливых грабителей передавались из уст в уста и воспевались поэтами. Даже в XX в. авторы перечисляют прославленных героев бедуинского «молодечества» — фирусийи.

В результате газу беднейший бедуин одним удачным набегом мог поправить свое положение или даже стать зажиточным. Газу несомненно был одной из причин сохранения прослойки самостоятельных кочевников.

Грабительские набеги обогащали племенную верхушку. Именно ей шла большая или лучшая часть добычи⁶³. Во главе набегов становились или шейхи или военачальники — акыды. Даже если шейх не участвовал в набеге, ему «отчисляли» его долю. Не случайно добыча от газу неизменно фигурирует в числе важнейших доходов бедуинской знати. Постоянные грабежи и набеги в Аравии, естественно, наносили ущерб, хозяйству, производительным силам. Бывало, что газу не обходились без кровопролития, а приводили к жестоким, истребительным войнам. В результате разгрома могли погибать или вымирать целые роды и племена. «Иногда слабое племя возвышается и распространяет свое влияние, между тем как другое племя, когда-то могущественное, приходит в упадок или даже уничтожается»⁶⁴, — отмечал К.-Ф. Вольней. Подобные же наблюдения делал А. Жоссан спустя более чем сто лет: «Племя может исчезнуть из страны многими способами. Прежде всего путем переселения вследствие больших ссор или постоянного голода в районе... Другую, более частую причину уничтожения этих племен нужно искать в постоянных войнах и набеге. Достаточно одного несчастного дня, чтобы уничтожить целое племя; мужчины остаются на поле битвы, а женщины рассеиваются в соседних племенах или... погибают от голода»⁶⁵. Некогда сильные племена могли приходиться в упадок, терять людей, скот, пастбища, подчиняться другим племенам, иногда сливаться с ними.

Однако не было ли какой-либо закономерности в победах и поражениях отдельных племен?

Военные силы различных племен и их подразделений часто зависели от характера их хозяйственных занятий, а не только от доблести бойцов, таланта и мужества руководителя. Именно верблюдоводы, т. е. «настоящие» кочевники, обладали наибольшей военной мощью. Верблюды позволяли передвигаться по безводным пустыням быстро и на большие расстояния, концентрировать силы и наносить внезапные удары, а в случае неудачи уходить от преследования в пустыню — убежище, недоступное для противников. Верблюдоводы совершали самые удачные газу, чаще выходили победителями из крупных сражений и были соперниками только друг для друга. Именно племена или подразделения верблюдоводов в общем балансе потерь и приобретений в результате газу оказывались в

выигрыше, а полукочевники-овцеводы проигрывали. В открытом поле по большей части пасовали перед «настоящими» бедуинами и оседлые. Безопасность их торговых связей, скота, который выпасали в степи или полупустыне, пашен или пальмовых рощ, не защищенных стенами, зависела от взаимоотношений с бедуинами.

Сильные племена бедуинов-верблюдоводов навязывали выплату дани более слабым племенам, главным образом овцеводам, и оседлому населению. Газу служил одним из методов принуждения к даннической, а иногда и вассальной зависимости.

Дань (хува). С древних времен выплата полукочевым и оседлым населением дани бедуинам облекалась в патриархальную оболочку, принимала видимость вознаграждения за защиту и покровительство. Поэтому дань получила название «братство», «побратимство» — хува (хава, хувва, ухувва). «Дань обычно выплачивается шейху или какому-либо почтенному члену племени. — писал И. Буркхардт. — Как только селение и какой-либо араб договорятся о хуве, последний немедленно требует часть обусловленной па год суммы, на которой покупает кое-какие припасы и делит их между своими друзьями, чтобы они были свидетелями договора, съев часть хувы»⁶⁶.

Дань шла не только протектору плательщиков хувы — «главному шейху, но и почти каждому влиятельному лицу в различных кланах»⁶⁷, — сообщал Г. Валлин. Значительная часть хувы оседала в руках племенной верхушки, но тем не менее какая-то доля доставалась и рядовым сородичам. Оседлые и полукочевники могли платить дань и нескольким бедуинским племенам сразу, а те, в свою очередь, собирали ее с различных оазисов и овцеводческих плетен⁶⁸. Иногда полукочевники — плательщики хувы сами собирали дань с более слабых племен или оазисов.

Все это создавало сложные формы зависимости, но суть дела — перекачка значительной части прибавочного, а иногда и части необходимого продукта от оседлых и полукочевников могущественным объединениям бедуинов — не менялась. Хува приносила кочевой аристократии и всем бедуинам большие доходы. За право собирать ее сражались племена бедуинов, при этом гибли и данники. Сбросить гнет «побратимов» можно было лишь в результате вооруженного сопротивления, а оно не часто приводило к победе⁶⁹.

Даннические отношения иногда переходили в вассальные, и тогда подчиненные племена участвовали в военных набегах своих сюзеренов, т. е. вносили «дань кровью». Шейх-вассал оказывал внешние знаки почтения шейху-сюзерену. Зависимость некоторых плетен достигала такой степени, что Х. Диксон, например, называл племя рашайд «крепостными» племени мутайр, а племя авазим — «слугами» аджманов⁷⁰. Правда, это информация XX в., но, видимо, подобные отношения существовали и раньше.

Бедуины облагали пошлинами, также именуемыми «хува», караваны торговцев и паломников. Ибн Бишр для обозначения этих поборов употребляет слово того же корня — «ихават»⁷¹, которое встречается еще у Ибн Халдуна. Особенно обогащалась знать плетен, контролировавших главные пути паломников, в частности в Северном Хиджазе.

За право прохода османских караванов с паломниками в Мекку Порты в XVIII — XIX вв. должна была выплачивать кочевникам крупные суммы. И. Буркхардт оценивал их на начало XIX в. в 50 — 60 тыс. ф. ст. в год⁷². В 1756 г. дамасский паша задержал выплату денег и даже казнил шейхов кочевников, явившихся за положенной суммой. Но через два года объединившиеся бедуинские племена разгромили охрану паломников, разграбили караван и вновь принудили турецкие власти к выплате этой пошлины⁷³.

Определенную обычаем плату кочевая аристократия получала также за «покровительство» бродячим ремесленникам и торговцам⁷⁴.

«Низшие» племена. Среди других плательщиков дани могущественным бедуинским племенам были так называемые низшие племена Аравии — сулубба (слейб), хитайм, шарарат и их ответвления. Вследствие особого исторического развития они оказались разбиты на ряд родовых подразделений, почти не имевших собственной территории, рассеянных по всему полуострову небольшими группами, что определяло их

слабость. По большей части они кочевали на чужой территории вместе с хозяевами земли. И. Буркхардт писал: «Среди бесчисленных племен, населяющих пустыни Аравии, нет ни одного, которое было бы более рассеяно и чаще встречалось бы во всех частях этой страны, чем хитайм. В Сирии, в Нижней и Верхнем Египте, в Неджде и Месопотамии можно встретить лагерь этого племени. Возможно, именно за такую склонность к рассеянию их уважают меньше, чем какое-либо иное племя... Почти повсюду они должны платить дань соседним племенам за разрешение пастись свой скот»⁷⁵.

У сулуббов основным транспортным средством был осел, а не верблюд. Как правило, скотоводство не могло прокормить этих парий Аравии, и они занимались презируемой в аравийском обществе деятельностью — некоторыми ремеслами, становились профессиональными музыкантами, танцорами, знахарями. В качестве таковых они нанимались в услужение к знати⁷⁶. Сулуббы за вознаграждение предсказывали погоду, сообщали о местах наилучших пастбищ⁷⁷.

Члены «низших» племен становились для бедуинов объектами беспощадной эксплуатации и вымогательства. Ч. Доути приводил пример, когда «несколько аназов явились в оазис, ведя за собой по улице жалкого обнаженного человека с веревкой на шее. Это был хитайми; бедуины в бешенстве кричали, обвиняя его, что он задержал выплату хувы — десять риалов! И они привели его, чтобы посмотреть, найдется ли кто-нибудь в Хайбаре, как он обещал им, кто бы заплатил за него; если нет — они выволокут его из города и убьют»⁷⁸. Один этот факт показывает, какая глубокая пропасть лежала между свободным бедуином и членом «низшего» племени, сколь жестоки были формы эксплуатации одних другими.

Рабы и вольноотпущенники. В Аравии на протяжении веков сохранялся рабовладельческий уклад⁷⁹. Рабов (абдов) доставляли на полуостров по большей части из Восточной и Центральной Африки. Их захватывали и закупали специальные экспедиции работорговцев или продавали паломники, стремившиеся покрыть расходы на посещение «святых городов». Торговля рабами сосредоточивалась преимущественно в Мекке, но велась и в других городах, в частности в Хуфufe и Маскате. В Аравию поступало, видимо, несколько тысяч рабов в год. В исключительных случаях в рабов обращали и арабов. Дети невольников (мувалиды) иногда сохраняли то же общественное положение, что и родители.

Больше всего рабов было сосредоточено в центре работорговли — Хиджазе, где каждая более или менее состоятельная семья стремилась приобрести невольников. За пределами Хнджаза рабой имели только богатые семьи. «В Аравии мы нередко встречали негров, — писал У. Пэлгрев, — в Джауфе, Джебель-Шаммаре, Касиме и Судайре. Но мы видели их только в роли рабов и редко в других домах, кроме самых богатых»⁸⁰. По свидетельству путешественников, численность африканцев и мулатов в Южном Неджде была больше и они составляли в отдельных оазисах большинство жителей. «В Эр-Рияде негров множество, в Макфухе и Сильмийе еще больше, они часто встречаются в Эль-Хардже, вади Эд-Давасир и их окрестностях»⁸¹.

Рабами владела и кочевая знать. «Каждый могущественный шейх, — сообщал И. Буркхардт об аназа, — ежегодно приобретает пять-шесть рабов-мужчин и нескольких рабынь...»⁸². Подобное положение было и в других бедуинских племенах.

Рабы выполняли самые тяжелые и грязные работы. В кочевом племени они пасли скот, доставляли воду, ставили и снимали шатры, собирали топливо. Рабский труд использовался также в земледелии и ремесле, но очень ограниченно... Основная сфера его применения — домашнее хозяйство, где рабы были слугами, стражниками и домоправителями.

Нужно отметить некоторые существенные особенности положения рабов в Аравии. Рабство здесь носило патриархальный характер. Этим и объясняется в общем мягкое обращение с рабами. Невольники, особенно мувалиды, становились как бы неравноправными членами семьи хозяина. Иногда они могли даже наследовать

имущество хозяина. Рабыни, главным образом в среде городской знати, использовались как наложницы. Их дети обычно становились свободными, так же как и они сами после смерти хозяина. Будучи бесправными и униженными в социальном плане, в экономическом отношении рабы могли жить лучше полуголодных кочевников или крестьян. Им доставалась часть доходов знати.

Многие рабы получали свободу, становясь вольноотпущенниками, которых также называли абдами. Это относилось не только к наложницам и их детям. Численность «наследственных» рабов была незначительной.

В бедуинских племенах процесс освобождения невольников шел более интенсивно, чем у оседлых. По истечении определенного времени бедуины всегда отпускали рабов на волю и женили на женщинах того же цвета кожи, писал И. Буркхардт. «Аназа никогда не сожительствоуют со своими рабынями, но через несколько лет службы предоставляют им свободу и выдают замуж за рабов или их потомков, оставшихся в племени»⁸³. Вольноотпущенники занимались мелкой торговлей и ремеслом, нанимались слугами в богатые дома.

В условиях Аравии освобождение рабов имело и другой смысл. Одному из аназийских шейхов, например, «принадлежало свыше пятидесяти семейств людей, которые когда-то были его рабами и своим состоянием полностью обязаны щедрости этого шейха. Он не вправе теперь получать с них ежегодную дань, так как они считаются свободными арабами, но он берет их дочерей в жены своим новым рабам и вольноотпущенникам, а когда во время войны эти чернокожие захватывают значительную добычу, шейх вправе забрать у них хорошего верблюда, в чем они никогда ему не отказывают»⁸⁴. Некоторые вольноотпущенники объединялись по формально-родовому признаку, но эти роды стояли ниже объединений чистокровных арабов. Вольноотпущенники сохраняли и имущественную, и личную зависимость от бедуинской верхушки.

Основная масса вольноотпущенников занималась земледелием. Они были лишены земли, поэтому становились арендаторами-издольщиками, чаще всего у оседлой и кочевой знати (иногда и целых кочевых племен). Эксплуатировали вольноотпущенников-арендаторов нещадно, и, по словам Г. Валлнна, «они редко достигали богатства и благосостояния»⁸⁵. Сохранялась также значительная личная зависимость вольноотпущенников-арендаторов от бывших рабовладельцев. Кроме того, в ряде случаев, прежде чем уйти от хозяина, вольноотпущенник должен был вернуть имущество, которое он получил при освобождении⁸⁶, что часто оказывалось невозможным. Вольноотпущенники-арендаторы не только платили феодальную ренту, но и оказывались в какой-то мере прикрепленными к земле. Поэтому их статус ближе подходил к положению крепостных, чем статус других групп населения Аравии.

Их эксплуатация оседлой знатью была специфической разновидностью феодальной эксплуатации арабов-издольщиков. Доходы от земельных владений, обрабатываемых вольноотпущенниками, служили для бедуинской верхушки одним из важнейших внешних (внеплеменных) источников дохода.

Роль внешних источников дохода в кочевом племени. Если внутри кочевого племени между аристократией и рядовыми бедуинами преобладали отношения, еще не ставшие классовыми, то вне племени бедуинская знать выступала как класс эксплуататоров. Доля в грабеже — газу, дань с оседлых, полукочевников, «низших» племен, ремесленников, торговцев и паломников, феодальная рента с поливных земель, сдаваемых в аренду, приносили ей львиную долю дохода⁸⁷. Со своих соплеменников бедуинская знать, как уже отмечалось, могла получать лишь незначительный прибавочный продукт их труда. Но земледелие обеспечивало более высокую производительность и позволяло в большей степени эксплуатировать крестьян. Кроме того, вне племени аристократия могла позволить себе забирать в виде дани не только прибавочный, но и часть необходимого продукта, обрекая на лишения и голод данников.

Газу также можно считать методом эксплуатации, но только хищнической, варварской эксплуатации, которая порой приводила к смерти ограбленных.

Внешние доходы, поступавшие в племя, обогащала верхушку, усиливая имущественное расслоение. Но часть этих доходов доставалась и простым соплеменникам, что способствовало сохранению прослойки самостоятельных бедуинов и сглаживало неравенство.

Двойственный характер племенной аристократии как более богатых и знатных соплеменников и как эксплуататоров населения, жившего вне их племени, определял специфику политической власти у кочевников и в аравийском обществе в целом.

Организация и характер власти в кочевом племени. Шейх внутри племени был в первую очередь патриархальным старейшиной коллектива и распорядителем хозяйственной деятельности. Он руководил основными перекочевками племени, распределением пастбищ и колодцев, выбирал место и определял время разбивания лагеря. Шейх мог быть судьей или арбитром в возникавших внутри племени спорах недоразумениях и тяжбах в вопросах семьи, брака, быта, надзирал за соблюдением племенных обычаев, особенно связанных с кровной мезтью следил за возвращением украденного имущества. Он представлял племя в сношениях с внешним миром и от имени племени принимал почетных гостей. Шейх мог быть военным предводителем, мог объявлять войну и заключать мир⁸⁸.

Важнейшие решения шейх принимал после консультаций с представителями племенной знати или племенным советом — маджлисом⁸⁹, который сохранял черты демократической организации патриархально-родового общества. По сообщению Ч. Доути, «здесь говорит, кто хочет, здесь раздаётся голос последнего соплеменника, ибо он — соплеменник»⁹⁰. Шейх не мог объявить войну или заключить мир без предварительного совещания с наиболее авторитетными членами племени; если он хотел разбить лагерь, то должен был узнать их мнение. При этом в расчет принимались голоса главным образом знатных⁹¹.

Маджлис также являлся «советом старейшин и общественным судом, — писал английский путешественник, — сюда соплеменники в любое время приносят для разбирательства свои дела... Шейх советуется с другими шейхами, старейшинами и самыми значительными лицами. Приговор выносится беспристрастный и всегда без каких-либо взяток. Приговор является окончательным»⁹². Судебным разбирательством занимались, кроме того, и знатоки обычного права — ариффы. В случае, если соплеменник проигравший дело и приговоренный к имущественному штрафу, не соглашался с решением, он был вынужден покинуть племя.

Военно-демократический характер племенной организации проявлялся и в разделении в ряде случаев власти в роде и племени на «гражданскую» (шейха) и «военную», представленную военачальником — акыдом. «Каждое племя, — писал И. Буркхардт, — имеет помимо шейха еще и акыда, и редко случается, чтобы обе должности объединялись в одном лице. Мне по крайней мере такие примеры неизвестны, хотя некоторые арабы и рассказывают, что они видели шейха, который среди арабов района Басры был одновременно и акыдом... Если шейх участвует в походе, то он наравне с прочими повинуетя приказам акыда, полномочия которого кончаются только тогда, когда воины возвращаются домой. Тогда шейх вновь вступает в свою должность»⁹³. Сообщения аравийских летописцев и позднейшие сведения говорят, что совпадение власти шейха и акыда было куда более частым явлением, чем считал И. Буркхардт. Акыдом мог становиться сын шейха или его родственник. Шейхские и акыдские семьи нередко состояли в родстве.

Глава племени, как правило, не имел внешних атрибутов власти и не придерживался особого церемониала в обращении с соплеменниками. Простые бедуины вели себя с ним как равные.

В случае смерти или физической немощи шейха вместо него выбирали нового. К числу необходимых для главы племени качеств относились щедрость, мужество, ум и благоразумие, богатство (скот и земля). Он должен был иметь многочисленных сторонников в лице родственников и слуг⁹⁴. Вот что писал о шейхе кочевого племени К.-Ф. Вольней: «В самом деле, именно на главного шейха каждого племени возлагается обязанность содержать приходящих и уходящих; именно он принимает союзников и всякого, кто прибыл по делам. Рядом с его палаткой стоит большой шатер, который служит приютом для всех чужестранцев и приезжающих. Именно здесь происходят частые собрания шейхов и знатных особ для выбора стоянок или свертывания лагеря, по вопросам войны, мира, распрей с турецкими губернаторами или деревнями, для разбора тяжб и споров частных лиц. Всех этих людей, сменяющих друг друга, нужно угощать кофе, печеным в золе хлебом, рисом и иногда жареной козлятиной или верблюжатиной — одним словом, нужно быть гостеприимным хозяином. Быть щедрым тем более важно, что эта щедрость касается предметов первой необходимости. От этого зависят влияние и могущество: изголодавшийся араб перед всеми достоинствами ставит такую щедрость, которая обеспечивает его пищей. И этот предрассудок не без основания, ибо опыт показал, что скупые шейхи никогда не были благородными людьми»⁹⁵.

В принципе шейхом мог стать любой бедуин, но уже по перечисленным требованиям, предъявляемым к претенденту на это место, можно судить, что беднякам путь к власти в племени был закрыт. В большинстве случаев титулатура шейха на протяжении десятилетий, а то и столетий оставалась за одной и той же аристократической семьей. «Ни один простой член данного племени, ни иноплеменник, хотя бы он даже превосходил всех богатством и способностями, не может стать главой аширы номадов»⁹⁶, — утверждал Ч. Доути. Благородное происхождение было важнейшей предпосылкой для выдвижения в племени.

Часто власть передавалась от отца к сыну, но в случае отсутствия у претендента необходимых данных она доставалась другому представителю знати. Так же дело обстояло с акыдом. Шейх и акыд соперничали в племени, иногда акыды захватывали и пост гражданского вождя. Внутри правящей племенной верхушки нередко шла жестокая и беспощадная борьба за власть, сопровождавшаяся интригами, убийствами, расколами племен. Личные достоинства претендента были, так сказать, идеалом. Они отнюдь не всегда определяли исход этой борьбы.

К правящей знати принадлежали также и знатоки обычного права в племени⁹⁷.

Сосредоточение важнейших общественных постов в кочевом племени в руках аристократической верхушки свидетельствовало о том, что власть теряла уже свои патриархальные черты. Но были ли у шейха также атрибуты классовой власти? Иными словами, не наполнялись ли его внешне патриархальные функции иным содержанием? В определенной степени — да. Несомненно, шейх служил прежде всего интересам бедуинской верхушки. Знати с его помощью доставались и лучшие пастбища, и лучшие водопои, и большая доля военной добычи. Для навязывания своей воли шейх не только использовал щедрость и личный авторитет, но и опирался на силу многочисленной родни и сторонников, на свою дружину, состоявшую из рабов и вольноотпущенников. Однако, как представляется, несмотря на явные тенденции превращения власти шейхской верхушки внутри племен во власть феодального типа, она таковой в тот период еще не стала⁹⁸.

Для прояснения этой проблемы уместно определить, был ли в руках кочевой верхушки особый аппарат, стоявший над обществом, и могла ли она для проведения своей воли применять систематическое насилие

«Образ правления этого общества, — писал К.-Ф. Вольней, — одновременно республиканский, аристократический и даже деспотический, не будучи точно ни одним из них. Он республиканский потому, что народ в этом обществе имеет главное влияние во всех делах и ничего не делается без согласия большинства. Он аристократический потому,

что семьи шейхов обладают рядом преимуществ, которые повсюду дает сила. Наконец, он деспотический потому, что власть главного шейха безгранична и почти абсолютна. Когда шейх — человек с характером, он может пользоваться своей властью вплоть до злоупотребления; однако даже этому злоупотреблению есть довольно узкие границы. В самом деле, если шейх допустит какую-либо большую несправедливость, если, например, он убьет араба, ему будет почти невозможно избежать наказания: злоба оскорбленного ни во что поставит его титул; он подвергнется возмездию, а если не заплатит за пролитую кровь, будет неминуемо убит. Это будет сделано с легкостью, принимая по внимание его простую частную жизнь в лагере.

Если же он обременяет подданных своей суровостью, они его покидают и переходят в другое племя. Родственники пользуются его ошибками, чтобы его сместить и занять его место. Он не может использовать против них иностранное войско. Его подданные слишком легко общаются друг с другом, чтобы он мог их разделить и создать свою собственную значительную группировку. К тому же как подкупить эту группировку, если он не получает с племени никаких налогов, если большая часть его подданных вынуждена довольствоваться лишь самым необходимым и если его собственность и так довольно незначительна и уже отягощена большими расходами?»⁹⁹.

По наблюдениям И. Буркхардта, «у шейха нет действительной власти над членами своего племени; он может, однако, с помощью личных качеств приобрести широкое влияние. Он не может приказывать, но может советовать... Если между двумя соплеменниками возникает спор, шейх постарается урегулировать дело; но если кто-либо из спорящих окажется не удовлетворенным его советом, шейх не может настаивать на послушании. Самый могущественный вождь аназов не смеет наложить легчайшее наказание на беднейшего члена своего племени, не подвергаясь риску кровного мщения этого человека и его родственников. Единственное наказание, известное в племени, — имущественный штраф...»¹⁰⁰.

Другие европейские исследователи Аравии того периода сообщали подобные же сведения.

Аппарат классового насилия у кочевников только зарождался. Его главные атрибуты — армия, полиция, тюрьма, административная машина, классовый суд — в племени практически отсутствовали. Личной дружине шейха, состоявшей из абдов, противостояла гораздо более мощная военно-демократическая организация племени. Случаи известного нам применения насилия внутри племен относятся к началу XX в., хотя, конечно, они могли происходить и раньше¹⁰¹.

При существовавшей тогда структуре аравийского общества кочевая верхушка объективно не была заинтересована в том, чтобы сломать родо-племенную организацию и заменить ее какой-либо разновидностью государственной машины. Лишь опираясь на военную мощь племени, на племенную организацию, на родо-племенную солидарность, бедуинская знать проводила свое классовое господство над группами населения, находившимися вне племени¹⁰².

Феодальный характер власти в оазисах. Двойственный характер власти бедуинской знати подметила английская путешественница А. Блант.

«Города, — писала она, — ставят себя под покровительство главного бедуинского шейха района, который, получая ежегодную дань, обеспечивает безопасность горожан за пределами городских стен, позволяя им беспрепятственно путешествовать так далеко, как простирается его власть, а она, если речь идет о могущественном племени, распространяется на многие сотни миль и охватывает многие города. Тогда говорят, что города "принадлежат" такому-то и такому-то племени, и бедуинский шейх становится их сюзереном или главным протектором...

Затем идет дальнейшее развитие. Бедуинский шейх, разбогатев на дани с дюжины городов, строит себе замок близ одного из них и проводит в нем летние месяцы. Затем благодаря своему престижу (ибо бедуинская кровь все еще считается самой чистой) и

опираясь на господство в пустыне, быстро становится практическим правителем города и из протектора горожан превращается в их суверена. Тогда они дают ему титул эмира или князя, и, *оставаясь шейхом бедуинов, он становится королем всех городов, которые платят ему дань* (курсив мой. — А.В.).

С другой стороны, в городе бедуинского князя, хотя он и может быть деспотом, еще в большой мере обуздывает общественное мнение... Эмир, хотя и безответственный в индивидуальных действиях, хорошо знает, что не может безнаказанно нарушать традиционный неписанный закон Аравии»¹⁰³.

Процесс превращения кочевой знати в господствующий класс оседлого населения в Аравии происходил постоянно. При этом можно было наблюдать разнообразные формы взаимоотношений аристократии с племенем и оседлым населением, различный образ жизни и различное поведение в быту. Могущественные шейхи племен или конфедераций племен могли устанавливать контроль над оазисами или группой оазисов. Но при этом бывало, что племенная верхушка сохраняла бедуинский образ жизни и оставалась по преимуществу кочевыми шейхами. Примером этого служат представители аристократического рода Ааль Хумайд из племени бану халид, которые в XVII — XVIII вв. контролировали богатую земледельческую провинцию Эль-Хасу, но, подобно первым Омейядам, предпочитали не покидать бедуинского кочевья. Это отнюдь не мешало им держать гарнизоны в ключевых оазисах. Так же вело себя в XIX в. аристократическое семейство Ааль Шаалянов, вождей племени руала, кочевавшего к югу от Сирии.

После захвата власти в оазисах выходцы из кочевой знати отрывались от своих племен и превращались в оседлых феодальных правителей. При этом их эксплуататорские устремления по отношению к «своему» земледельческому населению сталкивались с интересами бедуинов как сборщиков дани. Став частью оседлой знати, бывшие бедуинские шейхи защищали свои владения и доходы от покушений со стороны кочевников. Таковы по происхождению и эмиры Эд-Дирьи — Саудида, и правители Хаила — Рашидиды.

Наконец, могущественный оседлый правитель в союзе с некоторыми кочевыми племенами или самостоятельно совершал набеги на соседних кочевников, грабил их. иногда принуждал к выплате дани. Так действовали в пору своего могущества Саудида и Рашидиды, в рамках же государства Саудидов — аль-Мудайфи, правитель Эт-Таифа и вождь некоторых хиджазских бедуинских племен, а также эмир Асира Абу Нукта. То же самое в принципе можно сказать и о шерифах Мекки.

Власть в оазисе не всегда сосредоточивалась в одних руках. Иногда земледельцы, выходцы из разных племен, враждовали друг с другом, не подчинялись единому правителю, а имели своих шейхов или эмиров.

Правители аравийских оазисов именовались ло-разиому. Наиболее часто встречаются титулы эмир или шейх, но также сахиб, вали, кабир, сейид. При этом никакого сколько-нибудь четкого разграничения в употреблении этих титулов ни у аравийских летописцев, ни у европейских путешественников найти невозможно.

Власть оседлого эмира существенно отличалась от власти кочевого шейха. Правителю в оазисе не противостояла военно-демократическая организация племени. Земледельцы с их ослабевшими родо-племенными связями находились в несравненно большей зависимости от своей знати, чем бедуины. Неудивительно поэтому, что аравийские летописцы называют жителей оазисов райя — подданные, стадо, быдло. Эмир-феодал опирался, с одной стороны, на оазисную аристократию, со многими представителями которой он находился в родстве, с другой — на собственную дружину из рабов, вольноотпущенников, наемных солдат. Судебная система в оазисах строилась, как правило, на основе мусульманского права — шариата. Суд вершил не только лично феодал, но и судья — кади, имевший юридически-богословскую подготовку.

Организацию политической власти оседлых феодалов в Аравии XVIII в. можно наблюдать на примере Мекки. Правда, она отличалась от оазисов-городов полуострова, в

частности в Центральной Аравии; исключительное положение Мекки как «священного города» всех мусульман, обширная торговля через Джидду и сравнительно большой приток богатств в руки шерифа, а также особая аристократичность рода шерифов, считавших себя потомками пророка.

Правитель Мекки получал власть с согласия наиболее влиятельных шерифских семей и с формальной санкции османского султана. Мекканское войско состояло из нескольких сот абдов и наемных солдат. Обладая большими средствами, шериф в случае нужды мог увеличить его численность. Чиновниками шерифа были, как правило, рабы. Из их числа он назначал своего наместника (называемого везиром) в Джидду и таможенного чиновника. Шериф всегда стремился заручиться расположением соседних с Меккой кочевых племен. Своих детей шерифы отдавали на воспитание бедуинам. Среди них будущие воины или правители вырастали крепкими, выносливыми, энергичными, а главное — приобретали друзей и союзников для будущей борьбы за влияние и власть¹⁰⁴.

Политическое устройство эмирата Джебель-Шаммар, описанное путешественниками в середине и второй половине XIX столетия, вполне могло повторять некоторые черты организации власти в мелких оазисах-государствах Центральной Аравии XVIII в. Хаильские эмиры управляли государством с помощью родственников, но главным образом с помощью рабов и вольноотпущенников, которые пользовались большим, чем родственники, доверием правителя. При этом Рашидиды, так же как и мекканские шерифы, опирались на дружину из абдов и наемников. Верхушка невольников, так называемые раджаиль аш-шуух (мужи главного шейха), получала важнейшие посты во дворце и должности чиновников в сформировавшемся государственном аппарате. Они же были наместниками в оазисах. Важнейшие судебные и некоторые гражданские дела разбирались на эмирском маджлисе, который заседал публично. В нем участвовали представители хаильской аристократии и высшие богословы. Роль полиции в эмирате Рашидидов выполняла та же гвардия правителя. В Хаиле была тюрьма. В качестве наказания за преступления конфисковали имущество, избивали палками, отсекали руку¹⁰⁵.

Однако государственность в других оазисах была развита меньше. Ч. Доути, посетивший Анайзу, крупный торговый центр в Касиме, не обнаружил там даже тюрьмы¹⁰⁶.

Легко заметить, что опорой феодальной власти в оазисах была гвардия рабов (абдов). Полностью зависимая от хозяина, не связанная с местным населением, она служила орудием систематического насилия знати против простого люда. При этом абды — воины, полицейские, чиновники, наместники — занимали привилегированное положение, получали большие доходы, превращались практически в часть правящего класса, хотя и в особую часть с урезанными правами. Приобретая в ряде случаев большой вес и влияние, эта прослойка рабов претендовала порой на высшую власть и захватывала ее. Так обстояло дело, например, в Эр-Рияде в первой половине XVIII в., а также в Мекке в конце 80-х годов того же столетия¹⁰⁷. Влияние дружины рабов в какой-то мере сказывалось и на бедуинских шейхах. Возможность превращения абдов в правящий класс Аравии в ходе исторического развития не стала реальностью. Но как далеко могли зайти в обществе подобные тенденции, свидетельствуют и тюркская гвардия Аббасидов, и мамлюки Египта.

Черты кастовости в аравийском обществе. Многоплановая структура аравийского общества еще более усложнялась элементами кастового деления и связанными с ними обычаями и предрассудками. В своей основе эти элементы определялись хозяйственной деятельностью, родо-племенными отношениями и классовым делением.

В Аравии именно бедуинов-верблюдоводов считали благороднейшими представителями рода человеческого. Сами они были твердо убеждены в своем превосходстве над оседлым и полuosедлым населением. Единственным достойным себя

занятием бедуины считали газу, разведение верблюдов, караванный извоз и иногда торговлю. В бедуинских племенах «голубой крови» пастухи-овцеводы занимали приниженное положение и уважением не пользовались. Превращение кочевника-верблюдовода в овцевода или земледельца настолько умаляло его «благородство», что он с трудом мог вернуться в лоно настоящих бедуинов¹⁰⁸. Претензии на особое благородство бедуины обосновывали генеалогиями, корни которых уходили в глубь столетий. Специалисты по составлению генеалогий в Аравии всегда были обеспечены работой¹⁰⁹.

Следующими на ступеньке кастовой лестницы стояли овцеводы, которые свысока глядели на оседлых. За ними шли земледельцы, если они не имели возможности возвести свою генеалогию к благородным предкам. Кастовое неравенство этих групп населения закреплялось отсутствием между ними устойчивых брачных связей. Беднейший бедуин редко соглашался выдать свою дочь замуж за состоятельного феллаха.

Над тремя прослойками аравийского населения, имевшими различную степень «голубизны» крови, возвышалась знать. Она считала себя настолько же выше рядовых кочевников, насколько те превосходили «благородством» земледельцев. «Дома главных шейхов племени, — отмечал А. И. Першиц, — в противоположность всем остальным соплеменникам, считавшим себя потомками единого предка, зачастую претендовали на отличные от общеплеменных "благородные" генеалогии... Кровь членов шейхских фамилий либо (обычно у бедуинов) вообще не имела цены, либо (чаще у полукочевников) стоила дороже крови простого соплеменника. Ломая предписанные обычным правом нормы родовой и племенной эндогамии, шейхи отдавали своих дочерей шейхам чужих племен и сами женились только на дочерях шейхов, причем брачный выкуп, принятый в шейхской среде, значительно превышал обычный»¹¹⁰. Племенную верхушку Ч. Доути назвал «аристократией по крови и происхождению (общему предку)»¹¹¹. Такого же мнения придерживался и К.-Ф. Вольней: «В каждое племя входит одна или несколько главных семей, члены которых носят титулы шейхов, или сеньоров. Эти семьи представляют собой то же, что и римские патриции, и европейские дворяне»¹¹².

Свое происхождение от бедуинской аристократии подчеркивали и оседлые феодалы. В ряде случаев они стремились сохранять бедуинский образ жизни и поддерживали родственные отношения с кочевой знатью.

«Низшие» племена (сулубба, хитайм, шарарат) были париями, отверженными аравийского общества. Назвать кого-либо другого их племенным именем значило нанести ему тяжелое оскорбление. Члены «низших» племен должны были проявлять знаки почтения к «благородным» арабам. Те, в чьих жилах текла «благородная кровь», никогда не вступали в брак с «низшими»¹¹³. О происхождении этих племен рассказывали позорящие их легенды. Это не мешало юношам из знатных фамилий, пользуясь большой свободой нравов в «низших» племенах, заводить там любовниц. Примерами подобного рода полна устная бедуинская поэзия¹¹⁴.

В современной науке одни исследователи полагают, что некоторые из «низших» племен, в частности сулубба, — доарабского или даже досемитского происхождения¹¹⁵. Другие считают, что они появились на полуострове позже арабов¹¹⁶.

В аравийском обществе ремесленников (суннаа) презирали в еще большей мере, чем «низшие» племена. Занятие профессиональным ремеслом, особенно ткачеством, было самым последним делом для араба. Слово «ремесленник» было оскорбительным. С суннаа часто гнушались вступать в брачные отношения даже члены «низших» племен. Некоторые ремесленники (в частности, кузнецы) образовали обособленную касту, рассеянную по всему полуострову, и считали себя членами одного племени¹¹⁷. Ремесленники из числа вольноотпущенников и иностранцев не входили в их организацию.

На самой низкой ступени общественной лестницы находились абды — рабы и вольноотпущенники. Только они вступали в брак с «низшими» племенами и ремесленниками, и не исключено, что этническое своеобразие и «низших» и суннаа вызвано именно этим обстоятельством.

Деление аравийского общества на кастовые группы часто не совпадало с делением на имущих и неимущих. В каждой из «отверженных» прослоек населения — у «низших» племен, суннаа, абдов — была своя элита. Ее богатства иногда превышали состояния не только рядовых бедуинов, но и представителей кочевой аристократии. Рабы (чиновники крупнейших феодалов) иногда возносились над многими представителями оседлой или кочевой знати. Однако беднейший бедуин смотрел свысока на влиятельного наместника — абда и ни при каких обстоятельствах не выдавал за него дочь.

Аравийское общество в развитии. В Аравии XVIII — XIX вв., безусловно, существовало классовое, эксплуататорское общество. Но классовые границы в нем пролегали изломанными линиями: не только между имущими и неимущими, знатью и подданными, но и между бедуинами-верблюдоводами и полукочевым и оседлым населением, между «благородными» и «низшими» племенами, между свободно-рожденными и рабами. В ряде случаев эти границы затушевывались патриархально-родовыми отношениями и элементами кастовых различий.

Отмечая сложный характер взаимоотношений различных групп населения, переплетение классовых, патриархально-родовых и кастовых отношений, А. И. Першиц тем не менее пришел к выводу, что «основными классами североаравийского общества были класс феодалов и класс феодально-зависимых крестьян. К первому из них наряду с крупными оседлыми землевладельцами и кочевыми шейхами принадлежали различные категории средних и мелких эксплуататоров феодального типа — городские купцы, ростовщики, раскрестьянившиеся деревенские богатей; ко второму — феодально-зависимые феллахи, кочевники, африканские вольноотпущенники»¹¹⁸. При всех оговорках подобное определение в принципе ставит на одну доску и бедуина «благородного» племени — соучастника эксплуататорской деятельности своего шейха, и полукрепостного вольноотпущенника, и презираемого ремесленника, а шейха поселения абдов — даже выше рядовых кочевников аназа, мутайр или харб. С таким выводом трудно согласиться. Впоследствии А. И. Першиц отошел от этой категорической оценки, констатировал: «За века раннеклассового развития... кочевые общества в отличие от оседлого некоего населения так и не были полностью феодализованы»¹¹⁹.

Можно ли считать, что рассмотренный общественный строй сложился в Аравии лишь в XVIII в.? Очевидно, нет. Правда, проблема определения хронологических рамок его существования требует особого изучения. Но, например, отдельные сведения европейцев об аравийской жизни в средние века не противоречат позднейшей информации. Сообщения Ибн Халдуна о североафриканском обществе XIV в. в зоне пустынь и полупустынь, у которого так много сходных черт с аравийским, подкрепляют подобную точку зрения¹²⁰. Такие черты общественной системы Аравии XVII — XIX вв., как химы, дахалы, замена кровной мести выкупом, гвардия рабов в Мекке, были известны еще в Аравии времен зарождения ислама¹²¹, хотя не исключено, что за много столетий содержание некоторых институтов приобрело в той или иной степени классовый оттенок. Бсджяки-«салуки» доисламской поэзии живо перекликаются с неимущими бедуинами XVIII — XIX вв., а представители племенной знати в VI — VII вв. называли «обладателями сотен (верблюдов)»¹²². Учитывая, что за прошедшие с тех пор столетия вплоть до XX в. не произошло никаких революционных сдвигов в развитии производительных сил Аравии, допустимо полагать, что подобная общественная система с теми или иными модификациями и постепенным углублением классовых различий сохранялась продолжительное время.

Факторы децентрализации и объединения. Со времен Мухаммеда и до появления ваххабизма Аравия не знала единой власти, стабильности, мира. На протяжении веков она была раздроблена по большей части на мелкие и мельчайшие оазисы-государства или их объединения, кочевые племена или их конфедерации. Экономическая разобщенность отдельных оазисов и племен, этих самостоятельных хозяйственных единиц, и размеры пустынного полуострова, где островки человеческой

жизни были порой разделены сотнями километров, действовали как факторы децентрализации. Объединению также препятствовали племенные и местнические различия аравийского населения, диалектальные особенности языка, пестрота и противоречивость религиозных верований и представлений.

Племенная и оазисная знать была заинтересована в расширении границ сноси власти с целью увеличения источников обогащения. Устремления каждой из отдельно взятых племенных и оазисных группировок знати сталкивались с подобными же тенденциями соседей. Во взаимной борьбе истощались силы. Но бывало, что та или иная группировка знати, опиравшаяся на военную мощь бедуинов или оседлых и возглавлявшаяся талантливым вождем, широко распространяла свое господство. В результате образовывались государства на сравнительно обширной территории. Главной побудительной силой объединения была совместная экспансия, которая обеспечивала военную добычу. В Аравии существовали обширные районы, где центробежные силы феодально-племенной анархии перемежались с центростремительными силами объединения. Это Хиджаз, Неджд, Эль-Хаса, Йемен, Оман.

На территории крупных государственных объединений в результате установления безопасности и притока богатств извне могло идти развитие производительных сил несколько ускоренными темпами. Но затем наступательный порыв иссякал, внутренняя борьба и соперничество подтачивали прочность власти, знать усиливала эксплуатацию подвластного населения, создавая предпосылки внутреннего недовольства, центробежные силы брали верх, и государства распадались. Этот процесс мог резко ускориться в случае каких-либо стихийных бедствий и эпидемий.

Можно считать поэтому, что в раздробленной Аравии на протяжении веков существовали потенциальные силы объединения, а в любом из образующихся централизованных государств начинали действовать мощные силы распада.

Первое государство Саудидов в Аравии не было исключением. Оно, однако, достигло могущества и расширения, невиданного со времен зарождения ислама, а эпоха наложила печать на его характер и предопределила его судьбу.

Османская империя и Аравия, ослабление иностранного влияния на полуострове к середине XVIII в. Мусульманские империи, возникавшие и распадавшиеся на Ближнем и Среднем Востоке, прямо или косвенно оказывали воздействие на Аравию. С XVI в. постоянным фактором аравийской политики стали турки. Вскоре после захвата ими Египта наступила очередь Хиджаза, а затем Йемена, Эль-Хасы и других районов Аравии. В Джидду, морские ворота Мекки, Порты назначала своего пашу. Небольшие турецкие гарнизоны временами находились в Мекке, Медине, Джидде и некоторых других пунктах. Из Стамбула в Мекку и Медину посылали отдельных чиновников. Все же власть турок в Хиджазе была, скорее, номинальной, и местные правители во внутренних делах, как правило, пользовались широкой автономией.

В Мекке удерживали власть соперничающие кланы шерифов, которые посылали губернатору Египта и султану деньги и дорогие подарки. Но Мекка была особым городом и жила за счет паломничества и благотворительных пожертвований мусульманского мира. Могущественные султаны и благочестивые мусульмане жертвовали на ремонт и содержание Каабы и мечетей, на создание каналов. Часть этих денег оседала в городе и нередко попадала в казну шерифов. Мекка была важной, но слишком отдаленной провинцией для турок, чтобы они смогли удержать ее под прямым господством, и потому они предпочитали сохранять в ней местных правителей. Для политических интриг Порты всегда были наготове шерифские семьи, жившие в Стамбуле¹²¹.

На рубеже XVI — XVII вв., в период смут и волнений, охвативших Османскую империю, Центральная и Восточная Аравия обрела фактически независимость от турок, хотя наместники Багдада и Басры вплоть до конца XVII в, продолжали оказывать влияние на ход событий в Эль-Хасе и Неджде.

К началу XVIII в., после поражения под Веной в 1683 г., Османская империя вступила в полосу заката. Хотя на востоке в первые десятилетия XVIII в. турки смогли одержать верх над персами, это не меняло общего положения. Османская империя еще владела обширными территориями в Европе, Азии и Африке, где были сосредоточены огромные природные богатства и людские ресурсы. Однако основа турецкого могущества — военно-феодальная система — неумолимо разрушалась. Падала боевая мощь янычар, которые обзаводились семьями, занимались ремеслами, торговлей. Былая дисциплина солдат и чиновников Османской империи сменилась распущенностью и коррупцией.

В результате военных поражений отпал важнейший источник доходов правящего класса — военное ограбление побежденных. Тем с большей беспощадностью турецкие паши и чиновники грабили трудовое население империи, прежде всего крестьян. Разорение сельского хозяйства, основы экономики Османской империи, шло быстрыми темпами. Непосильные, хищнические поборы и налоги, выколачиваемые через откупную систему, подрывали основу даже простого воспроизводства. Деревни пустели. Под «мертвыми» землями находилась значительная часть земельного фонда империи. Грабежи, вымогательства разоряли и городское население.

Ни жизнь, ни собственность в Османской империи не были гарантированы. Султан, провинциальные правители и более мелкие феодалы и чиновники часто казнили людей только для того, чтобы затем конфисковать их имущество. Лишь богословы пользовались личной безопасностью и неприкосновенностью собственности. Чтобы избежать конфискации, разоряющиеся ленники и мелкие собственники передавали в вакфы свои угодья и дома и пользовались ими на правах аренды.

Оценивая общий кризис Османской империи, К. Маркс и Ф. Энгельс сравнивали ее с гниющей и разлагающейся лошадиной падалью, которая, подобо всякому другому гниющему телу, «обильно выделяет в окружающую среду болотный газ и другие "благоухающие" газообразные вещества»¹²⁴.

Провинции Османской империи приобретали все большую самостоятельность, оказывались во власти полунезависимых хищных феодальных группировок. Не удивительно, что в этих условиях Порты потеряла реальную власть и над арабийскими территориями.

Мекканские шерифы вели себя все с большей самостоятельностью и все меньше считались с турками. Титул джиддинского паши султаны давали лицам, которые чаще всего не появлялись в Хиджаэ. Все большую долю доходов от джиддинской таможни забирали себе мекканские шерифы. Кочевые племена господствовали и на путях паломников. Устойчивость позиций Порты в Хиджазе в те годы определялась не ее военным могуществом, а скорее заинтересованностью хиджазской знати и всего населения в доходах от паломников, приходивших главным образом из Османской империи, и в богатых подарках турецких султанов¹²⁵. Что касается Йемена, то вскоре после турецкого завоевания, в первой половине XVII в., он добился и формальной, и фактической независимости.

В 70-х годах XVII в. некий Баррак, шейх одного из подразделений племени бану халид, объединил все племя, изгнал небольшие турецкие отряды из оазисов Эль-Хасы и оградил Восточную Аравию даже от призрачного турецкого контроля¹²⁶. Бану халид начали совершать эпизодические набеги в сторону Ирака.

Уменьшение иностранного вмешательства в дела Аравии проявилось и в постепенном ослаблении позиций Португалии на побережье Персидского залива. В середине XVII в. португальцы были изгнаны из Омана, который они захватили в XVI в. Что касается англичан и французов, то их попытки колониальной экспансии в Аравии относятся больше ко второй половине XVIII в. Вторжения персов в прибрежные города Восточной Аравии в начале XVIII в. производились лишь спорадически и не привели к их прочному закреплению в этом районе полуострова.

Ко времени появления паххабизма Аравия на несколько десятилетий в значительной мере оказалась предоставленной самой себе.

Неджд, Хиджаз и Эль-Хаса в первой половине XVIII в. Центральная Аравия в XVII — начале XVIII в. подверглась нашествиям восточных и западных соседей, хотя это не исключало отдельных успешных рейдов недждийских кочевых племен на оазисы и племена Хиджаза и Эль-Хасы. Хиджазцы нападали почти на все провинции Неджда, в первую очередь на Касим, а также на кочевников Центральной Аравии — аназа, мутайр, зафир. Некоторые центральноаравийские племена и оазисы платили дань правителям Мекки. Ибн Бишр называет отдельных лиц из правящей аристократии Хиджаза шерифами Неджда¹²⁷. По мнению Г. Филби, это служит доказательством стремления мекканских шерифов обосновать свои притязания на внутренние области Аравии¹²⁸.

В начале XVIII в. экономическое положение Хиджаза ухудшилось. В результате страшного голода Мекка обезлюдела¹²⁹. Борьба за власть, внутренние неурядицы в ней усилились настолько, что рейды во внутренние районы Аравии стали не по силам хиджазцам. Последние крупные походы на Неджд были предприняты в середине 20-х годов XVIII в.¹³⁰ Затем на несколько десятилетий вмешательство хиджазцев в дела Центральной Аравии прекратилось.

Шейх бану халид Баррак после установления господства над Восточной Аравией начал набеги на бедуинов, кочевавших между Эль-Хасой и Недждом, а затем и на Неджд. Его наследники продолжали экспансию. Набегам хасцев подвергались Эль-Хардж, Судайр, Садик, Арид. Бану халид и присоединенные к ним племена Эль-Хасы стали могущественными участниками в борьбе за влияние в Неджде, за долю в грабеже его населения. Иногда они вступали в союз с некоторыми центральноаравийскими оазисами, городами, кочевыми племенами.

В 1722/23 г. умер вождь бану халид Саадун ибн Арайар¹³¹. Среди племенной верхушки началась междоусобная борьба, которая хотя и не привела к распаду объединения, значительно ослабила его.

Крупных объединений, которые бы играли роль доминирующей силы, в Неджде не было. Отдельные оазисы и племена бедуинов сохраняли самостоятельность. Даже оазисы-города Аяйна, Эд-Дирья, Эр-Рияд, которым суждено было сыграть важную роль в борьбе за гегемонию в Неджде, вряд ли поднимались над средним уровнем. Их преимущество заключалось в том, что все они были расположены в районе Арида, центральной провинции Неджда, где скрещивались торговые пути. Но одного лишь выгодного географического положения было мало, чтобы именно они могли стать центром всенедждийского, а тем более всеаравийского государственного объединения. У них были соперники в Касиме, Эль-Хардже, Джебель-Шамиарс.

Вряд ли можно согласиться с Г. Филби, утверждавшим, что уже в начале XVIII в. Эд-Дирья была одним из претендентов на господство не только в Неджде, но и во всей Аравии¹³². В Неджде «не было сильного вождя, который бы обуздывал угнетателя и помогал угнетенному, — писал автор "Блеска метеора". — Но каждый из эмиров был независимым правителем о своем селении... А бедуины в то время были рассеянными племенами. В племенах правительством был шейх... В одном племени были мелкие шейхи, которые моги противоречить крупным шейхам... Жители городов из населения Неджда постоянно воевали друг с другом»¹³³.

Положение в центральной части Неджда в первые десятилетия XVIII в. характеризовалось равновесием сил между основными противниками. Эд-Дирья только-только выходила из периода внутренней неустойчивости, смут и борьбы за власть внутри правящей знати. Убийства и предательства следовали одно за другим, пока, наконец, во втором десятилетии эмиром оазиса не стал Сауд иби Мухаммед ибн Микрин, основатель династии Саудилов. Некоторые Саудиловы считают себя выходцами из племени бану ханифа. Другие позволят сполна генеалогию к самому многочисленному и могущественному племени Центральной и Северной Аравии — аназа¹³⁴.

Праиленис Сауда было недолгим. В июне 1725 г. он умер¹³⁵, и после его смерти верховенство в оазисе отчаянно оспаривали несколько соперников. Их борьба сопровождалась взаимным предательством и убийствами. Наконец место Сауда занял его двоюродный брат Зайд¹³⁶.

Правители Аяйны в те голы были заняты войной с соседями — Манфухой и Садиком, а также с окрестными племенами бедуинов. Военные действия не выходили за рамки рейдов местного значения. В 1725/26 г. Аяйну опустошила эпидемия холеры¹³⁷. Удар, постигший ее, оказался настолько тяжелым, что она на многие годы отказалась от борьбы за преобладание в Центральном Неджде.

Этим воспользовался Зайд, который в следующем году выступил против обезлюдившего оазиса. Эмир Аяйнм Мухаммед ибн Муаммар пыриазил готовность подчиниться ему, но, заманив дирыйцев к себе в дом, убил Зайда. Мухаммеду ибн Сауду с группой воинов удалось спастись. Он и стал эмиром Эд-Дирьи¹³⁸.

В конце 30-х — начале 40-х годов власть в Эр-Рияде захватил смелый и энергичный Даххам ибн Даввас, который в течение десятилетий оставался самым упорным и беспощадным противником Эд-Дирьи. Вот как описывал историю его возвышения Ибн Ганнам: «Его отец был раисом (правителем. — *A.B.*) в Манфухе, который овладел оазисом, а затем злодейски убил некоторых его жителей из числа земледельцев. Он правил в оазисе некоторое время. После его смерти начал править его сын Мухаммед. Против него восстал Замиль иби Фарис, его двоюродный брат, а с ним некоторые жители Манфухи; они убили его и изгнали его братьев. Среди изгнанных был Даххам, а также его братья. Они поселились в Эр-Рияде.

Правителем этого оазиса был Зайд ибн Муса Абу Зура. Его убил без какой-либо причины его безумный племянник, который поднялся на крышу дома, где спал эмир, и ударил его кинжалом. Затем появился один из рабов Зайда по прозванию Хамис, убил племянника эмира и завладел Эр-Риядом. Дети Зайда в то время были малолетними, и Хамис утверждал, что будет править от их имени, пока они не станут способными управлять. Хамис правил в Эр-Рияде три года, потом бежал из него в страхе перед жителями оазиса за свои дела. Затем напал на Хамиса человек из жителей Манфухи, отца которого он убил во время своего правления в Эр-Рияде, и убил его.

Оставался Эр-Рияд некоторое время без правителя. Даххам ибн Даввас, когда Хамис завладел Эр-Риядом, стал его слугой. Когда же после бегства Хамиса Эр-Рияд остался без правителя, Даххам стал его раисом. Сын Зайда Абу Зура был сыном сестры Даххама, и Даххам утверждал, что будет его заместителем (наибом), пока мальчик не вырастет, а затем он откажется от власти. (Однако) потом Даххам выслал сына Зайда из Эр-Рияда.

Даххама возненавидели жители Эр-Рияда и пожелали его убить или сместить. Они собрались и осадили его замок. Но они были простым народом и сборищем, не было у них предводителя. Даххам послал своего брата Мишляба на коне к эмиру Эд-Дирьи Мухаммеду ибн Сауду с просьбой помочь ему и победить этих подданных (райя)...

Ибн Сауд оказал ему самую лучшую помощь: он послал Мишари ибн Сауда, своего брата, с воинами, и они пришли, и вышел из замка Даххам с теми воинами, и убили они из жителей Эр-Рияда троих или четверых, а остальные бежали.

После этого укрепилось его владение над оазисом и стал он раисом и вали. Мишари оставался у него несколько месяцев и не ожидал, что Даххам проявит такую подлость и злобу... Возросли его распутство и неслыханные злодеяния, и увеличилась его злоба на подданных, и много претерпели они от него. И его страшные дела напоминают... фараонский суд. Он разгневался однажды на женщину и приказал зашить ей рот. Он разгневался на одного мужчину, приказал отрезать кусок мяса от его бедра и сказал: "Нужно съесть его постепенно". Выхода не было, и мужчина, которого пытали, обещал съесть это мясо, предварительно поджарив его. Но не помог ему в этом Даххам, и (несчастный) съел мясо. Или еще: разгневался он однажды на заключенного. Сказали, что

он освободился от цепей с помощью зубов, и приказал Даххам железной палкой выбить ему зубы. Разгневался он на другого человека и приказал отрезать ему язык, и сделали это его помощники (ааван). И примеров подобных дел много»¹³⁹.

Отрывок из Ибн Ганнама о возвышении Даххама ибн Давваса, как и материалы о развитии событий в Эд-Дирьии и Аяйне, повествует о борьбе за власть, жестокой междоусобице, взаимных разорительных набегах и грабежах, которые стали нормой политической жизни в Неджде в первой половине XVIII в. Неустойчивости правления способствовала неопределенность прав наследования, нередко против детей умершего правителя поднимались его братья и племянники. Только расшатанностью системы феодального правления в оазисах в тот период можно объяснить захват власти в Эр-Рияде рабом.

Произвол и тирания оазисной знати достигали крайних форм. Эксплуатация принимала хищнический характер. Есть основания предполагать, что в это время усиление эксплуатации земледельцев феодалами приводило к обостренной классовой борьбе. Так, Ибн Ганнам сообщал о восстании доведенного до точки кипения населения против Даххама. А посылку Ибн Саудом брата на помощь Даххаму можно считать проявлением своего рода классовой солидарности феодалов. Возрождение ваххабитами старой мусульманской нормы, запрещающей лихвенные проценты, видимо, было реакцией на жестокий гнет ростовщиков.

В XVIII в. экономическое положение стран Ближнего и Среднего Востока, в частности Аравии, ухудшилось. Экономический упадок Османской империи в XVIII в., разрушение производительных сил, сокращение торговли временами приводили к уменьшению закупок главного транспортного средства — верблюдов. Падала транзитная торговля с Индией через Хиджаз¹⁴⁰. Междоусобная борьба в Османской империи, разорение населения сокращали паломничество. Все это больно било по аравийским бедуинам.

Можно полагать, что разорительные турецко-персидские войны начала XVIII в. оказались губительными для ирано-иракского хаджа, что отозвалось на доходах населения Неджда. В таких обстоятельствах бедуины, очевидно, усилили грабеж местного оседлого населения и редких караванов, чтобы компенсировать потерю доходов от паломников. Недаром вц. хабиты с такой страстью будут следить впоследствии за безопасностью на дорогах.

И политическая устойчивость, и прекращение грабежа, и безопасность торговых связей могли быть достигнуты только в условиях централизованного государства. Обеспечить массовую поддержку такому государству могла политика ослабления классового гнета. Но чтобы при этом не пострадали интересы знати, нужно было найти для нее внешние источники обогащения, т.е. военную добычу. В этот момент в Неджде зародилось мощное религиозное движение, на основе которого образовалось крупное централизованное государство.

Глава II МУХАММЕД ИБН АБД АЛЬ-ВАХХАБ И ЕГО УЕНИЕ

Жизнь основателя вахзсабизма до начала политической деятельности. «Назад тому около полувека, как секта сия (т. е. ваххабиты. — *А.В.*) была основана арапским шеком по имени Магомет. По утверждениям ваабиев, он происходил от Абдель Вааба, сына Солиманова. Древнее есть предание между ими, что оный Солиман, бедный арап малого негдийского поколения, видел некогда во сне, что пламя, выходящее из тела его, распространилось далеко по полям, истребляя в проходе своем палатки в степях и жилища в городах. Солиман, устрешенный сим сновидением, требовал истолкования от шеков своего поколения, которые почли его щастливым предзнаменованием. Объявили ему, что сын его будет основателем новой веры, к которой обратятся степные арапы, а ими жители

городов будут покорены. Этот сон действительно сбывся не в особе Абдель Вааба, сына Солиманова, но внука его шека Магомета»¹, — писал русский «Журнал различных предметов словесности». Приведенная легенда хорошо передает аромат той эпохи, хотя проза исторических фактов снимает с журнального сообщения плащ мистики.

Основатель религиозного и общественно-политического течения в Аравии, названного ваххабизмом, родился в Аяйне в 1703/04 г. в семье богослова². Его отец, Абд аль-Ваххаб ибн Сулейман, мусульманский судья (кади), был первым учителем своего сына. Его брат, Сулейман ибн Абд аль-Ваххаб, рассказывал летописцу Ибн Ганнаму, что в детстве будущий основатель нового мусульманского течения проявил большие способности и выучил Коран, не достигнув десяти лет. Мальчик познакомился с толкованием Корана (тафсиром) и преданиями о жизни пророка (хадисами). В 12 лет Мухаммед уже достиг зрелости, и Абд аль-Ваххаб женил его.

После женитьбы будущий вероучитель с разрешения отца совершил паломничество в Мекку. В последующие годы он два месяца провел в Медине и вернулся домой. Он много путешествовал по «соседним странам», побывал несколько раз в Хиджазе и Басре, затем жил в Эль-Хасе³.

В Медине его учителем был некий Абдаллах ибн Ибрагим ибн Сайф, один из знатных людей оазиса Эль-Маджмаа в Судайре. Вероучитель рассказывал впоследствии: «Спросил меня однажды шейх: „Хочешь, я покажу тебе оружие, которое я приготовил для нее (Эль-Маджмаа.— А. В.)?“ Я сказал: „Да“. Он ввел меня в дом, в котором было много книг. И сказал он: „Вот, что мы приготовили для нее“»⁴. Ибн Абд аль-Ваххаб давал понять тем самым, что его мединский учитель готовил какое-то «идеологическое оружие» для борьбы с распространенными в его оазисе верованиями.

Когда Ибн Абд аль-Ваххаб находился в Басре, он обратился с призывом вернуться к нормам «истинного единобожия» в исламе. Он «проповедовал свое учение знати и другим людям, но был изгнан»⁵. По пути из Басры в Эз-Зубайр он едва не погиб от жажды, но был спасен одним из жителей Эз-Зубайра⁶.

Ибн Абд аль-Ваххаб затем жил некоторое время в Эль-Хасе у богослова Абдаллаха ибн Абд аль-Латыфа. Вероучитель намс ревался совершить путешествие в Сирию, но у него не хватило денег, и тогда он направился в Хураймалу, оазис в Неджде. В 1726/27 г. сюда переселился его отец Абд аль-Ваххаб из-за ссоры с новым правителем Аяйны, захватившим власть после смерти прежнего эмира — покровителя богослова⁷. В Хураймале вероучитель с новой энергией стал проповедовать свои идеи и даже спорил с отцом. Он провел в оазисе несколько лет. В этот период им была написана «Книга единобожия». «Дело шейха, — писал Ибн Ганнам, — прославилось по всему Ариду — в Аяйне, Эд-Дирьии, Манфухе... Люди разделились на его врагов и друзей...»⁸.

В 1740/41 г. умер Абд аль-Ваххаб, и Мухаммед, видимо, стал кади вместо отца. Хураймала в то время была поделена между двумя подразделениями одного племени, возможно, независимыми друг от друга. Проповеди вероучителя вызвали недовольство части жителей оазиса. «В Хураймале жили абды, принадлежавшие одному из подразделений.. Они были известны своим развратом. Ибн Абд аль-Ваххаб захотел обратить их в истинную религию. И решили тогда абды убить шейха»⁹, — пишет Ибн Бишр. Проповедник случайно спасся и был вынужден бежать в Аяйну¹⁰.

Европейские востоковеды писали о путешествиях Ибн Абд аль-Ваххаба в Багдад, некоторые города Ирана, Дамаск. Эти сведения нашли отражение и в таком солидном издании, как «Энциклопедия ислама». В 1933 г. известный востоковед Д. Марголиус в статье «Ваххабизм», основываясь на хронике «Блеск метеора», также изложил эту версию.

Д. Марголиус утверждал, что вероучитель прожил в Басре четыре года. В течение пяти лет он находился в Багдаде, где женился на богатой женщине. Она умерла, оставив ему 2 тыс. динаров. Год он был в Курдистане, два года — в Хамадане, после чего отправился в Исфахан. Это случилось в начале правления Надир-шаха, т. е. в 1736 г. Там в течение четырех лет будущий проповедник изучал аристотелевскую философию и суфизм

и даже преподавал суфизм. Затем Ибн Абд аль-Ваххаб отправился в Куме, где якобы стал приверженцем школы Ибн Ханбала. Побывав в Куме, он вернулся в Анину¹¹. Д. Марголиус повторил один из потомков Ибн Абд аль-Ваххаба в книге, изданной в 1954 г.¹²

Как сообщается в «Блеске метеора», вероучитель отправился в путешествие 37 лет от роду (по лунному календарю). Он провел примерно шесть лет в Басре, пять лет в Багдаде, около года в Курдистане, два года в Хамадане (Иран). В начале правления Надиршаха он перебрался в Исфахан, где пробыл семь лет, жил в Куме и других городах, полгода — в Халебе (Сирия), год — в Дамаске, некоторое время — в Иерусалиме, два года — в Каире; затем добрался до Мекки, возвратился в Неджд, полтора-два года провел в Йамаме, в 1150 г. х. (1737/38 г.) обосновался в Аяйне. Умер он, по сообщению «Блеска метеора», в 1212 г. х. (1797/98 г.). Анонимный летописец утверждает, что Ибн Абд аль-Ваххаб постоянно менял свое имя: в Басре он был Абдаллахом, в Багдаде — Ахмедом, в Курдистане — Мухаммедом, в Хамадане — Юсуфом¹³. Простое арифметическое сложение показывает, что, согласно «Блеску метеора», в Исфахане, Куме, Халебе, Дамаске, Иерусалиме, Каире вероучитель должен был провести по крайней мере 11 — 12 лет. Это переносит его возвращение в Неджд на конец 40-х годов, что противоречит дате, приведенной в хронике двумя строчками ниже. Д. Марголиус просто «причесал» летопись, полную неточностей и ошибок.

Ваххабитские летописцы и Ф. Манжен возвращение Ибн Абд аль-Ваххаба в Неджд относят к 30-м годам. Их сведения подтверждает и хиджазский историк XIX в. Ибн Зайни Дахлан. Он пишет, что Ибн Абд аль-Ваххаб начал свою проповедь в Неджде в 1730/31 г.¹⁴

Летописи ваххабитов стали известны большинству европейских востоковедов уже после выхода в свет «Энциклопедии ислама». В ее новом издании статья А. Ляуста, посвященная вероучителю, основана на хрониках Ибн Ганнама и Ибн Бишра¹⁵.

Утверждение, будто Ибн Абд аль-Ваххаб стал ханбалитом во время путешествий, да еще в одном из центров шиизма — Куме, не выдерживает критики хотя бы потому, что большинство богословов оазисов Неджда, в том числе предки Ибн Абд аль-Ваххаба, были ханбалитами. Кроме того, в его сочинениях нет следов ни знакомства с Аристотелем, ни изучения суфизма.

Автор рукописи «Блеск метеора» был настроен враждебно к ваххабитам. Поэтому можно предположить, что даже если он и был современником Ибн Абд аль-Ваххаба, то не находился в его непосредственном окружении и получал сведения о его жизни из вторых рук.

Однако сообщения исдждийских летописцев о пребывании вероучителя в Нижнем Ираке и Восточной Аравии действительно очень скупы. Не исключено, что энергичный и пытливый молодой богослов мог добраться с караванами и до Багдада, и до ближайших городов Ирана, и до Сирии. О такой возможности пишет, в частности, скрупулезный историк первого государства Саудидов Мунир аль-Адждляни¹⁶.

В «Блеске метеора» мы читаем, что какое-то время после возвращения в Неджд Ибн аль-Ваххаб провел в Йамаме, где его проповедь вызвала враждебность. Однако у вероучителя было семь-восемь черных рабов, купленных в Мекке, и четверо двоюродных братьев, так что его недоброжелатели предпочли его изгнать, не доводя дело до вооруженного столкновения¹⁷. Но это сообщение другими источниками не подтверждается.

Долгие путешествия Ибн Абд аль-Ваххаба и упорные занятия богословием оказали решающее воздействие на формирование его мировоззрения. У него была возможность познакомиться с культурами и верованиями Аравии и соседних стран, определить свое отношение к ним, изучить богословские науки, толкование Корана, хадисы и комментарии к ним и почерпнуть аргументы для создания своего учения. Оно стало выразителем определенной линии в развитии ислама, наложенной на конкретные условия

социально-политической и духовной жизни Ближнего и Среднего Востока в целом и Центральной Аравии в частности.

Сунна и бида в истории ислама. В средние века религия была господствующей формой идеологии. Политические и социальные течения принимали религиозную форму или прикрывались религиозной оболочкой. Поиски новых идеологических форм, новых идеологических одежд для выражения нового общественного содержания — дело сложное, долгое и неблагодарное. Этим, как правило, сопровождалось лишь крупнейшие из исторических переворотов. Мелкие социально-политические движения вынуждены были довольствоваться старыми идеологическими одеждами. Чаще всего они использовали ту религию, которая была в наличии. Для истории мусульманских стран это было еще более характерно, чем для истории христианских.

Ислам зародился в хиджазском обществе первой трети VII в. Он отражал, в частности, и примитивное социальное расслоение, складывавшиеся там классовые отношения. Религиозная система арабов, выраженная сначала лишь в Коране, не могла удовлетворить запросы гораздо более развитого общества в странах, завоеванных ими. Появилась потребность придать исламу характер, более соответствующий этому обществу. С этой целью были созданы многочисленные предания о жизни и деятельности пророка (хадисы), которые определили кодекс поведения и сумму взглядов, основанные якобы на поведении и взглядах пророка, для всех случаев жизни. Этот кодекс получил название «сунна».

Составление преданий было закончено приблизительно к X в., примерно через три столетия после появления ислама.

Число преданий было огромно. Даже в собранном и принятом ортодоксальным исламом виде они содержали массу неясных мест и противоречий. Да и ясные места трактовались по-разному в интересах различных слоев и групп, в соответствии с конкретными условиями места и времени. Впоследствии каждое религиозное течение искало и находило предания, оправдывавшие его установки. В таком же плане использовался и Коран. Поэтому с точки зрения эволюции богословия можно повторить вслед за венгерским исследователем И. Гольдциером: «История религии... это в то же самое время история толкования писания»¹⁸.

В сунне воплощалась закостеневшая традиция. Но с изменением условий жизни должны были меняться обычаи, а вслед за ними и традиции. Приспособление ислама к изменяющейся действительности осуществлялось посредством религиозного освящения новых традиций, доказательством их соответствия сунне. Эта операция проводилась путем согласованного решения богословов (так называемая *иджма*) или через аналогию (*кияс*).

«Новшество», «нововведение», которое не находило прецедента в правомерных преданиях (хадисах), называлось «бида». «Новшество», пока оно не освящено путем *иджма*, — это полная противоположность сунне. Оно означает мнение, вещь или действие, которые раньше не были известны или не практиковались.

Таким образом, освящение *бида* и превращение его в хадис было ответом мусульманской религии на изменение общественно-экономической и духовной жизни, реакцией на окружающую действительность, приспособлением к требованиям места и времени.

По вопросу об интерпретации сунны, главным образом по отношению к *бида*, внутри ортодоксального ислама (суннизма) образовались четыре правоверные школы, или толка (*мазхаба*). Самым гибким и терпимым в этом плане считался ханифизм, самым жестким — ханбализм, который стоял на позиции полного отказа от *бида*. Ханбалиты считали, что с точки зрения религиозной практики только то законно, что предписано Кораном и сунной, и только в таком виде, как это предписано. Конечно, ханбализм охватывает широкий круг вопросов внутри ислама, его расхождения с другими

правоверными толками затрагивают разные области, но в отрицании беда — его наиболее существенная черта.

Оставаться, однако, на позициях такой непримиримости, начисто отрицать возможность приспособления ислама к требованиям жизни чрезвычайно трудно. Ваххабизм (эта, как мы увидим, крайняя форма ханбализма) будет вынужден одобрить радио, телефон, телевизор, кодекс о труде, социальное страхование. Но отрицательное отношение к беда тем не менее превратило ханбализм в самую негибкую форму ортодоксального ислама, что и привело к его очень незначительному распространению. Воинствующие ханбалиты оставались маленькой группой перед лицом других школ ортодоксального ислама именно потому, что выступали против него с позиций «сверхортодоксальности». В то же время различные сектантские учения, ереси неоднократно служили теми отдушинами, через которые прорывалось недовольство: сектантская идеология нередко становилась знаменем движения угнетенных.

Одним из «новшеств», вошедших в ислам, был культ святых. Если для усиления идеологического воздействия на верующих вновь присоединенных территорий римляне просто включали в свой пантеон местных богов, то уже христианство пошло по пути создания «районных» святых. Поклонение местным божествам сменилось поклонением христианским праведникам, которое впитало в себя, соответствующим образом трансформировав, прежние культы. По такому же пути пошел и ислам. Культ святых в исламе в основном местного, доисламского происхождения; но прежних божков или христианских святых заменили исламские проповедники, сподвижники пророка, выдающиеся теологи. Включив в себя эти культы, ислам стал массовой религией, близкой широким социальным группам различных районов.

Распространение культа святых оказалось тесно связанным с деятельностью мистиков ислама — суфиев. Они приписывали святым способность творить чудеса, привлекая к себе массы верующих. Суфии утверждали, что постичь божественную истину можно лишь благодаря интуиции, различными способами доводили себя до состояния экстаза, предавались аскетизму, чтобы добиться «слияния с божеством». Они проявляли, особенно на первых порах, презрение к условностям общества, равнодушие к канонической мусульманской обрядности.

В XI в. аль-Газали, этот Фома Аквинский ортодоксального ислама, ввел в правоверие некоторые элементы суфизма, в частности мистическую любовь к богу. Одновременно он включил в ислам определенные рационалистические идеи богослова X в. аль-Ашари. Так в общих чертах сложилось суннитское правоверие — всеохватывающая система, включающая к себя не только религию и ритуально-культовую сторону, но и философию, право, политические доктрины, бытовую регламентацию, этику.

Одним из представителей крайней тенденции ханбализма был сирийский теолог XIV в. Таки ад-Дин абн Таймийя. Это одна из любопытнейших и противоречивейших фигур теологической и философской мысли ислама.

В плане богословском он в своих проповедях и сочинениях выступал за изменение существовавшей тогда формы ортодоксального ислама, категорически противопоставляя сунну беда. Он ополчился против всех «новшеств», которые в религиозной теории или практике отходили от первоначального ислама. Ибн Таймийя выступил и против привнесения в ислам философских концепций ашаритов, и против суфиев, а также против культа святых и пророка. Он осудил как не соответствующее исламу паломничество к гробнице пророка в Медине, что уже долгие годы считалось дополнением к паломничеству в Мекку.

Ибн Таймийя отвергал учение тех богословов, которые с помощью иджма придали законность подобным культам. Он брал за основу сунну, и только ее. Находясь на таких крайних позициях, он расходился по некоторым вопросам даже с ханбалитами. Мишенью последователей Ибн Таймийи оказался столп ортодоксального ислама аль-Газали.

Находясь на таких крайних позициях, Ибн Таймийя расходился по некоторым вопросам даже с ханбалитами.

Этот сирийский богослов в свое время не добился признания, его таскали с одного богословского суда на другой, и он умер в тюрьме в 1328 г., оставив после себя около 500 сочинений. Небольшая группа его последователей, первым и самым выдающимся представителем которой был Ибн аль-Кайим, окружила его имя ореолом святости. «Его влияние чувствовалось впоследствии и воздействовало скрытым образом в течение четырех столетий. Его работы были предметом внимательного изучения и в мусульманских кругах играли роль молчаливой силы, которая время от времени производила взрывы враждебности против беда»¹⁹, — писал И. Гольдциер.

Ислам в Османской империи. Официальным толком ислама в Османской империи стал ханифизм, самая гибкая из четырех школ, хотя признавались и другие ортодоксальные толки. Окончательное оформление религиозной системы здесь относится к XV — XVI вв. Османский султан присвоил себе титул халифа, т.е. духовного главы всех мусульман, укрепив тем самым свой авторитет.

Богословы (улемы) были одной из самых влиятельных групп населения империи. На них опиралась Порта в делах религиозных, юридических, в области образования и интеллектуальной жизни. Во главе иерархии богословов стоял стамбульский муфтий — шейх-уль-ислам, равный по рангу великому везиру. Вслед за ним шли два кади-аскера, затем другие высшие богословы. Порта пыталась контролировать улемов через систему утверждения местных кади (судей), осуществлявших надзор за юридическими и административными делами, и мухтасибов, следивших за моралью верующих и надзиравших за цеховыми организациями ремесленников и купцов.

Общее разложение Османской империи затронуло и мусульманское духовенство. Коррупция богословов, их жадность и несправедливость вызывали недовольство населения.

В Османской империи XVIII в. с ортодоксальными улемами делили влияние и богатство шейхи суфийских орденов, которые к этому времени отказались от многих своих антисуннитских позиций. Империя покрылась сетью суфийских дервишских орденов. Значительно выросло число дервишей. С их орденами были связаны многие цеховые, профессиональные организации, жители отдельных местностей. Например, широко известно о связях дервишеского ордена бекташи с янычарами. Суфии распространяли идеи фатализма и безволия, подрывая способность к протесту и решительным действиям.

Они, как и ранее, придавали исключительное значение поклонению святым, включая в их число пророков от Адама до Мухаммеда и многих знаменитых суфиев. Существовали живые святые. Суннитские богословы поддерживали поклонение святым, и всякий, кто выступал против этого, рисковал оказаться жертвой фанатиков. Суфии пели и играли на музыкальных инструментах. Некоторые из них пили спиртное, курили табак и гашиш, занимались астрологией, магией, предсказанием будущего.

Аравия поддерживала с более развитыми странами Ближнего и Среднего Востока не только экономические и политические отношения, но и широкие связи в области идеологии и культуры. Тем не менее известная изолированность гигантского полуострова, особенности его общественного устройства порождали многие специфические формы духовной жизни.

Верования и культы доваххабитской Аравии. Привлекает внимание распространение ханбализма в оазисах Неджда, что было феноменальным явлением для мусульманского мира. Ваххабитские летописцы, упоминая о смерти знатных людей своего времени, не забывают и про ханбалитских богословов. Чем же объясняется сохранение этого островка ханбализма?

Центральная Аравия, оторванная в силу ряда обстоятельств от других, более развитых районов Ближнего Востока, не отошла далеко от того уровня довольно

примитивного общественного устройства, на котором стоял Хиджаз времен зарождения ислама, т.е. от уровня довольно примитивного эксплуататорского общества.

В догматах раннего ислама, выработанных в первые века его существования, было много от идеологического оформления общественных отношений раннеисламского Хиджаза, от освященного хадисами обычного права Мекки и Медины. А так как ханбализм признавал в принципе только ранний ислам, то в целом он соответствовал потребностям центральноаравийского общества XVIII в.

Центральная и Восточная Аравия всегда были пасынками мусульманских империй Ближнего Востока. Они сохранили самобытность и самостоятельность. Поэтому здесь находили благоприятные условия и различные «еретические» течения, например хариджиты и их подразделение — ибадиты. Долгое время в районе Эль-Хасы существовало сильное государство карматов со своеобразной общественной структурой.

Что касается других районов полуострова, то в Омане большая часть населения принадлежала к секте ибадитов, а в Йемене — к умеренно шиитской секте зейдитов. В восточных и северо-восточных районах полуострова, связанных с Южным Ираком и Ираном, многие арабы исповедовали шиизм. В некоторых районах Йемена и Наджрана жили иудеи²⁰. К. Нибур сообщал, что в Эль-Хасе встречались сабейцы²¹.

В городах и оазисах Хиджаза преобладали мусульмане различных правоверных толков.

Все оттенки ислама в Аравии мирно уживались с культом святых, широко распространенным по всему полуострову, и даже с пережитками идолопоклонства. Ибн Ганнам оставил довольно подробное описание верований аравийских жителей²².

«В те времена (когда появился ваххабизм. — *А. В.*) большая часть людей погрязла в скверне... — сообщал он, — они стали предаваться поклонению святым и праведникам и забросили единобожие и религию». Люди приходили к святым или к их могилам и требовали совершить какое-либо доброе дело или избавить их от несчастья. Они обращались с подобными призывами к «живым и мертвым». А многие верили, что камни и деревья смогут «принести пользу или причинить вред... С их умами играл шайтан». В своем неверии «они превысили жителей джахилии» (доисламской Аравии).

«В оазисах Неджда было много таких дел, и каждый предавался им». В пади Хаикфа находилась могила Зайда ибн аль-Хаттаба. К нему обращались с просьбой избавить от бед и горестей. В Эль-Джубайле и в Эд-Дирьии поклонялись могилам, где, как утверждали, были похоронены некоторые сподвижники пророка. В селении Фида росла пальма, к которой приходили мужчины и женщины, просили у нее благословения и совершали «гнуснейшие вещи». Сюда стекались женщины, которые не могли выйти замуж; приближаясь к дереву, они говорили: «Хочу мужа прежде всего». Вокруг пальмы совершали шествия, на нее вешали украшения.

Около Эд-Дирьии находилась священная пещера, называемая «Пещерой дочери эмира», где оставляли хлеб и мясо. Рассказывали, что однажды несколько нечестивцев хотели обидеть дочь эмира. Но она призвала на помощь Аллаха, и раскрылась перед нею пещера, которая и стала местом поклонения. В Эль-Хардже, недалеко от Эд-Дирьии, жил знаменитый святой по имени Тадж. К нему обращались за благословением, просили сотворить добро, отвратить беду; за это ему платили. Святой слыл слепым, но ходил без поводыря. Его побаивались и местные правители.

В Мекке были мавзолеи АбуГалиба, могилы Маймуны бинт аль-Харис Умм-аль-муминин, Хадиджи и др. С громкими криками мужчины и женщины обращались к могилам со своими просьбами. То же происходило у могилы Абдаллаха ибн Аббаса в Эт-Таифе.

Считалось, что в Джидде находится могила Евы. Здесь была построена мечеть Ави, куда укрывались банкроты, должники, воры. И даже шериф не мог их там схватить. Так, в 1795/96 г. один купец, задолжавший 70 тыс. риалов, укрылся в мечети и тем самым принудил кредиторов предоставить ему отсрочку.

На могилах святых приносили жертвы.

В Йемене устраивали шествия с плясками, их участники кололи себя ножами. (Возможно, это было нечто вроде шиитского «шахсей-вахсей».)

Ибн Гаммам слышал о культе святых и за пределами Аравии. В Сирии и Египте примеров было так много, что летописец не стал даже их перечислять. Возмущался он также поклонением мавзолею Али в Ираке. Он пишет, будто, по мнению шиитов, посещение этой мечети лучше 70 паломничеств в Мекку. Ибн Ганнам упоминает о многочисленных мавзолеях и мечетях на могилах святых вокруг Басры, на восточном побережье Аравии, на Бахрейне.

Есть данные, что среди населения Аравии кое-где сохранились даже прорицатели. Ибн Абд аль-Ваххаб их решительно осудил²³.

Ибн Бишр писал: «Причина распространения многобожия в Неджде заключалась в том, что вместе с бедуинами, когда они останавливались в оазисах для сбора плодов, приходили мужчины и женщины, лечившие жителей оазисов, если кто-либо из них заболел. Оседлые приходили к лечащему из бедуинов и просили у него лекарства от болезни. Им говорили: принесите в таком-то и такомто месте такую жертву, потом съешьте из нее такую-то часть, а такую-то выбросьте. Не упоминайте имени Аллаха. Может быть, с соизволения Аллаха вы выздоровеете. Это стало повторяться часто. И жителям никто не мог объяснить, что это плохо»²⁴.

Арабы в те времена совершали жертвоприношения духам (джиннам) и просили у них избавления от болезней, сообщил внук вероучителя Абдуррахман ибн Хасан²⁵. «Накануне появления ваххабизма население Джауфа (в Северной Аравии), подобно жителям всего полуострова, впало в полуязычество и поклонялось местному джинну», — писал У. Пэлгрев. И даже более чем через столетие после появления ваххабизма жители Джауфа, по его наблюдениям, «как и большинство их братьев, уже давно сменили мухаммеданизм на местный фетишизм и полусабейское поклонение, на молитвы, обращенные к солнцу, на жертвоприношения мертвым»²⁶.

Бедуины и ислам. Все исследователи Аравии отмечают, что ислам плохо прививался среди бедуинов. Равнодушное отношение кочевников к его предписаниям отмечал еще К.-Ф. Вольней: «Бедуины, живущие на границах с турками, из политических соображений делают вид, что они — мусульмане, однако они столь мало религиозны и их набожность настолько слаба, что их считают обычно неверными, не имеющими ни закона, ни пророков. Они сами с охотой признаются, что религия Магомета не для них создана. "Ибо, — добавляют они, — как нам выполнять омовение, когда у нас совсем ист воды? Как подавать милостыню, если сами мы не богаты? Для чего нам поститься в рамадан, если мы постимся весь год? И зачем ходить в Мекку, коли Бог — повсюду?"»²⁷

По сообщению И. Буркхардта, до ваххабизма бедуины зачастую вообще не знали ислама²⁸.

У. Пэлгрев утверждал, что «в массах кочевого населения мухаммеданизм на протяжении 12 веков произвел очень мало или никакого эффекта... В то же время окруженные искренними и даже фанатичными последователями ислама и нередко зависимые от них кочевники по временам считали благоразумным... называть себя магометанами»²⁹.

Ориентируясь во время перекочевки по небесным светилам, бедуины создали культ солнца, луны и звезд, писал Р. Монтань³⁰. На основе наблюдений за племенами Северной Аравии У. Пэлгрев пришел к выводу; «Бог для бедуинов — это вождь, живущий главным образом, как кажется, на солнце. С солнцем они в некотором роде его и отождествляют»³¹.

На этом останавливал внимание и финский путешественник по Аравии середины XIX в. Г. Валлин: «Подобно большинству племен, которых не заставляли принять реформированное учение ваххабитской секты в период ее восходящей власти в Аравии, маазе (одно из племен Западной Аравии. — А. В.) в общем совершенно не знают религии, которую исповедуют. И я едва могу вспомнить встречу с каким-либо членом племени, ко-

торый соблюдал бы какие-либо исламские обряды или имел бы малейшее представление о его (исламе) основных и руководящих догмах. В то же время обратное в известной степени можно сказать о тех бедуинах, которые являются или раньше были ваххабитами»³².

Спустя несколько десятилетий после Г. Валлина офицер российского генштаба Давлетшин замечал: «Религиозностью кочевые арабы совершенно не отличаются и к религии примешивают много своеобразных обычаев и преданий, которые идут совершенно вразрез с учением ислама»³³.

У бедуинов сохранился культ предков. А. Жоссан писал, что кочевники приносили жертвы предку или Аллаху через посредничество предка; с особой помпой это производилось после удачной победы в газу. Руалы не упускали случая заколоть верблюда на могиле своего предка со словами: «Дар и воздаяние мертвецу»³⁴.

С культом предков было связано и наличие «знамени» бедуинов — маркяба, особого сооружения на спине верблюда. Считали, что маркяб служит как бы обиталищем духа предка, поэтому ему приносили жертвы. В него садился погонщик — раб или мальчик, а иногда дочь шейха или красивейшая девушка племени, которая вдохновляла воинов на бой³⁵. Нельзя не вспомнить при этом доисламских жриц, которые, восседая на верблюдах, воодушевляли в сражении бедуинов.

И в газу часто участвовали ясновидцы и колдуны, дававшие советы военачальникам

36

Итак, в Аравии накануне появления ваххабизма была широкая гамма цветов и оттенков ислама — от ханбалитов через ортодоксальных суннитов других толков к зейдитам, шиитам и ибадитам; широко распространился культ святых; а рядом, переплетаясь с исламом или подменяя его, существовали домусульманские религиозные верования и культы — колдовство, идолопоклонство, поклонение солнцу, анимизм, фетишизм, культ предков. Таковы были духовное наследие, на основании которого складывались взгляды Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, и среда, в которой он жил.

Единобожие (таухид) и осуждение культа святых — стержень ваххабитской догматики. Добросовестное изучение с раннего детства мусульманской теологии, стремление к очищению религии и изменению общественной жизни в соответствии с идеалами ислама, особым образом истолкованными, — таким представляется путь формирования мировоззрения Ибн Абд аль-Ваххаба. Можно предположить, как он объяснял себе неустроенность и безобразие окружающего мира: люди забыли настоящий ислам, отсюда всеобщее падение нравов, за которым следуют политические неурядицы и экономический хаос, упадок и разрушение. Для спасения погрязшего в грехах мира необходимо очистить религию, вернуть ей форму, в которой она существовала в первые три века ислама. Такова субъективная сторона дела. Степень искренности побуждений Ибн Абд аль-Ваххаба можно не принимать во внимание.

Важнейшая идея, которую вынашивал вероучитель во время своих путешествий и занятий богословием. — это единобожие, ось ислама. По его мнению, единобожие — это убеждение в том, что одни Аллах — творен данного мира, его господии, дающий ему законы. Из сотворенного им нет ничего и никого, равного ему, способного творить³⁷. Аллах не нуждается ни в чьей помощи, как бы кто-либо ни был близок к нему. Лишь в руках Аллаха способность совершать добро и зло. Нет никого, кто был бы достоин возвеличивания или поклонения, за исключением Аллаха³⁸.

Однако исламский мир, по мнению ваххабитов, отошел от этих принципов единобожия. Люди предаются новшества (бида) — самому страшному из грехов³⁹. Они наделяют творения Аллаха его способностями и атрибутами. Например, они совершают паломничество к мавзолеям мусульманских святых, дают им обеты, приносят жертвы, просят их о помощи, убежденные, что святые могут сделать добро или причинить зло⁴⁰. Атрибуты Аллаха придаются даже растениям и камням, что не может совмещаться с истинным единобожием⁴¹.

А раз нельзя «давать богу товарища»⁴² или наделять божественными атрибутами его творения, то соответственно должен регламентироваться и культ, в котором также отвергаются все «новшества».

Можно приносить жертвы только Аллаху, утверждали ваххабиты. Нельзя псыпать о помощи ни к кому, кроме Аллаха. Нельзя просить заступничества ни у кого, кроме Аллаха⁴³. Ангелы, пророки (посланники Аллаха), праведники, святые не могут быть заступниками перед богом за грехи мусульман⁴⁴. Нельзя давать обет не Аллаху⁴⁵. Нельзя чрезмерно почитать праведников, сподвижников пророка и святых. Нельзя строить мечети над могилами. Нельзя чрезмерно ухаживать за могилами и превращать надгробия в идолы. Святым нужно оказывать уважение и почет, но не поклоняться им⁴⁶.

Особое отношение было у ваххабитов к Мухаммеду, пророку и основателю ислама. Оки считала его обыкновенным человеком, которого Аллах выбрал для пророческой миссии. Но его нельзя обожествлять, ему не следует поклоняться, у него ничего нельзя просить. Нельзя поклоняться его могиле, однако ее можно посещать без каких-либо просьб. К нему нельзя взывать о помощи. У Мухаммеда нельзя просить никакого заступничества. Однако в Судный день он может выступить заступником перед Аллахом за мусульман. Места, связанные с жизнью Мухаммеда, нельзя делать объектом поклонения⁴⁷.

Все виды поклонения и верований, противоречащие этим установкам, считались «ширком», т. е. многобожием.

Иби Абд аль-Ваххаб призывал бороться против магии, колдовства, прорицателей⁴⁸, хотя особого акцента на этом не делал. Он осудил также такие языческие пережитки, как заклинания, амулеты, талисманы⁴⁹.

Ислам, по мнению ваххабитов, имел своими источниками только Коран и сунну. Они признавали четырех имамов, основателей правоверных школ суннизма⁵⁰, а также Таки ад-Дина ибн Таймийю и Ибн аль-Кайима (XIV в.), но фактически отвергали теорию и практику всех последующих поколений. Мнение некоторых путешественников и исследователей, согласно которому те якобы отвергали всю сунну и признавали только Коран, было ошибочным⁵¹.

«Ваххабизм» — название, данное этому движению его противниками или же просто неаравийцами, — устоялось в востоковедческой литературе. Сами себя последователи Ибн Абд аль-Ваххаба именовали «единобожниками» или просто «мусульманами» и никогда — «ваххабитами».

«Очищение ислама». Свою систему доводов, яростную атаку на культ святых, на «новшества» ваххабиты заимствовали у Ибн Таймийи и Ибн аль-Кайима. Правда, ваххабиты не углублялись в сложные религиозно-философские проблемы, как это делал Ибн Таймийя. Ваххабиты признавали, что по некоторым мелким ритуальным и бытовым вопросам они расходятся с этим богословом⁵². Однако его труды, а также сочинения Ибн аль-Кайима были для них фактически настольными книгами. Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб неоднократно цитирует Ибн Таймийю и Ибн аль-Кайима. Сохранились работы Ибн Таймийи, переписанные рукой вероучителя⁵³. На теологов XIV в. ссылается историк-ваххабит Ибн Ганнам⁵⁴. Абдаллах, сын вероучителя, писал: «Книги Ибн аль-Кайима и его шейха (т. е. Ибн Таймийи. — А. В.) у нас считаются из самых ценных книг, высказывания этих богословов часто используются»⁵⁵.

Внутри ислама ваххабизм возродил линию крайней непримиримости, отвергающей все «новшества», возвратился к Корану и «неповрежденной» сунне.

С точки зрения догматики ваххабиты кажутся ортодоксами. Такого же мнения придерживаются они сами, а также большинство объективных исследователей, как арабов, так и неаравов, как современников вероучителя, так и представителей последующих поколений.

По сообщению И. Буркхардта, каирские богословы, в целом настроенные против ваххабитов, заявили, что они не могли найти никакой ереси в их учении, а так как это

было заявление, сделанное «вопреки собственному желанию», оно может вызвать меньше всего подозрений. После того как многие каирские богословы прочли написанную Ибн Абд аль-Ваххабом книгу, они единодушно заявили, что если таково мнение ваххабитов, то и они сами полностью принадлежат к этой вере⁵⁶.

Догматика ваххабитов вполне правоверна, утверждал алжирский богослов Абу Рас ан-Насыри⁵⁷. Ибн Санад, басрийский летописец, отмечал, что ваххабиты — это ханбалиты прежних дней⁵⁸. По мнению Л. Корансеца, ваххабизм — это мусульманство в его первоначальной чистоте⁵⁹.

В новейшее время подобную точку зрения разделяли арабские исследователи Мухаммед Хамид аль-Факи⁶⁰ и Хафиз Вахва⁶¹. Таха Хусейн писал, что «этот мазхаб» является не чем иным, как «мощным призывом к истинному исламу, очищенному от многобожия и идолопоклонничества»⁶².

Однако, как представляется, ваххабиты — это сектанты именно потому, что они выступили против суннизма в той форме, которая тогда господствовала, хотя бы с позиций «очищения» этого суннизма. В своей борьбе против ортодоксальных суннитов (столп которых аль-Газали) они опирались на Ибн Таймийю. Выступление против распространенных догм с позиций сверхортодоксальности носило столь же сектантский характер, что и попытки разрушить, обновить или изменить некоторые их основы. И лишь в XX в., когда растают или сотрутся наиболее фанатичные проявления ваххабизма, само движение потеряет непримиримую сектантскую форму.

В европейской и арабской литературе было широко распространено определение ваххабитов как «пуритан» или «протестантов ислама». Первым его пустил в оборот Л. Корансец⁶³, за ним последовал И. Буркхардт⁶⁴. Это — сравнение ваххабизма с европейской реформацией по чисто формальному признаку, т. е. по внешнему стремлению «очистить» первоначальную, «истинную» религию от последующих наслоений. И только в таком плане можно говорить о внешнем сходстве двух явлений, совершенно различных по общественно-политическому содержанию.

Ваххабизм родился в условиях серьезного психологического надлома, неудовлетворенности тогдашним состоянием духовной жизни и был реакцией на духовный кризис аравийского, в частности недждийского, общества, в котором бродили, возможно и неосознанные, стремления к каким-то новым идеалам.

Ибн Абд аль-Ваххаб был не единственным, кто почувствовал потребность в обновлении ислама в Аравии той эпохи. Ведь не случайно же какое-то идеологическое оружие для изменения религии готовил его мединский учитель Абдаллах ибн Ибрагим ибн Сайф. Богослов из Саны, Мухаммед ибн Исмаил (умер в 1768/69 г.), в своих сочинениях выступал в защиту «истинной» религии. Когда он узнал о проповеди Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, то написал в его честь хвалебную поэму (касыду)⁶⁵. В Йемене жил богослов Мухаммед аль-Муртада (умер в 1790 г.), осуждавший дервишество⁶⁶. Несколько позднее в Йемене получил известность богослов аш-Шаукани (умер в 1834 г.). В комментариях к сочинениям Ибн Таймийи и в собственных работах он отвергал паломничество к могилам святых, идолопоклонничество, считая это многобожием. Возможно, он был связан с недждийским вероучителем⁶⁷.

Не исключено, что эти имена не исчерпывают списка «потенциальных ваххабитов» и участников создания учения. Как во время всех более или менее значительных социально-политических поворотов, их идеологическое обоснование уже, так сказать, «носилось в воздухе». Зерна ваххабитской пропаганды падали на почву, в той или иной степени подготовленную для восприятия нового учения, и проросли они там, где сложились наиболее благоприятные условия для достижения общественных и политических идей, выдвинутых ваххабизмом.

Ваххабитское учение в значительной мере охватывает область схоластики и догматики. Но в социально-политическом плане оно, бесспорно, имеет оригинальное

содержание. И сути дела не меняет, что сочинения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба на 90 — 95% состоят из цитат богословов первых веков ислама и правоверных преданий.

Социальное содержание учения. В трудах вероучителя содержатся положения, отражающие интересы феодально-племенной знати и направленные против неимущего населения, а также установки на социальную гармонию, стабильность. Простой народ должен повиноваться власти имущим⁶⁸, утверждает он в соответствии с первоначальным исламом. За мятеж, бунт против эмиров полагаются муки адовы⁶⁹.

В качестве обязательного, а не добровольного требования ваххабизм ввел уплату закята и возвел тем самым в несокрушимый религиозный принцип централизованную налоговую эксплуатацию населения, в том числе кочевников⁷⁰.

Лица, присоединившиеся к ваххабитам, вовсе не освобождались от обязанностей по отношению к своим хозяевам или работодателям. «Клеветой» назвал Абдаллах, сын вероучителя, утверждение врагов ваххабизма, что если «кто-либо присоединится к нам, то он считается свободным от всех обязанностей и даже долгов»⁷¹.

Ваххабизм предлагал довольно тонкую систему маскировки классового гнета и неравенства, почерпнутую в более чем тысячелетних традициях ислама. Так, он требовал от эмиров, знати «справедливого» отношения к их подданным, т.е. выступал за упорядоченный классовый гнет. Ваххабиты призывали проявлять заботу о рабах, слугах, наемных рабочих⁷². Они льстили чувствам неимущих, прославляя бедность, осуждая алчность, утверждая, что бедному легче попасть в рай⁷³. В своей практике ваххабиты преследовали ростовщичество⁷¹.

В ваххабитском учении проповедовались идеи социальной гармонии: «Каждый из вас — пастух, и каждый отвечает за стадо [подданных]. Имам заботится о подданных; мужчина заботится о своем семействе и стаде; женщина заботится о доме своего мужа, его сыне, его скоте; мальчик должен заботиться об имуществе своего отца и его скоте; слуга заботится об имуществе своего господина и его скоте. Каждый из вас — пастух, и каждый должен заботиться о своем стаде [подданных]»⁷⁵.

Частично этим же целям служила усиленная проповедь «братства» мусульман⁷⁶. В несколько модифицированном виде идея «братства» будет использована в ихванском движении спустя полторы сотни лет. «Арабы равны арабам, — утверждал Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, — и противоположная практика, которая распространена в ряде стран, просто свидетельство гордыни... и является верной причиной большого распутства». Он призывал «запретить и отменить целование рук, распространенное в некоторых городах»⁷⁷, т. е. внешнее раболепие одних и высокомерие других.

Вперемезку с классовыми установками в учение, естественно, включался ряд моральных норм, пригодных для различных слоев населения. Ваххабизм учил людей быть добрыми и осмотрительными⁷⁸, твердо выполнять обещания⁷⁹, быть терпеливыми⁸⁰, не лгать, не клеветать, не сплетничать, не быть болтливыми, помогать слепым. Он осуждал скупость, зависть, лжесвидетельство, трусость⁸¹. Ваххабизм регламентировал мельчайшие детали человеческого поведения. Он давал советы, как смеяться, чихать, зевать, обниматься, пожимать руку при встрече, как шутить и т. п.⁸²

Ваххабизм в какой-то мере, безусловно, нес в себе черты, свойственные эгалитаристским народным движениям, направленным против чрезмерного классового угнетения. Однако упорядоченный гнет — это все-таки гнет, умеренная эксплуатация все-таки остается эксплуатацией. И никаки поверхностные изменения в механизме классовых отношений, которые проповедовал ваххабизм, не меняли сути этих отношений, хотя это вовсе не было безразлично крестьянству, главному объекту эксплуатации. Оно всегда принимает сторону проповедников ослабления или «упорядочения» эксплуатации. Поэтому симпатии неждидских крестьян середины XVIII в. в условиях, когда классовый гнет и эксплуатация усиливались, в значительной мере принадлежали ваххабитам.

Центр тяжести ваххабитской доктрины все же лежал, скорее, не в социальной, а в политической области.

Фанатизм и священная война. Всех современных им мусульман, которые не разделяли их учение, ваххабиты считали худшими «многобожникамм», чем людей джахилийи, доисламской Аравии⁸³.

Врат основателя секты. Сулейман, который долгое время возглавлял антиваххабитские выступления во многих оазисах Неджда, заметил, что непримиримость — характерная черта ваххабизма. Ибн Зайни Дахлан, хиджазский историк, писал: «Сулейман сказал однажды своему брату Мухаммеду: "Сколько есть столпов ислама, о Мухаммед иби Абд адь-Ваххаб?" Тот ответил: "Пять". Он сказал: "Нет же, ты сделал шесть, а шестой — кто не последовал за тобой, тот не мусульманин. Это для тебя шестой столп ислама"»⁸⁴.

Об этом же фанатизме сообщает и Ибн Санад, басринский летописец: «Когда Туайс, черный раб, убил Сувайни (вождя племени мунтафик в низовьях Евфрата. — *А. В.*), сторонники Сауда хвалили его за убийство не только потому, что были убеждены в неверии Сувайни, они также были убеждены в неверии всех людей на земле, которые не разделяют их убеждений»⁸⁵.

Выступая против господствовавшей в те годы формы ислама, ваххабиты шли гораздо дальше, чем обычные сектанты. Как считал Е. А. Беляев, «согласно твердо установившемуся представлению самих мусульман, последователи всех направлений, течений и сект в исламе считаются мусульманами»⁸⁶. Для ваххабитов же их противники были не мусульмане, а «многобожники». Они считали неверными (кафирами) всех, кто слышал их призыв, ко не присоединился к ним.

Впоследствии ваххабиты даже к евреям и христианам относились мягче, чем к мусульманам-неваххабитам, разрешали им молиться дома и лишь облагали подушным налогом в 4 пиастра⁸⁷. Видимо, последователи Ибн Абд аль-Ваххаба руководствовались принципом, что еще пророк к «людям писания» предлагал относиться терпимо.

Ваххабиты при захвате оазиса или города разрушали надгробия и памятники на могилах святых и праведников, сжигали книги богословов, не согласных с ними⁸⁸. Абдаллах, сын вероучителя, оправдывал эти действия⁸⁹.

Религиозная практика ваххабитов, возможно, отличалась от доктрины Ибн Абд аль-Ваххаба, от его формальных предписаний. Многие богословы обвиняли ваххабитов в неуважении к пророку. Это обвинение яростно отрицают все поздневаххабитские авторы. Но, возможно, что желание развенчать Мухаммеда, отнять у него атрибуты «товарища Аллаха» практически привело к принижению его роли в исламе и проявлению к нему «неуважения».

Широко распространено мнение, будто ваххабиты запретили употреблять кофе⁹⁰. Факты опровергают эти сведения, но не исключено, что какие-либо чрезмерно усердные фанатики отказались от этого напитка.

В среде ваххабитов фанатизм принимал крайние, необузданные формы. Убеждение, что их противники — «неверные» и «многобожники», оправдывало жестокость по отношению к ним. Одновременно фанатизм сплачивал и дисциплинировал ваххабитов, воодушевляя их на завоевательные походы против «многобожников». Так создавались предпосылки для объявления священной войны (джихада) всем неваххабитам.

Нужно ли говорить, какие преимущества могло обеспечить ваххабитское учение эмиру, взявшему его на вооружение? Ведь он из обычного предводителя разбойничьего набега (газу) на соседей превращался в борца за «чистоту религии», а его противники становились «слугами дьявола», «идолопоклонниками», «многобожниками». Включив в качестве важнейшего постулата «священную войну» против «многобожников», ваххабизм с самого зарождения стал идеологией военной экспансии, грабительского набега.

Объединительные тенденции. Ваххабизм был не только знаменем завоевательных войн, но служил идеологическим обоснованием объединительных тенденций в Аравии⁹¹. Выступления против культа святых, разрушение могил

праведников, уничтожение священных деревьев — все это означало в условиях Аравии разрушение идеологической, духовной опоры феодально-племенной раздробленности. Знать какого-либо оазиса, оставшаяся без собственного святого, теряла претензии на исключительность, а также лишалась доходов от паломничества к этому святому.

Простые люди должны были повиноваться и подчиняться своему местному правителю, за исключением тех случаев, когда им приказывали «совершить прегрешение»⁹², утверждали ваххабиты. Высшими арбитрами в определении «греха» были борцы за единобожие во главе с Ибн Абд аль-Ваххабом. Любое выступление вассалов против дир'ийского эмира снимало с их подданных необходимость послушания и разрушало опору власти местных правителей.

В ваххабизме были заложены идеи объединения прежде всего Неджда. недждийской знати в борьбе с ее традиционным противником — хиджазской аристократией. Ваххабизм запрещал паломничество к святыням Мекки и Медины (за исключением хаджа к Каабе), в частности к мавзолею пророка, что лишило бы хиджазцев значительной доли их доходов. В тех исторических условиях хиджазцы сочувственно относились к официальной форме ислама в Османской империи — основному поставщику паломников. Хиджазские богословы опасались потерять авторитет, а вместе с ним привилегии и доходы в случае успеха ваххабитов. Естественно, что улемы «святых» городов, кичившиеся своими богословскими знаниями, не хотели примириться с тем, что какой-то недждиец вздумал учить их «истинному» исламу.

Из положений и практики ваххабизма вытекало его вполне определенное антисуфийское содержание, точнее, осуждение суфизма в том виде, который получил распространение в Османской империи XVIII в. Правда, учение ваххабитов не содержало открытых выпадов против этого течения в исламе. Абдаллах, сын основателя секты, даже сказал однажды, что он не против суфизма⁹³. Но это высказывание кажется тактической оговоркой. С точки зрения истинного ваххабизма, опирающегося на Коран, сунну и богословов первых трех веков ислама, суфизм — это «новшество», смертный грех. Против суфиев-дервишей, по существу, направлено и осуждение культа святых, и выступление против колдовства и магии. Не следует забывать и то, что одним из важнейших ритуально-бытовых «табу» ваххабизма было запрещение табака и гашиша⁹⁴, четок, музыки, громкого пения, экстатических групповых радений — зикров, танцев⁹⁵. (Эти «табу» относились больше к практике, в сочинениях ваххабитов им уделится гораздо меньше места, чем в заметках европейских путешественников.)

Выступая в принципе против «новшеств», доводя до крайности положения ханбализма, ваххабиты отвергали официальную школу Османской империи — ханифизм. Можно сказать поэтому, что ваххабиты восставали против ислама в той форме, в которой он существовал в Османской империи.

Запрет наложенный на табак, на шелковые одежды и шумные празднества, не представлял собой просто осуществление на практике отношения к «новшествам». Это была реакция жителей Неджда на внешние проявления образа жизни османской знати. «Ваххабиты с презрением относятся к роскошным одеждам турецких паломников»⁹⁶, — замечал И. Буркхардт. Он писал, что аравийские арабы возмущались продажными судами, произволом в Османской империи, половыми извращениями, открыто практиковавшимися турками, их заносчивостью⁹⁷. Ж. Раймон, французский артиллерист на службе багдадского паши, отмечал, что антитурецкие настроения были широко распространены в Аравии. Один араб сказал ему: «Придет день, когда мы увидим араба, сидящего на троне халифов; мы слишком долго находились под гнетом узурпатора»⁹⁸.

Бунт ваххабитов против отуреченного ислама, как показало развитие событий, далеко вышел за религиозные рамки и приобрел военно-политический характер. Это было столкновение арабской аравийской государственности и Османской империи. Ваххабизм стал знаменем арабского национального движения против турецкого влияния в Аравии.

Воинственная антишиитская направленность ваххабитов содержала в себе также зародыш идеи борьбы против персов, как носителей шиитской «ереси», но в ходе дальнейших событий это не проявилось в больших масштабах в военном и политическом плане.

* * *

Идеология ваххабизма была продуктом серьезного духовного кризиса в Аравии, в основе которого лежали экономические и социально-политические факторы.

Это учение образовало крайнее крыло ханбализма: оно отвергало все «новшества» (бида) в догматике и культуре, требуя возвращения к Корану и первоначальной сунне, и только к ним.

В социальном плане ваххабизм стоял на службе интересов знати, он освящал, упорядочивал и маскировал отношения эксплуатации и гнета. Одновременно он нес в себе элементы, свойственные эгалитаристским, уравнилельным движениям, что привлекало к нему широкие массы аравийского населения.

Противопоставляя ваххабитов всем прочим мусульманам, учение Ибн аль-Ваххаба превращало их в сплоченную секту, разжигало фанатизм. Необходимость священной войны против «многобожников», провозглашенная в учении, делала его знаменем завоевательных войн и набегов.

Ваххабизм стал идеологическим оружием движения централизации на Аравийском полуострове.

Он освящал политическую и военную борьбу неждийской знати за преобладание в Аравии, прежде всего против хиджазцев.

Выступая против господствующей формы ислама в Османской империи, ваххабизм служил идеологическим оформлением национального движения аравийских арабов против турок.

Благоприятную питательную среду ваххабиты нашли в оазисах. Это объясняется прежде всего тем, что новое учение было идеологией классового, эксплуататорского общества. Несмотря на заряд эгалитаристских настроений в ваххабизме, его едва ли можно рассматривать в качестве знамени народных низов, оседлых крестьян, как это делал советский историк М. Томара. «Учение Абд-аль-Уаххаба, — писал он, — явилось... идеологией неждского крестьянства, которое объединилось и сплотилось под знаменем своего духовного вождя и его светского меча — Сауда и вступило в борьбу с грабившими его бедуинами, с одной стороны, со своими мелкими князьками и шейхами, разорвавшими его, с другой стороны»⁹⁹. По его мнению, структура ваххабитского государства имела свою социальную базу в крестьянстве, точнее, в том его слое, который теперь мы назвали бы середняком»¹⁰⁰. В оценке ваххабизма М. Томара исходил из предполагаемого деления аравийского общества на двух главных антагонистов — крестьян-земледельцев и кочевников, интересы которых непримиримо сталкивались и между которыми шла постоянная, никогда не прекращающаяся война. Классового деления в оазисах он, по существу, касался лишь мимоходом и считал его второстепенным фактором.

Действительно, многие установки ваххабизма, прежде всего требование платить налог в виде закята, отталкивали бедуинов, особенно из «благородных племен», не говоря уже о несоответствии многих религиозных представлений ислама верованиям и культуре кочевников. Однако в идеях «джихада», провозглашенных ваххабизмом, т. е. набеге под знаменем ислама, содержалась и привлекательная для бедуинов черта. На этой основе было возможно на определенных условиях и на определенное время присоединение к ваххабитам кочевников и союз оседлой и кочевой знати.

М. Томара, подметив «крестьянские» черты в ваххабизме, посчитал их главным содержанием учения и упустил из виду положения, отвечающие интересам знати. Поэтому у него феодалы Саудиды стали «крестьянскими вождями».

Ход событий показал, что выходец из привилегированного слоя недждийских богословов Ибн Абд аль-Ваххаб постоянно стремился обеспечить поддержку своему учению у власть имущих, и, лишь обретя ее, ваххабизм стал могущественным движением.

Первые шаги вероучителя в политике. Когда Ибн Абд аль-Ваххаб переехал в Аяйну в 1740/41 г., он поспешил мпосвать расположение эмира Османа ибн Хамада ибн Муаммира. «Я хочу, чтобы ты занялся распространением "Нет божества, кроме Аллаха" (т. е. единобожия. — *А. В.*), и завладел Недждом и его бедуинами», — сказал он ему, по сообщению летописца. Это предложение устраивало эмира. Вскоре семейства Ибн Абд аль-Ваххаба и правителя Аяйны породнились¹⁰¹.

Для практического осуществления догматов ваххабизма они принялись уничтожать местные святилища. Ибн Абд аль-Ваххаб собственноручно срубил дерево, которое в той местности почиталось священным¹⁰².

Затем настала очередь могилы одного из сподвижников пророка (сахаба) — Зайда ибн аль-Хаттаба, похороненного в местечке Эль-Джубайль. Это было местное святилище, куда стекались паломники. Жители оазиса хотели бы воспротивиться уничтожению своего святилища, но за проповедником шел Осман с шестьюстами воинов. Надгробие разрушил сам Ибн Абд аль-Ваххаб¹⁰³.

После этого в оазисе произошел случай, который с восторгом будут описывать последующие «проваххабитски» настроенные арабские историки. В Аяйне была женщина, которая совершила прелюбодеяние, и Ибн Абд аль-Ваххаб, буквально толкуя шариат, приказал забить ее камнями¹⁰⁴. «Вышли правитель Осман и группа из мусульман и били ее камнями, пока она не умерла. И первый камень бросил упомянутый Осман, — писал Иби Ганнам. — Ибн Абд аль-Ваххаб приказал омыть ее, завернуть в саван и прочесть молитву»¹⁰⁵.

Это было уже серьезным событием. Весть о нем разнеслась по окрестностям, якобы «приводя в ужас» тех, кто, по мнению Ибн Ганнама, отошел от истинного мусульманства¹⁰⁶. Ваххабиты заявляли о намерении проводить в жизнь свои принципы не только путем пропаганды, разрушения памятников, но и с помощью террора, рассчитанной жестокости.

Сообщение об этом убийстве дошло до правителя «Эль-Хасы, Эль-Катифа и окрестных кочевников» Сулеймана ибн Хамада ибн Гурайара аль-Хумайди. Аяйна находилась от него в какой-то зависимости. Во всяком случае через порты Эль-Хасы шла часть ее торговли. Кроме того, в Эль-Хасе у эмира Аяйны были пальмовые рощи и другая собственность, с которых он получал доходы. Сулейман аль-Хумайди приказал Осману убить шейха, а в случае отказа пригрозил отрезать снабжение продовольствием и одеждой и лишить его доходов¹⁰⁷.

Причину действий Сулеймана аль-Хумайди можно объяснять давлением на него местных улемов, недовольных популярностью нового учения, подрывающего их позиции. Среди населения Эль-Хасы были шииты, резко враждебные ваххабизму. Кроме того, видимо, вождь бану халид опасался растущей мощи ваххабитов, видя в них угрозу своей власти.

Однако эмир Аяйны не решился или, быть может, не захотел расправиться с влиятельным вероучителем и выслал его¹⁰⁸. Не исключено, что Осман ибн Муаммар надеялся переждать некоторое время, а затем вернуть неистового богослова.

Ибн Абд аль-Ваххаб обосновался в Эд-Дирьии в 1744/45 г.¹⁰⁹. В этом оазисе у него была группа последователей, среди которых два брата местного эмира Мухаммеда ибн Сауда, а также жена эмира. Вероучитель остановился у одного из своих учеников и немедленно установил связи с правителем Эд-Дирьии. Братья эмира и его жена способствовали их сближению¹¹⁰. Мухаммед ибн Сауд, питавший честолюбивые военные планы, был уже знаком с учением известного богослова и оценил перспективы ваххабизма.

Желание вероучителя, заинтересованного в военной поддержке, и честолобивого эмира, нуждавшегося в религиозной поддержке, объединить усилия, оказалось взаимным, и союз был заключен. Мухаммед ибн Сауд потребовал, чтобы вероучитель не уезжал из Эд-Дирьии, и попытался получить его согласие на прежнее налогообложение жителей оазиса. «У меня на жителей Эд-Дирьии налог, я его беру во время плодоношения, я боюсь, что ты мне скажешь: "Не бери его"», — сказал эмир. Ибн Абд аль-Ваххаб согласился без возражений с первым условием, а второе отверг, пообещав Ибн Сауду, что его добыча в набегах и в священной войне будет гораздо больше этого налога¹¹¹.

Этот факт показывает, что дирьийский эмир попытался оставить за собой право на феодальную эксплуатацию своих подданных, видимо «незаконную» с точки зрения шариата. Но более прозорливый Ибн Абд аль-Ваххаб предложил Мухаммеду ибн Сауду отказаться от этого налога, добиваясь двух целей: сохранить чистоту доктрины и завоевать поддержку местного населения, участь которого немедленно облегчалась. Все это, по его убеждению, должно было окупиться и действительно окупилось огромными военными трофеями.

На этом заканчивается начальный период истории ваххабизма, его, так сказать, утробное развитие, эксперименты, провалы, политическое оформление. С момента переезда в Эд-Дирью жизнь Ибн Абд аль-Ваххаба уже неотделима от судеб Дирьийского эмирата и государства Саудидов.

Глава III ВОЗВЫШЕНИЕ ПЕРВОГО ГОСУДАРСТВА САУДИДОВ (1745—1811)

После переезда вероучителя в Эд-Дирью Осман ибн Муаммар понял, какие возможности он упустил для укрепления своего эмирата, и попытался вернуть Ибн Абд аль-Ваххаба¹. Но основатель секты остался верен союзу с Ибн Саудом. Вслед за Ибн Абд аль-Ваххабом в Эд-Дирью перебралось много его последователей из Аяйны и других оазисов Неджда.

Столица будущего обширного саудидского государства в то время влачила жалкое существование. Ибн Сауд не мог обеспечить ближайших учеников Ибн Абд аль-Ваххаба даже питанием. Вероучитель мог воздействовать лишь силой убеждения².

Своих последователей и приверженцев Ибн Абд аль-Ваххаб знакомил с догмами учения и внушал им идею о необходимости священной войны против «неверных»³.

После первых же набегов дирьийцев на соседей добыча была распределена «справедливо» в соответствии с ваххабитской доктриной: пятая часть — Ибн Сауду, остальное — воинам: пешему — одну долю, всаднику — две. Приверженность ваххабизму вознаграждалась материально. Если раньше газу был просто лихим набегом, то теперь он превратился в изъятие имущества у «многобожников» и передачу его в руки «истинных мусульман».

Военные действия ваххабитов не отличались от обычной междоусобицы оазисов-государств. Стремительный набег, засада с несколькими десятками воинов, несколько десятков верблюдов или овец, захваченных в случае успеха, срубленные пальмы, разграбленное поле или несколько жилищ — таковы были «достижения» дирьийцев в первые годы после приезда к ним Ибн Абд аль-Ваххаба.

Но знамя обновленной религии придавало вес и авторитет дирьийскому эмиру, которого недждийские летописцы стали называть имамом. Он считался главой мусульман, т. е. всех примкнувших к ваххабизму, а на молитве стоял впереди общины верующих.

Установление гегемонии Эд-Дирьии в Центральном Неджде. Неизменными союзниками дирьийцев были воины Аяйны во главе с Османом ибн Муаммаром. Первые годы объединенными силами даже командовал эмир Аяйны⁴. Осман ибн Муаммар породнился с Саудидами, выдав дочь замуж за Абд аль-Азиза ибн Мухаммеда. (Их сын

Сауд, при котором ваххабиты достигнут зенита могущества, родился в 1748 г.⁵) Однако смертельная вражда между родственниками — явление слишком обычное для Аравии, чтобы можно было удивляться последующему развитию событий. В соперничестве правителей Эд-Дирьии и Аяйны решающее значение имела позиция вероучителя, а он не забыл своего изгнания из Аяйны.

Взаимная подозрительность между эмирами Эд-Дирьии и Аяйны вскоре привела к открытому столкновению во время осады ваххабитами оазиса Тармиды⁶.

Эмира Аяйны обвиняли и в том, что он вступил в тайную переписку с правителем Эль-Хасы Мухаммедом ибн Афаликом и готовил измену. В июне 1750 г., после пятничной молитвы, он был убит ваххабитами — жителями своего оазиса. Правителем стал его родственник Мишари ибн Ибрагим ибн Муаммар, зависимый от Эд-Дирьии⁷. Еще через десять лет Аяйна окончательно потеряла независимость. Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб сместил Мишари, поселив его вместе с семьей в Эд-Дирью, а на его место назначил человека, полностью покорного Саудидам. Вероучитель лично прибыл в Аяйну и приказал разрушить семейный замок Ибн Муаммаров⁸.

Через пять лет после заключения союза Ибн Абд аль-Ваххаба с Мухаммедом ибн Саудом власть дирьийского эмира еще оспаривалась даже в самых ближайших оазисах. В 1750 — 1753 гг. эмираты Манфуха, Хураймала, Дурма, бывшие в числе первых союзников ваххабитов, попытались порвать узы зависимости от Эд-Дирьии⁹. В Хураймале восстание вдохновил брат вероучителя Сулейман ибн Абд аль-Ваххаб. Он направлял по всему Неджду богословские послания, в которых осуждал учение брата. Под воздействием антиваххабитской пропаганды заволновалась даже Аяйна¹⁰. Однако в 1755 г. Абд аль-Азизу с 800 пехотинцами и 20 конниками удалось взять Хураймалу. Сулейман бежал в Судайр¹¹.

Основным соперником Саудилов оставался Даххам ибн Даввас, эмир Эр-Рияда. Взаимные набеги отрядов из Эд-Дирьии и Эр-Рияда проводились почти каждый год. Вместе с Даххамом попеременно выступали жители областей и оазисов Вашма, Судайра, Садика, Хураймалы. Правда, атакующей стороной чаще были ваххабиты. Об этом говорит хотя бы то, что в 1753/54 г. Даххам был вынужден заключить перемирие, которое действовало около двух лет, и заявить о своей преданности обновленному исламу¹². А в 1757/58 г. дирьийцы построили перед Эр-Риядом крепость для стеснения его действий¹³.

На недждийской сцене в конце 50-х годов вновь появились хасцы, во главе которых за несколько лет до этого встал энергичный Арайар ибн Дуджайн. Хасцы привлекли на свою сторону противников Эд-Дирьии — Эр-Рияд, Вашм, а также отряды из Судайра, Муниха, Садика, Махмалы. Но набег не принес Арайару успеха, а некоторые его временные недждийские союзники поспешили заявить о верности Эд-Дирьии¹⁴.

В начале 60-х годов ваххабиты успешно напали на Эль-Хардж, Тармиду. Ушайкир, Судайр и на кочевые племена и проникали даже в глубь территории Эль-Хасы. Даххам ибн Даввас был вынужден подчиниться Эд-Дирьии и выплатить большую контрибуцию¹⁵.

В конце 1764 г. вождь племен, кочевавших в районе Наджрана, Хасан Хиббат-улла¹⁶, по просьбе жителей Южного Неджда и кочевников аджман выступил против Эд-Дирьии. Войско Абд аль-Азиза было разгромлено наголову, потеряв около 500 человек убитыми и 200 пленными. Ибн Абд аль-Ваххаб обратился к воинам со словами утешения, а затем вступил в переговоры с наджранцами. Он проявил большую дипломатическую ловкость, поспешив заключить перемирие на условиях выплаты контрибуции и обмена пленными. Наджранцы ушли, не дождавшись подхода Арайара из Эль-Хасы¹⁷.

Войско Арайара, вооруженное пушками, прибыло под Эд-Дирью в начале 1765 г. К нему присоединились многие недждийцы, в том числе Даххам из Эр-Рияда и Зайд ибн Замиль, эмир Эль-Харджа. Но осада Эд-Дирьии кончилась неудачей¹⁸.

В том же году умер Мухаммед ибн Сауд. Его место занял Абд аль-Азиз. Ибн Ганнам и Ибн Бишр отмечали, что Абд аль-Азиз был не только наследником престола, но

и имамом мусульман-ваххабитов. По данным Ф. Манжена, жители Эд-Дирьии «избрали» его эмиром¹⁹.

После потрясения, полученного в результате поражения от наджранцев и набега хасцев, эмират Саудидов оправился быстро. Его экспансия продолжалась ускоренными темпами, и к концу 60-х годов ваххабиты полностью покорили Вашм и Судайр, атаковали оазис Эз-Зильфи, расположенный к северо-востоку от богатой недждийской провинции Касим, совершили рейды против кочевников к югу и постоку от Неджда. Некоторые подразделения кочевых племен субай и зафир подчинились ваххабитам. В 1769/70 г. большая часть Касима присягнула на верность обновленной религии и Саудидам²⁰.

В таких условиях положение Эр-Рияда, окруженного со всех сторон вассалами или союзниками ваххабитов, становилось безнадежным. В одной из схваток дирьийцы убили двух сыновей Даххама. Боевой дух старого риядского эмира был сломлен. Когда летом 1773 г. ваххабиты подошли к Эр-Рияду, они обнаружили, что город покинут жителями. Риядский эмир вместе с семьей бежал. Его примеру последовала большая часть жителей, не напрасно опасавшихся мести своих старых противников. Многие из риядцев погибли в пути от жары и жажды, многие пали под мечами ваххабитов²¹.

Борьба за преобладание в Центральном Неджде окончилась. Она длилась примерно четверть века, но по своим масштабам не выходила за рамки междоусобицы. По подсчетам летописцев, возможно несколько преуменьшенным, в ней было убито 4 — 5 тыс. человек, из них более половины — последователи Даххама. И можно присоединиться к мнению Г. Филби, писавшего: «К тому времени Абд аль-Азиз уже восемь лет находился на троне Эд-Дкръии, которая была лишь немногим больше, чем *primus inter pares* среди многочисленных городов-государств Аравии»²³. Но теперь у ваххабитов была прочная база для дальнейшего расширения своего государства.

Власть Саудидов держалась не только на силе оружия. В каждый присоединенный оазис из Эд-Дирьии направляли ваххабитских улемов, которые проповедовали «истинное единобожие». Часть населения Неджда начинала видеть в Эд-Дирьии не только столицу сильного эмирата, но и духовный центр, а в дирьийских правителях — не только могущественных эмиров, но и борцов за чистоту веры. Нельзя забывать, что улемы и просто сторонники ваххабизма в эмиратах, враждебных Эд-Дирьии, разлагали изнутри силы сопротивления, часто раскалывали аристократию, привлекали на свою сторону часть народа и, кроме того, выполняли функцию прямых шпионов Саудидов. Не случайно Даххам разрывал союз с ваххабитами тогда, когда замечал их растущее влияние на своих подданных. Военной мощи ваххабитов, соединенной с религиозным убеждением, он мог противопоставить только свое слабеющее оружие и террор. (Как сообщает арабский летописец, когда Даххам узнал, что один из жителей его оазиса стал ваххабитом, он приказал отрубить ему ногу и руку и в таком виде отвезти в Эд-Дирью. Несчастный вскоре умер²³.)

В целом же, несмотря на все усилия, Саудиды с большим трудом ломали сопротивление независимых эмиров. Силы децентрализации, раздробленности, племенной анархии давали о себе знать, и должно было пройти десять-двенадцать лет после падения Эр-Рияда, чтобы Неджд оказался целиком под властью Эд-Дирьии.

Объединение Центральной Аравии. После присоединения Эр-Рияда главным противником Саудидов в Неджде стал Зайд ибн Замиль, храбрый и ловкий эмир Дилама и всего Эль-Харджа. Он пытался вновь привлечь к участию в борьбе против ваххабитов племена наджранцев. С этой целью он обратился к эмиру Наджрана с просьбой прислать ему на помощь воинов, обещая определенное вознаграждение. Наджранцы пришли, но вместо помощи начали вымогать деньги и грабить жителей Эль-Харджа. Намеченный союз не удался. Зайд ибн Замиль объявил о своем присоединении к ваххабитам, хотя через некоторое время изменил им²⁴.

Воины бану халид во главе с Арайаром в середине 70-х годов вторглись из Эль-Хасы в Неджд, захватили Бурайду в Касиме и жестоко разграбили ее. Многие правители

оазисом Неджда, недовольные властью Саудидов, готовы были поддержать хасцев, но Арайар внезапно умер. В стане бану халид началась борьба за верховенство, из которой победителем временно вышел Саадун, один из сыновей Арайара, но дирыйские эмиры начали подстрекать против него его братьев²⁵.

В течение нескольких последующих лет хасцы почти каждый год появлялись в Неджде. Вместе с бану халид в набегах участвовали кочевники из племен субай и зафир. Ряд оазисов Неджда — Харма, Эль-Маджмаа, Эз-Зильфи и многие другие — то присоединялись к ваххабитам, то отпадали от них и действовали самостоятельно, то объединялись с врагами Эд-Дирьи — Саадуну ибн Арайаром и Зайдом ибн Замилем²⁶.

Поведение жителей Йамамы в Эль-Хардже можно считать характерным для того времени. Они направили в Эд-Дирью делегацию во главе со своим эмиром и попросили Абд аль Азиза считать их его подданными. Дирыйский правитель прислал им законоведа (факыха), чтобы тот был кади в оазисе и «направлял на путь истинный» их души. Но едва этот богослов поселился в Йамаме, как жители устроили заговор с целью убить его вместе со всеми сторонниками ваххабизма. Богослов бежал. Абд аль-Азиз вынужден был направить в Йамаму Сауда с войском, чтобы обуздать недовольных и оставить там ваххабитский гарнизон²⁷.

Как велись военные действия в тот период, показывает один любопытный эпизод, приведенный Ф. Манженом. Около Дилама ваххабиты воздвигли крепость для стеснения действий дружины Зайда ибн Замия. Подходы к ней были трудными, защищали ее отборные ваххабитские солдаты. Чтобы выбить противника из крепости, диламцы под руководством одного перса, жившего в оазисе, соорудили передвижную башню на четырех колесах и обили ее свинцом для защиты от пуль. В нее залезли воины и покатали ее к крепости. Но на подходах к крепости это сооружение застряло. Лишь отчаянная вылазка отряда смельчаков из Дилама спасла воинов, находившихся в передвижной башне²⁸.

Несмотря на сопротивление, государство Саудидов постепенно расширяло свое влияние и территорию. После взятия ваххабитами оазиса Эль-Маджмаа прекратилась деятельность активнейшего антиваххабитского проповедника — Сулеймана ибн Абд аль-Ваххаба. Вместе с семьей его переселили в Эд-Дирью, где он и оставался до самой смерти²⁹.

Окончательная судьба Касима решилась в начале 80-х годов. Уже несколько лет в этой провинции происходили волнения, междоусобицы, перемежавшиеся выступлениями против Эд-Дирьи. Не утихала старая пражда, продолжали действовать прежние привязанности, антипатии и союзы. В 1782 г. в Касим вторгся Саадун ибн Арайар во главе кочевников бану халид, шаммар и зафир с весьма решительными намерениями изгнать ваххабитов. К нему присоединился Зайд ибн Замиль с войском. Несколько недель они осаждали Бурайду, оставшуюся верной ваххабитам, но на этот раз безуспешно. Антиваххабитская коалиция распалась, и хасцы покинули Неджд³⁰.

В 1783 г. Зайд ибн Замиль был убит. Во главе Дилама встал его сын Баррак. Однако положение нового эмира было неустойчивым из-за соперничества внутри правящей семьи³¹.

В 1783 — 1786 гг. Неджд постигла страшная засуха, вызвавшая голод. Положение Эль-Харджа, блокированного ваххабитами, стало отчаянным. В 1785 г. Дилам был взят штурмом. Эмир и некоторые его сторонники были убиты. Весь Эль-Хардж принес присягу верности Саудидам. Правителем Дилама был назначен ваххабитский военачальник Сулейман ибн Уфайсан³².

Примерно в эти же годы Эд-Дирьи подчинились Эль-Афладж и Эд-Давасир, хотя в последней провинции еще долго продолжались восстания против ваххабитов³³.

Тяжелую руку дирыйских правителей почувствовали на себе самые могущественные кочевые племена Аравии. Когда в 1781 г. ваххабиты разгромили кочевников зафир, они забрали у них все имущество, лагерное снаряжение, 17 тыс. овец и

коз, 5 тыс. верблюдов, 15 лошадей³⁴. Ваххабиты совершали набеги также на бану мурра, кахтан, субай, бану халид. Они проникли на север и во второй половине 80-х годов подчинили Джебель-Шаммар³⁵.

Консолидация центральноаравийских земель вокруг Эд-Дирьии завершилась. Хотя в отдельных областях происходили выступления против Саудидов, местных эмиров уже нельзя было считать их соперниками. В лучшем случае это были полузависимые вассалы, но чаще — прямые ставленники Эд-Дирьии, игравшие роль губернаторов. В конце 80-х годов, например, Сауд посетил Анайзу, один из главных городов Касима, и без всякого сопротивления сместил неугодного ему эмира. Многочисленные представители аристократии Анайзы вместе с прежним эмиром были отправлены в Эд-Дирью заложниками³⁶.

Общее укрепление власти и влияния дома Саудидов привело к тому, что Абд аль-Азиз и Ибн Абд аль-Ваххаб в 1788 г. решились на важный шаг. Они обеспечили Сауду при жизни имама Абд аль-Азиза наследственное право на трон. Вероучитель взял на себя задачу привести к присяге города и провинции государства. Сауд и так был популярен благодаря своему мужеству, военным успехам и участию в решении государственных дел³⁷. Объявление наследника престола укрепляло династию Саудидов, так как обеспечивало более безболезненный переход власти от эмира к его сыну.

Наследование от отца к сыну — обычное дело в Аравии, но вовсе не обязательное. Власть передавалась и по старшинству в роде и по личным достоинствам родственников. Решающее слово при выборе нового эмира принадлежало верхушке знати. Упорное оправдание ваххабитским летописцем Ибн Ганнамом законности присяги Сауду наводит на мысль, что идея обязательной передачи власти от отца к сыну, возможно, встретила некоторое сопротивление. Но наследование по прямой линии сохранилось вплоть до гибели первого ваххабитского государства.

Опираясь на ресурсы Центральной Аравии, ваххабиты начали успешное продвижение во всех направлениях: на восток и северо-восток — в Эль-Хасу и Нижний Ирак, на запад — в Хиджаз, на юго-запад — в Йемен, на юго-восток — в Оман, на север — к границам Сирии. Иногда в один год они совершали несколько крупных походов, иногда чередовали по годам удары, наносимые по различным районам.

Ваххабиты в Восточной Аравии. Наступление ваххабитов на Эль-Хасу облегчалось внутренними распрями в этой богатой провинции. В 1785/86 г. против Саадун ибн Арайара созрел заговор среди его ближайших родственников. Для поддержки своих планов они привлекли в качестве союзника шейха мунтафиков Су-пайни ибн Абдаллаха. Начались военные действия.

В решающем столкновении Саадун потерпел поражение и бежал. Он обратился в Эд-Дирью с просьбой об убежище, и его приняли с почетом. Есть сведения, что вскоре он умер. Правителем Эль-Хасы на некоторое время стал Дивайхис³⁸.

Давление ваххабитов на Эль-Хасу было на короткое время ослаблено неожиданным налетом шейха мунтафиков Сувайни на Касим в 1786/87 г. Он собрал большое войско с артиллерией; вместе с ним в набеге участвовали некоторые подразделения шаимаров, а также жители Эз-Зубайра. Войско Сувайни разграбило несколько селений Каеима, осадило Бурайду, но было отброшено³⁹.

Вернувшись в район кочевий мунтафиков, Сувайни захватил Басру и провозгласил себя ее правителем. По его настоянию делегация знатных жителей Басры была отправлена в Стамбул, чтобы просить у султана фирман на назначение Сувайни губернатором города. Однако это не входило в планы практически независимого от Порты Буюк Сулеймана, правителя Багдада. Осенью 1787 г. он выступил против Сувайни и разгромил его у города Сук-эш-Шуюх; затем он приказал сложить три башни из черепов его убитых воинов. Сувайни бежал, а шейхом мунтафиков стал Хамуд ибн Самир⁴⁰.

В записках аравийских летописцев, относящихся к началу существования ваххабитского государства, постоянно встречаются сообщения о столкновениях войска

Саудидов с бедуинами. Но в конце 80-х годов отмечается все более активное участие бедуинов отдельных племен в походах на стороне ваххабитов. У Ибн Бишра часто встречается фраза: «И в этом году Сауд ибн Абд аль-Азиз с победоносными армиями из оседлых жителей Неджда и его бедуинов направился в [такую-то] сторону». Через несколько лет в этой фразе все чаще бедуины ставятся на первое место, а иногда и упоминаются как самостоятельная сила.

Каждый год ваххабиты совершали рейды в глубь Эль-Хасы, достигая побережья Персидского залива. В 1787/88 г. Сулсйман ибн Уфайсан с боями прошел через Катар, затем разграбил несколько оазисов и порт Эль-Укайр в Эль-Хасе⁴¹. Набегам ваххабитов подвергались не только оазисы Восточной Аравии и кочевники бану халид, но также племя мунтафик на севере от Эль-Хасы⁴².

Ваххабиты подавляли сопротивление с большой жестокостью. Ибн Ганнам пишет, что как-то раз, ворвавшись в один из оазисов, они обнаружили «большую часть мужчин этого селения, а число их было триста, в одном из домов и всех убили»⁴³.

Осенью 1788 г. на стороне ваххабитов сражались уже некоторые подразделения племени бану халид. Вождем всех бану халид стал ставленник Эд-Дирьии Зайд иби Арайар. Эль-Хаса в целом, однако, была еще далеко не усмирена⁴⁴. Последующее упорное сопротивление ее жителей, их неоднократные восстания свидетельствовали о том, что антиваххабитские настроения были здесь сильны. Это объясняется, возможно, и наличием сильных шиитских элементов в Эль-Хасе, и тем, что ее жителям, привыкнув смотреть на неждийцев как на объект своих нападений, не могла примириться с подчиненной ролью. Не случайно ваххабиты особенно выделяли религиозные цели для оправдания набегов. Ибн Ганиам пишет, что целью похода Сауда было разрушение идолов и мест поклонения дьяволу⁴⁵.

В 1791/92 г. Сауд огнем и мечом прошел по оазисам Восточной Аравии и взял Эль-Катиф. Тем временем Сулейман ибн Уфайсан вновь совершил набег на Катар⁴⁶. Но вскоре вся Эль-Хаса была в пламени восстания. Бану халид сместили ставленника ваххабитов, шейхом стал Баррак ибн Абд аль-Мухсин, который немедленно начал набег на бедуинов и оазисы, подвластные Саудидам. Но в одном из сражений бану халид были разгромлены, потеряв более тысячи человек. Оазисы Эль-Хасы выразили покорность Сауду. Ваххабиты в течение месяца оставались в этой провинции, разрушая купола над мавзолеями, все места поклонения шиитов. В города и оазисы были посланы ваххабитские улемы⁴⁷.

В разгар покорения Эль-Хасы, в 1792 г., умер основатель ваххабитского движения, вероучитель Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб⁴⁸. Для своего времени, своего общества, своего класса он был выдающейся фигурой. О нем можно говорить как о человеке большого мужества и страсти. Чтобы бросить вызов всей религиозной системе тогдашней Аравии, оказаться лицом к лицу с разгневанными защитниками старого, нужна была недюжинная смелость. Его жизни грозила опасность, он трижды подвергся изгнанию, но это не сломило его воли. Своим страстным словом и красноречием Ибн Абд аль-Ваххаб немало способствовал успеху религиозного движения, начатого им, и расширению государства Саудидов. Ибн Бишр пишет, что «вероучитель поднял знамя джихада, хотя до него были лишь бунты и убийства»⁴⁹. Как отмечал Ф. Манжен, «он в высшей степени обладал искусством убеждать и покорял сердца своими выступлениями...»⁵⁰

Автор «Блеска метеора» отмечает еще одну важную деталь: именно Ибн Абд аль-Ваххаб якобы научил жителей Эд-Дирьии делать огнестрельное оружие и обращаться с ним⁵¹. Если он сыграл эту роль, несвойственную богослову, то следует предполагать, что его вес в образовании и военных успехах Дирьийского эмирата был еще большим, чем можно судить по летописям неждийцев.

Вероучитель был человеком большой жизненной силы. «Он любил женщин и имел двадцать жен, у него было 18 детей»⁵². Впрочем, возможно, что это преувеличение. Пятеро из его сыновей и многочисленные внуки стали известными богословами. В

последние годы жизни вероучитель одряхлел и мог выходить на молитву только при поддержке двух сопровождающих.

Ибн Абд аль-Ваххаб оставил наследникам землю с пальмами, фруктовыми деревьями и полями, которая приносила 50 тыс. захабов в год, а также библиотеку с несколькими сотнями книг. После смерти вероучителя муфтием Эд-Дирьии стал его сын Хусейн, который был почти слепым, а затем — другой сын, Али, прославившийся своим женолюбием. Али сменил пятьдесят или шестьдесят жен, пока, наконец, не остановился на четырех⁵⁵.

Богословский клан, который стал именоваться Ааль аш-Шейх, сохранил вес, влияние и почет в государстве Саудидов до наших дней, но ни один из потомков вероучителя не поднимался до положения «серого кардинала», каким был Ибн Абд аль-Ваххаб в Дирьийском эмирате.

Тем временем в Эль-Хасе вновь началось восстание против власти недждийцев. Жители Хуфуфа убили тридцать представителей Эд-Дирьии — губернатора, чиновников, ваххабитских улемов, протащили их тела по улицам города и публично изуродовали. Хуфуф поддержали еще несколько оазисов. Ваххабитский ставленник Зайд ибн Арайар, вождь бану халид, изменил хозяевам и принял участие в восстании.

Осенью 1793 г. Сауд с большими силами направился в Эль-Хасу. Бедуины из его войска грабили все на своем пути, убивали без пощады сопротивлявшихся, разоряли пальмовые рощи, забирали урожаи фиников, пасли на полях свой скот. Соперник Зайда ибн Арайара и прежний противник ваххабитов Баррак ибн Абд аль-Мухсин перешел на их сторону. Вся Эль-Хаса выразила им покорность. Баррак ибн Абд аль-Мухсин был назначен эмиром провинции⁵⁴, но весной 1796 г., воспользовавшись тем, что ваххабиты были заняты военными действиями на западе и юго-западе от Неджда, попытался сбросить их власть⁵⁵. Через несколько месяцев Сауд с сильной армией прибыл в Эль-Хасу и вновь подавил восстание⁵⁶.

Вот как описывает покорение Эль-Хасы Ибн Бишр:

«Когда пришло утро и после молитвы выступил Сауд, когда они (ваххабиты. — *А.В.*) уселись на верховых животных и разом выстрелили из ружей, то потемнели небеса, содрогнулась земля, в воздух поднялись клубы дыма, а у многих беременных женщин в Эль-Хасе произошел выкидыш. Тогда к Сауду явились все жители Эль-Хасы, чтобы он казнил их или миловал.

Он приказал им всей явиться к нему, и они явились. Он оставался там несколько месяцев, убивая, кого хотел убить, изгоняя, кого хотел изгнать, заключая в тюрьму, кого желал заточить, забирая имущество, разрушая дома и воздвигая крепости. Он потребовал от них тысячи дирхемов и взял их. И все потому, что они часто не выполняли договор и отвергали мусульман, а враги (мусульман) вовлекали их (в борьбу) против них. Увеличил Сауд число их убийств. И вместе с Наджимом ибн Духайнмом несколько человек хватили на базарах тех, кто беспутничал и отвергал договор... Этого убивали прямо в оазисе, а этого тащили к лагерю и отсекали голову перед палаткой Сауда, пока не истребили они их, за исключением немногих. В этом набеге Сауд завладел несчетными деньгами. Когда он решил покинуть Эль-Хасу, он схватил нескольких знатных из населения Эль-Хасы... отправился с ними в Эд-Дирьию и поселил их там. В Эль-Хасе он назначил эмиром упомянутого Наджима, а он — человек из простонародья Эль-Хасы»⁵⁷.

Чтобы выплатить наложенную ваххабитами контрибуцию, жители Эль-Хасы распродала свое имущество. У них потребовали сдать все оружие⁵⁸.

Так завершилось покорение ваххабитами Восточной Аравии. В зависимость от Саудидов попали владения на материке, принадлежавшие бахрейнской правящей семье Ааль Халифа⁵⁹.

В начале 90-х годов военные действия к западу от Неджда также были в полном разгаре.

Эмират Саудилов и Хиджаз до 1802 г. После возникновения ваххабитского движения и начала экспансии эмирата Саудилов между диррийскими правителями и хиджазской аристократией долгое время не было военных столкновений. Саудилов были заняты покорением Неджда и Восточной Аравии, а в Мекке шла напряженная внутренняя борьба.

Власть шерифа Мусаида, правившего с 1752 по 1770 г., была непрочной. К концу его правления над Меккой нависла угроза потери широкой автономии, которой она пользовалась в Османской империи. В 1769 г. каирский правитель Али-бей провозгласил независимость Египта от Порты. К своим владениям он присоединил Хиджаз. Но попытка Али-бея создать независимое арабское государство не увенчалась успехом, и Хиджаз освободился от власти египтян⁶⁰.

По сообщениям аравийских летописцев, Саудилов и вероучитель пытались поддерживать с правителями Мекки дружественные отношения и даже питали надежду сделать их приверженцами обновленной религии. Вскоре после переезда вероучителя в Эд-Дирью тридцать ваххабитских богословов прибыли в Мекку, чтобы получить разрешение на паломничество и провести диспут с мекканскими богословами. Хиджазцы, по сообщению Дахлана, сочли учение ваххабитов страшной ересью и безбожием. Шериф велел повсюду распространить в посланиях доказательства еретичности ваххабизма, а «подлых безбожников» заковать в цепи и бросить в тюрьму. Некоторым из них удалось бежать, и они сообщили о происшедшем в Эд-Дирью⁶¹.

В начале 70-х годов Ибн Абд аль-Ваххаб и Абд аль-Азиз вели переписку с шерифом Мекки и обменивались с ним подарками. Мекку вновь посетил педждийский богослов для изложения принципов ваххабитской доктрины, но, видимо, без успеха⁶². В те годы шерифы временами не препятствовали паломничеству ваххабитов. Когда в 1773 г. правителем Мекки стал Сурур, Абд аль-Азиз послал ему ценные подарки в знак своей дружбы⁶³.

Видимо, пока интересы недждийцев и хиджазцев прямо не сталкивались и пока хиджазцы опасались вмешательства в свои дела египтян или турок, правители Мекки и Эд-Дирьи поддерживали умеренно дружественные отношения. Что касается учения ваххабитов, то хиджазские улемы и аристократия с самого начала отнеслись к нему враждебно.

Правитель Мекки Сурур сумел сломить своеволие шерифских семей и укрепить свои позиции в Хиджазе⁶⁴. Однако в 1788 г., вскоре после смерти Сурура, шерифом Мекки стал молодой Галиб ибн Мусаид, не имевший реальной власти и некоторое время бывший лишь орудием в руках рабов и евнухов прежнего эмира. Они стали притеснять местных жителей, настроив их против себя. Это помогло Галибу вскоре расправиться с непокорными рабами и укрепить свой авторитет. Галиб был храбрым воином и проницательным политиком. Он умел поддерживать хорошие отношения с соседними с Меккой бедуинскими племенами и, опираясь на них, а также на обновленную гвардию рабов в несколько сот человек, проводить завоевательные набеги⁶⁵.

Первоначальные планы Галиба в отношении Неджда неизвестны. Во всяком случае, после того как он стал эмиром Мекки, он направил Абд аль-Азну письмо с просьбой прислать богослова для изложения принципов ваххабизма. Вновь был послан один из недждийских улемов. Но его миссия не увенчалась успехом, и Галиб, видимо, лишний раз убедился в несовместимости учения ваххабитов с интересами хиджазцев⁶⁶.

В 1790/91 г. шериф Мекки снарядил экспедицию против Неджда — десяти тысячное войско с 20 пушками под командованием своего брата. Позднее во главе похода стал сам Галиб. Но попытки завладеть укрепленными оазисами Неджда были тщетными, и его союзники — некоторые бедуинские племена — покинули шерифа. С основным ядром войск он вернулся в Мекку. Летом 1791 г. Сауд в районе Джебель-Шаммара нанес сокрушительное поражение союзникам шерифа, участвовавшим в его

экспедиции, — кочевникам шаммар и мутайр. Бедуины бежали, оставив ваххабитам богатейшую добычу — около ста тысяч овец и коз и несколько тысяч верблюдов⁶⁷.

Отряды ваххабитов начали совершать набеги на регионы, расположенные между Нсдждом и Хиджазом, и на оазисы и племена, подвластные шерифу. В мае 1795 г. Сауд уже осаждал Турабу — важный стратегический пункт на подступах к Хиджазу⁶⁸.

Летом того же года в ответ на нападение ваххабитов хиджазцы совершили газу в Нсджд. Ободренный успехом набега, Галиб зимой 1795/96 г. снарядил новое войско с пушками для экспедиции в глубь Аравии. Оно было наголову разбито объединенными силами подвластных Эд-Дирьии кочевых племен мутайр, субай, сухуль, давасир, аджман и, видимо, некоторыми подразделениями атайба. По утверждению Ибн Ганнама, добыча ваххабитов составила 30 тыс. верблюдов и 200 тыс. овец и коз⁶⁹. Проводя операции против ваххабитов, шерифы должны были все время оглядываться на турок, так как опасались, что их долгое отсутствие в Мекке может явиться стимулом для вмешательства османских пашей в дела Хиджаза.

Тяжелое поражение заставило Галиба пойти на перемирие⁷⁰. Тем не менее уже в следующем году войска шерифа вновь атаковали бедуинов-ваххабитов. Но недждийцы явно имели перевес в силах. Продолжая свое продвижение на юг, они вышли в Наджран, на северные границы Йемена⁷¹. Видимо, к этому периоду относятся их контакты и с жителями Асира.

Могущественное племя атайба, которое раньше подчинялось мекканским шерифам, в 1797/98 г. присоединилось к Дирьийскому эмирату. Бедуины согласились выполнять все положения ваххабизма, платить закят и внести контрибуцию за прежние враждебные действия. По сообщению Ф. Манжена, кочевники с каждой семьи заплатили по 4 риала и с каждого рода — определенное количество оружия, лошадей, верблюдов⁷².

В 1798 г. Галиб, имея в составе своего войска турецких, египетских и магрибинских наемников, несколько раз пытался продвинуться до Эль-Хурмы и Биши. Он был разгромлен, потеряв несколько сот человек; все вооружение, снаряжение, а также большие суммы денег попали в руки ваххабитов. Дирьийский эмир установил контроль над Бишей. Мекканский шериф вновь пошел на перемирие и разрешил ваххабитам совершать хадж⁷³. Через два года, как сообщает Ибн Бишр, Сауд с семьей и поиском совершил первое паломничество в Мекку, а на следующий год — второе. Там он щедро раздавал подарки и вербовал себе сторонников⁷⁴. Именно в это время Осман аль-Мудайфи, родственник шерифа, установил с ним связь и предложил свои услуги⁷⁵. В 1800 — 1801 гг. ваххабитские улемы опять прибыли в Мекку для проведения богословского диспута⁷⁶.

Становилось очевидным, что ваххабиты были близки к полному подчинению Хиджаза.

Неудачные экспедиции багдадского паши в Эль-Хасу. Одновременно с завоеванием Эль-Хасы, а особенно после ее покорения ваххабитские отряды совершали набеги на районы, расположенные к северу от нее. Их нападениям, в частности, подвергались кочевые племена и селения Нижнего Ирака. Тревожные вести об активности ваххабитов доходили до Багдада и даже до Стамбула. Подталкиваемый Портой, багдадский паша готовился выступить против ваххабитов.

Багдадский пашалык в те годы находился на особом положении в Османской империи. После разорительных турецко-персидских войн, после смут и внутренних междоусобиц власть в Багдаде захватили мамлюки. С 1780 г. здесь правил Буюк Сулейман, грузинский мамлюк бывшего багдадского паши. Стамбул вынужден был утвердить его на этом посту. По мнению С. Лонгрига, «в течение полувека (с 1780 г.) власть грузинского паши, опиравшегося лишь на гражданскую и военную организацию в стране, была властью независимого монарха. Полунаследственная монархия, ис турецкая по своему происхождению, приведенная к власти не турецким правительством, теперь настолько прочно укрепились, что в течение 50 лет султан мог считать Ирак лишь

заслуживающим уважения соседом»⁷⁷. Английская Ост-Индская компания поддерживала багдадского пашу против султана.

Фактическая независимость от Стамбула не исключала из жизни Багдадского пашалыка ни постоянной борьбы за власть, ни восстаний отдельных районов, городов или племен. Неподчинение бапидского паши слабеющей Порте еще не означало силы Багдадского пашалыка. Это наглядно продемонстрировали удары, нанесенные ему ваххабитами.

Экспансия Дирьийского эмирата в этом районе была нацелена на северо-восток. В том же направлении на протяжении столетий шла общая миграция арабских племен. В частности, известно, что в XVIII в. шаммары проникли далеко в глубь Ирака и даже переселились за Тигр⁷⁸. Во время страшного голода в Центральной Аравии в 60-х годах жители Неджда переселялись в Эз-Зубайр и дальше на север⁷⁹.

Бедуинские племена, кочевавшие в Нижнем Ираке, поддерживали с городами и селениями Ирака тесные связи. Правители Багдада были заинтересованы в их помощи для обеспечения безопасности торговых путей, селений и городов; они также приобретали у них вьючных и верховых животных. Продолжая тысячелетние традиции правителей Междуречья, багдадские паши с большей или меньшей щедростью одаривали вождей бедуинов и даже вооружали их, чтобы они отражали набеги кочевников из глубинных областей Аравии. Использование мунтафиков и других племен в попытке сокрушить власть ваххабитов в Эль-Хасе полностью соответствовало этой политике.

Поход против ваххабитов возглавил Сувайни. Бывший вождь мунтафиков, изгнанный после неудачной попытки утвердиться в Басре, долгое время скитался, даже некоторое время жил в качестве почетного гостя в Эд-Дирьии. Затем, по одним данным, вновь захватив власть в своем племени, он обратился к Буюк Сулейман-паше с просьбой вооружить его против ваххабитов⁸⁰. По другой же версии, Сувайни убедил багдадского правителя передать ему власть над мунтафиками, обещая совершить экспедицию в Неджд и разгромить ваххабитов, и тогда Буюк Сулейман сместил Хамуда ибн Самира с поста главы племени и назначил на его место Сувайни⁸¹.

В начале 1797 г. Сувайни выступил против ваххабитов. Под его началом были регулярные войска, а также отряды из Басры и Эз-Зубайра. Он располагал и несколькими пушками. Некоторые подразделения племени бану халид во главе с бежавшим из Эль-Хасы Барраком ибн Абд аль-Мухсином присоединились к его походу.

Абд аль-Азиз, понимая опасность ситуации, собрал все свои силы. В Эль-Хасу он направил лучшую кавалерию «с вождями, привыкшими побеждать»⁸². Верным бедуинам он приказал занять территорию кочевий племени бану халид, которое могло присоединиться к Сувайни, и защищать главные колодцы. Вслед за тем в Эль-Хасу было послано самое стойкое войско ваххабитов, состоявшее из оседлых жителей Арида.

В Эль-Хасе начались тяжелые бои между войском Сувайни и ваххабитами, но судьба неожиданно улыбнулась правителю Эд-Дирьии. В разгар кампании Сувайни был убит своим черным рабом Туайсом, фанатиком-ваххабитом. Туайса изрубили на месте. Но гибель Сувайни решила исход борьбы. От мунтафиков откололись бану халид во главе с Барраком, что внесло сумятицу в войско Сувайни. Поднялась паника, и отряды кочевников и турок начали поспешно отступать на север, бросая оружие и снаряжение. Весь лагерь Сувайни и его артиллерия в июне 1797 г. попали в руки ваххабитов. Преследуя противника, отряды ваххабитов появились в низовьях Евфрата⁸³.

В следующем году ваххабиты проникли в пустыни Сирии, а в Ираке подошли к городам Сук-эш-Шуюк и Самава⁸⁴. Сирия и Ирак, населенные «многобожниками», дразнили воображение жителей Аравии как желанная цель.

В конце 90-х годов Порты постоянно слала багдадскому паше приказы покончить с ваххабитами. Во главе армии был поставлен Али, кахья Буюк Сулейман-паши. Мнения историков относительно времени иракского похода в Эль-Хасу расходятся. Ибн Бишр и Ф. Манжен сообщали, что войска багдадского правителя вторглись в Эль-Хасу а 1799 г.⁸⁵

Х. Бриджез утверждал, что он был свидетелем выступления войска Али из-под Багдада в сентябре 1798 г.⁸⁶, Л. Корансез называл 1798 г.⁸⁷ как время проведения кампании. И. Буркхардт дал 1797 г.⁸⁸, Ибн Санад называл 1798/99 г.⁸⁹, Ж. Раймон утверждал, что уже в начале января 1798 г. турецкая армия вторглась в Эль-Хасу⁹⁰.

Для выяснения истинных дат можно оттолкнуться от показаний свидетеля событий, Х. Бриджеза, который к моменту выступления армии Али как раз прибыл в Багдад в качестве английского политического агента. Войска из Багдада двигались в низовья Евфрата с тяжелыми обозами, вбирая в себя по пути бедуинское ополчение. Поэтому в Эль-Хасе они могли появиться лишь в конце 1798 — начале 1799 г., что соответствует данным Ибн Бшира, Ибн Санада и Ф. Манжена. И. Буркхардт, очевидно, спутал поход Сувайни с походом Али. В Хиджазе, далеко от театра военных действий о Эль-Хасе, вполне могло произойти такое смещение, особенно спустя полтора десятка лет после событий.

Армия, посланная правителем Багдада, имевшая в своем составе пехоту, кавалерию, а также иррегулярные бедуинские отряды шаммаров, мунтафиков, зафиров, насчитывала более десяти тысяч человек. Население Хуфуфа и других оазисов сдалось на милость Али-кахьи. Ваххабиты, засевшие в крепостях, мужественно отбивали все атаки. Особенно упорно оборонялся Кут. Не помогли ни пушки, ни осадные машины, ни подкопы. Войско вторжения было деморализовано и начало откатываться, преследуемое ваххабитами. Али вступил в переписку с Саудом и заключил с ним перемирие⁹¹. Его неудача была вызвана общим низким моральным состоянием солдат, трудностями переходов по безводной местности, контролируемой ваххабитами. В военном совете Али, по мнению Х. Бриджеза, были шпионы Сауда. Кроме того, наступательный порыв ваххабитов еще не иссяк, религиозный фанатизм и дисциплина превратили неждидцев в стойких бойцов. По сообщению Ибн Санада, многие жители Эль-Хасы ушли в Ирак, опасаясь мести Сауда⁹².

В 1799 г. в Багдад прибыл представитель дир'ийского эмира для утверждения пашой соглашения между Саудом и Али. Х. Бриджез, который присутствовал при встрече дир'ийского посла с багдадским пашой, оставил ее любопытнейшее описание. Чтобы произвести впечатление на жителей пустыни, во дворце паши была проведена соответствующая подготовка. Посла встречали разряженные и надутые приближенные Буюк Сулеймана. Они приготвились взять посла под руки и представить паше. Но просто одетый ваххабит отстранил встречающих, направился прямо к Буюк Сулейману, наряженному в шелковые одежды, меха и драгоценности, и присел рядом с ним. «О Сулейман, — сказал он, — мир всем, у кого праведные мысли. Абд аль-Азиз послал меня, чтобы передать тебе это письмо и получить от тебя подтверждение соглашения, заключенного между его сыном Саудом и твоим слугой Али. Пусть это будет сделано быстро и в правильной форме. И проклятие Аллаха будет на том, кто ведет себя предательски». «Если ты ищешь наставления, Абд аль-Азиз обеспечит тебе его», — дерзко добавил он, намекая, что веру Сулеймана ваххабиты считали «многобожием». Он протянул паше договор, написанный на клочке бумаги⁹³.

Было очевидно, что соглашение с багдадским пашой дир'ийские правители ценят невысоко, и Буюк Сулейман попытался добиться от них более определенных обязательств. Специальный представитель Сулейман-паши отправился в Эд-Дир'ию для переговоров о Саудом. Он пытался добиться от ваххабитов обязательства не нападать на мусульманские святыни в Нижнем Ираке. Но Сауд рассмеялся и сказал посланцу паши: «Что к западу от Евфрата — то мое, а что к востоку — то я оставляю паше»⁹⁴.

Немало смелости ваххабитам придавали сообщения о вторжении в Египет в 1798 г. французской армии Наполеона и бессилии Порты перед лицом завоевателя.

В 1801 г. французов в Египте сменили англичане. Аравия оказалась отдаленной периферией главного театра военных действий. Это развязало руки ваххабитам для дальнейшей экспансии.

Разгром Кербелы. У диръийских правителей созрел замысел захватить Кербелу, где находились ненавистные им святыни шиитов, в особенности мечеть Хусейна, в которой, как считалось, был похоронен внук пророка. Бедуины постоянно торговали с Кербелой и знали ситуацию в городе. Свои замыслы ваххабиты осуществили в марте — апреле 1802 г.⁹⁵

В европейской и отечественной востоковедческой литературе датой разгрома Кербелы принято считать апрель 1801 г. Если обратиться к источникам этих сведений, то обнаруживается, что 1801 год называли Ж. Руссо⁹⁶, Л. Корансез⁹⁷, И. Буркхардт⁹⁸ и Ф. Манжен⁹⁹.

Арабская историческая литература, а из европейцев — Г. Филби¹⁰⁰ это событие переносят на год позже — на март — апрель 1802 г. Основанием для этого служит хроника Ибн Бишра. Его дату подтверждают Ибн Санад¹⁰¹ и Ж. Раймон¹⁰², «Журнал различных предметов словесности»¹⁰³ и «Вестник Европы»¹⁰⁴. За исключением «Вестника Европы», все эти источники стоят хронологически близко к описываемым событиям.

Окончательно решить вопрос в пользу 1802 г. позволяет донесение из Ирака, написанное не позднее лета 1803 г. и попавшее в российское посольство в Стамбуле. Человек, живший в то время в Ираке, сам беседовавший со свидетелями разгрома Кербелы, вряд ли мог ошибиться в дате столь важного события на целый год¹⁰⁵. Между прочим, сравнение текста послания из Ирака с описанием разгрома Кербелы ваххабитами, приведенным шесть лет спустя в книге Ж. Руссо, обнаруживает их почти полную идентичность. Каким образом донесение французского консула в Ираке попало в российское посольство в Стамбуле, сказать трудно. Изменение даты взятия Кербелы ваххабитами в книге Ж. Руссо вызвано, возможно, небрежностью автора или наборщика.

Видимо, первоисточники неверных сведений — Ж. Руссо и Л. Корансез, которые вообще несколько вольно обращались с датами. И. Буркхардт и Ф. Манжен, знакомые уже с их сочинениями, без проверки приняли эту датировку. Однако, как писал в предисловии к опубликованному донесению Ж. Рабмона французский востоковед Э. Дрио, в своих ранних статьях Л. Корансез дату разгрома Кербелы также относил к 1802 г.¹⁰⁶

«Мы недавно увидели в жуткой участи Имам-Хусейна ужасный пример жестокого фанатизма ваххабитов, — писал европейский резидент в Ираке. — Было известно, что в этом городе скопились невероятные богатства, равных которым, возможно, никогда не было в сокровищнице персидского шаха. Ибо в течение нескольких веков Имам-Хусейну дарили серебро, золото, драгоценные камни, большое количество редкостей... Тамерлан пощадил это место, и все знали, что большая часть богатой добычи, привезенной Надир-шахом из похода в Индию, была передана вместе с его собственными богатствами в Имам-Хусейн и в Имам-Али. И вот эти огромные богатства, которые скопились в первом из них, уже в течение долгого времени возбуждали алчность ваххабитов: они постоянно мечтали о разграблении этого города и были настолько уверены в успехе, что их кредиторы назначали выплату долгов на счастливый день, когда сбудутся их надежды.

Этот день наконец настал — 20 апреля 1802 г. 12 тыс. ваххабитов внезапно напали на Имам-Хусейн; после того как они захватили огромную добычу, подобной которой не приносили самые большие победы, они все предали огню и мечу... Старики, дети, женщины — все гибли от меча этих варваров. Утверждают также, что если они видели беременную женщину, они вспарывали ей живот и оставляли плод на окровавленном теле матери. Их жестокость не могла насытиться, они не прекращали убийств, и кровь текла рекой... В результате кровавой катастрофы погибло более четырех тысяч человек... Ваххабиты увезли награбленное на более чем четырех тысячах верблюдов¹⁰⁷.

Затем после грабежа и убийств они разрушили также мавзолей имама и превратили его в клоаку мерзости и крови. Они в особенности повредили минареты и купола, так как считали, что кирпичи, из которых построены эти сооружения, сделаны из золота»¹⁰⁸.

Примерно теми же красками описывает Ф. Манжен разгром Кербелы. Он сообщает, что ваххабиты учинили в городе резню, но пощадил женщин, детей,

неможных и стариков. Купол мечети над могилой Хусейна был разрушен. Здесь хранились несметные сокровища, собранные благодарякладам богатых персов. Один из служителей мечети, надеясь спасти свою жизнь, якобы обещал показать ваххабитам потаенные клады, но в общей суматохе его убили, и спрятанные сокровища не были найдены. Ваххабитам досталась богатейшая добыча, в частности сабли, усыпанные драгоценными камнями, огромная жемчужина размером с голубиное яйцо. Оружие и жемчужину Сауд взял себе. Были захвачены вазы и лампы из драгоценных металлов, золотые украшения, вделанные в стены, персидские ковры, позолоченная медь с крыши. В руки ваххабитов попали также запасы кашемировых шалей, индийских тканей, 2 тыс. простых сабель. 2,5 тыс. ружей, черные рабы, огромные суммы денег в звонкой монете. Грабёж продолжался восемь часов; вскоре после полудня ваххабиты покинули Кербелу¹⁰⁹.

Ваххабитский летописец Ибн Бишр, сообщая об этом событии, писал: «В этом году Сауд с победоносными армиями и знаменитыми породистыми лошадьми, со всеми оседлыми Неджда и его бедуинами, жителями Джануба, Хиджаза, Тихамы и другими направились к Кербеле... Мусульмане окружили ее и взяли штурмом. Они убили большую часть жителей на рынках и в домах. Они разрушили купол над могилой Хусейна. Они взяли то, что было в мавзолее и что около него. Они взяли покрывало с могилы, украшенное изумрудами, яхонтами и жемчугом. Они взяли все, что нашли в городе из имущества, оружия, одежд, тканей, золота, серебра, ценных книг. Все это невозможно сосчитать. Они оставались там лишь утро, а после полудня уже ушли, забрав все имущество. Из жителей Кербелы было убито примерно 2 тыс. человек»¹¹⁰.

Ваххабиты почти не встретили сопротивления. Это объяснялось тем, что часть жителей-шиитов отправилась в паломничество в Эн-Неджеф. Возможно также, что губернатор Кербелы, фанатичный суннит, не принял достаточных мер для обороны этого шиитского города¹¹¹.

Разгром Кербелы явился серьезнейшим поражением для престарелого и немощного Буюк Сулейман-паши. Султан давно ждал повода сместить независимого пашу, у которого и внутри Ирака было достаточно молодых и энергичных противников, для них победа ваххабитов была желанным предлогом для выступления против Буюк Сулеймана. Положение паши осложнялось тем, что шах Персии Фатх-Али постоянно упрекал его в неспособности обеспечить охрану шиитских святынь и грозил послать в Кербелу персидские войска¹¹². Действительно, через несколько лет после разгрома Кербелы Персия уже воевала с Багдадским пашалыком. Однако в Багдаде, помня о неудачных экспедициях в Эль-Хасу, считали невозможным нанести поражение ваххабитам в глубине Аравии. Основное внимание было уделено укреплению городов и восстановлению Кербелы и мечети Хусейна.

Временный захват ваххабитами Мекки и реакция Порты. После разгрома Кербелы главным театром военных действий стал Хиджаз. К этому времени Сауд уже дважды совершил хадж с войском и семейством, продемонстрировав военную силу и выяснив на месте обстановку в Хиджазе. К ваххабитам присоединились племена Асира, которые готовы были поддержать наступление на Мекку¹¹³.

Положение Галиба в тот момент было сложным. Его вымогательства и деспотичное правление рождали недовольство в Мекке и других городах. Постоянно растущие пошлины в Джидде лишали его симпатий торговцев. Перевес сил был уже на стороне недждийцев, и шерифы направили запросы в Стамбул, требуя оружия. Но у Высокой Порты в тот момент были более серьезные заботы, чем ваххабитская угроза Мекке. В конце 1798 г. в Мекку прибыл султанский фирман, в котором содержалось требование укрепить города в Хиджазе на случай возможного вторжения французских войск. Стены Джидды были починены, и население занялось военной подготовкой¹¹⁴.

В 1798 г. английская эскадра адмирала Блэнкета бомбардировала занятый французами Суэц. На обратном пути она бросила якоря в Джидде; англичане потребовали прервать торговлю Хиджаза с Египтом. Шериф на словах принял их требование, но

торговля продолжалась. Галиб даже установил связи с французами, однако не препятствовал и посылке отряда аравийских добровольцев, которые сражались против французов в Верхнем Египте¹¹⁵. Несмотря на попытки Галиба увеличить свою гвардию и наемные отряды, его военный потенциал уменьшался вследствие отпадения ряда кочевых племен Хиджаза¹¹⁶. Но особенно тяжелой и болезненной потерей был переход на сторону ваххабитов его родственника и ближайшего помощника Османа аль-Мудайфи, который немедленно начал собирать вокруг себя бедуинов, бывших ранее сторонниками Галиба¹¹⁷.

Инициативу взял на себя Галиб и первым нанес удар, но потерпел неудачу. К аль-Мудайфи подошли бедуины кахтан и атайба и другие ваххабитские племена, а также подкрепления из близлежащих районов Раньи, Биши, Турабы. Он начал энергичное наступление на Хиджаз. В 1802 г. город и оазис Эт-Таиф были взяты почти без боя и подвергнуты беспощадному разграблению. Ваххабиты убили около 200 жителей и разрушили ряд домов. Каждый день в город являлись бедуины и растаскивали все ценное, уничтожая также тысячи книг¹¹⁸.

Встревоженный Галиб попытался получить помощь от Порты. «Тирания и вымогательства шерифа Мекки поощрили победоносных ваххабитов» приблизиться к Мекке. Они «захватили Эт-Таиф... Шериф просит помощи у каирского паши и Порты»¹¹⁹, — доносил российский генеральный консул в Египте Ш. Россетти.

В Стамбуле были еще свежи впечатления о разгроме Кербелы, там всерьез стали опасаться за участь Мекки и попытались принять какие-то меры для противодействия ваххабитам. «Вследствие полученных Портою от мекканского шерифа донесений о приближении сильного корпуса арабов вегаби к Мекке дано в арсенал повеление изготовить немедленно до 20 военных судов, которые отправлены будут Египту. Вооружение оных производится весьма тщательно, но в матросах столь великий недостаток, что, невзирая на большую плату, набор оных чинится принужденно»¹²⁰, — писал российский посол в Стамбуле А. Италинский.

В конце марта 1803 г. он доносил в Петербург: «В настоящих обстоятельствах положения своего Порты почитает опасными ей только умыслы Франции и мятежнические движения нескольких колен арабских, называемых вегаби, простирающихся числом касательно военных между ними людей до 60 тыс. Они в виде имеют завладеть богатствами храмов Мсккского и Мединского и предпринимают основать веру единобожия, противную магометанской. Для обращения их к почитанию Алкорана послан к ним отсюда искусный в учении оная книги улема; между тем принимаются и другие меры; назначено войско, которое должно атаковать их со стороны линии, идущей от Бассоры к Эль-Аришу, между тем как со стороны Геджаза действовать против них будет Мединский шериф»¹²¹.

Однако падение Мекки предотвратить не удалось.

Сауд с главными силами ваххабитов в конце марта 1803 г. направился в Хиджаз. В это время в Мекке находились вооруженные паломники из Сирии, Египта, Магриба, Маската и других стран. Несмотря на просьбы Галиба, они отказались участвовать в военных действиях против ваххабитов. Шериф, оставшись в одиночестве, с немногочисленными верными ему воинами бежал в Джидду и начал спешно укреплять ее. Сауд направил жителям Мекки послание с изложением ваххабитских догматов и с обещанием проявить милость к покорным. Его агенты распространяли слух, что он явился сюда лично с целью не допустить своеволия бедуинов и предотвратить разгром ими священного города.

В апреле 1803 г. ваххабиты, соблюдая порядок, вошли в Мекку¹²². Совершив обряд паломничества, они стали разрушать все мавзолеи и мечети с куполами, воздвигнутые в честь героев раннего ислама. Они сровняли с землей все здания, архитектура которых не соответствовала их догмам. Они обязали жителей Мекки регулярно молиться, не носить шелковых одежд, не курить публично. Груды трубок были сожжены на площадях, и продажа табака была запрещена. Молитву за султана в мечетях отменили. Губернатором

Мекки ваххабиты сделали Абд аль-Муина, брата Галиба. Судьей Мекки вместо турецкого кади был назначен диръийский богослов, который в отличие от своего предшественника, турка, произвел благоприятное впечатление своей справедливостью¹²³.

Европейские востоковеды сообщают о письме, якобы посланном Саудом турецкому султану Селиму III. Содержание его любопытно: «Сауд — Селиму. Я вошел в Мекку на четвертый день мухаррема 1218 г. х. (26 апреля 1803 г.). Ее жителям я даровал мир. Я разрушил все объекты идолопоклонства. Я запретил все налоги, кроме тех, которых требует закон. Я подтвердил назначение кади, посланного тобой в соответствии с учением посланника Аллаха. Я хочу, чтобы ты отдал приказ правителям Дамаска и Каира не приближаться к священному городу с махмалем, трубами и барабанами. Религии не нужно это. Мир и благословение Аллаха пусть будут с тобой»¹²⁴.

Было ли послано подобное письмо, сказать трудно. В арабских источниках ничего не говорится о его существовании. Но известие о взятии Мекки повергло Стамбул в панику и уныние. Потеря Мекки наносила жесточайший удар по престижу султана — халифа, покровителя священных городов. «Я, слуга и покровитель Мекки и Медины, самых благородных из городов, священных мест, куда все народы обращают свои молитвы, а равно священного города Иерусалима, — именовал себя официально султан. — Я, верховный халиф и счастливый монарх бесчисленных царств, провинций и городов, вызывающих зависть повелителей мира и расположенных в Азии, в Европе, на Белом и на Черном морях, в Хиджазе и в Ираке...»¹²⁵ и прочая, и прочая, и прочая.

А. Италинский доносил в Петербург: «Абдул-вегаб овладел Меккою без всякого со стороны обывателей сопротивления и пожаловал в шерифы одного города племянника бывшего шерифа, который при приближении его к Мекке бежал в Джедду». Посол отмечал, что Порта не обратила бы внимания на это, если бы «вегаб ограничил бы поступок свой в Мекке изгнанием шерифа и постановлением другого». Но «вегаб в качестве реформатора магометанской веры» начал наводить в Мекке свои порядки, что «крайне оскорбляет Порту»¹²⁶.

Дело не ограничилось «оскорблением». «Несогласия, раздражающие внутренности Турецкой империи, разграбление вегабиями Мекки и беспрестанно умножающееся число податей произвели в черни сея столицы общее неудовольствие на правительство», — говорилось в «Записке константинопольских вестей и разглашений»¹²⁷.

Нужно было действовать, но Порта оказалась не в состоянии направить против ваххабитов собственные силы и потому обратилась за помощью в Акку и Багдад.

«Намерение, принятое правительствующею частию министерства, употребить Джебара-пашу против вегабитов получает от непредвиденного обстоятельства... важное подкрепление, — писал А. Италинский. — Порта получила от Джебара-паши депеши, в которых он доносит о завоеваниях Абдул-вегаби, о несуществовании препятствий дальнейшему оных распространению, о приметных расположениях его овладеть Сириею... наконец, изъявляет готовность спую поднять подвиг против одного опасного неприятеля веры и престола, обещает в шесть месяцев одолеть и рассыпать ополчение его и возвратить Порте похищенные им владения; но дает обет сей на условии, чтоб Порта объявила его сераскером экспедиции, независимым во всех действиях его... Последует неминуемо решение воспользоваться предложением Джебара-паши. Визирь, невзирая на ненависть к Джебазу, и не отважится к не в состоянии препятствовать воследованию такого решения. Абдул-вегаби, поставив важность и могущество свое на степени, на которой будут они непременно, когда покорит себе Дамаск, может предпринять объявить Султана незаконным калифом и восстановить калифах Омийядов, которых род н прежде почитался имеющим исключительное право на преемничество магометанского первосвященства и ныне многими почитается даже в столице сей». Эти обстоятельства, а также невозможность совершить хадж «производят в городе роптание, которое нарочито тревожит Порту, ибо может иметь опасные последствия»¹²⁸.

Паша Багдада доносил Порте, что «он идет в поход искать их в собственной земле их, что поставляет он себе предметом истребить их и что для сего имеет он 5 тыс. конницы, 10 тыс. пехоты и 60 тыс. верблюдов; надеется, что в шесть месяцев экспедиция сия может быть окончена». Он просил у Порты артиллерии, пороху и палаток.

Имея сообщения от правителей Сирии и Ирака, «Порта ласкает себя надеждою быть в скором времени совершенно освобожденной от страха». Однако посол сомневался в способности Багдада нанести удар и верно замечал, что «Джезар думал больше о захвате Дамаска, чем о походе против ваххабитов»¹²⁹.

Все же Порте удалось послать в Хиджаз небольшой турецкий отряд во главе с Шериф-пашой. На этот раз диръийский эмир, войско которого значительно поредело от болезней, не смог закрепиться в Хиджазе¹³⁰.

«Появившиеся болезни в армии Абдельвагаба принудили его снять осаду Джедды, — писал Ш. Россетти. — Шериф-паша соединился с шерифом (Мекки. - А.В.), они пошли к Мекке к заняли ее... Мекхский шериф имеет отличное уважение к Шерифу-паше, уступив ему начальство над поисками»¹³¹. Городская цитадель, где засел отряд ваххабитов, некоторое время сопротивлялась, а затме пала в июле 1803 г.

«Августа 25 числа, — писал А. Италинский 3/15 сентября, — Порта получила из Медины от Джеддского Шерифа-паши донесения, которые находились в пути 50 дней; оными подтверждаются пришедшие прежде известия как о победе, одержанной над вегабиями у Джедды и у Медины, так и об отступлении их к столичному своему городу Дарие»¹³². Шериф-паша хвастался, что один справится с ваххабитами¹³³.

Новым ударом для ваххабитов была гибель диръийского зиира Абд иль-Азиза. Осенью 1803 г. он был убит в мечети Турайф в столице неизвестным дервишем, который назвал себя Османом, курдом из селения близ Мосула. Этот дервиш жил при дворе в качестве гостя. Когда во время молитвы Абд аль-Азиз распростерся в первом ряду, этот неизвестный, находившийся в третьем ряду, бросился на имама и ударом кинжала убил сто. Затем он ранил брата Абд аль-Азиза — Абдаллаха. В мечети началась суматоха, раненый Абдаллах сумел ударить убийцу саблей, остальные тут же добились его¹³⁴.

По некоторым сообщениям, убийцей имама был шиит, потерявший при налете на Кербелу всю свою семью¹³⁵. Ф. Манжсн писал, что в его тюрбан была завернута записка с текстом на персидском языке: «Твой бог, твоя религия возлагают на тебя обязанность убить Абд аль-Азиза. Если тебе удастся ускользнуть, ты будешь щедро вознагражден, если погибнешь, то рай откроется перед тобой»¹³⁶. Это убийство напоминает тактику средневековых исмаилитов и легенды, связанные с их деятельностью. Ибн Бишр сомневался в том, что убийство имама было местию за Кербелу, так как убийца — курд, а, как известно, курды — сунниты¹³⁷. Автор «Блеска метеора» утверждал, что агента подослал в Эд-Диръию багдадский паша, щедро заплатив затем его семье¹³⁸. Но все же вопрос о том, кто был убийцей Абд аль Азиза и каковы были мотивы его поведения, остается в области предположений. У ваххабитов было достаточно озлобленных врагов.

Вскоре после убийства отца Сауд поспешил в Эр-Диръию, жители которой немедленно присягнули ему на верность. Все провинции также признали нового правителя. Сауд направил провинциальным правителям послания, в которых заверял, что будет справедливым, но беспощадно расправится с бунтами и заговорами.

Известие о смерти Абд аль-Азиза вызвало «большое удовлетворение» в Стамбуле. Общее настроение подняла хвастливая депеша Галиба, в котором он сообщал об успехах в войне против ваххабитов и «обещал проникнуть вплоть до их столицы Дерийе и овладеть ею»¹³⁹. На этом, однако, успехи турок в борьбе с эмиратом Саудидов закончились.

Установление контроля над Хиджазом. Уже в следующем году ваххабиты вновь начали теснить своих противников в Хиджазе. Бои, в которых турки принимали участие вместе с войском шерифа, продолжались весь год.

А. Италинский доносил из Стамбула: «На сих днях Его Величество Султан строжайшее приказание дал Министерству, дабы оно употребило все возможные меры

для приведения в безопасность Мекки и Медины. Мекка блокирована арабским холеном, называемым Бедда, кочующим обыкновенно в недельном расстоянии от оных городов; арабы сии — секты вегабитов»¹⁴⁰.

В 1805 г. войско Галиба, насчитывавшее около 10 тыс. человек, выступило против объединения племен, верных ваххабитам, во главе которых стоял асирский эмир Абд аль-Ваххаб Абу Нукта. Шериф потерпел поражение, потеряв несколько сот человек убитыми, в основном из числа турок. Ваххабиты захватили 2500 единиц огнестрельного и другого оружия¹⁴¹. Видимо, бедуины — союзники шерифа покинули Галиба, а отряд турок, входивший в его войско, был полностью разгромлен. Вслед за этим ваххабиты окружили Мекку и воспрепятствовали паломничеству¹⁵⁵. Между турками и шерифом к этому времени вновь разгорелась вражда, и они отказались помогать Галибу.

Зимой 1805/06 г. Сауд решил нанести Галибу окончательный удар. Бедуины во главе с Абд аль-Ваххабом Абу Нуктой, Османом аль-Мудайфи и Салимом ибн Шакбаном (эмиром Биши) блокировали Мекку. Они получили приказ не пропускать сирийский караван паломников. В этот период (с 1804/05 по 1809 г.) Аравия страдала от страшной засухи. Благодаря безопасным караванным путям в Неджд постоянно подвозили продовольствие, что облегчало участь его жителей. Но в заблокированной Мекке положение стало невыносимым. Люди ели собак и кожу. Попытка расправиться со сторонниками соглашения успеха не принесла, и Галиб запросил мира. Ваххабитские войска вошли в Мекку в октябре — ноябре 1805 г. и совершили хадж¹⁴³.

Некоторое время Галиб еще надеялся сохранить независимость. Часть турецких и магрибинских солдат, которые пришли с караванами паломников, все же добравшимися до Мекки, осталась в городе. Продолжалось укрепление Джидды. Но вскоре Галиб убедился в тщетности сопротивления ваххабитам и в 1806 г. подчинился им. В этом же году в Мекку прибыла группа ваххабитских улемов во главе с Хамидом ибн Насыром для пропаганды идей обновленного ислама¹⁴⁴.

Лишним толчком к решению Галиба прекратить сопротивление было успешное установление власти ваххабитов к северу от Мекки.

Еще в 1803 г. несколько вождей кочевого племени харб приняли новое учение, к ним были посланы ваххабитские проповедники. Но попытка взять Медину с ходу в 1803 г. не увенчалась успехом. С помощью бедуинов ваххабиты установили контроль над караванными путями в Медину. В то время в Медине вся власть сосредоточилась в руках Хасана аль-Каляя, местного аги. Опираясь на отряд из бедуинов и магрибинцев, он установил режим произвола, нещадно грабил жителей, вымогал деньги у паломников и даже наложил руку на часть сокровищ, хранившихся в мечети над могилой Мухаммеда. Когда ага увидел, что перевес сил на стороне ваххабитов и Медине грозит голод, он сдал им город летом 1805 г.¹⁴⁵, выговорив согласие победителей оставить его губернатором¹⁴⁶.

Одновременно ваххабиты заняли Янбо, находившийся под властью мекканского шерифа.

Через некоторое время после занятия Медины Сауд присвоил драгоценности, оставшиеся в мечети Мухаммеда. Приблизительно на 10 тыс. талеров (риалов) он продал этих драгоценностей Галибу, примерно на такую же сумму взял себе. Размер предыдущего грабежа мечети местным правителем И. Буркхардт оценивает в 40 — 50 тыс. талеров (риалов)¹⁴⁷.

В Медине ваххабиты ввели со строгостью все принципы своей доктрины. Турецкие чиновники, жившие в городе, были изгнаны. Одну почтенную женщину, которую застали курящей, ваххабиты посадили на осла, повесили ей на шею трубку и с позором провезли по городу¹⁴⁸.

Хиджаз был присоединен к государству Саудилов. Правда, его зависимость от ваххабитов была гораздо меньшей, чем, скажем, некоторых провинций Неджда или Эль-Хасы. Большую самостоятельность сохранил мекканский шериф: ни он, ни его подданные не платили налогов. Однако его доходы от таможенных сборов в Джидде существенно

уменьшились, так как он уже не мог брать пошлину с купцов-ваххабитов. Сократились и другие поступления.

«Хотя Хиджаз был завоеван, у шерифа оставалась большая власть, — пишет И. Буркхардт. — Его имя и почетная должность, его личное влияние на многие племена бедуинов, которые еще оказывали сопротивление Сауду, ценные подарки, которые он преподносил Сауду во время посещения последним Мекки, приводили к тому, что ваххабитский вождь смотрел сквозь пальцы на некоторые действия Галиба»¹⁴⁹. В Мекке власть Сауда была сбалансирована влиянием Галиба, а Джидда оставалась в основном под контролем шерифа. В качестве противовеса Галибу губернатором Эт-Таифа был назначен аль-Мудайфи; ему подчинялись некоторые окрестные кочевые племена. Влияние Сауда в Хиджазе постепенно возрастало, а авторитет Галиба падал.

Прекращение хаджа из Османской империи. С 1807 г. Сауд во главе войск каждый год совершал паломничество в Мекку. Обычно он назначал сбор ваххабитов у Медины, а затем двигался на юг. По дороге к нему присоединялись отряды из Асира, Эт-Таифа, бедуины из пограничных районов между Хиджазом, Недждом и Асиром, воины из различных областей Неджда и Джебель-Шаммара во главе со своими эмирами. Каждый раз Сауд раздавал в Мекке милостыню, обменивался подарками с Галибом, покрывая Каабу драгоценной кисвой¹⁵⁰. Ибн Бишр был свидетелем одного из паломничеств Сауда и оставил его подробное описание¹⁵¹.

Турецкие судьи и другие чиновники, жившие в Мекке и Медине, были высланы Саудом из Хиджаза. Он постоянно укреплял форты Медины, держал в городе сильный гарнизон, меняя его каждый год.

С 1803 г. ваххабиты стали чинить всяческие препятствия для караванов паломников из Османской империи, в частности из Сирии и Египта. С египетским караваном хаджа везли махмаль — богато украшенный паланкин, навьюченный на верблюда, считавшегося священным; в махмаль клали кисву — драгоценное покрывало на Каабу, или копии Корана, или драгоценности. С паломниками из Османской империи шли музыканты, игравшие на тамбуринах, барабанах и других инструментах. Многие паломники везли с собой спиртные напитки. Караваны нередко сопровождали группы проституток. Все это не могло не вызывать у ваххабитов отвращение ввиду полного несоответствия их религиозным и моральным нормам.

Ваххабиты потребовали, чтобы караваны с паломниками являлись в Хиджаз без махмалю и музыкальных инструментов. Одновременно они начали повышать налог на хадж. Уже в 1803 г. каждый сирийский паломник заплатил ваххабитам 8 пиастров за право побывать в Мекке. Вскоре паломники были вынуждены платить по 10 пиастров за человека, 10 — за верховое животное, 7 пиастров за кинталь груза и 100 кошельков (кошелек был равен 500 пиастрам) за проход всего каравана¹⁵². В 1805 г. с сирийского каравана взяли 200 кошельков, но пропустили лишь отдельных паломников¹⁵³.

По сообщению Л. Корансеца, в 1806 г. турки пытались купить право совершать паломничество за огромную сумму — 2 тыс. кошельков (миллион пиастров), но сирийскому каравану все равно не удалось пройти в Мекку¹⁵⁴. С каждым годом вводились все более строгие ограничения.

Чтобы добиться разрешения на хадж, Юсуф, паша Дамаска, сделал вид, что соблюдает чуть ли не все предписания ваххабизма. Он запретил вино и крепкие напитки, потребовал закрывать все базары в Дамаске во время молитвы, ввел унижительные ограничения для евреев и христиан (особую одежду и т. п.), даже запретил брить бороду. Как писал К. Базили, «ваххабиты требовали, и не без причины, чтобы в караване не было ни мальчиков, ни вообще безбородых»¹⁵⁵. В 1807 — 1808 гг. сирийский караван без махмалю, без оружия, без музыки попытался пробиться в Мекку, но тщетно¹⁵⁶. Поступление больших партий паломников из Османской империи практически прекратился.

В Османской империи распространилось мнение, что ваххабиты вообще против хаджа, что они безбожники и немусульмаие. Впрочем, так считали не все. Египетский историк аль-Джабарти сообщает, что хаджи из Египта и Сирии не состоялись якобы «из-за препятствий со стороны Абд аль-Ваххаба, но это не соответствует действительности, так как он препятствует прибытию для совершения хаджа на основаниях, не предусмотренных шариатом, но чинит препятствия тем, кто прибывает на манер, противоречащий закону, с новшествами, не дозволенными шариатом, как, например, махмаль в сопровождении цимбал, барабанов и флейт и ношение оружия»¹⁵⁷. Магрибинцам никто не мешал в эти годы совершать хадж¹⁵⁸.

Борьба за Оман и Англия. Военными действиями в Хиджазе и на северо-востоке полуострова в начале первого десятилетия XIX в. не ограничивалось наступление ваххабитов. Они смогли постепенно установить контроль над всем аравийским побережьем Персидского залива, включая Бахрейн, и все глубже проникали в Оман.

Жители собственно Омана разделялись на две группы племен: ибадиты аль-хинави и сунниты аль-гафири. Борьба между этими группировками определяла историю Омана на протяжении столетий. Она же облегчила проникновение сюда ваххабитов. Не вдаваясь в подробности, отметим, что в 1792 г. правителем Маската стал Султан — один из сыновей Ахмеда ибн Саида, вождя и имама ибадитов — аль-хинави, который изгнал персов из Омана в 1744 г. Но Султан не был признан духовным лидером—имамом, что ослабляло его власть. На оманском побережье Персидского залива, изрезанном протоками, лагунами и удобными гаванями, жили племена, занимавшиеся морской торговлей, пиратством, ловлей жемчуга и рыбы. Они были суннитами и стояли несколько особняком и от аль-хинави, и от аль-гафири¹⁵⁹. В 1801 г. Султан ибн Ахмед организовал экспедицию против Бахрейна. Его жители обратились за помощью в Эд-Дирью. Ваххабиты изгнали масхатцев, нанеся им тяжелые потери, но поставили Бахрейн в зависимость от государства Саудидов¹⁶⁰, хотя вряд ли смогли навязать жителям Бахрейна, в основном шиитам, принципы своего учения.

Несколько ранее Абд аль-Азиз послал в Оман копию сочинения Ибн Абд аль-Ваххаба с требованиями принять ваххабитскую доктрину и подчиниться власти Эд-Дирьи. Оманцы, по большей части ибадиты, поняли содержание книги весьма своеобразно. «В этой книге легализовано убийство всех мусульман, которые не согласны с ним (Иби Абд аль-Ваххабом. — *А. В.*), захват их собственности, порабощение их детей, женитьба на их женах без развода, полученного от их мужей»¹⁶¹, — писал оманский летописец Иби Разик. Требование ваххабитов было отвергнуто ибадитами¹⁶². Но аль-гафири стали союзниками дирьюйского имама.

По данным автора «Блеска метеора», уже в последнем десятилетии XVIII в. ваххабиты во главе с Мутлаком аль-Мутайри и Ибрагимом ибн Уфайсаном начали набеги на Оман, сделав группу оазисов Эль-Бурайми своей опорной базой¹⁶³. Эль-Бурайми был центром караванных дорог, ведущих и к побережью Персидского залива, и к Оманскому заливу, и в горы Джебель-Ахдар.

В 1800/01 г. армия ваххабитов, которую возглавлял один из мамлюков Абд аль-Азиза — Салим аль-Харк, совершила успешный поход в Оман. Сакр, правитель важного в стратегическом отношении порта и города Рас-аль-Хайма, центра племени кавасим, присягнул на верность ваххабитам¹⁶⁴. Под их властью оказались другие мелкие шейхства и эмираты побережья Персидского залива.

Правитель Маската Султан оказался в зависимости от Эд-Дирьи. Когда в 1803 г. он отправился в паломничество в Мекку, его родственник Бадр попытался захватить власть, но потерпел неудачу и бежал в саудовскую столицу¹⁶⁵. Пытаясь организовать сопротивление ваххабитам. Султан решил укрепить связи с багдадским пашой, эмиссары которого давно подталкивали его к выступлению против общего противника. В конце 1804 г. он лично отправился с флотом в Басру, жители которой выплачивали правителям Маската какую-то дань якобы в благодарность за помощь в войне против персов в

середине XVIII в. На обратном пути в Маскат, во время сражения с флотом из Рас-эль-Хаймы, Султан был убит¹⁶⁶.

Его родственник Бадр, который жил в изгнании в Эд-Диръии, вернулся в Маскат, надеясь утвердиться там с помощью ваххабитских покровителей. Он продержался у власти несколько лет, попытался внедрить ваххабитское учение и культ, но без особого успеха¹⁶⁷. Сыновья убитого Султана ибн Ахмеда в 1807 г. восстали и сместили Бадра. Новые правителя Маската — Салим, а затем его брат Саид — сначала соблюдали покорность Саудидам, но затем отказались платить дань и качали готовиться к военным действиям¹⁶⁸. Сауд послал в Оман группу улемов для разъяснения ваххабитского учения, но снова без успеха¹⁶⁹. Саид обратился за помощью к шаху Персии, который прислал несколько тысяч солдат¹⁷⁰. В 1808/09 г. вместе со своими союзниками из Сухара маскатцы начали военные действия против Рас-эль-Хаймы. Однако, потеряв несколько тысяч человек, они заявили о покорности Саудидам¹⁷¹.

Жители оманского побережья Персидского залива, особенно племя кавасим, объединившись под властью Саудилов и прекратив вражду друг с другом, стали серьезной силой. Их флот в несколько сот крупных и мелких кораблей хозяйничал в Персидском заливе. Они облагали пошлинами и грабили суда английской Ост-Индской компании, которые плавали между Бомбеем и Басрой¹⁷². Жители оманского побережья захватили и разграбили торговое судно «Минерву» с грузом на 100 тыс. рупий¹⁷³. (Неждийский летописец ничего не сообщает об этом событии.)

Нелишне напомнить, что западная историография делает акцент на якобы «пиратском характере» жителей аравийского побережья Персидского залива. Но истина все-таки в том, что они кормились прежде всего торговым мореплаванием (не гнушаясь при случае и пиратством) и рассматривали появление английских судов как смертельную конкуренцию. Их «пиратство» против англичан следует считать скорее морской войной против незваных пришельцев.

Экспансия Диръийского эмирата в Омане и на побережье Персидского залива столкнулась с колониальными интересами Великобритании.

В конце XVIII в. она окончательно утвердила свое владычество в Индии, где после почти двухвековой борьбы ей удалось взять верх над другими европейскими конкурентами. Англичане стремились держать Персидский залив открытым для своей торговли и свободным от влияния любой державы, которая могла бы угрожать Индии. Наиболее опасной державой во второй половине XVIII и начале XIX в. оставалась Франция, и наполеоновское вторжение в Египет в 1798 г. представлялось англичанам, сидевшим в Индии, как проявление старой угрозы. Франция действительно помышляла о том, чтобы использовать эту страну в качестве трамплина для наступления на Индию. Последовавшее затем поражение французов в Египте не снимало их планов (впрочем, весьма проблематичных) продвижения к Индии, например через Сирию, Ирак и Персидский залив. Вопрос контроля над дальними подступами к «жемчужине британской короны» становился очень важным.

На рубеже XVIII — XIX вв. британские торговые агенты в странах, примыкавших к Персидскому заливу, один за другим превращались в политических представителей. В 1798 г. Англия заключила договор с правителем Маската, направленный против французов, но положивший начало зависимости Маската от Англии. Через два года в город прибыл английский представитель.

Великобритания пыталась поддерживать дружественные отношения с набиравшим силу государством Саудилов. Фактория Ост-Индской компании, существовавшая в конце XVIII в. в Басре, постоянно посылала подарки Сауду¹⁷⁴. Англичане были заинтересованы в поддержании своей оживленной торговли между Бомбеем и Басрой, а также в надежности почтового пути из Индии через Басру в Сирию. Они пытались добиться согласия ваххабитов не трогать курьеров, которые направлялись с почтой из Басры в Халеб¹⁷⁵.

Однако англичане не останавливались и перед применением военной силы. Так, ваххабитский отряд, подошедший в 1798/99 г. к английской фактории, расположенной на территории нынешнего Эль-Кувейта, отступил под пушками английского военного корабля¹⁷⁶. Чтобы как-то уладить конфликт, в Эд-Дирью прибыл представитель Ост-Индской компании Рейно¹⁷⁷. Он стремился добиться от ваххабитов гарантии британских интересов в Персидском заливе, но не достиг цели. Ваххабиты подходили к Эль-Кувейту и в 1804 г. Англичане попытались в следующем году навязать протекторат семейству Ааль Сабаха, но эмир Кувейта Абдаллах предпочел остаться независимым¹⁷⁸.

В первом десятилетии XIX в. английские военные суда открыли прямые военные действия против флота оманских арабов и в 1805 г. провели первую экспедицию против кавасимов¹⁷⁹. Естественными союзниками англичан оказались маскатцы.

Саид ибн Султан в 1809 г. двинулся со своим войском и флотом, во главе которого стоял английский офицер, против Рас-эль-Хаймы. Туда же направилась английская эскадра. Разгромив плохо вооруженный флот оманцев, англичане высадили десант. Они стерли с лица земли город, уничтожили все склады и верфи, устроили избиение местных жителей, чем заслужили похвалу и восхищение генерал-губернатора Индии¹⁸⁰. Поражение союзников и вассалов Саудидов было чувствительным для Эд-Дирьи.

Правители Бахрейна и Эз-Зубары из семьи Ааль Халифа стали проявлять недовольство властью ваххабитов и были вывезены в Эд-Дирью в качестве заложников. Их дети бежали в Маскат и обратились к англичанам с просьбой о помощи. Британские военные корабли разгромили ваххабитский гарнизон в Эз-Зубаре, а затем и в Манаме. Попытки Эд-Дирьи вернуть власть над Бахрейном оказались тщетными, хотя какую-то дань Саудидам бахрейцы выплачивали¹⁸¹.

После эвакуации англичан из Рас-эль-Хаймы местные жители снова отстроили город. Несмотря на повторный разгром Рас-эль-Хаймы в 1816 г., на следующий год кавасимы смогли собрать довольно значительные морские силы и появились в 70 милях от Бомбея¹⁸². Но это уже события несколько более поздние.

В начале XIX в. англичане стремились установить в этом районе господство на море. Их политика тогда не предусматривала активного вмешательства в дела Аравии. У англичан не хватало на это сил, и призывы, которые ожидали их в пустынях Аравии, были слишком малы. Их соперники-французы были вообще удалены с аравийской сцены, хотя, как считает известный турецкий историк Джевдет, Наполеон мог пытаться установить контакт с Саудидами¹⁸³. Но Франция была занята на европейских театрах военных действий, а в 1810 г. французы потеряли остров Маврикий — главную базу своего флота в Индийском океане.

Влияние ваххабитов в Омане достигло пика при саудовском военачальнике Мутлаке аль-Мутайри в начале второго десятилетия XIX в. Несмотря на английскую поддержку, правитель Маската Саид ибн Султан вынужден был заплатить дирьюскому эмиру 40 тыс. риалов¹⁸⁴. Видимо, в это же время ваххабиты проникли дальше на юго-запад, за Маскат, и вторглись в Хадрамаут, где первые дирьюские проповедники появились еще в 1803/04 г. Тогда их пропагандистские усилия не увенчались успехом, но на этот раз Хадрамаут заплатил дань Эд-Дирью¹⁸⁵. Но в 1813 г. Мутлак аль-Мутайри был убит во время небольшой стычки. В это же время началось египетское вторжение в Аравию, и ваххабиты стали выводить войска из Омана. Они так и не установили над ним прямого контроля. Отдаленность этой страны, враждебность ибадитов ваххабизму, смерть способного полководца Мутлака, египетское вторжение в Хиджаз и противодействие Великобритании — все эти факторы воспрепятствовали экспансии Дирьюского эмирата в Юго-Восточной Аравии.

Продвижение в Асир и Йемен. На рубеже XVIII — XIX вв. к ваххабитам присоединился Асир. Вслед за ним Эд-Дирью подчинился эмират Абу-Ариш¹⁸⁶. Вряд ли можно считать, что господство ваххабитов в районах к югу от Мекки было полным. Там находились, скорее, неполноправные союзники Саудидов, но не их прямые подданные.

Участие асирцев в военных действиях против шерифа Галиба соответствовало их интересам.

Ко времени продвижения ваххабитов в Йемен положение там благоприятствовало их экспансии. Страна была расколота внутренними разногласиями, феодально-племенной анархией. Зейдитские имамы потеряли власть над прибрежной полосой. Но экспансия в Йемене не принесла полной победы. Поход в 1805/06 г. войска дир'ийского эмира против Наджрана не завершился решающим успехом, хотя в этом районе и были оставлены крепости с ваххабитскими гарнизонами. Несколько раз в руки ваххабитов попадала Ходейда. Горный Йемен остался практически независимым, хотя в 1808 г. войско Саудилов осаждало Сану¹⁸⁷.

Ваххабиты развернули активную пропагандистскую деятельность в Йемене и почти каждый год посылали туда миссии улемов, но безуспешно. Удержать даже Ходейду на долгое время они не смогли¹⁸⁸. Шафиитское население побережья — йеменской Тихамы — питало симпатии к учению ваххабитов из-за вражды с зейдитскими имамами Саны. Однако оно не было склонно менять свое фактически независимое положение на подчинение Саудидам.

Хамуд Абу Мисмар, правитель (шериф) Абу-Ариша, власть которого распространялась на часть йеменской Тихамы, присоединился к ваххабитам и даже, видимо, участвовал в военных действиях против имама Саны¹⁸⁹. Однако его беспокоило возвышение под эгидой ваххабитов его соседа и соперника — Абд аль-Ваххаба Абу Нукты, правителя Асира. Как сообщает Ибн Бишр, Сауд вызвал обоих соперников в Эд-Дирью и попытался их помирить, но это ему не удалось. Чувствуя, что назревает бунт Абу Мисмара, он приказал ему выступить в поход против Саны, но шериф Абу-Ариша отказался.

Получив доказательства неверности строптивного вассала, Сауд начал собирать воинов по всей Аравии, чтобы покончить с ним. Ваххабитское поиме насчитывало около 50 тыс. человек, хотя, возможно, эта цифра преувеличена. На стороне Абу Мисмара сражались кочевники из Наджрана и Йемена. В конце 1809 г. произошло сражение, в котором Абу Нукта был убит. Но войско Абу Мисмара потерпело поражение. Он сам бежал и укрепился в своей столице Абу-Арише, взять которую ваххабитам не удалось. Место Абу Нукты по назначению Сауда занял родственник убитого — Тами ибн Шуайб¹⁹⁰.

Набеги на Ирак и Сирию. Если вновь обратиться к положению на северо-восточных границах государства Саудилов, то на первый взгляд события там развивались благоприятно для ваххабитов.

Едва Буюк Сулейман в августе 1802 г. испустил дух, как у его гроба началась смертельная борьба за политическое наследство, в которой живейшее участие приняли англичане и французы. Его родичу кахье Али удалось расправиться с соперниками и занять место паши. Он удерживал власть примерно пять лет. Пашалык сотрясали внутренние распри, народные восстания, а также непрекращавшиеся выступления курдов. В августе 1807 г. Али был зарезан в мечети. Через некоторое время его место захватил Кючук Сулейман, который оставался на посту паши около трех лет и был занят войной с курдами и ваххабитами до своей гибели в октябре 1810 г. Военные столкновения с персами продолжались во второй половине первого десятилетия XIX в.

В течение нескольких лет, последовавших за разгромом Кербелы, ваххабиты совершали настойчивые набеги на Ирак. В конце 1803 — начале 1804 г. Сауд внезапно напал на мунтафиков, пленил их вожда, разграбил окрестности Басры. Затем его войско осадило Эз-Зубайр. Ваххабиты предложили жителям этого города присоединиться к их учению и капитулировать, но местный губернатор отрубил уши посланнику Сауда и отослал его обратно. Все местные святыни вокруг города были разрушены, включая мавзолеи Хасана и Тальхи. Но сам Эз-Зубайр жители мужественно защищали и отбили атаки ваххабитов¹⁹¹.

В 1804 — 1805 гг. Сауд разгромил могущественное племя зафир, которое проявило неповиновение¹⁹².

Али-паша по приказу Порты провел военную демонстрацию против ваххабитов, но углубиться в пустыню не решился¹⁹³.

В 1806 г. ваххабиты попытались взять Эн-Неджеф, но неудачно; они были бессильны и под Самавой, и под Эз-Зубайром¹⁹⁴.

В 1808 г. Сауд появился под Кербелой. Однако город был хорошо защищен и оказался неприступным. Он повернул на юг, ограбил мунтафиков, прошел в окрестностях Басры и Эз-Зубайра и вернулся в Эд-Дирьюю, не достигнув существенных результатов¹⁹⁵.

Все дальнейшие налеты на Ирак, продолжавшиеся вплоть до 1810 г., ограничивались разграблением незащищенных селений. В конце 1809 г. новый паша Багдада направил против ваххабитов регулярное войско вместе с кочевниками Ирака; это войско несколько углубилось в пустыню, но потерпело поражение от кочевников аназа и зафир¹⁹⁶. Все же ваххабиты, несмотря на внутренние неурядицы в Ираке, не смогли добиться успехов, сравнимых с захватом Кербелы. К концу первого десятилетия их натиск на Ирак ослабел.

Также не принесли решающих побед набеги на Сирию, хотя местные кочевые племена в начале XIX столетия стали платить дань дирьийскому эмиру¹⁹⁷. В 1808 г. Сауд направил письмо шейхам Дамаска, Халеба и других городов, требуя принять ваххабитскую доктрину, подчиниться его власти и выплатить дань. Началась паника. Отряды ваххабитов разоряли деревни в окрестностях Халеба. Одновременно они проникли в Палестину. Принимались срочные меры для обороны городов. Однако ваххабиты так и не решились их штурмовать¹⁹⁸.

В 1810 г. Сауд с несколькими тысячами воинов совершил смелый набег на Сирию, разграбив несколько десятков селений и дойдя почти до Дамаска¹⁹⁹. Это был его последний крупный поход в северном направлении.

Дирьийский эмират достиг пределов своего расширения. Власть Саудидов распространялась почти на весь Аравийский полуостров, им платили дань даже султан Маската, имам Йемена, правители Хадрамаута. Эмиру Эд-Дирьи подчинялись племена в зоне пустынь и полупустынь, подходивших к землям Благодатного полумесяца. Автор «Блеска метеора» число жителей под властью Саудидов определяет следующим образом: в Неджде — 300 тыс., в Хиджазе и Тихаме — 400 тыс., в Йемене — столько же или больше, в Восточном Йемене — 200 — 300 тыс., в Восточной Аравии — 100 тыс., в племенах, таких, как аназа, кочевавших в пустынях от Медины до Сирии, — примерно 400 тыс., в Омане и на его побережье, включая бедуинов и оседлых, — 200 тыс.²⁰⁰ Таким образом, всего Дирьийский эмират охватывал примерно 2,4 млн. жителей. Эта цифра представляется правдоподобной, хотя для Йемена она преуменьшена или же автор сознательно не включил в государство Саудидов всю эту страну.

Глава IV ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДИРЬИЙСКОГО ЭМИРАТА

Ваххабизм не изменил общественного строя Аравии, хотя в обширном Дирьийском эмирате знать четче выделилась из массы населения, а ее эксплуататорская деятельность была несколько упорядочена. Присвоение богатств правящей знатью в виде грабежей, дани, конфискации имущества, налогов, арендной платы выросло по масштабам, но не отличалось по своей сути от подобной практики в прежних феодально-племенных объединениях.

Военный грабеж и контрибуция. Походы ваххабитов, освященные знаменем обновляемой религии, ставили перед собой вполне мирские задачи — увеличение богатств дирьийских правителей и примкнувшей к ним аравийской (в первую очередь

неждийской) аристократии. Захват богатств, эксплуатация покоренных или присоединившихся областей осуществлялись несколькими способами.

Самым простым, но и самым жестоким был набег с целью грабежа — газу. Его проводили в тех случаях, когда жители оазисов или члены кочевых племен отказывались подчиняться дирьийским правителям, когда не было возможности закрепиться в каком-либо районе и он находился вне пределов постоянной досягаемости ваххабитов. Иногда газу был начальным способом отчуждения имущества. Но он не был отделен от других способов грабежа во времени, а существовал рядом с ними и, судя по замечаниям аравийских летописцев и европейских путешественников, оставался для знати основным способом приобретения богатства. Перечислив налоги, поступавшие в Эд-Дирью, ваххабитский историк Ибн Бишр писал: «А что привозилось в Эд-Дирью из пятой части добычи (хумс) и военных трофеев, то было в несколько раз больше»¹. На первое место среди доходов дирьийского правителя И. Буркхардт также ставит пятую часть добычи².

Первые набеги ваххабитов приводили к захвату нескольких десятков голов верблюдов и овец, разграблению поля или финиковой рощи, а в годы наибольшего могущества их добыча исчислялась десятками тысяч голов захваченного скота. Как уже отмечалось, в 1796 г. после разгрома войск мекканского шерифа в руки ваххабитов попало 30 тыс. верблюдов и 200 тыс. овец и коз³.

Особым разнообразием методы грабежа в то время не отличались. Ибн Ганнам писал, что в 1757/58 г. ваххабиты «разорили поля жителей Манфухи»⁴. В результате успешного набега на подразделения племен кочевников-бедуинов зафир и аназа «мусульмане (т. е. ваххабиты. — А. В.) захватили то, что было у них (кочевников. — А. В.) из имущества, утвари, оружия, овец, коз и верблюдов»⁵. После падения Бурайды ваххабиты взяли «все, что в ней было из имущества»⁶.

Ибн Бишр сообщал, что, когда в 1790/91 г. были разгромлены кочевники племен мутайр и шаммар, ваххабитам досталась «богатая добыча — верблюды, овцы и козы, утварь и товары». Вскоре такая же участь постигла и других бедуинов: ваххабиты преследовали их два или три дня, «забирая имущество и убивая людей»⁷. Аравийские хроники пестрят подобными фактами.

Как и в бедуинском газу, ваххабитский грабеж приводил к отчуждению у слабейших племен не только прибавочного продукта, но и в значительной части необходимого, нередко обрекая большую часть ограбленного населения на голодную смерть. Грабили не только рядовых членов кочевых племен или жителей оазисов, но и знать. Но свои потери аристократия нередко возмещала за счет рядовых бедуинов или крестьян. Победители-ваххабиты обычно щадили знатных; они предпочитали устанавливать с ними хорошие отношения. Побежденная знать лишалась прежней самостоятельности, но становилась частью правящего класса государства Саудидов.

Преобладание военной добычи в доходах ваххабитского государства свидетельствует о его военно-экспансионистском характере. Объектами грабежа были те племена, города, оазисы, провинции, которые не входили в его состав или же пытались сбросить власть дирьийских эмиров. Войны, набеги, грабежи, непрекращавшаяся экспансия были важнейшими условиями существования государства Саудидов.

Уровень развития производительных сил в Аравии по-прежнему не позволял ваххабитской знати отчуждать продукт труда населения с помощью более упорядоченных видов эксплуатации в тех же размерах, что и путем прямого грабежа. Для сохранения доходов правящего класса Дирьийский эмират должен был непрерывно расширяться. В случае приостановки экспансии знать, как оседлая, так и в особенности бедуинская, не получала бы с подвластного ей населения тех доходов, к которым она уже привыкла. Тогда исчезли бы побудительные мотивы объединения аристократии под властью Саудидов. В этом заключалось главное внутреннее противоречие первого ваххабитского государства. С момента своего рождения оно несло зародыш собственной гибели.

Следующий источником обогащения была контрибуция — денежная или натуральная дань с племен или оазисов, подчинившихся ваххабитам или присоединившихся к ним. Контрибуция была, как правило, единовременной, но иногда выплата ее растягивалась на несколько лет, и она приобретала форму постоянной дани или налога. При помощи контрибуции, штрафа племена и оазисы откупались от ваххабитов, подтверждали свою приверженность обновленной религии и дирьийскому правителю. Словом, это была дань, по своему характеру ничем не отличавшаяся от дани, которую оазисы или слабые племена платили более сильным и в доваххабитский период.

Так, в 1787/88 г. на жителей оазисов вади Эд-Давасир, подчинившихся ваххабитам, была наложена контрибуция в 2 тыс. риалов, из них тысячу нужно было выплатить немедленно⁸.

После того как правитель Эль-Хасы Арайар потерпел неудачу в выступлении против ваххабитов, эмир Эд-Дирьии готовил расправу со своими союзниками, перешедшими на сторону хасцев. Оазисы Махмаль и Садик обратились к нему с просьбой о помиловании. Прощение было даровано, но в наказание на них была наложена контрибуция «в виде плодов их полей и пальм»⁹.

В 1767/68 г. к ваххабитам присоединились жители Вашма и Судайра. Они «дали присягу на верность религии Аллаха и его посланника, на повиновение и послушание». Они обязались заплатить Эд-Дирьии денежную и натуральную контрибуцию¹⁰. Таким образом, предполагалось, что жители этих областей будут платить дирьийским эмирам какую-то дань, но при этом неясно, единовременно или постоянно.

Когда в 1784/85 г. жители Эль-Хаута, Эль-Харика, Йамамы, Сильмийи и части Эль-Харджа покорились дирьийскому эмиру, он наложил на них дань, «сколько хотел из денег»¹¹.

Некоторые соседние с Меккой кочевые племена почувствовали военную силу ваххабитов и присоединились к ним. На них наложили контрибуцию в виде денег, оружия, сбруи и лучших лошадей¹².

Захват земельной собственности. Информация ваххабитских летописцев об отчуждении земель у крестьян и превращении их в арендаторов скупа и отрывочна.

В 1754/55 г. ваххабиты захватили Хураймалу, и после победы «стали ее пальмы и жилища добычей для мусульман»¹³. То, что здесь имеется в виду разграбление домов, — очевидно. Что же касается пальм, то можно предположить, что речь шла либо об их захвате у бывших собственников, либо о плодах пальм — урожае фиников одного года.

Заняв Эр-Рияд, «Абд аль-Азиз завладел его домами и пальмами, за исключением некоторых»¹⁴. Видимо, жилища риядцев стали собственностью дирьийского эмира. Но какую пользу он мог извлечь из этой собственности, если многие жители Эр-Рияда бежали? Мог ли вмир сдавать эти дома и аренду? Скорее всего, дирьийский правитель просто распродал награбленную утварь. Неясно также, как распорядились пальмами. Кто стал за ними ухаживать? Что подразумевает летописец под словами «за исключением некоторых»? Возможно, эти пальмы принадлежали сторонникам ваххабитов из числа жителей Эр-Рияда или же Абд аль-Азиз просто раздал их своим приближенным.

Более конкретные данные сообщаются о пальмовых насаждениях Хармы. Ваххабиты подчинили себе оазис, жители которого согласились передать пальмы в государственную казну — бейт аль-маль¹⁵. Что же до остальных культур, выращивавшихся в междурядьях или на полях, где нет пальм, то о них ничего не известно. (Кстати сказать, эти условия договора не были выполнены. Они показались Абд аль-Азизу слишком легкими, так как жители Хармы были старыми и упорными противниками дирьийских правителей. Абд аль-Азиз приказал разрушить стены оазиса, уничтожить часть домов и изгнать группу жителей.)

И. Буркхардт, рассказывая о доходах саудидского государства, отмечал, что казна делилась на две части — личную казну имама и государственную. «Самую большую часть своих доходов вождь ваххабитов получает от собственных владений. Он установил за

правило, что когда какой-либо из его районов или городов поднимает восстание в первый раз, он грабит его. При вторичном восстании он не только грабит, но и конфискует... все земли жителей в государственную казну. Затем он дарует какую-то часть из них посторонним, но большую часть оставляет в руках бывших владельцев, которые теперь становятся его арендаторами и обязаны платить в зависимости от обстоятельств одну треть или половину урожая. Собственность тех, кто принял наиболее активное участие в восстании, передается другим, а их самих изгоняют или убивают... В настоящее время большая часть земельной собственности в Неджде принадлежит бейт аль-маль, или государственной казне. Вся земельная собственность [провинции] Касим, жители которой постоянно восставали, оставлена им на правах аренды. Многие деревни в Хиджазе и в горах, расположенных в стороне Йемена, также принадлежат государственной казне»¹⁶.

Система получения доходов с покоренного населения в процитированном отрывке выглядит более или менее сформировавшейся, хотя многие моменты и остаются неясными, в частности вопрос о том, поступает ли арендная плата в государственную казну или в личное распоряжение дир'ийского правителя. Кого И. Буркхардт подразумевал под «посторонними» — крестьян из покоренных ваххабитами районов, осевших на захваченную землю, или же новых землевладельцев, по отношению к которым прежние хозяева становились арендаторами, — сказать трудно.

Данные европейского путешественника и арабских хроник хотя и дополняют друг друга, все же несколько расходятся. Есть основания в большей степени доверять аравийским авторам. Например, Ибн Бишр имел связи с придворными «финансовыми чиновниками» и лично от них получал сведения. И. Буркхардт ко многим явлениям аравийской жизни подходил с непроизвольно предвзятых позиций европейца.

О земельной собственности, конфискованной в бейт аль-маль, аравийские летописцы говорят крайне редко. Лишь в нескольких случаях они упоминают о существовании в ваххабитском государстве хараджа (поземельного налога), но не уточняют его характер. Если этот харадж равнозначен арендной плате, которую вносили с «государственных» земель, то данные И. Буркхардта в некоторой степени подтверждаются. В таком случае можно было бы говорить о резком перераспределении земельной собственности в государстве Саудидов и совпадении ренты и налога с земель бейт аль-маль.

Когда союзник ваххабитов эмир Хураймалы — Мубарак ибн Адван начал вести себя строптиво, Ибн Абд аль-Ваххаб и дир'ийский эмир предложили ему: «Возьми, что хочешь, из пальм Хураймалы и живи у нас (т. е. в Эд-Дир'ии. — *А. В.*), а мы тебе будем оказывать почет, уважение и обеспечим твое довольствие». Ибн Адван стал почетным пленником ваххабитов¹⁷. При этом, видимо, подразумевалось, что он сохранял за собой феодальную ренту с пальмовых рощ.

Бремя отчислений в центральную казну в Дир'ийском эмирате распределялось неравномерно. Больше всего выигрывала иедждийская знать, но можно предполагать, что экспансия государства Саудидов, приток награбленных богатств ослабляли, хотя бы временно, эксплуатацию жителей Центральной Арапии в ущерб окраинам эмирата. Взамен они платили «налог кровью», поставляя воинов для походов.

Захят. Самым значительным новшеством в Дир'ийском эмирате было введение упорядоченного централизованного налога на все население государства в виде предписанного Кораном занята — налога в пользу бедных, который считается одним из столпов ислама. Религиозные цели — восстановление занята — как нельзя лучше отвечали потребностям и задачам феодального саудидского государства. Ибн Бишр, рассказывая о сборе захята, отмечал, что «истинный ислам» распространился в Неджде. «Из Эд-Дир'ии посылались сборщики захята и хараджа с плодов, а прежде люди называли их сборщиками податей и десятины»¹⁸.

Недждийский летописец сообщал, что ежегодно из Эд-Дир'ии отправлялись отряды для сбора захята с бедуинов, каждый из которых состоял из семи человек. В него

входили эмир, писец, «хранитель дефтера» (нечто вроде бухгалтера), сборщик денег от продажи верблюдов, овец и коз, предназначенных для уплаты закята, а также их вооруженная охрана из трех слуг, которые собирали, перегоняли и сторожили скот. Дирьийские правители направляли к бедуинам более семидесяти отрядов сборщиков налогов. Имелись также специальные агенты по сбору закята с урожая земледельцев, с мелких и крупных населенных пунктов, чиновники по сбору закята с товаров¹⁹.

«Сборщиков налогов посылают каждый год из Эд-Дирьи в различные районы и к племенам, — писал также И. Буркхардт. — Они получают определенную сумму [денег] за свой труд и дорожные расходы»²⁰.

По данным Ибн Бишра, отряды сборщиков закята жили за счет тех, с кого они собирали налог²¹. Это открывало возможности для злоупотреблений. Но нет оснований противопоставлять один вид оплаты «финансовых чиновников» другому. Вполне возможно, что они существовали одновременно.

Закят составлял десятую часть урожая с богарных земель, двадцатую — с поливных, два с половиной процента — с капитала купца²². С пяти верблюдов племени аназа брали один талер, с 40 овец — цену одной овцы, с одной лошади — 7 шилл.²³, сообщал И. Буркхардт, но можно предположить, что в разных провинциях налоги были неодинаковыми.

Каковы были общие суммы закята, поступавшие в Эд-Дирью, выяснить трудно, хотя Ибн Бишр и приводил некоторые цифровые данные. Он писал: «Вот что сообщил мне Ахмед ибн Мухаммед аль-Мудлиджа: "Я был писцом у сборщиков налога, посланных к аляви (подразделение племени. — *А.В.*) из племени мутайр во время правления Абд аль-Азиза. Он получил от них закят в один год 11 тысяч риалов"²⁴. Сборщики налога во главе с Абдуррахманом ибн Мишари ибн Саудом были посланы в барих из мутайр и собрали с них 12 тыс. риалов. С хитайм взяли 7 тысяч. Закят с мутайр в тот год составил 30 тыс. риалов.

И были аназа из Сирии, и бедуины из Хайбара. и бедуины хувайтат, а также те аназа, что жили в Неджде. К ним посылали много сборщиков налога, и они возвращались с огромными богатствами. Мне рассказал тот, кому я верю: "Однажды... недалеко от Шахры остановились четыре отряда [посланных] к бедуинам Сирии, с каждым отрядом было 10 тысяч риалов".

Сказал я: "А с бедуинов шаммар и зафир получали закят примерно такой же, как с аназа. И от кахтан и бедуинов харб, атайба, джухайна, от бедуинов Йемена и Омана, ааль мурра и аджман, субай, суэсуль и других — несчетное количество". С них собирали закят на законном основании. С них не брали самое ценное имущество. Исключение составляли те, кто укрывал (от обложения. — *А.В.*) какую-либо часть из своих верблюдов или овец; тогда с него брали закят и штраф. Абд аль-Азиз рекомендовал своим сборщикам быть богобоязненными и брать закят только по закону, давать дары бедным и больным, охранять их от гнева и изъятия самого ценного имущества»²⁴.

Объем налоговых поступлений в Эд-Дирью при Сауде, сыне Абд аль-Азиза, очевидно, еще более возрос.

Ибн Бишр отмечал: «Что касается сборщиков налога (Сауда. — *А.В.*), которых он посылал за закяты с владельцев верблюдов, овец и коз, принадлежавших бедуинам Аравийского полуострова, из тех, кто (живет) за двумя священными городами, в Омани, Йемене, Ираке, Сирии, а также тех, кто (живет) между ними из бедуинов Неджда, то мне о них рассказывал один из знатных людей Сауда, который стал у него писцом. Он сказал: "Каждый год он (Сауд. — *А.В.*) посылал к этим бедуинам более семидесяти отрядов сборщиков налога, а в каждом отряде семь человек..."

Этот человек сообщил мне, что Сауд посылал агентов к бедуинам газз в [местечке] Миср (не идет ли здесь речь о кочевниках Синая или пустыни Негев около Газы? — *А.В.*). Он также посылал доверенных лиц к бедуинам ям в Наджране, и они собирали со всех закят.

Он сказал: "Пришли сборщики налога, [посланные] к ааль фидан из бедуинов аназа, и они принесли закят, который достигал 40 тыс. риалов, и это помимо довольствия доверенных лиц и 8 породистых лошадей". Он сказал: "Это самое большое, с чем приходит каждый год отряд из тех сборщиков налога; самое меньшее, что приносит такой отряд, — три тысячи риалов или две с половиной тысячи". И сказал он: "Что брал Сауд с Эль-Лухайи в Йемене, то составляло 150 тысяч риалов, а он брал лишь четверть десятины. А из Ходейды — около этого..."

Сказал я: "Что касается поступивших в Эд-Дирью денег [амваль], помимо этого из Эль-Катифа, Бахрейна, Омана, Йемена, Тихамы, Хиджаза и других стран, закята с плодов, товаров и их стоимости из Неджда, то невозможно сосчитать"»²⁵.

Общей суммы доходов дирьийских правителей Ибн Бишр не называл. Возможно, ее не знали и сами эмиры. И. Буркхардт оценивал ежегодные поступления в казну ваххабитов в 1 млн. талеров (риалов), а самый удачный год принес 2 млн.²⁶ Однако путешественник не уточнял, включала ли эта цифра военные трофеи, различного рода штрафы или же она относилась только к налогам.

Ежегодные налоговые поступления Сауда в зените его могущества, по данным автора «Блеска метеора», составляли 400 тыс. риалов с кочевников и оседлых жителей Неджда; с кочевников Сирии, Йемена, Тихамы и Омана — 500 тыс., с Эль-Хасы — примерно 400 тыс., с Эль-Катифа — 200 тыс., с Бахрейна — 40 тыс., с Йемена (видимо, с оседлых жителей) — 300 тыс., с кочевников Хиджаза и некоторых других областей — 200 тыс., с Рас-эль-Хаймы — 120 тыс. (включая долю грабежа), с оседлых и кочевников (?) Омана — 120 тыс. риалов, не считая расходов на содержание там ваххабитского войска. Добыча от набегов — «неисчислимая». Большие доходы лично Сауд получал в виде подарков от знатных и богатых паломников, земельная собственность в Неджде и Эль-Хасе приносила ему 300 тыс. риалов²⁷. Общая сумма дохода дирьийского эмира в виде налогов, по данным автора «Блеска метеора», — около 2 млн. риалов — вполне совпадает с сообщением И. Буркхардта.

Когда в казне не хватало денег, дирьийский эмир облагал оседлых и племена «добровольным» налогом²⁸. Это — важная деталь, так как она показывает, что правители централизованного государства в Аравии не могли удержаться в рамках предписанного шариатом закята и усиливали налоговую эксплуатацию населения.

В масштабах Аравии сумма, поступавшая саудидским правителям, была огромна. Но ее реальные абсолютные размеры и экономическое содержание можно определить лишь условно. Нужно учесть большие колебания в ценах от сезона к сезону, от района к району. Достаточно сказать, что, по информации Ибн Бишра, ноша (хамль) дров в Эд-Дирьи стоила 5 — 6 риалов, а одна пальма — до 50 риалов²⁹.

Классовый характер государства Саудидов, служившего прежде всего интересам аравийской аристократии, проявлялся также в виде централизованного распределения собранных богатств. Правда, установить как абсолютные, так и относительные суммы расходов государства по имеющемуся материалу можно лишь приблизительно.

Двор Саудидов. Средства на содержание двора дирьийских эмиров и семьи Ибн Абд аль-Ваххаба составляли одну из главных статей расходов. В личном владении Саудидов скапливались богатства в виде земель в оазисах, скота, драгоценностей и другого имущества. Ибн Бишр писал, что треть налогов, получаемых с провинции Эль-Хасы, уходила на содержание дома Саудидов, семейства Ибн Абд аль-Ваххаба и их окружения³⁰.

Семьи арабской знати вообще, как правило, очень многочисленны. Большие средства позволяют представителям аристократии содержать четырех законных жен, предусмотренных Кораном, не считая наложниц. Хорошее питание, несколько лучшие, чем у остального населения, санитарные условия уменьшают смертность среди детей из состоятельных семей. Семейство Саудидов (эмир, его братья, дети, дяди, двоюродные

братья и племянники) было очень многочисленно. И. Буркхардт сообщал о том, что у Сауда было несколько жен и абиссинские наложницы³¹.

Дирьийские эмиры, которые освятили свою власть знаменем ваххабизма, призывающего к простоте и умеренности, сами жили в большой по аравийским масштабам роскоши. Л. Корансез отмечал, что «Сауд познакомился с роскошью, и это не могло не оказать на него влияние». Таков путь всех сект, которые «начинают с простоты и ограничений, чтобы привлечь массы, и кончают роскошью для вождей»³², — добавлял французский историк.

«У Сауда было шесть наложниц-черкешенок, которых купили его агенты в Османской империи за большую цену, — читаем мы в «Блеске метеора». — Говорят, что за каждую он заплатил 3 тыс. риалов или больше, потому что они были красавицы. У него были также наложницы-абиссинки. Некоторых из них подарил ему шериф Хамуд Абу Мисмар, правитель Абу-Ариша и Йеменской Тихамы, а других подарили ему кавасимы как часть своей добычи... Сауд расширил свой дворец в Эд-Дирьии и каждой из жен выделил комнату и служанок... Его жены одевались в богатые индийские шелка, украшенные золотом, и разноцветные одежды, а также шелка из Сирии. Они также приобретали богатые золотые украшения с драгоценными камнями. Он посылал специальных агентов в Иран, чтобы там покупать драгоценности для своих жен и наложниц... Сауд привык к роскошной еде, специальные повара готовили ему вкусные блюда, а также изысканные шербеты»³³.

«Сауд любит выставлять напоказ роскошь во всех ее проявлениях, — писал Ж. Раймон. — Все в его дворце наводит на мысль о величии и пышности, ничто не отвергается для украшения дворца. Золото, жемчуг, наиболее дорогие индийские ткани — ничего не жалеют, чтобы сделать его более прекрасным. Утверждают, что плащ Сауда — это выдающееся творение, которое обошлось ему по крайней мере в 60 тыс. пиастров. При виде такой кичливости могли бы сказать, что придворные копируют его и стремятся одеться с таким же блеском, но он их обязывает сохранять простоту»³⁴.

В сообщении Ж. Раймона содержатся преувеличения. Дворцы, перед которыми бледнеет фантазия создателей «Тысячи и одной ночи», будут выстроены саудидскими правителями спустя полтора столетия за счет феодальной ренты от эксплуатации нефтяных богатств. Но и в те далекие времена дирьийские правители не отказывали себе в доступной им роскоши. Помимо скота, земель, драгоценных камней, богато украшенного оружия, дворцов-крепостей они владели также породистыми лошадьми — предметом особой гордости аравийской аристократии. Известно, что Сауд ибн Абд аль-Азиз много средств тратил на их содержание. Его табуны породистых лошадей насчитывали до 2,5 тыс. голов³⁵. Из них 600 лошадей предназначались для самых мужественных бедуинов и мамлюков³⁶. У каждого из сыновей Сауда было по 100 — 150 лошадей, а у Абдаллаха, наследника престола, — 300³⁷. Дирьийские правители захватывали лошадей в походах, получали их в виде дани, заката, штрафа, не останавливаясь перед вымогательствами. И. Буркхардт писал: «Арабы жалуются, что, если кто-либо имеет хорошего коия, Сауд найдет какое-либо обвинение в нарушении закона, в неправильном поведении, чтобы оправдать конфискацию коня»³⁸.

Значительные средства тратились на традиционное гостеприимство. Каждый день у Сауда бывало несколько сот гостей³⁹. Ежедневно Сауд выделял для гостей 500 саа риса и пшеницы⁴⁰ (саа — мера сыпучих тел, ее размеры колебались в Аравии от 1 до 2,5 л). За два дня пиршества на свадьбе одного из сыновей Сауда гости съели 140 верблюдов и 1,3 тыс. овец⁴¹.

Сумму расходов на табуны лошадей и все хозяйство эмира И. Буркхардт определял а 10 — 12 тыс. ф. ст. в год⁴².

Многочисленные гости Сауда, как правило, не были бедняками. Редкий бедняк, особенно если он жил не в Неджде, мог оставить свою семью, скот, землю и отправиться в длительное путешествие в Эд-Дирью. По большей части от щедрот правителя кормились

состоятельные люди. Да и пищу гостям давали разную: тем, кто познатнее, — мясо, рис; тем, кто победнее, — финики и бургуль — вареную пшеничную крупу)⁴³.

Сауд владел многочисленными рабами. «Мужчин-рабов у него было 500, а другой мне говорил 600, а другой — более тысячи, а также несколько сот рабынь. В конце рамадана Сауд появлялся в окружении 1300 слуг, рабов и сирот, живших во дворце»⁴⁴, — писал Ибн Бншр. По сравнению с массой полуголодного, нищего аравийского населения рабы эмира находились в привилегированном положении. Это была дворцовая гвардия, личная челядь правителя. Некоторые из них достигали высокого положения в государстве. Например, раб аль-Харк возглавлял ваххабитские поиски к сражениям⁴⁵. Многие из рабов получали свободу.

Двор Саудидов сохранял, особенно на первых порах, простоту или, выражаясь современным языком, «демократизм», нравов. Внешнее отделение публичной власти и феодального правителя от массы населения не проявлялось ярко. По внешним признакам дирьийский правитель сохранял некоторое сходство с шейхом кочевого племени. Самые простые обращались к нему без церемоний: «О Сауд», «О отец Абдаллаха», «О Усатый- («Абу Шавариб»)⁴⁶. Л. Корансез писал о «простоте и грубости нравов» при дворе дирьийского правителя⁴⁷. Сауд был доступен. Любой приезжий мог рассчитывать на его гостеприимство. Правитель лично разбирал жалобы своих подданных. Его суд носил патриархальные черты. И. Буркхардт писал, что Сауд сам иногда избивал лгуна, но потом долго жалел об этом и всегда просил окружающих сдерживать его гнев⁴⁸.

Жители Эд-Дирьи часто собирались для занятий богословием, на которые являлись все знатные люди, сыновья Ибн Абд аль-Ваххаба, сыновья и родственники Сауда. Приходил и правитель в окружении свиты из черных рабов, вооруженных дорогими саблями в золоте и серебре. «И он был среди них, как луна в разрыве облаков». Люди поднимались с земли при его приближении, чтобы их не затоптали рабы правителя, и освобождали ему дорогу. Он приветствовал всех, садился близ Абдаллаха, сына шейха, и тот начинал богословские беседы. Сауд беседовал с улемами и знатью. Потом он шел во дворец и до полудня принимал посетителей, выслушивал их жалобы. Отдохнув некоторое время, Сауд, беседовал со своими приближенными и опять занимался богословием. Затем снова принимал посетителей. Рядом с ним сидел писец и записывал его указания. Это продолжалось примерно два часа. Далее правитель диктовал ответы на письма, снова беседовал на религиозные темы, молился вместе с родственниками и знатными людьми.

Сауд постоянно ходил с охраной. Когда он молился в дворцовой мечети, его охраняли двое рабов, когда же выходил на молитву вместе с народом, то его сопровождали шесть рабов с саблями: двое становились перед ним, двое — сзади и двое — за вторым рядом молящихся⁴⁹. Эти меры предосторожности, видимо, были приняты после убийства в мечети его отца, Абд аль-Азиза. Постоянная охрана при личности дирьийского правителя была естественной мерой безопасности, но она способствовала физическому отделению эмира от массы населения.

Приведенный выше распорядок дня Сауда в общих чертах подтверждал и И. Буркхардт⁵⁰.

Летописец отмечал простоту жизни Саудидов, их общедоступность и близость к народу. Из приведенного отрывка Ибн Бишра тем не менее можно сделать вывод, что при дворе Саудидов развивался особый церемониал — внешнее отделение знати от народа, воздействие на простой люд при помощи пышности и великолепия свиты, слуг, особой манеры держаться и т.п.

Ж. Раймон, знакомый с придворной жизнью Эд-Дирьи лишь по рассказам очевидцев, сообщал, что Сауд «стремился к блеску и помпе... Если он так выделяется своею роскошью во дворце, он еще более заметен, когда выходит из него; он производит впечатление многочисленной свитой, которая требует почета повсюду, где он проходит»⁵¹.

Государственные расходы помимо двора эмира. Одним из способов перераспределения полученных богатств внутри правящего класса были подарки, которые диръийские правители делали своей знати как натурой (породистые лошади, оружие, скот), так и в виде денежного вознаграждения. И. Буркхардт писал, что диръийский правитель дарил кочевым шейхам от 50 до 300 талеров⁵². Ибн Бишр сообщал, что диръийский правитель «щедро одаривал своих подданных, которые приходили к нему по делам, и эмиров...»⁵³.

Дополнительный свет на характер расходов в ваххабитском государстве проливают данные о местных, провинциальных бюджетах. И. Буркхардт довольно подробно останавливается на этом вопросе. Правда, в его замечаниях опять-таки проглядывает подсознательное желание слишком уж упорядочить еще не сложившийся механизм ваххабитского государства.

«Все доходы с бедуинов, за исключением заката, поступают в государственную казну, или бейт аль-маль, — сообщал он. — Каждый город или сколько-нибудь значительная деревня имеет местную казну, куда население платит свою долю. При казне есгь писец, или клерк, посланный ваххабитским вождем с приказанием не допускать, чтобы местный шейх совершал какие-либо злоупотребления с деньгами. Шейхам не позволено ни собирать деньги, ни распоряжаться собранными средствами.

Эти фонды предназначаются для общественных служб и делятся на четыре части. Четвертую часть посылают в центральную казну, в Эд-Дирью. Четвертая часть предназначается для облегчения положения бедняков... Она расходуется на богословов, которые должны наставлять учеников, и судей, на ремонт мечетей, на содержание общественных колодцев... Половина — на бедных солдат, которых снабжают в поход продовольствием, а в случае необходимости — верблюдом, а также на гостей. Деньги, предназначенные для гостей, передаются в руки шейхов, которые содержат что-то вроде постоянных дворов, где все гости могут останавливаться и питаться бесплатно. На эти цели идут также натуральные налоги»⁵⁴.

Приведенный отрывок не дает ответа на многие вопросы. Остается неясным, пополняется ли местная казна за счет части занята или же дополнительных налогов? Участвует ли центральная казна в местных расходах? Далее И. Буркхардт писал, что центр возмещал потери от стихийных бедствий и вражеских набегов⁵⁵. Но было ли это одноразовым примером участия центральной казны в местных расходах или же практиковалось постоянно?

Другое деление местного бюджета на примере Эль-Хасы приводил Ибн Бишр: «А что он (диръийский правитель. — *А.В.*) получает из бейт аль-маль Эль-Хасы, то делится на три части: треть он предназначает для своих пограничных районов и крепостей [сугур] и для довольствия их населения и гарнизона, треть — это довольствие для его конницы, его людей, его помощников и для всего, что [нужно] для его дворца, домов его сыновей, домов семьи шейха и других в Эд-Дирью, треть продается за деньги и остается у его доверенных лиц для подарков и денежных перечислений... И после этого получают 80 тыс. риалов для Эд-Дирью»⁵⁶.

Средства на местах, таким образом, распределялись по нескольким основным каналам. Главная часть шла на военные цели — в виде обеспечения неимущих солдат, оплаты провианта и выдачи жалования гарнизонам, содержания конницы (т. е. вооруженной знати). Вторая важная статья расходов — подарки местной знати, которая держала в своих руках ключевые посты в нарождавшейся администрации и распоряжалась частью расходов, несомненно не без выгоды для себя. Траты на «бедняков» покрывали содержание богословов и судей.

Благотворительность. Ибн Бишр отмечал, что диръийский эмир Абд аль-Азиз «заботился о больных и бедных. Среди них были такие, кто писал ему письма от себя, своей матери, жены, сына и дочери — от каждого по одному письму. А он [Абд аль-Азиз] выписывал на каждое письмо дар. И такому человеку по этой причине приходит 20

риалов, или больше, или меньше. Когда умирал такой человек из какой-либо области Неджда, то его дети приходили к Абд аль-Азизу или его сыну и просили быть заменой [умершего] родителя. Он их щедро одаривал, а может быть, назначал им жалованье [ратиб] из канцелярии (дивана). Каждый год и в любое время он давал населению оазисов и деревень большие милостыни — около тысячи риалов, или больше, или меньше. Он спрашивал о больных и сиротах в Эд-Дирьии и в других местах и приказывал одаривать их...

Сообщил мне писец, что Абд аль-Азиза одолела однажды головная боль. Он позвал его к себе и сказал: "Пиши о милостыне для населения (разных) мест" — и продиктовал ему: "Народу Манфухи — 500 риалов, Аяйны — столько же, Хураймалы — 700, Махмалы — 1100 и всем другим областям Неджда вроде этого". Сказал он [писец]: "Стоимость [его милостыни] — 90 тысяч риалов".

Однажды к нему пришло 25 нош риалов. Он проходил мимо них, а они лежали. Он уколол их своей саблей и сказал: "Господь дал мне власть над ними, ко не дал им власть надо мной!" И он начал распределять их»⁵⁷.

Ибн Ганнам описывал страшный голод в Неджде в середине 80-х годов XVIII в., когда цены на продукты питания невиданно поднялись, когда умирали мужчины, женщины, не говоря уж о стариках и детях. Люди падали от истощения во время молитвы. Голод длился несколько лет. Когда Абд аль-Азиз начал давать пищу вдовам, сиротам и слабым⁵⁸.

Так государство Саудидов на практике осуществляло одно из самых гениальных изобретений (или, точнее, приобретений) ислама — благотворительность. Служившая верным «пропуском» в рай для дающих, она хотя бы на время предохраняла их на этом свете от проявлений недовольства бедняков, от их восстаний и бунтов. Благотворительность идеологически обезоруживала неимущих, прививала им мысль, что не решительной борьбой, а милостыней богатых и знатных они могут облегчить свою участь, спастись от голода и лишений. Благотворительность Саудидов играла не менее важную политическую роль: за счет окраин материальное благополучие жителей центральных провинций ваххабитского государства несколько улучшалось, что укрепляло их преданность дирьийским правителям. Часть сумм, идущих на благотворительные цели, несомненно, попадала в руки местной аристократии или же служила ей косвенным образом, снимая необходимость самой жертвовать слишком много на своих бедняков. Преданность местной аристократии и населения центральных областей ваххабизму и Саудидам укреплялась.

Ваххабитские богословы и дирьийские правители, возможно, были честными и искренними людьми по моральным нормам тогдашнего арабийского общества и стремились облегчить участь населения. Благотворительность в Дирьийском эмирате была в некотором роде также трансформацией прежней патриархально-племенной солидарности перед лицом всяческих бедствий. На эту сторону прежде всего обращают внимание последующие «проваххабитские» авторы.

Если же вернуться к цитируемому выше отрывку Ибн Бишра, обращает на себя внимание еще одна деталь: сумма в 90 тыс. риалов, выделенная на благотворительные нужды, все-таки очень незначительна по сравнению с богатствами, стекавшимися в дирьийскую казну.

Политическая структура государства и организация власти. Под властью дирьийского эмира, освященной ваххабизмом, были объединены силой оружия различные провинции и кочевые племена. Их зависимость от Эд-Дирьин была различной.

Ибн Ганнам сообщал, что при присоединении к ваххабитам племена или оазисы давали обязательство Ибн Абд аль-Ваххабу и Ибн Сауду вести священную войну (джихад) против «многобожников» (т. е. неваххабитов) и оказывать помощь ваххабитам⁵⁹. Когда жители Хармы и Эль-Маджмаа присоединились к ваххабитам, они послали делегацию к шейху и Абд аль-Азизу, выражая желание «принять ислам» и выполнять все

обязательства, в том числе выплачивать закят. но просили разрешения не принимать участия в джихаде в течение двух лет ⁶⁰.

Что означали подобные соглашения? Прежде всего это были военные союзы, при которых сторона, присоединившаяся к ваххабитам, обязывалась вести военные действия против неваххабитов. Это главное. Недаром отсрочка на два года от участия в джихаде рассматривалась в порядке исключения.

Союз с ваххабитами обязывал племена и оазисы платить постоянный налог в центральную казну и существенно ограничивал их независимость.

В 1865 г. английский агент Л. Пелли посетил возрожденное после египетского разгрома государство Саудидов с новой столицей — Эр-Риядом. Он отметил различные формы зависимости от Эр-Рияда присоединенных или присоединившихся к ваххабитам племен. С некоторой осторожностью можно допустить, что подобное положение существовало и в первом государстве Саудидов.

Одни племена платили налог, участвовали в военных походах и несли различные повинности. Другие могли пасти скот в Неджде и на его окраинах, но если они подвергались нападению третьих племен, то ваххабиты не вмешивались. Следующую группу составляли племена, обязавшиеся не нападать на племена, подчиненные риядскому эмиру, в обмен на такое же обязательство с их стороны. Наконец, в четвертой группе были племена, не признававшие власти риядского эмира, но платившие ему дань ⁶¹.

Центральная власть добивалась отмены старых, племенных обычаев разрешения споров, стремилась сгладить местные противоречия в рамках единого государства. Ибн Бишр писал, как в присутствии Сауда поссорились вожди двух могущественных племен: Фейсал ибн Ватбан Ааль Давиш — шейх мутаир и аль-Хумайд ибн Абдаллах ибн Захаль — аназский вождь. Эти племена издавна враждовали между собой, и спор их вождей грозил принять характер военного столкновения. Но Сауд поспешил примирить поссорившихся, унять старую вражду и призвал их соблюдать порядок и единство во имя общей цели — джихада ⁶². И. Буркхардт также сообщал, что в ваххабитском государстве межплеменные ссоры разрешались самим лирийским правителем. Он сурово наказывал их зачинщиков ⁶³.

Саудида использовали в качестве опоры и союзника присоединившуюся к ним часть местной аристократии. В племенах и оазисах у власти иногда оставались прежние эмиры и шейхи. Но по мере расширения ваххабитского государства и усиления центральной власти Эд-Дирья все чаще стала заменять местных правителей теми представителями соперничавшего с ними рода или семьи, у которых в прежние времена не было надежды подняться наверх. Вновь назначенные шейхи и эмиры, обязанные своим положением ваххабитам, были более послушны Саудидам, чем прежняя аристократия, издавна стоявшая у кормила власти.

Такие назначения осуществлялись различными путями. Например, перед взятием оазиса Ауда в Судайре один ваххабит, принадлежавший к местной знати, попросил Абд аль-Азиза сделать его эмиром оазиса, если он порвется в него в числе первых. Его просьба была удовлетворена ⁶⁴. Завоеватель Бурайды Абдаллах ибн Хасан был назначен эмиром всего Касима ⁶⁵. В Дурме местный эмир казнил трех знатных людей и захватил их имущество. Против него восстали жители: они убили эмира и членов его семьи. Ваххабиты, которых они призвали на помощь, предоставили им право выбрать нового правителя по своему усмотрению ⁶⁶. Дирьяйские эмиры назначали на высшие посты и просто чужаков ⁶⁷.

«Ваххабиты посчитали необходимым сменить почти всех шейхов в присоединенных племенах. Не оставляя власти в руках семьи шейха, они передавали власть соперничающей знатной семье. Мухаммед Али, заняв Хиджаз, восстановил в правах местных шейхов, создав тем самым оплот против ваххабитов» ⁶⁸, — сообщал И. Буркхардт.

В качестве меры обеспечения верности племен и оазисов центральной власти Саудиды прибегали к испытанной практике завоевателей — брали заложников. Иногда после присяги на верность, принесенной каким-либо оазисом или подразделением племени, нескольких представителей знати брали в качестве заложников⁶⁹. Некоторые непокорные шейхи постоянно жили в Эд-Дирьии, а на их место направляли людей, послушных центральной власти. Чтобы ослабить боевую мощь и организованность бедуинов, в Эд-Дирьии держали также часть военачальников племен (акыдов)⁷⁰.

Таким образом, на местах менялся сам характер власти, вместо прежних формально и фактически независимых шейхов и эмиров появились полузависимые вассалы дирьийского правителя или же его прямые ставленники.

И. Буркхардт писал: «Крупные бедуинские шейхи... получают от ваххабитского вождя почетный титул эмира эмиров. Власть этих эмиров над арабами очень ограничена, она ненамного превышает ту власть, которой обладает независимый бедуинский шейх, за исключением того, что он может навязать подчинение закону, заключив в тюрьму нарушившего закон или оштрафовав его за непослушание»⁷¹.

Именно это «ненамного» и представляет собой важнейшую деталь, отличавшую шейха в саудидском государстве от главы племени довахха-битского времени: укрепление публичной власти (тюрьма, штраф), отделение публичной власти от массы кочевников. Этот процесс проходил на основе военной силы централизованного государства.

Эмиры провинций — вассалы Саудилов — собирали войска, помогали сборщикам налогов. Их власть ограничивалась присланными из центра судьями⁷².

«Когда Сауд захватывал какой-нибудь оазис, — писал автор «Блеска метеора», — он строил там крепость, рыл вокруг нее ров и помещал в ней гарнизон из 500 — 1000 человек, которые жили за счет этой местности. Они могли быть жителями этой местности или воинами со стороны. Они должны были быть преданными Эд-Дирьии. В крепости они сидели два-три года. Там были припасы и порох. В некоторых из них были пушки. Каждому из воинов платили по 300 — 400 захабов»⁷³. Видимо, здесь речь идет о гарнизонах в самых крупных населенных пунктах. Чему равен захаб, установить не удалось. Если предположить, что он примерно соответствует риалу, то, очевидно, плата предназначалась военачальникам, а не простым воинам.

Ваххабиты назначали муфтия и кади в оазисы, сообщала хроника «Блеск метеора», в мелкие селения — только судью. Вознаграждение им выплачивалось из казны. В каждый оазис посылали сборщиков занята. В некоторых местах было четыре сборщика, а в других — семь. Эти люди были независимы от правителя. Но он помогал им собирать налоги. Также назначался мухтасиб. Он должен был наблюдать за выполнением религиозных обрядов, следить за правильностью ведения торговых сделок, за соблюдением меры и веса, за исполнением судьями своих обязанностей, не допускать взяточничества⁷⁴.

Таким образом, власть на местах была представлена эмиром — командиром гарнизона, а также судьей (муфтием), сборщиками налога и мухтасибом.

Как уже отмечалось, для дальнейшего усиления авторитета центральной власти и дома Саудилов Абд аль-Азиз ибн Сауд и Ибн Абд аль-Ваххаб решились на шаг, который в определенной мере противоречил традициям и обычаям Аравии той эпохи: они заставили всех ваххабитов присягнуть на верность Сауду ибн Абд аль-Азизу как наследнику престола⁷⁵, чтобы укрепить дом Саудилов.

Все важнейшие государственные дела решались эмирами Эд-Дирьии после консультаций с Ибн Абд аль-Ваххабом, его детьми и внуками, богословами, знатью племен и оазисов, членами семьи Саудилов.

Ибн Гашгам сообщал, что, когда Сауд возвратился с победой из Эль Хасы, «он направился к своему отцу, народу и детям и начал совет с отцом и лучшими из подданных»⁷⁶. Еще более определенно об этом говорил Ибн Бишр: «Если для него [Сауда] было важным какое-либо дело и он хотел выяснить мнение [своих приближенных], он

посылал за своими знатными людьми из вождей кочевников и узнавал их мнение. А когда он узнавал их мнение и они уходили от него, он посылал за своими знатными людьми и мудрыми людьми из Эд-Диръии и узнавал их мнение. Когда они выходили от него, он посылал за сыновьями шейха и богословами из Эд-Диръии и советовался с ними. И его мнение склонялось к их мнению, и он открывал им, какое у него мнение»⁷⁷.

«Во время войны, — писал И. Буркхардт, — правители и ихейхи больших бедуинских племен составляют совет; в мирное время Сауд совещается лишь с диръийскими богословами. Они принадлежат в основном к семье [Ибн] Абд аль-Ваххаба, основателя секты»⁷⁸.

Подробных данных об организации центральной власти в первом саудидском государстве не сохранилось. Неизвестно, был ли при диръийских правителях постоянный совет из верхушки знати. Ваххабитские летописцы говорят о наличии канцелярии (дивана) при эмире, не определяя ее функций. Во всяком случае, какие-то центральные ведомства существовали. Поэтому сообщение Рейно, будто диръийский правитель вершил всеми государственными делами с помощью одного писца⁷⁹, вызывает сомнения.

Через семейство Саудидов феодальный класс Аравии осуществлял свое господство, проводил в жизнь такую политику, которая соответствовала интересам аристократии в целом, без региональных различий, — грабительские войны, эксплуатацию трудящихся, установление безопасности. И. Буркхардт считал, что ваххабитское правление — это «аристократия, во главе которой стоит семья Сауда... На деле он находился под контролем своих губернаторов, людей с большим влиянием в соответствующих провинциях, которые объявили бы себя независимыми, если бы он обращался с ними несправедливо»⁸⁰.

Мнение И. Буркхардта можно принять лишь частично, согласившись с фактом взаимозависимости диръийских правителей и аристократии в целом. Но авторитет и влияние Саудидов держались не только на «справедливом обращении». Они покоились прежде всего на реальной военной силе, на государственном аппарате, на умелом использовании противоречий между местными шейхами и эмирами, на идеологическом влиянии ваххабитской доктрины.

Богословы и судьи. Мощную поддержку централизаторской политике диръийских правителей оказывали ваххабитские улемы. Уже приводились примеры их постоянного широкого участия в важнейших государственных делах. Непререкаемым авторитетом пользовался основатель секты Ибн Абд аль-Ваххаб. В первые годы его союза с Мухаммедом ибн Саудом он был не только богословом, учителем, судьей. Ибн Абд аль-Ваххаб организовывал войско, занимался внутренними и внешними делами, переписывался с богословами Аравии, пропагандировал свое учение и призывал соблюдать верность диръийскому эмиру⁸¹. Он принимал активнейшее участие в создании и руководстве ваххабитским государством. Проповедь вероучителя дисциплинировала ваххабитов, спланивала их вокруг эмира, разжигала фанатизм. Лишь после совета с ним Абд аль-Азиз распределял военную добычу.

Ибн Абд аль-Ваххаб стремился поддерживать свою репутацию, не забирая себе прямо ни одного дирхема из военной добычи. После взятия Эр-Рияда, главного противника Эд-Диръии в Неджде, Ибн Абд аль-Ваххаб отошел от государственных дел, передав надзор за бейт аль-маль Абд аль-Азизу и посвятил всего себя делам религии, учения и пропаганды⁸². Потмоки шейха писали богословские труды в духе его учения, комментировали его сочинения⁸³. Так создавалась школа ваххабитских богословов, уцелевшая и после египетского нашествия и давшая кадры для кратковременного ваххабитского возрождения в середине XIX в.

Ибн Бишр писал, что диръийский правитель «щедро одаривал... судей, богословов, учащихся и знатоков Корана, муэдзинов и имамов мечетей». После завершения учения юноши получали солидные подарки⁸⁴. Ученики сыновей Ибн Абд аль-Ваххаба находились на содержании бейт аль-маль⁸⁵. Расходы на мечети и служителей

мусульманского культа, естественно, попадали в графу самых праведных расходов казны. Ф. Манжен сообщал, что в государствах Саудидов «мечети содержатся на часть десятины и на доходы с вакфов, которые им предназначены. Ими управляет администратор, назначенный богословами»⁸⁶. К сожалению, других данных, подтверждающих наличие и распространение вакуфного имущества в Аравии, не обнаружено. По сообщению «Блеска метеора», Ибн Абд аль-Ваххаб и его семейство имели крупную земельную собственность, а помимо этого получали еще огромные доходы из государственной казны и подношения от вассальных правителей⁸⁷.

Во все важнейшие оазисы, города и племена из Эд-Дирьии посылались богословы. Их задачей было проводить идеологическую обработку населения, искоренять приверженцев других воззрений, навязывать догматы веры, возбуждать военный энтузиазм и преданность Эд-Дирьии. Были открыты школы, в которых богословы преподавали основы грамоты и чтение Корана. И. Буркхардт писал, что в Эд-Дирьии богословы собрали значительные библиотеки. В них хранилось много исторических трудов. У Сауда также была большая библиотека⁸⁸.

Можно предположить, что строгого разделения функций между служителями культа и судьями не было. В важнейших центрах эти посты занимали потомки Ибн Абд аль-Ваххаба — элита, независимая от местных правителей, получавшая жалованье и подарки от государства. Ваххабитские судьи вершили суд, руководствуясь Кораном и сунной⁸⁹, на основе ханбалитской школы. Шариат гораздо успешнее прививался в оазисах с их относительно развитым классовым расслоением.

Что касается бедуинов, то мусульманское право находило мало применения в их среде⁹⁰. Ваххабитская судебная система вступила в острый конфликт с обычным правом — урфом — бедуинов. Есть основания предполагать, что победа была за обычным правом, хотя усиление классовых функций аристократии в кочевых племенах расширяло возможности для использования шариата. Уже в наше время автор этих строк был свидетелем, как вершился суд в районе Мариба в Северном Йемене. Губернатор разбирал межплеменные споры только на основе урфа.

Судебное преследование и наказание преступников в ваххабитском государстве также претерпели некоторые изменения. В соответствии с шариатом вору при определенных обстоятельствах отрубали руку или штрафовали⁹¹.

Так же как и во времена пророка Мухаммеда, ваххабиты стремились ограничить институт кровной мести, заменив ее выплатой 100 верблюдов или 800 талеров. (И. Буркхардт, приводя эти данные, не уточнял, была ли эта норма общей для всех областей Аравии.) Видимо, Саудидам удалось несколько сузить действие обычаев кровной мести, но не уничтожить их.

Ваххабиты не признавали обычая защиты, покровительства, предоставленного преступнику отдельными членами племен. Судебная власть находилась в руках назначаемых государством кади.

Особо внимательно судьи следили за нарушением предписаний мусульманского культа. За малейшие отклонения от нормы виновных сурово наказывали⁹².

Экономика, торговля (положительные аспекты централизации). Впервые за много веков Аравия, в особенности ее центральные районы, приобрела, хотя бы на время, стабильность. Эмиры принимали беспощадные меры для установления безопасности на дорогах, для ограждения внутренней торговли от грабежей, для защиты собственности. Басринский летописец Ибн Санад писал, что чуть ли не одной из основных заповедей ваххабитов было обеспечение безопасности на дорогах⁹³. Ибн Бишр сообщал, что «Абд аль-Азиз был суров к тем из кочевников, кто совершал преступление, или разбойничал на дорогах, или воровал что-либо у путника. Если кто-либо поступал так, он забирал его имущество, или часть, или что-либо из имущества в соответствии с его преступлением и строго наказывал его»⁹⁴.

Один иракский паломник, как рассказывал неждийский летописец, остановился недалеко от бедуинов субай. У него украли сумку с мелкими вещами стоимостью 10 пиастров. Потерпевший написал жалобу Абд аль-Азизу. Дирьийский правитель приказал вождям племени выслать деньги паломнику, который к тому времени уже вернулся в Иран. Мало того, эмир призвал вождей племени и сказал: «Если вы не назовете мне вора, я закую вас в цепи, посажу в тюрьму и возьму в наказание часть вашего имущества». Вожди обещали вернуть паломнику его имущество в двойном размере. Но Абд аль-Азиз настоял на отыскании преступника. Вора нашли, продали его имущество (70 верблюдиц), конфисковали выручку в бейт аль-маль, а многие вещи отослали паломнику в Иран.

Уважение к чужой собственности и боязнь наказания за воровство приняли необычайные размеры, писал Ибн Бишр. Однажды несколько бедуинов нашли заблудившихся коз неизвестного хозяина, но не решались заколоть их, хотя были голодны⁹⁵.

Из первого рассказа Ибн Бишра явствует, что дирьийские правители ввели систему круговой поруки племен за безопасность на их территории. Об этом же сообщал И. Буркхардт⁹⁶. Ваххабиты ликвидировали также поборы, накладывавшиеся раньше племенами за «охрану», «сопровождение» и проход караванов по своей территории.

Купцы и путешественники «не боятся ни нападения, ни воровства со стороны кого-либо из бедуинов, живущих в этой стране, — писал Ибн Бишр. — С них не берут никаких налогов и сборов, которыми облагаются паломники. Были отменены поборы и налоги на дорогах, проходящих через районы, где живут кочевники, возродившие [ранее] порядки джахилии. Уезжает всадник в одиночку из Йемена или Тихамы, Хиджаза или Басры, Бахрейна или Омана или из пустынь Сирии и не несет оружия. Его оружие — палка. Он не опасается врагов, тех, кто хотел бы сделать ему плохое⁹⁷... И подданные, и селения во времена Абд аль-Азиза были в безопасности, наслаждаясь благополучной жизнью. И он действительно достоин титула махди своего времени, потому что человек в одиночку путешествует с большими деньгами в любое время, когда захочет, летом или зимою, направо или налево, на восток или на запад, в Неджде, Хиджазе, Йемене, Тихаме и других местах. Он не боится никого, кроме Бога, — ни вора, ни лихого человека»⁹⁸.

Ибн Бишр приводил пример, когда несколько сборщиков налогов возвращались из отдаленных местностей с пятой частью добычи, предназначенной для эмира (хумс), и закнтом. На стоянке они прикрепляли дорожные сумки с деньгами к палаткам, а ночью привязывали их к лошадям, не опасаясь воровства.

От установления безопасности и стабильности выигрывало оседлое население, жители оазисов и городов. Прекратились набеги на их пальмовые рощи и поля⁹⁹. В условиях централизованного государства кочевники не могли собирать хуву, опираясь на военную силу или угрозу ее применения, создавались предпосылки для ликвидации даннических отношений «побратимства». Трудно сказать, насколько далеко зашли подобные тенденции. Говорить о полном прекращении набегов было бы неверно, но несомненно, что впервые за много веков земледельцы могли трудиться на земле или пасти скот.

«Жители всех оазисов Арида, Эль-Харджа, Касима, Вашма, Джануба и других мест в весенние дни оставляли без пастуха в степях и на пастбищах свой скот — верблюдов, породистых лошадей, коров, овец и других животных, — писал Ибн Бишр. — Если животные хотели пить, они приходили к оазисам, затем отправлялись на свои пастбища, пока не кончалась песа и жители не нуждались в них. А может быть, они производили потомство, и люди не знали об этом, пока животные не приходили к ним со своими детенышами. Исключением были породистые лошади. Для них нанимали специально человека, чтобы он их поил и стреножил.

Жители Судайра оставляют весной своих верблюдов, породистых и [простых] лошадей [на пастбищах]; они нанимают одного человека, который их поит, посещает их хозяев, возвращается к животным, а они — на своих местах. Он поправляет их путы и

оковы, затем уходит от них. Так же породистые и [простые] лошади жителей Вашма на своих пастбищах... И так же обращаются с ними. То же и лошади Абд аль-Азиза, его сыновей и его родичей на различных пастбищах. Для них нанимают лишь одного человека. Так же поступают все районы...

В Эд-Дирьии было пастбище для многочисленных верблюдов. Оно предназначалось для заблудившихся верблюдов, которых находили в одиночку или группами. И кто из бедуинов или оседлых из всех стран полуострова» находил, то прибывал с ними в Эд-Дирью, опасаясь, что их обнаружат у него... Абд аль-Азиз приставил к ним одного человека, который следил за ними и нанимал пастухов. Эти верблюды размножались здесь. И любой из кочевников и оседлых, у кого пропали верблюды, приходил сюда. Если он опознавал свою собственность, то приводил двух свидетелей или же свидетеля и давал клятву, потом забирал верблюдов»¹⁰⁰.

Экономическая действительность первого ваххабитского государства была, конечно, далека от той идиллической картины, которую нарисовал Ибн Бишр. Происходили грабежи на дорогах (иначе кого же тогда наказывали дирьийские правители?), и нападения на сады и поля оседлых жителей, и частые восстания кочевых племен и оазисов.

Хиджазский историк Ибн Зайни Дахлан описывал грабежи на дорогах в то время, когда ваххабиты постепенно прибирали к рукам контроль над Хиджазом, а Меккой правил послушный им шериф Абд аль Муин¹⁰¹.

Мероприятия ваххабитов, направленные на установление безопасности на дорогах, ликвидацию внутренних «таможенных» сборов, защиту собственности, создавали благоприятные возможности для внутриаравийской торговли. Обмен в аравийском обществе, и так развитый, получил дополнительный стимул. Однако речь идет именно о внутренней торговле. Политика ваххабитов в области внешней торговли, которая для отдельных районов Аравии имела первостепенное значение, была разрушительной, как мы убедимся ниже.

На торговле, особенно в голодные годы, когда цены резко возрастали, наживались огромные по аравийским масштабам состояния. «В Неджде торговали главным образом продовольствием, — писал И. Буркхардт (эти данные подтверждал Ф. Манжен. — *А.В.*¹⁰²). — Племена из глубины пустыни покупают то, в чем нуждаются. А так как часто случаются голодные годы, богатые люди скапливают большое количество зерна. Сауд никогда в это не вмешивался, и в годы нехватки продовольствия он позволял продавать его по назначенной ими цене, как бы это ни было тяжело для бедных. Он говорил, что Мухаммед никогда не запрещал получать с капитала любую возможную прибыль»¹⁰³. Впрочем, в соответствии с нормами раннего ислама ваххабиты запретили ростовщичество¹⁰⁴.

Развитие внутриаравийской торговли способствовало процветанию столицы государства — Эд-Дирьии. Ибн Бишр посетил ее при жизни Сауда и оставил описание города: «Я увидел в Эд-Дирьии большие богатства, множество людей, оружие, украшенное золотом и серебром, равного которому нет, породистых лошадей и оманских верблюдов, богатые одежды и другие признаки процветания, которые не поддаются описанию и подсчету. Я однажды наблюдал за ее сезонной ярмаркой, находясь на холме, расположенном в месте, известном под именем Батын. Это между ее западными домами, называемыми Турайф, в которых живет семейство Саудидов, и восточными строениями, известными под именем Буджайри, а они принадлежат сыновьям шейха. Я видел в одной стороне базар для мужчин, в другой — [базары] золота, серебра, оружия, верблюдов, овец и коз. Идет купля и продажа, берут и дают. И все это простирается, насколько хватает глаз... И лишь слышны слова: "Продал!" — "Купил!". На западной и восточной сторонах расположены лавки. В них одежда, оружие, ткани...»¹⁰⁵.

Далее он писал: «Могущество этого города, величие его зданий, энергичность его жителей, численность людей и богатств — неописуемы. Не охватывает знающий всего

своим знанием. Если бы я отправился считать людей, — а они снуют вперед и назад, — табуны лошадей, и лучших верблюдов оманской породы, и грузы богатств разных родов, которые приходится на ее жителей и которые привозят им путешественники из их числа, а также жители других стран, то все это не вместились бы к книгу. Увидел бы я там чудесные чудеса.

Входящий на ее сезонную ярмарку обязательно увидит кого-нибудь из жителей разных стран — из Йемена, Тихамы, Хиджаза, Омана, Бахрейна, из сирийской пустыни и Египта, людей из их главных городов и других [людей] со всего света. Перечислять их всех было бы долго. Этот приходит сюда, этот уходит, а этот навсегда поселяется в ней.

Дома продавались в ней очень редко, и стоимость их была 7 тыс. риалов и 5 тыс. риалов. Низкий [плохой] дом стоил тысячу риалов, и все остальные вроде этого.

Размер месячной арендной платы за одну лавку был 45 риалов, а другие лавки сдавались по риалу в день, а иногда по полриала. Мне говорили, что когда приходит караван из Хадма, то арендная плата за лавку составляет 4 риала в день.

Один человек из местных жителей хотел расширить свой дом и благоустроить его. Он купил пальмы недалеко от своего дома, желая срубить их и использовать... Каждая пальма была по 40 риалов или по 50 риалов...

Дрова и лес были там очень дорогими. Говорили, что стоимость ноши дров достигала 5 — 6 риалов, а цена локтя толстого дерева — риал...»¹⁰⁶.

Эд-Дирья стала крупным торговым центром Аравии. Здесь скрещивались торговые пути всего полуострова. Обильный приток награбленных богатств вызвал искусственный бум, большое скопление людей, дороговизну. В те времена отсутствовали еще необходимые экономические предпосылки для создания столь крупных поселений. Об этом лишний раз свидетельствуют и баснословные цены на дерево, пальмы, топливо. Тем не менее безопасность на дорогах обеспечивала определенное, хотя бы временное, укрепление внутринавийских экономических связей.

Экономические, политические и идеологические меры для централизации государства привели к явлениям, невиданным в истории Центральной Аравии. Появились тенденции создания надплеменной общности. Это было столь поразительно, что ваххабитский историк восклицал с восхищением, хотя и явно преувеличивая: «Мужчина сидит с убийцей своего отца и его братом, как с братьями»¹⁰⁷. Ибн Санад отмечал, что ваххабиты уничтожили взаимные набеги, что все бедуины, несмотря на свои различия, от Хадрамаута до Сирии стали как братья, дети одного человека. В некоторых областях можно было встретить палатку аназов, палатку атайбов, палатку харбов, и они жили мирно¹⁰⁸.

Однако главным инструментом политики централизации, сплочения разрозненных территорий и племен в рамках государства Саудилов оставалось войско. Пока оно было сильным и победоносным, существование Дирьийского эмирата было обеспечено.

Войско. За исключением нескольких сот избранных солдат, которых держали в Эд-Дирьи, ни Сауд, ни его отец никогда не имели регулярной армии, писал И. Буркхардт¹⁰⁹, но все мужчины от 18 до 60 лет считались военнообязанными¹¹⁰. Практически любой физически крепкий бедуин или житель оазиса представлял собой воина.

По сообщению И. Буркхардта¹¹¹, обычно в войско посылали по одному из каждых десяти мужчин. Ибн Санад и другие авторы не называют точной нормы мобилизации.

Собираясь совершить набег, дирьийский эмир посылал гонцов к вождям кочевых племен и приказывал им прибыть в такой-то день к такому-то колодцу, писал Ибн Бишр. И никто не опаздывал к назначенному сроку, «ни низкий, ни знатный, ни из бедуинов Хиджаза, ни Ирака, ни Джануба, ни других мест». А если кто-либо опаздывал, то с него брали штраф. Специальные люди, посланные правителем, брали штраф в виде различного имущества, лошадей, верблюдов, били провинившихся и «мучили их разными пытками». И никто не осмеливался сказать им что-либо или заступиться за провинившегося, но «все были покорными и подчинялись»¹¹².

«Если нужно было собираться на войну, Ибн Сауд созывал различные племена, по столько-то людей от каждого племени или деревни»¹¹³, — писал басринский летописец Ибн Санад. Ж. Раймон¹¹⁴, Л. Корансеэ¹¹⁵, И. Буркхардт¹¹⁶ подтверждали этот факт.

«Когда султан ваххабитов нуждается в войсках, он пишет различным племенам и определяет число воинов, которое они должны послать»¹¹⁷, — сообщал испанский путешественник Бадия-и-Леблих.

А вот данные Ф. Манжена: «Перед тем как начать военную кампанию, Сауд требовал, чтобы провинции предоставили ему необходимый контингент. Эмиры отдавали приказ тем, кто находился под их юрисдикцией. Знатный (нотабль) каждого города и каждой провинции сам вел вооруженных людей в место, которое ему было назначено. Он был их начальником и командовал ими все время, пока длилась война. В каждой провинции формировались отдельные отряды под началом своего эмира, при котором находились два писца и имам. Функция имама заключалась в том, чтобы отправлять молитвы в лагере, в то же время он был посредником в спорах, которые могли возникнуть»¹¹⁸.

Самые большие племена Центральной Аравии — аназа, кахтан, мутайр — подчинялись приказам дир'ийских правителей, даже если жили далеко от места военных действий¹¹⁹. Правда, судя по описаниям набегов, в них в полной мере принимали участие, как правило, лишь близлежащие племена. Но небольшие подразделения всех прочих племен также в случае необходимости входили в состав ваххабитского войска.

Призыв на войну, таким образом, был обязательным. От него нельзя было уклониться. В этом заключалось существенное отличие ваххабитского ополчения от прежних племенных союзов: тогда бедуины участвовали в газу, когда хотели и с кем хотели.

«Каждый воин нес с собой собственное оружие, провиант и снаряжение, — писал Ф. Манжен. — Неимущим помогали в экипировке. Богатые снабжали необходимым их семьи. Мужчина, которого эмир назначил к выступлению, мог предоставить воина взамен себя. Его он обеспечивал всем необходимым или же был обязан дать верблюда или лошадь. Пехотинец и всадник на верблюде не получали никакой оплаты. Коннику обеспечивали фураж для лошади и месячное содержание»¹²⁰.

По словам Бадия-и-Леблиха, ополченцы «приходят в назначенный день с провизией, вооружением: султан никогда не думает дать им что-нибудь. Тахова сила религиозных идей»¹²¹.

Провизия солдата, по данным И. Буркхардта, состояла из 100 фунтов муки, 50 — 60 фунтов фиников, 20 фунтов масла, мешка пшеницы или ячменя для верблюда и бурдюка с водой¹²².

Эти припасы несомненно были максимумом того, что брал с собою воин, и их количество менялось в зависимости от срока похода. На это указывал Ибн Санад. По его сведениям, Сауд сам назначал, сколько скота или снаряжения должны были взять с собой воины, выступавшие в поход. Но походы продолжительностью больше месяца он не любил проводить, чтобы самому не снабжать солдат снаряжением и продовольствием. На срок до месяца воины обеспечивали себя всем необходимым самостоятельно, свыше месяца — какую-то долю выплачивал дир'ийский эмир¹²³. Если же ополченцы являлись с плохим снаряжением, ваххабитский правитель отсылал их обратно, а потом наказывал направившие их оазисы или племена.

Собственный запас провианта, взятый с собою воинами, снимал заботу об их пропитании с государственной казны, повышал автономность войска в походе. Но вместе с тем набор воинов и получение провианта для них тяжелым бременем ложились на плечи неимущей части населения. Она не могла, подобно богатым, откупиться от военной службы, лишалась рабочей силы, и никакая помощь не могла заменить потери кормильца. Простые воины, участвовавшие в походах, могли рассчитывать лишь на долю в добыче.

Поэтому, как сообщал И. Буркхардт, жители оазисов и кочевники довольно часто уклонялись от участия в походах¹²⁴.

Босяки добыча после отчисления пятой части в пользу дирьийского правителя должна была делиться между воинами. Было установлено, что всадник, т. е. представитель знати, получал две доли пехотинца. На деле, видимо, самую лакомую часть добычи забирала знать. Ж. Раймон отмечал, что при Абд аль-Азизе солдаты жаловались на несправедливый раздел добычи, при котором львиная доля доставалась их военачальникам. Дирьийский эмир должен был вмешиваться и восстанавливать «справедливость»¹²⁵.

И. Буркхардт писал, что из лучших солдат числом в 300 человек составлялась гвардия дирьийских правителей — главный резерв на поле боя. Все они были отлично вооружены и содержались за счет эмира¹²⁶. У неждийских летописцев нет данных о такого рода гвардии. Они сообщают лишь о вооруженных рабах. Видимо, в личную дружину эмира входили и вооруженные мамлюки, и вольные.

Когда правитель отправлялся в поход, у его дворца в Эд-Дирмш собирались всадники и жители столицы. Выйдя из дворца, он шел молиться в расположенную поблизости мечеть, затем садился на коня и покидал город. Он останавливался между Эд-Дирьией и Аяйной, и к нему собирались больные, слабые, нуждающиеся; эмир одаривал их. Таким образом, дирьийский правитель совершал богоугодное дело и, заручившись высшей поддержкой, двигался дальше. При помощи благотворительности он стремился завоевать любовь и преданность подданных из пристольничного района.

Эмир направлялся к месту сбора всех ополченцев. После молитвы и совещания с приближенными он отправлялся в путь. За несколько дней до встречи с противником в соответствии с обычной бедуинской тактикой вперед высылались разведчики (уйун). За ночь до сражения с противником запрещалось зажигать костры. Накануне боя правитель вновь собирал воинов и напоминал им о долге перед Аллахом. Убеждение, что сражение будет богоугодным делом, подшоало дух ваххабитов. Перед боем они снова молились.

С детства и до глубокой старости Сауд любил походы и «священную войну». Вместе с ним в уюдах участвовали богословы из Эд-Дирьии и близлежащих оазисов. Вместо себя в столице Сауд оставлял одного из сыновей, чаще всего Абдаллаха¹²⁷. «Сауд внушал ужас своим врагам, и они часто бежали, услышав о его приближении»¹²⁸. Если он готовил поход на север, то делал вид, что хочет идти на юг, на восток или на запад.

«Во время дневных и ночных походов назначались авангард и арьергард, — сообщал Ф. Манжен. — Войско выступало одной или несколькими колоннами в зависимости от обстоятельств. Эмиры всегда возглавляли людей, находящихся под их юрисдикцией. Конница и верблюжья кавалерия шли во главе и в хвосте колонны. Центр предназначался для артиллерии и пехотинцев, которые сидели по двое на верблюде (об этом писал и Л. Корансез¹²⁹. — *А.В.*).

В походах ваххабиты питались финиками с верблюжьим молоком. Хлеб и мясо ели редко (по мнению Ж. Раймона, арабийские воины могли до трех суток обходиться без воды и пищи. Ф. Манжен называет срок — двое суток¹³⁰. — *А.В.*).

В бой ваххабиты вступали батальонами (видимо, отдельными отрядами. — *А.В.*). Пехота оставляла за собой верблюдов, к которым были приставлены слуги¹³¹. Когда противник приближался или же имел преимущество, верблюды служили укрытием для сражающихся. Каждый батальон состоял из жителей одного района во главе с эмиром и деревенской (оазисной. — *А.В.*) знатью. Ряды воинов были сдвоены. Когда первый ряд уставал или нес большие потери, его заменял второй. Мертвых выносили с поля боя, чтобы предать земле. Было постыдно не отдать им последний долг. В случае поражения армия отступала без паники. Если же терпел поражение противник, то пехота его не преследовала, но конница и верблюжья кавалерия преследовали на определенную дистанцию»¹³³.

В военном лагере «каждый знал свое место. Командующий находился в центре лагеря. Кавалерия — вокруг его шатра. На некотором расстоянии от лагеря выставляли пехотные и кавалерийские посты. Их сменяли каждые 24 часа. Днем все спали и лишь поднимались для пятикратных молитв. Ночью разговаривали, читали нараспев стихи Корана, рассказывали истории.

Дисциплина у ваххабитов была суровой. Командир, не выполнявший своих обязанностей или подававший повод для жалобы, снимался с поста. Иногда его приговаривали к штрафу. Провинившихся воинов наказывали палками. Если воин совершал серьезный проступок, ему сносили голову. То же самое делали, «если он бежал перед противником»¹³³.

Бадия-и-Леблих также отмечал «поистине спартанскую» дисциплину и «необычайную покорность» ваххабитов¹³⁴.

За исключением последнего положения Ф. Манжена, его данные не вызывают сомнения, хотя, может быть, военные походы ваххабитов и не выглядели так организованно и дисциплинированно, как он их описывал. Что касается смертной казни за бегство перед неприятелем, то в этом можно усомниться. Бедуинская тактика ведения военных действий предусматривала бегство как элемент боя, как спасение перед превосходящими силами неприятеля. Ничего зазорного в бегстве бедуины и вообще жители Аравии не видели. Ваххабиты вряд ли могли столь решительно сломать прежние обычаи.

Если войску ваххабитов не удавалось сразу захватить какой-либо оазис, то они строили около него крепость и оставляли в ней небольшой гарнизон для стеснения действий неприятеля¹³⁵. В крупных оазисах и городах (в Эль-Хасе, Касиме, Мекке. Медине) дир'ийские эмиры держали гарнизоны из верных им недждийцев¹³⁶. Об этом имеются сведения во многих аравийских источниках, хотя И. Буркхардт утверждал, будто ваххабиты не держали гарнизонов¹³⁷. «Солдаты из Эд-Дир'ии имели преимущество перед всеми прочими, — писал Ф. Манжен. — В городах начальники всегда назначались из их числа»¹³⁸.

Л. Корансез сообщал, что тактика ваххабитов — внезапность нападения. Узнав о том, что они обнаружены и их ожидает сопротивление, ваххабиты отступали. Л. Корансез утверждал, что в бою они не соблюдали никакого порядка и участвовали в нем лишь тогда, когда противник был настолько слаб, что не мог или не хотел оказать сопротивление. Они больше интересовались грабежом, чем войной. Малейшее сопротивление их обескураживало. Они быстро бежали, если сталкивались с сопротивлением, долго выжидали удобного момента для атаки¹³⁹.

Л. Корансез в целом невысоко ставил ваххабитское войско и в некоторых аспектах был, несомненно, прав. Однако можно предположить, что французский историк специфический порядок боя жителей пустынь принимал за отсутствие порядка и сбрасывал со счетов фанатизм ваххабитов.

На вооружении в аравийском войске были пики, сабли, кинжалы, короткие копья для пехотинцев, щиты, дубинки, фитильные ружья и пистолеты¹⁴⁰. Ваххабиты сами делали порох¹⁴¹. Иногда они носили каски и защитную одежду из кожи¹⁴². У знатных были кольчуги¹⁴³. Воины имели также кинжалы, пристегнутые к поясам, и сумки с патронами¹⁴⁴. Фитильные ружья использовались не часто и не были главным вооружением войска. Ибн Бишр сообщал, что у Сауда имелось 30 больших и столько же малых пушек¹⁴⁵. Большей частью эти пушки были захвачены у противника и почти не находили боевого применения.

Численность войска под знаменами дир'ийского эмира достигала 50 тыс. человек¹⁴⁶. Европейцы были склонны преувеличивать и называли 100 тыс., 120 тыс. и даже 200 тыс.¹⁴⁷ На полуострове ваххабиты не имели себе равных, но это не означало, что они всегда побеждали.

Предпосылки распада и гибели государства Саудидов. Задача подчинить весь Аравийский полуостров оказалась для дирьийских правителей непосильной. Обширнейшие территории Аравии, плохие пути сообщения через безводные пустыни и горы изолировали друг от друга отдельные области, затрудняли походы и снабжение армии. И дирьийским эмирам просто не хватало энергии и войск, чтобы покорить горные районы Йемена и даже Хиджаза, побережье Маската и Хадрамаута, укрепиться в Тихаме и Наджране. Это создавало постоянную угрозу и источник беспокойства на окраинах государства, вынуждало ваххабитов расходовать силы и средства на военные действия, которые отнюдь не всегда заканчивались примерным наказанием «многобожников» и вознаграждением «единобожников» богатой добычей.

За пределами же Аравийского полуострова и зоны пустынь ваххабитское войско было не в состоянии вести крупные успешные боевые операции. Как уже отмечалось, после Кербелы ни один — даже небольшой — укрепленный город в Сирии или Ираке не попал в руки ваххабитов. Их жестокость и террор порождали не только панику, но и готовность яростно сражаться. Перед укрепленными городами, защищаемыми с мужеством и со знанием военного искусства, войско Саудидов пасовало.

Наступательный порыв ваххабитов носил отпечаток завоевательных войн средневековья. Трудно предугадать, как сложилась бы судьба их государства, пояись они за несколько столетий до XIX в. Однако ход исторического развития не признает никаких «бы». Выйдя за пределы средневековой Аравии, ваххабиты столкнулись с более развитыми частями Османской империи, обогнавшими их в своем развитии на много столетий. В ту пору отдельные провинции Османской империи совершали отчаянные, хотя пока что тщетные, попытки превратиться из «парадного тюбана» в современное государство. Прежде всего они перенимали европейскую поенную технику и военную организацию. В столкновении с армией, обученной и вооруженной по-европейски, ваххабиты проигрывали.

В одной приостановке экспансии уже таилась угроза существованию государства Саудидов. Как отмечалось, участие в победоносном набеге, совместном грабеже было главным, что объединяло знать разрозненных оазисов и племен. Когда же военное расширение Дирьийского эмирата, достигнувшего своих естественных границ, замедлилось, а потом практически прекратилось, объединение для аравийской аристократии потеряло многие привлекательные черты. Поступление награбленных богатств уменьшилось. Проводя самостоятельную политику, совершая традиционные набеги на соседей, феодальная знать могла рассчитывать на получение больших доходов.

Особенно тяжело гнет централизованного государства чувствовали на себе могущественные кочевые племена. Многие бедуины, никогда не знавшие налогов, платили обязательный закят лишь под угрозой суровых репрессий и часто восставали. Бедуины всегда были готовы сбросить ваххабитское ярмо, они признавали ваххабизм лишь внешне, отмечал И. Буркхардт¹⁴⁸. Военная добыча могла как-то компенсировать уплату налогов, потерю доходов от различных видов хувы, но в случае прекращения успешных набегов бремя централизованного государства становилось невыносимым.

Налоговая эксплуатация, поборы и штрафы в некоторых случаях перекрывали преимущества безопасности и стабильности. Тогда целые племена и провинции отказывались платить подати¹⁴⁹. Каждый год Сауд совершал несколько походов не только против неподчинившихся окраин полуострова или провинций Османской империи, но также против бунтовавших племен и областей своего государства.

Внутри государства Саудидов шел процесс дальнейшего углубления имущественных различий и классовых противоречий. Разбогатевшая на завоевательных войнах центральноаравийская аристократия все больше отдалялась от простых кочевников и крестьян, приобретая вкус к роскоши. Углублялся разрыв между ваххабитской пропагандой, обращенной к народу, и образом жизни знати.

Дальние походы отрывали недждийских крестьян от сельскохозяйственных работ, отнюдь не всегда вознаграждая их военной добычей. Необходимость для части оседлых жителей выплачивать помимо закята арендную плату феодалам (иногда непосредственно семейству Саудидов) или государству создавала основания для недовольства.

Уменьшение заинтересованности знати в существовании централизованного государства после прекращения экспансии, недовольство бедуинов и кочевой аристократии властью Саудидов, разочарование в дирьийских эмирах и ваххабизме крестьян-земледельцев — все это были объективные, независимые от воли правителей предпосылки распада централизованного аравийского государства. Они существовали в потенции и могли проявиться лишь через некоторый, может быть достаточно длительный, промежуток времени. Однако ряд политических и экономических мер, продиктованных дирьийским эмирам узким фанатизмом, усугублял трудности их государства и ускорял его разложение.

Для внутренней торговли в Дирьийском эмирате сложились благоприятные условия. Однако во внешней торговле положение было противоположным. Непримирымый фанатизм ваххабитов заставил их прервать торговые связи с «многобожниками», которыми были для них все неваххабиты. До 1810 г. была запрещена торговля с Сирией и Ираком¹⁵⁰. Если какого-либо купца захватывали на дороге, ведущей к «многобожникам», то конфисковали все товары¹⁵¹. «Преступлением, которое Сауд должен был наказывать особенно часто, были связи арабов с еретиками, — писал И. Буркхардт. — При введении ваххабитской веры были даны самые ясные приказы, запрещающие все связи между ваххабитами и другими нациями, которые еще не приняли нового учения. Было сказано, что одна лишь сабля может быть использована в споре с ними»¹⁵². Легко представить себе, какой страшный удар наносился по экономической жизни отдельных областей в случае буквального проведения в жизнь фанатичных распоряжений.

Однако экономические потребности были сильнее волюнтаристских решений, слепого фанатизма. Бадия-и-Леблих справедливо писал: «Время заставит этих людей понять, что Аравия не может существовать без торговых связей и паломников. Необходимость заставит их ослабить эту нетерпимость по отношению к другим нациям»¹⁵³.

Торговля Аравии с «многобожниками» сократилась, но продолжалась. В пору крайнего обострения отношений с Египтом, Ираком, Сирией торговля хлебом не прекращалась¹⁵⁴. Сами ваххабиты продавали захваченные драгоценности в Индии¹⁵⁵. Сделав тщетную попытку установить «самоблокаду» Аравии, но оказавшись не в состоянии обойтись без торговли с «многобожниками», дирьийские эмиры нанесли ущерб своему авторитету.

Для Хиджаза политика ваххабитов оказалась особенно разрушительной. Самый тяжелый удар был нанесен прекращением доступа большинства паломников из Османской империи. Бедуины перестали получать плату за проход караванов по своей территории и за предоставление вьючных животных. Многочисленные профессиональные нищие, гиды, разнообразные служители мест культа лишились доходов. Священным городам перестали поступать ежегодные дары султана¹⁵⁶. В результате «население Мекки и Медины, — писал аль-Джабарти, — перестало получать то, чем оно существовало: милостыню, съестные припасы и деньги. Взяв жен и детей, они покинули родные места; остались лишь те, для кого эти доходы не служили источником существования. Ушедшее население направилось в Египет и Сирию, а частью — в Стамбул»¹⁵⁷.

Ваххабиты установили порядок и безопасность на дорогах в Хиджазе, и торговцы более не опасались разбойничьих нападений. Торговля между Хиджазом и Недждой осуществлялась беспрепятственно. В период уменьшения потока паломников это помешало росту цен. Когда в течение пяти-шести лет в Аравии свирепствовал голод, вызванный страшной засухой, в Хиджаз все-таки поступало продовольствие из других

стран. Но посреднические операции и продажа товаров во время хаджа были главными видами торговли в Хиджазе, а они пострадали больше всего. Сократился транзит товаров через Джидду, так как резко уменьшилось число паломников, для которых и привозились многие товары, а торговцы кофе и индийскими тканями не решались появляться в порту, ибо к ним относились как к «многобожникам». Пришла в упадок торговля с Египтом. Все это почувствовали на себе не только богатые купцы, но и простой люд Джидды, Мекки и других городов, так как и он был связан с торговлей. Многие были разорены. Джидда обезлюдела, в ней стали разрушаться часть домов¹⁵⁸.

Дирьийские правители отменили различные несправедливые поборы и не допускали вымогательств со стороны шерифа Мекки или аги Медины. Зато они ввели в районах, не подчиненных непосредственно шерифу, обязательный закят. Можно представить себе чувства бедуинов или жителей Медины, потерявших доходы от паломников, да еще вынужденных платить налоги.

Шерифу Мекки были оставлены его доходы. Но насколько они сократились с уменьшением потока паломников, упадком торговли, запрещением собирать пошлыны с купцов-ваххабитов, не говоря уже о том, сколь тягостна для него была потеря политической независимости!

Участие в походах вовсе не прельщало жителей Хиджаза, привыкших добывать себе питание и деньги более легкими способами. Достаточно сказать, что мединцы, владевшие лошадьми, немедленно их продали, чтобы избежать призыва в войско ваххабитов¹⁵⁹.

Строгие, «пуританские» нравы, введенные в Мекке, противоречили обычаям и понятиям ее жителей. Принадлежность к священному городу создавала у мекканцев чувство превосходства над всеми прочими мусульманами, что предоставляло им готовые оправдания для некоторой распушенности. В Мекке до ее захвата ваххабитами существовали целые кварталы проституток, даже плативших налог со своей профессии. Была распространена педерастия. Спиртные напитки продавали чуть ли не у ворот Каабы, и пьянство не было редкостью¹⁶⁰. Новые порядки могли вызвать одобрение набожных улемов и искренне верующих, но для большинства жителей были тягостны. Также тягостным было чувство униженности из-за подчинения недждийцам впервые за многие столетия.

Все эти факторы экономического, политического, психологического порядка создавали в Хиджазе обстановку вражды и ненависти к ваххабитам. Их авторитет и власть держались лишь на военной силе.

Достаточно было какого-либо мощного внешнего толчка, чтобы начался процесс распада государства Саудидов и чтобы противоречия, которые медленно изнутри подтачивали его, приобрели разрушительный характер.

Глава V РАГРОМ ВАХХАБИТОВ ЕГИПТЯНАМИ (1811-1818)

Прелюдия египетской экспедиции в Аравию. Завоевание ваххабитами Мекки и Медины нанесло огромный ущерб престижу турецкого султана Селима III. Халиф правоверных, обладатель титула «служителя обоих священных городов», оказался не в состоянии обеспечить своим подданным выполнение хаджа — одного из пяти столпов ислама.

После свержения Селима III в 1807 г. новый султан, бывший игрушкой в руках янычар, стремился во что бы то ни стало вернуть Хиджаз в лоно Османской империи. Попытки толкнуть на активные действия против ваххабитов Багдадский пашалык оказались безнадежными. Занятые внутренними междоусобицами, войной с персами, багдадские паши не могли и не хотели воевать против Дирьийского эмирата. Слабые дамасские паши постоянно подвергались нападениям со стороны могущественных пашей

Акки, растрчивали силы на междоусобицу и также не имели ни возможностей, ни желания выступить против государства Саудидов. Наконец в Дамаск был назначен Гендж Юсуф, который сумел подавить янычар, расправиться с сепаратистами в Сирии и укрепить свою власть. Но ввязываться в войну против ваххабитов он не хотел¹.

Единственная реальная возможность разгромить Дирьийский эмират заключалась в использовании войск начавшего возвышаться египетского паша.

Когда Мухаммед Али утвердился в Египте и в 1805 г. добился своего назначения каирским пашой, Порты возложила на него задачу отвоевать священные города у ваххабитов. Новый паша, занятый укреплением своей власти, борьбой с соперниками и мамлюками, защитой Египта от англичан, внутренними реформами, в течение нескольких лет не имел сил заниматься аравийскими делами. Но с конца 1809 г. он начал уделять серьезное внимание подготовке экспедиции².

Желание Порты не было ни главной, ни единственной причиной, толкнувшей практически независимого правителя Египта на долгую и дорогостоящую кампанию в Аравию. Отвоевав священные города, Мухаммед Али рассчитывал укрепить свой авторитет во всей Османской империи, завоевать популярность. В планы каирского паша, как в свое время и Али-бея, входило установление контроля над торговлей индийскими товарами и йеменским кофе, которая шла через Джидду. а потом завоевание и самого Йемена. Мухаммед Али намеревался также с помощью благочестивых лозунгов освобождения Мекки и Медины вывести из Египта солдат, которые поставили его у власти, но превращались в слишком опасную силу и стесняли его свободу действий. Наконец, в неофициальных переговорах Порты, видимо, обещала передать Дамасский пашалык одному из его сыновей, если только Мекка и Медина будут освобождены³.

Для постройки судов Мухаммед Али заказал лес, якоря и другие материалы. Их доставили из Турции в Каир, а отсюда перебросили на верблюдах в Суэц. С перевозкой спешили, верблюдов загоняли до смерти, и вся дорога из Каира в Суэц была усеяна трупами животных. В Суэце на строительстве кораблей работало несколько сот рабочих, и к марту 1810г. было готово два десятка судов⁴.

Затем было построено еще несколько судов. Египтяне превратили красиоморский порт Кусай в главную базу снабжения экспедиционных поиск и усилили крепости в северной части караванного пути паломников из Египта в Хиджаз, направив в них гарнизоны из наемных магрибинских солдат, а бедуинским племенам раздали подарки⁵.

1 марта 1811 г. правитель Египта устроил в каирской цитадели массовое избиение мамлюков, которое продолжалось затем по всему городу. Опасные соперники Мухаммеда Али в Нижнем Египте были уничтожены.

Война в Европе временно снимала угрозу вторжения какой-либо европейской державы в Египет и благоприятствовала проведению аравийской кампании.

Во главе экспедиции был поставлен молодой храбрый сын каирского правителя, Тусун. Ему было в то время 16 — 18 лет⁶.

Стремясь заручиться поддержкой мекканского шерифа Галиба, Мухаммед Али начал с ним секретную переписку, и тот обещал свое содействие. Накануне выступления Тусуна в Хиджаз был послан разведчик для связи с Галибом, изучения обстановки на месте и выяснения настроений кочевых племен. Сведения, добытые для Мухаммеда Али, казались утешительными. Население Хиджаза было настроено враждебно к ваххабитам и якобы ожидало «турок» как избавителей. (Мухаммед Али сначала выступал в Аравии как исполнитель воли султана, и его армию население воспринимало как турецкую.) Подобные сведения поступали к египетскому правителю и из других источников, и он решил, что удобное время настало⁷.

Разгром Тусуна в вади Эс-Сафра. К концу первого десятилетия XIX в. можно было заметить ослабление наступательных действий Дирьийского эмирата. После разгрома Кербелы и завоевания Хиджаза на счету ваххабитов не было крупных успехов. Англичане в союзе с маскатцами нанесли ряд тяжелых поражений ваххабитам на суше и на море и

позволили Бахрейну выйти из подчинения Эд-Дирьии. Постоянные восстания против ваххабитов происходили в Омане. В Ираке ваххабиты остановились в бессилии перед укрепленными городами.

На ослаблении государства Саудидов сказались и многолетняя засуха, и голод в Аравии, продолжавшиеся до 1809 г. Они дополнились эпидемией холеры. В одной Эд-Дирьии от холеры умирало каждый день несколько десятков человек⁸.

Власть Саудидов подтачивалась и изнутри из-за разногласий в правящей семье. Недовольные тем содержанием, которое им предоставил отец, дети Сауда — Турки, Насыр и Саад — убежали из дому и с небольшим отрядом направились в Оман (в 1810/11 г.) в поисках приключений и добычи. Они собрали вокруг себя значительное войско и проникли далеко за Маскат, на юг и юго-восток полуострова. Взбешенный Сауд приказал отвести ваххабитские отряды из Омана, оставив молодых принцев без поддержки. Сыновья эмира добрались до Эль-Хасы, но не решались показаться в Эд-Дирьии. Страхась гнева отца. Дело в конце концов кончилось примирением⁹.

Впервые за полстолетия авторитет имама начали оспаривать его родственники. Саух удалил от себя родных братьев, видимо опасаясь соперничества, и приблизил сводных братьев — сыновей от других жен Абд аль-Азиза. Это вызвало недовольство многих членов королевской семьи; во главе оппозиции стал некий Абдаллах, которого Ж. Раймон и Л. Корансез называли дядей Сауда. Он был, сообщал Л. Корансез, губернатором столицы¹⁰. Когда же после смерти Сауда в 1814 г. престол должен был занять его сын Абдаллах, против него также выступил некий Абдаллах, которого И. Буркхардт называл братом Сауда. Его поддержала часть дирьийских улемов¹¹.

Государство Саудидов, однако, сохраняло некоторые свои сильные стороны. Еще не исчерпал себя боевой фанатизм ваххабитов. Правители Эд-Дирьии еще могли опираться на стойкие отряды из оседлых жителей Неджда и на некоторые племена бедуинов. Репутация победоносных воинов еще не была потеряна ими. Наконец, на стороне ваххабитов в борьбе против внешнего врага была сама суровая природа Аравии.

У египетской армии, состоявшей из турецких, албанских, магрибинских наемников, было неплохое вооружение, включая артиллерию. Многие ее командиры имели опыт войны с французами и англичанами и познакомились с европейской военной тактикой. Дисциплина и моральный дух армии, однако, были в то время невысокими.

В августе 1811 г. часть войск была отправлена в Хиджаз морем с целью захватить при помощи десанта Янбо, а кавалерия под командованием Тусуна выступила туда же сухим путем. И. Буркхардт сообщал, что морем было отправлено 1500 солдат, а с Тусуном шло 800 всадников (Абдуррахим А. Абдуррахим на основе египетских архивов говорит о 3 тыс. всадников, включая бедуинов)¹². В качестве военного советника Тусуна, а фактически командующего отправился один из лучших военачальников Мухаммеда Али — Ахмед-ага, прозванный Бонапартом. При экспедиционном корпусе находился один из богатых египетских купцов — Мухаммед аль-Махруки, лично заинтересованный в красноморской торговле и несколько раз посетивший Мекку. Ему Мухаммед Али предназначил роль политического советника Тусуна. С поисками были направлены также каирские улемы¹³.

Египетский морской десант в октябре того же года занял Янбо. В городе не было ваххабитских войск, а небольшой отряд, подчинявшийся шерифу Мекки, практически не оказал сопротивления¹⁴. «Солдаты разграбили все, что нашли в Янбо из товаров, денег, тканей, кофе, обесчестили женщин и девушек, живших в порту, захватили их в качестве пленниц и торговали ими, продавая друг другу»¹⁵. Такое поведение солдат вряд ли могло вызвать благожелательное отношение к ним местных жителей. Но главная задача первого этапа экспедиции была выполнена — захвачен важный плацдарм для дальнейших действий против ваххабитов.

В ноябре в Янбо прибыл Тусун со своим отрядом. Ибн Бишр сообщал, что всего в Янбо собралось более 14 тыс. человек¹⁶. Даже если учесть, что И. Буркхардт несколько

преуменьшал силы египетских войск, то и тогда несоответствие его цифр данным неждийского летописца будет разительным. Очевидно, по дороге к Тусуну присоединились гарнизоны, ранее посланные Мухаммедом Али в крепости по караванному пути, и некоторые бедуины¹⁷.

Тусун несколько недель оставался в Янбо. Получив подкрепление из Египта, он повел свое войско на Медину.

Сауд был осведомлен о военных приготовлениях Мухаммеда Али через своих шпионов в Каире. Видимо, этим и объяснялись его постоянные заботы об укреплении Медины. Когда же Тусун занял Янбо, Сауд мобилизовал свои лучшие силы и послал их в Хиджаз во главе со своим сыном Абдаллахом. 18 тыс. ваххабитов, включая 600 конников, заняли позиции у вадии Эс-Сафра, на полпути между Янбо и Мединой¹⁸.

Решающее сражение произошло в декабре. Армия Тусуна, преследуя бедуинов харб, с которыми египтяне не установили дружеских связей, углубилась в узкий горный проход у вадии Эс-Сафра и попала под удары отборного войска ваххабитов, о прибытии которого Тусун не имел ни малейшего представления. Египетская армия, насчитывавшая 8 тыс. человек, обратилась в бегство. Личная храбрость Тусуна не спасла положения, и его войско было наголову разгромлено, потеряв более половины состава. Лишь увлечение ваххабитов грабежом покинутого лагеря спасло египетскую армию от поголовного уничтожения, и жалкие остатки войск Тусуна добрались до Янбо. Но ваххабиты не стали атаковать город. В руках египтян сохранился важнейший плацдарм¹⁹.

Вот как описывал аль-Джабарти поведение солдат войска Тусуна при первых же признаках поражения: «Вдруг солдаты, находившиеся внизу, увидели, что с гор спускаются солдаты, потерпевшие поражение. Все они обратились в бегство, ища спасения, оставив свои палатки, багаж и снаряжение и грабя что полегче из имущества своих начальников. Тот, кто посильнее, захватывал имущество своего ослабевшего товарища, его верховое животное, садился верхом, а может быть, и убивал более слабого, чтобы забрать верховое животное и бежать. Они устремлялись на побережье в Барайк (небольшой порт недалеко от Янбо. — *А. В.*) к судам, так как некоторое количество их из предосторожности стояло наготове. Их сердца были охвачены ужасом. Так как они отступали в беспорядке, то ни один из них не остался бы в живых, если бы их преследовали. На берегу моря солдаты стали криками звать суда. Когда к ним подходило судно небольшой вместимости, то солдаты, столпившиеся в огромном количестве, спускаясь на него, давили друг друга. Взбравшиеся на судно препятствовали доступу остальных своих сотоварищей, и если те не отставали, то пускали в ход ружья и пули»²⁰.

Аль-Джабарти как представитель аль-азхарской оппозиции Мухаммеду Али находит свои объяснения поражению египетского войска. «Некоторые из военачальников, — писал он, — считающиеся благочестивыми и набожными, говорили мне: "Как же нам победить, когда большая часть наших солдат — различных вероисповеданий и имеются среди них такие, которые ни во что не верят и не исповедуют религии. С нами следуют ящики со спиртными напитками, в нашем лагере не слышно азана (призыва на молитву. — *А. В.*), предписания не выполняются, здесь о них и не вспоминают, понятия не имеют о религиозных обрядах. Враги же наши, как только наступает время призывов муэдзинов, совершают омовение и со смирением и покорностью становятся в ряды со своим единым имамом. Если же время молитвы наступит в момент, когда происходит сражение, то с трепетом все же совершают "молитву боязни" (сокращенная молитва. — *А. В.*) — один отряд выступает вперед и ведет бой, а другие, стоящие за ним, совершают молитву. Наши солдаты поражаются этому, так как они никогда не слышали о таком, не говоря уже о том, чтобы видеть это. Ваххабиты выкрикивают из своего лагеря: "Выходите на бой с нами, вы, язычники, вы, бреющие бороды, прославляющие распутство, содомский грех, вы, пьющие вино, забывающие молитвы, занимающиеся ростовщичеством, вы, убийцы, вы, позволяющие себе запретное!"»²¹.

Помимо чисто военных причин — неожиданности удара ваххабитов, плохой позиции египетского войска, пока что высокого боевого духа ваххабитов и никуда не годного морального состояния солдат Тусуна — большую роль сыграла его неспособность в тот момент наладить дружеские связи с местными кочевыми племенами. Войско Тусуна проходило по местности, жители которой были союзниками ваххабитов и пока не решались прочим них выступить. Отсюда проистекала и неосведомленность египетских военачальников о передвижениях ваххабитских войск, и незнание ими позиций неприятеля.

Оккупация Хиджаза. Чтобы исправить положение, нужно было подкупить местных бедуинских вождей. Для этого требовались средства; вскоре они были присланы из Египта.

«Продолжающийся вывоз отсюда (из Александрии. — *А. В.*) съестных припасов, отправляемых в Мальту и Испанию, подает ему [Мухаммеду Али] способ поправить состояние своей казны и удобнее делать потребные издержки как для возобновления укреплений сего города... так и для важных приготовлений к походу против Вехаба,— писал российский консул в Египте Ш. Россетти. — Между тем из Турции приходят беспрестанно в Александрию новые войска, которые отправляет он малыми отрядами в Ембо через Суэц. Уверяют, что Вехаб со своей стороны принимает деятельные меры, дабы встретить сию новую экспедицию. Между означенным Вехабом и меккским шерифом существует великое неудовольствие...»²². Ш. Россетти доносил также о слухах по поводу готовящейся войны между Францией и Россией. Это позволяло каирскому паше действовать пока что с меньшей оглядкой на европейские державы.

В Янбо поступили свежие подкрепления и военное снаряжение. Большими подарками Тусун привлек на свою сторону вождей местных кочевников—джухайна и харб — и многих оседлых жителей. Каждому из вождей племен было определено ежемесячное жалованье²³. Недовольство ваххабитами в Хиджазе уже давно достигло стадии ненависти, поэтому такая политика Тусуна начала приносить плоды. Галиб поддерживал переписку с египтянами, хотя внешне проявлял все знаки почтения к Сауду²⁴.

Осенью 1812 г. Тусун с большим войском выступил по направлению к Медине и подошел к ней в октябре, не встретив по пути сопротивления²⁵. Город защищал семитысячный гарнизон ваххабитов. Но, как сообщал Ибн Бишр, большая часть солдат была больна. А жители города не имели большого желания сражаться на стороне ваххабитов.

Тусун начал артиллерийский обстрел города, взрывами были проделаны бреши в стенах. Медина капитулировала. Ваххабитский гарнизон укрылся в городской крепости, но через три недели, в ноябре, голод вынудил его покинуть цитадель. Тусун обещал беспрепятственную эвакуацию остатков ваххабитского гарнизона на почетных условиях²⁶. По сообщению Ф. Манжена, египетские солдаты вели себя благородно²⁷, но И. Буркхардт, лучше знакомый с ходом кампании, сообщал, что по дороге солдаты Тусуна убили или ограбили большинство ваххабитов²⁸. В Каир было послано «4 тысячи ушей, отрезанных у ваххабитян, кои уповательно будут отправлены в Константинополь»²⁹. Мединский ага Хасан переметнулся на сторону египтян, но был арестован, выслан в Стамбул и там казнен. На его место губернатором Медины был назначен Томас Кейс, шотландец, захваченный в плен в Египте и принявший ислам³⁰.

Шериф Галиб вел двойную игру. Он был рад поражению ваххабитов и рассчитывал сбросить их гнет с помощью египтян, но слишком большое усиление позиций каирского паши в Хиджазе меньше всего соответствовало его желанию. Идеальным вариантом для Галиба было бы взаимное истощение египетских войск и ваххабитов и возвращение в его руки реальной власти в Хиджазе. Дальнейшее развитие событий заставило его горько разочароваться в своих надеждах.

Пока что он вновь поклялся в верности Сауду, совершившему в конце 1812 г.³¹ последний хадж, и начал готовить сдачу Мекки и Джидды войску каирского паши. В это время недалеко от Мекки стояло лагерем войско Абдаллаха. Но хроника Ибн Бишра и прочие источники не сообщают о какой-либо подготовке ваххабитов к военным действиям. Такая пассивность Сауда и его сына не означала, что они не понимали грозившей им опасности. Только внутренним состоянием ваххабитского государства, неустойчивостью тылов, ненадежностью бедуинов можно было объяснить их бездеятельность.

Небольшой египетский отряд в январе 1813 г. без боя занял Джидду. Абдаллах, опасаясь предательского удара со стороны Галиба, вывел из Мекки ваххабитский гарнизон и отступил со своей армией в Эль-Хурму. Осман аль-Мудайфи с семьей бежал из Эт-Таифа. Мекка и через несколько дней Эт-Таиф попали в руки Тусуна без боя³¹. Галиб, а вслед за ним хиджазские кочевые племена заявили о верности новым хозяевам.

Египтяне отняли Хиджаз у ваххабитов, несмотря на свое тяжелейшее поражение, практически без серьезных военных усилий. Решающую роль в их успехе сыграли враждебность хиджазцев дирьийским эмирам и ваххабизму, золото, щедрой рукой распределявшееся среди кочевой аристократии и всех бедуинов, и, наконец, переход мсисанского шерифа на сторону каирского паши.

По случаю взятия священных городов в Каире были устроены пышные празднества с пушечным салютом и фейерверком. Посланник Мухаммеда Али отправился в Стамбул с ключами от Мекки, Медины и Джидды. Российское посольство доносило из Стамбула: «Все члены оттоманского правительства приняли их в мечети Эйюб, а отсюда ключи были перенесены к Сераль к султану. В этот же день трижды прозвучали артиллерийские эдпы всех батарей города, флота и пролива в Черное море, чтобы отпраздновать это событие. Празднование продолжалось семь дней»³³. Султан назначил Тусуна трехбунчужным пашой. Мухаммеду Али и шерифу Галибу были отправлены от султана дорогие подарки³⁴.

Следующие месяцы принесли египтянам малоутешительные результаты. Весной и летом 1813 г. ваххабиты совершили успешные набеги на Хиджаз. Сам Сауд появился под Мединой, хотя города взять не смог. Оставшиеся верными ваххабитам асирцы напали на египетские отряды почти под стенами Мекки и Джидды. Войско ваххабитов вместе с местными жителями отбросило отряды Тусуна, направленные им для захвата важного в стратегическом отношении оазиса Тураба, нанеся большие потери египтянам. Также неудачной была вылазка из-под Медины в сторону Эль-Ханакии.

Египетская экспедиционная армия теряла больше солдат от усталости, жары, непрекращавшихся болезней, вызванных плохой водой и скверным питанием, чем в результате боев. По данным Ф. Манжена, армия каирского паши потеряла за время кампании уже 8 тыс. человек и 25 тыс. верблюдов. Падеж верховых и вьючных животных лишал египтян возможности маневра, дальних походов, своевременного подвоза снаряжения, продовольствия и боеприпасов. Бедуины, которые начали разочаровываться в египетском паше, неохотно сотрудились с его войсками³⁵.

Осенью 1813 г. военное счастье снова улыбнулось Тусуну. Ваххабитский военачальник Осман аль-Мудайфи совершил налет на Эт-Таиф, но потерпел поражение и бежал. Бедуины атайба схватили его и выдали Галибу³⁶. «Это он (аль-Мудайфи. — *A.B.*), осадив Эт-Таиф, воевал против него и захватил его, убивал мужчин, насиловал женщин, это он разрушил мавзолей Ибн Аббаса превосходной архитектуры, это он вместе с бедуинами сражался с войсками паши а районе Эс-Сафры и Эль-Джадиды, нанес им поражение, рассеял их. После ареста его доставили в Джидду, где он оставался в темнице у шерифа, который тем самым хотел выслужиться перед турками»³⁷, — писал аль-Джабарти. Аль-Мудайфи отправили в Каир, а затем в Стамбул, где и казнили.

Несмотря на некоторую активизацию действий в Хиджазе, военное положение ваххабитов летом 1813 г. ухудшилось: их армия в Омани была разгромлена, а ее командующий Мутлак убит³⁸.

Политика Мухаммеда Али в Хиджазе. Правитель Египта понимал, что, несмотря на завоевание Хиджаза, с ваххабитами отнюдь не покончено. Он решил лично направиться в Аравию, изучить на месте обстановку, а заодно совершить хадж. Осенью 1813 г. Мухаммед Али с несколькими тысячами солдат прибыл в Джидду³⁹. Его встретил Галиб. Затем оба они отправились в Мекку. Последовали взаимные клятвенные заверения в дружбе, произнесенные в Каабе. Но между пашой и шерифом назревал серьезный конфликт.

Прежде всего паша постарался захватить все сборы джиддинской таможни, а это лишало Галиба большей части дохода. Затем Мухаммед Али попросил Галиба оказать давление на бедуинов, чтобы те предоставили вьючных животных для египетской армии. Нехватка транспортных средств не позволяла наладить регулярные переброски снаряжения даже между Джиддой и Меккой. Шериф оказывал сопротивление планам паши. Положение правителя Мекки благодаря наличию у него нескольких тысяч вооруженных рабов, наемных солдат и верных хиджазцев, контролю над мекканской цитаделью было достаточно сильным, чтобы не допустить открытых покушений на его власть⁴⁰.

Хитроумный паша, однако, в конце 1813 г. предательски арестовал Галиба якобы по требованию султана. Мухаммед Али заставил шерифа под угрозой потери головы отдать приказ его детям прекратить сопротивление, а затем выслал его вместе со всем семейством в Каир. На его место паша посадил свою марионетку — Яхью ибн Сурура, родственника Галиба, и конфисковал в свою пользу собственность шерифа — наличные деньги, мебель, товары, кофе, пряности — на сумму 250 тыс. ф. ст.

Однако по распоряжению султана Галибу была возвращена часть имущества; он поселился в Салониках, где спустя несколько лет умер⁴¹.

С точки зрения политики дальнего прицела — полного подчинения Хиджаза — Мухаммед Али, несомненно, оказался в выигрыше. Он лишил мекканского шерифа власти и влияния и гарантировал себя от возможного перехода Галиба на сторону ваххабитов. В руки паши попали почти все прежние доходы шерифа, и это помогало финансировать дорогостоящую кампанию. Наконец, он выбивал из рук Порты возможность играть на своих противоречиях с Галибом.

Но непосредственным результатом предательского поведения Мухаммеда Али было негодование жителей Хиджаза, в частности бедуинов, бегство к ваххабитам многих шерифских семей, опасавшихся за свою участь, и их активное участие в войне на стороне ваххабитов. В их числе был храбрый военачальник шериф Раджих. К ваххабитам бежала также часть гвардии Галиба⁴².

В военном плане Мухаммеда Али первое время преследовали неудачи. В конце 1813 — начале 1814 г. его войска потерпели поражение под Турабой и Кунфудой.

Под Турабой ваххабитами командовала женщина по имени Галия, которой египтяне не замедлили приписать колдовские чары. По войску Тусуна с тыла ударили бедуины под командованием Раджиха, и войско Тусуна было разгромлено⁴³.

Так же плачевно кончилась экспедиция в Кунфуду. Когда город был захвачен морским десантом, солдаты перебили многих беззащитных жителей и отрубили им уши, чтобы отправить в Стамбул в качестве свидетельства своей военной доблести. Как сообщал участник этого десанта Дж. Финати, иногда солдаты отрубали уши у живых, чтобы получить обещанное вознаграждение⁴⁴. Возмущенные поведением египтян местные жители объединились вокруг Тами — эмира Асира. Тами отрезал Кунфуду от колодцев и, истощив силы осажденных, начал штурм. С криками «Спасайся, кто может!» солдаты бросились к кораблям. Многие были убиты, утонули или погибли в пути от жажды⁴⁵.

Мухаммед Али понимал, что, если он не одержит в Аравии решительной победы, его положение в Египте пошатнется, и стая принимать экстренные меры для продолжения кампании. Дополнительными налогами были обложены египетские крестьяне. Новые подкрепления, боеприпасы, снаряжение, продовольствие поступали в Джидду, ставшую

главным складом. Прибыло несколько сот конников из числа ливийских бедуинов, преданных паше. Приспособленные к действиям в условиях пустыни, они явились ценным подспорьем для Мухаммеда Али. Тысячи верблюдов, закупленных пашой в Сирии, а также привезенных ливийскими бедуинами, пополнили его транспорт. Он договорился с имамом Маската о поставках судов для перевозки войск⁴⁶.

Были предприняты шаги для улучшения отношений с местным населением. Паша отменил некоторые особенно обременительные поборы, уменьшил таможенные сборы в Джидде. Он распределял деньги среди нуждающихся, производил ремонт священных памятников Мекки, делал подарки улемам и демонстративно проявлял свою набожность. Он приказал солдатам не заниматься мародерством, платить за взятые продукты. Отношение хиджазского населения к войскам пашы изменилось в лучшую сторону⁴⁷.

Но главное заключалось в том, что возобновился хадж. Бедуины получили с сирийского каравана деньги, которые турецкие власти не платили им в течение 10 лет. Наплыв десятков тысяч паломников восстановил процветание жителей хиджазских городов⁴⁸. Поэтому даже монополия на продажу хлеба, установленная Мухаммедом Али, и насильственное введение обесцененных египетских пиастров не могли резко ухудшить их благосостояние⁴⁹.

На руку египетскому правительству сыграла смерть диръийского имама Сауда весной 1814 г.⁵⁰ Таланты Сауда как полководца и государственного деятеля были общепризнанны. Ибн Бишр не жалел слов для его восхваления и рисовал канонизированный во многих преданиях и арабской литературе образ идеального правителя. Его любили подданные, утверждал летописец. Сауд хорошо знал Коран и хадисы благодаря долгому учению у Ибн Абд аль-Ваххаба. Он боролся за ислам и доблестно вел войну (джихад). Он направлял подданным письма, в которых изумлял всех знанием богословия, подтверждал свои мысли изречениями из Корана, хадисов, ссылками на известных богословов. Он призывал не совершать запрещенных дел: прелюбодеяния, распространения сплетен, клеветы, ложных высказываний, ростовщических операций. Он был скромным, делал большие пожертвования, был прост в обращении с близкими. У него был блистательный ум. Он пользовался большой популярностью⁵¹.

Несколько иным было мнение Ж. Раймона и Л. Корансеца, которые писали: «Сауд унаследовал могущество своего отца, но не его добродетели. Он не такой фанатик, это верно, но он гораздо больший деспот»⁵².

В составе владений Сауда Ибн Бишр называл Эль-Хасу, Эль-Катиф, Бахрейн, Оман, вади Эд-Давасир, Эль-Хардж, Асир, Бишу, Ранью, Эт-Таиф и Хиджаз, Мекку, Медину, Янбо, Джебель-Шаммар и Джауф, Судайр, Касим, Вашм, Махмаль⁵³. Одно это перечисление свидетельствует, что недждийский летописец строго не разграничивал различные районы и города Диръийского эмирата по значению. Поэтому у него рядом оказались и целые провинции, и некрупные города.

Ко времени смерти Сауда весь Хиджаз, Оман, Бахрейн, часть Тихамы были потеряны. Его сыну Абдаллаху досталось разрушавшееся государство. Сломив сопротивление недовольных, он утвердился на троне и начал готовиться к продолжению войны с Мухаммедом Али. Большинство историков отмечали, что Абдаллах был храбрым воином, но по своему политическому чутью, гибкости и другим качествам государственного деятеля стоял ниже отца. Возможно, в этом есть доля истины. История осуждает лиц, терпящих поражение, как бесталанных, хотя зачастую обстоятельства бывают сильнее их.

Победа под Басалем и продвижение египтян в Асир. Политика Мухаммеда Али в Хиджазе начала приносить кое-какие плоды. Он смог наладить отношения с бедуинами. Сообщение Ибн Бишра, согласно которому Абдаллах несколько раз нападал на хиджазские кочевые племена, верные паше, достаточно красноречиво. Диръийский имам вынужден был совершить карательный поход и на подразделение племени мутайр, которое начало проявлять признаки неповиновения⁵⁴. В конце 1814г. Мухаммед Али смог

установить связи с Раджихом и уговорил его вернуться к нему на службу, заплатив шерифу огромную сумму и установив ежемесячное довольствие⁵⁵.

К этому времени в распоряжении паши уже было достаточно сил. И. Буркхардт численность войска Мухаммеда Али оценивал в 5 тыс. человек. Но Мухаммед Али считал, что у него было 20 тыс.⁵⁶ Видимо, истинная цифра лежит где-то посередине.

В конце 1814 — начале 1815 г. ваххабиты сосредоточили у Басальи, недалеко от турабы, армию, которая, по мнению Ибн Бишра, насчитывала 30 тыс. человек, а по данным И. Буркхардта, — 20 тыс. Более половины состава привел Тами ибн Шуайб из Асира. Во главе объединенных сил встал брат Абдаллаха, Фейсал. В январе 1815 г. произошло сражение, в котором войско Мухаммеда Али в союзе с бедуинами одержало победу. За каждую голову убитого противника Мухаммед Али платил 6 талеров. Паша отпраздновал победу, казнив в Мекке сотни пленных. Потери ваххабитов составили несколько тысяч человек.

Затем войсками паши были взяты Тураба, Ранья, Бита. Египтяне вышли на красноморское побережье и овладели Кунфудой. Асирский вождь Тами был выдан паше, послан в Египет, затем в Стамбул, где его казнили. Во главе бедуинских племен паша повсюду сажал покорных ему людей⁵⁷. И результате решительных действий Мухаммеда Али ваххабиты были разгромлены в Асире и в стратегически важных районах между Хиджазом, Недждом и Асиром.

Из Кунфуды паша направился в Медину. Через несколько месяцев он вернулся в Египет, откуда пришли сообщения о волнениях. Кроме того, после занятия союзниками Парижа и высылки Наполеона на остров Эльба Мухаммед Али опасался нового десанта англичан в Египет или нападения турок⁵⁸.

Вторжение Тусуна в Касим и перемирие с Абдаллахом. Первая попытка Тусуна проникнуть в Касим не увенчалась успехом. Узнав о появлении Абдаллаха с большим войском, он повернул назад. Но в Касиме уже зрело недовольство властью ваххабитов. Знать Эр-Расса вступила в контакт с Тусуном и обещала ему содействие, если он вторгнется в Касим. Тусун, действуя без промедления, с небольшим войском двинулся к Эр-Рассу и занял город. Здесь он разрушил часть укреплений, обложил население налогами и стал лагерем недалеко от города, обеспечивая снабжение армии продовольствием за счет местного населения. Регулярного снабжения из Медины он не смог наладить.

Абдаллах со своим войском находился в Анайзе. Ваххабиты совершали отдельные вылазки в сторону Эр-Расса и перехватывали часть караванов, шедших из Медины. Так, отряд с подкреплением во главе с Томасом Кейсом попал в засаду ваххабитов и был уничтожен⁵⁹. Военные действия продолжались с переменным успехом до лета 1815 г.⁶⁰

Положение Тусуна стало отчаянным. Мощный натиск ваххабитов мог бы кончиться для него разгромом. Но, видимо, у Абдаллаха не хватало сил, и он опасался восстания касимцев у себя в тылу. Обе стороны желали мира. По мнению Ибн Бишра, начали прощупывать почву египтяне; по сообщению Ф. Манжена, первый шаг сделал Абдаллах. Перемирие было заключено на условиях, отражавших это неустойчивое равновесие сил.

В соответствии с соглашением военные действия прекращались. Армия Тусуна покидала Касим, и египтяне отказывались от вмешательства в дела Неджда. Гарантировалась для всех свобода торговли и хаджа. Эти данные о договоре сообщали как Ибн Бишр, так и И. Буркхардт. Но путешественник добавил еще несколько условий соглашения: все племена к востоку от Эль-Ханакии должны были подчиняться Абдаллаху. Он сообщая также, что Абдаллах согласился считать себя подданным султана. Современный египетский историк Абдуррахим Абдуррахман Абдуррахим подтверждает этот факт ссылками на документы из каирских архивов⁶¹.

Посланники Абдаллаха прибыли вместе с Тусуном в Каир осенью 1815 г.⁶²

После ухода Тусуна Абдаллах стал смещать касимских эмиров, проявивших колебания во время пребывания египетского отряда в Эр-Рассе или же прямо сотрудничавших с Тусуном. В качестве заложников в Эд-Дирью были отправлены эмир Эр-Расса и некоторые другие знатные жители Касима. Проводились большие работы по укреплению столицы государства Саудидов. В конце года Абдаллах собрал большое войско из Эль-Хасы, вади Эд-Давасир, Джебель-Шаммара, Джауфа, касимцев и, как утверждает Ибн Бишр, даже оманцев и начал карательные экспедиции против изменивших ему бедуинов харб и мугайр. Бедуины рассеялись по пустыне, избегая столкновений.

Южнее, в районах Биши, Турабы, Раньи, которые, по мнению И. Буркхардта, были исключены из действия соглашения между Абдаллахом и Тусуном, продолжались столкновения ваххабитов с египетскими войсками⁶³.

Действия Абдаллаха вызывали недовольство в Касиме, не говоря уже о кочевниках, и Мухаммеду Али были направлены жалобы. В своей переписке с Абдаллахом каирский паша и его сын Тусун постоянно говорили о нарушениях ваххабитами условий договора⁶⁴.

С установлением контроля Египта над Хиджазом авторитет Мухаммеда Али в Османской империи возрос. В награду за успехи в Хиджазе паша начал требовать у Порты Сирию. Тем настоятельнее была для него задача закрепиться в Хиджазе и в Аравии в целом, сокрушив до конца государство Саудидов⁶⁵.

Завоевание Неджда Ибрагимом. Во главе экспедиции на этот раз был поставлен старший сын Мухаммеда Али — Ибрагим.

Сохранился анекдот, связанный с назначением Ибрагима главой новой экспедиции. Рассказывали, что Мухаммед Али перед началом кампании собрал в Каире своих военачальников, чтобы обсудить с ними план военных действий. Затем Мухаммед Али указал на яблоко, помещенное в центре большого ковра, расстеленного в зале. «Тот из вас, — скаал он, — кто достанет яблоко и передаст его мне, не ступив ногой на ковер, возглавит войско». Приближенные паши легли на пол, но не смогли дотянуться до плода. Тогда сын паши, Ибрагим, человек небольшого роста, подошел к ковра, свернул его, достал яблоко и передал отцу. Так он якобы дал понять Мухаммеду Али, что египетское войско под его началом будет сворачивать «ковёр» аравийских пустынь, сохраняя свои коммуникации и обеспечивая хорошие отношения с местным населением⁶⁶.

Подобные принципы действительно легли в основу египетской политики в Аравии во время новой кампании. Ибрагим понимал, что без содействия бедуинов продвижение в глубь Аравии будет невозможно, и поставил задачу привлечь их на свою сторону. С этой целью Ибрагим отменил ваххабитский зякят с бедуинов и за все услуги платил звонкой монетой. Расходы на кампанию были огромными, они требовали «сокровищ Крезя и Хапана и эликсира Джабира ибн Хайяна»⁶⁷, — писал аль-Джабарти (Хаман — наместник фараона в древнем Египте; Иби Хайян — алхимик, якобы открывший эликсир для превращения всех металлов в золото). За победы Ибрагима расплачивались египетские феллахи.

Ибрагим знал, какую враждебную реакцию вызвали мародерство и распущенность его разноплеменных солдат в Хиджазе, и постарался произвести благоприятное впечатление на арабов набожностью, благородством, выполнением обещаний. Вплоть до разгрома Эд-Дирью какие-либо насилия над местными жителями решительно пресекались. Он запретил в армии пьянство⁶⁸.

Тем временем государство Саудидов слабело. В любой момент главные бедуинские племена были готовы изменить. Почти полная остановка притока награбленных богатств отталкивала от ваххабитов знать центрально-аравийских оазисов. Оседлое население роптало, измученное непрерывными полувековыми войнами и поборами. Авторитет Абдаллаха был не так высок, как его отца, Сауда. Лишь ваххабитские улемы повсеместно оставались верной опорой дирьюйских эмиров.

Египтяне не могли послать в Неджд многочисленное войско. Но их солдаты уже отличались от тех, которые шесть лет назад высадились в Хиджазе. Они умели правильно вести осаду крепостей, строить редуты, защищающие от внезапных нападений, с немалым искусством применять артиллерию. У Ибрагима были наполеоновские инструкторы, европейские врачи⁶⁹.

Войско Абдаллаха оставалось тем же оазисным и племенным ополчением, что и раньше. В военной подготовке ваххабиты уступали египтянам. Они, правда, действовали в привычных климатических условиях, защищали на этот раз родные дома, пальмовые рощи и поля, но их «недждийский патриотизм» не был силен, а к Саудидам они питали в тот момент противоречивые чувства.

Абдаллах, видимо, понимал сложность своего положения. Он намеревался разгромить египтян в открытом бою, а в случае неудачи — отступить в Центральный Неджд, заставляя их осаждать один укрепленный оазис за другим. Трудности кампании в самом центре Аравии, далеко от баз снабжения, должны были, по его замыслам, заставить египтян отказаться от намерения завоевать Неджд.

Осенью 1816г. Ибрагим прибыл в Медину со значительными силами. Из Египта к нему поступали все новые войска, продовольствие и снаряжение. Ибрагим привлек к себе на службу племена из окрестностей Медины и начал медленное продвижение в Неджд. Заняв Эль-Ханакию, он создал в ней укрепленный лагерь. Он приглашал сюда вождей соседних племен, преподносил им подарки и демонстрировал свою армию. В это время из Стамбула пришло сообщение о назначении его трехбунчужным пашой. Это могло польстить его самолюбию, но не означало какой-либо поддержки. Влияние Порты на аравийские дела в целом ограничивалось лишь показными жестами.

В начале 1817 г. Ибрагим сделал попытку добраться до Эр-Расса, но вернулся назад⁷⁰.

Тем временем от Абдаллаха одно за другим откалывались кочевые племена. В частности, вождь мутайров Фейсал Ааль Давиш явился к Ибрагиму и предложил свои услуги в обмен на будущее назначение эмиром Эд-Дирьии. Абдаллах прибыл в Касим, двинулся против египтян, но потерпел поражение. Много ваххабитов было убито, их уши отрублены и посланы в Каир. Спустя два года на дороге из Эр-Расса в Медину Дж. Сэдлиер видел много незахороненных скелетов. Несколько новых атак ваххабитских отрядов на армию Ибрагима были отбиты с помощью артиллерии⁷¹.

Летом 1817 г. Ибрагим подошел к Эр-Рассу и начал осаду. Она продолжалась несколько месяцев. Осажденные доблестно защищались. Можно предположить, что Абдаллах, понимая стратегическое значение Эр-Расса, оставил там лучшее, что у него было под рукой. Во время долгой осады Эр-Расса он находился недалеко от города, не в состоянии ему действительно помочь. Лишь два ваххабитских каравана пробились в город.

Потери Ибрагима дошли до трех с половиной тысяч человек, впрочем, в значительной мере от болезней. Осада проходила в разгар лета, что усугубляло трудности армии Ибрагима. Но на его стороне были артиллерия, разнообразная осадная техника, умелое руководство. И самое главное — к нему прибывали подкрепления. Пути снабжения Абдаллах перерезать не смог. Ибн Бишр даже не сообщает ничего о попытках сделать это. Сказывались египетское золото, расточавшееся Ибрагимом, и отмена закята с бедуинов.

В октябре Эр-Рассе капитулировал на почетных условиях. Ваххабитский гарнизон проследовал с оружием в руках к Абдаллаху⁷². По сообщению Дж. Сэдльера, судьба Эр-Расса была несколько иной: город не капитулировал, а обещал сдаться египтянам лишь после завоевания ими Анайзы⁷³.

Во главе обороны Анайзы стояли близкие родственники дирьийского имама. Ваххабитский гарнизон был хорошо снабжен провизией и амуницией. Но после нескольких дней осады город был взят, отдельные форты еще оказывали сопротивление,

затем после взрыва порохового склада в крепости гарнизон капитулировал на почетных условиях. Ваххабитские воины с оружием в руках ушли к Абдаллаху⁷⁴.

Ваххабитский имам больше не пытался оказать сопротивление армии Ибрагима в открытом поле. Возможно, он еще надеялся истощить его, заставив последовательно осаждать один оазис за другим. Но за спиной Ибрагима были резервы Египта. Его наступление было медленным, но неотвратимым. После Анайзы капитулировала Бурайда, и весь Касам к концу 1817 г. заявил о покорности Ибрагиму⁷⁵. Паша писал отцу, что Худжайляна, престарелого эмира Бурайды, и Абдаллаха ненавидело все население провинции⁷⁶.

Абдаллах сначала отступил в Шакру, где шло быстрое строительство оборонительных сооружений, а затем в Эд-Дирью.

В Бурайде Ибрагим оставался примерно два месяца, получая подкрепления. Затем он двинулся к Шакре. Ф. Манжен называл очень малую численность войска Ибрагима — тысяча солдат. Видимо, эта цифра преуменьшена. Потом он говорил о 4500 солдатах, хотя не уточнял, входили ли в это число бедуины. Остается фактом, что покорение Неджда Ибрагим осуществлял сравнительно малыми силами. Зато с ним в походе на Шакру принимали участие бедуины из племен мутайр, харб, атайба, бану халид. Это были кочевники, в последнюю очередь подчинившиеся ваххабитам и первыми отколовшиеся от них. Ибн Бишр с горечью писал, что вместе с Ибрагимом шли многие вожди племен и знать оазисов Неджда в расчете на добычу и будущую независимость, но после падения Эд-Дирьи они жестоко разочаровались⁷⁷. Когда Ибрагим покидал занятые города, он разрушал все укрепления и забирал с собой заложников⁷⁸.

В январе армия Ибрагима прибыла под Шакру. После артиллерийского обстрела начался штурм города. Через несколько дней Шакра пала. Ее разоруженный гарнизон был отпущен, дав обещание не принимать участия в войне. В руках Ибрагима оказался весь Вашм⁷⁹. Затем практически без боя был занят Судайр с Эль-Маджмаа; Хураймала и Махмаль заявили о покорности⁸⁰.

Из Шакры Ибрагим двинулся на Дурму, которую обороняли стойкие бойцы из Эль-Харджа. Несмотря на применение артиллерии и осадной техники, паша не смог заставить гарнизон капитулировать. Но силы были неравными. Солдаты Ибрагима ворвались в город и я наказание за сопротивление учинили расправу над его жителями. У убитых, как обычно, отрезали уши и послали в Каир. Город начисто разграбили. Это произошло о феврале—марте 1818 г.⁸¹ Путь на Эд-Дирью был открыт.

Падение Эд-Дирьи. В апреле наступил последний акт трагедии. Началась битва за Эд-Дирью. Хотя оазисы и города Неджда один за другим попадали в руки завоевателя, в каждом из них находились убежденные ваххабиты, которые отвергали самую мысль мирно сожительствовать с «многобожниками» и были до конца преданы дому Саудидов. Они стекались в Эд-Дирью для участия в последней битве.

Против египетского войска стояли отряды из столицы и других центральноаравийских оазисов. Ими командовали три брата Абдаллаха — Фейсал, Ибрагим и Фахд. В Эд-Дирьи находились контингенты из Манфухи во главе с мужественным военачальником Абдаллахом ибн Мазру, а также подразделения из Эль-Харика и Судайра. Мелкие опорные пункты оборонялись стариками из населения столицы. Отдельными подразделениями командовали члены дома Саудидов, члены семьи Ааль Муаммар, другие видные военачальники⁸².

В распоряжении паши было около 2 тыс. кавалеристов, 4300 албанских и турецких солдат, 1300 магрибинских кавалеристов, 150 артиллеристов, с ними полтора десятка пушек, а также 20 оружейных техников и 11 минеров⁸³.

Дирьийский оазис протянулся лентой вдоль течения вади Ханифа на несколько километров. Сам город и оазис состоял из нескольких селений, слившихся воедино. Над местностью возвышалась цитадель Турайф с мечетью и различными пристройками. С одной стороны она была защищена высокой скалой, с другой — каналом.

Ибрагим начал медленно наступать вдоль вади. После первых схваток с противником колеблющиеся покинули Абдаллаха и перебежали к Ибрагиму, сообщив ему сведения о положении в городе. Превосходство египтян в артиллерии позволяло разрушать укрепления ваххабитов, а от внезапных контратак наступавшие защищались, строя здесь, как и раньше, редуты по европейскому образцу. Лишь на один момент показалось, что ваххабиты смогут вырвать победу: у Ибрагима был взорван главный пороховой погреб, ваххабиты устремились в атаку, но их наступление захлебнулось.

Постоянный подвоз продовольствия, боеприпасов, подкрепления к Ибрагиму обеспечивал успех его неспешного продвижения. Снабжение его и войска осуществлялось не только из Медины. К нему прибыл также караван с продовольствием, посланный багдадским пашой. Больных и раненых из войска Ибрагима отправляли в госпиталь, устроенный в Шакре. Оттуда они иногда возвращались в строй. Ибрагим заставлял присоединившихся к нему эмиров присылать под Эд-Дирью воинов, которые сражались под его знаменами. На место убитых солдат Ибрагима становились новые, а ряды защитников Эд-Дирьи редели. Сказывалась нехватка продовольствия в оазисе⁸⁴.

Положение ваххабитов становилось безнадежным. Участились случаи дезертирства. В начале сентября начался общий штурм города. Абдаллах и часть родственников укрылись в цитадели Турайф. 9 сентября, сознавая, что все потеряно, Абдаллах решил на переговоры. Его дядя, Абдаллах ибн Абд аль-Азиз, и Али, сын вероучителя, а также Мухаммед ибн Мишари ибн Муаммар направились в египетский лагерь. Ибрагим потребовал капитуляции. Посланники Абдаллаха договорились о почетных условиях капитуляции для еще сопротивлявшихся жителей Дирьийского оазиса. Еще два дня Абдаллах и его воины, засевшие в крепости, храбро сражались. Ибрагим подтянул сюда всю артиллерию, и 11 сентября Абдаллах сдался.

Шесть месяцев ожесточенных боев закончились⁸⁵. За время сражений Саудида потеряли примерно два десятка близких родственников имама, в том числе трех его братьев. Общие потери ваххабитов Ибн Бишр оценивал странно низкой цифрой в 1300 человек, а потери Ибрагима под Эд-Дирьей — примерно в 10 тыс.⁸⁶ В реляции в Каир и Стамбул Ибрагим сообщал, что ваххабиты потеряли 14 тыс. убитыми, 6 тыс. пленными, в число трофеев попало 60 пушек⁸⁷.

В честь взятия Эд-Дирьи в Каире в октябре 1818 г. состоялись празднества с фейерверками, гуляньями, пальбой из пушек⁸⁸. Вслед за этим, «узнав о поражении врагов мусульманской религии, султан выразил свое глубокое удовлетворение»⁸⁹. Шах Ирана в письме каирскому паше выразил восторг по поводу разгрома ваххабитов⁹⁰.

Абдаллах с двумя приближенными был отправлен через Каир в Стамбул, куда его привезли вместе с двумя приближенными в начале декабря. «Ваххабитский вождь, его министр и имам, плененные в Дирьии и недавно привезенные в столицу, были обезглавлены на прошлой неделе, — сообщало российское посольство из Стамбула, — Чтобы придать больше помпы триумфу над ожесточенными врагами городов, которые являются колыбелью исламизма, султан приказал в этот день собрать рекаб (ассамблею первых лиц империи) в старом дворце столицы. Сюда привели трех пленников, закованных в тяжелые цепи, в сопровождении толпы зевак. После церемонии рекаба султан приказал их казнить. Вождь был обезглавлен перед главными воротами св. Софии, министр — перед входом в Сераль, а третий — на одном из главных базаров столицы. Их тела были выставлены с головами под мышкой... Через три дня их выбросили в море.

Его величество приказал совершить всенародную молитву, чтобы возблагодарить небо за победу султанского оружия и за уничтожение секты, которая опустошила Мекку и Медину и подвергла страху и опасности мусульманских паломников. Были выпущены на оубоду все несостоятельные должники, и правительство должно было удовлетворить их кредиторов, которым заплатят за счет его величества. По его приказу большие суммы денег были розданы в мечетях и медресе (школах), чтобы возблагодарить небо за ниспосланную милость...»⁹¹.

Ваххабизм за пределами Аравии. Учение Ибн Абд аль-Ваххаба, казавшееся чисто арабийским феноменом, неожиданно нашло последователей в странах, отделенных тысячами километров от Аравии. Его распространяли паломники, которые побывали в Мекке в начале XIX в. Осуждение идолопоклонничества, культа святых, борьба против бида, священная война против «многобожников» и «неверных», сочетание классовых и эгалитаристских лозунгов — догматика и практика ваххабитов — находили почву в странах с различной общественной и политической структурой, соответствующим образом преломляясь, приспосабливаясь, трансформируясь. Ваххабизм проник в Индию, Индонезию, Африку.

Глубокое влияние учение Ибн Абд аль-Ваххаба оказало на мусульман Индии. Так, некоторые его положения использовал индийский мусульманский проповедник и политический деятель Сейид Ахмед Барелви, последователь известного мусульманского мыслителя Валиуллы-шаха. Проповедническая деятельность Сейида Ахмеда развернулась еще в начале XIX в. В 20-е годы он посетил Мекку, где, познакомившись с учением Ибн Абд аль-Ваххаба, стал его последователем. Вернувшись в Индию, он сделал своей резиденцией Патну, и к нему стали стекаться толпы приверженцев. Приспособленные к местным условиям, ваххабитские призывы находили отклик среди индийских мусульман.

В 1824 г Сейид Ахмед провозгласил джихад против неверных, и затем в 1826 г. его войско вторглось в Пенджаб и начало громить сикхов. К 1830 г. ваххабиты заняли Пешавар, создали свое государство, даже начали чеканить монеты с именем Сейида Ахмеда. Но в следующем году имам ваххабитов был убит. Его последователи активизировали выступления в мусульманских районах Индии, особенно на севере и в Восточной Бенгалии, и объявили священную войну английским колонизаторам.

«Обещая верующим избавление или рай, проповедники-бунтовщики подогрели до воспламенения ненависть к англичанам, которую питали некоторые индийские мусульмане. Этой ненавистью дышала каждая молитва», — с горечью писал европейский автор XIX в.⁹² Борьба ваххабитов против английского господства была вкладом в антиколониальное движение индийского народа. То затухая, то вновь усиливаясь, она продолжалась несколько десятилетий. Известна большая роль ваххабитов в народном восстании 1857 — 1859 гг. против британского владычества⁹³.

Ваххабитский центр в Ситтане, на северной границе, устоял против двух десятков экспедиций колониальных войск. Лишь к 1863 г. он был разгромлен. Но деятельность ваххабитов продолжалась и после этого.

Английские власти считали их «группой... которая, по мнению всех сменявшихся правительств, была источником постоянной опасности для Индийской империи»⁹⁴, — писал английский историк У. Хантер. Возможно, что ваххабитская опасность в Индии оказала воздействие на укрепление отрицательного отношения английских чиновников колониальной службы к государству Саудидов в XIX в.

Ваххабизм вдохновил на реформаторскую деятельность некоторых индонезийских паломников, посетивших Мекку в первом десятилетии XIX в. На Суматре возникло религиозное движение, которое использовало ряд ваххабитских лозунгов. Сначала оно было направлено против местных немусульман, затем приняло антиголландский характер. В течение полутора десятков лет начиная с 1821 г. голландские колонизаторы вели войну против ваххабитов Суматры.

Некоторые исследователи считают, что ваххабизм оказал влияние и на движение Османа дан Фодио в Западном Судане в начале XIX в., которое привело к образованию государства Сокото, и на сенуситов Ливии⁹⁵.

Султан Марокко Мулай Слиман (1793-1822) известный как «грамотный, благочестивый и ревностный мусульманин», использовал ваххабитские идеи в борьбе с феодально-племенной раздробленностью страны. Сепаратистским тенденциям марабутов (своего рода местных «святых», а на практике - духовных феодалов) он противопоставил концепцию единой власти, единой веры и единого государства. В подражание ваххабитам

султан осудил ежегодные празднества в честь святых, упразднил различного рода некоранические налоги и начал отправлять в берберские районы мусульманских кади, которые должны были насаждать шариат и искоренять обычное право берберских племен. Ваххабитские реформы Мулай Слимана поставили под угрозу материальные интересы, власть, наконец, само существование религиозных братств и марабутов. За небольшим исключением, они объединились против ваххабитской политики правительства и нанесли поражение султану, который вынужден был отречься от престола⁹⁶.

Глава VI ОТ ПАДЕНИЯ ЭД-ДИРЬИИ ДО ЭВАКУАЦИИ ЕГИПТЯН ИЗ АРАВИИ (1818-1840)

Египетская политика в Аравии после разгрома ваххабитов. После падения Эд-Дирьии первое государство Саудидов перестало существовать. Сил, способных оказать сопротивление завоевателям, в тот момент в Неджде не было. Египтяне стали полными хозяевами Центральной Аравии и огнем и мечом начали выкорчевывать влияние дома Саудидов и ваххабизма.

Эмиров, военачальников, богословов пытали, расстреливали поодиночке и группами, привязывали к жерлам пушек и разрывали выстрелами на части. Сулеймана ибн Абдаллаха, внука вероучителя, заставили перед казнью слушать музыку на ребабе — смычковом инструменте, насмехаясь над его религиозными чувствами¹. В городах и оазисах Джебель-Шаммара, Касима, Дилама убивали членов знатных семей и военачальников, забирая их имущество².

Членов семейств Саудидов, Ааль аш-Шейха, недждийской знати (вместе с женщинами и детьми около 400 человек) отправили на поселение в Египет. Некоторым из них потом удалось бежать, кое-кто поднялся на высокие посты в Египте. Один из внуков вероучителя, Абдурахман ибн Абдаллах, стал преподавателем ханбалитского права в Аль-Азхаре³.

«Общая история кампании Ибрагима, — писал капитан Дж. Сэдлиер, — демонстрирует серию самых варварских жестокостей, совершенных в нарушение наиболее священных обязательств. В одних случаях он обогащает себя грабежом тех же самых племен, которые внесли вклад в его успех. В других — забирает богатство тех из своих побежденных врагов, которые в какой-то момент избежали его гнева»⁴.

Мухаммед Али послал Ибрагиму приказ сровнять с землей столицу ваххабитского государства. Перед разрушением города египтяне вымогали деньги у его жителей и беспощадно их грабили. Фейсал ибн Ватбан Ааль Давиш не только не получил пост правителя Эд-Дирьии, но ему было предъявлено требование выплатить египтянам закят за пять лет, который он задолжал Саудидам. Вождь мутайров отказался платить и вынужден был откочевать в низовья Евфрата⁵.

Воспользовавшись гибелью государства Саудидов, несколько членов семейства Ааль Арайар захватили власть в Эль-Хасе. Но Ибрагим-паша изгнал их из Восточной Аравии, конфисковал все имущество дома Саудидов и разграбил оазисы⁶.

Великобритания, не питавшая симпатий к Дирьийскому эмирату, с недовольством следила и за усилением египтян в Аравии. Английская эскадра высадила десант в Эль-Катифе⁷. «Трудно предполагать, — считал Г. Филби, — чтобы высадка английских войск в Эль-Катифе примерно во время оккупации египтянами Эль-Хасы была чем-то другим, кроме демонстрации силы в отношении египтян. Установление их влияния на побережье Эль-Хасы было вызовом английским позициям в Договорном Омане, хотя египтяне могли считать себя наследниками ваххабитской власти в этом районе»⁸.

Англичане стремились узнать о намерениях египтян в Персидском заливе. Для встречи с Ибрагим-пашой был послан Дж. Сэдлиер, который первым из европейцев

пересек Аравию с востока на запад и посетил развалины Эд-Дирьи. Но Ибрагим в середине 1819 г. покинул Неджд и направился в Медину. Совместные действия против ваххабитов, предложенные ему Сэдлиером, не имели смысла. Кроме того, Египет в целом придерживался антианглийской ориентации. Ибрагим отверг предложение англичан о сотрудничестве и осенью 1819 г. выслал Дж. Сэдлиера из Джидды. Вскоре британский экспедиционный отряд, потеряв много солдат в результате болезней, эвакуировался из Эль-Катифа⁹.

В конце 1819 г. англичане вновь разгромили и разрушили Рас-эль-Хайму. Британский гарнизон оставался в ней до июля 1820 г. Англо-индийская администрация разработала «генеральный мирный договор», навязанный впоследствии всем правителям побережья и Бахрейна¹⁰. Фактически это был договор о протекторате, к которому с годами добавлялись все новые статьи.

Завоевав Неджд, египтяне поспешили переложить на плечи недждийцев часть расходов на содержание своего войска, так как бремя аравийской кампании для Египта становилось слишком тяжелым.

Однако Ибрагим скоро убедился, что доходы со страны не могли обеспечить расходов на ее оккупацию. Египетские войска находились за тысячи километров от Каира и за несколько сотен километров от своей главной оперативной базы в Хиджазе. Людей и снаряжение нужно было переправлять через обширные пустыни. Население, и кочевое, и оседлое, относилось к завоевателям все более враждебно. Верблюдов не хватало. Караваны с продовольствием нередко перехватывали бедуины. Можно себе представить, какой голод охватил Неджд, если одно время даже солдаты Ибрагима ели траву. В оккупационном войске происходили бунты¹¹.

Наконец Ибрагим решил эвакуировать большую часть своих сил как из Неджда, так и из Восточной Аравии, зная, что его отец стремился прежде всего к контролю над бассейном Красного моря, а не над Центральной Аравией. Египтяне сосредоточили войска в районе Эр-Расса.

Перед уходом они повсеместно разрушали все крепости, другие оборонительные сооружения, угоняли стада, вырубали пальмы, разоряли поля. Дж. Сэдлиер писал: «Жители Манфухи в то время были в более жалком положении, чем когда-либо в прошлом со времени установления власти ваххабитов. Стены оазиса, главная защита их собственности, были сровнены с землей, годичный урожай забрали турки, и здесь нельзя было купить ни пшеницы, ни ячменя. В деревнях не осталось ни единой лошади»¹².

Племенные и местнические разногласия возродились при открытом или косвенной попустительстве новых хозяев, начались взаимные набеги и междоусобицы. Караванные пути стали опасными. Даже в городах жители не решались выходить на улицу без оружия. Создавалось впечатление, что политика египтян состояла в том, чтобы погрузить Центральную Аравию в состояние хаоса, упадка, разорения и уничтожить возможности ее возрождения¹³. Небольшие египетские гарнизоны действовали не как позитивный фактор централизации и порядка, а лишь как орудие разрушения и грабежа. От того периода не сохранилось ни одного административного акта, направленного на улучшение положения населения, на поощрение экономической активности, не говоря уж об обеспечении безопасности¹⁴.

Государство Саудидов лежало в развалинах, его военная сила была сломлена, административная машина разбита. Развязанные в результате разгрома ваххабитов силы децентрализации, казалось, разнесли по кусочкам прежнее объединение.

Процесс социального развития в рамках аравийского централизованного государства был прерван. Долголетние войны Саудидов истощили и без того незначительные ресурсы Центральной Аравии, а вторжение египетской армии и разорение Неджда отбросили назад производительные силы.

Однако внутри центральноаравийского общества сохранились силы, которые немногим более полувека назад сплотили его и привели к образованию Дирьийского эмирата.

После ликвидации государства Саудидов недждийские земледельцы, купцы и ремесленники с тоской вспоминали прежние времена стабильности, безопасности личности, собственности и дохода. Успешные войны Саудидов, приносившие богатую военную добычу, окружали их ореолом в глазах недждийской знати. Уцелевшие ваххабитские богословы поддерживали воспоминания о былой славе государства Саудидов и прежней чистоте религии.

Одновременно с феодально-племенной междоусобицей действовал течение консолидации, стремление объединить Неджд с целью изгнать чужеземных оккупантов и восстановить благоприятные условия для нормальной жизни и хозяйственной деятельности. Последующее развитие событий показало, что существование мелких и мельчайших оазисов-государств и принципе изжило себя. Буквально через несколько лет после крушения Дирьийского эмирата массовое народное движение против иностранной оккупации привело к восстановлению государства Саудидов со столицей в Эр-Рияде.

Феодально-племенная междоусобица в Неджде в условиях египетской оккупации. Ибрагим-пашу в качестве губернатора Аравии сменил Халиль-паша, сын сестры Мухаммеда Али. Однако Халиль скоро умер, и на его место был назначен его брат Ахмед Шукри Якан-бей, который под именем Ахмед-паши оставался в Аравии до 1829 г., когда Мухаммед Али вызвал его в Каир и сделал главой своего военного ведомства¹⁵.

Главная задача Ахмед-паши состояла в том, чтобы стабилизировать положение в самой Мекке и в целом в Хиджазе¹⁶. Неджд находился в состоянии феодально-племенной анархии. В оазисе Бурайда шли вооруженные столкновения между соперничавшими группами в клане Худжейлянов. Правителем Неджда осенью 1819 г. был назначен Мухаммед ибн Мишари ибн Муаммар, отпрыск семьи, которая правила городом Аяной в дни зарождения ваххабитского движения. Ибн Муаммар попытался восстановить развалины Эд-Дирьи, что принесло ему кое-какие симпатии населения. Жители окрестных областей стали посылать к нему делегации с выражением поддержки¹⁷. Обильные летние дожди обеспечили урожай и помогли Ибн Муаммару ослабить голод. Однако продовольствия все же не хватало.

У Ибн Муаммара появились соперники. Маджид ибн Арайар из клана вождей племени бану халид восстановил свою власть в Восточной Аравии. Семья Ааль Арайаров правила там до 1830 г.¹⁸

На недждийской сцене появился Турки ибн Абдаллах ибн Мухаммед ибн Сауд, представитель боковой ветви Саудидов, бежавший от египтян после падения Эд-Дирьи. Какое-то время он действовал от имени Ибн Муаммара, но собирал силы для будущей борьбы¹⁹.

Один из братьев последнего саудидского имама, Мишари ибн Сауд ибн Абд аль-Азиз, ускользнул от египетской охраны по пути из Медины в Янбо и появился в Судайре, где провозгласил себя имамом. В марте 1820 г. он захватил Вашм. Кое-какую поддержку он нашел в Касиме и других областях. Однако Ибн Муаммар смог опереться на племя мутайр, разгромить и пленить Мишари²⁰.

Власть Ибн Муаммара оставалась шаткой. Недовольные стали группироваться вокруг Турки ибн Абдаллаха. Приближались решительные столкновения между соперниками. Наконец, Турки столь стремительно захватил Эд-Дирью, что смог попить за обедом, который прежний эмир приготовил для собственных гостей. Затем он двинулся на Эр-Рияд, где захватил сына Ибн Муаммара. И отец, и сын Муаммары были убиты в плену³. Правление Ибн Муаммара продолжалось около года. Его репутация египетской марионетки и по-прежнему высокий авторитет дома Саудидов действовали против него.

Узнав о волнениях в Неджде, Мухаммед Али решил укрепить гарнизоны в Центральной Аравии. Осенью 1820 г. в Касим прибыл Хусейн-бей с подкреплением и решил избавиться от эмира из дома Саудидов. Сторонники Турции засели в крепости Эр-Рияда, но после короткой осады египтянами согласились на сдачу в плен при условии сохранения жизни, однако затем почти все были перебиты. Турки удалось бежать²².

В марте 1821 г. Хусейн-бей приказал всем жителям Эд-Дирьии, вернувшимся в нее, собраться, обещая распределить между ними землю. Когда пришли 230 дирьийцев, египетские солдаты перебили их. Убийства, заключение без суда, членовредительство, пытки были обычным делом в Неджде. Гарнизоны в городах грабили жителей. Солдаты рубили пальмы и разоряли поля. Много жителей бежало в пустыню или за пределы Неджда²³. Ибн Бишр писал, что тогда «землей правил дьявол»²⁴. В 1821 г. несчастья довершила эпидемия холеры.

Перед возвращением в Египет Хусейн-бей собрал заложников из многих городов и заключил их в форт, построенный в Тармиде²⁵. Они находились там до тех пор, пока в Неджд весной 1822 г. не прибыл новый египетский командующий Хасан-бей. Он занимался только поборами и грабежами. Положение стало настолько невыносимым, что, несмотря на террор, все чаще происходили восстания и вооруженное сопротивление оккупантам. Одна карательная экспедиция за другой оканчивалась неудачей. Египтянам не хватало войск, и они ограничились сохранением гарнизонов в нескольких ключевых городах — Эр-Рас-се, Шаkre, Бурайде, Анайзе, Тармиде, Эр-Рияде²⁶.

Первые попытки восстановить местную власть сначала Ибн Муаммаром, а затем двумя членами саудовской семьи закончились неудачей. Однако ваххабизм сохранял глубокие корни среди жителей Неджда, а семья Саудидов представлялась им исполнителем воли Аллаха на земле. Как только прямое египетское военное давление ослабевало, немедленно начинали действовать силы, которые стремились восстановить централизацию и порядок. Во главе их неизменно становились представители дома Саудидов.

Восстановление власти Саудидов при Турки. После удачного бегства от египтян в 1820 г. Турки скрывался в течение нескольких лет, видимо, в южных районах и вновь появился на недждийской арене в мае — июне 1823 г.: этим временем Ибн Бишр датирует действия его небольшого отряда в Эль-Хильве²⁷. Затем он уже совершал рейды к северу от Эр-Рияда, подготавливая нападения на оккупационные силы.

Турки нашел себе союзников и сторонников, среди которых был Сувайд, правитель города Джаладжиль в Судайре²⁸. Вместе с Сувайдом пришли отряды из некоторых районов. Турки осмелел и совершил набег на города Манфуха и Эр-Рияд, находившиеся рядом, в которых были гарнизоны из 600 египтян. Эмира поддерживали еще не все провинции, во всяком случае Ибн Бишр упоминал, что ему были враждебны Тармиде, Хуриймала, Эль-Хардж, а большая часть оазисов Вашма и Судайра предпочитали выжидать²⁹.

Тем временем в Касиме началось всеобщее восстание против египтян, вызванное поборами и вымогательством Хасан-бея. Египтяне вынуждены были эвакуироваться в Хиджаз, оставив гарнизоны лишь в Эр-Рияде и Манфухе³⁰.

Воспользовавшись ослаблением египетских позиций в Неджде в 1823—1824 гг., Турки стал расширять свое влияние вокруг Эр-Рияда — Манфухи, оставляя египетские гарнизоны изолированными, и подчинил себе Судайр, Эль-Маджмаа и Вашм. К концу июля 1824 г. Турки усилил давление на Эр-Рияд, Тармиду и Эль-Хардж. Из Манфухи египетский гарнизон был выведен. После нескольких месяцев осады Эр-Рияд тоже оказался в руках Турки. Египтяне эвакуировались в Хиджаз. Некоторые районы Касима объявили о признании его правителем. Весь Центральный Неджд был очищен от оккупантов³¹.

Правление Турки ибн Абдаллаха ибн Мухаммеда ибн Сауда продолжалось с 1823 г., когда он начал завоевывать Неджд, до его смерти в 1834 г. Многие историки считают

Турки основателем второго государства Саудидов, потому что, формально признавая сюзеренитет Османской империи, а фактически — египтян, он правил независимо. Однако о подлинной независимости возрожденного эмирата можно говорить лишь после окончательной эвакуации египтян из Аравии в 1840 г. Предыдущие имамы Пыли потомками Абд аль-Азиза ибн Мухаммеда ибн Сауда, в то время как Турки, как и все последующие правители, включая нынешнего короля Халида, праправнука Турки, был потомком Абдаллаха ибн Мухаммеда ибн Сауда.

В конце 1824 г. Турки обосновался в Эр-Рияде, который остался столицей Неджда, а потом и всей Саудовской Аравии до сегодняшнего дня. Началось строительство мечети, дворца и укреплений. В апреле — мае 1825 г. риядский эмир направился в Эль-Хардж и после нескольких боев подчинил эту провинцию³².

Под контролем Турки находились Арид, Эль-Хардж, Эль-Хаута, Махмаль, Судайр, Эль-Афладж и Вашм. В провинции Касим ему подчинились лишь отдельные оазисы. Практически вне досягаемости эмира остался Джебель-Шаммар. Возможно, Турки платил номинальный налог османским властям или, точнее, непосредственно египтянам в Хиджазе или Каире³³, хотя Ибн Бишр об этом не упоминал. Однако в пределах территории, находившейся под его контролем, он правил без внешнего вмешательства.

Кое-кто из беженцев вернулся в Неджд, который переживал период временной стабилизации. Среди возвратившихся самой важной фигурой был Мишари ибн Абдурахман ибн Мишари ибн Сауд, который бежал из Египта. В 1825 г. он был назначен губернатором Манфухи. Он же впоследствии совершит предательское убийство Турки. Из ссылки прибыл один из внуков вероучителя — Абдурахман ибн Хасан, крупный богослов и учитель целого поколения более молодых членов семьи Ааль аш-Шейха³⁴. Он немедленно разослал по Неджду послания, в которых требовал от всех, в особенности от богословов и эмиров, вернуться к «истинному исламу», отвергнуть практику многобожия «так называемых мусульман», подчиниться имаму мусульман. Шейх ссылался на жизнь своего знаменитого деда в качестве примера подлинного служения вере³⁵. Финский путешественник Валлин сообщал, что Абдурахман был судьей в Эр-Рияде в 1845 г.³⁶, а Пэлгрев, который посетил Эр-Рияд в 1862 г., описывал его в качестве «придворного духовника»³⁷. Светская власть Саудидов снова укреплялась благодаря воздействию ваххабизма, хотя былого фанатизма не осталось.

Естественно, после завоевания нескольких провинций с относительно густым оседлым населением Турки постарался нанести удар по бедуинам. В 1826—1828 гг. он совершил набеги на подразделения племен бану халил, хитайм, давасир и другие. Вскоре многие вожди племен субай, сухуль, аджман, хахтаи и, что было, видимо, наиболее приятно ему, мутайр послали делегацию к эмиру, чтобы выразить свою покорность. Впрочем, это не мешало им нарушать данное слово и снова совершать грабительские газу³⁸.

Важным событием в 1827—1828 гг. было бегство из египетского плена сына Турки — Фейсала³⁹. Ему предстояло дважды править Риядским эмиратом.

Отсутствие крупных соперников и временное невмешательство египтян и турок в дела Неджда позволили Эр-Рияду подчинить, хотя и не полностью, Касим⁴⁰. Затем настала очередь Джебель-Шаммара⁴¹.

Хиджаз остался в целом вне пределов досягаемости риядского эмира, хотя его отряды и появлялись там. Генерал Вейган, историк военных кампаний Мухаммеда Али, писал, что в 1826 г. ваххабиты появились в пригородах Мекки, в октябре 1827 г. они якобы временно захватили Медину, Мекку и Эт-Таиф, а Ахмед-паша сохранил за собой только порты на побережье⁴². Однако, видимо, проблемы Ахмед-паши скорее были вызваны местными волнениями, к которым риядский эмир приложил руку. В 1827 г. Яхья, шериф Мекки, был убит, и Мухаммед Али назначил на его место Мухаммеда ибн Абд аль-Муина ибн Ауна, который занимал этот пост до 1851 г.

Асир оказался для Мухаммеда Али крепким орешком. Он провел против асирцев 11 экспедиций, всегда громил их в открытом бою и никогда не мог установить контроль над этой провинцией, с ее горами и долинами и воинственным населением.

В 1832 г., в самый разгар войны между египтянами и турками, часть войск, расположенных в Джидде, во главе с неким Мухаммед-агой по прозвищу Тюркче Бильмез восстала. Султан Махмуд II назначил его губернатором Хиджаза, однако победы египтян в Сирии лишили нового пашу возможности получить помощь от турок. Мухаммед Али направил в Хиджаз новые войска — пехотный полк и более полутора тысяч кавалеристов. Тюркче Бильмез стал отступать на юг, через Асир в Йемен, то конфликтуя с местными вождями, то вступая с ними в союзы. Наконец он захватил город Моху, где был осажден йеменцами. Описание битвы сохранили для нас английский исследователь Аравии Уэлстед, который находился на английском корабле, стоявшем на рейде в Мохе, и Ибн Бишр. Несмотря на отчаянное сопротивление турок, город был взят и большая часть из них перебита. Сам Тюркче Бильмез бежал на английский корабль, а затем добрался до Стамбула. Армия Мухаммеда Али заняла Моху, но не продержалась здесь долго⁴⁵.

Восточная и Юго-Восточная Арабия в период правления Турции. К востоку от Неджда не было сил, которые, подобно египетским войскам в Хиджазе, могли бы угрожать Риядскому эмирату. Естественно, когда Турки укрепился в Неджде, он начал совершать набеги на восток, в Эль-Хасу. К тому времени Мухаммед и братья Маджид из клана Ааль Арайар уже около десяти лет правили этой провинцией. Возможно, они получили формальное назначение от Мухаммеда Али и даже платили ему какую-то дань⁴⁴.

В 1830 г. большое бедуинское объединение во главе с братьями Арайарами и племенем бану халид, а также подразделениями племен субай, аназа, мутайр и бану хусейн, вторглись в Неджд. На стороне эмира Турции кроме верных ему оседлых жителей Неджда выступила часть бедуинов из других племен. Произошло растянувшееся на несколько дней сражение между недждийцами и их противниками, в которых Маджид был убит, а его бедуины разгромлены. Это сражение решило вопрос, кто будет господствовать в Восточной Аравии — Саудида или клан Арайаров⁴⁵.

Город Хуфуф был взят без боя. Один из уцелевших братьев Арайаров, Мухаммед, забаррикадировался в знаменитой крепости Кут, но сдался осаждавшим под честное слово.

В течение сорока дней Турки и Фейсал находились в Восточной Аравии. Они восстановили ваххабитскую доктрину, назначив кади в каждый значительный оазис. Риядскому эмиру выразил покорность Эль-Катиф, хотя в нем жило много шиитов⁴⁶. Попытка бедуинов бану халид оказать сопротивление недждийцам была сломлена.

В отличие от своих предшественников и наследников Турки и Фейсал проводили в Эль-Хасе политику терпимости⁴⁷, что помогло им укрепиться здесь. Стоит подчеркнуть, что риядские эмиры, хотя и использовали прежнее ваххабитское знамя, отошли от сектантской узости и фанатизма своих предшественников. Их сторонников вряд ли можно было считать членами секты. Поэтому и мы будем применять термин «ваххабиты» лишь ограниченно.

В конце 1830 г. Турки навязал саудовский сюзеренитет правителю Бахрейна — Абдаллаху ибн Ахмеду Ааль Халифа (1816—1843), который также контролировал большую часть Катара. У него потребовали ежегодной выплаты занята, немедленной уплаты 40 тыс. талеров Марии Терезии за лошадей, оставленных здесь еще в 1811 г., и возвращения крепости Даммам на аравийском побережье, которую бахрейнцы оккупировали с 1826 г., но неизвестно, какие требования правитель Бахрейна удовлетворил. В тот момент интересы риядского эмира и султана Маската, направленные против Бахрейна, временно совпали. Затем они разошлись. Не прошло и трех лет, как бахрейнские правители порвали даже слабые узы зависимости от Эр-Рияда. В 1834 г.

Абдаллах Ааль Халифа даже перешел в наступление и блокировал саудовские порты Эль-Катиф и Эль-Укайр⁴⁸.

Еще до установления контроля Саудидов над Эль-Хасой старые сторонники неждийцев стали активно действовать на юго-востоке Аравии. В 1821 г. Саад ибн Мутлак, сын прежнего саудовского губернатора Эль-Бурайми, вновь захватил группу этих стратегически важных оазисов и подчинил часть Омана⁴⁹. Видимо, в тот момент у него не было прямых связей с Недждом. Когда в 1824 г. Турки утвердился в качестве правителя Эр-Рияда, Султан ибн Сакр, правитель Шарджи, и Рашид ибн Хумайд из Аджмана начали с ним переговоры. Значительная часть населения Шарджи и Аджмана по-прежнему питала симпатии к ваххабитам⁵⁰. Одновременно правители прибрежных княжеств вели переговоры с англичанами, надеясь на их поддержку против угрозы ваххабитов. Но в то время англичане придерживались политики невмешательства во внутриаравийские дела⁵¹.

В 1828 г. сторонники ваххабитов на побережье Персидского и Оманского заливов подготовили почву для нового вторжения войск, верных Эр-Рияду. Эмиром Эль-Бурайми Турки назначил Омара ибн Уфайсана, который начал набеги на внутренние районы Омана и на прибрежную полосу Эль-Батина⁵². Султан Маската Саид направил в Эр-Рияд миссию с подарками и выразил готовность платить дань⁵³. Но в 1832 г. крупные силы неждийцев вторглись через Эль-Бурайми в Оман. Султан Саид согласился заплатить 5 тыс. риалов риядскому эмиру. Затем они договорились помогать друг другу в подавлении восстаний на своей территории и поделили аравийское побережье⁵⁴.

По словам Уилсоиа, английского дипломата и историка, «к 1833 г. все побережье Персидского залива признавало власть ваххабитов и платило им дань»⁵⁵. Английские власти в Индии убедились, что практически главной силой Центральной и Юго-Восточной Аравии вновь стал эмир Неджда, но по-прежнему своей задачей считали господство на море, предпочитая прямо не вмешиваться во внутренние дела Аравийского полуострова.

Обстановка в Риядасом эмирате в период правления Турки. В начале 30-х годов положение Турки в Эр-Рияде было довольно прочным. Измученный игом оккупации, разоренный Неджд был покорен его власти. Однако в семье Саудидов произошел разлад. В 1831 г. Мишари ибн Абдуррахман, правивший Манфухой, восстал против эмира вместе с некоторыми подразделениями племени кахтан. Не получив широкой поддержки, он бежал и попытался заключить союз с вождями племен мутайр, некоторых подразделений аназа, а также с эмирами Клейма. Но его выступление оказалось чистой авантюрой, и он укрылся в Хнджазе в надежде заручиться поддержкой шерифа Мекки Мухаммеда ибн Ауна. Мишари получил убежище, но не военную помощь. В 1852 г. он вернулся в Неджд, добившись прощения имама⁵⁶.

Ограниченность ресурсов нового государства и невозможность получить большую добычу в военных набегах подталкивали знать к усилению эксплуатации подданных, и риядский эмир с большим трудом навязал принципы «справедливого» отношения к населению. Характерный эпизод привел Ибн Бишр. В 1832 г. Турки, возвратившись в Эр-Рияд из Хуфуфа, созвал большой совет эмиров и стал сурово выговаривать им за то, что они тиранят народ и берут с населения то, что не принадлежит им по закону. Он, в частности, сказал: «Действительно, когда вы получаете мой приказ участвовать в набеге, вы увеличиваете поборы на народ в свою пользу. Поберегитесь и не делайте этого, потому что мне мешает возложить на население увеличенные подати с верблюдов для участия в набегах лишь сострадание к нему, и я налагаю меньшие подати, чем мой предшественник. Воистину, когда мой приказ достигает вас, вы счастливы, потому что находите в нем кое-что и для себя. Вы подобны тем, кто наблюдает за пальмовым деревом и радуется, когда дует сильный ветер, потому что падает больше фиников... Я не позволю вам брать что-либо с населения. Тот среди вас, кто совершит несправедливость по отношению к своим подданным, будет наказан, и его наказанием будет не только снятие с поста, но и изгнание

из страны». Затем он обратился к населению через головы знати: «Если какой-нибудь эмир угнетает вас, сообщите мне об этом». Эмир Бурайды Абд аль-Азиз ибн Мухаммед встал и сказал: «О имам мусульман, будь конкретен и не говори общих вещей в своей речи. Если ты гневаешься на кого-либо из нас, скажи о его делах». Тогда Турки сказал: «Эта речь относится только к вам и тем, подобным вам, которые считают, что они обладают этими районами благодаря своим саблям, хотя на деле они были взяты и подчинены вам саблей ислама и имамом»⁵⁷.

Эмир Турки в своих письмах советовал подданным бояться Аллаха и демонстрировать свою религиозность верой в единобожие, молитвами и выплатой заката. Он подчеркивал важность этих трех принципов, как и личную ответственность не только за собственное поведение, но и за поведение общины или племени. Риядский эмир осуждал ростовщичество и предупреждал против попыток обойти запрет на него, советовал всем правителям стандартизировать веса и меры в своих районах и требовал, чтобы любое соглашение было нерушимым, «даже если оно заключено с зимми» (т. е. с иудеями, христианами, зороастрийцами). Эмиры должны были запрещать употребление табака, поощрять религиозную учебу, строить мечети и докладывать о тех, кто не совершает молитвы⁵⁸.

Несмотря на несколько неурожаев, экономическое положение Центральной Аравии во время правления Турки после грабежей, междоусобиц, убийств несколько стабилизировалось. Но и в 1826—1827 гг. в Судайре и Касиме люди умирали от голода в результате засухи. В начале 30-х годов благодаря неплохим урожаям и относительной стабильности цены упали, и голод прекратился⁵⁹. Но во время правления Турки в Неджде вспыхнула холера. Она появилась в 1828—1829 гг., затем — в 1850—1852 гг. В апреле—мае 1831 г. холера распространилась в Мекке среди паломников, и около 20 тыс. из них умерло. Из сирийского каравана погибла треть, из недждийского — половина. В следующем году эпидемия охватила весь Неджд. Ибн Бишр описывал страшную картину, когда умирало столько людей, что их некому было хоронить. Никто не охранял оставленное имущество. Домашние животные дохли, не находя воды и корма. Многие дети умирали в мечетях, потому что, когда их родители заболели, они приводили их туда в надежде, что кто-нибудь им поможет. Но и о детях никто не мог позаботиться. Оазисы обезлюдели⁶⁰.

Смена эмира и первое правление Фейсала. Кочевые племена Центральной Аравии мало считались с авторитетом риядского эмира. Летом и осенью 1833 г. недалеко от Анайзы произошло столкновение двух объединений бедуинских племен. Одно из них возглавлял новый шейх мутайров Мухаммед Ааль Давиш, второе — Зайд ибн Мугайлис ибн Хаддаль, лидер аназа. Аназа потерпели поражение. Турки не мог или не захотел вмешиваться в межплеменную войну⁶¹.

В том же году правитель Бахрейна начал военные действия против риядского эмира. В начале 1834 г. прибрежные города провинции Эль-Хаса подверглись ударам бахрейнцев, которые опирались и на свой флот, и на крепость Даммам на аравийском побережье⁶². Фейсал ибн Турки осадил городок Сайхат, где укрепились сторонники бахрейнцев. Но в тот момент пришло сообщение об убийстве в Эр-Рияде его отца наемниками Мишари ибн Абдуррахмана, захватившего власть в столице. Фейсал немедленно снял осаду и поспешил в Хуфуф, чтобы затем идти на Неджд.

Некоторые считали, что Мишари действовал по наущению египтян. Другие, в частности Лоример, полагали, что к убийству были причастны бахрейнские правители⁶³. Но, скорее всего, главную роль сыграли все-таки личные амбиции Мишари. 9 мая 1834 г., когда Турки выходил через боковую дверь после пятничной молитвы, его окружили три человека. Один из них вытащил пистолет и застрелил имама. Турки пытался защитить его раб Зувайд: он сумел ранить одного из убийц, пока сам не был схвачен, но затем бежал к Фейсалу. Немедленно появился Мишари с обнаженной саблей и потребовал, чтобы ему присягнуло население⁶⁴. Фуад Хамза писал, что это было «первое политическое убийство

такого рода в истории саудовской семьи»^{4*5}. Но с ним вряд ли можно согласиться. История правящих династий Аравии полна взаимными предательствами и братоубийствами.

Турки был умелым правителем. Он применял силу и был беспощаден только в случае необходимости. Отсутствие у него мстительности проиллюстрировано, в частности, отношением эмира к Мишари, будущему его убийце. Впрочем, прощение противников не было чем-то исключительным в Аравии, а лишь подчеркивало необходимость находить компромиссы с родственниками и сильными личностями. Турки поддерживал репутацию щедрости, как и другие саудидские правители до него, и пытался сдерживать хищнические устремления своей знати. Как его деды и прадеды, он демонстрировал религиозность и немало времени уделял богословским занятиям⁶⁶. Любопытно, что он когда-то изучал народную медицину и у него была репутация врача⁶⁷. Своими умными действиями он ускорил уход египтян из Неджда. Под его правлением в течение одиннадцати лет Центральная Аравия была объединена.

Убийство Турки привело к девяти годам междоусобиц и волнений в Неджде. В течение этих лет на риядском престоле сменились четыре члена семьи Саудидов.

Мишари ибн Абдуррахман удержался у власти немногим больше месяца. Возможно, он не верил, что Фейсал посмеет помешать свершившемуся факту и получит народную поддержку, и поплатился за просчет головой.

Фейсал собрал в Хуфufe своих друзей и сообщил им об убийстве отца. Кго сторонники Абдаллах ибн Али ибн Рашид из Джебель-Шаммара, Абд аль-Азиз ибн Мухаммед — правитель Бурайды, Турки аль-Хаззани — правитель Эль-Харика, Хамад ибн Яхья ибн Гайхаб и Омар ибн Мухаммед ибн Уфайсан — эмир Эль-Хасы — признали Фейсала законным имамом⁶⁸.

Было решено немедленно двинуться на Эр-Рияд. Они быстро достигли столицы, и Мишари был захвачен врасплох. В ночь на 28 мая 1834 г. Фейсал послал воинов, которые были уроженцами Эр-Рияда в город, надеясь, что им окажут меньшее сопротивление. Они столкнулись с пикетами Мишари, их опознали, но позволили занять позиции вокруг крепости. Услышав стрельбу, Мишари забаррикадировался в крепости. На следующее утро Фейсал занял город и начал осаду.

Защитники крепости, которых насчитывалось примерно полторы сотни человек, были хорошо снабжены продовольствием, и осада длилась долго. Но измена некоторых из осажденных облегчила задачу Фейсала. Его воины ворвались в крепость. Мишари был схвачен и казнен⁶⁹.

Фейсал начал правление в пору своей физической и духовной зрелости — ему было около 40 лет. Он поспешил принять присягу верности от жителей столицы и пригласить кади из различных провинций в Эр-Рияд, где они оставались его гостями около месяца, затем вернулись домой, получив подарки. После этого имам распространил в оазисах и на кочевьях свое послание, призывая всех быть верными исламу. Эмиры оазисов и бедуинские вожди начали стекаться в Эр-Рияд, чтобы выразить свою преданность новому правителю. Лишь после этого Фейсал направил своих агентов в пустыню собирать налоги.

Однако убийство Турки поколебало власть риядского эмира. Вади Эд-Давасир, Эль-Афладж и племя кахтан отказались платить дань, и Фейсал вынужден был посылать отряды, чтобы подавить волнения⁷⁰.

Скоро заволновалась Восточная Аравия, где шли военные действия между войском риядского эмира, во главе которого стал мамлюк Зувайд, и бахрейцами. Последние снова блокировали Эль-Катиф и Эль-Укайр, однако столкнулись с другой опасностью — притязаниями Ирана. Правитель Бахрейна согласился платить символическую дань — 2 тыс. риалов, а Фейсал обязался защищать Бахрейн от внешней агрессии. Блокада Эль-Катифа и Эль-Укайра была снята⁷¹.

Влияние риядского эмира в Омане в середине 30-х годов было довольно большим. Зимой 1835/36 г. лейтенант англо-индийского флота Дж. Уэлстед и его спутник Уайтлок,

путешествуя по этой стране под защитой султана Саида, правителя Маската, убедились, что ваххабиты в Омане оказывались сильнее, чем султан⁷². Однако враждебность ибадитов и противодействие англичан делали позиции недждийцев здесь весьма ненадежными.

Но больше всего Фейсала беспокоили сообщения из Хиджаза, откуда он получал безошибочные свидетельства того, что египтяне готовят новое вторжение в Неджд. Риядский эмир вынужден был сосредоточить свои ограниченные силы на западной границе.

После очередных поражений в Асире в 1833 — 1834 гг. Мухаммед Али в 1835 г. еще раз попытался захватить эту провинцию, которую он считал ключом к Аравии. Он послал пашу Ибрагима Кючука и Ахмед-пашу с новыми войсками в Аравию, доведя здесь общее число египетских солдат до 18 тысяч. Ибрагим Кючук и шериф Ибн Аун провели новую экспедицию, но результаты ее были не лучше, чем прежде. Египтяне опять потерпели поражение и понесли тяжелые потери⁷³.

Мухаммед Али послал в Аравию новые подкрепления во главе с Хуршид-пашой. Его задача состояла в том, чтобы наконец покорить Асир и Йемен. Аравия была разделена Мухаммедом Али на три неофициальных пашалыка. Территории к северу и востоку от Медины, включая Неджд, были переданы Хуршиду, Мекка и Джидда — Ахмеду, а Асир и Йемен — Ибрагиму Кючуку. Во всяком случае, таковы оценки, высказанные в 1857 г. французским консулом в Джидде Ф. Френелем⁷⁴.

Стабилизации положения в Неджде вызывала опасения Мухаммеда Али, так как в правителях Риядского эмирата он видел угрозу своим аравийским планам. Тамизье — француз, находившийся на египетской службе, писал, что «Мухаммед Али должен опасаться развития ваххабизма, потому что эти сектанты имеют план... восстановить на новой базе арабскую нацию». Ф. Френель замечал, что и арабы (подразумеваются арабы Аравийского полуострова. — *А. В.*) очень привержены своей национальности⁷⁵. Может быть, европейцы механически переносили на аравийскую почву понятия развитого европейского общества, но столкновение арабской аравийской государственности с экспансионистскими планами египетского паши в тот период было несомненным.

Прежде чем перейти к событиям, связанным с последним египетским вторжением в Неджд, нелишне рассказать о новом, пока малозаметном участнике аравийской драмы — эмирате Джебель-Шаммар, которому было суждено сыграть важную роль в Центральной Аравии.

После разгрома Дир'ийского эмирата в Джебель-Шаммаре началась междоусобица. Против правившего здесь эмира Мухаммеда Ааль Али выступил родственник ему клан Ааль Рашид, но потерпел неудачу. Его глава Али Ааль Рашид и его сыновья Абдаллах и Убайд были изгнаны из столицы эмирата — Хаиля⁷⁶. Через несколько лет Абдаллах поступил на службу к риядскому эмиру Турки и подружился с его сыном Фейсалом. Он был в числе военачальников, присягнувших на верность Фейсалу сразу после убийства его отца.

Фейсал искал возможности отблагодарить преданного друга и, воспользовавшись жалобами на правителя Хаиля Салиха ибн Абд аль Мухсина Ааль Али, сместил его. Но навязать кандидатуру Абдаллаха Ааль Рашида он, видимо, не сумел и был вынужден предоставить жителям Хаиля право самим решать, кто будет их эмиром. Это привело к борьбе за власть. В тот момент братьям Абдаллаху и Убайду не удалось выйти из нее победителями. Разочарованный в Фейсале Абдаллах отправился в Медину, где Хуршид-паша уже собирал войска для вторжения в Неджд, и заручился поддержкой египтян. Тем временем Убайд выследил эмира Салиха и убил его. Убрав соперника, братья взяли власть в Джебель-Шаммаре и вскоре начали строить замок в столичном районе Барзане, ставший позднее символом славы и могущества Рашидидов.

Братья Рашидиды выразили преданность эмиру Фейсалу, который утвердил их в качестве правителей Джебель-Шаммара и послал в Хаиль ваххабитского богослова, но

одновременно стали собирать верблюдов и отправлять их в Медину египтянам⁷⁷. Отметим, однако, что различные источники по-разному передавали историю установления власти Рашидидов в Джебель-Шаммаре, и некоторые из них ответственность за смерть Салиха возложили на Фейсала. Эту версию повторил и Г. Филби⁷⁸.

Разгром Фейсала. Египтяне потребовали от риядского эмира участвовать в их экспедициях против асирцев, которые были его тайными союзниками, или же поставлять верблюдов для их войск. Фейсал вежливо уклонился от выполнения этих требований, хотя и послал в Мекку своего брата с подарками к Ахмед-паше⁷⁹.

В 1835/36 г. в Центральной Аравии не выпали сезонные дожди, началась засуха, голод, и значительная часть жителей Неджда переселилась в район Басры и Эз-Зубайра. Ибн Бишр отмечал появление кометы в созвездии Большой Медведицы, считая это предвестником засухи, а засуху, в свою очередь, он объяснял наказанием за грехи, вызванные убийством Турки⁸⁰. Но если верить предзнаменованиям, то и комета и засуха сулили гораздо большие несчастья. Мухаммед Али решил навязать свою власть Неджду, посадив там своего ставленника Халида ибн Сауда — сына знаменитого Сауда. Молодой эмир, прошедший в Египте много лет при дворе Мухаммеда Али, был старшим из выживших братьев Абдаллаха, казненного в Стамбуле.

В июле 1836 г. из Каира выступило войско во главе с бывшим начальником каирской полиции Исмаил-беем, состоявшее из турок, албанцев, североафриканцев и египетских бедуинов, усиленное артиллерией. Фейсал попытался предотвратить вторжение, посылая своих представителей и письма покорности египтянам. Он предложил 5 тыс. верблюдов для войска египтян в Асире. Но от него потребовали 15 тыс., и он отказался. Вторжение в Неджд стало неминуемым⁸¹.

После высадки в Янбо Исмаил проследовал в Медину и далее в Эль-Ханакию. Фейсал, зная, что вторжение будет осуществляться через Касим, занял этот район и разбил лагерь в Эр-Рассе — воротах в Касим из Хиджаза. Он помнил, что этот город доблестно сражался против Ибрагим-паши примерно двадцать лет назад. Но на этот раз у воинов Фейсала не было воли к борьбе. Они слишком хорошо помнили участь своих старших братьев и отцов, и всех подавляло чувство безнадежности. Когда в апреле 1837 г. Фейсал начал перебрасывать обратно в Анайзу тяжелое снаряжение, его войско охватила паника, и оно стали разбегаться⁸².

Фейсал с группой преданных последователей вернулся в Эр Рияд и обнаружил, что жители столицы были настроены пораженчески и ни в коем случае не хотели его поддерживать и жертвовать ради него жизнью и имуществом. В городе действовали агенты Халида, которые настроили часть населения против имама⁸³. Чувствуя, что положение в столице было ненадежным, Фейсал направился на юг, в Эль-Хардж, а затем проследовал в Хуфуф, где преданный ему губернатор Омар ибн Уфайсан предоставил в его распоряжение свое войско. Фейсал оставался в Хуфуфе до июля 1837 г. Возможно, он даже попытался оказать под Эр-Риядом сопротивление египтянам⁸⁴. Во всяком случае об этом есть одно упоминание у Лоримера⁸⁵.

Касим признал власть Халида ибн Сауда почти без сопротивления. После этого египтяне послали регулярный отряд, а также ополчение из Касима для того, чтобы захватить Джебель-Шаммар. Иса Ааль Али, отпрыск свергнутой в Хайле династии, уговорил их назначить его эмиром. Братьям Рашидидам египтяне, видимо, не доверяли. Город был взят почти без боя. Абдаллах и его брат Убайд бежали. Ограничившись денежными контрибуциями, большая часть египтян вернулась в Касим. Однако Иса удержался в Хайле лишь несколько месяцев. Вымогательства и жестокости его египетских покровителей были таковы, что жители стали восставать против оккупантов и их марионеток, подогреваемые братьями Рашидидами, которые скрывались в пустыне. В самом Хайле ни один египтянин не смел показаться на улице в одиночку из опасения быть убитым. Положение египтян сделалось невыносимым, и они эвакуировались из Джебель-

Шаммара. Вместе с ними ушел Иса ибн Али. Абдаллах ибн Рашид вернулся в Джебель-Шаммар в качестве правителя⁸⁶.

В мае 1837 г. Исмаил-бей и Халид вошли в Эр-Рияд. Первый период правления Фейсала (1834—1837) формально закончился. Правда, нет никаких данных о том, что захватчикам выразили свою покорность ведущие богословы. Наоборот, многие из них направились в южные районы, чтобы поощрять сопротивление оккупантам⁸⁷.

Столь быстрое поражение риядского эмира и легкость, с кото рой египтяне оккупировали Неджд, объяснялись страшной памятью об Ибрагим-паше, его вторжении и бедствиях страны. Недждийцы помнили о превосходстве египтян в военной силе, в особенности в артиллерии. Вся Центральная Аравия была ослаблена засухой, голодом, эпидемиями. Несомненно, что появление Халида ибн Сауда вызвало раскол в рядах лиц, преданных семье Саудидов. Во всяком случае жители Неджда начали восставать против оккупантов только тогда, когда они почувствовали, что покорность не спасает их от насилия и грабежа.

После захвата Эр-Рияда Халид направил эмиру Эль-Харика — Турки аль-Хаззани письмо с требованием выразить покорность, но получил ответ, который характеризовал настроение в южных оазисах: «Если турецкие солдаты не придут в наш район, мы — твои подданные. Но если ты требуешь от нас подчиниться туркам, что ж, мы будем сражаться против них»⁸⁸.

Египтяне во главе с Исмаилом и их союзники общей численностью около 7 тыс. человек в июле 1837 г. выступили на юг, но потерпели жестокое поражение в битве под Эль-Хильвой. Разгром был настолько полным, что бедуины, союзники египтян, хватали их лошадей, чтобы быстрее бежать с поля битвы. Вся артиллерия была оставлена. Халид, Исмаил-бей и несколько египетских офицеров с небольшим отрядом бежали. Таким образом, уже в июле 1837 г. значительная часть египетского экспедиционного корпуса в Неджде была разгромлена⁸⁹.

Фейсал попытался было вновь вернуть себе столицу, осадил ее, но после двух месяцев осады взять не смог. Бедуины кахтан и субай атаковали его с тыла и рассеяли его войско⁹⁰.

Силы противников временно оказались равными, хотя в начале 1838 г. в Касим прибыло египетское подкрепление, посланное Хуршид-пашой. Египтяне достигли соглашения с Фейсалом, по которому Неджд фактически был разделен на две части. Фейсал продолжал контролировать Восточную Аравию, Эль-Бурайми и часть Южного Неджда. Центральный Неджд формально подчинился Халиду⁹¹. Однако в мае 1838 г. Хуршид-паша лично направился в Неджд и, не встретив сопротивления, достиг Анайзы в середине июня. Одной из главных задач его экспедиции по-прежнему был сбор верблюдов для отправки в Хиджаз, Асир и, возможно, в Египет. В Анайзе к Хуршиду явился из Хаила Абдаллах, который уговорил пашу признать его эмиром Джебель-Шаммара, покорного египтянам⁹². Таким образом, Абдаллах покидал своего старого друга Фейсала, опасаясь потерять и трон и голову.

С выражением покорности к Хуршиду явились Мухаммед Ааль Давиш, шейх мутайров, и Фахд Ааль Суяйфи — шейх субаев⁹³. В течение нескольких месяцев Хуршид укреплял Анайзу в качестве своей главной базы, построив там сильную крепость. Г. Филби писал, что развалины ее сохранялись до 1925 г. и что жители по-прежнему называли ее «Фортом Хуршида»⁹⁴.

В октябре 1838 г. египтяне выступили в Эр-Рияд, где к ним присоединилось ополчение во главе с Халидом ибн Саудом. Всего у Хуршида было 4 тыс. воинов и 10 орудий. Они двинулись на юг, чтобы покончить с Фейсалом, засевшим в Диламе. После осады, продолжавшейся более месяца. Дилам был взят 10 декабря 1838 г. Во второй раз Фейсал вынужден был ехать пленником в Египет. Во второй раз Центральная Аравия лежала разгромленной под пятой египтян⁹⁵.

Последний период египетской оккупации. Правление Хуршид-паши в качестве наместника Мухаммеда Али в Неджде длилось полтора года. Он гарантировал всем, кто воевал на стороне Фейсала, безопасность при условии, что эмир сдастся, и сдержал свое слово⁹⁶. Можно согласиться со словами Алоиса Мусила, чешского ориенталиста, который считал, что Хуршид сумел установить во внутренней Аравии мир и порядок⁹⁷.

Египтяне на этот раз рассматривали Неджд не как враждебное государство, подлежащее разрушению, а как часть своих постоянных владений. Из Центральной Аравии Хуршид рассчитывал распространить свою власть на Эль-Хасу, Оман⁹⁸, а может быть, и на Ирак⁹⁹.

Верный Фейсалу ваххабитский эмир Эль-Хасы — Омар ибн Уфайсан бежал, остальные выразили покорность египтянам, которые послали свои гарнизоны в города Восточной Аравии и установили там эффективный контроль. Хуршид-паша предпочитал не озлоблять местное население, но когда он назначил наместником провинции своего подчиненного Мухаммед-эфенди, тот начал вымогательства и грабежи, и терпимое отношение к новым хозяевам сменилось ненавистью. Мухаммед-эфенди был убит. Мирной оккупации Эль-Хасы не получилось¹⁰⁰.

Хуршид-паша безуспешно пытался заставить правителя Бахрейна вновь выплачивать дань недждийскому эмиру Халиду — египетской марионетке, передать под египетский контроль остров Тарут и крепость Даммам, а также выдать Омара ибн Уфайсана, который бежал на Бахрейн¹⁰¹. Англичане стали проявлять беспокойство.

Еще в 1838 г. генеральный консул Великобритании в Каире полковник Кемпбелл предостерег Мухаммеда Али против попыток укрепиться в районе Персидского залива, в частности на Бахрейне. Британские власти в Индии отдали приказ адмиралу Ф. Мэйтленду, который командовал военно-морской эскадрой в Персидском заливе, в случае нужды защитить Бахрейн¹⁰².

Абдаллах Ааль Халифа, правитель Бахрейна, прослышав об успехах армии Мухаммеда Али в Сирии и Аравии, предпочел выплачивать Хуршиду символическую дань — 2 тыс. талеров Марии Терезии в год, хотя и отказался иметь его представителя на островах. Вплоть до египетской эвакуации из Аравии в 1840 г. Бахрейн заигрывал и с англичанами, и с египтянами¹⁰³. Но утверждение Вейгана, будто египтяне оккупировали Бахрейн¹⁰⁴, ошибочно.

В 1838 — 1839 гг. египетское присутствие почувствовали и в Кувейте. Агент Хуршид-паши появился в шейхстве, чтобы покупать продовольствие. Лоример писал, что он, видимо, выполнял и политические, и шпионские функции в связи с намерением Хуршид-паши отнять Ирак у турок. Правитель Кувейта Джабир Ааль Сабах настолько опасался египтян, что усаживал их представителей на почетное место рядом с собой. Однажды египтяне направили военный груз на зафрахтованном кувейтском судне вокруг Аравии в порт Эль-Катиф¹⁰⁵. На все это англичане реагировали очень болезненно.

Одновременно Хуршид-паша начал продвигаться в Оман. Его креатурой там стал Саад ибн Мутлак, который служил ему так же, как и саудидскому эмиру Фейсалу. Абу-Даби и Шарджа поддержали его, но Дубай и Умм-эль-Кайвайн уклонились от подчинения египтянам. Британский резидент капитан Хэннел посетил побережье Договорного Омана и подписал соглашения с четырьмя правителями, которые обещали поддерживать англичан. Хэннел написал письмо Сааду ибн Мутлаку, советуя ему вернуться в Неджд, и стал подстрекать против него оманские племена маскатцев. Англичане были настолько обеспокоены ситуацией, что в мае 1840 г. подумывали о блокаде портов Персидского залива, которые находились в тот момент под египетским контролем¹⁰⁶.

В Асире войска Мухаммеда Али выигрывали сражения, но не могли завоевать страну. В сентябре 1837 г. произошло новое восстание асирцев. Его разгромили в мае 1838 г., но в 1840 г. Ахмед-паша, действовавший из Мекки, и Ибрагим-паша Кючук из Ходейды все еще вели безнадежную кампанию¹⁰⁷.

Стремление помешать египетскому продвижению в Асире и Йемене и создать свою военно-морскую базу и угольную станцию в северо-западной части Индийского океана объясняют захват Англией Адена в 1839 г.

В 1840 г. империя Мухаммеда Али рухнула. Многие считали, что решение правителя Египта эвакуироваться из Аравии, Сирии и Крита было результатом того, что он не получил ожидаемой помощи от Франции и не смог противостоять Великобритании. Условия эвакуации он принял осенью 1840 г., но ослабление Египта сказалось в Аравии раньше.

Правитель Египта приказал эвакуироваться из Неджда и Йемена в марте 1840 г, и к июню вывод войск Хуршида из Неджда и Восточной провинции, а Ибрагима Кючука — из Йемена шел полным ходом. Мухаммед Али нуждался в сосредоточении своих войск ближе к Египту на случай, если бы возникла большая война между Египтом и Францией, с одной стороны, и турками, англичанами и их союзниками — с другой.

Египтяне уходили из Центральной Аравии навсегда. Но никто тогда этого не знал. В Неджде были оставлены символические египетские гарнизоны, которые должны были «показывать флаг» и поддерживать Халида¹⁰⁸.

Глава VII ВТОРОЕ ГОСУДАРСТВО САУДИДОВ (1843-1865)

В пятом десятилетии XIX в. Египет был практически устранен с аравийской политической арены. Порты пока не имели ни возможностей, ни желания для активного вмешательства в недждийские дела. Англичане были заняты консолидацией своих позиций на побережье Персидского и Оманского заливов и в Омане. Центральная Аравия вновь оказалась предоставленной самой себе, создались условия для возрождения государства Саудидов на ограниченной территории.

От эвакуации египтян до возвращения Фейсала. Эмир Халид сумел удержаться у власти лишь в течение года после эвакуации войска Хуршида из Центральной Аравии. В 1840 г., когда Мухаммед Али капитулировал, Высокая Порта выдвинула претензии на Недокд на том основании, что он был завоеван султанским вассалом, поэтому Халид должен был считаться османским вассалом. Во всяком случае, так утверждал известный турецкий историк Джевдет¹. Но позиции Халида все более ослабевали. Как египетская марионетка, он вызывал всеобщую ненависть. За время ссылки в Египет он получил какое-то представление о европейском образовании, что в Неджде, видимо, больше вредило ему, чем помогало, и пристрастился к развлечениям, что наносило ущерб его престижу. Оставшиеся египетские солдаты, не получая жалованья, занялись вымогательствами².

Вновь началась феодальная междоусобица. В июне — июле 1841 г. Неджд разрывала война, вызванная, в частности, набегами некоторых подразделений племени аназа, союзного с Касимом, и ответных рейдов против них группы племени шаммар. Между правителями Бурайды и Джебель-Шаммара существовала личная вражда, а в основе ее лежало соперничество между Джебель-Шаммаром и Касимом за караванные пути через Центральную Аравию. Разгром братьями Рашидидами двух военных экспедиций из Касима был ярким свидетельством возвышения их эмирата³. Это было важным шагом к установлению его будущей гегемонии в Неджде.

Халид смог сохранить в каком-то виде свое влияние в Восточной провинции и даже вновь снарядил Саада ибн Мутлака для действий в Омане. Однако его усилия не успели материализоваться⁴.

В августе 1841 г., когда Халид направился попрощаться с Хуршид-пашой, его отдаленный родственник Абдаллах ибн Сунайян, праправнук основателя дома Саудидов и единственный представитель ветви Ааль Сунайянов, которая какое-то время правила в

Неджеде, поднял знамя восстания. Ибн Сунайян раньше бежал в племя мунтафик в Южном Ираке, затем появился в Неджеде и получил поддержку правителя Эль-Харика Турки аль-Хаззани, прежнего союзника имама Фейсала, членов семьи вероучителя, а также племен субай, аджман и ааль мурра. Глава восставших призвал изгнать остатки египетских войск, насчитывавших около 1 тыс. человек. Халид, чувствуя непрочность своего положения, предложил аман (прощение) Ибн Супайяну, но тот отказался. Осенью Халид отвел свое войско в Восточную провинцию, то ли спасая жизнь, то ли надеясь собрать силы. Но больше он никогда не вернулся в Эр-Рияд.

После ухода Халида Ибн Сунайян установил контроль над Недждом. Вначале у него было лишь несколько сот последователей, но в дальнейшем их число значительно возросло. В конце 1841 г. Ибн Сунайян захватил Эр-Рияд. После того как египетский гарнизон в крепости согласился на эвакуацию, Неджд оказался полностью освобожденным от иностранных войск. Остальные египетские гарнизоны, видимо, просто рассеялись. О них мы больше ничего не знаем⁵.

Ибн Сунайян попытался закрепиться в качестве риядского эмира, но его власть практически не распространилась на Касим, Джебель-Шаммар и Восточную провинцию. Первый поход он совершил в Эль-Хасу, где еще находился Халид вместе с отрядом египетских наемников. Халид попытался было сопротивляться с помощью бахрейнцев, но потерпел поражение, бежал на Бахрейн, затем в Кувейт, а оттуда — через Касим в Хиджаз, где и поселился, получая жалованье от Мухаммеда Али⁶.

В Хуфуф был послан Омар ибн Уфайсан, который смог постепенно установить от имени недждийского эмира контроль над провинцией и даже отнять Эль-Укайр у бахрейнцев. Основные города и оазисы подчинились Эр-Рияду, однако попытки нового эмира продвинуться в сторону Омана столкнулись с сопротивлением англичан⁷.

Ибн Сунайян послал подарки в Мекку шерифу Мухаммеду ибн Ауну, а также Осман-паше, новому османскому губернатору Джидды, который был назначен на этот пост в январе 1841 г.⁸.

Методы Ибн Сунайяна, возможно унаследованные от египетской оккупации, были жестокими. Он часто казнил своих противников, например членов клана Ааль Сулайри, выступавших против него, в то время как в аравийских традициях было прощать противников. Жители его ненавидели, потому что он, видимо, пытался собирать большие налоги с обнищавшей страны. Шаммарский летописец Дари ибн Рашид считал его «храбрым человеком, который, однако, пролил много крови и убил много набожных людей; его ненавидели, в то время как Фейсала любили»⁹.

Фейсал ибн Турки бежал из Египта в 1843 г., где находился в качестве пленника с 1858 г. Некоторые историки считали, что ему помог внук Мухаммеда Али — Аббас-паша, то ли потому, что надеялся на помощь Фейсала в будущем, то ли потому, что мечтал о независимой империи и хотел привлечь аравийских арабов к сотрудничеству. Скорее всего, и Мухаммед Али, и его наследники понимали, что независимый эмират в центре Аравии будет противником Османской империи¹⁰.

Фейсал перебрался в Джебель-Шаммар, где Абдаллах Ааль Рашид с радостью встретил старого друга. По словам Валлина, Абдаллах и его брат Убайд, известные своей жестокостью, прочно контролировали Джебель-Шаммар. Если в прошлом жители Хаиля не решались в одиночку отправляться в соседнюю Кафару, то теперь можно было «спокойно пройти из конца в конец страны, неся золото на голове»¹¹. Власть Абдаллаха распространилась на многие кочевые нешаммарские племена: «От Касима до Хаурана и от страны Ибн Сауда в Восточном Неджеде до Хиджазских гор все кочевники были покорены и должны были признать власть Ибн Рашида, платя ему закят»¹². Когда встал вопрос о выборе между египетским господством (о том, что египтяне покидали Аравию окончательно, хаильский эмир, очевидно, не знал) и вассальной зависимостью от Фейсала, Абдаллах выбрал второе, тем более что Фейсал был его личным другом, что в аравийских условиях немаловажный политический фактор. Правитель Хаиля предложил эмиру

людей, животных, деньги. Фейсал стал рассылать послания по Неджду, заявляя о своем возвращении и призывая население поддержать его. Когда Иби Сунайян узнал об этом, он мобилизовал своих сторонников, но вскоре в его войске началось дезертирство.

Планам Фейсала мешала вражда между Джебель-Шаммаром и Касимом, в особенности между Джебель-Шаммаром и городом Бурайда. Можно было ожидать, что губернатор Бурайды будет врагом Фейсала, потому что его сторонником стал Ибн Рапшд. Если бы весь Касим остался союзником Ибн Сунайяна, то он мог бы удержаться у власти. Однако город Анайза соединил свою судьбу с его соперником.

Постепенно Неджд переходил на сторону Фейсала — сначала Касим, потом Судайр и Вашм. Ибн Сунайян бежал в Эр-Рияд. Бедуинские племена субай, сухуль, аджман, а также мутайр поддержали Фейсала. Его небольшое войско увеличивали многочисленные перебежчики от Ибн Сунайяна. Фейсал предложил ему покинуть столицу со всей его собственностью, поселиться где-нибудь в Неджде и получать большое содержание. Но Ибн Сунайян отказался и заперся в крепости, хотя положение его стало безнадежным. Жители столицы перешли на сторону Фейсала.

Летом 1843 г. Эр-Рияд пал. Ибн Сунайян был схвачен и в июле 1843 г. умер в тюрьме. Возможно, он был отравлен по приказу Фейсала. Но, по мнению летописца Дари ибн Рашида, свергнутого эмира казнила тюремная охрана, среди которой были лица, чьих родственников он в свое время убил. Передав соперника в руки такой охраны, Фейсал тем самым приговорил его к смерти¹³.

После девяти лет хаоса, внутренней борьбы, иностранной оккупации Недждийский эмират вновь возродился. Примерно на два десятилетия Фейсал стал хозяином в своем доме. Тенденции централизации в Неджде были таковы, что он уже не мог вернуться к феодально-племенной междоусобице, которая продолжалась в течение несколько столетий до возвышения дома Саудидов. Центростремительные силы довольно быстро скрепляли воедино районы Центральной и Восточной Аравии каждый раз, когда появлялся сильный лидер и не было непосредственной внешней угрозы.

Фейсал, несомненно, был сильным правителем. У него были опыт жизни в более развитом Египте и опыт правления в аравийских условиях, умение сочетать жестокость с мягкостью, готовность к компромиссам с непреклонностью. Растущие контакты с египтянами, турками, англичанами заставляли риядского эмира все больше считаться с внешним миром, так как он понимал, что Центральная и Восточная Аравия не могла быть изолирована от событий в других странах.

Восстановление Риядского эмирата Саудидов. Новое государство Саудидов охватывало меньшую территорию, чем Дирьийский эмират. Несмотря на растущую стабильность, сепаратизм в нем был силен. По словам Г. Филби, Неджд при Фейсале скоро «возобновил обычное течение нормальной жизни, но это ни в коем случае не было синонимом жизни в мире, процветания и гармонии, благословение которых всегда было редким или перемежающимся в пустыне»¹⁴.

Первой задачей эмира после установления контроля над центральными районами Неджда было вернуть себе Восточную провинцию. Осенью 1843 г. он осадил город Даммам, который контролировали бахрейнцы. В тот момент на Бахрейне произошла внутрдинастическая ссора: прежний правитель бежал на материк и обосновался в Даммаме. Одновременно Фейсаль нанес удары по племенам манасир, ааль мурра и бану хаджир, помогавшим снабжать крепость.

В марте 1844 г. бахрейнский гарнизон сдался. Войско недждийцев захватило значительные трофеи. Вместо бахрейнцев риядский эмир оставил в крепости свой гарнизон из ста человек. В обмен на ликвидацию своего соперника новый правитель Бахрейна Мухаммед ибн Халифа согласился возобновить выплату ежегодной дани Эр-Рияду и возместить свои долги. Таким образом Фейсал начал новый период своего правления, уничтожив небольшой, но раздражающий анклав бахрейнцев, восстановил формальный сюзеренитет над островами¹⁵.

В Восточной провинции вспыхнули восстания, связанные с борьбой между племенами бану халид и аджман. Кочевники аджман следовали обычным путем переселения аравийских племен — с юга на север или с юго-запада на северо-восток. Они мигрировали из Наджрана слабыми, рассеянными. Пришельцы не имели собственных пастбищ, зависели от других племен и были их неравноправными клиентами. Однако их начал поддерживать эмир Турки, предоставив им возможность поселиться в Восточной провинции, в районе, традиционно принадлежавшем бану халид. Видимо, одной из целей этого решения было создать противовес племени бану халид и его аристократии, которая время от времени бунтовала против Эр-Рияда и даже была когда-то его соперником.

Постепенно аджманы становились сильнее и агрессивнее. В 1845 г. Фалях иби Хислаян, верховный шейх аджманов, вызвал гнев риядского имама и навлек на себя карательный рейд недждийцев. Около Дахна он напал на ежегодный караван из Хуфуфа, который перевозил паломников, в том числе персов и бахрейнцев, в Мекку, и ограбил его. Многие паломники умерли в пустыне от жажды, и бедуины захватили значительную добычу. Риядский эмир не мог игнорировать такой вызов своей власти. Это наносило удар и по его авторитету, и по его собственным доходам с караванов паломников.

В ноябре 1845 г. Фейсал выступил с большим войском против аджманов. Ибн Хислаян бежал к Персидскому заливу. Мелкие вожди аджманов и их союзники — субаи явились к имаму, заявив, что не имеют ничего общего с налетом на караван. Фейсал простил их, поставив условием их уход с земель бану халид в течение десяти дней. Знаменитый летописец, на которого мы часто ссылаемся, Ибн Бишр, сопровождал Фейсала какое-то время в этом походе.

В 1846 г. Ибн Хислаян снова появился вместе со своим племенем, установил контакт с одним из вождей мутайров; тот, однако, помог Фейсалу захватить его в плен. Вождя аджманов отправили в цепях в Хуфуф, где и казнили. Шейхом племени стал его сын Ракан. Вместе с мелкими вождями аджманов он обратился к Фейсалу с просьбой о прощении, обещая вернуть награбленное и клянясь в преданности. Так аджманы поняли, кто стал хозяином пустыни, и пятнадцать лет о них ничего не было слышно¹⁶.

Установив свой контроль над Восточной провинцией, Фейсал занялся югом — Эль-Афладжем и вади Эд-Давасир. В 1845 г. он послал войска в Эль-Афладж, чтобы покончить там с волнениями¹⁷.

В то время как риядский эмир был занят подавлением аджманов и наведением порядка в южных провинциях Нелжда, вновь вспыхнула старая вражда между Касимом и Джебель-Шаммаром. В сентябре 1845 г. жители Анайзы совершили набег на шаммаров и захватили их богатый караван. В ответ шаммары устроили засаду и, убив сотни людей, захватили много стад, принадлежавших жителям Анайзы. В плен был взят эмир Анайзы Абдаллах ибн Замиль. Брат Абдаллаха Ааль Рашида — Убайд, нарушив традиционное аравийское уважение к личности пленного, казнил эмира и его родственников. По поводу своей победы Убайд сочинил стихи. Позднее, когда Чарльз Доути, один из великих английских путешественников, был в Аравии, он слышал, как они передавались из уст в уста¹⁸. Стихотворение Убайда — обычная похвальба победой. Автор хвастался, что убил 90 врагов, что у него устала рука держать саблю, а рукава его одежды задубели от крови врагов. На обратном пути в Хаиль Убайд и сын шаммарского эмира Талаяль совершили успешный набег на племя аназа — союзников Касима. С большим трудом Ибн Рашиду удалось умиротворить Фейсала, взбешенного войной между своими вассалами. Правитель Джебель-Шаммара направил риядскому эмиру объяснительное письмо, тоже написанное в стихах, что якобы произвело благоприятное впечатление на Фейсала¹⁹.

Пока был жив Абдаллах ибн Рашид, отношения Хаиля с Эр-Риядом оставались дружественными. Абдаллах признавал себя вассалом Фейсала, сохраняя широкую автономию. Связанные личной дружбой эмиры еще и породнились: старший сын Фейсала Абдаллах женился на дочери Абдаллаха ибн Рашида, а сын правителя Хаиля Талаяль был женат на дочери Фейсала²⁰. Каждый год Убайд, брат эмира Хаиля, два-три месяца

проводил в Эр-Рияде в качестве гостя Фейсала. В 1847 г. Фейсал даже помог шаммарам в действиях против традиционно враждебных им племен группировки аназа. Джебель-Шаммар расширился на север, в частности, в 1838 г. к нему был присоединен район большого оазиса Джауф примерно в 350 км на северо-запад от Хаиля.

В мае — июне 1847 г. Абдаллах умер. Ему наследовал его двадцатипятилетний сын Таляль. Это было несколько странно, потому что все ожидали, что хаильский престол займет его брат Убайд, с его устойчивой репутацией лидера. Но Убайд якобы сам не захотел взять власть, а передал ее Талялю. После того как Таляль стал эмиром, он послал в Эр-Рияд в подарок верблюдов и лошадей, чтобы заявить о своей продолжающейся зависимости от центрального правительства²¹.

Касим — нерешенная проблема. Борьба с аджманами. Фейсал так и не смог установить полный контроль над Касимом. Эта провинция, по подсчетам Ш. Юбера, относящимся к 70-м годам XIX в., включала около 20 городов и селений. Сама Бурайда, жившая главным образом торговлей верблюдами и караванным извозом, насчитывала до 10 тыс. жителей²². До начала 60-х годов ею правили крупнейшие феодалы области — Ааль Улайяны. Население Анайзы, по данным Ш. Юбера, насчитывало 18—20 тыс. человек. Еще около тысячи человек проживало в окрестных селениях²³. Правивший Анайзой феодальный дом Ааль Замилсй, как и другие эмирские кланы, принадлежал к осевшей бедуинской знати, но в противоположность им был существенно ограничен в своей власти. Путешественники называли Анайзу «городской республикой», а ее эмира — «первым среди равных» и даже «выборным президентом»²⁴.

Решающий голос в делах города имели состоятельные анайзиты, выставившие в ополчение одного-двух верблюдов с двумя-четырьмя всадниками и платившие постоянный налог на содержание стражников-абдов, оплату пастухов, общественное гостеприимство. Они же вместе с феодальной знатью участвовали в управлении Анайзой через эмирский совет²⁵. Отношения между феодальной и купеческой знатью и городской беднотой бывали напряженными, о чем косвенно свидетельствует замечание Ч. Доути: «Немало бедняков в гневе открыто противоречат Замиллю и поносят его, терпеливого в своей мудрости»²⁶.

В 1846—1847 гг., когда шериф Мекки совершил вторжение в Неджд, касимцы продемонстрировали, что готовы сотрудничать с ним²⁷. После ухода хиджазцев риядский эмир сменил правителей в главных городах. Но зимой и весной 1848/49 г. ему пришлось подавлять новое восстание в Касиме. Назначенных центральной властью эмиров не признавала местная знать, которая поддерживала то одну, то другую ветвь старых правящих семей. Убийства следовали за предательствами, предательства — за периодами мира, но провинция оставалась непокоренной.

Против центральной власти выступила сначала Анайза, а потом и Бурайда. Весной 1849 г. Фейсал собрал все наличные силы, во главе которых поставил своих сыновей Абдаллаха, Мухаммеда и Сауда, а также своего брата Джилюви. В поддержку им он направил богословов, включая правнука вероучителя Абд аль-Латыфа. Ибн Бишр утверждал, что Фейсал хотел избежать кровопролития и, имея превосходство в силах, направил следующее послание жителям Касима: «Религия бесполезна, пока она не выражена в общине, а община не может существовать без подчинения. Вы отказались выполнять наши приказы и перестали повиноваться нам. Вы знаете, что война — это огонь, в котором люди служат хворостом, и мне претит убийство даже одного мусульманина. Поэтому не будьте причиной пролития вашей крови, но войдите в повиновение, в котором были ны и ваши отцы раньше»²⁸.

В тот момент касимцы тоже были настроены примирительно и начали переговоры о мире. Условием мира было согласие касимцев платить закят и участвовать в рейдах Фейсала. Мирные переговоры закончились соглашением, которое вскоре было нарушено, когда начались взаимные набеги с участием племен, состоявших в союзе с разными

группировками. В сражении под Ятимой силы касимцев во главе с правителем Бурайды Абд аль-Азизом Ааль Улайяном были разгромлены Абдаллахом, сыном Фейсала²⁹.

Сопротивляться было бессмысленно, и попытки Абд аль-Азза Ааль Улайяна собрать силы не удались. Он и другие руководители касимцев бежали из Анайзы, и местная знать через посредничество шейха Абдаллаха Абу Бутайяна — местного кади — начала переговоры с эмиром Фейсалом. Принятие условий мира жителями Анайзы было гарантировано неким Мухаммедом ибн Абдурахманом ибн Бассамом³⁰. Семья Ааль Бассамов — богатейших купцов Анайзы — имела торговые связи вплоть до Бомбея. Об одном из Ааль Бассамов писал и Чарльз Доути в своих «Путешествиях»³¹. Фейсал обещал простить жителей города, а они в ответ признали его сюзеренитет и позволили оккупацию их города. Войско риядского эмира вошло в Анайзу, а Фейсал объявил всеобщую амнистию.

Руководитель восстания Абд аль-Азиз Ааль Улайян еще находился в Бурайде. Фейсал не решился сместить традиционного правителя, чтобы не усиливать оппозицию своей власти в Касиме, и в ответ на просьбу о прощении, переданную семейством его противника, согласился оставить его эмиром Анайзы. Однако Фейсал назначил своего брата Джилюви с отрядом верных войск правителем всей провинции Касим с центром в Анайзе. Это был отход от старой практики. Раньше в провинции не было единого эмира, и Эд-Дирья ограничивалась назначением или подтверждением назначений правителя каждого из двух главных городов³².

Когда Фейсал вернулся в Эр-Рияд, весть о его победе дошла до Восточной провинции, и из Хуфуфа и Эль-Катифа прибыли делегации знати с подтверждением покорности и преданности. В 1850 г. оставшийся правителем Бурайды Абд аль-Азиз, опасаясь, как бы риядский имам не расправился с ним, бежал в Хиджаз, отдавшись под покровительство шерифа Мухаммеда ибн Ауна, и стал подталкивать правителя Мекки на вторжение в Неджд. Шериф отказался участвовать в походе, так как не имел на это сил. Сын Фейсала Абдаллах осенью 1850 г. совершил набег на племя атайба на самой границе Хиджаза. Шерифа стало раздражать присутствие в Мекке беглого эмира Бурайды, и он по просьбе беглеца попросил за него прощения у Фейсала. Риядский имам снова простил Абд аль-Азиза при условии, что тот вместе с ополчением из Касима примет участие в экспедиции против Катара. Абд аль-Азиз вновь стал правителем Бурайды в начале 1851 г. Видимо, риядский эмир так и не смог получить поддержку касимской знати и обойтись без компромисса с ее признанным лидером³³.

В течение последующих трех лет главной заботой Эр-Рияда были набеги различных племен. Но в мае 1854 г. Анайза снова восстала. Местная знать, особенно клан Ааль Замилей, была недовольна тем, как Джилюви правил в Касиме. По сообщениям Ч. Доути, он обирал жителей в свою пользу³⁴.

Семейство Ааль Бассамов было против восстания, так как опасалось, что военные действия нанесут ущерб его торговле. Однако один из более бедных членов городского совета, Яхья ас-Салих, согласился возглавить восстание, если ему обеспечат пятьдесят сабель, которыми он вооружит своих сторонников. Когда оружие было предоставлено, отряд Яхьи подошел к цитадели и изгнал без кровопролития Джилюви³⁵.

Участие в восстании бедняков придавало ему новую окраску. Против притеснений риядского эмира выступила беднейшая часть населения, в то время как богатая купеческая семья не поддержала восставших. Вслед за Джилюви бежал из Анайзы шейх Абдаллах Абу Бутайян, который долго был кади этого города и верно служил Эр-Рияду. Эмиром Анайзы стал Абдаллах ибн Яхья Ааль Замиль, по прозвищу Суляйм.

Фейсал начал собирать силы, и вскоре войско во главе с Абдаллахом, сыном Фейсала, появилось под Анайзой. Нападавшие стали рубить пальмы. Произошло несколько боев без окончательной победы для той или другой стороны. На помощь Фейсалу пришел Таляль Ааль Рашид с оседлыми и кочевыми шаммарами. Жители Анайзы запросили мира. Фейсал не только даровал прощение (аман) Анайзе, но также

позволил местному эмиру Абдаллаху Ааль Замилу сохранить его пост. В конце 1855 г. восстание кончилось. Но вряд ли можно считать, что Фейсал укрепил свою власть в Касиме. Он был вынужден убрать назначенного им самим правителя провинции, а лидер восстания остался на своем посту³⁶.

К середине 50-х годов прошли обильные дожди, был хороший урожай, и цены упали. Однако снова началась эпидемия холеры. Она возникла в Индии, пришла с паломниками в Мекку в 1846 г. и распространилась оттуда на Европу и Америку. Аравийский летописец Ибн Иса писал о тяжелых последствиях эпидемии холеры второй половины 50-х годов для Неджда³⁷.

В 1859 г. произошли новые волнения в Бурайде, взаимные убийства между соперничающими кланами знати. Фейсал был вынужден вмешаться. Абд аль-Азиз был уведен пленником в Эр-Рияд, но потом его в очередной раз назначили эмиром города. Видимо, он оставался незаменимым человеком в тех условиях³⁸.

В 1860 г. эмиру Эр-Рияда пришлось иметь дело с новым восстанием аджманов, которые действовали все смелее. Большое войско во главе с Абдаллахом, сыном эмира, было послано на восток, где при Маляхе, километрах в тридцати южнее города Эль-Кувейта, произошло 9 апреля 1860 г. сражение, достойное бедуинских традиций доисламских времен. Молодых девушек из племени аджман, дочерей или близких родственниц вождей, поместили на специальные паланкины на семь верблюдов. Распустив полосы и нарядившись, семь прекрасных девственниц из аристократических семей появились перед бедуинами, выкрикивал военные призывы. Воины были возбуждены до предела, так как им продемонстрировали, что они будут сражаться, в частности, за безопасность этих прекрасных девушек, олицетворявших честь племени. Сражение было кровопролитным, потому что аджманы столкнулись с более дисциплинированными и организованными горожанами и оседлыми, которых поддерживали воины из племен субай, сухуль, кахтан и мутайр. Погибло около 700 аджманов, и они бежали, покинув и девственниц, и верблюдов, и всю свою собственность. Уцелевшие укрылись в Эль-Кувейте. Это событие радостно отметили в Эр-Рияде, а также в Басре и Эз-Зубайре, которые страдали от набегов аджманов, а после победы жители последних двух городов послали Абдаллаху ценные подарки³⁹.

Но до полной победы было далеко. Аджманы сохранили много сил. Кроме того, они вступили в союз с могущественным племенем мунтафик в Южном Ираке. Вскоре два племени начали свои набеги в окрестностях Басры, Эз-Зубайра и Эль-Кувейта.

Фейсал объявил джихад. Сражение состоялось под Джахрой 27 марта 1861 г., и бедуины, аджманы и мунтафики вновь были разгромлены. Нсдждийцы загнали противников в приливную зону Персидского залива, и, когда начался прилив, вода поглотила примерно полторы тысячи воинов, незнакомых с этой опасностью. Победа вызвала новый взрыв радости и в Ираке, и в Неджде⁴⁰. Но кровавые победы Абдаллаха над аджманами оставили на десятилетия вперед ненависть к нему в этом племени, что, в частности, впоследствии стоило ему трона.

После побед на востоке Абдаллах направился в Касим. Опасаясь худшего, правитель Бурайды Абд аль-Азиз бежал. Он направился в Анайзу, а оттуда — в Мекку. Однако по дороге его перехватил отряд, посланный Абдаллахом ибн Фейсалом, и Абд аль-Азиз и его сын были убиты. Еще один сын правителя Бурайды, который участвовал в походе Абдаллаха против аджманов, был схвачен и умерщвлен в тюрьме⁴¹.

Несмотря на две крупные победы, одержанные в 1860—1861 гг., эмират Фейсала снова оказался под угрозой. И на этот раз она опять исходила из Касима, в частности из Анайзы. Свои восстания против Эр-Рияда в 1854—1855 гг. ее жители называли «первой войной», а военные действия, начавшиеся в 1862 г. — «второй войной». Формальным предлогом для нового восстания анайзитов было то, что эмир Бурайды Абд аль-Азиз был убит в то время, когда он выехал из города в сопровождении отряда ее жителей, т. е.

считался гостем Анайзы и находился под ее покровительством. Анайзиты стали перехватывать небольшие отряды риядского имама.

Воины из Анайзы появились в окрестностях Бурайды. По всей провинции шли стычки. Фейсал снова провозгласил священную войну. Большое сражение произошло в окрестностях Анайзы 8 декабря 1862 г., его подробности передал Ч. Доути⁴². Мужчинам из Анайзы помогали женщины, которые приносили воду и отвозили раненых. Анайзиты были вооружены фитильными ружьями. Воины риядского эмира сражались в основном копьями и саблями. В разгар схватки начался дождь, отряд из Анайзы окпался безоружным, был разгромлен и почти полностью уничтожен. Их анайзитов погибло около 200 человек. В войске риядского эмира было около 1 тыс. человек. Это дает представление о масштабах военных действий.

Жители Анайзы были вынуждены укрыться за стенами своего города. В начале 1863 г. войско риядского имама под городом получило подкрепление из Джебель-Шаммара и Восточной провинции. У осаждавших было даже немного артиллерии. Анайзиты запросили мира⁴³. Риядский эмир, будучи не в состоянии разгромить город, вновь согласился простить жителей Анайзы и оставить прежних правителей⁴⁴.

Отношения Неджда с Хиджазом и османским правительствам во время правления Фейсала. Отношения Неджда с Хиджазом всегда были сложными. И османские паши в Джидде и Медине, и шериф Мекки продолжали претендовать на право вмешиваться в дела Центральной Аравии. В 1846 г. шериф Мухаммед ибн Аун совершил поход в Неджд под предлогом отказа Фейсала платить Высокой Порте дань. Принято считать, что риядский эмир платил 10 тыс. талеров Марии Терезии, и, возможно, это было условием его «бегства» из Египта⁴⁵. Другим поводом для похода шерифа были волнения в Касиме, которые дали правителю Мекки надежду получить эффективную помощь от недовольного Фейсалом населения этой провинции⁴⁶.

В войско Мухаммеда ибн Ауна, состоявшее примерно из тысячи человек, в основном бедуинов, входил также небольшой отряд регулярных турецких войск. Весной 1847 г. шериф, не встречая по дороге сопротивления, достиг Касима. Но Фейсал энергично готовился к войне. Силы оказались приблизительно равными, и обе стороны избегали сражения.

Риядский эмир послал своего брата с подарками для шерифа — восемь оманских скаковых верблюдов и четыре лошади. Шериф стоял тогда в Анайзе. Однако Ибн Аун вернул подарки и подарил одежду и лошадь брату Фейсала. По арабийским обычаям, это было оскорблением. Как только посланцы Фейсала выехали за ворота Анайзы, они немедленно послали обратно лошадь и одежду. Однако риядский эмир избегал открытого столкновения, а может быть, опасался вторжения турок вслед за хиджазцами. Он послал Мухаммеду ибн Ауна «подарок», а фактически разовую дань в 10 тыс. риалов, лошадей и верблюдов⁴⁷. Видимо, соглашение снова предусматривало выплату 10 тыс. риалов ежегодно, но как оно выполнялось, сказать трудно. В 1854—1855 гг., во время волнений в Хиджазе, Фейсал задержал отправку дани⁴⁸.

Видимо, именно тогда Халид ибн Сауд, живший в Хиджазе, снова обратился к Высокой Порте с предложением возглавить поход против Неджда. Его письмо привел турецкий историк Джевдет. «Во времена, когда губернатором Джидды был Шериф-паша (т.е. — 1847 г. — А. В.), налог на Фейсала был определен в 10 тыс. талеров Марии Терезии в год, — писал Халид. — Хотя с того времени он платил эту сумму, его нынешнее желание поставить животных вместо ежегодной дани не вызвано финансовыми трудностями... Он получил 80 тыс. талеров Марии Терезии от Саида ибн Султана (из Маската) в прошлом году. Вдобавок Фейсал получает 5 тыс. талеров в год от правителя Бахрейна... Его отказ платить дань является свидетельством бунта... Если вы пошлете мне тысячу кавалеристов, тысячу пехотинцев, двести бедуинов и две пушки, я смогу захватить весь Неджд и постараюсь добавить 90 тыс. риалов к налогу и, таким образом, платить 100 тысяч талеров в казну в Джидде»⁴⁹. Предложение Халида ибн Сауда осталось без ответа.

Османские власти попытались добиться в Асире и Йемене того, чего не удалось египетскому паше. В апреле 1849 г. турецкие войска высадились с военных кораблей в Ходейде. Сюда же прибыл отряд во главе с шерифом Мекки Мухаммедом ибн Ауном. Йеменский имам согласился на присутствие гарнизона в Сане и выплату дани. Но в 1851—1852 гг. туркам были нанесены поражения в Асире и Йемене. Об этом с большой радостью узнали в Неджде, так как сами опасались турецкого вторжения⁵⁰.

Шериф Мекки укрепил свои позиции, установив хорошие отношения с племенами Асира и хиджазским племенем харб и поддерживая связи с египетским пашой Аббасом. Но именно такое поведение вызвало у османских властей подозрение, и в 1852 г. паша Джидды получил приказ отослать в турецкую столицу шерифа Мухаммеда ибн Ауна и двух его старших сыновей. Это удалось сделать, предательски заманив Ибн Ауна в ловушку. Шерифом Мекки стал некий Абд аль-Муталиб⁵¹.

В 50-е годы Хиджаз был охвачен серьезными волнениями, вызванными, в частности, годичной задержкой жалования турецким солдатам. Восстание вспыхнуло в октябре 1855 г., когда был зачитан султанский фирман, принятый под нажимом европейцев, запрещающий работоторговлю. В 1855—1856 гг. турки временно потеряли контроль над Меккой и должны были с большими усилиями восстанавливать свою власть, вернув Ибн Ауна, которому спустя два года наследовал его сын Абдаллах. Йеменские повстанцы нападали на турецкие гарнизоны в Мохе и Ходейде. Эти города не пали только потому, что в феврале 1856 г. вспыхнула эпидемия холеры, которая опустошила лагеря осаждавших. Асирцы изгнали турецкие гарнизоны. Лишь открытие Суэцкого канала в 1869 г. позволило туркам обеспечить регулярную переброску войск на аравийское побережье Красного моря и вновь оккупировать Асир в 1871 г.⁵².

В 1858 г. в Джидде были убиты английский и французский вице-консулы, четырнадцать христианских подданных, а их дома разграблены. Уцелевшие бежали на английский паровой фрегат «Сайклопс», который тогда находился в порту. Англичане и французы потребовали наказать виновников убийств. Когда турецкий губернатор Мекки Намык-паша не сразу выполнил их требование, «Сайклопс» произвел бомбардировку города и высадил небольшой английский отряд. В присутствии англичан 11 человекам были отрублены головы. Затем были казнены глава полиции, глава хадрамаутцев и каймакам⁵³.

Хотя в то время Риядский эмират практически был независим от Османской империи, Фейсал вел себя достаточно осторожно и старался не сталкиваться с турками. Он не совершал набегом на Сирию, Хиджаз или Ирак. В 1855 и 1860 гг. в переписке с англичанами по поводу дел в Персидском заливе Фейсал утверждал, что он является вассалом Высокой Порты. Во взаимоотношениях с англичанами ему было выгодно это утверждение⁵⁴. Османские чиновники, если того требовали их интересы, также говорили о турецком суверенитете над Центральной Аравией. Например, в начале 1862 г. турецкий губернатор в Багдаде выразил недовольство англичанам за их нападение на селение, которое находилось под юрисдикцией «Фейсал-бея, каимакама Неджда... части наследственных владений султана»⁵⁵. Британский генеральный консул в Багдаде ответил тогда губернатору, что «англичане ранее поддерживали прямые отношения с эмиром Фейсалом» и что «Порта наверняка никогда не осуществляла и не осуществляет власти и юрисдикции в этой части мира». Посол Великобритании в Стамбуле, который передал османскому правительству ответ генерального консула, несмотря на признание выплаты дани Фейсалом, еще более ясно подчеркивал этот пункт⁵⁶.

Очевидно, признание независимости Недждийского эмирата развязывало руки Великобритании для экспансии в бассейне Персидского залива.

Противоречия Риядского эмирата и Великобритании в зоне Персидского залива. Дж. Лоример так сформулировал английскую политику по отношению к Риядскому эмирату: «Невмешательство в Договорном Омане, умеренное сопротивление в султанате Оман и бескомпромиссная оппозиция на Бахрейне». По его мнению, эта

политика определялась «систематическими агрессивными актами ваххабитов вдоль береговой линии»⁵⁷.

Однако риядский эмир рассматривал прибрежные районы как свою вотчину. Эмир Фейсал говорил Л. Пелли о своем государстве: «Это аравийская земля от Кувейта, через Эль-Катиф, Рас-эль-Хайма, Оман, Расэль-Хадд (самый восточный пункт Омана и Аравии.— *А. В.*) и все, что лежит за пределами этого — дар нам Аллаха»⁵⁸. Позднее он сказал: «Маскат — наш данник. Мы взяли его силой оружия»⁵⁹. По мнению риядского эмира, англичане, ставя под свой протекторат прибрежных правителей, вмешивались в дела, которые их не касались⁶⁰. Чиновник саудовского двора Махбуб ибн Джаухар, который был приставлен к группе Л. Пелли, называл англичан «удачливыми пиратами»⁶¹. Но Фейсал признавал могущество Великобритании.

Несмотря на то что отряды недждийцев совершали набег и в окрестностях Эль-Кувейта, они не стремились захватить его. Отношения между Фейсалом и правителем шейхства оставались дружественными⁶². Но между Недждом и Бахрейном шла многолетняя война.

Очередные столкновения между Риядским эмиратом и Бахрейном в 1845—1846 гг. не принесли победы ни одной из сторон — бахрейнцы блокировали порты, контролируемые недждийцами, но когда племя бану халид, помогавшее бахрейнцам, перешло на сторону недждийцев, соотношение сил изменилось в пользу Эр-Рияда. Мухаммед ибн Халифа согласился платить дань — 4 тыс. талеров в год⁶³.

Мир, однако, продолжался недолго, и осенью 1850 г. между Недждом и Бахрейном вновь начались военные действия. Войско Фейсала заняло Катар. Эмир Эр-Рияда получил поддержку от отколовшейся ветви семьи правителей Бахрейна, что помогло ему создать собственный флот и начать готовить высадку на острова. Но в этот момент на защиту Бахрейна была послана британская эскадра, и его правитель был спасен от поражения. Фейсал был вынужден договориться о мире с бахрейнцами, добившись, правда, выплаты ими дани и прежних долгов. Но он посадил в крепости Даммам соперников правителей Бахрейна⁶⁴.

В 1859 г. правитель Эль-Катифа, подчиненный Эр-Рияду, и Мухаммед ибн Абдаллах Ааль Халифа, сидевший в Даммаме, вновь стали готовить вторжение на Бахрейн. Поводом для военных действий была поддержка его правителем Мухаммедом ибн Хали-фой племен в Катаре против власти недждийцев. Но англичане вновь послали свою эскадру для защиты островов⁶⁵. Британский резидент в районе Персидского залива капитан Джоунз передал Фейсалу, что британское правительство считало Бахрейн «независимым эмиратом» и было готово защищать его от всех нападений⁶⁶.

В 1861 г. с помощью пушек английской эскадры капитан Джоунз навязал шейху Бахрейна соглашение, подобное тем, которые раньше были вынуждены принять мелкие княжества Договорного Омана. Бахрейн стал британским протекторатом и был потерян как объект притязаний саудовских правителей. Правда, он продолжал платить дань Эр-Рияду за свои владения в Катаре.

В том же году англичане постарались избавиться себя от неожиданных перемен в бахрейнской правящей династии и послали Фейсалу ультиматум, требуя изгнать из Даммама соперника правителя Бахрейна. Не дождавшись ответа, британская эскадра бомбардировала Даммам. Сидевший в крепости Мухаммед ибн Абдаллах Ааль Халифа бежал⁶⁷.

В 1867 г. снова произошло сражение между войском эмира Восточной провинции и бахрейнцами, и ан-Набхани, историк Бахрейна, заметил, что «это была последняя битва на Бахрейне, потому что после этого пришли англичане»⁶⁸.

Оман также находился в сфере соперничества недждийцев и англичан. Вскоре после своего возвращения к власти, в 1845 г., Фейсал направил в Эль-Бурайми Саада ибн Мутлака с войском. Этот военачальник был правителем Эль-Бурайи почти три десятилетия и служил Турки, затем его сыну Фейсалу во время его первого правления,

Хуршид-паше, Халиду, снова Фейсалу и был отлично осведомлен об оманских делах. Местные вожди обратились к англичанам за помощью, но те все еще избегали прямого вмешательства в дела на суше. Фейсал направил англичанам письмо, подчеркивая, что намерен сохранить дружественные отношения, которые существовали между его отцом Турки и британским правительством⁶⁹.

Вскоре после прибытия в Эль-Бурайми Саад ибн Мутлак потребовал дань с ряда местных правителей, в том числе с султана Маската и с правителя Эс-Сохара. Свои требования он подкрепил посылкой отряда к Маскату. Но англичане стали патрулировать побережье Эль-Батины, и Саад ибн Мутлак ушел, согласившись получать с Маската ежегодную дань в 7 тыс. риалов.

В 1848 г. недждийский гарнизон в Эль-Бурайми растаял, потому что были перерезаны пути снабжения и подхода подкрепления. Маскатцы отказались платить дань, а правитель Абу-Даби смог захватить эту группу оазисов. Оккупация Эль-Бурайми правителем Абу-Даби длилась восемь месяцев. Но его соперники из Дубая и Шарджи помогли Ибн Мутлаку вернуть Эль-Бурайми. Он был смещен со своего поста Фейсалом в 1850 г. и вскоре умер.

В марте 1850 г., когда недждийский гарнизон в оазисах уменьшился до 50 человек, правитель Абу-Даби Саид ибн Тахнун вновь захватил Эль-Бурайми. В 1853 г. сюда прибыл с войском сын Фейсала Абдаллах. Местные вожди племен и правители прибрежных княжеств поспешили выразить свою покорность Эр-Рияду. Его влияние было в тот момент велико, но британский резидент капитан А. Кэмпбелл смог встретиться с местными правителями и заставил их заключить «вечный договор о мире». Войско недждийцев подошло к Маскату, его опять спасла британская эскадра, но правители Эс-Сохара и Маската обязались платить Эр-Рияду 12 тыс. риалов в год.

В декабре 1853 г. Абдаллах покинул Эль-Бурайми, назначив правителем Ахмеда Ааль Судайри, который оставался на этом посту до 1857 г. Несмотря на зависимость от англичан, и Маскат, и Эс-Сохар, и княжества Персидского залива продолжали платить дань Риядскому эмирату. Изредка недждийцы проникали в оманские горы Джебель-Ахдар. Территория под их контролем не была точно определена и то уменьшалась, то увеличивалась, хотя временами они держали сборщиков налогов на значительной части Омана. Ахмеду Ааль Судайри наследовал его сын Турки, который оставался правителем Эль-Бурайми с 1857 по 1869 г.⁷⁰

Общественно-политическое устройство и хозяйство второго государства Саудилов. Как и в первом государстве Саудилов, риядский эмир был имамом, т. е. главой мусульманской общины, главнокомандующим, верховным судьей, а также главой исполнительной власти. Он лично решал важные вопросы внутренней и внешней политики, проблемы фискальные и военные, принимал решения о набегах или мире, сам руководил их исполнением, контролировал прием и отправку дипломатических представителей и официальных посланий, занимался делами, касающимися союзников, вассалов, соседей, кочевых племен.

Его двор был небольшой и не оброс формальностями и бюрократической машиной. В самых важных вопросах эмир советовался с близкими родственниками, чья преданность была выше каких-либо местных интересов. Семья аш-Шейха также играла важную роль, хотя никто не поднимался до статуса вероучителя⁷¹.

Распределение прибыльных и престижных постов помогало удовлетворить конфликтующие запросы членов семьи. Фейсал объявил Абдаллаха своим наследником, привлекал его к участию в военных делах и в управлении Эр-Риядом и центральными районами. Второму сыну — Сауду, сопернику Абдаллаха, была предоставлена значительная автономия в управлении южными районами. Третьему сыну — Мухаммеду, были переданы районы к северу от столицы. Мухаммед склонялся на сторону Абдаллаха в его споре с Саудом. Самый младший сын Абдурахман, который станет отцом основателя нового саудовского государства, родился около 1850 г. и был слишком молод, чтобы

получить независимое назначение⁷². Однако раздел эмирата между детьми Фейсала помог им обрести сторонниками в «своих» провинциях, что создало базу для будущих междоусобиц, которые разорвут на части второе государство Саудидов.

В последние годы жизни Фейсала его здоровье пошатнулось. Находясь в Египте, он получил болезнь глаз, возможно трахому, и полностью ослеп ко времени визита представителя англо-индийской администрации полковника Л. Пелли в Эр-Рияд. В тот момент Фейсалу было около 70 лет и он не мог активно управлять государством, передав дела Абдаллаху.

«Семья Саудидов в решительные моменты выдвигала обладающих умом и характером сильных людей, которые могли контролировать сепаратистские элементы в своем обширном королевстве и обеспечивать суровую справедливость». — писал Р. Уиндер⁷³. Таким руководителем и был Фейсал ибн Турки. Несмотря на враждебное отношение англичан к эмирату Саудидов, британский резидент Л. Пелли признавал: «Я не мог не замечать, что, по общему мнению, эмир Фейсал был справедливым и строгим правителем, беспрецедентно успешным в подавлении хищнических обычаев племен. Он хотел внедрить среди них более упорядоченные обычаи и повернуть их умы к сельскому хозяйству и торговле. Как казалось, никто не любил эмира, но все восхищались им. О нем говорили с той боязнью, в которой уважение и ненависть любопытным образом перемешивались»⁷⁴.

После первой встречи с Фейсалом Пелли дал его портрет: «Я нашел имама сидящим в дальнем конце комнаты на маленьком привлекательном ковре, опираясь спиной на тяжелую подушку... Когда я приблизился, имам встал, но с трудом. Он взял мою руку и ощупал ее. Затем он попросил меня сесть рядом с ним на ковер. Он был совершенно слеп, но его лицо было замечательным, с правильными чертами, безмятежным, суровым, смиренным. Он выглядел старше семидесяти лет и был одет богато, но со вкусом. Поверх арабской куфии — головного убора — он надел тюрбан из зеленой кашемировой шали. Его голос был хорошо модулирован, его слова — спокойными и взвешенными. Он держался достойно, почти мягко. Однако вы чувствовали, что он может быть беспощадно жестоким»⁷⁵.

Степень центрального контроля, осуществляемого в различных районах и провинциях второго государства Саудидов, как и первого, различалась от района к району и уменьшалась с расстоянием от Эр-Рияда. Играли роль и внутреннее положение в той или иной провинции, и относительный ее вес, и религиозные убеждения ее жителей. В центральных районах правитель Эр-Рияда назначал эмиров, так же как богословов и кади. Во многих случаях назначенное лицо принадлежало к местной знати, иногда присылался человек со стороны.

Волнения в Касиме вызывались в значительной мере попытками риядского эмира усилить там свою власть, и он вынужден был оставлять на местах выходцев из местной знати. Отношения с Джебель-Шаммаром были на удивление ровными, в частности, потому, что Эр-Рияд не пытался утвердиться в Джебель-Шаммаре, установить над ним прямой контроль и довольствовался номинальным вассалитетом. Между правящими семьями существовали дружеские отношения, скрепленные династическими браками, и они нуждались в военной помощи друг друга.

Эмирами в Хуфufe неизменно назначались недждийцы. Жители Восточной провинции питали мало симпатий к Эр-Рияду и к ваххабизму, но значение ее было настолько велико, что риядский эмир считал нужным держать в ней постоянные гарнизоны.

В Эль-Бурайми находились и гарнизон недждийцев, и эмир, назначенный из Эр-Рияда. Но эта группа оазисов больше, чем Хуфuf, сохраняла черты прифронтового поста.

Как и в прежние времена, лояльность провинций и племен обеспечивалась удержанием в столице заложников. Пригласив Л. Пелли посетить тюрьму, Фейсал сказал:

«Вы увидите, что в настоящий момент здесь около семидесяти вождей» — и добавил: «Да, мы очень суровы, но справедливы»⁷⁶.

Крупные и мелкие государства, платившие неждийцам дань, — Маскат, оманские эмираты на побережье Персидского залива и Бахрейн — сохраняли полунезависимое существование. Эр-Рияд никогда не назначал туда эмиров, хотя и мог держать агента с каким-то дипломатическим статусом, чтобы наблюдать за уплатой дани и представлять неждийские интересы.

Кочевые племена находились в разной степени зависимости от риядского эмира, но Фейсал никогда не смог добиться такого контроля над ними, какой существовал во времена первого государства Саудидов. Годы его правления были полны нескончаемыми мятежами бедуинов.

Ваххабизм во втором государстве Саудидов частично потерял свой фанатичный, непримиримый характер. Личный опыт жизни Фейсала в Египте, видимо, научил его, что египтяне и османское правительство гораздо сильнее Неджда и провоцировать их проявлениями религиозной нетерпимости означало бы призывать собственную гибель. Но временами религиозные чувства обострялись.

Когда в середине 1850-х годов Неджд был опустошен эпидемией холеры, ваххабитские законоучители объясняли ее наказанием за несоблюдение единобожия. В Эр-Рияде был создан особый трибунал из 22 «ревнителей», облеченных правом штрафовать и подвергать телесным наказаниям за нарушение жестких религиозных требований. «Ревнители» действовали беспощадно, что вызвало крайнее возмущение горожан Касима и Хуфуфа. Риядский эмир вынужден был ослабить религиозно-бытовую регламентацию и ограничить права «ревнителей»⁷⁷.

Военная организация Риядского эмирата во времена Фейсала была такой же, как и при первых Саудидах. Каждый город или племя в случае призыва должны были поставлять определенное число воинов и животных. Эти цифры фиксировались в реестрах, которые служили также основой для сбора налогов. Отдавая приказ о мобилизации, эмир указывал местным правителям, сколько воинов ему нужно, а те несли ответственность за их снаряжение и сбор. Обычно призывали половину обязательного числа воинов. В случае чрезвычайных обстоятельств, конечно, призывались все силы. Предполагалось, что ополчение собирается с собственным оружием и животными. Амуницию теоретически предоставляло правительство. В особенности ценились кавалеристы, и те, кто являлся на лошадях, получали привилегии.

Каждое племя или город в войске риядского мира составляли отдельное подразделение или часть с собственным флагом.

Когда военная кампания заканчивалась, все войско распускалось. Ополчение не получало регулярного жалования, но четыре пятых добычи делилось между воинами — доля пехотинцу или сидящему на верблюде и две доли коннику. Пятую часть трофеев забирали в бейт аль-маль. Эмир содержал отряд телохранителей примерно из 200 рабов и вольноотпущенников, которые в случае нужды выполняли полицейские функции. Ядро неждийского войска составляли оседлые жители⁷⁸.

У кедждийцев было несколько пушек, но сомнительно, чтобы они находили применение, за редким исключением. Фейсал не предпринимал серьезных попыток создать военный флот. Вместо этого он рассчитывал на полуассалов, таких, как Бахрейн. Естественно, что прибрежные правители находили причины, чтобы уклоняться от выполнения его требований. Кроме того, навязанные им англичанами договоры ограничивали их возможность действовать совместно с Эр-Риядом⁷⁹.

Налоговая система во времена Фейсала мало отличалась от той, которая была установлена в первом государстве Саудидов. Земледельцы платили закят только с зерновых и тех плодов, которые можно было измерить и сохранить: 10% урожая брали с богарных земель и 5% — с орошаемых. Бедуины платили налог со скота в пределах 2,5 — 5% от своих стад. 2,5% взимали со стоимости золота и серебра, столько же — со

стоимости товаров купцов. Существовала практика освобождения от налогов тех, кто получал годовой доход меньше определенного размера. Но в случае войны вводились дополнительные поборы⁸⁰.

Как и раньше, в казну поступали поборы с паломников, дань с Маската, Бахрейна и других княжеств и доходы с собственных владений риядского правителя. Стоит отметить, что Аравия XIX в. практически не знала различий между государственной казной и частным кошельком имама.

Методы сбора налогов оставались неизменными до периода после второй мировой войны и повторяли практику, знакомую нам по Дирьийскому эмирату⁸¹.

Общие доходы государства не могут быть подсчитаны со сколько-нибудь удовлетворительной степенью надежности. Самую приблизительную оценку численности населения, уровня дохода и состояния военных сил сделал полковник Л. Пелли во время своей поездки в Эр-Рияд. По его подсчетам, население Неджда и Эль-Хасы, видимо, только оседлые жители, составляло 115 тыс. человек, доходы в талерах Марин Терезии — 692 тыс. и число бойцов, которых они выставляли, — 7900⁸². Что касается кочевников, то общее их число он определял в 20 тыс., а доходы с них — в 114 тыс. талеров. Таким образом, по мнению Л. Пелли, доходы государства составляли 806 тыс. талеров. К ним он добавлял дань Маската, Джебель-Шаммара, Бахрейна и других районов, а также 2 млн. талеров — поборы с паломников⁸³. Возможно, цифры доходов преувеличены, а численность оседлого и кочевого населения преуменьшена. Видимо, Л. Пелли учитывал только взрослых мужчин.

Пэлгрев оценивал общие доходы государства в 160 тыс. ф. ст.⁸⁴

Еще меньше данных о расходах второго государства Саудилов. Если не считать содержания семьи эмира и его двора, то, вероятно, половина расходов шла на военные цели, а оставшееся предназначалось на общественные работы — поддержание колодцев и мечетей, а также пенсии бедным и престарелым, жалованье чиновникам, назначенным центральным правительством, богословам, субсидии местным жителям, эмирам провинций и также на довольно эффективную разведывательную систему⁸⁵.

Большую часть налогов платили натурой, но в некоторых районах — деньгами. Главной валютой был риал — талер Марии Терезии, но в обращении находились также английский соверен, турецкие и персидские золотые и серебряные монеты. В Восточной провинции довольно часто использовалась индийская валюта. На побережье Персидского залива в ходу были так называемые «тавила» — длинные металлические денежные знаки, похожие на женские заколки с вычеканенной на них арабской надписью. Они делались из меди с добавлением серебра. Были также и серебряные тавила⁸⁶.

Во время правления Фейсала устойчивые доходы приносил экспорт чистокровных арабских лошадей, которые прославились во всем мире. Регулярно поставляли лошадей в Индию. Шаммарские лошади экспортировались через Эль-Кувейт, а другие — через Эль-Катиф и Эль-Укайр. В 1863 г. через Эль-Кувейт было продано 600 лошадей в среднем по 150 риалов каждая. Аббас-паша из Египта посылал несколько экспедиций для покупки лошадей. Посещения Аравии двумя известными европейскими путешественниками — Валлином и Гуармани — состоялись под предлогом покупки лошадей. Однако к 1864 г. лошадей осталось так мало и животные, посланные Фейсалом в Стамбул, оказались настолько плохими, что это вызвало протест Высокой Порты и запрет, который, впрочем, невозможно было применить на практике, на экспорт лошадей в течение четырех лет⁸⁷. Русские коннозаводчики А. Щербатов и С. Строганов также пытались закупить арабских лошадей в Северной Аравии на рубеже века.

До обнаружения нефти ловля жемчуга была главным занятием жителей побережья Персидского залива. Однако Восточная провинция уступала в этом промысле Бахрейну, Договорному Оману или Катару. Может быть, причиной этого было существование обширных оазисов в Эль-Хасе и Эль-Катифе, что давало возможность населению заниматься земледелием. Жемчуг Персидского залива отправляли в Бомбей, откуда

перепродавали в Европу. У Дж. Лоримера мы находим детальное описание этого промысла с его неукоснительно навязываемыми социальными и финансовыми правилами. Хотя обзор был сделан Дж. Лоримером в 1906 г., картина, нарисованная им, вряд ли изменилась с 60—70-х годов XIX в. Если на побережье Договорного Омана ловлей жемчуга занимались 22 тыс. человек, в Катаре — примерно 13 тыс., на Бахрейне — около 18 тыс., в Кувейте — 9200, то в оазисе Эль-Катиф — приблизительно 3400 человек⁸⁸.

* * *

Второе государство Саудидов смогло возродиться потому, что внешнее вмешательство в дела Нсджда прекратилось. И заинтересованность в объединении значительной части неждийской знати, купцов, ремесленников, земледельцев, и поддержка ваххабитских богословов, и престиж дома Ааль Саудов помогли Фейсалу поставить под власть Эр-Рияда значительную часть Центральной и Восточной Аравии. Однако признаки слабости, а временами просто бессилия центральной власти, сепаратизм феодалов и своеволия бедуинских племен были слишком очевидными, чтобы кто-нибудь из современников предсказал Риядскому эмирату долгую жизнь. Усиливавшийся Джебель-Шаммар был, скорее, союзником, чем покорным вассалом, Касим отстоял свою автономию в неоднократных восстаниях, кочевые племена снова и снова бросали вызов Фейсалу, со стороны Персидского залива и Аравийского моря нависала тень Британской империи, которая уже фактически поглотила мелкие эмираты на побережье полуострова. Все это дополнялось углублявшимся разладом в семье риядского эмира.

Глава VIII РАЗВАЛ РИЯДСКОГО ЭМИРАТА И ДЖЕБЕЛЬ-ШАММАР (1865 - 1902)

Раскол в семье эмира. Фейсал ибн Турки умер в декабре 1865 г. У свежей могилы эмира началась борьба за власть между его сыновьями. Правителем стал наследник престола Абдаллах. Его поддерживали население Арида, а также младший брат Мухаммед. Соперником Абдаллаха был его другой брат — Сауд. Англичане, заинтересованные в ослаблении Риядского эмирата, стали поощрять его амбиции. В слабом, неустойчивом эмирате Абдаллах стремился усилить централизацию, чем вызвал недовольство знати на местах¹.

По словам У. Пэлгрева, Абдаллах был храбрым, энергичным, но вместе с тем строгим и суровым, что импонировало пуритански настроенным жителям городов. Сауд был открытым, щедрым, любящим эффектные жесты. И это вызывало симпатию у бедуинов². С такой характеристикой в общих чертах соглашался и Г. Филби³. Но Л. Пелли, наоборот, утверждал, что Сауд был якобы популярен среди оседлого населения, а Абдаллах — среди кочевников⁴.

Мать Сауда и одна из его жен были из племени аджман, которые ненавидели Абдаллаха и стали самыми верными союзниками Сауда. Кахтаны, наоборот, поддерживали Абдаллаха⁵.

Первое, чем занялся Абдаллах после того, как стал правителем, была не борьба с братом — она еще придет, — а оманские дела. Незадолго до смерти Фейсала ибн Турки правитель Эр-Рустака в Омане Аззан ибн Каис, член боковой ветви маскатской правящей семьи, восстал против своего родственника — султана Маската Сувайни и обратился за помощью к Турки Ааль Судайри, сидевшему в Эль-Бурайми. С помощью отряда Турки Ааль Судайри войско Сувайни в конце 1864 г. было отогнано от Эр-Рустака. Воспользовавшись этой ситуацией, риядский правитель Фейсал попытался заставить султана Маската платить ему дань не 12 тыс., а 40 тыс. талеров и подкрепил требование посылкой войска⁶. Но Сувайни, по совету англичан, согласился только на 12 тыс. В том же году повстанцы, которых поддерживал отряд неждийцев во главе с Абд аль-Азизом ибн Мутлаком, братом знаменитого Саада ибн Мутлака, захватил город Сур. Естественно,

он подвергся разграблению; среди пострадавших были индийские купцы, британские подданные. Не в состоянии изгнать недждийцев, Сувайни заплатил им 10 тыс. талеров, а затем еще 6 тыс.

Англичане стали помогать Сувайни и направили протест в Эр-Рияд. Абдаллах, который уже держал бразды правления эмиратом в своих руках, согласился освободить всех пленных, захваченных в Суре, и вернуть собственность, но ничего не сказал о компенсации⁷.

Л. Пелли рекомендовал английским властям в Индии помочь султану Маската⁸. Вскоре ему были доставлены пушки. Одновременно риядскому эмиру был направлен ультиматум с требованием принести извинения, обещать, что подобные действия не повторятся в будущем, и выплатить компенсацию. В противном случае англичане грозили разрушать крепости эмира на побережье и захватывать его суда. От угроз они перешли к действиям. Английский военный корабль «Хайфлайер» обстрелял Аджман, служивший портом для недждийцев на Оманском побережье Персидского залива, в начале февраля 1866 г. уничтожил флот в Эль-Катифе и несколько мелких судов в его гавани. После неудачной попытки высадить десант в Даммаме «Хайфлайер» обстрелял его. Затем английский корабль бомбардировал восставший Сур, где были уничтожены суда местных жителей. Но в это время султан Сувайни был убит своим сыном Салимом, что осложнило политические маневры англичан⁹.

Началась переписка между Абдаллахом и британским резидентом Л. Пелли. Риядский эмир стремился предотвратить ухудшение отношений, обеспечить свое признание в качестве правителя англичанами и отнести возможные английские интриги на стороне Сауда, поэтому через своего представителя договорился с Л. Пелли об урегулировании претензий¹⁰. Английские послания в свой адрес саудовцы понимали как своего рода обязательства Великобритании и считали их договорами¹¹.

Зная, что англичане настроены против него, Абдаллах вел игру слабого: пытался найти противовес англичанам у турок, что в конечном счете стоило ему дорого. Посол риядского эмира Абд аль-Азиз ас-Сувайлим прибыл в Багдад в марте 1866 г. под предлогом перегонки четырех недждийских лошадей в подарок султану. Однако британский резидент в Багдаде капитан А.Кэмбол знал, что его подлинной целью было искать помощи турок. Губернатор Намык-паша принял с почестями ас-Сувайлима и даже предпринял дипломатический демарш, требуя от англичан прекратить поенные действия. Однако никаких реальных акций в поддержку эмира не было предпринято¹².

Тем временем Сауд собирал силы для борьбы за риядский трон; он ушел в Асир, чтобы искать помощи у местного правителя Мухаммеда ибн Аида. Абдаллах немедленно направил делегацию в Абху — тогдашнюю столицу Асира, чтобы предупредить ее правителя против союза с братом и пригласить Сауда обратно в Эр-Рияд, гарантируя ему безопасность. Но Сауд отказался вернуться в столицу и, чувствуя, что асирцы оказывают ему малую поддержку, направился к вождю Наджрана — Макрама. Затем он собрал сторонников из племени аджман и некоторых других бедуинов и продвинулся в вадии Эд-Давасир¹³.

Абдаллах к этому времени уже укрепил свою столицу¹⁴. Мобилизовав горожан и кочевников Неджда, он направил их против мятежного брата. Сауд, тяжело раненный, бежал с поля боя к бедуинам ааль мурра. Риядский эмир расправился с его сторонниками, наказал восставшие племена и оазисы в вадии Эд-Давасир и сменил эмиров в некоторых провинциях¹⁵.

Залечив раны, Сауд направился в Эль-Бурайми, где в конце 1866 г. стал гостем Турки Ааль Судайри. Через четыре года он снова бросил вызов Абдаллаху.

В 1870 г. Сауд оказался на Бахрейне. Он попытался заручиться поддержкой семьи Ааль Халифа, чтобы напасть на Катар, где стоял гарнизон недждийцев¹⁶.

Дальнейшая междоусобица. В конце 60-х годов на Бахрейне вновь произошла внутридинастическая борьба, которая привела к бегству одного члена семьи к Саудидам,

взаимным рейдам, вмешательству англичан, которые опять не позволили Риядскому эмирату установить контроль над Бахрейном¹⁷.

Оман после убийства Сувайни был охвачен волнениями. Правление отцеубийцы Салима было кратким. Оно кончилось восстанием Аззаиа ибн Каиса из Эр-Рустака, который 1 октября 1868 г. захватил Маскат. Он использовал знамя консервативного ибадизма. В прибрежном Омане новая власть не удержалась позже 1871 г., но во внутренних районах сохранялась в течение десятилетий.

В 1869 г. эмир Эль-Бурайми Турки Ааль Судайри был убит в Шардже, где пытался вмешаться в местную борьбу. В июне 1869 г. тамошние племена, договорившись с Аззаном, с его помощью захватили Эль-Бурайми. Они шли под знаменами ибадизма против ваххабитов, которые, с их точки зрения, были еретиками. Недждийский гарнизон попросил аман и был отпущен¹⁸.

В то время англичане признавали Эль-Бурайми частью саудовского государств, и полковник Дизброу, английский агент в Маскате, писал в августе 1801 г.: «Насколько я могу видеть и судить, Эль-Бурайми беспричинно и несправедливо был захвачен Аззаном, и Аззан должен ожидать ваххабитского возмездия»¹⁹.

Аззан не только захватил Эль-Бурайми, но и отказался платить дань Эр-Рияду. Реакция Абдаллаха была решительной. Он написал Аззану: «От Абдаллаха ибн Фейсала, имама мусульман, к сейиду Аззану ибн Каису, имаму грабителей. Мы слышали, что вы сделали. Мы намерены нанести вам визит с 20 тысячами воинов. Мы надеемся, что вы примете нас должным образом»²⁰. Риядский эмир стал собирать силы в Эль-Хасе для похода в Оман.

В Маскате началась паника. Однако войско Абдаллаха так и не появилось в Омане. Зима 1869/70 г. была настолько сухой, что продвижение больших масс воинов при отсутствии пастбищ для скота было затруднено. В союз с маскатцами вошел Заид ибн Халифа — правитель Абу-Даби. Наконец, интриги Сауда ибн Фейсала, восставшего против Абдаллаха, заставили эмира уделить внимание укреплению своей власти в столице, что было главной причиной отмены похода²¹.

В это время Сауд вступил в союз с Аззаном. Против Абдаллаха сложилась коалиция в составе нового султана Маската — Аззана, правителя Абу-Даби и Сауда ибн Фейсала. Брат Абдаллаха попытался сделать вылазку в Катар, но был отброшен и скрылся на Бахрейне. Складывалось впечатление, что за Саудом стояли англичане, может быть не оказывая ему прямой поддержки, но во всяком случае не возражая против его действий²².

В 1869 г. умер Абдуррахман Ааль аш-Шейх, внук Ибн Абд аль-Ваххаба, потомок вероучителя и самый влиятельный в Неджде богослов и кади XIX в. Его вывоз в Египет в 1818 г. Ибрагим-паша, но он вернулся в Эр-Рияд в 1825/26 г. и был назначен эмиром Турки судьей — кади Эр-Рияда. Любопытно отметить, что среди своих учителей, как отмечает летописец Ибн Иса, помимо своего деда он называл ваххабитского историка Хусейна ибн Ганнама, знаменитого египетского ученого и историка Абдуррахмана аль-Джабарти, а также несколько египетских историков²³.

Дальнейшее возвышение Джебель-Шаммара. В марте 1868 г. покончил с собой хаильский правитель Таляль Ааль Рашид, что было редчайшим явлением в Аравии. Летописец Ибн Иса просто констатировал, что «ум Таляля помутился, и он убил себя»²⁴. Согласно мусульманским верованиям, самоубийцу ожидал адский огонь, потому что он выступил против воли Аллаха. Как писал Г. Филби, жителям было сказано, что Таляль, изучая новый пистолет, случайно выстрелил. Талялю было 45 лет, когда он погиб²⁵.

Хотя хаильский эмир правил большей территорией почти независимо, он никогда не порывал с Фейсалом и его сыном Абдаллахом, а напротив, оказывал им активную военную поддержку. Смерть Таляля предоставила возможность для пересмотра взаимоотношений между правителями Хаиля и Эр-Рияда, особенно когда год спустя умер старый, но влиятельный дядя Таляля Убайд ибн Али. Он был сторонником сотрудничества с домом Саудидов. У. Пэлгрев описывал его как фанатика²⁶. В глазах Энн

Блант это был «главный герой шаммарской традиции», мужественный, щедрый и гостеприимный²⁷. Ч. Доути также высоко оценивал Убайда как военачальника и поэта, касыды которого передавались из уст в уста²⁸.

Если Таляль не распространял свою экспансию на юг, где лежали владения его сюзерена, то не отказывался от попыток продвинуться на север или запад. Он установил контроль над Хайбаром и Таимой, лежащими на севере от Медины. Хотя Таляль вел себя достаточно независимо, сомнительно, мог ли он собрать достаточно сильное войско, чтобы бросить вызов своему сюзерену. Во всяком случае, по оценке У. Пэлгрева, в 1862 г. Фейсал мог выставить втрое больше бойцов, чем Таляль²⁹.

Шаммарский эмир отличался религиозной терпимостью, разрешал шиитам и евреям жить и торговать в Хаиле, собирая с них немалые налоги³⁰. «Торговцы из Басры, Мешхед-Али и Васита, лавочники из Медины и даже из Йемена, привлеченные соблазнительными предложениями, обосновались на новом хаильском базаре. Некоторым из них Таляль дал казенные подряды, в равной степени выгодные и ему, и им. Другим он дал привилегии и льготы и всем оказывал поддержку и покровительство»³¹, — писал У. Пэлгрев. На средства, поступавшие в казну от набегов, паломничества и торговли, Талкль завершил дворец-замок Барзан и обнес столицу семиметровой стеной, построил рыночный квартал, большую пятничную мечеть и много общественных колодцев³².

Но если религия не была главной цементирующей силой в Джебель-Шаммаре, то эту роль играла племенная солидарность. Даже оседлые в Хаиле и других городах считали себя прежде всего шаммарами, а «единобожниками» — во вторую очередь. В ряд оазисов шаммарский эмир не назначал губернаторов, а утверждал местных вождей на их постах. Кочевники в эмирате Джебель-Шаммар играли большую роль, чем в Риядском эмирате. Но преобладание одного племени, обеспечивая устойчивость власти на ограниченной территории, было препятствием для расширения Джебель-Шаммара, так как вызывало ревность других могущественных племен.

Таляль платил Фейсалу и Абдаллаху дань лошадьми, долю налога, накладываемого в Хаиле на персидских паломников, и долю добычи. Однако влияние Эр-Рияда в Центральной Аравии падало, а зелено-красный флаг эмирата Джебель-Шаммара поднимался все выше. Валлин справедливо писал еще во времена Абдаллаха Ааль Рашида: «Я считаю шаммаров безусловно одним из самых энергичных племен в настоящее время в Аравии. И их власть и влияние с каждым годом распространяются все больше на их соседей»³³.

Талялю наследовал его брат Митаб. Через десять месяцев он был убит на заседании своего маджлиса старшим сыном Таляля Бандаром, который стал эмиром. Но у него появился опасный соперник — его дядя Мухаммед ибн Абдаллах Ааль Рашид — третий сын основателя династии. Бандар предоставил ему прибыльную и почетную должность главы каравана паломников³⁴. Их договоренность соблюдалась несколько лет вплоть до 1872 г., когда Мухаммед убил Бандара. Зная, что его ожидает кровная месть, новый эмир стал преследовать пятерых братьев Бандара и расправился с четырьмя из них. Пятый — мальчик по имени Наиф — уцелел. Джебель-Шаммар признал нового эмира. Хотя его правление началось с кровавой расправы со своими соперниками, тем не менее оно открыло период процветания и сильной власти в княжестве³⁵. Г Филби писал, что «никогда правительство не было столь эффективным, как при нем»³⁶.

Наиболее важным источником по истории Рашидидов со времени смерти Таляля до захвата власти Мухаммедом служит хроника Дари ибн Рашида, обильно используемая Р. Уиндером.

В тот период эмират Рашидидов не выходил за пределы собственно Джебель-Шаммара и ближайших к нему оазисов — Хайбара, Таймы и Джауфа. Путешественники определяли численность подвластного Хаилю населения в конце XIX в. (до присоединения Неджда) в 20 — 50 тыс. оседлых и примерно такое же количество кочевников. По другим данным, бедуинов могло быть и вдвое больше³⁷.

Правитель Джебель-Шаммара носил титул «эмир» или «шейх шейхов», т. е. оставался главой объединения шаммарских племен, на которые он опирался³⁸. Рашидида правили через родственников и личных слуг-дружинников. В условиях почти непрерывной борьбы, не доверяя родственникам, эмир все больше опирался на дружину и египетских и турецких наемников. По данным Валлина, эмирская дружина насчитывала около 200 человек³⁹, путешественники 60 — 80-х годов XIX в. называют цифру 500—600. Из них 20 самых надежных составляли личную охрану эмира, около 200 оставались в Хайле, остальные сопровождали торговцев и паломников, отряды сборщиков податей и поочередно несли гарнизонную службу в присоединенных областях эмирата.

В числе дружинников правителя были простые воины и «мужи (раджаиль) шейха шейхов». Этот термин применялся к верхушке дружины, а также к придворным чинам и вообще к людям, облеченным особым доверием эмира. Многие из них вышли из абдов. «Мужи» эмира были старшими чиновниками и военачальниками, служителями дворца и правителями его владений⁴⁰. С развитием эмирата они же возглавили различные звенья государственного управления. С 70—80-х годов XIX в. среди наиболее влиятельных лиц в эмирате путешественники упоминали заведующего гостевыми помещениями дворца, главного казначея, главного писца, знаменосца и, наконец, джалиса — нечто вроде мажордома и одновременно главного советника, везира Рашидидов⁴¹.

Эмиры Джебель-Шаммара придерживались традиций широкого гостеприимства, символом которого был массивный медный котел, с трудом поднимавшийся четырьмя сильными мужчинами. В 80-х годах XIX в. во дворце ежедневно гостило и питалось 150—200 человек, а при проходе больших караванов — до 800—1000 человек⁴².

Вместе с развитием государственности все шире применялся шариат в ущерб обычному праву, что отмечалось путешественниками⁴³. В числе наказаний были: отсечение рук и конфискация имущества за мятеж против эмира; тюремное заключение за воровство и отказ от уплаты закята; битье палками за нанесение ударов и ран; имущественные штрафы⁴⁴. Тюрьмой служила старая резиденция Рашидидов, однако еще в 60-х годах XIX в. почетные узники и заложники содержались в гостевом помещении нового дворца⁴⁵.

Структура местного управления, как и в государстве Саудидов, зависела от степени подчинения провинций эмиру: на местах были прямые наместники Хаила, но чаще — представители местной знати. Всеми кочевыми племенами по-прежнему управляли шейхи. В их внутренние дела Рашидида почти не вмешивались⁴⁶.

Учитывая ненадежность бедуинского ополчения, Рашидида все больше опирались на горожан и жителей оазисов и гвардию абдов. Максимальная численность джебель-шаммарского войска в 60-х годах XIX в. определялась К. Гуармани в 6,5 тыс. человек, а вместе с воинами присоединенных областей — в 9 тыс.⁴⁷. В 90-х годах, по оценке Нольде, эмиры могли выставить 40 тыс. бойцов⁴⁸. Войско было посажено на верблюдоы, а знать — на лошадей, вооружено пиками, саблями и отчасти огнестрельным оружием. Имелось несколько пушек⁴⁹.

Во времена правления Мухаммеда Ааль Рашида (1872—1897) Джебель-Шаммар достиг пика своего могущества. В 70-х годах были завоеваны Эль-Аль и селения в Вади-Сирхан, вплоть до границ вади Хауран. Продолжавшийся упадок Риядского эмирата и союз с Портой позволили Мухаммеду вначале распространить свою власть на города Касима, а в 1884 г., во время обострения борьбы внутри семейства Саудидов, стать правителем всего Неджда.

Возвышение Джебель-Шаммара могло происходить только в условиях, когда приходил в упадок Риядский эмират, более густо населенный и обладавший несомненно большим военным потенциалом. Войны Саудидов в начале века, губительные вторжения египтян, изнуряющая междоусобица — все это в меньшей степени коснулось Джебель-Шаммара, чем собственно Центрального Неджда. Несколько способных правителей

использовали эти благоприятные для них условия и на короткое время превратили Хаиль в хозяина всей Центральной Аравии.

Распад Риядского эмирата. Захват турками Эль-Хасы. Осенью 1870 г., вновь заключив союз с племенами аджман и ааль мурра, Сауд ибн Фейсал высадился в Эль-Укайре и захватил Эль-Хасу. Абдаллах послал своего брата Мухаммеда с войском, чтобы вернуть контроль над провинцией и ее столицей Хуфуфом. В декабре 1870 г. в пустыне произошло сражение при Джуде. В решающий момент группа кочевников субаев, которые пришли с Мухаммедом, переметнулась на сторону Сауда, и его победа была полной. Мухаммед ибн Фейсал был схвачен и заключен в тюрьму в Эль-Катифе, где оставался, пока его не освободили турки. Вся Восточная провинция присягнула на верность Сауду⁵⁰.

Чувствуя враждебное отношение населения столицы и опасаясь за свою жизнь, Абдаллах ибн Фейсал вместе с семьей и группой сторонников покинул столицу и направился в Джебель-Шаммар. В отчаянии Абдаллах обратился за помощью к Мидхат-паше, энергичному османскому губернатору Багдада, а также к шерифу Мекки⁵¹. Терпящий поражение риядский эмир стал метаться, усугубляя разложение своего эмирата.

Мухаммед ибн Рашнд оказал имаму материальную помощь, но, как сообщает Ч. Доути, не позволил ему войти в Хаиль⁵². На помощь к Абдаллаху пришло племя кахтан, и он смог вернуться в Эр-Рияд. В это время случилась страшная засуха, что, естественно, привело к новым смутам и волнениям⁵³.

В апреле — мае 1871 г. Сауд двинулся, наконец, на Эр-Рияд. Абдаллах бежал на юг, в район кочевий кахтанов. Отряд Сауда перехватил его снаряжение и имущество⁵⁴. Затем Абдаллах потерпел новое поражение от Сауда⁵⁵.

Когда Сауд вошел в Эр-Рияд, его бедуинское войско жестоко разграбило город, возбудив против себя всеобщую ненависть. В Неджде снова вспыхнула междоусобица. Ибн Иса писал: «Оковы власти были ослаблены, беспорядки увеличились, голод и высокие цены ухудшали положение, люди ели мясо павших ослов, многие умирали от голода. Люди были обречены на голод, смерть, несчастья, грабежи, убийства, распад»⁵⁶. Однако, по мнению Р. Уиндера, нужно учитывать, что историк Ибн Иса был сторонником Абдаллаха.

В это время гибнущий эмират столкнулся с новой опасностью. Багдадский губернатор Мидхат-паша, известный и крупный османский реформатор, сторонник активной политики, решил воспользоваться ситуацией и добавить новую территорию к уменьшающейся Османской империи. Его действия в Восточной Аравии вызвали дипломатический кризис между Лондоном и Стамбулом⁵⁷.

Мидхат-паша утверждал, что османский суверенитет распространяется на Неджд, а Абдаллах ибн Фейсал — всего лишь турецкий каймакам. Предлогом для вторжения было «восстановление порядка и поддержка указанного каймакама против его восставшего брата»⁵⁸.

Для завоевания Эль-Хасы турки послали свой флот, получив у правителя Кувейта еще примерно 300 судов. Регулярное войско состояло из 4 тыс. человек, в основном пехотинцев, а также кавалеристов и артиллеристов. Мунтафики послали сушей около тысячи человек. В мае 1871 г. турецкие войска высадились в Рас-Таннуре, где сейчас построен огромный нефтеперерабатывающий завод, и, не встречая сопротивления, двинулись к Эль-Катифу. После небольших боев турки заняли главные города и крепости всей провинции. Командующий турецким войском Нафиз-паша выпустил обращение ко «всем живущим в Эль-Хасе, Эль-Катифе и провинциях Неджда», сообщая, что Неджд и зависимые от него территории составляют часть турецких владений, подобных Ираку, Йемену, Египту. Он утверждал, что турки выступают на стороне местного законного правителя Абдаллаха — каймакама, назначенного султаном и подчиненного багдадскому губернатору, против его восставшего брата Сауда⁵⁹. Так братья Саудиды в результате семейной вражды потеряли Восточную провинцию. Примерно в то же время из-под их контроля ушли оазисы Эль-Бурайми. Мидхат-паша осенью того же года посетил Эль-

Хасу, но попытка похода в Эр-Рияд оказалась неудачной. Много турок умерло от болезней и жары⁶⁰.

Внутридинастическая борьба в семействе Ааль Сауд продолжалась. Абдаллах появился на территории, оккупированной турками, а Сауда временно изгнал из Эр-Рияда его дядя, брат эмира Фейсала — Абдаллах ибн Турки. Сауд собрал своих союзников аджманов и ааль мурра и стал нападать на турецкие гарнизоны, но безуспешно⁶¹.

Абдаллах ибн Фейсал находился в качестве почетного пленника у турок в Хуфufe, и когда его предупредили, что ему предстоит отправиться в Багдад, он бежал. В конце 1871 — начале 1872 г. Абдаллах вновь вернулся в Эр-Рияд, но положение эмирата было безнадежным. Продолжался голод, люди, по словам Ибн Иса, ели пададь, кожу и листья⁶². Братья попытались наладить сотрудничество против турок, но из этого ничего не вышло.

В марте 1873 г. Сауд возвратился в Эр-Рияд. Бои между братьями продолжались с переменным успехом, сопровождаясь, как обычно, грабежами и убийствами. Учитывая, что Абдаллах ибн Фейсал стал опираться на турок, англичане усилили поддержку Сауду и даже послали ему продовольствие⁶³.

К середине 70-х годов на сцене появился четвертый сын эмира Фейсала — Абдуррахман. Он родился примерно в 1850 г. Р. Уиндер считал, что Абдуррахман поддерживал Сауда. Г. Филби полагал, что он встал на сторону Абдаллаха⁶⁴. Не исключено, что Абдуррахман просто колебался в выборе между двумя старшими братьями. Известно, что молодой эмир вел переговоры от имени Сауда с османским губернатором Багдада Рауф-пашой, который держал его в качестве заложника до августа 1874 г.⁶⁵

В марте 1874 г. турки отказались от прямого управления Эль-Хасой, чтобы уменьшить расходы. Орудием их политики стал некий Бази Даль Арайар, вождь бану халид. Насыр-паша ибн Саадун, губернатор вновь образованной провинции Басра и вождь племени мунтафик, назначил его мютесаррифом. Турецкое регулярное войско было выведено и заменено османским полицейским отрядом. Однако, несмотря на традиционное влияние знати племени бану халид в провинции, Бази был непопулярен, и стали раздаваться голоса о восстановлении власти риядского эмира. Абдуррахман, которого турки к этому времени отпустили, возглавил в 1874 г. восстание против них в Восточной провинции. К нему присоединились часть племени аджман, ааль мурра и ряд других кочевников. Насыр-паша ибн Саадун действовал энергично. Он высадил в Эль-Укайре 2400 солдат регулярных войск с четырьмя пушками, и восставшие были разгромлены. Абдуррахман бежал к Сауду в Эр-Рияд. Хуфufe был отдан на трехдневное разграбление победителям. Насыр-паша оставил провинцию в феврале 1875 г., назначив своего сына мютесаррифом⁶⁶.

Власть Сауда над Недждом была шаткой. К концу его правления и Джебель-Шаммар и Касим перестали ему подчиняться. Эр-Рияд стал центром разрываемого на части небольшого эмирата в Центральной Аравии. Регулярные доходы перестали поступать. Так как Сауд опирался на кочевников аджманов, им были недовольны жители оазисов и городов. Центральный Неджд все глубже погружался в хаос⁶⁷.

Сауд был не в состоянии контролировать другие кочевые племена Неджда. Атайба, союзные с Абдаллахом ибн Фейсалом, напали на оазисы. Попытка Сауда наказать их была безуспешной, он был разгромлен в результате измены кахтанов и ранен. В январе 1875 г. Сауд умер, видимо, от оспы, хотя, по другим данным, его отравили⁶⁸.

Правителем Эр-Рияда временно стал Абдуррахман ибн Фейсал. Он начал вести бои против своих старших братьев и союзных им бедуинов, а в это время в самой столице против него выступили дети его брата Сауда, которого он сменил. Опасаясь племянников, Абдуррахман направился к Абдаллаху, и три брата решили создать единый фронт во главе с Абдаллахом против детей Сауда, которые смогли удержаться в Эр-Рияде несколько

недель. Затем дети Сауда бежали. Они сохранили союзников в провинции Эль-Хардж и в Эль-Хасе.

Абдаллах вновь вошел в Эр-Рияд. За одиннадцать лет, прошедших после смерти Фейсала, власть в городе сменилась восьмой раз⁶⁹.

Г. Филби приводит следующую хронологию правления в Эр-Рияде после смерти Фейсала⁷⁰:

С 2 декабря 1865 г. по 9 апреля 1871 г.	— Абдаллах ибн Фейсал.
С 10 апреля по 15 августа 1871 г.	— Сауд ибн Фейсал.
С 15 августа по 15 октября 1871 г.	— Абдаллах ибн Турки.
С 15 октября 1871 г. по 15 января 1873 г.	— Абдаллах ибн Фейсал.
С 15 января 1873 г. по 26 января 1875 г.	— Сауд ибн Фейсал.
С 26 января 1875 г. по 28 января 1876 г.	— Абдуррахман ибн Фейсал.
С 28 января по 31 марта 1876 г.	— сыновья Сауда ибн Фейсала.
С 31 марта 1876 г.	— Абдаллах ибн Фейсал.

В 1878 г. произошло восстание против турок в Восточной провинции, по после первых успехов оно было разгромлено⁷¹.

В это время начались внутренние распри в Касиме. Соперничавшие кланы сражались в Бурайде и Анайзе. В события в Касиме вмешались одновременно и Саудида, и Рашидида. Соотношение сил сложилось в пользу шаммаров, и Абдаллах был вынужден признать преобладающее влияние Хаила в этой ключевой провинции⁷².

«Город Эр-Рияд с окрестностями — вот все, что осталось от ваххабитских владений, — писал Ч. Доути. — Он стал маленьким и слабым княжеством, таким, как Бурайда. Большой глинобитный город, который раньше был столицей Центральной Аравии, погружен в молчание. Его обширный гостевой зал покинут (глинобитный замок ваххабитского князя больше, чем замок в Хаиле), слуги Ибн Сауда покидают его угасающую звезду и уходят... наниматься к Мухаммеду ибн Рашиду. Никто из бедуинов не подчиняется ваххабитам. Большие поселения Восточного Неджда отослали обратно сборщиков налогов Абдаллаха»⁷³. Примерно то же сообщали Э. Блант⁷⁴ и Ш. Юбер⁷⁵.

В 1880 г. у четвертого из сыновей Фейсала — Абдуррахмана родился сын Абд аль-Азиз. Его матерью была Сарах — дочь Ахмеда Ааль Судайри⁷⁶. В возрасте семи лет Абд аль-Азиз получил учителя — риядского кади. Но мальчика больше интересовали игры с саблей и винтовкой, чем религиозные упражнения, хотя в возрасте одиннадцати лет он все-таки смог прочитать Коран. В четырнадцать лет, когда его отец уже жил в эмиграции в Кувейте, будущий король Саудовской Аравии начал более серьезное изучение богословия и других предметов под руководством Абдаллаха ибн Абд аль-Латыфа, который станет затем главным кади и муфтием Эр-Рияда. Месяцы, проведенные семьей Абдуррахмана в скитаниях среди племени ааль мурра, дали возможность молодому эмиру стать знатоком бедуинских обычаев и нравов, приемов и хитростей военных действий кочевников. Вместе с отцом или самостоятельно Абд аль-Азиз стал посещать маджлисы шейха Кувейта и знакомиться с хитросплетениями аравийской политики и судебными решениями эмира. Материальное положение Абдуррахмана ибн Фейсала в эмиграции было настолько жалким, что лишь с помощью друзей он смог женить своего старшего сына. В этих условиях вызревали честолюбивые мечты Абд аль-Азиза вернуть владения, славу и богатства дома Саудилов⁷⁷.

Джебель-Шаммар — наследник эмирата Саудилов. Один за другим оазисы, провинции и кочевые племена отпадали от Эр-Рияда и отдавались — или насильно, или добровольно — под покровительство Рашидилов и им же платили дань. Попытки Абдаллаха отвести тяжелую руку Рашидилов ни к чему не привели. Мухаммед Ааль Рашид играл с риядским эмиром, как кошка с мышкой, выжидая удобного момента для нанесения удара.

В Касиме разгорелось соперничество между прежним правящим домом Бурайды Ааль Улайянами и новыми правителями из семейства Муханны, которое поддерживал Хаиль. Расстановка сил была примерно такова: Эр-Рияд сотрудничал с Анайзой и опирался на поддержку атайба и мутайров, Хаиль поддерживал Бурайду и сотрудничал с племенем харб⁷⁸.

Б 1882 г. Эль-Маджмаа и вся провинция Судайр отказались подчиняться риядскому эмиру. Абдаллах собрал свои небольшие отряды и бедуинов атайба и двинулся на Эль-Маджмаа. Ее жители обратились к хаильскому эмиру за помощью. Мухаммед ибн Рашид продвинул войско вплоть до Бурайды, где к нему присоединились жители Касима, зависимого от Джебель-Шаммара. Сам факт приближения этих войск заставил Абдаллаха бежать в Эр-Рияд. Губернатор Эль-Маджмаа был назначен из Хаиля.

Тем временем сыновья Сауда ибн Фейсала попытались бросить вызов Мухаммеду Ааль Рашиду. Они собрали часть племен атайба, некоторых жителей из оазисов Арида, но были разгромлены⁷⁹.

Зима 1883/84 г. была дождливой, и долины зазеленели. Однако хотя стада стали тучнеть, жители Неджда, обескровленные набегами и грабежами, так и не почувствовали улучшения своей участи.

Абдаллах в январе 1884 г. снова попытался присоединить Эль-Маджмаа, но, покинутый бедуинами, был разбит. Оазисы и городки Вашма и Судайра подчинились Джебель-Шаммару. Уставшие от набегов и междоусобицы жители предпочитали сильную власть⁸⁰. Маленький эмират Абдаллаха буквально распался на части⁸¹.

В октябре 1887 г. дети Сауда ибн Фейсала захватили контроль в Эр-Рияде и Ариде и пленили риядского эмира. Он успел обратиться за помощью к правителю Хаиля, который не колеблясь сорвал созревший плод. Обращение Абдаллаха дало повод Мухаммеду Ааль Рашиду «спасти» его и тем самым распространить свою власть на все его владения. Он направился к Эр-Рияду с большим войском, и сыновья Сауда бежали в Эль-Хардж. Эмир Джебель-Шаммара освободил Абдаллаха из тюрьмы и увез его «для безопасности» в Хаиль, поставив одного из самых своих верных военачальников, беспощадного Салима Ааль Субхана, эмиром Эр-Рияда⁸².

Абд аль-Азиз, ставший впоследствии королем Саудовской Аравии, считал, что были три причины падения его дяди — эмира Абдаллаха: «Во-первых, сыновья его брата Сауда находились в Эль-Хардже и поднимали против него племена. Во-вторых, он поддерживал семью Ааль Улайянов, бывших эмиров Касима, в их борьбе против семейства Ааль Мухайны, обладавшего в то время реальной властью. Это вызывалось незнанием Абдаллахом обстановки... Становиться на сторону семейства, потерпевшего поражение, не было мудрой политикой. Так он ослабил свое влияние в Касиме. В-третьих, на сцене появился Мухаммед ибн Рашид, который стремился править Недждом; он связал себя с семьей Аба аль-Хайль... и все они объединились против Ааль Сауда»⁸³.

Второе государство Саудидов формально закончило свое существование в конце 1887 г.

В августе следующего года губернатор Эр-Рияда Салим Ааль Субхан смог настигнуть сыновей Сауда. Подлинные масштабы их сил показывает численность посланного против них шаммарского отряда — 35 человек. Три сына Сауда были убиты, четвертый погиб раньше, а пятый бежал в Хаиль, чтобы отдаться на милость Ибн Рашида. По другой версии, последний сын Сауда уже был в Хаиле почетным пленником⁸⁴.

Жители Эр-Рияда стали жаловаться на беспощадного губернатора, и Ибн Рашид сменил его в 1888-1889 г. на Ибн Рухайиса⁸⁵.

Осенью 1889 г. шаммары совершили набег на запад вплоть до Хиджаза. Когда Ибн Рашид вернулся в столицу, он обнаружил, что его гость, пленник Абдаллах ибн Фейсал, серьезно болен. Он разрешил ему отправиться в Эр-Рияд вместе с его братом Абдуррахманом ибн Фейсалом. Абдаллах вернулся в свою опустевшую столицу и умер в ноябре 1889 г.⁸⁶ 24 года назад, когда он занял престол, Риядский эмират простирался от

Джебель-Шаммара до внутренних областей Омана, от Персидского залива до Хиджаза и границ Йемена. Когда он умирал вассалом Хаиля, у него оставался лишь район Арида и номинальный суверенитет над Вашмом и Судайром. Не менее трети времени он был бездомным беженцем, в то время как другие правили распадавшимся государством. Г. Филби называл его «некомпетентным» правителем. Однако, скорее, сумма неблагоприятных обстоятельств, а не его личные слабости были решающими в гибели государства Саудидов⁸⁷.

Риядским эмиром стал Абдуррахман, хотя средний брат Мухаммед был еще жив. Мухаммед Ааль Рашид сменил своего наместника и вновь назначил в Эр-Рияд жестокого Салима Ааль Субхана, видимо для того, чтобы внимательно наблюдать за новым правителем. В 1890 г. Абдуррахман столкнулся с Салимом и поднял восстание. Войско Ибн Рашида осадило Эр-Рияд, но город к тому времени был сильно укреплен. Осада оказалась безрезультатной, и стороны заключили перемирие. Абдуррахман остался правителем Эр-Рияда и некоторых соседних областей практически и в качестве вассала Мухаммеда Ааль Рашида⁸⁸.

В этот момент жители Анайзы и Бурайды в Касиме, убедившись, что власть шаммаров над ними укрепляется, налоги растут, а привилегии уменьшаются, предпочли объединиться с Абдуррахманом против Джебель-Шаммара.

В конце 1890 г. была сформирована довольно широкая коалиция анти-рашидидских элементов из состава касимцев, Абдуррахмана и племени мутайр. Ибн Рашид собрал все свои силы, включая подразделения племени шаммар, а также их союзников — бедуинов зафнр, карб, мунтафик. Как писал А. Мусил, он «послал сорок гонцов па сорока верблюдицах, покрытых черными покрывалами, к различным шаммарским кланам, которые в это время стояли лагерями между Кербелой и Басрой. Черные покрывала должны были ясно показать всем подданным эмира Мухаммеда, что они будут покрыты черным позором, если немедленно не поспешат на помощь своему вождю»⁸⁹. Большая битва произошла в Касиме при Муляйде. С обеих сторон сражались многие тысячи человек. Возможно, это была самая большая битва со времени египетского завоевания.

Столкновения продолжались месяц без перевеса в ту или иную сторону. Однако по какой-то причине Абдуррахман не пришел на помощь своим союзникам и оставил их один на один с шаммарами. Наконец, в январе 1891 г. Мухаммед Ааль Рашид прибег к хитрости: он сделал вид, что отступает, а затем организовал внезапную контратаку, бросив против касимцев исрблужью кавалерию. За верблюдами последовала пехота. Верблужья кавалерия и конники одновременно ударили по флангам. Касимцы потеряли от 600 до 1200 человек, многие бежали в Кувейт, Ирак и Сирию⁹⁰. Примерно на десятилетие Ибн Рашид укрепился в качестве бесспорного правителя Центральной Аравии.

Когда Абдуррахман ибн Фейсал узнал о поражении своих союзников, он бежал в пустыню. После неудачной попытки вновь захватить Эр-Рияд и долгих скитаний его семья в 1893 г. осела в Кувейте под защитой его шейха Мухаммеда Ааль Сабаха. Османское правительство назначило Аб-дуррахману пенсию в 60 золотых лир в месяц⁹¹. Полнота власти в Эр-Рияде перешла к рабу Мухаммеда Ааль Рашида — Аджляну. Неджд был разбит на несколько провинций, подчиненных Джебель-Шаммару. Летописцы мало пишут об этом периоде, перечисляют лишь смерть известных лиц, мелкие административные назначения, которые делал Мухаммед Ааль Рашид, а также обычные зимние рейды против бедуинских племен⁹².

Правитель Джебель-Шаммара стал хозяином истощенной и разоренной страны, лишенной вдобавок выхода к морю. Все без исключения путешественники, посетившие Центральную Аравию во второй половине XIX в., писали о высыхающих садах и рощах финиковых пальм, занесенных песком колодцах, пришедших в упадок селениях. Ослабевшая государственная власть была не в состоянии защитить насаждения и посевы

от грабежей бедуинов. Тысячи людей бежали в Ирак или на побережье Персидского залива.

Страдала торговля. «Возьмем, — писал ар-Рейхани, — бахрейнского купца, который являлся торговать в Эль-Хасу. Как только он высаживался на берег в Эль-Укайре, он должен был платить дань аджманам. От Эль-Укайра до первых пальмовых рощ — пять миль, за которые он должен уплатить 50 риалов племени манасир. От пальм до Умм-эз-Зара — следующие пять миль, еще 50 риалов бану хаджир и так далее. Несмотря на это, многие его товары часто оказывались разграбленными»⁹³. Опасность перевозки грузов по торгово-караванным путям приводила к колебаниям цен, подрывала экономические связи, разоряла ремесленников и купцов, в особенности мелких торговцев, которые не могли организовать падежную охрану своих караванов.

В последнем десятилетии XIX в. лишь военная сила Мухаммеда Ааль Рашида препятствовала восстаниям. Но сразу после его смерти начались волнения, которые жестоко подавлял новый эмир Джебель-Шаммара — Абд аль-Азиз Ааль Рашид. Он беспощадно грабил и душил контрибуциями города и селения. Однако, увязнув в борьбе с Кувейтом, он оказался не в состоянии справиться с повсеместно нараставшей феодально-племенной междоусобицей и разорением оазисов бедуинами. «Все оседлые тосковали по твердой власти, которая могла бы защитить их имущество и жизнь»⁹⁴, — отмечал А. Мусил.

Оценивая обстановку в Центральной Аравии на рубеже XIX—XX вв., «ожно разделить вывод А. И. Першица: «Восстановление и развитие североаравийской и центральноаравийской экономики требовали ликвидации феодально-племенной анархии, обуздания бедуинских шейхов, создания прочного централизованного государства»⁹⁵.

Рашидиды на рубеже века. Летописец Халид аль-Фардж считал: «Политика Ааль Рашидов заключалась в формуле "разделяй и властвуй". Правители Хаиля опирались на нос племя шаммар, а это было одно из самых знаменитых племен, славившихся доблестью и мужеством своих бойцов... Они ухаживали за турками и потакали им, потому что и начало, и конец пути паломников из Ирака в священные города были в их руках, а шаммарский эмир зависел от доходов с паломников. Ибн Рашид признал сюзеренитет султана Абдул-Хамида. Высокая Порта считала его одним из самых преданных вассалов и видела в нем силу, которая покончила с Ааль Саудами, ликвидировав их эмират. Султан осыпал его подарками, наградами и оказывал ему помощь. В 1897 г. правитель Джебель-Шаммара умер бездетным»⁹⁶.

Ему наследовал его племянник Абд аль-Азиз ибн-Митаб, которому было около 30 лет. Мужественный воин и авантюрист, он легко поддавался гневу и был поспешным в решениях. Он лучше справлялся с саблей, чем с политикой, сначала действовал, потом думал⁹⁷. В течение десятилетия он потерял большую часть наследства, полученного от своего могущественного дяди. «Эмир сначала оставил у наших чиновников впечатление грубости и импульсивности; казалось, что он лишен благоразумия или рассудительности, а его администрация, особенно в отдаленных областях, была слишком сурова и подталкивала жителей против него, — писал Дж. Лоример. — Однако результаты последующего изучения изменили это мнение и показали, что он был в конце концов, скорее, жертвой неудачной судьбы, а не своего собственного безрассудства. Его мужество и искусство военного руководителя... никогда не ставились под вопрос»⁹⁸.

Эмират Джебель-Шаммар не смог сыграть роль устойчивого государственного объединения. Основанный на преобладании шаммаров, он рассматривался другими группами населения не как надплеменная общеаравийская власть, а как орудие господства одной племенной конфедерации над другими. Попадая в конце XIX в. во все большую зависимость от Османской империи, Джебель-Шаммар становился проводником турецкого влияния на полуострове, поэтому недовольство и возмущение аравийских арабов турецким правлением и политикой распространялись на хаильских эмиров. Великобритания, укрепляясь на побережье Персидского залива и препятствуя турецким

попыткам восстановить утраченные позиции, стала поддерживать соперников Джебель-Шаммара. Наконец, после смерти Мухаммеда Ааль Рашида правящая семья, погруженная в распри, не смогла выдвинуть ни одного правителя, равного по калибру будущему основателю Саудовской Аравии Абд аль-Азизу ибн Абдуррахману. Все эти факторы, на которые затем наложится участие в первой мировой войне на стороне турок, преопределили закат и падение могущественного эмирата.

Соперничество держав в бассейне Персидского залива на рубеже XX века и положение в Аравии. История первого и второго государств Саудидов достаточно ясно показала, насколько судьба Аравии переплелась с общим развитием обстановки в этом районе мира. Будущее тех или иных государственных образований Аравии определялось не только, а иногда и не столько соотношением сил в пустыне, но и решениями, принимавшимися в Лондоне, Стамбуле, Каире, Берлине, а также Петербурге и Париже.

Самая сильная колониальная держава конца XIX в. — Великобритания — после открытия Суэцкого канала в 1869 г. и захвата Египта в 1882 г. стремилась поставить весь Аравийский полуостров под свой прямой или косвенный контроль. Британская колониальная империя в Индии все крепче привязывала к себе султанат Маскат, княжества Договорного Омана, Катар и Бахрейн. Следующим на очереди был Кувейт, формально находившийся под османский сюзеренитетом.

Хотя теоретически Персидский залив был международным водным путем, фактически он стал английским озером. Через залив проходили имперские телеграфные коммуникации с Индией, а также с Австралией. Доля Великобритании и Британской Индии составляла в экспорте стран залива 40%, а в импорте — 63%. Почти все товары ввозились и вывозились отсюда на судах под британским флагом⁹⁹. Английский военно-морской флот господствовал в Персидском заливе и Индийском океане.

Главный британский представитель в зоне залива носил титул «политического резидента ее королевского величества в Персидском заливе и генерального консула в Фарсе и Хузистане» и был, по выражению вице-короля Индии Керзона, «некоронованным королем Персидского залива»¹⁰⁰. Его назначало правительство Индии, и он находился на службе у англо-индийской администрации. На арабской стороне залива Великобритания держала подчиненных ему политических агентов в Маскате, Кувейте и на Бахрейне. Политический резидент отвечал перед англо-индийским правительством, а как генеральный консул подчинялся английскому послу в Тегеране, который назначался Форин офисом. Британские глобальные интересы, выражавшиеся Форин офисом, нередко сталкивались с региональными интересами британских властей в Индии и так называемой «средневосточной группировки» в английском господствующем классе¹⁰¹. Однако по главным вопросам они были едины.

Британская политика в Персидском заливе ставила двуединую задачу: контролировать морские и другие коммуникации на пути в Индию и поддерживать «Рах Британника» («британский мир») в заливе, который подразумевал преобладание английских торговых интересов и недопущение туда других держав.

В конце XIX в. антагонизм великих держав и их колониальная экспансия распространились на бассейн Персидского залива. Особенно энергично место под солнцем искала кайзеровская Германия. Правительство Вильгельма II, объявившего себя «защитником ислама», все больше сближалось с султанским правительством и стало укреплять свои экономические, политические и военные позиции в Османской империи. С конца 80-х годов появилась идея строительства железной дороги Стамбул — Багдад с выходом к Персидскому заливу, чтобы проникнуть в этот район, минуя морские пути, на которых господствовала Великобритания. В 1899 г. немцы получили предварительную концессию на строительство железной дороги Стамбул — Багдад с выходом к Кувейту. Появилась опасность создания прямой стратегической магистрали Берлин — Персидский залив, что прямо угрожало английскому владычеству в Персидском заливе, Аравии и на всем Среднем Востоке. На западе Аравии немцы помогали туркам строить Хиджазскую

железную дорогу, которая соединила Дамаск с Мединой. Германская дипломатия подталкивала турок к укреплений их господства, зачастую номинального, на Аравийском полуострове.

Царская Россия, вступившая в союз с Францией, также рассматривалась Великобританией в конце XIX в. как опасный соперник в этом районе. В Петербурге серьезно обсуждался проект получения концессии на строительство железной дороги через Кавказ к Персидскому заливу. Были туманные предложения строительства русской железной дороги от средиземноморского побережья к Кувейту. Не случайно визиты российских и французских военных кораблей в порты Персидского залива с целью «показать флаг» и их попытки найти место для угольной станции были восприняты английскими властями в Индии как прямой вызов¹⁰².

Англо-французские противоречия разгорелись вокруг Маската, где французы в 1899 г. попытались создать угольную станцию. В 1903 г. состоялся совместный визит российских и французских кораблей в порты Персидского залива¹⁰³.

В конце XIX в. традиционная британская политика по отношению к Османской империи стала меняться. Раньше Лондон стремился сохранить ее целостность, надеясь подчинить империю целиком и использовать в борьбе с Россией. Но постепенно центр тяжести английских интересов в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке перешел от Константинополя к Египту и Месопотамии. Не последнюю роль в изменении политики играл рост германского влияния в Османской империи. Солсбери, вновь ставший премьер-министром Великобритании а 1895 г., начал поговаривать о разделе Османской империи. Подразумевалось, что Аравия и бассейн Тигра и Евфрата, как и Египет и Судан, должны стать зоной британского господства. В контексте этих планов Лондон считал сохранение контроля над Персидским заливом одной из важнейших задач.

В мае 1903 г. министр иностранных дел Лэнсдаун заявил в палате лордов: «Я говорю без колебаний, что мы должны рассматривать создание военно-морской базы в виде укрепленного порта в Персидском заливе какой-либо другой державой как очень серьезную угрозу английским интересам. И мы, несомненно, должны сопротивляться этому всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении»¹⁰⁴. В 1903 г. британская флотилия под флагом вице-короля Индии Керзона посетила порты Персидского залива. Это был самый большой иностранный флот в водах залива со времени появления эскадры Альбукерки в 1515 г. В своих речах Керзон защищал английские интересы в стиле, характерном для колониальной эпохи «бремена белого человека».

Хотя упадок Османской империи на рубеже веков продолжался, ее позиции в Аравии несколько окрепли за счет усиления и улучшения армии и развития коммуникаций. После англичан турки оставались важнейшим фактором в аравийских делах.

Открытие Суэцкого канала существенно изменило положение турок в Западной Аравии. Если раньше туда приходили уставшие колонны солдат после долгого марша через пустыню и сама их пересылка обходилась дорого, то теперь их стали направлять морем, через Суэцкий канал. В 70-х годах XIX в. турки вновь смогли завоевать Йемен и Асир¹⁰⁵.

Турки, жившие в Хиджазе, находились под юрисдикцией османского губернатора и турецких судей, а арабы подчинялись шерифу. Естественно, губернатор и шериф постоянно конфликтовали. Отношения между джиддинским лашой и правителем Мекки, которым с 1882 г. стал Аун ар-Рашид, в 80-е годы обострились. Паша начал общественные работы, улучшил водоснабжение Джидды, перестроив акведук Зубайда, построив новое здание губернаторства, казармы и караульные помещения. Все это происходило на территории, формально находившейся под юрисдикцией шерифа. Османский губернатор разрешил Ауну выполнять судебные функции лишь по вопросам, связанным с его кланом, кочевниками и лицами нетурецкой крови, которые родились в самой Мекке. Турки начали контролировать караванные пути и совершать экспедиции против племени харб без

согласия шерифа. Уменьшились и доходы от таможенных сборов. Недовольство пашой приняло столь широкие масштабы, что шериф и часть ведущих членов его семьи вместе со знатными гражданами и купцами города, муфтием шафиитов и другими улемами уехали в знак протеста в Медину и добились у султана смещения губернатора¹⁰⁶.

Новый губернатор, Джемаль-паша, вел себя гораздо более осторожно, чем прежний. Влияние шерифа несколько возросло, но столкновения между шерифом и пашой продолжались. Отношение арабов к туркам ухудшалось. После смерти Ауна в 1905 г. шерифом стал Али, турецкая марионетка. В 1908 г. произошла младотурецкая революция, и паша был снят как сторонник прежнего режима. После некоторого периода неопределенности осенью 1908 г. шерифом Мекки был назначен будущий лидер арабского восстания Хуссейн ибн Али, который жил почетным пленником в Стамбуле с 1893 г. с тремя сыновьями — Али, Абдаллахом и Фейсалом¹⁰⁷.

В том же 1908 г. в Хиджазе произошло важное событие — была открыта железная дорога от Мекки до Медины. Ее постройка резко улучшила военно-стратегические позиции турок в Западной Аравии.

Однако на востоке Аравийского полуострова Османской империи не удалось укрепить своих позиций как в результате противодействия Великобритании, так и вследствие роста антитурецких настроений аравийских арабов.

Кувейт, который в конце XIX в. стал главным портом внутренней Аравии и процветающим торговым центром, стремился ослабить свою и так уже формальную зависимость от турок. Шейх Кувейта Мухаммед Ааль Сабах стал активно вмешиваться во внутриаравийскую борьбу, где для него реальную опасность представлял османский вассал — Джебель-Шаммар, и поэтому он оказывал покровительство претенденту на риядский престол Абдуррахману ибн Фейсалу. Эмир, бежавший из Эр-Рияда, поддерживал связи с оазисами и племенами Центральной Аравии, поощряя там антишаммарские настроения и не теряя надежды на возвращение.

В 1896 г. Мухаммед Ааль Сабах и его брат были убиты третьим, братом Мубараком, который стал шейхом города и окрестных племен¹⁰⁸. Новый правитель Кувейта в течение двух десятков лет оказывал немалое воздействие на события в Аравии.

Определенным фактором в центральноаравийской политике был могущественное племя мунтафик во главе с аристократическим кланом Ааль Саадунов в Южном Ираке. Но они рассматривали пустыню лишь объект обычных грабительских набегов и не претендовали на создание своего государственного образования.

В то время британское правительство было озабочено германскими планами вернуть Кувейт под прямой османский контроль и обеспечить выход к морю железной дороги Берлин — Багдад¹⁰⁹. В 1897 г. турки попытались захватить Кувейт и выслать шейха Мубарака в Стамбул. Однако он расстроил их планы, подкупив османских чиновников в Басре и Багдаде, которые донесли Высокой Порте о «нецелесообразности» смены шейха в Кувейте. В следующем году турки послали к шейху делегацию из чиновников и вельмож Басры на одном из старых военных кораблей, чтобы пригласить его в Стамбул в качестве члена совещательного совета при султани. Понимая, что из Стамбула его не отпустят, Мубарак прибег к защите англичан, с которыми раньше избегал слишком тесно сотрудничать. Они навязали ему секретный договор о фактическом протекторате, подписанный 23 января 1899 г. Шейх, в частности, обязался не уступать концессий никому, кроме Великобритании¹¹⁰. Германская миссия, прибывшая в Кувейт в следующем году, чтобы добиться права вывести сюда Багдадскую железную дорогу, вернулась ни с чем¹¹¹.

Осенью 1898 г. Абд аль-Азиз Ааль Рашид, новый правитель Хаиля, посетил Неджд. Местная знать и улемы выразили знаки преданности новому суверену, хотя недовольство властью шаммаров росло. После этого он совершил рейд против племени давасир и вернулся с добычей. В следующем году эмир Хаиля появился в Кувейте, где он разгромил местные силы и их союзников мунтафиков и преследовал их вплоть до самого Евфрата¹¹².

Хаильский эмират как верный турецкий вассал стал вызывать озабоченность англичан, а стремление ослабить его было одной из задач британской политики на полуострове, хотя это не исключало в отдельных случаях использование англичанами Хаиля в своих интересах. Они стали поддерживать аравийских противников турок и Джебель-Шаммара, что оказало важное, если не решающее, воздействие на успешное возвращение семейства Саудидов к власти в Неджде.

Глава IX ВОЗРОЖДЕНИЕ РИЯДСКОГО ЭМИРАТА В НАЧАЛЕ XX в. (1902 - 1914)

К началу XX в. в Аравии вновь сложилась благоприятная обстановка для возрождения Риядского эмирата. Власть Хаиля держалась на военном могуществе племени шаммар и их союзников и на помощи турок, но пользовалась все меньшей поддержкой недждийского населения. Великобритания стала вмешиваться в аравийские дела, стремясь ослабить зависимость местных княжеств от Порты и поставить их в конечном счете под свой протекторат. Поэтому она все чаще поддерживала противников Джебель-Шаммара. Семья Саудидов, обосновавшаяся в Кувейте, стала естественным центром притяжения для всех недждийцев, недовольных правлением Рашидидов.

Захват Эр-Рияда Абд аль-Азизом и установление контроля над соседними провинциями. Осенью 1900 г. Абдуррахман ибн Фейсал возглавил успешный набег на одно из подразделений кахтанов и проник до провинции Судайр. Вернувшись в Кувейт, он стал готовить более серьезные и крупномасштабные военные экспедиции в Неджд¹.

Опасность вновь попасть в прямую зависимость от турецких властей подталкивала шейха Кувейта Мубарака на активизацию действий против Джебель-Шаммара². На основе общей политики, направленной против Рашидидов, шейх Кувейта объединил силы с вождем мунтафиков Саадун-пашой³.

В конце 1900 — начале 1901 г. правитель Кувейта собрал войско из жителей города и бедуинов и направился в Касим. К нему присоединились Абдуррахман и некоторые другие саудовские принцы, под знамена которых встали несколько подразделений племен аджмаи и мутайр⁴. «Кувейтская армия имела успех, и ей удалось захватить самый Риад, откуда победоносный Мубарак двинулся на Хаиль, столицу ибн Рашидов», — писал российский консул в Басре А. Адамов⁵. Мубарак, видимо, преувеличил свои первоначальные успехи в хвастливых реляциях. Шаммарский эмир Абд аль-Азиз ибн Митаб смог получить дополнительное оружие от турок, мобилизовал все свои силы⁶ и недалеко от оазиса Эс-Сариф в феврале — марте 1901 г. разгромил кувейтцев и их союзников⁷.

В этот момент сын Абдуррахмана — Абд аль-Азиз попытался захватить цитадель в столице предков Эр-Рияде. Его отряду вместе с кувейтцами удалось ворваться в город, но шаммарский губернатор Аджлян ибн Мухаммед засел в крепости Эль-Мисмак и успешно выдержал осаду. Узнав об итогах сражения при Эс-Сарифе, Абд аль-Азиз поспешно бежал в Кувейт. Однако он убедился, что жители столицы возмущены гнетом шаммаров и их симпатии принадлежат дому Саудидов⁸.

Действия Кувейта и его союзников прямо или косвенно поощрялись Великобританией. По мнению А. Адамова, за спиной Мубараха стояла Англия, заинтересованная в ослаблении Джебель-Шаммара. Шейх Кувейта закупал на Бахрейне большие партии английских винтовок «мартини»⁹.

Ибн Митаб отметил свою победу расправой над жителями Бурайды и других городов Касима за их симпатии к кувейтцам и Саудидам, а затем послал жестокого военачальника Салима ибн Субхана, чтобы преподать такой же урок Эр-Рияду¹⁰.

Турецкие власти в Ираке стали сосредоточивать военные силы, чтобы нанести удар по Кувейту под предлогом «наведения порядка», но не решились это сделать, опасаясь конфликта с англичанами ¹¹. В результате сложной борьбы турецкой дипломатии при поддержке Берлина удалось в сентябре 1901 г. добиться соглашения о сохранении статус-кво в Кувейте и предотвратить оккупацию шейхства британскими войсками ¹². Россия, как гласила секретная инструкция консулу в Басре А. Адамову, в начале века также стремилась к сохранению статус-кво в бассейне Персидского залива ¹³.

Правитель Хаиля, договорившись с турками, напал на Кувейт, ослабленный после поражения при Эс-Сарифе. Ибн Митаб осадил Эль-Джахру — селение на берегу залива. Однако англичане послали военный корабль, который обстрелял лагерь шаммаров. В княжество стали перебрасывать английское оружие, а в Стамбуле британский поверенный в делах протестовал на встрече с султаном против действий шаммаров. После двух-трех недель безнадежной осады Ибн Митаб по распоряжению султана отошел в Хаиль. Его успехи оказались кратковременными, и инициатива перешла к его противникам ¹⁴.

Кувейтцы и их союзники — саудовские принцы — решили снова нанести удар по шаммарам в Центральной Аравии. Абд аль-Азиз уговорил отца дать ему возможность еще раз попытать счастья в Эр-Рияде. Он отправился в поход, имея, по большинству источников, всего лишь 40 бойцов, среди которых были его брат Мухаммед ибн Абдуррахман и двоюродный брат Абдаллах ибн Джилуви. В ноябре — декабре 1901 г., в самый разгар кувейтского кризиса, в который оказались вовлеченными Лондон, Стамбул, Берлин и Петербург, они направились через Эль-Хасу на юг, к Руб-эль-Хали. По пути этот отряд привлекал на свою сторону воинов из племен аджман, ааль мурра, субай и сухуль, превратившись в войско в несколько тысяч человек. С этим войском Абд аль-Азиз совершал набеги на враждебные племена и те селения Неджда, которые оставались преданными Рашидидам.

Когда Ибн Митаб получил сведения о его действиях, он направил в Багдад и Басру письма османским властям с просьбой удалить Абд аль-Азиза с территории Эль-Хасы. Узнав об этом и опасаясь турок, бедуины покинули молодого эмира, и он остался с прежней группой примерно в сорок последователей. Предполагая, что действия сына превращаются в опасную авантюру, Абдуррахман потребовал, чтобы он вернулся в Кувейт и отказался от плана захватить Эр-Рияд. Турецкие власти в Эль-Хасе заставили его отряд покинуть провинцию. Месяц рамадан, который пришелся на декабрь 1901 — январь 1902 г., Абд аль-Азиз провел в оазисе Ябрин ¹⁵.

Ибн Митаб, видимо, не стал придавать особого значения вылазкам эмира, и это обстоятельство сыграло тому на руку. Несмотря на запрет отца, Абд аль-Азиз решил рискнуть еще раз, и 12 января 1902 г. появился в окрестностях прежней столицы Саудилов.

Отдохнув в небольшом оазисе, он оставил в нем группу своих людей с верблюдами и лошадьми, приказав им уходить, если он к утру не вернется. Остальные направились к стенам города. Темной ночью воины во главе с Абд аль-Азизом перелезли через стену в районе ворот Шамсия, оставив в резерве десятков бойцов, и пробрались к своему стороннику Джувайсиру, который жил рядом с домом шаммарского губернатора Аджляна ибн Мухаммеда. Аджлян был женат на одной из жительниц Эр-Рияда и посещал ее днем, но ночи предпочитал проводить вместе с гарнизоном, насчитывавший примерно 80 человек, в цитадели Эль-Мисмак. Джувайсир накормил Абд аль-Азиза и его бойцов, а затем они проникли в дом, где находилась жена Аджляна. Самого губернатора там не нашли, но его жену и родственницу заперли в одной из комнат. Абд аль-Азиз послал за своим братом Мухаммедом и его десятью воинами, оставленными за городом. Весь отряд собрался в доме. Жена Аджляна сказала, что губернатор мог прийти к ней после утренней молитвы, и они решили ждать. Напряжение в маленькой группе воинов, которые уже явно чувствовали авантюризм своих действий, достигло предела.

Наступило утро 15 января 1902 г. Наконец Аджлян с небольшой охраной появился из дверей крепости. Абд аль-Азиз и его воины открыли огонь и бросились на губернатора. Шаммары попытались бежать. Лишь в самый последний момент Абдаллах ибн Джиллови убил губернатора у ворот крепости. До недавнего времени эти ворота, в которых застряло острие копья Абд аль-Азиза, и стена, на которой якобы сохранилась кровь Аджяна, были популярной туристской достопримечательностью в Эр-Рияде.

Воспользовавшись элементом внезапности, воины Абд аль-Азиза расправились с шаммарским гарнизоном, находившимся в крепости, а затем перебили тех, кто был в городе. Два десятка шаммаров, запершихся в цитадели, были отпущены под честное слово. Молодой эмир потерял только двух человек убитыми и трех ранеными. Его неожиданная блестящая удача, естественно, захватила воображение жителей Неджда и впоследствии была воспета в многочисленных легендах и касыдах¹⁶.

Риядцы принесли присягу верности Абд аль-Азизу, который немедленно стал укреплять стены столицы. Когда Ибн Митаб узнал о падении Эр-Рияда, он пришел в ярость и поклялся отомстить своим традиционным врагам. Из низовьев Евфрата он откочевал в Хаиль, чтобы собрать войско и направиться к Эр-Рияду, но приготовления затянулись на несколько месяцев¹⁷.

Тем временем к Абд аль-Азизу подошли подкрепления, посланные из Кувейта, — 70 бойцов во главе с его другим братом — Саадом. До прихода шаммаров молодой эмир успел провести поход на юг, завоевать Эль-Хардж, а также совершить рейд на бедуинов кахтан в Эль-Маджмаа.

В мае 1902 г. в Эр-Рияд прибыл его отец Абдуррахман. По общему мнению историков, арабских и европейских, отец и сын хорошо понимали друг друга, и их доверительные отношения помогли устойчивости нового государства. Пожилой эмир, видимо, реально оценивал способности своего сына. Когда Абд аль-Азиз собрал улемов и знатных риядцев и потребовал от них принести присягу верности своему отцу, Абдуррахман отказался от этой чести и объявил эмиром сына, который и стал правителем в возрасте двадцати двух лет. Отец остался его главным советником и имамом на молитве¹⁸.

Дерзким захватом Эр-Рияда Абд аль-Азиз доказал, что обладает качествами шейха и эмира: мужеством, умением руководить и удачливостью. Как доказали последующие события. Абд аль-Азиз был, несомненно, выдающейся фигурой. На этом сходятся все без исключения историки и путешественники, как европейские, так и арабские. Абд аль-Азиз закалился в изгнании, хорошо изучил нравы, обычаи, сильные и слабые стороны бедуинов, умел ими манипулировать. Вместе с тем он понимал, что опираться ему придется главным образом на оседлых жителей Неджда, и поэтому оказывал им постоянное внимание. Сознывая силу религии, он с самого начала установил хорошие отношения с улемами и использовал их для усиления центральной власти.

В европейской и частично арабской литературе основатель современной Саудовской Аравии известен под своим родовым именем Ибн Сауд. Поэтому будем и мы иногда использовать его.

Английская арабистка Гертруда Белл в книге «Арабская война» оставила литературный портрет Абд аль-Азиза, хотя и относящийся к более позднему периоду: «У него были тонкие руки с нежными пальцами — черта, распространенная среди племен чисто арабской крови. Несмотря на высокий рост и широкие плечи, он производил впечатление усталого человека, но это была неопределенная усталость, не индивидуальная, а расовая. Это была усталость древнего необщительного народа, который так сильно напрягал свои жизненные силы и так мало энергии черпал за пределами своих непреодолимых границ. Его неторопливые движения, его медленная приятная улыбка, его глаза, смотрящие с раздумьем из-под тяжелых век, — все это добавляло к его достоинству еще и очарование, но не согласовывалось с западной концепцией активной личности. Тем не менее рассказы о нем говорят о его физической

выносливости, редкой даже в Аравии с ее тяжелыми условиями»¹⁹. Оставив на совести арабистки британской колониальной школы выражение «расовая усталость», отметим ее в целом очень высокую оценку личности риядского эмира.

Воспользовавшись передышкой, предоставленной ему шаммарами, Абд аль-Азиз наносил удары по всем направлениям, стремясь собрать вокруг Эр-Рида хотя бы минимум земель, чтобы иметь необходимый военный и экономический потенциал для продолжения войны.

За это время события в Аравии снова привлекли внимание не только Стамбула, но и Лондона, Берлина, Петербурга. Германская дипломатия оказывала наем на султана, стремясь обеспечить надежный выход Багдадской магистрали к Персидскому заливу. Правитель Хаила, пытавшийся вернуть себе контроль над Южным Недждом, был уверен в турецкой поддержке. Но за спиной его противников кувейтцев, а на практике и Саудидов, стояла Великобритания²⁰.

Лишь в июле — августе 1902 г. эмир Джебель-Шаммара выступил против Эр-Рида, совершая по пути набеги на недружественные ему племена и оазисы. Тот факт, что в числе объектов его нападений оказались оазисы Вашма, Махмаля и Касима, свидетельствует, что жители этих районов были настроены против него²¹.

Ибн Сауд начал собирать ополчение из горожан Арида и бедуинов давасир, ааль мурра и шамир. Взять с ходу хорошо укрепленный Эр-Рид шаммары уже не могли, поэтому Ибн Митаб предпочел не штурмовать город, а перерезать пути снабжения Абд аль-Азиза из Кувейта. Узнав об этом, эмир оставил в городе своего отца Абдурахмана с гарнизоном, а сам ускользнул с небольшим отрядом в Эль-Хардж. Шаммары последовали за ним, но в своем продвижении должны были с боем брать укрепленные города-оазисы, присоединившиеся к Саудидам. Наконец, под городом Диламом Абд аль-Азиз, собрав примерно две тысячи человек и опираясь на свой гарнизон, осажденный в Диламе, смог нанести удар по войску Ибн Митаба. В это время основная часть шаммаров рассыпалась по Эль-Харджу, чтобы грабить, рубить пальмы и пасти лошадей и верблюдов, и правитель Хайл я не смог воспользоваться своим численным преимуществом. Столкновения и стычки между двумя сторонами продолжались с сентября до ноября 1902 г., но дело в пользу Абд аль-Азиза окончательно решила эпидемия, распространившаяся среди шаммаров. Ибн Митаб вынужден был отойти к северу²². Ибн Сауд получил новую передышку, чтобы консолидировать ядро будущего государства. Вернувшись из неудачного похода на Эр-Рид, Ибн Митаб стал совершать новые набеги. По-прежнему считая Мубарака, правителя Кувейта, своим главным противником, он решил нанести по нему удар. На этот раз на помощь кувейтцам в январе — феврале 1903 г. вышел Абд аль-Азиз с войском в несколько тысяч человек. Кувейтцы во главе с Джабиром, недждийцы во главе с Ибн Саудом и присоединившиеся к ним подразделения племен аджман, ааль мурра, субай, сухуль, бану хаджир, бану халид и авазим напали на бедуинов мутайр, которые были верны Рашидидам. Арабские источники говорят, что у союзников якобы было около 10—15 тыс. бойцов, включая 500 кавалеристов. Эти цифры кажутся преувеличенными. Один из вождей мутайров, Амаш Ааль Давиш, и его сын погибли в сражении²³. Насколько неясным был исход сражения, показывает донесение российского консула в Басре, сообщавшего о поражении кувейтско-недждийских союзников от рук мутайров²⁴.

В этот момент Абдурахман ибн Фейсал посетил Кувейт, где встречался с российским консулом в Бушире²⁵. Но это было предпринято скорее для шантажа англичан, чтобы заставить их оказать помощь риядскому эмиру, а не для установления реальных политических связей с Россией. Весной 1903 г. шаммары снова попытались взять Эр-Рид, но были отбиты его гарнизоном во главе с Абдурахманом, отцом Абд аль-Азиза. Последующие стычки развивались неблагоприятно для шаммаров, а когда они узнали, что Абд аль-Азиз продвинулся уже в Касим, то сняли осаду Эр-Рида и направились на север²⁶. Больше Ибн Митаб под стенами столицы Саудидов не появлялся.

Первые успехи Абд аль-Азиза означали восстановление ядра Риядского эмирата при активной поддержке кувейтцев и косвенной — англичан.

Продвижение в Касим. В январе 1903 г. представитель Ибн Сауда встретился с британским политическим агентом на Бахрейне и попросил воспрепятствовать высадке турецких войск в случае захвата риядским эмиром Эль-Хасы. Конкретного ответа не последовало, но англо-индийская администрация все более благожелательно наблюдала за деятельностью Абд аль-Азиза²⁷. При ее благословении укреплялся союз кувейтского правителя Мубарака, риядского — Абд аль-Азиза и шейха мунтафиков Саадуну против Джебель-Шаммара. В марте они провели совещание в Кувейте и договорились о совместных действиях²⁸.

Весной 1903 г. между отрядами Саудилов и Рашидилов происходили мелкие стычки в районе Вашма. В мае 1903 г. Ибн Митаб отошел в Касим, а Абд аль-Азиз прибыл из Кувейта со своим отрядом. Ибн Джилуви осадил шаммарский гарнизон в Тармиде и примерно через полмесяца смог захватить оазис, жестоко расправившись с теми, кто сопротивлялся. Летом и осенью 1903 г. между противниками происходили столкновения за провинцию Судайр. Из рук шаммаров все более ускользал контроль над районами южнее Касима²⁹.

Тем временем в международной обстановке произошли серьезные изменения — Великобритания активизировала свое наступление в бассейне Персидского залива против германских и российских конкурентов. В ноябре — декабре 1903 г. вице-король Индии Керзон в сопровождении военной эскадры с большой помпой посетил страны Персидского залива. Недждийско-шаммарская война была частью борьбы великих держав за влияние в бассейне Персидского залива. В Стамбуле стали понимать, что нависла угроза над значительной частью османских владений в Аравии³⁰.

Правитель Хайла настойчиво добивался турецкой помощи и в начале 1904 г. направился в Ирак, чтобы собрать подкрепление из шаммарских племен и получить оружие³¹. Риядекий эмир со своим войском быстро продвинулся в Касим. Примерно в марте 1904 г. отряд, посланный им, ворвался в Анайзу, где на главном базаре был убит шаммарский военачальник Фухайд ибн Субхан³².

Но город еще не был взят. В сражении, которое произошло вблизи Анайзы, Абд аль-Азиз разгромил войско шаммаров, во главе которого стоял Маджд ибн Хамуд³³. На стороне шаммаров в бою участвовали двоюродные племянники Абд аль-Азиза, внуки претендента на риядский престол Сауда ибн Фейсала, брата его отца. Их узнали и назвали «араиф» — «опознанными». Это слово бедуины применяют к своим верблюдам, захваченным противниками и возвращенным в контррейде. С великодушием, которое было для него традиционным, а точнее, с большой гибкостью и умением смотреть в будущее и обезоруживать ставших безопасными врагов Ибн Сауд простил своих родичей без условий и предложил им или остаться с ним, или присоединиться к Рашидидам. В тот момент они приняли его предложение примирения, гостеприимства и сотрудничества, но через некоторое время вновь стали одними из его самых опасных противников³⁴.

Эмиром Анайзы Ибн Сауд назначил члена одной из знатных семей, которые вернулись из ссылки в Кувейте со своими вооруженными последователями, Абд аль-Азиза Ааль Сулай-ма. Он стал сводить счеты со своими противниками, не забывая укреплять стены города³⁵.

Вскоре после взятия Анайзы Абд аль-Азиз направил письмо шейху Кувейта Мубараку, описывая падение города. Письмо попало затем в руки англичан и оказалось в архивах британской Форин оффис. «...С помощью Аллаха и с твоим содействием мы остановили наших верблюдов около Ушайзии на рассвете. Мы остановились там, мы и жители Касима, которые были с нами целый день. Жители Анайзы, которые были вместе с нами, направили людей к своим друзьям, чтобы объявить о нашем приходе. Когда было 4 часа ночи, мы поднялись и пошли в Анайзу... Совершив утреннюю молитву, мы послали против них Абдаллаха ибн Джилуви с сотней воинов из Эр-Рияда. Затем мы двинулись

против Маджида, и когда он увидел наших кавалеристов, Аллах отвел свою руку от них и помог нам против них. Мы сломили их и убили из них 370 человек. Аллах вернул нам наших родственников из семьи Ааль Саудов, которые были пленниками в их руках... Благодаря всемогущему Аллаху с нашей стороны были убиты лишь два бедуина. Затем мы вернулись в селения наших друзей. Они захватили замок и наложили руки на семью Яхьи и других с ними, и убили их, и опустошили дома семейства Бассамов. Клянусь Аллахом, с Маджидом ушло только 15 верблюдов и 7 лошадей. Все остальное их войско и снаряжение мы захватили как трофеи с помощью Аллаха. Наше намерение — с благословения Аллаха быстро направиться к Бурайде, если желает Аллах»³⁶.

После падения Анайзы жители Бурайды направили делегацию к Ибн Сауду с просьбой разрешить им атаковать крепость в их собственном городе, которую удерживал гарнизон шаммаров. Захват Анайзы убедил бурайдитов, что события в тот момент развивались в пользу риядского эмира. Кроме того, семья Ааль Муханна (один из ведущих кланов Бурайды, находившийся ранее в изгнании в Кувейте) прибыла в Анайзу с небольшим отрядом, ожидая возможности вернуться к власти³⁷.

Дорога на Бурайду была открыта, и Ибн Сауд направил в город отряд во главе с Салихом Ааль Муханна Аба аль-Хайлем. Когда Абд аль-Азиз въехал в Бурайду, ее жители принесли ему присягу верности. Однако шаммарский гарнизон из 150 человек заперся в цитадели, надеясь выдержать осаду до подхода подкрепления. Осада, перестрелки и небольшие бои продолжались около двух месяцев. Наконец, риядцы заложили мину под стену крепости и взрывом повредили ее. Измученные страшной жарой и нехваткой припасов, шаммары сдали цитадель в июне 1904 г., получив согласие Ибн Сауда пропустить их всех с оружием в Хаиль³⁸.

Со взятием Анайзы и Бурайды Абд аль-Азиз распространил свой контроль от Эр-Рияда до Касима через Вашм. Однако Ибн Митаб смог убедить турок оказать ему более действенную поддержку. Сначала османские власти не доверяли его призывам о помощи, так как предполагали, что это обычное вымогательство вассала, требующего больше денег, оружия, подкреплений. Но когда узнали, что Абд аль-Азиз присоединил к своему эмирату Касим, то забеспокоились. Турецкий отряд — примерно 2 тыс. солдат с 6 орудиями — под командованием полковника Хасана Шукри был направлен в Неджд³⁹.

В июне 1904 г. Ибн Митаб разбил лагерь примерно на полдороге между Хаилем и Бурайдпй под Кусейбой, где встретил отпущенный из города шаммарский гарнизон⁴⁰.

Перед решающими военными действиями Хасан Шукри послал Абд аль-Азизу письмо, пока тот еще находился в Анайзе, и предупредил о тяжелых последствиях военных действий против правителя Хаиля. «Его величество великий халиф узнал о смуте в стране Неджд и о том, что этой смутой водила иностранная рука, — писал турецкий полковник. — По этой причине он послал меня к вам, чтобы помешать кровопролитию и иностранному вмешательству в страну мусульман». Далее автор письма сетовал на сотрудничество Абд аль-Азиза с Мубараком, который объединился с Британией — иностранной и «гяурской державой». Напыщенным тоном он предлагал Абд аль-Азизу излагать свои жалобы османским властям, а не Мубараку, находившемуся в состоянии мятежа против халифа. Шукри указывал, что он является союзником не только Рашидпдов, но всех, кто ищет помощи и поддержки Османской империи, и отмечал, что, сел и Ибн Сауд также хочет этой помощи, он может пользоваться тем же благоволением османского правительства, что и Рашидиды⁴¹.

Риядский правитель был обеспокоен, но держался твердо. «Мы не принимаем от вас совета и не признаем вашего сюзеренитета, — писал он в ответном послании. — Для тебя было бы лучше покинуть эти края, если ты не хочешь кровопролития. Если ты совершишь на нас нападение, то, несомненно, мы будем обращаться с тобой как с агрессором... Если бы ты был свободным и объективным человеком, ты бы заметил, что причина моего неповиновения — отсутствие доверия к вам». Далее Абд аль-Азиз ссылаясь на положение в Йемене, Басре и Хиджазе и на поведение там турок для

объяснения своих действий. Он напоминал о грабеже паломников властями Хнджаза на виду у Каабы. В заключение письма эмир предупредил полковника, что сел и турки двинутся в район, находящийся под его властью, то он «будет считать их агрессорами и соответствующим образом поступит с ними»⁴².

Летом 1904 г. молодой правитель Эр-Рияда попытался опереться в борьбе с турками и их вассалом на англичан и установил контакты с майором П. Коксом, который недавно стал британским политическим резидентом в Персидском заливе. До этого Кокс был помощником политического резидента в Сомали с 1892 по 1901 г. и консулом в Маскате с 1901 по 1904 г. Ему предстояло сыграть важную роль в англо-саудовских отношениях вплоть до своего выхода в отставку в 1923 г. Под его руководством работали известные арабисты А. Уилсон, Г. Белл и Г. Филби.

Это были представители поколения британских колонизаторов чиновников, разведчиков, военных, певцом которого стал Киплинг. С большей или меньшей долей искренности они считали, что несут: «бремя белого человека», защищая британские колониальные интересы, но многие из них проводили глубокие исследования и, в частности, хорошо знали аравийские дела. П. Кокс первым оценил Абд аль-Азиза по достоинству и предложил колониальным властям в Индии расширить с ним связи. Но тогда с его мнением не согласились⁴³.

Появление турецких войск в Неджде Великобритания восприняла как нарушение соглашения 1901 г. о статус-кво. Лондон направил Порте энергичный протест⁴⁴.

Османские власти и Ибн Митаб, видя, что уговорить Абд аль-Азиза подчиниться их требованиям не удастся, решили открыть военные действия. У турок было примерно две тысячи пехотинцев, или восемь батальонов (по другим данным—11 батальонов) регулярных войск, шесть легких орудий, большое количество денег, снаряжение, оружие и продовольствие. К войску правителя Джебель-Шаммара кроме шаммаров присоединились подразделения племен хитайм и харб, а также горожане из Хаиля. Абд аль-Азиз, узнав о приближении противника, решил встретить его в открытом поле. Из Бурайды на запад вышло его войско, составленное из жителей Эр-Рияда, Касима, Эль-Харджа и членов племени мутайр. Так складывалась обстановка перед сражениями при Эль-Букайрии и Шунане, которые были столь же важны для определения будущего Центральной Аравии, как взятие Абд аль-Азизом Эр-Рияда⁴⁵.

Борьба за Касим с турками и шаммарами (1904—1906). Битва при Эль-Букайрии была не одним решительным сражением, а серией больших и малых стычек. Битва произошла примерно в середине июля 1904 г. Аравийские источники утверждают, что погибло от тысячи до полутора тысяч османских регулярных войск, 300—500 воинов из Хаиля, а саудовское войско потеряли около тысячи человек. Видимо, эти цифры очень преувеличены и во всяком случае включают потери от эпидемии, жары и болезней. Свидетелем этой битвы был летописец Дари ибн Фухайд ибн Рашид, который утверждал, что Ибн Митаб потерял сто, а Абд аль-Азиз двести воинов⁴⁶. Таким образом, масштабы столкновений и борьбы выросли, потому что при взятии Эр-Рияда погибли всего лишь несколько человек. В этой битве Абд аль-Азиз едва не расстался с жизнью, получив тяжелое ранение⁴⁷.

Первые мелкие стычки в середине июля кончились для Ион Сауда неудачно, и он вынужден был отступить, видимо, в беспорядке. Но отступление в беспорядке в условиях пустыни отнюдь не означает конца военных действий. И действительно, в то время как войско Рашидидов и турецкие пехотинцы занялись грабежом и преследованием бегущего войска Абд аль-Азиза, отряд под командованием Ибн Джилуви, составленный из жителей Касима и племени мутайр, нанес удар с тыла и посеял панику в рядах противника. Сражение явно стало оборачиваться в пользу риядского эмира. По данным Дж. Лоримсра, был убит один из турецких командиров и большое число солдат⁴⁸. Все турецкие пушки и много военнопленных попали в руки Ибн Джилуви. Ибн Митаб занимался грабежом касимских селений и оставил всю свою провизию и тяжелое снаряжение под Эль-

Букайрией с небольшой охраной. Услышав, что приближается войско Абд аль-Азиза, получившее подкрепление, он немедленно бросил часть сил на помощь охране, но было поздно. Абд аль-Азиз захватил все его склады, а также город Эль-Букайрию⁴⁹.

Ибн Митаб направился в западную часть Касима, в район Эр-Расса и Шунаны, куда прибыл в августе того же года, видимо, в надежде получить помощь турок из Хиджаза. Однако ранее покорный ему Эр-Расс на этот раз решил присоединиться к риядскому эмиру, и шаммары стали лагерем в Шунане. Сюда прибыл Абд аль-Азиз с основными силами, но оба противника, возможно из-за летней жары, оставались в бездействии. В лагере Ибн Митаба вспыхнула эпидемия холеры, и бедуины с обеих сторон, не видя для себя добычи, начали разбегаться. У Ибн Митаба сохранились только турецкие подразделения из Ирака и городские жители Джебель-Шаммара. В саудовском лагере остались одни лишь горожане, преданные Абд аль-Азизу. В конце сентября между противниками все же произошло сражение недалеко от Шунаны, и турки вместе с шаммарами бежали. Они потеряли лишь несколько десятков человек, но зато все их лагерное снаряжение, верблюды, овцы, продовольствие, оружие, несколько ящиков с золотыми монетами достались победителям⁵⁰.

Недждийский летописец Халид аль-Фардж писал в своей хронике: «Именно эта битва (при Шумане. — *А. В.*) укрепила положение Ибн Сауда в Нсдже и покончила с турецким влиянием. В этой битве рухнула одна из опор Ааль Рашида»⁵¹. Победа Абд аль-Азиза была тем более важна, что он одержал ее против нескольких батальонов регулярных войск, хотя стоит подчеркнуть, что турецкие войска страдали от дезертирства, действовали к незнакомых и исключительно неблагоприятных условиях в разгар страшной летней жары.

Но сам разгром турок показался Абд аль-Азизу слишком опасным успехом, и он направил губернатору Басры письмо, запрашивая субсидию, изображая из себя османского вассала⁵² и пытаясь отвести угрозу новой турецкой экспедиции. Османские власти в Месопотамии, получив заверения Абд аль-Азиза в преданности султану, все же отрядили из Самавы в Неджд войско из 3 тысяч человек с артиллерией во главе г Ахмадом Файзи-пашой из армейского корпуса со штаб-квартирой в Багдаде. Впрочем, Файзи-паша, больше заинтересованный в личной наживе, чем в успехе экспедиции, скупил по дешевке совершенно негодных вьючных животных и не смог обеспечить своевременной переброски в глубь Аравии ни людей, ни снаряжения⁵³. Объявленной целью его экспедиции, начавшейся в январе 1905 г., было установить мир между Рашидидами и Саудидами, а не наказать Абд аль-Азиза. В городе Эз-Зубайре, к северу от Кувейта, состоялась встреча между губернатором Басры Ахмедом Мухлис-пашой, Абдуррахманом, отцом Абд аль-Азиза, и Мубараком — правителем Кувейта. Басринский вали информировал саудовскую делегацию, что Высокая Порта назначила Абдуррахмана каймакамом и решила, что Касим должен быть нейтральной, буферной провинцией между Рашидидами и Саудидами. Турки потребовали, чтобы им разрешили держать военные гарнизоны в Бурайде и Анайзе для гарантии нейтралитета Касима. Абдуррахман, прибегнув к уклончивой тактике, обещал, что эти предложения будут поставлены на обсуждение народа Неджда⁵⁴.

Однако войско Файзи-паши уже продвигалось в Центральный Неджд, и ему на помощь спешили из Медины 750 человек с батареей полевой артиллерии во главе с Сидки-пашой.

Ибн Митаб болезненно воспринимал свою усиливающуюся зависимость от турок и вскоре поссорился с Ахмедом Файзи-пашой и покинул своих слишком сильных покровителей⁵⁵.

После поражения под Шунаной правитель Джебель-Шаммара все время проводил среди кочевников, поклявшись не возвращаться в Хаиль, пока не отомстит своему врагу. Как отмечал летописец аль-Фардж, чем слабее Ибн Митаб становился, тем больше

усиливалась его жестокость⁵⁶. Дело, видимо, было в том, что он просто боялся вернуться в Хаиль, опасаясь интриг в правящем клане.

Позицию Абд аль-Азиза серьезно подорвал эмир Бурайды Салих ибн Хасан Ааль Муханна. Он пытался освободиться как от Рашидидов, так и от Саудилов и предпочитал вассальное подчинение Османской империи. В апреле 1905 г. турки вошли в Бурайду, а через несколько дней заняли Анайзу. В обоих городах были установлены турецкие гарнизоны, подняты османские флаги, сыгран марш «Хамидие» и имя султана стало упоминаться в пятничных молитвах⁵⁷.

Неджд был поделен на административные единицы в соответствии с обычной турецкой практикой. Бурайда стала казой, т.е. волостью, во главе с Салихом ибн Хасаном Ааль Муханна, а Анайза объявлена мюдюрлюком во главе с Абд аль-Азизом ибн Абдаллахом. Эти уезды административно зависели от Басры. Южный Неджд также считался казой, а Абд аль-Азиз был как бы каймаком с центром в Эр-Рияде и формально подчинялся Басре⁵⁸.

В тот момент Ибн Сауд чувствовал, что сила не на его стороне, и, опасаясь провокаций, приказал своим отрядам не совершать никаких враждебных действий против турок. Риядский эмир и его отец встретились с Файзи-пашой, который повторил свои требования сохранить турецкие гарнизоны в Бурайде и Анайзе до тех пор, пока не будет заключен мир между Рашидидами и Саудидами, а Касим считать нейтральной, буферной зоной. Однако Абд аль-Азиз и его отец уклонились от принятия обязательств⁵⁹.

В этот момент внимание турок было отвлечено событиями в Йемене. Османские войска оказались не в состоянии подавить движение имама Яхьи ибн Хамид ад-Дина из Саны. Ахмеда Файзи-пашу решили перебросить из Неджда в Йемен. Он передал командование войсками в Касиме Сидки-паше. Примерно в апреле 1905 г. переговоры между Абд аль-Азизом и турками завершились без результата⁶⁰.

Туркам приходилось в Неджде тяжело: продовольствия не хватало, болезни косили солдат, дезертирство стало повальным. Османские гарнизоны в Касиме отнюдь не стабилизировали обстановку. Местные феодальные кланы считали, что у них появился шанс оторваться и от Рашидидов и от Саудилов, и пытались добиться большей независимости. Особенно активно выступая правитель Бурайды Салих ибн Хасан Ааль Муханна. Абд аль-Азиз придерживался тактики выжидания. Шаммары возобновили набеги на Касим, и симпатии его жителей опять стали склоняться к Саудидам. Помощь Ибн Сауду пришла с неожиданной стороны — к нему присоединились мутайры во главе с выдающимся вождем, будущим лидером ихванов Фейсалом Ааль Давишем⁶¹.

13 апреля 1906 г. в Касиме произошла битва между саудовцами и шаммарами, свидетелем которой был шаммарский летописец Дари ибн Фухайд ибн Рашид. На рассвете саудовцы атаковали лагерь Ибн Митаба, обстреляв его предварительно из пушек. Правитель Хаиля стал метаться между своих бойцов, пытаясь восстановить порядок. Он пробился к знамени Рашидидов, которое уже попало в руки бойцов из Арида. Думая, что это его люди, Ибн Митаб прокричал им что-то на шаммарском диалекте, был опознан и немедленно убит. Шаммары в панике бежали. Воины Абд аль-Азиза отрубили голову Ибн Митабу и показывали ее в Бурайде и Анайзе, а затем выбросили собакам⁶². Таков был конец храброго военачальника, но неудачливого политического лидера Ибн Митаба, смерть которого открыла период нестабильности в Джебель-Шаммаре.

В июне 1906 г. Ибн Сауд продвинулся до Хаиля, но взять его не смог. После возвращения в Касим риядский эмир убрал с поста губернатора Бурайды Салиха ибн Хасана и посадил его вместе с братьями в тюрьму в Эр-Рияде. Через некоторое время Салих был убит при попытке к бегству. На пост эмира был назначен его двоюродный брат Мухаммед Ааль Абдаллах Аба аль-Хайль⁶³.

Вскоре Абд аль-Азиз достиг соглашения с новым эмиром Хаиля Митабом ибн Абд аль-Азизом ибн Митабом, поделив Центральную Аравию. Территория и племена к северу

от Касима отдавались правителю Хаиля, а Касим и территории южнее его — Ибн Сауду⁶⁴.

Но в Касиме еще находились турецкие войска, и их симпатии явно принадлежали Рашидидам. Высокая Порта выдавала Митабу субсидию в 200 турецких лир в месяц и продовольствие, а Ибн Сауд получал всего лишь 90 турецких лир в месяц⁶⁵.

В этот момент против риядского эмира выступили мутайры, подстрекаемые турками. Разгромив кочевников, Абд аль-Азиз двинулся в Бурайду, где находился турецкий отряд⁶⁶.

Во главе турецких войск в Неджд летом 1905 г. вместо Сидки-паши был назначен Сами-паша аль-Фаруки. Но лишь в июле 1906 г. он прибыл в Касим с отрядом из 500 пехотинцев. Он пытался вызвать Абд аль-Азиза в свой лагерь, но тот опасался предательского захвата⁶⁷. Видимо, в августе 1906 г. они встретились в открытом поле и попытались договориться. Как утверждал Дж. Лоример, Ибн Сауд уговорил турецкого военачальника согласиться на то, чтобы каждый из двух гарнизонов в Касиме насчитывал лишь по 100 солдат⁶⁸. Согласно саудовскому источнику, положение было не столь простым. Турки пытались удержать контроль над Касимом. Абд аль-Азиз разыграл взрыв гнева и, уходя, прокричал Сами-паше одно из самых страшных оскорблений в Аравии: «Не будь ты моим гостем, я бы не пощадил твоей жизни»⁶⁹.

Пост в рамадане, который выпал на октябрь 1906 г., отсрочил начало военных действий. Ибн Сауд предложил Сами-паше выбор: или перевести турецкие войска поближе к Эр-Рияду, что отдавало бы их на милость риядскому эмиру, или вывести войска и снаряжение из Неджда, или готовиться к бою⁷⁰.

Турки находились в Аравии более двух с половиной лет. Они голодали. Им не хватало даже табака. Их форма изнашивалась до лохмотьев. Значительную часть солдат составляли арабы, но они настолько ненавидели Центральную Аравию, что называли ее «дочерью сатаны». Чтобы прокормиться, многие солдаты продавали свое оружие и снаряжение жителям Касима. Болезни и дезертирство стали массовыми. В этих условиях у Сами-паши не было другого выбора, кроме эвакуации⁷¹.

Риядский эмир, спеша избавиться от турок, дал полные гарантии их безопасности и предоставил верблюдов для перевозки людей и снаряжения. Сами-паша должен был проследовать в Медину с сирийским контингентом, но не переправлять его в Хаиль. В качестве заложников в Бурайде оставался отряд из Ирака⁷². Примерно в конце октября 1906 г. Сами-паша покинул свой укрепленный лагерь недалеко от Бурайды и направился в Медину. В ноябре турки, прибывшие из Ирака (около 800 человек с несколькими орудиями), также начали эвакуацию. Они добрались до Кувейта и оттуда были переправлены в Басру⁷³.

По оценке Дж. Лоримера, в 1904—1905 гг. в Центральную Аравию было послано примерно 4,5 тыс. османских войск. Лишь одна тысяча вернулась в Медину и в Ирак. Турки потеряли около 3,5 тыс. человек от дезертирства, болезней или в боях⁷⁴. Это было полным поражением. По словам летописца Сауда ибн Хизлюля, когда османские войска покинули Касим, «они еще были за это благодарны»⁷⁵. Турки так и не смогли удержать даже призрачного контроля над Касимом⁷⁶.

Консолидация власти Эр-Рияда в Южном Неджде и Касиме (1906—1912). 29 декабря 1906 г. три племенника нового правителя Хашм Митаба Ааль Рашида (правившего меньше года) — Султан, Сауд и Фейсал — убили эмира вместе с тремя его братьями. Лишь младшего брата эмира, мальчика Сауда, спас его дядя из клана Ааль Субханов и переправил в Медину, которая находилась под османским контролем. Субсидии Рашидидам от Высокой Порты пошли теперь непосредственно в Медину, что показывало отношение турок к узурпаторам в Хаиле⁷⁷.

Организатор переворота непопулярный Султан ибн Хамуд удержался у власти до января 1908 г. Он оказался неудачником и как военачальник, не сумев вознаградить своих сторонников военной добычей. Чувствуя шаткость своего положения, он погрузил всю

казну эмира на верблюда и пытался бежать в Египет. Его перехватил Сауд ибн Хамуд, который заточил Султана ибн Хамуда в тюрьму и позднее задушил. Сауд стал новым правителем Джебель-Шаммара, а Фейсал направился губернатором в Джауф⁷⁸.

Эмират Рашидидов все больше слабел. На Джауф претендовал шейх племени руала Нури Ааль Шаалян, резко расширивший племенную территорию — дира в нынешних Южной Сирии и Восточной Иордании. Волнениями в Джебель-Шаммаре воспользовались Саудида, чтобы привлечь в Касим караваны с иракскими и персидскими паломниками. Среди правящих кланов Хаиля борьба обострилась, и лица, формально стоявшие во главе эмирата, быстро менялись. Сауда ибн Хамуда сменил малолетний Сауд ибн Абд аль-Азиз, которого в 1909 г. вернула в Хаиль могущественная семья Ааль Субханов. Они и оставались реальной властью в эмирате. Вплоть до гибели Джебель-Шаммара в 1921 г. во главе его сменился десяток эмиров или регентов. Регентом малолетнего Сауда ибн Абд аль-Азиза Ааль Рашида стал Хамуд Ааль Субхан. Он женился на сестре мальчика, но через несколько месяцев был отравлен. Его сменил его двоюродный брат Замиль Ааль Субхан, который, чтобы укрепить свое положение, женился на матери эмира Сауда, став ее четвертым мужем. Она была женой по очереди Мухаммеда ибн Рашида, затем Абд аль-Азиза ибн Рашида и Султана ибн Хамуда, убийцы и наследника ее приемного сына Митаба⁷⁹.

Ослабленный Джебель-Шаммар не мог воспользоваться временной приостановкой саудовской экспансии, хотя Касим волновался, поощряемый из Хаиля. Бурайдиты вновь попытались утвердить свою самостоятельность и во главе с новым эмиром тоже из клана Ааль Муханна интриговали за спиной Абд аль-Азиза. Его поход в Джебель-Шаммар кончился неудачно. От риядского эмира откололся Фейсал Ааль Давиш и другие лидеры племени мутайр, вступив в секретный союз с правителем Бурайды Абдаллахом Аба аль-Хайлем. Когда Ибн Сауд узнал об этом, он собрал войско, главным образом из членов племени атайба, которые считались естественными врагами как шаммаров, так и мутайров. Его союз с атайбами блокировал союз Рашидидов с мутайрами. Опасаясь за свою судьбу, Аба аль-Хайль переметнулся к Абд аль-Азизу. В этот момент риядский эмир был не в состоянии расправиться с Бурайдой, так как должен был сосредоточить усилия на действиях против Фейсала Ааль Давиша⁸⁰.

В апреле — мае 1907 г. у города Эль-Маджмаа в Судайре произошло сражение между мутайрами и войском Абд аль-Азиза, составленным в основном из атайбов. Мутайры были разбиты. Фейсал Ааль Давиш, раненный в этом сражении, запросил мира и выразил покорность Абд аль-Азизу. Он был по-прежнему лидером могущественного племени, а в эти трудные времена Абд аль-Азиз больше нуждался в живых друзьях, чем в мертвых врагах, и принял его заверения в преданности⁸¹.

В августе — сентябре 1907 г. Султан ибн Хамуд из Хаиля появился в Касиме, где к нему присоединились жители Бурайды во главе с Аба аль-Хайлем, а также часть племени мутайр. Действия его были неудачными, и Султан захватил мало добычи. Когда Абд аль-Азиз услышал об этом налете, он собрал войско из кахтанов, атайбов, субаев и сухулей. К нему присоединились контингенты из Арида. Во время последующих сражений в сентябре 1907 г. Абд аль-Азиз вновь разбил мутайров во главе с Фейсалом. Решающее сражение произошло под Тарафией, в нескольких десятках километров к северу от Ананзы. Бедуины, опасаясь поражения, покинули Абд аль-Азиза, но вернулись, когда увидели, что чаша весов клонится в его пользу. Против Ибн Сауда сражались шаммары, бурайдиты, а также мутайры. Битва при Тарафии считается одним из решающих сражений Абд аль-Азиза с его врагами. Саудовские историки оценивают ее как победу. Риядский эмир, однако, не смог захватить Бурайду и довольствовался грабежом ее окрестностей. Стоит подчеркнуть, что Абд аль-Азиз ограничивал грабеж в своих владениях, стремясь к стабилизации своей власти. Шаммары грабили отчаянно, поступая не как долговременная политическая сила, а как участники бедуинского набега. После битвы при Тарафии шаммары отошли в Хаиль, а Фейсал Ааль Давиш — в пустыню⁸¹.

В Бурайде просаудовская фракция становилась все сильнее. Когда в мае 1908 г. Ибн Сауд с войском подошел к городу, его сторонники открыли ему ворота. Аба аль-Хайль и верные ему воины укрылись в крепости. Но поняв, что дело их безнадежно, осажденные попросили мира. Аба аль-Хайль ушел в Кувейт, а оттуда в Ирак. Эмиром Бурайды был назначен Ахмед ибн Мухаммед Ааль Судайри, представитель клана, давно связанного с Саудидами. Во главе постоянного гарнизона был поставлен его брат⁸³.

Тем временем Султан ибн Хамуд был убит в Хайле. Во главе эмирата встал Сауд ибн Хамуд⁸⁴.

В октябре — ноябре 1908 г. в Хиджазе произошли важные события. Османское правительство было вынуждено заменить шерифа Али ибн Абдаллаха шерифом Хусейном ибн Али на посту правителя Мекки. Хусейн рос среди бедуинов, прежде чем отправиться в долгую ссылку в Стамбул. В год, когда была открыта Хиджазская железная дорога до Медины, он вернулся в Мекку, питая тайные честолюбивые планы стать королем арабов и во всяком случае утвердить себя в качестве серьезного фактора в аравийской политике.

В 1908 г. в Центральном Неджде началась страшная засуха, которая длилась несколько лет, писал Г.Филби⁸⁵. Некоторые арабские источники ему противоречат. Во всяком случае, возможно, дожди шли в других районах, а засуха поразила именно Центральный Неджд⁸⁶. Важно отметить, что многие жители Центральной Аравии считали, что засуха во владениях Абд аль-Азиза была прямым сигналом того, что Аллах настроен против него. А.Мусил писал, что природное бедствие способствовало «общему разброду» в Риядском эмирате. К тому же в Джебель-Шаммаре выпали обильные дожди, и некоторые племена покинули Абд аль-Азиза и откочевали в район под властью Хаиля⁸⁷.

Упадок сельского хозяйства, голод и разорение бедуинов усиливали общую нестабильность и подрывали еще непрочную власть Абд аль-Азиза. Одним из признаков неустойчивости в эмирате было восстание против Ибн Сауда в провинции Эль-Харик, где эмир аль-Хазакки был убит соперниками из своего же клана. Это произошло, видимо, в феврале — апреле 1909 г. Всю провинцию охватили волнения, и Абд аль-Азиз с трудом смог восстановить порядок⁸⁸.

Авторитет риядского эмира в его собственных владениях еще не стал безоговорочным. Ему помогало отсутствие сильных противников, но тенденции к децентрализации, феодально-племенные усобицы временами подрывали центральную власть в Риядском эмирате. Бедуинские отряды часто изменяли Ибн Сауду, а на верные племена кочевников нельзя было положиться безусловно. Постоянно волновалась Бурайда.

В то время как риядский эмир занимался внутренними делами, с запада ему стал угрожать энергичный шериф Мекки Хусейн. Османское правительство постоянно подталкивало его на действия против Неджда.

Абд аль-Азиз не забывал, что на западе, на севере и на востоке он был окружен османскими владениями и враждебными ему турецкими вассалами. Было очевидно, что рано или поздно его стремление создать сильное государство в Центральной Аравии вновь столкнется с интересами турок. Его смелые дальние набеги говорили о возможности восстановления ваххабитского государства в его прежних обширных размерах, что беспокоило и турок, и аравийских правителей, зависимых как от Великобритании, так и от Османской империи.

В 1910 г. продолжались военные действия незначительных масштабов против трех двоюродных племянников Абд аль-Азиза — «араифов». Они совершали набеги на племена, преданные Эр-Рияду, а потом укрывались в племени аджман в Эль-Хасе. Их действия не имели серьезных последствий, но были одним из элементов внутренней неустойчивости, вызванной как замедлением экспансии Риядского эмирата, так и страшной засухой. Все три брата были представителями старшей ветви саудовской семьи и претендовали на риядский трон⁸⁹.

В марте — апреле 1910 г. Абд аль-Азиз откликнулся на призыв шейха Кувейта выступить против мунтафиков во главе с Саадун-пашой, которые в тот момент были в союзе с Джебель-Шаммаром против кувейтцев. Саадун-паша в июне 1910 г. разгромил объединенные саудовско-кувейтские силы, и мунтафики захватили большую добычу⁹⁰.

Взаимоотношения Джебель-Шаммара с османскими властями в Хиджазе развивались неровно. Замиль Ааль Субхан в июне 1910г. даже изгнал из оазиса Тайма турецкий отряд. Но Нури ибн Шаальян из племени руала в 1909 г. захватил Джауф и удерживал его некоторое время, оказывая давление на Джебель-Шаммар с севера и северо-востока. Видимо, Нури ибн Шаальян и Абд аль-Азиз установили довольно прочное сотрудничество против общего противника⁹¹.

За два года правления шериф Хусейн постарался доказать Высокой Порте свою преданность, совершив поход в Асир, в то время как турки были заняты подавлением восстания имама Яхьи в Йемене. Хусейн завоевал провинцию Асир для своих хозяев и вернулся в Мекку через оазисы Бита, Ранья и Тураба, лежащие на границе Неджда, утвердив над ними свой сюзеренитет.

В конце лета 1910 г. шериф, собрав бедуинское ополчение, вторгся в Неджд. По пути ему удалось случайно пленить брата Абд аль-Азиза — Саада. Противники стали осторожно маневрировать. Хусейн надеялся на помощь Джебель-Шаммара и вступил в переписку с Замилем — регентом в Хаиле, который рассчитывал вернуть себе Касим. Хусейн не ожидал крупной войны, сил у него было недостаточно, но в руках у него был Саад. Посредником между риядским эмиром и шерифом Мекки стал некий Халид ибн Лювай, которому предстояло играть важную роль при захвате недждийцамн Хиджаза. После переговоров Абд аль-Азиз обещал выплачивать султану 6 тыс. риалов в год и подтвердить формальный сюзеренитет турок над Недждом. После этого Саад был освобожден, и Хусейн вернулся в Мекку⁹². Риядский эмир, однако, не собирался выполнять условия соглашения, не платил никакой дани, и признание сюзеренитета султана на словах ни в чем не проявлялось на деле.

После отключения мира с шерифом Мекки Абд аль-Азиз вновь направился в Эль-Харик, чтобы подавить восстание, которое на этот раз возглавил один из «арайфов». Все захваченные члены клана Ааль Хаззани, участвовавшие в мятеже, были казнены. Но главу восстания, своего двоюродного племянника Сауда ибн Абдаллаха ибн Сауда, он простил, и тот верно служил ему до конца жизни. Другие «арайфы» бежали в Хиджаэ, где шериф предоставил им убежище⁹³.

Вначале 1911 г. шейх Кувейта Мубарак обратился к Ибн Сауду с просьбой нанести удар по их общему арату — племени зафир. Одновременно он предупредил шейха этого племени Ибн Сувайта о приближении войска Абд аль-Азиза, лишая его набег элемента внезапности. Однако шейх зафиров бежал, сообщив Иби Сауду о двойной игре Мубарака⁹⁴. С точки зрения правителя Кувейта, одно дело — помочь слабому дому Саудидов против могущественного Джебель-Шаммара и другое — возродить из руин Риядский эмират, который быстро превращался в главную силу Центральной Аравии. Сам Мубарак питал надежду установить контроль, в частности, над Касимом, Вашмом и Судайром в качестве преграды на пути расширения Риядского эмирата⁹⁵. Однако после успешного рейда Абд аль-Азиза на зафиров и другие племена Нижнего Ирака Мубарак решил договориться с молодым эмиром и восстановить с ним хорошие отношения⁹⁶. Несмотря на острое соперничество, Мубарак по-прежнему называл его «мой сын», а Абд аль-Азиз отвечал ему словами «мой отец»⁹⁷.

В 1910 г. Абд аль-Азиза посетил британский политический агент капитан У. Шекспир. Его дневники, карты, фотографии до нас не дошли, сохранились лишь донесения. Он сообщил, что эмир Хаиля, имам Яхья и правитель Асира переписывались с целью организовать восстание против турок. Абд аль-Азиз хотел изгнать турок из Эль-Хасы и искал поддержки у англичан⁹⁸. В 1911 г. османское правительство все еще

называло правителя Хаиля «эмиром Неджда», а англичане писали Абд аль-Азизу только как «шейху Абд аль-Азизу, сыну шейха Абдуррахмана Ааль Сауда»⁹⁹.

Восточная провинция постоянно притягивала к себе внимание правителей Эр-Рияда. Дело было не только в том, что они считали ее своей законной вотчиной. Богатые оазисы Эль-Хасы и таможенные доходы могли укрепить финансовое положение Саудилов. Риядскому эмирату нужен был выход к морю. Положение в Эль-Хасе благоприятствовало планам Абд аль-Азиза, так как местное население ненавидело турок. Но Ибн Сауд по опыту жизни в Кувейте понимал, что главная сила в Персидском заливе — англичане, и с 1903 г. предпринимал попытки установить с ними дружественные связи¹⁰⁰. В мае 1904 г. он даже направил английскому генеральному консулу в Бушире Перси Коксу¹⁰¹ письмо, в котором выражал недовольство помощью, оказываемой турками Рашидидам. Англичане назначили политического агента в Кувейт, но их взаимоотношения с Абд аль-Азизом конкретно ни во что не вылились. Он сообщал англичанам о своих планах захватить Эль-Хасу и пытался заручиться их поддержкой. Но в тот период англичане, по-прежнему придерживаясь политики невмешательства в дела Неджда, уклонялись от принятия каких-либо обязательств¹⁰².

В 1911 г. Ибн Сауд посетил Кувейт, провел дружественные беседы с британским агентом и достиг договоренности о сотрудничестве. Риядский правитель, отказываясь от каких-либо претензий в Маскате и Омане, должен был установить контроль над Эль-Хасой и Эль-Катифом, Дарином и портом Эль-Укайр, а англичане — не допустить вмешательства какой-либо державы со стороны моря. За все это Ибн Сауд должен был признать британский протекторат над своим эмиратом, не вступать в войну без согласия британского правительства. Англичане получали право на эксплуатацию минеральных богатств на полуострове. Британское правительство обещало снабжать Абд аль-Азиза войсками и артиллерией, если бы он нуждался в этой помощи. Британское правительство могло вести войну без предварительного одобрения риядского эмира¹⁰³. Это соглашение не было заключено, но оно соответствовало и характеру предыдущих переговоров, и британскому курсу на то, чтобы не препятствовать Абд аль-Азизу в захвате Эль-Хасы, и общим положениям будущего договора 1915 г. Фактически Великобритания в тот период рассматривала Риядский эмират как протекторат или потенциальный протекторат в рамках своей сферы влияния в бассейне Персидского залива.

В 1911 г. в Асире началось восстание против турок во главе с Мухаммедом ибн Али Ааль Идриси. Турки попытались склонить Абд аль-Азиза к военным действиям против асирцев. На это риядский эмир ответил, что он — араб и не присоединится к туркам в войне против Мухаммеда Ааль Идриси, которого он считает союзником и братом. Наоборот, он послал ему кое-какую военную поддержку. Старые религиозные симпатии асирцев к ваххабитам скреплял формировавшийся между ними союз¹⁰⁴.

В начале 1912 г. Высокая Порта, занятая войной в Европе, пыталась получить поддержку от своих отдаленных аравийских провинций или обеспечить их нейтралитет. К Абд аль-Азизу была послана делегация, которая вела речь, в частности, о направлении недждийских войск для поддержки турецкого гарнизона в Эль-Хасе. Ибн Сауд чувствовал, что скоро Эль-Хаса, как созревший плод, упадет ему в руки.

Терпя поражения на Балканах, османское правительство настойчиво пыталось сделать Ибн Сауда своим союзником в Аравии. Турецкая делегация, прибывшая в Эр-Рияд, предложила ему изложить его соображения и жалобы. На это Абд аль-Азиз ответил губернатору Басры Сулейману Шафих-паше: «Вы не обращаетесь хорошо с арабами и не проявляете ни малейшей справедливости. Я знаю, что вы просите моего совета, чтобы разведать настроения и узнать мои намерения. Вот вам мое мнение: вы несете ответственность за раздоры, которые происходят между арабами. Вы ограничились только тем, что правите, и даже этого не можете делать. Вы забыли, что правитель несет ответственность за благосостояние управляемых. Дело правителя устойчиво лишь благодаря справедливости и великодушию. Вы забыли, что арабы не прощают обид. Они

готовы потерять все, что у них есть, лишь бы сохранить честь». Вместе с тем Абд аль-Азиз предложил созвать конференцию арабских лидеров в нейтральном городе для того, чтобы предоставить им возможность свободно высказать свое мнение. Он предложил, чтобы турки пересмотрели свои отношения с арабскими народами с целью установления более подходящей формы правления с участием арабов. Риядский эмир предлагал, чтобы в рамках Османской империи существовало несколько арабских государств, или одно объединенное арабское государство во главе с одним правителем, или отдельные политические единицы во главе с местными правителями, которые действовали бы как автономные турецкие губернаторы¹⁰⁵. Предложения риядского эмира шли настолько вразрез с политикой младотурок, что лишь их военно-политическая слабость не позволяла им ответить на дерзкие предложения Абд аль-Азиза военной экспедицией.

Однако переписка Ибн Сауда с губернатором Басры продолжалась. «Эмир Неджда Ибн Сауд написал здешнему валию письмо, требуя, чтобы турецкое правительство признало его независимым, — сообщало российское консульство в Басре 17 июля 1912 г. — Бассорский вали поспешил ответить ему уговорами, что как мусульманин он должен оставаться верным султану-халифу. В сущности, и теперь власть турок в Неджде чисто номинальная, и в столице оно — Рияде нет ни турецких чиновников, ни солдат. Тем не менее обычно Ибн Сауд хотя бы на словах заявлял о своей покорности и преданности султану... Уместно вспомнить также, что он издавна претендует также и на береговую полосу Эль-Хаса... Вероятно, в дело это посвящен и капитан Шекспир, английский агент при шейхе Мубараке»¹⁰⁶.

В конце весны — начале лета 1912 г. шериф Мекки Хусейн вновь совершил рейд на Неджд, собрав ополчение из бедуинов атайба, а брат риядского эмира Мухаммед напал на подразделение бедуинов атайба, которые подчинялись Хусейну¹⁰⁷. Взаимоотношения между правителями обострились до крайности. Их взаимные обвинения дошли даже до Стамбула. Шериф запретил недждийцам совершать хадж, пришедшийся на ноябрь—декабрь 1912 г.¹⁰⁸ Религиозные и торговые последствия этого решения трудно переоценить. Недждийцы были возмущены, особенно торговцы, которые лишились доходов от паломников. Агенты Хусейна настраивали население Касима против Эр-Рияда, и губернатор Ибн Джилюви даже казнил нескольких касимцев. Абд аль-Азизу действительно был нанесен серьезный удар, но ненависть недждийцев обратилась прежде всего против шерифа Мекки¹⁰⁹. Так закладывалась база будущего конфликта, который разрешится завоеванием недждийцами Хиджаза.

Зарождение движения ихванов. Несмотря на первые успехи, Абд аль-Азиз не имел достаточно устойчивой и широкой опоры в Центральной Аравии. Ему не хватало поддержки такого религиозно-политического учения, которое сплачивало население вокруг дома Ааль Саудов во времена его предков. Клан Саудидов был связан с религиозной идеей, которая и саму борьбу за централизацию в интересах эмира и правящей знати и грабительский набег освящала знаменем «истинного ислама». Но в первом десятилетии деятельности Абд аль-Азиза мы не находим признаков того, чтобы он делал особый упор на религию для утверждения законности своей власти, укрепления преданности населения, придания динамизма своим завоевательным походам.

В этот момент в Неджде зародилось движение ихваивов — «братьев». Абд аль-Азиз вряд ли был одним из авторов идеи ихванизма или основателем движения. Духовными отцами ихваизма считаются риядский кади Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Латыф из семьи Ааль аш-Шейха, кади Эль-Хасы шейх Иса и некий Абд аль-Керим аль-Магриби, который прибыл в Аравию примерно на рубеже века и поселился в районе будущей хиджры (поселения) Эль-Артавия¹¹⁰.

Помимо строгого соблюдения пяти основных положений ислама к ихванам предъявлялись требования быть преданными своим «братьям» — участникам движения, подчиняться эмиру-имаму, всячески помогать друг другу, а также отказываться от общения с европейцами и жителями управляемых ими стран¹¹¹.

Точная дата основания первой колонии, Эль-Артавии, неизвестна, но она, видимо, появилась в первой половине 1913 г.¹¹² Газета «Умм аль-кура» (саудовский официоз, основанный после присоединения Хиджаза) писала 1 марта 1929 г. о январе 1913 г. как о дате основания первой хиджры¹¹³.

Первые поселенцы-ихваны обосновались у группы колодцев в вади с хорошими пастбищами и многочисленными деревьями. Эта долина находилась в районе дера одного из самых могущественных и гордых племен Центральной Аравии, мутайров, на караванном пути из Кувейта в Касим. Багдадский журнал «Люгат аль-араб» утверждал, будто «грабеж и убийство — в крови мутайров»¹¹⁴.

Некоторые члены племени мутайр добровольно продали часть своих верблюдов и кое-какое лагерное снаряжение, необходимое для поддержания бедуинского образа жизни, на рынках в Кувейте. Они поселились в районе Эль-Артавии и стали строить жилища, решив посвятить себя исключительно земледелию и изучению единобожия. К мутайрам присоединились члены подразделения племени харб — ураймат, или араймат. Они осуществили большую часть строительства в поселении, потому что у них были необходимые навыки в ремесле, строительстве и земледелии в отличие от бывших бедуинов. Урайматы вырыли многочисленные колодцы¹¹⁵.

Традиционные узы родо-племенной взаимопомощи трансформировались во взаимопомощь ихванов: если кто-либо из них терял свое имущество в результате набега или падежа скота, «братья» организовывали сбор пожертвований в его пользу¹¹⁶.

За хиджрой Эль-Артавия последовали многие другие. Племя атайба организовало хиджру в Эль-Гатгате, впоследствии разрушенную. К 1918 г. большое число таких поселений возникло по всему Неджду¹¹⁷. Если в 1920 г. в Аравии было 52 ихванских поселения¹¹⁸, то в 1923 г. их стало 72 и в 1929 г. — примерно 120¹¹⁹. «Умм аль-кура» в 1929 г. сообщала, что аназы основали 7, шаммары—16, харбы—22, мутайры—12, атайбы—15, су-баи—3, сухули—3, хахтаны—8, давасиры—4, бану халид—2, аджманы—14, авазимы—2, бану хаджир—4, ааль мурра—4, хитаймы —3, зафиры —1 поселение¹²⁰. Но даже в период максимального подъема движения в хиджрах осела десятая или в лучшем случае пятая часть бывших кочевников.

Естественно, что хиджры появлялись у колодцев или же в оазисах, где были возможности для более широкой земледельческой деятельности. И засуха и кризис кочевничества, т. е. хозяйственная необходимость, подталкивали бедуинов к оседанию на землю. Их миграция на север, в районы, находившиеся под контролем османских властей, была ограничена из-за нежелания бедуинов оказываться в зависимости от произвола турок, а затем англичан.

Ибн Сауд, поощряя процесс оседания на землю, помогал ихванам деньгами, семенами; сельскохозяйственными орудиями, материалом для строительства мечетей, школ и поселений, а также посылал религиозных учителей — мутава. Кроме того, он обеспечивал воинов оружием и снаряжением для «защиты религии».

Эмиры хиджр, приезжая со свитой к Абд аль-Азизу не менее раза в год, получали от него денежное пособие, пользовались его гостеприимством. Имена эмиров регистрировались в специальных книгах, и размер пособия определялся в зависимости от их заслуг и числа последователей. Ежегодное вознаграждение получали ихваны — воины, занесенные в реестровые книги в канцелярии Ибн Сауда. В качестве разового пособия по отдельным просьбам выдавались средства для получения продовольствия, скота или покрытия долга, на свадьбу или строительство дома¹²¹.

Формальным условием для принятия в хиджру был отказ от привычек и обязанностей племенного образа жизни. Однако это требование на практике не соблюдалось и в хиджрах селились в основном на племенной основе. Фактически поселения ихванов стали ставками шейхов крупнейших племен. Попытка Ибн Сауда лишить племена с помощью ихванского движения их традиционных лидеров не удалась. Фейсал Ааль Давиш из мутайров обосновался в Эль-Артавии, Ибн Биджад из атайбов — в

Эль-Гатгате. Иби Нухайт из харбов — в Духна и Ибн Джибриль и Ибн Сунайян из шаммаров — в Эль-Аджфаре ¹²².

Религиозный энтузиазм ихванов должен был направляться на поклонение Аллаху и, естественно, на службу его представителям на земле. Их религиозное и светское рвение должно было вознаграждаться, как и раньше, военной добычей, но не в результате межплеменных рейдов и грабежей на дорогах, а в войне с «многобожниками». Хозяйственная и социальная необходимость в оседании кочевников и в переходе к земледелию сочетались с религиозным рвением и военными потребностями, но эти задачи могли противоречить друг другу, и некоторые хиджры разрушались. Конечно, вряд ли можно было ожидать, что бывшие бедуины быстро расстанутся с прежними навыками и привычками кочевничества и превратятся в хороших земледельцев. Довольно часто при работе в поле им не хватало надолго религиозного энтузиазма, и бывшие бедуины с большей охотой становились «воителями за единобожие», чем феллахами. Риядские улемы издали фетву в пользу земледелия, оседлого образа жизни и торговли ¹²³. Оседание шло, как правило, добровольно, но были случаи насильственного обращения в ихваны, особенно с 1918 г. «Завоевание и обращение практически шли рука об руку, хотя что-нибудь одно из них временами предшествовало, а временами следовало за другим» ¹²⁴, — писал ар-Рейхани.

В хиджрах сохранялись элементы кастовых различий между «благородными» племенами, поставлявшими воинов-земледельцев, и «неблагородными», которые должны были заниматься ремеслами и строительством и обеспечивать функционирование вновь образованных поселений ¹²⁵. Действительно, секция племени харб, одного из самых «благородных» племен в Аравии, осевшая в Эль-Артавин вместе с мутайрами, была из подчиненных «неблагородных» урайматов ¹²⁶. Они и в хиджре фактически остались в подчиненном, униженном положении.

Часто ремесленники и мелкие торговцы считались некомбатантами, т.е. людьми, на которых не распространяются военные действия, они должны были подковывать лошадей, изготавливать и чинить оружие и сельскохозяйственные орудия. Когда начиналась война, они оставались в поселениях ¹²⁷.

Что касается мутава — религиозных наставников, то они представляли собой как бы низший эшелон улемов, учеников богословов, подготовленных в Эр-Рияде и в других центрах. Практически мутава в поселениях выполняли роль проповедников и агентов центральной власти — риядских улемов и лично эмира ¹²⁸. В самые крупные хиджры Абд аль-Азиз назначал судей — кади, обычно из семейства Ааль аш-Шейха.

Военнообязанные жители хиджр были разбиты на три категории. В первую входили те, которые постоянно находились в состоянии боевой готовности и должны были откликнуться на первый призыв к джихаду. Во вторую — люди, находившиеся в резерве. Затем шли те, которые в случае войны обычно оставались в поселениях, но по решению улемов также могли быть призваны в армию эмира в чрезвычайных обстоятельствах. Жители хиджр несли службу со своими верблюдами, оружием и продовольствием. Лишь некоторые хиджры, расположенные в центре Недждд, поставлявшие бойцов, периодически получали пособие из казны на военные нужды ¹²⁹.

«Ихваны сделали "белым ужасом Аравии", — писал А. Першиц. — ...с их помощью Абд аль-Азиз уже к началу 20-х годов XX в. в основном сломил сопротивление самых сильных бедуинских племен и установил в стране "беспрецедентный", по выражению Филби, порядок, или же, как называли новый режим бедуины, — "время намордника". Старинные привилегии шейхских домов — освобождение от уплаты закята, взимание хувы с более слабых соседей — были отменены (хотя и сохранились в других формах и в ограниченных масштабах. — А.В.). Их традиционный промысел — грабительские набеги — стал наказываться настолько непреложно и строго, что кочевой знати оставалось либо смириться, либо бежать за пределы Недждийского эмирата. Монтань приводит характерную касыду, записанную в среде недждийских эмигрантов:

— Беговые верблюды разжирили от спячки.
 Они забыли, как мчались в битвах.
 О Абу Забан! Нет больше сражений:
 Их запретили власти.
 Сколько ушло, гневных,
 В землю чужих племен
 Из-за того, что, наказываемые тюрьмой,
 Они утратили вкус к набегам»¹³⁰.

Бедуины, которые поселились в хиджрах, считали, что они покинули джахилийю, т. е. состояние доисламского невежества, и приняли подлинный ислам. Они с таким рвением принимались распространять свои убеждения, что избивали не присоединившихся к ним кочевников и оседлых, считая их немусульманами. Дело приняло столь серьезный оборот, что Абд Аль-Азиз был вынужден в октябре 1914 г. обратиться к улемам, чтобы они издали специальную фетву, призывающую к терпимости и умеряющую пыл ихванов. Богословы подтвердили тогда, что заставлять людей носить чалму вместо укаля, отказываться от прежнего образа жизни, насильно заставлять кого-либо присоединиться к ихванам — все это противоречит шариату, и ни Аллах, ни его посланник этого не требовали. Хотя фетва и оказала воздействие, но недостаточное, и год спустя риядский эмир направил опытных улемов в хиджры, чтобы, насколько возможно, восстановить ущерб, нанесенный прежними фанатичными проповедниками¹³¹. Учитывая, что бедуины действительно раньше имели лишь смутное представление об исламе, для них этот переход, как и замена обычного племенного права шариатом, имел драматический характер. А. Мусил отмечал, например, усиление религиозных чувств среди руала, участвовавших в ихванском движении. Во всяком случае, многие бедуины могли уже читать наизусть какую-нибудь суру из Корана¹³².

Известно, что неофиты более решительны и фанатичны в своем рвении, чем старые последователи религиозных доктрин. Поэтому почти не знавшие ранее ислама бедуины с особым рвением выполняли религиозные предписания, такие, как пять молитв в день, и наказывали палками уклонявшихся. Чтобы отличаться от других мусульман, которых они считали «многобожниками», ихваны стали носить белые тюрбаны вместо обычной куфии, подбривать усы и укорачивать бороды, иногда подкрашивая их хной. Они укоротили свой дишдаш (длинную рубаху до пят) так, что он лишь немного закрывал колени. По замечанию Диксона, они выглядели просто оборванцами¹³³. Ихваны запретили любую музыку, кроме военных барабанов, не пили кофе, потому что он не был известен во времена пророка, и избегали табака, как яда¹³⁴. Алкоголь был безусловно запрещен, как и шелк, и золотой орнамент для мужской одежды. Проклятие было наложено на азартные игры, предсказание судьбы и колдовство¹³⁵. Отметим здесь, как и в раннем ваххабите, эгалитаристский характер многих религиозно-бытовых запретов ихванов. Это была форма протеста народных «низов» против «роскоши» (по аравийским понятиям) правящих классов.

На приветствия других мусульман ихваны отвечали только в том случае, если те сами были ихваны. Когда же ихваны встречали европейца или араба из Ирака или прибрежных государств Персидского залива, они закрывали лицо руками, чтобы не быть оскверненными их взглядом. Диксон писал, что однажды он появился на маджлисе самого Ибн Сауда и тогда группа ихванских шейхов встала и покинула совещание, закрыв свои лица от гостя. Он мог слышать их сдержанные проклятия в свой адрес, хотя и был гостем их имама¹³⁶.

Ихваиы считали «многобожниками» всех, кто к ним не присоединился, — как жителей оазисов и городов, так и кочевников¹³⁷. Во имя обновленной религии члены «братства» совершили немало жестокостей, хотя их фанатизм усиливал боеспособность

войска Ибн Сауда¹³⁸. Диксон считал, что в результате ихванского движения между 1913 и 1930 гг. пришел в упадок бедуинский рыцарский кодекс «фирусийя»¹³⁹.

Многие авторы подчеркивали, что сам Ибн Сауд никогда не был фанатиком. Он использовал ихванское движение в своих целях, умело обходя его крайние требования. Уже во время первой мировой войны, согласившись на британский протекторат и получая месячную субсидию от английского правительства. Абд аль-Азиз объяснял, будто она была всего лишь налогом «джизия», который христиане платили первым мусульманским халифам¹⁴⁰. Но даже на начальной стадии движения он до конца не доверял ихванам как в силу их бедуинского происхождения, так и из-за чрезмерного, с точки зрения крупного феодала, распространения в ихванском движении эгалитаристских черт. В окружении риядского эмира против ихванов особенно сильно был настроен его близкий родственник и сподвижник Абдаллах ибн Джилуви¹⁴¹.

Присоединение Эль-Хасы. Узнав о поражении турок в первой балканской войне, Абд аль-Азиз стал готовиться к походу на Эль-Хасу. В начале 1913 г. он перебрался в Касим, где объявил всеобщую мобилизацию¹⁴².

В тот момент ихваны уже входили в его войско, но не составляли большинства воинов. Собрав оседлых жителей Неджда и присоединившихся к ним бедуинов, Ибн Сауд направился в Эль-Хасу. Перед тем как начать эту военную кампанию, он встретился с английским офицером Дж. Личменом и, видимо, предупредил его о плане нападения на турок¹⁴³.

Население Эль-Хасы, измученное турецкими вымогательствами и гнетом, смотрело на недждийцев как на избавителей. Еще в 1903 г. российский консул в Басре писал, что османский мютесарриф в Эль-Хасе «своим самоуправством и лихоимством довел арабское население санджака до изнеможения»¹⁴⁴.

Большие силы, которые Абд аль-Азиз собрал в районе колодцев и пастбищ между Эр-Риядом и Кувейтом, обеспокоили турок. Губернатор Багдада Джемаль-паша пригрозил направить два батальона в Неджд, чтобы пройти его из конца в конец. Риядский эмир дерзко ответил, что скоро он облегчит задачу Джемалю, сократив расстояние, которое предстоит пройти этим батальонам для встречи с ним¹⁴⁵. Турецкий мютесарриф Эль-Хасы Надим-бей направил к Абд аль-Азизу своего представителя, чтобы разузнать о его намерениях. Ибн Сауд утверждал, что собирается всего лишь напасть на одно из племен в Кувейте. Одновременно он направил людей в Хуфуф, чтобы закупить большое количество ряс и фиников. Через своих агентов в Эль-Хасе правитель Неджда узнал расположение турецких гарнизонов и установил связи с местными жителями¹⁴⁶.

«Власть турок над Эль-Хасой была призрачной, — доносил российский консул в Басре. — Она почти кончалась за пределами городов... В первых числах мая Ибн Сауд собрал около 8 тыс. хорошо вооруженных арабов, внезапно вторгся в Эль-Хасу и произвел нападение на Хуфуф. Большого труда ему овладеть городом не представляло»¹⁴⁷.

Атака на город началась ночью с помощью заранее заготовленных пальмовых стволов, веревок и лестниц. Скоро город пал, как и цитадель Кут, за исключением мечети Ибрагим-паши в самой крепости. Мютесарриф и часть его гарнизона укрепились в мечети. Всего в Хуфуфе в тот момент было 1200 турок¹⁴⁸.

Под мечеть была подведена мина, и осажденных предупредили, что если они не сдадутся, то мину взорвут и начнется штурм. Мютесарриф решил сложить оружие. Гарнизон был выведен из города под эскортом, которым командовал Ахмед ибн Сунайян. дальний родственник Абд аль-Азиза. Турки отплыли на Бахрейн.

Через некоторое время они высадились в порту Эль-Укайр, чтобы попытаться вернуть контроль над Эль-Хасой. Некоторые из них были захвачены в плен, остальные опять бежали на Бахрейн. Затем недждийцы захватили и Эль-Катиф. Абд аль-Азиз написал англичанам письмо, жалуясь на то, что они позволили туркам использовать Бахрейн как базу для действий против него. Видимо, он был уверен в поддержке англичан и его разочаровало их бездействие¹⁴⁹.

Восточная провинция была теперь в его власти. «Вполне возможно, что все это случилось не без ведома, а может быть, и советов англичан, интриги которых среди арабских шейхов хорошо известны»¹⁵⁰. — писал российский консул в Басре.

Риядский правитель, не теряя времени, стал «умиротворять» шиитов, традиционно настроенных враждебно к Саудидам и ваххабитской доктрине. Губернатором Эль-Хасы Абд аль-Азиз назначил своего двоюродного брата Абдаллаха ибн Джилуви, и тот начал беспощадно расправляться с активными шиитами, особенно в Эль-Катифе¹⁵¹.

Во времена османской администрации доходы с провинции составляли 37 тыс. лир в год, а расходы на содержание гарнизонов и администрации — 52 тыс. Но, по мнению российского консула в Басре, доходы с Эль-Хасы можно было увеличить¹⁵², что и решил сделать Абд аль-Азиз. Он выслал иностранных купцов из Эль-Хасы и Эль-Катифа и на весь импорт в Восточную провинцию со стороны моря наложил 8%-ную пошлину¹⁵³. Абдаллах ибн Джилуви железной рукой искоренил грабеж на караванных путях, и купцы могли теперь путешествовать по провинции в относительной безопасности¹⁵⁴.

Риядский эмират отнял у Османской империи относительно богатую аравийскую провинцию и получил выход к Персидскому заливу от Кувейта до Катара. Значение Эль-Хасы для Риядского эмирата трудно переоценить. Территория, которую до того времени контролировали Саудида, была лишена каких-либо природных ресурсов. Урожай фиников в ее границах едва покрывал нужды оседлого и кочевого населения. Зерна не хватало, и эмират нуждался в его импорте. Оседлое население почти целиком зависело от ввоза тканей. Войско нуждалось в закупках за границей оружия. Захват богатой провинции и выход к Персидскому заливу гарантировали жизнеспособность и дальнейшее укрепление государства Саудидов.

Великобритания, рассчитывая в конечном счете превратить его в свой протекторат, не препятствовала изгнанию турок из Эль-Хасы. Английский представитель на Бахрейне нанес визит вежливости Абд аль-Азизу в порту Эль-Укайр после падения Эль-Хасы. В конце 1913 г. политический агент Великобритании в Кувейте капитан Шекспир, который уже встречался с Ибн Саудом, посетил его в Эр-Рияде, а затем совершил большое путешествие по Аравии до Суэца. Не имея других полномочий, он обсудил с риядским эмиром лишь общую ситуацию¹⁵⁵.

Однако информация, которую Шекспир не мог или не хотел сообщить Абд аль-Азизу, заключалась в том, что Великобритания вела двойную игру. В июне 1913 г. между османским послом Ибрагимом Хакки-пашой и английским министром иностранных дел Эдуардом Греем была заключена конвенция о разграничении владений Османской империи и британских протекторатов на аравийском побережье Персидского залива — Кувейта, Бахрейна и Договорного Омана. Все эти территории так или иначе были связаны с Эль-Хасой, которая не была упомянута в соглашении; таким образом, формально предполагалось, что она была частью Османской империи¹⁵⁶.

В марте 1914 г. Великобритания и Османская империя согласились разделить Аравийский полуостров. По условиям договора граница между владениями двух государств пролегла вдоль прямой линии, протянувшейся от полуострова Катар через пустыни Центральной Аравии до границы между аденскими протекторатами и Йеменом. Все, что лежало к северу от этой линии, считалось османской территорией, включая не только Эль-Хасу, но и Неджд. А все, что лежало к югу, считалось британской территорией¹⁵⁷. Этот договор, впрочем, потерял смысл с началом первой мировой войны.

После падения Эль-Хасы последовали переговоры Абд аль-Азиза с представителями османских властей. Ни сил, ни денег для возвращения потерянной провинции у Порты не было, и турки хотели лишь «сохранить лицо». «Посылка в Эль-Хасу экспедиционного корпуса для турок в настоящее время представляется совершенно невозможной, ни в Багдаде, ни в Бассоре у турок нет достаточного количества солдат, — сообщало российское консульство в Басре 27 мая 1914 г. — Кроме того, английское правительство, следящее с огромным интересом за всем тем, что происходит в Эль-Хасе,

постарается... воспрепятствовать туркам вновь утвердиться на берегах Персидского залива»¹⁵⁸.

Риядский эмир, как пишет Г. Филби, согласился устно признать сюзеренитет султана над своей территорией в обмен на турецкое оружие и деньги, которые позволили бы ему обеспечить безопасность прибрежной провинции¹⁵⁹. «Генерал-губернатор получил из Константинополя фирман для вручения Ибн Сауду, — сообщал российский консул в Басре в июне 1914 г. — Фирман назначает его валием Неджда и Эль-Хасы»¹⁶⁰.

Американский исследователь Г. Троллер категорически утверждал, что 15 мая 1914 г. был заключен формальный османско-саудовский договор, который, в частности, предусматривал, что «Недждийский вилайет должен остаться под управлением Абд аль-Азиза-паши Аяль Сауда на все время его жизни в соответствии с султанским фирманом. После его смерти правление будет передано его детям и внукам фирманом падишаха при условии, что эмир останется верен османскому правительству и своим предкам». В соответствии со статьей 7 турецкий флаг должен был быть поднят над всеми государственными учреждениями, а также на судах, принадлежащих вилайету Неджд. Статья 9-я гласила: «Упомянутый вали (губернатор или командующий) не может вмешиваться в иностранные дела, или заниматься заключением международных договоров, или предоставлять концессию иностранцам». Статья 12 предусматривала, что губернатор Неджда должен сражаться на стороне Османской империи¹⁶¹.

Г. Филби считал, что с началом первой мировой войны Абд аль-Азиз освободился от «устного обязательства» перед турками. Во всяком случае, поведение недждийского эмира с началом военных действий показывало, насколько мало он считался со своими обязательствами по отношению к султану и насколько мало рычагов имели турки, чтобы заставить его действовать в их интересах¹⁶². «Памятная записка правительства Саудовской Аравии» утверждала, будто бы «в саудовских архивах не нашлось никакого документа, содержащего заключенное саудовско-турецкое соглашение»¹⁶³. Отсутствие такого документа в саудовских архивах, если его там действительно не было, ничего не доказывает. Вместо подписанного соглашения могла существовать устная договоренность, которую обе стороны могли выполнять, если это было в их интересах. Во всяком случае, Г. Троллер дал полный текст турецко-недждийского договора, хотя на нем действительно не стояло подписи Абд аль-Азиза.

В Стамбуле понимали, что, несмотря на договор с Великобританией о разделе Аравии и устные заверения Ибн Сауда в преданности султану, реальный контроль над Недждом и Эль-Хасой утерян. Поэтому османские власти стали укреплять Джебель-Шаммар и, в частности, обещали предоставить ему 10 тыс. винтовок, продовольствие и деньги¹⁶⁴. Абд аль-Азиз, узнав об этом соглашении, лишний раз убедился, что Стамбул сделал ставку на Хаиль и потенциальная турецкая угроза Риядскому эмирату сохранялась.

Глава X

НЕДЖД И ХИДЖАЗ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

(1914—1918)

Накануне первой мировой войны влияние Германии стало в Османской империи преобладающим. Младотурецкий триумвират после недолгих колебаний сделал ставку на Берлин и вступил в войну против стран Антанты. В результате авантюризма турецкого руководства внутривосточный кризис в Османской империи достиг критической точки, и население большинства нетурецких провинций, прежде всего арабских стран, выступило с требованием самоопределения. Однако державы Антанты рассматривали всю гибнущую империю как свою колониальную добычу, а арабских националистов — как временных, подчиненных союзников, которым нельзя давать укрепиться свыше определенного, безопасного для колонизаторов предела.

Примерно четыре года на Ближнем Востоке шли кровопролитные сражения. В них в разной степени оказались втянуты почти все страны Аравийского полуострова, хотя по масштабам войны Аравия была третьестепенным театром военных действий.

С началом военных операций против Османской империи немедленными задачами Великобритании было сохранить контроль над Египтом, Суэцким каналом и Красным морем, а также захватить плацдарм в низовьях Тигра и Евфрата, чтобы гарантировать нефтяные месторождения в Иране от возможного турецко-германского вторжения. Достижение первой задачи обеспечивалось наличием английских войск в Египте и их контролем над подступами к каналу со стороны Синая, а второй — с помощью высадки экспедиционного корпуса в Месопотамии. В Адене был усилен гарнизон, сюда были переброшены подкрепления англо-индийских войск, чтобы сохранить стратегически важный порт в руках Великобритании, но не вступать в активные военные действия против турецких войск, вторгшихся в Южный Йемен.

Из всех правителей Аравийского полуострова наибольшее внимание союзников привлек шериф Меккн Хусейи, и на него была сделана ставка, которая в какой-то мере затем оправдалась. Как член хашимитского клана из племени курейш, он был одним из влиятельных людей в мусульманском мире. Он считался потомком пророка и хранителем святых мест, назначенным на свой пост фирманом падишаха. Англичане опасались, что призыв турецкого султана к джихаду — священной войне мусульман против христиан, а значит, против англичан и французов, — окажет воздействие и на Египет, Индию, Северную Африку и другие колонии, в которых жили мусульмане. Поддержка шерифом призыва к джихаду усилила бы его воздействие, считали союзники. Правда, призыв султана имел лишь ограниченный отклик, и опасения насчет его воздействия оказались преувеличенными.

Англо-индийские войска за первые два года военных действий в Месопотамии потерпели ряд поражений от турецких войск, в которых было немало арабов. И в Галлиполи, где войска союзников также были разгромлены, в составе турецких дивизий были арабские подданные Османской империи. Поэтому содействие арабскому национализму с религиозным оттенком на том этапе отвечало британским и французским интересам.

Недждийский эмират и первая мировая война. Когда началась мировая война, рядский эмир Абд аль-Азиз написал письма шерифу Хусейну, Сауду ибн Салиху в Хаиль и шейху Мубараку Ааль Сабаху в Кувейт, предлагая созвать встречу арабских правителей с целью не допустить втягивания арабов в военные действия в Европе и заключить договор с великими державами, чтобы гарантировать самоопределение арабских государств. Интересы различных аравийских князей в тот момент не совпадали, и поэтому общей платформы не было найдено. Правитель Хаиля ответил, что он будет сражаться против тех, против кого сражаются турки, и мириться с теми, с кем мирятся они. На границе между Хиджазом и Недждом состоялась встреча представителя Абд аль-Азиза с сыном шерифа Хусейна, Абдаллахом, но они ни о чем не договорились. Что касается Мубарака, то он посоветовал Абд аль-Азизу начать переговоры с англичанами¹.

В Неджде появился представитель османских властей, направленный из Месопотамии, Галиб ан-Накыб. Он встретился с Абд аль-Азизом в Бурайде, но его миссия не была успешной, так как именно в этот момент английские войска захватили Басру. Одновременно из Медины была послана другая турецкая делегация, которая принесла весомое свидетельство желаний османских властей видеть Абд аль-Азиза на своей стороне — 10 тыс. золотых лир. Один из членов этой делегации, Махмуд Шукри эль-Алюси, историк Хиджаза и Аравии, пытался уговорить Абд аль-Азиза оказать туркам поддержку. Абд аль-Азиз уклонился от каких-либо обещаний, ссылаясь на то, что он не в силах противостоять англичанам, но обещал не мешать недждийским торговцам снабжать турецкую армию продовольствием. В течение всей войны турецкие караваны с оружием и снаряжением проходили по его территории из Сирии в Асир и Йемен².

Но даже делая ставку на Хусейна, англичане не могли игнорировать самого сильного аравийского правителя — эмира Неджда. В это время владения Абд аль-Азиза простирались от Кувейта и Джебель-Шаммара до границ пустыни Руб-эль-Хали и от Персидского залива до Хиджаза. От Абд аль-Азиза хотели только одного — чтобы он нейтрализовал вассала турок, хаильского эмира, который угрожал флангу британской армии в Нижней Месопотамии. В начале войны англичане надеялись, что, привлекая на свою сторону недждийского эмира, они смогут заставить его установить блокаду на товары, идущие через Кувейт с побережья Персидского залива к туркам в Хиджаз и Сирию. Практика, впрочем, показала, что все аравийские правители, даже враждующие между собой, смотрели сквозь пальцы на прохождение караванов по своей территории, лишь собирая с них увеличенные пошлины³.

С началом военных действий на Ближнем Востоке британский резидент в бассейне Персидского залива П. Кокс отозвал своего способного агента — капитана У. Шекспира из отпуска и направил его в Неджд. Прибыв в Эр-Рияд, У. Шекспир настаивал на том, чтобы недждийский эмир начал военные действия против шаммаров⁴. В начале января 1915 г. Абд аль-Азиз с войском в полторы тысячи человек, главным образом жителей оазисов Арида, выступил на север. Позднее к нему присоединились воины из племен мутайр, аджман, субай и сухуль. Навстречу ему направился Сауд ибн Салих, правитель Хаиля, у которого тоже было примерно полторы тысячи человек⁵. (К этому времени Замиль Ааль Субхан уже был убит.) Принимать эти цифры за достоверные нельзя, но они показывают примерные масштабы операций.

У Абд аль-Азиза даже было несколько пушек, которыми командовал капитан У. Шекспир, хотя, по другой версии, он был просто наблюдателем⁶. Видимо, Ибн Сауд не хотел, чтобы англичанин, который вдобавок отказывался надевать арабскую одежду, находился в его войске в условиях, когда все больше распространялся ихванский фанатизм. Эмир пытался убедить британского представителя остаться в Эз-Зильфи, но тот настаивал на участии в походе, может быть считая, что речь идет о его чести, а может быть для того, чтобы проконтролировать намерения Абд аль-Азиза и не дать ему склониться от боя⁷.

К концу января 1915 г. противники встретились у колодца Джераба к северу от Эз-Зильфи. Началось сражение, продолжавшееся несколько дней. По одним данным, единственный, кто был убит, — это сам капитан У. Шекспир, по другим данным, стороны потеряли по сотне человек⁸. Воины Абд аль-Азиза, находившиеся под сильным влиянием ихванских настроений, выступали с их боевыми кличами. Шаммарские племена, составлявшие основу войска правителя Хаиля, выступали под воинственные кличи своего племени, которые выкрикивали прекрасные девушки с распущенными волосами, сидевшие на верблюдах. Эти факты любопытны не только потому, что составляли маленький эпизод войны, которая велась в Европе с применением артиллерии, отравляющих газов, самолетов, а затем и танков. Для Аравии важно отметить, что сам подбор боевых кличей показывал разную базу двух эмиратов: племенную — для Джебель-Шаммара и общеаравийскую, основанную на ваххабитском единобожии, принятом ихванами, — для Недждийского эмирата. Шаммары ободряли друг друга, обращаясь к призывам к своему общеплеменному предку, а воины Саудидов — к воображаемому раю, который ждет их в случае смерти⁹.

Во время боя воины из племени аджман вместо того, чтобы сражаться против шаммаров, напали на войско Абд аль-Азиза и захватили несколько его верблюдов. Бедуины из мутайров прорвались в лагерь шаммаров и начали его грабить¹⁰. Г. Филбн считал, что битва закончилась вничью¹¹. Но она отбила на два-три года вперед охоту у риядского эмира ввязываться в большую войну. Он постоянно уклонялся от активного участия в военных действиях, на которых настаивали англичане.

Англо-недждийский договор. У. Шекспир успел провести с Абд аль-Азизом политические переговоры. Они набросали проект договора, в котором англичане должны

были гарантировать позиции риядского эмира в Неджде и Эль-Хасе и защищать его против возможных османских нападений с моря или суши, если он примет обязательство помогать союзникам. Англичане отказывались от своей старой политики невмешательства во внутренние дела полуострова. Согласно договору, как считает Г. Филби¹², Великобритания признавала и гарантировала полную независимость Ибн Сауда, а он обязывался воздерживаться от отношений с другими странами без предварительных консультаций с британскими властями. Другие статьи договора касались финансовой и военной помощи, которую, как предполагалось, англичане должны были обеспечить для операций Абд аль-Азиза против противника, в частности Джебель-Шаммара. Правда, для современного читателя странно звучит понятие «полная независимость» при отказе от самостоятельной внешней политики. Но для представителей британской колониальной службы такое сочетание отнюдь не резало ухо. Изучение английских архивных документов, проведенное Г. Троллером, показывает, что Абд аль-Азиз довольно тонко понимал эти нюансы. Сверяя тексты первоначального договора, предложенного англичанами, с его поправками, Троллер обнаружил, что все замечания недждийского эмира сводились к усилению его самостоятельности и к уменьшению английского контроля над его политикой¹³.

В то время как Ибн Сауд вел переговоры с У. Шекспиром, в Неджд прибывали турецкие посланцы, которые не теряли надежды привлечь имама к участию в священной войне против неверных¹⁴. После гибели У. Шекспира на его место временно никто не был послан. Для англичан ситуация в Центральной Аравии оставалась неясной. Их внимание сосредоточивалось на западе Аравии.

Лишь 26 декабря 1915 г. они подписали с Абд аль-Азизом договор. Подписание состоялось на острове Дарин, находящемся против Эль-Катифа, поэтому договор называют или «даринским», или «катифским». Он был подписан Абд аль-Азизом и П. Коксом, британским политическим резидентом, а ратифицирован — вице-королем и губернатором Индии на совете в Симле в июле 1916 г. Накануне заключения договора между П. Коксом и Абд аль-Азизом, сообщил Г. Филби, англичане сделали эмиру Эр-Рида подарок — тысячу винтовок и 20 тыс. ф. ст. — и разрешили ему закупать военное снаряжение на Бахрейне¹⁵.

Британское правительство признавало, что сюзеренитет Абд аль-Азиза «распространяется на Неджд, Эль-Хасу. Эль-Катиф и Эль-Джубайль, а также на зависимые от них территории». Статья третья договора предусматривала: «Ибн Сауд соглашается и обещает воздерживаться от переписки, соглашений или заключения договора с какой-либо иностранной державой или нацией». Статья четвертая гласила, что недждийский эмир не мог ни уступать, ни сдавать в аренду, в залог или другим образом распоряжаться территориями или частью их, предоставлять концессию какой-либо иностранной державе или подданному иностранной державы без согласия британского правительства. Он обязался не вмешиваться в дела «территории Кувейта, Бахрейна, шейхов Катара и Оманского побережья»¹⁶. О западных границах Неджда ничего не говорилось. Таким образом, этот договор практически устанавливал протекторат Великобритании над Недждем и зависимыми от него территориями. Он вписывался в систему «Пакс Британника», которая должна была, по замыслу Лондона, установиться на большей части Ближнего Востока и, во всяком случае, во всей Аравии после войны. В обмен на заключенный договор Неджду впоследствии, с 1916 г., была установлена ежемесячная субсидия в размере 5 тыс. ф. ст., а также разовые поставки пулеметов и винтовок¹⁷.

Восстание аджманов. Хотя подразделение племени аджман сражалось вместе с Абд аль-Азизом в битве при Джирабе в январе 1915 г., их предательского поведения Абд аль-Азиз не забыл и искал повода и способа их наказать. Аджмаиы на протяжении почти полусотни лет были одним из самых трудных для Саудидов племен и неохотно подчинялись центральному правительству. Вскоре после битвы при Джирабе аджманы

ограбили некоторые племена, подчинявшиеся правителю Кувейта; тот написал Абд аль-Азизу письмо с просьбой наказать дерзких налетчиков. Это был желанный предлог. Но риядский эмир не доверял правителю Кувейта и опасался, что во время его похода против аджманов Кувейт изменит свое решение и предоставит им убежище.

Летом 1915 г., еще не подписав соглашение с англичанами, Абд аль-Азиз направился с отрядом из 300 человек в Эль-Хасу, где к нему присоединилось местное ополчение. Он достиг аджманов в мае — июне 1915 г. у Джебель-Канзана, но аджманы были готовы к битве и оказали упорное сопротивление. Недждийцы потеряли около 300 человек, включая брата эмира — Саада, и сам Абд аль-Азиз был ранен. После такой неудачи он вынужден был отойти в оазисы Эль-Хасы. Положение стало настолько серьезным, что он вынужден был скрыться за стенами цитадели Кут в г. Хуфуфе. Аджмаиы начали грабить соседние оазисы и осаждали Абд аль-Азиза примерно шесть месяцев — до сентября — октября 1915 г. Им помогали и некоторые местные эмиры и «араифы». Поддержка им поступала также из Хаиля. Абд аль-Азизу его отец послал подкрепление под командованием своего второго сына, Мухаммеда¹⁸.

Обращение за помощью к шейху Кувейта не привело немедленно к результату, и лишь после вторичного запроса Мубарак послал для поддержки Абд аль-Азиза своего сына Салима с 200 воинами. В начале следующего года Абд аль-Азиз уже был в состоянии выбраться из Хуфуфа и начать нападения на аджманов¹⁹. С Салимом ибн Мубараком Абд аль-Азиз скоро поссорился, и тот ушел обратно в Кувейт. Аджманы, теснимые Абд аль-Азизом, прибыли в Кувейт, и, как и подозревал Абд аль-Азиз, Мубарак предоставил племени убежище. В начале января 1916 г. Мубарак умер, шейхом стал Джабир ибн Мубарак, у которого с Абд аль-Азизом сложились хорошие отношения со времен совместных набегов. Новый шейх даже изгнал аджманов с территории своего княжества, и на какой-то период отношения между Недждом и Кувейтом потеплели. Но в 1917 г. Джабир умер, и шейхом стал его брат Салим, настроенный против Ибн Сауда²⁰.

В 1916 г. Сауд ибн Салих из Хаиля появился с войском в Касиме и попытался захватить Бурайду, чтобы вернуть себе контроль над провинцией, но потерпел неудачу. Эмират Джебель-Шаммар угасал, несмотря на османскую поддержку. Антитурецкие настроения аравийского населения направлялись и против правителей Хаиля. А. Мусил писал, что местные жители, которые все чаще присоединялись к Саудидам, уничтожали шаммарские гарнизоны²¹. Эмир Бурайды смог самостоятельно нанести поражение шаммарам²².

Восстание хиджазцев против турок²³. Тема арабского восстания во главе с шерифом Хусейном против Османской империи, перипетии, связанные с разделом Османской империи и нарушением англичанами принятых обязательств, достаточно хорошо разработаны и в отечественной, и в западной, и в арабской литературе. Поэтому мы ограничимся лишь схематичным изложением событий, учитывая, что наше внимание сосредоточено на Неджде, где сложилось ядро Саудовской Аравии.

Интерес к арабскому восстанию против турок непропорционально велик в западноевропейской и американской литературе, как исторической, так и художественной, благодаря личности одного человека — полковника Т. Лоуренса. Он прибыл из Каира в качестве офицера связи к шерифу Мекки в октябре 1916 г., встретился с его сыном Абдаллахом, затем с другим сыном — Фейсалом. После взятия у турок мелких городов на побережье Красного моря бедуинские отряды направились на север Хиджаза, чтобы захватить порт Акабу. В важном бою на подступах к Акабе, когда дело решил храбрый и способный бедуинский вождь, сам Т. Лоуренс был в невменяемом состоянии, беспорядочно стрелял, убил выстрелом в голову своего собственного верблюда и упал без сознания. Бедуины разгромили небольшой турецкий отряд, который закрывал им дорогу на Акабу, и взяли город. Затем действия арабских армий ограничивались операциями против турок к востоку от реки Иордан и диверсиями на железной дороге, в которых Т. Лоуренс активно участвовал. Конечно, восстание арабов

способствовало успеху союзников и сохранило жизнь британским солдатам. Но арабы отдавали свои жизни фактически для того, чтобы их страны потом оказались поделенными между колонизаторами. Т. Лоуренс знал об этом, но толкал аравийских арабов на смерть. «Так как я не был полным дураком, то я мог видеть, что если мы выиграем войну, то обещания арабам будут мертвым листком бумаги, — писал Т. Лоуренс. — Если бы я был честным советником, я бы отослал моих людей домой и не позволил бы им рисковать своими жизнями за такое дело. Но арабское вдохновение было нашим главным орудием, чтобы выиграть войну на Востоке. Поэтому я заверял их, что Англия сдержит свое слово и по букве, и по духу... Но, конечно... я был постоянно полон горечи и стыда»²⁴.

Стоит еще раз подчеркнуть, что в первой мировой войне внимание к мекканскому шерифу союзников было гораздо большим, чем к Недждийскому эмирату. Хиджаз лежал вдоль важных морских коммуникаций Великобритании и ее союзников по Красному морю. На территории от Маана до Йемена были расквартированы примерно четыре турецкие дивизии, которые сковало арабское восстание.

Политика шерифа Хусейна была связана с подъемом национально-освободительного движения в арабских частях Османской империи. В начале XX в. в Османской империи появились различные общества и организации для защиты прав арабов. В 1909 г. после младотурецкой революции в Стамбуле была создана так называемая Кахтанйская лига во главе с видными арабскими националистами того периода. Она вела работу среди офицеров-арабов в турецкой армии. В 1912 г. в Египте была создана Османская партия децентрализации, поставившая задачу добиться создания автономных правительств в османских провинциях. Многие арабские националисты начала века наивно полагали, будто Великобритания и Франция могут бескорыстно содействовать им в освобождении из-под гнета султанской Турции. Им предстояло жестоко разочароваться, а некоторым — поплатиться жизнью за свою слепоту.

Младотурки приняли на вооружение шовинистическую пантюркистскую идеологию и начали обвинять арабов в том, что они действуют в интересах иностранцев. В то время еще ни одна арабская партия не ставила вопроса о формальном отделении от Османской империи, но младотурки уловили, что тенденции к автономии могли привести в будущем к требованию независимости.

В июне 1913 г. в Париже был созван арабский конгресс, на котором обсуждались права арабов в Османской империи. Его участники, в большинстве сирийцы, настаивали на необходимости реформ на принципах децентрализации. Младотурки были обеспокоены арабским национально-освободительным движением и стали прибегать к репрессиям. Хотя в августе 1918 г. османское правительство издало указ, который, в частности, предусматривал расширение прав местных органов власти и введение обучения на арабском языке в провинциях с преобладающим арабским населением, все эти реформы остались чернилами на бумаге.

Провозгласив в начале войны джихад, триумвират, правивший Османской империей, пытался подключить к нему шерифа Мекки. Ему слали письмо за письмом, требуя, чтобы он объявил о поддержке священной войны. Хусейн уклонялся от ответа, ссылаясь на уязвимость своей позиции для британских ударов и на угрозу голода в случае блокады побережья Хиджаза. В телеграммах турецкому военному министру и фактическому главе триумvirата Энвер-паше правитель Мекки требовал признать независимость Хиджаза и амнистировать схваченных арабских националистов. Триумвират не мог пойти так далеко.

Еще до начала войны правитель Мекки установил отношения с англичанами через Каир. Сын шерифа. Абдаллах, который был депутатом османского парламента, встречался дважды (в 1913 и начале 1914 г.) с лордом Китченером — британским верховным комиссаром в Египте, чтобы прощупать почву на случай выступления арабов против турок. Он надеялся на помощь, в частности оружием. Англичане тогда уклонились от

отпета, но визит Абдаллаха открыл им глаза на глубину антитурецких национальных чувств аравийских арабов.

С началом первой мировой войны лорд Китченер был назначен военным министром, а его место в Египте занял Генри Макмагон. В январе 1915 г. Р. Сторз, секретарь по восточным делам при британском верховном комиссаре в Египте, и руководитель британской военной разведки в Каире Г. Клейтон начали разрабатывать план восстания арабов на стороне держав Антанты. В середине октября посланец Сторза прибыл в Мекку, чтобы связаться с Абдаллахом. Началась переписка шерифа с британским верховным комиссаром в Египте. Сын Хусейна, Фейсал, считал, что у Франции есть план захвата Сирии, а у Великобритании — южных районов Ирака. В предложениях Китченера, который уже находился в Лондоне, не содержалось никаких обязательств и гарантий против раздела арабских территорий, а был лишь намек на признание независимости Хиджаза. Но у Абдаллаха были контакты с тайными обществами в Сирии и Ираке, и он предполагал, что Дамаск и Багдад ответят положительно на призыв к выступлению против турок.

Арабские националисты, в частности из обществ «Аль-Фатат» и «Аль-Ахд», тем временем тоже готовили восстания в Сирии и Ираке, охваченных антитурецкими волнениями. Условием сотрудничества с англичанами они ставили признание Великобританией независимости арабских стран, граница которых на севере должна была проходить через Мерсин, Адану, Урфу, Мардин, и только Аден на юге Аравии был исключен из определения «арабских стран». В их программе предусматривалось заключение оборонительного соглашения между Великобританией и будущим независимым арабским государством и предоставление экономических преференций Великобритании. В качестве лидера арабских националистов они признавали шерифа Мекки.

В 1915 и 1916 гг. османские власти в Сирии раскрыли тайные арабские организации, схватили и казнили их лидеров на глазах Фейсала, который в 1916 г. находился в Дамаске в качестве фактического пленника турок. Видимо, турки узнали об их связях с Фейсалом, но предпочли пока не трогать его. В 1916 г. были разгромлены организации арабских националистов в Ираке. Войска, где было много арабов, младотурки стали перебрасывать на европейский фронт, а в арабские страны посылать чисто турецкие части.

Шериф возобновил переговоры с англичанами в 1915 г., повторив требования, разработанные арабскими националистами в Сирии, в качестве своих условий для выступления против турок. В этот момент война для Великобритании и ее союзников шла на Ближнем Востоке неудачно. Наступательные действия в Галлиполи и на Синае провалились. Турки из Йемена угрожали Адану. В Ираке положение экспедиционного корпуса было тяжелым. Союзники придавали большое значение восстанию арабов, которое должно было способствовать их военным усилиям на Ближнем Востоке.

Состоялся обмен письмами между Хусейном и Г. Макмагоном, породивший потом ожесточенные споры. В послании от 14 июля 1915 г. правитель Мекки так конкретизировал свои требования: «1. Великобритания признает независимость арабских стран, которые ограничены: на севере — линией Мерсин — Адана, далее по 37-й параллели и линией Биреджик — Урфа — Мардин — Мидиат — Джазират-ибн-Омар — Амадия к персидской границе; на востоке — персидской границей вплоть до Персидского залива; на юге — Индийским океаном (за исключением Адена, который сохраняет свой настоящий статус); на западе — Красным морем и Средиземным морем до Мерсина. 2. Великобритания согласится на провозглашение Арабского халифата. 3. Шерифское арабское правительство берет на себя обязательство при прочих равных условиях предоставить Великобритании преимущества во всех экономических предприятиях в арабских странах». Далее содержались условия военного союза, отмена режима капитуляций и другие вопросы. Из текста послания ясна претензия Хусейна стать с

английской помощью во главе независимого арабского государства, которое включило бы а себя не только все арабские (и часть курдских и чисто турецких владений Османской империи), но и все аравийские протектораты Великобритании, кроме колонии Аден.

В своем послании от 24 октября 1915 г. Макмагон писал: «Районы Мерсина и Александретты и части Сирии, лежащие к западу от районов Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо, не могут быть названы чисто арабскими и должны по этой причине быть исключенными из предложенного разграничения. При условии этой модификации и без нанесения ущерба договорам, заключенным между нами и некоторыми арабскими вождями, мы принимаем это разграничение. Что касается районов, лежащих внутри тех предложенных границ, в которых Великобритания может свободно действовать без нанесения ущерба интересам своего союзника — Франции, то я уполномочен передать вам следующие обязательства от имени правительства Великобритании... 1. При условии вышеупомянутых модификаций Великобритания готова признать и защищать независимость арабов во всех районах, лежащих в границах, предложенных шерифом Мекки. 2. Великобритания гарантирует святыне места против любой внешней агрессии... 4. Подразумевается, что арабы уже решили искать советов и помощи одной лишь Великобритании и что те европейские советники и чиновники, которые будут нужны для установления правильной системы администрации, будут британцами. 5. Что касается двух вилайетов — Багдадского и Бассорского, то арабы признают, что установленные британские интересы и позиции там потребуют специальных административных мероприятий, чтобы защитить эти районы от иностранной агрессии».

Обязательства Великобритании, данные шерифу Хусейну, были настолько двусмысленными и настолько ограничивали его требования, что правитель Мекки, прошедший десятки лет в высоко политизированной атмосфере Стамбула, не мог питать иллюзий насчет истинных границ и подтекста английских обещаний. Но даже самое ограниченное толкование британского послания казалось для него достаточной гарантией его будущего статуса в качестве короля арабов, чтобы начать восстание против турок. В своих публичных декларациях, в переписке с англичанами и в пропаганде он толковал английские обязательства широким образом, считая, что в них содержится признание независимости арабов во главе с ним самим в качестве короля, и рассчитывая, быть может, силой вырвать у англичан больше, чем они обещали.

Но далее при самом осторожном толковании послания Макмагона ни шериф, ни его окружение не могли предполагать, что практически все обещания Лондона были обманом и что уже шли переговоры о колониальном разделе арабских стран, которые завершились подписанием соглашения Сайкс — Пико. Оно было заключено за несколько недель до начала восстания и перечеркивало обязательства Макмагона.

Турки планировали смещение Хусейна и его замену послушным шерифом, поэтому правитель Мекки решил спешить. Накануне восстания он предупредил Фейсала, и тот смог с небольшим эскортом ускользнуть из-под турецкого надзора.

Провозгласив независимость 5 июня 1916 г., Хусейн 10 июня, опасаясь упредительного удара со стороны турок, начал восстание. В июле сдался турецкий гарнизон в Мекке, постепенно были взяты все другие крупные города в Хиджазе, кроме Медины, куда доходила ветка железной дороги из Сирии. В Джидде появились миссии связи — британская во главе с полковником К. Уилсоном и французская во главе с Э. Бремоном.

В конце октября 1916 г. шериф провозгласил себя королем арабов. Эту новость передал за границу его второй сын, Абдаллах. Но претензии шерифа на корону всех арабов никто за пределами Хиджаза не признал. В январе 1917 г. английское и французское правительства информировали Хусейна, что признают его «королем Хиджаза».

В конце 1916 г. под знамена Хусейна в Хиджазе встало 30 — 40 тыс. бойцов, но у них было лишь 10 тыс. винтовок. Организация военных действий сначала была поручена

египетскому офицеру Азизу аль-Масри, а затем — иракскому офицеру Джафару аль-Аскари, который лотом несколько раз был премьер-министром Ирака. Советы офицеров, прошедших выучку в регулярной армии, плохо воспринимались и Хусейном, и его командирами, предпочитавшими традиционные способы ведения военных действий, но кое-какое ядро регулярной армии удалось создать.

В начале 1917 г. последнее селение, Эль-Ваджх, которое турки удерживали еще на побережье Хиджаза, было занято десантом с британских военных кораблей и хиджазским отрядом Фейсала. К июлю 1917 г. восставшими арабами была захвачена Акаба. Английские деньги, которые Хусейн и его сыновья распределяли среди бедуинов, привлекали к восстанию все больше сторонников.

По кромке пустыни по территории нынешней Иордании арабское войско начало продвигаться на Дамаск, что облегчало операции английской армии, возглавляемой Алленби, в Палестине. Крушение Османской империи было близко. Арабы дезертировали из турецких войск.

Когда после Октябрьской революции Советская Россия опубликовала царские тайные договоры, турки передали текст соглашения Сайкс — Пико о разделе арабских стран шерифу Хусейну. Тот связался с англичанами, запрашивая их мнение о подлинности договора, и получил «чистосердечные заверения», что этот договор был фальшивкой, но эти заверения опять были сделаны двусмысленным образом. Шериф Хусейн поверил англичанам или сделал вид, что поверил, и продолжал военные действия против турок. Это означало, что арабская кровь практически лилась в антиарабских целях. Но правительство Хиджаза целиком зависело от военной, финансовой и продовольственной помощи англичан и было лишено свободы действий.

На заключительном этапе войны и после нее стало ясно, что англичане не только не собирались выполнять данные Хусейну и арабским националистам обещания, но и усугубляют проблему откровенным разделом их территории и декларацией Бальфура от 2 ноября 1917 г. о создании еврейского «национального очага» в Палестине. Отношения Хусейна с англичанами резко обострились. На Версальской мирной конференции Великобритания закрепила свои «особые интересы» в Аравии.

30 сентября 1918 г. группа воинов из племени аназа первой ворвалась в Дамаск и прогалопировала по главной площади, размахивая арабским флагом. Лишь спустя сутки в город стали входить английские части Алленби. Фейсал был провозглашен королем Сирии, где было сформировано арабское правительство. Но через два года французы вышвырнут Фейсала из Дамаска и утопят в крови освободительное движение сирийских арабов.

Хиджазское восстание и Абд аль-Азиз. С началом антитурецкого восстания в Хиджазе главной задачей британских политических представителей на Аравийском полуострове было побудить Абд аль-Азиза присоединиться к шерифу и во всяком случае не допустить обострения противоречий между ними. Однако Абд аль-Азиз с самого начала не доверял шерифу Хусейну. Когда рядский эмир узнал от П. Кокса о хиджазском восстании в июне 1916 г., он выразил опасение, как бы претензии Хусейна на руководство арабами не создали ситуации, совершенно неприемлемой для него²⁵. Но эмир Неджда, с началом восстания, видимо, попытался извлечь для себя кое-какие преимущества, пользуясь тем, что руки мекканского шерифа были связаны.

После начала восстания Хусейна недждийцы иногда помогали туркам, иногда — хиджазцам, сообщал такой просаудовский автор, как аз-Зирикли. Он привел три любопытных документа. Один из них — письмо Фейсала ибн Хусейна от 10 ноября 1916 г., в котором тот жалуется на продолжение торговли между Касимом и Мединой. Второе письмо — от шерифа Хусейна, посланное в конце марта 1917 г., с просьбой напасть на Хаиль. Третье письмо — от генерала Фахри-паши, турецкого командующего в Медине, отправленное в июле 1918 г., с предложением помощи оружием и снаряжением для войны против «бунтовщика Хусейна»²⁶.

А. Мусил писал, что отряды Абд аль-Азиза совершали набеги на племена, подчиненные шерифу Хусейну, особенно в приграничных областях. Ибн Сауд поддерживал связи с османским губернатором и главнокомандующим турецкими войсками, действовавшими в окрестностях Медины. За звонкую монету он снабжал турок верблюдами. В конце сентября 1917 г. недждийская делегация направилась в Дамаск, чтобы обсудить с османскими властями различные проблемы, хотя в конце ноября сам эмир посетил англичан в Басре²⁷.

Но Абд аль-Азиз, видимо, уловил, куда клонится чаша весов, конфисковал 700 верблюдов, купленных для турок одним богатым торговцем, и даже передал их в Кувейте англичанам²⁸. Шериф Хусейн, замечая, что британские усилия не могут сдержать его недждийского соперника, направил посланника к Абд аль-Азизу с золотом и призывами действовать против общего (турецкого) врага²⁹.

После начала хиджазского восстания Джебель-Шаммар стал получать через турок помощь оружием. Когда Абд аль-Азиз понял, что военная мощь Хаиля возрождается, он стал стремиться к улучшению отношений с шерифом Хусейном. Но главная причина изменения его отношения к хиджазцам было британское давление. В ноябре 1916 г. П. Кокс встретился с Абд аль-Азизом в Эль-Укайре и попытался убедить его, что ему нечего бояться претензий шерифа, хотя англичане уже знали, что Хусейн объявил себя королем арабов³⁰.

20 ноября 1916 г. П. Кокс организовал в Кувейте «великий дурбар» — совещание, на котором встретились Абд аль-Азиз, шейх Кувейта Джабир и шейх селения Мохаммеры Хазаль. Ибн Сауд похвалил шерифа за его действия и подчеркнул необходимость для всех истинных арабов сотрудничать с ним для защиты арабского дела. Но, как обычно, эмир воздержался от обещаний оказать реальную поддержку. Англичане уговорили Хусейна направить приветственную телеграмму собравшимся в Кувейте³¹.

На «великом дурбаре» Абд аль-Азиз окончательно решил принять сторону Великобритании. Тогда же он вместе с шейхом Кувейта Джабиром получил английский орден. Недждийский эмир сделал краткое заявление, сказав: «Турки поставили себя вне закона своими несправедливыми действиями против мусульман. Они стремились разделять и ослаблять арабов, в то время как англичане поощряли их объединиться». Три лидера дали клятву верно сотрудничать с Великобританией. Именно при этом Абд аль-Азиз сделал свой театральный жест, передав англичанам 700 верблюдов, предназначенных для турок³².

После «великого дурбара» Абд аль-Азиз посетил Басру, где англичане показали ему современное вооружение и где он впервые увидел самолеты. Сдержанный на слова, эмир не выказал восхищения, но надо полагать, современная техника произвела на него впечатление. Тогда же и была достигнута договоренность о ежемесячной субсидии риядскому эмиру в 5 тыс. ф. ст.³³.

П. Кокс смог убедить Абд аль-Азиза, что опасность грозит ему со стороны Джебель-Шаммара, усиленно вооружавшегося немцами и турками. Он предложил эмиру Неджда кроме субсидии 4 пулемета, 3 тыс. винтовок с патронами, а в ответ Абд аль-Азиз обещал выставить 4 тыс. человек против Хаиля³⁴.

Все же англичане убедились, что риядского эмира невозможно подтолкнуть к прямым действиям против Джебель-Шаммара, и рассчитывали хотя бы на то, что заключенный с ним договор заставит его установить блокаду турок в Хиджазе и Сирии. Однако риядский эмир, как и другие правители, до конца войны не препятствовал контрабанде, которая пополняла его казну. Однажды караван из 3 тыс. верблюдов перебрал товары в Хиджаз, это вызвало осложнения в его отношениях с англичанами³⁵.

Когда шериф Хусейн объявил себя «королем арабов», риядский эмир выразил протест и потребовал определить границу между Недждом и Хиджазом и договориться, кому будут подчинены пограничные кочевые племена. Хусейн, по словам недждийского летописца, якобы ответил ему: «Каких границ ты требуешь? Ты сумасшедший или

пьяный»³⁶. Эмир Неджда не забыл этого оскорбления. Он предупредил англичан, что будет вынужден бороться против Хусейна³⁷.

Наичная с 1917 г. П.Кокс стремился отвлечь внимание Абд аль-Азиза от действий союзников в Хиджазе, по-прежнему подталкивая его против Джебель-Шаммара, который с фланга беспокоил англо-индийские войска в Месопотамии. (В этом же году П.Кокс стал британским гражданским комиссаром в Багдаде при англо-индийском экспедиционном корпусе.) Вновь англичане безуспешно пытались остановить контрабанду через аравийские пустыни. Поток товаров шел и из самого Ирака, где были их войска, и из портов Персидского залива, в том числе и через Кувейт. Затем караваны направлялись в Касим или Джебель-Шаммар. а оттуда в Медину или Дамаск.

Осенью 1917 г. арабские отряды Хусейна действовали вяло, и новый английский верховный комиссар в Египте, Р. Уингейт, потребовал усилить давление на Ибн Сауда, чтобы привлечь его к более активным действиям против Джебель-Шаммара. Представитель Уингейта, Р. Сторз, был послан в Багдад, где обсудил ситуацию с П. Коксом. Посетив Эр-Рияд, Сторз стал жертвой солнечного удара и вынужден был покинуть Аравию³⁸. В ноябре 1917 г. представители П. Кокса во главе с полковником Гамильтоном высадились в Эль-Укайре и направились в Эр-Рияд, чтобы в конце месяца обсудить с эмиром сложившуюся ситуацию³⁹.

В этой миссии находился Г.Филби, ставший одним из самых крупных исследователей Аравии и связавший затем с Абд аль-Азизом и Саудовской Аравией свою жизнь. Он стал постоянным британским представителем при риядском эмире. Как писал сам Г.Филби, его задачей было подтолкнуть Абд аль-Азиза к походу против Джебель-Шаммара, не допустить обострения отношений с Хиджазом, найти решение проблемы аджманов. Абд аль-Азиз обещал начать энергичные действия, если ему поставят оружие⁴⁰.

Но к апрелю 1918г., когда уже был взят Иерусалим, англичане больше не нуждались в ликвидации Джебель-Шаммарского эмирата и теперь даже отказывались поставлять то, что Г. Филби запросил в декабре 1917 г. Абд аль-Азиз был разочарован⁴¹.

Г. Филби предложил из фонда, находившегося в его личном распоряжении, 20 тыс. фунтов, если риядский эмир немедленно совершит поход на Хаиль⁴². 5 августа 1918г. началась кампания против Джебель-Шаммара, в которой участвовал Г. Филби, оставивший о ней подробный отчет. В сентябре 1918 г. ихваны двинулись под своими знаменами к Хаилю. У недждийцев было около 5 тыс. человек. В это время уже обострялась обстановка на границе с Хиджазом из-за оазиса Эль-Хурма, Хусейн заключил мир с Хаилем, и все это беспокоило эмира Неджда. Когда шаммары, казалось, были готовы капитулировать, англичане решили, что успех Ибн Сауда в Хайле вызовет отрицательную реакцию Хусейна, и приказали свернуть кампанию. Абд аль-Азиз был в ярости, хотя эта кампания принесла ему большую добычу — полторы тысячи верблюдов, тысячи овец и 10 тыс. патронов. Однако он понял, что англичане уже не заинтересованы в его действиях против Хаиля, тем более в завоевании им Джебель-Шаммара⁴³.

Во время осады Хашимитами Медины, которая продолжалась с марта 1917 г. до октября 1918 г., в лагере Абдаллаха ибн Хусейна разгорелась ссора между Фаджиром, одним из шейхов атайбов, и эмиром оазиса Эль-Хурма — шерифом Халидом ибн Мансуром ибн Люваем. Во время этой ссоры, как утверждает саудовский летописец, шейх Фаджир дал шерифу Халиду пощечину. Тот не простил ему оскорбления, несмотря на то что Абдаллах арестовал Фаджира на три дня⁴⁴.

Осенью 1917 г. большая группа недждийцев совершила паломничество в Мекку. Они с почетом были приняты Хусейном⁴⁵. Недждийцы настаивали на установлении формальной границы между двумя государствами, но король Хусейн уклонялся от ответа⁴⁶. Возможно, что Халид воспользовался хаджем, чтобы установить контакт с недждийцами и принять их толкование «единобожия». От внимания шерифа Хусейна не ускользнул этот факт. Он понимал, что присоединение к ваххабитскому учению

практически означало принятие политических обязательств и преданность по отношению к Эр-Рияду.

Через некоторое время Халид изгнал из Эль-Хурмы кади, направленного шерифом Мекки. Когда Хусейн потребовал, чтобы Халид явился для объяснения, тот отказался, чувствуя, что его жизнь в опасности. Видимо, в ноябре 1917 г. он попытался получить протекцию Абд аль-Азиза, но тогда эмир Неджда уклонился от конкретных обязательств⁴⁷.

В июле 1918 г. король Хусейн направил отряд во главе с шерифом Хамудом ибн Зайдом ибн Фаввазом для захвата Эль-Хурмы. Но к этому времени Абд аль-Азиз уже двинул ихванов в поддержку Халида, и совместными силами они наголову разгромили войско, посланное из Мекки⁴⁸.

Речь шла об открытом вызове шерифу, и в августе 1918 г. тот объявил, что Эль-Хурма принадлежит ему, его семье, что население должно перестать повиноваться Халиду, погрязшему в религиозных заблуждениях⁴⁹. Но Халид к тому времени уже усилился и стал совершать рейды против селений, подчиненных шерифу. Медина еще находилась в турецких руках, и это было практически сотрудничество с турками. Наконец, в ноябре 1918 г. гарнизон в Медине сдался. Для Аравии первая мировая война была окончена.

Дальнейшие события разворачивались вокруг Турабы и Эль-Хурмы — двух оазисов между Хиджазом и Недждом. В Турабе было около 3 тыс. жителей, и многие члены клана шерифов владели там землями. Этот оазис считался воротами Эт Таифа со стороны Неджда. В Эль-Хурме жило около 5 тыс. человек, некоторые из них из племени субай, другие из абдов — рабов и вольноотпущенников. Здесь было несколько десятков шерифских семей⁵⁰.

События в Йемене и Асире. После капитуляции Османской империи в Аравии осталось пять фактически независимых государств — Хиджаз, Неджд, Джебель-Шаммар, Асир и Йемен. Их будущее определялось как взаимной борьбой, где побеждал более сильный, которым оказался Недждийский эмират, так и политикой Великобритании. «Независимая Аравия всегда была фундаментальным принципом нашей восточной политики,— писал 16 мая 1919 г. министр колоний Великобритании лорд Мильнер, — но то, что мы понимаем под этим, означает, что Аравия, хотя и станет сама по себе независимой, будет держаться вне сферы европейских политических интриг и в пределах британской сферы влияния, другими словами, это значит, что ее независимые туземные правители не будут иметь иностранных договоров ни с кем, кроме нас»⁵¹.

Но прежде чем вернуться к основным событиям аравийской политики, которая все больше определялась соперничеством между Недждом и Хиджазом с Великобританией в качестве арбитра, нелишне обратиться к обстановке в Йемене и Асире.

Имам Йемена в первой мировой войне оставался лояльным туркам, в частности, потому, что он не хотел очутиться в зависимости от англичан, а также опасаясь Мухаммеда Ааль йдриси, который установил контроль над Южным Асиром. Эмир Мухаммед Ааль йдриси выступил против турок, заключив договор с английским резидентом в Адене в мае 1915 г. С 12-тысячным войском он пытался без успеха взять Эль-Лухайя. Ему удалось захватить значительную часть Северной Тихамы, а Эль-Лухайя был взят английским флотом с помощью отряда асирцев в начале 1917 г. Шейх северной части Асира (со столицей в Абхе) Хасан Ааль Аид до июня 1916 г. сохранял нейтралитет и лишь впоследствии начал военные операции небольшого масштаба в поддержку арабского восстания⁵².

Оценивая обстановку на юге Аравии в конце первой мировой войны и сразу после нее, отметим, что и Йемен и Асир были поглощены внутренними делами и не оказывали существенного воздействия на исход борьбы между Недждом и Хиджазом.

Битва при Турабе. Победоносные союзники боролись на мирных конференциях за мандаты и привилегии на Ближнем Востоке, мало интересуясь тем, как развиваются

события на Аравийском полуострове. Страшная волна испанского гриппа зимой 1918/19 г. унесла больше жертв в Аравии, чем военные действия. Среди умерших был Турки, старший сын Абд аль-Азиза, и два других его сына, а также старшая жена Джаухара⁵³. Эпидемия, однако, не предотвратила нового конфликта на границе Неджда и Хиджаза.

Король Хусейн направил для захвата Эль-Хурмы Шакира ибн Зайда с отрядом из 1200 бедуинов и 500 пехотинцев регулярных сил, но его войско терпело поражение за поражение. В начале 1919 г. правитель Мекки двинул главную часть армии своего сына Абдаллаха, которая насчитывала 8 тыс. человек, и ряд других подразделений на Эль-Хурму⁵⁴. Британский резидент в Джидде понимал, что речь идет уже о прямом столкновении с недждийцами, и попытался предотвратить его. Видимо, он считал, что Хусейн надеется захватить Эль-Хурму, а затем вторгнуться в Неджд. В этот момент ему было неясно, окажется ли столкновение Хиджаза и Неджда выгодным англичанам. Однако поведение короля Хусейна, его недовольство английской политикой, его напоминания англичанам о нарушенных ими обязательствах, его претензии на титул короля всех арабов, может быть, подталкивали Лондон к мысли, что шерифа надо «проучить». Правда, в этот момент англичане могли не знать подлинной боеспособности недждийцев. Г. Филби пишет, что на совещании у лорда Керзона в марте 1919 г. почти все высказали уверенность в разгроме ваххабитов, и было решено поддержать притязания Хиджаза на оазис Эль-Хурма⁵⁵.

Абдаллах был против решения, принятого его отцом. Он понимал, что население Хиджаза устало от войны, а действия против неуловимых бедуинов могли затянуться надолго и не принести успеха. Но по приказу отца он двинулся на восток, по направлению к городу Тураба, который лежит в 120-130 км от Эль-Хурмы.

В конце мая 1919 г. Абдаллах захватил Турабу и позволил своим солдатам разграбить оазис⁵⁶. Последовала переписка с Абд аль-Азизом. Недждийские источники утверждают, что письмо Абдаллаха было высокомерным и угрожающим (впоследствии Абдаллах говорил, что такими эпитетами пестрит послание эмира Неджда)⁵⁷.

В это время недалеко от Турабы собрались ихванские подразделения из Эль-Гатгата во главе с Султаном ибн Биджадом и отряд воинов из племени кахтан во главе с Хамудом ибн Омаром.

Сюда же прибыл Халид ибн Лювай из Эль-Хурмы. По недждийским данным, у них было около 4 тыс. человек. Посланцы Абд аль-Азиза, возвращавшиеся из Турабы, рассказывали ужасные истории о грабежах, убийствах и насилиях, совершенных армией Абдаллаха, а также утверждали, что Абдаллах якобы хвастался тем, что начнет пост рамадана в Эр-Рияде и будет праздновать курбан-байрам в Эль-Хасе⁵⁸.

Ночью ихваны с трех сторон напали на войско Абдаллаха и наголову разгромили его⁵⁹. Абдаллах признавал, что из 500 солдат регулярной армии, которые у него были, осталось только трое, а из 850 хиджазцев — только 150⁶⁰. Почти все оружие и запасы попали в руки ихванов. Хотя раньше ихваны и участвовали в кое-каких набегах Абд аль-Азиза, это было их первое испытание в серьезной военной операции. Битва показала, что в распоряжении эмира Неджда есть боеспособная сила.

Для хиджазцев сложилась грозная ситуация. Абдаллах сам считал, что после этого поражения положение короля Хиджаза стало безнадежным⁶¹. Однако возможно, что это суждение является лишь проекцией на этот период более поздних выводов.

Абд аль-Азиз прибыл в Турабу в начале июля 1919 г. вместе с большим пополнением в 12 тыс. человек, хотя эта цифра, видимо, преувеличена. Но 4 июля 1919 г. из Джидды прибыл курьер с посланием от британского резидента: «Правительство Его Величества приказало мне информировать Вас, что Вы должны вернуться в Неджд, как только получите мое письмо, оставив Турабу и Эль-Хурму в качестве нейтральных зон, пока между Вами и королем Хусейном не будут определены границы. Если Вы откажетесь уйти после получения моего письма, правительство Его Величества будет считать договор с Вами аннулированным и недействительным и примет все необходимые

шаги, чтобы помешать Вашим враждебным действиям»⁶². Англичане потребовали, чтобы Абд аль-Азиз не двигался на Эт-Таиф.

Получив этот ультиматум, неждидский эмир понял, что зашел слишком далеко, и немедленно вернулся в Эр-Рияд. Он приказал ихванам очистить оазисы в этом районе и заменил их отрядом, приведенным из-под Хаиля, а также восстановил на посту прежнего эмира Турабы. Однако Абд аль-Азиз продолжал направлять письма шейхам кочевых племен этого района, призывая их присоединиться к делу «единобожия»⁶³. Многие откликнулись на его предложение. Как показывала практика, это означало установление контроля неждидцев над пограничным районом.

Свой ультиматум англичане подкрепили посылкой самолетов и солдат в Джидду⁶⁴. Позднее предполагалось, что Эр-Рияду будет прекращена субсидия, если Абд аль-Азиз снова попытается вторгнуться в Хиджаз. В тот момент англичане, видимо, считали, что королю Хусейну был преподан урок, и не намеревались развязывать руки неподконтрольного им неждидского эмира.

В ноябре 1919 г. состоялся визит подростка Фейсала, сына Абд аль-Азиза, в Англию. Его сопровождал Ибн Сунайян, опытный дипломат, получивший образование в Стамбуле и знавший турецкий и французский языки⁶⁵.

Хотя Ибн Сауд подчинился английским требованиям, сравнительно легкий разгром хиджазцев показал ему, какими силами он обладает, и у него сложилось убеждение, что Хиджаз в конце концов будет принадлежать ему. Битву при Турабе можно считать концом новой и началом новейшей истории Аравии.

После завершения первой мировой войны Неджд оставался лишь одним из нескольких государств Аравии. Еще продолжал существовать Джебель-Шаммар, под британским протекторатом находился Кувейт, еще не был присоединен к Неджду Аснр. Хиджаз претендовал на то, чтобы поглотить всю Аравию, хотя и не имел на то сил. На обломках Османской империи европейские колониальные державы выкроили себе подмандатные территории. «Никто не собирался посылать иностранные войска для оккупации какой-либо части Аравии, — писал Ллойд Джордж. — Это была слишком бедная страна, чтобы какая-либо хищная держава оккупировала ее»⁶⁶. О том, что там могут оказаться сказочные запасы нефти, в голову никому не приходило.

Вслед за Октябрьской революции и под ее влиянием многие арабские страны были охвачены национально-освободительными выступлениями различной окраски. При всем разнообразии участвовавших в нем сил эти выступления выступали против колониальных режимов, установленных Великобританией и Францией, против империалистического раздела арабских стран и мандатной системы Лиги наций. Восстания 1919 и 1921 гг. в Египте, 1918—1920 гг. — в Ираке, массовое народное антиколониальное движение 1918—1924 гг. в Сирии и Ливане и сирийское восстание 1925—1927 гг., восстание в Адене в 1919 г. — все эти события оказали на обстановку в Аравии как прямое, так и косвенное воздействие. Становилось ясно, что колониальная система в старых формах постепенно изживала себя.

ЧАСТЬ II

Глава XI

СОБИРАНИЕ АРАВИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ НЕДЖДА (1918-1926)

Положение Неждидского эмирата после первой мировой войны стало гораздо более сложным, чем накануне ее. Если раньше риядский эмир мог использовать противоречия между Османской империей и Великобританией, то сейчас единственной реальной силой в этом районе оказались англичане. Абд аль-Азиз убедился в этом, когда

они не позволили ему нанести удар ни по Хиджазу, ни по Джебель-Шаммару. Правда, Великобритания избегала непосредственно вмешиваться в дела Аравийского полуострова и стремилась избавиться от расходов на аравийских правителей.

Недждийско-кувейтские отношения. Правителя Кувейта беспокоило возвышение Недждийского эмирата. Присоединение племени мутайр, для которого Кувейт был традиционным объектом набегов, к ихванскому движению создавало для него прямую военную угрозу. Под прикрытием защиты и распространения «единобожия» мутайры считали себя вправе грабить Кувейт, страну «многобожников», которая сотрудничала с англичанами.

В 1915 г. кувейтцы помогли племени аджман избежать разгрома, предоставив им убежище на своей территории. Аджманы тогда нехотя подчинились Абд аль-Азизу. Ихванское движение захватило и их, но Абд аль-Азиз собирался разбить племя на два десятка мелких хиджр, разбросанных по внутренним областям Неджда. Не возражая против ихванского движения, аджманы были категорически против расселения за пределы своего дира в провинции Эль-Хаса ¹.

Недждийцам неожиданно помогло ухудшение отношений между англичанами и правителем Кувейта. Англичане установили, что снабжение турок в Дамаске частично шло через Кувейт и его шейх Салим зарабатывал на контрабанде ².

Правитель Кувейта Салим был в курсе англо-турецкого соглашения 1913 г., которое устанавливало его границу в районе Джебель-Мунифа ³. Но он не знал, что по англо-недждийскому договору 1915 г. границы территории Кувейта не были определены ⁴. (Сам он претендовал на значительную часть Эль-Хасы.)

На самой границе Кувейта, но в пределах дира мутайр, Абд аль-Азиз устроил хиджру ихванов. Салим протестовал. Произошло столкновение между кувейтцами и ихванами, которыми командовал Фейсал Ааль Давиш, кончившееся разгромом кувейтцев ⁵.

Учитывая опасность вторжения недждийцев, вокруг г. Эль-Кувейта в течение двух месяцев возвели оборонительную стену. Стороны начали переговоры. Салим обратился к англичанам с просьбой о поддержке. Но те потребовали, чтобы враждующие стороны заранее согласились на решение англичан в качестве арбитров ⁶.

В сентябре 1920 г. эмиры приняли английские требования, но военные действия продолжались. Кувейтцы обратились за помощью к шаммарам, и к ним прибыл отряд, посланный из Хаиля. Ибн Сауд приказал Фейсалу Ааль Давишу двинуться на Кувейт. В сентябре 1920 г. ихваны из племени мутайр числом примерно 4 тыс. появились в нескольких километрах южнее г. Эль-Кувейта ⁷. В том же месяце П. Кокс провел переговоры в Эль-Укайре с Абд аль-Азизом ⁸, пытаясь найти приемлемое для англичан решение пограничных конфликтов. Но в октябре 1920 г. Фейсал под Эль-Джахрой атаковал и разгромил шаммарско-кувейтские силы, хотя и сам понес большие потери. Салим засел в крепости и стал вести переговоры, чтобы выиграть время; одновременно он обратился за помощью к англичанам. В октябре, решив помочь своему протектору, они направили к побережью Кувейта корабли и пригрозили вмешаться в конфликт на стороне Кувейта ⁹. Фейсал был вынужден отойти.

В конце февраля 1921 г. шейх Салим внезапно умер. Знатные жители Кувейта, уставшие от ненужной им войны, остановили свой выбор на Ахмеде ибн Джабире Ааль Сабахе, популярном старшем сыне покойного шейха Джабира ибн Мубарака Ааль Сабаха. Сторонник компромисса с риядским эмиром ¹⁰, он в это время находился в Неджде, где вел переговоры с Ибн Саудом.

Абд аль-Азиз понимал, что англичане Кувейт ему не отдадут. Пока что его внимание было отвлечено намечавшимся походом против Хаиля и возможностью подчинить себе весь Джебель-Шаммар.

Присоединение Джебель-Шаммара. За прошедшие два года разногласия между семьями Субханов и Рашидидов дошли до точки кипения. В 1919 г. Сауд Ааль Субхан

бежал в Зз-Лубайр. Его пост везира перешел к некоему Аккабу ибн Иджлю, который стал искать контакты с Абд аль-Азизом¹¹. В конце марта 1920 г. шаммарский эмир Сауд ибн Абд аль-Азиз был убит своим двоюродным братом Абдаллахом ибн Талялем, которого, в свою очередь, застрелил один из слуг Сауда. В результате место эмира перешло к Абдаллаху ибн Митабу ибн Абд аль-Азизу¹².

Эмир Неджда получил сведения, что при дворе Рашидидов было много сторонников шерифской семьи, и в условиях, когда англичане готовили Фейсалу трон короля Ирака, опасность объединения старых противников Саудидов была реальной¹³. В марте — апреле 1921 г., заключив мирное соглашение с представителем Кувейта, Абд аль-Азиз решил предпринять поход против Хаиля. В это время Центральная Аравия была вновь поражена сильной засухой, цены выросли, и это усугубило трудности Джебель-Шаммара¹¹.

В апреле — мае 1921 г. отряды Ибн Сауда нанесли поражение шаммарским племенам и появились под стенами Хаиля. Началась длительная осада. Правитель Джебель-Шаммара, на этот раз уже Абдаллах ибн Митаб ибн Абд аль-Азиз, решил отсидеться за толстыми стенами Хаиля, но когда в городе подошло к концу продовольствие, он послал делегацию для переговоров. Он был готов согласиться на то, чтобы эмират Джебель-Шаммар ограничивался городом Хаилем и территорией племени шаммар. Однако, чувствуя свою силу, Иби Сауд требовал полной капитуляции¹⁵.

В течение нескольких месяцев продолжались стычки между противниками без существенных результатов. К недждийцам прибыли подкрепления во главе с сыном Абд аль-Азиза Саудом, который возглавил недждийское войско. Хотя жители Хаиля смогли добыть достаточно продовольствия, чтобы выдержать осаду, в самом городе не утихла междоусобная борьба. Хаильская знать прогнала Абдаллаха ибн Митаба и посадила на его место Мухаммеда ибн Таляля (брата Абдаллаха ибн Таляля), который до того был в заточении. Абдаллах ибн Митаб попросил убежища у эмира Эр-Рияда. Осада пока что кончилась ничем, и Абд аль-Азиз приказал своему сыну вернуться в столицу¹⁶.

Тем временем У. Черчилль на совещании в Каире определил послевоенную структуру Ближнего Востока. Англичане решили сделать Фейсала, сына шерифа Хусейна, королем Ирака, и вскоре состоялась его коронация, а Абдаллаха — эмиром Трансиордании. Ибн Сауд понял, что должен спешить, иначе Джебель-Шаммар выскользнет из его рук.

Перед началом новой кампании против Хаиля Абд аль-Азиз собрал совещание недждийской знати, вождей племен и улемов, которое решило для придания стране более высокого международного статуса впредь именовать эмира «султаном Неджда и присоединенных территорий». Британские власти в Ираке вскоре признали его новый титул¹⁷.

В августе 1921 г. Абд аль-Азиз вернулся под Хаиль с войском, насчитывавшим, по некоторым данным, около 10 тыс. человек, включая ихванов во главе с Фейсалом Ааль Давишем. Положение шаммаров становилось безнадежным¹⁸. Через два месяца осады знатные жители направили для переговоров одного из членов клана Субхаков и договорились о сдаче. В назначенное время ворота Хаиля были открыты перед войском Абд аль-Азиза. Ибн Таляль скрылся в крепости и послал отчаянный призыв о помощи британским властям в Ираке и к королю Фейсалу, но помощь не пришла, и через некоторое время он сдался на условии сохранения жизни. Ибн Таляль стал жить в Эр-Рияде почетным пленником и выдал свою дочь замуж за Ибн Сауда. Последний независимый эмир Хаиля был убит в Эр-Рияде одним из своих собственных рабов в 1954 г.¹⁹

1 ноября 1921 г. самостоятельный эмират Джебель-Шаммар перестал существовать. 2 ноября жители Хаиля принесли присягу верности Абд аль-Азизу, который назначил губернатором своей новой провинции Ибрагима Ааль Субхана. Эмир Неджда запретил грабежи в городе и даже передал голодающим кое-какое продовольствие. Больше всего за

свою судьбу опасались шииты, но Ибн Сауд издал указ, гарантировав им защиту²⁰. Характерно, что ихваны не были согласны с терпимостью своего эмира и открыто его критиковали за такое попустительство «неверным»²¹.

С падением Джебель-Шаммара вся Центральная Аравия оказалась в руках риядского эмира, и Неджд с присоединенными территориями стал главной силой на Аравийском полуострове. Джебель-Шаммар не смог устоять против натиска более сильного южного соседа, воинов которого вдохновляли лозунги возрожденного ваххабитского учения. Опираясь главным образом на одно крупное племя, он не стал ядром объединенного аравийского государства, а внутрдинастическая борьба и отсутствие сильного лидера ослабили его перед лицом грозного и решительного соперника. Правители Джебель-Шаммара связали свою судьбу с Османской империей, в то время как национальное движение аравийских арабов носило ясно выраженный антитурецкий характер. Великобритания в тот момент не считала, что присоединение северной части Центральной Аравии к Неджду существенно угрожает ее интересам в Ираке и Трансиордании, и предпочла умыть руки, хотя усиление Неджда доставило ей немало хлопот.

Установление границ с Ираком и Трансиорданием. После завоевания Джебель-Шаммара Недждийский эмират столкнулся с тремя враждебными ему государствами, в которых правила семья Хашимитов, не только на своих западных, но и на северных границах. Так как Ирак и Трансиордания фактически находились под английским контролем, Абд аль-Азиз все свои дальнейшие шаги предпринимал с учетом британской политики.

Границы Джебель-Шаммара с Ираком и Трансиорданием не были определены. Но дело еще было и в том, что в глазах аравийских правителей вопрос о твердо установленной сухопутной границе был несколько новым. Ибн Сауд считал, что ему подчиняются все племена конфедерации шаммар и аназа и, таким образом, его сюзеренитет распространяется на часть территории, которую англичане считали входящей в Ирак. Кроме того, в Ирак откочевали некоторые шаммарские и другие племена, отвергавшие притязания на них Саудидов²². «В Центральной Аравии не было границ, — писал будущий командующий Арабским легионом в Иордании Глабб-паша. — Администрация никогда не делала попыток распространить контроль в пустыне на расстояние больше двух-трех миль от Евфрата... Само выживание многих племен зависело от права свободно кочевать в районах нынешнего Ирака и Сирии. Так же делали и племена сирийские и иракские. Поэтому провести твердую границу казалось для них опасным»²³.

Межплеменные разногласия и стычки привели к усилению трений между Ираком и Недждом. Осенью 1921 г. некий Юсеф ибн Саадун был назначен командующим только что сформированным верблюжьим корпусом Ирака. Но его личным врагом был шейх племени зафир Хамуд ибн Сувайт, который бежал в Эр-Рияд к Абд аль-Азизу и вернулся через некоторое время со сборщиками закята, посланными риядским эмиром. К Хамуду присоединился отряд ихванов из племени мутайр во главе с Фейсалом Ааль Давишем, они напали на лагерь Юсефа в марте 1922 г. и истребили почти всех его воинов. На помощь иракцам англичане послали авиацию. Ибн Сауд утверждал, что не имеет понятия о действиях ихванов, хотя никто его слова не принял всерьез. Иракское правительство расформировало тогда верблюжий корпус и сняло с поста его командующего, Юсефа ибн Саадуну, который, обиженный, бежал в Эр-Рияд и предложил Абд аль-Азизу свои услуги²⁴.

Весной 1922 г. представители Абд аль-Азиза встретились с П. Коксом в Мохаммере. Англичане настаивали на установлении твердой границы между Ираком и Недждом. Недждийская делегация требовала определения границы на основе традиционных дира кочевых племен. 5 мая 1922 г. был подписан мохаммерский договор, который передал территории племен мунтафик и зафир, а также амарат, секции племени

аназа, Ираку, а территорию шаммаров — Неджду. Но Абд аль-Азиз отказался ратифицировать документ под предлогом того, что зафир во главе с Хамудом ибн Сувайтом отдались теперь под его покровительство и отказались подчиняться Ираку²⁵.

В июле 1922 г. ихваны начали продвигаться на северо-запад, в Трансиорданию. После захвата оазиса Джауф в июле 1922 г. они столкнулись с патрулями трансирданского эмира. Затем они захватили оазисы Тайма и Табук и заставили их жителей платить закят Эр-Рияду²⁶. Далее ихваны продвинулись в Вади-Сирхан, который раньше также был частью Дже-бель-Шаммара, и вскоре атаковали оазис Бани-Шакир. Это уже приблизило их к столице Трансиордании Амману²⁷. Одновременно недждийцы выходили на границу с Сирией, французской подмандатной территорией, и разрывали прямую связь между британскими владениями. В то время англичане изучали вопрос о строительстве железной дороги из Палестины в Ирак как раз по этому коридору, поэтому они начали действовать.

П. Кокс решил, что иужно добиться твердо установленной границы и договорился о личной встрече с эмиром Неджда. 21 ноября 1922 г. П. Кокс и Абд аль-Азиз начали шестидневные переговоры в Эль-Укайре. Их результатом были укайрские протоколы, подписанные 2 декабря 1922 г. и добавленные к мохаммерскому договору. Их подписание означало определенный успех английской дипломатии, которая заставила султана Неджда признать границы подмандатного Ирака²⁸.

Протокол № 1 определил границы между Ираком и Недждом и установил нейтральную зону, в которой иракцы и недждийцы имели равные права для выпаса скота. Племена Неджда, обычно использовавшие некоторые колодцы в Ираке, могли продолжать ими пользоваться при условии, что источники воды в районе границы не будут служить военным целям. Таким образом, это соглашение принимало во внимание традиционные дира различных племен.

Протокол № 2 определял, что любое племя, которое захочет подчиниться другому правительству, будет иметь право сделать это.

Одновременно с установлением границы между Недждом и Ираком Абд аль-Азиз подписал конвенцию о границе с кувейтскими делегатами. Это соглашение также обеспечивало нейтральную зону для кочевников с двух сторон, которые могли ее использовать для выпаса скота²⁹.

Сами переговоры в Эль-Укайре заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее. Вот что писал их участник, Диксон: «На шестой день сэра Перси... сказал обеим сторонам, что с той скоростью, с какой они продвигаются на переговорах, они ничего не урегулируют за год. На частной встрече, в которой участвовали только П. Кокс, Ибн Сауд и я, П. Кокс потерял всякое терпение по поводу того, что называл детским отношением Ибн Сауда к идее племенных границ. Арабский язык сэра Перси был не особенно хорош, поэтому переводил я. Было удивительно наблюдать, как верховный комиссар его величества упрекает султана Неджда, словно провинившегося школьника. Ибн Сауду было жестко сказано, что он сам, П. Кокс, определит характер и общую линию границ... Абд аль-Азиз был почти сломлен и патетически заметил, что сэра Перси был его отцом и матерью, которые создали его и подняли из ничтожества на тот пост, который он занимает, и что он готов отдать половину своего королевства, не гоиоря о целом королевстве, если прикажет сэра Перси».

Затем Кокс достал красный карандаш и осторожно провел на карте Аравии линию от Персидского залива к Трансиордании. В тот же вечер, по словам Диксона, было «удивительное последствие». «Ибн Сауд попросил сэра Перси о встрече. Сэр Перси взял меня с собой. Ибн Сауд стоял в одиночестве в центре своего большого шатра, предназначенного для приемов. Он казался ужасно расстроенным. "Мой друг, — простонал он, — вы лишили меня половины моего королевства. Лучше возьмите его полностью и позвольте мне уйти в отставку". Все еще стоя, этот крупный, сильный мужчина, величественный в своей печали, неожиданно разразился слезами. Глубоко

растроганный, сэр Перси схватил его за руку и также стал рыдать. Слезы катились по его щекам. Никто, кроме нас троих, не присутствовал при этой сцене, и я точно передаю то, что видел. Эмоциональная буря длилась недолго. Все еще удерживая руку Ибн Сауда, сэр Перси сказал: "Мой друг, я точно знаю, что вы чувствуете, и по этой причине я отдал вам две трети кувейтской территории. Я не знаю, каким образом Ибн Сабах воспримет удар"»³⁰.

Как бы то ни было, мы не должны забывать, что и Абд аль-Азиз, и П. Кокс были хорошими актерами, и хотя все козыри были на руках у Кокса, так как именно Великобритания диктовала свои условия в Аравии, Абд аль-Азизу удалось добиться выполнения многих своих требований. Как раз в это время Ибн Сауд собирался начать военную кампанию на западе Аравии, и Кокс мог намекнуть на то, что Англия будет смотреть сквозь пальцы на захват им Хиджаза³¹.

Соглашение о границе с Трансиорданией не было достигнуто. В начале 1923 г. небольшая группа ихванов совершила новый набег на Трансиорданию. Они были схвачены, и одиннадцать из них казнили в Аммане³². Тем временем племена, жившие на границе Ирака и Неджда, те самые племена, чью судьбу решили за них в Эль-Укайре, продолжали сводить свои счета. Юсф ибн Саадун смог мобилизовать группу ихванов, чтобы напасть на своих противников из племени зафир, но Абд аль-Азиз, узнав об этом рейде, направил отряд, чтобы наказать его. Тогда Юсеф бежал вместе со своими сторонниками (в том числе и ихванами) и попросил убежища у иракского правительства³³.

Оценивая британскую политику в этом районе в начале 20-х годов, вряд ли можно утверждать, что в интересах Лондона было доводить антагонизм между Недждом, Ираком и Иорданией до взрыва. Англичане предпочитали спокойно осваивать свои новые владения. Кроме того, они еще выделяли значительные субсидии всем правителям этого района, прекратив их лишь с 31 марта 1924 г.³⁴

В декабре 1923 г. в Кувейте по английской инициативе состоялась конференция представителей Трансиордании, Ирака и Неджда, целью которой было урегулирование спорных вопросов, но стороны ни до чего не договорились. Взаимные рейды племен через формально установленную границу продолжались, и в марте 1924 г. Абд аль-Азиз приказал Фейсалу Ааль Давишу наказать племена, которые совершали набеги против Неджда с территории Ирака. Конференция в Кувейте возобновилась в марте 1924 г. и продолжалась до апреля, но также без результатов³⁵.

В середине августа большое соединение ихванов через Вади-Сирхан направилось к Амману. Они прошли под самым фортом в Кафе, недавно построенном англичанами, но так как у его гарнизона не было связи, то их появление в нескольких километрах от Аммана оказалось неожиданным. Используя самолеты, броневики, а также подразделения арабского легиона, англичане отогнали ихванов, нанеся им значительные потери³⁶.

Хотя к лету 1924 г. обстановка на границах с Иорданией, Ираком и Кувейтом оставалась напряженной, внимание эмира Неджда все больше приковывал Хиджаз.

Уже многие годы недждийцы с вожделием смотрели на священные города Хиджаза, а их лидеры подсчитывали возможные доходы от паломников и от таможи в Джидде. Религиозный энтузиазм и фанатизм сочетались с завоевательными планами правящей недждийской аристократии.

Отношения между Недждом и Хиджазом после битвы при Турабе оставались исключительно напряженными. Когда же Абд аль-Азиз направил вооруженный отряд, чтобы захватить город Абха в Северном Асире в мае 1920 г., Хусейн запретил недждийцам принимать участие о паломничестве в августе — сентябре 1920 г. Недждийцы пожаловались П. Коксу как своему арбитру, и по настоянию англичан Хусейн в следующем году разрешил хадж, но ограничил число паломников, опасаясь увидеть большое число ихванов в Хиджазе. К 1923 г. недждийцы уже твердо закрепились в Асире, и опасения Хусейна возросли. Он заявил, что не позволит увеличить число паломников из

Нежда, пока Абд аль-Азиз не выведет свои гарнизоны как из района недждийско-хиджазской границы, так и из Асира³⁷.

Захват северной части Асира. С 1871 г. до первой мировой войны турки прямо управляли провинцией Асир. При эмире из клана Ааль Аидов был турецкий мютесарриф. Когда разразилась война, турки оставили Асир, и эмир Хасан ибн Али Ааль Аид стал фактически самостоятельным. Но многочисленные племена, такие, как кахтан, захран и гамид, выступили против него и ушли во внутренние районы Аравии, послав одновременно делегацию с выражением преданности Абд аль-Азизу. Риядский эмир направил шесть улемов, чтобы те обучали асирцев «единобожию»³⁸.

Хотя большинство населения Асира составляли шафинты, еще со времен первого государства Саудидов они испытывали симпатии к ваххабизму, и их связи с Недждом не прерывались³⁹. Приняв посланцев племен, Абд аль-Азиз направил письмо эмиру Хасану, требуя уважать их права. Хасан потребовал, чтобы Абд аль-Азиз не вмешивался во внутренние дела Асира. В мае 1920 г. войско, составленное из жителей Арида и бедуинов племени кахтан, общей численностью 3 тыс. человек во главе с Абд аль-Азизом ибн Мусаидом ибн Джилюви появилось в горах Асира. К нему присоединились некоторые местные жители. На подступах к Абхе эмир Хасан потерпел поражение, и Ибн Джилюви занял территорию вплоть до района, контролируемого Мухаммедом Ааль Идриси. Не имея сил для установления прямого контроля над эмиратом, Ибн Сауд вывез в Эр-Рияд эмира Хасана и его двоюродного брата Мухаммеда, а через несколько месяцев вернул их в Абху в качестве вассальных губернаторов Эр-Рияда. Внутренняя борьба в Асире продолжалась, и, наконец, эмиром стал некий Фахд аль-Акили; но Хасан смог организовать против него восстание и после нескольких дней осады захватил Абху. Шериф Хусейн из Мекки помогал ему против ставленника недждийцев⁴⁰.

После падения Хаиля Абд аль-Азиз подготовил войско в составе примерно 6 тыс. человек, во главе которого формально встал его сын, подросток Фейсал, а фактически — Ибн Лювай. Они двинулись из Эр-Рияда в июне — июле 1922 г. По пути к войску присоединилось 4 тыс. бедуинов племен кахтан, захран и шахран. Захватив оазис Биша, Фейсал в сентябре — октябре 1922 г. подошел к Абхе и взял город без боя. Хасан Ааль Аид бежал в горы. Попытка короля Хиджаза вмешаться на его стороне окончилась неудачей, и отряд хиджазцев был разгромлен ихванами. Установив контроль над этой частью Асира, Фейсал назначил Саада ибн Уфайсана эмиром Абхи, оставил с ним гарнизон и в январе 1923 г. вернулся в Эр-Рияд⁴¹. Ибн Уфайсан вскоре умер, и Абд аль-Азиз назначил на его место некоего Абд аль-Азиза ибн Ибрагима. Через некоторое время Хасан сдался и был отправлен в Эр-Рияд в качестве почетного пленника⁴². Попытка клана Ааль Аидов создать независимое княжество в северной части Асира потерпела неудачу.

Завоевание Хиджаза. К 1923 г. стало ясно, что приближается военное столкновение между королем Хусейном и Абд аль-Азизом. В Хиджазе росло недовольство его властью. Коррупция и взяточничество все больше разъедали государственный аппарат. Собирая обычный налог с паломников, король увеличил и закят, чтобы укрепить свои вооруженные силы. Попытка посылать войска для сбора налогов вызвала возмущение племен. Много недовольных бежало в Неджд. Король Хусейн все еще считал Асир своим владением, и в апреле 1923 г. военный отряд из Хиджаза безуспешно осаждал Абху⁴³.

По данным Хафиза Вахбы, Абд аль-Азиз решил завоевать Хиджаз уже в 1923 г. Однако он не знал, какую позицию займут англичане. Султан Неджда хорошо помнил, что в 1919 г., они заставили его вывести военные силы после победы под Турабой и предупредили, чтобы он не двигался дальше⁴⁴. Естественно, Ибн Сауд знал о недовольстве режимом Хусейна в Хиджазе, и это было одним из факторов, подталкивавших его к действиям. Одновременно начались трения между Хусейном и паломниками из Индии и Египта из-за плохого санитарно-медицинского обслуживания хаджа⁴⁵.

Отношения короля Хусейна с англичанами ухудшались. В знак протеста против передачи Сирии французам и мандата на Палестину англичанам он отказался ратифицировать Версальский договор. В 1921 г. Лоуренс привез Хусейну предложение об англо-хиджазском договоре. Правители Мекки должны были получить английские субсидии и заключить военный договор с Великобританией, а в обмен признать ее особые интересы в Хиджазе⁴⁶. Хусейн подчеркивал: не может быть мира в Палестине, пока арабы подозревают, что конечной целью сионизма является создание на ее территории еврейского государства за счет их национальных чаяний. Король Хиджаза не подписал договор и призвал премьер-министра Великобритании выполнить обещания, данные во время войны, но ответа так и не получил⁴⁷.

Все эти трения отошли на второй план после того, как в марте 1924 г. Хусейн провозгласил себя халифом (в это время халифат был ликвидирован в Турции, ставшей республикой). Принятием титула халифа он надеялся укрепить свою власть и подтвердить претензии на роль государя всех арабов, во всяком случае к востоку от Суэца. Если этот шаг был воспринят с недовольством в Египте, король которого тоже примеривался к мантии халифа, и среди мусульман Южной Азии, то в Неджде его расцепили как вызов религиозным чувствам ихванов и политике султана Ибн Сауд. Кроме того, это решение обостряло отношения между Хусейном и англичанами, которые были обеспокоены тем, что контроль над Хиджазом ускользает из их рук. В Хусейне они видели потенциального и реального противника, мешающего спокойному осуществлению их колониального господства на Ближнем Востоке.

В июле 1924 г. в Джидде было открыто советское генеральное консульство, что вызвало раздражение англичан. В том же месяце Хусейн вновь отказался подписать англо-хиджазский договор⁴⁸.

Не стоит забывать, что между Великобританией и Недждом по-прежнему существовал формальный договор о протекторате, заключенный в 1915 г. Султан Неджда понял, что на этот раз Великобритания, видимо, останется нейтральной в случае его конфликта с Хиджазом⁴⁹.

В июле 1924 г. в дни празднования ид аль-адха, Абд аль-Азиз собрал лидеров ихванов, которые прибыли в Эр-Рияд, чтобы решить с ними вопрос о завоевании Хиджаза. Его призыв к джихаду был воспринят с энтузиазмом⁵⁰. Ихваны хотели «очистить» священные города в богоугодной войне, вознаградив себя материальной добычей за религиозное рвение.

Абд аль-Азиз решил нанести удар прежде всего по Эт-Таифу, горному курорту недалеко от Мекки, и проверить реакцию на это Великобритании. 5 сентября 1924 г. ихваны ворвались в Эт-Таиф, где остановились, ожидая распоряжений Абд аль-Азиза. Главные их силы составляли контингенты из хиджры Эль-Гатгат во главе с Султаном ибн Биджадом, воины из других хиджр атайба и кахтан, а также более мелких племен. К ним присоединился отряд из Эль-Хурмы во главе с Ибн Лювайем. В Эт-Таифо ихваны захватили запасы военного снаряжения. Три дня в городе шел грабеж, творились насилия и убийства. Многие жители бежали, а оставшиеся пали под ударами ихванов. Хиджаз содрогнулся⁵¹. Уже 22 сентября Абд аль-Азиз издал указ, строго предупреждая против повторения такой жестокости и обещая, что в будущем гарантирует жизнь и имущество жителям Хиджаза⁵². По некоторым данным, в Эт-Таифе было убито 400 мужчин, женщин и детей⁵³.

Сын короля Хусейна, Али, пытался собрать войско в Хадде, чтобы задержать продвижение ихванов на Мекку, но в конце сентября потерпел новое поражение⁵⁴.

Положение Хусейна стало безнадежным, и на этот раз знать Хиджаза, включая клан шерифов, улемов и крупных торговцев, собралась в Джидде и решила низложить Хусейна, надеясь умиротворить Ибн Сауда. После долгих уговоров король согласился расстаться с тронem, и 6 октября 1924 г. Али был объявлен королем Хиджаза. Хиджазская знать создала национальный представительный совет — как бы парламент, и Хиджаз стал

своего рода «конституционной монархией». Через три дня Хусейн был отправлен с багажом в Джидду, а в середине октября он отплыл в Акабу, откуда англичане переправили его на Кипр⁵⁵.

Надежды на умиротворение Ибн Сауда не оправдались. Прошло немного времени, и ихваны уже приблизились к Мекке. Али был вынужден отойти в Джидду с отрядом в 400 человек. В середине октября 1924 г. ихваны вошли в священный город, повернув дула винтовок к земле. Нужно отметить, что в момент победы первоначальное намерение Абд аль-Азиза выждать реакцию англичан, прежде чем захватить Мекку, было забыто. По султан Неджда предпочел остаться в Эр-Рияде и в случае вмешательства англичан возложить вину за нападение на Хиджаз на ихванов. Хотя после захвата Мекки многие дома шерифского клана были ограблены, кровавой бани не было. Эмиром Мекки стал шериф Халид ибн Лювай, а Ибн Биджад остался в Эт-Таифе⁵⁶.

Джиддинская и мекканская знать надеялась, что, сделав Али королем, она избавится от недждийского завоевания, так как многим казалось, будто причиной действий султана Неджда была его ссора с королем Хусейном. Но риядский султан хотел изгнать все семейство Хашимитов из Хиджаза и не соглашался на мир на других условиях⁵⁷.

Члены хиджазского маджлиса («парламента») попытались провести переговоры. Ибн Сауд настаивал на том, чтобы Али покинул Хиджаз. Представители хиджазской знати в октябре 1924 г. вернулись в Джидду и попросили Али отречься от престола. Начались переговоры между его сторонниками и противниками, после чего маджлис был вынужден самораспуститься, а в декабре 1924 г. значительное число противников Али оказалось в тюрьме⁵⁸.

Консулы иностранных держав, находившиеся в Джидде, отправили Халиду ибн Лювайю письмо, в котором заявляли о своем нейтралитете и требовали обеспечить права и неприкосновенность собственности подданных своих государств в Джидде, если будет продолжаться война. Халид обещал, что ихваны гарантируют безопасность иностранным подданным⁵⁹. В конце октября Абд аль-Азиз двинулся из Эр-Рияда во главе 50-тысячной армии (возможно, что эта цифра сильно преувеличена). Его переход до Мекки занял три недели, так как он опасался, что англичане вмешаются в конфликт. Но когда по пути в Мекку он встретил курьера от иностранных консулов в Джидде, которые заявили о своем полном нейтралитете, он понял, что Хиджаз отдан в его распоряжение⁶⁰.

5 декабря 1924 г. Абд аль-Азиз вошел в Мекку. 13 декабря 1924 г. начавшая выходить официальная газета «Умм аль-кура» опубликовала его заявление, в котором он изложил свою программу для Хиджаза: «Первое. Моей самой большой заботой будет очистить этот священный район от тех врагов религии, которых ненавидит исламский мир, а именно от Хусейна, его детей, его последователей. Второе. Вопрос о будущем этой священной земли будет урегулирован затем путем консультаций между мусульманами. Мы уже уведомили всех мусульман, попросив их направить своих делегатов для того, чтобы созвать общеисламскую конференцию для определения формы правления, которую они сочтут нужной для того, чтобы проводить решения Аллаха в этой чистой земле. Третье. Правовой базой Хиджаза будет Коран, то, что ниспослано (с небес) с посланником Аллаха, и то, что улемы ислама установили путем кыяса (аналогии. — *А. В.*). Четвертое. Мы сообщаем каждому из числа богословов этой земли или из тех, кто был занят раньше в обслуживании святыни, что они останутся здесь, как и раньше»⁶¹.

Пока Али сидел в Джидде, Ибн Сауд в декабре 1924 г. провел в Мекке выборы якобы для того, чтобы создать какую-то форму самоуправления, привлекая этим ходом на свою сторону местную аристократию и купечество. Был избран совет Мекки из одиннадцати человек во главе с шейхом Абд аль-Кадиром аш-Шайби. Губернатором Мекки был назначен Хафиз Вахба⁶².

Вскоре Ибн Сауд получил еще одно подтверждение нейтралитета от иностранных консулов. Это было главное, в чем он нуждался. Когда же аэроплан, посланный Али,

сбросил листовки над Меккой, в которых король выражал намерение вновь взять город, Абд аль-Азиз решил, что настало время действовать⁶³. 5 января 1925 г. объединенное войско ихванов появилось под стенами Джидды, и началась осада, которая с перерывами продолжалась почти год⁶⁴. Али укрепил город, окружил его минными полями. В Джидду прибыло несколько групп вооруженных сирийцев, палестинцев, йеменцев, очевидно, завербованных шерифской семьей⁶⁵. Аз-Зирикли оценивал саудовское войско в 5 — 6 тыс. человек, в основном из атайбов, а также мутайров и хиджазских племен гамидов и захраков. У Али было около 500 хиджазских воинов, а также несколько сот палестинцев, египтян, йеменцев, сирийцев. В Медине гарнизон состоял из 200 бедуинов, более 300 палестинцев и трансирданцев, около 250 йеменцев, а в Янбо — около 300 воинов из атайба и укайль, несколько сот человек было разбросано по другим районам. Однако войско Ибн Сауда во время осады Джидды редело, потому что бедуины не могли вынести долгого пребывания на жарком и влажном побережье⁶⁶.

Серьезной помощи ни из Ирака, ни из Трансиордании Али не получил. «Англичане вели себя так, будто стремились обеспечить победу Ибн Сауду», — писал аль-Хатыб, автор книги «Справедливый имам»⁶⁷. Абдаллах, эмир Трансиордании, согласился, чтобы англичане убрали его отца, Хусейна, из Акабы, опасаясь вторжения войск Ибн Сауда под предлогом нахождения здесь Хусейна. В Суэце в мае 1925 г. бывшего короля встретили поверенный в делах Хиджаза в Каире Абд аль-Малик аль-Хатыб и его брат — автор книги «Справедливый имам». Хусейн сказал им, что на самом деле его изгнали из Хиджаза англичане; они предали его потому, что он не признал декларации Бальфура и не отказался от прав арабов на независимое государство⁶⁸.

В начале 1925 г. представители индийской халифатской партии, а также ряд иностранных консулов пытались посредничать между Али и Абд аль-Азизом. В апреле того же года состоялась даже безрезультатная встреча министра иностранных дел джиддинского правительства, аль-Хатыба с Ибн Саудом⁶⁹.

В июне из-за летней жары осада Джидды была снята, в августе Али вновь обратился к англичанам за помощью, но они отказались, утверждая, что могут вмешаться лишь в том случае, если на это согласится Абд аль-Азиз⁷⁰.

В середине октября английский представитель полковник Дж. Клейтон, который до этого был главным секретарем правительства Палестины, проезжая через Джидду, заметил в своем дневнике, что Али был сломлен физически и морально. Джидда голодала, Клейтон просто удивлялся, почему Абд аль-Азиз не брал города. Возможно, недждийский султан опасался кровопролития и предпочитая подождать, пока Джидда капитулирует⁷¹.

И в ходе и после завоевания Хиджаза набеги на Ирак продолжались. Ихваны продвинулись за Вади-Сирхан до сирийской границы и отрезали Трансиорданию от Ирака. Опять британские ближневосточные владения могли оказаться территориально разделенными⁷². Когда с молчаливого благословения англичан Абд аль-Азиз занял Мекку, он понял, что ему надо ограничить свои аппетиты на севере.

Это было время, когда англо-французские отношения накануне заключения Локарнских соглашений обострились из-за Мосульского нефтяного района в Ираке, а английские позиции были подорваны арабским националистическим движением в Палестине. Поэтому Великобритания не хотела открыто вмешиваться в недждийско-хиджазский конфликт.

В октябре 1925 г. в хиджазскую ставку Абд аль-Азиза прибыл полковник Клейтон. Ибн Сауд показал, что является гибким политиком, и согласился на уступки на севере взамен фактического признания Великобританией аннексии Хиджаза. Результатом переговоров были соглашения в Бахре и Хадде, подписанные соответственно 1 и 2 ноября 1925 г. Соглашение в Бахре касалось Ирака и Неджда и устанавливало, что любой набег племен через границу на территорию другого государства считался актом агрессии и требовал наказания со стороны правительства, которому подчинялось племя, совершившее рейд. Соглашение устанавливало также специальный трибунал,

составленный из представителей каждого государства, чтобы разбирать дела о племенных набегах. Это соглашением предусматривало, что племя могло пересекать границу для выпаса скота после того, как получало на это разрешение.

Соглашение в Хадде в первый раз фактически установило границу между Недждом и Трансиорданием. Султан Неджда уступал Трансиорданию коридор, связывающий ее с Ираком. Набеги племен между двумя странами также стали считаться актом агрессии, и был создан трибунал, чтобы рассматривать случаи набегов. Племена могли пасти скот на своих традиционных пастбищах, но только после получения разрешения. Наконец, религиозная пропаганда на территории другого государства запрещалась. Этот пункт явно касался проповеди ихванов⁷³.

Таким образом, были установлены границы с Кувейтом, Ираком и фактически с Трансиорданием, хотя пограничные конфликты вскоре обострились.

Когда король Хиджаза Али узнал о соглашениях в Бахре и Хадде, а Клейтон отказался поддерживать его, он понял, что дни его правления сочтены. Видя, что его братья в Ираке и Трансиордании больше озабочены сохранением собственных тронов, чем помощью ему, Али решил прекратить борьбу, 16 декабря 1925 г. он послал английского консула обсудить с Ибн Саудом условия капитуляции. Джидда сдалась 22 декабря; Али покинул ее, и на следующий день Абд аль-Азиз вошел в город⁷⁴.

В начале февраля 1925 г., когда еще только начиналась осада Джидды, Абд аль-Азиз направил ихванов во главе с Фейсалом Ааль Давишем к Медине. Но этому войску был отдан строгий приказ не захватывать город без разрешения султана. Он опасался, что мавзолей пророка и мединские святыни могут быть разрушены. Когда осада сделалась для жителей Медины невыносимой, они направили к Абд аль-Азизу посланца, выразив готовность капитулировать, но только кому-нибудь из членов семьи Саудилов, а не ихванам. Ибн Сауд направил в октябре к Медине своего сына Мухаммеда, однако к этому времени перед гарнизоном Медины забрезжила надежда на избавление после получения ободряющей телеграммы от Али. Они задержали капитуляцию. В середине ноября положение Медины стало критическим, никакой помощи не предвиделось, и местная знать решила сдать город⁷⁵. 6 декабря 1925 г. Мухаммед вступил в Медину и совершил молитву в мечети пророка. Подражая своему отцу, он распределил среди изголодавшихся жителей города немного риса и оказал им кое-какую денежную помощь⁷⁶.

Еще накануне падения Джидды знать Мекки, ее улемы, представители купечества информировали Абд аль-Азиза о своей готовности принести ему присягу как королю Хиджаза. 11 декабря 1925 г. после пятничной молитвы люди собрались у Баб ас-Сафа в Мекке. Поднялся чтец-хатиб, и огласил текст присяги верности. Из пушки был дан салют 100 выстрелами. Затем принесли присягу шерифы, улемы, члены шариатского суда, имамы и чтецы Корана, члены национального представительного совета, представители Медины и Джидды, проводники паломников, прислужники при Земземе и Каабе и представители других слоев населения Медины и Мекки. «Слава Аллаху... — гласил текст присяги. — Мы даем обязательство тебе, султан Абд аль-Азиз ибн Абдуррахман Ааль Фейсал Ааль Сауд, что ты будешь королем Хиджаза в соответствии с Кораном, с сунной посланника Аллаха, с преданиями спутников пророка Мухаммеда (сахаб) ..., что Хиджаз будет только для хиджазцев и что люди, которые живут в нем, будут заниматься его делами, что Мекка будет столицей Хиджаза и что Хиджаз будет общиной в ведении Аллаха и вашего величества»⁷⁷. Английский путешественник, принявший ислам, Элдои Раттер, присутствовал при этой сцене и оставил ее описание⁷⁸.

Абд аль-Азиз стал именоваться королем Хиджаза, султаном Неджда и присоединенных областей.

16 февраля 1926 г. правительство Хиджаза было официально признано СССР. «...Правительство СССР, исходя из принципа самоопределения народов и глубоко уважая волю геджазского народа, выразившуюся в избрании Вас своим королем, признает Вас королем Геджаза и султаном Неджда и присоединенных областей, — говорилось в ноте,

врученной Ибн Сауду. — В силу этого Советское правительство считает себя в состоянии нормальных дипломатических отношений с Правительством Вашего Величества».

В ответной ноте король писал: «Его превосходительству Агенту и Генеральному консулу СССР. Имели честь получить Вашу ноту от 3 шаабана 1344 г. (16 февраля 1926 г.) за № 22, сообщающую о признании Правительством СССР нового положения в Геджазе, заключающегося в присяге населения Геджаза нам в качестве короля Геджаза, султана Неджда и присоединенных областей, за что Правительству СССР мое Правительство выражает свою благодарность, а также полную готовность к отношениям с Правительством СССР и его подданными, какие присущи дружественным державам... Король Геджаза и султан Неджда и присоединенных областей Абдул-Азиз ибн Сауд. Составлено в Мекке 6 шаабана 1344 г. (19 февраля 1926 г.)»⁷⁹.

Вслед за СССР Ибн Сауда признали другие государства.

Подчиняясь султану Неджда, но опасаясь господства «недждийских бедуинов» над более развитым Хиджазом, местная знать сделала попытку сохранить за собой довольно широкие права. 56 представителей местной аристократии, улемов и купечества созвали нечто вроде учредительного собрания, которое решило, что Хиджаз должен быть независимым в своих внешних и внутренних делах от Неджда. Оба королевства будут объединены только личной унией короля, в Хиджазе создается мусульманское правительство, вводится конституция на основе Корана и сунны. «Учредительное собрание» предлагало разработать форму внутреннего устройства и административные положения в соответствии с местными условиями. Некоторые хиджазцы опасались, что Ибн Сауд еще находится под воздействием договора 1915 г. с Великобританией, ставящего его под английский протекторат, а это противоречило глубоко укоренившемуся стремлению к независимости⁸⁰.

Хиджазская знать пыталась ограничить монарха, но соотношение сил было безусловно в пользу Ибн Сауда. Он учел пожелания хиджазцев, однако выполнил их лишь в той мере, в какой это не противоречило его абсолютной власти. В 1926 г. указом короля были созданы совещательные советы в Мекке, Медине, Джидде, Янбо и Эт-Таифе, принявшие затем муниципальный характер, а также консультативный совет с совещательными функциями из 13 членов⁸¹.

Предстояло еще добиться признания власти Ибн Сауда над Хиджазом со стороны государств с преобладающим мусульманским населением, хотя это был лишь вопрос времени.

После захвата педждийцами Хиджаза в Джидду прибыла мусульманская миссия из Индии, которая потребовала передать контроль над священными городами комитету, представляющему все мусульманские страны. Ибн Сауд терпел ее недолго и вскоре отправил на корабле в Индию⁸².

В 1926 г. Ибн Сауд решил созвать в июне, после паломничества, мусульманский конгресс, чтобы лишней раз «легализовать» свой контроль над Хиджазом. Новый король Хиджаза направил послания королю Египта, королю Афганистана, президенту Турецкой Республики, шаху Ирана, королю Ирака, эмиру Республики Риф, имаму Яхье в Йемене, другим мусульманским правителям, главе высшего исламского совета в Иерусалиме, главе халифатистской лиги в Бомбее с обещанием заботиться о святых местах и об улучшении условий для паломничества.

На мусульманский конгресс в Мекке собрались 69 представителей мусульманских организаций Индии, Египта, СССР, Явы, Палестины, Ливана, Сирии, Судана, Неджда, Хиджаза, Асира, Афганистана, Йемена, Египта и др. Абд аль-Азиз дал ясно понять собравшимся, что именно он хозяин в Хиджазе и что он не потерпит вмешательства в свои дела. Те, кто был недоволен им, покинули конгресс, но ничего изменить, естественно, не могли. Оставшиеся приняли существующее положение⁸³.

В интервью корреспонденту ТАСС глава делегации мусульман России и Туркестана на конгрессе, председатель центрального духовного управления мусульман

муфтий Ризауддин Сахредининов сообщил о признании конгрессом Ибн Сауда в качестве «хранителя святых мест». Его участники призвали вернуть Акабу и Маан Хиджазу и практически поддержали нового короля⁸⁴.

Победы неждийского войска, вынужденно благожелательный нейтралитет Великобритании, которая при завоевании Ибн Саудом Хиджаза выбрала меньшее из двух зол и пожертвовала Хусейном, умная политика нового короля, соединявшего твердость с достаточной гибкостью, — все это делало беспредметной дискуссии о том, кому должны принадлежать «святые места».

«Владение Геджазом с его доходами от паломничества, от таможи и т. п. предоставляет Ибн Сауду возможность все эти ресурсы с большой политической пользой для своей власти (одно паломничество ежегодно приносит до 2 млн. ф. ст.) использовать в Неджде (помощь новым поселенцам, субсидии шейхам бедуинских племен)... — отмечалось в письме советского генерального консула в Джидде, отправленном в Москву в 1929 г. — Главная сила в Хиджазе — купечество, ориентирующееся на Британскую империю, выступает за соглашение с англичанами. Бедуины недовольны: 2,5 процента закята, нельзя грабить, ввоз автомашин лишил их доходов, нет султанских субсидий; недовольны проводники хаджа, обиравшие паломников, так как государство упорядочивает хадж и берет себе доходы»⁸⁵.

Над Абд аль-Азизом нависла опасность, но не извне, а изнутри, со стороны тех самых ихванов, которые присоединили к его владениям Хиджаз.

Глава XII

УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ДВИЖЕНИЕ ИХВАНОВ (1926-1934)

Положение в Хиджазе. После завоевания Хиджаза Ибн Сауд столкнулся с необходимостью управлять страной, гораздо более развитой, чем Неджд и даже Эль-Хаса. Административно-бюрократический аппарат Хиджаза формировался под влиянием османских стандартов и был самым усовершенствованным в Аравии. При короле Хусейне стал публиковаться даже бюджет с обеспечением расходов, хотя на практике он, конечно, не соблюдался. Появились зачатки регулярной армии. Были основаны средние школы. Официальная газета «Аль-Кыбла» демонстрировала осведомленность о внешнем мире, нередко уделяя большое внимание событиям в Европе. Она публиковала сообщения и об общественных работах, таких, как расширение телефонной сети, расчистка улиц.

Абд аль-Азиз решил не менять структуру управления, созданную Хусейном и Али. Он просто заставил ее служить себе¹.

Предстояло еще примирить неждийских и хиджазских богословов и приучить мекканских улемов к мысли, что они должны будут уступить первую роль риядцам. Чтобы сгладить теологические разногласия, улемы Эр-Рияда провели ряд совещаний со своими мекканскими коллегами, после которых заявили, что у обеих групп нет существенных расхождений.

Конечно, вряд ли можно считать, что все обстояло так просто. Разногласия между неждийцами и хиджазцами сохранялись².

Некоторые общественные работы, осуществляемые иностранными фирмами, начатые при Хусейне, продолжались³.

К моменту захвата Хиджаза Ибн Сауд уже понимал значение телефона и радио как технических средств усиления своей власти и автотранспорта для хозяйственных и военных нужд. Но телефон и радио в глазах бедуинов и догматиков-улемов казались изобретением дьявола. Путешественники и историки оставили множество анекдотов об отношении ихванов к техническим средствам связи. Вопрос об их дозволенности религией был решен, когда прочитали отрывок из Корана по телефону, а затем по радио

⁴. Автомобили тоже казались ихванам изобретением безбожников, если не самого дьявола. Первый грузовик, который появился в городе Эль-Хаута, был сожжен, а его водитель едва избежал той же участи. Самолеты же, по мнению улемов, летали против воли Аллаха. Однако практические нужды общества оказались сильнее косности и догм, в королевстве Ибн Сауд а все шире недрялись и автомобили, и радио, и телефон. Спустя два-три десятилетия даже улемы пользовались самолетом ⁵. Граммофоны и кино остались табу. Их ввоз был запрещен, но в частных домах появились проигрыватели и кинопроекторы ⁶.

Король понимал, что он должен принимать во внимание интересы хиджазской знати. Когда в августе 1926 г. он назначил своего сына Фейсала вице-королем Хиджаза, одновременно были опубликованы так называемые «основные положения» — нечто вроде «конституции». Они определили статус вице-короля, консультативного совета, административных органов ⁷.

Консультативный совет — маджлис аш-шура, который был создан вслед за провозглашением «конституции», состоял из эмира Фейсала в качестве вице-короля, четырех его советников и шести знатных хиджазцев. Несомненно, что все представители хиджазской аристократии, вошедшие в совет, не поддерживали раньше ни Хусейна, ни Али или, во всяком случае, если поддерживали, то отrekliсь от них. В 1924 и 1925 гг. в Мекке существовали ассамблеи с совещательными функциями, сформированные из знати, улемов и купцов. Они в некотором роде могли претендовать на самостоятельность и предъявлять претензии к королю. Но ни один из их депутатов не попал в консультативный совет 1926 г., и поэтому логично предположить, что Ибн Сауд был раздражен их деятельностью ⁸.

Разница между первыми ассамблеями и консультативным советом, состоявшим из безгласных лиц, разительна. Контроль Абд аль-Азиза над Хиджазом стал полным. Его признали королем Хиджаза и в самой стране, и в мусульманском мире, и он не нуждался в украшении фасада. Кроме того, Абд аль-Азиз, очевидно, чувствовал, что «конституция» Хиджаза могла бы оказаться заразительным примером для населения Неджда, и пресекал «крамолу» в зародыше.

В последующие годы хиджазское правительство Фейсала все больше принимало характер ближневосточной бюрократии в ее примитивном виде, но отнюдь не конституционной монархии. Эта бюрократия функционировала с помощью более образованных по сравнению с недждийцами хиджазцев, хотя и под контролем эмира Фейсала и его ближайших советников.

В то время как Абд аль-Азиз с группой более или менее просвещенных советников пытался приспособить для своих нужд административный аппарат Хиджаза, ихваны были полны решимости «очистить» его от «скверны» и уничтожить места поклонения, которые они считали противоречащими исламу. Хафиз Вахба жаловался, что, «возможно, самое большое несчастье, с которым столкнулось ваххабитское реформаторское движение, был энтузиазм, с которым эти невежественные люди приняли ваххабизм» ⁹. Во время умиротворения Хиджаза перед феодальным правителем Абд аль-Азизом остро стала проблема, как вести себя с ихванами,

В Мекке ихваны разрушили памятник над местом рождения пророка, дома Хадиджи и Абу Бакра ¹⁰. Г. Филби, который участвовал в паломничестве 1931 г., отмечал уничтожение всех гробниц в Хиджазе и сокрушался из-за того, что будущие поколения забудут об исторических фактах, связанных с этими местами ¹¹. Хотя ихванами и двигал морально-религиозный стимул, но в них прочно сидела и бедуинская враждебность к тому, чему поклонялись и чем наслаждались забывшие «истинный» ислам оседлые жители городов Хиджаза. Когда ихваны заняли Эт-Таиф и Мекку, они стали разбивать зеркала и использовать дверные и оконные рамы для костров ¹². Хотя это поведение обычно для завоевателей, в нем проявилась скрытая ненависть кочевых масс к «роскоши» городов. Эгалитаристские тенденции ихванов смешивались с религиозным фанатизмом и бедуинскими обычаями.

В 1924 г. Халид ибн Лювай приказал сжечь значительное количество табака, принадлежавшего богатым мекканским импортерам. Они пожаловались Абд аль-Азизу, и король отменил приказ Халида, но запретил импорт табака в будущем. Затем табак снова разрешили ввозить, но курильщиков наказывали¹³. Этот факт демонстрировал прагматический подход риядского эмира, который считал, что торговлю в Хиджазе нужно облагать налогом, но не подрывать ее.

Когда вскоре после падения Джидды в декабре 1925 г. Халид ибн Лювай был снят с поста губернатора Мекки, это означало решимость Ибн Сауда не оставлять важных административных постов в Хиджазе в руках лидеров ихванов. Еще раньше, в сентябре того же года, в Мекке было официально запрещено носить огнестрельное оружие, чтобы ограничить возможности «братьев»¹⁴.

Абд аль-Азиз опасался действий ихванов против мусульманских паломников, и действительно однажды они ранили несколько хаджи, что вызвало протест иностранных консулов. Через некоторое время ихваны попытались убить мусульманских работников ряда консульств¹⁵. Король постарался направить энергию ихванов на завоевание городов и портов, расположенных между Джиддой и Акабским заливом, но вскоре весь Хиджаз уже был в его власти и его воины остались без дела.

Летом 1926 г. к началу паломничества из Египта в Мекку был послан махмаль в сопровождении оркестра. Когда махмаль приблизился, ихваны, которые были не вооружены и одеты в ихрам (белую одежду для совершения хаджа), впервые услышали музыку. Они сочли ее надругательством над своими убеждениями и в гневе бросились, чтобы помешать проходу верблюда с махмалем. Египетский офицер отдал приказ стрелять, в результате чего погибло примерно 25 человек. Абд аль-Азиз, находившийся неподалеку, немедленно послал своих сыновей Фейсала и Сауда, чтобы сдержать разъяренных ихванов. Король приказал задержать египетского офицера, лишил его полномочий сопровождать паломников и не допустил махмаль в Мекку¹⁶, но на суровое наказание не решился, учитывая, что в тот момент в Мекке проходил исламский конгресс¹⁷. Однако ихваны долго еще упрекали Абд аль-Азиза в том, что он не наказал «многобожников»-египтян за убийство 25 «братьев». Впоследствии и Фейсал Ааль Давиш и Султан ибн Биджад начало своего конфликта с королем возводили к этому инциденту¹⁸, подчеркивая, что Ибн Сауд не только не позволил им уничтожить махмаль, но и защитил языческое сооружение.

Однако как для умиротворения ихванов, так и для усиления своего престижа и власти король стал вводить жесткую ваххабитскую регламентацию. Каждый, кто игнорировал общую молитву, подвергался заключению от 24 часов до 10 дней и штрафу. За употребление алкоголя заключали в тюрьму сроком до одного месяца и штрафу. Если провинившийся повторял преступление, его могли бросить в тюрьму на два года. Жестокие наказания распространялись на тех, кто делал вино или торговал им. Было запрещено курить табак, но насчет торговли им ничего не было сказано.

Введение ваххабитских принципов сочеталось с репрессиями против политических противников Саудидов. Лицам, которые участвовали в каких-либо собраниях с целью распространения «вредных идей», «ложных сведений» и «опасных слухов», а также тем, кто участвовал в собраниях, направленных против политики правительства, грозило заключение от двух до пяти лет или изгнание из королевства Хиджаз. Любое собрание, даже с благотворительной целью, должно было быть согласовано с властями¹⁹.

Впрочем, религиозно-бытовая регламентация со всей строгостью соблюдалась недолго. Когда ихваны удалились из Хиджаза, запреты на курение табака были ослаблены, желающие могли доставать даже алкоголь и мало кто следил за длиной усов.

Для того чтобы показать свою заботу о чистоте религии, но одновременно поставить религиозное рвение ихванов под контроль, Абд аль-Азиз летом 1926 г. создал Лигу общественной морали, или, точнее, Лигу поощрения добродетели и осуждения греха, под руководством двух улемов из семейства Ааль аш-Шейха²⁰. Ибн Сауд

распорядился, что, если ихваны заметят что-либо недозволенное религией, они должны доносить об этом в Лигу, но не учинять самосуда.

Эта организация постепенно стала действовать в качестве религиозной полиции. Позднее комитеты общественной морали В составе Лиги были поставлены под общий контроль директората полиции. В сферу компетенции Лиги попали обман и жульничество на базаре, невыплата закята, несоблюдение поста, нарушение правил паломничества, убийство или членовредительство, потребление или продажа алкогольных напитков ²¹. К лету 1928 г. комитеты общественной морали уже принимали активное участие в заседаниях правительства и все жестче контролировали на селение Хиджаза ²². Этот опыт показался Абд аль-Азису достойным распространения на всю страну, и к лету 1929 г. в разгар восстания ихванов он учредил Директорат общественной морали в Эр-Рияде ²³.

Руководители Лиги общественной морали «предали анафеме» президента Турции Мустафу Кемалья и короля Афганистана Аманулла за их реформы. «Трудно ожидать другого отношения к Кемаль-паше и Аманулле в стране, которая сама существует за счет святых мест и где всякое „вольномудство“ грозит ущербом материальных интересов большинства)», — писал советский генеральный консул в Джидде Н. Гюрякулов ²⁴.

С помощью Лиги общественной морали из рук ихванов вырывалось право наблюдать за выполнением религиозных предписаний. Племенной демократизм в его религиозно-фанатической форме приносился в жертву государственному аппарат централизованного феодального государства.

В действиях ихванов, казавшихся европейским путешественникам и более или менее образованным советникам из окружения короля «необузданным фанатизмом» и «дикостью», все-таки проглядывало стремление широких масс аравийских арабов к тому более простому образу жизни, какой проповедовали ваххабиты. Массы приняли на вооружение именно эгалитаристскую сторону учения и пытались по-своему осуществлять на практике свои идеалы. Ихваны не могли созидать нового общественного строя. Их идеалы были лишь зеркальной картиной старого порядка, в котором они ставили себя на место прежних господ. С древнейших времен такова была судьба эгалитаристских народных движений. Устремления и практика ихванов сталкивались с реальными интересами феодальной верхушки. Поэтому называть порывы ихванов «оголтелой реакцией», видимо, слишком однобоко и даже неверно — они были «реакционны» в той же мере, как и участники крестьянских восстаний в эпоху феодализма, со всей жестокостью и обреченностью народных движений средневековья.

Когда разочарованные ихваны удалились из Хиджаза в Центральную Аравию в свои хиджры и племена, стало ясно, что приближается их столкновение с централизованным феодальным государством Ибн Сауда.

Первый период восстания ихванов. Сотрудничество Абд аль-Азиза с англичанами при определении границ с Кувейтом, Ираком и Иорданией и его политика в Хиджазе довели отношения между центральной феодальной властью и ихванами до точки кипения. «Братья» считали себя обездоленными при распределении добычи в Хиджазе, а согласие Ибн Сауда запретить набеги через границы Кувейта, Ирака и Иордании лишило их возможности поправить свое материальное положение за счет грабежа «неверных». В условиях усугублявшегося кризиса верблюдоводства, неразвитого оазисного земледелия в хиджрах газу под благочестивым лозунгом казался ихванам естественным выходом из нищеты и голода ²⁵. Масла в огонь подливало терпимое отношение Ибн Сауда к шиитам Эль-Хасы и Эль-Катифа ²⁶.

Одно из противоречий движения ихванов состояло в том, что его вождями были феодально-племенные шейхи, которые стремились к тому, чтобы превратиться в независимых феодальных правителей. «Демократичное» по своему составу и ряду Требований ихванское движение стало служить феодально-племенному сепаратизму. Одним из главных лидеров «братьев» был блестящий воин и военачальник, главный шейх

племени мутайр Фейсал Ааль Давиш, который вскоре после падения Джидды в конце 1925 г. удалился в свою ставку в Эль-Артавию смертельно обиженный на Абд аль-Азиза. Он рассчитывал на пост губернатора Недины, но не получил его²⁷. На это наслаивался затухший было антагонизм между племенем мутайр и Саудидами. «Если мы изучим историю Неджда, — отмечал летописец Халид аль-Фардж, — то обнаружим, что племена мутайр всегда были в рядах врагов Саудидов. Они первые, кто приняли Тусун-пашу в Хиджазе и помогли его кампании в Касиме. Они присоединились к Ибрагим-паше в осаде Эд-Дирьи и сражались в рядах его войска... Именно они приветствовали приход Хуршид-паши и вместе с ним отправились в Эль-Хардж. Наконец, они были в рядах Рашидилов, пока их не разбил Ибн Сауд». Когда Фейсал Ааль Давиш, уже присоединившись к Ибн Сауду, приходил в Эр-Рияд, то с ним прибывало 150 вооруженных людей. Король называл его старым другом и одним из лучших своих военачальников. На маджлисах и пирах его место было рядом с королем. Он требовал от Абд аль-Азиза снабжать Эль-Артавию всем, начиная от веревок для колодцев и кончая оружием, а также одеждой для своих детей и жен²⁸.

В оппозиции к Ибн Сауду оказался Зайдан ибн Хисляйн, шейх аджманов, старых и упорных противников Саудилов, лишь недавно покоренных и присоединившихся к ихванам, а также шейх атайба Султан ибн Хумайд ибн Биджад, хотя главой этого племени он стал с помощью Абд аль-Азиза. Ибн Биджад рассчитывал на место губернатора Эт-Таифа, но король решил иначе²⁹. Среди племен Центральной Аравии атайбы были самым сильным и многочисленным племенем после аназа. К движению против Ибн Сауда позднее присоединился один из шейхов руала. Таким образом, племена к востоку, северу, западу и юго-западу от Эр-Рияда становились враждебными центральной власти. Важно отметить, что среди тех, кто был настроен против Абд аль-Азиза, мы не находим представителей самого могущественного племени аназа (кроме руала), а также харбов и большей части шаммаров. Восстание кочевников не стало всеобщим, и это спасло королевский режим.

В начале 1926 г. Фейсал Ааль Давиш, Ибн Хисляйн и Ибн Биджад провели совещание в Эль-Гатгате. Они разработали список претензий к Абд аль-Азизу, который лег в основу обвинения короля, на общем собрании ихванских лидеров мутайров, атайбов и аджманов в ноябре — декабре 1926 г. в Эль-Артавии. Королю были предъявлены семь пунктов обвинения:

1. Поездка его сына Сауда в Египет (как результат инцидента с махмалем).
2. Поездка его сына Фейсала в Лондон (в августе 1926 г. для переговоров с англичанами), что означало сотрудничество с неверной державой.
3. Введение телеграфа, телефона и автомобиля на земле ислама. Этот пункт был смесью народного протеста против усиления централизованного государства с фанатизмом бедуинов.
4. Установление таможенных налогов на мусульман Неджда, что было протестом против усиления налоговой эксплуатации населения централизованным путем.
5. Предоставление права племенам Иордании и Ирака пасти свои стада на землях мусульман — отражение межплеменной борьбы за пастбища.
6. Запрещение торговли с Кувейтом. Если население Кувейта «неверные», то тогда Абд аль-Азиз должен был вести против них священную войну; если они были мусульмане, то тогда он не должен был препятствовать торговле с ними.
7. Терпимое отношение к отколовшимся от веры (т. е. шиитам) в Эль-Хасе и Эль-Катифе. Абд аль-Азиз должен был обрати и. их в ислам или убить³⁰.

Почувствовав, что недовольство ихванов может принять характер открытого восстания, Абд аль-Азиз поспешно покинул Хиджаз и в январе 1927 г. вернулся в Эр-Рияд. В конце января 1927 г. он собрал в столице около 3 тыс. ихванов. Именно на этом собрании Фейсал Ааль Давиш, Ибн Биджад и другие отколовшиеся ихваны представили свои претензии из 7 пунктов. Открытого бунта еще не было, и Ибн Сауд

искал компромисса. Он согласился уменьшить налоги, но отклонил требование отказаться от радио и автомобилей. Он даже убедил собравшихся провозгласить его королем Неджда, как и королем Хиджаза, и его титул стал «король Хиджаза, Неджда и присоединенных территорий»³¹.

В феврале 1927 г. риядские богословы, обеспокоенные ихнамскими требованиями, выпустили фетву, ставшую знаменитой. Ее подписали 15 богословов, что показывает, насколько сложной была ситуация. Улемы сделали вид, будто занимают нейтральную позицию по отношению к телеграфу. Они посоветовали имаму разрушить мечеть Хамзы, заставить шиитов принять ислам или изгнать их из государства. (Напомним, что с точки зрения ваххабитов, шииты вообще не считались мусульманами.) Улемы потребовали, чтобы король не допускал иракских шиитов пасти скот на мусульманской территории. Настаивая, чтобы он возвратил уже собранные незаконные налоги, богословы в то же время указывали, что установление незаконных налогов было недостаточной причиной для разрушения мусульманского единства. Они утверждали, что лишь имам может провозгласить джихад³².

В начале апреля 1927 г. Абд аль-Азиз снова решил собрать племенных вождей и ихванов; более трех тысяч ихванов, за исключением Ибн Биджада, приехали в Эр-Рияд. На этот раз Абд аль-Азиз пытался изолировать Фейсала Ааль Давиша, которого он считал своим главным противником. Видимо, именно на этой встрече Абд аль-Азиз смог отколоть от мутайров одну из секций этого племени, и она стала выступать против Фейсала³³.

Но движение против Ибн Сауда не ограничилось ихванскими племенами. Летом 1927 г. был раскрыт заговор с целью убить его сына Сауда в Эр-Рияде и Абдаллаха ибн Джилуви в Эль-Хасе. Среди заговорщиков якобы был брат Абд аль-Азиза Мухаммед, а также сын Мухаммеда Халид³⁴.

Не решаясь бросить открытый вызов королю, Фейсал стал готовиться к набегам на Ирак. Он рассчитывал обеспечить добычей своих последователей и заставить короля или вступить вместе с ним, или доказать, что он уже не является борцом за дело Аллаха³⁵. Король выжидал. «Осторожность всегда была отличительной чертой Абд аль-Азиза ибн Сауда, — писал Дж. Глабб. — Он был уверен в том, что мог победить своих соперников — аравийских князей, но он не был готов вступать в военные действия против Англии. Ихваны же были готовы цитировать против него его собственные ранние заявления. С их точки зрения, иракцы были мусульманами-ренегатами, врагами Аллаха, чья жизнь и собственность должны быть во власти ихванов — единственных истинных верующих. Но Абд аль-Азиз был образцом здравого смысла и осторожности. Если он поддерживал фанатизм, то только для того, чтобы использовать как инструмент для достижения своих целей. Он сам никогда был фанатиком. Однако для диких, неуправляемых людей здравый смысл и благоразумие были мало привлекательными»³⁶.

Хотя положение Ибн Сауда в королевстве становилось шатким, британская дипломатия по-прежнему видела в нем единственную реальную силу на полуострове, с которой она намеревалась сотрудничать. От надежд сохранить или установить протекторат над королевством Хиджаза, Неджда и присоединенных территорий Великобритания отказалась. Обширное, но малонаселенное аравийское королевство было окружено английскими колониями, протекторатами, зависимыми от Лондона государствами. Англичане рассчитывали, что, даже оставаясь независимым, оно не могло предпринимать никаких шагов, наносящих ущерб британским интересам.

В мае 1927 г. британский представитель Клейтон провел в Джидде переговоры с Абд аль-Азизом, и 20 мая был заключен «Договор о дружбе и добрых намерениях». Этот договор, срок действия которого устанавливался на семь лет, отменил соглашение 1915 г. и признал «полную и абсолютную независимость» владений Ибн Сауда. Формально не предусматривалось никаких специальных привилегий для Великобритании, но Ибн Сауд обязался признавать ее особые отношения с княжествами Персидского залива и

аденскими протекторатами. Не признавая присоединения Акабы и Маана к Трансиордании, король, однако, обязался соблюдать статус-кво впредь до окончательного определения хиджаско-трансиорданской границы³⁷. Заключение договора было существенным успехом саудовской дипломатии и закрепляло независимость нового государства.

Вскоре англичане дали ихванам предлог для действий против Ирака. В сентябре 1927 г. небольшой отряд иракской полиции был послан к колодцам в Эль-Бусайе — к водопою, находившемуся на иракской территории, но сравнительно недалеко от границы, — чтобы построить там форт. Абд аль-Азиз протестовал на основе соглашения в Мохаммере и Протокола № 1, подписанного в Эль-Укайре. Иракское правительство заявило, что Эль-Бусайя находится в 80 милях от границы внутри Ирака и это был полицейский, а не военный пост. С точки зрения недждийцев, разницы между полицейским и солдатом не было³⁸. Англичане не реагировали на саудовские протесты, но Ибн Сауд под нажимом ихванов требовал уничтожить форт.

Фейсал увидел в действиях иракцев подходящий повод, чтобы противопоставить ихванов Абд аль-Азизу и нанести удар по «неверным». В ночь с 5 на 6 ноября 1927 г. мутайры уничтожили всех иракских полицейских, за исключением одного с иракской стороны вмешалась британская авиация, которая стала бомбить бедуинов³⁹.

В начале декабря группа из 400 мутайров совершила налет на кувейтскую территорию к северо-востоку от Эль-Джах ры. 13 декабря Ибн Сабах запросил поддержку английской авиации против этих налетов. Но еще до этого Абд аль-Азиз уведомили и иракское и кувейтское правительства, что эти рейды происходят вопреки его личным приказам⁴⁰. 16 декабря форт и Эль-Бусайе был вновь отстроен и занят взводом иракской армии⁴¹. С декабря 1927 г. британские самолеты активно использовались против ихванов. Но в море пустыни трудно было отличить ихванов от членов других племен, в результате бомбардировок гибли мирные жители. Набеги ихванов продолжались до февраля.

«В 1927 г. Ибн Сауд больше полиостью не контролировал ситуацию, — писал современник и участник событий Дж. Глабб. Ихваны в результате своих побед в Хиджазе были ослеплены своим собственным могуществом и утверждали, что именно их боевая мощь сделала Ибн Сауда великим. Они понимали, что были основой его армии и у него не было регулярных сил, чтобы призвать их к порядку. Просто восстать против Ибн Сауда было трудно. Он был имам, и религиозные чувства жителей Неджда были на его стороне. Но война против иракских мусульман-ренегатов, вдобавок находившихся под защитой англичан, считалась священной обязанностью. Ибн Сауд был виновен в том, что допускал религиозное небрежение и не хотел вступать в военные действия против врагов Аллаха. Недждиды не были готовы, даже поддерживая Ибн Сауда, использовать силы, чтобы помешать ихванам нападать на Ирак. Но нападения на Ирак означали столкновение с Англией. Ибн Сауд не мог признаться другим государствам, что он не контролирует своих подданных. Утверждать, что он полностью контролировал их, значило бы принимать на себя вину за рейды ихванов. Строительство форта в Эль-Бусайе дало ему предлог обвинить в агрессивных действиях Ирак. Таким образом, Ирак становился как бы общим врагом — и Ибн Сауда и ихванов»⁴². В этой ситуации король Хиджаза и Неджда по-прежнему предпочитал выжидать. В марте 1928 г. мутайры вернулись в свои хиджры после удачных газу⁴³.

В январе 1928 г. Хафиз Вахба встретился с британским представителем Генри Добсом в Кувейте после того, как англичане предупредили Абд аль-Азиза, что, если он не остановит набегов, авиация будет использоваться против ихванов в полной мере. Но англичане продолжали поставлять королю боеприпасы. Представитель британского правительства заявил в марте 1928 г. в Палате общин, что Англия трижды за последние несколько месяцев давала разрешения на вывоз боеприпасов Ибн Сауду⁴⁴.

В апреле 1928 г. Абд аль-Азиз написал пространное письмо в Кувейт, объясняя, что не все мутайры были виноваты в набеге, а только часть их и что иракцы тоже совершали

рейды. Абд аль-Азиз был вынужден все больше и больше защищать недждийские племена против англичан, но он не хотел вступать в войну, которую явно не мог выиграть. Единственным способом было начать переговоры⁴⁵.

В начале апреля 1928 г. в Бурайде состоялась новая встреча с ихванами, но Фейсал Ааль Давиш и Ибн Биджад не явились в город, а Абд аль-Азиз отказался от встречи с ними в пустыне. Король обещал ихванам, что он проведет переговоры с англичанами и будет протестовать против создания форта⁴⁶.

В мае 1928 г. состоялись переговоры между Абд аль-Азизом и британским представителем Дж. Клейтоном, но эти переговоры были безрезультатными, как и новая встреча в августе того же года. Англичане чувствовали, что Абд аль-Азиз теряет твердый контроль над страной. Обе стороны понимали, что у них в запасе всего лишь шесть месяцев до начала нового сезона выпаса скота, когда пограничные районы снова погрузятся в хаос. Было подписано джиддинское соглашение, которое не решило главных проблем⁴⁷.

Все лето 1928 г. Абд аль-Азиз оставался в Мекке, делая пропагандистские выпады против Ирака, видимо чтобы убедить ихванов в своей ортодоксии. «Ибн Сауд чувствовал, что ему нужно было погасить фанатизм своих приверженцев, — писал Г. Филби. — Он знал, что война с Ираком, с английскими войсками означала катастрофу. И он решил избежать этой войны любой ценой. Но он также чувствовал, что пустыня бродила до такой степени, чтобы бросить ему вызов за соглашение с неверными»⁴⁸. Главные вожди ихванского восстания уже составляли планы раздела владений Ибн Сауда между собой. Фейсал Ааль Давит должен был стать правителем Неджда, Ибн Биджад — Хиджаз.1, Ибн Хисляйн — Эль-Хасы. Одному из представителей бокового рода шаммаров, Нида ибн Нухайиру, обещали, что он станет правителем Хаиля, если к ним присоединится. Но он предпочел выжидать, оставаясь пока верным Ибн Сауду⁴⁹.

В сентябре 1928 г. король вернулся в Эр-Рияд и обнаружил, что некоторые подразделения племени аджман объединились с Фейсалом и Ибн Биджадом. Абд аль-Азиз стал собирать, новую общую ассамблею горожан и ихванов, назначив ее на октябрь, но она собралась лишь 6 декабря 1928 г.⁵⁰ На встрече присутствовали лидеры ихванов, главы племен, знатные горожане, улемы. Вместе с сопровождавшими всего было более 800 человек. Но Фейсал Ааль Давиш, Султан ибн Биджад, Ибн Хисляйн не явились. Впрочем, Фейсал направил на встречу своего сына Узайиза. Абд аль-Азиз долго говорил перед собравшимися, перечисляя свои достижения, включая объединение полуострова и установление мира. Затем он прибегнул к драматическому жесту, предложив свое отречение от трона на условии, что ассамблея выберет вместо него кого-нибудь из Саудилов. Он заявил, что будет поддерживать того, кого назначат собравшиеся. Он сообщил о переговорах с англичанами, и упорство англичан объяснил набегами Фейсала Ааль Давиша.

Театральный жест с отречением воздействовал на собравшихся, особенно на жителей городов и оазисов Неджда — традиционной опоры Саудилов, которые хорошо понимали, что для них значил бы уход Абд аль-Азиза и торжество Фейсала и Ибн Биджада. Под крики «Мы не хотим другого султана!» практически все выразили поддержку его политике и «низложили» трех восставших лидеров ихванов⁵¹. Х. Вахба отмечал, что ни один из собравшихся не считал, что Абд аль-Азиз отдаст трон без борьбы, Они хорошо знали, что он находился на вершине физического и интеллектуальной зрелости и был готов бороться против ихванов, Знать оазисов убедилась, что с ихванами надо кончать. Здесь сыграли роль и стремление защищать классовые интересы против масс восставших кочевников и традиционная неприязнь оседлых к бедуинам⁵². Однако сложность состояла в том, что движение происходило в религиозной форме и три лидера ихванов утверждали, что именно они подлинники защитники веры, а Абд аль-Азиз игнорирует веру в своих интересах, сотрудничая с неверными англичанами⁵³.

С началом сезона выпаса стало ясно, что гражданская война неизбежна, хотя многие племена заняли выжидательную позицию. Но вместо того чтобы выступить против Абд аль-Азиза, три ихванских вождя решили напасть на Ирак, избегая обвинения в открытом восстании. Успехи в Ираке, по их замыслам, должны были принести поддержку другим племенам.

Ибн Биджад совершил набег на селение Эль-Джумайма на границе с Ираком и перебил там множество торговцев, в том числе из Неджда, а затем напал на шаммаров. Повстанцы настроили против себя самое крупное племя аназа и хиджазское племя харб. Ибн Сауд, который еще месяц назад чувствовал себя неуверенно, получил поддержку от бедуинов и оседлых Неджда. Фейсал Ааль Давиш был более тонким политиком, чем Ибн Биджад, он нападал только на иракцев, выставляя себя как бы верным подданным короля и не порывая с ним окончательно. Между ним и Ибн Биджадом усиливались разногласия. После резни в Эль-Джумайме Ибн Сауд прибыл в Касим, где собрал двойной сбор ополченцев Неджда. Они охотно присоединялись к нему, потому что ни земледельцы, ни торговцы не были уверены в своей безопасности, пока их грабят и убивают бедуины-ихваны. За Ибн Саудом пошли часть племени атайба во главе с Абдуррахманом ибн Рубайином — соперником Ибн Биджада; Мишари ибн Бусайис из племени мутайр, Дуляйм ибн Баррак из Хитайм, большая часть племени харб, почти все шаммары Неджда, значительная часть племени зафир, часть племени аназа из Хиджаза, а также вульд сулейман, факир и другие. Основу войска составили оседлые жители Неджда⁵⁴.

В начале марта 1929 г. Ибн Сауд выступил в поход. Ибн Биджад и Фейсал собрались у колодцев в Сибиле⁵⁵.

Последовал период переговоров. Фейсал даже посетил лагерь Абд аль-Азиза, затем вернулся к своим ихванам⁵⁶. На следующий день 31 марта 1929 г. произошла битва при Сибиле. Поставив в центре пехоту из жителей Неджда, а во главе отдельных колонн своих братьев или сыновей, Ибн Сауд стал наступать. На его флангах было бедуинское ополчение. Битва была проиграна ихванами, а Фейсал Ааль Давиш тяжело ранен в живот. Сын короля Сауд с жителями Эр-Рияда и королевской гвардией прорвался вперед, чтобы завершить победу. Реальную тяжесть боя вынесли на себе оседлые жители Неджда⁵⁷.

Тяжело раненный, Фейсал бежал в Эль-Артавию и отправил группу женщин из своей семьи, чтобы они, рыдая, обратились к Абд аль-Азизу с просьбой пощадить его жизнь. Когда король узнал, что Фейсал тяжело ранен, он смягчился, простил Фейсала и даже отправил ему своего личного врача. Видимо, это было сделано не только для того, чтобы вылечить Фейсала, но чтобы определить, насколько тяжело он ранен. Во всяком случае Абд аль-Азиз посчитал, что Фейсал как соперник для него больше не существует⁵⁸.

Что касается Ибн Биджада, то вскоре после битвы он вернулся в Эль-Гатгат. Король послал ему письмо, требуя, чтобы он сдался вместе с теми племенными вождями, которые участвовали в восстании. Ибн Биджад повинился и был заключен вместе с другими руководителями восстания в тюрьму в Эль-Хасе, где они и умерли. Абд аль-Азиз приказал отобрать все оружие в хиджре Эль-Гатгат и разрушить само поселение. До настоящего дня оно остается в руинах⁵⁹.

Считая, что с восстанием ихванов покончено, король направился в Медину, а затем в Мекку, чтобы участвовать в паломничестве в мае—июне 1929 г.

Второй период восстания. Однако Фейсал Ааль Давиш выжил. Его боевой дух не был сломлен, он снова начал планировать набеги на Ирак.

В этот момент Ибн Джилуви решил наказать племя аджман⁶⁰. Хотя ни Зайдан ибн Хисляйн, ни его племя не участвовали в битве при Сибиле, он посчитал их прежнее поведение достаточным поводом для нанесения удара. Абдаллах ибн Джилуви направил своего сына Фахда захватить Зайдана ибн Хисляйна недалеко от его хиджры — Эс-Сирар. Фахд заманил Зайдана на встречу в открытой пустыне и затем схватил его. Ихваны Ибн Хисляйна, обнаружив, что их вождь не вернулся, немедленно окружили

лагерь Фахда, который приказал убить Зайдана и пять его спутников. В последующей битве Фахд был убит, а родственник Зайдана Найиф ибн Хисляйн, который сначала выступал против ихванов, переметнулся к восставшим. Руководители хиджры Эс-Сирар, понимая, что после смерти сына Абдаллах ибн Джилуви скоро двинется на них, быстро собрали скот и лагерное снаряжение и бежали на север⁶¹. Диксон пишет, что в результате предательского убийства Зайдана бедуины Северо-Восточной Аравии настроились против Абд аль-Азиза, хотя он не нес за это ответственности⁶². Большая группа аджманов, покинувшая территорию Кувейта под английским давлением, вернулась в Эль-Хасу и присоединилась к своим соплеменникам.

Приход лета, однако, положил конец крупным операциям, но аджманы смогли получить в Кувейте кое-какую помощь, закупив снаряжение на местных базарах. Абд аль-Азиз позднее протестовал против того, что англичане смотрели на их закупки сквозь пальцы⁶³. Однако в Ираке и Кувейте были те, кто симпатизировал повстанцам, и англичане просто не могли все контролировать. Но англичане все больше убеждались, что для достижения своих целей в Кувейте, Ираке и Иордании им нужно было помочь Ибн Сауду разгромить восстание ихванов и укрепить его режим.

Фейсал Ааль Давиш, решивший снова поднять знамя восстания, присоединился к аджманам, и в середине июля они перерезали дорогу Эр-Рияд — Хуфуф. Атайба прервали связи между Хиджазом и Недждом. Первоначальной целью аджманов было напасть на Эль-Катиф и прибрежные города Эль-Хасы, но по дороге они столкнулись с племенем авазим. Не удержавшись, они напали на него с целью грабежа, но были отброшены. Для аджманов и мутайров это было позорное поражение, потому что авазим не считались племенем «голубой крови». Поэтому через два месяца они снова нападут на это племя около колодцев в Эн-Накира, чтобы получить вариант пирровой победы⁶⁴.

В стране шла гражданская война. Повсюду убивали сборщиков налогов. Караванные связи Хиджаза, Неджда и Эль-Хасы стали ненадежными⁶⁵.

В июле 1929 г. король вернулся в Эр-Рияд с 200 автомобилями, чтобы использовать их против повстанцев. В Хиджазе также договорился о покупке четырех аэропланов и разработал планы создания сети радиостанций в стране. Лишь в Конце 1930 г. этот заказ был передан компании Маркони, а самолеты прибыли на побережье в Эль-Хасу в конце 1929 г., когда в них уже не нуждались для борьбы с кочевниками⁶⁶.

В сентябре Ибн Сауд решил расправиться с повстанцами. Он призвал эмиров Эль-Катифа, Эль-Хасы, Касима и Саиля снабдить его людьми, деньгами и оружием, мобилизовал жителей Неджда из горожан и бедуинов и также получил Помощь тех хиджр, которые не присоединились к Фейсалу Ааль авишу.

Большой удар Фейсалу Ааль Давишу был нанесен в сентябре, Когда войско, возглавляемое Ибн Мусаидом, разгромило мутайров под командованием Узайиза, сына Фейсала, и молодой военачальник вместе с элитой племени мутайр погиб в битве⁶⁷. Через несколько дней Фейсалу было нанесено еще одно поражение. Часть племени атайба, связанная с ихванами, была разгромлена своими соплеменниками, преданными Абд аль-Азизу, которых поддержал отряд под командованием Ибн Лювайя из Эль-Хурмы, отряды ихванов рассеялись⁶⁸.

Наступал конец восстанию. Фейсал в октябре 1929 г. бежал в Кувейт, надеясь получить право убежища для себя и своих людей, оставить там семью, добиться от англичан обещания не бомбить мутайров. Но англичане тянули время, не давая никаких гарантий. Неорганизованными группами ихваны все чаще пересекали границу Ирака, спасаясь от Ибн Сауда. Иракские войска были сосредоточены к северу от Кувейта; английские броневики гнали ихванов обратно через границу⁶⁹.

В октябре 1929 г. Абд аль-Азиз объявил, что у того, кто участвовал в восстании, конфискуется имущество, верблюды, лошади, оружие; у того, кто не участвовал активно в восстании, но уличен в связях с бунтовщиками, отнимаются верховые верблюды, лошади, винтовки; все, что берется у бунтовщиков, придет на

вознаграждение тех, кто участвовал в боях на стороне короля. Жители всех хиджр, где преобладало «разложение», изгонялись без права собираться в одном месте⁷⁰.

В декабре 1929 г. Абд аль-Азиз с войском, составленным из горожан Арида, Вашма, Касима, некоторыми лояльными секциями племен мутайр и атайба, харбами и контингентами из племен субай, хахтан, дазасир начал преследование Фейсала. Произошли стычки, в которых ихваны терпели поражение. Фейсал Ааль Давиш в конце декабря 1929 г. направил письмо Абд аль-Азизу с просьбой о прощении и великодушии. Король написал в ответ, что Фейсал за свои действия не имел права надеяться на прощение. Однако переписка продолжалась⁷¹. Одновременно Фейсал направил послания и королю Ирака, и англичанину Дж. Глаббу, в которых утверждал, что мутайры были преданными подданными Ирака. Но и англичане были настроены покончить с ихванами. В конце декабря остатки отрядов Фейсала Ааль Давиша оказались стиснутыми между войсками Абд аль-Азиза и англичанами на стыке границ Неджда, Ирака и Кувейта. Войско Ибн Сауда с броневиками во много раз превосходило повстанцев⁷². В одном бою харбы разгромили часть мутайров, которые побежали в Кувейт⁷³. В начале января 1930 г. Фейсал сам пересек границу княжества. Когда Абд аль-Азиз узнал об этом, он немедленно направил послание британскому резиденту в Кувейте Диксону, протестуя против разрешения ихванам укрываться в Кувейте, Ираке, Иордании. На следующий день он получил заверение, что мятежники будут изгнаны⁷⁴.

Не исключено, что и англичане, и иракские, и кувейтские власти хотели бы сохранить руководителей ихванов в своих руках в качестве средства давления на Ибн Сауда. «Кто был врагом вчера, сегодня стал лучшим другом повстанцев, — писала 10 января 1930 г. „Умм аль-кура“. — Правительство его величества было вынуждено еще раз указать соседним правительствам, чтобы они соблюдали свои обязательства и не оказывали бы покровительства повстанцам»⁷⁵.

10 января 1930 г. Фейсал Ааль Давиш и другие лидеры ихванов сдались британским властям. Их перевезли самолетами в Басру, где поместили на английский корабль, стоявший в Шатт-эль-Арабе⁷⁶. 12 января Абд аль-Азиз потребовал выдачи лидеров ихванов. Король Ирака Фейсал стоял за то, чтобы предоставить беженцам право убежища, но англичане считали иначе. В лагерь Ибн Сауда прибыла британская делегация, и после переговоров было достигнуто соглашение о выдаче королю лидеров ихванов. Король обещал сохранить им жизнь. Он обязался не допускать набегов ни на Ирак, ни на Кувейт. Абд аль-Азиз также принял обязательство возместить претензии Ирака и Кувейта, заплатить им 10 тыс. фунтов в качестве компенсации за потери от ихванских набегов и в любое время назначать представителей в совместный трибунал в соответствии с соглашением в Бахре⁷⁷.

27 января трех лидеров восстания на самолете доставили к Абд аль-Азизу. Король встретил своего побежденного смертельного врага упреками. Фейсал отказался признать, что он сделал что-либо неправильно. Заключенных перевели в риядскую тюрьму⁷⁸. Фейсал умер 3 октября 1931 г. в тюремной яме. До своего смертного часа он сохранил твердость духа и скончался, пообещав защищать свое дело против Абд аль-Азиза на страшном суде⁷⁹. Так окончилась жизнь Фейсала Ааль Давиша, одного из самых выдающихся вождей бедуинов и, может быть, последнего крупного представителя ушедшей эпохи.

«Аравия никогда не рождала более великого воина, чем Фейсал Ааль Давиш, — писал Диксон, несколько романтизируя лидера ихванов, — и у Ибн Сауда никогда не было более преданного последователя, пока политиканство и неблагодарность не подтолкнули Фейсала к восстанию. Мутайр, его племя, почти обожало его, и ни один человек не упоминает его имени сейчас без слез на глазах»⁸⁰. Остальные вожди восстания довольно скоро умерли в заключении, а может быть, тюремщики «помогли» им умереть⁸¹.

В январе 1930 г. восстание ихванов практически закончилось. Их движение, которое сыграло столь важную роль в укреплении власти Ибн Сауда и его завоеваниях, было сломлено и сошло на нет. Даже оседание бедуинов и их переход к земледелию были приторможены⁸². Централизованное феодальное государство взяло верх над народным движением кочевников, инстинктивно сопротивлявшихся усилению гнета, и феодально-сепаратистскими устремлениями их вождей⁸³.

Кочевники Аравии попали на многие десятилетия под контроль военно-бюрократической машины, а «благородные племена», хотя не из числа активных участников восстания, стали поставлять воинов для «белой армии», преданной королевской семье. Однако кто может с уверенностью сказать, на чьей стороне окажутся бедуины в случае возможных катаклизмов будущего.

20 февраля 1930 г. Абд аль-Азиз прибыл в Рас-Таннуру. Его приняли на борт английского корабля, где состоялась его встреча с верховным комиссаром в Ираке Ф. Хамфрисом и королем Ирака Фейсалом. Во время трехдневной встречи короли обменивались упреками, но в конце концов общие интересы взяли верх, и они договорились заключить договор о дружбе и добрососедстве, который был подписан несколькими неделями позднее по настоянию англичан. Всего лишь несколько лет назад две королевские семьи еще сражались в Хиджазе, который Хашимиты считали своей наследственной вотчиной. Шерифская семья никогда не забыла потери Мекки и Медины и унижительного поражения от руки Ибн Сауда. Но требования реальной политики оказывались сильнее. Оба короля решили признать друг друга в качестве правителей соответствующих государств, обменяться дипломатическими представительствами и взаимно уважать племена и территории, на которые распространялся суверенитет другой страны⁸⁴.

Казалось бы, саудовский режим успешно решил свои внешние и внутренние проблемы и мог ожидать периода относительной стабильности. Но прежде чем она наступила, Ибн Сауд должен был пройти через два новых испытания — вооруженные выступления в Хиджазе и Асире и войну с Йеменом, которые, впрочем, не представляли собой серьезной угрозы для его власти.

Вооруженные выступления против Ибн Сауда в Хиджазе и Асире. Деспотический режим Ибн Сауда, навязанный вооруженной рукой Хиджазу, вызвал недовольство части местной знати. Многие ее представители, особенно из клана шерифов, сохранили связи с братьями Али — последнего хашимитского монарха. Король Трансиордании Абдаллах ибн Хусейн никогда не забывал своего поражения от ихванов под Турабой и, хотя сам не решился оказать большую помощь своему брату Али, был недоволен официальным иракским признанием захвата недждийцами Хиджаза. Еще большее его раздражение вызвал последующий договор о дружбе между королем Ирака Фейсалом и Абд аль-Азизом. Несмотря на британское присутствие в Трансиордании и ясно выраженное признание Великобританией саудовского режима, он решил помочь оппозиционным элементам в Хиджазе деньгами и оружием.

Казалось, что обстановка общего недовольства, сложившаяся в Хиджазе к концу 20-х годов, работала на оппозиционеров. Два года подряд Неджд и Хиджаз поражала засуха. Гражданская война ихванов против режима Ибн Сауда разорила страну, подорвала экономику. Мировой экономический кризис 1929—1933 г. тяжело отразился на Аравии. Экспорт скота, кожи, фиников упал. За импорт продовольствия нечем было платить. Катастрофически уменьшилось паломничество (со 191 тыс. в 1926 г. до 29 тыс. в 1932 г.)⁸⁵. Казна была пуста. Не получая по многу месяцев жалованья, чиновники стали обирать жителей. Субсидии шейхам многих племен были прекращены. Начался голод⁸⁶.

Однако тяжелое экономическое положение и недовольство населения оказались недостаточными предпосылками для сколько-нибудь серьезных успехов антисаудовских выступлений внутри страны.

Вскоре после падения Джидды в Египте была организована так называемая Лига защиты Хиджаза, среди руководителей которой были шейх Абд ар-Рауф ас-Саббан и братья ад-Даб-баги. Конфликт между египетским королем Фуадом и Ибн Саудом подтолкнул египтян к поддержке этой эмигрантской организации⁸⁷.

К концу 20-х годов хиджасские оппозиционеры, поощряемые королем Абдаллахом, основали так называемую Хиджасскую либеральную партию с целью изгнать недждийцев из Хиджаза и образовать самостоятельное государство. Во главе ее стал Тахир ад-Даббаг, бывший при короле Али секретарем Хиджасской национальной партии, а в числе руководителей были шериф Шакир ибн Хайд, шериф Халид, Хусейн ад-Даббаг, Али ад-Даббаг, Мухаммед Амин аш-Шункайди. Хиджасские либералы попытались создать отделений партии в различных городах арабского мира. Хусейн ад-Даббаг, снабженный большой суммой денег, отправился в Каир. Он установил контакты с Хамидом ибн Салимом ибн Рифадой, по прозвищу Одноглазый, одним из шейхов племени билли, часть которого после антисаудовских выступлений в 1929 г. откочевала из Киджаза в Египет⁸⁸.

Были сделаны попытки найти сочувствующих в Южной Аравии, и Хусейн ад-Даббаг посетил Аден, где встретился с несколькими членами клана Идрисидов, жившими в эмиграции. Он надеялся, что вооруженные операции на севере могут быть поддержаны восстанием в Асире, а затем всеобщим восстанием населения Хиджаза. Когда Хусейн ад-Даббаг вернулся в Каир, он заверил Ибн Рифаду, что на юге созрело народное недовольство и там лишь ждут сигнала к выступлению.

В середине мая 1932 г. Ибн Рифада вместе со своим племенем пересек границу Египта около Акабы, где Сауд ад-Даббаг снабдил его продовольствием. Вскоре Ибн Рифада со своим вооруженным отрядом появился в Северном Хиджазе⁸⁹.

Видимо, активность «хиджасских либералов» не была тайной для Ибн Сауда. Узнав о появлении отряда Ибн Рифады, он в июне 1932 г. распорядился немедленно арестовать всех оппозиционеров в Мекке, среди которых было несколько ад-Даб-багов, и запретил все политические партии в Хиджазе⁹⁰.

Одновременно Абд аль-Азиз отправил на автомобилях отряды в Дабу и в Эль-Бид, чтобы окружить Ибн Рифаду. Король потребовал от англичан, чтобы из Трансиордании не поставлялось никакого снаряжения повстанцам. Британский верховный комиссар в Аммане официально заявил, что никакой помощи повстанцам со стороны Трансиордании не будет. Английские подразделения закрыли границу, а в Акабу прибыл английский корабль, чтобы помешать переброске снаряжения и продовольствия в Хиджаз. Абд аль-Азиз со своей стороны тоже закрыл границу⁹¹.

Ибн Рифада и бойцы из племени билли, не получив поддержки населения, укрылись в горах Шар, примерно в 50 км от города Даба. Абд аль-Азиз выманил их с гор, приказав знатным жителям Дабы направить Ибн Рифаду письмо с выражением готовности присоединиться к его движению. Вождь билли спустился с гор и попал в ловушку. Его отряд был окружен и после короткого боя полностью разгромлен. На этот раз Абд аль-Азиз еще в большей мере, чем при подавлении восстания ихванов, использовал автомобильный транспорт и броневики⁹².

Авантюристические действия Ибн Рифады и «хиджасских либералов» потерпели поражение еще до начала вооруженного выступления их союзников в Асире.

По договору с Ибн Саудом от 1920 г. Мухаммед Ааль Идриси сохранил свой сюзеренитет над Южным Асиром и частью йеменской Тихамы. Но после завоевания Хиджаза ситуация начала радикально меняться. В тени могущественного саудовского государства «независимость» княжества Идрисидов превращалась в фикцию. Имам Йемена Яхья, воспользовавшись тем, что недждийцы были скованы операциями в Хиджазе, в апреле 1925 г. присоединил к своим владениям Ходейду и часть Тихамы. Отношения между Ибн Саудом и Яхьей стали обостряться.

После взятия Ходейды войско Ахмеда, сына Яхьи, выступило на север и угрожало основным асирским центрам — Джизану, Эс-Сабье, Абу-Аришу. Имам Яхья явно намеревался присоединить к Йемену весь Южный Асир.

Опасаясь йеменцев, новый эмир Асира аль-Хасан Ааль Идриси 21 октября 1926 г. подписал договор об установлении саудовского протектората над своим княжеством. Идрисиды отказывались от самостоятельной внешней политики, но сохраняли автономию во внутренних делах. Так было положено начало саудовско-йеменскому конфликту. Яхья отвел войска, находившиеся вблизи Джизана и Эс-Сабьи. В июне 1927 г. в Сану прибыла саудовская делегация для переговоров. Яхья настаивал на том, что Асир — часть Йемена, отторгнутая в прошлом «узурпаторами и пришельцами» Идрисидами. Саудовцы доказывали, что эта область не связана с Йеменом, и требовали возвращения значительных асирских территорий вплоть до Баджиля, занятых йеменской армией в 1925 г.

Йемен не был готов к расширению конфликта. На его южных границах происходили частые столкновения с войсками Англии и ее протекторатов. В 1928 г. английская авиация бомбила ряд йеменских городов.

27 октября 1930 г. Ибн Сауд навязал аль-Хасану Ааль Идриси новый договор, превращавший власть эмира в чистую формальность. Поводом для внесения изменений в систему управления эмиратом послужил широкий приток контрабанды в Хиджаз через Асир. Договор обуславливал, что после смерти аль-Хасана вся полнота власти перейдет к Ибн Сауду. Тогда Идрисиды начали устанавливать тайные контакты с имамом Яхьей и «хиджазскими либералами».

В 1931 — 1932 гг. происходили вооруженные конфликты на саудовско-йеменской границе⁹³.

В 1930 г. в прибрежном городе Эль-Лухайе появился представитель Хиджазской либеральной партии Хусейн ад-Даббаг. Он договорился с аль-Хасаном о совместных действиях, и асирскому эмиру стали перебрасывать продовольствие и снаряжение. В 1932 г. он попытался освободиться от саудовского протектората.

Восстание началось в ноябре 1932 г. Войско аль-Хасана было разгромлено через несколько дней, и эмир бежал в Эс-Сабью. «Движение на юге, — сообщало советское генконсульств-во в Джидде, — подготовлялось той же организацией, которая направляла действия Ибн Рифада летом 1932 г. и которая действовала по указанию Аммана (Трансиордания)... Деятельность организации, как и в диверсионном нападении на Геджаз Ибн Рифады, заключалась в установлении связи с асирским побережьем, развитии антисаудовской пропаганды, посылке в „некоторые европейские страны" эмиссаров для закупки оружия и посылке к асирскому побережью на парусниках продовольствия и амуниции. После того, как восстание началось... в Джи-зан прибыл парусник с Али ад-Даббагом и Абдуль Азизом аль-Ямани. Они привезли с собой некоторое количество риса, муки, фиников... Однако через три дня после этого события в Джизан прибыл правительственный отряд и задержал аль-Ямани. Али ад-Даббаг пытался бежать на паруснике... Впоследствии власти получили сообщение, что Али ад-Даббаг утонул в море»⁹⁴.

Вскоре саудовское войско во главе с Халидом ибн Лювайем и Абд аль-Азизом ибн Мусаидом заняли весь Асир. Пользуясь горной местностью, Идрисиды и верные им племена пытались оказать сопротивление, но затем бежали в Йемен. Король Абд аль-Азиз потребовал, чтобы повстанцев выдали, но имам Яхья соглашался отпустить их только в том случае, если король обещает им свое прощение. В мае 1933 г. некоторые из Идрисидов вернулись в Мекку и остались там под надзором, получая жалованье⁹⁵. Во главе Асира стал губернатор, назначаемый из Эр-Рияда.

Уже летом 1932 г. было ясно, что саудовский режим окреп и превратился в несомненного хозяина на всей обширной территории королевства Хиджаза, Неджда и

присоединенных территорий. Легкость, с которой были подавлены восстания на севере Хиджаза, а затем в Асире, лишь подтверждает этот факт.

В сентябре 1932 г. (еще до вооруженных волнений в Асире) полтора десятка чиновников хиджазского правительства, большинство из которых с 1926 по 1936 г. были членами консультативного совета, встретились в Эт-Таифе и обратились со специальной петицией к Абд аль-Азизу. Они отмечали, что королевство Хиджаза, Неджда и присоединенных территорий представляло собой один народ, объединенный верой, историей и традициями. Они предлагали, чтобы государство было объявлено унитарным и названо Королевством Саудовская Аравия. Несомненно, что этот шаг был заранее подготовлен Абд аль-Азизом.

18 сентября 1932 г. Ибн Сауд издал в Эр-Рияде декрет «Об объединении частей арабского королевства», которое отныне стало называться Королевством Саудовская Аравия. В декрете отмечалось, что международные договоры, обязательства и соглашения, заключенные прежним правительством, остаются в силе, как и прежние постановления, инструкции и законы. В том же декрете содержалось указание совету министров, сформированному в декабре 1931 г., разработать конституцию королевства, и устанавливался порядок престолонаследия⁹⁶. Наследным принцем в 1933 г. Абд аль-Азиз назначил своего старшего сына Сауда⁹⁷.

Следуя своей обычной тактике прощать противников, вовремя прекративших борьбу против него, и подкупать оппозиционеров, Ибн Сауд в 1935 г. объявил всеобщую амнистию. Одновременно «хиджазские либералы» распустили свою партию. Многие вернулись в Саудовскую Аравию, Тахир ад-Даббаг стал главой департамента просвещения, шейх ас-Саббан — членом консультативного совета. Другие крупные оппозиционеры также были обласканы королем⁹⁸.

Саудовско-йеменская война. Между двумя правителями — Йемена и Саудовской Аравии — было немало общего. Оба они примерно в одно время возглавили движение за объединение своих стран. Оба они боролись против турок и смогли окончательно завоевать независимость после первой мировой войны. Оба чувствовали на себе давление британского империализма. Но борьба из-за Асира привела их к военному столкновению.

В апреле 1933 г. принц Ахмед, подавлявший антиимамские выступления племен на севере Йемена, захватил Наджран под предлогом того, что жившее там племя ям, которое считалось секцией йеменского племени хамдан, оказывало помощь мятежникам. Переговоры саудовской делегации в Сане с целью урегулировать конфликт кончились неудачей. Имама подстрекали и итальянцы, обещавшие помощь и стремившиеся усилить свое влияние в Йемене, и англичане, заинтересованные в том, чтобы отвлечь внимание Яхьи от аденских протекторатов.

В октябре 1933 г. йеменцы возобновили наступление и оккупировали населенный пункт Бадр. Идрисиды начали поднимать против Ибн Сауда своих сторонников среди асирских племен. В ноябре Абд аль-Азиз распорядился усилить войска на йеменской границе и направил Яхье ультиматум с требованием очистить оккупированную территорию, восстановить существующие границы и выдать Идрисидов.

Опасаясь саудовского удара, имам Яхья пошел на частичные уступки Великобритании, чтобы обезопасить себя с юга. В феврале 1934 г. губернатор Адена Рейли заключил в Сане договор «О дружбе и взаимном сотрудничестве», который англичане впоследствии трактовали как согласие имама на британское господство в Южной Аравии.

В конце февраля — начале марта 1934 г. в Абхе была проведена новая встреча представителей обоих королевств. Ибн Сауд решил смягчить требования, предложив нейтрализовать спорную область Наджран. Поскольку Яхья уклонился от определенного ответа, саудовцы начали наступление.

Саудовская Аравия была лучше подготовлена к войне. К этому времени она получила заем от компании «Стандард Ойл оф Калифорния» и смогла купить оружие. Появились первые подразделения регулярной армии.

Саудовцы наступали двумя колоннами — вдоль Тихамы и в горах. Колонне, которую возглавлял Сауд, удалось быстро захватить Наджран, но его продвижение в горах, где каждое селение было крепостью, замедлилось.

Войско во главе с Фейсалом прошло по Тихаме и 2 мая без боя заняло Ходейду. Отдельные саудовские отряды появились в окрестностях Таизза. Фейсал просил отца разрешить ему наступать на Сану, но получил отказ. Труднодоступная местность мешала продвижению саудовцев, не готовых к действиям в горных районах. Кроме того, к Ходейде подошли английские, французские и итальянские корабли. Итальянцы, поддерживавшие имама, высадили в Ходейде десант. Хотя саудовцы собирались обосноваться в Ходейде надолго, даже заказали цемент для расширения порта, они поняли, что ни Ходейды, ни всего Йемена им присоединить не позволят¹⁰⁰. Ибн Сауд решил довольствоваться малым.

15 мая 1934 г. принц Фейсал и ближайший помощник имама Абдаллах аль-Вазир подписали перемирие и согласовали условия мирного договора. 20 мая 1934 г. они парафировали в Эт-Таифе «Договор о мусульманской дружбе и арабском братстве». Он был утвержден в Йемене и в Саудовской Аравии. 23 июня официальная пресса Мекки, Саны, а также Каира и Дамаска одновременно опубликовала его текст. Договор содержал 23 статьи и соглашение об арбитраже. Срок его действия был определен на двадцать лет с возможным продлением в будущем. Договор объявлял саудовский и йеменский народы одной нацией, предусматривал установление мирных и дружественных отношений между двумя странами, взаимное признание независимости и суверенитета. Имам отказывался от притязаний на территории эмирата Идрисидов, а саудовские войска выводились из занятых ими районов. Было решено провести уточнение границ. Имам должен был выплатить 100 тыс. ф. ст. золотом в качестве контрибуции. В 1936 г. была завершена демаркация границы.

Отношения между двумя странами начали нормализоваться, хотя во время хаджа в следующем году три йеменских паломника попытались кинжалами убить Абд аль-Азиза в Мекке. Эмир Сауд, защищавший отца, был ранен в спину и плечо. Телохранители убили нападавших.

После войны 1934 г. отношения между династиями Саудидов и Хамид ад-Динов носили дружественный характер, между монархами Саудовской Аравии и Йемена было налажено политическое сотрудничество.

Глава XIII

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА САУДОВСКОЙ АРАВИИ ПОСЛЕ ЕЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Королевство Саудовская Аравия заняло большую часть Аравийского полуострова, включив в себя несколько феодально-племенных образований, которые раньше находились в разной степени зависимости от Османской империи. Создание централизованного государства отвечало интересам и феодально-племенной знати в целом, и купечества, и большинства жителей страны, обеспечив безопасность, отведя беды феодально-племенной междоусобицы. Но вместе с централизованным государством пришли растущие налоги и усиливавшийся военно-бюрократический аппарат, который существенно ограничивал племенные «демократические» свободы кочевников.

Проповедь обновленной религии в ее ваххабитской форме подкрепила и освятила борьбу Саудидов за объединение недждийских земель вокруг Эр-Рияда. В исторически ответственный момент движение за новое возрождение Недждийского эмирата возглавил

выдающийся государственный деятель и военачальник Абд аль-Азиз ибн Абдурахман (Ибн Сауд).

Для того чтобы централизация власти и создание независимого государства в Неджде стали реальностью, а также для того, чтобы это государство смогло завоевать некоторые области, должны были сложиться благоприятные внешние обстоятельства, подходящая международная конъюнктура. Успеху Ибн Сауда на первом этапе способствовала поддержка Великобританией его борьбы против Османской империи и ее вассалов, развал Османской империи в результате первой мировой войны, а после нее — неспособность экономически слабеющей Великобритании установить прямой контроль над значительной частью Аравии, которая казалась дорогостоящей и обременительной добычей.

Объективный исследователь, имеющий дело с фактами, не видит заслуживающих внимания изменений в уровне развития производительных сил аравийского общества в первой трети XX в. по сравнению с XVIII — XIX вв. Мало того, хотя у нас нет надежной статистики, можно предполагать, что хозяйственная разруха в результате непрерывных войн и восстаний в сочетании со все углубляющимся кризисом верблюдоводства означала экономический регресс. Проследив за процессом создания Саудовской Аравии, мы не находим в ней новых классов, прослоек или групп, которые принципиально отличались бы по своему характеру и месту в обществе от социальных сил, образовавших под знаменем ваххабизма первое государство Саудидов в XVIII в. После первой мировой войны в ряде арабских стран — Египте, Сирии, Палестине, Ираке, Алжире, Марокко — стоял вопрос о завоевании национальной независимости для самостоятельного развития, характер которого определяли бы соотношение сил между феодальными и буржуазными элементами, уровень экономики, степень «европеизации» (модернизации), рост рабочего класса. В то время в политически независимой Саудовской Аравии не было и зародыша капиталистических отношений, и государство сложилось на примитивной феодально-племенной основе в средневековом по своей сути обществе. Но так как Саудовская Аравия отнюдь не была изолирована от окружающего мира, ее устройство не могло избежать внешнего воздействия. Это касалось как технических средств централизации (радио, телефон, авиация, автотранспорт), так и организационных форм: образование министерств и департаментов, школьной системы. Столкновение традиционных общественно-политических институтов, вырвавшихся из самого общества Саудовской Аравии и соответствовавших ближневосточному феодализму в его примитивной стадии, с модернизаторскими тенденциями, занесенными извне, не нарушало в первое десятилетие социально-политической устойчивости в государстве. Причина этого лежала в абсолютной и относительной слабости именно модернизма, который приходил из гораздо более развитых стран Ближнего Востока, и в полном господстве традиционных структур. Положение начнет радикально меняться лишь с конца 40-х годов, когда взрыв нефтяных доходов нарушит прежний общественный баланс в Саудовской Аравии.

Само название страны — Саудовская Аравия — означало, что она контролируется кланом Саудидов. Государственный флаг — зеленый — символический цвет рая и любимый цвет пророка. На флаге изображена белая сабля, символизирующая джихад — священную войну, и надпись по-арабски символа веры: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха».

Власть короля. Взаимоотношения феодально-племенной знати и богословов. Эволюция политической власти саудовского правителя отражалась, в частности, в изменении его титула. Напомним, что турки обращались к Ибн Сауду как «праителю Неджда и военачальнику Абд аль-Азиз-паше», а англичане — как к «шейху Абд аль-азизу сыну шейха Абдурахмана Ааль Сауду». В 1921 г. эмиры, шейхи плем и улемы провозгласили его султаном Неджда и присоединенных территорий и в официальной переписке он стал именоваться «величеством»¹. В 1926 г. он стал «королем Хиджаза, султаном Неджда и присоединенный территорий», спустя год — «королем Хиджаза,

Нежда и присоединенных территорий», а с 22 сентября 1932 г. — королем Саудовской Аравии. Но все эти титулы предназначались на первом этапе прежде всего для внешнего мира, для повышения международного престижа государства и его правителя.

Внутри страны для оседлых жителей Ибн Сауд был эмиром, т. е. феодальным правителем Нежда и завоеванных им стран, и для них естественной была трансформация его титула в «султана» и «короля». Бедуины считали его «шейх аль-машаих» — главным шейхом, главой всех кочевых племен.

Для укрепления своего авторитета в этом качестве Сауди-ды стали возводить свое генеалогическое древо к ветви племени «голубой крови» аназа, самому многочисленному и могущественному в Аравии. Умелое использование аристократии племен, сочетание методов давления, военной расправы с одариванием и подкармливанием племенной верхушки позволило Абд аль-Азизу держать в повиновении многочисленных и прежде неуправляемых кочевников.

Деспотическая власть облачалась в патриархально-демократические одежды. Беднейшие из бедуинов могли (если были допущены к этому) запросто, без титулов обращаться к королю. Абд аль-Азиз любил, когда его называли или Ибн Фейсал, как напоминание о его деде, или Ибн Микрин — как память об отдаленном предке, основателе рода Саудидов, или Аху Нура — брат Нуры, старшей, почитаемой и любимой его сестры.

Есть идеал подлинного араба-аравийца. Это идеал бедуина, романтизированного в аравийском обществе, как и в некоторых других арабских странах: мужественный воин, великодушный к побежденным, защитник ислама, сексуально сильный мужчина. Намеренно идентифицируя себя с этими свойствами, Ибн Сауд добивался авторитета и престижа².

«Демократизм», «патриархальность» короля не обманывали тех, кто понимал истинное место деспотичного монарха в системе централизованного государства. Вот образец верноподданнических заявлений в адрес правителя, приведенных в «Памятной записке правительства Саудовской Аравии» в связи с конфликтом в Эль-Бурайми. Хотя они относятся к началу 50-х годов, но хорошо отражают суть сложившихся отношений между правителем и управляемыми уже в 20—30-е годы. «Я, нижеподписавшийся Киррам ибн Мани, шейх ааль бу мундайр из манасиров, утверждаю, что я и мой народ были и остаются подданными Его Величества короля Сауда ибн Абд аль-Азиза, так же как мы были подданными его отца,— гласило одно из заявлений.— В соответствии с положениями исламского закона, мы платим закят в форме верблюдов, овец и коз, фиников и риса сборщикам налогов, посланным Его Величеством, или его представителями в Эль-Бурайми, как мы обычно делали раньше долгое время. Мы клянемся в преданности и покорности Его Величеству и видим в Его Величестве нашего защитника, справедливого правителя и снисходительного отца. Под этим мы свидетельствуем и к этому заявлению мы прилагаем наши руки. Аллах — лучший и самый надежный свидетель». Под заявлением стоит отпечаток пальца Киррама ибн Мани³.

Или другой пример: «Мы нижеподписавшиеся... (идет перечисление имен.— *А. В.*) заявляем, что мы являемся подданными саудовского правительства, как были наши отцы и деды. Мы друзья его друзей и враги его врагов. Мы ничего не делаем и ничего не говорим в нарушение его приказов. Все территории, земли, собственность и жизни, которыми мы обладаем, принадлежат ему. Какое-либо письмо или заявление, которое было сделано в прошлом или может быть сделано в будущем и отнесено к нам и которое противоречит этому нашему заявлению, не имеет легальной силы, неверно и неприемлемо, и в соответствии с ним не будет предпринято никаких действий. Такова наша клятва и присяга в преданности, которые будут связывать нас вплоть до нашего самого последнего наследника и потомка. Пусть Аллах будет свидетелем этого»⁴.

Абд аль-Азиз, как и его предки, носил титул имама. Это означало не только то, что он возглавлял общину правоверных на молитве, но был руководителем всех

«единобожников», противопоставляющих себя «многобожникам» — мусульманам других стран. Хотя фанатизм масс после разгрома восстания ихванов ослабел, преданность имаму как религиозному главе должна была цементировать общество Саудовской Аравии, освящая религией верховную государственную власть.

Глава государства «мусульман-единобожников» был одновременно главнокомандующим и должен был вести их на джихад — священную войну против «многобожников». Эти функции он успешно выполнял в ходе завоевательных войн. Но когда Саудовская Аравия достигла максимальных границ своего расширения и элементарный политический расчет требовал остановки территориальной экспансии, вполне естественные нежелание и невозможность для Ибн Сауда возглавить дальнейший джихад, который мог оказаться равным политическому самоубийству, привели к конфликту с ихванами. Но и после их разгрома он продолжал считаться главнокомандующим, в принципе готовым вести своих подданных на священную войну.

Как и свои предшественники, Абд аль-Азиз черпал аргументы для укрепления центральной власти в мусульманских традициях, в особенности в учении Ибн Таймийи. По мнению средневекового богослова, в идеальном обществе должно быть две группы лиц, обладающих авторитетом: улемов — хранителей закона-шариата и эмиров, которые облечены политической властью, необходимой для проведения в жизнь законов⁵.

Подданные эмиров должны подчиняться им абсолютно и без условий⁶. Эмир отвечает за правильное выполнение религиозных обязанностей, которые падают на всех мусульман, исполняет судебные приговоры, оказывает благотворительность, обеспечивает хозяйственную деятельность и безопасность всей общины, нормальное функционирование общественных служб и, наконец, издает социальные и экономические предписания, которые гарантируют каждому индивидууму личное уважение в рамках шариата в соответствии с его местом в обществе⁷.

Эмиры консультируются с улемами по поводу своих действий. Но им позволено действовать и так, как подсказывает их совесть⁸. Эмиры связаны в своем поведении Кораном и сунной в соответствии с толкованием улемов. Это, таким образом, дает улемам большие, хотя и ограниченные, рычаги влияния и контроля. Теоретически эмиры свободно действуют вне рамок религиозных дел. Но фактически ислам в Саудовской Аравии пронизывает все сферы жизни. Поэтому богословы в ваххабитском обществе играют важную роль, и их авторитет укрепляется еще и потому, что главные из них входят в клан Ааль аш-Шейха, издавна породнившегося с Саудидами.

Во время кризиса, вызванного фанатизмом ихванов в 1914 — 1915 гг., Абд аль-Азиз выпустил указ, а улемы — фетву, осуждающие нетерпимость и крайности поведения ихванов⁹. Но были времена, когда взаимоотношения между Ибн Саудом и богословами обострялись. Достаточно вспомнить, что улемы сопротивлялись введению телеграфа и радио¹⁰. Но как бы то ни было, в случае конфликтов по крупным, принципиальным вопросам воля Абд аль-Азиза оказывалась решающей. Когда улемы однажды вмешались в такой вопрос, как династический брак, пытаясь помешать замужеству дочери из одной знатной риядской семьи, сосватанной за араба-неваххабита, Абд аль-Азиз игнорировал их мнение и даже изгнал 30 из них из Неджда¹¹. Впрочем, конфликт по вопросу о браке мог быть только предлогом для правителя разделаться с неугодными ему улемами.

От каждого члена общины ожидалось, что он будет подчиняться эмиру и давать ему совет тогда, когда это требуется¹². Уже в 1950 г. принц Фейсал, выступая на открытии заседания консультативного совета, заявил: «Обязанностью подданных является помощь учреждениям, которым поручено какое-либо дело, чтобы облегчить их задачи в соответствии с приказами и распоряжениями, которые им направлены»¹³.

Абд аль-Азиз всегда проявлял внешние признаки почитания и уважения по отношению к богословам, предоставлял им слово на своих маджлисах, прислушивался к их советам.

Свою власть улемы продемонстрировали, когда Ибн Сауд решил праздновать пятидесятилетие своего восшествия на престол. Богословы заявили, что такого праздника в исламе нет, и король согласился с их мнением. Впрочем, к некоторым их замечаниям Абд аль-Азиз относился просто с юмором. Однажды во дворце в Эр-Рияде один из улемов увидел его в длинной одежде, которая касалась пола, и сказал: «Аллах-Аллах! Абд аль-Азиз, тебя одолела гордыня. Твоя одежда волочится по полу». Король немедленно приказал слуге: «Принеси ножницы». Когда тот принес ножницы, Ибн Сауд отдал их богослову и сказал: «Обрежь то, что, по-твоему противоречит религии»¹⁴.

Г. Филби в 1918 г. писал, что в Эр-Рияде было шесть улемов, в Каслме — три, столько же в Эль-Хасе и по одному в каждом из остальных районов Неджда — всего около двадцати человек¹⁵. Видимо, он учитывал только наиболее почитаемых и выдающихся богословов. Конечно, те, которые находились в столице, стояли выше провинциальных улемов. Но их число в столице не было постоянным и менялось от года к году.

Улемы в Саудовской Аравии считались знатоками теологии и права благодаря как лично проявляемой набожности, так и специальной подготовке. Хотя богословом мог стать любой, естественно, что они были выходцами, как правило, из «благородных» племен или клана так называемых сейидов, которые считались потомками пророка. Но в Саудовской Аравии самым большим авторитетом пользовались члены семейства Ааль аш-Шейха, хотя они и не были сейидами. Представители этого семейства в тот период отделялись лишь тремя-четырьмя поколениями от самого вероучителя. Они были связаны с Абд аль-Азизом родственными узами еще со времен Абд аль-Азиза I и Ибн Абд аль-Ваххаба. Король Фейсал, убитый в 1975 г., был сыном Абд аль-Азиза от жены из семейства Ааль аш-Шейха.

Путешественники довольно много внимания уделяли кварталу улемов в Эр-Рияде, и отнюдь не все описания благожелательны. Люди, подобные ар-Рейхани, указывали на лицемерие и ханжество его обитателей. «Даже в святая святых столицы — квартале, где живут улемы, можно найти табак, спрятанный на дне сундука, для момента кейфа. Конечно, на людях запреты строго соблюдаются и навязываются, как и аскетизм и набожность. Человека могли попрекать за походку или одежду. Если кто-либо свободно смеялся в чьем-либо доме, другой мог постучать в дверь и спросить: „Почему ты смеешься таким непристойным образом?“ Ни один житель этого квартала не пропускал ни одной из пяти ежедневных молитв в мечети, если не был болен. Того, у кого случайно находили табак, строго наказывали. Набожные улемы не знали жалости. „Но,— сказал один из охранников во дворце,— все они тайно распутные люди. Стены их домов вопиют против них“»¹⁶.

Большинство путешественников все же высоко оценивают догматические знания улемов Эр-Рияда, отмечают их роль в развитии школ и создании библиотек¹⁷.

Когда же пришло время хотя бы частично модернизировать феодальное государство, улемы стали решительными противниками перемен и остаются таковыми до наших дней. В июне 1930 г. богословы, собравшиеся в Мекке, протестовали против включения в программу вновь сформированного директората образования таких предметов, как география, иностранные языки и черчение. Они утверждали, что черчение — это все равно, что рисование, а языки — способ узнать религиозное мнение неверных, география возмущала их, потому что она утверждала, что земля круглая. Но Абд аль-Азиз просто игнорировал их протесты¹⁸. В других случаях улемы Эр-Рияда выступали против фанатизма ихванов вместе с Абд аль-Азизом, но скорее это была классовая солидарность прослойки, заинтересованной в существовании и укреплении централизованного государства.

К началу 50-х годов среди улемов появились некоторые элементы иерархии. Муфтий Саудовской Аравии считался как бы главой всех улемов. Особым авторитетом обладали, в частности, глава комитета общественной морали в Эр-Рияде и главный кади в

Мекке, кади в Диламе, два кади шариатского суда в Эр-Рияде, один член комитета общественной морали в Эр-Рияде¹⁹.

Важную роль в создании духовной опоры централизованного государства играл Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Латыф. Член семьи Ааль аш-Шейха, он был правоведом и проповедником и пользовался известностью. Он учился в Медине, Тунисе и Каире, путешествовал по Марокко, Испании, Индии, Афганистану, Ирану и Ираку. Он присоединился к Саудидам во время их ссылки в Кувейте и был учителем Абд аль-Азиза. До своей смерти в 1925 г. он был признанным главой клана Ааль аш-Шейха²⁰. Как писал Г. Филби, он же произносил пятничные проповеди в мечети шейха Абдаллаха в столичном квартале блогословов и общие проповеди в большой мечети Эр-Рияда и был главным кади столицы²¹. Во время молитвы Абдаллах мог стоять впереди общины в качестве имама, по правую его руку находился отец Абд аль-Азиза, а сам король — непосредственно сзади него²².

Образование Саудовской Аравии и закрепление ее независимости, возрождение некоторых мусульманских общественно-политических институтов вновь вызвали интерес к ваххабизму за ее пределами. В Египте родственные идеи в ваххабизме усмотрела группа Мухаммеда Рашида Риды, сложившаяся вокруг журнала «Манар». Выступая за «осовременивание» мусульманского общества с помощью перенимания технических достижений западной (европейской, капиталистической) цивилизации, они вместе с тем требовали безусловного возвращения к мусульманским ценностям, идеологии и институтам первых веков ислама, их внедрения во все сферы жизни. Группа Риды подготовила почву для распространения взглядов отца движения «братьев-мусульман» Хасана аль-Банни. Сам Рида написал несколько работ, в высшей степени благожелательных к ваххабизму. Внутри Египта это можно было расценить как выражение оппозиционных настроений по отношению к королю Фуаду, так как после инцидента с махмалем связи Египта и Саудовской Аравии до 1936 г. были прерваны. Не случайны устойчивые симпатии саудовского правительства к «братьям-мусульманам» и их поддержка.

Организация государственной власти и администрация Неджда. Фуад Хамза, оценивая положение Неджда и Хиджаза в объединенном государстве, писал: «Что касается законов и права, то Неджд и Хиджаз представляют собой два независимых королевства, связанных между собой лишь общим престолом и личностью, сидящей на нем»²³. Вместе с тем автор отмечал, что между двумя королевствами не были демаркированы границы, не существовало пошлин, у них была единая внешняя политика, не говоря о главном — единых вооруженных силах. Различия в администрации двух главных частей государства были в первые полтора-два десятка лет довольно существенные, хотя и постепенно уменьшались. Вся реальная власть была сосредоточена в руках короля Ибн Сауда и его двора.

Функции правительства всей страны и одновременно правительства Неджда выполнял королевский двор в Эр-Рияде. Аз-Зирикли, хорошо знакомый с его устройством, дает следующую его структуру²⁴:

1. Маджлис — совет короля. Его члены назывались «джамаа» — собрание, сообщество. Они собирались во главе с королем дважды в день — до обеда и вечером. На маджлисе присутствовал брат Абд аль-Азиза эмир Абдаллах ибн Абдуррахман, а также наследный принц Сауд и вице-король Хиджаза Фейсал, если он был в Эр-Рияде. Затем были те, кто назывались везирами (секретарями, министрами) и советниками, ведущие богословы, а также все, кто находился в Эр-Рияде из числа других везиров и саудовских послов. На маджлисе могли присутствовать эмиры главных провинций и шейхи племен.

2. Политический департамент, который отвечал за внешнюю политику.

3. Королевский диван, занимавшийся внутренними делами.

4. Департамент шифровки и телеграмм.

5. Департамент бедуинов и Неджда.

6. Департамент бухгалтерии и подарков.
7. Департамент делегаций и гостеприимства. Он отвечал за приезд и снабжение делегаций и за дворцы, специально предназначенные для гостей короля. Приехавшие подразделялись на три категории: особо почетные гости, делегации оседлых, делегации кочевников.
8. Королевское имущество — департамент, занимавшийся тем, что связано с королевским дворцом.
9. Департамент воинов джихада занимался делами нерегулярных бойцов.
10. Департамент особой казны.
11. Департамент специальных складов.
12. Департамент свиты.
13. Департамент конских табунов.
14. Департамент верблюдов, принадлежавших королевскому дворцу.
15. Департамент автомобилей.
16. Департамент радио, созданный после появления радиосвязи в стране. Он также занимался постоянным сбором радиоинформации, прослушивал радиопередачи как на арабском, так и на иностранных языках и готовил сводки для короля.
17. Королевская гвардия.
18. Департамент здравоохранения отвечал за здравоохранение в королевском дворце.

Описание королевского двора, приведенное аз-Зирикли, примерно совпадает с тем, что сообщал К. Наллино ²⁵. Правда, в функции королевского дивана он включил дела Хиджаза, Асира и Эль-Хасы, упоминал департаменты закята и государственной казны, которые формально были перекрыты министерством финансов, департамент религиозных чтений и муэдзинов, не указанный аз-Зирикли. Но, видимо, не стоит усматривать противоречия в этих двух описаниях. Скорее всего, подразделения королевского двора могли появляться и исчезать, сливаться, возвышаться или уходить в тень в зависимости от калибра и связей с королем личностей, возглавлявших их. Никаких письменных правил или регламентации структуры королевского двора не существовало. Решающее слово во всех делах принадлежало королю. От него руководители всех департаментов получали указания, он был верховным арбитром в спорах ²⁶.

Что касается администрации главных провинций, то их губернаторов-эмиров король назначал на срок по своему выбору. Уложений или законов по поводу местной администрации в Неджде и присоединенных территориях в 30-е годы не существовало. Более мелких эмиров назначали губернаторы провинций, но король мог вмешиваться в их выбор. Сначала страна за пределами Хиджаза была разделена, по данным Ф. Хамзы ²⁷, на пять крупных провинций — собственно Неджд, охватывавший Арид и соседние области, Касим, Джебель-Шаммар, Эль-Хаса (где правил клан Ааль Джилуви) и Асир. На практике из Джебель-Шаммара была выделена провинция Вади-Сир-хан, а Асир разбит на Асир с центром в Абха, Тихаму и Наджран ²⁸.

Кочевые племена были поставлены под контроль провинциальных властей. По данным А. Маккай Фруда, атайба, часть мутайр, давасир, хахтан и субай были подчинены губернатору Арида, аджман, бану хаджир, бану халид, хавазим, манасир, ааль мурра и другая часть мутайр — губернатору Эль-Хасы, шаммар, шарарат и третья часть мутайр — эмиру Джебель-Шаммара ²⁹. Важно отметить, что непокорное власти Саудидов племя мутайр было разбито на три части.

Автономность Восточной провинции не оформлялась специальными декретами, но к концу 30-х годов здесь были созданы свои бюрократические учреждения, подчинявшиеся Ибн Джилуви, а во главе важнейших оазисов были поставлены его ближайшие родственники. В Хуфufe были образованы департаменты полиции, финансовых дел, таможен и охраны побережья, отделение джиддинского директората горнорудных дел

Администрация Хиджаза. В Хиджазе Ибн Сауд пошел на создание усложненной системы государственной власти и администрации. В августе 1926 г. король опубликовал документ под названием «Основные положения Хиджазского королевства», которые иногда называют «конституцией». Они провозгласили, что «Королевство Хиджаз в своих известных границах представляет единое целое, части которого взаимно связаны между собой и никоим образом не допускают ни разделения, ни отделения». Хиджаз «является государством монархическим, с совещательными учреждениями, мусульманским, независимым как во внутренних, так и во внешних делах». «Священная Мекка — столица Хиджазского государства». «Все управление королевством Хиджаз находится в руках Его Величества Короля Абд аль-Азиза ибн Абдурахмана Ааль Фейсала Ааль Сауда. Его Величество связан постановлениями славного шариата».

Судебные решения в королевстве Хиджаз должны были «соответствовать книге Аллаха, сунне его пророка — да будет над ним благословение Аллаха! — а также тому, чего придерживались сподвижники пророка и первые благочестивые поколения»³¹.

«Основные положения» предусматривали, что король назначает в Хиджаз генерального наместника (вице-короля) и глав департаментов, которые несут ответственность перед вице-королем, а тот, в свою очередь, — перед королем³².

«Дела Хиджазского государства распределяются по следующим шести основным отделам:

- 1) шариатские дела;
- 2) внутренние дела;
- 3) иностранные дела;
- 4) финансовые дела;
- 5) дела народного просвещения;
- б) военные дела».

Особая статья подчеркивала, что «военные дела и все связанные с ними функции осуществляются под руководством Его Величества короля»³³.

Предусматривалось создание консультативного совета — маджлис аш-шура в составе вице-короля, его советников и шести представителей хиджазской знати, назначаемых королем «из числа опытных и способных людей». В «Основных положениях» намечалось создание административных советов в главных городах с муниципальными функциями. Решения этих советов входили в силу после одобрения королем. Было намечено создание советов в более мелких административных единицах³⁴.

Ряд «Основных положений» показался Ибн Сауду противоречащим его абсолютной власти. Статьи 28 — 37 о консультативном совете и местных советах стали игнорироваться уже со следующего года, а ст. 43 — 45 о создании органов, имеющих право контролировать расходы казны, никогда не применялись и впоследствии утратили силу.

Существенной особенностью хиджазской «конституции» является полное отсутствие положений об индивидуальных или групповых правах, а также положений, ограничивающих власть короля, который правит на основе шариата³⁵.

По мнению аз-Зирикли, который изучил практическую деятельность хиджазских органов власти, консультативный совет занимался бюджетом государственных служб и муниципалитетов, выдачей разрешений на экономические проекты и концессии, издавал постановления, решал вопросы, связанные с местными чиновниками и иностранцами, а с 1932 г. в его функции стала входить забота о паломниках³⁶.

Аз-Зирикли утверждал, что функции консультативного совета были и совещательные и законодательные. Он мог указывать правительству (имеется в виду созданный в Хиджазе совет министров — маджлис аль-вукаля) на его ошибки в выполнении законов и уставов, одобрять, отвергать или изменять правительственные проекты³⁷.

В июле 1928 г. был издан королевский декрет, который предусматривал создание консультативного совета для Хиджаза и Неджда вместе. Этот декрет никогда не был проведен в жизнь³⁸. Также не было принято решений, которые ограничивали бы постановления консультативного совета одним Хиджазом или, наоборот, распространяли бы его на остальные части Саудовской Аравии. Для регулирования различных ситуаций, определения статуса государственных и общественных служб, организации судов, системы здравоохранения, почт, телеграфа консультативный совет к 1950 г. разработал и принял несколько сот уставов — низамов, распоряжений. На практике многие уставы, распоряжения и постановления хиджазского консультативного совета применялись на территории всей страны³⁹.

До завоевания Хиджаза сношения Неджда с внешним миром осуществлялись почти исключительно через Персидский залив. Король сам вел переписку, наблюдал за связями, инструктировал своих посланников на переговорах. После присоединения Хиджаза международные связи нового королевства усложнились. В Джидде было несколько постоянных консулов иностранных государств. Прибытие паломников также ставило перед новым правителем Хиджаза много деликатных проблем. Уже в 1925 г. в Хиджазе появилось нечто вроде департамента иностранных дел. Во главе его стал сириец Юсеф Ясин, поступивший на службу к Ибн Сауху. Вместе с египтянином Хафизом Вахбой он участвовал в переговорах в Бахре и Хадде в 1925 г., а затем в других дипломатических миссиях. В Мекке он редактировал газету «Умм аль-кура» и был главой политического департамента при королевском дворе. В 1930 г. был издан указ Ибн Сауда об образовании министерства иностранных дел, главой которого он назначил своего второго сына, вице-короля Хиджаза Фейсала⁴⁰.

Саудовская Аравия установила дипломатические отношения 16 февраля 1926 г. с Советским Союзом, 1 марта 1926 г. — с Великобританией, в том же месяце — с Нидерландами, Францией, Турцией, в 1928 г. — с Германией, в 1929 г. — с Ираном и Польшей, в 1931 г. — с США, в 1932 г. — с Италией, в 1936 г. (после смерти короля Фуада) — с Египтом. В 1950 г. в Саудовской Аравии было два посольства — американское и английское, другие государства были представлены дипломатическими миссиями⁴¹. Советская миссия уехала из Джидды в 1937/38 г., но формально дипломатические отношения между двумя странами не прервались.

В Риядском эмирате на первом этапе всей казной ведал некий Абдаллах ас-Сулейман, не имевший специального штата помощников. В каждом оазисе и провинции была установлена «идара» — администрация для сбора закята, независимая от других ведомств, ответственная только перед эмиром и королем. Она существовала по образу и подобию налогового ведомства в первом и втором государстве Саудидов. В 1927 г. в Мекке была создана организация под названием «мудерия» — директорат общих финансов, во главе ее стал все тот же Абдаллах ас-Сулейман⁴².

С 1929 г. этот директорат стал агентством (викаля), а фактически министерством. В Саудовскую Аравию был приглашен голландский специалист по финансовым вопросам Ван Ли. Он пытался навести какой-то порядок, но успеха не имел, и его пребывание не продлилось долго⁴³.

В 1932 г. король решил превратить финансовое агентство в министерство финансов с широкими полномочиями во главе с неизменным Абдаллахом ас-Сулейманом⁴⁴.

Новое ведомство практически выполняло функции министерства экономики. Ему подчинялись департаменты, занимающиеся снабжением, вопросами, связанными с паломничеством, сельским хозяйством, общественными работами, автотранспортом. В компетенцию министерства входило также подписание соглашений о концессиях на добычу золота и нефти; при нем был создан департамент нефти и горных дел. В качестве экспертов в министерстве работали сирийцы, ливанцы, египтяне, иракцы.

Министерство продолжало расширяться, и в 1949 г. число служащих в нем достигло примерно 4500 человек⁴⁵.

Образование Совета министров в Хиджазе во главе с вице-королем Фейсалом относится к январю 1932 г.⁴⁶, когда был создан маджлис ал'ь-вукаля—совет вакилей с функциями, близкими к кабинету министров, но не совпадающими полностью с ними. Он объединил главу кабинета, т. е. вице-короля, министра иностранных дел, министра финансов, министра внутренних дел и консультативный совет.

Министерство внутренних дел охватывало, в частности, департаменты здравоохранения, просвещения, почт, телеграфа и телефона, радио, судебных дел, военный департамент, департаменты вакуфов и Каабы, муниципалитетов, водных ресурсов, карантинных, охраны берегов, общей полиции⁴⁷.

Еще в 1925 г. в Мекке было создано управление общей безопасности, а затем появился директорат общей полиции. Были созданы специальная полиция нравов, инспекторы, отделения контроля за иностранцами. Управление общей безопасности распространило свою деятельность на всю Саудовскую Аравию, учредив в каждом крупном городе соответствующие отделения. В начале 40-х годов в Мекке была основана школа полиции⁴⁸.

У вице-короля Фейсала в Мекке был свой диван. Он включал специальное бюро для секретной или частной переписки, бюро для получения и отправки официальных бумаг, бюро постоянного комитета совета вакилей, департамент, ведающий лошадьми, департамент по делам бедуинов, департамент армии, занимавшийся обеспечением армии верблюдами, департамент по автотранспорту⁴⁹.

Слово «везир» — министр — не чуждо населению Неджда. Однако в отличие от других арабских стран под ним понимали скорее слово «секретарь». У каждого правителя области вплоть до недавнего времени сохранялся свой везир. У самых крупных из них было несколько везиров, отвечавших за финансовые и другие дела, переписку. Поэтому европейскому и общепринятому понятию «министр» в Саудовской Аравии больше соответствовали руководители департаментов королевского дивана, ведавшие под надзором короля общегосударственными делами⁵⁰.

Еще в 1925 г. был создан генеральный департамент здравоохранения, который начал расширять свои полномочия и функции. Через несколько лет в главных провинциях появились свои отделы здравоохранения⁵¹.

В 1931 г. была образована «Дирекция защиты берегов» с центром в Джидде. Она занималась портами и охраной берегов, борьбой с контрабандой, регулировала мореходство⁵².

В 1926 г. появился муниципалитет в Мекке, имевший особый бюджет. В 1929 г. для него был составлен специальный регламент (изменен в 1938 г.)⁵³.

К 1934 г. Хиджаз был разбит на 14 мелких провинций. Местные эмиры подчинялись министерству внутренних дел, а фактически вице-королю Фейсалу⁵⁴. Бедуины были поставлены под контроль провинциальной администрации⁵⁵.

Когда 18 сентября 1932 г. Ибн Сауд издал декрет «Об объединении частей арабского королевства», оно стало унитарным по названию, по единому централизованному контролю, но не по административной структуре. Статья 5 декрета гласила: «Существующие в настоящее время учреждения правительства Хиджаза, Неджда и присоединенных областей временно сохраняют свой настоящий статус, впредь до установления новых учреждений для всего королевства на основе нового объединения». Совету министров Хиджаза вменялось в обязанности немедленно приступить, в частности, к подготовке проектов Основного закона (конституции) королевства и закона об организации управления⁵⁶. Это никогда не было сделано. Различия в администрации между Недждом и Хиджазом сохранялись еще долгие годы и окончательно не ликвидированы до настоящего времени.

Окружение короля. Как бы ни усложнялся административно-бюрократический аппарат Саудовской Аравии, все главные решения принимались королем и его ближайшим окружением. Поэтому наиболее могущественными людьми в государстве

были лица, приближенные к монарху. «Люди, которых Ибн Сауд выбирал для административных постов в своем королевстве, оставались на этих постах практически до конца его жизни, — писал Г. Филби. — Это отражало определенную черту в его характере: легкую ксенофобию, симптомами которой было отсутствие энтузиазма к незнакомому обществу, хотя и скрываемое великолепным гостеприимством и искренним дружеским вниманием. Он предпочитал иметь вокруг себя днем и ночью, год за годом, одних и тех же людей, всегда одних и тех же людей, или членов семьи, или администраторов, или слуг, или товарищей по оружию. Только в их компании он мог расслабиться до конца. Этим людям он мог доверять, потому что он знал их интимно, и их достоинства, и их недостатки. Этим людям он одаривал без границ, вместе с увеличением своих ресурсов»⁵⁷.

Глава финансового ведомства Абдаллах ас-Сулейман подал в отставку лишь после смерти короля Абд аль-Азиза, когда его место занял Мухаммед Сурур ас-Саббан.

Личность и деятельность Абдаллаха ас-Сулеймана заслуживают того, чтобы на них мы остановились подробнее. Он родился в Анайзе (Касим) в 1887 г. Был в Индии, жил на Бахрейне и в других странах Персидского залива. Наконец, он обосновался в Эр-Рияде у брата, который служил секретарем в диване Абд аль-Азиза, и занял место брата, когда тот заболел. Он понравился Ибн Сауду своим хорошим почерком, умом, активностью и изворотливостью. Сначала риядский эмир передал ему казну с серебряными монетами, а потом и с золотыми, из которой он обеспечивал расходы на свой двор и гостей.

Постепенно функции Абдаллаха ас-Сулеймана расширялись. К нему стали ежемесячно поступать 5 тыс. ф. ст., которые британское правительство выплачивало Ибн Сауду до 1924 г. Абд аль-Азиз отдал в руки ас-Сулеймана все руководство финансами. У ас-Сулеймана были друзья из торговцев, которые ссужали его деньгами «без процентов», потому что процент считался лихвенной, ростовщической прибылью. Для нужд двора покупались товары под ссуженные деньги в рассрочку, но не по их настоящей цене, а по завышенной⁵⁸.

«Абдулла Сулейман имеет сейчас решающее значение в хозяйственных вопросах Геджаза и правительственных поставках», — писал в 1929 г. советский генеральный консул в Джидде Н. Тюрякулов. Он отмечал, что ас-Сулейман заключал контракты через подставных лиц⁵⁹.

Абд аль-Азиз считал, что его задача — опустошать казну, а наполнять ее — забота ас-Сулеймана. Когда в начале 30-х годов в Саудовской Аравии начали употреблять слово «министр» или «его превосходительство министр», то подразумевали именно ас-Сулеймана, потому что у министра иностранных дел Фейсала были другие титулы. У министра финансов появилась своя свита, свои «мужи». В его свите было около 400 человек — чиновников, рабов, охранников, которых он содержал. Он имел дворцы и земельные участки⁶⁰.

Король редко принимал кого-нибудь с глазу на глаз, но для ас-Сулеймана был открыт вход в спальню короля после общего совета, и во время этих встреч казначей излагал королю свои просьбы. Все шифровки из королевского дивана имели три копии: одна — наследнику престола Сауду, другая — вице-королю Фейсалу и третья — ас-Сулейману. Министр финансов оказывал воздействие на вооруженные силы, так как именно он выдавал зарплату и финансировал расходы на вооружение. Злые языки утверждали, что ас-Сулейман стал вторым королем или некоронованным королем Саудовской Аравии. Когда он ушел в отставку в 1954 г., то стал крупным предпринимателем, владельцем сети отелей и торговых компаний⁶¹.

Среди советников Ибн Сауда был некий Абдаллах ад-Дамлуджи из Мосула в Ираке. Он приехал к Ибн Сауду в 1915 г. в качестве медицинского советника и врача. Немного зная французский, он скоро стал отвечать за прием иностранных гостей при дворе в Эр-Рияде. После захвата Хиджаза его назначили личным представителем короля в Джидду. Пото-м он стал заместителем министра иностранных дел (в то время как второй

сын Ибн Сауда Фейсал был назначен министром) и оставался на этом посту почти до 1930 г. Его преемником стал Фуад Хамза, беженец из Палестины. Он работал в министерстве иностранных дел до своей смерти. Во время второй мировой войны Фуад Хамза представлял Саудовскую Аравию в Виши, а потом в Анкаре, пытался организовать переписку Гитлера с Ибн Саудом.

В команде Ибн Сауда были Хафиз Вахба и Юсеф Ясин. Вахба—египтянин, которого англичане какое-то время держали на Мальте в связи с восстанием 1919 г. в Египте. Он стал директором департамента просвещения, а затем саудовским представителем при папе, а после этого послом в Лондоне⁶². Юсеф Ясин, сириец из Латакии, был политическим секретарем у короля и возвысился до ранга государственного министра. Через него шла дипломатическая переписка с саудовскими представителями за границей. Он прибыл в Аравию в 1923/24 г. и смог понравиться Абд аль-Азизу⁶³.

В начале своего правления Ибн Сауд воздерживался от привлечения своих детей и других членов семьи к руководству администрацией. Лишь его старшие сыновья Сауд и Фейсал были назначены соответственно наместниками в Неджде и Хиджазе. Возможно, Абд аль-Азиз помнил о печальной участи государства, оставленного его дедом Фейсалом и разорванного на части и потом погибшего из-за соперничества его сыновей.

Со временем эта практика изменится, и ключевые посты в государственном аппарате займут члены королевского клана.

Внедрение шариата и создание ваххабитского правопорядка. Идеология, принятая в Саудовской Аравии, представляла собой ислам в его ваххабитском толковании. При наличии одного Аллаха, единого правителя, одной официальной богословской школы — ханбализма — в принципе должна была существовать одна правовая и судебная система. В обществе, столь фрагментированном, как в Саудовской Аравии, при наличии различных социальных групп и слоев (хотя бы оседлых и кочевников), столетиями пользовавшихся различными системами права, это была задача не из легких, в ряде случаев решение ее требовало компромиссов.

К началу XX в. шариат, который ваххабиты XVIII — начала XIX в. пытались внедрить в кочевых племенах, был забыт, и снова на первый план вернулся урф, или адат⁶⁴. Юридическая практика в разных племенах была различна. Аз-Зирикли отмечал, что у бедуинов действовала своя система права, напоминающая суды первой инстанции, апелляционные суды и кассационные суды⁶⁵. Обычное право племен основывалось на прецедентах; иногда прецеденты должны были быть, например среди руала, не менее чем пятилетней давности⁶⁶. Бывало, что судебные приговоры произносились ритмическими стихами или ритмическими фразами. Это может напоминать о связях между знатоками обычного права — арифами — и прорицателями доисламских времен⁶⁷.

Естественно, с появлением централизованного феодального государства, применявшего шариат и имевшего принудительный аппарат для исполнения судебных решений, происходило столкновение двух систем права. Урф, например, предусматривал в определенных условиях предоставление убежища преследуемым лицам. Но право убежища не признавалось централизованным государством. Действия, которые бедуины считали преступлением, если они совершались внутри племени, например грабеж или убийство, вне племени считались доблестью и геройством, что противоречило потребностям и политике государства. Возникали проблемы с набегами — газу — и судьбой скота, захваченного во время грабительских рейдов⁶⁸. Наконец, оставались вопросы, связанные с кровной мстостью, масштабы которой правительство всегда старалось ограничить⁶⁹.

Примерно с 1914 г. начались практические шаги по ограничению влияния арифов в племенах, куда стали назначать мутава и кади. По прерогативам арифов наносился удар, но в первые годы еще не пытались полностью заменить их судьями (кади). В племенах суды на основе урфа и шариата действовали параллельно. Между ними произошло временное разграничение функций. Ариффы продолжали руководствоваться урфом в делах,

которые касались его в узком смысле слова, во взаимоотношениях племен, а вопросы, например, наследства решали уже кади на основе шариата⁷⁰. Важно отметить, что движение ихванов ускорило замену ариффов судьями (кади).

Саудовские губернаторы предпочитали не вмешиваться во внутриплеменные дела. Например, три десятка административно-судебных решений, которые приводит «Памятная записка правительства Саудовской Аравии», касаются межплеменных отношений, восстановления захваченной собственности, в особенности скота⁷¹.

Постепенно было введено разграничение судебных функций губернаторов и кади. Судьи стали заниматься вопросами взаимных претензий, коммерческих дел, религиозных вопросов, семейного права и наследования. В ведении эмира кроме межплеменных конфликтов были налогообложение, набор солдат, административные проблемы, и он выступал в качестве судьи, когда возникали конфликты по этим вопросам⁷². Но шариат предоставлял эмиру право разбирать тяжбы, выходявшие за круг военных, административных и финансовых проблем.

Борьбой за утверждение шариата в его ханбалитской форме в противовес урфу племен не ограничивалась сложность создания единой правовой и судебной системы. После образования Саудовской Аравии в Неджде по-прежнему преобладал ханбализм, в Хиджазе — шафиизм, а в тех городах, которые были связаны с османскими властями, — ханифизм⁷³. Османская администрация обычно назначала четырех кади из четырех правоверных школ, хотя первенство отдавалось ханифитам. Американский исследователь Ф. Вайдэл отмечал, что в Эль-Хасе ханифитская школа права уцелела в течение десятилетий в прежних османских административных центрах, например в Хуфufe⁷⁴.

После присоединения Эль-Хасы перед центральным правительством стала проблема религиозного меньшинства — шиитов. Об их численности в начале века нет точных данных, но, по оценкам Ф. Вайдэла, в 1955 г. в Эль-Хасе было 130 тыс. шиитов⁷⁵. Х. Вахба оценивал оседлое население Эль-Хасы в 30-е годы примерно в 90 тыс. человек, из них 60 тыс. он относил к шиитам⁷⁶. Это не очень расходится с цифрой американского исследователя хотя бы потому, что он мог подключить к своим оценкам полукочевников. Кроме того, в Восточной провинции после открытия нефти произошел быстрый рост населения. По Ф. Вайдэлу, соотношение шиитов и суннитов в оазисах было 45:55 или 40:60⁷⁷. Учитывая, что шииты нередко скрывали свои религиозные убеждения, их число в Восточной провинции было, возможно, больше, чем считают исследователи.

П. Харрисон сообщал, что в Эль-Хасе меньшинство населения составляли сунниты (ваххабиты) — правители, купцы и землевладельцы. Большинство, включая ловцов жемчуга, ремесленников, феллахов, были шиитами⁷⁸. Ф. Вайдэл тоже указывал, что большинство ремесленников были шиитами⁷⁹. В обществе Восточной провинции были заложены серьезные классовые противоречия в религиозной оболочке.

Небольшие группы шиитов жили в Мекке и Медине. Представители одной из ветвей шиитов — зейдиты — были сосредоточены в Асире.

В Хиджазе встречались и члены различных суфийских орденов — сенусийя, идрисийя, кадирийя и бекташи. Под давлением ваххабитского учения, в принципе отвергавшего суфизм, они переживали упадок⁸⁰.

Положение шиитов в государстве очищенного, «истинного» суннитского ислама было тяжелым. В 1927 г. ваххабитские улемы под давлением ихванов издали фетву с требованием, чтобы Абд аль-Азиз запретил шиитам публично молиться, обращаться с призывами к членам семьи пророка, праздновать годовщину смерти пророка и других членов его дома, совершать паломничество в Кербелу и Эн-Неджеф, чтобы он заставил их посещать пять молитв в мечетях. По мнению улемов, шииты должны были изучать «истинную религию Аллаха» по книге Ибн Абд аль-Ваххаба «Три основы»⁸¹. Фетва призывала разрушить все места шиитского поклонения⁸². Эти требования показали королю слишком экстремистскими и не были приняты. Но ваххабиты считали шиитов Восточной провинции «неверными», относились к ним как к «зимми»⁸³.

В 1926—1927 гг. указами короля для всего государства была создана единая юридическая система, и ведение судебных дел было подчинено канонам ханбалитской школы богословов. Соответственно было приказано выносить судебные решения на основе шести работ улемов-ханбалитов первых веков ислама. (Они включали в себя «Убеждение» Мусы аль-Джамауи, «Толкование текста свода убеждения» Мансура аль-Бахути аль-Ханбали, «Предел желания» аль-Фатаухи, «Комментарий предела желания» Мансура аль-Бахути, «Аль-муфтий» Шамс ад-Дина ибн Ахмеда ибн Куддама, «Большой комментарий» Абдуррахмана ибн Куддама.) В 1928 г. к этому списку добавили «Руководство ищущему исполнения желания» Мари ибн Юсефа аль-Карми аль-Макдиси аль-Ханбали — сокращенный вариант сочинения того же автора «Граница предельного»⁸⁴. Видимо, внедрение ханбалитской школы права в Хиджазе, Асире или Эль-Хасе столкнулось с трудностями. Возможно, применение ханбализма в судебной практике не было столь жестким, как предписывали указы короля.

Судебная реформа мало затронула положение дел в Неджде. Лишь в Эр-Рияде и других крупных городах были созданы отдельные суды — для бедуинов и оседлых⁸⁵.

После реорганизации судебной системы в Хиджазе в 1927 г. было создано три вида судов⁸⁶.

Аль-макахим аль-мустаджаля — суды по срочным делам в составе одного судьи (кади). Они занимались гражданскими делами, по которым сумма иска не превышала 30 ф. ст., и уголовными делами, включая мелкие правонарушения и преступления, за которые не полагались отсечение конечностей или смертная казнь. Арабский юрист Субхи аль-Мухаммасани считал, что это было возвращение к шариату в его классической форме, так как раньше гражданские и уголовные дела были переданы разным судам⁸⁷.

Аль-махахим аль-кубра — большие, или высшие, суды, в состав которых входили судьи (кади) и помощники. Они рассматривали дела, не входившие в юрисдикцию срочных судов, включая тяжкие преступления, требующие отсечения конечностей или смертной казни. Приговор по этим преступлениям выносился коллегиально.

Хай'ят аль-муракаба аль-кадаийя в Мекке — комиссия судебного надзора (организация судебного надзора), игравшая роль кассационного суда. Она состояла из директора (мудира) и четырех членов. Ее директор осуществлял надзор за всеми судами и судьями Хиджаза и играл роль посредника между правительством и судьями. Если комиссия отвергала обжалование, направленное ей в течение 20 дней с момента вынесения приговора (по другим данным, 10 дней), то он входил в силу⁸⁸. Если обжалование принималось комиссией, то дело направлялось на повторное рассмотрение того же суда. Аз-Зирикли сообщал, что со временем комиссия надзора усложнила свою структуру и умножила количество рассматриваемых дел⁸⁹.

В Хиджазе суды распределялись следующим образом: в Мекке — два суда по срочным делам, один высший суд и комиссия судебного надзора, в Медине — один суд по срочным делам и один высший суд, в Джидде — один срочный⁹⁰. В 1932 г. в Мекке появился срочный суд по делам бедуинов⁹¹.

Интернациональный характер Мекки обусловил здесь сохранение всех четырех правоверных школ, хотя ханбалитская, естественно, господствовала в судебной практике⁹².

В Восточной провинции апелляция на решение судьи передавалась после одобрения эмира совету судей, а от них — главному муфтию Эр-Рияда. Судьи получали зарплату из отчислений от закята. Но за ведение судебных дел с истцов брали плату за судебные издержки (хидма), которая шла в казну⁹³.

В 1927 г. в Хиджазе были учреждены первые нотариальные конторы, регистрирующие юридические документы, за исключением тех, которые касались вакуфов⁹⁴. Еще в 1926 г., т. е. до судебной реформы, в Джидде был создан коммерческий суд. Он состоял из шести человек, знакомых с торговыми делами. В его ведение входил

разбор тяжб между торговцами, менялами, маклерами, хозяевами складов, вопросов, связанных с обменом валюты и оплатой коммерческих счетов через банки; разногласий, возникающих между купцами и собственниками судов в случае пропажи грузов, столкновений судов или нападений на них; противоречий в контрактах и договорах о цене. Этот суд затем стал руководствоваться торговым уставом — «низам ат-тиджара» от 1931 г. Он охватывал вопросы, не затрагивавшиеся традиционным шариатом, и был составлен по образцу торгового кодекса Османской империи⁹⁵.

Одна из задач шариатских судов Аравии в 20—30-е годы состояла в попытке ликвидировать кровную месть путем установления «дня» — платы за пролитую кровь и навязывания потерпевшим согласия принимать эти деньги. Специально устанавливались определенные суммы за различные виды членовредительства⁹⁶. Таким образом, как и во времена первых Саудидов, ставилась цель ослабить межплеменные конфликты и возможность войн. После судебного решения потерпевших заставляли заявлять, что они прощают убийцу⁹⁷. Впрочем, самые аристократические кланы, включая самих Саудидов, как и раньше, отказывались принимать выкуп и считали, что кровь может быть смыта только кровью.

Что касается такого преступления, как воровство, и отрубания рук в наказание за воровство, то нужно отметить, что крайние меры наказания применялись гораздо реже, чем это кажется со стороны, так как для них существовал ряд ограничений. Факт воровства должен быть установлен, вор должен быть совершеннолетним и нормальным и действовать по собственной воле. Объект ограбления должен быть ценным; вода, вино, картины, музыкальные инструменты, юридические книги не попадают в эту категорию. Украденная вещь должна стоить по меньшей мере 3 дирхема. Объект должен быть украден из места, в котором его обычно хранят под замком. Если один вор разбивает замок, а другой ворует, то нельзя отрубать руку ни тому, ни другому. Воровство у близких родственников не учитывается. Для установления факта преступления должно быть два свидетеля. В годы голода или дороговизны отрубание руки отменяется⁹⁸.

Супружеская измена считается шариатом преступлением против семьи и общественной морали. В случае супружеской измены обоих забивают камнями⁹⁹.

Порка кнутом была обычным наказанием за употребление алкоголя¹⁰⁰. Судебная практика предусматривала целую систему жестоких наказаний за грабеж караванов¹⁰¹.

Доходы и расходы. Удачные завоевательные походы пополняли государственную казну пятой частью добычи. Но в отличие от первого государства Саудидов в Недждийском эмирате, а затем в объединенном королевстве Хиджаза, Неджда и присоединенных территорий многие годы проходили без серьезных завоевательных набегов, а сами военные действия стоили все дороже и даже в случае успеха не всегда возмещали расходы. Поэтому доходная часть государственной казны все больше зависела от регулярного поступления налогов, главным из которых был закят, освященный «истинным» исламом, «единобожием».

В то время как молитва считается актом взаимоотношений между Аллахом и верующими, закят, согласно официальной идеологии Саудовской Аравии, — это «свидетельство подчинения правителям, которые выполняют закон всевышнего Аллаха»¹⁰². Выплата закята поэтому — не только выполнение религиозного обязательства, но и внешний признак преданности правителю, который следит за выполнением закона Аллаха.

В сентябре 1925 г. Ибн Сауд издал декрет, в котором определял систему налогообложения: «От Абд аль-Азиза ибн Абдуррахмана Ааль Фейсала всем мусульманам, которые увидят это... Любой обладатель собственности должен платить закят с нее путем, предписанным законом, а собиратель налога должен брать то, что требует Аллах, из среднего [качества], но не из лучшего и не из худшего. Если владелец овец, или коз, или верблюдов придет к соглашению со сборщиком налога в отношении

уплаты определенной суммы денег в качестве закята, то объем должен быть взят в соответствии с ценой среднего [качества]»¹⁰³.

Далее шли разъяснения; закятом не облагались животные, разводимые в военных целях и для переноски грузов, а также животные, которых кормят травой, собираемой для этой цели. Минимальное количество верблюдов, облагаемых налогом, — пять, минимальное количество овец — 40, минимальное количество крупного рогатого скота — 30¹⁰⁴. Закят должен был выплачиваться со всего урожая зерновых и всех фруктов, которые могут быть измерены и сохранены, таких, как финики, изюм, миндаль, фисташки, орехи. Но налог не платился с других фруктов или овощей. Закят на орошаемые земли устанавливался в размере 5% урожая и бо-гарные—10%. С серебра взимали налог в размере 2,5% его стоимости, с золота — 2,5 и 5%, начиная с определенного веса. На торговый капитал и его прирост накладывалось 2,5%¹⁰⁵.

Задача наблюдать за сбором закята возлагалась на эмиров провинций¹⁰⁶. При Абд аль-Азизе сборщики закята разделялись на две главные категории — одни направлялись в оазисы и города, другие — к бедуинам. Сборщики налогов в городах и оазисах получали комиссионные с общей суммы закята, а те, кого посылали к бедуинам, — прямое жалование. Формально нужно было собирать закят в конце каждого года, но, учитывая, что даты хиджры блуждали, закят собирался в один и тот же сезон. В Восточной провинции это были или весна, или лето, в зависимости от племени. Сборщики закята знали пути перекочевки племен, в каких местах они собирались, и направлялись именно туда¹⁰⁷. В разгар ихванского движения закят собирали в хиджахах религиозные наставники — мутава¹⁰⁸. В качестве таковых они были представителями имама-эмира. Иногда сборщиков закята возглавляли не только мутава, но и члены семейства Ааль аш-Шейха¹⁰⁹.

Сборщики закята считались оком правительства среди бедуинов и поддерживали авторитет центральной власти. Но они злоупотребляли своими правами, и Абд аль-Азиз однажды признался Г. Филби, что, по его мнению, ему доставалась лишь треть собранных налогов¹¹⁰.

Закятом облагали жителей Аравии и до восстановления власти Саудидов. Но, например, правители Хаиля Рашидиды освобождали от выплаты закята в каждом племени от 40 до 80 человек, которые должны были являться на военную службу по первому призыву¹¹¹. По данным Диксона, в Кувейте семья Ааль Сабаха также проводила сбор закята¹¹².

Как и во времена первого государства Саудидов, в Риядском эмирате была отменена хува, которую слабые племена платили более сильным. Но Диксон отмечал, что эта выплата сохранялась в других формах¹¹³.

Большой спорный вопрос, который приобрел практическое значение сначала при пограничных конфликтах с Ираком, а затем в конфликте из-за оазиса Эль-Бурайми, заключался в том, сопровождается ли выплата закята племенами признанием сюзеренитета риядского правительства, а значит, суверенитета саудовского государства над их территорией. Риядские правоведы положительно отвечали на этот вопрос. Но разные школы мусульманских богословов и европейцы его толковали по-разному.

Английский резидент в Кувейте и исследователь аравийского общества Диксон считал, что глава государства имеет право в случае войны призвать всех тех, кто платит ему закят, воевать за него. Если плательщики закята не подчинятся, он может конфисковать весь их скот. Согласно ваххабитской практике, если племя не платит или не может платить закята своему законному правителю, то последний вправе: а) конфисковать их собственность; б) отказаться нести ответственность за их защиту от других подчиненных ему племен; в) отказаться прийти к ним на помощь, если они будут атакованы внешними врагами. Напротив, если племя платит требуемый закят, тогда правитель или глава государства обязан защищать это племя от всех, кто на него может напасть, случись это нападение изнутри или со стороны. Глава государства не имеет права брать

закят с чужого племени, которое посещает его государство с целью выпаса скота и намерено оставаться только короткое время, так как оно вернется на свою территорию и будет платить закят своему законному правителю. Это старый и хорошо установленный закон в Аравии, и он понятен для всех, утверждал Диксон¹¹⁴. По мнению автора «Памятной записки саудовского правительства», это мнение Диксона может характеризовать политические аспекты сбора закята начиная с XVIII в.¹¹⁵

После завоевания Восточной провинции таможенная пошлина была установлена в 8%, хотя Филби указывал, что табак облагался 20%-ным сбором¹¹⁶. Чиновник, который нес ответственность за сбор всех налогов в Восточной провинции, был некий Мухаммед-эффенди, служивший при турецкой администрации 30 лет. Он предпочел остаться на службе Абд аль-Азиза. Этот человек отлично знал финансовую систему провинции, но, видимо, использовал свой пост и для личной наживы. На шиитов, христиан и евреев Эль-Хасы был наложен специальный налог — джизья¹¹⁷.

С завоеванием Хиджаза появился новый налог — на паломников, приносивших большие доходы в государственную казну. Но насколько бедным оставалось государство, говорит хотя бы цифра 1,5 млн. ф. ст. — общий доход от налогов в 1927 г.¹¹⁸

Первая попытка составить бюджет Саудовской Аравии была предпринята в 1929 г., однако он был составлен лишь в 1934 г. Впервые отдельные ведомства государства предложили какие-то проекты расходов и внесли их в министерство финансов. Затем сводные данные были переданы в консультативный совет, а оттуда в совет министров. Бюджет, естественно, не соблюдался, но важно отметить его мизерный объем: расходная часть составила 14 млн. риалов (1 ф. ст. был равен примерно 8 риалам) и приблизительно столько же — доходная¹¹⁹.

Аз-Зирикли писал, что в его руки попал отчет министерства иностранных дел Египта о доходах саудовского государства в конце 30-х годов. В нем отмечалось, что главным источником дохода правительства был налог на паломников, затем шли концессионные отчисления нефтяных компаний, эксплуатация золотых рудников, закят. Весь бюджет не превышал 2 млн. егип. ф. в год¹²⁰.

Именно налоговый гнет централизованного феодального государства особенно тяжело переживали массы населения, хотя уровень развития производительных сил не позволял чрезмерно повышать поборы.

Развитие автомобильного транспорта в Саудовской Аравии, как и в других странах Ближнего Востока, усугубило кризис верблюдоводства. Мировой экономический кризис в несколько раз снизил число паломников, и королевство, едва вышедшее из тяжелых внутренних потрясений, оказалось перед лицом банкротства.

Деньги от налогов шли в государственную казну — бейт-аль-маль. Главная статья расходов была армия. Из этих же фондов выплачивали пособия вдовам или сиротам погибших воинов, выдавали средства раненым и больным. Из бейт-аль-маль расходовались средства на улемов, школы, подготовку молодежи и на чиновничий аппарат¹²¹.

Оценивая аравийских правителей, Аафиз Вахба отмечал, что «шейхи искренне считали, что они вправе накладывать руку на государственную казну». «Правитель тратил доходы на свои собственные потребности,— писал он о риядском эмире.— Он одаривал подарками тех, кто к нему приезжает. В те годы не считалось нужным делать расходы из государственной казны на школы, здравоохранение, муниципалитеты»¹²².

В Эр-Рияде за счет короля жила целая армия бедняков. Дважды в день 1—2 тыс. человек получали пищу на королевской кухне. В столице содержали около сотни семей почетных пленников. Абд аль-Азиз оплачивал содержание их домов, конюшен, верблюдов, одежду, питание, рабов¹²³. По данным Хафиза Вахбы, постоянное число гостей при дворе было 500 человек, иногда король угощал до 10 тыс. человек¹²⁴.

Многие бедуины отправлялись за многие сотни километров, чтобы получить подарки от короля. Важно отметить, что этот подарок становился обязанностью правителя. Любой араб, особенно кочевник, который получал подарок от Абд аль-Азиза,

большой или маленький, в деньгах, одежде или провизии, считал, что он уже имеет право на подобный подарок каждый год или в каждое свое посещение двора. Если ему давали на риал меньше или не такую одежду или довольствие, он настаивал на подарке и кричал. Если ему не давали подарка вовсе, то он чувствовал себя оскорбленным и, может быть, даже присоединялся к врагам Ибн Сауда¹²⁵.

Как и во времена первых Саудидов, с помощью гостеприимства Абд аль-Азиз централизованным путем перераспределял доходы среди аравийской знати. Не мог же рядовой кочевник регулярно посещать двор короля. Поднадзорными «гостями» правителя были опальные шейхи племен и эмиры оазисов и отдельных областей. Питание и небольшие подарки для бедняков выполняли обычную функцию «мягкой прокладки» между властью имущими и неимущими, поддерживая репутацию короля как щедрого и гостеприимного хозяина, доступного и «демократичного» в обращении шейха, «отца народа».

Вооруженные силы Саудовской Аравии к началу 30-х годов претерпели определенную эволюцию. Войско риядского правителя в первые годы существования эмирата формировалось так же, как и во времена его предков. Сулейман ад-Дахиль писал в 1913 г.: «От походов освобождались не только немощные, старые и больные, но и те, кто в данный момент занимался земледелием. Если в доме было два брата, то один шел на войну, другой оставался помогать по дому. В случае войны эмир не давал провизии или снаряжения, потому что каждый выступал в поход со своим продовольствием и брал необходимое оружие и снаряжение. Однако если поход становился долгим, то правитель снабжал воина лошадью, или сбруей и оружием, а также продовольствием... Что касается бедуинских племен, то они также подчиняются приказам эмира. Он пишет их шейхам письмо и назначает место, где они должны собраться. В точно назначенный день и час он находит их в этом месте. Это то, что происходит в этом эмирате в 1331 году хиджры,— из подготовки к войне или набегу. Это то, что происходило здесь в прошлые века. За прошедшие дни и годы ничего не изменилось, потому что они находят такой способ самым лучшим»¹²⁶.

«Каждый человек в Неджде — воин по своей природе,— писала „Умм аль-кура",— он носит оружие с детства и тренируется в обращении с ним. Если его призывают, то он берет свою винтовку, садится на верблюдицу и едет в бой. Любой недждиец с 13 лет до 70 считается годным к военной службе. Если король хочет призвать армию или часть армии, то он пишет в некоторые районы или во все районы и приказывает. Затем издает распоряжения эмирам, иногда секретные, назначая место встречи. Они выполняют эти распоряжения. В Неджде нет военных казарм, потому что весь Неджд представляет собой казарму, и все мужчины — воины»¹²⁷.

По данным авторов книги «Аравия Ибн Сауда», недждийские вооруженные силы подразделялись на четыре категории: 1) люди Арида; 2) горожане; 3) ихваны; 4) бедуины¹²⁸.

Среди «людей Арида» различались королевская гвардия — охрана короля и принцев королевской крови, ее воины никогда не расставались с оружием, даже когда спали; правительственные служащие (кроме иностранцев), которые призывались под знамена в случае нужды; вооруженные «воины джихада». Королевская гвардия также считалась «воинами джихада», отличаясь от остальных тем, что она постоянно находилась при короле или принцах. При королевском дворе специальное «ведомство джихада» отвечало за этих бойцов, их вооружение, довольствие.

В категорию горожан попадали мужчины оазисов и городов Неджда. В битве они составляли левый и правый фланги, в то время как «люди Арида» сражались в центре. Их мобилизационная готовность была четырех степеней.

Первая степень. Во время долгого мира, когда не было угрозы войны, каждое селение обязано было поставлять определенное число бойцов со снаряжением и питанием

на четыре месяца в году. Если в этих людях не нуждались, жители селения платили в государственную казну сумму, равную стоимости содержания воинов.

Вторая степень. Для участия в небольших военных походах каждое селение поставляло определенное число бойцов с их собственным питанием. Казна давала им оружие и военное снаряжение, а если они оставались на службе более четырех месяцев, казна обеспечивала им пропитание на остальной период.

Третья степень. Для ведения продолжительных или тяжелых кампаний объявлялся малый джихад, и города и селения были обязаны удвоить число бойцов, которых они направляли для участия в военных действиях.

Четвертая степень. В случае чрезвычайных обстоятельств, если появлялась угроза государству, эмир призывал к оружию каждого, кто был в состоянии его носить.

Из жителей ихванских хиджр в отличие от горожан в случае войны или военных экспедиций в походах участвовал каждый мужчина, способный носить оружие.

Бедуинов риядские эмиры использовали главным образом только как разведчиков и в качестве летучих отрядов.

У каждого подразделения был свой флаг кроме флага главнокомандующего, обычно находившегося в центре, и свой боевой клич, благодаря которому они узнавали друг друга, но также и общий боевой клич для всех бойцов саудовского войска.

Королевская гвардия и «воины джихада» находились в привилегированном положении, лучше снабжались, были лучше вооружены, им предоставлялись лошади королевских табунов. Если эти воины числились в реестре департамента королевского двора, то получали жалованье, в других случаях — одноразовые подарки и субсидии¹²⁹.

У короля был отряд специально отобранных телохранителей. Его верный раб, вооруженный винтовкой, пистолетом и кинжалом, всегда следовал за ним, как тень, находился за его спиной на всех маджлисах. Он никогда не молился вместе со всеми в мечети, а стоял, наблюдая за молящимися. Эта практика была введена после убийства имама Абд аль-Азиза I в мечети в 1803 г.¹³⁰

Естественно, что на деле столь упорядоченной системы организации войска, как описывается в книге «Аравия Ибн Сауда», не было. Достаточно вспомнить военные кампании риядского эмира, а потом султана и короля, разношерстный состав его вооруженных сил, преобладание в них временами оседлых, временами ихванов и бедуинов. Но несомненно, что главной опорой его вооруженных сил, постоянным источником надежных бойцов были Арид и соседние провинции. Они же впоследствии стали главными поставщиками офицеров для регулярной армии.

Газета «Умм аль-кура» писала: «Армия, на которую опирался король Абд аль-Азиз в начале своего правления, была представлена „армией джихада“. Она состояла из оседлого населения Неджда. Кроме того, была армия ихванов, которая состояла из бедуинских кочевых племен, поселившихся в хиджрах и превратившихся из бедуинов-в оседлых. Хиджры стали чем-то вроде военных казарм. Это продолжалось до 1930 г., когда король посчитал необходимым развивать вооруженные силы и приказал создать директорат военных дел. Так появилось ядро регулярной армии»¹³¹.

Мысль о необходимости создания регулярной армии появилась у Ибн Сауда раньше. Он видел англо-индийские вооруженные силы в Ираке во время первой мировой войны, до этого воевал против турецких регулярных частей, и преимущества дисциплинированного, обученного, современного войска были для него очевидны.

После капитуляции Джидды Абд аль-Азиз предложил всем офицерам хашимитской армии перейти к нему на службу, сначала в мекканскую полицию, а затем из них стали формировать первые регулярные подразделения. Для создания военного ведомства король пригласил офицеров из Сирии и Ирака¹³². В 1930 г. первый раз на параде в Джидде прошли три полка — пехотный, пулеметный и артиллерийский — ядро регулярной армии. Армия затем была разбита на бригады и батальоны и распределена по пяти военным округам; была введена униформа и знаки различия, а в

Эт-Таифе открыта военная школа. В 1935 г. было основано викаля (практически министерство) обороны с центром в Эт-Таифе и директорат военных дел. В 1938 г. директорат был ликвидирован и на следующий год создан «генеральный штаб». В 1946 г. было создано министерство обороны во главе с эмиром Мансуром ибн Абд аль-Ази-зом¹³³.

Значение авиации, и военной, и гражданской, для страны с редким населением и огромными расстояниями было очевидным. В 1931 г. в Италию направили 10 молодых саудовцев для обучения летному делу. Когда они вернулись, было куплено несколько самолетов. Во время войны король приобрел пять американских самолетов «Дакота», а затем еще девять. Появились первые авиалинии внутри Саудовской Аравии, начались рейсы в Египет, Сирию и Ливан. В Эт-Таифе была-создана летная школа. В октябре 1945 г. Абд аль-Азиз первый раз поднялся в воздух на самолете около Эт-Таифа¹³⁴.

Король быстро понял значение радио для военных действий, связи и поддержания порядка. Были созданы четыре школы радистов—в Мекке, Джидде, Медине и Эр-Рияде. Выпускники этих школ были посланы на учебу в Англию и в другие страны. За время правления Абд аль-Азиза в королевстве было создано 60 постоянных радиостанций и три главных радиоцентра — в Джидде, Эр-Рияде и Дахране¹³⁵.

Важно отметить, что в Саудовской Аравии регулярная армия сосуществовала с «армией джихада», а затем с «белой армией», сформированной из верных королю «благородных» бедуинских племен. Такая структура вооруженных сил диктовалась характером и уровнем развития аравийского общества, но одновременно уменьшала опасность военного переворота.

Образование и религиозное воспитание. Вместе с развалом государства Саудидов в Центральной Аравии в конце XIX в. пришло в упадок даже традиционное мусульманское образование, и большая часть библиотек из Эр-Рияда была перевезена в Касим и Хаиль. Лишь немногие отправлялись на учебу за пределы Аравии. Во всей Центральной Аравии не было ни одной школы, хотя в некоторых городах существовали небольшие частные кружки при мечетях. Бывало, что грамотеи учили за плату учеников у себя дома¹³⁶.

Вскоре после возвращения в столицу Абдаллаха Ааль аш-Шейха здесь была открыта религиозная школа¹³⁷. Многие крупные богословы стали организовывать домашние школы¹³⁸. Естественно, что главный упор делался на заучивание Корана, а затем на освоение ханбалитской системы права, чтобы выпускник мог стать затем кади — судьей¹³⁹. Собрания — маджлисы, в которых участвовал риядский эмир, включали чтение хадисов, истории арабов, принадлежащей перу Табари, или жития пророка¹⁴⁰. Х. Вахба отмечал, что в Центральной Аравии эмиры редко заботились об образовании своих сыновей. Некоторые считали его ниже своего достоинства¹⁴¹. Эти взгляды изменились с развитием ихванского движения, когда стремление читать Коран поощрялось сверху и распространялось самими ихванами. Школы начали появляться как в городах, так и в хиджахах.

Завоевав Хиджаз, недждийцы столкнулись с гораздо более развитой системой просвещения. Если в Центральной Аравии было немного людей, которые могли читать, в Хиджазе уже издавалась газета и функционировало несколько школ по турецким образцам, не говоря о довольно-таки крупных частных библиотеках. При турках в конце XIX в. начали выпускать газету «Аль-Хиджаз» (выходила до 1909 г. на арабском и турецком языках). Несколько месяцев издавались газеты «Шамс аль-хакика» и «Аль-Ислях». В Мекке была основана частная типография¹⁴². Действовала одна государственная школа на турецком языке и две частные богословские школы¹⁴³. После младотурецкой революции в 1908 г. были открыты две частные школы — одна в Джидде, другая в Мекке¹⁴⁴.

С установлением независимой власти шерифа Хусейна Хиджаз пережил небольшое возрождение образования, хотя современные саудовские авторы неохотно это признают.

Школы при хашимитском правительстве разделились на два типа — амири (правительственные) и ахли (частные). Была даже создана военная школа и нечто вроде сельскохозяйственного училища. Большинство школ было расположено в Мекке ¹⁴⁵. При Хусейне стала публиковаться газета «Аль-Кыбла», которая, в частности, много писала о его усилиях в области образования. Она выходила с 1915 по 1924 г. Какое-то время существовал журнал студентов сельскохозяйственного училища ¹⁴⁶. В последние месяцы правления короля Али в Джидде публиковался листочек «Барид аль-Хиджаз» ¹⁴⁷.

На Абд аль-Азиза произвела впечатление система образования в Хиджазе. В 1926 г. он основал директорат просвещения, который стал приглашать учителей из-за границы. В 1926 г. в Эр-Рияде и в прилегающих районах было основано 12 государственных и частных школ (их бюджет составлял примерно 6 тыс. ф. в 1928/29 г. и 23 тыс. ф. в 1929/30 г.). В 30-е годы появились новые школы в крупных городах Хиджаза и в Эр-Рияде, а затем в Хайле, Бурайде и Анайзе, в Эль-Катифе и Эль-Джубайле ¹⁴⁸.

Еще в 1950 г. в начальных школах примерно 22 из 28 учебных часов в неделю посвящались религиозным предметам. И даже на последнем году обучения в светской средней школе им уделялось 25% учебного времени ¹⁴⁹.

При поддержке Абд аль-Азиза вопреки сопротивлению улемов были включены в школьную программу такие предметы, как черчение, иностранный язык и география ¹⁵⁰. Но богословы добились строгого контроля над директоратом просвещения. Через систему назначения учителей и мутава улемы контролировали образование на местах. Типографии в Мекке печатали, как правило, только религиозные брошюры.

В Восточной провинции создавались полулегальные шиитские школы за счет шиитских общин. Они существовали параллельно с государственными и сохранились до наших дней ¹⁵¹.

С декабря 1924 г. в Мекке стала выходить полуофициальная еженедельная газета «Умм аль-кура» — основной источник по официальным правительственным сообщениям. В ней также публиковалась информация о поездках короля, речи, которые он произносил, тексты договоров и соглашений, заключенных с иностранными государствами, освещалась литературная жизнь. Со временем газета стала сокращаться по объему и ограничилась лишь официальными сообщениями и объявлениями.

В 1932 г. в Мекке стала издаваться еженедельная газета «Саут аль-Хиджаз», просуществовавшая семь лет. Ее сменила газета «Аль-Биляд ас-Саудийя», которая в 1953 г. стала первой еженедельной газетой страны. В 1938 г. в Медине появилась газета «Аль-Медина аль-Мунаввара». В Мекке нерегулярно издавались журналы. Что касается Неджда, то первый еженедельник «Аль-Ямама» был выпущен в Эр-Рияде в 1953 г. Особого воздействия на формирование общественного мнения, на развитие событий саудовская печать не имела ¹⁵².

Мы не имеем надежных данных о саудовской системе образования до начала 50-х годов. Аз-Зирикли утверждал, что в 1950 г. в королевстве было примерно 50 сельских школ (2 тыс. учеников), 90 начальных (13 тыс. учеников), 10 средних (600 учеников). Общее число учащихся, таким образом, составляло примерно 16 тыс. ¹⁵³. По словам Г. Филби, два года спустя в стране уже было более 55 тыс. учеников ¹⁵⁴. Он утверждал, что уже в 1935 г. за границу на учебу было послано 705 саудовцев ¹⁵⁵. По данным же аз-Зирикли, в 1950 г. в Египет было направлено 192 саудовца, а в 1951 г. в США — 19 ¹⁵⁶ (уровень образования он не уточнял). Цифры аравийского историка, видимо, стоят ближе к истине, так как Г. Филби в своих описаниях Саудовской Аравии слишком часто увлекался.

Некоторая «модернизация» государственно-политической структуры Саудовской Аравии — организация регулярной армии, зачатки современного образования, создание министерств, хиджазская «конституция» — не диктовалась характером и уровнем развития аравийского общества, а была лишь отражением внешнего влияния. Рассматривая реформы Ибн Сауда, мы неизбежно приходим к выводу, что его стремление

построить государственную власть и управление в соответствии с идеалами первых веков ислама больше соответствовало уровню общественного развития королевства, чем «нововведения», почерпнутые у «многобожников» и «неверных». Часы показывали разное время на Аравийском полуострове и в развитых странах Ближнего Востока. Но и сам Ибн Сауд как раннефеодальный правитель, и доктрины «обновленного, истинного ислама», родившегося в отсталой Аравии, опоздали в своем появлении на свет на много столетий. Даже если бы прежняя общественная структура не была подорвана нефтяным бумом, а затем нашествием нефтяных денег, общество Саудовской Аравии не смогло бы устоять перед новыми, разрушительными для старого строя идеями. Судьба Йемена 60-х годов — лучший тому пример. В современном, взаимосвязанном мире традиционные общественные структуры оказываются не в состоянии сохраниться перед напором внешнего мира, осуществляемым через рыночные связи, через проникновение идей, через попытки изменить хотя бы часть общества (например, вооруженные силы) для отражения внешней угрозы. Саудовская Аравия оказалась подверженной мощному внешнему воздействию. Игрой географии, геологии и истории она стала крупнейшим производителем нефти. И сама нефтедобывающая промышленность, и связанные с нею отрасли, а главное — фантастические размеры отчислений от продажи нефти очутившиеся в руках ее правящего класса, — все это оказало такое давление на ее традиционные общественные структуры что они стали разрушаться или видоизменяться.

Глава XIV НЕФТЯНЫЕ КОНЦЕССИИ

Хадж был главным источником дохода королевства, и резкое сокращение числа паломников в связи с мировым экономическим кризисом поставило саудовские финансы в отчаянное положение. Правительство построило первые радиостанции, улучшило водоснабжение Джидды и приобрело автомобили, задолжав в общей сложности 300—400 тыс. ф. ст. Кредиторам просто перестали платить. Попытки получить займы ни к чему не привели ¹.

В этот момент Г. Филби, пользуясь своими личными связями с королем, уговорил его встретиться с американским миллионером Ч. Крейном, который под видом филантропа путешествовал по арабским странам. Очевидно, он был связан с американскими нефтяными компаниями и прощупывал почву для их внедрения в совершенно незнакомый для них район. Крейна сопровождал в качестве переводчика Дж. Антониус, будущий автор книги «Пробуждение арабов». Американский миллионер направил геолога К. Твитчела якобы для проведения изысканий на воду в Саудовской Аравии ².

Весной 1932 г. Твитчел обнаружил, что обещающая геологическая структура на нефть есть в районе Дахрана, и отправился в США, чтобы информировать об этом нефтяные компании ³.

Приближалась новая эпоха в истории Саудовской Аравии, которая окажет воздействие на ее общество, сравнимое по глубине только с воздействием ислама. Но движущие силы этих перемен лежали вне Аравии. Они вызывались переключением экономики XX в. на новое энергетическое сырье — нефть. Ее поисками охватывались все страны планеты.

Американские монополии на Ближнем Востоке в 20-х годах. До 1920 г. американские компании или проявляли равнодушие к иностранным резервам или же терпели неудачи в попытках получить концессии в Восточном полушарии из-за ограничительной национальной и колониальной политики европейских держав и частных нефтяных фирм. После 1920 г., однако, они стали активно интересоваться залежами нефти за рубежом, подталкиваемые опасениями двойственного характера — перспективной

нехватки нефти в США и угрозой оказаться перед лицом англо-голландской монополии на мировые ресурсы этого сырья. Главная же причина лежала в опасении оказаться в стороне от эксплуатации залежей дешевой нефти, удачно расположенных по отношению к важным рынкам⁴.

В 1920 г. У. Фейриш, позднее президент «Стандард Ойл Компани оф Нью-Джерси», заявил, что в Техасе и Оклахоме нефть истощается. В том же году Уайт, главный специалист геологического управления США, предсказал истощение американских запасов нефти в течение 18 лет. В связи с этим департамент военно-морского флота стал проявлять беспокойство, так как специалисты утверждали, будто бы Соединенные Штаты должны будут сократить потребление нефти или начать ее импорт. Сенатор Г. К. Лодж предупредил конгресс, что «Англия приобретает контроль над поставками нефти в мире»⁵.

Действительно ли компании предполагали, что нефтяные резервы США столь ограничены, или же это было предлогом для более активного вовлечения американского правительства в их экспансию за пределами национальных границ, остается неизвестным. Методы давления на правительство и манипулирования общественным мнением в интересах монополий столь отработаны в США, что, скорее всего, именно вторая причина привела к распространению подобных утверждений. Во всяком случае в начале 20-х годов самые крупные американские компании вступили в борьбу за концессии в Центральной и Южной Америке и на Среднем Востоке. Американские нефтяные компании подчеркивали, что в тот момент США, обладая 12% нефтяных запасов мира, давали 70% мирового производства. Но контроль над источниками нефти за пределами США был в руках англо-голландских монополий⁶.

Американские компании опасались, что они опоздали к разделу ближневосточного нефтяного пирога. Министерство внутренних дел разработало политику для поддержки борьбы американских корпораций за концессии за границей, чтобы подтолкнуть все правительственные департаменты и агентства им на помощь. На мирной конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 г. обсуждалась судьба Османской империи. Лондон и Париж договорились о разделе иракской нефти. Американское правительство вмешалось с целью ввести в пул свои нефтяные компании, стало говорить о «дискриминации» США в коммерческой деятельности на территории Германии и ее союзников, настаивая на политике «открытых дверей».

Когда правительство Ататюрка попыталось оспаривать присоединение территории Мосула к Ираку, для США открылась возможность шантажировать своих союзников поддержкой турецких требований. Поэтому уже в 1921—1922 гг. была достигнута договоренность, что американцам предоставят 20—25% акций будущей нефтяной компании. В 1921 г., после того как совет Лиги наций передал провинцию Мосул Ираку, иракское правительство предоставило «Теркиш Петролеум Компани» концессию на 75 лет. Но в 1927 г., когда уже началась добыча нефти в Мосуле, американцы еще не получили своей доли. Лишь в июле 1928 г. была достигнута договоренность, известная позднее как «соглашение о красной черте». В соответствии с ней, главными владельцами «Теркиш Петролеум Компани» (с 1929 г.— «Ирак Петролеум») стали Англо-персидская нефтяная компания (будущая Англо-иранская, а затем «Бритиш Петролеум»), англо-голландская «Ройял Датч-Шелл», французская «Компани франсез де петроль» и «Ниэр Истерн Дивелопмент Корпорейшн» в составе «Стандард Ойл (Нью-Джерси)» (будущая «ЭКССОН») и «Сокони Вакуум» (будущая «Сокони Мобил»), 5% акций досталось Калусту Гульбенкяну — организатору «Теркиш Петролеум Компани»⁷.

Компании США проникли в «Ирак Петролеум», хотя и на вторых ролях. Но «соглашение о красной черте» существенно ограничивало их самостоятельные действия, так как участники «Ирак Петролеум» обязались приобретать концессии на территориях бывшей Османской империи лишь в тех же пропорциях, что и в Ираке. Напомним, что

Нежд и Эль-Хаса накануне первой мировой войны формально считались частью Османской империи.

Получение саудовской концессии. «Стандард Ойл оф Кали-форния» (СОКАЛ) была одной из американских нефтяных компаний, которые после первой мировой войны предприняли серьезные попытки включиться в добычу нефти за пределами США. Хотя она была одной из крупнейших американских корпораций, ее усилия в 20-х годах найти что-либо за границей оказались безуспешными⁸.

Но как судьба «Ирак Петролеум» была связана с личностью дельца К. Гульбенкяна, так поиски нефти и нефтяные концессии в ряде аравийских стран оказались связаны с именем энергичного новозеландца майора Фрэнка Холмса. Он появился на Бахрейне в начале 20-х годов якобы для того, чтобы участвовать в поисках воды. В 1922 г. он отправился в Неджд для переговоров с Абд аль-Азизом от имени английской фирмы «Истерн энд Джeneral Синдикейт». Ибн Сауд согласился предоставить 30 тыс. кв. миль в Эль-Хасе в концессию «Синдикейту». По соглашению, концессионеры должны были платить по 2 тыс. ф. ст. в год за право эксплуатации. В 1925 г. Холмс получил концессию также на Бахрейне⁹.

«Синдикейт» — английская фирма, руководителям которой не был чужд авантюризм. У нее не было достаточно капитала, но она надеялась заинтересовать в концессиях британские нефтяные компании. Однако они были уверены в том, что справятся без посредников. Не найдя поддержки, Холмс прекратил платежи, внося всего 4 тыс. ф., и концессия на территорию с самыми богатыми запасами нефти в мире была в 1928 г. аннулирована¹⁰.

Концессия на Бахрейне, полученная сроком на два года, выжила только потому, что «Синдикейт» добился ее продления. Потерпев неудачу в попытках заинтересовать английские нефтяные компании, «Синдикейт» связался с американской «Галф Ойл Корпорейшн». В ноябре 1927 г. «Галф» послала своего геолога, чтобы исследовать Бахрейн и составить геологическую карту. Американцы решили, что игра стоит свеч и перекупили концессию у «Синдикейта».

Однако «Галф» столкнулась с осложнениями. В это время она была связана с «Ирак Петролеум», тогда еще известной как «Теркиш Петролеум». «Соглашение о красной черте» распространялось и на Бахрейн. Тогда «Галф» в декабре 1928 г. передала СОКАЛ свои права, связанные с «Синдикейтом»¹¹.

Отсутствие интереса к концессиям на Бахрейне и в Аравии у английских нефтяных компаний в то время объяснялось тем, что, по их мнению, нефти там не было и рисковать они не собирались. Добыча нефти в Иране и Ираке производилась из других геологических структур, чем те, которые были на Бахрейне и в Аравии. В подобных же структурах на острове Кешм у иранских берегов не было найдено нефти. Англичане считали Бахрейн и Аравию неперспективными районами. Но история нефтяной промышленности знает примеры, когда новые пришельцы находили нефть в тех местах, от которых отказывались старые компании по геологическим соображениям.

Великобритания была против появления американской нефтяной компании в Персидском заливе. По соглашению, подписанному в 1914 г., правитель Бахрейна обязался не предоставлять концессии на его территории и не принимать предложений кого бы то ни было без английского согласия.

Еще за месяц до передачи концессии СОКАЛ британские власти информировали «Истерн энд Джeneral Синдикейт», что они «посоветуют» правителю Бахрейна продлить их концессию только в том случае, если «Синдикейт» обязуется передать концессию компании под английским контролем и управлением. Тогда СОКАЛ просто обошла формальные английские ограничения и организовала в августе 1930 г. «Бахрейн Петролеум Компани», зарегистрировав ее в Канаде, т. е. формально превратив в британскую компанию. Тем временем весной 1930 г. два представителя СОКАЛ Ф. Дэвис,

позднее председатель правления АРАМКО, и У. Тэйлор исследовали Бахрейн и рекомендовали провести бурение¹².

Геологические структуры на Бахрейне, в которых были признаки нефти, вызвали интерес СОКАЛ к Аравии, находящейся рядом. Компания не связывалась прямо с королем Абд аль-Азизом весной 1930 г., потому что думала, что Холмс сделает это лучше. Однако Холмс был занят переговорами с правителем Кувейта от имени «Галф». Он обещал посетить короля, но откладывал визит, зная, что он потерял доверие Абд аль-Азиза после отказа платить за прежнюю концессию. Прошло два года, и в июне 1932 г. нефть была открыта на Бахрейне. СОКАЛ решила связаться с королем Саудовской Аравии, минуя Холмса. Кроме того, она узнала, что англо-индийское правительство рекомендовало «Синдикейту» не продвигать интересы «Галфа» или СОКАЛ в Саудовской Аравии.

Еще в 1930 г. к саудовскому представителю в Лондоне обратились представители СОКАЛ, чтобы получить разрешение на посещение Эль-Хасы своим геологом. Король тогда отказался. Но к этому времени «независимый геолог» К. Твитчел, выполняя задание «филантропа» Крейна, уже побывал в Восточной Аравии и рекомендовал добиваться концессии. СОКАЛ вступила в контакты с Твитчелом¹³.

В октябре 1932 г. дирекция СОКАЛ послала телеграмму Г. Филби, который жил тогда в Джидде, с предложением договориться с правительством Саудовской Аравии о проведении предварительной геологической разведки на нефть в Восточной провинции. Однако саудовское правительство предпочитало провести переговоры о концессии до начала геологических работ.

В начале 1933 г. Л. Гамильтон, представитель компании, уже прибыл в Джидду, где на переговорах ему помогал К. Твитчел, который исследовал водные и минеральные ресурсы в Аравии. Одновременно в Джидде появились представитель «Ирак Петролеум» Лонгригг и Холмс — от «Синдикейта». Саудовский представитель на переговорах потребовал, чтобы будущий концессионер заплатил 100 тыс. фунтов золотом при подписании соглашения. «Синдикейт» сразу вышел из игры. «Ирак Петролеум» предложила максимально 10 тыс. ф. ст., по-прежнему не веря в наличие нефти в Саудовской Аравии, и СОКАЛ выиграла концессию за 50 тыс. ф. ст.¹⁴.

Одна из причин победы американцев в борьбе за концессию состояла и в том, что на Ближнем Востоке за ними не было имперского прошлого. Окруженный со всех сторон английскими колониями или зависимыми от Великобритании странами, вынужденный все время делать дружественные жесты в ее адрес, Ибн Сауд тем не менее не доверял ей и не хотел допускать британскую компанию в свою страну¹⁵.

Переговоры проходили в мрачный для американского бизнеса период после кризиса 1929 г. Уже когда соглашение между СОКАЛ и Саудовской Аравией было достигнуто по всем пунктам, США декларировали 20 апреля эмбарго на экспорт золота и затем отошли от золотого стандарта. Тогда компания просто купила золотые соверены на английском валютном рынке. Наконец, 29 мая 1933 г. соглашение было подписано Абдаллахом ас-Сулейманом, саудовским министром финансов, и Л. Гамильтоном за «Стандард Ойл оф Калифорния». Саудовское правительство королевским декретом от 7 июля 1933 г. ратифицировало это соглашение, и оно вошло в силу с 14 июля 1933 г.

В ноябре 1933 г. концессия была передана филиалу ШКАЛ «Калифорния-Арабиен Стандарт Ойл Компани». Это название было изменено в январе 1944 г. на «Арабиен-Америкэн Ойл Компани» (АРАМКО).

К 1936 г. СОКАЛ обладала потенциально крупными производственными возможностями в Восточном полушарии, но слабой сетью транспортировки и рыночных связей. Одновременно система распределения нефти, которую развила «Тексас Компани» (сейчас ТЕКСаКО), нуждалась в наличной продукции. Обе компании объединили свои интересы в гигантском районе между Египтом и Гавайскими островами. ТЕКСаКО получила половину акций нефтяной компании, действующей в Саудовской Аравии¹⁶.

Через некоторое время после заключения соглашения о нефтяной концессии англо-американская группа получила концессию на разработку золотых копей. Золото начали добывать в Махд-эд-Дахабе, но копи истощились к 1953 г. В горах Хиджаза довольно много золотых копей, но, видимо, и царь Соломон, и аббасидские халифы в свое время довольно много извлекли золота, и копи после короткого периода эксплуатации стали нерентабельными¹⁷.

Концессионное соглашение представляло СОКАЛ «исключительное право на период 60 лет исследовать, разведывать, бурить, извлекать, перерабатывать, производить, транспортировать, продавать, вывозить и экспортировать» нефть и нефтепродукты и создавать необходимые средства обслуживания для этих операций. Компании была предоставлена территория с исключительными правами размером 400 тыс. кв. миль, охватывающая почти всю восточную часть Саудовской Аравии (1 кв. миля составляет примерно 2,59 кв. км). Это соглашение предусматривало «предпочтительное право» СОКАЛ получать дополнительные концессии в оставшихся районах восточной части Саудовской Аравии, так же как и другие права, которые правительство может получить в Нейтральной зоне к югу от Кувейта. В обмен на эти концессии компания согласилась выполнять следующие условия:

1. Предоставить Саудовской Аравии заем в 30 тыс. ф. золотом или его эквивалент, который должен был быть выплачен в течение пятнадцати дней с момента подписания соглашения. Компания обязалась предоставить дополнительный заем в 20 тыс. ф. золотом через 18 месяцев, если соглашение еще останется в силе. Выплата этих займов должна быть сделана извлечениями из половины предполагаемой арендной платы правительству за концессию.

2. Ежегодно выплачивать 5 тыс. ф. золотом вперед, вплоть до открытия коммерческих запасов нефти.

3. После открытия нефти в коммерческих количествах немедленно внести арендную плату в размере 5 тыс. ф. и еще один такой платеж в том же размере через год. Отчисления должны производиться из предполагаемой арендной платы. Начать возвращение районов, которые компания не собирается эксплуатировать.

4. После обнаружения нефти правительство должно получить арендную плату в 4 золотых шиллинга или их эквивалент за каждую тонну нефти. Каждый год компания обязалась бесплатно выделять правительству нефть для производства бензина и керосина.

5. Построить нефтеперерабатывающий завод после того, как нефть будет открыта, и бесплатно обеспечивать Саудовскую Аравию 200 тыс. американских галлонов бензина и 100 тыс. американских галлонов керосина (1 американский галлон равен 3,78 л).

В свою очередь, правительство согласилось освободить компанию и ее предприятия от всех прямых и косвенных налогов, таможенных пошлин и т. д.¹⁸.

Несомненно, что условия соглашения были чрезвычайно выгодными для компании и невыгодными для Саудовской Аравии, но они отражали тогдашнее соотношение сил между партнерами. Когда саудовское правительство подписывало соглашение, у него не было никакого опыта в нефтяных делах, и оно отчаянно нуждалось в деньгах. Главные усилия правительства были направлены на то, чтобы получить финансовые выгоды в форме ренты, арендных платежей и займов.

Пункт соглашения, который освобождал компанию от «всех прямых и косвенных налогов», лишал королевство колоссального источника дохода и предоставлял компании потенциально огромные прибыли на ее вложения. Деловые фирмы, которые действовали в других странах, всегда подвергались обложению налогами.

Начало добычи. Компания спешила. Первые два геолога высадились в Эль-Джубайле в сентябре 1933 г., меньше чем через четыре месяца после подписания концессионного соглашения, и встретились с К. Твитчелом, который прибыл из Джидды. Местный купец Хамад аль-Гусайби стал агентом компании. Геологи жили в Хуфуфе в его доме до 1936 г.

Уже 28 сентября они обнаружили намеки на купольную структуру. Сначала геологи перебрасывали грузы на верблюдах. Лишь через несколько месяцев появились грузовики. Все снаряжение и большую часть питания компания привозила из Соединенных Штатов через порт Эль-Хубар. К концу 1933 г. в Саудовской Аравии было уже восемь нефтяников.

К 1935 г. геологи нашли благоприятную структуру и начали бурение. Первая скважина показала лишь признаки нефти и немного газа. Первая нефть в коммерческих количествах была обнаружена в 1938 г. В сентябре 1938 г. немного нефти стали перевозить на Бахрейн на перерабатывающий завод, принадлежащий «Бахрейн Петролеум Компани». Затем был выбран порт для экспорта нефти — Рас-Таннура. Английское адмиралтейство предоставило кое-какие данные о навигационных условиях в Персидском заливе.

В 1939 г. король и его двор посетили район нефтедобычи в Дахране, где был разбит лагерь на 350 шатров. Несколько дней саудовская знать праздновала начало добычи нефти. 1 мая 1939 г. из Саудовской Аравии отошел первый танкер с жидким горючим.

К тому времени, когда началась вторая мировая война, геологи покрыли 175 тыс. кв. миль предварительной разведкой и 50 тыс. кв. миль детальной разведкой. Меньшая площадь была охвачена сейсмической разведкой и бурением. Когда работы из-за войны были приостановлены, геологи уже знали, что они раскрыли фантастические запасы нефти, но еще не определили полностью их размеры. В 1934 г. компания пробурила скважину в Джауфе. Она оказалась совершенно пустой, и этот район был признан бесперспективным¹⁹.

После раскрытия нефти саудовское правительство согласилось увеличить первоначальную зону концессии в южных и северных районах Восточной Аравии и предоставить компании право эксплуатировать саудовскую долю в нейтральных зонах между Саудовской Аравией и Ираком и между Саудовской Аравией и Кувейтом. Это увеличило размер территории, где концессионер обладал исключительными правами, до примерно 496 тыс. кв. миль, из которых 484 тыс. кв. миль были на материке и 11 тыс. — в континентальном шельфе Персидского залива. Площадь концессии была равна территории Аризоны, Нью-Мексико и Техаса, вместе взятых. Компании были предоставлены значительные права в районе к западу от зоны с исключительными правами. Часть зоны предпочтительных прав была покинута в 1947 г., а оставшаяся часть — в 1963 г.²⁰.

Новая концессия была предоставлена на 60 лет, и период первоначального соглашения продлен на шесть лет. Компания добилась десятилетнего моратория на передачу любой части территории с особыми правами. В ответ на эти дополнительные привилегии компания обязалась:

1. После завершения десятилетнего моратория постепенно возвращать те районы концессионной зоны, которые не собираются эксплуатировать.

2. Немедленно выплатить 140 тыс. ф. золотом и дополнительно 100 тыс. ф. после открытия нефти в коммерческих количествах.

3. Устанавливать годовую ренту в 20 тыс. ф. за дополнительный район, которая будет платиться, пока нефть не будет обнаружена в коммерческих количествах.

4. Увеличить до 1,3 млн. галлонов производство бесплатного бензина для саудовского правительства.

Динамика роста добычи нефти в Саудовской Аравии выглядит следующим образом:

Таблица

Добыча нефти в Саудовской Аравии с 1938 по 1973 г., млн. баррелей²¹

Год	АРАМКО	«Гетти Ойл»	«Арабиен Ойл Компания»	Всего
1938	0,5	—	—	0,5
1939	3,9	—	—	3,9
1940	5,1	—	—	5,1
1941	4,3	—	—	4,3
1942	4,5	—	—	4,5
1943	4,9	—	—	4,9
1944	7,8	—	—	7,8
1945	21,3	—	—	21,3
1946	59,9	—	—	59,9
1947	89,9	—	—	89,9
1948	142,9	—	—	142,9
1949	174,0	—	—	174,0
1950	199,5	—	—	199,5
1951	278,0	—	—	278,0
1952	301,9	—	—	301,9
1953	308,3	—	—	308,3
1954	347,8	3,0	—	350,8
1955	352,2	4,4	—	356,6
1956	360,9	5,8	—	366,7
1957	362,1	11,6	—	373,7
1958	370,5	14,7	—	385,2
1959	399,8	21,2	—	421,0
1960	456,5	24,9	—	481,4
1961	508,3	28,7	3,8	540,8
1962	555,1	33,7	11,0	599,8
1963	594,6	33,1	24,1	651,8
1964	628,1	34,4	31,8	694,3
1965	739,1	32,6	33,1	804,8
1966	873,3	30,2	46,5	950,0
1967	948,1	25,1	50,6	1023,8
1968	1035,8	23,2	55,0	1114,0
1969	1092,4	22,7	58,8	1173,9
1970	1295,3	28,3	62,7	1386,3
1971	1641,6	33,7	65,5	1740,8
1972	2098,9	28,3	75,0	2202,2
1973	2677,4	23,4	71,9	2772,7

Саудовская Аравия с конца 30-х годов вступила в новую, нефтяную эпоху, хотя ее воздействие страна начнет ощущать в достаточной мере лишь с конца 40-х годов. Отныне и на ее международное положение, и на развитие ее общества будет оказывать влияние новый, мощный фактор.

Глава XV САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА (1939— 1945)

Вторая мировая война в отличие от первой обошла Аравию стороной. Но Саудовская Аравия почувствовала на себе ее последствия — экономические, политические и военные.

Гитлеровская Германия рассчитывала через арабские страны и Турцию выйти в Иран, Афганистан, Индию, занять плацдарм для нападения на СССР. Ближний и Средний Восток притягивал к себе фашистских стратегов своими нефтяными богатствами. Война предъявила огромный спрос на нефть и нефтепродукты, и Германия и ее союзники остро в них нуждались.

В политических расчетах нацистов учитывались антианглийские настроения в ближневосточных странах, вызванные британской колониальной политикой. Гитлеровская Германия стала выдавать себя за «друга арабов», заявляя о поддержке их национальных устремлений. Пропаганда на Ближний и Средний Восток велась под лозунгом: «Победа держав оси несет странам Среднего Востока освобождение от английского ига». Одновременно немцы развернули в арабских странах шпионско-диверсионную работу.

Действия Германии угрожали господству Великобритании в странах Арабского Востока, ослабляли ее глобальные стратегические позиции, препятствовали мобилизации людских и сырьевых ресурсов этих стран для ведения войны. Как показали события, опасность, германской оккупации Ближнего и Среднего Востока была реальной, и лишь переброска немецких войск для вторжения в СССР отвела от арабских стран к востоку от Ливии эту угрозу¹.

Нейтралитет Саудовской Аравии. После начала второй мировой войны Саудовская Аравия объявила нейтралитет, хотя Ибн Сауд направил войска на границы с Ираком, Кувейтом и Трансиорданией. Его нейтралитет носил проанглийский характер, что объяснялось большой зависимостью королевства от Великобритании. В то время большая часть торговли Саудовской Аравии падала на страны, входившие в Британскую империю или находившиеся в ее орбите. Британская Индия была главным поставщиком зерновых в королевство. Основная масса паломников прибывала из мусульманских стран, зависимых от Великобритании.

Денежная система страны была привязана к фунту стерлингов. Саудовскую Аравию окружали английские протектораты и военные базы. Британский флот господствовал в Красном море и Персидском заливе. Хафиз Вахба писал: «Ибн Сауд прекрасно знал, что английский флот снабжает его страну. Если Англия подвергнет ее блокаде, то население будет обречено на голод. Если Англия приостановит подвоз паломников к святым местам, то на какие же средства будет существовать Хиджаз!»².

Абд аль-Азиз довольно прочно контролировал внутреннюю обстановку в стране. Это не мешало спорадическим волнениям племен. В 1939 — 1940 гг. из Саудовской Аравии в Ирак откочевало большое число бедуинов из племени шаммар. Их шейхов, видимо, поощряло правительство Ирака, рассчитывая использовать шаммаров в своих целях³.

Но на Ибн Сауда оказывали давление и державы «оси». Некоторые его советники требовали расширения связей с Италией и Германией. После оккупации Италией Эфиопии итальянский флот находился в Красном море. Кое-какое влияние Италия имела в Йемене, традиционно настроенном антианглийски. Еще в 1929 г. Саудовская Аравия заключила с Германией, а в 1932 г. — с Италией договоры о дружбе, установила дипломатические и консульские отношения⁴.

В конце 1939 — начале 1940 г. Германия при посредничестве Италии добила от Саудовской Аравии агремана для Гроббы. Этот «дипломат» был одним из руководителей гитлеровской агентуры на Ближнем Востоке. До осени 1939 г. он занимал пост германского посла в Ираке, откуда был изгнан за попытку организовать мятеж. Затем он был атташе германского посольства в Анкаре⁵.

Англичане, очевидно осведомленные о деятельности Гроббы, потребовали, чтобы Ибн Сауд отказал ему в агремане. В этой ситуации король опасался вызвать раздражение как той, так и другой стороны, но уступил британскому давлению⁶.

Успехи фашистской Германии на фронтах изменили решение саудовского правительства. Гроббе разрешили прибыть в Джидду с большой миссией, и он начал активную деятельность. Гитлеровская пропаганда, в основном антианглийского характера, велась среди паломников. Германский посланник начал формировать подрывные группы, вербуя в них недовольных королем лиц, снабжая их оружием и деньгами. Вскоре Гробба обратился к королю с просьбой предоставить Германии концессию на разработку полезных ископаемых на побережье Красного моря, но получил отказ⁷.

Нацистская Германия, захватив Югославию и Грецию, в том числе Крит, начала пробивать себе путь на Ближний Восток, и прежде всего в Ирак и Сирию. 1 апреля 1941 г. в Ираке произошел государственный переворот, направленный против Великобритании. Его руководители попросили у Ибн Сауда поддержки⁸. Однако Абд аль-Азиз отказался предоставить им помощь, ссылаясь на то, что это было бы предательством по отношению к Англии, с которой он связан дружественными узами⁹. Гитлер направил ему личное послание" и предложил выступить против Великобритании, за что обещал «корону короля всех арабов». Ответ Гитлеру был также отрицательным, и Абд аль-Азиз отозвал из Швейцарии саудовского посла Фуада Хамзу, который склонял его на сотрудничество с державами «оси» и переправил ему послание Гитлера¹⁰.

Агентура Гроббы в Саудовской Аравии совершила ряд диверсий, в частности на нефтепромыслах в Эль-Хасе. Англичане направили в Саудовскую Аравию авиационную эскадрилью с противопожарным оборудованием¹¹.

К концу мая 1941 г. английские войска оккупировали важные стратегические пункты Ирака. В тот же период британские войска и эфиопские партизаны нанесли поражение итальянской оккупационной армии в Эфиопии. В июле 1941 г. английские вооруженные силы и войска Свободной Франции заняли Сирию, изгнав администрацию Виши.

Таким образом, обстановка на Ближнем Востоке заметно изменилась. Гитлеровское командование было занято подготовкой войны против СССР и не могло выделить достаточно сил для нанесения удара по британским позициям на Ближнем Востоке. В Англии, сохранившей господствующее положение в этом районе, обсуждался вопрос о вводе английских войск в стратегически важные центры Саудовской Аравии, как это было сделано в Сирии и Ираке. Однако британское правительство вынуждено было оглядываться на Соединенные Штаты, так как в Саудовской Аравии были заинтересованы американские монополии. Кроме того, оккупация огромной страны с ее традициями ксенофобии могла бы столкнуться со многими трудностями.

Во избежание провокаций на границах Ирака и Трансиордании¹² Ибн Сауд отозвал в глубь страны свои войска¹³. Вскоре он расторг договор о дружбе с Германией и в сентябре 1941 г. выслал посланника Гроббу из страны¹⁴.

Еще в 1940 г. были порваны дипломатические отношения с Италией. Когда итальянский эсминец, спасаясь от англичан, вошел в саудовские воды, его экипаж интернировали в Эт-Таифе, но не выдали англичанам. Руководитель переворота в Ираке Рашид Али аль-Гайлани попросил убежище в Саудовской Аравии. Он был принят в качестве почетного гостя, несмотря на то что англичане требовали его выдачи, поскольку он был приговорен к смертной казни иракским военным трибуналом¹⁵.

Хотя военные действия не затронули Саудовскую Аравию, ее экономика испытывала на себе тяготы военного времени. Мобилизованные войска поглощали доходы государства, а долгое отсутствие мужчин подрывало сельское хозяйство. Финансовое положение страны стало тяжелым. Дефицит бюджета в 1941 г. составил 1150 тыс. ф. ст. Доходы от паломничества упали. Накануне войны численность паломников достигала от 50 тыс. до 100 тыс., что приносило казне 5 — 6 млн. долл. Во время войны число паломников сократилось до 20 — 30 тыс. Цены на импортируемые товары возросли. Ежегодный дефицит, который надо было покрывать, вырос до 10—15 млн. долл.¹⁶ Добыча нефти в начале войны не увеличивалась.

Ибн Сауд настойчиво требовал от компании-концессионера выплачивать ему авансом в счет ренты 6 млн. долл. ежегодно. Опасаясь, что концессии могут быть ликвидированы и переданы англичанам, компания обязалась предоставить Саудовской Аравии заем в 3 млн. долл., а в дальнейшем увеличить его до 6 млн. долл. Она пошла даже на сохранение прежних сумм концессионных платежей в условиях, когда предполагалось сокращение добычи нефти.

Англия удерживала Саудовскую Аравию в финансовой зависимости, поставляя ей товары, золотые и серебряные монеты для обращения¹⁷.

Для ограничения деятельности американской нефтяной компании Великобритания использовала Средневосточный центр снабжения, занимавшийся до 1942 г. поставками нефтепродуктов войскам на Ближнем и Среднем Востоке, а также ведавший распределением продовольствия по странам этого района. Англичане обеспечивали продажу иранской и иракской нефти, но в то же время ограничивали сбыт саудовской нефти союзным армиям. Кроме того, они держали в своих руках все поставки продовольствия в Саудовскую Аравию.

Усиление экономического влияния Великобритании в Саудовской Аравии беспокоило американские нефтяные компании. Американское правительство решило оказать помощь Ибн Сауду косвенным путем. Предоставив Англии заем в 425 млн. долл., США потребовали, чтобы часть этих средств она передала Саудовской Аравии. Об этом представители нефтяной компании сообщили Ибн Сауду¹⁸. Однако король зависел в первую очередь от тех, из чьих рук он непосредственно получал помощь. Опасаясь дальнейшего укрепления английских позиций в Саудовской Аравии, американские нефтяные монополии стали настаивать на предоставлении ей помощи непосредственно правительством США.

Нефтяной фактор в ближневосточной политике США с начала второй мировой войны. Перед второй мировой войной правительство США считало Ближний и Средний Восток сферой европейского, прежде всего британского, господства. У американской администрации было мало реальных политических рычагов для поддержки своих частных фирм, в том числе нефтяных компаний, в этом районе мира¹⁹. Накануне войны в 1939 г. американцы производили лишь 10% ближневосточной нефти²⁰.

За годы войны политика США на Ближнем Востоке претерпела глубокие, принципиальные изменения. США поставили задачу заменить Великобританию в качестве господствующей державы в этом районе, учитывая, в частности, его нефтяной потенциал. Роль нефти в мире изменилась: из преимущественно коммерческого товара она превратилась в стратегический товар высшего приоритета²¹.

Правительство США сделало попытки установить государственный контроль над американскими нефтяными концессиями на Ближнем Востоке. Однако оно встретило яростное сопротивление компаний, не желавших делиться с ним столь выгодным бизнесом²². Это не помешало компаниям использовать правительство для поддержки своих интересов. АРАМКО стремилась стабилизировать режим в Саудовской Аравии и не допустить усиления Великобритании. Но чтобы самой избежать расходов, она постаралась переложить их на американского налогоплательщика.

8 февраля 1943 г. министр внутренних дел США Гаролд Икес получил от «Стандард Ойл оф Калифорния» меморандум, в котором излагались следующие соображения: «Растет беспокойство по поводу быстрого усиления экономического влияния Англии в Саудовской Аравии, так как это может существенно отразиться на дальнейшей деятельности американцев после войны. Непосредственная помощь правительства США правительству Саудовской Аравии вместо косвенной помощи через англичан, которую мы оказываем сейчас, положила бы конец этой тенденции и дала бы известную гарантию, что запасы нефти в Саудовской Аравии останутся под контролем американцев. Правительство США могло бы оказать непосредственную помощь правительству Саудовской Аравии, в частности в порядке ленд-лиза»²³.

Уже 18 февраля 1943 г. Рузвельт отдал распоряжение заместителю государственного секретаря Стеттиниусу, который был тогда руководителем программы ленд-лиза, «организовать помощь по ленд-лизу правительству Саудовской Аравии», защита которой, как определил президент, была «жизненно важной для защиты Соединенных Штатов», хотя королевство ни формально, ни фактически не участвовало в войне ²⁴.

В 1948 г. специальный сенатский комитет по рассмотрению программы национальной обороны оценил помощь США, оказанную в период войны Саудовской Аравии в виде прямого и косвенного ленд-лиза и других поставок, в 99 млн. долл., из которых лишь примерно 27 млн. подлежали возврату. По сообщению этого комитета, указанная сумма освободила АРАМКО от необходимости удовлетворять бюджетные потребности Саудовской Аравии, а также «устранила опасность того, что все концессии и доходы попадут под финансовый контроль Великобритании» ²⁵. С помощью правительства США американским нефтяным монополиям удалось нейтрализовать влияние своих английских конкурентов. К 1943 г. добыча нефти в Саудовской Аравии, резко упавшая из-за закрытия западноевропейских рынков и дискриминации англичан, снова начала расти в связи со спросом на нефть союзных армий на Тихоокеанском и Средиземноморском театрах военных действий и из-за прекращения экспорта нефти из Бирмы и Индонезии после захвата их Японией. АРАМКО поставляла нефтепродукты правительству США для военных целей. Добыча нефти в Саудовской Аравии в 1943 г. составила 4,9 млн. баррелей, а в 1946 г. увеличилась более чем в 10 раз ²⁶.

В марте 1942 г. США назначили в Джидду своего поверенного в делах. До этого американский посол в Каире был аккредитован также в Саудовской Аравии. С 1944 по 1946 г. главой дипломатической миссии в Джидде был опытный разведчик — арабист У. Эдди, сын и внук пресвитерианских миссионеров, живших и умерших в Сирии. В состав миссии был включен атташе по вопросам нефти. С 1947 по 1952 г. У. Эдди занимал пост консультанта АРАМКО ²⁷.

Весной 1943 г. бригадный генерал П. Хэрли направился в Саудовскую Аравию в качестве представителя Рузвельта, чтобы выяснить там позиции американского нефтяного бизнеса. В октябре того же года наследный принц Сауд совершил официальный визит в Вашингтон и оставался в США целый месяц. В том же, 1943 г. эмир Фейсал и его брат Халид посетили Соединенные Штаты и встретились с Рузвельтом, членами правительства, сената и конгресса ²⁸.

В тот момент нефтяные ресурсы Саудовской Аравии определялись АРАМКО примерно в 20 млрд. баррелей, т. е. были равны всем разведанным запасам Соединенных Штатов ²⁹. Это было самым весомым аргументом нефтяных компаний, чтобы мобилизовать американское правительство на поддержку их интересов.

В ноябре 1943 г. группа американских геологов подготовила отчет после поездки на Ближний Восток. Они подчеркивали, что центр добычи нефти будет перемещаться из бассейна Мексиканского залива — Карибского моря в район Ближнего Востока ³⁰. Самые крупные нефтяные резервы мира, по их оценкам, лежали в бассейне рек Тигра и Евфрата и Персидского залива. Производство нефти, в этом районе было самым дешевым в мире. У нас нет данных, относящихся к 40-м годам. Но для середины 60-х годов средняя продукция скважины в бассейне Персидского залива была примерно 4500 баррелей в день по сравнению с меньше чем 300 — в Венесуэле и 15 — в США. В основном скважины фонтанируют, в то время как американскую нефть надо качать. Кроме того, большая часть нефти производится недалеко от Персидского залива, ее легко транспортировать ³¹. Все эти факты учитывались в разработке американской нефтяной стратегии в 40 — 50-е годы.

В 1943 г АРАМКО добилась выделения фондов для строительства в Рас-Таннуре перерабатывающего завода на 50 тыс. баррелей в день. В сентябре 1945 г. он уже вступил в строй. В марте 1945 г. был сооружен нефтепровод на Бахрейн, где также действовал большой нефтеперегонный завод ³².

Американское правительство решило полностью оставить в руках компаний экономическую и финансовую сторону нефтедобычи, но сосредоточиться на общих военно-политических интересах США в этом районе. В 1944 г. предполагалось, что и трансаравийский нефтепровод будет построен правительством США, но затем он также стал собственностью участников АРАМКО³³.

В декабре 1943 г. Саудовскую Аравию посетил главнокомандующий вооруженными силами США на Ближнем Востоке генерал Ройс. Он договорился о строительстве военных аэродромов в Дахране и в Дауке. Сооружение военно-воздушной базы в Дахране началось в 1944 г. и в 1946 г. было завершено. В Саудовскую Аравию прибыла американская военная миссия, которая совместно с группой английских военных инструкторов, также приглашенных Ибн Саудом, занялась обучением саудовской армии. Во время войны США поставляли Саудовской Аравии по ленд-лизу оружие и военное снаряжение³⁴.

Встреча Ибн Сауда с Рузвельтом³⁵. Насколько важное место в американской ближневосточной политике заняла Саудовская Аравия, показала встреча Рузвельта с королем Абд аль-Азизом. Глава американской администрации, возвращаясь в США после Ялтинской конференции, установил личный контакт с главой одного из государств, которые традиционно считались находившимися в зоне британских имперских интересов. Встреча Рузвельта с Ибн Саудом была организована в глубокой тайне, прежде всего от англичан, узнавших о ней в самый последний момент.

Ибн Сауд со свитой отправился на борту американского эсминца «Мэрфи» из Джидды в Суэцкий канал, где в Горьких озерах на борту американского крейсера «Куинси» его ждал президент Рузвельт.

Для короля был разбит шатер на палубе эсминца, и каждый день ему забивали овцу, потому что он ел только свежее мясо. Днем Ибн Сауду показывали хронику американских военных действий, а его сопровождающие, после того как король засыпал, тайком спускались на другую палубу, где крутили американские фильмы, в которых актрисы играли в нижнем белье. В первом же столкновении с развращающим Западом пуритане пустыни не могли устоять.

Встреча Рузвельта с Ибн Саудом произошла 14 февраля 1945 г. Рузвельт пытался уговорить короля, чтобы он согласился с планом расселения евреев — жертв нацизма в Палестине. Но король заметил: «Пусть за эти преступления заплатит Германия. И раз они страдали от рук немцев, пусть несут наказание те, кто нанес им эти страдания. Почему невинные арабы должны платить за преступления других?». «Какой вред арабы нанесли евреям в Европе?» — спрашивал он. Попытки президента убедить Ибн Сауда изменить позицию остались безуспешными.

5 апреля Рузвельт направил письмо Ибн Сауду, в котором обещал не делать что-либо, что может оказаться враждебным арабам. Он также дал обязательство, что правительство США не будет менять свою основную политику в Палестине без полной и предварительной консультации как с евреями, так и с арабами. По мнению У. Эдди, «для короля эти заверения были равны союзу»³⁶.

На встрече с Рузвельтом Ибн Сауд подтвердил свое согласие на свободное использование саудовских портов в Персидском заливе английскими и американскими кораблями, а также на строительство мощной военно-воздушной базы. Однако он поставил условие, чтобы Саудовскую Аравию ни в коем случае не оккупировали, как Египет, Сирию, Ирак или Иран, и чтобы ни одна часть ее территории не была бы отчуждена. Районы, в которых нуждалась американская армия, сдавались в аренду на период, не превышавший пяти лет. После этого они должны были быть возвращены саудовскому государству со всеми воздвигнутыми сооружениями. Президенту не удалось добиться увеличения срока аренды. Ибн Сауд попросил также, чтобы часть легкого оружия, складированного в Иране, была по завершении военных действий передана саудовскому

правительству. Взамен Ибн Сауд брал на себя обязательство объявить войну державам «оси»³⁷.

Король просил президента о дружбе и поддержке его независимости и получил соответствующие заверения. Как считал У. Эдди, Ибн Сауд рассматривал эту встречу как гарантию от возможных поползновений Англии против его независимости. Что касается вопроса о нефти, то Рузвельт добился подтверждения Ибн Саудом существующих американских концессий, а также его согласия на строительство Трансаравийского нефтепровода, который должен был связать район Эль-Хасы со средиземноморским побережьем.

Встреча Черчилля с Ибн Саудом, которую премьер-министр Великобритании провел в Египте сразу после отлета Рузвельта, чтобы как-то нейтрализовать влияние американцев, не принесла ничего нового. Она не смогла предотвратить выхода при поддержке США Саудовского королевства из-под английского влияния. Укрепляя свои позиции в Саудовской Аравии, Вашингтон умело использовал неприязнь Саудидов к Англии.

В марте 1945 г. Саудовская Аравия объявила войну державам «оси». Это позволило ей вступить в ООН³⁸.

Но стоит отметить, что после войны (в конце 40-х — начале 50-х годов) в сфере военно-стратегических интересов Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке находились прежде всего Турция, Иран, Египет. Персидский залив, во всяком случае страны на аравийском побережье, оставался на втором плане. Военно-стратегические интересы Запада в Персидском заливе и в целом в Аравии обеспечивала Великобритания.

В 1945 г. в нефтяной промышленности соотношение американского, английского и французского капитала выглядело следующим образом: АИНК контролировала 27,750 млрд. баррелей нефтяных запасов, «Ройял Датч-Шелл» — 2,750 млрд., «Галф Ойл Корпорейшн» — 5 млрд., «Стандард Ойл оф Калифорния» и «Тексас Ойл» — 20 млрд., «Стандард Ойл Компани оф Нью-Джерси» и «Сокони Вакуум Ойл Компани» — 2,750 млрд., «Компани франсез де петроль» — 2,750 млрд. Общие резервы оценивались в 61 млрд. баррелей³⁹. Большую часть добычи в это время обеспечивали компании с английским и англо-голландским капиталом. Но положение начнет радикально меняться в связи с быстрым ростом производства нефти в Саудовской Аравии, где открывали все новые месторождения, и в результате иранского кризиса начала 50-х годов, резко ослабившего позиции английского капитала в нефтедобыче.

Глава XVI

ВНУТРЕННЯЯ ОБСТАНОВКА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

КОРОЛЕВСТВА

(1945— 1958)

Историк, занимающийся послевоенной Саудовской Аравией, сталкивается с существенным препятствием — скудостью сведений о реальной политической ситуации в стране при увеличении информации о ней в виде газетно-журнальных статей, статистических выкладок, апологетических книг, даже кое-каких социальных исследований. Политическая борьба в правящем классе велась различными группировками разветвленного клана Саудидов, а его члены в крайне редких случаях допускают утечку сведений о подлинном характере столкновений и изменений на вершине саудовской иерархии. Лишь обострение борьбы за власть между королем и наследным принцем в 1958— 1964 гг. и «бунт свободных эмиров», происшедший в рамках этой борьбы, дали представление о положении в королевской семье. Выступления оппозиции в разных формах, хотя и напугавшие правящий класс, были слабы и разрозненны (за исключением рабочих волнений в 1953 и 1956 гг.) и без труда подавлены. Сведения о деятельности оппозиции скудны, отрывочны, противоречивы.

Значительная часть известной нам истории Саудовской Аравии сводится к ее взаимоотношениям с нефтяными компаниями, международным отношениям, внешней политике. Видимо, в этом есть свой резон. Резкая активизация международной борьбы в районе Ближнего Востока после второй мировой войны, участие в ней Саудовской Аравии по ту или другую сторону баррикад, подъемы и спады национально-освободительного движения, большая взаимосвязанность судеб арабских стран — все это увеличило вес и значимость международной политики в историческом процессе.

Как внутренняя, так и внешняя политика Саудовской Аравии осуществлялась под воздействием нового, нефтяного фактора. За несколько лет пустынное королевство превратилось в одного из крупнейших, а к 70-м годам крупнейшего в мире экспортера жидкого топлива.

Отношения с нефтяными компаниями. К концу 1945 г. АРАМКО уже открыла четыре крупных месторождения нефти — в Даммаме, Абу-Хадрии, Абкайке и Эль-Катифе. В мае 1951 г. был обнаружен крупнейший в мире резервуар нефти Сафания в континентальном шельфе — в Персидском заливе. Самое большое в мире нефтяное месторождение на суше, Гавар, длиной примерно 240 км и шириной 35 км было найдено в начале 50-х годов. В уникальных геологических структурах Саудовской Аравии нефтяники рассчитывали на все новые и новые резервуары жидкого топлива¹.

Расширялся нефтяной порт в Рас-Таннуре. Его пустили в эксплуатацию в декабре 1945 г. с дневной пропускной способностью 50 тыс. баррелей. Мощность нефтеперерабатывающего завода в Рас-Таннуре к середине 60-х годов была постепенно доведена примерно до 15 млн. т в год. Затем она была удвоена. Было построено еще два завода нефтепродуктов — в Джидде и Эр-Рияде². После второй мировой войны переход энергетики капиталистических стран на жидкое топливо, автомобилизация и развитие химии создали небывалый спрос на нефть, особенно в Восточном полушарии. Многие районы мира, которые отставали от Соединенных Штатов в использовании нефти, стали энергично их догонять. Если за 25 послевоенных лет спрос на нефть в Соединенных Штатах увеличился более чем в 2,5 раза, то в остальном мире — более чем в 8 раз. Наиболее быстро потребление нефти росло в Японии и Западной Европе. Ближний и Средний Восток стал самым крупным производителем этого сырья в 1965 г., когда добыча приблизилась здесь к 8,5 млн. баррелей в день, превысив производство Соединенных Штатов³.

Нефтеперерабатывающая промышленность все больше стала перемещаться к центрам потребления. Транспортировать сырую нефть дешевле, чем готовые продукты, импортеры могли купить за валюту больше нефти, чем нефтепродуктов, в промышленных центрах широко перерабатывались отходы ее перегонки. К экономическим соображениям добавлялись весомые политические: компании опасались (особенно после попытки национализировать нефть в Иране в начале 50-х годов) создавать большие нефтеперерабатывающие мощности в развивающихся странах.

Еще в годы войны участники АРАМКО подсчитали, что нефтепровод из Саудовской Аравии к Средиземному морю может сократить расходы на транспортировку нефти в Европу между одной третью и половиной стоимости перевозки танкерами. Было решено построить трубопровод диаметром 30 дюймов (762 мм) из нефтяного района Абкайк в Саудовской Аравии до ливанского побережья недалеко от Сайды длиной 1712 км и мощностью 15 млн. т в год, чтобы позднее поднять его пропускную способность до 25 млн. т⁴.

В июле 1945 г. участники АРАМКО создали «Трансаравийскую трубопроводную компанию» — ТАПЛАЙН. В разгар сооружения нефтепровода на строительстве было занято до 16 тыс. человек, около 3 тыс. различных автомашин⁵.

Но если английские компании и правительство Великобритании были бессильны помешать росту добычи нефти АРАМКО, то они попытались не допустить выхода к средиземноморскому побережью американского нефтепровода, так как он открывал перед

американцами возможность более быстрого и дешевого вывоза нефти в Западную Европу. С его постройкой англичане теряли бы часть доходов, получаемых ими за транспортировку нефти на своих танкерах, а также сборы, которые уплачивались за провоз нефти через Суэцкий канал.

Политическая борьба в Сирии, Ливане, Ираке в послевоенные годы была прямо или косвенно связана с американо-английским соперничеством в нефтяных делах, включая строительство нефтепровода.

Ибн Сауд поддержал пришедшее к власти в Сирии в результате военного переворота в марте 1949 г. правительство Хусни аз-Займа, которое было связано с США, и предоставил ему заем в 6 млн. долл. Хусни аз-Заим выступил против планов «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца», инспирированных эмиром Трансиордании Абдаллахом, связанных с англичанами, и ратифицировал подписанное ранее соглашение о прокладке нефтепровода через территорию Сирии.

Новое правительство Сирии во главе с полковником Сами Хинауи, созданное после второго военного переворота в августе 1949 г., стало проводить проанглийскую политику. Оно объявило соглашение о нефтепроводе недействительным и благожелательно отнеслось к идее «Великой Сирии».

Адиб Шишекли, совершивший в декабре 1949 г. новый государственный переворот в Сирии, восстановил позиции американских нефтяных монополий, вновь дал разрешение на строительство трубопроводов. Когда режим Шишекли пал в феврале 1954 г., диктатор бежал в Саудовскую Аравию.

В 1950 г. Трансаравийский нефтепровод стоимостью 230 млн. долл. был построен и начал действовать ⁶.

Быстрое развитие нефтяной промышленности в Саудовской Аравии после второй мировой войны привело СОКАЛ и ТЕКСАКО к убеждению, что у них недостаточно средств для освоения столь гигантских месторождений, включая строительство нефтепровода, и рынков сбыта для такого количества продукции. Поэтому они решили привлечь к сотрудничеству «Стандард Ойл Компани оф Нью-Джерси» и «Мобил Ойл». Соглашение об их участии в АРАМКО было достигнуто в конце 1946 г. Но еще два года английские монополии сопротивлялись этому решению, так как «Стандард Ойл Компани оф Нью-Джерси» и «Мобил Ойл» подписали в свое время «соглашение о красной черте». В ноябре 1948 г. они игнорировали мнение АИНК и «Ройял Датч-Шелл» и вошли в АРАМКО. «Соглашение о красной черте» было мертво.

С 1948 г. акциями АРАМКО владели: СОКАЛ — 30%, ТЕКСАКО — 30, «Стандард Ойл Компани оф Нью-Джерси» — 30, «Мобил Ойл» — 10% ⁷.

В 1948 г. АРАМКО отказалась от прав на концессию в Нейтральной зоне между Саудовской Аравией и Кувейтом в обмен на саудовскую часть континентального шельфа в Эль-Хасе. Одна из причин состояла в том, что в это время было заключено соглашение о концессии в этой зоне между «Америкам Индипендент Ойл Компани» («Амин Ойл») и правительством Кувейта на гораздо более выгодных условиях, чем между АРАМКО и Саудовской Аравией. АРАМКО предпочитала уйти из Нейтральной зоны, опасаясь, что согласие с кувейтскими требованиями заставило бы ее значительно увеличить платежи Саудовской Аравии за основную концессию. Но более важная причина заключалась в открытии огромных месторождений нефти в континентальном шельфе, принадлежащем Саудовской Аравии ⁸. В октябре 1948 г. было подписано новое соглашение об арендной плате за добычу нефти в шельфе. АРАМКО согласилась платить ту же арендную плату, как предусмотрено в первоначальном концессионном соглашении, плюс 5 американских центов за каждый баррель, добытый из шельфа. АРАМКО гарантировала минимальную годовую арендную плату за операции в континентальном шельфе в 2 млн. долл., выплачиваемых вперед. Компания согласилась установить 22-летний срок для периодической передачи тех

частей своей «зоны с особыми правами», в которой она не собиралась проводить дальнейших поисков нефти⁹.

Прибыли от эксплуатации нефтяных ресурсов в бассейне Персидского залива были столь высоки, что сюда стали внедряться «аутсайдеры», готовые брать концессии на гораздо более выгодных для местных правительств условиях. Среди них были независимые американские корпорации, с весом которых нельзя было не считаться. Они превосходили по своим активам и оборотам крупнейшие фирмы Западной Европы или Японии. Появление «аутсайдеров» показало правительству Саудовской Аравии, сколько ему не доплачивала АРАМКО, и усилило его позицию в торге за пересмотр концессионных соглашений¹⁰.

В 1949 г. концессия в Нейтральной зоне на 60 лет была передана «Пасифик Уэстерн Ойл Корпорейшн» (позднее переименованной в «Гетти Ойл Компани») за счет доли Саудовской Аравии. В обмен на право исследовать и эксплуатировать месторождение жидкого топлива на территории 2 тыс. кв. миль, включая континентальный шельф на расстоянии 6 миль от берега, компания согласилась:

Выплатить сразу 9,5 млн долл. Вносить арендную плату 55 центов за каждый баррель сырой нефти и 12,5% доходов от продажи газа и газопродуктов, а также предоставить аванс в 1 млн. долл. в счет будущей арендной платы. Если полная арендная плата будет меньше этой суммы, то правительство первый взнос возвращать не обязано.

В случае, если компания отказывалась от концессии, все ее сооружения отдать в собственность Саудовской Аравии. Предоставлять саудовским гражданам преимущественное право при найме на работу, а также создавать для саудовских рабочих и служащих школы и курсы профессионально-технической подготовки, обеспечивать им бесплатное медицинское обслуживание¹¹.

В 1953 г. в Нейтральной зоне ударил первый фонтан. Первая сырая нефть была вывезена в 1954 г. «Амин Ойл» и «Гетти Ойл Компани» стали добывать нефть каждая на своих месторождениях с собственными нефтепроводами, портами и хранилищами¹².

В декабре 1957 г. было подписано соглашение с японской фирмой «Джапан Петролеум Трейдинг Компани оф Токио», образовавшей «Арабиен Ойл Компани», которой было предоставлено исключительное право разведки на период, не превышающий два года, в континентальном шельфе Нейтральной зоны за пределами 6 миль от берега. Если компания обнаруживала нефть, то концессия предоставлялась ей на срок 44 года. Бурение началось в 1959 г., первая нефть была получена в январе 1960 г.

Компания платила в год 1,5 млн. долл. до обнаружения нефти в коммерческих количествах, после открытия нефти — дополнительно 1 млн. долл. в год, что имело обратную силу с даты подписания соглашения до даты открытия.

Минимальная арендная плата должна была быть 2,5 млн. долл. Компания согласилась платить подоходный налог на все операции внутри и за пределами Саудовской Аравии, включая продажу сырой нефти, переработку, транспортировку и поставки нефти на рынок. В любом случае выплаты не должны были быть меньше 56% ее дохода. В 1963 г. эта доля повысилась до 57%¹³.

Итальянским компаниям было предоставлено право искать нефть на побережье Красного моря. В 1965 г. концессии получила французская компания ОКСИРАП. По соглашению Саудовская Аравия могла эффективно участвовать во всех операциях этой компании. Затем саудовская корпорация ПЕТРОМИН заключила с «Аджипом» (филиалом итальянской компании ЭНИ) и компанией «Филипс» соглашение на разведку нефти в районе Руб-эль-Хали. В 1967 г. ПЕТРОМИН передала права на побережье Красного моря группе, состоящей из «Натомас Интернэшнл Корпорейшн», «Синклер Арабиен Ойл Компани» и государственной пакистанской компании. В дальнейшем состав группы изменился. Но поиски нефти в Руб-эль-Хали и на побережье Красного моря оказались безрезультатными¹⁴.

С конца 40-х годов саудовское правительство, несколько лучше ориентируясь в мире международных финансов и понимая, какие колоссальные доходы извлекает АРАМКО из эксплуатации нефтяных богатств страны, стало требовать более справедливого распределения прибылей. Саудовцы знали об успехе Венесуэлы, добившейся резкого увеличения отчислений за концессии, и сами заключили с «Гетти Ойл Компани» соглашение на несравненно более выгодных условиях, чем с АРАМКО.

В 1950 г. декретами короля от 4 ноября и 27 декабря в Саудовской Аравии был введен подоходный налог на чистые прибыли всех иностранных компаний, действующих в стране. АРАМКО протестовала. Но несправедливость первоначального соглашения была очевидна. Ведь в Саудовской Аравии владелец земли и правительство являлись одним юридическим лицом, в то время как в других странах, в том числе в США, компании приходилось платить отдельно и ренту владельцу земли, и налог правительству.

После напряженных переговоров, 30 декабря 1950 г. было заключено новое соглашение, которое предусматривало введение налога на доходы от продажи нефти. Тем самым началась новая эра во взаимоотношениях между правительством и АРАМКО. Правда, остались нерешенными такие сложные вопросы, как «чистый доход» и контроль над «справочными ценами». АРАМКО согласилась платить подоходный налог при условии, что полный размер всех налогов, арендной платы и других платежей правительству не должен превышать 50% валового дохода АРАМКО, после того как такой валовой доход вычислен с учетом стоимости операций, включая потери и подоходные налоги, если такие есть, выплачиваемые любой другой стране. Компания обязалась бесплатно предоставлять государству 2,6 млн. галлонов бензина и 200 тыс. галлонов керосина, а также 7500 т дорожного асфальта.

Это было значительное достижение. Нефтяные доходы Саудовской Аравии почти удвоились с 1950 по 1957 г. Однако слабая черта этого соглашения заключалась в том, что эти доходы исчислялись на основе валового дохода АРАМКО. Наиболее очевидной несправедливостью было уменьшение выплат Саудовской Аравии, если компания облагалась налогами в другом государстве. Этот пункт был отменен 13 февраля 1952 г.¹⁵ «Справочные цены» на нефть устанавливались материнскими компаниями, которые продавали ее по более дешевой цене своим филиалам — торговым или транспортным компаниям во всем мире, и поэтому отчисления саудовскому правительству были меньше, чем реальные доходы материнских компаний — участников АРАМКО. Начались споры между Саудовской Аравией и АРАМКО по поводу «справочной цены» на нефть. Правительство Саудовской Аравии не хотело нести потери, вызванные скидками в ценах, которые АРАМКО предоставляло при продаже сырой нефти.

Несмотря на рост отчислений правительству Саудовской Аравии, исключительная дешевизна добычи нефти и низкая стоимость рабочей силы обеспечивали нефтяным монополиям колоссальные прибыли. Добываемая в Саудовской Аравии нефть обходилась АРАМКО примерно в десять раз дешевле нефти, добываемой в США, и в пять раз дешевле нефти Венесуэлы. Чистый доход АРАМКО после уплаты налогов саудовскому правительству составил в 1952—1963 гг. 2,8 млрд. долл., или в среднем 57,6% на вложенный капитал; в 1961 г. этот процент был равен 81,5. В США чистый доход составлял 10—12% на вложенный капитал¹⁶.

В марте 1963 г. ТАПЛАЙН согласилась поднять цену за каждый баррель, транспортированный в Сайду, что имело обратную силу с 6 октября 1953 г., и платить подоходные налоги за дополнительную прибыль¹⁷.

В феврале 1954 г. было объявлено, что правительство Саудовской Аравии предоставило Аристотелю Онассису, греческому судовладельцу, право транспортировать из Саудовской Аравии морем всю нефть, за исключением той, вывоз которой осуществлялся танкерами, принадлежавшими: а) компаниям-концессионерам; б) их материнским компаниям и отделениям; в) покупателям нефти. В соглашении намечалось создание

совместной транспортной компании, совладельцами которой были бы Онассис и правительство Саудовской Аравии. Этот шаг резко осудила Великобритания. Ее мореходная палата назвала его «наиболее наглым примером дискриминации флага» и «грубым вмешательством в нормальное коммерческое право». Представитель государственного департамента США также протестовал против этого соглашения. Нефтяные компании организовали бойкот судов Онассиса по всему миру, и через несколько месяцев борьбы он капитулировал, отказавшись от контракта¹⁸.

С начала 40-х, а особенно в 50-х годах руководители АРАМКО стали отдавать себе отчет в том, что без обеспечения стабильного проамериканского режима в Саудовской Аравии благоприятные условия для эксплуатации ее нефтяных месторождений могут оказаться под угрозой¹⁹. Для удержания королевства в американской орбите одних усилий и рычагов воздействия, находившихся в распоряжении АРАМКО, было мало, потребовалось привлечение государственной машины США с ее политическим, дипломатическим, экономическим, информационно-пропагандистским, военным ведомствами.

Меньше всего заботясь о развитии, прогрессе, преобразованиях в стране, благосостоянии масс Саудовской Аравии, но больше всего опасаясь революционного взрыва, американцы начали подталкивать ее правящий клан к кое-каким реформам, к наведению элементарного порядка в финансовой системе, к развитию экономики, здравоохранения, просвещения.

В системе приоритетов американской внешней политики роль Саудовской Аравии постоянно возрастала.

Последние годы жизни Абд аль-Азиза. Начало правления Сауда. К концу своей жизни Ибн Сауд все хуже справлялся с проблемами, встававшими перед его королевством. Создатель феодального централизованного государства, он сам был порождением пережившей свой век эпохи, феодально-племенного общества, не понимал и не принимал перемен.

Доходы Саудовской Аравии благодаря быстрому росту нефтедобычи и изменению концессионных соглашений увеличились в первые послевоенные годы в несколько десятков раз. Несмотря на это, королевство продолжало существовать как большое семейное имение, феодальное поместье, доходы от которого, по мнению правящей знати, должны были в первую очередь тратиться на потребности королевской семьи.

Члены клана Ааль Саудов, побывав в 40—50-е годы за границей, познакомились с условиями жизни правящих классов в Западной Европе и США и приобрели вкус к мыслимой и немислимой роскоши. Это сочеталось с полным неумением совместить расходы с доходами, с нежеланием считать деньги, свойственным феодально-племенной аристократии, с присущей ей же щедростью — положительной человеческой чертой, превращавшейся в свою противоположность, — в невиданное историей расточительство в стране, где полуголодные, погрязшие в нищете и болезнях жители составляли большинство населения.

Началась сумасшедшая гонка расходов на дворцы и роскошь. Примеры расточительства королевской семьи столь многочисленны, описаны в таком количестве книг, журнальных и газетных статей, что не нуждаются в пространных ссылках. Ограничимся лишь немногими фактами.

В Саудовской Аравии появились сотни самых дорогих автомашин, в том числе позолоченные «кадиллаки», дворцы с роскошной мебелью, центральным кондиционированием, садами, плавательными бассейнами, теннисными кортами. Только король Сауд выстроил себе 25 дворцов, один из них, «Насырийя», стоимостью несколько десятков миллионов долларов. Колоссальные средства тратились на гаремы, на туалеты и драгоценности жен и наложниц, на содержание рабов, слуг, шоферов, телохранителей и просто прихлебателей. Щедро одарялись поэты, писавшие панегирики

Саудидам, «ученые», сочинявшие полулегендарную историю, «журналисты», творившие современную политическую мифологию королевства.

В Эр-Рияд слетелась толпа жуликов и проходимцев со всего Ближнего Востока. Контракты получали те, кто давал самые большие взятки. Коррупция королевского двора и чиновничьего аппарата стала приобретать чудовищные размеры. Уже тогда деньги начали утекать из королевства для вложений за границу. Правящую знать обманывали алчные подрядчики и торговцы, продавая ей товары и услуги по ценам в пять, десять, двадцать раз дороже настоящей цены. Но в случае нехватки средств королевская семья просто отказывалась оплачивать долги²⁰.

Ненормальность ситуации, ее опасность для режима становились ясными для некоторых наиболее дальновидных представителей правящего клана. Но меры, принятые королем для «модернизации» государства, носили сугубо формальный, поверхностный характер.

Лишь к концу своего правления, в октябре 1953 г., Ибн Сауд выпустил декрет о реорганизации совета министров, функции которого и формально и фактически распространились не только на Хиджаз, но и на всю страну. В декрете говорилось об умножении обязанностей правителя и ответственности, возложенной на государство, о необходимости навести порядок в управлении. Но этот совет министров начал действовать лишь после смерти Ибн Сауда²¹.

Из заслуживающих внимания решений короля в последние годы жизни был приказ о ремонте и расширении большой мечети в Медине. Это были самые крупные работы со времен Омейядов, завершившиеся через несколько лет. Ибн Сауд также распорядился расширить площадь вокруг Каабы, но работы там начались лишь в 1955 г. Наконец, он выделил дополнительные средства на поиски воды в Центральной Аравии²².

В молодые и зрелые годы Абд аль-Азиз был сильным и мужественным человеком. О нем создано много легенд. Одну из них передал аз-Зирикли со ссылкой на личного врача Ибн Сауда, затем министра здравоохранения, одного из богатейших людей страны — Рашада Фараона. В одном из сражений Абд аль-Азиз был ранен в живот. Фараон предложил эмиру обезболивающее — хлороформ, чтобы сделать операцию. Тогда тот сам взял скальпель, разрезал живот, вынул пулю и приказал врачу: «Теперь зашивай!»²³.

Абд аль-Азиз страдал от ранения в ногу, особенно к старости. Одна нога у него не гнулась в колене, причиняя ему сильную боль, и он не мог заснуть, если ему не массировали колено час-полтора. Президент США Рузвельт подарил ему кресло на колесах, точную копию своего собственного. Оно очень понравилось Абд аль-Азизу, и он с ним не расставался. Это, видимо, ускорило его смерть, так как он перестал давать себе физическую нагрузку, потучнел, одряхлел²⁴.

Ибн Сауд очень боялся соперничества двух своих старших сыновей и заставил их перед своей смертью поклясться не бороться друг с другом. Он помнил о судьбе своего отца и дядей после смерти деда Фейсала и опасался, что внутрисемейный конфликт может разорвать его королевство²⁵.

Абд аль-Азиз умер 9 ноября 1953 г. в Эт-Таифе. Около сотни принцев, собравшихся у его тела, принесли присягу Сауду как королю и Фейсалу в качестве наследника престола. Тело Ибн Сауда было перевезено на самолете в Эр-Рияд и похоронено на кладбище обычным ваххабитским способом — без надписи, саркофага или мавзолея. Его могила, лишь с трудом отличимая от других, находилась рядом с могилами других членов его семьи, в том числе его любимой сестры Нуры. Ваххабиты, повсюду разрушавшие купола и надгробные памятники, остались верны себе²⁶.

9 ноября 1953 г. новый король Сауд подтвердил назначение своего брата Фейсала заместителем премьер-министра и министром иностранных дел, оставив за собой пост главы правительства²⁷.

Когда Абд аль-Азиз умер, то оставил после себя 34 живых сына, писал аз-Зирикли. За свою жизнь он вступил в несколько десятков династических и просто любовных браков. Число его живых детей, внуков, внучек, не считая детей от его дочерей, уже тогда достигало 160. Если добавить к ним детей его дочерей, то общее число превышало 300²⁸.

Наследный принц Сауд, родившийся в 1902 г., был вторым сыном Абд аль-Азиза. Первым был Турки, умерший молодым от гриппа. Мать Сауда происходила из аристократического семейства Ааль Арайаров, шейхов племени бану халид. Она умерла в 1969 г., пережив сына. Фейсал родился в 1906 г. от третьей жены Абд аль-Азиза из клана Ааль аш-Шейха. Всю жизнь между сводными братьями шло соперничество, не прекратившееся и после смерти отца, несмотря на данную ему клятву²⁹.

У Сауда было почти столько же сыновей, сколько у его отца,— 40 в 1962 г. У его соперника Фейсала было только восемь, из которых пятерых он послал в американские школы и университеты, одного — в Оксфорд, одного (в то время как Сауд разорвал дипломатические отношения с Англией) — в Сандхерст, королевский военный колледж³⁰.

В марте 1954 г. на первом заседании совета министров Сауд сделал свое первое политическое заявление в качестве короля. Он провозгласил свою верность религиозным принципам и готовность продолжать политику и методы правления своего отца. Первой целью своего правления он назвал укрепление религии и шариата. В качестве задач своего правительства он назвал усиление армии, борьбу с голодом, нищетой и болезнями, улучшение здравоохранения, создание министерств просвещения, сельского хозяйства, коммуникаций. Сауд обещал навести порядок в финансовых делах и создать муниципалитеты или административные советы в провинциях. В тронной речи Сауда было ясно выражено намерение, которое станет обычным для всех политических деклараций саудовского правительства,— подчеркивать и соблюдать на деле верность традициям и одновременно осуществлять кое-какие нововведения, усовершенствования государственной структуры³¹.

В первом кабинете министров Фейсал стал заместителем премьер-министра и министром иностранных дел. В Саудовской Аравии было создано восемь министерств — внутренних дел, обороны и авиации, коммуникаций, просвещения, финансов и национальной экономики, здравоохранения, торговли и сельского хозяйства и иностранных дел. Среди министров мы встречаем имена, которые надолго останутся на политической сцене в Саудовской Аравии: Фахд ибн Абд аль-Азиз — министр просвещения, Султан ибн Абд аль-Азиз — глава министерства коммуникаций, Рашад Фараон — министр здравоохранения. Однако король постоянно вмешивался в действия своего брата, ограничивая его власть³². Их скрытая борьба к концу 50-х годов обострилась настолько, что начали поговаривать о «двоевластии» в королевстве.

После вступления короля Сауда на престол были снижены таможенные пошлины на некоторые товары первой необходимости, продовольствие и одежду, чтобы завоевать популярность у населения. Была декларирована задача ограничить произвол. «Пусть знают все, что двери правительства постоянно открыты для всех жалоб»³³, — заявил Сауд, пытаясь играть роль патриархального «отца» населения. Однако программа «борьбы с голодом, нищетой и болезнями», как и «наведения порядка в финансовых делах», не говоря об «ограничении произвола», осталась чернилами на бумаге.

Рабочее движение. В конце 40-х — начале 50-х годов в Саудовской Аравии появились первые признаки того, что на политическую арену начали выходить совершенно новые для страны общественные силы, развиваться невиданные ранее социальные конфликты. Впервые со своими требованиями выступил молодой рабочий класс.

Первая забастовка рабочих АРАМКО, в основном иностранцев, была проведена в 1945 г. Администрация компании пошла на временные уступки, в частности гарантировала 8,5-часовой рабочий день при шестидневной рабочей неделе и ежегодный

двухнедельный оплачиваемый отпуск. Но затем иностранцы — участники стачки были высланы. В конце 40-х годов на нефтепромыслах произошли новые волнения рабочих³⁴.

Столкнувшись с этой ситуацией, саудовское правительство в октябре 1947 г. опубликовало кодекс о труде, при составлении которого использовалось египетское законодательство. Была установлена шестидневная рабочая неделя с 8-часовым рабочим днем на всех предприятиях с числом наемных рабочих более 10.

В 1952 г. рабочие АРАМКО создали комитет, который стал выполнять функции профсоюза, и в следующем, 1953 г. перешли к решительным действиям. Они потребовали гарантировать права профсоюзов, повысить заработную плату, прекратить расовую дискриминацию, предоставить рабочим новое жилье, оплачивать транспортные расходы, вести в школах преподавание на арабском языке. Администрация АРАМКО отказалась выполнить эти требования, ее фактически поддержала специальная королевская комиссия, созданная принцем Саудом (тогда еще наследником престола), а 12 членов рабочего комитета были арестованы. 17 октября примерно 20 тыс. арабских рабочих АРАМКО начали стачку. Жители Восточной провинции выражали симпатии к забастовщикам. Отношение к американцам, их богатству, их образу жизни было отрицательным или враждебным.

На нефтепромыслах объявили военное положение. В Восточную провинцию перебросили несколько тысяч солдат, которые, однако, как и местная полиция, неохотно выполняли приказы о действиях против забастовщиков. Стачка в Саудовской Аравии нашла отклик в ряде других арабских стран.

Ситуация стала настолько опасной, что администрация АРАМКО вынуждена была провести переговоры с рабочим комитетом и принять многие требования забастовщиков: увеличить зарплату на 12—20%, обеспечить рабочих спецодеждой, питанием, транспортом, повышать их квалификационные разряды. Арестованные члены комитета были освобождены и восстановлены на работе. Но право на организацию профсоюза они не завоевали. 1 ноября стачка закончилась³⁵.

Казалось бы, это выступление означало начало качественно нового этапа рабочего движения в Саудовской Аравии. Действительно, в последующие три года продолжались переговоры между представителями рабочих и компаний, конфликт рассматривала специальная королевская комиссия, в которой участвовал дядя короля Сауда принц Мусаид ибн Абдуррахман. Но стремление не допустить существования организованного рабочего движения было общим для саудовских властей и компаний. Администрация АРАМКО создала так называемые «комитеты связи». Формально в их функции входило изучение и рассмотрение требований рабочих, чтобы избежать трудовых споров. Фактически же эти комитеты занимались выявлением «неблагонадежных» и преследовали рабочих-активистов³⁶.

В 1956 г., когда под воздействием революционных событий в Египте усиливалось антиимпериалистическое движение в других арабских странах, Восточная провинция стала естественным центром таких выступлений. 9 июля 1956 г. короля Сауда, приехавшего в Дахран, встретила массовая демонстрация под антиимпериалистическими лозунгами, участники которой требовали ликвидировать американскую базу. Королю были переданы требования рабочих: официально признать комитет, избранный ими, увеличить надбавки к зарплате на дороговизну, повысить заработную плату, сократить рабочий день, прекратить произвольные увольнения, предоставить одинаковые условия для местных и американских рабочих, ликвидировать расовую дискриминацию, издать закон, гарантирующий права и защищающий человеческое достоинство рабочих АРАМКО³⁷.

Через два дня, 11 июля, король издал декрет, запрещающий любые забастовки и демонстрации под угрозой тюремного заключения на срок до трех лет. Начались аресты и избиения рабочих-активистов по спискам, составленным спецслужбой АРАМКО. 17 июля Центральным комитетом арабских рабочих была объявлена всеобщая забастовка.

Среди требований, выставленных наиболее сознательной частью рабочих, были введение конституции, разрешение деятельности политических партий и национальных организаций, предоставление законного права на создание профсоюза, отмена королевского декрета о запрещении забастовок, прекращение вмешательства АРАМКО во внутренние дела страны, ликвидация американской базы на Дахране, освобождение всех арестованных. Но вряд ли столь высокий уровень пролетарского и политического сознания стал массовым среди рабочих Эль-Хасы. Кратковременная забастовка не парализовала нефтепромыслов. Против рабочих были брошены бедуины из ихванских хиджр, личная гвардия эмира Восточной провинции, состоявшая из рабов и вольноотпущенников. Сотни человек были арестованы, подвергнуты пыткам, заключены в тюрьмы на различные сроки, высланы из страны. Центральный комитет арабских рабочих некоторое время действовал нелегально, направляя телеграммы протеста в адрес исполкома Международной федерации арабских профсоюзов, лидеров ряда арабских и других стран. Он же провел кампанию солидарности с Египтом в дни тройственной агрессии. Рабочие нефтепромыслов собрали средства в пользу египтян. Затем деятельность ЦК арабских рабочих сошла на нет³⁸.

Первая стачка после декрета 1956 г. о запрете забастовок произошла в 1958 г., когда водители одного из подрядчиков прекратили работу, протестуя против сверхурочных³⁹.

Но важно отметить, что рабочие волнения 1956 г. были последними крупными выступлениями саудовского пролетариата в 50—70-е годы.

Обострение внутренней обстановки в середине второй половины 50-х годов.

Хотя Сауд не обладал ни авторитетом, ни силой личности Абд аль-Азиза, он разделял его недостатки до такой степени, что казался карикатурой на отца. Он продолжал жить в аравийском прошлом, содержать многочисленный гарем и двор из пяти тысяч человек, сорить деньгами, считая, что доход страны — его собственность, и отказываясь признавать разницу между большим количеством денег и бесконечным количеством денег. Он продолжал оказывать щедрое гостеприимство и делать богатейшие подарки, постепенно погружая государство в долги⁴⁰.

Одним из эпизодов, характеризующих атмосферу в стране после смерти Ибн Сауда, была высылка Г. Филби. Он пережил короля Абд аль-Азиза, своего героя, и стал публично высказываться о коррупции при дворе и в королевстве, чем вызвал гнев Сауда. Но, очутившись за границей, Филби нашел большую аудиторию и трибуну для критики режима, и король выбрал меньшее из двух зол, разрешив ему вернуться, чтобы дожить свой век на второй родине⁴¹.

Взяточничество разъедало государственный аппарат сверху донизу. Например, губернатор Восточной провинции, сообщила книга «Ад саудовского правления», изданная представителями революционно-демократической оппозиции режиму, за 30 тыс. риалов избавил от годовичного тюремного заключения и порки крупных подрядчиков, которые были арестованы за то, что в нарушение религиозных норм пьянствовали⁴².

Многие члены семьи короля, эмиры провинций занимались незаконными валютными операциями. Так, губернатор Восточной провинции, пользуясь своей властью, заставлял банки продавать ему иностранную валюту по официальному курсу (1 долл. = 3,75 риала), а затем перепродавал ее на черном рынке, получая по 6 риалов и больше за доллар. Такие сделки совершались в тот момент, когда в банках не хватало иностранной валюты, необходимой для импорта⁴³.

В первые полтора-два десятилетия «нефтяной эпохи» резкий рост доходов правящей элиты увеличивал спрос на рабскую рабочую силу. Хотя рабство в определенной степени носило патриархальный характер, рабов часто беспощадно эксплуатировали, а в ряде случаев обращались с ними жестоко. Но по-прежнему в обычае хозяев было освобождать перед своей смертью рабов, потому что ислам считает это достойным актом, который может быть искуплением за грехи.

В 50-х годах в Саудовской Аравии продолжали существовать невольничьи рынки, аукционы, работоторговля. Большая часть рабов поступала из Сомали, Эфиопии, Судана и Французской Западной Африки. Вторым важным источником невольников был Белуджистан. Но иногда бедные арабы из «низших» племен или бедные вольноотпущенники отдавали своих детей в качестве рабов в состоятельные семьи, надеясь, что их участь будет лучше, чем полуголодное существование.

Международная борьба с работоторговлей мало затронула этот институт в Аравии. Правительство Саудовской Аравии в 1936 г. объявило нелегальным ввоз рабов или обращение в раба свободного человека под страхом тюремного заключения сроком до одного года. На практике работоторговля продолжалась. «Живой товар» привозили в Аравию главным образом во время хаджа под видом паломников⁴⁴.

Коррупция правящей знати, отказ от соблюдения, хотя бы внешне, пуританских обычаев, роскошь одежды, дворцов, автомобилей вызывали осуждение не только масс, но и части улемов — хранителей ваххабитских традиций, особенно тех, кто не находился на вершине богословской иерархии. Внедрение даже поверхностных элементов «модернизации», новых форм жизни казалось им недопустимым «новшеством» — беда. Их идеи сталкивались со взглядами группы улемов, стоявших близко ко дворцу.

Характеризуя «официальных» богословов, Г. Филби писал: «Улемы, которые несут ответственность за мораль и нравы в стране, видимо, отказались от безнадежной задачи проповедовать добродетель и разоблачать порок. Не замазаны ли их рты золотом?.. Улемы получают огромные суммы, предназначенные для распределения среди бедных и нуждающихся, а также на другие благотворительные цели». Никакая отчетность не представлялась этими «непогрешимыми духовными сановниками, никакие расписки не берутся от пользующихся пожертвованиями... Возможности для казнокрадства очевидны, — заключал Филби, — и даже ваххабитские сановники прежде всего люди»⁴⁵.

Необходимость реформ в странах Аравийского полуострова еще в 40-е годы была ясна отдельным просвещенным саудовцам, йеменцам, бахрейнцам. Об этом свидетельствует анонимная книга, выдержавшая несколько изданий в Египте, — «Аравийский полуостров обвиняет своих правителей». Но кто был ее автор и принадлежал ли он к какой-то группе с элементами политической организации, выяснить не удалось⁴⁶.

В начале 50-х годов главным образом после египетской революции 1952 г. и под ее влиянием появились зародыши нелегальной революционно-демократической организации, оппозиционной режиму. Первой такой группой, образованной на волне рабочей забастовки 1953 г., был так называемый Фронт национальных реформ, созданный молодыми саудовцами — военными, чиновниками, служащими АРАМКО, получившими кое-какое образование. Своими целями Фронт провозгласил: 1) полное освобождение страны от империалистического господства, а также от экономического засилья АРАМКО и других нефтяных компаний; 2) введение конституции, обеспечивающей выборность парламента и гарантирующей свободу печати, собраний, свободу создания партий, профсоюзов, свободу демонстраций и забастовок; 3) развитие национальной промышленности, обеспечение крестьян семенами, удобрениями и сельскохозяйственной техникой по низким ценам; 4) ликвидацию рабства; 5) пересмотр и изменение соглашений с нефтяными компаниями, чтобы обеспечить право использовать богатства страны для ее социального, экономического и культурного прогресса; 6) борьбу с неграмотностью, учреждение женских учебных заведений, расширение высшего и технического образования. Свою деятельность Фронт национальных реформ рассматривал как составную часть освободительной борьбы всех арабских народов против империализма, за сотрудничество и единство на свободной, демократической основе. В области внешней политики эта группа выступала за укрепление дипломатических, экономических и культурных отношений с арабскими странами и установление экономических связей с

социалистическими государствами, за политику позитивного нейтралитета и мирного сосуществования, против империалистических доктрин и союзов⁴⁷.

В 1956 г. саудовское правительство объявило о разгроме Фронта национальных реформ. Было арестовано несколько его членов, а также 56 молодых активистов, известных своими демократическими взглядами. Внутри страны деятельность Фронта чрезвычайно затруднилась, но его члены вели пропаганду в Египте, Сирии, Ливане, выступали на международных конференциях⁴⁸.

Одним из активных организаторов Фронта национальных реформ был лейтенант Абдуррахман аш-Шамарани, который действовал среди молодых офицеров регулярной армии. Вместе с четырьмя другими молодыми офицерами его бросили в тюрьму по обвинению в заговоре против существующего строя, а впоследствии расстреляли. Книга «Ад саудовского правления» была посвящена его памяти⁴⁹.

Антиправительственные настроения под влиянием радиопропаганды Каира нашли благодатную почву среди части офицерского корпуса, среди зарождающейся интеллигенции, студенчества и школьников.

В газетах «Аль-Фаджр аль-джадид» и «Ахбар ад-Дахран» появились статьи, прямо или косвенно критикующие правительство. Владелец и редактор газеты «Аль-Фаджр аль-джадид» Юсеф Шейх Якуб и журналист Ахмед Шейх Якуб были брошены в тюрьму, а газета закрыта. Редактора газеты «Ахбар ад-Дахран» Абд аль-Керима Джухаймана перед заключением в тюрьму подвергли публичной порке⁵⁰.

В 1956 г. впервые в истории Неджда была создана организация учащихся городов Анайзы, Бурайды, Шакры, Эр-Расса. Одним из главных ее требований была ликвидация Лиги общественной морали, созданной еще в 20-е годы, — «очага гниения, представляющего опасность для детей, которые стремятся к образованию». Учащиеся требовали унифицировать методы и программу обучения с системой просвещения в Египте и Сирии, открыть в стране высшие учебные заведения. В Бурайде произошли столкновения учащихся с ревнителями из Лиги и с полицией. Несколько десятков человек было арестовано и подвергнуто порке. Король заявил, что учащиеся «заражены коммунизмом»⁵¹.

Потребность в специалистах вынуждала правительство открывать светские школы и посылать учащихся, как правило из состоятельных семей, за границу. Многие саудовские учащиеся и студенты могли позволить себе жить за границей на широкую ногу и вести разгульный образ жизни, далекий от пуританизма ваххабитов. Но некоторые из них знакомились с новыми идеями, которые режим не мог рассматривать иначе, чем «подрывные»⁵². Под влиянием улемов, обеспокоенных отходом части молодежи от ваххабитских норм, король Сауд издал в 1954 г. специальный указ, в котором отмечалось, что молодежь интересуется светскими вопросами больше, чем религиозными, не изучает Коран. С целью поощрения религиозных чувств указ учреждал денежное вознаграждение в 2 тыс. риалов каждому, кто выучит Коран наизусть. Опасаясь, что развитие светского образования и учеба за границей приведут к появлению в стране «подрывных идей», правительство решило запретить обучение за границей. В апреле 1955 г. король издал декрет об отзыве на родину из-за границы всех саудовских учащихся под угрозой лишения их саудовского гражданства. Декрет не распространялся на студентов высших учебных заведений, изучавших инженерное дело, право и медицину⁵³. Это решение настолько противоречило потребностям страны, что в следующие годы оно на практике потеряло силу⁵⁴.

Сопrotивляясь новым веяниям, правительство и улемы обратились к испытанному оружию религиозного фанатизма. В стране оживилась деятельность Лиги общественной морали. Ей стали отпускать все больше средств⁵⁵.

Из египетской революции 1952 г., происшедшей в форме военного переворота, саудовский клан сделал для себя вывод об опасности для режима революционных настроений в регулярной армии, точнее, среди офицерства, которое поддается влиянию

антиимпериалистических и антимонархических идей. После войны упор делался на создание регулярной армии. Батальон, посланный сражаться против Израиля в 1948 г., был оставлен для военной подготовки в Египте. Американская, английская, а затем и египетская миссии обучали именно регулярную армию⁵⁶. В 50-е годы король и его окружение пришли к выводу, что тлеющий фанатизм ихванов уже не угрожал режиму, а был направлен против «новшеств» и «соблазнов и искушений современной цивилизации». Они стали уделять большое внимание бедуинскому ополчению. Авторы книги «Голоса революционеров» писали: «Правительство не верит регулярной армии, а эти племена (т. е. ихваны. — *А. В.*) будут убивать патриотов, если произойдет революция»⁵⁷.

Бедуинское ополчение стали называть Национальной гвардией, или «белой армией». Национальная гвардия была снабжена современным оружием, и ее воины — муджахиды (борцы за веру) — высоко оплачивались. Ее части были дислоцированы главным образом вблизи больших городов, в частности, в районе нефтепромыслов. В 1957 г. в Хиджазе находились отряды «белой армии» численностью 10 тыс. воинов, в Эль-Хасе — 5 тыс., на севере — 5 тыс. Штаб командования Национальной гвардией был расположен в Эр-Рияде. В Хиджазе и Неджде имелись школы для подготовки ее командного и технического состава⁵⁸.

Французский специалист по Ближнему Востоку Буйрби в книге «Аравийский полуостров» привел содержание специального приказа, изданного в 1957 г. под названием «Ихван — соперник армии». В нем говорится, что Саудовское государство будет продолжать уделять внимание созданию многочисленной регулярной армии, однако оно все же предпочитает тратить средства на части, состоящие полностью из бедуинов. Организация ихванов продолжает оставаться основной потенциальной силой армии благодаря ее религиозному характеру и верности королевской семье. Особенность организации ихванов состоит в том, что очень быстро можно собрать армию в 100 тыс. воинов⁵⁹.

Однако меры, ограничившиеся усилением вооруженных сил, не оказались достаточно эффективными для укрепления режима. Страна стояла на грани экономического банкротства. Из-за расточительности клана Саудидов и королевского двора и массового казнокрадства Саудовская Аравия задолжала к 1958 г. только иностранным банкам около 120 млн. долл. Долг государственной казны местным банкам, торговцам, предпринимателям и подрядчикам достиг сотен миллионов риалов. В течение многих месяцев чиновники не получали заработной платы и были вынуждены жить в кредит и воровать. В конце 1957 г. обеспечение риала золотом и иностранной валютой снизилось до 14%, риал обесценился приблизительно наполовину, а дефицит государственного бюджета достиг 300 млн. риалов⁶⁰.

В 1956—1957 гг. резко сократились концессионные платежи, так как для саудовской нефти были закрыты европейские рынки, а одновременно началось падение «справочных цен». Сокращение ввоза товаров, в том числе продовольственных, вызвало рост цен внутри страны. Дороговизна и недостаток валютных поступлений из-за границы привели к инфляции и валютным спекуляциям. Отсутствие валюты для закупки необходимых товаров и оборудования за рубежом поставило многих саудовских купцов и подрядчиков перед неминуемым банкротством и способствовало распространению среди них недовольства.

Некоторые из них попытались установить связи с социалистическими странами. В 1957 г. саудовский купец аль-Айаси закупил в Советском Союзе большое количество цемента. Несколько предпринимателей посетили Чехословакию, где договорились о покупке оборудования для сахарного завода, промышленных и продовольственных товаров. Но АРАМКО отказалась сотрудничать с теми купцами и предпринимателями, которые вели торговлю с социалистическими государствами, и запретила под угрозой расторжения контрактов использовать закупленный в СССР цемент на ее строительных

объектах, отданных местным подрядчикам. Правительство США оказало давление на короля, и он запретил торговлю с социалистическими странами⁶¹.

Внутренняя политика правительства породила недовольство широких слоев населения Саудовской Аравии. В стране складывались элементы революционной ситуации.

И правящий класс, и оппозиция принимали во внимание еще один серьезнейший фактор, который имел значение для судьбы режима,— революционное воздействие политической обстановки на Ближнем Востоке на ситуацию в Саудовской Аравии.

Основные направления внешней политики. Аз-Зирикли опубликовал важный секретный документ, определявший внешнюю политику Саудовской Аравии во второй половине 40-х — первой половине 50-х годов,— тайные инструкции наследному принцу Сауду перед его поездкой в США в 1947 г.

В инструкциях указывалось на «наличие многочисленных интересов и чувство общих целей, которые объединяют две страны». Эти мысли были включены в официальное письмо президенту Трумэну. Сауд должен был заверить президента и членов правительства США в решимости Саудовской Аравии «принять все меры, которые требуют добрые отношения и задачи укрепления дружбы, экономических и культурных связей».

Сауд должен был продемонстрировать «удовлетворенность Саудовской Аравии тем, что США отказались от изоляционистской политики, которой придерживались в прошлом, и ее большие надежды в связи с тем, что США стали активно заниматься политикой Ближнего и Среднего Востока». Наследный принц должен был подчеркивать в беседах с Трумэном и членами его правительства, что Саудовская Аравия «с момента своего возникновения была и остается верным другом Великобритании, хотя между двумя странами и были проблемы... Саудовцы и англичане знают друг друга, поэтому между ними взаимопонимание стало легким, хотя Англия и занимала иногда недружественную Саудовской Аравии позицию».

«Англия стремилась сохранить Ближний и Средний Восток в сфере своего политического и экономического влияния,— гласили инструкции.— Однако появление США и их активизация в этом районе вызвали английские опасения. Мы заметили после этого, что Англия отошла от своей традиционной дружеской политики по отношению к Саудовской Аравии, отказалась от своего сбалансированного курса между Саудовской Аравией и ее врагами и прямо или косвенно начала укреплять саудовских врагов».

Сауд получил указание подчеркивать необходимость взаимопонимания с США. «Мы стремимся к нему и хотели бы знать, насколько готовы США идти в этом направлении».

Седьмой пункт инструкций определял позицию Саудовской Аравии по отношению к Советскому Союзу, который якобы представлял для королевства «косвенную угрозу» из-за «прочных отношений» между коммунизмом и сионизмом и «русской пропаганды», проводимой православной церковью. «Мы выступаем против сионизма и коммунизма и считаем, что нельзя допустить, чтобы православная церковь стала средством русской пропаганды в арабских странах», — гласил документ.

Восьмой пункт инструкций касался сионизма. «Мы — арабы — мусульмане прежде всего. Евреи — враги нашей религии со времени появления ислама. Вместе с тем ислам не разделяет принципа расизма... Мы — не расисты. Мы не сопротивляемся евреям, потому что они евреи. Однако мы сопротивляемся тиранической политике, которую проповедуют некоторые евреи-сионисты. Причины нашего сопротивления этой политике многочисленны. Сионизм построен на тираническом принципе. Сионизм лицемерно утверждает, будто он построен на основе освобождения угнетенных евреев. Как же можно освободиться от угнетения, угнетая других, или ликвидировать несправедливость с помощью другой несправедливости, еще большей? Сионизм противоречит

существующим политическим интересам арабских стран. Сионизм угрожает арабским странам с военной и стратегической точки зрения».

Пункт девятый инструкций касался отношения к американскому президенту. «Первая проблема, которую мы видим,— это необходимость освободить американскую политику от влияния на нее местных еврейских элементов и от сионистской пропаганды. Второй вопрос — необходимость отличать проблему угнетенных беженцев от политического сионизма по следующим причинам: а) Палестина не может поглотить всех еврейских беженцев, и поэтому она не может послужить решению проблемы; б) нельзя заставлять какую-либо страну принимать беженцев без ее согласия; в) несправедливо то, что США отказываются принимать беженцев у себя, в то время как они настаивают на необходимости навязать их Палестине; д) проблема 100 тысяч беженцев является на самом деле не проблемой гуманности, а прикрытием для оправдания создания еврейского большинства в Палестине; е) несправедливо и неправомечно то, что американское правительство позволяет своим гражданам-евреям проводить двойственную политику, как будто они граждане двух различных государств. Они должны быть преданы только США и не должны быть американскими гражданами и сионистами в одно время».

Саудовская Аравия нуждалась в американских капиталах для развития страны. Ей был предоставлен заем в 10 млн. долл. Однако она хотела бы получить еще 25—30 млн. долл., чтобы построить железную дорогу от Персидского залива до Эр-Рияда.

Инструкции, опубликованные аз-Зирикли⁶²,— уникальный документ, подобного которому в печати не появлялось. В нем саудовское правительство совершенно ясно определяло в качестве своего конкретного внешнеполитического противника Великобританию. Долгие годы Абд аль-Азиз возглавлял государство, которое находилось в зоне безраздельного британского влияния, и, сохраняя формальную независимость, во внешней политике следовало в фарватере Великобритании. Появление могущественного конкурента Англии в лице США позволило Саудовской Аравии ослабить, а затем порвать узы зависимости от Лондона. Как считали в правящем клане Саудидов, у США не было имперского прошлого в этом районе и опора на них не должна была привести к установлению американского колониального господства.

На межарабской арене опасным противником Саудидов оставалась Хашимитская династия, правящая в Трансиордании и Ираке. За ее спиной стояла Великобритания. Планы «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца», которые вынашивались в хашимитских столицах, представляли собой угрозу для Саудовской Аравии⁶³. На Аравийском полуострове, который в Эр-Рияде считали сферой своего влияния, королевство по-прежнему полукольцом охватывали британские протектораты. Абд аль-Азиз был слишком осторожен, чтобы бросить прямой вызов Англии, но он пытался опереться против нее на США.

Антианглийский настрой внешней политики Саудовской Аравии в конце 40-х и в 50-х годах приводил ее к неожиданным политическим союзам и комбинациям. Надо учитывать, что национально-освободительное движение в арабских странах в этот период, носившее националистическую окраску, было прежде всего антианглийским. Его лидеры сначала не видели в США своего главного противника. Суэцкий кризис и провал тройственной агрессии против Египта в 1956 г.— роковая черта заката британского колониализма на Ближнем Востоке — были еще впереди. Поэтому государственные интересы правящего феодального клана Саудовской Аравии временно совпадали с национально-освободительной борьбой других арабских стран, носившей иную социальную окраску.

Антикоммунизм отвечал идеологии саудовской знати. В той форме, в какой он был принят ею на вооружение (коммунизм, связанный с сионизмом, вдобавок использующий православную церковь как орудие своего проникновения), его, видимо, сформулировали советники, окружавшие Ибн Сауда. Среди них, очевидно, имел вес тот самый Фуад Хамза, через которого Гитлер в свое время предлагал Ибн Сауду за сотрудничество и

выступление против Англии «корону правителя всех арабов». Нацистский налет на этих идеологических установках многие годы довлел над внешней политикой Саудовской Аравии. И хотя государственные интересы СССР и Саудовской Аравии в больших проблемах не сталкивались и часто совпадали, доведенные до абсурда дремучий антикоммунизм и антисоветизм ослепляли саудовских руководителей, мешали им устанавливать элементарные дипломатические связи с СССР, ослабляли независимость страны.

В палестинской проблеме на словах Саудовская Аравия занимала последовательную позицию. В беседе с Х. Диксоном еще в 1937 г. Ибн Сауд сказал, что, по его мнению, сионисты в качестве конечной цели рассчитывают захватить не только всю Палестину, но также земли вплоть до Медины, а на востоке они надеются когда-нибудь распространить территорию под своим контролем до Персидского залива⁶⁴. Сионисты пытались прийти к соглашению с королем. Одной из таких попыток было предложение Х. Вейцмана (будущего президента Израиля), полученное Ибн Саудом в 1940 г. через Г. Филби. Используя финансовые затруднения Ибн Сауда, сионистские деятели предлагали ему 20 млн. ф. ст. за то, чтобы он отказался от своей позиции в палестинском вопросе и согласился поселить в Аравии всех арабов из Палестины. Этот план был отвергнут Ибн Саудом⁶⁵. Оценки сионистского влияния в США и сионистской политики в Палестине в инструкциях Сауду порой реалистические, порой явно преувеличенные. После того как Трумэн нарушил данное Рузвельтом обещание не проводить враждебной арабам политики в подходе к палестинской проблеме, она создавала осложнения в отношениях между Вашингтоном и Эр-Риядом. Однако к судьбе Палестины и сионистской угрозе и Абд аль-Азиз, и его наследники подходили сугубо прагматически, ставя на первый план конкретные интересы правящего клана Саудидов, все прочнее связывавшего себя с США. Вместо участия в борьбе против планов сионистов, а затем израильской агрессии Саудовская Аравия «откупалась» решительными декларациями, подобными той, что приведены в инструкциях Сауду, или денежной помощью палестинцам и странам, противостоящим Израилю. Политика США на Ближнем Востоке и их взаимоотношения с Саудовской Аравией с первых же послевоенных лет осложнились американской поддержкой сионистских притязаний в Палестине, а затем агрессивного, экспансионистского курса Израиля. Уже в октябре 1945 г. президент Трумэн заявил главам американских дипломатических миссий в арабских странах, высказавших свое опасение явным креном Вашингтона в сторону сионистов: «Я очень сожалею, но я должен иметь дело с сотнями тысяч людей у себя на родине, которые заинтересованы в успехе сионизма. У меня нет сотен тысяч арабов среди моих избирателей»⁶⁶. Эти циничные слова могут быть поставлены в качестве эпиграфа к любой декларации любого американского президента по поводу ближневосточного конфликта.

В первые послевоенные годы Саудовская Аравия продолжала настаивать на американской экономической и военной помощи и получать ее. Первый заем королевству вне рамок ленд-лиза был предоставлен в апреле 1945 г. на сумму 5 млн. долл. для финансирования закупок товаров в США; второй — в августе 1946 г. на сумму 10 млн. долл. сроком на 10 лет (из расчета уплаты 3% годовых) для приобретения американских продовольственных товаров и сельскохозяйственного оборудования; третий заем — также в 1946 г. на сумму 25 млн. долл. на закупки сельскохозяйственной продукции. Саудовская Аравия добилась получения 10 млн. наличными, которые пошли на переоборудование порта Джидда и электрификацию самого города. Все эти займы были предоставлены Экспортно-импортным банком США⁶⁷.

Помимо того, в мае 1946 г. Саудовская Аравия получила заем от Управления по ликвидации излишков военного имущества США за границей на сумму 2 млн. долл. для закупки военного снаряжения в порядке коммерческого кредита⁶⁸.

К 1951 г. с американской помощью Даммам и Эр-Рияд были соединены железной дорогой. По 4-му пункту «программы Трумэна» США с 1952 г. обязались оказывать Саудовской Аравии содействие в развитии сельского хозяйства, транспорта и природных ресурсов. Эта «помощь» практически не выходила за рамки исследовательских работ, и ее масштабы были незначительными (1,7 млн. долл., по саудовским данным). К тому же большая часть средств пошла на содержание самой американской миссии. В связи с этим в 1954 г. Саудовская Аравия решила отказаться от сотрудничества с США по 4-му пункту «программы Трумэна», формально сославшись на то, что Израиль в рамках этой программы получал гораздо больше⁶⁹.

Военно-воздушная база в Дахране, сооружение которой было закончено в 1946 г., являлась основной военной опорой США в Саудовской Аравии. Соглашением от 1-8 июня 1951 г. срок аренды базы был продлен на пять лет. За это США обязались снабжать саудовскую армию современными самолетами и танками. В специальном приложении к соглашению предусматривалась подготовка американскими специалистами саудовских летчиков. Дахран стал штаб-квартирой американских советников, которые прибыли в Саудовскую Аравию в 1952 г. Они занимались в Джидде и Эт-Таифе подготовкой военно-воздушных сил Саудовской Аравии. Расширение деятельности военных специалистов означало вытеснение из Саудовской Аравии англичан, которые с 1947 г. обучали саудовских солдат⁷⁰.

Отношения с Великобританией и конфликт из-за Эль-Бурайми. Границы Саудовской Аравии с британскими протекторатами — Катаром, княжествами Договорного Омана, Оманом, аденскими протекторатами (впоследствии НДРЙ) и Йеменом в районе Руб-эль-Хали — не были определены и вызывали споры. В конце 30-х, а особенно в 40-х годах, когда большая часть Аравийского полуострова была охвачена поисками нефти, вопрос о границах приобрел особую остроту. Принадлежность тех или иных участков пустынной территории, раньше не имевшей экономической ценности, стала предметом разногласий из-за возможных запасов нефти.

В конце 40-х годов между Саудовской Аравией и Великобританией возник ожесточенный конфликт из-за группы оазисов Эль-Бурайми. На оазисы претендовали княжество Абу-Даби, султанат Маскат, находившиеся под британским протекторатом, и Саудовская Аравия.

Эль-Бурайми, состоявший из девяти поселений, охватывал общую площадь около 2 тыс. кв. км. Он традиционно был центром пересечения караванных путей на юго-востоке Аравийского полуострова и был присоединен к первому государству Саудидов в 1795 г. Саудовцы считали, что Эль-Бурайми — часть Восточной провинции и что их господство в этой группе оазисов продолжалось 155 лет. Великобритания оспаривала их утверждения, заявляя, что период саудовского господства был лишь кратким эпизодом в истории Эль-Бурайми, а принадлежал он Абу-Даби и султану Маската.

«Носы разведчиков нефти почувствовали запах нефти в районе Эль-Бурайми, — писал аз-Зирикли. — Король Абд аль-Азиз не возражал против того, чтобы геологи из АРАМКО стали искать там нефть». Это было в 1949 г.⁷¹.

От имени Абу-Даби и Маската британское правительство потребовало, чтобы поиски были прекращены «на землях, принадлежность которых не согласована». Англичане предупредили, что продолжение разведывательных работ может вызвать столкновение между Абу-Даби и Саудовской Аравией. Абд аль-Азиз решил не обострять конфликта и приказал отозвать разведчиков нефти с этих территорий, отложив работы до соглашения по уточнению границ. Геологи АРАМКО уехали. Начался интенсивный обмен нотами между британским и саудовским правительствами.

Однако в 1950 г. геологи АИНК (будущей «Бритиш Петролеум») начали проводить геологоразведку на нескольких островах, которые Саудовская Аравия считала своими. Затем они стали искать нефть на территории, принадлежность которой, по словам англичан, «не была согласована».

21 мая 1950 г. саудовское правительство заявило протест. Английский посол в Джидде 3 октября 1950 г. ответил, что британское правительство считает претензии саудовского правительства на эту территорию необоснованными ⁷².

В августе 1951 г. состоялась встреча в Лондоне между саудовской делегацией, возглавляемой министром иностранных дел Фейсалом, и английской, возглавляемой министром иностранных дел Х. Моррисоном. Было решено созвать специальную конференцию, в которой участвовали бы представители заинтересованных княжеств под председательством английского представителя, а также представители короля Абд аль-Азиза, чтобы прийти к соглашению о границах. До окончания работы конференции обе стороны согласились прекратить геологоразведочные работы, а также передвижение своих вооруженных сил в спорном районе ⁷³.

В конце января и в феврале 1952 г. намеченная конференция состоялась в Даммаме, но не привела к результатам ⁷⁴.

Ухудшение отношений между Саудовской Аравией и Великобританией стало захватывать сферы, выходящие за рамки территориального спора. В 1951 г. в Саудовской Аравии перестала действовать британская военная миссия. Небольшое число английских военных советников было направлено сюда во время второй мировой войны. Их работа оказалась малоэффективной, и их г отозвали еще до окончания войны. Английская военная миссия возобновила работу в 1947 г., чтобы подготовить 10 тыс. бедуинов для службы в частях, создаваемых по образцу трансйорданского арабского легиона. Небольшое число саудовских офицеров, преимущественно сыновья и приближенные короля, было направлено на учебу в английские военные учебные заведения. Конфликт из-за Эль-Бурайми прервал это сотрудничество. Начиная с 1952 г. американцы, заняв в Саудовской Аравии прочные экономические позиции, взяли на себя обучение саудовских военных кадров ⁷⁵.

Вскоре после неудачи конференции в Даммаме британский политический агент прибыл в Эль-Бурайми «для выполнения своих административных функций».

Губернатор Эль-Хасы получил распоряжение от Абд аль-Азиза создать гражданскую миссию и направить ее в Эль-Бурайми. Во главе миссии в качестве административного главы группы оазисов был назначен Турки ибн Утайшан. В начале сентября 1952 г. он перебрался в Эль-Бурайми и остановился в селении Хамаса вместе с группой, в которую входили писцы, технические специалисты, охранники и слуги общим числом около 40 человек. По саудовской версии, в составе миссии якобы не было вооруженного отряда. Но кроме нескольких собственных полицейских Ибн Утайшан завербовал себе в поддержку немало жителей оазиса, в том числе и вооруженных ⁷⁶.

Немедленно из Шарджи в Эль-Бурайми направился английский политический агент во главе вооруженного отряда. Он остановился в 4 км от саудовцев, а английские самолеты начали облеты Хамасы на низких высотах. Англичане потребовали от саудовского правительства удалить миссию Ибн Утайшана ⁷⁷.

Американский посол в Джидде 10 октября 1952 г. предложил посредничество, рекомендовав, чтобы стороны воздержались от провокационных действий, остались в Эль-Бурайми на существующих позициях и возобновили переговоры. Это предложение было выгодно АРАМКО, так как оставляло за саудовцами по крайней мере половину прав на Эль-Бурайми. Абд аль-Азиз предложил провести плебисцит в оазисах, но англичане отказались ⁷⁸.

В 1953 г. в район Эль-Бурайми вернулись английские геологи. Однако Абд аль-Азиз опасался выдавать американцам разрешение на поиски нефти, не желая усугублять конфликт с Велико-британией. Когда в ноябре 1953 г. король умер, Ибн Утайшан еще сидел осажденный в своем селении, а англичане интенсивно искали нефть ⁷⁹.

В июле 1954 г. представители Саудовской Аравии и Великобритании подписали в Ницце соглашение о передаче их спора на арбитражный суд, который собрался в начале 1955 г. в Женеве. В сентябре 1955 г. английский представитель в суде подал в

отставку, чувствуя, что решение суда будет не в пользу Великобритании⁸⁰. В американском сборнике «Саудовская Аравия — население, общество, культура» утверждалось, что аудовцы якобы подкупили брата шейха Абу-Даби, обещая ему крупную взятку, «если он помешает английской компании действовать на спорной территории и оставит поле открытым для АРАМКО»⁸¹.

В октябре 1955 г. в Эль-Бурайми были введены отряды из Абу-Даби и Маската под командованием английских офицеров. После символического сопротивления саудовские полицейские сдались. Их вывезли на родину через Абу-Даби и Бахрейн. Англичане утверждали, что оазис заняли не они сами, а вооруженные силы Абу-Даби и Маската. Саудовское правительство подчеркнуло, что между ним и Абу-Даби или Маскатом нет разногласий, но разногласия существуют между ним и британским правительством, и заявило протест, требуя вывести английские войска, а затем обратилось в Совет Безопасности ООН с жалобой на действия Великобритании⁸².

США в этом вопросе стали на сторону Саудовской Аравии, но, опасаясь разрастания конфликта, выступили в качестве посредника, уговорив саудовское правительство взять обратно его протест в ООН и возобновить переговоры с Англией. В мае 1956 г. в Джидду прибыл заместитель министра иностранных дел Англии, который имел несколько встреч с Фейсалом. Затем переговоры вел приехавший в Джидду английский посол. Но 9 ноября 1956 г. Саудовская Аравия разорвала дипломатические отношения с Великобританией и запретила экспортировать ей нефть из-за ее участия в тройственной агрессии против Египта⁸³. В 1960 г. миссия ООН во главе с Хаммаршельдом пыталась посредничать между двумя странами, но безрезультатно⁸⁴.

После провозглашения независимости Кувейта в июне 1961 г. это княжество оказалось под угрозой вторжения со стороны Ирака. Саудовская Аравия, поддержав Кувейт, нашла себя по одну сторону баррикады вместе с Великобританией. В Кувейт были посланы саудовские и английские войска, которые оставались там до января 1963 г. В 1964 г. Саудовская Аравия и Кувейт разделили Нейтральную зону в административном отношении, но сохранили предыдущее соглашение о равном распределении нефтяных ресурсов⁸⁵.

Саудовско-английские противоречия постепенно отступали на второй план перед общими интересами борьбы с революционным и национально-освободительным движением на Ближнем Востоке, и в Аравии в частности. В сентябре 1962 г. в Нью-Йорке на сессии ООН эмир Фейсал встретился с министром иностранных дел Англии. Они договорились восстановить дипломатические отношения и провести новые переговоры по поводу Эль-Бурайми. В июле 1963 г. посол Саудовской Аравии вернулся в Лондон. Но стоит отметить, что Саудовская Аравия восстановила отношения с Великобританией последней из ближневосточных стран, порвавших их в 1956 г.

В 50-е годы саудовско-английские отношения были осложнены событиями в Омане. Эр-Рияд стал поддерживать своих прежних врагов ибадитов, которые во внутреннем Омане пытались создать самостоятельное государство и вели с 1954 по 1959 г. вооруженную борьбу против англичан и войск султана Маската. После разгрома оманского имамата его лидеры в 1959 г. бежали в Саудовскую Аравию⁸⁶.

Ближневосточная политика. Саудовский представитель участвовал в переговорах в Египте в 1943 г. о создании региональной организации арабских стран. В Каире в 1945 г. под документами, учреждающими Лигу арабских стран, поставил свою подпись наследный принц Сауд.

Создание этой региональной организации поощрялось Великобританией, которая надеялась с ее помощью сохранить Ближний Восток в сфере своего влияния, но затем оказалась бессильной справиться с социально-политическими процессами в арабских Странах, носившими антианглийскую окраску, и национально-освободительным движением.

Не имея возможности обеспечить себе руководящую роль в Лиге арабских стран, король Ибн Сауд первое время относился к ней сдержанно. Он опасался преобладающего влияния в ней враждебной ему династии Хашимитов и одновременно был недоволен претензиями Египта на лидерство. Поэтому одним из своих условий вступления в Лигу Эр-Рияд выдвинул сохранение территориальной целостности и независимости Сирии и Ливана, в которых он видел противовес Хашимитам, а также гарантию сохранения существующих границ между арабскими странами.

Лига арабских стран первоначально состояла из Египта, Ирака, Йемена, Ливана, Саудовской Аравии, Сирии и Трансиордании. Затем к ней присоединились Ливия и Судан, позднее — все другие арабские страны. Задачи Лиги, провозглашенные при ее создании, состояли в укреплении отношений между странами-членами; в координации их политики для того, чтобы достигать сотрудничества между ними, обеспечивать их независимость и суверенитет; в совместной заботе об интересах арабских стран. Совет Лиги создал постоянную штаб-квартиру в Каире. В рамках этой региональной организации в 1946 г. было подписано культурное соглашение, а в 1950 г. — договор о совместной обороне и экономическом сотрудничестве, согласно которому участвующие в нем государства «считают какой-либо акт вооруженной агрессии, направленный против одного из них, вооруженной агрессией против всех». Это соглашение предусматривало создание постоянной военной комиссии и объединенного совета обороны.

В первые послевоенные годы Ибн Сауд рассматривал Хашимитов как своих активных противников. Естественно, что планы создания Хашимитской империи в составе Ирака, Ливана, Палестины, Сирии, Трансиордании под флагом «Благодатного полумесяца» или в несколько урезанном варианте под вывеской «Великой Сирии» вызывали сопротивление Саудовской Аравии. С подозрением к ним относились и в Каире.

Эмир Трансиордании Абдаллах продолжал надеяться на реставрацию власти семьи шерифа в Хиджазе. В 1947 г. он созвал так называемый хиджазский конгресс, который поддержал антисаудовские группировки в Хиджазе. В ответ на его действия правительство Саудовской Аравии пригрозило вновь поднять вопрос о спорных районах Акабы и Маана, которые оно считало частью Хиджаза. Абдаллах временно отказался от планов создания «Великой Сирии», сославшись на необходимость единой арабской позиции по палестинскому вопросу, и прекратил антисаудовскую пропаганду в Хиджазе⁸⁷.

За время действия мандата на Палестину английское правительство создавало там «еврейский национальный очаг». Британские власти разжигали в Палестине национальную рознь, сталкивая арабов с евреями, чтобы облегчить сохранение своего господства.

Президент Трумэн в октябре 1946 г. призвал поддержать сионистов в Палестине и разрешить въезд 100 тыс. евреев в эту страну без всяких консультаций с арабскими государствами. В письме на имя Трумэна Ибн Сауд писал: «Я удивлен заявлением президента о поддержке евреев в палестинском вопросе, так как это противоречит прежним обещаниям США»⁸⁸.

Ко времени передачи палестинского вопроса на рассмотрение ООН (1947 г.) отношения между евреями и арабами в Палестине резко обострились, но между самими арабскими государствами не было единства в вопросе о Палестине. Трансиордания претендовала на эту территорию, а Саудовская Аравия, Египет и другие члены Лиги отвергали ее притязания. Планы эмира Абдаллаха встретили активное сопротивление и США.

29 мая 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение об отмене британского мандата на Палестину и ее разделе на два самостоятельных государства. Образование государства Израиль на части территории Палестины и первые израильско-арабские войны создали принципиально новую ситуацию в регионе.

Саудовская Аравия, по существу, не участвовала в палестинской войне. Ибн Сауд выделил лишь батальон во главе с подполковником Саидом Курди-беком, который действовал в составе египетской армии.

В июне 1948 г. состоялся визит Абдаллаха в Эр-Рияд, завершившийся формальным примирением двух монархов. Однако разногласия отнюдь не были урегулированы⁸⁹.

Поражение арабских государств в палестинской войне обострило противоречия между членами Лиги арабских стран. Правительства Саудовской Аравии и Египта предложили исключить Трансиорданию из Лиги за ее планы аннексии Восточной Палестины, которые им казались первым шагом к созданию «Великой Сирии». Однако Лига действовала нерешительно. Абдаллах осмелел и в декабре 1949 г. формально присоединил арабскую часть Палестины к Трансиордании⁹⁰.

13 июня 1950 г. на сессии Совета Лиги арабских стран было выработано решение считать захват Восточной Палестины Трансиорданией временной мерой и вопрос о ее будущем пересмотреть при окончательном решении палестинской проблемы. 20 июля 1950 г. Абдаллах был убит. Ему наследовал его сын Талаль, вскоре сошедший с ума, а потом его внук Хусейн⁹¹.

Отношения между Саудовской Аравией и Египтом колебались от тесного союза до полного разрыва и военной конфронтации. В результате серьезных столкновений между египетскими паломниками и ихванами в 1926 г. египетское правительство отказалось признать завоевание Ибн Саудом Хиджаза. Египетский король Фуад восстал против себя Абд аль-Азиза, попытавшись добиться своего провозглашения халифом. Дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены лишь после смерти Фуада в 1936 г.

После второй мировой войны отношения между Египтом и Саудовской Аравией значительно улучшились. Вслед за своим государственным визитом в Египет в 1946 г. Ибн Сауд предоставил королю Фаруку годовичную субсидию примерно в 1 млн. ф. ст. В Саудовской Аравии появились египетские учителя, техники и различные советники. Египетская военная миссия была направлена в армию Саудовской Аравии⁹².

В тронной речи короля Сауда в марте 1954 г. провозглашалась необходимость сотрудничества с арабскими странами в рамках Лиги арабских стран, в соответствии с ее уставом и договором о совместной обороне. Король призывал к укреплению отношений с мусульманскими странами, обещал и далее проводить антиизраильскую политику, объявлял о стремлении улучшить отношения со всеми государствами. Однако он отметил наличие нерешенных проблем между Саудовской Аравией и «дружественным британским правительством»⁹³.

И призыв к сотрудничеству арабских стран, и традиционные громы и молнии в адрес Израиля, и антианглийский настрой саудовской политики — все это создавало базу для сближения с Египтом. Король Сауд реалистически подошел к революционным изменениям в Египте и признал новый режим. Он был первым главой арабского государства, посетившим Каир после 23 июля 1952 г. Во время своего государственного визита в Египет в марте 1954 г. он встречался с главой государства Нагибом и Гамалем Абдель Насером⁹⁴.

В начале августа 1954 г. Насер, воспользовавшись хаджем, провел переговоры с королем Саудом, который присоединился к усилиям Египта, направленным против создававшегося в то время Багдадского пакта. В феврале 1955 г. в Каире состоялось совещание министров иностранных дел арабских стран, в котором участвовал Фейсал. В опубликованном коммюнике говорилось: «Внешняя политика арабских государств основывается на уставе Лиги арабских стран, договоре о взаимной обороне и экономическом сотрудничестве между арабскими государствами, Уставе ООН»⁹⁵.

Участие Ирака и Ирана в Багдадском пакте вызвало настороженное отношение Саудовской Аравии к этому блоку. Поэтому она временно сблизилась с Египтом, Сирией, Йеменом. Утверждали, что Саудовская Аравия, как и Египет, была причастна к

волнениям, которые потрясли Иорданию зимой 1955/56 г. и привели к изгнанию командующего арабским легионом Глабб-паши и отказу Иордании присоединиться к Багдадскому пакту⁹⁶.

В противовес Багдадскому пакту президент Египта Насер стремился заключить двусторонние военные соглашения с другими арабскими странами. Пакт о совместной обороне с Сирией был подписан в марте 1955 г. Сирийская делегация приехала в Эр-Рияд, и саудовцы поддержали египетско-сирийский договор. В октябре того же года Саудовская Аравия заключила военный двусторонний договор с Египтом. Были созданы высший совет, состоявший из министров иностранных дел и обороны двух стран, военный совет и совместное военное командование. Договор был заключен на пять лет с автоматическим продлением в случае, если ни одна из сторон не заявит о прекращении его действия.

В начале 1956 г. арабские правительства отказались участвовать в пакте о совместной обороне для Ближнего Востока, инициаторами которого были Лондон и Вашингтон⁹⁷.

В марте 1956 г. в Каир прибыл король Сауд для встречи с президентом Насером. Сюда же прилетел президент Сирии Шукри Куатли. Они решили заключить пакт о сотрудничестве и братстве. Три государства с различными режимами и противоречивыми интересами согласовали свою политику на антиимпериалистической основе. В середине 50-х годов волна национализма и антизападных, прежде всего антианглийских, настроений на Арабском Востоке захлестывала некоторых феодальных правителей. 20 апреля 1956 г. имам Йемена Ахмед прибыл в Джидду, где встречался с королем Саудом и Насером. 21 апреля они подписали соглашение о совместной обороне⁹⁸.

Союз Сауда с президентом Египта Насером объяснялся и тем, что вплоть до национализации Суэцкого канала правительство Насера не выступало активно против США. Египетская политика была направлена против англичан и их сторонников в арабском мире — Хашимитов. Это согласовывалось с внешнеполитическим курсом Эр-Рияда и традиционными антианглийскими настроениями Саны⁹⁹.

В период англо-франко-израильской агрессии 1956 г. против Египта Эр-Рияд поддержал Каир и заявил о своей готовности оказать Египту военную помощь, порвал дипломатические отношения с Англией и Францией, прекратил отправку нефти в эти страны и передал Египту в качестве помощи значительную сумму денег¹⁰⁰.

Но чем дальше заходило сотрудничество Саудовской Аравии с Египтом, тем больше сомнений оно вызывало в правящем клане Саудидов, среди влиятельных богословов. Египетская радиопропаганда проникала в некоторые слои саудовского населения, среди которых антизападные, антиимпериалистические настроения сочетались с антимоноархическими. Рост популярности президента Насера в Саудовской Аравии беспокоил короля и его окружение. По сообщениям некоторых авторов, еще в мае 1955 г. в Саудовской Аравии был раскрыт заговор офицеров, ранее учившихся в Египте, с целью свергнуть режим. В нем якобы были замешаны египетские военные советники¹⁰¹. Рабочие забастовки и волнения в Дахране были слишком свежи в памяти короля и принцев. Признаки революционного брожения наблюдались в Иордании и Ираке. Эмбарго на поставки нефти в Англию и Францию ударило по государственной казне, а значит, и по личным кошелькам принцев и заставило их задуматься, стоит ли нести из-за Египта такие жертвы. Наконец, Вашингтон, видя в Египте своего главного арабского противника на Ближнем Востоке, настраивал Эр-Рияд против Каира.

После краха тройственной агрессии против Египта в Вашингтоне начали искать новые способы и методы, чтобы сбить волну национально-освободительного движения, помешать укреплению сотрудничества ряда арабских стран с Советским Союзом. Эти поиски привели к рождению «доктрины Эйзенхауэра» в январе 1957 г. В результате поражения Великобритании и Франции в тройственной агрессии против Египта на Ближнем Востоке будто бы образовался «вакуум». Доктрина провозглашала, что «вооруженные силы США будут использоваться для защиты территориальной

целостности и независимости стран, если последние будут нуждаться в помощи против агрессии со стороны любой страны, в которой господствует международный коммунизм». При этом президент США Д. Эйзенхауэр потребовал предоставления ему полномочий использовать американские вооруженные силы за рубежом без предварительной консультации с конгрессом. По сути дела, речь шла о намерении США установить свое господство на Ближнем Востоке, если надо — силой оружия, но при опоре на дружественные режимы. 9 марта 1957 г. президент США подписал одобренную конгрессом про-грамму политики США на Ближнем Востоке. «Доктрина Эйзенхауэра» примерно через год была применена на практике — американская морская пехота высадилась в Ливане ¹⁰².

Для осуществления своей политики на Ближнем Востоке Вашингтон рассчитывал использовать Саудовскую Аравию, учитывая ее экономическую зависимость от США, влияние в мусульманском мире. Президент Эйзенхауэр в январе 1957 г. пригласил короля Сауда посетить США.

В ряде арабских стран уже шли активные выступления против «доктрины Эйзенхауэра». Король Сауд по пути в США встретился в Каире с главами государств Египта, Сирии и Иордании. В совместном коммюнике они расценили «доктрину» как «развернутую программу порабощения народов, недавно ставших на путь самостоятельного развития». Они отвергли американскую теорию «вакуума» и заявили, что их страны никогда не превратятся в сферу влияния какой-либо иностранной державы. Королю Сауду было поручено передать это мнение президенту Эйзенхауэру ¹⁰³.

Однако в США король Сауд повел себя по-иному. На официальных переговорах было достигнуто соглашение о поставках Саудовской Аравии военно-воздушного, наземного, военно-морского снаряжения, подготовке ее летчиков, предоставлении техников, а также займе на 25 млн. долл. США обещали предоставить Саудовской Аравии заем на реконструкцию порта Даммама. Было решено удвоить численность 15-тысячной регулярной саудовской армии. Сауд обещал на пять лет продлить срок аренды авиабазы в Дахране и попытаться убедить другие арабские страны принять «доктрину Эйзенхауэра» ¹⁰⁴.

Но когда Сауд возвратился на Ближний Восток, он обнаружил, что выступления против «доктрины Эйзенхауэра», в том числе в самой Саудовской Аравии, усилились. Авторитет Насера был настолько высок, что с его мнением нельзя было не считаться ¹⁰⁵. 24—27 февраля 1957 г. на новом совещании глав государств Египта, Сирии, Саудовской Аравии и Иордании в Каире Сауд пытался защитить «доктрину Эйзенхауэра». Его поддержал король Иордании. Однако Насер и президент Сирии Куатли заявили, что они никогда не откажутся от проведения политики нейтралитета, так как не желают быть вовлеченными в военные авантюры Вашингтона и содействовать упрочению американского влияния в ущерб интересам арабов. Насер отметил также, что согласится принять предложение о получении Египтом американской военной помощи только в том случае, если она не будет обусловлена какими-либо политическими требованиями и если Египет сможет использовать ее по собственному усмотрению. Под давлением Насера, Куатли и общественного мнения Саудовской Аравии Сауд вынужден был отказаться от поддержки «доктрины» и присоединиться к государствам, которые вновь отвергли ее и заявили, что «защита арабского мира должна осуществляться самими арабскими странами в интересах их подлинной безопасности и вне системы иностранных союзов» ¹⁰⁶.

Вскоре после этого, 23 марта, наследный принц Фейсал дал интервью агентству МЕН, в котором заявил, что «политика саудовского правительства не изменилась со времени визита ее короля в США. Точка зрения саудовского правительства полностью согласуется со взглядами Египта по всем проблемам» ¹⁰⁷.

Однако декларации Сауда и Фейсала были скорее тактическим маневром, чтобы успокоить общественное мнение в Саудовской Аравии и других ближневосточных странах и избежать опасной для саудовского режима конфронтации с Египтом. И для

Каира и для Эр-Рияда было ясно, что временное совпадение их интересов исчезло. Еще в США при посредничестве американцев Сауд встретился с наследным принцем Ирака Абд аль-Иляхом¹⁰⁸. Прежняя династическая вражда Саудидов и Хашимитов отступала на второй план перед общими интересами самосохранения в условиях нарастающего революционного брожения на Ближнем Востоке.

В апреле 1957 г. король Иордании Хусейн удалил в отставку правительство Набулси, склонявшееся влево¹⁰⁹. Король Сауд оказал Хусейну военную и политическую помощь. Две бригады саудовской национальной гвардии, дислоцированные в Иордании со времени агрессии против Египта, были переданы в его распоряжение. Саудовское правительство перевело королю Иордании свою долю ежегодной субсидии в 30 млн. долл., установленной по соглашению между Египтом, Сирией и Саудовской Аравией в 1956 г. взамен английской «помощи», тогда как Египет и Сирия отказались платить¹¹⁰. На Ближнем Востоке шло размежевание сил, и Каир и Эр-Рияд все чаще оказывались на разных полюсах.

Вскоре после смены правительства в Иордании король Хусейн посетил Эр-Рияд, что означало дальнейшее сближение двух прежде враждебных монархий. Под влиянием США король Сауд склонялся к идее союза трех арабских монархов — королей Саудовской Аравии, Иордании, Ирака — для укрепления консервативных сил. В том же, 1957 г. Сауд посетил Ирак. Однако эта Встреча не привела к созданию официального союза¹¹¹. Сауд не решался открыто отмежеваться от Египта и Сирии, боясь серьезных последствий для своего трона. Он предпочитал в официальных заявлениях подчеркивать свою верность принципам позитивного нейтралитета и решениям Каирской конференции. В марте 1957 г. в Саудовской Аравии была арестована группа палестинцев со взрывчаткой, якобы посланных египетским правительством для взрыва дворца «Насырийя» в Эр-Рияде. Египтяне утверждали, что эти люди были направлены по согласованию с саудовцами для террористических действий против Нури Саида в Ираке. Отношения между Египтом и Саудовской Аравией резко ухудшились, и приезд египетской делегации не смягчил напряженности¹¹².

В Саудовской Аравии развернулась антикоммунистическая кампания, которой руководил пропагандистский аппарат АРАМКО. Любое проявление национально-освободительной борьбы он приписывал «мировому коммунизму». В коммюнике о пребывании специального помощника президента по осуществлению программы помощи стран Ближнего и Среднего Востока Ричардса в Саудовской Аравии весной 1957 г. говорилось о необходимости противиться «коммунистической активности»¹¹³.

В феврале 1958 г. была создана Объединенная Арабская Республика (ОАР) в составе Египта и Сирии. Это событие было крупным успехом национально-демократических сил на Арабском Востоке. В противовес ОАР Вашингтон и Лондон поощрили создание Арабской федерации из Ирака и Иордании и стали добиваться присоединения к ней других арабских стран. Но правительство Саудовской Аравии увидело в этом объединении прежнюю хашимитскую угрозу и отказалось от вступления в федерацию, заявив о своем нейтралитете по отношению к ней и ОАР.

Отношения между Саудовской Аравией и Иорданией охладилась. 8 апреля 1958 г. Эр-Рияд прекратил выплату субсидий Амману, предусмотренных соглашением от 19 января 1957 г. В ответ король Хусейн потребовал вывести саудовские войска с территории Иордании, и в мае они вернулись на родину¹¹⁴.

Все же основную угрозу своему трону король Сауд видел в ОАР. Реформы, проводимые Насером, оказывали сильное воздействие на зарождавшееся общественное мнение Саудовской Аравии. Популярность египетского президента в Саудовской Аравии росла. Опасаясь вступить в открытое противоборство с ОАР, Сауд решил прибегнуть к заговору, чтобы покончить с Насером.

Глава XVII

КРИЗИС ВЛАСТИ И ЕГО ВРЕМЕННОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ (1958—1973) НОВАЯ РОЛЬ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Борьба за власть между Саудом и Фейсалом. Первый этап: Фейсал берет власть (март 1958 г. — декабрь 1960 г.). Вскоре после образования Объединенной Арабской Республики короля Сауда публично обвинили в заговоре с целью убийства президента Насера. Абд аль-Хамид ас-Саррадж, бывший глава секретной службы сирийской армии, заявил, что ему было предложено 2 млн. ф. ст., чтобы он послал сирийский истребитель сбить самолет, на борту которого находился Насер. В прессе приводились фотографии трех чеков из Эр-Рияда на один из бейрутских банков примерно на 2 млн. ф. ст.

Оценивая самую возможность применения королем таких внешне-политических методов, авторы американского сборника «Саудовская Аравия: население, общество, культура» писали: «Во внешней политике Саудовской Аравии... убийства, ложь и предательство являются обычными. Подкуп или убийство — почти признанное оружие... Договоры подписываются и затем игнорируются без их формальной отмены. Внутренние восстания поощряются всеми конфликтующими сторонами с целью изменить внешнюю политику своих соседей»¹.

Популярность президента Насера была такой, что сообщение о саудовском заговоре с целью его убийства обострило обстановку в Саудовской Аравии, в частности в Эр-Рияде. Положение в высшей степени встревожило клан Саудидов и верхушку улемов². Как раз в это время из-за чрезмерных трат короля и его окружения и уменьшения нефтяных доходов страна оказалась в тяжелейшем финансовом положении. Совсем недавно прошли рабочие волнения в Восточной провинции. Недовольство проявляли «разночинцы» — местные чиновники, интеллигенция, кое-кто из офицеров.

Каковы были их настроения и требования, можно судить по «Посланию к королю Сауду» Насыра ас-Сайда, опубликованному в 1958 г.³. Его автор, будущий лидер Союза народа Аравийского полуострова, был одним из рабочих вожakov Восточной провинции. В 1953 г. в числе других активистов его бросили в тюрьму, освободили после забастовки, но затем выслали в Хайль. Во время посещения Саудом Джебель-Шаммара в 1953 г. Насыр ас-Сайд публично обратился к нему с призывом провозгласить конституцию, избрать парламент, ликвидировать консультативный совет, предоставить свободу организации профсоюзов. По требованию рабочих он вернулся в АРАМКО, но под угрозой физической расправы бежал из Саудовской Аравии в 1956 г. К прежним требованиям, предъявленным королю, в своем послании он добавил ряд экономических запросов рабочих, призвал предоставить широкие демократические свободы, в том числе свободу забастовок и демонстраций, печати, совести, убеждений, освободить политзаключенных, отменить варварские наказания, такие, как отрубание руки, признать свободу и равноправие шиитов, ликвидировать американскую базу в Дахране, запретить рабство, ограничить влияние семейства Ааль аш-Шейха и ликвидировать Лигу общественной морали, прекратить деятельность американских спецслужб, пропагандистских центров АРАМКО.

Опасаясь худшего, большая часть клана Саудидов и ведущие улемы стали склоняться к необходимости дворцового переворота, чтобы передать реальную власть наследному принцу Фейсалу.

Сауд засел в своем дворце «Насырийя» в Эр-Рияде, окруженный гвардией и телохранителями. Фейсал находился в пустыне, устанавливая связи с бедуинскими шейхами⁴.

Фейсал потребовал передачи себе полноты власти в качестве главы правительства и невмешательства короля в дела кабинета. Не получив ответа, он заявил об отставке⁵.

«Многочисленная королевская семья всегда была неоднородна; отдельные ее члены занимали далеко не одинаковое общественное положение и получали различное содержание из государственной казны, — писал Н. И. Прошин. — Однако трения внутри семьи при жизни Ибн Сауда не выливались в открытую вражду. Принцы боялись Ибн Сауда, ибо он мог лишить их содержания, как это он не раз делал в отношении непокорных. После смерти Ибн Сауда королевская семья распалась на различные группы, каждая из которых стремится урвать для себя самый жирный кусок из концессионных отчислений и занять важные правительственные посты»⁶.

Наследный принц Фейсал, опытный и тонкий политик, собирал вокруг себя сторонников, недовольных усилением при дворе детей Сауда, упорно создавал впечатление о нем как о некомпетентном лидере. Фейсал, давно и тесно связанный с американцами, пытался выдавать себя за сторонника реформ и сближения с президентом Насером и исподволь готовил дворцовый переворот.

24 марта 1958 г. группа принцев во главе с Фахдом ибн Абд аль-Азизом вручила королю ультиматум, требуя передать власть Фейсалу. Они также настаивали на том, чтобы казна была ограждена от расхищений, наиболее одиозные советники короля, участвовавшие в заговоре против Насера, были сняты, а братья короля Сауда уравниены в правах с его сыновьями.

Сауд попытался обратиться за помощью к американцам, но не встретил поддержки. Имея против себя большинство клана Саудидов, он не нашел опоры и в армии. В такой обстановке он был вынужден принять ультиматум принцев⁷.

Королевским декретом, опубликованным 31 марта 1968 г., председателю совета министров была предоставлена «полная ответственность в наблюдении над осуществлением всей административной власти в том, что касается внешних и внутренних, а также финансовых дел». Фейсал стал также главнокомандующим вооруженными силами Саудовской Аравии⁸.

Политическая мимикрия наследного принца, выдававшего себя за националиста и сторонника преобразований, оказалась столь успешной, что первая реакция западных средств информации на события в Саудовской Аравии была отрицательной. «Этот шаг, — писала 25 марта 1958 г. газета „Нью-Йорк Геральд Трибюн“, — представляет собой тяжелый удар по позициям Запада на Среднем Востоке». Возможно, что эта оценка была и намеренной дезинформацией. Через некоторое время государственный секретарь США Даллес заявил, что приход к власти правительства Фейсала говорит о «нормальном ходе событий», который «не вызовет изменений в саудовско-американских отношениях»⁹.

В намерениях Фейсала обманулись не только некоторые западные органы информации. Кое-какие надежды с ним связывали и представители революционно-демократической оппозиции. Фронт национальных реформ Саудовской Аравии опубликовал в Дамаске обращение к Фейсалу¹⁰, в котором содержались предложения, совпадавшие с теми, что были высказаны в «Послании к королю Сауду» Насыра ас-Сайда. Таковы были иллюзии саудовских «разночинцев» и их наивная вера в возможность реформ кланом Саудидов.

В апреле руководство Фронта национальных реформ приняло решение на базе своей организации создать новую — Фронт национального освобождения Саудовской Аравии. Вскоре эта оппозиционная организация отказалась от поддержки Фейсала и осудила его действия¹¹.

18 апреля Фейсал выступил по радио с заявлением, посвященным внешней политике. Он выразил желание установить дружбу с каждым государством, которое неввраждебно относится к правительству Саудовской Аравии, верит в позитивный нейтралитет и не входит ни в какие военные блоки (очевидно, подразумевался Багдадский пакт). В его выступлении содержались ссылки на принципы ООН и исламские законы. Затем он подчеркнул трудности во взаимоотношениях с Великобританией в результате конфликта из-за Эль-Бурайми и выразил желание улучшить отношения с Францией при

условии, что Алжиру будет предоставлена независимость. В заявлении утверждалось, что в Дахране якобы нет американской военной базы¹².

Декрет короля, опубликованный 11 мая 1958 г., частично изменил статус совета министров 1954 г., разделив прерогативы совета министров и монарха. Председатель совета министров наделялся административной властью, но носителем политической власти оставался король. В декрете ставилась задача упорядочить финансы и бороться с коррупцией. Членам совета министров запрещалось выполнять любые новые функции в правительстве или вне его без одобрения премьер-министра. Им также запрещалось присваивать прямо или косвенно государственную собственность и быть членами советов коммерческих компаний¹³.

Еще в 1957 г. Саудовская Аравия стала членом Международного валютного фонда. По совету его экспертов в июне 1958 г. Фейсал принял программу финансовой стабилизации. Она предусматривала сократить расходы государства до уровня доходов, провести реформу валютной системы, ограничить импорт продовольствием, текстилем и лекарствами. Было решено прекратить строительные работы в нескольких королевских дворцах, на год запретить импорт автомобилей. Правительство резко уменьшило расходы на экономическое развитие страны, просвещение, здравоохранение. В 1959 г. государство прекратило выделять средства на развитие промышленности и сельского хозяйства¹⁴.

Была произведена девальвация риала. Один доллар стал равен 4,5 риала, а не 3,75, как ранее. Золотое содержание риала было установлено примерно в 0,2 г. В начале 1960 г. в стране был введен единый валютный курс вместо существовавших ранее официального обменного курса и -курса «свободного рынка». Правительство ввело бумажные деньги с обеспечением в золоте и обратимой иностранной валюте, чтобы заменить «расписки паломников» и золотые деньги, которые были постепенно изъяты из обращения. Новый риал был разделен на 20 пиастров вместо 22¹⁵.

К 1960 г. золотой запас и резервы свободно конвертируемой валюты увеличились в несколько раз. Улучшение платежного баланса позволило правительству отменить в начале 1960 г. наиболее важные ограничения на импорт, обмен валюты и вывоз капиталов за границу¹⁶. Политика экономии, однако, привела к замедлению коммерческой деятельности, прекращению общественных работ, резкому росту безработицы. Убытки потерпели мелкая и средняя буржуазия, подрядчики. За «оздоровление финансов» расплачивалось население.

Король Сауд отнюдь не сложил оружия, уступив реальную власть наследному принцу. Монарх поддерживал хорошие отношения с племенной аристократией и с частью улемов, подчеркивая верность традициям и щедрой рукой раздавая подарки. Посетив летом 1959 г. Египет, король попытался отвести от себя подозрения во враждебности Насеру¹⁷.

Весь 1960 г. Сауд разъезжал по стране, иногда отсутствуя в столице по несколько недель. Он устраивал приемы для бедуинских шейхов, преподносил им подарки. В соответствии с обычной практикой «щедрых и справедливых правителей» Сауд расплачивался за бедных должников, освобождая их из тюрьмы, давал деньги на лечение. Король постоянно встречался с улемами и, как обычно, участвовал в ритуальной мойке Каабы перед паломничеством. Время от времени Сауд делал пожертвования на ремонт и строительство мечетей в Саудовской Аравии и за границей, от своего имени распределял деньги на водоснабжение селений, строительство дорог, поддержание кладбищ¹⁸.

В его руках и в распоряжении его детей по-прежнему находились значительные средства. Ближайший родственник короля — сын или брат, не имевший официального поста, получал из казны 10 млн. риалов в год, если был женат, и 2 млн., если был холост. Другие эмиры получали содержание в зависимости от степени родства с королем¹⁹.

Решающим в его борьбе с Фейсалом было появление группы молодых эмиров из клана Саудидов, находившихся под влиянием насеровской пропаганды и призывавших к реформам. Именно с ними Сауд установил связи, в осторожной форме пообещав им

поддержку. Он избегал давать конкретные обязательства, не будучи сам сторонником реформ и опасаясь оттолкнуть от себя улемов. Во время визита в Каир в мае 1960 г. принц Навваф ибн Абд аль-Азиз заявил, что «существует тенденция впервые установить в Саудовской Аравии конституционную ассамблею, подготовить первую конституцию государства, а также создать верховный суд и высшую плановую комиссию. Проблема состоит в том, как осуществить этот эксперимент»²⁰. Навваф выражал мнение группы молодых эмиров, наибольшим авторитетом из которых пользовался Таляль ибн Абд аль-Азиз.

Принц Таляль, один из младших братьев Сауда, был отделен почти дюжиной других принцев от надежды на то, что обычным порядком он мог бы стать королем. Поэтому он, исходя, как показали события, исключительно из личных амбиций, стал пропагандировать идею конституционного правления, надеясь, что с помощью реформ он приблизится к власти. В июне 1960 г. Таляль предложил установить конституционную монархию. Фейсал отверг эти предложения, оттолкнув от себя Таляля и его группу²¹.

В августе и начале сентября молодые эмиры представили королю проект конституции. Сауд отклонил его как слишком радикальный, но постарался сохранить связи с их группой²².

В мае 1960 г. Фейсал собрался на лечение в Европу и на время своего отсутствия назначил исполняющим обязанности эмира Фахда ибн Абд аль-Азиза. Сауд отказался утвердить его кандидатуру. Часть эмиров поддержала Фейсала, другая часть, в том числе Таляль и Навваф, стали на сторону короля. Фейсал не решился покинуть Саудовскую Аравию.

В ноябре 1960 г. Сауд стал требовать, чтобы Фейсал ин формировал его о заседаниях правительства, не назначал без его согласия эмиров областей, городов, селений, а также судей, не публиковал без его утверждения бюджеты, увеличил цивильный лист и выплачивал в полном размере вознаграждение его малолетним сыновьям.

18 декабря Фейсал представил королю проект королевского декрета о бюджете. Сауд отказался подписать его под предлогом, что в нем не было деталей. В тот же самый вечер, 18 декабря, Фейсал направил письмо протеста королю, в котором заявил: «Так как я не в состоянии продолжать выполнять свои функции, я прекращаю пользоваться властью, возложенной на меня, начиная с вечера сегодняшнего дня». Фейсал и его сторонники впоследствии утверждали, будто бы письмо наследного принца не было заявлением об отставке, так как это слово не было упомянуто. Видимо, Фейсал рассчитывал на отступление короля. Но Сауд решил интерпретировать слова «прекращаю пользоваться возложенной на меня властью» как отставку²³.

Второй этап: Сауд возвращается к власти (декабрь 1960 — март 1962 г.). 21 декабря король Сауд принял «отставку» Фейсала, а следовательно, и всего правительства, возложил на себя функции главы кабинета и назначил новых министров. В правительство были включены принцы Таляль ибн Абд аль-Азиз и Мухаммед ибн Сауд, занявшие посты соответственно министров финансов и обороны. Мухаммеда считали подающим наибольшие надежды сыном Сауда и возможным наследником престола. Сторонник Таляля Абд аль-Мухсин получил портфель министра внутренних дел, а Бадр — коммуникаций. Министерство нефти и минеральных ресурсов возглавил известный националист Абдаллах Тарики. Впервые в истории страны большинство министерских портфелей, хотя и не ключевых (6 из 11), было предоставлено не членам королевской семьи²⁴.

Возвращение короля Сауда к власти в декабре 1960 г. означало временное возрождение антизападных настроений периода 1954—1956 гг. Подозрительность самого Сауда по отношению к американцам сочеталась с национализмом «свободных эмиров». В марте 1961 г. Саудовская Аравия информировала США, что она не возобновит соглашения о военно-воздушной базе в Дахране, которое истекало через год. Король Сауд

заявил, что главная причина этого была помощь США Израилю. 12 апреля 1962 г. США передали базу в Дахране саудовскому правительству, которое получило один из самых крупных в мире аэропортов. Впрочем, примерно через полгода американские военнослужащие снова появились здесь в связи с событиями в Йемене²⁵.

25 декабря 1960 г. радио Мекки сообщило, что совет министров одобрил образование частично избираемого национального совета и решил составить проект конституции. Но через три дня радио Мекки опровергло это сообщение. Было ясно, что король Сауд не собирался уступать своим временным союзникам — молодым эмирам. Однако в прессе Саудовской Аравии стали появляться намеки на реформы²⁶.

Ливанская газета «Аль-Джарида» опубликовала текст «Проекта конституции», состоявшего из двухсот параграфов, который был разработан египетскими юристами по заданию Таляля и других молодых эмиров из его группы. Видимо, этот проект был специально вывезен за границу. Однако саудовский директор департамента радиовещания и печати опроверг сообщение, будто король предлагал проект конституции²⁷. В правящем клане Саудидов сложилось три центра, соперничавших в борьбе за власть. Король Сауд опирался на группу принцев и некоторых шейхов племен; эмир Фейсал пользовался поддержкой других принцев, многих улемов и влиятельного хиджазского купечества; третью группу возглавлял Таляль, которого поддерживала зарождающаяся интеллигенция — выпускники иностранных университетов и часть чиновников²⁸. Борьба внутри королевской семьи продолжала оставаться главной чертой политической жизни Саудовской Аравии весь 1961 г. Переходы из одного лагеря в другой были обычными. Абдаллах ибн Абдурахман, как и некоторые другие братья и дяди короля, вскоре принял сторону Фейсала. Из «свободных принцев» Таляль, Бадр и Абд аль-Мухсин вошли в правительство, а Фавваз стал губернатором Эр-Рияда. Навваф отказался от портфеля министра внутренних дел и остался нейтральным. Вскоре он стал главой королевского дивана²⁹.

Король учредил высший комитет планирования; первым его председателем стал Таляль. Правительство наметило увеличить число учащихся до 100 тыс., а затем до 200 тыс. В государственных учреждениях были организованы трибуналы по административным делам, которые занимались служебными преступлениями чиновников, в том числе министров. Таляль пытался ввести строгое планирование, но у него не хватило ни поддержки, ни опыта. Он слишком явно хотел усилить свою власть, что оттолкнуло от него сыновей и ближайших родственников Сауда³⁰.

Безработица в стране в 1961 г. выросла. Таляль пытался осуществлять общественные работы, чтобы увеличить занятость, но средств не хватало, а выделенные деньги разворовывались³¹.

8 июня было сформировано министерство труда, рабочих и социальных дел. Министерство пыталось ввести запрет на сверхурочные работы и ограничить наем иммигрантов³².

25 июля королевским декретом был создан высший совет обороны во главе с королем в составе заместителя председателя — министра обороны и авиации и членов — генерального инспектора армии, начальника штаба, министров внутренних дел, финансов и экономики, коммуникаций и иностранных дел. Задача совета состояла в том, чтобы вырабатывать «долгосрочную политику обороны для армии Саудовской Аравии»³³.

Вследствие роста оппозиции был издан специальный указ в защиту королевского режима, предусматривавший смертную казнь или пожизненное тюремное заключение за преступления против королевской семьи и государства. Смертная казнь угрожала тем, кто попытался бы изменить королевский режим, посягнуть на безопасность государства, вызвать раскол в рядах вооруженных сил. Тюремному заключению сроком от пяти до десяти лет подвергались лица, которые в сговоре с какой-либо иностранной державой совершили преступление против общих интересов государства или попытались подорвать экономику страны³⁴.

Группа Фейсала сосредоточила свои атаки на Таляле, избегая затрагивать короля. Тайные и открытые сторонники Фейсала внушали королю, что нововведения погубят его, предостерегали его против новых министров. Одновременно они саботировали мероприятия «свободных эмиров». В своих действиях консервативные принцы из клана Саудидов и высшие чиновники блокировались с религиозными кругами, опасавшимися, что реформы приведут к уменьшению роли улемов в стране.

Богословы во главе с муфтием Саудовской Аравии Мухаммедом ибн Ибрагимом Ааль аш-Шейхом и руководителем Лиги общественной морали шейхом Амром ибн Хасаном перешли в наступление. Муфтий направил королю письмо, в котором напоминал о своем праве знакомиться со всеми законами и распоряжениями правительства перед тем, как они войдут в силу, и выносить заключение, соответствуют ли они шариату. В частности, муфтий писал, что не согласен с законом о труде, так как он не соответствует духу ислама. По его мнению, рабочему, получившему, например, на производстве увечье, должна быть выплачена компенсация только за тот день, когда оно было нанесено, поскольку увечье — это приговор судьбы, рок. Вопреки мнению министра финансов Таляля Сауд согласился с муфтием, чтобы умиротворить улемов. Вскоре Лига общественной морали потребовала закрыть в Эр-Рияде фотографии. Король предложил правительству подчиниться Лиге. Выполнение этого приказа означало бы полный подрыв престижа правительства. Поэтому кабинет пошел на компромисс: он дал распоряжение снять вывески на фотоателье и ликвидировать их витрины³⁵.

Попытки Таляля навести порядок в финансах натолкнулись на сопротивление Сауда и придворных, которые вернулись к власти отнюдь не для того, чтобы ограничивать свои аппетиты. В своих воспоминаниях Таляль писал, что король принимал участие в спекуляциях землей, наносивших ущерб государственным финансам, захватывал долю в подрядах, сдаваемых правительством, получал большие денежные суммы по фальшивым распискам, действуя через чиновников министерства финансов. Предложение Таляля национализировать частную электрическую компанию в Эр-Рияде, чтобы получить дополнительные доходы, было отклонено Саудом. Группа Фейсала использовала эту попытку для разжигания неприязни к Талялю и другим «свободным принцам» в коммерческих кругах, распространяя слухи, будто Таляль собирается национализировать промышленные предприятия и торговые компании³⁶.

Король попытался найти компромисс с Фейсалом и решил пожертвовать Талялем.

В августе 1961 г. эмир Таляль дал пресс-конференцию в Бейруте, на которой заявил, что Сауд сформировал правительство для того, чтобы осуществлять изменения, в которых страна нуждается. Он подчеркнул, что как между членами правительства, так и между правительством и королем якобы существует гармония. Но он указал на разногласия между ним и Фейсалом.

Эмира обвинили в том, что он превысил свои полномочия, выступая от имени правительства. 11 сентября король опубликовал декрет, которым удалил из кабинета Таляля, Бадра и Абд аль-Мухсина. 16 сентября эмир Навваф ибн Абд аль-Азиз, который считался нейтральным, был назначен министром финансов и национальной экономики. Остальные посты заняли сыновья Сауда³⁷.

В борьбу между братьями вмешался еще один фактор — здоровье короля. Оно ухудшилось настолько, что 16 ноября Сауда отвезли без сознания в американский госпиталь в Дах-ране, а затем он вынужден был уехать на лечение в США³⁸. Может быть, к его отъезду были причастны и американцы, интересам которых отвечало удаление из страны неудобного для них монарха. 21 ноября перед отлетом по настоянию ведущих членов королевской семьи Сауд назначил Фейсала регентом. Фейсал воспользовался его отсутствием, чтобы расправиться со своими противниками³⁹.

В марте 1962 г. ухудшающееся здоровье короля заставило его официально сделать Фейсала главой правительства. Фейсал потребовал удалить Тарики из совета министров, и

Сауд согласился. Администрация АРАМКО торжествовала. По словам Таляля, она считала министра нефти своим врагом номер один. В докладах на имя саудовского правительства она осуждала деятельность Тарики и называла его «коммунистом»⁴⁰. Так, через пятнадцать месяцев после того, как он оставил пост руководителя правительства, Фейсал снова получил реальную власть. Колесо фортуны сделало полный оборот.

Весь остаток года Сауд находился в США, где ему сделали несколько операций.

Тальяль продолжал говорить о реформах. Он, в частности, призывал к преобразованиям в рамках шариата на основе иджтихада. (Иджтихад — вынесение отдельным лицом суждений по религиозно-правовым вопросам методом аналогии (кыяса.) Фактически это означало введение в шариат дополнительных правовых норм для регулирования новых общественных явлений). Раскрывая двери иджтихада, новые слои общества могли бы выдвигать свои требования и оформлять их правовой практикой, интерпретируя в своих интересах шариат.

Не найдя поддержки внутри страны, Тальяль и его группа эмигрировали. 15 августа 1962 г. Тальяль устроил пресс-конференцию в бейрутском отеле «Сент-Джордж». В своем заявлении, опубликованном в бейрутской газете «Аль-Анвар», он критиковал саудовский режим, хотя и не упоминал короля. Эмир заявил: «Наша цель — установить конституционную демократию в монархических рамках». Его поддержали четыре эмира — Абд аль-Мухсин ибн Абд аль-Азиз, Бадр ибн Абд аль-Азиз, Фавваз ибн Абд аль-Азиз и Саад ибн Фахд⁴¹.

Ливанское правительство, опасаясь гнева Эр-Рияда, постаралось избавиться от бунтующих принцев, и они уехали в Каир, где Тальяль встретился с президентом Насером. В Каире Тальяль опубликовал книгу, в которой защищал свои идеи конституционных реформ, провозглашая социализм главным принципом ислама⁴². Революция в Йемене временно активизировала его группу.

В конце 50-х — начале 60-х годов борьба за власть ограничивалась королевской семьей, но вместе с тем на нее оказывали воздействие различные политические тенденции. Программа группы Тальяля отражала либерально-националистические, реформистские идеи, и ее судьба показала, насколько мало эти идеи находили питательной среды в саудовском обществе.

Несмотря на то что королевская семья разрывалась противоречиями, у нее не было серьезных организованных противников. Молодое образованное поколение «разночинцев» представляло собой еще слишком малочисленную группу в Эль-Хасе и Джидде. Ее деятельность ограничивалась распространением листовок и публикацией открытых писем в иностранные газеты.

Влияние оппозиционной революционно-демократической организации Фронт национального освобождения было ограниченным. Ее требования состояли в отмене деспотической монархии и введении парламентского режима, выработке национальной экономической политики, пересмотре всех нефтяных соглашений, «позитивном нейтралитете» и отказе от сдачи в аренду базы в Дахране⁴³.

Влияние консерваторов — будь то принцы, улемы или шейхи племен — было определяющим. Например, под их давлением Сауд в сентябре 1961 г. не поехал на Белградскую конференцию неприсоединившихся стран, так как Югославия была «коммунистической и атеистической страной»⁴⁴.

28 сентября 1961 г. Сирия вышла из ОАР в результате государственного переворота. Саудовское правительство немедленно признало новое сирийское правительство. В конце 1961 г. вспыхнула затихшая было пропагандистская война между каирским радио и радио Мекки. Египетской критике подвергались деспотизм и коррупция феодального режима в Саудовской Аравии, а Мекка обвиняла Насера в том, что он вмешивается в дела других арабских стран и предает арабское дело в Палестине, «занимая мягкую линию по отношению к Израилю». Обострение отношений дошло до того, что в

1962 г. саудовское правительство отказалось принять традиционный подарок египетских мусульман — кисву (покрывало) для Каабы в Мекке⁴⁵.

Одновременно шло сближение саудовского режима с Иорданией.

30 августа 1962 г. Сауд и Хусейн встретились в Эт-Таифе и заключили соглашение о координации внешней политики, развитии экономических, военных и культурных отношений, договорились определить межгосударственные границы. Это соглашение получило название Тайфского пакта. Для всех было очевидно, что он был направлен против Египта⁴⁶.

Йеменская революция и реакция на нее Саудовской Аравии. 19 сентября 1962 г. умер имам Йемена Ахмед, и правителем был провозглашен его сын, наследный принц Мухаммед аль-Бадр. 26 сентября в Йемене произошла революция. Воспользовавшись сменой имама, группа антимонархически настроенных офицеров во главе с Абдаллахом ас-Саля-лем свергла аль-Бадра и взяла в руки власть. Новый, республиканский режим получил немедленную поддержку Египта. К началу ноября 1962 г. Йеменскую Арабскую Республику признали 26 государств.

Республиканское правительство конфисковало земельные владения, дворцы и часть другой собственности свергнутой династии Хамид ад-Динов и активных монархистов. Новый режим объявил об уравнивании в правах всех граждан ЙАР независимо от религиозной и племенной принадлежности, отменил рабство, вместо шариатских судов начал вводить гражданские, стал открывать новые общеобразовательные школы.

Революция в Йемене прозвучала грозным предупреждением для правящей королевской семьи в Саудовской Аравии. Все объективные элементы ситуации, которая привела к революционному взрыву в соседней стране, были и в Саудовской Аравии: феодально-теократический режим с его коррумпированным правящим классом, нищее и полуголодное население, только что заплатившее снижением жизненного уровня и увеличением безработицы за «упорядочение экономики и финансов» в 1958—1960 гг., и — самое главное — появление среди офицеров, чиновников, торговцев, лиц свободных профессий, рабочих, учащихся активной прослойки «разночинцев», которые восприняли идеи национального и социального освобождения в различных формах — марксистских, насеристских, баасистских — и нетерпеливо требовали перемен. Революционное брожение в арабских странах в тот период шло по восходящей.

Однако, как показали дальнейшее развитие событий и относительная стабильность саудовского режима, лишь небольшой сегмент населения стремился к переменам и еще меньший был готов к решительным действиям во имя перемен. Общество в целом как в Саудовской Аравии, так и в самом Йемене, еще не поднялось выше феодально-племенного уровня, массы предпочитали прежнее общественное устройство, довольствуясь старыми социальными институтами, шли за традиционными, а значит, консервативными лидерами, не знали и не хотели знать другой идеологии, кроме ислама в его средневековой форме. Все это облегчало и задачу самосохранения саудовского режима (при могущественной поддержке США и других западных стран), и оказание помощи монархическим силам в Йемене.

Республиканский режим в Йемене за пределами городов и некоторых шафиитских районов не имел достаточной поддержки. Саудовская Аравия дала приют имаму аль-Бадру. В пограничных с Йеменом районах собрались видные йеменские монархисты, феодалы, шейхи племен. Саудовское правительство снабжало роялистов деньгами, оружием, давало ссуды племенам, настроенным враждебно к республике, поддерживало антиреспубликанские выступления внутри Йемена.

В борьбе против ЙАР Саудовская Аравия вновь оказалась в одном лагере с Великобританией. Опасаясь воздействия Йеменской республики на Аден и протектораты, усиления влияния насеровского Египта в Аравии, британские колониальные власти поддержали монархистов. В дальнейшем на помощь йеменским монархистам пришли также Иордания и Иран.

В начале октября Египет по просьбе ас-Саляля стал перебрасывать в Йемен по воздуху и морем свои войска. 5 октября Саудовская Аравия разрешила роялистам создать правительство в изгнании в Джидде. 11 октября вице-президент ЙАР Абдурахман аль-Бейдани уже говорил о «состоянии войны» с Саудовской Аравией⁴⁷.

В октябре несколько саудовских летчиков, перевозивших военные грузы к йеменской границе, перелетели в Египет и попросили там политического убежища. Там уже находился иорданский летчик, который бежал в Египет из Эт-Таифа, куда король Хусейн направил несколько самолетов для поддержки саудовского режима. Египетская авиация бомбила скопления монархистов и наемников, собранных им на помощь. Саудовское правительство утверждало, что египетские самолеты бомбили в конце октября — начале ноября лагерь монархистов в Наджране и Джизане. Видимо, эти бомбардировки имели место, но группа иностранных журналистов, которую саудовцы перевезли в Джизан, не нашла следов бомб или ракет⁴⁸.

Один из саудовских летчиков, перелетевших в Египет, заявил корреспондентам: «В Саудовской Аравии есть подпольная организация, в которую входят офицеры и гражданские лица. Все они ожидают только подходящего случая, который, очевидно, очень скоро представится». По его словам, эта организация была создана еще до революции в Йемене⁴⁹.

После этого саудовские власти некоторое время опасались поднимать в воздух свои военные самолеты, а аэродромы стали охраняться частями Национальной гвардии.

«Высшие эшелоны саудовского общества были разделены по проблеме, нужно ли договариваться с новым режимом в Санае или поддержать имама в горах, — писал американский журналист Д. Шмидт. — Шесть членов саудовского кабинета, все те, кто не принадлежал к аристократии, подписали меморандум, рекомендуя, чтобы Саудовская Аравия признала республиканцев. Другие, возглавляемые принцем Халидом, уже помогали роялистам. Король Сауд, как обычно, колебался между активной поддержкой роялистов и осторожным признанием революционеров»⁵⁰.

В этой неопределенной ситуации наследный принц Фейсал вернулся 24 октября из Нью-Йорка, где возглавлял саудовскую делегацию в ООН, и заручился поддержкой США во время посещения им Белого дома. «Наследный принц обнаружил, что министры — не члены аристократии в кабинете, которые на деле представляли новый средний класс Саудовской Аравии, были пораженцами, — сообщал Д. Шмидт. — Имея мало веры в будущее Саудовской Аравии, в ее способность реформировать и защищать себя, они полагали, что Насеру удастся добиться успеха в его очевидной стратегии, которая заключалась в том, чтобы использовать йеменскую революцию вместе с военной угрозой и сломить структуру саудовской монархии. Это пораженчество разделяли некоторые молодые члены королевской семьи»⁵¹.

Саудовский правящий клан перед лицом опасности решил консолидировать свои ряды. Большинство принцев было настроено на то, чтобы лишить короля Сауда активной роли в политике. Он стал одиозной фигурой в результате коррупции и роскоши и одновременно дискредитировал себя перед консервативными кругами связями с реформаторами и «свободными принцами». Вашингтон также отдавал предпочтение Фейсалу, не забыв националистических высказываний и действий Сауда в первый период пребывания его у власти и в 1961 — 1962 гг. Под давлением принцев и улемов король был вынужден 25 октября 1962 г. назначить Фейсала премьер-министром и министром иностранных дел.

31 октября 1962 г. Фейсал сформировал новое правительство, а в ноябре выступил с программой из десяти пунктов⁵².

1. «Правительство его величества считает, что пришло время провозгласить основной закон управления страной, основанный на Коране, сунне пророка и деяниях правоверных халифов, — гласила программа. — Этот основной закон должен ясно выдвинуть фундаментальные принципы управления и отношений между правителем и

управляемыми, организовать различные виды власти в государстве... и декларировать основные права гражданина, включая право свободно выражать свое мнение в рамках исламской веры и общего порядка...» (Далее в туманных выражениях программа обещала «развить» консультативный совет.) «Нам помогает достичь этой высшей цели то, что основы нашего высокого шариата эластичны и развиты, они подходят для того, чтобы соответствовать всем условиям, применимы везде и во все времена в соответствии с требованиями места и времени».

2. Фейсал заявил, что правительство изучило также вопрос о системе местной администрации и обещало в скором времени издать соответствующие положения.

3. «Правительство стремится обеспечить судебным органам иммунитет и высокое положение, потому что они являются факелом права и символом справедливости», — гласила далее программа. Правительство было намерено издать положения о независимости судебных органов и создать министерство юстиции, которому будет придана генеральная прокуратура.

4. «В то время как тексты Корана и сунны определены и конечны, — говорилось в программе, — а реальности времени и новые ситуации для людей в светских делах развиваются, а не являются конечными, и, учитывая тот факт, что наше молодое государство управляется в соответствии с буквой и духом Корана и сунны, для нас стало необходимым оказывать большее внимание юриспруденции, а для наших юристов и богословов нести факелы, освещающие правильный путь, играть позитивную и действенную роль в обсуждении новых ситуаций для нации с целью прийти к решениям, основанным на шариате, в соответствии с интересами мусульман. Поэтому правительство его величества решило создать юридический совет, состоящий из 20 членов, выбранный из выдающихся юристов и богословов».

5. «Правительство полностью осознает необходимость прилагать серьезные усилия для распространения ислама, укрепления его и защиты его словом и делом».

6. Правительство решило реформировать комитеты общественной морали «в соответствии с возвышенными целями шариата и ислама».

7. Правительство заявило, что одной из его самых важных задач является «поднять социальный уровень нации», включая бесплатное медицинское обслуживание и образование, субсидии на товары первой необходимости, социальное обеспечение. «Когда государство... защитит рабочий класс от безработицы, мы достигнем социального уровня, который еще является мечтой многих цивилизованных наций мира, — утверждала программа. — Тогда мы добьемся цели подлинной социальной справедливости, без того, чтобы государство покушалось на личные свободы людей и отнимало их собственность и их права. Правительство серьезно стремится к тому, чтобы внести важные изменения в формы общественной жизни и сделать доступными средства развлечения для своих граждан».

8. «Правительство считает, что экономическое, торговое и социальное развитие, которое осуществлялось в нашем обществе в течение последних лет, во многих областях еще лишено регулирования, поэтому постепенно будет издано большое количество важных регламентов...». Для наблюдения за применением этих уставов должны быть созданы независимые органы.

9. Финансовое возрождение и экономическое развитие были объявлены «важной заботой правительства». «Правительство приняло и будет принимать важные и решительные меры, чтобы выработать программу конкретных реформ, которые поощрят постоянный экономический подъем».

10. Предусматривались абсолютная отмена рабства, его запрет и освобождение всех рабов.

Таким образом, наследный принц и премьер-министр выдвинул программу укрепления и сохранения феодально-деспотического режима без существенных изменений его основ. Туманными обещаниями выработать конституцию, основанную на

Коране и сунне, с учетом изменений в обществе, преобразовать судебную систему, Лигу общественной морали, вызывавшую осуждение многих саудовцев, новая программа правительства ставила целью сбить революционные настроения среди части населения, удовлетворить сторонников умеренных реформ. Растущему классу буржуазии глава правительства обещал ввести новое законодательство и создать «независимые органы» для наблюдения за его проведением в жизнь, а также обеспечить экономический подъем. Широким слоям населения Фейсал сулил поднять их жизненный уровень, снизить цены, предоставить различные социальные блага, гарантировать от безработицы. В соответствии с духом времени он счел необходимым ввести невинные развлечения, отойдя от жесткого пуританизма. Наконец, планировалась отмена рабства, ставшего наиболее печально известным символом саудовского режима.

Программа Фейсала никогда не была выполнена. В дальнейшем саудовские органы пропаганды и официальные издания замалчивали этот важный документ, опасаясь привлечь внимание к забытым обещаниям реформ.

Реальные меры правительства были очень ограниченного характера. 7 ноября 1962 г. была декретирована отмена рабства. Правительство обязалось выплачивать 700 долл. за раба, 1 тыс. долл. за рабыню. К 7 июля 1963 г. общее число рабов, за которых владельцы потребовали компенсацию, составило 1682. Правительство Саудовской Аравии выкупило их и отпустило на свободу. Остальные рабы после истечения срока выплаты компенсации (7 июля 1963 г.) автоматически считались свободными. Основная часть выкупленных рабов принадлежала королевской семье. «Большинство рабовладельцев пренебрегли предложением правительства, так как сумма выкупа была вдвое ниже рыночной стоимости раба»⁵³, — писал журнал «Ньюсуик».

Рабы, отпущенные на свободу, как правило, вынуждены были оставаться у прежних хозяев, так как им было трудно найти занятие в стране с большим числом безработных, или оставались без средств к существованию⁵⁴.

Фейсал и его окружение или сами или по совету американских экспертов пришли к выводу о необходимости более активного вмешательства правительства в хозяйственную жизнь. Речь шла об образовании госсектора в экономике.

Декретом от 22 ноября 1962 г. при министерстве нефтяной и горнорудной промышленности была создана Генеральная организация по вопросам нефти и минеральных ресурсов (ПЕТРОМИН) во главе с министром нефтяной и горнорудной промышленности. В ее задачи входили добыча, транспортировка и сбыт как нефти, так и других минеральных ресурсов. С этой целью должны были создаваться компании или сама организация должна была вкладывать капитал в уже созданные компании. На ПЕТРОМИН было возложено и развитие нефтехимической промышленности на природном газе⁵⁵.

В начале 1963 г. были опубликованы положения о промышленном и сельскохозяйственном банках Саудовской Аравии. В бюджете на 1962/63 г. предусматривалось значительное увеличение ассигнований на образование и здравоохранение⁵⁶.

В своей речи в Эт-Таифе 5 сентября 1963 г. Фейсал перечислил проекты, которым правительство было намерено уделять первостепенное внимание: развитие телефона, дорог, аэропортов, поселение бедуинов на землю, уменьшение цен на воду, создание металлургического комбината, нефтеперерабатывающего завода в Джидде, фабрики бумаги и пульпы, исследование и начало разработки других минеральных богатств, открытие колледжа нефти и минералов, уменьшение цен на электричество⁵⁷.

Главой комиссии по разработке проекта декрета об образовании министерства юстиции и других юридических учреждений был назначен представитель семейства Ааль аш-Шейх, а ее членами — принцы королевской семьи⁵⁸.

Конец двоевластия. Фейсал — король. Объявив с 1 января 1963 г. военное положение, правительство Фейсала начало расправляться с оппозицией. Был арестован

реформистски настроенный деятель шейх Абд аль-Азиз Ааль Муаммар — бывший посол Саудовской Аравии в Швейцарии, брошены в тюрьмы ряд офицеров парашютных подразделений по обвинению в заговоре против режима. Но за границей Фронт национального освобождения активизировал свою деятельность⁵⁹.

Осенью 1962 г. Сауд уехал на лечение в Европу, и Фейсал стал энергично прибирать власть к рукам, назначив одного своего сводного брата Абдаллаха командующим Национальной гвардией, другого — губернатором Эр-Рияда. Премьер-министр уменьшил денежное содержание членам королевской семьи на 20%⁶⁰.

27 апреля 1963 г. Сауд вернулся в Эр-Рияд, но оказался изолированным. 39 его братьев предъявили ему ультиматум, потребовав передать реальную власть Фейсалу, хотя и остаться королем. Сауд покинул страну.

После вторичного отъезда короля Фейсал снял всех его сыновей с важных правительственных постов и заменил их тремя; своими братьями — принцами Халидом, Фахдом и Султаном, а также дядей — принцем Мусаидом ибн Абдуррахманом, который был предан ему. Затем наследный принц удалил из столицы большую часть королевской гвардии. Она состояла из трех батальонов, оснащенных танками и зенитными орудиями, большинство ее офицеров прошли обучение в США. Солдаты королевской гвардии получали высокое жалованье, дома с земельными участками, ссуду для обзаведения жильем. Фейсал перебросил два батальона королевской гвардии (пехотный и бронетанковый) на юг страны, к саудовско-йеменской границе и включил их в состав регулярной армии⁶¹.

Королю Сауду было разрешено возвратиться на родину при условии, что он не станет вмешиваться в дела страны. Король вынужден был согласиться и 13 сентября 1963 г. вернулся в Саудовскую Аравию⁶².

22 марта 1964 г. Сауд предпринял отчаянную попытку вернуть контроль над государством, потребовав передать ему всю исполнительную власть. Фейсал отказался и мобилизовал себе в поддержку Национальную гвардию. 25 марта великий муфтий рекомендовал Сауду согласиться с требованиями наследного принца. Король отказался, рассчитывая на поддержку оставшихся в его распоряжении подразделений королевской гвардии. Тогда Фейсал приказал Национальной гвардии окружить дворец. Силы были слишком неравными. Королевская гвардия капитулировала⁶³.

29 марта улемы издали фетву, поддержанную членами королевской семьи, о передаче всей полноты власти Фейсалу, оставляя за Саудом титул короля. Улемы подчеркивали, что это решение якобы было вызвано плохим здоровьем Сауда⁶⁴.

Вслед за фетвой улемов совет министров серией решений 28—30 марта отнял у короля Сауда контроль за королевской гвардией, так же как и за его личной гвардией, передав эти подразделения соответственно министерствам обороны и внутренних дел. Совет министров ликвидировал двор Сауда, уменьшив вдвое ежегодное содержание монарха — до 183 млн. саудовских риалов (4,5 риала = 1 ам. долл.). Сауд уже не мог руководить делами государства, все королевские prerogatives были переданы наследному принцу Фейсалу. 68 принцев королевской семьи подписали заявление, поддерживающее передачу власти Фейсалу⁶⁵.

События марта 1964 г. были повторением дворцового переворота 1958 г. с той разницей, что на этот раз Сауд попытался оказать небольшое сопротивление и потерпел неудачу.

Летом 1964 г. Фейсал начал готовить почву к окончательному свержению с трона своего сводного брата. 24 октября он покинул Джидду и направился в Эр-Рияд, встречаясь по дороге с бедуинскими вождями. Принцы, шейхи племен и улемы собрались в столице. Они предложили Сауду отречься от престола и отказаться от политической деятельности. Но Сауд и некоторые из его сыновей пытались собрать сторонников.

28 октября ведущие улемы собрались в доме великого муфтия Саудовской Аравии Мухаммеда ибн Ибрагима Ааль аш-Шейха, а затем провели совещание вместе с принцами

в отеле «Сахара» в Эр-Рияде. Всего в совещаниях, по данным де Гори, участвовало примерно сто принцев и 65 улемов — вся верхушка саудовской политико-религиозной иерархии⁶⁶.

2 ноября совет министров одобрил два решения: фетву улемов, провозглашавшую королем Фейсала, и письмо, подписанное всеми членами королевской семьи, с клятвой верности Фейсалу в качестве монарха. Новому королю присягнули члены консультативного совета и представители важнейших провинций. Члены кабинета во главе с Халидом отправились к Сауду, чтобы передать ему это решение. 4 ноября Национальная гвардия присягнула Фейсалу. Сауд еще колебался, надеясь на чудо. Ему пригрозили лишить имущества и посадить под домашний арест, если он будет упорствовать. Тогда король подписал отречение. В январе 1965 г. он покинул страну, присягнув перед отъездом своему брату. В марте 1965 г. Фейсал назначил нового наследного принца — своего сводного брата принца Халида⁶⁷.

Период шестилетней борьбы за власть, раздиравшей клан Сау дидов, окончился. В первый же год правления Фейсал объединил посты короля и премьер-министра, принял на себя реальную исполнительную власть, назначал, освобождал и принимал отставку министров. Все министры стали непосредственно подчиняться королю, который приобрел практически столь же большую власть, какая была у его отца Абд аль-Азиза.

Оппозиция в 60-к — начале 70-х годов. Йеменская революция и египетско-саудовская конфронтация временно активизировали группу эмира Таляля.

23 октября 1962 г. он объявил о создании Арабского фронта освобождения и огласил его программу. По его словам, новая организация будет вести борьбу за установление в Саудовской Аравии демократического режима и ликвидацию в ней рабства, добиваться пересмотра соглашений о нефтяных концессиях, чтобы оградить интересы страны и создать национальную компанию по добыче нефти, бороться за единство арабских народов против империалистических пактов и военных баз. Многие его требования были учтены принцем Фейсалом и нашли отражение в его программном заявлении.

В состав так называемого «политбюро» Фронта вошли эмиры Бадр, Саад, Фавваз, видный коммерсант Мухаммед Ахмар Ибрагим, бывший диктор радио Сауд ибн Иса, бывший руководитель администрации по вопросам труда в Эр-Рияде Дайхан Абд аль-Азиз, бывший министр здравоохранения Хасан Насиф, шейх племени хувайтат Ибрагим Абу Такиха, шейх племени атия Салим Абу Дамик. Остальные шесть членов «политбюро» якобы находились в Саудовской Аравии, и их имена не указывались⁶⁸.

В начале 60-х годов в Каире организационно оформилась другая оппозиционная группа — Федерация сынов Аравийского полуострова (позднее — Союз народа Аравийского полуострова). Во главе ее стал Насыр ас-Сайд, бывший рабочий АРАМКО. Организация заявила, что является «представителем всех отрядов трудящихся», включая «крестьян, рабочих, студентов, служащих, солдат, офицеров и врачей». Она распространяла в Джидде, Эр-Рияде и Мекке антимонархические листовки. В своих выступлениях по каирскому радио эта организация призывала ликвидировать саудовскую монархию и создать «национальную ассамблею, в которой были бы представлены все слои народа», высказывалась в поддержку Насера, осуждала иорданского короля Хусейна⁶⁹.

После революции в Йемене руководство Союза народа Аравийского полуострова переехало из Каира в Сану. Эта организация учредила Верховное командование для практических действий в Саудовской Аравии. В него вошел и Насыр ас-Сайд⁷⁰. Естественно, что группы Таляля (либеральные феодалы и торговая буржуазия) и Насыра ас-Сайда («разночинцы») были разными по социальному составу, политическим устремлениям, методам борьбы. Они подвергали друг друга взаимным нападкам. Что касается Фронта национального освобождения, то он пытался объединить оппозиционные силы и в декабре 1962 г. слился с Арабским фронтом освобождения. Новая организация

получила название Арабский фронт национального освобождения. Его генеральным секретарем был избран Таляль. Арабский фронт стал публиковать свои материалы в ливанской газете «Аль-Кифах» под рубрикой «Саут аль-Джабха» («Голос Фронта»). Его программа содержала, в частности, требования конституционно-демократической формы правления; выборности органов власти; свободы мысли и слова; свободы собраний и создания политических и профсоюзных организаций; права трудящихся на забастовки и демонстрации; коренной перестройки правительственного аппарата; развития просвещения, борьбы с неграмотностью; обучения женщин наравне с мужчинами; индустриализации страны; распределения свободных земель среди крестьян; развития здравоохранения и обеспечения медицинским обслуживанием всех граждан; кооперирования в сельском хозяйстве; улучшения средств сообщения, укрепления армии и оснащения ее новейшим оружием; пересмотра соглашений о нефти в интересах Саудовской Аравии и создания национальной компании для добычи и переработки нефти; защиты арабского единства; борьбы против империалистических союзов и военных баз; проведения политики позитивного нейтралитета и мирного сосуществования; установления дипломатических и экономических отношений со всеми странами⁷¹.

Однако в августе 1963 г. группа Таляля вышла из Арабского фронта национального освобождения; с тех пор он снова стал называться Фронтом национального освобождения. Отношения «свободных эмиров» с президентом Насером ухудшились, в особенности после того, как йеменская радиостанция начала призывать к «убийству всех членов королевской семьи Ааль Саудов без исключения». В августе 1963 г. в Бейруте Таляль заявил, что он и остальные принцы будут искать согласия с королем Саудом и наследным принцем Фейсалом. В феврале 1964 г. Таляль сказал, что он был «совершенно неправ», критикуя внутреннюю и внешнюю политику саудовского правительства, намекая на свое разочарование Египтом. Таляль обещал «хорошо вести себя» в будущем и выразил восхищение реформами Фейсала. В феврале 1964 г. Таляль вернулся в Эр-Рияд, куда в январе уже прибыли его братья⁷². Фронта «свободных эмиров» кончилась. Больше об их политической деятельности ничего не было слышно.

Внутри страны организованной революционно-демократической оппозиции не удалось добиться успеха. В декабре 1962 г. были арестованы 40 молодых офицеров, планировавших переворот. В феврале 1963 г. саудовские органы безопасности раскрыли новую группу, объединявшую патриотов⁷³.

В 1962—1966 гг. в стране происходили рабочие волнения. В 1962 г. египетские наборщики в Джидде бросили работу, протестуя против нападков на Египет. В 1963 г. саудовцы и бахрейнцы провели забастовку у одного из подрядчиков в Восточной провинции, но он использовал штрейкбрехеров из Ирака и Иордании.

В том же году произошла стачка на цементной фабрике. Полиция пригрозила локаутом, и забастовщики были вынуждены вернуться на свои рабочие места. Нефтяники Нейтральной зоны провели забастовку, требуя уменьшить рабочую неделю с 48 до 40 часов. В 1964 г. рабочие АРАМКО организовали бойкот кафетериев и продовольственных лавок компании и провели демонстрации. В 1966 г. 900 рабочих АРАМКО, несмотря на изданный в 1965 г. декрет, запрещающий любые рабочие союзы и ассоциации и даже коллективные договоры, продемонстрировали свою организованность, направив в бюро жалоб при совете министров петиций со своими экономическими требованиями⁷⁴.

Однако все эти выступления не носили массового характера. Вплоть до начала 1967 г. не было признаков того, что саудовский режим подвергался какой-либо серьезной опасности со стороны нелегальной оппозиции. Время от времени власти объявляли об арестах отдельных лиц по обвинению в «подрывной деятельности» или «членстве в тайных организациях, действующих против режима». В декабре 1965 г. министерство внутренних дел объявило об аресте 65 человек, подозреваемых в «подрывной деятельности», 34 было предъявлено обвинение «в членстве в тайной организации, которая уклонилась от праведного пути с целью нарушить безопасность страны». После того как

подсудимые письменно заявили о признании своей вины и обратились с просьбой об амнистии, король освободил их, но запретил находиться на государственной службе, а иностранцев выслал. Вторая группа состояла из 31 человека, обвиняемых в «коммунизме» и в следовании «разрушительным принципам». 19 из них были приговорены к заключению сроком от 5 до 15 лет⁷⁵.

Из оппозиционных организаций, действовавших в Саудовской Аравии в 1966—1967 гг., сохраняли жизнеспособность Союз народа Аравийского полуострова и Фронт национального освобождения. Появилась другая группа — Народный фронт освобождения Аравийского полуострова. Саудовские органы безопасности производили сотни арестов, в том числе йеменцев и палестинцев⁷⁶.

9 января 1967 г. было объявлено об аресте «подготовленных саботажников». Их обвинили в организации взрывов во многих правительственных учреждениях, в том числе в министерстве обороны, в здании американской военной миссии и во дворцах эмиров, на военной базе около йеменской границы. Утверждали, будто бы «саботажники» были не саудовские граждане, а те, кого забросили из республиканского Йемена. В марте 17 арестованных были публично обезглавлены в Эр-Рияде, более 600 йеменцев высланы из страны⁷⁷.

В декабре 1966 г. бывший король Сауд переехал из Европы в Каир, и скоро стало ясно, что он не оставлял надежд вернуть трон с помощью... президента Насера. По иронии судьбы раньше он был яростным противником египетского президента, его обвиняли в организации заговора с целью убийства Насера. Сауд в серии передач по каирскому радио называл Фейсала «агентом империализма», обвинял его в том, что «он стал союзником колониализма против своих арабских братьев». Утверждение Сауда, будто он надеется вернуться в страну «любой ценой», заставляло предполагать, что он планирует военное вторжение в Саудовскую Аравию с помощью верных ему племен.

В апреле 1967 г. Сауд прибыл в Сану с трехдневным визитом. Президент ас-Саляль приветствовал его как «законного короля Саудовской Аравии». После израильской агрессии в июне 1967 г., когда произошло египетско-саудовское сближение и было решено прекратить военные действия в Йемене, кампания Сауда была оборвана, и в сентябре он выехал в Европу. Однако в ноябре он вернулся в Египет, но о его политической активности ничего не известно вплоть до его смерти в феврале 1969 г.⁷⁸.

Во время июньской войны в Рас-Таннуре и Дахране прошли антиизраильские и антиамериканские демонстрации. Демонстранты в Дахране напали на консульство США. После этого были произведены аресты, а по некоторым данным — убийства арестованных. Из страны были изгнаны сотни палестинцев. В конце июня арабские служащие АРАМКО провели частичную забастовку, которая продолжалась несколько дней⁷⁹.

В 1968 г. временно ослабела внутренняя и внешняя оппозиция королю Фейсалу. Египетские войска были выведены из Йемена, и в обмен на финансовую и другую поддержку Саудовской Аравии Египет фактически отказался от поддержки оппозиции внутри королевства.

В правящем клане политика постепенных и осторожных перемен, проводимая королем Фейсалом, вызывала недовольство одновременно у тех, кто считал, что перемены слишком либеральны и динамичны, и у тех, кто находил их слишком медленными и нерешительными. Обе эти точки зрения имели защитников среди принцев, что приводило к трениям, вызванным личным соперничеством. Определенную напряженность в королевской семье вызывало слабое здоровье короля Фейсала и подспудная борьба за потенциальное политическое наследство. В октябре 1970 г. ему сделали в Женеве операцию. Естественно, что состояние его здоровья ставило вопрос о том, какая группа принцев окажется наверху в случае его смерти или отхода от дел. Третьим человеком в клане после наследного принца Халида стал Фахд ибн Абд аль-Азиз из могущественной группы братьев Судайри. Но король Фейсал оставался хозяином положения в королевстве в целом и в королевской семье⁸⁰.

Несколько революционно-демократических организаций подпольно действовали в Саудовской Аравии в конце 60-х — начале 70-х годов — Фронт национального освобождения Саудовской Аравии, Союз народа Аравийского полуострова, а также новые группы — Революционная неждийская партия, объявившая о намерении вести борьбу с «реакционной правящей кликой», Национально-демократический фронт Саудовской Аравии, образованный бывшими баасистами и наееристами. Центры их деятельности были за пределами королевства, но они, возможно, имели активных членов внутри страны⁸¹.

5 июня 1969 г. большая группа саудовских офицеров, многие из которых служили в ВВС, организовала заговор с целью совершения государственного переворота. Офицеры якобы собирались убить короля Фейсала, его брата эмира Султана — министра обороны и авиации, захватить столицу. Согласно ряду источников, в раскрытии организации революционных офицеров участвовало американское ЦРУ. Органы безопасности арестовали несколько сот офицеров, в основном в званиях ниже майора. По сообщению Союза народа, среди них был полковник Дауд ар-Руми, начальник дахранской базы, и командующий дахранским округом Саид Омари, которые умерли под пытками. Были также схвачены связанные с революционными офицерами рабочие нефтяной промышленности, чиновники, банковские служащие. Среди арестованных оказались йеменские рабочие, палестинские техники. Фронт национального освобождения сообщил, что 40 человек, обвиненных в попытке переворота, были казнены в августе⁸².

В месяцы, которые последовали за раскрытием заговора, за пределами королевства публиковались постоянные сообщения о массовых арестах, расстрелах и пытках арестованных. Еще несколько попыток переворота, по данным прессы, якобы произошли в сентябре 1969 г., ноябре 1969 г., в апреле — мае 1970 г., июле 1970 г. Возможно, что утверждениями о «попытках переворота» власти оправдывали репрессии⁸³. По оценкам саудовских эмигрантов, в 1973 г. в тюрьмах королевства находилось примерно 2 тыс. политических заключенных⁸⁴.

Ливийская революция в сентябре 1969 г. очень обеспокоила правящий клан, так как социально-политические условия в обеих странах были схожими. Саудовский режим еще больше внимания стал уделять укреплению вооруженных сил, в частности ВВС и Национальной гвардии, системы безопасности, разделенной на контрразведку и департамент общей безопасности. Контроль над всеми органами безопасности осуществлял второй заместитель премьера и министр внутренних дел Фахд. Армия была разбросана по стране, и ей никогда не позволяли концентрироваться вокруг главных центров. После 1962 г. пилотов ВВС стали подбирать из королевской семьи и других феодальных кланов. Но попытка переворота в июне 1969 г. показала, что эти шаги не дали ожидаемого эффекта⁸⁵.

Фейсал продолжал принимать меры для дальнейшего экономического развития, включая разработку пятилетнего плана, одобренного в конце 1970 г. Улучшились коммуникации и связь, получили дальнейшее развитие радиосеть и телевидение. Продолжалось осуществление проектов оседания бедуинов на землю, расширялась сфера социальных услуг, здравоохранения и образования⁸⁶. Как и в предыдущие годы, все реформы осуществлялись постепенно и осторожно, и их проводили таким образом, чтобы уменьшить оппозицию со стороны улемов и традиционной части саудовского общества.

События в Йемене переросли местные рамки. В них оказались вовлечены два главных антагониста на ближневосточной арене в 60-е годы — Египет и Саудовская Аравия. Если учитывать, что поддержку ОАР оказывал Советский Союз, а Саудовской Аравии — США и Англия, то события в Йемене при всей их локальной ограниченности приобретали международное значение.

Саудовско-египетская конфронтация в связи с войной в Йемене. С началом йеменских событий Эр-Рияд обратился за помощью к Вашингтону. Президент США Дж. Кеннеди в письме, адресованном премьер-министру Фейсалу после его прихода к власти,

отмечал, что «Саудовская Аравия может рассчитывать на США в деле сохранения безопасности и целостности королевства»⁸⁷. 16 ноября 1962 г. над Эр-Риядом, Джиддой и Дахраном американцы провели демонстративные полеты своих истребителей.

19 ноября ЙАР и ОАР заключили Пакт об обороне. Египет стал оказывать все возрастающую военную и экономическую помощь республиканцам. Интересно отметить, что и ОАР и Саудовская Аравия считали юридической основой для помощи соответственно и республиканцам и монархистам Пакт о совместной обороне между Египтом, Саудовской Аравией и Йеменом, подписанный в Джидде в 1956 г.⁸⁸.

1 января 1963 г. премьер-министр Фейсал объявил о всеобщей мобилизации. 3 января он заявил по радио, что мобилизация направлена против республиканского правительства Йемена. Одновременно правительство Саудовской Аравии обратилось к США с просьбой о помощи. В начале января 1963 г. США объявили об отправке своих военных кораблей и самолетов в Саудовскую Аравию⁸⁹.

Несколько позднее правительство США согласилось помочь Саудовской Аравии в создании системы противовоздушной обороны вдоль йеменской границы близ Недждрана. 6 февраля начались совместные учения американских и саудовских парашютистов в районе Джидды. В них участвовали 100 американских парашютистов, прибывших из ФРГ⁹⁰.

Гражданская война в Йемене и конфликт между Саудовской Аравией и Египтом все разрастались. Саудовцы финансировали монархистов и поставляли им оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Египет в декабре довел численность своих войск в стране до 13 тыс., а к февралю 1963 г.—до 20 тыс., послал в Йемен врачей, учителей, агрономов, техников⁹¹.

27 ноября 1962 г. президент США Дж. Кеннеди направил премьер-министру Саудовской Аравии Фейсалу, королю Иордании Хусейну, президенту ОАР Насеру и президенту ЙАР Абдаллаху ас-Салялю послания, в которых высказал свои соображения о путях разрешения йеменского конфликта. Имама и его окружение президент США игнорировал. Кеннеди предлагал ОАР вывести из Йемена все вооруженные силы, а Саудовской Аравии, Иордании, шейхам и султанам Федерации Южной Аравии (созданной англичанами на месте протекторатов Южного Йемена) — прекратить помощь монархистам. В тот же день Фейсал отклонил предложение Кеннеди. 28 ноября 1962 г. президент Гамаль Абдель Насер также отклонил предложение Кеннеди, заявив, что он согласится вывести египетские войска с территории Йемена только тогда, когда убедится в том, что опасность, угрожающая республиканскому Йемену, миновала. Лишь президент ЙАР ас-Саляль одобрил инициативу Кеннеди⁹².

В Вашингтоне, видимо, решили, что в конечном счете дело монархистов безнадежно. 14 декабря 1962 г. правительство ЙАР заявило, что закрывает посольства и дипломатические миссии всех стран, не признавших республику. 19 декабря 1962 г. государственный департамент официально заявил о признании Соединенными Штатами республиканского Йемена⁹³. Бывший британский верховный комиссар в Адене К. Треваскис считал, что одной из причин этого шага Вашингтона было нежелание обострять отношения с ОАР⁹⁴; это же подтверждает историк президента Дж. Кеннеди А. Шлезинджер⁹⁵.

В начале 1963 г. йеменские республиканцы и поддерживавшие их египетские войска вели ожесточенные бои с монархистами и наемниками, вторгнувшимися из Саудовской Аравии и английских протекторатов Южного Йемена. Созданные с помощью Саудовской Аравии и отчасти Англии отряды монархистов насчитывали в то время примерно 40 тыс. человек. На саудовской и южнотийеменской территории они располагали базами снабжения и военными лагерями. Все же в феврале — марте 1963 г. египтяне и республиканцы освободили от монархистов города Мариб и Хариб на востоке Йемена. Однако отряды монархистов постоянно просачивались на йеменскую территорию через горы и пустыни. В горах ЙАР мятежники создали районы, полностью находившиеся под

их контролем. Гражданская война в Йемене фактически переросла в войну ОАР с Саудовской Аравией и истошала обе стороны⁹⁶.

«Если мы внимательно исследуем четырехлетний период, то обнаружим конвульсивные усилия обеих сторон вырваться из тупика, — писал Д. А. Шмидт. — Первое из этих усилий было сделано египтянами в феврале и марте 1963 г., во время так называемого „наступления в рамадан“, когда они смогли захватить Джауф в Северо-Восточном Йемене и Мариб и Хариб в восточной части страны. Второе усилие, сделанное роялистами, последовало за периодом развода войск. В январе и феврале 1964 г. роялистам удалось на несколько недель перерезать главную артерию египетской армии — дорогу из Саны в Ходейду...

Третье усилие начали египтяне этим же летом, сконцентрировав войска на северо-западе, где в августе — сентябре прошла самая большая из всех наступательных операций — в районе Харада. Ее целью было закрыть границу с Саудовской Аравией, захватить или убить имама. Но ни одна из этих целей им не удалась. Тем временем роялисты создали на севере и северо-востоке условия для своего самого большого наступления, сделав четвертое усилие за четырехлетний период. После полного срыва соглашения в Александрии между королем Фейсалом и президентом Насером республиканцы потерпели поражение, которое привело к Джид-динскому соглашению в августе 1965 г. и выводу египтян из Северного и Восточного Йемена»⁹⁷.

Весной 1963 г. Эр-Рияд и Каир договорились о целесообразности прекращения военных действий на территории Йемена и разъединении сил. В апреле 1963 г. ОАР, Саудовская Аравия и ЙАР согласились допустить в Йемен наблюдателей ООН. В июле 1963 г. подразделения «голубых касок» прибыли в Северный Йемен и создали несколько контрольных пунктов в ряде районов. Воздушные и наземные патрули войск ООН обследовали пограничные районы⁹⁸. Впрочем, их эффективность была минимальной.

В начале марта 1964 г. делегации ОАР и Саудовской Аравии договорились о встрече премьер-министра Фейсала с президентом Насером для выработки конкретного плана прекращения войны в Йемене. Намеченная на апрель встреча была отложена из-за обострения борьбы за власть между Фейсалом и Саудом. ОАР настаивала, чтобы Саудовская Аравия признала ЙАР и прекратила помощь йеменским монархистам, после чего последовал бы вывод египетских войск из Йемена. Саудовская Аравия продолжала признавать законным правителем Йемена имама аль-Бадра, оттягивая начало официальных переговоров, которые означали бы признание ее участницей йеменского конфликта, и настаивая на предварительном безоговорочном выводе всех иностранных (т. е. египетских) вооруженных сил из Йемена. Саудовская Аравия не включала в их число отряды наемников, действовавших на стороне монархистов и формально не входивших в состав армии какого-либо государства. В этой обстановке деятельность миссии ООН, которая находилась в Йемене с июля 1963 г., утратила смысл, и в начале сентября 1964 г. эта миссия и подразделения ООН покинули страну⁹⁹.

Йеменский конфликт угрожал перерасти в настоящую войну между ОАР и Саудовской Аравией. В интервью корреспонденту бейрутской газеты «Ан-Нахар» в начале сентября 1964 г. Фейсал заявил, что саудовские вооруженные силы могут по просьбе имама вступить на территорию Йемена¹⁰⁰. Это была откровенная угроза. Однако Саудовская Аравия не имела достаточно вооруженных сил для таких действий.

Позиция Египта оставалась неизменной, но в ходе египетско-саудовских переговоров на конференции глав арабских государств в Александрии в сентябре 1964 г. была достигнута договоренность, что Саудовская Аравия и ОАР выступают посредниками между республиканцами и монархистами в урегулировании конфликта¹⁰¹. 2—3 ноября 1964 г. в суданском городе Эрковите состоялась конференция представителей ЙАР и монархистов, на которой было принято решение прекратить огонь с 8 ноября 1964 г. Однако перемирие продолжалось всего два дня¹⁰².

Затянувшиеся военные действия в Йемене создавали большие трудности не только для ЙАР, но и для Египта и Саудовской Аравии. К тому времени численность египетских вооруженных сил на территории ЙАР была доведена с 3 тыс. человек до 50 тыс. С октября 1962 г. до весны 1965 г. ОАР потеряла в Йемене убитыми примерно 15 тыс. человек¹⁰³. Были убиты десятки тысяч йеменцев¹⁰⁴. Война опустошала египетскую казну и подрывала экономику. Саудовское правительство не публиковало сведений о своих расходах, хотя, несомненно, ее финансовые затраты были чрезвычайно велики.

Насер переоценил свои силы, послав экспедиционный корпус на помощь республиканцам. Он, видимо, полагал, что вся операция займет несколько недель, максимум — месяцев. Потенциальные результаты этих действий казались ему стоящими усилий — изгнание англичан из Южного Йемена, включая Аден, революционный взрыв в Саудовской Аравии, который мог бы привести к созданию дружественного ему национально-демократического режима в богатой нефтью стране и оказать давление на позиции Запада в бассейне Персидского залива. Но война затянулась. Йеменское общество еще не было готово к столь глубоким революционным изменениям, которые начались в стране. Монархисты имели сильные позиции внутри Йемена и мощную поддержку извне. Египетские солдаты — дети крестьян, выросшие в долине и дельте Нила, были плохо приспособлены для действий в горах и пустынях. Экспедиционный корпус увеличился до 60—70 тыс. в 1967 г.¹⁰⁵.

Но с судьбой Йемена и Египет и Саудовская Аравия связывали не только свои планы в этой стране или даже на всем Аравийском полуострове. Йеменская проблема стала одним из ключевых пунктов всей арабской политики этих стран.

ОАР с конца 1964 г., используя свои временные военные успехи в Йемене, заняла более жесткую позицию в отношении Саудовской Аравии. Наметилась тенденция к повышению роли египетского командования в делах государственного управления ЙАР¹⁰⁶.

В конце июня 1965 г. Насер заявил, что если переговоры между Саудовской Аравией и ОАР не принесут действенных результатов, то Египет будет вынужден ликвидировать очаги агрессии силой¹⁰⁷. В ЙАР дебатировался вопрос о территориях, отошедших к Саудовской Аравии, — Асира (район города Джизан) и Наджрана. Египетская пресса доказывала их «исконно йеменскую принадлежность».

Однако к середине 1965 г. позиции Египта в ЙАР значительно ослабели. В республиканском лагере все больший вес приобретало консервативное крыло, настроенное антиегипетски, опиравшееся на шейхов племен, улемов, некоторые слои купечества. Эта группировка, получившая название «третьей силы», с недовольством следила за деятельностью революционно-демократических элементов ЙАР, особенно сильных в республиканской армии, которые пользовались дозированной египетской поддержкой.

В начале мая 1965 г. консервативное крыло республиканцев провело в городе Хамире конференцию с участием шейхов племен, выступавших против республики, и призвали республиканцев и монархистов достичь соглашения. На конференции явственно проявились враждебные ОАР настроения. Тем временем обострилась обстановка на линиях перемирия с Израилем, что связывало руки египтянам. Надежды руководителей Египта на осложнение внутривосточного положения в Саудовской Аравии не оправдались. В Йемене роялисты, вооруженные Саудовской Аравией и Ираном, наступали. Республиканцы и египтяне сдавали один опорный пункт за другим¹⁰⁸.

Так обстояли дела к моменту встречи президента ОАР Насера с королем Саудовской Аравии Фейсалом в Джидде 22 августа 1965 г., которая завершилась подписанием 24 августа 1965 г. первого соглашения между ОАР и Саудовской Аравией, направленного на урегулирование йеменского конфликта. Ни республиканцы, ни монархисты в переговорах не участвовали¹⁰⁹.

Джиддинское соглашение 1965 г. предусматривало предоставить йеменскому народу право решать вопрос о государственном устройстве страны путем народного плебисцита, который предполагалось провести не позднее 23 ноября 1966 г.; созвать конференцию всех национальных сил и влиятельных политических деятелей Йемена в Хараде 23 ноября 1965 г. для выработки решения относительно системы управления на переходный период до проведения общенародного плебисцита; создать временный кабинет министров для руководства страной во время переходного периода; определить характер плебисцита; возложить на Саудовскую Аравию и ОАР ответственность за осуществление решений конференции. Саудовская Аравия должна была немедленно прекратить военную помощь йеменским монархистам и не допускать использования ее территории для военных операций, направленных против республиканского Йемена. ОАР надлежало вывести свои вооруженные силы с территории Йемена в течение 10 месяцев начиная с 23 ноября 1965 г. Намечалось прекратить военные действия в Йемене и создать совместную комиссию по мирному урегулированию из представителей двух сторон¹¹⁰.

«Конференция в Джидде,— пишет советский историк Л. Валькова,— свидетельствовала о том, что Саудовская Аравия и ОАР были готовы пойти на некоторые уступки друг другу, чтобы сдвинуть с мертвой точки проблему прекращения кровопролитной войны в Йемене»¹¹¹. В Джидде, видимо, была достигнута договоренность об отстранении от политической деятельности на длительный срок президента ЙАР ас-Саляля и имама аль-Бадр. Эти предположения подкреплялись тем фактом, что ас-Саляль после заключения соглашения выехал в Каир, а аль-Бадр — в Эт-Таиф.

Харадская конференция открылась 23 ноября 1965 г. Ни ас-Саляль, ни аль-Бадр на ней не присутствовали. ОАР и Саудовская Аравия прислали своих представителей. Основная цель конференции состояла в том, чтобы создать временное правительство Йемена на переходный период и провести плебисцит по вопросу о форме правления. Представители ЙАР решительно отстаивали принцип незыблемости республиканского режима. Монархисты столь же решительно отклоняли его. Конференция прервала работу и больше не собиралась¹¹².

С конца 1965 г. США и Англия начали продавать Саудовской Аравии большое количество оружия, реактивные самолеты. Эти действия Насер рассматривал как враждебные Египту¹¹³.

В первых числах марта 1966 г. монархисты возобновили военные операции, положив конец перемирию, установленному в результате соглашения в Джидде. Военные действия египтян и республиканцев не были успешными, и они оказались зажатými в треугольнике городов Сана — Таизз — Ходейда¹¹⁴.

22 марта 1966г. Насер высказал намерение оставить египетские вооруженные силы в Йемене до тех пор, пока республиканская армия не укрепитя настолько, чтобы быть в состоянии защитить свою страну¹¹⁵. 1 мая 1966 г. Гамаль Абдель Насер вновь подтвердил, что ОАР не только нанесет удар по базам в районах Наджрана и Джизана, используемым против Йемена, но и оккупирует их, если Саудовская Аравия будет продолжать агрессивные действия против Йеменской республики¹¹⁶.

21 июня 1966 г. король Фейсал нанес трехдневный официальный визит в США. К лету 1966 г. правящим кругам Саудовской Аравии удалось улучшить отношения с рядом монархических государств мусульманского мира, заключить соглашения о получении английского и американского военного снаряжения и вооружения.

Внутри ЙАР углублялись разногласия. В августе 1966 г. премьер-министр ЙАР генерал аль-Амри попытался помешать возвращению президента ас-Саляля из Каира, где он находился в течение десяти месяцев. Это выступление было подавлено¹¹⁷. Ас-Саляль вернулся к власти.

Отношения между Саудовской Аравией и Египтом оставались в высшей степени напряженными. 9 февраля 1967 г. правительство Саудовской Аравии закрыло отделения египетских «Каирского банка» и банка «Миср» в Джидде. Египетское правительство

издало декрет о конфискации всей находившейся в Египте собственности и денежных средств короля Фейсала и членов пра вящей династии. Был наложен арест на капитал 40 саудовских компаний и 31 частного лица — гражданина Саудовской Аравии ¹¹⁸.

Конец конфронтации с Египтом. Израильская агрессия в июне 1967 г. и поражение Египта кардинальным образом изменили обстановку в Йемене. Уже 12 июня Египет начал эвакуацию из этой страны части своих вооруженных сил—15 тыс. человек, 150 танков и всю тяжелую артиллерию ¹¹⁹.

В условиях невиданного ранее роста антиизраильских настроений на Арабском Востоке правящие круги Саудовской Аравии ради сохранения своего престижа в арабском мире и удержания власти внутри страны вынуждены были солидаризироваться с Египтом как жертвой израильской агрессии.

31 августа 1967 г. на конференции глав арабских государств в Хартуме президент Насер и король Фейсал подписали соглашение о мирном урегулировании войны в Йемене. В соглашении предусматривалось, что ОАР выведет из Йемена все вооруженные силы в трехмесячный срок. Саудовская Аравия обязалась прекратить помощь йеменским монархистам. Был создан комитет в составе министров иностранных дел Судана, Ирака и Марокко, на который возлагалась миссия созыва общенациональной конференции с целью создания коалиционного правительства из представителей всех существовавших в Йемене группировок ¹²⁰.

На Хартумской конференции Кувейт, Саудовская Аравия и Ливия обещали предоставлять ОАР и Иордании, т. е. странам, наиболее пострадавшим от агрессии Израиля, ежегодную помощь в размере 135 млн. ф. ст., из которых 95 млн. предназначались Египту и 40 млн.— Иордании. Кувейт согласился отчислить на эти цели 55 млн. ф. ст., Саудовская Аравия — 50 млн. и Ливия — 30 млн. ф. ст. ¹²¹. Однако Саудовская Аравия предупредила, что выполнит свое обещание лишь после того, как египтяне завершат вывод своих войск из Йемена.

10 октября 1967 г. было объявлено, что почти все египетские войска выведены из Саны и что последний их контингент покинет порт Ходейду 9 декабря 1967 г. ¹²².

Эвакуация египетских войск поставила ЙАР в трудное положение, так как Саудовская Аравия продолжала оказывать весьма значительную поддержку йеменским монархистам, включая обучение на своей территории военных формирований племен, поддерживавших монархистов. Хартумское соглашение, подписанное ОАР после израильской агрессии 1967 г., означало решение йеменской проблемы на условиях, фактически продиктованных Саудовской Аравией. Вывод египетских войск осложнил положение республиканцев, и в первую очередь их левого, прогрессивного крыла. Это привело к активизации монархистов, опиравшихся на поддержку Саудовской Аравии, которая продолжала курс на удушение йеменской революции ¹²³.

Взаимоотношения Саудовской Аравии с ЙАР и Южным Йеменом (1967—1973). После подписания Хартумского соглашения в ЙАР произошел резкий поворот вправо. 1 ноября 1967 г. ас-Саляль выехал в Багдад. В ночь с 4 на 5 ноября 1967 г. правые силы установили контроль над Саной и другими городами. Участь ас-Саляля была предрешена выводом египетских войск из Йемена ¹²⁴.

К власти в стране пришла феодальная и племенная верхушка, которая стремилась к сотрудничеству с Саудовской Аравией и империалистическими государствами. 8 ноября 1967 г. новый премьер-министр аль-Айни заявил, что его правительство согласно вести переговоры с представителями лагеря монархистов, включая семью имама, на условиях сохранения республиканского строя ¹²⁵. Монархистов и новых лидеров ЙАР разделял трудноразрешимый вопрос о судьбе династии Хамид ад-Динов.

Йеменские монархисты перешли в наступление и окружили Сану. Понимая, что речь идет о жизни или смерти, республиканцы в начале декабря стали создавать отряды народного сопротивления из учащих, служащих, рабочих, ремесленников, торговцев. Ополчение численностью 20 тыс. человек освободило армию для операций на фронте и

посылало ей подкрепления. Осада Саны продолжалась 70 дней. Республиканцы отстояли столицу, отбросили монархистов и сами перешли в наступление¹²⁶.

С февраля 1969 г. Саудовская Аравия перестала настаивать на возвращении имама аль-Бадр в ЙАР. «Вопрос о Хамид ад-Динах, по сути дела, стал главным, а вернее, единственным препятствием на пути урегулирования йеменского конфликта на приемлемых для Саудовской Аравии условиях,— писала Л. Валькова.— Отношение к имамской династии в правительственных кругах Саудовской Аравии резко ухудшилось. Это объяснялось... и теми изменениями, которые происходили в лагере республиканцев»¹²⁷.

Отряды народного сопротивления, отстоявшие Сану зимой 1967/68 г. и объединявшие наиболее последовательных республиканцев, были распущены премьер-министром генералом аль-Амри и в мае 1968 г. разоружены ополчениями племен. Попытка государственного переворота, предпринятая левыми республиканцами, была подавлена, а военный руководитель выступления майор Абд аль-Ваххаб Абд ар-Ракиб, возглавлявший семидесятидневную оборону Саны, выслан из страны. В январе 1969 г., вернувшись в Сану, Абд ар-Ракиб снова неудачно попытался сместить аль-Амри с поста премьер-министра и был убит¹²⁸.

Революционное развитие ЙАР было прервано йеменскими правыми. Консервативный республиканский режим в ЙАР стал противовесом Народной Республике Южного Йемена (НРЮР1), что устраивало Фейсала. Он решил отказаться от восстановления имамата и сократил субсидии представителям династии Хамид ад-Динов.

В середине апреля 1970 г. военные действия в Северном Йемене были прекращены. Соглашение, подписанное между ЙАР и Саудовской Аравией в апреле 1970 г., предусматривало отказ йеменского правительства от многих завоеваний революции. Началась чистка йеменской армии и органов государственной безопасности от левых, из Саудовской Аравии вернулись многие монархисты, часть из них была введена в высшие органы власти¹²⁹.

23 июля 1970 г. ЙАР была официально признана Саудовской Аравией¹³⁰, а 29 июля 1970 г.— Англией¹³¹. В начале марта 1971 г. между ЙАР и Саудовской Аравией было подписано соглашение о совместной обороне¹³².

В марте 1973 г. премьер-министр ЙАР аль-Хаджари посетил Эр-Рияд. В совместном саудовско-йеменском коммюнике, опубликованном 18 марта, границы Йемена с Саудовской Аравией были признаны «постоянными и окончательными», хотя по Таифскому договору от 20 марта 1934 г., заключенному королем Ибн Саудом с имамом Йемена Яхьей, Йемен согласился передать Асир, Наджран и Джизан «под контроль» Саудовской Аравии. Договор был подписан сроком на 20 лет. В 1953 г. имам Йемена Ахмед согласился продлить действие договора еще на 20 лет. Таким образом, в 1973 г., когда приближалось окончание срока действия договора, Саудовская Аравия добилась от ЙАР чрезвычайно важной уступки — вынудила ее признать Асир, Наджран и Джизан территориями, окончательно отошедшими к Саудовской Аравии¹³³.

Саудовское влияние в 70-х годах оставалось доминирующим в ЙАР. Сближение с Эр-Риядом привело к улучшению отношений Северного Йемена с США, Англией и ФРГ и к ослаблению сотрудничества с социалистическими странами.

Основное внимание Саудовской Аравии в районе Аравийского юга в 60-х годах было сосредоточено на Северном Йемене. Но в 1967 г. Южный Йемен завоевал независимость. Считая весь полуостров сферой своего влияния, саудовский правящий клан был не прочь участвовать в дележе английского колониального наследия, тем более что Великобритания не возражала против усиления саудовского влияния в ее бывших владениях. Английские правящие круги видели в саудовской монархии наиболее желательного союзника на полуострове.

Не исключено, что в Эр-Рияде планировали создать на месте Восточных Аденских протекторатов зависимую от Саудовской Аравии федерацию и, может быть, даже

обеспечить для королевства прямой выход к Индийскому океану. Предусматривалось также, что Саудовская Аравия будет оказывать финансовую помощь Федерации Южной Аравии (ФЮА) — объединению княжеств преимущественно Западного Аденского протектората, правительству которого английские правящие круги намеревались передать власть после ухода из Южного Йемена¹³⁴.

На заключительном этапе, когда борьба за национальную независимость слилась с борьбой за социальные перемены, многие феодалы еще до получения Южным Йеменом независимости были вынуждены бежать в Саудовскую Аравию. К власти в Южном Йемене пришел Национальный фронт — революционно-демократическая организация, а не федеральное правительство, которому англичане намеревались передать руководство страной. Политическая организация феодалов — Лига Южной Аравии — была объявлена вне закона и почти полностью перенесла свою деятельность в Саудовскую Аравию. Другой организацией, постепенно переориентировавшейся на Саудовскую Аравию, стал Фронт освобождения оккупированного йеменского Юга (ФЛОСИ). Объявленный вне закона на территории Южного Йемена, он перебазировался в ЙАР, где создал штаб-квартиру в Таиззе.

Саудовская Аравия использовала экономические трудности Южного Йемена, разногласия внутри Национального фронта и недовольство правых сил, чтобы инспирировать мятежи против правительства. Летом 1968 г. мятежи вспыхивали в Хадрамауте, Бейхане и других местах. Саудовское вмешательство усилилось после того, как 22 июня 1969 г. к власти в Южном Йемене пришло левое крыло Национального фронта, которое повернуло страну на путь глубоких социально-политических преобразований. 27 ноября 1969 г. подразделения регулярной саудовской армии совершили нападение на пункт Эль-Вадиа, расположенный в Хадрамауте вблизи границы с Саудовской Аравией. Вооруженные силы Южного Йемена отбили саудовцев, но столкновения на границе продолжались¹³⁵.

Саудовская Аравия способствовала созданию на своей территории, на границе с Южным Йеменом, так называемой «Армии национального спасения» из числа бежавших из страны оппозиционных деятелей. Борьба против правительства Национального фронта велась под лозунгом «спасения страны от влияния красного коммунизма». 25 февраля 1971 г. ФЛОСИ и Лига Южной Аравии объединились, создав Организацию национальных сил Южного Йемена, которая сформировала «Комитет спасения Южного Йемена», вступивший в контакт с «Армией национального спасения». Эти организации финансировались Саудовской Аравией и пользовались содействием властей ЙАР. Их вооруженные отряды превратились в саудовских наемников, которые в 1971 — 1972 гг. неоднократно вторгались на территорию Южного Йемена¹³⁶.

В марте 1972 г. состоялся V съезд Национального фронта Народной Демократической Республики Йемен (НДРЙ) — как это государство стало именоваться, — который создал политическую организацию — Национальный фронт. Съезд заявил о стремлении опираться в своей деятельности на принципы научного социализма, создать авангардную партию нового типа. Враждебность Саудовской Аравии к Южному Йемену приобретала все более ясную идеологическую окраску.

В сентябре 1972 г. произошла пограничная война значительного масштаба между ЙАР и НДРЙ. В то время английский журнал «Экономист» писал: «Король Саудовской Аравии Фейсал и султан Омана Кабус вздохнут с облегчением, если южнойеменский режим исчезнет. Об этом же мечтают и несколько тысяч южнойеменских эмигрантов в Северном Йемене»¹³⁷. Но 29 октября 1972 г., т. е. почти через месяц после начала вооруженных действий, ЙАР и НДРЙ договорились прекратить военные действия¹³⁸.

Убедившись в невозможности свалить силой национально-демократический режим в Южном Йемене, Саудовская Аравия установила с ним дипломатические отношения, но осталась на враждебных НДРЙ позициях.

Саудовско-английские отношения в 60-х — начале 70-х годов. В январе 1963 г. Саудовская Аравия согласилась передать вопрос об Эль-Бурайми в ООН и восстановила дипломатические отношения с Англией¹³⁹. Йеменская революция 1962 г. и усиление национально-освободительного движения на всем Аравийском полуострове заставили Эр-Рияд и Лондон пойти на компромиссы.

Стал меняться и характер англо-американских отношений на Аравийском полуострове. Американское противодействие восстановлению позиций Англии в Саудовской Аравии постепенно уступало место сотрудничеству.

В декабре 1965 г. США и Англия заключили с Саудовской Аравией соглашение, по которому Англия должна была поставить королевству реактивные самолеты, радары, и другую военную технику на сумму 280 млн. долл., а США — ракеты «земля—воздух» на 70 млн. долл. В ряде пунктов вблизи границы с ЙАР планировалось разместить ракетные установки. Казалось бы английские военно-промышленные монополии вырвали из рук заокеанских конкурентов выгоднейшую сделку. На самом же деле по полубоковой договоренности Англия согласилась покупать в США более совершенные самолеты, оплачивая их деньгами, заработанными на продаже военной техники в Саудовскую Аравию¹⁴⁰.

В мае 1967 г. король Фейсал нанес визит в Англию. Это говорило о существенном потеплении саудовско-английских отношений.

Начав в 1966 г. поставку военных самолетов «Лайтнинг», Англия стала готовить кадры для саудовских военно-воздушных сил. В Саудовскую Аравию было послано более тысячи английских инструкторов, в британские военные учебные заведения были приняты саудовские курсанты. Английские летчики совершали и боевые вылеты. С 1963 г. англичане вновь стали обучать Национальную гвардию. В 60—70-х годах королевство закупило 25 английских реактивных истребителей типа «Страйк-мастер», а в 1970 г. подписало очередной военный контракт с Англией на приобретение средств противовоздушной обороны.

В начале мая 1973 г. Эр-Рияд заключил с Лондоном контракт на сумму 250 млн. ф. ст. на новые системы вооружения, самолетов, ракет. Англичане обязались поставить самолеты и около 2 тыс. человек обслуживающего персонала, советников и инструкторов. Персонал военно-воздушных сил Саудовской Аравии, начиная с пилотов, которые готовились в академии в Эр-Рияде, и до молодых техников из института технической подготовки в Дахране, проходил в тот период через английские руки¹⁴¹.

Но англо-американское согласие в поставках вооружений продолжалось недолго. В 70-е годы соблазнительный рынок оружия в Саудовской Аравии стал объектом ожесточенной конкуренции между американскими и английскими военно-промышленными монополиями.

Проблемы Персидского залива. 60-е — начало 70-х годов были отмечены резкой активизацией саудовской дипломатии в странах бассейна Персидского залива, особенно в аравийских княжествах. Это вызывалось несколькими причинами. В тот период возросли роль, могущество и влияние шахского Ирана, и саудовская политика по отношению к нему строилась на сложном сочетании сотрудничества и соперничества. Великобритания наметила и осуществила военную эвакуацию из зоны залива. Саудовская Аравия и здесь выступила одним из претендентов на «английское наследство» с учетом американских стратегических установок, придававших бассейну Персидского залива все возрастающее значение.

«Косвенным образом Саудовская Аравия считала все пограничные государства, за исключением Ирака, своей зоной влияния,—писал бывший американский посол в Саудовской Аравии Салливэн. — Если она не вмешивалась в первое время в конфликты, которые были за этими пределами, то только потому, что они не могли затронуть ее жизненно важных интересов»¹⁴². В середине 60-х годов Саудовская Аравия и Иран сблизилась как две монархии, заинтересованные в подавлении национально-

освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке в целом и в бассейне Персидского залива в частности и в противостоянии Египту, в то время лидеру антиимпериалистической политики в регионе и пионеру социально-экономических преобразований.

Шах Ирана, в то время глава государства с 30-миллионным населением, претендовавший на историю своей монархии в 2,5 тысячи лет, не мог признать руководящую роль короля Фейсала в мусульманском мире. Но почва для сотрудничества была. Оба монарха оказывали, хотя и в разной степени, поддержку роялистам в Йемене. Шах в 1965 г. одобрительно отнесся к идее «Исламского пакта», выдвинутого Фейсалом. Эр-Рияд и Тегеран вместе способствовали коренному повороту в политике Египта после смерти Гамалы Абдель Насера. В рамках ОПЕК к началу 70-х годов совместное слово Тегерана и Эр-Рияда стало решающим — они давали более половины экспорта нефти. И хотя шах занимал на словах более решительную позицию в области цен, в конечном счете оба монарха находили компромиссные решения, став во главе лагеря «умеренных» в ОПЕК.

В бассейне Персидского залива Саудовская Аравия, имевшая военный потенциал по крайней мере в пять раз меньше иранского, с большой опаской относилась к его «имперским» планам и действиям, но ни разу не доводила дело до конфликта или столкновения. Правители мелких государств по аравийскую сторону залива маневрировали между двумя своими сильными соседями.

В январе 1968 г. лейбористское правительство Великобритании приняло решение прекратить действие договоров о протекторате с Бахрейном, Катаром и семью княжествами Договорного Омана (Абу-Даби, Аджман, Дубай, Фуджайра, Рас-эль-Хайма, Шарджа и Умм-эль-Кайвайн) и вывести оттуда большую часть своих войск. Консервативное правительство Англии, пришедшее к власти в июне 1970 г., объявило 1 марта 1971 г., что эвакуация будет завершена до конца 1971 г.¹⁴³

Приняв это решение, Лондон активно искал возможности сохранить здесь свое экономическое и политическое влияние. В этих целях он выдвинул план создания федерации девяти эмиратов, раньше находившихся под британским протекторатом, и попытался заручиться поддержкой со стороны Саудовской Аравии и Кувейта, а также в какой-то мере Ирана и Ирака. В феврале 1968 г. правители девяти княжеств Персидского залива в принципе договорились о создании объединенного государства.

Иран, однако, выступал против включения Бахрейна в арабскую федерацию, заявив, что считает его иранской территорией. Король Фейсал поддерживал с шейхом Бахрейна дружественные отношения и отвергал иранские притязания на княжество. Разногласия разделяли Иран и Саудовскую Аравию и по другим вопросам. Английский журнал «Экономист» сообщал, что шах Ирана пытался склонить короля Фейсала к более активной совместной политике в районе залива, включая военное сотрудничество, которое поставило бы Саудовскую Аравию в подчиненное положение¹⁴⁴. Учитывая свою военную слабость, Фейсал предпочитал использовать финансовую помощь как средство закрепления саудовского влияния в мелких аравийских княжествах.

На переговорах с шахом в 1968 г. Фейсал договорился об уточнении раздела континентального шельфа. 24 октября 1968 г. между Саудовской Аравией и Ираном были подписаны соответствующие соглашения.

Весной 1971 г. шах Ирана заявил, что его страна берет на себя ответственность за оборону Персидского залива после ухода оттуда англичан¹⁴⁵. Иран намеревался утвердить свое военное господство в заливе, не считаясь с мнением арабов.

Федерация из девяти княжеств оказалась нереальной затеей. Эмиры Бахрейна и Катара стремились к независимости, против федерации «девяти» фактически выступало иранское правительство. Великобритания решила создать новое государство из семи эмиратов Договорного Омана, где наибольшим весом пользовался шейх Абу-Даби Заид — противник Саудовской Аравии из-за бурайминского конфликта.

14 августа 1971 г. Бахрейн и 1 сентября Катар провозгласили независимость и заявили о своем отказе войти в состав федерации. Сложившаяся ситуация заставила Саудовскую Аравию искать компромисса с Абу-Даби, чтобы урегулировать спор из-за Эль-Бурайми.

После провозглашения независимости Бахрейна Иран формально отказался от притязаний на это княжество. Поэтому разногласия шаха с королем Фейсалом уменьшились. Но планы Ирана в зоне залива не ограничивались Бахрейном. В ноябре 1971 г. между Ираном и княжеством Шарджа было заключено соглашение, в соответствии с которым Иран фактически приобретал остров Абу-Муса, формально остававшийся в составе этого княжества. Иран получил право создать на острове военную базу, выплачивая за это шейху Шарджи ежегодно 1,5 млн. ф. ст. до тех пор, пока его доходы от нефти не достигнут 3 млн. ф. ст. в год¹⁴⁶.

Попытки Ирана добиться от шейха Рас-эль-Хаймы, чтобы он отказался от своих прав на стратегически важные острова Большой и Малый Томб, расположенные в Ормузском проливе, у входа в Персидский залив, не увенчались успехом. Но когда Англия 30 ноября 1971 г. объявила о том, что она больше не несет ответственности за оборону княжеств Договорного Омана, Иран ввел свои войска на эти два острова, как и на Абу-Муса. Видимо, между Тегераном и Лондоном было достигнуто понимание в отношении подобных действий. В качестве возмездия за английское соучастие в иранских действиях Ливия национализировала объекты, принадлежавшие «Бритиш Петролеум», и забрала свои вклады из английских банков. Ирак, обвинив Англию и Иран в сговоре, разорвал с ними дипломатические отношения. Кувейт и Сирия также осудили захват Ираном островов. 1 декабря 1971 г. Египет поставил вопрос о том, чтобы Иран вывел свои войска с территории трех островов, но этим и ограничился¹⁴⁷.

Захват островов Томб и Абу-Муса наносил удар по интересам Саудовской Аравии, так как вел к значительному укреплению Ирана, но официально Саудовская Аравия так и не осудила экспансионистскую политику шаха¹⁴⁸. Можно предположить, что Саудовская Аравия чувствовала себя недостаточно сильной для открытого противоборства с Ираном и рассчитывала, что действия шаха подтолкнут к сотрудничеству с ней членов федерации.

2 декабря 1971 г. было объявлено о создании федерации под названием Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), в состав которой вошли Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Фуджайра, Аджман, Умм-эль-Кайвайн, а несколько позднее и Рас-эль-Хай-ма. Великобритания подписала с ОАЭ новый договор о дружбе. Заид, шейх Абу-Даби, стал президентом федерации, а правитель Дубая шейх Рашид — вице-президентом.

Саудовская Аравия в течение нескольких лет не устанавливала официальных дипломатических отношений с ОАЭ, так как ее территориальные споры с самым влиятельным членом федерации — Абу-Даби — еще не были разрешены. Но это не исключало в целом благожелательного отношения Саудовской Аравии к федерации. Фейсал поддержал ОАЭ при их вступлении в ООН и Лигу арабских государств. Велись оживленные неофициальные переговоры между Саудовской Аравией, новой федерацией и другими государствами Аравийского полуострова. Саудовское правительство стремилось не отдавать политическую инициативу Ирану, который признал ОАЭ уже в октябре 1972 г.

После визита в Саудовскую Аравию султана Омана Кабуса 14 декабря 1971 г. Фейсал установил дипломатические отношения с Султанатом Оман¹⁴⁹. Через некоторое время — в октябре 1974 г. — Саудовская Аравия урегулировала спор с Абу-Даби по поводу принадлежности района Лива и Бурайминских оазисов. Это расчистило путь для признания ОАЭ Эр-Риядом¹⁵⁰.

Саудовская Аравия сумела приобрести в княжествах существенное влияние. Она стала оказывать значительную финансовую помощь участникам федерации, лишенным нефти. Ряд членов ОАЭ опирались на Саудовскую Аравию, стремясь не допустить опасного усиления иранского влияния.

И Фейсал и шах, несмотря на свои противоречия, стремились подавить освободительное движение народов залива. Хотя Саудовская Аравия была заинтересована в укреплении своего влияния в Омане, с которым она граничит и который имеет важное стратегическое значение, Фейсал проявил осмотрительность, когда в разгар освободительного движения в Дофаре султан Омана Кабус обратился к нему за помощью. Открытое вмешательство в оманские дела не отвечало характеру политики Фейсала. Но в то же время саудовское правительство, по сути дела, попустительствовало иранскому вмешательству в Омане. Уже в апреле 1973 г. иранские вертолеты и отдельные наземные подразделения стали активно участвовать в сражениях на территории Дофара. Затем в Оман был переброшен целый иранский экспедиционный корпус в несколько тысяч человек.

Военные действия иранских войск продолжались несколько лет. Народный фронт освобождения Омана практически прекратил вооруженную борьбу. Осудив в весьма неопределенных выражениях действия Ирана, саудовское правительство выступило против «иностранный вмешательства» в султанате, направив свой протест, по сути, не против интервенции Ирана, а против действий сил, которые помогали Народному фронту освобождения Омана ¹⁵¹.

Саудовская Аравия в межарабских отношениях от Хартумской конференции 1967 г. до октябрьской войны 1973 г. В ходе Хартумской конференции были разработаны и утверждены принципы координации политики арабских государств, в первую очередь в вопросе ближневосточного урегулирования. В Хартуме была провозглашена известная формула, выражавшая общеарабскую позицию по отношению к Израилю, — «ни мира, ни прямых переговоров, ни признания», которой ряд лет придерживались все арабские страны, включая Египет и Саудовскую Аравию.

Саудовская Аравия восстановила с насеровским Египтом внешне дружественные отношения на условиях существенных уступок Каира. Соотношение сил было уже не то, что в середине 50-х годов. Саудовская Аравия из страны, погруженной в долги, начала превращаться в экспортера капитала, источник финансовой помощи для государств, противостоящих Израилю. С американским и английским участием она укрепила свои немногочисленные, но хорошо оснащенные вооруженные силы. Египет, истощенный войной в Йемене, потерпевший поражение от Израиля, лишившийся Синайского полуострова и доходов от Суэцкого канала, должен был сосредоточивать все усилия для восстановления своего оборонного потенциала, проводить более сдержанную внешнюю политику и идти на вынужденные компромиссы с Саудовской Аравией.

Но и для Эр-Рияда установление «согласия» с Каиром было вынужденным шагом, так как Фейсал никогда не считал президента Насера своим союзником, не разделял насеровских идей. Несмотря на поражение арабов в войне 1967 г., революционные процессы в странах Ближнего Востока не затухали. Об этом свидетельствовали революционные перевороты в Ливии и Судане, попытки переворотов в самой Саудовской Аравии, активизация палестинского движения сопротивления. Поэтому саудовское правительство не жалело сил и денег для поддержки правых тенденций в Египте, укрепления королевского режима в Иордании.

Саудовская бригада из 3 тыс. солдат была направлена на юг Иордании. Там она была далеко от фронта с Израилем, но достаточно близко, чтобы поддержать короля Хусейна. Фейсал, очевидно, считал, что Иордания служит для него буферным государством, отделяя его от Израиля. Фейсал постоянно подталкивал США и Великобританию к поддержке Хусейна ¹⁵².

В мае 1970 г. на территории Сирии бульдозер повредил нефтепровод ТАПЛАЙН. Это послужило толчком для конфликта между Сирией и Саудовской Аравией, который привел почти к разрыву отношений и к торговой и транзитной войне ¹⁵³. Однако после того, как в конце 1970 г. президентом Сирии стал Хафез Асад, отношения между Дамаском и Эр-Риядом были восстановлены и претензии Сирии урегулированы.

Президент Насер, даже потерпев поражение в 1967 г., все же оставался главной фигурой на Арабском Востоке. По мере того как Египет восстанавливал свой военный потенциал, его противоречия с Саудовской Аравией усиливались. В декабре 1969 г., когда в Рабате состоялась конференция глав арабских государств, ее участники не смогли даже выработать совместного коммюнике. Насеру дали понять, что он не может рассчитывать на увеличение финансовой помощи со стороны Саудовской Аравии, Ливии и Кувейта, которую он получал в соответствии с решением Хартумской конференции в августе 1967 г.¹⁵⁴

Положение изменилось после смерти Гамаль Абдель Насера 28 сентября 1970 г. Король Фейсал немедленно активизировал борьбу за лидерство в арабском мире. Его целям отвечало упрочение позиций египетских правых сил, которые шаг за шагом отказывались от продолжения курса президента Насера. Вашингтон, стремившийся восстановить свои позиции в арабском мире, ослабленные, в частности, поддержкой Израиля, надеялся на Саудовскую Аравию как посредника для наведения мостов с ведущими арабскими странами, прежде всего с Египтом, который разорвал дипломатические отношения с США в 1967 г. Новый президент Египта, Анвар Садат, был заинтересован в сближении с Саудовской Аравией, надеясь на увеличение финансовых субсидий. Когда в июне 1971 г. король Фейсал посетил Египет, ему был оказан триумфальный прием. Чтобы сделать приятное саудовскому гостю, Садат выпустил из тюрем членов организации «Братья-мусульмане». Во время переговоров он, видимо, подтвердил признание Египтом Аравийского полуострова в качестве зоны саудовского влияния. Саудовская Аравия предоставила Египту дар в 30 млн. ф. ст., обещала увеличить ежегодную финансовую помощь, отменить ограничения на поездки граждан Саудовской Аравии в Египет¹⁵⁵.

Отношения Саудовской Аравии с садатовским режимом укреплялись. Этому способствовала политика отказа от насеровского курса внутри и вне Египта, вызванная прежде всего внутренними причинами, но поощряемая и саудовскими деньгами. В течение 1970—1973 гг. были смещены с важных государственных и партийных постов многие наиболее последовательные сторонники Насера. Первые признаки политики экономической «либерализации» проявлялись и до войны 1973 г., постепенно расчищая путь для развития частнокапиталистических тенденций.

Несмотря на подписанный 27 мая 1971 г. советско-египетский Договор о дружбе и сотрудничестве, уже в июле 1972 г. президент Садат осуществил серьезную недружественную акцию в отношении СССР, потребовав отозвать из Египта советских военных специалистов.

Во время визита в Каир саудовского короля Фейсала в мае 1973 г. была достигнута договоренность о том, что Саудовская Аравия ассигнует 250 млн. ф. ст. на перевооружение египетской армии. Предполагалось, что часть суммы будет предоставлена Кувейтом, Абу-Даби и Катаром. Король Фейсал подталкивал Садата на перемену источников поставок оружия, стремясь подорвать советско-египетское военное сотрудничество¹⁵⁶. Правда, до октябрьской войны 1973 г. подобного поворота в египетской политике не могло произойти. Готовясь к войне с Израилем, Египет не мог начать переоснащение своей армии, даже если бы нашел другой источник оружия, так как это привело бы к утрате его вооруженными силами боеспособности.

Сближение Египта и Саудовской Аравии закладывало основу для разрыва Садатом сотрудничества с СССР и превращения страны в будущем в американского сателлита, оказавшегося в состоянии пойти на сепаратный мирный договор и сговор с Израилем.

«Исламский пакт». К середине 60-х годов в ряде арабских стран антиимпериалистический курс во внешней политике дополнялся и углублялся внутренними реформами, направленными не только против феодалов, но и против местной крупной буржуазии. Прежний национализм обогащался идеологией социальных преобразований, поисками новых, национально-демократических структур. На этом пути

в 60-е годы первенствовал Египет. Он же был и самым сильным арабским государством, а его президент Гамаль Абдель Насер — самым влиятельным арабским лидером. Египет не создал устойчивых блоков арабских стран под своим руководством, но в Лиге арабских стран многие другие ее члены следовали курсу Каира добровольно или вынужденно.

Саудовская Аравия, вышедшая к началу 60-х годов на авансцену ближневосточной политики, стала главным центром противостояния насеровскому Египту. Ее правящий класс, пытаясь подорвать влияние Египта, Сирии, Ирака, искал пути и методы, чтобы сплотить страны с «умеренными», консервативными режимами. Даллесовская идея военных пактов с участием западных держав была настолько дискредитирована, что ее не пытались и возродить. Монархический строй был в большинстве стран непопулярен. Чтобы противопоставит» какие-то привлекательные лозунги идеям арабского национализма и солидарности, совмещенными с призывами к социальным преобразованиям, Саудовская Аравия обратилась к исламу.

Мощное влияние ислама никогда не угасало даже в таких светских, «европеизированных» государствах, как Турция, а в конце 60-х — начале 70-х годов начался процесс «исламского возрождения». В арабских странах подавляющая часть масс видела в мусульманских традициях, обычаях и институтах естественные формы своего общественного бытия и сознания. Религия могла быть использована правящим классом как в антиимпериалистических, так и в антисоциалистических целях. Естественно, что саудовский режим видел в исламе орудие для борьбы против своих противников и внутри и вне.

Выдвинув план создания «исламского пакта», король Фейсал надеялся противопоставить его Лиге арабских государств. Вашингтон и Лондон, которые традиционно считали религию препятствием на пути распространения социалистических и освободительных идей, позитивно отнеслись к идее Фейсала.

В декабре 1965 г. король Фейсал посетил Иран. Во время переговоров он впервые формально предложил созвать конференцию глав всех исламских государств и встретил одобрительное отношение шаха. 31 января 1966 г. король Фейсал заявил в Аммане, столице Иордании, где он находился с официальным визитом, что будет создан исламский комитет для созыва конференции мусульманских государств на высшем уровне. Предупреждая возражения против создания политического блока реакционных режимов, он утверждал, будто вовсе не выступает за образование формального исламского союза, так как, по его мнению, связи, объединяющие исламский мир, сильнее, чем пакты и договоры¹⁵⁷.

С первых же шагов Фейсал столкнулся с трудностями. Положительное отношение к идее «исламского пакта», высказанное шахом, врагом Насера и другом Израиля, вызвало опасения даже многих арабских монархов. В конечном счете только шах Ирана и король Иордании согласились на созыв конференции исламских государств. Остальные мусульманские страны высказывались против инициативы Фейсала¹⁵⁸.

22 февраля 1966 г. президент ОАР Гамаль Абдель Насер, выступая на массовом митинге в Каирском университете, заявил, что «исламский пакт создается империалистами и реакцией» и, подобно Багдадскому пакту и более ранним политическим блокам, «направлен против национально-освободительных движений»¹⁵⁹.

В различной форме идею «исламского пакта» осудили Алжир, ЙАР, Ирак, Сирия, Кувейт, многие другие страна Азии и Африки с мусульманским населением, ряд арабских и международных организаций. Даже союзники Ирана не СЕНТО отмежевались от идеи пакта, и ее пришлось отложить. Тогда Саудовская Аравия стала прибегать к практике созыва мусульманских конференций на различных уровнях¹⁶⁰.

Израильская агрессия 1967 г. возродила планы сближения мусульманских государств, но на неожиданно новой основе, которую создавало ускорение процесса «исламского возрождения». Оккупация силой арабских земель была осуждена всеми развивающимися странами, независимо от их режимов. В действиях Тель-

Авива они увидели отголосок старого колониализма в его худшем виде — изгнание коренных жителей с земли и замены их поселенцами. Даже для тех государств, от которых Палестина и ближневосточный конфликт, казалось, были далеки, агрессия Израиля представлялась опасным прецедентом. Правители стран с преобладающим мусульманским населением считались с религиозными чувствами масс, которые в израильской оккупации Восточного Иерусалима и мечети Аль-Акса видели надругательство над исламом. Саудовский режим, основанный на доктрине ваххабизма, управляемый на основе шариата, провозглашающий чистоту «истинного» ислама, гордый зарождением ислама на своей земле и являющийся хранителем Каабы и мечети пророка в Медине, не мог признать оккупации Восточного Иерусалима, не подрывая своих основ. Изгнание палестинцев с их родины означало введение элемента дестабилизации в лице палестинских беженцев в те страны, в том числе монархические, где они оседали, и усиливало революционные настроения. Продвижение Израиля на Синай и на Западный берег реки Иордан означало территориальное приближение его непосредственно к Саудовской Аравии. Для того чтобы играть роль лидера арабских стран, чтобы увеличить свой вес и влияние в мусульманском мире, защищать государственные интересы Саудовской Аравии, король Фейсал должен был занять более четко выраженную антиизраильскую позицию, а его призывы к «мусульманской солидарности» обрести конкретного противника.

В августе 1969 г. мечеть Аль-Акса в Иерусалиме, третья по значению святыня ислама, была подожжена. Король Иордании Хусейн призвал созвать конференцию глав арабских государств и правительств, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Однако король Фейсал предложил созвать конференцию мусульманских стран на высшем уровне¹⁶¹. Противопоставляя исламскую солидарность арабским конференциям на высшем уровне, Фейсал, очевидно, стремился ослабить позиции президента Насера. На арабских конференциях саудовский король оставался в тени, но в мусульманских странах он имел влиятельных друзей и союзников. Формально король Фейсал отверг идею созыва арабского совещания в верхах на том основании, что решения Хартумской конференции, состоявшейся в августе 1967 г., оставались в силе.

Президент Насер вынужден был поддержать призыв короля Фейсала, хотя он вряд ли был заинтересован в том, чтобы конференция состоялась, и сам на нее не приехал. Турция и Нигерия не поддержали призыва короля Фейсала, заявив, что их государства являются светскими. Иран тоже вначале проявил осторожность, решив более тщательно изучить обстановку и цели созыва конференции¹⁶².

Конференция мусульманских стран на высшем уровне все же состоялась в сентябре 1969 г. в столице Марокко Рабате. Однако серьезные разногласия между ее участниками, и главным образом между двумя влиятельными арабскими странами — ОАР и Саудовской Аравией, уменьшили ее значение. За несколько дней до созыва конференции, 1 сентября 1969 г., был свергнут король Ливии. Это существенно ослабило позиции монархических стран «мусульманского мира». Саудовский режим тоже проходил через опасные испытания. За несколько дней до открытия Рабатской конференции в стране были арестованы участники заговора, осуществление которого было якобы намечено на 7 сентября 1969 г. За два месяца до этого, в июне того же года, была предпринята еще одна попытка переворота.

Серьезный конфликт в связи с созывом мусульманской конференции в Рабате произошел между Индией и Пакистаном, который заявил протест против приглашения Индии принять участие в конференции. Из 35 мусульманских стран, приглашенных в Марокко, только 25 прислали свои делегации, причем лишь 10 стран были представлены главами государств¹⁶³.

Однако по некоторым вопросам участники конференции смогли найти общий язык, потребовав, чтобы Иерусалиму вернули статус, который у него был до июня 1967 г. «Учитывая, что все участники глубоко затронуты трагедией Палестины, главы государств

и правительств и их представители заявили о полной поддержке арабского народа Палестины в восстановлении узурпированных прав и его борьбы за национальное освобождение и подчеркнули свою приверженность миру, основанному на чести и справедливости»¹⁶⁴, — говорилось в заявлении конференции.

23—25 марта 1970 г. под эгидой Фейсала была созвана первая конференция министров иностранных дел мусульманских стран в Джидде. На ней присутствовали делегаты от 23 стран¹⁶⁵. В работе второй конференции министров иностранных дел мусульманских государств, состоявшейся в Джидде 4 марта 1972 г., участвовала 31 мусульманская страна. По инициативе короля Фейсала на ней было единогласно принято решение создать фонд «священной войны» против Израиля. Конференция резко осудила позицию США, поддерживающих Израиль, и призвала их воздерживаться от оказания военной и экономической помощи этой стране. Участники конференции приветствовали Ливан и Сирию за помощь палестинским партизанам и обязались оказывать всяческую поддержку этим странам в случае вооруженного нападения на них Израиля. Конференция осудила Израиль за аннексию арабской части города Иерусалима¹⁶⁶.

После арабо-израильской войны 1973 г. на мусульманских конференциях в течение 70-х годов все большее место занимали вопросы экономического сотрудничества, совместных мер против агрессивных, аннексионистских действий Израиля, поддержки прав арабского народа Палестины. Возросшая финансовая мощь Саудовской Аравии, ее займы и безвозмездные ссуды придавали ей растущий вес среди мусульманских стран.

Саудовская Аравия в ОПЕК. Саудовское правительство тщательно изучало международный рынок нефти и начинало понимать, какие колоссальные прибыли получают нефтяные компании за пределами Саудовской Аравии, несмотря на формальный принцип «50 на 50» («фифти-фифти»).

В апреле 1959 г. был созван первый арабский нефтяной конгресс, на котором присутствовали и представители Саудовской Аравии. Нефтеэкспортирующие страны начали осознавать необходимость коллективных действий. Особенное их беспокойство вызывало уменьшение справочных цен. С 1957 по 1960 г. справочная цена на нефть была уменьшена, для Рас-Таннуры она упала с 2,12 до 1,84 долл. за тонну. Резко сократились доходы нефтеэкспортирующих стран¹⁶⁷.

В сентябре 1960 г. в Багдаде была создана Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК), куда вошли Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла. Впоследствии к ним присоединились Абу-Даби, Катар, Ливия, Алжир, Индонезия, Нигерия, Эквадор, Габон. Главной Целью ОПЕК на этом этапе было поднять цены на сырую нефть до уровня 1954 г., поддерживать их на этом уровне, осуществлять консультации между странами и компаниями, когда требуется изменение в ценах; в случае необходимости контролировать объем производства. 25 января 1965 г. саудовское правительство и АРАМКО подписали соглашение, на основе которого компания согласилась считать арендные платежи частью эксплуатационных расходов, вычитаемых из общего дохода, и выплачивать подоходный налог из оставшейся части. Благодаря этому доля Саудовской Аравии в доходах от экспорта сырой нефти поднялась выше 50%¹⁶⁸.

Первоначальные требования ОПЕК, учитывая последующее развитие событий, были скромны и не выходили за чисто коммерческие рамки. Мало кто верил тогда, что новая организация окажется жизнеспособной. Слишком различны были режимы в странах-участницах, слишком многое их разъединяло. Международные нефтяные компании пытались игнорировать новую реальность. «Мы не признаем так называемую ОПЕК», — заявил президент АРАМКО Браун.

Пока на международном рынке был относительный избыток нефти и покупатели, а не продавцы диктовали условия, участники ОПЕК предъявляли умеренные требования. Однако из года в год они накапливали опыт коллективных действий, который показывал, насколько выгодно выступать вместе.

В 1969 г. республиканское правительство Ливии предложило концессионерам отчислять ему не 50, а 54 — 55% от прибылей, а в ответ на их отказ уменьшила в 1970 г. разрешенный объем добычи. В условиях, когда Суэцкий канал бездействовал, а транссараайский нефтепровод был взорван палестинскими партизанами, международные компании не могли бойкотировать ливийскую нефть, на которую приходилась почти пятая часть западноевропейского потребления, и капитулировали. Успех Ливии вызвал пенную реакцию, и страны зоны Персидского залива заставили концессионеров выплачивать такую же долю прибылей¹⁶⁹.

Когда 12 января 1971 г. члены ОПЕК из района Персидского залива начали в Тегеране переговоры с нефтяными компаниями, они представляли собой объединенную группу стран. В течение целого десятилетия ОПЕК, не могла добиться своей первоначальной цели — регулярного повышения справочных цен на нефть. Но конъюнктура на мировом рынке все больше благоприятствовала продавцам. Саудовская Аравия, на помощь которой надеялись Вашингтон и Лондон, поддержала требования других членов ОПЕК. Нефтяные компании вынуждены были согласиться выполнить большинство предъявленных им требований шести нефтеэкспортирующих стран бассейна Персидского залива¹⁷⁰.

Соглашение, заключенное 14 февраля 1971 г. в Тегеране, практически передало контроль над справочными ценами нефте-экспортирующим странам — Абу-Даби, Ирану, Ираку, Кувейту и Саудовской Аравии. Соглашение предусматривало:

1. Увеличение уровня налогов и отчислений до 55%.
2. Общее увеличение справочной цены на баррель на 33% плюс увеличение на 2 цента за баррель, «чтобы удовлетворить требования за различия фрахтовых ставок».
3. Дополнительное увеличение справочных цен на 5 центов с 1 июня 1971 г. и затем каждого 1 января с 1973 по 1975 г.
4. Пересмотр цен на 2,5% с 1 июня 1971 г. и затем каждого 1 января с 1973 по 1977 г., чтобы гарантировать от потери покупательной способности из-за инфляции¹⁷¹.

Освоив метод коллективного торга, ОПЕК добилась выдающегося успеха — вырвала контроль за справочными ценами из рук компаний.

Однако в декабре 1971 г. американский доллар был девальвирован на 12%. Тогда ОПЕК после совещания в Женеве подняла справочные цены в заливе на 8,49%. Были выработаны соответствующие принципы и методы для определения цен с учетом колебания курса американского доллара¹⁷².

Тегеранские соглашения продемонстрировали, что члены ОПЕК добились целей, намеченных в 1960 г. Однако остался еще вопрос об участии правительств нефтедобывающих стран в собственности и деятельности компании, что означало бы фундаментальные изменения в их взаимоотношениях. С 21 января 1972 г. ОПЕК и нефтяные компании начали переговоры об участии. Правительства нефтеэкспортирующих государств имели три пути изменения концессионных соглашений: полная национализация; сокращение времени их действия; включение в существующие соглашения принципа частичного участия, которое постепенно приведет к полной собственности на нефтяную промышленность.

Эр-Рияд выбрал третий путь. Саудовский министр нефти Ахмед Заки Ямани стал главным представителем ОПЕК в переговорах с международными нефтяными компаниями¹⁷³.

Саудовское правительство и АРАМКО договорились о следующем:

1. Вслед за первоначальным участием в 25% доля государства в компании будет подниматься каждый год на 5% с 1 января 1979 по 1982 г. и должна достигнуть 1 января 1983 г. 51%.
2. Компания получает компенсацию за свои вложения с учетом инфляции, первоначально — 500 млн. долл. за передачу 25% акций АРАМКО Саудовской Аравии.

3. Правительство будет иметь право на сырую нефть, добываемую компанией, в соответствии с долей своего участия¹⁷⁴.

Взаимоотношения между Саудовской Аравией как ведущим участником ОПЕК и первым экспортером нефти в мире и нефтяными компаниями к началу 70-х годов вышли за чисто экономические рамки спора из-за доли прибылей от продажи сырой нефти. Весь комплекс нефтяных проблем — от контроля над ее добычей и транспортировкой до распределения и цен — стал одним из главных вопросов мировой политики. Начиная с «плана Маршалла», через иранский нефтяной кризис, Суэцкий кризис, прекращение поставок нефти в 1956—1957 гг., нефтяной бойкот 1973 г. и до нового прыжка цен в конце 70-х годов нефтяной вопрос приобретал все больший вес во внешней политике США. Для удержания ближневосточных производителей нефти в орбите американского империализма Вашингтон потратил миллиарды долларов, организовал огромную административную и военную машину во всемирном масштабе, согласовал действия с многонациональными нефтяными корпорациями, установил океанские линии танкерных флотов и нарушил собственные антitrustовские законы.

В 50-е годы контроль США над нефтью бассейна Персидского залива обеспечивал прибыли корпораций и сохранение в американских руках нефтяного шланга, питающего экономику «несоциалистического» мира. В 1959 г. президент США Эйзенхауэр попытался ограничить импорт ближневосточной нефти 2,5% американского потребления¹⁷⁵. В то время американская экономика была практически независимой от этого источника нефти, хотя Ближний и Средний Восток приобретал все большую стратегическую роль в антисоветских планах американского правительства. Но в 70-е годы США стали главным импортером нефти в мире. Естественно, выросла роль Саудовской Аравии, способной сохранять или даже наращивать достигнутый уровень нефтедобычи.

Свое влияние Саудовская Аравия продемонстрировала во время арабо-израильской войны в октябре 1973 г.

«Нефтяное оружие». В Эр-Рияде явственно ощущали колебания американского курса на Ближнем Востоке. Одной рукой Вашингтон стремился обеспечить «энергетическую безопасность США», интересы своих корпораций, контроль за поставками ближневосточной нефти союзникам в Западную Европу и Японию, а все это требовало укрепления отношений с арабскими странами, хотя бы с теми государствами, где находятся основные нефтяные ресурсы, прежде всего с Саудовской Аравией. Другой рукой Вашингтон оказывал экономическую, военную и политическую поддержку Израилю, что разрушало основу тесных отношений с арабскими государствами.

Саудовское правительство, чувствуя свой возрастающий вес в мире нефти и финансов, претендовало на роль общеарабского лидера, а это неизбежно требовало проведения антиизраильского курса. Задача освободить Восточный Иерусалим соответствовала не только пропагандистским и внешнеполитическим установкам, но и потребностям внутренней консолидации режима — хранителя двух «святых мест», провозглашающего своей «конституцией» Коран. Поэтому, будучи жизненно заинтересованным в поддержке США и широком сотрудничестве с ними, саудовское правительство вынуждено было декларировать конфронтацию с Вашингтоном в арабо-израильском конфликте.

18 апреля 1973 г. министр нефти Саудовской Аравии Ахмед Заки Ямани заявил в Вашингтоне, что его страна увеличит к 1980 г. добычу нефти до 20 млн. баррелей в день, как этого требовали США, только в том случае, если Вашингтон обеспечит создание благоприятной для арабов политической атмосферы на Ближнем Востоке, оказав необходимое воздействие на Израиль¹⁷⁶.

6 июля 1973 г. король Фейсал в беседе с американскими журналистами в Джидде сказал, что Саудовской Аравии станет трудно продолжать тесно сотрудничать с США, если американцы будут по-прежнему поддерживать Израиль. За несколько недель до этого участники АРАМКО получили предостережение короля о том, что Саудовская

Аравия заморозит добычу нефти, если США не изменят свою политику по отношению к Израилю¹⁷⁷.

В недели и месяцы, предшествовавшие октябрьской арабо-израильской войне, Фейсал не раз предупреждал американское правительство, что поддержка Вашингтоном Израиля может подорвать саудовско-американские отношения. Тон саудовского правительства становился все более решительным. Саудовская Аравия призывала Вашингтон оказать давление на Израиль, с тем чтобы тот выполнил резолюцию Совета Безопасности № 242 от 22 ноября 1967 г. (освобождение всех захваченных в июне 1967 г, арабских земель), в противном случае США столкнутся с последствиями сокращения нефтяных поставок¹⁷⁸.

Эти предупреждения в США и Западной Европе не принимались всерьез¹⁷⁹. Предыдущие нефтяные бойкоты 1956 и 1967 гг. оказались малоэффективными. Но тогда предложение превышало спрос и монополии располагали крупными резервами жидкого топлива. Кроме того, США могли обойтись без импорта нефти. В начале 70-х годов обстановка коренным образом изменилась.

Летом 1973 г. саудовское правительство дало понять, что поддержит Египет в случае новой войны с Израилем.

6 октября 1973 г. началась новая арабо-израильская война. В первые дни сирийская и египетская армии провели успешные боевые операции. Затем израильцы начали контрнаступление, но не смогли нанести поражение арабским армиям. В конкретных ближневосточных условиях для израильцев отсутствие победы было равнозначно поражению, хотя бы политическому.

Арабские государства сумели проявить солидарность, несмотря на различие существовавших в них режимов. Участие в боях на сирийском фронте приняли иракцы. Иордания, Марокко, Тунис, Саудовская Аравия, Кувейт, Алжир направили в арабские страны, воюющие с Израилем, воинские подразделения, хотя, как правило, символические. Саудовская Аравия и Ливия приняли решение увеличить финансовую помощь Египту и предоставить помощь Сирии для возмещения финансово-экономических затрат этих стран, связанных с войной.

7 октября 1973 г., на второй день после начала военных действий, государственный секретарь США Г. Киссинджер направил телеграмму королю Фейсалу, призывая его убедить Египет и Сирию прекратить военные действия. Фейсал ответил, что он полностью поддерживает Египет и Сирию, и призвал Вашингтон приложить усилия, чтобы побудить Израиль освободить оккупированные им территории¹⁸⁰.

9 октября 1973 г. саудовское правительство отозвало всех военнослужащих из отпусков и привело армию и состояние боевой готовности¹⁸¹. 14 октября 1973 г. Саудовская Аравия послала свое воинское подразделение на помощь Сирии¹⁸², которое, однако, в боях не участвовало.

17 октября 1973 г. на совещании министров нефти десяти арабских стран было принято решение сокращать добычу нефти ежемесячно не менее чем на 5%, пока не будет урегулирован ближневосточный конфликт. На практике Саудовская Аравия и Кувейт уменьшили производство сразу на 10%¹⁸³.

Когда же США организовали «воздушный мост» для снабжения Израиля вооружением, Саудовская Аравия и другие арабские страны перешли к более решительным действиям. 20—22 октября арабские страны одна за другой объявили о прекращении поставок нефти США, а вскоре и Голландии, которая заняла произраильскую позицию. Они ввели эмбарго также на поставки сырья тем нефтеперерабатывающим заводам, которые обычно экспортируют нефтепродукты в США или продают их американскому военно-морскому флоту¹⁸⁴.

Параллельно с конференцией арабских стран в Кувейте встретились представители нефтеэкспортирующих государств зоны Персидского залива, включая Иран. Они договорились поднять справочную цену на нефть почти на 70%, а в декабре, после

Тегеранского совещания, удвоили и новую цену. С января 1973 по январь 1974 г. справочные цены и фактические доходы нефтеэкспортирующих стран, в том числе Саудовской Аравии, выросли пятикратно¹⁸⁵. Ирак помимо введения эмбарго национализировал американские и голландские доли в капитале компании «Басра Петролеум»¹⁸⁶.

Нефтяной бойкот поставил в трудное положение США, у которых в первой половине 1973 г. более четверти нефтяного импорта шло из арабских стран. Еще больше проблем возникло в Японии и Западной Европе. В начале 70-х годов Япония получала с Ближнего и Среднего Востока $\frac{9}{10}$ потребляемой ею нефти, а Западная Европа — 85%¹⁸⁷.

5 ноября 1973 г. десять арабских государств—экспортеров нефти решили сократить добычу в декабре на 25% по сравнению с сентябрем. Реакция Западной Европы была немедленной. Уже 6 ноября утром правительства стран «девятки» высказались за выполнение резолюций Совета Безопасности, принятых в связи с военными действиями, а также резолюции Совета Безопасности № 242 во всех ее частях, включая освобождение оккупированных в 1967 г. арабских территорий. Подобное же заявление сделала Япония¹⁸⁸.

Но вслед за прекращением военных действий многие арабские государства — экспортеры нефти стали высказываться против введенных ограничений под предлогом того, что они наносят ущерб дружественным арабам странам. В начале декабря 1973 г. члены Организации арабских стран — экспортеров нефти (созданной в 1968 г.) (ОАПЕК) на своей встрече в Кувейте приняли решение отменить сокращение добычи нефти на 5%, намеченное на декабрь. Это было обосновано желанием улучшить положение стран — членов Европейского экономического сообщества, занявших дружественную по отношению к арабам позицию. В коммюнике ОАПЕК отмечалось также, что африканские и исламские государства будут получать нефть по имеющимся контрактам. Эмбарго на вывоз нефти в США и Голландию было временно сохранено¹⁸⁹.

25 декабря 1973 г. арабские страны — производители нефти на своей очередной конференции в Кувейте решили увеличить добычу нефти в январе 1974 г. на 10% и восстановить в прежнем объеме поставки жидкого топлива в Японию, Бельгию, Англию, Францию, Испанию и на Филиппины. Они констатировали также, что применение ими нефтяных санкций не оказало существенного влияния на экономическое положение США и других стран, враждебных арабам, и не изменило их политики¹⁹⁰.

18 марта 1974 г. по настоянию Саудовской Аравии эмбарго на экспорт нефти в США было отменено¹⁹¹. Заинтересованность Саудовской Аравии в многоплановом экономическом, политическом, военном сотрудничестве с США взяла верх. Применение «нефтяного оружия» в ходе и после арабо-израильской войны 1973 г., многократное увеличение финансовой мощи Саудовской Аравии благодаря росту цен на нефть вывели королевство на положение лидера консервативных арабских государств Ближнего Востока. Король Фейсал способствовал восстановлению отношений между Египтом и США, повороту египетской внешней политики на 180°, усилению реакции внутри Египта. Во всем регионе Ближнего и Среднего Востока и даже за его пределами Саудовская Аравия способствовала укреплению правых, антисоциалистических, антисоветских сил.

Но вместе с тем проведение внешней политики только с помощью чековой книжки демонстрировало и слабость Саудовской Аравии, так как не подкреплялось ни военным потенциалом, ни наличием кадров для реализации поставленных задач, ни устойчивостью ее режима. Сотрудничество с США и проимпериалистический курс наталкивались на противоречия в подходе к Израилю и на глубокие антиамериканские чувства массы населения Саудовской Аравии.

ГЛАВА XVIII

СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АРАВИИ В «НЕФТЯНУЮ ЭПОХУ»

(Пропущены страницы 454 – 455 в тексте книги. – Прим.автора OCR).

ны, египетские фунты, на востоке страны — индийские рупии, а повсеместно — талеры Марии-Терезии, равные трем саудовским риалам⁷.

В 1952 г. было создано Валютное агентство Саудовской Аравии с функциями эмиссионного банка, а через несколько лет — Центрального банка. Выпущенный им риал имел золотое содержание (примерно в 0,2 г), обеспеченное золотом и свободно конвертируемой валютой. Один доллар США был равен по курсу 3,75 риала, а в 1960 г. — 4,5 риала⁸. Стали выпускаться так называемые «чеки для паломников», которые постепенно были заменены бумажными деньгами.

В последующие годы официальный паритет саудовского риала менялся дважды. В связи с девальвацией доллара и сохранением золотого содержания риала на прежнем уровне его фактический курс по отношению к доллару с декабря 1971 г. повысился и стал 4,14 риала за один доллар⁹. В августе 1973 г. Саудовская Аравия ревальвировала риал, содержание золота было увеличено примерно до 0,21 г. Официальный курс по отношению к одному доллару стал 3,55 риала¹⁰.

Валютное агентство имело штаб-квартиру в Джидде, затем открыло отделения в Мекке, Медине, Даммаме. Главными задачами его создания было стабилизировать и укрепить саудовскую валюту, централизовать доходы и расходы, помогая министерству финансов и национальной экономике. Экспертами в агентстве работали иностранцы¹¹.

В 1957 г. Саудовская Аравия стала членом Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР), а с 1970 г. — Международной ассоциации развития¹². Именно эти международные организации, где господствовал американский капитал, стали диктовать ей финансовую и экономическую политику, хотя их рекомендации на практике часто оказывались невыполнимыми.

До 1952 г. ведущим банком страны было голландское «Нидерландское торговое общество», действовавшее с 1926 г., через которое и были произведены первые платежи ШКАЛ при получении нефтяной концессии. В 40-х — начале 50-х годов появились французский «Банк де л'Эндошин», Иорданский арабский банк, «Бритиш Бэнк оф зе Мидл Ист», «Нэшнл Бэнк оф Пакистан»¹³.

К середине 60-х годов Саудовская Аравия имела три своих банка — Национальный коммерческий банк со штаб-квартирой в Джидде, Риядский банк и созданный в 1964 г. Банк сельскохозяйственного кредита¹⁴. Частный Национальный коммерческий банк был основан в середине 30-х годов крупными торговыми домами Джидды—аль-Кааки и Махфуза¹⁵. В 1974 г. в Саудовской Аравии было 12 своих банков с 72 постоянными отделениями и конторами и 10 иностранных банков¹⁶.

Прямые отчисления нефтяных компаний составляли более $\frac{4}{5}$ доходов государств. Учитывая косвенные доходы от их деятельности, можно констатировать, что все доходы государства, а практически вся экономика страны держалась и держится на добыче и экспорте нефти.

Другими, второстепенными источниками дохода государства были муниципальные, портовые, аэродромные и другие сборы, доходы от железной дороги и авиакомпаний, сборы на дорогах, закят. В 1954 г. закят лишь немногим превосходил 1 млн. долл., т. е. составлял менее 1 % общего дохода государства. В 50-е годы правительство стало собирать этот налог лишь в размере 1,25% доходов жителей, а не 2,5%. Предполагалось, что верующие сами будут расходовать оставшуюся часть на благочестивые цели¹⁷.

Что касается расходов государства, то их основная часть в 40 — 50-е годы шла на содержание королевской семьи, вооруженных сил, полиции, субсидии племенам, религиозным учреждениям¹⁸.

В 1960 г. Саудовскую Аравию посетила миссия МБРР. Среди ее рекомендаций были создание центральной плановой организации, концентрация усилий правительства

на важнейших экономических проектах, особенно на тех, в которых не будет занят частный капитал, дальнейшее изучение минеральных и водных ресурсов¹⁹.

В 1961 г. была создана высшая плановая комиссия, которая должна была разрабатывать политику экономического развития вместе с различными министерствами и агентствами на основе рекомендаций МБРР и наблюдать за выполнением экономических проектов. Ее заменила в 1965 г. Центральная плановая организация, возглавляемая председателем в ранге министра. Между Центральной плановой организацией, Валютным агентством и министерством финансов и экономики не было четкого разграничения функций. Нередко между этими организациями возникали серьезные противоречия. Ни один из принятых в начале 60-х годов экономических планов не был проведен в жизнь²⁰. В 60-е годы в бюджете стали увеличиваться статьи расходов на транспорт, здравоохранение, образование, сельское хозяйство, оседание племен, ирригацию. На здравоохранение в 1959 г. и 1973 /74 г. было выделено соответственно 60 млн. и 499 млн. риалов, на экономические проекты — 55 млн. и 14 млрд. 263 млн. Всего же бюджет увеличился с 1112 млн. в 1959 г. до 22 млрд. 810 млн. в 1973/74 г.²¹.

Государственные бюджеты 60-х — начала 70-х годов предусматривали увеличение вложений в экономическое развитие, здравоохранение, просвещение, но проекты экономического развития в значительной мере скрывали расходы военно-стратегического характера²². Прямые и косвенные ассигнования на вооруженные силы и аппарат подавления, т. е. на непосредственные задачи сохранения режима, после 1967 г. составляли $\frac{2}{5}$ бюджета (до этого были равны примерно трети)²³. Уровень затрат Саудовской Аравии на армию составлял 10 — 13% ВВП и был выше, чем в любой стране НАТО, включая США, уступая лишь тем странам Ближнего Востока, которые принимали непосредственное участие в арабо-израильском конфликте²⁴. Огромная часть средств проедалась и разворовывалась разбухшим государственным аппаратом²⁵.

С конца 60-х — начала 70-х годов в финансовой практике Саудовской Аравии стало наблюдаться новое явление — экспорт капиталов по государственной линии через Валютное агентство. Основная часть государственных депозитов находилась в «Морган Гаранти Траст Компани» и «Чейз Манхэттен бэнк»²⁶. Значительные вклады были сделаны и в европейские банки. Общая сумма саудовских вкладов за рубежом примерно составляла: в 1969 г. — 785 млн. долл., в 1970 г. — 890 млн., в 1971 г. — 1540 млн., в 1972 г. — 2870 млн., в 1973 г. — 4790 млн., в 1974 г. — 19 200 млн., в 1975 г. — 38 700 млн., в 1976 г. — 49 590 млн. долл.²⁷ Цифры эти — приблизительные и могут говорить лишь о тенденции, а не о точных размерах капиталов.

После увеличения «справочных цен» на нефть в несколько раз страна в 70-е годы уже просто не могла осваивать и даже проедать растущие доходы и экспортировала капиталы во все больших количествах, поместив за рубежом к концу 70-х годов несколько десятков миллиардов долларов. Большая часть саудовских вложений состояла из облигаций американского казначейства, банковских депозитов и акций корпораций, а также вложений на рынке евродолларов и инвестиций в недвижимость. По данным «Ферст Нэшнл Бэнк оф Чикаго», 70% саудовских вложений были связаны с долларом²⁸.

Зарождение и развитие национальной промышленности. Еще в начале 40-х годов в большинстве районов Саудовской Аравии не использовалось колесо. Было бы неверным сказать, что их жители «не знали колеса», но его отсутствие достаточно точно характеризовало уровень развития производительных сил страны. Вплоть до начала 60-х годов национальное производство ограничивалось выпуском традиционных предметов первой необходимости и было представлено ремесленниками, работавшими на рынок, и домашним ремеслом²⁹.

Традиционная экономика Саудовской Аравии с ее примитивным уровнем развития производительных сил разрушалась и до появления АРАМКО. Вторжение современного капиталистического производства и массовый импорт, губительный для местных ремесел (как и для кочевого хозяйства), ускорили этот процесс. В конце 50-х годов американские

авторы писали: «За последние годы ремесленные отрасли испытали общий упадок под воздействием растущего импорта дешевых промышленных товаров... Количество рабочих, занятых в ремесленном производстве, никогда не бывшее большим, стало сегодня ничтожным»³⁰.

АРАМКО, окруженная средневековой или досредневековой экономикой, оказала непосредственное воздействие на арабийское общество. Она привлекала наемную рабочую силу, возводила современные поселки и города, создавала вспомогательные службы и мастерские с участием национального капитала, строила сеть дорог. Все эти перемены, означавшие прогресс и для экономики Саудовской Аравии, и для ее социального развития, были вызваны необходимостью создать элементарные экономические, технологические, социально-политические условия для нормального функционирования АРАМКО.

С помощью местных капиталов в Восточной провинции стали появляться второстепенные отрасли промышленности и строительства, обслуживающие АРАМКО. В 1944 г. было только два местных подрядчика, в 1947 г. — 107, в 1955 г. — примерно 200³¹. Они нанимали несколько тысяч рабочих. Много подрядчиков участвовало в сооружении трансаравийского нефтепровода, в строительстве дорог, в частности железнодорожной линии Даммам — Эр-Рияд, военного аэродрома в Дахране, школ, домов для рабочих и служащих АРАМКО, госпиталей, в расширении и благоустройстве порта Даммам³². Некоторые саудовские подрядчики открыли свои строительные конторы, создали транспортные фирмы, владевшие десятками автомашин, авторемонтные мастерские. Хотя в общем объеме средств, израсходованных на строительные работы АРАМКО, доля подрядчиков была невелика, она постоянно росла. Через свой департамент развития арабской промышленности АРАМКО контролировала деятельность местных фирм, предоставляя выгодные заказы или отказывая в них³³.

В Восточной провинции появились заводы по производству строительных материалов, бутылок, кислорода, льда, прохладительных напитков, электростанции, мебельные мастерские. Выросло число торговых фирм, различных магазинов и лавок³⁴.

Однако к 1960 г. в стране практически не существовало национальной промышленности³⁵. Если не считать нефтеперегонных заводов, принадлежавших иностранному капиталу, в Саудовской Аравии не было ни одного предприятия с числом рабочих свыше 100. В среднем на одно «крупное» предприятие приходилось шесть человек при общем числе рабочих около 5500³⁶. Капиталовложения в «промышленность» составляли несколько десятков миллионов долларов, капиталовложения АРАМКО были равны примерно 1 млрд. Почти все предприятия принадлежали частному капиталу, за исключением крупных государственных авторемонтных мастерских³⁷.

Правящий класс Саудовской Аравии, заинтересованный в личном обогащении, с растущей алчностью потреблявший и «проедавший» нефтяные доходы, в 40-х — начале 50-х годов просто не интересовался судьбой национальной промышленности и ремесел. Лишь постепенно у его наиболее дальновидных и просвещенных представителей созрела мысль о необходимости государственного вмешательства в экономику, хотя бы с целью ее законодательного регулирования и поощрения. Эти идеи возникали как под воздействием процессов, происходивших в передовых арабских странах, так и в результате критики режима нарождавшимися национально-демократическими силами внутри страны и советов американских экспертов.

Оценивая послевоенную экономическую политику Саудовской Аравии, В. В. Озолинг условно разделил ее на четыре периода³⁸. 1946—1956 гг. — «период опьянения богатством». В Саудовской Аравии, сделавшей первые шаги по пути превращения в многоукладное «буржуазно-феодальное» государство^{38a}, стремительно развивалась нефтедобыча и столь же быстро увеличивались доходы правящего класса.

1957—1963 годы — «переходный период». Правительство вынуждено было принять ряд мер для оздоровления национальной экономики. Было решено ввести контроль за валютными операциями, ограничить импорт, сбалансировать бюджет.

С 1964 г. впервые за историю страны возникла прочная, постоянно расширяющаяся база для быстрого увеличения общенационального фонда накопления. Для страны с преобладающими феодальным и полуфеодальным укладами, которые сами не могут служить базой накопления, это факт сравнительно редкий. Сосредоточение громадных финансовых ресурсов в руках государства, необходимость не только защищать интересы крепнущего класса буржуазии, но и прокладывать ему дорогу, создавать благоприятные условия для предпринимательской деятельности — все это объясняет появление в середине 60-х годов нового, государственно-капиталистического сектора в экономике.

Наконец с 70-х годов правительство, которое отдавало предпочтение краткосрочному текущему планированию в пределах одного финансового года, приняло первый в истории страны пятилетний план экономического развития (1971—1975).

В мае 1962 г. был издан декрет о защите национальной промышленности, который предусматривал отмену таможенных пошлин на ввоз машин, оборудования, запчастей и некоторых видов сырья и полуфабрикатов. Правительство обязалось предоставить земельные участки для новых промышленных предприятий. В 1963 г. министерство торговли было преобразовано в министерство торговли и промышленности. Оно должно было разработать меры для защиты местной промышленности от иностранной конкуренции, предоставить как национальному, так и иностранному капиталу льготы при импорте промышленного оборудования, в сфере налогообложения, кредита ³⁹.

Созданная в 1965 г. Центральная плановая организация стала разрабатывать рекомендации, направленные на диверсификацию саудовской экономики, и готовить первую пятилетнюю программу экономического развития. В 1965 г. был впервые введен порядок обязательной регистрации в министерстве торговли и промышленности всех вновь создаваемых компаний ⁴⁰.

На основе декрета о защите и поощрении национальной промышленности, изданного в мае 1962 г., к концу 1971 г. появилось 188 фирм с числом рабочих от 7 до 64. Капитал, приходящийся на одну фирму, был равен 1,1 млн. сауд. риалов. Самые большие средства вкладывались в строительство ⁴¹. Но большая часть саудовских промышленных предприятий не могла работать на полную мощность из-за узости рынка, иностранной конкуренции, нехватки рабочей силы и сырья. Успешно развивалась лишь цементная промышленность, увеличившая производство с 30 тыс. т в 1957/58 г. до 911 тыс. т. 1972 г. ⁴².

В справочнике Торговой палаты Джидды перечисляются предприятия, существовавшие в самом крупном городе Хиджаза в конце 60-х годов. Они сводятся опять-таки к производству прохладительных напитков, льда, бумаги, кирпича, других строительных материалов, бытовых химикалий, бройлерных цыплят. Примеры размеров капитала: 15 млн. риалов — для фирмы прохладительных напитков, 25 млн. риалов — для фирмы, производящей цемент, 200 тыс. — для предприятия по производству кирпича, 7,5 млн. риалов — для фирмы бытовых химикалий ⁴³.

Саудовские предприниматели в 60-е годы построили спичечную фабрику в селении между Эр-Риядом и Эль-Харджем, мыловаренный завод в Джидде, цементные заводы в Эр-Рияде, Хуфуфе, увеличилась мощность цементного завода в Джидде, бумажной фабрики в Даммаме. Расширились кирпичная, стекольная, мебельная, кондитерская, пищевкусовая промышленность, небольшие литейные, механические, авторемонтные мастерские ⁴⁴.

Государство выделяло значительные средства на городское строительство, благоустройство, электрификацию, коммунальные услуги. В целом экономическое развитие все эти годы сводилось прежде всего к расширению и совершенствованию инфраструктуры. Это создавало растущий спрос на электроэнергию и строительные

материалы. Общая сумма инвестиций в национальную промышленность к концу 1969 г. оценивалась в 1 млрд. риалов. Это означало рост за девять лет в 6,5 раза ⁴⁵.

Р. Кнауэрхейз отмечал, что в городах в 1968 г. было 101 569 рабочих, а в 1971 г. — 146740, не уточняя, входят ли в это число иммигранты. Число «предприятий» соответственно было 42 886 и 60 929. Таким образом, речь шла главным образом о мастерских в секторе услуг (ремонт автомашин и бытовой

(Пропущены страницы 462 – 463 в тексте книги. – Прим.автора OCR).

850 рабочих и 54 инженерно-технических работника, все — саудовцы ⁵⁹.

В Саудовской Аравии кроме нефти были обнаружены другие полезные ископаемые — гипс, медь, железная руда, уран, каменная соль, серебро, золото, редкоземельные металлы. Но в 60-е годы разработка их практически не была начата ⁶⁰. Напомним, что с 1934 по 1954 г. в Махд-эд-Дахабе вела добычу золота на рудниках, сохранившихся с античных времен, американо-англо-канадская компания. За 20 лет она добыла примерно 26 т золота, затем признала дальнейшую эксплуатацию нерентабельной ⁶¹.

В июле 1972 г. в Саудовской Аравии были приняты новые законы, регулирующие эксплуатацию минеральных богатств страны (помимо нефти). Максимальная площадь, предоставляемая для разведки, была увеличена со 100 до 10 тыс. кв. км, компании, начинающие разработку минералов, на пять лет освобождались от налогов. Все это привело к заметной активизации поисковых работ, главным образом на медь ⁶².

В ключевых, капиталоемких отраслях промышленности, где было неизбежно участие иностранного капитала, саудовское правительство через ПЕТРОМИН пыталось осуществлять контроль за деятельностью вновь создаваемых компаний. Оно вкладывало в них государственные средства, в большинстве случаев было держателем контрольного пакета акций, его представители входили в правления. Однако, учитывая некомпетентность и коррупцию саудовских представителей, промышленные проекты часто оказывались нерентабельными, служили для обогащения и местных чиновников, и иностранных фирм.

Несколько успешнее, хотя и с большим перерасходом средств, в 50—70-е годы решались задачи создания с помощью импортной технологии и ввезенных кадров современных коммуникаций.

Обширная слабонаселенная страна, занятая каменистыми и песчаными пустынями, нуждалась в дорогах. В октябре 1951 г. была построена одноколейная железная дорога длиной 577 км от Даммама на побережье Персидского залива через Хуфуф и Дахран до Эр-Рияда ⁶³. Об экономической целесообразности этой дороги до сих пор спорят. Во всяком случае, железных дорог в стране больше не строилось, и планы продления ее до Медины и Джидды или Янбо и восстановления разрушенной в первую мировую войну Хиджазской железной дороги остались нереализованными.

Шоссейные дороги стали интенсивно прокладываться в 50-е годы. В Восточной провинции они соединили Дахран с Эль-Хубаром, Даммамом, Рас-Таннурой, Эль-Джубайлем. Дороги с твердым покрытием были проложены в Кувейт, а вдоль трансарабского нефтепровода — в Иорданию, Сирию и Ливан. От Джидды были построены асфальтированные шоссе к Мекке и Медине, а затем — автострада через трудные горы от Эт-Таифа к Мекке. В 70-е годы шоссе строительство продолжалось с еще большей интенсивностью, вступила в строй автострада из Хиджаза в Неджд и Эль-Хасу, главные центры страны были связаны дорогами. Среди проектов дорожного строительства, реализация которых была намечена на 1971 — 1975 гг., важнейшим считалось завершение работ на автостраде Эт-Таиф — Абха — Джизан протяженностью более 700 км ⁶⁴.

Были созданы, расширены или реконструированы порты в Джидде и Янбо — на Красном море, Даммаме, Эль-Хубаре, Мина-Сауде — на Персидском заливе. В 60-е годы в стране было два современных аэродрома — в Джидде и Дахране. Крупные аэропорты были созданы в Эр-Рияде, Медине, Эт-Таифе. Саудовская авиакомпания, зависимая от

американской «Трансуорлд Эрэйз», установила регулярные линии с десятками стран мира.

Телефонная сеть связала главные центры страны, а с 70-х годов стала автоматической. Крупные радиостанции действовали в Джидде, затем в Эр-Рияде, Мекке, более мелкие были открыты в других центрах. Долгое время единственная телестанция принадлежала АРАМКО; преодолев сопротивление улемов, в 60-е годы была создана национальная телесеть⁶⁵.

Р. Кнауэрхейз составил таблицу роста саудовской экономики с 1962/63 по 1972/73 г. В валовой внутренний продукт он включил и военные расходы, и услуги, и прочие показатели, неприемлемые для нашей методологии. Кроме того, с 1966 /67 г. он сменил систему подсчета. Однако, учитывая оценочный характер многих данных, мы все же можем получить общую картину. По данным Кнауэрхейза, валовой внутренний продукт с 1962 /63 по 1972/73 г. вырос с 8,6 млрд. сауд. риалов до 21,3 млрд., т. е. на 147,6%. Добыча нефти по-прежнему доминировала в экономике. Сельское хозяйство развивалось крайне медленно и со второго места в экономике в начале 60-х годов передвинулось на восьмое. Переработка нефти заняла второе место. Промышленное производство возросло со 157 млн. риалов в 1962/63 г. до 417 млн. в 1972/73 г., а строительство — с 311 млн. риалов до 1415 млн. Эти цифры не учитывают инфляцию и спекулятивный рост цен и не показывают, какую часть стоимости промышленного производства составляли ввезенное сырье и полуфабрикаты⁶⁶.

В 70-е годы, как и раньше, нефтяная промышленность в целом была «основой экономики страны, единственным имеющимся в ней развитым, находящимся на уровне технических требований современности промышленным комплексом, — писал В. В. Озолинг. — Однако ввиду того, что принадлежит он почти целиком иностранному, главным образом американскому, капиталу, его необходимо рассматривать как некий обособленный организм в экономике страны, не входящий органически в ее народное хозяйство. Деятельность этого сектора в значительной степени изолирована от процесса воспроизводства, происходящего в собственно национальной экономике»⁶⁷. За пределами нефтяного комплекса страна оставалась по-прежнему одной из самых экономически отсталых в мире. И к середине 70-х годов после полутора десятков лет усилий доля национальной промышленности в валовом национальном продукте была ничтожной.

Национальная обрабатывающая промышленность производила во второй половине 60-х годов лишь немногим более 2% валового национального продукта⁶⁸. В начале 70-х годов ее доля еще более снизилась из-за опережающих темпов роста нефтяной промышленности. Чтобы стать рентабельным и конкурентоспособным, предприятие должно опираться на развитую технологическую базу, иметь квалифицированные кадры и достаточно емкий рынок. Этих условий в Саудовской Аравии не было. Наличие огромных капиталов и декларативная готовность правительства вложить средства в промышленность не давали эффекта. Экономические проблемы усугублялись слабым развитием инфраструктуры, недостоверностью статистики, коррупцией государственного аппарата, сговором иностранных фирм, многократно завышавших стоимость оборудования и строительства и заранее обрекавших вновь созданные предприятия на нерентабельность. Саудовский социально-политический режим оказался просто не в состоянии справиться с проблемами экономического развития.

Торговля и торговая буржуазия. К началу 70-х годов жизнь страны, нормальное функционирование ее хозяйств и общества зависели от импорта. Саудовская Аравия ввозила все промышленное и энергетическое оборудование, машины и запчасти, двигатели, инструменты, химикалии, медикаменты, почти все товары широкого потребления, почти половину продовольствия. Саудовская экономика обеспечивала свои потребности лишь в нефтепродуктах, частично в стройматериалах и некоторых видах минеральных удобрений.

После финансового кризиса 1958 г. были введены ограничения на импорт предметов роскоши, но они соблюдались лишь года два. Был категорически запрещен ввоз алкогольных напитков, что привело к процветанию контрабанды ⁶⁹.

Главными торговыми партнерами Саудовской Аравии были США, а также страны Западной Европы и Япония. Великобритания, занимавшая на рынке королевства почти монопольное положение в 20 — 30-е годы, хотя уступила свое первое место, все еще сохраняла сильные позиции. Основная доля импорта из арабских и африканских стран приходилась на живой скот и мясо, фрукты, овощи, зерновые, кое-какие товары широкого потребления ⁷⁰.

Внутренняя торговля в стране, как оптовая, так и розничная, осуществлялась главным образом саудовским купечеством. Увеличение импорта и повышение спроса на расширяющийся круг товаров привели к расцвету коммерческой деятельности, росту старых торговых домов, появлению десятков и сотен новых фирм. Торговля во всех мусульманских странах и Аравии всегда считалась почетным занятием. Мусульмане помнят, что пророк Мухаммед одно время был торговцем. Именно в торговлю (а также земельные спекуляции и домостроительство) устремился саудовский, прежде всего хиджазский, частный капитал. Для этой деятельности были и кадры, и традиции, и связи. В число торговых домов Хиджаза и Эль-Хасы входило некоторое число натурализовавшихся сирийцев, палестинцев и хадрамаутцев ⁷¹.

Наплыв в 50-е годы торговцев из других арабских стран вызвал недовольство местного купечества. В начале 60-х годов были изданы декреты, ограничившие возможности торговли для выходцев из других арабских стран. Каждый иностранный купец (мусульманин, являвшийся гражданином другой арабской страны) должен был взять себе саудовского партнера, предоставив ему по меньшей мере 51% капитала. В результате много тысяч арабских торговцев были вынуждены покинуть Саудовскую Аравию ⁷².

На импортных операциях в Саудовской Аравии сложились большие торговые дома — «Али-Реза», «Аль-Гусайби», «Джуф-фали», «Бугшан», «Джумайх», «Ас-Сулейман», «Хашшогджи», «Фараон» ⁷³. Эти фирмы выступали и как подрядчики, строили жилые дома, гостиницы, организовывали мореходные и транспортные компании, супермаркеты, вкладывали средства в кое-какую промышленность. Как правило, они были семейными предприятиями, а не акционерными компаниями. Самые крупные из них к середине 70-х годов достигали годового оборота капитала в миллиард долларов. Вокруг них действовали десятки и сотни мелких импортеров, располагавших небольшими капиталами и двумя-тремя агентами. Обстановка в коммерческом деле решительным образом изменилась, если вспомнить, что одно-два поколения назад купцы занимались ввозом продовольствия, тканей и одежды из Бомбея или бревен из Малабара.

Торговая семья Али-Реза с центральной конторой в Джидде, видимо, иранского происхождения. Этот торговый дом был основан в 60-х годах прошлого века. Перед первой мировой войной член клана Али-Реза был депутатом от Джидды в османском парламенте, а другой, будучи губернатором Джидды в 1925 г., сдал город Ибн Сауду. С 1940 г. фирма «Али-Реза» — представитель «Форда», после войны — «Вестингауза», ИТТ, часовых фирм «Омега» и «Тиссо». Члены семьи возглавляли министерство торговли, посольства в США и Франции, занимали пост заместителя министра иностранных дел. Али-Реза вкладывали деньги в недвижимость, промышленность, сферу услуг, электроэнергетику, транспорт, нефтяную промышленность ⁷⁴, участвовали в больших подрядных работах для правительства, например имели долю в «Арабиен-Италиен Инджиниринг Контракторз» — АЛКО, занимавшейся импортом оборудования.

Один из способов разбогатеть состоял в том, чтобы стать поручителем, гарантом для иностранной фирмы, которая заключала сделки на строительство дорог, портов, отелей, благоустройство городов. Резкий взлет семьи Джуффали начался после того, как она получила контракт на электрификацию Эт-Таифа для одной английской фирмы ⁷⁵.

Затем Джужфали стали представителями фирмы «Мерседес» в Саудовской Аравии, занялись импортом покрышек и запчастей, скупили несколько сельскохозяйственных ферм⁷⁶.

Важно отметить, что особенно быстро обогащались те, кто выполнял заказы государства или королевской семьи. Перечисляя крупные торговые дома Джидды и Мекки, саудовский автор Фуад Шакир упомянул о семействе Салиха Исы Букари. Оно стало быстро богатеть, поставляя ткани королевскому двору, офицерам армии и полиции, государственным школам в Эр-Рияде⁷⁷.

Другой способ формирования буржуазии — операции с недвижимостью. Еще начиная с 1955/56 г. был отменен контроль над ценами на землю и арендной платой за жилье в больших городах. Арендная плата тогда сразу возросла на 300 — 400% и с тех пор увеличилась в десятки раз. В городах расхватывались земельные участки, сносились кварталы бедняков, чтобы строить дома и сдавать их в аренду или продавать⁷⁸.

На спекуляции землей поднялась фирма четырех братьев Суайданов в Эр-Рияде. В 1969 г. они купили большие участки земли в перспективных районах столицы и продали их через несколько лет в сто раз дороже. Они также строили и продавали виллы и жилые дома, занимались импортом строительных материалов и подъемно-транспортного оборудования⁷⁹.

Самые крупные торговые дома Саудовской Аравии были сосредоточены в Хиджазе. Они же больше всего выиграли на нефтяном буме, на росте импорта, поставках государству, распространили свою деятельность на всю страну. В Джидде в 1948 г. была создана Торговая палата. В ее члены могли вступить торговцы из Медины, Эт-Таифа, Джизана, Табука, где не было своих палат, а также некоторые торговцы из Мекки и Эр-Рияда. К началу 70-х годов она насчитывала около 2 тыс. членов⁸⁰.

Большинство крупных торговцев Восточной провинции начали свою деятельность как подрядчики АРАМКО. Некоторые из них — бывшие служащие АРАМКО, например Сулейман Олаян, который одно время был водителем грузовика в компании, а затем смог создать транспортную фирму. Отдаленный родственник клана аль-Гусайби начинал с поста мелкого клерка, затем приобрел автозаправочную станцию, стал представителем фирмы «Пепси-кола»⁸¹.

Выход на международную арену давался саудовским купцам с трудом. Исключением явились четыре крупных бизнесмена, которые стали мультимиллионерами международного масштаба: это Хашшогджи, Гейс Фараон — оба дети бывших медиков короля, Сулейман Олаян, который возглавил «Сауди — Бритиш Бэнк», и Акрам Одджех, родившийся в Сирии, но принявший саудовское подданство.

Хашшогджи нажился на поставках вооружения саудовской армии, получая «комиссионные» от американских военно-промышленных фирм, создал конгломерат компаний с капиталом в 400 млн. долл. под названием «Триад Холдинг Корпорейшн» со штаб-квартирой в Люксембурге⁸².

Фараон стал председателем «Саудовской корпорации исследования и развития». Его деятельность охватывала торговлю продукцией машиностроения, участие в производстве пищевых и других потребительских товаров, страховое дело.

Одджех действовал через свою компанию также со штаб-квартирой в Люксембурге — «Техник д'Авангард». Его самой шумевшей покупкой был океанский лайнер «Франс», который он обставил антикварной французской мебелью.

Эта группа бизнесменов вкладывала деньги как в иностранные фирмы, связанные со строительством, так и в банки. Но попытки установить контроль над крупными западными банками столкнулись с сопротивлением финансового капитала развитых стран и с отсутствием опыта и административных кадров у саудовских нуворишей. Четверка саудовских дельцов вкладывала деньги в банки стран Азии, Африки и Латинской Америки, а также в туристские, гостиничные комплексы, в мореходные компании, повсеместно в недвижимость.

Саудовская буржуазия, тесно связанная с кланом Саудидов, образовала своеобразную торгово-финансовую олигархию. Она сложилась в тепличных условиях, защищенная от внешней конкуренции, выросла в основном на импорте, который оплачивался в конце концов доходами от нефти. «Саудовская королевская семья и члены правительства пытаются избежать публичных обвинений в связях с этими бизнесменами, но известно, что некоторые посредники служат для прикрытия коммерческой деятельности членов королевской семьи и правительства», — писал «Мидл Ист Экономик Дайджест»⁸³.

Через руки правящего клана Саудидов и связанных с ним семей отчисления от экспорта нефти распределялись среди бюрократического аппарата, в котором коррупция стала полулегальным общественным институтом, расходовались на армию и полицию, обогащая и их верхушку, и посредников, но главным образом иностранные фирмы, шли на различные общественные работы и экономические проекты, ставшие кормушкой для тех, кто за них отвечал, иностранцев и опять-таки посредников. Саудовское купечество наживалось и за счет отсталости саудовского общества, поглощая значительную часть нефтяных доходов страны при вторичном распределении.

Землевладение и землепользование. Какое же воздействие оказал рост нефтяных доходов на традиционные отрасли хозяйства — земледелие и животноводство, в которых было занято большинство населения, на общественные отношения в оазисе и в кочевом и полукочевом племени? Основная часть территории страны считалась землей мира, т. е. находилась в собственности государства в лице короля. На деле большая часть земель мира была в пользовании тех, кто ее занимал, — главным образом племен, или являлась «феодальными» поместьями (икта) с неполными правами собственности на нее. Земля, которая не попадала под категорию мира, принадлежала отдельным лицам, кланам, семейным общинам, племенам или вакфам.

Мир включала пастбища и пустыни, принадлежавшие племенам, охватывавшие 80% национальной территории. Король Абд аль-Азиз в 1925 г. урезал традиционные племенные права на районы дира и в случае нужды менял их границы по своей воле.

Государству в лице короля и правительства принадлежали все богатства недр, поэтому оно могло переселять племена с одной территории на другую, если это было необходимо, например, для эксплуатации подземных ресурсов. В остальном племена продолжали пользоваться землей, как и раньше. По большей части кочевые племена не нарушали границ своих и чужих дира. Но когда в тех или иных районах выпадало больше дождя, племена могли перекочевывать и на пастбища других племен.

Собственность на большие участки земли обычно появлялась в результате того, что правительство передавало землю мира в «феодальное владение» — икта. Многие такие икта были даны военным чиновникам или крупным купцам. Новые владельцы сдавали потом эти земли в аренду на условиях издольщины. Согласно королевскому декрету 1957 г. претенденты на икта должны были получить разрешение местного эмира и короля на приобретение этой земли и регистрацию ее. Неясно, однако, распространялся ли этот декрет на старые икта или только на новые. После регистрации этой землей можно было распоряжаться: передавать другим лицам, дарить, сдавать в аренду и передавать религиозным учреждениям. Хотя с формальной точки зрения земли икта оставались собственностью государства, само икта было переходной формой владения к частной собственности — мульк⁸⁴. Данных о размерах икта в Саудовской Аравии у нас нет.

Мульк — единственная форма частной собственности на землю, признаваемая в королевстве. Юридическое лицо владеет землей и имеет полное право распоряжаться ею. Мульк был в особенности распространен в Асире, где сельское хозяйство более развито, но практически не охватывал засушливых земель.

В стране существовало также общинное землевладение — мушаа. В некоторых случаях участки этой земли перераспределялись среди членов большой семьи или клана для обработки. Часто сын главы клана назначался управителем коллективной

собственности. Иногда она передавалась в аренду издольщикам, а доходы перераспределялись потом главой клана между его членами. Но в рамках этой общинной земли шло перераспределение долей в соответствии с правами наследования. Считалось, что мушаа охватывало примерно $\frac{1}{6}$ обрабатываемых земель; оно было распространено в основном в Неджде и Восточной провинции. Существовали неродовые, неклановые формы общинного землевладения. Коллективно землей могли владеть жители оазисов. В Асире была известна практика, когда общины совместно владели землей, обрабатывали ее и собирали урожай. Доли урожая поровну распределялись между ее членами.

В Джабрине и Хайбаре оазисные земли принадлежали бедуинским племенам. Так как в оазисах была распространена малярия, племена появлялись здесь только для того, чтобы опылять, а затем собирать финики. Остальную часть года местные батраки, как правило потомки вольноотпущенников, ухаживали за пальмовыми рощами. Затем урожай делился между взрослыми мужчинами племени с учетом размеров их семей⁸⁵.

Земля вакф — специфическая для мусульманских стран. Мусульманин может передать свою землю на содержание религиозных или благотворительных заведений. Земля вакфа не подлежит продаже и отчуждению. Большая часть вакфов (вакуфов) передается прямо религиозным учреждениям, например школам или мечетям, и они становятся как бы их собственниками, распоряжаясь ими, в частности сдавая их в аренду. Собственность вакфов не может быть конфискована правительством. По оценке саудовской администрации вакфов, сделанной в 1956 г., этот вид собственности охватывал в Асире 5%, в Хиджазе — 10, в Восточной провинции и Неджде — 15% обрабатываемых земель⁸⁶.

Высокая смертность среди земледельцев, которая столетия делала практически невозможным расширенное воспроизводство населения, естественным образом ставила преграду на пути чрезмерного дробления земельных участков. Когда этого «естественного регулирования» не было, в семьях предпринимали меры против продажи или дробления обрабатываемых участков. Наследники часто соглашались совместно владеть полученным участком, а старшему в своем семейном клане предоставлять право обрабатывать эту землю или распоряжаться ею, например сдавать в аренду. Эти функции — обработка земли или распоряжение ею — могли передаваться в семье по очереди. Тот, кому были переданы эти функции, кроме доли урожая получал еще и определенную плату. В целях сохранения земельной собственности внутри клана предпочитали жениться на двоюродных сестрах⁸⁷.

По данным «Регионального справочника», в аренду сдавалось 60% земель и лишь 40% обрабатывалось их владельцами. В Асире и Хиджазе аренда охватывала от 70 до 80% земель⁸⁸. Эти данные совпадают с информацией конца 50-х годов: 40% земель обрабатывались их владельцами, 10% — арендаторами, которые платили деньги, и 50% — арендаторами-издольщиками⁸⁹. В. В. Озолинг считает, что в целом по стране около 60% обрабатываемых земель принадлежало крупным и средним владельцам (с размером надела свыше 5 га), которые частично или целиком сдавали их в аренду⁹⁰. По другим данным (явно заниженным), в аренду сдавалось только от 20 до 22% обрабатываемых земель⁹¹. Все эти разноречивые оценки лишний раз показывают, с какой осторожностью следует подходить к статистическим данным по Саудовской Аравии. В исследовании «Законы о труде и практика в Саудовской Аравии» арендованные участки определяются на конец 60-х годов всего лишь в десятую часть всех земель⁹². Но, видимо, к этим землям отнесли лишь те, за которые взималась денежная плата.

В аренду могли сдаваться все категории земли — мири, икта, мульк, мушаа, вакф и родо-племенная земля. Условия сдачи в аренду были и письменные и устные.

В 70% соглашений об издольной аренде предусматривалось, что хозяин предоставлял землю, воду, семена, иногда жилье. Если арендатор работал круглый год и имел свой скот, удобрения и сельскохозяйственную технику, питание и дом, он платил

владельцу земли 50% урожая зерновых и 75% фиников. Если же арендатор предоставлял только рабочие руки, хозяин получал 80% зерновых и 95% фиников. Но соглашений такого рода было примерно 5%. Около 10% арендных соглашений предусматривали, что арендатор предоставлял семена, получая при этом большую долю урожая. Доля владельца земли менялась в зависимости от качества земли, наличия воды, близости рынков и т. д. Внедрение машинной техники привело к тому, что арендаторы с машинами пользовались лучшими условиями, чем другие ⁹³.

Если случался неурожай, арендатор был вынужден брать взаймы, чтобы прокормить семью. Обращаясь за помощью к хозяину, он нередко настолько влезал в долги, что не мог из них выбраться и становился полностью зависимым от землевладельца ⁹⁴. Договор об аренде земли под финики или фруктовый сад заключался на срок от четырех до семи лет. В этом случае действовала особая форма издольщины под названием «мугараса». Арендатор давал обязательство посадить деревья и вырастить их до первого плодоношения, за что получал весь урожай в междурядьях сада ⁹⁵.

Аренда земель мира подвергалась более строгой регламентации, которая зависела от отдаленности территории, качества почвы, типа ирригации, количества пальм, спроса на сельскохозяйственные продукты. Аренда земли мира заключалась на более долгий срок, примерно на пять лет, хотя в Асире иногда на год ⁹⁶.

Земли вакфов контролировались администрацией вакфов под руководством министерства паломничества и религиозных учреждений в Мекке и сдавались, как правило, в издольную аренду ⁹⁷.

Большая часть прав на воду в Саудовской Аравии могли быть куплены, проданы, сданы в аренду или переданы в наследство независимо от земли. Поэтому если кто-либо покупал, наследовал или арендовал участок земли, где не хватало воды для ирригации, он мог дополнительно купить или арендовать воду. Права на воду только в Асире и Асирской Тихаме совпадали с правами на землю ⁹⁸.

Регулирование прав на воду среди оседлых было очень развитым и сложным, оно охватывало и ротацию в ее использовании, и время, и сезон ирригации, и количество воды в соответствии с участками. Распределение воды часто находилось под наблюдением и контролем лиц, специально назначаемых и оплачиваемых владельцами и потребителями воды. Вода из колодцев, скважин и источников могла принадлежать одному лицу или группе лиц. Обычно землевладелец имел право на все водные источники на принадлежавшем ему участке, и никакого особого разрешения не было нужно для сооружения колодца на его земле. Но требовалось особое разрешение, если колодец сооружался на прежде не обрабатываемой земле, перешедшей в икта. Колодцы, вырытые кочевниками, были во владении племени в тот момент, когда оно находилось в этом районе. Если племя откочевывало, колодец становился «общим». Существовали усложненные формы владения подземными каналами.

Права на воду из артезианских колодцев, например в Восточной провинции, зависели от вклада первоначального владельца в сооружение специальных устройств, резервуаров и распределительных механизмов. Своя система прав на воду была разработана при распределении водных потоков по долинам — вади ⁹⁹.

По данным Кнауэрхейза, из 70 352 земельных владений страны 33242 (47,3%) составляли участки менее 0,5 га, 13661 (19,4%) — от 0,5 до 1 га ¹⁰⁰. Таким образом, примерно 67% приходилось на parcelлы размером менее гектара. Эти цифры приблизительно подтверждает справочник «Законы о труде и практика в Саудовской Аравии» ¹⁰¹. Мелкотоварный сектор господствовал в земледелии.

В Эт-Таифе, Медине и Бурайде в начале 60-х годов были созданы сельскохозяйственные кооперативы. Они занимались различной деятельностью — от предоставления семян до хранения и сбыта сельскохозяйственной продукции, но не получили широкого распространения ¹⁰².

В сравнительно густонаселенных оазисах в Асире, Хиджазе и Эль-Хасе на земле обычно работали члены семей землевладельцев, редко нанимая батраков. Такое же положение было в отдельных оазисах Неджда. Но в Касиме и Джебель-Шаммаре нанимали батраков на долгосрочный и краткосрочный период. В сезон интенсивных сельскохозяйственных работ батраков не хватало, в особенности в Восточной провинции, и их привлекали из второстепенных отраслей промышленности¹⁰³.

Батраки нанимались на основе контрактов, устных или письменных, однако патриархально-феодалная эксплуатация вольноотпущенников и некоторых батраков сохранялась¹⁰⁴.

В Неджде на земле работало больше женщин, чем мужчин. Мужчины предпочитали становиться торговцами, складскими рабочими, механиками, строителями, погонщиками, ремесленниками¹⁰⁵.

Средний доход крестьянина-бедняка составлял в начале 70-х годов примерно 1500—1600 риалов в год (без учета приработков)¹⁰⁶. Но колебания в доходе были большими в зависимости от зоны, размера надела, выращиваемых культур, наличия воды. Постоянный сельскохозяйственный рабочий получал от 1600 до 2000 риалов в год¹⁰⁷. Квалифицированные сельскохозяйственные рабочие (трактористы, механизаторы) зарабатывали до 3500 риалов в год¹⁰⁸, но их было мало, причем большинство из них несаудовцы. В целом крестьяне-бедняки и батраки не могли обеспечить сносных условий существования своим семьям.

Прослойка среднего крестьянства (размер надела от 2 до 5 га) составляла примерно 10,7% всех хозяйств. Но в ряде случаев к «среднякам» можно было отнести и тех, кто владел участками от 0,5 до 2 га, особенно там, где собирали больше одного урожая в год. У большинства крестьян-средняков был стабильный годовой доход в размере 3—5 тыс. риалов, что обеспечивало прожиточный минимум их семьям, но не давало необходимых средств для модернизации производства. К категории «зажиточных» можно отнести хозяйства с размером надела от 5 до 10 га (примерно 4,8% общего числа). Их владельцы имели годовой доход от 6 тыс. до 10 тыс. риалов и располагали возможностями для перехода к интенсивному товарному производству на базе использования ирригационной техники и удобрений¹⁰⁹. Однако многие из таких наделов принадлежали купцам, ростовщикам и чиновникам и сдавались в аренду на полуфеодалных условиях.

Крупных хозяйств (размер надела — свыше 10 га) насчитывалось примерно 3,5—5 тыс. (4,5—7% общего числа хозяйств)¹¹⁰. Среди крупных землевладельцев преобладали помещики, шейхи племен, представители правящей династии, купцы, религиозные учреждения.

Подавляющее большинство крупных владельцев жило в городах, сдавая землю в аренду. Лишь немногие перешли на интенсивное товарное хозяйство, используя достижения агротехники. Доходы с крупных владений составляли от нескольких десятков до 100 тыс. риалов в год, но часто обращались на «потребление» самих владельцев и членов их семей — приобретение недвижимости, предметов роскоши, автомобилей — и практически не использовались для расширения и интенсификации сельскохозяйственного производства¹¹¹.

Рост крупных землевладений сопровождался, по мнению всех исследователей, разорением мелких хозяйств. Но так как по этому вопросу отсутствует точная статистика, приходится ограничиваться лишь определением общих тенденций. Разоряющиеся мелкие хозяйства, в том числе имеющие долю в коллективной собственности, могли продавать свои участки или свой пай. Они обязаны были прежде всего предложить свой участок другим общинникам, и, таким образом, в руках богатого крестьянина могло сосредоточиться несколько долей-участков. Но если не находился желающий, то продавали на сторону. Мелкие хозяйства, неспособные возратить ссуду за землю, отданную в залог, рассчитаться с кредиторами, выплатить за приарендованный участок, в конце концов распродавали свои земли или отдавали их за долг ростовщикам. Основными покупателями земли были

городские купцы. Земли покупали также и чиновники, разбогатевшие на взятках, и другие нувориши¹¹².

Большинство крестьян еще в начале 60-х годов, по данным директора департамента в саудовском министерстве сельского хозяйства Абдаллаха ад-Даббага, становились постоянными должниками купцов и крупных землевладельцев. Долг рос из года в год, заставляя крестьянина в конце концов продавать свой надел. Число безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих увеличивалось¹¹³.

С середины 60-х годов стали предприниматься первые попытки укрепить средний слой крестьянства. В 1968 г. был издан королевский декрет, касавшийся распределения среди населения необработанных государственных земель, пригодных для земледелия и животноводства. Любой гражданин страны мог получить на правах икта участок земли, если он был в состоянии его обработать¹¹⁴.

Крестьянам предоставлялись наделы от 5 до 10 га, а компаниям (в том числе иностранным) — участки до 400 га. Однако декрет ожидаемых результатов не дал, и государство, чтобы привлечь на новые земли поселенцев, само «оживляло» их путем орошения, строительства дорог, каналов¹¹⁵.

Саудовский ученый Абдуррахман аш-Шариф провел в середине 60-х годов социально-экономическое исследование района Анайзы¹¹⁶. К мелкому и мельчайшему землевладению в Касиме (от 0,1 до 2,5 га) он отнес 45,3% всех хозяйств.

Пятая часть всех владений были относительно крупными. По утверждению автора, они, как правило, образовались в результате «оживления» пустующих, т. е. государственных земель. Но под «оживлением земель» необязательно подразумевалось их превращение в пахотные или орошаемые. Достаточно было посадить деревья, и участок превращался в собственность «оживляющего». Естественно, что возникало много споров в определении наследства и границ земельных владений такого типа. Споры решались на основе шариата. В 1961 г. было издано постановление совета министров, согласно которому тот, кто собирался «оживить» земли, должен был получить согласие эмира области. Если на этих землях планировалось какое-то строительство, то эмир передавал дело на рассмотрение муниципалитета, а муниципалитет — в министерство внутренних дел и совет министров. Если же речь шла о сельскохозяйственной земле за пределами муниципалитета, то решение принимали министерство сельского хозяйства и совет министров. Тот, кто получил разрешение на «оживление» земли и не выполнил своих обязательств, терял право собственности на эту землю. Новое постановление предупреждало, что собственность на землю передается только декретом короля или распоряжением председателя совета министров или его заместителя.

Земля могла сдаваться в аренду на срок до 100 и 1 тыс. лет, т. е. практически бессрочно. Арендатор превращался как бы в собственника земли, но в конце года он должен был вносить арендную плату. Эту землю долгосрочный арендатор мог сдавать в субаренду или отдавать под застройку. Подобные арендные соглашения передавались по наследству от отцов к детям. По мнению аш-Шарифа, такая форма аренды была наиболее распространена в Анайзе.

Когда сдавалась земля, где были деревья, в основном пальмы, арендатор платил уже с учетом наличия пальм и колодца, ранее вырытого хозяином. Если земля требовала дополнительных вложений, арендатор становился вторым владельцем земли, но платил определенную долю первоначальному хозяину земли, который был как бы его партнером. Плата в этом случае, как правило, составляла четверть урожая. Хозяин земли мог потребовать от арендаторов выделить ему несколько финиковых пальм на участке.

Еще одно ценное полевое исследование положения саудовских крестьян сделала японка Мотоко Катакура¹¹⁷, которая с 1968 по 1970 г. работала в вади Фатима в Хиджазе.

По данным Катакура, большая часть осевших бедуинов имели в вади Фатима свою землю (от 0,6 до 2 га) и сами ее возделывали. Арендвали они землю предпочтительно у

своих соплеменников. Землю делили между всеми наследниками, что приводило к уменьшению размера участка. Иногда братья обрабатывали землю совместно.

В 1946 г. в вади Фатима была основана компания «Айн Азизийя» с правительственным и частным капиталом. Она снабжала водой Джидду и Мекку. Многие владельцы земли с источниками воды уступили компании за вознаграждение свои участки и переехали в Джидду. «В вади Фатима легко видеть, что тот, кто контролирует воду, также контролирует и экономику пустыни», — отмечала Катакура.

Землевладение и землепользование в вади Фатима осложнялось раздельным владением воды, наличием субарендаторов, перекупщиков продукции.

Сельскохозяйственные рабочие получали 5—10 риалов в день. Если в качестве батраков нанимали соплеменников, то им платили больше. Когда не было особого надсмотрщика, то землевладелец и арендатор делили доход поровну. Раздел мог осложняться многоступенчатой системой посредников. Иногда посредник-арендатор вел фермерское хозяйство, нанимая сельскохозяйственных рабочих.

Катакура приводила пример, как богатый купец арендовал за бесценок земли, лишённые воды, у крестьян, вырыл глубокие колодцы, поставил помпы и стал снова сдавать эти земли в аренду, но в десять раз дороже, а на других — вел фермерское хозяйство. Иногда вторичным арендатором становился номинальный владелец земли. Арендаторы-фермеры могли арендовать и вакуфные земли.

Определённые виды занятий для бедуинов были «иб» — позорными, презренными (например, мясники, те, кто разводит кур, парикмахеры, слуги, чернорабочие). Когда некоторые бедуины стали оседать в вади Фатима, другие над ними издевались. Все бедуины отказывались обслуживать колодцы и помпы, хотя это была высокооплачиваемая работа. На должностях смотрителей помп и колодцев работали йеменцы. В 1970 г. в вади Фатима всего было 400 йеменцев.

Когда в конце 50-х — начале 60-х годов многие источники воды высохли, кое-кто из недавних земледельцев вернулся опять к кочевничеству.

В вади Фатима кроме йеменцев жили 64 палестинца, 28 иорданцев, 12 сирийцев, 8 египтян, 5 иракцев, 4 суданца. Среди палестинцев, иорданцев, сирийцев, египтян преобладали квалифицированные рабочие, учителя, чиновники.

Большая часть поселений в вади Фатима сложилась по племенному признаку. Всего здесь было примерно 20 тыс. жителей, которые вели 3744 хозяйства. 30% населения принадлежало к племени курейш, 30% — харб, 15% — лихьян, 10% — шьюф, 5% — вольноотпущенники и 10% — остальные.

В селении Бушур в вади Фатима 33 мужчины были феллахами, 6 — сельскохозяйственными рабочими, 2 — учителями, 2 — торговцами, 1 — врачом, 1 — имамом и 4 — не работали. Многие жители Бушура подрабатывали в Мекке во время паломничества. Самый большой доход был у шейха, который также выступал и арендатором-посредником. Ему же платили нечто вроде налога за то, что он был назыром — управляющим или смотрителем вакуфных земель. Шейх-назыр получал больше воды для своего поля. Женщины Бушура занимались ремеслом, производством матов, корзин, ковров, но складами распоряжался шейх.

Катакура отмечала, что почти все крестьяне в Бушуре были в долгах.

Вакуфную землю арендовал богатый бизнесмен из Джидды, который владел овощными лавками в Джидде и Мекке. Его сын учился в Лондоне, но собирался вернуться домой, чтобы участвовать в бизнесе отца. Арендатор нанял смотрителя-назыра, который наблюдал за 42 земледельцами, включая двух из Бушура.

Власть в вади Фатима была представлена эмиром с тремя чиновниками, суд — кади, полицейским и двумя клерками. Религиозное бюро (мактаб ад-дин) имело в своем составе директора и семь инспекторов. Видимо, Катакура имела в виду отделение Лиги общественной морали.

Кооперативное общество содержало бензостанцию, участвовало в распределении цемента, в строительстве кофейни. Были также почтовое отделение и телефонная станция.

В деревнях существовал маджлис аль-карья — деревенский совет в составе пяти-девяти человек. В 1961 г. был создан центр социального развития для подготовки новых профессий, в нем также проводились беседы по основам медицинских знаний, гигиене, давались советы женщинам.

В вади Фатима было 13 начальных школ для мальчиков и 5 для девочек, одна промежуточная школа, 4 школы для обучения грамоте взрослых мужчин, 4 школы для женщин. Образование в начальных школах было бесплатным. Государство оплачивало учителей, а также предоставляло школьникам учебники, карандаши, тетради, сумки. Посещение начальной школы считалось обязательным. Почти все учителя начальных школ у мальчиков были саудовцами, но девочкам преподавали иностранки.

Кризис земледельческого хозяйства. Некоторые исследования, проведенные как саудовскими учреждениями, так и иностранными миссиями, позволили собрать информацию о населении, занятом в сельском хозяйстве, гораздо более полную, чем та, которая имелаась в 20—30-е годы, не говоря о начале века. Но статистические данные остаются в высшей степени ненадежными, и к ним стоит подходить как к весьма приблизительным оценкам.

По разным подсчетам, земледелием в Саудовской Аравии в 50—60-х годах было занято от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ коренного самодельного населения, а всего в сельском хозяйстве, включая полукочевое и кочевое скотоводство, — от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$. Общее число коренных жителей в стране, равной по территории двум третям Западной Европы, оценивается в 3,5—4,5 млн. для 60-х и в 4—5 млн. для 70-х годов ¹¹⁸.

В Саудовской Аравии в середине 60-х годов обрабатывалось от 210 тыс. до 300 тыс. га ¹¹⁹. (По другим данным, от 150 тыс. до 500 тыс. га ¹²⁰.) Из этих земель лишь 20% — в Асире и Южном Хиджазе — получают достаточно осадков для богарного земледелия. Остальные 80% обрабатываемых земель в оазисах зависят от ирригации с помощью колодцев, скважин, источников и плотин в долинах — вади. Самый важный сельскохозяйственный продукт — финики (4-е место в мире), а также пшеница, ячмень, сорго, просо, маис, рис, трава альфа, овощи и фрукты. В Асире выращивается немного кофе.

Попытки поднять сельскохозяйственный потенциал страны предпринимались неоднократно. Еще до того как в стране была обнаружена нефть, Ибн Сауд приглашал иностранных экспертов для поисков воды и настаивал на том, чтобы нефтяные компании искали воду и бурили артезианские скважины.

В районе Эль-Харджа, богатого мощными по недродийским масштабам источниками воды, в 1937 г. с помощью иракских и египетских специалистов было основано крупное хозяйство. Сюда завозились сельскохозяйственная техника, рабочий и породистый скот. Здесь создали современную ирригационную систему и несколько специализированных ферм на площади примерно 2 тыс. га, где производили пшеницу, а также овощи, арбузы, ячмень, альфу и финики. Овощи шли королевскому двору ¹²¹. Всем этим хозяйством руководили с 1945 по 1959 г. американцы. Затем оно было передано саудовской администрации.

В 60-е годы правительство приступило к созданию пяти сельскохозяйственных центров — в Джизане, Медине, Касиме, Эр-Рияде и Хуфуфе, которые должны были давать земледельцам советы, предоставлять им механизмы, семена и саженцы, удобрения, учить борьбе с сельскохозяйственными вредителями ¹²². В 1964 г. был учрежден Банк сельскохозяйственного развития, который к 1973 г. открыл 8 отделений и 37 бюро в сельской местности ¹²³.

От мероприятий правительства выигрывала прослойка богатых крестьян, переходивших к хозяйству фермерского типа. Наиболее сильные хозяйства стали

приобретать сельскохозяйственную технику. Во второй половине 60-х годов в стране использовалось 277 тракторов и 21 тыс. механических помп¹²⁴.

В начале 70-х годов сельскохозяйственное производство несколько увеличилось, особенно в Эль-Хасе, в районах, прилегающих к столице, в Касиме. Растущий спрос на овощи и фрукты могли удовлетворить только крупные и средние хозяйства, использующие машины и удобрения. Создавались птицефермы и мясо-молочные фермы¹²⁵. Высокотоварными были крупные плантации финиковых пальм в оазисах Эль-Хасы, Медины, Бурайды, Анайзы, овощные плантации и сады в Эль-Хасе, Эль-Хардже, Медине¹²⁶.

Но, несмотря на усилия правительства, к тому же носившие зачастую показной характер, и успех капиталистических ферм, сельское хозяйство в целом по стране испытывало разрушительные последствия и рыночной конъюнктуры, и агротехнических методов, и социальных условий. В Саудовскую Аравию шло широкое вторжение дешевой сельскохозяйственной продукции из других стран. Поднять на нее пошлины правительство не решалось, опасаясь широкого недовольства населения ростом цен. Но конкуренция ввозимого продовольствия подрывала мелкие и часть средних крестьянских хозяйств. Феллахи, владевшие мелкими участками и арендовавшие их, не имея средств на приобретение оборудования, удобрений, семян, незнакомые с агротехникой и новыми условиями рынка, разорялись. В оазисах наблюдалась нехватка рабочих рук, вызванная быстрым оттоком наиболее активной и молодой части феллахов в города, на строительство, государственную службу, в сферу услуг и торговлю¹²⁷.

Внедрение механических помп в крупных хозяйствах, увеличение потребления воды городами и промышленностью вызвало падение общего уровня вод, высыхание колодцев, гибель посевов, садов, плантаций, целых оазисов. Водоснабжение ухудшили и засухи 50—60-х годов. Крестьяне-бедняки не могли купить более совершенные помпы, пробурить глубокие скважины или колодцы, поэтому они «вымывались» из сельскохозяйственного производства. А рядом появлялись крупные хозяйства, принадлежавшие хозяевам-абсентеистам, под управлением египтян или палестинцев и с рабочими-йеменцами. Часть разорившихся крестьян становилась батраками в крупных хозяйствах капиталистического типа. Другая часть бросала или продавала землю, уходя на заработки¹²⁸.

Доля валового национального продукта, приходящегося на сельское хозяйство, непрерывно уменьшалась. По подсчетам В. В. Озолинга, с 1964/65 по 1974/75 г. валовой национальный продукт на душу населения в целом по стране вырос с 460 до 1300 долл., а в сельском хозяйстве — лишь с 80 до 105 долл. Учитывая инфляцию, можно предполагать, что роста фактически не было. Уделом подавляющего большинства феллахов и кочевников оставались постоянное недоедание, нехватка белков и витаминов, болезни¹²⁹.

«Как земледелие, так и животноводство остаются наиболее отсталыми и застойными отраслями экономики», — справедливо считает В. В. Озолинг, но его мнение, будто «сельское население фактически не получило ничего от развития нефтедобычи и быстрого увеличения доходов государственного бюджета»¹³⁰, звучит слишком категорично. На благосостояние крестьянских и бедуинских семей в 60—70-е годы влияли и отходничество, и правительственные субсидии, и программы ликбеза и развития школ, и улучшение коммуникаций. Другое дело, что из колоссальных нефтяных доходов, поглощавшихся правящим классом, лишь незначительная часть доставалась низам.

Сельское хозяйство Саудовской Аравии «нефтяной эпохи» стало жертвой столкновения различных сил и тенденций. Правительственные проекты, строительство плотин, бурение скважин давали лишь ограниченный эффект из-за коррупции администрации, некомпетентности подрядчиков, нечестности иностранных фирм, многократно завышавших стоимость работ, и оставались, как правило, убыточными¹³¹. Развитие производства в оазисах тормозилось преобладанием мелкого землевладения и

землепользования, устойчивостью феодальных и дофеодальных отношений, опутывающих феллахов. Нерентабельность вложений в земледелие из-за конкуренции импортного продовольствия сочеталась с оттоком активного населения в города. Страна ввозила примерно половину потребляемого ею продовольствия¹³². При сложившихся производственных отношениях в сельском хозяйстве, при специфической рыночной конъюнктуре, учитывая общую социально-политическую структуру страны, важный сельскохозяйственный сектор экономики оказался перед сложнейшими проблемами.

Дальнейшее разрушение традиционного кочевого хозяйства и ослабление племенной организации. Образ жизни и хозяйственной деятельности аравийских кочевников, сохранявшийся более тысячелетия, в 40—60-е годы нашего века стал быстро меняться. Еще до появления доходов от нефти развитие моторного транспорта в Саудовской Аравии и других ближневосточных странах лишило верблюдоводов основных рынков скота, а создание централизованного государства — дохода от набегов на оседлых и пошлин с караванов.

В конце 50-х — начале 60-х годов разрушение кочевого хозяйства ускорила катастрофическая засуха. Она вызвала падеж большого количества скота, разорила кочевников. Страна вынуждена была ввозить и мелкий рогатый скот, и верблюдов. По данным экспертов Лиги арабских стран, в Восточной провинции, например, количество скота сократилось в десятки раз¹³³. Авторы американского «Регионального справочника по Саудовской Аравии» более осторожны в своих оценках и предполагают, что из-за засухи, истощения пастбищ и переселения молодых бедуинов в города количество скота уменьшилось примерно на 20%¹³⁴.

По различным источникам, в середине 60-х годов в Саудовской Аравии было 0,6—1 млн. верблюдов, 4—6 млн. овец и коз, 0,25 млн. голов крупного рогатого скота¹³⁵.

Общепризнано, что число кочевников за 50—60-е годы быстро уменьшилось и относительно и абсолютно. Но отсутствие надежной статистики не позволяет говорить об этом процессе с достаточной цифровой точностью. К. Твитчел, ссылаясь на оценки ФАО, определил на 1956 г. 12% населения как оседлых земледельцев, 66% — как кочевников-бедуинов (включив в эту категорию и полукочевников), а 22% — как жителей городов. Общее население Саудовской Аравии он оценивал между 3 млн. и 6 млн., склоняясь к цифре 4,5 млн.¹³⁶. Спустя девять лет, согласно мнению экспертов из Лиги арабских стран, бедуинов было 30%, в том числе в Неджде — 50%, в прибрежных районах Хиджаза — 20%¹³⁷. По данным «Регионального справочника по Саудовской Аравии», в середине 60-х годов скотоводство было главным источником дохода для половины населения, хотя чистых кочевников-верблюдоводов, по мнению его составителей, было 200—300 тыс. человек из общего населения 4—4,5 млн.¹³⁸.

Вплоть до середины 60-х годов отсутствие достаточно привлекательной альтернативы хозяйственной деятельности вновь и вновь заставляло массы кочевников сохранять разведение верблюдов как единственно надежный источник существования, хотя и полуголодного. Государственная политика поселения кочевников на землю давала лишь частичные и очень ограниченные результаты.

В конце 60-х годов была принята 20-летняя программа, которая предусматривала постепенный перевод на оседлость примерно 60 тыс. бедуинских семей — 400—450 тыс. человек, но она не выполнялась¹³⁹. Наличные водные источники без серьезных капиталовложений просто не могли обеспечить орошения новых площадей, а лучшие участки были разобраны. Даже если государство за свой счет орошало тысячи гектаров, как, например, в Хараде, на полпути между Эр-Риядом и Даммамом, бедуины неохотно оседали на землю. Бывало, что кочевники, не имевшие земледельческих навыков, после двух-трех сезонов полевых работ, не получив ожидаемого улучшения благосостояния, возвращались к прежнему образу жизни. Трудно было изжить и традиционное презрение бедуина к труду феллаха¹⁴⁰. Но процесс номадизации в 60-е годы был все же исключением, а не правилом. Если бедуинам было трудно приспособиться к земледелию,

то в городах они находили все расширяющийся круг занятий или правительственную помощь.

Появление нефтяной промышленности оказало воздействие на кочевников, как и на другие слои населения. В 30-е годы нефтяная компания стала использовать бедуинов сначала в качестве проводников, затем как чернорабочих, но скоро убедилась, что если первую роль они выполняли успешно и с удовольствием, то ко второй были просто не приспособлены. Бедуины с готовностью садились за руль автомашин: сменить караванный извоз на автомобильный не казалось унижительным даже для детей шейхов и отвечало психическому складу кочевников¹⁴¹.

АРАМКО открыла специальные центры, где молодых бедуинов обучали водить и обслуживать грузовики¹⁴². В 50—60-е годы правительство поощряло продажу автомашин бедуинам, и некоторые кочевники стали распродавать верблюдов и приобретать грузовики. У кочевой знати благодаря, в частности, денежным и другим подаркам короля появились возможности обзавестись собственным автотранспортом. Грузовики стали заменять верблюдов там, где позволял рельеф местности, на них же доставляли на пастбища воду или перебрасывали с одних пастбищ на другие овец и коз.

Интенсивное бурение в поисках воды, проводимое как нефтяными компаниями, так и другими фирмами, позволило открыть новые источники воды. Они уже не считались собственностью того или иного племени. Вокруг них разбивали палатки члены разных кланов и племен. Границы традиционных дира — племенных территорий, которые определялись и наличием пастбищ, и источниками воды, — стали все более и более стираться.

Правительство снабжало бедуинов семенами клевера, чтобы они засеивали им после дождей долины — вади. Кочевников приучали делать запасы сена на случай засухи, что способствовало переходу к полукочевому скотоводству¹⁴³.

Вокруг поселков и городов нефтяников стали оседать бывшие бедуины, которые обслуживали нефтепромыслы и занимались земледелием. Кочевники строили глинобитные жилища, в их поселениях появлялись мечеть, начальная школа, одна-две лавки¹⁴⁴.

Развитие городов и увеличение спроса на мясо, улучшение водоснабжения, использование грузовиков позволили многим кочевникам изменить состав своих стад. Если до конца второй мировой войны разведение верблюдов было главным занятием самых больших бедуинских племен Саудовской Аравии, то с 50—60-х годов они постепенно обратились к овцеводству. Разведение овец требует меньше перемещений и позволяет как мужчинам, так и женщинам заниматься другими видами деятельности, невозможными для верблюдоводов. Овцеводство стало прибыльным занятием.

Раньше разведение овец и коз было уделом полукочевников, подчиненных племен, и считалось признаком более низкого экономического и социального статуса. К концу 60-х годов обладатели больших стад овец и коз были одними из самых богатых и влиятельных кочевников. Для обслуживания стад все больше использовали наемную силу. Вместе с изменением хозяйственной деятельности усилилось классовое расслоение в племенах¹⁴⁵.

Племя ааль мурра, например, считалось одним из последних чисто бедуинских племен Саудовской Аравии, которое до недавнего времени жило целиком за счет верблюдоводства. Изоляция района и особо суровые природные условия пустыни Руб-эль-Хали, где оно кочевало, играли важную роль в продолжении прежней хозяйственной деятельности. Лишь верблюды были приспособлены к этому району.

Но даже в племени ааль мурра к разведению овец обратилась племенная знать, а также бедняки, которые первыми стали отходниками. «Середняки» пока предпочли сохранить прежний образ жизни. Племенная знать стала продавать верблюдов или передавать их своим родственникам и клиентам, чтобы заняться разведением овец,

нанимая для этого батраков. Те из ааль. мурра, которые стали разводить овец, в социальном плане считались равными верблюдоводам.

Значительная часть мужчин-бедняков ааль мурра уходили в города на заработки, но потом возвращались домой. Некоторые из них приобретали грузовики и обращались к разведению овец¹⁴⁶.

Если такова была ситуация в чисто бедуинском племени Аравии ааль мурра, то можно предположить, что в остальных кочевых племенах, ближе расположенных к центрам потребления продуктов скотоводства, пользовавшихся лучшими водными источниками, эти процессы проходили более интенсивно¹⁴⁷.

Овцеводство с использованием грузовиков позволяло некоторым семьям закрепляться в селениях. Родственные связи внутри племени стали несколько ослабевать, так как овцеводы и верблюдоводы редко кочевали вместе.

Овцеводы иногда возвращались к своим старым стойбищам летом, но чаще оставались около новых колодцев, где жили и представители других племен. Хозяйственный отрыв от верблюдоводов, общение с другими племенами, новые занятия приводили к новым социальным связям, меняли психологию кочевников. Среди бедуинов стали менее распространенными браки между двоюродными братьями и сестрами¹⁴⁸.

Изменения в хозяйственной деятельности в условиях относительной безопасности централизованного государства уменьшали зависимость семей кочевников от военно-демократической организации племени. Размер автономной семейной или клановой единицы, необходимой для поддержания существования, сокращался¹⁴⁹. Работа в городе еще в большей степени ослабляла зависимость отдельных семейных ячеек от племени.

Воздействие на племенную психологию оказывали и современные средства информации, в палатках появились телевизор и радио. Знакомство с иными общественными ценностями в ряде случаев опережало изменение хозяйственной деятельности.

Хорошо оплачиваемая служба в вооруженных силах или полиции, необременительные функции в разбухавшем госаппарате оттягивали из племен их наиболее активных членов. Племенная аристократия включалась в административно-бюрократический аппарат, поставляя кадры для офицеров Национальной гвардии, верблюжьего корпуса, полиции. Некоторые занимались торговлей. Престиж новых профессий, высокие заработки стали конкурировать с гордостью предками и благородством генеалогии¹⁵⁰.

Для поддержания лояльности кочевой знати Саудиды постоянно выделяли ей субсидии, которые служили заменой потери доходов в результате прекращения грабежа оседлых и отмены пошлин с караванов. Эти субсидии росли вместе с увеличением нефтяных доходов¹⁵¹. Благополучие и общественный вес кочевой знати стали определяться не только ее богатством в виде скота или земель в оазисах, авторитетом в племени, опорой на остатки его военно-демократической структуры, но и преданностью королю и близостью ко двору. Часть шейхов кочевых племен переселилась на жительство в города, занялась бизнесом. Новое положение племенной знати также ослабляло традиционные племенные связи¹⁵².

Однако значительное ослабление племенной организации не означало исчезновения племенного, кровнородственного фактора из аравийского общества. И в городах выходцы из одних племен сохраняли взаимопомощь, солидарность, предпочитали селиться и работать вместе, противопоставляли себя выходцам из других племен или «безродным»¹⁵³. В бюрократическом аппарате армии, полиции, даже в бизнесе клановые, племенные связи продолжали определять место индивидуума, его успехи и неудачи.

В 50-е годы лишь малая часть субсидий, распределяемых сверху, доходила до простых кочевников. Об этом писал, например, эмир Таляль, возглавивший в начале 60-х годов фронт «свободных эмиров», в книге «Послание к гражданину»¹⁵⁴. Г. Филби также отмечал: «Приток фантастического богатства принес мало реальных выгод пустыне.

Образование и медицинское обслуживание, например, остались недоступными для бедуинов. Хотя продукция животноводства... стала дороже, уровень жизни бедуинов понизился»¹⁵⁵.

Правящий клан Саудидов понимал опасность усиления недовольства кочевников. Уже в 50-е годы стали принимать меры к ослаблению отрицательного воздействия кризиса кочевого хозяйства. Поступления от нефти позволили государству уменьшить закят вдвое. Вокруг Эр-Рияда и других городов постоянно разбивали палатки десятки тысяч бедуинов, которые неделями и месяцами кормились за счет государства. Каждый день мужчины, женщины, дети отправлялись к правительственным кухням и складам за рисом, а изредка и мясом. Уже к началу 60-х годов субсидии от государства получили более полумиллиона кочевников. В 60—70-е годы их число непрерывно росло¹⁵⁶.

Складывалось ненормальное положение: хозяйственная деятельность довольно значительной прослойки населения или прекращалась, или превращалась во второстепенный источник дохода, но не заменялась другой. Десятки, а может быть, сотни тысяч кочевников вынужденно паразитировали за счет доли от нефтяной ренты, которой с ними делился правящий класс.

Формирование саудовского рабочего класса и его особенности. Наемный труд.

Создание рынка наемной рабочей силы предполагает долгий процесс созревания его в недрах докапиталистического общества — отделение в течение десятилетий, а то и столетий непосредственных производителей от средств производства, рост населения, занятого в промышленности и торговле, с соответствующими профессиональными навыками и социально-психологическим складом, постепенное расширение сферы применения наемного труда. В Саудовской Аравии этот процесс произошел чрезвычайно быстро, в течение одного-двух поколений, и сопровождался болезненной ломкой старого уклада.

АРАМКО с первых же шагов нуждалась в местной рабочей силе, но ее реального рынка в феодально-племенном обществе не было. Однако предложенная компанией работа предполагала улучшение материального положения и статуса некоторых групп населения, которые бросили прежние занятия (и средства производства, если они у них были) и составили костяк рабочей силы, ядро будущего местного рабочего класса.

В 1965 г. среди рабочих АРАМКО 7,6% были выходцами из бедуинов, 23,4% считали себя связанными с племенами, 44,8% — из феллахов, остальные — из рыбаков, мореплавателей, искателей жемчуга, ремесленников и торговцев¹⁵⁷.

Рабочими нефтяной компании стали представители «низших» племен авазим и шарарат, феллахи, батраки или ремесленники из числа шиитов Восточной провинции¹⁵⁸. У них не было отвращения к «презренному» физическому труду на «неверных» иностранцев. Что касается «благородных» бедуинов или оседлых фанатиков-ваххабитов, то к работе их толкнули нищета и стремление спастись от голода¹⁵⁹. Как отмечалось, бедуины успешнее работали охранниками, шоферами, а также электриками, но к тяжелой, утомительной или монотонной, скучной физической работе они не были приспособлены.

Сначала АРАМКО использовала даже рабов, хозяева которых присваивали часть заработанных ими денег¹⁶⁰. Случалось, что посредником, поставлявшим рабочую силу, становился шейх племени или купец-ростовщик, которые получали часть жалованья¹⁶¹. Эта практика не получила распространения, и компания предпочла нанимать людей, которые бы зависели от нее, а не от посредников, рабовладельцев или шейхов. АРАМКО вынуждена была создать специальные школы и курсы для подготовки квалифицированных специалистов из числа саудовцев¹⁶².

Число лиц, нанятых АРАМКО, к началу 70-х годов стабилизировалось на уровне 11—13 тыс.¹⁶³.

Концентрация молодого рабочего класса на одном предприятии, тяжелые условия труда и низкая заработная плата — все это способствовало первым шагам в деле организации и борьбы рабочих за защиту своих прав. Носителями более высокого

пролетарского сознания и организационных навыков часто были рабочие из других арабских стран. Администрация АРАМКО и саудовские власти после волнений в 1953 и 1956 гг. подвергли рабочих жестоким репрессиям. Активистов, занесенных в «черные списки» политически неблагонадежных, уволили с работы¹⁶⁴.

Но репрессии, слежка, давление, дискриминация были лишь одной стороной деятельности компании и саудовских властей по предотвращению рабочих выступлений. Прибыли, получаемые в Саудовской Аравии, были столь высокими, а число нанятых рабочих столь незначительным, что компания могла позволить себе резко увеличить им зарплату. Это касалось прежде всего квалифицированных рабочих. Уже к концу 50-х годов они зарабатывали больше государственных служащих низших рангов, полицейских и в 4—6 раз больше чернорабочих. В последующие годы рост заработной платы и общего уровня жизни лиц, нанятых АРАМКО, также резко обгонял рост доходов остальных работающих по найму трудящихся¹⁶⁵.

В конце 40-х годов в АРАМКО было 10 тыс. саудовцев, в основном чернорабочих. Через десять лет $\frac{2}{3}$ саудовцев заняли места квалифицированных или полуквалифицированных рабочих. В течение этого десятилетия 44 саудовца были назначены на важные посты в АРАМКО, которая использовала также около 3 тыс. саудовцев в промежуточном звене¹⁶⁶. Удельный вес саудовцев среди постоянных рабочих и служащих АРАМКО вырос к 1964 г. до 80% из общего числа 12800, а к 1970 г. — до 83% из 10 353¹⁶⁷. Многие саудовцы стали работать геологами, инженерами, техниками, врачами, буровыми мастерами, лаборантами. Изменения в общей структуре рабочей силы в АРАМКО были вызваны значительным повышением производственной квалификации саудовцев-нефтяников, получивших профессиональную подготовку в учебных центрах и мастерских в районах нефтедобычи, а также за границей. К 1971 г. техники, мастера, инженеры, прорабы составляли 14,5% (1952 г.—0,1%) всех саудовцев, нанятых АРАМКО, квалифицированные рабочие — 59,4% (1952 г.—3,0%), неквалифицированная рабочая сила — 26,1% (1952 г.—96,9%)¹⁶⁸.

Среднегодовые заработки в АРАМКО поднялись с 1953 по 1964 г. с 3 800 до 10 700 риалов и стали самыми высокими в стране. В 1971 г. среднегодовой заработок саудовцев, работающих в АРАМКО, достиг 17800 риалов¹⁶⁹. За многолетнюю «безупречную» работу администрация компании стала выплачивать специальные премии и надбавки, предоставлять жилые дома с удобствами, давать в рассрочку ссуды на приобретение жилья¹⁷⁰. Погашение части кредитов на приобретение домов компания брала на себя. К концу 1970 г. 88% из всех занятых в АРАМКО саудовцев было обеспечено жильем¹⁷¹. Это превратило их в должников компании, практически ликвидировало текучесть рабочей силы. АРАМКО также открыла больницы, школы, поликлиники. Часть рабочих при поощрении администрации компании включилась в предпринимательскую деятельность. Боевые настроения среди рабочих АРАМКО были резко сбиты. Разгромив политически активных рабочих с помощью саудовских властей, АРАМКО «откупила» от остальных и временно оградила себя от организованных рабочих выступлений. Передовой отряд саудовского пролетариата в результате целенаправленной политики администрации компании и саудовского правительства был в значительной своей части превращен в «рабочую аристократию».

Формированию саудовского рабочего класса препятствовали не только социально-политические условия страны, но и узость рынка наемного труда, вызванная малочисленностью населения. По данным «Регионального справочника», из экономически активного (самодельного) населения общей численностью около 1 млн. человек в 1965 г.¹⁷² четвертая часть работала по найму. Ее можно было разделить на три категории. Первая — это лица, которые из поколения в поколение были наемными рабочими в ремесле, торговле и сфере услуг, а также в сельском хозяйстве. Вторая — это те, которые поступили на службу в госаппарат. Третья — занятые в современной промышленности и в торговом секторе.

Правительство было самым крупным нанимателем рабочей силы—150 тыс. в 1965 г.¹⁷³. Впрочем, большой процент государственных служащих составляли несаудовцы. К началу 70-х годов число служащих госаппарата (без армии и полиции) превысило 120 тыс.¹⁷⁴.

В стране в то время было 18 тыс. промышленных рабочих в городах Восточной провинции — Дахране, Рас-Таннуре, Эль-Хубаре и Даммаме (в основном в нефтяной промышленности и связанных с нею отраслях), а также в Джидде. Из остальных наемных рабочих в 1965 г. 82 тыс. были батраками¹⁷⁵.

В 1970 г. Центральная плановая организация Саудовской Аравии оценивала самодеятельное население примерно в 1050 тыс. человек (без государственных служащих и вооруженных сил). Из них почти половина была занята в сельском хозяйстве — 476 тыс. (в том числе кочевники— 145 тыс.), в нефтяной и горнорудной промышленности — 29 тыс., обрабатывающей промышленности — 52 тыс., строительстве — 142 тыс., энергетике и коммунальных службах—20 тыс., торговле—130 тыс., на транспорте, в связи и складировании — 62 тыс., сфере услуг—138 тыс. Важно отметить, что, за исключением нефтяной промышленности, были лишь единицы предприятий с числом рабочих более 50¹⁷⁶.

По сравнению с другими развивающимися странами процент лиц, занятых в сельском хозяйстве, был ниже, а в сфере услуг — выше.

Социальная структура города отличалась малой долей жителей, занятых в промышленности, и чрезвычайно раздутым государственным аппаратом. В низшие слои городского населения входил полупролетариат различных категорий, как правило мигранты из сельской местности (крестьяне и бедуины), неграмотные и не имеющие квалификации. Они использовались в качестве постоянных и временных неквалифицированных рабочих в строительстве, торговле, сфере услуг, но многие жили на правительственные дотации¹⁷⁷.

Хотя в конце 60-х—начале 70-х годов в стране был установлен официальный минимум заработной платы рабочего в размере 6 риалов в день, на практике он не всегда соблюдался предпринимателями, особенно при найме рабочих-иммигрантов. Даже согласно официальной статистике, в торговле минимум заработной платы рабочих-саудовцев составлял 200—210 риалов в месяц, а несаудовцев — 120—180; в сфере услуг рабочие-саудовцы получали 130—170 риалов в месяц, несаудовцы — 140—150; в ремесленном производстве — соответственно 100—120 и 90—110 риалов. Значительно лучше было положение полуквалифицированных рабочих, так как в стране ощущалась их постоянная нехватка. В среднем такой рабочий получал 300—400 риалов в месяц в частном секторе (без учета нефтяной промышленности) и 600—700 риалов на государственных предприятиях. К этой же категории по уровню своих доходов примыкали конторские работники, заработная плата которых колебалась от 300 до 500 риалов в месяц. В целом эта категория лиц наемного труда имела прожиточный минимум. У квалифицированных рабочих, по саудовским стандартам, был достаточно высокий уровень доходов. В среднем такой рабочий получал 700—1000 риалов, а высококвалифицированный — до 1500 риалов в месяц¹⁷⁸.

Как конкретно выглядела социальная структура, например, центральноаравийского города и какие возможности существовали в нем для создания рынка наемного труда, показывает исследование саудовского социолога аш-Шарифа, произведенное в середине 60-х годов в Анайзе. Всего в городе было 216 ремесленников и 350 подмастерьев. Таким образом, от ремесла кормилось около 560 семей—18—20% жителей города, считает аш-Шариф. Но, видимо, число семей было все же меньше, скорее всего с отцом работали его сыновья и братья. К «ремесленникам» автор относит мясников, плотников, хлебопеков, дубильщиков, строителей, носильщиков, красильщиков, слесарей, кузнецов, ткачей, парикмахеров, хозяев гаражей и авторемонтных мастерских, мельников, прачек, электриков¹⁷⁹.

В Саудовской Аравии, отмечали другие авторы, у некоторых ремесленников существовала нечетко сложившаяся система гильдий, а у торговцев были свои шейхи, которые представляли их в городском совете, следили за стандартами, нравами, качеством товаров¹⁸⁰.

В Анайзе в начале 60-х годов жило 23,5 тыс. человек, женщин было на 3 тыс. больше, чем мужчин. Многие мужчины уехали в другие районы страны на заработки¹⁸¹.

Анайза была сравнительно крупным торговым центром, одним из главных в Неджде. Ее торговые семьи были связаны с Эр-Риядом, Даммамом, Джиддой, Меккой и Мединой, а также с Ираком, Кувейтом и Сирией¹⁸².

В городе образовался отдельный квартал, где обосновались 500 бедуинов. Многие из них пришли из бывших ихванских хиджр. Бедуины становились мелкими служащими, завербовывались в армию, учились на шоферов¹⁸³. Некоторые были вынуждены идти и в строительные рабочие, в батраки, нанимались пастухами, но традиционное презрение бедуинов к физическому труду, к ремеслам сохранилось. Кроме того, они по-прежнему не желали вступать в браки за пределами своих племен и не выдавали дочерей замуж даже за богатых оседлых жителей¹⁸⁴. Однако возможности экономического преуспевания, продвижения по службе для оседлых были таковы, что многие из них, в свою очередь, смотрели свысока на бедуинов¹⁸⁵.

В аравийских городах существовали объективные предпосылки для создания ограниченного рынка наемного труда. Кандидатами в пролетариат были подмастерья, неквалифицированные рабочие, разорившиеся феллахи и бедуины. Но на пути формирования рабочего класса стояли и проблемы социально-психологического порядка.

«Умение трудиться не было связано с социальным статусом в обществе Саудовской Аравии, — категорически утверждали американские авторы. — Скорее тот, кто мог позволить себе не трудиться, имел более высокий социальный статус... В Саудовской Аравии труд предполагает низкий статус, в то время как функции надсмотрщика и человека, который участвует в принятии политических решений, котируются высоко. Поэтому самым желанным занятием остается государственная служба. Даже чиновник низкого уровня пользуется уважением... Как правило, чем выше положение человека, тем меньше он работает. Это особенно верно для государственной службы. С более высоким статусом государственной службы связана привилегия позднее приходить на работу, раньше уходить и больше времени тратить на развлечение посетителей»¹⁸⁶.

Аш-Шариф отмечал, что ремесленники и подмастерья были связаны отношениями патрона и клиента¹⁸⁷. В целом в саудовском обществе 50—60-х годов патернализм был реальным фактором во взаимоотношениях нанимателей и рабочих. Семейные связи, социальный статус стояли впереди соображений эффективности работы и компетентности. Личные, семейные связи играли важную роль при подборе работников¹⁸⁸.

Хозяин олицетворял собой власть и авторитет и должен был одновременно проявлять внимание к нуждам рабочих. Хозяин терял авторитет, если не проявлял требовательности и строгости. Но он лишался уважения и симпатии, если не помогал в случае болезни рабочего или при женитьбе его сына, если не давал ему советов¹⁸⁹.

Хозяин нанимал рабочих из числа членов своей семьи, личных друзей и знакомых. Хотя сложившаяся практика сохранялась в мелких коммерческих или индустриальных фирмах, на более крупных предприятиях в 60-х годах появляется, так сказать, «неперсонифицированный» наем рабочих¹⁹⁰.

«Региональный справочник» отмечал: «Индустриальный наниматель требовал от рабочих надежности, пунктуальности, готовности подчиняться деперсонифицированной власти и установленному порядку, а все это было чуждо для саудовского араба из сельской местности, который не привык к регулярным рабочим часам и который ожидал от нанимателя патерналистского отношения»¹⁹¹. О том, что саудовцы вместо

«патерналистского отношения» столкнулись в АРАМКО с хищной и жестокой эксплуатацией колониального типа, авторы сборника умалчивают. Они предпочитают не вспоминать того, что компания в первое десятилетие своей деятельности платила саудовцам мизерную зарплату, пользуясь общей нищетой населения, и даже мысль о рабочих правах не допускалась. И повышение зарплаты, и некоторые социальные блага рабочие вырвали у АРАМКО и саудовского правительства в результате упорной борьбы, появления зачатков классового самосознания.

Нефтяной бум, кризис земледелия и скотоводства, появление новых занятий в городах и более высокий уровень городской жизни — все это привело к быстрой урбанизации Саудовской Аравии. Население всегда было распределено неравномерно на ее территории. Большею частью оно было сосредоточено в районах от Медины до Эт-Таифа, на прибрежной равнине в Хиджазе, в Асире, в Неджде от Бурайды до Эль-Харджа и в районе Восточной провинции от Рас-Таннуры до Харада. Урбанизация усилила неравномерность расселения жителей.

Население столицы саудовской Аравии — Эр-Рияда — в 1955 г. составляло примерно 80 тыс. человек, в 1962 г. — 162 тыс., к началу 70-х годов — 300—350 тыс.; для Мекки эти цифры соответственно равны 100 тыс., 159 тыс. и 200 тыс.; для Джидды — 80 тыс., 148 тыс., 250—300 тыс.; для Медины — 50 тыс., 72 тыс., 100 тыс.; Эт-Таифа — 8 тыс., 54 тыс., 100 тыс. человек. К концу 60-х годов население Хуфуфа и Эль-Харджа также достигло 100 тыс. человек, а портовых городов Даммама и Эль-Хубара составило соответственно 40 тыс. и 35 тыс. человек¹⁹². Правда, неясно, включают ли эти цифры в число горожан-иммигрантов.

Иммигранты. В Саудовской Аравии, несмотря на трудности интеграции в ее общество, всегда жило много иммигрантов и неаравов — рабы и вольноотпущенники, в основном африканского происхождения, а также потомки мусульманских паломников из разных стран, оседавших в Мекке и Джидде.

Спрос на рабочую силу во все больших размерах притягивал в Саудовскую Аравию новых иммигрантов, особенно тех, кто обладал квалификацией¹⁹³. В стране не хватало и неквалифицированных людей для черной, непрестижной работы. Для выполнения ее стали нанимать йеменцев, суданцев, сомалийцев. Палестинцы, иорданцы, сирийцы, ливанцы были торговцами, учителями, чиновниками, врачами, инженерами, ремесленниками. В начале 60-х годов в стране работали египтяне в качестве учителей и чиновников, но после ухудшения и разрыва отношений с Египтом приток египетской рабочей силы временно прекратился¹⁹⁴. После улучшения отношений Эр-Рияда с режимом Садата он возобновился. Во второй половине 70-х годов египетских иммигрантов — от инженеров и врачей до чернорабочих — были сотни тысяч во всех сферах деятельности.

На начало 70-х годов Кнауэрхейз число несаудовцев среди населения оценивал в 15—20% в Мекке, Медине и Эт-Таифе, 23% — в Эр-Рияде, 35% — в Джидде¹⁹⁵. Однако он не уточнял, включались ли в эти данные потомки вольноотпущенников и «старых» натурализовавшихся иммигрантов или только несаудовцы, недавно прибывшие в страну.

В городах в 1964 г. иммигранты составляли примерно одну треть рабочей силы, в 1968 г. — уже 45%, в последующие годы — больше половины. Естественно, что среди инженеров и техников процент иностранцев поднимался выше. Например, 60% инженеров в министерстве коммуникаций были египтяне, иорданцы, ливанцы, сирийцы¹⁹⁶. Иностранцами были почти все преподаватели высших учебных заведений, значительная часть учителей школ, много служащих административного аппарата. В обрабатывающей промышленности, особенно в Хиджазе, их доля достигала 60—70%, на транспорте и в связи — 50, в строительстве — от 30 до 50%¹⁹⁷.

АРАМКО имела в своем составе много иностранцев. Хотя число саудовских арабов среди персонала увеличилось, она по-прежнему ввозила медиков из Индии, бухгалтеров — из Пакистана, учителей — из Иордании и Египта, переводчиков — из Ли-

вана. Многие инженерно-технические работники и служащие на среднем уровне были палестинцами¹⁹⁸. В других компаниях и отраслях саудовцев было меньше.

Иностранцам запрещалось работать в королевстве без официального разрешения. Иммигрант должен был въехать в Саудовскую Аравию легальным путем, обладать знаниями и профессией, нужными в стране, а также иметь место работы, обусловленное заранее. Но многие въезжали в Саудовскую Аравию нелегально, особенно йеменцы¹⁹⁹.

Общее число иностранных рабочих, подпавших под регистрацию, в 1963 г. было 76 тыс., в 1965 г.—144 тыс., в 1967 г.—165 тыс., в 1969 г.—231 тыс., в 1970 г.—320 тыс.²⁰⁰, в конце 1972 г. — 700 тыс.²⁰¹. Эти данные охватывали только городскую «легальную» рабочую силу.

Во второй половине 70-х годов число иммигрантов дошло, по ряду оценок, до 2—3 млн., т. е. примерно равнялось всему взрослому населению страны. Одних йеменцев было больше миллиона²⁰², а всего в Саудовской Аравии работали представители 50 национальностей, в том числе несколько десятков тысяч американцев и европейцев²⁰³. Подобное положение существовало лишь в нефтяных княжествах Персидского залива и Ливии, но масштабы иммиграции в Саудовской Аравии были больше.

Последствия массового импорта рабочей силы с трудом поддаются учету, но они означают прежде всего, что темп социальных перемен в Саудовской Аравии убыстряется и создаются социальные противоречия нового типа.

Вольноотпущенники. «Низшие» племена. Женщины. Если появление в стране нефтяной промышленности, резкое увеличение доходов правящей верхушки, расширение внутреннего рынка привели к появлению капиталистического уклада и современного пролетариата в стране, то одновременно эти же факторы, как это ни парадоксально, в 40—50-е годы временно укрепили рабовладельческий уклад. Спрос на рабов увеличился²⁰⁴.

Отмена рабства в Саудовской Аравии произошла в 1962 г. под давлением извне, а не изнутри, хотя в стране и раздавались требования ликвидировать этот позорный общественный институт. Фактически рабство сохранилось в Саудовской Аравии и после его отмены, но не в качестве отдельного уклада, а в виде нелегального удержания рабов и наложниц в семьях знати. Абды и после освобождения не стали равноправными гражданами Саудовской Аравии, общество которой сохраняло черты кастовости. Правда, как и раньше, в отдельных случаях они могли подниматься высоко по лестнице чиновничьей иерархии. «Низшие» племена: сулубба (на севере), хитайм и шарарат (в Хиджазе), авазим (в Эль-Хасе), балахита (на юго-западе), фуйуд и баххах в Асире, бану хадир в Неджде — сохранили свое неравноправное положение. Из этих племен выходили рабочие и ремесленники для «непрестижных профессий» — парикмахеры, мясники, музыканты, лудильщики. Представители некоторых «низших» племен могли обогащаться, но в брак с «высшими» по-прежнему не вступали. Знаменитый Абдаллах ас-Сулейман из племени бану хадир, министр финансов Абд аль-Азиза, основал один из самых могущественных предпринимательских кланов в королевстве. Но, как и раньше, с ним гнушаются вступать в родственные связи выходцы из племен «голубой крови» — аназа, атайба, шаммар или курейш, не говоря о Саудидах и племенной аристократии²⁰⁵.

Социальный статус иммигрантов, вольноотпущенников, «низших» племен, ремесленников-суннаа, шиитов имел много сходных черт. Они оставались как бы вне общества, не имели политических прав.

Нехватка собственных рабочих рук в Саудовской Аравии вызывалась еще и тем, что сохранялись жесткие ограничения на женский труд. Положение женщин в обществе определялось шариатом в его самой бескомпромиссной форме, и улемы, уступая в других областях, навязывали в этом вопросе свое мнение властям.

К началу 70-х годов появились училища медицинских сестер в Эр-Рияде, Джидде и Хуфуфе. Все больше девочек посещали школы. За 60-е годы в 17 центрах развития сельских общин 5700 женщин прошли курсы по ликвидации неграмотности и подготовке хозяек или познакомились с какими-то ремеслами.

Главный принцип состоял в том, чтобы направить женщин в те области и профессии, где они будут общаться почти исключительно с представителями своего пола²⁰⁶.

Институт государственной администрации, например, подготовил со времени своего создания в 1961 г. около 10 тыс. чиновников, среди которых не было ни одной женщины²⁰⁷.

Трудовое законодательство. Новые трудовые взаимоотношения уже не подпадали под каноны шариата и требовали своей регламентации. Учитывая зарождающееся рабочее движение, правительство в 1947 г. приняло кодекс о труде, во многом копирующий египетский. Впоследствии он изменялся и дополнялся. Этот кодекс должен был распространяться на все промышленные, торговые и сельскохозяйственные предприятия с числом наемных рабочих более десяти. Даже формальное введение рабочего законодательства по примеру Египта, где рабочие добились определенных прав в результате длительной борьбы, было важным завоеванием саудовских трудящихся, хотя с самого начала было ясно, что их права урезаны.

Кодекс о труде установил 6-дневную рабочую неделю, 8-часовой рабочий день, ежегодный оплачиваемый 10-дневный отпуск и 5-дневный отпуск по болезни. Был запрещен труд детей моложе 10 лет. Специальные статьи определяли порядок и оплату сверхурочных работ, выплату компенсации за производственные травмы. Минимальная зарплата была установлена в 5 риалов в день. Контракт мог быть письменным и устным. В кодексе предусматривалось создание предпринимателями специальных лавок для рабочих, школ, больниц, библиотек, детских садов.

Министерству финансов было предоставлено право инспектировать любое предприятие, получать от предпринимателей и рабочих сведения об условиях труда и жизни, требовать от предпринимателей выполнения положений кодекса. Наем рабочих мог осуществляться на основе специального разрешения министерства финансов²⁰⁸.

С 1950 г. министерство финансов создало департамент труда в Восточной провинции, ставший автономным в 1953 г. и включенный в 1961 г. во вновь созданное министерство труда и социальных дел²⁰⁹.

Кодекс о труде не предоставил рабочим права организовывать профсоюзы. В 1956 г. забастовки рабочих были запрещены специальным указом короля²¹⁰.

Предпринимателю предоставлялось право увольнять рабочих без объяснения причин. Кодекс игнорировал права женщин-работниц, ничего не говорил о пенсии по старости. Лишь в начале 60-х годов были введены социальное страхование и пенсии²¹¹.

С развитием и расширением наемного труда умножались трудовые конфликты²¹². Они должны были разрешаться арбитражной комиссией в составе двух членов, один из которых назначался предпринимателем, а другой — правительством, государственной администрацией, но без представителя рабочих. В случае несогласия двух членов арбитража правительство, якобы занимающее патерналистскую позицию, назначало высшего арбитра. На практике в конфликтах между рабочими и АРАМКО правительственные чиновники выступали вместе с компанией, в противном случае их обвиняли в «коммунистической деятельности» и лишали постов. В своих петициях королю рабочие требовали, чтобы департамент труда действительно защищал интересы рабочих²¹³.

«Несмотря на запрет, стачки все равно происходили, — констатировалось в американском сборнике „Законы о труде и практика в Саудовской Аравии“. — Чаще всего они происходили в индустриализованном, усложненном нефтяном секторе в Нейтральной зоне и в Восточной провинции. Хотя у нефтяников были наилучшие условия труда из всех групп рабочих, они особенно настойчиво и долго боролись за свои требования»²¹⁴. В Нейтральной зоне стачки организовывали кувейтцы, так как формально в Кувейте забастовки не были запрещены. Самое сильное недовольство возникало у рабочих в

подрядных фирмах, где эксплуатация была беспощадной, а кодекс о труде не соблюдался²¹⁵.

«Рабочие-нефтяники устраивали демонстрации, сидячие забастовки, уход с работы, бойкоты, писали петиции, обращения к руководству компаний,— сообщалось в цитируемом сборнике.— Они только не прибегали к насилию. Производились аресты, и лидеров заключали в тюрьму. В некоторых случаях рабочих увольняли с работы, а иностранцев высылали за любую форму протеста. Происходили приостановки работы»²¹⁶. Требования носили экономический характер, затрагивали проблемы премиальных, медицинского обслуживания, транспорта, питания.

В 60-е годы рост заработной платы и систематические репрессии ослабили остроту трудовых конфликтов. Однако недовольство рабочих, а также критика режима за рубежом вынудили правительство внести изменения в трудовое законодательство. Увеличение нефтяных доходов и экономический бум позволили властям и предпринимателям согласиться на некоторые дополнительные льготы для рабочих.

Новый кодекс для предприятий с числом рабочих 10 и более, введенный в 1969 г., предусматривал 8-часовой рабочий день, 48-часовую рабочую неделю и 36-часовую рабочую неделю в месяц рамадан. В АРАМКО, других нефтяных компаниях и ПЕТРОМИН устанавливалась 40-часовая рабочая неделя с двумя выходными. Продолжительность оплачиваемых отпусков для рабочих достигла 21 дня, отпуска по болезни — 30 дней, оплачиваемых полностью, и 60 дней — с сохранением трех четвертей зарплаты. Рабочим предоставлялись отгулы по семейным обстоятельствам. В нефтяной промышленности рабочие получали 28 дней отпуска, служащие — месяц.

Статья 75 запрещала увольнять рабочего без объяснения причин. Минимум заработной платы был установлен в 10 риалов в день.

Кодекс 1969 г. учитывал ряд социальных запросов рабочих. На предприятиях с 50 рабочими и более должен был быть открыт медпункт. Медицинское обслуживание объявлялось бесплатным, а операции и лечение в ряде случаев оплачивались из специального фонда страхования. В отдаленных районах рабочие должны были получать жилье и питание три раза в день по твердым ценам. Там, где было 500 рабочих и больше, открывались лавки с товарами по умеренным ценам.

Хотя в кодексе была специальная статья о работницах, она не имела особого значения, так как использование женского труда было крайне ограниченным. Кодекс запрещал мужчинам и женщинам работать вместе.

Нельзя было нанимать на работу подростков моложе 13 лет; рабочий день подростков ограничили 6 часами.

Были установлены требования по технике безопасности, а также компенсации за производственные травмы и инвалидность в результате несчастного случая на производстве²¹⁷.

В том же, 1969 г. помимо кодекса была разработана система социального страхования, объявленная обязательной вопреки сопротивлению улемов. Она в какой-то мере сочетала методы современного социального страхования с традициями мусульманской благотворительности. Еще в начале 60-х годов часть фонда социального страхования пополнялась за счет закята и правительственных субсидий. С 1969 г. рабочие и работодатели сами должны были делать взносы в генеральную организацию социального страхования²¹⁸.

Для найма на работу требовалось разрешение бюро труда или паспортного отдела. Все компании с числом рабочих 100 и выше должны были нанимать 75% саудовцев и выплачивать им 51% фонда зарплаты. Такой же процент саудовцев должен был быть по требованию ПЕТРОМИН во всех смешанных компаниях²¹⁹.

Ограниченность трудового законодательства была очевидной хотя бы потому, что абсолютное большинство саудовских трудящихся было занято на предприятиях с числом рабочих менее десяти. На практике трудовой кодекс применялся лишь в самых крупных

компаниях. «Многие из статей кодекса 1969 г. остались на бумаге», — констатировали авторы сборника «Законы о труде и практика в Саудовской Аравии»²²⁰.

Статьи 189—191 подтвердили запрет стачек и объявили коллективные действия рабочих преступлением, наказуемым тюрьмой сроком до шести лет и большими штрафами²²¹.

В 1969 г. были созданы комиссии для разбора трудовых конфликтов. Они действовали параллельно с шариатскими судами. По-прежнему в качестве арбитра выступали государственные чиновники. Если они не принимали решения, то дело передавалось в бюро жалоб. В 1970 г. была создана высшая комиссия по трудовым конфликтам²²².

Образование. «Общественное образование находится в младенческом возрасте», — констатировали в конце 50-х годов американские исследователи. В 1956 г. в стране было немногим более 5% грамотных²²³.

Еще в 1954 г. лишь 8% детей школьного возраста посещали школы. Король Саул при дворце в Эр-Рияде создал по английским образцам школу для своих сыновей, их слуг и рабов. Братья короля — Абдаллах и Фейсал — также устроили школы для своих детей. Но необходимость давать образование хотя бы части населения была очевидной даже для королевской семьи²²⁴.

В 1954 г. было учреждено министерство образования и создана школьная система по образцам более развитых арабских стран. В начальных школах учились шесть лет, в промежуточных — три и в средних — три года. Во второй половине 50-х годов лишь десятки юношей получали среднее образование²²⁵. Наибольшее внимание в школах по-прежнему уделялось изучению Корана и богословия и меньшее — техническим предметам и математике.

Король Абд аль-Азиз направлял на учебу за границу молодых саудовцев и субсидировал их учебу. Сауд в начале своего правления под давлением консервативных улемов попытался отказаться от этой практики, но в дальнейшем был вынужден согласиться с необходимостью учебы саудовцев за границей. В 1957 г. по крайней мере 600 саудовцев учились в иностранных университетах и других заведениях (в Египте, США, Сирии и Ливане, Западной Европе). После 1957 г. учеба за границей вновь начала поощряться²²⁶.

Первое саудовское высшее учебное заведение — «колледж исламского права» открылся в Мекке в 1949 г. Его программа почти целиком состояла из изучения Корана, хадисов, языка, арабской истории. Задача состояла в том, чтобы готовить учителей для лицеев страны, большая часть которых следовала почти идентичной программе. В 1953 г. в Эр-Рияде были открыты колледжи шариатского права и арабского языка. Они должны были выпускать не только преподавателей, но также юристов и судей²²⁷.

Светский университет по египетской модели открыли в Эр-Рияде в 1957 г. Почти все его преподаватели были иностранцами. Обучение в университете было бесплатным, студенты получали от государства стипендии²²⁸. Среди выпускников этого заведения оказалось немало сторонников модернизации страны.

Как в целях поднятия престижа государства, так и для удовлетворения потребностей общества в специалистах образованию стали уделять все большее внимание. В начале 60-х годов из-за границы прибыло около 2 тыс. учителей²²⁹. Примерно через десять лет эта цифра удесятилась²³⁰, но была поставлена задача саудизации школьного образования, хотя бы на низших ступенях. В 1973 г. в Саудовской Аравии было уже 14 колледжей для подготовки учителей начальных школ и два учебных заведения для подготовки преподавателей промежуточных и средних школ²³¹.

Расходы на образование в 1959 г. составляли 118 млн. риалов, в 1973 г. — 1677 млн. риалов²³². В 1960 г. во всех видах школ было всего 143 тыс. учеников, в 1973 г. — 739,3 тыс., но число девочек более чем вдвое меньше числа мальчиков (а в 1960 г. число девочек было примерно в 25 раз меньше числа мальчиков)²³³. Газета «Тайме»,

получившая данные из саудовского министерства просвещения, писала, что в 1973 г. в школах занималось 600 тыс. учеников и 200 тыс. учениц²³⁴.

Быстро росло число студентов Риядского университета. Так, если в 1960 г. здесь было примерно 500 студентов и 15 аспирантов (в религиозных институтах — 2200 студентов и 260 аспирантов), то в 1973 г. стало 4400 студентов, число аспирантов неизвестно, но, видимо, более 300. В 1968/69 г. были открыты женский колледж в Джидде и университет Абд аль-Азиза с факультетами в Джидде и Мекке²³⁵.

В 1973 г. в этом университете было около 2500 студентов, в колледже нефти и горного дела в Восточной провинции — примерно 900, в Исламском университете в Медине, где большинство студентов—иностранцы,—660. В религиозных колледжах и институтах, по данным на 1971 г., было около 11 тыс. студентов и 500 аспирантов. Хотя 60% студентов университета Абд аль-Азиза занимались техническими науками, многие, получив дипломы, поступали на государственную службу²³⁶.

В 60—70-е годы все больше саудовцев отправлялось на учебу за границу, особенно в США. Их число достигло 3—5 тыс. человек к середине 70-х²³⁷.

Первая профессионально-техническая школа была создана в 1949 г. В 1960 г. в Эр-Рияде появилось государственное образцовое техническое училище с преподавателями, приглашенными из-за границы. Технические школы появились в Мекке, Джидде, Даммаме, Бурайде, Медине и других городах²³⁸.

На всех стадиях обучение мальчиков и девочек, юношей и девушек было раздельным. В Риядском университете девушкам разрешали посещать библиотеку только в особые часы. В университете Абд аль-Азиза преподавание для девушек велось с помощью телевидения²³⁹.

Вынужденный развивать систему образования, правящий класс пытался превратить ее в орудие воспитания преданности традиционным государственным и общественным институтам и режиму в целом. «Программа обучения в мусульманских странах была инфильтрована догмами и опасными тенденциями, которые отвлекали сыновей мусульман от изучения истории их религии и ее богатого населения, от глубокого и тщательного научного изучения основ мусульманского шариата,— говорил в 1963 г. принц Фейсал, фактический глава государства.— Человек хочет добра — оно здесь, в исламском шариате. Он хочет безопасности — она также здесь. Человек хочет свободы — она здесь. Он хочет продвижения вперед — оно здесь. Он хочет прогресса — он здесь. Он хочет лечения — оно здесь. Он хочет пропаганды науки — она здесь. Все можно найти в мусульманском шариате»²⁴⁰.

В 1970 г. правительственная программа «Политика в области образования» определила в качестве основной задачи образования «обязанность познакомить человека с Аллахом и его религией и привести его поведение в соответствие с учением религии, удовлетворением нужд общества»²⁴¹. Но требования консервативных улемов уже не принимались безусловно всеми социальными слоями. Столкновение консервативных взглядов, опирающихся на мусульманские традиции в их ваххабитском толковании, и стремление к модернизму, общественным переменам, порожденного, в частности, распространением образования, стали одним из элементов напряженности в саудовском обществе.

Вызванное объективными потребностями капиталистического развития бурное расширение образования бумерангом било по правящим классам, одной из основ власти которых было невежество народных масс. Рост культурного уровня, гуманитарных и технических знаний жителей Саудовской Аравии порождал увеличение общественно-политических запросов, особенно в условиях, когда учащались поездки многих саудовцев за границу, распространялись транзисторные приемники и телевизоры, в стране появилось много иностранцев. Все большее число саудовцев приобретало необходимый кругозор, чтобы быть в состоянии ставить под вопрос законность и правомерность существования

прежней феодально-племенной политической системы, прежних общественных ценностей.

Глава XIX ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Клан Саудидов в системе власти. Саудовский монархический режим, сложившийся к началу 30-х годов, за несколько десятилетий претерпел определенные изменения. Клан Саудидов с его ответвлениями, и так достаточно многочисленный в период собирания аравийских земель вокруг Эр-Рияда, вырос, используя полигамию, настолько, что превратился как бы в господствующее племя. Только мужчин в нем было в середине 70-х годов от 2 тыс. до 5 тыс.¹ Именно Саудида распоряжались основными ресурсами страны, ее нефтяными доходами, именно им служил государственный аппарат, верхушку которого они возглавляли. Однако сам государственный механизм вырос и усложнился, несколько модернизировался, приобрел новые функции.

Король, естественно, остался центральной фигурой в системе власти, будучи одновременно имамом, военачальником, верховным судьей. Хотя формально он не считался законодателем, так как в шариате все законы были изложены раз и навсегда, он издавал декреты, которые регулировали ситуации, не охваченные шариатом. В личности монарха сосредоточивалась высшая исполнительная, законодательная и судебная власть. На практике король передавал эти функции государственным учреждениям, институтам или личностям — совету министров или дворцовому дивану, заместителю председателя совета министров, если король был главой правительства, бюро жалоб при совете министров и министерству юстиции, министерству обороны, штабу вооруженных сил и командующему Национальной гвардией («белой армией»), консультативному совету, который вырабатывал рекомендации, ложившиеся в основу королевских декретов².

Власть короля ограничивалась необходимостью считаться с интересами и требованиями самых влиятельных групп в правящем клане Саудидов, улемов, а за последние годы представителей новых, зачастую еще аморфных социальных слоев, связанных с современными секторами в экономике, вооруженных силах, бюрократическом аппарате. Важные решения он в принципе должен был принимать, лишь прощупав мнение главных правящих групп³. При этом использовался традиционный принцип консультаций. Было принято, чтобы король совещался с влиятельными членами клана Саудидов, с главными шейхами племенных конференций или племен, эмирами главных провинций, улемами.

«Его величество король известен своим страстным желанием уважать принципы мусульманской религии,— говорилось в одном из официальных сообщений о деятельности короля Фейсала.— Один из этих принципов состоит в том, что правительство должно советоваться. Так, его величество никогда не придерживается произвольного мнения, а знакомится с мнением государственных деятелей, улемов, знающих и знатных людей страны. Все это — несмотря на то, что мнение его величества — всегда самое лучшее мнение»⁴.

Одна из основ устойчивости власти клана Саудидов заключалась в сохранении его единства. Члены семейства Ааль Саудов помнили, что обострение борьбы за власть между Саудом и Фейсалом в 1958—1964 гг., бунт «свободных эмиров» и раскол королевской семьи на враждующие группировки сопровождались резким ослаблением и кризисом режима. Единство клана достигалось методом согласия — консенсуса (иджма) его главных представителей. Из 2—5 тыс. его членов в принятии важнейших решений участвовал сравнительно узкий круг лиц числом не более ста. 68 подписей, которые появились 2 ноября 1964 г. на решении королевской семьи о передаче трона Фейсалу, показывают примерные размеры группы, которая определяла политику и «выбирала» главных лиц, проводивших ее⁵.

В эту сотню «делателей королей» входили авторитетные лидеры влиятельных ветвей многочисленного «племени» Ааль Сауд, между которыми шла скрытая борьба, не позволявшая ни одной из группировок монополизировать власть.

Старшая ветвь королевской семьи была представлена в 50— 60-е годы тремя оставшимися в живых братьями основателя Саудовской Аравии Абд аль-Азиза — Абдаллахом, Ахмедом и Мусаидом. Абдаллах был посредником между Фейсалом и Саудом в период их борьбы за власть, а Мусаид, который родился через пятнадцать лет после появления на свет своего племянника, будущего короля Фейсала, стал министром финансов и национальной экономики в его кабинете в 1962 г. ⁶.

Самые важные решения по текущим делам принимала небольшая группа лиц, окружавших короля. При Фейсале в нее входили кроме его дядей сводные братья — наследный принц Халид, эмир Фахд, командующий Национальной гвардией Абдаллах, министр обороны и авиации Султан. Эта группа, собрав несколько десятков ведущих представителей клана Саудидов, смогла обеспечить гладкую передачу власти после убийства Фейсала 25 марта 1975 г., когда королем и премьер-министром стал Халид, наследным принцем и первым заместителем премьера — Фахд, вторым заместителем премьер-министра — командующий Национальной гвардией Абдаллах — шестой из оставшихся в живых сыновей Абд аль-Азиза ⁷.

Выходя несколько за хронологические рамки нашего исследования, отметим, что короля Фейсала убил его двоюродный племянник Фейсал ибн Мусаид. Его отец был 14-м сыном основателя королевства. Молодой принц только что вернулся из США, где провел несколько лет в школе и университете. Его мать происходила из клана Рашидидов. Старший брат убийцы — Халид, религиозный фанатик, был убит полицией, когда возглавлял демонстрацию против открытия телевизионной станции, которую считал противоречащей шариату, запрещающему человеческое изображение. Молодой принц был обручен с дочерью короля Сауда. Были предположения, что Ибн Мусаидом руководила американская рука, которая мстила королю Фейсалу за нефтяное эмбарго 1973 г., и это должно было послужить предупреждением другим членам семьи. Но как бы то ни было, истинные мотивы не были объявлены, и убийцу обезглавили ⁸.

Коронация Халида не означала ни прямую линию наследования, ни соблюдение порядка старшинства в чистом виде. После убийства Фейсала следующим по старшинству был его брат Мухаммед—четвертый сын основателя королевства. «Выбор» короля, видимо, определялся и его личными качествами, и соотношением сил между соперничающими группами ⁹.

Король Халид был через мать связан с могущественной ветвью Ааль Джилюви, полуавтономных наследственных правителей Восточной провинции. После смерти Абдаллаха Ааль Джилюви, двоюродного брата основателя королевства, правителем провинции стал его сын Сауд, а затем другой сын — Абд аль-Мухсин, сохранивший этот пост до середины 70-х годов. Другие важные посты в Эль-Хасе также занимали выходцы из клана Ааль Джилюви. Мать короля Халида, Джаухара бинт Мусаид, была из этого семейства, как и одна из жен короля Фейсала ¹⁰.

Эмир Фахд, ставший в 1975 г. наследным принцем, возглавлял так называемую «семерку Судайри». Вместе с ним в нее входили еще шесть родных братьев, сыновей Абд аль-Азиза от его жены из могущественного феодального неджийского клана Ааль Судайри. Тесно связанные друг с другом, они образовали влиятельную группу. Султан, 12-й сын Абд аль-Азиза, был в 60—70-е годы министром обороны и авиации; Турки, 20-й сын, — его заместителем; Найиф, 23-й сын, — министром внутренних дел; Сальман, 26-й сын, — губернатором провинции Эр-Рияд; Ахмед, 28-й сын, — заместителем губернатора Мекки; Саттам, 29-й сын, — заместителем губернатора Эр-Рияда ¹¹. Абд аль-Азиз несколько раз женился на женщинах Ааль Судайри, и кроме этой семерки у него было еще шесть сыновей от других жен из этого клана ¹².

У эмира Абдаллаха, ставшего третьим лицом в королевстве, не было родных братьев, но его мать вышла из могущественного северного племени шаммаров¹³.

Группировка родных братьев Саада, Мусаида и губернатора Медины Абд аль-Мухсина пока ничем себя не проявила¹⁴.

Еще одна влиятельная ветвь правящего клана — Ааль Сунайян. Они происходят от Сунайяна — брата Мухаммеда ибн Сауда, основавшего династию в XVIII в. Абдаллах Ааль Сунайян правил в Неджде в 1841 — 1843 гг. Члены этого клана жили в Турции. Ахмед Ааль Сунайян вернулся в Неджд, стал доверенным лицом Абд аль-Азиза и ездил с Фейсалом в Лондон и Париж в 1919 г. Он умер в 1921 г. В 1930 г. Фейсал проездом в Стамбуле посетил его вдову, пригласил ее в Саудовскую Аравию и женился на ее дочери Иффат, которая стала его любимой и самой влиятельной женой. Несколько Сунайянов переселились из Турции в Саудовскую Аравию и приобрели влияние и богатство. К концу правления Фейсала Иффат называли «королевой» в знак особого уважения к ней, так как жен королей никогда в Саудовской Аравии не считали королевами. Она активно занялась бизнесом¹⁵.

Внуки Абд аль-Азиза — особая группа, которая стала приобретать вес благодаря полученному образованию. Это так называемые «королевские технократы». Среди них выделились дети короля Фейсала, кооптированные в систему власти. Сауд аль-Фейсал, получивший образование в Принстоне, стал министром иностранных дел, Халид — губернатором юго-западной провинции Асир, Мухаммед возглавил департамент ирригации, Абдуррахман был командиром бронетанковой бригады, Саад — заместителем директора ПЕТРОМИН, Бандар — офицером в ВВС, Турки — заместителем директора департамента внутренней разведки, Абдаллах — поэтом и бизнесменом¹⁶.

Сыновья свергнутого короля Сауда числом около сорока оказались выброшенными из круга тех, кто принимал решения в клане и имел какую-то власть. Они образовали группу недовольных¹⁷.

После окончания фронды «свободных эмиров» Таяль перестал принимать участие в политической жизни. Но Бадр стал заместителем командующего национальной гвардией¹⁸.

Потенциальное влияние среди клана Саудидов могут приобрести «араифы» — «опознанные». Они — потомки Сауда ибн Фейсала, который правил в Эр-Рияде в 70-х годах прошлого века во время смуты среди сыновей эмира Фейсала. «Араифы» не раз выступали против основателя королевства Абд аль-Азиза, но потом вынуждены были к нему присоединиться. Глава этой ветви — Мухаммед Сауд аль-Кабир по старшинству считал себя идущим вслед за королем¹⁹.

Клан Саудидов вступал в родственные отношения с кланом Ааль аш-Шейха — потомков основателя ваххабизма, с феодальной семьей Ааль Судайри и с феодально-племенной аристократией самых «голубых кровей» Аравии. Женщины играли важную роль в создании особо тесных уз между своими сыновьями и братьями²⁰.

В саудовской печати было запрещено публиковать что-либо, касающееся королевской семьи, кроме официальных сообщений. Внутри королевской корпорации могла идти борьба, но она не должна была становиться предметом публичного обсуждения. Религиозные, административные и судебные власти практически обращались с членами королевского клана как с лицами, стоящими над законом. Например, когда один из принцев убил английского консула на приеме в Джидде, он был приговорен к пожизненному заключению, но фактически остался жить на семейной вилле со всем комфортом²¹.

При короле Фейсале дотации членам королевской семьи были формально уменьшены. В середине 70-х годов, по официальным данным, на семью Ааль Сауд тратилось около 300 млн. долл. в год, но подлинная цифра неизвестна и, видимо, в десятки раз выше. На принца формально шло от 60 тыс. до 150 тыс. долл. в год.

Неизвестно, сколько выделялось для примерно двух тысяч женщин — членов королевской семьи²².

Многие Саудиды занялись большим бизнесом. Принцы обогащались на земельных спекуляциях и получали комиссионные за импортные сделки на миллиарды долларов или же за правительственные контракты. Многие из них владели земельными участками рядом с крупными городами. Когда там намечалось промышленное или жилищное строительство, они делали бешеные деньги на продаже этой земли иногда государству, иногда частным компаниям²³.

Выходя опять-таки за хронологические рамки нашего исследования, отметим, что к концу 70-х годов клан Саудидов стал самой богатой «семьей» мира. Он фактически контролировал национальный доход страны, поднявшийся до примерно 90 млрд. долл. в год, и он же направлял за границу потоки саудовских инвестиций, превысившие, по некоторым данным, 100 млрд. долл. Сотни принцев стали мультимиллионерами²⁴.

Улемы. Влияние улемов в Саудовской Аравии несколько уменьшилось за два-три десятилетия «нефтяной эпохи» в результате распространения образования, появления современных отраслей промышленности, новых видов хозяйственной и административной деятельности, частых поездок саудовцев за границу, приезда иностранцев, использования транзисторных радиоприемников. Однако главные позиции религиозной знати, связанной с кланом Саудидов, остались неприкосновенными. Богословы представляли собой консервативную силу, с которой правительство всегда должно было считаться. Когда, например, в 1950 г. была предпринята попытка ввести подходящий налог, под влиянием улемов этот налог распространился только на иностранцев.

Решение о свержении с трона Сауда и провозглашении королем Фейсала в 1964 г. было одобрено фетвой, подписанной двенадцатью улемами, пользующимися наиболее высоким престижем²⁵.

В качестве имама, главы саудовских мусульман, король всегда подчеркивал свою верность религии, что подразумевало консультации с улемами и признание их высокого авторитета. Фейсал, будучи еще наследным принцем, но фактически главой государства, выступая в Мекке в мае 1963 г., говорил: «Мы должны верить в Аллаха, ислам и в Мухаммеда, нашего пророка. Но что значит эта вера? Вера означает и верование и действие. Недостаточно для человека говорить: „Я верующий“, чтобы быть настоящим верующим. Недостаточно просто говорить: „Я искренний“, чтобы быть по-настоящему искренним. Надо еще тяжело и много работать. Мы обладаем величайшим и благороднейшим наследием — Кораном. Мы должны следовать его заветам и воздерживаться от того, что он запрещает... Мы должны попытаться понять его правильное значение и его дух. Мы не можем соглашаться, чтобы о нашей религии говорили как о религии отсталости, косности и упадка»²⁶.

В руках улемов сохранилось сильное орудие воздействия на общество — комитеты общественной морали. Созданные в 20-е годы с целью навязывать ваххабитскую доктрину, эти комитеты по-прежнему диктовали обществу нормы морали, быта, поведения, следили за неукоснительной сегрегацией женщин, запретом курения, алкоголя и танцев²⁷. В 60-е годы ревнители общественной морали смирились с появлением музыкальных проигрывателей, продажей табака, частными кинопросмотрами, распространением иллюстрированных газет и журналов, работой женщин на радио²⁸. Но дальше этого богословы не отступили. Подчиняясь требованию улемов, министерство финансов и национальной экономики запретило ввозить в Саудовскую Аравию изображение человека или человеческой фигуры, любые товары, форма и упаковка которых напоминала бы крест²⁹.

Местные комитеты общественной морали подчинялись провинциальным комитетам в Хиджазе, Неджде и Восточной провинции, а те, в свою очередь, — великому муфтию — главному кади, как правило самому влиятельному лицу из семьи Ааль аш-

Шейха. Верховный контроль над ними осуществлял король. Хотя после смерти великого муфтия в 1970 г. новый не был назначен, клан потомков вероучителя по-прежнему пользовался огромным влиянием³⁰. В 1971 г. Ибрагим Ааль аш-Шейх был назначен министром юстиции, что вернуло в руки клана контроль над судебной системой³¹.

Позиции улемов объективно укрепляло положение Саудовской Аравии в качестве родины ислама, где находятся две его главные святыни. Поддержание исламских канонических институтов и морали отвечало не только внутренним задачам сохранения важнейшей, религиозной базы режима, авторитета короля в качестве имама и улемов как хранителей шариата, но и задачам упрочения международных позиций Саудовской Аравии. Наличие Мекки и Медины на ее территории всегда придавало ей особо высокий престиж в мусульманском мире. Современные коммуникации, воздушные, морские и сухопутные, повышение мобильности людей в мусульманских странах привело к резкому увеличению числа паломников.

В 1972 г. в первый раз за тринадцать веков существования ислама их число превысило миллион человек, хотя большая часть паломников была из самой Саудовской Аравии. Для участия в хадже прибыло 479 тыс. иностранцев. Примерно треть паломников составляли женщины³². Большинство паломников были пожилые люди. Все они требовали питания, крова, медицинского обслуживания, транспорта³³.

Для приема такого наплыва паломников в Хиджазе сооружались автострады, аэродромы, гостиницы. Доходы от хаджа уже перестали играть существенную роль в экономике страны, расходы на организацию паломничества все более возрастали. Большие средства шли на ремонт и расширение святых мест³⁴.

Опираясь на каноны ислама и используя авторитет богословов для укрепления своей власти внутри страны, клан Саудидов вышел со знаменем ислама и на международную арену. Естественно, что такой курс находил поддержку улемов и способствовал сохранению их влияния.

Органы безопасности и вооруженные силы. Хотя в 60—70-е годы саудовский режим не сталкивался с серьезной внутренней угрозой, министерство внутренних дел продолжало укрепляться. В совете министров должность главы ведомства внутренних дел всегда считалось одной из ключевых и занималась людьми, наиболее приближенными к королю или представляющими наиболее влиятельные группировки внутри клана Саудидов. Наследный принц Фахд ибн Абд аль-Азиз, например, долгое время был министром внутренних дел. В состав министерства входили генеральный директорат общественной безопасности, который контролировал национальную полицию, директорат охраны побережья и пограничной полиции, директорат пожарных бригад и генеральный директорат расследования уголовных дел. Отдельно существовал департамент внутренней разведки. В Мекке в 1960 г. был создан полицейский колледж³⁵. Национальная гвардия, очень мобильная и хорошо вооруженная, подчинялась до начала 60-х годов непосредственно королю, а затем влиятельному члену клана Саудидов — Абдаллаху ибн Абд аль-Азизу. Она помогала полиции в поддержании безопасности и порядка и служила для противовеса армии. Члены Национальной гвардии набирались из «благородных племен», преданных королю, в то время как полиция и армия рекрутировались из всех групп населения. Подразделения Национальной гвардии обычно изолировались от населения³⁶. До начала 60-х годов формально, а в 60-е годы фактически местные эмиры-губернаторы, кроме полиции, находившейся в системе министерства внутренних дел, имели собственную гвардию. Личная гвардия Ааль Джилюви использовалась, например, для расправы с забастовщиками — рабочими АРАМКО в 1953 и 1956 гг. Армейские части регулярно патрулировали портовые районы и обычно помогали полиции и Национальной гвардии поддерживать порядок во время рамадана и сезона паломничества.

Развитие регулярной армии началось после второй мировой войны. Расходы на вооруженные силы росли из года в год. В Египет и Судан были посланы курсанты для

обучения на механиков. В стране появились британская и американская военные миссии³⁷.

После войны была вновь открыта военная школа для подготовки офицеров, а также школы связи, летная, военно-медицинская. Созданы военные мастерские для ремонта автомобилей, военный госпиталь в Эт-Таифе на 500 коек. Выпускников летной школы в Эт-Таифе посылали на учебу в Англию, тех же, кто проходил летную подготовку на американской базе в Дахране, — в США. Министерство обороны стало создавать соответствующие департаменты и управления по родам войск³⁸.

В 50-е годы армия продолжала увеличиваться и совершенствоваться. Хотя после войны с Йеменом в начале 30-х годов Саудовская Аравия не участвовала ни в одном крупном военном конфликте, ее расходы на вооружение как в абсолютных размерах, так и в процентах к валовому национальному продукту были среди самых высоких на Ближнем и Среднем Востоке.

В 1965 г. вооруженные силы насчитывали около 40 тыс. человек, включая армию, небольшие ВВС, очень маленький флот, а также Национальную гвардию. Регулярная армия и Национальная гвардия имели примерно по 20 тыс. человек. Прежняя королевская гвардия из 4 тыс. человек весной 1964 г. была включена в регулярную армию в качестве пехотного полка³⁹. Высшие командиры армии и Национальной гвардии набирались из членов королевской семьи с безупречной лояльностью королю. Армейское офицерство вербовалось главным образом из Арида. Армии было запрещено заниматься политикой специальным декретом от 20 марта 1960 г.⁴⁰.

Саудовская армия сначала была расположена гарнизонами около главных городов. После начала гражданской войны в Йемене контингента саудовских и иорданских войск были сконцентрированы в районах Джизана и Наджрана⁴¹.

Саудовские ВВС были разделены между двумя главными аэродромами — в Джидде и Дахране.

После второй мировой войны главным поставщиком вооружения были США. Они же направляли большую часть инструкторов. По соглашению 1947 г. США создали подготовительную базу в Дахране. В том же году англичане начали готовить механизированную дивизию по образцу арабского легиона в Иордании. В 1951 г. США и Саудовская Аравия подписали соглашение о взаимопомощи и обороне. США сохранили базу в Дахране и предоставили новое оружие и военное снаряжение. Для подготовки саудовской армии в 1952 г. США направили специальную миссию вместо английской, отозванной в результате англо-саудовского конфликта из-за Эль-Бурайми. В 1957 г. на пять лет продлилась аренда Дахрана, и США продолжали участвовать в подготовке саудовских вооруженных сил. В 1962 г. саудовское правительство отказалось возобновить сдачу в аренду базы в Дахране. Однако военная миссия американских инструкторов сохранилась⁴².

В 1950 г. Саудовская Аравия присоединилась к пакту о совместной обороне в рамках Лиги арабских стран, а в 1951 г. в саудовские ВВС была направлена египетская миссия. Но никаких военных акций в рамках этого пакта Саудовская Аравия не предпринимала. В октябре 1955 г. Саудовская Аравия и Египет подписали пакт о совместной обороне, который предусматривал объединенное командование вооруженными силами в условиях войны и мира. Спустя два с половиной года, выступив против Объединенной Арабской Республики, король Сауд выслал египетскую миссию.

В военной области «Саудовская Аравия ориентируется в основном на США, ее офицеры проходят подготовку в американских военных школах и академиях, — констатировал „Региональный справочник". — США выступают в качестве союзника и контролируют подготовку армии, авиации и флота»⁴³.

Вооруженные силы Саудовской Аравии быстро росли. К концу 60-х годов в армии, авиации и флоте было 36 тыс. человек, из них в авиации — 5 тыс. и во флоте 1 тыс. Опять-таки, выходя за хронологические рамки нашего исследования, отметим, что в 1976 г.

регулярные вооруженные силы насчитывали 42 тыс. человек, а Национальная гвардия — 33 тыс.⁴⁴. К концу 70-х годов в армии было 45 тыс. человек, имевших на вооружении 75 танков, 150 легких танков, 400 бронетранспортеров, в авиации—15 тыс. человек (полторы сотни современных боевых самолетов, 33 транспортных, четыре десятка вертолетов), в ВМФ—2500 человек. Вооружение ввозилось в основном из США, но также из Великобритании и Франции⁴⁵.

Армия была наемно-профессиональной и пополнялась добровольцами (срок контракта — пять лет с правом его последующего продления). В армию вступали мигранты из сельской местности.

Унтер-офицерами в пехоте, как правило, были отслужившие свой срок солдаты, но в технических частях среди них находилось немало выходцев из более образованных городских слоев. Офицерский корпус комплектовался из выпускников средних школ, в большинстве случаев сыновей чиновников, офицеров, купцов, предпринимателей. Среди офицеров было немало представителей феодально-племенной аристократии и членов правящей династии. Правительство высоко оплачивало личный состав вооруженных сил. Кроме основных окладов, которые в целом соответствовали шкале жалования гражданских чиновников, военнотружущие получали многочисленные надбавки, «обязательные» и «технические». К «обязательным» относились надбавки на пошив обмундирования, наем жилья и питание, а для офицеров — и на оплату слуги. «Технические» включали надбавки личному составу ВВС, ВМС и технических родов войск. Общий размер этих надбавок обычно составлял около 40—50% к основному окладу.

Военнотружущие пользовались другими привилегиями, в том числе бесплатным медицинским обслуживанием. В целом доходы военнотружущих были выше, чем у гражданских чиновников. В 60—70-е годы им несколько раз повышали оклады, вводили новые и увеличивали старые надбавки⁴⁶.

Привилегированное положение военнотружущих отражало стремление королевской семьи обеспечить лояльность армии режиму. Ставка на «подкуп» сочеталась с репрессиями в отношении всех политически неблагонадежных элементов внутри армии. Однако неоднократные заговоры с целью переворота, особенно в 60-х годах, показывали, что армейское офицерство не было полностью преданно династии. Среди части молодых офицеров находили отклик революционно-демократические настроения. Именно поэтому вместе с армией укреплялась и вооруженная Национальная гвардия, сформированная из более отсталых, бедуинских слоев населения.

В 70-х годах армия была удалена из обжитых районов в специально созданные военные городки и лагеря. Ее место в стратегически важных центрах заняла Национальная гвардия.

Механизм власти. Администрация. Пропаганда. Правительственный и административный аппарат Саудовской Аравии стал изменяться и усложняться с начала 50-х годов. Декретом от октября 1953 г. был создан совет министров для всего королевства. До этого формально в компетенцию совета министров (маджлис аль-вукаля) входили только дела Хиджаза, хотя фактически в некоторых сферах его деятельность распространялась на всю Саудовскую Аравию. После смерти Ибн Сауда уже не назначался ни вице-король Хиджаза — пост, занимаемый ранее Фейсалом, ни эмир Неджда, которым раньше был наследный принц Сауд⁴⁷. Департаменты королевского дивана — канцелярии — по-прежнему могли вмешиваться в деятельность совета министров, но это не регулировалось какими-либо положениями, а зависело от реальной власти короля по отношению к премьер-министру и веса отдельных лиц в дворцовых ведомствах.

Королевский диван занимался частными делами короля и вместе с правительством ведал такими центральными органами, как министерство финансов и национальной

экономики и иностранных дел. У короля было также несколько советников по специальным делам⁴⁸.

Королевским декретом от 12 мая 1958 г. были определены новая структура и функции совета министров. В состав правительства входили назначаемые королем премьер-министр, его заместитель и министры, которых рекомендовал премьер-министр. В кабинет могли быть введены министры без портфеля и королевские советники. Министром мог стать только подданный Саудовской Аравии.

Члены правительства несли ответственность перед премьер-министром, который, в свою очередь, отвечал перед королем. Премьер-министр мог просить короля освободить любого члена правительства от его обязанностей. Выход в отставку премьер-министра означал выход в отставку всего кабинета. Премьер-министр нес ответственность за общую политику государства. Правительство разрабатывало бюджет и являлось высшей властью под руководством короля в финансовых делах. Кабинету министров подчинялась местная администрация.

Международные соглашения должны были одобряться советом министров, а затем королем. Две трети членов правительства составляли кворум, решения принимались большинством голосов. В случае равного разделения голосов слово премьер-министра было определяющим. У короля сохранялось право вето. Но премьер-министр мог принять любые меры, которые он считал необходимыми, если король не предпринимал никаких действий в течение тридцати дней⁴⁹.

При вступлении на пост министр произносил присягу: «Я клянусь великим Аллахом, что буду преданным моей религии, королю и стране. Буду хранить государственные тайны, охранять государственные интересы и режим, выполнять мои обязанности честно, преданно и верно»⁵⁰.

Членам кабинета министров за время их нахождения в правительстве запрещалось покупать и арендовать прямо или через посредников государственную собственность или продавать что бы то ни было государству⁵¹. Это требование диктовалось возросшей коррупцией среди верхушки королевской семьи. Фактически министры продолжали наживаться через подставных лиц. В Саудовской Аравии сохранился консультативный совет, который к середине 60-х годов состоял из 34 членов. Он вырос из регионального консультативного совета, созданного в Хиджазе, и распространил свою компетенцию на всю страну. Этот орган вырабатывал рекомендации, которые ложились в основу королевских декретов и уставов⁵².

В начале 60-х годов был основан институт администрации для подготовки служащих государственного аппарата. Это одна из мер, на которых настаивала миссия МБРР. За десятилетие этот институт подготовил более 10 тыс. чиновников⁵³. Хотя саудовские деятели стали много говорить об улучшении государственного аппарата, дело кончилось лишь непомерным раздутием штатов.

Все гражданские государственные служащие разбиты на две категории: «классифицированные», т. е. собственно чиновники, и «неклассифицированные» — вспомогательный и обслуживающий персонал, а также рабочие государственных учреждений и предприятий. В отличие от «классифицированных» служащих категория «неклассифицированных» по своему составу была неоднородна. Например, в 1966 г. из 45,5 тыс. «неклассифицированных» служащих около 4 тыс. были промышленными рабочими и железнодорожниками, примерно 14 тыс. — работниками сферы обслуживания, 7 тыс. — стражниками и полицейскими, более 3 тыс. — служащими комитетов общественной морали⁵⁴. В зависимости от образования, должности, стажа работы чиновнику присваивался тот или иной ранг, а служащему — разряд. Каждому рангу и разряду соответствовало определенное жалованье. Кроме того, чиновники и служащие пользовались привилегиями в медицинском обслуживании, обеспечении жильем. «Неклассифицированные» служащие получали от 250 до 800 риалов в месяц,

низшее чиновничество — от 400 до 1000, среднее — от 1200 до 3500, высшее — от 3 тыс. до 6 тыс., министры и их заместители — от 8 тыс. до 10 тыс. риалов в месяц⁵⁵.

В октябре 1963 г. было введено новое провинциальное деление, в результате которого правительство получило больший контроль над местной администрацией. Государство было разбито на четыре главные провинции (мукатаа) во главе с губернатором (хаким) и вице-губернатором (вакиль хаким). Губернатор являлся административным главой провинции и представлял в ней правительство⁵⁶. Его кандидатуру рекомендовало министерство внутренних дел, а назначался он королевским декретом по предложению главы правительства, хотя фактически главных губернаторов подбирал сам король. Губернаторы давали присягу на верность религии, стране и королю. Среди функций губернатора было исполнение судебных приговоров, поддержание безопасности и порядка, сотрудничество с советом провинции в муниципальных делах⁵⁷.

Провинции делились на округа (минтака) во главе с префектами (мухафиз) и районы (маркяз) во главе с начальником района — раисом. Кроме провинций Неджда, Эль-Хасы, Хиджаза и Асира была выделена Северная пограничная провинция, администрации которой подчинялись бедуины на границах с Ираком и Иорданией и вдоль трансаравийского нефтепровода⁵⁸. В 50-е годы Наджран и Биша еще считались эмиратами, подчиненными непосредственно Эр-Рияду⁵⁹. Неясно, изменился ли их статус после введения нового уложения о провинциях.

Совет министров по рекомендации министра внутренних дел назначал провинциальные советы в составе не более 30 членов. Большая часть доходов этих советов поступала от центрального правительства, хотя кое-какие налоги собирались на месте⁶⁰.

Границы провинций и округов были подвержены изменениям и зависели, в частности, от личности губернатора, его взаимоотношений с племенами, его престижа в определенном районе, его семейных связей⁶¹.

Места губернаторов провинций считались денежными и престижными и распределялись среди членов клана Саудидов и издавна преданного ему семейства Ааль Судайри⁶². В некоторых делах местная администрация продолжала действовать с большой степенью автономии⁶³. Влияние прочно укоренившихся местных кланов, например ветви Ааль Джилюви в Восточной провинции, сохранилось. Многие декреты и постановления, хотя и имели какое-то влияние, на практике проводились в жизнь в той мере, в какой они соответствовали интересам местной знати.

В середине 70-х годов Саудовская Аравия была разделена на 18 провинций. Но пять из них считались главными — Мекка, включая Джидду и Эт-Таиф, Эр-Рияд, Восточная провинция, Северная пограничная провинция и Хаиль, а также две несколько меньшие по значению — Касим и Медина. Они подчинялись непосредственно министру внутренних дел, остальные — его заместителю⁶⁴.

В каждом маленьком селении был староста — шейх, занимавший свой пост благодаря клановым связям, богатству, мудрости и зрелости, умению разбирать споры в селении, поддерживать хорошие отношения с соседями и кочевыми племенами, сотрудничать с высшей администрацией. В более крупных селениях или оазисах местный эмир или шейх добивался признания своего назначения ведущими знатными гражданами, улемами, местными кади, купцами. Должность административного главы селения или оазиса утверждалась главой более крупной административной единицы. В селениях, где сохранились крепкие племенные связи, шейхи обычно выходили из семей племенной аристократии. Но в деревнях, где эти связи были ослаблены, такой принцип не считался обязательным⁶⁵.

Более половины населения Саудовской Аравии все еще было организовано в племена, и даже жители деревень и городов поддерживали широкие клановые связи. Шейхи племен и в 50-е годы были наследственными, точнее, подбирались из семей знати. Центральное правительство контролировало кочевые племена при помощи

администрации территориальных провинций. Налоги собирались с племен агентами эмиров, как и в 30—40-е годы, но для кочевников закят превратился в символическую плату.

Король, как и раньше, считался главным шейхом. Еще в 1954 г., когда король Сауд посетил северную часть страны, ему оказала гостеприимство племенная знать из Сирии и Ирака, которая перешла границу, чтобы приветствовать его как своего «шейха шейхов». По мнению авторов сборника «Саудовская Аравия: народ, общество, культура», это был «ясный случай, который показывал, что преданность по племенному признаку имела преимущества над чисто географическими соображениями»⁶⁶. На самом же деле племенная знать, скорее всего, просто ожидала богатых подарков от короля, не очень заботясь, как на это посмотрит администрация Сирии или Ирака, или же надеялась на лучшие пастбищные земли на территории Саудовской Аравии.

Получение и распределение централизованным путем колоссальных доходов от нефти имело еще одно бесспорное значение — оно резко ослабило, а может быть, и ликвидировало центробежные силы в аравийском обществе. До «нефтяной эпохи» в Саудовской Аравии различалось несколько основных районов: Неджд как политический центр государства, родина ваххабизма и средоточие наиболее преданного Саудидам населения, Хиджаз с его святыми местами и торговой активностью, связанной с паломниками, Асир с его сельскохозяйственным потенциалом, Восточная Аравия с ее торгово-экономическим значением, хотя и меньшим, чем у Хиджаза. Но создание нефтяной промышленности сделало экономическим сердцем страны Эль-Хасу. Без нее все другие части государства оказались бы лишены ресурсов и доходов и были бы отброшены назад, к средневековому уровню. Поэтому сепаратизм, как таковой, в Саудовской Аравии стал бессмысленным и угас⁶⁷. Его отголоски сохранились в виде конкуренции в бюрократическом аппарате и других государственных службах, например между уроженцами более культурного Хиджаза и недждийцами.

В 60-е годы ряд постов, требующих современных знаний, стал заполняться саудовцами, получившими светское образование сначала за границей, а потом и в своей стране. Это позволило, например, американскому исследователю аравийского общества У. Ру говорить о «новом среднем классе» в Саудовской Аравии, объединяя в него лиц со светским образованием⁶⁸. Подобная методология относит в один «класс» и крупных оптовых торговцев из Джидды, и саудовских членов правления АРАМКО, и квалифицированных рабочих, инженеров и техников, врачей и преподавателей современных дисциплин, а фактически и второстепенных членов клана Саудилов. Такое «классовое» деление, с точки зрения марксиста, неприемлемо. Однако в рамках одних и тех же социальных групп трения, конкуренция и даже противоречия между лицами с ориентацией на модернизм, имеющими светское образование, и консерваторами, получившими в основном традиционное образование, существовали. Правда, эти различия не были всеобщими и определяющими. Достаточно упомянуть, что в группе принца Таляля, хотя бы в виде фронды требовавшей реформ, были люди с традиционным образованием, а среди консерваторов встречалось немало лиц с дипломами американских и западноевропейских университетов.

В 1960 г. король Сауд отдал пять министерских портфелей, в том числе два, которые до сих пор были у принцев, относительно молодым «разночинцам». Четыре из этих новых министров имели диплом Каирского университета. Что касается пятого, который тогда возглавил вновь созданное министерство нефти и минеральных ресурсов, то ему едва исполнилось 35 лет и он имел диплом Техасского университета.

Когда в 1963 г. было создано министерство информации, во главе его назначили саудовца — выпускника Каирского университета. С этого года члены королевской семьи удерживали лишь пять из 14 министерских портфелей. Правда, эти пять министерских постов — внутренних дел, обороны, Национальной гвардии, финансов и иностранных дел — были ключевыми, и клан Саудилов сохранял бразды правления в своих руках. Но на

более низких постах в этих министерствах, как и на всех уровнях в других министерствах (нефти, торговли, информации, сельского хозяйства, коммуникаций, финансов), все больше стало появляться лиц неаристократического происхождения со светским образованием. Именно эти ведомства играли активную роль в модернизации королевства. Что касается министерств образования и труда, которые, казалось бы, должны быть затронуты модернизацией, то там прочно обосновались консервативные религиозные деятели.

В начале 70-х годов король Фейсал назначил министром юстиции кади из Джидды. Новый министр получил традиционное богословское образование и стал во главе юридической системы, которая в основном покоилась на шариате. Но в то же время в деловых кругах Джидды он приобрел достаточно богатый опыт по светским проблемам и методам их решения. Вслед за ним пост министра хаджа и вакфов был передан саудовцу, принадлежавшему к семье торговцев Джидды, у которого был диплом Каирского университета.

Портфель министра образования находился в руках у члена клана Ааль аш-Шейха, но с 1971 г. два его заместителя имели дипломы американских университетов. В том же, 1971 г. были назначены два новых заместителя, тоже с американскими дипломами, — министра труда и министра социальных дел. Четырех других саудовцев подняли на уровень государственных секретарей со статусом министров. Два из них — руководители центральной организации планирования и службы кадров — имели американские дипломы, а два — дипломы Каирского университета. Примерно к тому же времени король назначил шесть молодых принцев — выпускников английских и американских колледжей государственными секретарями и губернаторами ⁶⁹.

С помощью распространения образования и привлечения во все звенья административного аппарата лиц, имевших современное образование, правящий класс инстинктивно или сознательно, что не так уж важно, пытался несколько осовременить архаичную систему власти, не меняя ее сути. Конечно, между быстро продвигающимися по службе чиновниками с американскими дипломами и старыми бюрократами возникали трения. Но в конечном счете главную роль все равно играли семейно-клановые связи. Несколько сот, а затем тысяч саудовцев с современными дипломами действовали в атмосфере, где господствовали традиции и прежние феодально-племенные привязанности.

В Саудовской Аравии, как и в других странах Ближнего Востока, пропаганда в руках правящего класса стала мощным орудием воздействия на массы. Ей стали уделять первостепенное внимание, когда убедились в действенности египетской радиопропаганды на саудовское население в 50-х — начале 60-х годов. Видимо, проповеди в мечетях и деятельность религиозных наставников — мутава — остались главным каналом влияния на умы людей. Но радио, а затем и телевидение дали правящей верхушке современные технические средства для распространения своих идей. С 1963 г. правительство стало строить мощные радиостанции, а с 1965 г. начались телепередачи. В стране массовой неграмотности транзисторный радиоприемник и телевизор превратились в главные средства информации. Религиозные программы и чтение Корана занимали центральное место в программах радио и телевидения.

Пресса играла незначительную роль. Первая ежедневная газета «Аль-Биляд ас-Саудийя» появилась в Джидде в 1953 г. К концу 60-х годов в Саудовской Аравии выходило более полутора десятков газет, но очень ограниченными тиражами. В середине 70-х годов четыре газеты на арабском языке выходили в Хиджазе — «Аль-Медина», «Аль-Указ», «Ан-Надва», «Аль-Биляд ас-Саудийя», не считая официального еженедельника «Умм аль-кура», а также «Эр-Рияд» в Неджде, «Аль-Яум» в Восточной провинции. Пресса была поставлена под контроль правительственных чиновников, хотя и до этого без правительственных субсидий газеты и журналы существовать не могли ⁷⁰.

Правопорядок и судебная система. «Законодательство в Саудовской Аравии столкнулось со старыми бедуинскими обычаями, но также и с группой консерваторов, которые усматривают во всем, чего нет в шариате, неприемлемое бида,— писал в середине 50-х годов арабский юрист Субхи аль-Мухаммасани.— Однако, несмотря на эти трудности, караван новой жизни идет вперед в соответствии с нуждами современного общества. В этом движении ему помогают промышленная революция, основанная на нефти, и распространение образования и школ, оседание бедуинов, новые общественные и экономические реформы... За четверть века Саудовская Аравия прошла больший путь, чем за 14 веков до этого»⁷¹.

Однако оказалось, что «караван новой жизни» в правовой области шел гораздо медленнее, чем предполагал четверть века назад аль-Мухаммасани.

В XX в. в большинстве мусульманских стран были введены новые коммерческие, уголовные и даже гражданские кодексы. Лишь личный статус (брак, развод, наследство) почти во всех мусульманских странах, за исключением Турции и Туниса, оставался в руках шариата, но и он был видоизменен. Саудовская Аравия — единственная страна, где шариат сохранялся в своей «первоначальной чистоте».

Судебная и правовая система в Саудовской Аравии, приспособленная для феодального централизованного государства, не была готова к социально-экономическим проблемам, созданным развитием аравийского общества. Ваххабитское учение ограничивалось канонами, выработанными в первые три века ислама, и отвергало как бида — «новшество» — все, что появилось в исламе после этого⁷².

В ранние века ислама существовал иджитihad — возможность для юристов самим толковать основы права и находить в них ответы на возникающие проблемы. После создания четырех ортодоксальных школ двери иджитихада были практически закрыты. Улемы-ханбалиты категорически отвергали иджитihad. Поэтому саудовские правоведы пытались искать решения проблем XX в. в традициях VII, VIII и IX вв., что неизбежно заводило их в тупик⁷³.

Два примера могут показать трудность применения средневекового права для ситуаций XX в. Коран запрещает барыш и лихву, проценты за ссуженные деньги, но современная капиталистическая экономика не может функционировать без денежного рынка, которым управляет механизм прибыли. Устав Валютного агентства Саудовской Аравии запрещает брать проценты. В законодательстве по поводу коммерческих банков вопрос процентов просто игнорируется. Для того чтобы обойти религиозную догму, была придумана формулировка — собирать «взнос» за услуги, что служит просто эвфемизмом для процента⁷⁴.

Другая проблема — отсутствие коммерческого права. В шариате есть многочисленные юридические нормы, связанные с торговлей. Но многие аспекты современной экономической деятельности не покрываются шариатом. Попытка разработать коммерческий кодекс провалилась из-за сильной оппозиции улемов⁷⁵.

Необходимость примирения шариата с требованиями современного общества признавали некоторые саудовские государственные деятели. Так, Ахмед Заки Ямани, министр нефти и минеральных ресурсов, в лекции в американском университете в Бейруте в феврале 1967 г. заявил, что «для шариата слишком поздно регулировать современные проблемы». По мнению министра, для того чтобы применять шариат, государство должно «выбирать принципы из различных юридических школ без исключения; критерием должно быть то, что больше подходит для нужд каждой конкретной страны. Она может вводить законы исходя из общих принципов шариата и соображений общественного интереса и благосостояния общества». Это был явный разрыв с ваххабитской догматикой, он не мог найти поддержки у улемов, и призыв министра остался его частным мнением⁷⁶.

Также не нашел положительного отклика и более ранний призыв руководителя фронды «свободных эмиров» Таляля «раскрыть шире двери иджитихада»⁷⁷. Что касается

других социальных групп, в частности революционно-демократической оппозиции, то они искали решения главных общественных проблем вообще за рамками шариата.

Саудовские улемы все же нашли лазейку в шариате для одобрения новых правовых норм, необходимых для функционирования экономики и общества. В соответствии с классификацией правоведов раннего ислама, все человеческие действия разбивались на пять категорий: 1) те, которые Аллах ясно требовал, 2) рекомендовал, 3) в которых был (юридически) индифферентным, 4) которые осуждал или 5) запрещал. Таким образом, для государства оставалась одна область законодательства — та, в которой Аллах был индифферентным, безразличным. В Саудовской Аравии, используя эту лазейку, уже с 20-х годов вводились «низамы» — уставы или «марсумы» — королевские декреты, которые формально не считались законами, но фактически были ими ⁷⁸.

Саудовские суды, основанные на шариате, были вынуждены передать часть судебных функций административным органам либо таким социальным институтам, как торговые и промышленные палаты ⁷⁹. Сначала все ситуации, не охваченные шариатом, рассматривались на основе османского гражданского права эпохи танзимата, затем была разработана на основе декретов, указов, решений консультативного совета фактически новая система права. В качестве примеров можно назвать введение правил уличного движения, трудового кодекса, декрет о запрещении забастовок, декреты, регулирующие налоги, деятельность корпораций и компаний, вложения иностранного капитала ⁸⁰. Еще в 1926 г. в Джидде был создан торговый совет—вариант торговой палаты, а с 1931 г. использовались «торговые правила», основанные на османском коммерческом кодексе 1850 г., но исключая все статьи о процентах и прибылях. В 1954 г. этот совет был заменен министерством торговли, а торговые палаты уже сложились в ряде саудовских городов. С начала 70-х годов стало применяться страхование на все формы собственности, но не страхование жизни. В 1970 г. общие правила для персонала, принятые в 1957 г., были заменены дисциплинарным кодексом, обязательным для чиновников и служащих ⁸¹.

Судебная система, сложившаяся в Саудовской Аравии и 20—30-е годы, продолжала функционировать и в последующие десятилетия. Однако комиссия юридического надзора в 70-е годы была заменена министерством юстиции и высшим юридическим советом.

Для рассмотрения особо важных и спорных дел в середине 50-х годов при совете министров было создано так называемое бюро жалоб — диван аль-мазалим. Оно в какой-то мере выполняло роль арбитража. Это был одновременно и административный трибунал, который рассматривал жалобы на правительственную администрацию, вопросы о взятках, о бойкоте Израиля, крупные споры, затрагивающие племена и иностранцев. Бюро жалоб, по мнению некоторых американских и английских исследователей, уходило своими корнями в доисламскую персидскую судебную традицию и отсюда было воспринято шариатом. Возрождение и расширение функций бюро жалоб в Саудовской Аравии свидетельствует, по мнению американских и английских востоковедов, о достаточной гибкости ханбалитских богословов ⁸².

Формально все жители Саудовской Аравии были равны перед законом. На практике, однако, и члены королевской семьи, и кидаящиеся богословы, и члены главных аристократических кланов пользовались фактическим судебным иммунитетом, стояли над законом. Напротив, даже существующие законы попирались, когда властям нужно было расправляться с революционно-демократической оппозицией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие добычи, увеличение экспорта и в какой-то мере переработки нефти в Саудовской Аравии послевоенного времени оказали глубокое и многостороннее, хотя и противоречивое воздействие на ее хозяйство, общество и политику, привели к значительным социально-экономическим сдвигам.

В страну, где господствовали феодально-племенные отношения, со средневековой или досредневековой экономикой было перенесено из самой развитой державы капиталистического мира гигантское современное предприятие с передовой технологией и организацией труда. Создавая его на базе крупнейших в мире месторождений нефти, американские компании ставили задачу выкачивать из недр Саудовской Аравии ценное сырье и получать максимальные прибыли.

Но само существование этого предприятия вызвало необратимые перемены в стране. В Саудовской Аравии сложилось ядро современного промышленного пролетариата, который своими выступлениями с экономическими и политическими требованиями показал, что у него стали появляться зачатки классового самосознания. Современный капиталистический сектор некоторое время оставался инородным телом в докапиталистическом социально-экономическом организме страны. Но постепенно во все убыстряющемся темпе вокруг него и под его влиянием началось развитие торговли, второстепенных отраслей экономики, транспорта, отдельных национальных капиталистических предприятий.

Рост нефтедобычи, а с начала 70-х годов и резкий подъем цен на нефть многократно увеличили объем прямых отчислений правительству Саудовской Аравии. Даже в условиях, когда значительная часть этих средств шла на «потребление», они стимулировали развитие товарно-денежных отношений, разрушение прежних укладов и появление капиталистического уклада. Этот процесс еще более ускорился, когда стал быстро расширяться общенациональный фонд накопления, а феодальное государство было вынуждено взять на себя задачу создания государственно-капиталистического сектора.

К 70-м годам страна добилась некоторых успехов в развитии и преобразовании экономики, создала практически с нуля систему светского образования с широкой сетью школ всех ступеней, включая университеты, заложила основы современного здравоохранения. Однако эти результаты более чем скромны, если учитывать размер финансовых ресурсов, попадавших в руки ее правящего класса. Он просто «потреблял» огромные суммы, расходовал их непроизводительно на вооруженные силы, органы подавления, бюрократический аппарат. Социально-экономические проекты правительства были вызваны не столько стремлением к прогрессу, сколько пропагандистскими, политическими мотивами, попытками убедить собственное население, будто доходы от нефти не только идут правящей династии и ее окружению, но и расходуются на благо всего народа.

Объективные потребности развития саудовского общества — от создания многоотраслевой национальной экономики на базе, современной технологии до оседания кочевников, от эмансипации женщин до подготовки и производительного использования собственных кадров — сталкивались с архаическим социально-политическим устройством. Этот конфликт был глубоким и болезненным сам по себе. Но он усугублялся тем, что архаизм социально-политической системы был молод, он имел возраст не более двух поколений. Феодальное централизованное государство, сложившееся всего лишь в 20—30-е годы, не только соответствовало тогдашнему уровню аравийского общества, но и было для него шагом вперед по сравнению с феодально-племенной раздробленностью, междоусобицей и сепаратизмом. Однако и саудовское общество, и новые для него формы политической организации отставали от эпохи на многие сотни лет. Современный капитализм ворвался в аравийский феодально-племенной заповедник своими передовыми предприятиями, средствами коммуникаций, товарно-денежными отношениями, военной технологией и организацией. Все это привело к появлению новых классов и социальных групп, проникновению новых идей.

Правящий класс Саудовской Аравии, несмотря на свою архаичность, временно оказался сравнительно устойчивым и цепким в удержании власти и пытался приспособиться к меняющимся условиям. Одна из его особенностей стояла в том, что он

вырос из недр аравийского общества, а не был посажен извне. К 70-м годам он был представлен многочисленным кланом Саудидов, игравшим роль «господствующего племени», феодально-племенной и религиозной знатью, связанной с ним социально-политическими и родственными узами, а также торгово-спекулятивной буржуазией. Относительная устойчивость власти Саудидов определялась тем, что, расправляясь с рабочим движением и революционно-демократической оппозицией, их «племя» удовлетворяло интересы других звеньев правящего класса, бюрократии, военных и обеспечивало их лояльность. В 60—70-е годы Саудиды осторожно балансировали между преобладающими консервативными кругами в правящем классе и растущим числом сторонников реформ и кое-какой модернизации.

Специфической особенностью правящего класса Саудовском Аравии было то, что он получал подавляющую часть дохода не на основе частной собственности на орудия и средства производства, будь то земля, скот, заводы, не из феодальных владений, не в результате эксплуатации массы аравийских трудящихся. Богатства в его руки поступали благодаря его положению феодально-племенной верхушки ближневосточного образца, опирающейся на государственную машину, верхний эшелон который он и составлял, на аппарат подавления в виде армии, полиции, судов, на остатки военно-племенной организации. Главным источником доходов верхушки было присвоение уникальной земельной ренты (слившейся с рентой-налогом), получаемой благодаря наличию в недрах страны в огромных количествах нефти. Это сырье превратилось в необходимый всем товар на определенном этапе развития человеческой цивилизации, хотя аравийское общество не имело отношения к тому, что человечество стало удовлетворять свои потребности в энергии и химическом сырье в основном за счет нефти. Если при этом несомненно осуществлялась эксплуатация сравнительно немногочисленного отряда рабочих (несколько десятков тысяч в нефтяных компаниях вместе с подрядными фирмами), то доля прибавочного продукта их труда была мизерной по сравнению с общей стоимостью добываемого сырья. В косвенной форме правящий класс эксплуатировал труд американцев, западноевропейцев и японцев, вложенный в нефтеоборудование и технологию. Но и этот материализованный труд составлял незначительную часть стоимости добываемой нефти, по праву принадлежащей народу Саудовской Аравии, но узурпированной ее правящим классом.

В определенном смысле можно говорить о том, что нефтяная рента заменила прежние доходы феодально-племенной верхушки, получаемые не непосредственно с подвластного ей кочевого и оседлого населения, а в результате внешнеэксплуататорской деятельности. Феодально-племенная верхушка стала «обуржуазиваться», т. е. участвовать в земельных спекуляциях, импортной торговле, государственных подрядах. Но все эти виды деятельности были вторичными, производными от нефтяных доходов, а чаще подобный «бизнес» просто паразитировал на нефтяной ренте.

Правящий класс в Саудовской Аравии, как, впрочем, и в других аравийских нефтяных монархиях, приобрел еще одну особенность. Оставаясь преимущественно феодальным (хотя и «обуржуазивающимся») классом внутри страны, он стал частью международной финансовой олигархии. Колоссальные средства, вложенные в ценные бумаги и банки США и Западной Европы, превратили саудовскую знать во влиятельную финансовую группировку в капиталистическом мире, хотя отсутствие кадров, банковского аппарата и опыта сделали ее реальное влияние и вес гораздо меньше, чем размеры ее банковских счетов и ценных бумаг. Различия между «собственными» деньгами Саудидов и государственной казной никогда в этом королевстве не были столь существенными, чтобы задавать вопрос о том, кому принадлежат средства, вложенные за границу. Через каналы международных финансовых организаций и транснациональных корпораций это: правящий класс участвует — хотя и на вторых-третьих ролях, часто в качестве рантье — в непосредственной эксплуатации трудящихся и развитых капиталистических и развивающихся стран.

Двойственный характер правящего класса Саудовской Аравии — «обуржуазивающихся» феодалов внутри страны и специфической финансовой буржуазии на международной арене — определял противоречивость, иногда кажущуюся, иногда подлинную, ее внешней политики. Как союзник и клиент американского империализма, как составная часть международного финансового капитала, объединенный с ним общностью интересов, королевским режим должен был бы поддерживать американские внешнеполитические акции. Но в качестве хранителя святых мест ислама, имама общины мусульман-«единобожников» король Саудовской Аравии (выразитель интересов правящего клана, заинтересованного во внутренней стабильности режима) был вынужден выступать против израильской агрессии, сионизма, объявлять нефтяное эмбарго, направленное против Соединенных Штатов, поддерживать правое дело арабского народа Палестины, требовать освобождения из-под власти «неверных» Восточного Иерусалима с его мечетью Аль-Акса, осуждать, в частности, соглашения в Кэмп-Дэвиде, сепаратный мир между Египтом и Израилем.

Распределение нефтяной ренты осуществлялось в Саудовской Аравии централизованным путем — с помощью ли прямого дележа части доходов среди правящего класса, путем ли коррупции, ставшей полулегальным государственным институтом. Основное движение средств шло сверху вниз — от монарха к его окружению, феодально-племенной и религиозной знати, купечеству. Это также было продолжением прежней практики аравийского феодального государства.

На торговле, земельных спекуляциях, подрядах, домостроении, на кое-какой промышленной деятельности в стране выросла своя буржуазия. Статус крупных торговых домов в обществе Саудовской Аравии к 70-м годам уже равнялся статусу влиятельных бедуинских шейхов, хотя богатство торговцев было неизмеримо больше. Происхождение этого богатства было торгово-спекулятивное. Саудовская крупная буржуазия в значительной степени паразитировала на нефтяных доходах, нефтяной ренте, присваивая себе ее весомую часть при вторичном распределении и используя отсталость саудовского общества. Именно это вызывало ее социально-политический консерватизм. Кроме того, она прочно срослась с режимом и непосредственно с «господствующим племенем» Саудидов. Существующий режим устраивал ее постольку, поскольку способствовал ее быстрому обогащению, обеспечивая репрессиями или подкупом необходимую ей социальную стабильность. Государство осуществляло прямое или скрытое финансирование саудовских фирм, предоставляя им кредиты и субсидии, выгодные заказы, освобождая от подоходного налога и налога на компании, от пошлин при ввозе оборудования, машин и материалов¹.

Слияние торговых домов с правящим феодально-племенным классом шло в двух направлениях. К соблазнительной и высокоприбыльной спекулятивно-торговой деятельности приобщалось все больше феодально-племенной знати — от представителей клана Саудидов до мелких племенных шейхов. Но и Саудида были вынуждены предоставлять престижные и денежные посты представителям купечества. В числе руководителей министерств, посольств, крупных ведомств появлялись члены или доверенные лица ведущих коммерческих кланов Али-Реза, аль-Гусайби и др. Не имевшие достаточно ветвистого генеалогического древа купеческие семьи и гордая «голубизной» крови и отдаленными предками феодально-племенная знать не вступали между собой в браки. Но это не мешало их деловому, социальному и политическому сотрудничеству.

Не только внутренние причины определяли консерватизм высших слоев торговой буржуазии. Традиционно сотрудничая с иностранным капиталом, она превращалась в его прямого представителя в качестве импортера готовых изделий, сырья или оборудования, его агента при подрядных работах, приобретала открыто компрадорский характер. Это относится и к новой буржуазии, выросшей вокруг АРАМКО в Восточной провинции, и к старому хиджазскому купечеству. Поэтому в отношении крупной саудовской буржуазии

применять термин «национальная» можно, лишь ставя кавычки или с большими оговорками.

У нас нет данных о конкретных противоречиях между правящей знатью и окрепшей буржуазией. Но можно предполагать, что торгово-спекулятивная буржуазия все же была недовольна тем, что самый большой кусок от нефтяного пирога доставался не ей, а клану Саудидов. Будучи в целом более просвещенной и образованной, чем «господствующее племя», буржуазия яснее видела опасность углубления разрыва между «верхами» и «низами» и могла бояться того, что вопиющий архаизм режима приведет к социальному взрыву такой силы, что он разрушит как здание монархии, так и новые и старые купеческие дома. Поэтому при всем своем консерватизме она выступала за реформы.

Также отсутствует информация о настроениях средних слоев национальной буржуазии, к которым можно отнести некрупных оптовых и розничных торговцев, крепнущее богатое крестьянство, которое стало вести хозяйство фермерского типа, владельцев небольших предприятий и мастерских в сферах легкой промышленности, услуг, ремонта автомашин и бытовой техники. Можно предположить, что эти слои, извлекая растущие доходы из экономического бума, были недовольны полным отсутствием политических прав. В отличие от крупных коммерческих домов они не имели голоса в принятии решений даже на «техническом уровне». Хуже образованные, как правило, верные традициям, находившиеся под влиянием мутава и улемов, эти слои могли составить консервативную оппозицию режиму, недовольную и экстравагантностью поведения, и расточительством правящей знати, и ее умеренными реформами, трактуемыми как неприемлемые беда — «новшества».

Нефтяными доходами в прямой или косвенной форме поль зовались городские слои и группы промежуточного типа — служащие бюрократического аппарата, армии, полиции, технические специалисты, учителя. Значительные выгоды через правительственные субсидии получала часть преданных династии «благородных» кочевых племен. Так расширялась социальная база режима: часть этих групп населения превращалась в низшие слои правящего класса, их лояльность высоко оплачивалась.

Но именно среди «промежуточных», или «средних», городских слоев появились отдельные группы, способные к политической организации. Из них выходили представители революционно-демократической оппозиции режиму — молодые офицеры, журналисты, учителя, служащие, мелкие торговцы. Из них, а также из саудовских рабочих образовался костяк нескольких подпольных революционных организаций. Свои идеологические установки они черпали извне, но объективно выражали интересы как национальной буржуазии, так и широких масс населения.

Обогащение «верхов» и процветание «промежуточных» слоев лишь незначительно затронули большинство населения. Малоземельное или безземельное крестьянство, малоимущие или неимущие полукочевники, мелкие ремесленники — все они несли на своих плечах тяжесть капиталистической трансформации общества. Их жизненный уровень поднялся гораздо меньше, чем позволяли возросшие доходы государства. Импорт продовольствия и промышленной продукции разорял их, а переход к новым занятиям, вступление в ряды пролетариата сопровождался трудной ломкой прежнего уклада, образа жизни и не всегда и не сразу означал улучшение благосостояния. Для большинства жителей Саудовской Аравии докапиталистические формы эксплуатации сочетались с капиталистическими.

В 50—60-е годы и на государственной службе, и в бизнесе, и в свободных профессиях были заняты десятки тысяч специалистов-иностранцев — управляющие, инженеры и техники, преподаватели, врачи, журналисты, экономисты. Они приняли на себя общественно-экономическую роль, которую должны были бы играть «средние слои» саудовского общества, но при этом оставались как бы вне общества. Подобная ситуация усугубилась в конце 60-х — в 70-е годы, когда в связи с ростом доходом и развитием

экономики в страну прибыли многие сотни тысяч квалифицированных и неквалифицированных иммигрантов, составивших большинство лиц наемного труда и среди «средних слоев» и среди рабочих. В подавляющем большинстве они не становились саудовскими гражданами и унаследовали в новых исторических и социально-экономических условиях роль, которая в традиционном аравийском обществе отводилась ремесленникам-суннаа и вольноотпущенникам. И те и другие могли добиваться богатства и влияния в своей области, но никогда не становились вровень с правящей аристократией, не пользовались политическими правами. Это создавало социальную напряженность нового характера, хотя пока что иммигранты оставались политически пассивными, так как были заинтересованы в заработке и находились под жестким контролем полиции и органов безопасности.

В общей характеристике саудовского общества «нефтяной эпохи» при определении степени развития капиталистических отношений трудно найти шкалу оценок. Если за критерий принять долю доходов от предприятий капиталистического типа, в том числе от добычи нефти, в валовом национальном продукте, то, казалось бы, саудовское общество можно было бы назвать «капиталистическим» еще в середине 40-х годов, что явно неприемлемо. Если же говорить о численности или доле лиц, связанных с докапиталистическими укладами, то и в начале 70-х годов они составляли более половины коренного саудовского населения. Форма распределения нефтяных доходов среди правящего класса также в значительной степени была докапиталистической. Видимо, логичнее говорить о Саудовской Аравии 60—70-х годов как об обществе «феодално-капиталистическом». Естественно, что в таком обществе, где капитализм наложился на феодально-племенные отношения, усложненные полукастовой структурой, социальные грани изломаны и зачастую размыты.

Создание централизованного государства, запрет межплеменных войн и набегов, прекращение существования племен или их конфедераций в качестве независимых политических единиц — все это ослабляло племенную структуру еще с 30-х годов. Процесс замены племенной солидарности другими социальными связями резко усилился с оседанием бедуинов, ростом городов, с совместным участием членов различных племен в промышленной и торговой деятельности, миграцией населения из одних районов в другие².

Однако Саудовская Аравия, как и многие другие страны с сильными родо-племенными традициями, демонстрировала, что кровно-родственные связи сохраняются и в новых социально-экономических условиях и намного переживают хозяйственные, общественные, географические и другие условия, их породившие. Кровное родство, принадлежность к клану или племени все еще определяли место индивидуума в обществе, успех или неудачу его продвижения как в традиционных, так и в новых сферах деятельности³. Приоритет в обществе отдавался интересам и солидарности родственной группы против интересов индивидуума и тех, кто находился вне этой группы. Фаворитизм, кумовство по отношению к членам семьи, клана, племени господствовали в экономической сфере, в государственной бюрократии, в вооруженных силах. Поддержание чести и репутации семьи считалось ответственностью каждого, а обязанность кровного мщения связывала даже отдаленных родственников. Авторитет шейхов и племенной знати был высок.

Люди редко поднимались вверх без семейных связей. Даже шейх Мухаммед Сурур ас-Саббан, сын африканца-вольноотпущенника, который был в 50-е годы главой министерства финансов и национальной экономики (а до этого — личным советником короля), добился успеха в значительной степени благодаря тому, что он был связан с влиятельной семьей Ааль Саббанов⁴.

Мы намеренно не употребляем слово «трибализм» применительно к Саудовской Аравии, так как этот термин устойчиво относится исследователями к обществам африканских стран южнее Сахары, и ограничимся выражением «кровнородственные и

племенные связи». Хотя ислам в принципе признавал равенство всех людей, но многие столетия он мирно сосуществовал с племенной и полукастовой структурой аравийского общества. После разгрома ихванского движения племенные, кровнородственные связи вписались в раннефеодальную по своей сути структуру централизованного государства. Естественно, что они не могли исчезнуть за три-четыре десятилетия «нефтяной эпохи». Клановые связи все еще считаются важнее компетентности, трудолюбия и других деловых качеств, а личное доверие и симпатии важнее точности бухгалтерского расчета. Все это трудно совместить с развитием капиталистических отношений и в целом любой модернизации.

Кровнородственные связи по-прежнему затушевывали и классовую эксплуатацию, и классовые грани в аравийском обществе. Племенная взаимопомощь, отношения патрона и клиента, патриархальный авторитет главы рода или племени зачастую оказывались сильнее новых социальных связей и классовой принадлежности.

Но хотя семейные связи оставались могущественными в саудовском обществе, их характер постепенно менялся. Племенные объединения постепенно уступали место семейным группам более ограниченного размера. Эти изменения особенно чувствовались в прослойке, получившей современное образование, среди чиновников, торговцев, интеллигенции, квалифицированных рабочих. Образованные саудовцы больше стремились к моногамии. Полигамия постепенно исчезала в этой среде не только потому, что стоимость женитьбы становилась все более высокой, но также и потому, что моногамный брак больше отвечал новому образу жизни и функциям современного человека. В этих же семьях склонялись к тому, чтобы дать образование своим дочерям и даже своим женам. Существование подобных семейных очагов отражало эволюцию образа жизни и мышления, которая вызывалась и новыми формами образования и опыта, и конфликтом поколений. Но одно лишь светское образование и довольно высокий доход необязательно приводил к созданию атомарных семей. Юноша, покинув родителей, продолжал оказывать уважение и признательность своему отцу, поддерживая крепкие личные семейные связи. Родственники предпочитали селиться рядом друг с другом даже в современном городе. Женщины продолжали публично носить чадру и не могли допустить, чтобы их видели мужчины за пределами узкого семейного круга. Напомним, что само слово «арабы» в Аравии означало кочевников, бедуинские племена в первую очередь. Оно не распространялось на потомственных земледельцев — феллахов, рабов и вольноотпущенников, «низшие племена», ремесленников-суннаа. Расширительное применение слова «арабы» — это уже плод XX в.

Национальное сознание, т. е. сознание принадлежности к некоей «саудоаравийской» нации, в стране было развито мало. Это констатировали и западные исследователи⁵. Появление новых средств коммуникаций и информации, усиление хозяйственной взаимозависимости различных провинций, контакты с иностранцами и поездки за границу, которые демонстрировали разницу в культуре и образе жизни в Саудовской Аравии и за ее пределами, ускорили и формирование нации, и появление чувства национальной принадлежности. Но реальное образование «саудоаравийской нации» даже в рамках смутно определенной «аль-умма аль-арабийя» — «общееарабской нации», несомненно, далеко еще не достигло уровня, до которого этот процесс дошел, например, в Египте или Сирии. Семейно-племенные и религиозные связи, несмотря на общность языка, культуры, истории, единство территории, складывающееся хозяйственное единство, во всяком случае на начало 70-х годов оставались более мощными, чем «общенациональные».

Можно согласиться с утверждением М. Уэннера, автора статьи «Саудовская Аравия. Выживание традиционных элит», который писал: «Племенные связи и вес племен в политической организации Саудовской Аравии остается чрезвычайно велик, поэтому трудно говорить о национализме в обычном смысле»⁶. Сама идея национального территориального государства — родины — была новой для аравийского общества.

Концепция «родины», преданность которой человек демонстрирует прежде всего, противоречит духу ислама, который делает акцент на универсальную общность верующих, противопоставленных немусульманам.

Национальное сознание и националистические чувства в Саудовской Аравии ограничивались небольшой прослойкой населения, связанного с современным сектором в экономике, гражданской и военной бюрократии. Те, кто называли себя «националистами», скорее были реформистами и модернистами; они хотели создать более современное общество. Но чувства их были настолько смутными, что левое крыло «националистов» отвергало даже слово «саудовский» в названии их народа и нации из-за своего отношения к Саудидам. Поэтому странно выглядят попытки некоторых буржуазных авторов связать складывание нации в государстве Саудовская Аравия и понимание националистических чувств именно с преданностью королю⁷. «Среди большей части населения принадлежность к стране означает, что оно признает короля своим сувереном и идентифицирует его с имамом — религиозным лидером»⁸, — писали, например, авторы «Регионального справочника» в середине 60-х годов. Так объективно существующие или складывающиеся реальности — нация и родина — буржуазные авторы подменяли исключительно «понятиями» нации или родины, а их самих — чувствами преданности режиму.

Кроме кровнородственных связей ислам оставался в сардинском обществе доминирующей традиционной силой. Он пронизывал социально-политическую структуру, которая сложилась по его канонам, систему права, быт, социальную психологию.

Ислам оказывал на жизнь общества в Саудовской Аравии более интенсивное и постоянное воздействие, чем где бы то ни было в мусульманском мире, так как именно она были местом рождения мусульманской религии и оставалась изолированной от соперничающих идеологических и культурных воздействий. Саудовская Аравия никогда не испытывала на себе такого влияния иностранной культуры, как Магриб и Ливан французской, Египет — французской и английской, даже княжества Персидского залива или Южный Йемен — английской. Лишь в конце 60-х — начале 70-х годов массовое вторжение некоторых потребительских ценностей американского образца и учеба нескольких тысяч саудовцев в США способствовали проникновению американского влияния. Но оно было ограниченным и едва затрагивало часть состоятельной и образованной прослойки.

Вопрос о том, являлся ли в средние века ислам сам по себе препятствием для генезиса и развития капиталистических отношений, остается в мировой науке открытым. Но в Саудовской Аравии ислам в его ваххабитской (ханбалитской) форме ассоциировался и с традиционными общественными институтами (такими, как устаревшая система распределения расходом государственной казны), и с архаичной системой власти в лице клана Саудидов и примыкавших к ним групп, и с пережившей свой век системой права, и с традиционным образованием с его упором на богословские предметы, и с средневековым мышлением, фатализмом, смирением с судьбой predeterminedенной Аллахом. Поэтому модернисты в Саудовской Аравии, начиная со «свободных принцев» и кончая «разночинцами» и революционно-демократической оппозицией, требовали изменить, модернизировать ислам, привести его в соответствие с нуждами последней четверти XX в., быстрыми социально-экономическими изменениями в саудовском обществе.

Однако именно на каноны ислама ссылались «господствующее племя» Саудидов для оправдания, легализации и сохранения своей власти. В этом смысле характерен ответ эмира Абдаллаха ибн Абд аль-Азиза «свободным эмирам», опубликованный в бейрутских газетах: «Таляль утверждает, будто в Саудовской Аравии нет конституции и демократических свобод. Таляль хорошо знает, что в Саудовской Аравии есть конституция, вдохновленная Аллахом, а не составленная человеком. Я не могу поверить, что существует араб, который полагает, будто в Коране есть хотя бы одно упущение,

позволяющее появиться несправедливости. Все законы и декреты в Саудовской Аравии вдохновлены Кораном, и Саудовская Аравия горда иметь такую конституцию... Что касается заявления Таяля о социализме, то такой вещи, как правый или левый социализм, не существует. Подлинный социализм — это арабский социализм, изложенный в Коране. Таяль много говорил о демократии, хотя он знает, что если есть подлинно демократическая система в мире, то она существует именно в Саудовской Аравии»⁹.

Ислам в его ваххабитской форме и племенные и клановые связи — реально существующие и долгосрочные факторы в саудовском обществе. Даже в условиях быстрого развития капиталистических отношений они будут оказывать воздействие и на эволюцию социально-политической структуры, и на характер потенциальных революционных конфликтов.

Изменения в обществе Саудовской Аравии происходили быстрее, чем в других ближневосточных странах, учитывая, конечно, точку отсчета. Старый общественный баланс был нарушен и навсегда потерян. Страна столкнулась с острыми внутренними противоречиями, неизвестными ей раньше. Они были вызваны изменением ее классовой структуры, постепенным усилением буржуазии, ростом рабочего класса, ослаблением кровнородственных и племенных связей, столкновением интересов различных классов и социальных групп, традиционных понятий и новых социально-политических идей. Но степень социальной напряженности в стране нам трудно определить. Саудовская пресса совершенно не отражала общественных проблем, политические партии, профсоюзы, клубы, собрания были запрещены, революционно-демократическая оппозиция загнана в под-полбе или эмигрировала, поэтому свидетельства и факты могли быть только косвенными и единичными.

Вплоть до 70-х годов в Саудовской Аравии не сложилось взрывоопасной социальной ситуации. Правящий класс, в частности верхушка общественной пирамиды — клан Саудидов, удержался у власти и продемонстрировал, что он не намерен с ней расставаться. Кое-какие реформы осуществлял именно он, а не представители «средних слоев», армии или бюрократии, буржуазных или буржуазно-демократических «разночинцев», взявших власть в большинстве других арабских стран. Под давлением образованной прослойки в бюрократическом аппарате, вооруженных силах и деловых кругах правящий клан Саудидов осторожно модернизировал общество. Так, в 60—70-е годы были приняты новый кодекс о труде, экономические планы, появилось телевидение, введено светское образование, в том числе школы для девочек, и кое-какие изменения в быту. Все эти нововведения — беда — были немыслимы два-три десятилетия назад, но правящий класс пытался «модернизацией» оградить себя от опасных для него социальных потрясений. Осознавая, что ему не обойтись без современных знаний, клан Саудидов стал поку пать для своих членов самое лучшее образование и вместе с тем кооптировать в верхушку бюрократического аппарата образованных, но лояльных режиму представителей других социальных групп, особенно торговой буржуазии.

Для удержания в подчинении угнетенных классов и слоев населения правящий класс укреплял аппарат репрессий и вооруженные силы. Именно на армию, национальную гвардию и полицию шла значительная часть бюджета, для них ввозилось самое современное оружие и техническое оснащение. Их численность в 60—70-е годы увеличилась в несколько раз. Клан Саудидов без колебаний применял органы безопасности и вооруженные силы для кровавого подавления революционно-демократической и любой другой оппозиции.

Обладая все растущими нефтяными доходами, принявшими колоссальные размеры, саудовский режим до сих пор успешно «откупался» от требований коренных перемен. Потенциально недовольных и политически активных лиц поглощал разбухший неэффективный, но престижный и хорошо оплачиваемый государственный аппарат. На экономическом буме наживались довольно широкие прослойки. Режим пока что обеспечивал себе достаточно прочную и широкую социальную базу в виде «средних»

городских слоев и бюрократии, «благородных» кочевых племен, получающих королевские субсидии, в виде консервативно настроенного купечества и зарождающейся промышленной буржуазии. Но особенность саудовского общества состояла и в том, что значительная часть угнетенных, эксплуатируемых классов и слоев населения, которые потенциально могли бы быть враждебны режиму, долгое время оставалась в темноте и невежестве, находилась под влиянием шейхов племен и других традиционных лидеров, мутавва и улемов, в небольшой степени «подкармливалась» властями и была консервативно настроенной.

Вот это сочетание реформ сверху, репрессий, подкупа значительной части населения и консерватизма саудовского общества обеспечило временную стабильность одного из самых архаичных режимов на земном шаре. Но сами социально-экономические перемены и даже элементы модернизации вынужденно вводимые сверху, расширяли базу для конфликтов в саудовском обществе. Углублялись противоречия между режимом и теми общественными классами и слоями, которые стремились к более глубоким реформам, а в конечном счете к захвату власти.

Старый общественный баланс в Саудовской Аравии был нарушен, но новый, несмотря на все подпорки и частичные меры, не был создан. Подобное состояние неустойчиво и чревато социальными взрывами в самых неожиданных формах. Учитывая вес Саудовской Аравии в мире нефти международных финансов и ислама, любые общественные толчки и катаклизмы в этой стране имели бы далеко идущие международные последствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- ¹ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, с. 355.
- ² G. A. Wallin. Notes..., с. 25.
- ³ А. И. Першиц. Хозяйство..., с. 28.
- ⁴ С.-F. Volney. Voyage..., с. 203.
- ⁵ R. Montagne. La civilisation..., с. 45.
- ⁶ G. A. Wallin. Narrative..., с. 198.
- ⁷ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 32.
- ⁸ H. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 2, с. 97.
- ⁹ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, с. 6, 401.
- ¹⁰ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 175.
- ¹¹ Подробнее о городах см.: А. И. Першиц. Хозяйство..., с. 47-66.
- ¹² J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 70.
- ¹³ R. Montagne. La civilisation..., с. 45.
- ¹⁴ G. A. Wallin. Narrative..., с. 125; Ch. Doughty. Travels... Vol. 1, с. 153, C. Niebuhr. Voyage... Vol. 1, с. 247; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 42—46, 191, 245—246; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 174
- ¹⁵ Лям аш-шихаб..., с. 499—501.
- ¹⁶ Там же, с. 510—517.
- ¹⁷ А. И. Першиц. Хозяйство..., с. 57.
- ¹⁸ Ch. Doughty. Travels... Vol. 1, с. 480.
- ¹⁹ А. И. Першиц. Хозяйство..., с. 89
- ²⁰ G. A. Wallin. Narrative..., с. 140; A. Jaussen. Coutumes des Arabes..., с. 236—238.
- ²¹ А. И. Першиц. Хозяйство..., с. 95-96
- ²² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с.11; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 450.
- ²³ Лям аш-шихаб..., с. 287.

- ²⁴ W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 1, с. 315, 461.
- ²⁵ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, с. 355, 388.
- ²⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд.. Ч 1, с I;
- ²⁷ J. L. Burckhardt. Travels... Vol. 1, с. 40—41, 91, 436 — 438.
- ²⁸ С. Niebuhr. Voyage... Vol. 2, с. 176 и 19—20.
- ²⁹ Лям аш-шихаб..., с. 447— 465.
- ³⁰ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 164.
- ³¹ R. Montagne. La civilisation..., с. 52
- ³² Эти данные суммированы А. И. Першицем на основе материалов И. Буркхардта, Ч. Доути, Ш. Юбера, А. Жоссана, А. Мусила, Р. Монтаня, А. Бушмана, Г. Филби и некоторых других исследователей (А.И. Першиц. Хозяйство..., с. 69—72).
- ³³ С.-Ф. Volney . Voyage..., с. 205.
- ³⁴ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 228—229.
- ³⁵ Ch. Huber. Journal..., с. 671, 674; A. Jaussen. Coutumes des Arabes..., с. 238.
- ³⁶ Н. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 2, с. 13
- ³⁷ А. Г. Щербаков и С. А. Строганов. Книга об арабской лошади, с. 8.
- ³⁸ С.-Ф. Volney. Voyage..., с. 211—212.
- ³⁹ Ch. Doughty. Travels... Vol. 1, с. 344.
- ⁴⁰ С. Niebuhr. Voyage... Vol. 2, с. 210—217.
- ⁴¹ С.-Ф. Volney. Voyage..., с. 205—206.
- ⁴² А. И. Першиц. Хозяйство..., с. 77—79.
- ⁴³ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 167—176.
- ⁴⁴ A. Musil. The Manners..., с. 452—453, 471,
- ⁴⁵ R. Montagne. La civilisation..., с. 66.
- ⁴⁶ С.-Ф. Volney. Voyage..., с. 208—209.
- ⁴⁷ Там же, с. 204—205.
- ⁴⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 69.
- ⁴⁹ A. Jaussen. Coutumes des Arabes..., с. 273.
- ⁵⁰ Там же, с. 278; С. Guarmani. Northern Najd..., с. 107.
- ⁵¹ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 246.
- ⁵² См.: А. И. Першиц. Хозяйство..., с. 126.
- ⁵³ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 317.
- ⁵⁴ С.-Ф. Volney. Voyage..., с. 207.
- ⁵⁵ A. Jaussen. Coutumes des Arabes..., с. 199 208—220.
- ⁵⁶ К. Маркс. Капитал. Т. 111. — Т. 25. Ч. 2, с. 165.
- ⁵⁷ См. по этому вопросу эволюцию взглядов советского исследователя А. И. Першица, который в ходе изучения аравийского общества значительно смягчил свое первоначальное категорическое определение («право феодального землевладения») при оценке характера собственности на пастбищные земли (А. И. Першиц. Хозяйство..., с. 124). Он пришел к выводу, что «...пастбищные земли считались коллективной собственностью племен, однако кочевание и пастьба скота регулировались верхушкой кочевников». Однако он продолжает считать, что речь шла о «близком к феодальному землевладению распоряжении кочевой знати (пастбищами. — А. В.)» (А. И. Першиц. Некоторые особенности..., с. 304, 306).
- ⁵⁸ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 7.
- ⁵⁹ О рабах см. ниже.
- ⁶⁰ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 133.
- ⁶¹ С.-Ф. Volney. Voyage..., с. 211.
- ⁶² С. Niebuhr. Voyage... Vol. 2, с. 139.
- ⁶³ J.L.Burckhardt. Notes... Vol. 1,с. 140—141,299; С. Guarmani. Northern Najd..., с. 116; Ch. Doughty. Travels... Vol. 1, с. 251, 334.
- ⁶⁴ С.-Ф. Volney. Voyage..., с. 207.

- ⁶⁵ A. Jaussen. *Coutumes des Arabes...*, с. 124.
- ⁶⁶ J. L. Burckhardt. *Notes...* Vol. 1, с. 193—194.
- ⁶⁷ G. A. Wallin. *Narrative...*, с. 122.
- ⁶⁸ Там же; C. Guarmani. *Northern Najd...*, с. 109—110; Ch. Huber. *Journal...*, с. 592.
- ⁶⁹ C. Guarmani. *Northern Najd...*, с. 109—110.
- ⁷⁰ H. Dickson. *Kuwait...*, с. 102, 622; он же. *The Arab...*, с. 572, 573.
- ⁷¹ Ибн Бишр. *Унван аль-маджд...* Ч. 1, с. 126.
- ⁷² J. L. Burckhardt. *Notes...* Vol. 1, с. 194; vol. 2, с. 9, 34.
- ⁷³ C. Niebuhr. *Voyage...* Vol. 3, с. 178—179.
- ⁷⁴ A. Musil. *The Manners...*, с. 280—282.
- ⁷⁵ J. L. Burckhardt. *Notes...* Vol. 2, с. 19—20.
- ⁷⁶ R. Montagne. *La civilisation...*, с. 68, 107; C. Guarmani. *Northern Najd...*, с. 120; A. Musil. *The Manners...*, с. 406.
- ⁷⁷ R. Montagne. *La civilisation...*, с. 23.
- ⁷⁸ Ch. Doughty. *Travels...* Vol. 2, с. 136.
- ⁷⁹ Подробнее о рабовладении см.: А. И. Першиц. *Хозяйство...*, с. 97 — 107.
- ⁸⁰ W. G. Palgrave. *Narrative...* Vol. 1, с. 452.
- ⁸¹ Там же, с. 453.
- ⁸² J. L. Burckhardt. *Notes...* Vol. 1, с. 181
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же, с. 181 — 182.
- ⁸⁵ G. A. Wallin. *Notes...*, с. 26.
- ⁸⁶ A. Musil. *The Manners...*, с. 277.
- ⁸⁷ А. И. Першиц также считает, что «острие шейхской эксплуатации было направлено не только и, может быть, даже не столько вовнутрь, сколько за пределы кочевого племени или его кочевой части» (А. И. Першиц. *Хозяйство...*, с. 140).
- ⁸⁸ A. Jaussen. *Coutumes des Arabes...* с. 140-145.
- ⁸⁹ J. L. Burckhardt. *Notes...* Vol. 1, с. 117.
- ⁹⁰ Ch. Doughty. *Travels...* Vol. 1, с. 248.
- ⁹¹ J. L. Burckhardt. *Notes...* Vol. 1, с. 117.
- ⁹² Ch. Doughty. *Travels...* Vol. 1, с. 248—249.
- ⁹³ J. L. Burckhardt. *Notes...* Vol. 1, с. 296.
- ⁹⁴ A. Jaussen. *Coutumes des Arabes...*, с. 128 — 129.
- ⁹⁵ C.-F. Volney. *Voyage...*, с. 208.
- ⁹⁶ Ch. Doughty. *Travels...* Vol. 1, с. 251.
- ⁹⁷ J. L. Burckhardt. *Notes...* Vol. 1, с. 119—123.
- ⁹⁸ См. эволюцию взглядов А. И. Першица по этому вопросу: А. И. Першиц *Хозяйство...*, с. 153, 159; А. И. Першиц. *Некоторые особенности...*, с. 308—309.
- ⁹⁹ C.-F. Volney. *Voyage...*, с. 207—208.
- ¹⁰⁰ J. L. Burckhardt. *Notes...* Vol. 1, с. 116 — 117.
- ¹⁰¹ А. И. Першиц. *Хозяйство...*, с. 155.
- ¹⁰² О некоторых специфических функциях родо-племенной организации кочевников см., например: И. М. Рейснер. *Развитие феодализма...*, с. 115—116 и др.
- ¹⁰³ A. Blunt. *A Pilgrimage...* Vol. 1, с. 260—261, 270.
- ¹⁰⁴ C. Niebuhr. *Voyage...* Vol. 2, с. 29—31; J. L. Burckhardt. *Travels...*, Vol. 1, с. 331, 405—408; 422—428, 440.
- ¹⁰⁵ Ch. Doughty. *Travels...* Vol. 2, с. 50; C. Guarmani. *Northern Najd...*, с. 46—48, 91—92; R. Montagne. *La civilisation...*, с. 151 — 158; W. G. Palgrave. *Narrative...* Vol. 1, с. 109—113.
- ¹⁰⁶ Ch. Doughty. *Travels...* Vol. 2, с. 368.
- ¹⁰⁷ J. L. Burckhardt. *Travels...* Vol. I, с. 415—417; Ибн Ганнам. *Тарих...* Ч. 2, с. 5.
- ¹⁰⁸ R. Montagne. *La civilisation...*, с. 66.

- ¹⁰⁹ Там же, с. 141.
- ¹¹⁰ А. И. Першиц. Хозяйство..., с. 147—148.
- ¹¹¹ Ch. Doughty. Travels... Vol. 1, с. 251.
- ¹¹² С.-F. Volney. Voyage..., с. 207.
- ¹¹³ L. Pelly. A Visit..., с. 189—190.
- ¹¹⁴ R. Montagne. La civilisation..., с. 110, 134.
- ¹¹⁵ Там же, с. 18.
- ¹¹⁶ J. R. Wellsted. Travels... Vol. 2, с. 258—260; Ch: Doughty. Travel..., Vol. 1, с. 280—282; Н. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 1, с. 268.
- ¹¹⁷ А. Musil. The Manners..., с. 136, 281.
- ¹¹⁸ А. И. Першиц. Хозяйство..., с. 142.
- ¹¹⁹ А. И. Першиц. Некоторые особенности..., с. 310.
- ¹²⁰ По этому вопросу см.: Н. А. Иванов. Свободные и податные племена. Н. А. Иванов отмечает, например, «особую прочность и жизненность... родо-племенной организации в свободных племенах», «дополнительные функции, которые приобрела родо-племенная организация; объединяя действия сравнительно большого кровнородственного коллектива, она и обеспечивала господство свободных бедуинских племен над земледельческим населением и податными племенами» (с. 185—186).
- ¹²¹ Е. А. Беляев. Арабы..., с. 69—78.
- ¹²² H. Lammens. L'Arabie..., с. 189.
- ¹²³ См.: G. de Gaury. Rulers of Месса, с. 147—153.
- ¹²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция, с. 5.
- ¹²⁵ См.: С. Niebuhr. Voyage... Vol. 2, с. 16, 26—29, 178—179.
- ¹²⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 64—65.
- ¹²⁷ Там же, с. 61, 85, 110—122.
- ¹²⁸ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 18.
- ¹²⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 223.
- ¹³⁰ Там же, с. 138.
- ¹³¹ Там же, с. 218.
- ¹³² Н. Philby. Saudi Arabia, с. 30.
- ¹³³ Лям аш-шихаб..., с. 58—59.
- ¹³⁴ Мунир аль-Аджляни. Тарих... Ч. I, с. 68, 77.
- ¹³⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 157, 160, 212 223—224
- ¹³⁶ Там же, с. 234—235.
- ¹³⁷ Там же, с. 99, 224, 229.
- ¹³⁸ Там же, с. 234—235.
- ¹³⁹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 5—6
- ¹⁴⁰ M. Abir. Relations..., с.34.

Глава II

- ¹ «Журнал различных предметов словесности». 1805, т. 2, № I, с. 20.
- ² Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 1, с. 25; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 6. Дата, приведенная Ф. Манженом, — 1696 г., объясняется лишь неправильным переводом 1116 г. х. на наше летосчисление (1116 г. х. /1704/05 г.) (F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 449).
- ³ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 1, с. 25—26; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 6—7.
- ⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 7.
- ⁵ Там же, с. 8; Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 1, с. 28.
- ⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 8.
- ⁷ Там же.

- ⁸ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 1, с. 29—30.
- ⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 8; Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 1, с. 29—30; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 449.
- ¹⁰ По сообщениям Ф. Манжена, он оставался в Аяйне восемь лет, т. е. прибыл туда в 1736/37 г. (Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 449.)
- ¹¹ «Encyclopedie de l'Islam». 1924, vol. 4, с. 1144.
- ¹² См. предисловие Абд аль-Азиза ибн Абдуррахмана к книге Ибн Абд аль-Ваххаба «Муфид аль-мустафид...», с. 13.
- ¹³ Лям аш-шихаб..., с. 7—32.
- ¹⁴ Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 228.
- ¹⁵ «The Encyclopaedia of Islam». 1971, vol. 3, с. 677—679.
- ¹⁶ Мунир аль-Адждляни. Тарих... Ч. 1, с. 196.
- ¹⁷ Лям аш-шихаб..., с. 47—48.
- ¹⁸ I. Goldziher. Le dogme..., с. 49.
- ¹⁹ Там же, с. 224.
- ²⁰ С. Niebuhr. Voyage... Vol. 1, с. 393—394; 2, с. 21, 204. Они встречались в этих местах в XX в., см.: Н. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 2, с. 299.
- ²¹ С. Niebuhr. Voyage... Vol. 2, с. 21, 140; С. Niebuhr. Description..., с. 298.
- ²² Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 1, с. 5—13.
- ²³ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб ат-таухид, с. 118.
- ²⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 6—7.
- ²⁵ См. комментарий Абдуррахмана ибн Хасана к «Китаб ат-таухид» Ибн Абд аль-Ваххаба в сб. «Маджмуат ат-таухид...», с. 64.
- ²⁶ W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 1, с. 61, 68.
- ²⁷ С.-Ф. Volney. Voyage..., с. 212.
- ²⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. I, с. 99 – 102.
- ²⁹ W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 1, с. 9.
- ³⁰ R. Montagne. La civilisation.. с.73 – 75.
- ³¹ W. G. Palgrave. Narrative... Vol.1, с. 33.
- ³² G. A. Wallin. Notes..., с. 21.
- ³³ [Давлетшин]. Отчет..., с. 8.
- ³⁴ A. Jaussen. Coutumes des Arabs..., с. 316.
- ³⁵ Там же, с. 174; А. Musil. The Manners..., с. 571.
- ³⁶ А. Musil. The Manners..., с. 509.
- ³⁷ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб ат-таухид, с. 134.
- ³⁸ Ибн Абд аль-Ваххаб. Усуль аль-иман, с. 167—170; он же. Аль-усуль ас-саляса..., с. 8; Абд аль-Азиз I. Ар-рисаля, с. 19.
- ³⁹ Ибн Абд аль-Ваххаб. Фадль аль-ислам, с. 198.
- ⁴⁰ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб кашф..., с. 220—223, 232; он же. Масаиль аль-джахилийя..., с. 123—125.
- ⁴¹ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб ат-таухид, с. 56.
- ⁴² Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб аль-кабаир, с. 206; Абд аль-Азиз I. Ар-рисаля, с. 5.
- ⁴³ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб ат-таухид, с. 60, 70, 86; он же. Аль-усуль ас-саляса..., с. 42; он же. Масаиль..., с. 76.
- ⁴⁴ Ибн Абд аль-Ваххаб. Муфид аль-мустафид..., с. 28; он же. Масаиль..., с. 70. Абд аль-Азиз I. Ар-рисаля, с. 6.
- ⁴⁵ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб ат-таухид, с. 67.
- ⁴⁶ Там же, с. 90; он же. Масаиль..., с. 29, 72, 118; он же. Китаб ат-таухид, с. 55, 95, 99; он же. Китаб кашф..., с. 226.
- ⁴⁷ Ибн Абд аль-Ваххаб. Масаиль..., с. 91, 120; он же. Китаб кашф..., с. 230. Комментарий внука вероучителя Абдуррахмана ибн Хасана к «Китаб ат-таухид» Ибн Абд аль-Ваххаба, с. 102; Абд аль-Азиз I, Ар-рисаля, с. 10, 13; Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб ат-

- таухид, с. 74, 87, 207—209; Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб. Ар-рисаля, с. 47—48.
- ⁴⁸ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб ат-таухид, с. 111, 118; он же. Масаиль..., с. 33, 144.
- ⁴⁹ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб ат-таухид, с. 52.
- ⁵⁰ Абд аль-Азиз I. Ар-рисаля, с. 5; Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 1, с. 38.
- ⁵¹ Ch. Didier. Sejour..., с. 179; [J. Rousseau]. Description..., с. 129, 146.
- ⁵² Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб. Ар-рисаля, с. 53.
- ⁵³ А. Крымский. История..., с. 201; Ахмед Амин. Зуама аль-ислах..., с. 13.
- ⁵⁴ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 1, с. 17, 19, 53.
- ⁵⁵ Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб. Ар-рисаля, с. 53.
- ⁵⁶ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 113.
- ⁵⁷ См. А. Крымский. История..., с. 195.
- ⁵⁸ Ибн Санад. Тарих..., с. 32.
- ⁵⁹ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 7, 18.
- ⁶⁰ Аль-Факи. Аср ад-дава аль-ваххабийя..., с. 4.
- ⁶¹ Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 308—309.
- ⁶² Цит. по: Аттар. Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, с. 151.
- ⁶³ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 18.
- ⁶⁴ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 102.
- ⁶⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд..., Ч. 1, с. 53—54; Ибн Хасан. Фатх аль-маджид..., с. 4.
- ⁶⁶ Н. А. R. Gibb. Mohammedanism, с. 168.
- ⁶⁷ Ахмед Амин. Зуама аль-ислах..., с. 21—23.
- ⁶⁸ Ибн Абд аль-Ваххаб. Ситгат усуль азыма, с. 275.
- ⁶⁹ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб аль-кабаир, с. 225.
- ⁷⁰ Ибн Абд аль-Ваххаб. Муфид аль-мустафид..., с. 37; Абд аль-Азиз I. Ар-рисаля, с. 33; аль-Муаммари. Ар-рисаля, с. 68.
- ⁷¹ Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, Ар-ршмли, с. 46.
- ⁷² Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб аль-кабаир, с. 238—239, 241.
- ⁷³ Ибн Абд аль-Ваххаб. Насыхат аль-муслимина..., с. 323—324, 328.
- ⁷⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 165—166; ал-Джабарти. Египет..., с. 326.
- ⁷⁵ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб аль-кабаир, с. 240.
- ⁷⁶ Там же, с. 243.
- ⁷⁷ Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб. Ар-рисаля, с. 48—49.
- ⁷⁸ Ибн Абд аль-Ваххаб. Насыхат аль-муслимина..., с. 281, 286, 290.
- ⁷⁹ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб аль-кабаир, с. 213.
- ⁸⁰ Ибн Абд аль-Ваххаб. Насыхат аль-муслимина..., с. 332.
- ⁸¹ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб аль-кайаир, с. 212—214, 219, 222, 230.
- ⁸² Ибн Абд аль-Ваххаб. Насыхат аль-муслимина..., с. 254, 260, 262, 278.
- ⁸³ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб кашф..., с. 227—228.
- ⁸⁴ Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 232.
- ⁸⁵ Ибн Санад. Тарих..., с. 23.
- ⁸⁶ Е. А. Беляев. Мусульманское сектантство, с. 99.
- ⁸⁷ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 16.
- ⁸⁸ Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 230.
- ⁸⁹ Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб. Ар-рисаля, с. 45.
- ⁹⁰ См.: GoIdziher. Le dogme..., с. 225.
- ⁹¹ О том, что ваххабизм отражал тенденцию к феодальному объединению, писал М. В. Чураков (Новая история Неджда..., с. 89).
- ⁹² Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб аль-кабаир, с. 231.
- ⁹³ Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб. Ар-рисаля, с. 54.

- ⁹⁴ Там же, с.43; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 151; [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 17.
- ⁹⁵ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 102; vol. 2, с. 115.
- ⁹⁶ Там же. Vol. 2, с. 114.
- ⁹⁷ Там же, с. 110—111.
- ⁹⁸ J. Raymond. Les wahabys..., с. 34.
- ⁹⁹ М. Томара. Истоки ваххабитизма, с. 76.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 77, 79.
- ¹⁰¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 9; см. также: Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 1, с. 30.
- ¹⁰² Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 1, с. 30—31; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 9.
- ¹⁰³ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 9—10.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 10; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 449—450.
- ¹⁰⁵ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 2.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 3; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 10—11; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 450; Лям аш-шихаб..., с. 62—65.
- ¹⁰⁸ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 450.
- ¹⁰⁹ Ибн Ганнам называет 1157 г. х. (ч. 2, с. 4); Ибн Бишр дает 1158 г. х. (ч. 1, с. 15); см. также: F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 452.
- ¹¹⁰ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 3; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 11.
- ¹¹¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 12; Ибн Ганнам пишет только о первом условии (ч. 2, с. 3).

Глава III

- ¹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 4; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 13.
- ² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 13.
- ³ Там же, с. 14.
- ⁴ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 9—12; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 21.
- ⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 23.
- ⁶ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 12; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 22.
- ⁷ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 13—14; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 23—24; Лям аш-шихаб..., с. 75.
- ⁸ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 57; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 43; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 457.
- ⁹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 6, 9, 12, 15, 17, 18; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 18—26; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 451—454. Ф. Манжен относит эти события ко второй половине 40-х годов,
- ¹⁰ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 20.
- ¹¹ Там же, с. 45; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 29—30.
- ¹² Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 19; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 28; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 454. Ф. Манжен это событие относит к 1748 г.
- ¹³ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 53; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 40.
- ¹⁴ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 54—57; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 42—43. Ф. Манжен дает 1757 г., постепенно приближаясь к датам арабийских летописцев, а с 1769/70 г. их датировка начинает совпадать (F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 456).
- ¹⁵ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 57—63; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 43—47; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 457—461.
- ¹⁶ По словам Ф. Манжена, его считали астрологом (F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 462).

¹⁷ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 65—66; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 47—48; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 462.

¹⁸ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 66—68; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 48—49; Лям аш-шихаб..., с. 77; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 463—464. О поражении, нанесенном наджранцами ваххабитам, и о вторжении Арайра в Неджд сообщает также К. Нибур, который в середине 60-х годов посетил Эль-Хасу. Он, однако, вождем наджранцев называет некоего Маккрами, столкновения ваххабитов с хасцами, по его мнению, произошли перед их военными действиями против наджранцев (С. Niebuhr. Description..., с. 299—300).

¹⁹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 74; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 49; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 465.

²⁰ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 75—82; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 49—58; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 465—470.

²¹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 82—86; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 60—61; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 473—474.

²² H. Philby. Saudi Arabia, с. 62.

²³ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 9.

²⁴ Там же, с. 88—94; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 63—64; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 474—478.

²⁵ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 88—90, 94; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 61—63; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 475—478; Лям аш-шихаб..., с. 156—159.

²⁶ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 91—107; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 65—68, 70—72; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 480—486. При совпадении общей картины Неджда в те годы ее детали различаются ни всех трех источниках.

²⁷ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 479—480.

²⁸ Там же, с. 483—484.

²⁹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 95; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 65; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 479.

³⁰ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 91—114; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 75—76; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 485—486.

³¹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 119; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 78.

³² Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 120—124, 132; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 78—80. Ф. Манжен присоединение Эль-Харджа и Дилама относит к 1783 г. (F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 492).

³³ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 124—131; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 79—80, 83; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 491, 496—499.

³⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 75. Сообщая об этом факте, Ибн Ганнам (Тарих... Ч. 2, с. 110—111) цифр не приводит.

³⁵ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 126—130; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 77—82; Ф. Манжен также сообщает о присоединении Джебель-Шаммара, но относит это событие к 1785 г. (F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 496).

³⁶ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 136; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 83; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 499. Даты различаются у аравийских летописцев и Ф. Манжена снова с 1783 г.

³⁷ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 137; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 83; Ф. Манжен это событие относит к 1787 г. (F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 499—500).

³⁸ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 124—125; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 80. Ф. Манжен относит это событие к 1784 г. (F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 492—493).

- ³⁹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 127—129; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 81. Ф. Манжен дает 1785 г. (F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 494—495).
- ⁴⁰ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 129—130; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 81—83; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 496. Но у Ф. Манжена это событие падает на осень 1785 г., а также есть различия с арабийскими летописцами в некоторых деталях.
- ⁴¹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 135—138; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 83. У Ф. Манжена — 1786 г. (F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 499). «Блеск метеора» называет ваххабитского военачальника Ибрагимом ибн Уфайсаном (с. 172, 175).
- ⁴² Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 138—139; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 84—85; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 500—501.
- ⁴³ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 141.
- ⁴⁴ Там же, с. 142—153; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 85—86; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 502—503. Быстрое чередование событий, постоянные переходы отдельных лиц то на ту, то на другую сторону создавали калейдоскопическую картину. Ее детали различаются во всех трех источниках и «Блеске метеора».
- ⁴⁵ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 153.
- ⁴⁶ Там же, с. 152—153; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 88.
- ⁴⁷ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 157—162; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 97—99; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 507—509.
- ⁴⁸ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 154; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 89; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 506.
- ⁴⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 90.
- ⁵⁰ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 506.
- ⁵¹ Лям аш-шихаб..., с. 67.
- ⁵² F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 506. В «Блеске метеора» (с. 265—266) указывается, что у вероучителя осталось четверо сыновей и шестеро дочерей. Это не противоречит Манжену, так как дети могли умирать и раньше отца.
- ⁵³ Лям аш-шихаб..., с. 265—266, 477—478.
- ⁵⁴ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 158—166; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 97—101; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 508—509. У Ф. Манжена всех подробностей нет, но Ибн Ганнам был современником описываемых событий, и ему можно доверять больше.
- ⁵⁵ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 174—175.
- ⁵⁶ Там же, с. 174—185; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 105—106.
- ⁵⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 106.
- ⁵⁸ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 184.
- ⁵⁹ Лям аш-шихаб..., с. 184—186.
- ⁶⁰ С.-Ф. Volney. Voyage..., с. 81—82, 88; J. L. Burckhardt. Travels... Vol. 1, с. 412.
- ⁶¹ Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 228; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 23.
- ⁶² Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 80—81; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 58—59; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 470—471.
- ⁶³ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 490.
- ⁶⁴ Аш-Шаукани. Аль-бадр... Ч. 2, с. 4; J. L. Burckhardt. Travels... Vol. 1, с. 410—413; Ch. Didier. Sejour..., с. 171 — 172.
- ⁶⁵ J. L. Burckhardt. Travels... Vol. 1, с. 415—417.
- ⁶⁶ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 144.
- ⁶⁷ Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 261—262; Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 145—152; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 86—87; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 502—505.

- ⁶⁸ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 171; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 102—103; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 510.
- ⁶⁹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 173; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 103—105; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 510—511.
- ⁷⁰ Аль-Муаммари. Ар-рисаля, с. 55; Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 200—203.
- ⁷¹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 174; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 105.
- ⁷² F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 514; Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 245; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 111.
- ⁷³ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 242—247; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 112—117, 120; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 516—517.
- ⁷⁴ Ибн Бишр. Тарих... Ч. I, с. 120—121.
- ⁷⁵ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 521.
- ⁷⁶ Аш-Шаукани. Аль-бадр... Ч. 2, с. 7.
- ⁷⁷ H. Longrigg. Four Centuries..., с. 199—200.
- ⁷⁸ Там же, с. 202.
- ⁷⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 52.
- ⁸⁰ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 511; Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 186—187.
- ⁸¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 107—108.
- ⁸² F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 511.
- ⁸³ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 193—199, 233—235; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 107—110; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 511—514; Ибн Санад. Тарих..., с. 21—23.
- ⁸⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 111—112; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 517.
- ⁸⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 118—119; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 518—519.
- ⁸⁶ H. J. Brydges. An Account... Vol. 2, с. 17.
- ⁸⁷ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 25.
- ⁸⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 184.
- ⁸⁹ Ибн Санад. Тарих..., с. 24.
- ⁹⁰ J. Raymond. Les wahabys..., с. 12.
- ⁹¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 118—119; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 518—521; J. Raymond. Les wahabys..., с. 12—15; Лям аш-шихаб..., с. 342—366.
- ⁹² Ибн Санад. Тарих..., с. 24—25.
- ⁹³ H. J. Brydges. An Account... Vol. 2, с. 24—27.
- ⁹⁴ Ибн Санад. Тарих..., с. 27.
- ⁹⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 121 — 122.
- ⁹⁶ [J. Rousseau]. Description..., с. 73.
- ⁹⁷ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 27.
- ⁹⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 186.
- ⁹⁹ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 522—524.
- ¹⁰⁰ H. Philby. Saudi Arabia, с. 93.
- ¹⁰¹ Ибн Санад. Тарих... с. 28.
- ¹⁰² J. Raymond. Les wahabys..., с. 16.
- ¹⁰³ «Журнал различных предметов словесности». 1805, т. 2, № 2, с. 25.
- ¹⁰⁴ «Вестник Европы». 1819, № 7, с. 224.
- ¹⁰⁵ [J. Rousseau]. Description..., с. 72—75.
- ¹⁰⁶ См.: J. Raymond. Les wahabys..., с. 1.
- ¹⁰⁷ Ж. Руссо в своей книге называет более реальную цифру — 200 верблюдов ([J. Rousseau]. Description..., с. 74).
- ¹⁰⁸ АВПР, ф. «Канцелярия». 1803, д. 2235, л. 38—40.

- ¹⁰⁹ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 522—524.
- ¹¹⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 121 — 122.
- ¹¹¹ H. Longrigg. Four Centuries..., с. 217.
- ¹¹² J. Raymond. Les wahabys..., с. 21; H. J. Brydges. An Account... Vol. 2, с. 28; [L A. Corancez] . Histoire..., с. 28, 186.
- ¹¹³ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 525.
- ¹¹⁴ G. de Gaury. Rulers of Mecca, с. 181 — 182.
- ¹¹⁵ M. Abir. Relations..., с. 34—40.
- ¹¹⁶ J. L Burckhardt. Travels... Vol. 1, с. 440—441.
- ¹¹⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 122/1; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 526.
- ¹¹⁸ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 122/1-3; J. L Burckhardt. Travels... Vol. 1, с. 154; Ахмед Дахлан взятие Эт-Таифа относит к началу 1803 г. (Хуласат аль-калям..., с. 274—275).
- ¹¹⁹ АВПР, ф. «Канцелярия». 1803, д. 2234, т. 1, л. 154.
- ¹²⁰ Там же, л. 251.
- ¹²¹ Там же, л. 300.
- ¹²² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 122/2—3; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 527; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 277; J. L Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 184.
- ¹²³ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 122/2—3; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 527—528; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 277—279; J. L Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 195—196.
- ¹²⁴ A Dictionary of Islam, с. 660.
- ¹²⁵ АВПР, ф. «Канцелярия». 1804, д. 2242, л. 202.
- ¹²⁶ АВПР, ф. «Канцелярия». 1803, д. 2234, т. 2, л. 580.
- ¹²⁷ Там же, д. 2235, л. 249.
- ¹²⁸ Там же, л. 184—186.
- ¹²⁹ Там же, л. 211—214.
- ¹³⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... аль-калям..., с. 280—285.
- ¹³¹ АВПР, ф. «Канцелярия». 1803, д. 2235, л. 407; J. L Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 196.
- ¹³² АВПР, ф. «Канцелярия». 1803, д. 2235, л. 260.
- ¹³³ Там же, л. 293.
- ¹³⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 123.
- ¹³⁵ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 201—202; H. J. Brydges. An Account... Vol. 2, с. 32; [L A. Corancez]. Histoire..., с. 42; АВПР; ф. «Канцелярия». 1804, д. 2241, т. 1, л. 95.
- ¹³⁶ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 529.
- ¹³⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 124.
- ¹³⁸ Лям аш-шихаб..., с. 273—276.
- ¹³⁹ АВПР, ф. «Канцелярия». 1804, д. 2241, т. 1, л. 95—96.
- ¹⁴⁰ Там же, д. 2242, л. 94.
- ¹⁴¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 132-133; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 531; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям
- ¹⁴² Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 285.
- ¹⁴³ Там же, с. 285—292; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 133—134, 144; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 533.
- ¹⁴⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 133—134; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 292.
- ¹⁴⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 135. Ф. Манжен это событие относит примерно к 1809 г. (F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 534).

- ¹⁴⁶ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 203; J. L. Burckhardt. Travels... Vol. 2, с. 277—287.
- ¹⁴⁷ J. L. Burckhardt. Travels... Vol. 2, с. 169—170; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 294—295, 303; Ф. Манжен ограбление могилы Мухаммеда относит к 1810 г. (F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 535—536).
- ¹⁴⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 199.
- ¹⁴⁹ Там же, с. 203.
- ¹⁵⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 137—145, 151. Данные Ф. Манжена расходятся с тем, что сообщает Ибн Бишр (см.: F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 534—535).
- ¹⁵¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 151.
- ¹⁵² [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 34—35, 74—81.
- ¹⁵³ Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям... с. 285.
- ¹⁵⁴ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 102.
- ¹⁵⁵ К. М. Базили. Сирия и Палестина..., с. 79.
- ¹⁵⁶ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 10с. 126—132.
- ¹⁵⁷ Ал-Джабарты. Египет..., с. 210—211.
- ¹⁵⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 204—205. 210; J. L. Burckhardt. Travels... Vol. 2, с. 13.
- ¹⁵⁹ См. подробнее: R. V. Winder. Saudi Arabia..., с. 92—93.
- ¹⁶⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 122.
- ¹⁶¹ Salil – ibn – Razik. History..., с. 248—250.
- ¹⁶² Там же, с. 229—230.
- ¹⁶³ Лям аш-шихаб..., с. 201—206.
- ¹⁶⁴ Salil – ibn – Razik. History..., с. 229—230; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 522; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 424.
- ¹⁶⁵ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 522; Salil – ibn – Razik. History..., с. 232—233.
- ¹⁶⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 131; Salil – ibn – Razik. History..., с. 169—170, 238—239; J. Raymond. Les wahabys..., с. 29; [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 56—59.
- ¹⁶⁷ S. V. Miles. The Countries... Vol. 2, с. 305—309.
- ¹⁶⁸ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 136.
- ¹⁶⁹ Там же, с. 141—142.
- ¹⁷⁰ Salil – ibn – Razik. History..., с. 307—308, 314.
- ¹⁷¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 141—142.
- ¹⁷² J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 181.
- ¹⁷³ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 48—49, 120—121, An Account... Vol. 2, с. 36—37.
- ¹⁷⁴ H. J. Brydges. An Account... Vol. 2, с. 15.
- ¹⁷⁵ Там же; [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 49—50.
- ¹⁷⁶ H. J. Brydges. An Account... Vol. 2, с. 16.
- ¹⁷⁷ [Reinaud]. Auszug aus dem Briefe..., с. 235.
- ¹⁷⁸ См.: Абдуррахим. Ад-давля..., с. 91.
- ¹⁷⁹ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 181.
- ¹⁸⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 146; F. Mengin. Histoire d. l'Egypte... Vol. 2, с. 541; [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 142-145; H. J. Brydges. An Account... Vol. 2, с. 38—44; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 208; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 183—185.
- ¹⁸¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1
- ¹⁸² R. V. W i n d e r. Saudi Arabia..., с. 38.
- ¹⁸³ A. Cevdet. Tarih... VI, с. 353.
- ¹⁸⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 146—147; Salil – ibn – Razik. History..., с. 324—326; Memorial... Vol. 1, с. 111—112.
- ¹⁸⁵ Мухаммед ибн Хашим. Хадрамаут..., с. 120—122.

- ¹⁸⁶ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 525; Ибн Бишр. Унван маджд... Ч. I, с. 121; аш - Шаукани. Аль-бадр... Ч. 2, с. 6—8.
- ¹⁸⁷ Абдуррахим. Ад-давля..., с. 145—146.
- ¹⁸⁸ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 136, 149; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 533—534; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 202, 206—207.
- ¹⁸⁹ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 533.
- ¹⁹⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 144—145. Ф. Манжен сообщает другие детали этого события и относит его к 1810 г. (F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. I, с. 541), см. также: J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 208—209.
- ¹⁹¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 130; Ибн Санад. Тарих..., с. 33; J. Raymond. Les wahabys..., с. 27—29; [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 54.
- ¹⁹² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 131—132.
- ¹⁹³ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 55, 61—63.
- ¹⁹⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 135—136; J. Raymond. Les wahabys..., с. 31; [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 87—90.
- ¹⁹⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 140; [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 138—142.
- ¹⁹⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 143.
- ¹⁹⁷ Там же. Ч. 2, с. 126.
- ¹⁹⁸ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 133—135.
- ¹⁹⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 148—149; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 209—210; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 542—544 (Ф. Манжен относит ошибочно этот поход к 1811 г.).
- ²⁰⁰ Лям аш-шихаб..., с. 469—470.

Глава IV

- ¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 173.
- ² J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 151.
- ³ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 173.
- ⁴ Там же, с. 52.
- ⁵ Там же, с. 111.
- ⁶ Там же, с. 94.
- ⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 87.
- ⁸ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 136.
- ⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 42.
- ¹⁰ Там же, с. 51—52.
- ¹¹ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 124.
- ¹² Там же, с. 245.
- ¹³ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 30.
- ¹⁴ Там же, с. 61.
- ¹⁵ Там же, с. 71—72.
- ¹⁶ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 154—155.
- ¹⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 40—41.
- ¹⁸ Там же, с. 90.
- ¹⁹ Там же, с. 173.
- ²⁰ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 158.
- ²¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 173.
- ²² J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 152.
- ²³ Там же. Vol. 1, с. 104.
- ²⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 126—127.
- ²⁵ Там же, с. 173.

- ²⁶ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 161.
- ²⁷ Лям аш-шихаб..., с. 466—469.
- ²⁸ Там же, с. 110.
- ²⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 214.
- ³⁰ Там же, с. 173.
- ³¹ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 121 — 123.
- ³² [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 66-67.
- ³³ Лям аш-шихаб..., с. 480-486.
- ³⁴ J. Raymond. Les wahabys..., с. 26.
- ³⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 171; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 129.
- ³⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 171.
- ³⁷ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 129.
- ³⁸ Там же, с. 159—160.
- ³⁹ Там же, с. 130.
- ⁴⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 170—171.
- ⁴¹ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 131.
- ⁴² Там же, с. 130.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 171.
- ⁴⁵ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 169.
- ⁴⁶ Там же, с. 128.
- ⁴⁷ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 21—23.
- ⁴⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 126.
- ⁴⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 168—170.
- ⁵⁰ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 126.
- ⁵¹ J. Raymond. Les wahabys..., с. 26.
- ⁵² J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 158.
- ⁵³ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 127.
- ⁵⁴ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 155—157.
- ⁵⁵ Там же, с. 157.
- ⁵⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 173.
- ⁵⁷ Там же, с. 127—128.
- ⁵⁸ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 119.
- ⁵⁹ Там же, с. 9.
- ⁶⁰ Там же, с. 90.
- ⁶¹ L. Pelly. A Visit..., с. 187.
- ⁶² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 172.
- ⁶³ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 138—139.
- ⁶⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 51.
- ⁶⁵ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 94.
- ⁶⁶ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 453.
- ⁶⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 131; Ибн Ганнам. Тарих, Ч. 2, с. 102.
- ⁶⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 287—288.
- ⁶⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 67, 130.
- ⁷⁰ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 172.
- ⁷¹ Там же, с. 132—133.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Лям аш-шихаб..., с. 102—104.
- ⁷⁴ Там же, с. 105—107.
- ⁷⁵ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 137; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 83.
- ⁷⁶ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 185.
- ⁷⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 166.

- ⁷⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 133.
- ⁷⁹ [Reinaud]. Auszug aus dem Briefe..., с. 241.
- ⁸⁰ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 131, 134.
- ⁸¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 91.
- ⁸² Там же, с. 15.
- ⁸³ Там же, с. 93—94.
- ⁸⁴ Там же, с. 127.
- ⁸⁵ Там же, с. 92.
- ⁸⁶ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 176.
- ⁸⁷ Лям аш-шихаб..., с. 111, 267.
- ⁸⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 249—250.
- ⁸⁹ Там же. Vol. 2, с. 136.
- ⁹⁰ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 379—380.
- ⁹¹ Там же. Vol. 2, с. 145.
- ⁹² Там же, с. 137, 139—140, 145—148.
- ⁹³ Ибн Санад. Тарих..., с. 31.
- ⁹⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 125.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 137.
- ⁹⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 126.
- ⁹⁸ Там же, с. 124.
- ⁹⁹ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 143.
- ¹⁰⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 124—126.
- ¹⁰¹ Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 279—280.
- ¹⁰² F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 174.
- ¹⁰³ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 149—150.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 150; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 452; ал-Джабарти. Египет..., с. 325—326.
- ¹⁰⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 13.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 214.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 4.
- ¹⁰⁸ Ибн Санад. Тарих..., с. 31.
- ¹⁰⁹ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 171.
- ¹¹⁰ Там же, с. 163.
- ¹¹¹ Там же, с. 105.
- ¹¹² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 128; см. также: J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 163.
- ¹¹³ Ибн Санад. Тарих..., с. 32.
- ¹¹⁴ J. Raymond. Les wahabys..., с. 9.
- ¹¹⁵ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 44.
- ¹¹⁶ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 105; vol. 2, с. 163.
- ¹¹⁷ Ali Bey. Travels. Vol. 2, с. 136.
- ¹¹⁸ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 1, с. 177.
- ¹¹⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 172.
- ¹²⁰ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 1, с. 177.
- ¹²¹ Ali Bey. Travels. Vol. 2, с. 136.
- ¹²² J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 165.
- ¹²³ Ибн Санад. Тарих..., с. 32.
- ¹²⁴ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 164.
- ¹²⁵ J. R. Rymond. Les wahabys..., с. 24—25.
- ¹²⁶ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 171.
- ¹²⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 167—168.

- ¹²⁸ Там же, с. 166; см. также: J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 170.
- ¹²⁹ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 11 — 12.
- ¹³⁰ J. Raymond. Les wahabys..., с. 8; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 180.
- ¹³¹ Этими слугами могли быть специальные погонщики верблюдов. У бедуинов было принято, что человек, «сидящий сзади» на верблюде, стерег животных во время битвы или угонял захваченный скот. Возможно, что ваххабиты изменили подобную тактику и обоих седоков превратили в активных воинов. Во всяком случае современники ваххабитского движения того периода ничего не писали о вспомогательном применении седоков, «сидящих сзади».
- ¹³² F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 178—179.
- ¹³³ Там же, с. 179—180.
- ¹³⁴ Ali bey. Travels. Vol. 2, с. 137.
- ¹³⁵ Ибн Ганнам. Тарих... Ч. 2, с. 53.
- ¹³⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 140.
- ¹³⁷ J. L. Burckhardt. Notes... Vol.
- ¹³⁸ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 178.
- ¹³⁹ [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 64.
- ¹⁴⁰ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 53—56.
- ¹⁴¹ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 179; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 179.
- ¹⁴² J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 53.
- ¹⁴³ Там же, с. 237.
- ¹⁴⁴ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 179.
- ¹⁴⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 171.
- ¹⁴⁶ Ибн Санад. Тарих..., с. 33; Ибн Бишр также придерживается этой цифры.
- ¹⁴⁷ «Журнал различных предметов словесности». 1805, т. 2, № 1, с. 30; [Reinaud]. Auszug aus dem Briefe..., с. 241; [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 118.
- ¹⁴⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 1, с. 106.
- ¹⁴⁹ Там же. Vol. 2, с. 168.
- ¹⁵⁰ Там же, с. 140—141.
- ¹⁵¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 79; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 140—141.
- ¹⁵² J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 140—141.
- ¹⁵³ Ali bey. Travels. Vol. 2, с. 139.
- ¹⁵⁴ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 141—214.
- ¹⁵⁵ Ибн Санад. Тарих..., с. 35.
- ¹⁵⁶ J. L. Burckhardt. Travels... Vol. 1, с. 355—360.
- ¹⁵⁷ Ал-Джабарты. Египет..., с. 211; см. также: J. L. Burckhardt. Travels... Vol. 1, с. 349.
- ¹⁵⁸ J. L. Burckhardt. Travels... Vol. 1, с. 25.
- ¹⁵⁹ Там же. Vol. 2, с. 208—209.
- ¹⁶⁰ Там же. Vol. 1, с. 233—234, 361—363, 377.

Глава V

- ¹ К. М. Базили. Сирия и Палестина... с. 79.
- ² J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 219; Абдуррахим. Ад-давя..., с. 284—285.
- ³ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 218—219; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 342—343, 450; M. Sabry. L'Empire Égyptien..., с. 46; Абдуррахим. Ад-давя..., с. 286—287.
- ⁴ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 342—343; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 220.

- ⁵ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 220—221; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 343—344.
- ⁶ Там же; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 223; ал-Джабарти. Египет..., с. 300; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 301.
- ⁷ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 359, 373; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 221.
- ⁸ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 131 — 134; [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 140; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 285—292.
- ⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 152—154. Несколько другие дошли этого события приводит Ибн Разик (Salil-ibn-Razik. History..., с. 318).
- ¹⁰ J. Raymond. Lts wahabys..., с. 31; [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 46.
- ¹¹ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 288.
- ¹² Абдурахим. Ад-давлә..., с. 362.
- ¹³ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 223—225; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 375 (у Ф. Манжена выступление Тусуна — октябрь 1811).
- ¹⁴ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 225; ал-Джабарти. Египет..., с. 317 (аль-Джабарти взятие Янбо относит на сентябрь).
- ¹⁵ Ал-Джабарти. Египет..., с. 317; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 375—376.
- ¹⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 155.
- ¹⁷ G. Finati. Narrative... Vol. 1, с. 136.
- ¹⁸ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 155—156; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 382.
- ¹⁹ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 384—385; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 155—156; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 2:111 232.
- ²⁰ Ал-Джабарти. Египет..., с. 320.
- ²¹ Там же, с. 325—326.
- ²² АВПР, ф. «Канцелярия». 1812, д. 2282, л. 128.
- ²³ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 384—388; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 237; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 157—158; ал-Джабарти. Египет... с. 321, 390.
- ²⁴ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 242—245; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 157; Абдурахим. Ад-давлә..., с. 295—296.
- ²⁵ Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 295.
- ²⁶ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 237—240; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 390—396; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 158—159; ал-Джабарти. Египет..., с. 346.
- ²⁷ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 390.
- ²⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 240—243.
- ²⁹ АВПР, ф. «Канцелярия». 1813, д. 2285, л. 67—68; Абдурахим пишет о 3 тыс. ушей (Ад-давлә..., с. 296).
- ³⁰ J. L. Burckhardt. Travels... 2, с. 286.
- ³¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 159; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 295.
- ³² F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 391—399; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 244—247; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 159—160; ал-Джабарти. Египет..., с. 391—393.
- ³³ АВПР, ф. «Канцелярия». 1813, д. 2285, л. 325.
- ³⁴ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 399—403; ал-Джабарти. Египет..., с. 393—398; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 296.
- ³⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 161; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 403—407; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 248—250.

- ³⁶ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 248; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 162; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 296.
- ³⁷ Ал-Джабарти. Египет..., с. 406—408. Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 296.
- ³⁸ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 162—163.
- ³⁹ Там же, с. 163; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям... с. 296; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 1, с. 407—408; vol. 2, с. 1—2; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 251.
- ⁴⁰ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 251—260; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 2—3; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 163; ал-Джабарти. Египет..., с. 450—451.
- ⁴¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 163; ал-Джабарти. Египет..., с. 451—456, 477; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 260—262; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 3—16.
- ⁴² F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 3—16; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 264—267; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 164—165; Абдурахим. Ад-давля..., с. 302—304.
- ⁴³ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 12—17; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 268—272; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 164; ал-Джабарти. Египет..., с. 463.
- ⁴⁴ G. Finati. Narrative... Vol. 1, с. 222—223; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 300.
- ⁴⁵ G. Finati. Narrative... Vol. 1, с. 226—232; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 17—19; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 274—277; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 177.
- ⁴⁶ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 252, 278, 280—284, 290—294, 304-305; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 26—29.
- ⁴⁷ Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 300.
- ⁴⁸ Там же; J. L. Burckhardt. Travels... Vol. I, с. 82; vol. 2, с. 33; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 286—287, 306.
- ⁴⁹ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 287; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 20, 27—29.
- ⁵⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 176; ал-Джабарти. Египет... с. 464; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 20.
- ⁵¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 165—166.
- ⁵² J. Raymond. Les wahabys..., с. 26; [L. A. Corancez]. Histoire..., с. 66.
- ⁵³ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 175.
- ⁵⁴ Там же, с. 178.
- ⁵⁵ Ал-Джабарти. Египет..., с. 483; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 300; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 286.
- ⁵⁶ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 290—292
- ⁵⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 179—181; ал-Джабарти. Египет..., с. 487—491; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 298—301; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 30—32; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 310—332.
- ⁵⁸ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 338—339; J. L. Burckhardt. Travels... Vol. 1, с. 133—136; M. Sabry. L'Empire Egyptien..., с. 48.
- ⁵⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 181—182; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 32—34; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 339—343.
- ⁶⁰ Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 301.
- ⁶¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 182—183; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 343—345; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 34—48; Абдурахим. Ад-давля..., с. 312.
- ⁶² F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 57; ал-Джабарти. Египет..., с. 510—511.
- ⁶³ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 184—185; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 346—356; F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 55—57.
- ⁶⁴ F. Mengin. Histoire de l'Égypte... Vol. 2, с. 56—57, 67—71.

- ⁶⁵ M. Sabry. L'Empire Egyptien..., с. 44—46.
- ⁶⁶ Там же, с. 49—50.
- ⁶⁷ Ал-Джабарти. Египет..., с. 638.
- ⁶⁸ G. F. Sadlier. Account..., с. 484; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol 2, с. 77—82; M. Sabry. L'Empire Egyptien..., с. 49.
- ⁶⁹ J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 356—357; Абдуррахим. Ад-давли..., с. 318.
- ⁷⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 185—186; ал-Джабарти. Египет..., с. 608; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 77—95; J. L. Burckhardt. Notes... Vol. 2, с. 456; G. F. Sadlier. Account..., с. 484—486.
- ⁷¹ G. F. Sadlier. Account..., с. 484—486; Ибн Бишр. Унван аль-маджд..., Ч. 1, с. 186—187.
- ⁷² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 187—188; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 98—104.
- ⁷³ G. F. Sadlier. Account..., с. 486.
- ⁷⁴ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 105; G. F. Sadlier. Account..., с. 486; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 188.
- ⁷⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 188—189; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 106—107.
- ⁷⁶ M. Sabry. L'Empire Egyptien..., с. 52.
- ⁷⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 197.
- ⁷⁸ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 107—111.
- ⁷⁹ Там же, с. 111 — 112; G. F. Sadlier. Account..., с. 487—488; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 189—191.
- ⁸⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 190—192.
- ⁸¹ Там же, с. 192—194; G. F. Sadlier. Account..., с. 488; F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 115—117.
- ⁸² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 194—195.
- ⁸³ G. F. Sadlier. Account..., с. 488.
- ⁸⁴ F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 118—131; G. F. Sadlier. Account..., с. 488; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 196—203; ал-Джабарти. Египет..., с. 634; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 302.
- ⁸⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 206—207. Судя по подробнейшим деталям многомесячного сражения под Эд-Дирьией, приведенным у недждийского летописца, он или сам находился в то время в столице, или же собирал сведения об этом событии у широкого круга лиц. Датой капитуляции Абдаллаха Ф. Манжен считал 9 сентября (F. Mengin. Histoire de l'Egypte... Vol. 2, с. 139—140). Это подтверждают данные Ибн Бишра, так как египтяне могли эту дату капитуляции города считать днем победы. Дж. Сэдльер называет 4 сентября (G. F. Sadlier. Account..., с. 488), а М. Сабри на основе неизвестных нам источников дает 15 сентября (M. Sabry. L'Empire Egyptien..., с. 55).
- ⁸⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 207.
- ⁸⁷ АВПР, ф. «Канцелярия». 1818, д. 2321, л. 439.
- ⁸⁸ Ал-Джабарти. Египет..., с. 636—637.
- ⁸⁹ АВПР, ф. «Канцелярия». 1818, д. 2321, л. 435.
- ⁹⁰ Абдуррахим. Ад-давли..., с. 400—401.
- ⁹¹ АВПР, ф. «Канцелярия». 1818, д. 2321, л. 479—480.
- ⁹² E. Rehatsek. The History..., с. 361.
- ⁹³ См.: К. М. Ашраф. Представители мусульманского Возрождения...
- ⁹⁴ Цит. по: К. М. Ашраф. Представители мусульманского Возрождения..., с. 145.
- ⁹⁵ Мады. Ан-нахдат... Ч. 1, с. 62—68.
- ⁹⁶ Н. А. Иванов. Марокко, с. 30—34.

- ¹ F. Mengin. *Histoire de l'Egypte...* Vol. 2, с. 136; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 202, 210, 212—213.
- ² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 115; G. F. Sadlier. *Account...*, с. 471.
- ³ G. F. Sadlier. *Diary...*, с. 158.
- ⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 213; F. Mengin. *Histoire de l'Egypte...* Vol. 2, с. 231; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 303; G. A. Wallin. *Narrative...*, с. 186.
- ⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. I, с. 213; F. Mengin. *Histoire de l'Egypte...* Vol. 2, с. 151, 158—162; G. F. Sadlier. *Account...*, с. 474, 486.
- ⁶ Ибн Санад Тарих..., с. 50; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 212—213.
- ⁷ F. Mengin. *Histoire de l'Egypte...* Vol. 2, с. 160—162; Weygand. *Histoire...* Vol. 1, с. 113—114.
- ⁸ H. Philby. *Saudi Arabia*, с. 148.
- ⁹ F. Mengin. *Histoire de l'Egypte...* Vol. 2, с. 160—162; Weygand. *Histoire...* Vol. 1, с. 113—114.
- ¹⁰ J. G. Lorimer. *Gazetteer...* Vol. 1, с. 197—200, 658—677. Подробности см. R. B. Winder. *Saudi Arabia*, с. 46—49.
- ¹¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч.
- ¹² G. F. Sadlier. *Account...*, с. 469.
- ¹³ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 210, 212—217; F. Mengin. *Histoire de l'Egypte...* Vol. 2, с. 158—159.
- ¹⁴ H. Philby. *Saudi Arabia*, с. 147—148.
- ¹⁵ Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 303, С. S. Hurgronje. *Mekka (1888)*, с. 161; M. Tamisier. *Voysge...* Vol. 1, с. 144—149.
- ¹⁶ Weygand. *Histoire...* Vol. 1, с. 168.
- ¹⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 217—219.
- ¹⁸ Там же, с. 218—219; A. Musil. *Northern Negd*, с. 270.
- ¹⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 56.
- ²⁰ Там же. Ч. 1, с. 220—222; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 303.
- ²¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 222; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 303.
- ²² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 224—225; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 303; A. Cevdet. *Tarih...* Т. 11, с. 190—191.
- ²³ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 226—227; A. Musil. *Northern Negd*, с. 270.
- ²⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 227.
- ²⁵ Там же; A. Musil. *Northern Negd*, с. 270.
- ²⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 230—232; A. Musil. *Northern Negd*, с. 271.
- ²⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 11, 56.
- ²⁸ Там же. Ч. 1, с. 231—232.
- ²⁹ Там же. Ч. 2, с. 11—12.
- ³⁰ Там же, с. 12; W. G. Palgrave. *Narrative...* Vol. 2, с. 62.
- ³¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 13—17, 27.
- ³² Там же, с. 17—19; W. G. Palgrave. *Narrative...* Vol. 2, с. 62—63.
- ³³ J. G. Lorimer. *Gazetteer...* Vol. 1, с. 1094; R. B. Winder. *Saudi Arabia...*, с. 65.
- ³⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 19—22, 62.
- ³⁵ Там же, с. 23—26.
- ³⁶ G. Wallin. *Narrative...*, с. 186.
- ³⁷ W. G. Palgrave. *Narrative...* Vol. 2, с. 18.
- ³⁸ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 26—30, 32—33.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Ч. 2, с. 32, 62; A. Musil. *Northern Negd*, с. 271.

- ⁴¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 32; Ф. Хамза. Кальб..., с. 141, 336; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1161.
- ⁴² Weygand. Histoire... Vol. 1, с. 169, 273.
- ⁴³ J. R. Wellsted. Travels to the City... Vol. 1, с. 384—387; 391—393, 395; F. Mengin. Histoire sommaire..., с. 35—36, 38, 40, 63; Weygand. Histoire... Vol. 2, с. 86—87; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 46.
- ⁴⁴ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 950—951, 954.
- ⁴⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 35—37; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 954.
- ⁴⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 37—38, 62—63.
- ⁴⁷ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 954—955.
- ⁴⁸ Там же, с. 856—857, 955—956, 1095; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 78—79.
- ⁴⁹ Salil-ibn-Razik. History..., с. LXXXI—LXXXII.
- ⁵⁰ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 687.
- ⁵¹ J. Saidana. Precis of Nejd, с. 9—10. — Цит. по: R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 79.
- ⁵² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 33—38.
- ⁵³ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 461; Salil – ibn – Razik. History..., с. LXXXIII; Memorial... Vol. 1, с. 161.
- ⁵⁴ Precis Regarding Muscat and its Relations with the Wahabee Power. — Цитируется Дж. Бэджером в его предисловии к Salil-ibn-Razik. History.... с. LXXXVI—LXXXVII.
- ⁵⁵ A. J. Wilson. The Persian Gulf..., с. 198.
- ⁵⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 38—39, 45, 48—49, 54; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1094.
- ⁵⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 44.
- ⁵⁸ Махмуд аль-Алюси. Тарих..., с. 97—100.
- ⁵⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 219; ч. 2, с. 28-30, 34, 38, 45.
- ⁶⁰ Там же. Ч. 2, с. 33, 39, 41; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1; J. R. Wellsted. Travels in Arabia... Vol. 2, с. 253.
- ⁶¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 44—47.
- ⁶² Мухаммед ан-Набхани. Ат-тухфа..., с. 154—155; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 48.
- ⁶³ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 857, 1095.
- ⁶⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 49.
- ⁶⁵ Ф. Хамза. Кальб..., с. 236.
- ⁶⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 54—57.
- ⁶⁷ R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 95.
- ⁶⁸ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 48—51.
- ⁶⁹ Там же, с. 51—53.
- ⁷⁰ Там же, с. 65—66; Memorial... Vol. 1, с. 170—171.
- ⁷¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 68—69; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 858, 956—957, 1097—1098.
- ⁷² J. R. Wellsted. Travels in Arabia. Vol. 1, с. 54—65, 96—97, 219, 223—224, 231; см. также: J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 454, 1098—1099, Memorial... Vol. 1, с. 173.
- ⁷³ M. Tamisier. Voyage... Vol. 1, с. 360, 362, 370; vol. 2, с. 82—83; F. Mengin. Histoire sommaire..., с. 93—95; Weygand. Histoire... Vol. 2, с. 88; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 68.
- ⁷⁴ F. Fresnel. L'Arabie, с. 251.
- ⁷⁵ M. Tamisier. Voyage... Vol. 2, с. 362; F. Fresnel. L'Arabie, с. 360.
- ⁷⁶ G. A. Wallin. Narrative..., с. 180—184; C. Guarmani. Northern Najd..., с. 88, 92; Ch. Huber. Journal..., с. 151.
- ⁷⁷ R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 101 — 104.

- ⁷⁸ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 67—68; H. Philby. Saudi Arabia, с. 172; Ch. Huber. Journal..., с. 158.
- ⁷⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 68—70; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1097; A. Cevdet. Tezakir... 1 — 12, с. 139.
- ⁸⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 69.
- ⁸¹ Там же, с. 70; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. I, с. 1097; F. Mengin. Histoire sommaire..., с. 95; R. V. Winder. Saudi Arabia..., с. 108.
- ⁸² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 70.
- ⁸³ H. Philby. Saudi Arabia, с. 176.
- ⁸⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 69—72; F. Mengin. Histoire sommaire..., с. 95.
- ⁸⁵ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1097.
- ⁸⁶ См. подробнее R. V. Winder. Saudi Arabia..., с. 110—111; Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 72; Ф. Хамза. Кальб..., с. 342; A. Musil. Northern Negd, с. 272.
- ⁸⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 72—73.
- ⁸⁸ Там же, с. 72.
- ⁸⁹ Там же, с. 73—74, 79—80.
- ⁹⁰ Там же, с. 74—76; A. Musil. Northern Negd, с. 272.
- ⁹¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 77.
- ⁹² Там же, с. 80—81; A. Musil. Northern Negd, с. 272; Ф. Хамза. Кальб..., с. 336, 342.
- ⁹³ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 81.
- ⁹⁴ H. Philby. Arabia of the Wahhabis, с. 170.
- ⁹⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 81—84; E. F. Jomard. Etudes... с. 239—241; R. V. Winder. Saudi Arabia..., с. 118—120.
- ⁹⁶ R. V. Winder. Saudi Arabia..., с. 121.
- ⁹⁷ A. Musil. Northern Negd, с. 273.
- ⁹⁸ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1099.
- ⁹⁹ R. V. Winder. Saudi Arabia..., с. 122—123.
- ¹⁰⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 1, с. 85—86; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 957—958.
- ¹⁰¹ Там же, с. 862.
- ¹⁰² Там же, с. 862—865; R. V. Winder. Saudi Arabia..., с. 125—128.
- ¹⁰³ Там же, с. 127—128.
- ¹⁰⁴ Weygand. Histoire... Vol. 2, с. 89.
- ¹⁰⁵ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1009.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 457; R. V. Winder. Saudi Arabia..., с. 129—131.
- ¹⁰⁷ F. Fresnel. L'Arabie, с. 250; R. V. Winder. Saudi Arabia..., с. 131.
- ¹⁰⁸ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 89; E. Driault. L'Egypte et L'Europe... Vol. 2, с. 176, 190, 323; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1104—1105; A. Cevdet. Tezakir... 1 — 12, с. 139—140.

Глава VII

- ¹ A. Cevdet. Tezakir... 1 — 12, с. 139—140.
- ² J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1104—1105; R. V. Winder. Saudi Arabia... с. 112.
- ³ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 91—92.
- ⁴ Там же, с. 90—91. J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 705—706, 867, 959 — 960, 1106 — 1107; другие источники указывает Р. Уиндер (R. V. Winder. Saudi Arabia..., с. 136).
- ⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 92—93, 95; A. Blunt. A Pilgrimage..., с. 263; A. Musil. Northern Negd, с. 273; Ф. Хамза. Кальб..., с. 272—273; Ф. Хамза. Кальб..., с. 272—273.

- ⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 96; J. G. Lorimer. Gazetteer.. Vol. 1, с. 1105—1106; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 312; A. Musil. Northern Negd, с. 273; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 139—140.
- ⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 97; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. I, с. 706, 867—870, 1108; ан-Набхани. Ат-тухфа..., с. 159.
- ⁸ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 97.
- ⁹ Цит. по: R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 142.
- ¹⁰ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 99; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям... с. 312—313; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 142.
- ¹¹ G. A. Wallin. Narrative..., с. 182.
- ¹² Там же, с. 179.
- ¹³ R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 143—147; Ибн Бишр. Унван аль маджд... Ч. 2, с. 99—103; Ахмед Дахлан. Хуласат аль-калям..., с. 113; ар-Рейхани. Тарих..., с. 81.
- ¹⁴ H. Philby. Saudi Arabia, с. 193—194.
- ¹⁵ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 108—110; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 866—875.
- ¹⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 111 — 112; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 152—153.
- ¹⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 111, 113.
- ¹⁸ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2. с. 42.
- ¹⁹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 112; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 154—155.
- ²⁰ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1111.
- ²¹ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 114, 117; G. A. Wallin. Narrative..., с. 146, 149; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 155—156.
- ²² Ch. Huber. Voyage... BSG. Vol. 6, с. 147.
- ²³ Там же. Vol. 5, с. 494; Vol. 6, с. 147—148.
- ²⁴ Там же. Vol., с. 494; Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, с. 340—341, 357
- ²⁵ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, с. 337, 395, 416, 433—434, 443—444; Ch. Huber. Voyage... BSG. Vol. 5, с. 494.
- ²⁶ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, с. 357.
- ²⁷ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 114—115.
- ²⁸ Там же, с. 124.
- ²⁹ Там же, с. 123.
- ³⁰ Там же, с. 125.
- ³¹ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, с. 377—378; H. Philby. Arabia of the Wahhsbis, с. 161, 383—392.
- ³² Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 127.
- ³³ В целом по делам в Касиме см.: Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 119—130; W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 1, с. 168—169- R B Winder Saudi Arabia..., с. 157—165.
- ³⁴ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, с. 458.
- ³⁵ Там же, с. 459.
- ³⁶ Ch. Huber. Journal..., с. 493; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 165—168
- ³⁷ R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 168; J. G. Lorimer. Gazetteer. Vol .1, с. 2519; W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 1 с. 407
- ³⁸ R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 169—170.
- ³⁹ Там же, с. 170—171. Г. Филби это сражение относит к 1859 г. (H. Philby. Saudi Arabia..., с. 208).
- ⁴⁰ R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 171 — 172.
- ⁴¹ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, с. 459; H. Philby. Saudi Arabia... с. 313; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 173—174.
- ⁴² Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, с. 459—463.

- ⁴³ W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 2, с. 109.
- ⁴⁴ Подробнее о «второй войне» см. W. G. Palgrave. Narrative. Vol. 2, с. 108—111, 171 — 174, 249—250; C. Guarmani. Northern Naid..., с. 93; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 174—178.
- ⁴⁵ С. S. Hurgronje. Мекка (1888), с. 164.
- ⁴⁶ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 114—115.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1110—1111; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 182.
- ⁴⁹ A. Cevdet. Tezakir... 1 — 12, с. 140.
- ⁵⁰ Т. Е. Marston. Britain's Imperial Role..., с. 149—152, 157—159; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 182—183.
- ⁵¹ G. de Gaury. Rulers of Мекка, с. 248—249.
- ⁵² Т. Е. Marston. Britain's Imperial Role..., с. 162—163, 216—217; A. Cevdet. Tezakir... 1 — 12, с. 101 — 129.
- ⁵³ G. de Gaury. Rulers of Мекка, с. 252.
- ⁵⁴ R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 207.
- ⁵⁵ Цит. по: R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 207.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1116.
- ⁵⁸ L. Pelly. Report on a Journey... с. 51.
- ⁵⁹ Там же, с. 52.
- ⁶⁰ L. Pelly. Report on the Tribes... с. 65, 69.
- ⁶¹ L. Pelly. Report on a Journey, с. 57.
- ⁶² J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1111.
- ⁶³ Там же, с. 877—880, 961, 1111 — 1112; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 185— 186.
- ⁶⁴ Ибн Бишр. Унван аль-маджд... Ч. 2, с. 130—132; Memorial... Vol. I, с. 207; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 800, 961—962, 1112; ан-Набхани. Ат-тухфа... 163—164; Salil-ibn-Razik. History..., с. XC.
- ⁶⁵ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 885.
- ⁶⁶ R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 189.
- ⁶⁷ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 887—890; C. U. Aitchison. A. Collection..., с. 185, 192; R. B. W i n der. Saudi Arabia..., с. 190—191.
- ⁶⁸ Ан-Набхани. Ат-тухфа..., с. 183—184; см. также J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 892—893, 899, 1113.
- ⁶⁹ Цит. по: R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 192.
- ⁷⁰ События, связанные с Оманом, излагаются по Р. Уиндеру, который использовал недоступные автору этой работы источники (R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 192-203)
- ⁷¹ L. Pelly. Report on a Journey..., с. 35, 49; W. G. Palgrave. Narrstive... Vol. 2, с. 98.
- ⁷² H. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 1, с. 99; H. Philby. Arabia of the Wahhabis, с. 141.
- ⁷³ R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 225.
- ⁷⁴ L. Pelly. Report on a Journey..., с. 7.
- ⁷⁵ Цит. по: R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 225—226.
- ⁷⁶ L Pelly. Report on a Journey..., с. 55.
- ⁷⁷ W. G. Palgrave. Narrstive... Vol. 1, с. 407—409.
- ⁷⁸ H. Philby. Saudi Arabia, с. 194—195; R. B. Winder. Saudi Arabia..., с. 209.
- ⁷⁹ W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 1, с. 399; vol. 2, с. 189.
- ⁸⁰ L. Pelly. Report on a Journey..., с. 92—93, Memorial... Vol. 2, с. 323—330.
- ⁸¹ Memorial... Vol. 1, с. 139—140; L Pelly. Report on a Journey..., с. 28—29.
- ⁸² L. Pelly. Report on a Journey..., с. 92—93.
- ⁸³ Там же, с. 34.

⁸⁴ W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 2, c. 86.

⁸⁵ L. Pelly. A Visit..., c. 188.

⁸⁶ L. Pelly. Report on a Journey..., c. 11, 91; W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 2, c. 178—179; S. M. Zwemer. Arabia..., c. 115—116.

⁸⁷ D. G. Hogarth. The Penetration... c. 150, 160, 267, 277; L. Pelly. A Visit..., c. 188; C. Guarmani. Northern Najd... c. 42; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 2335—2340; A. Blunt. A Pilgrimage... Vol. 1, c. 255; vol. 2, c. 2—3.

⁸⁸ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 2220—2293.

Глава VIII

¹ X. Вахба. Джазират аль-араб..., c. 244.

² W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 2, c. 73—74.

³ H. Philby. Saudi Arabia, c. 218.

⁴ L. Pelly. Report on a Journey..., c. 76.

⁵ H. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 1, c. 99; он же. Arabia of the Wahhabis, c. 141.

⁶ L. Pelly. Report on a Journey..., c. 33—34.

⁷ R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 231.

⁸ L. Pelly. Report on a Journey..., c. 52.

⁹ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 473—476, 1121 — 1125; Salil-ibn-Razik. History..., c. C — CIV ; C. U. Aitchison. A Collection..., c. 185; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 232—234.

¹⁰ R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 234—237.

¹¹ Memorial... Vol. 2, c. 144.

¹² J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 1125; S. H. Longrigg. Four Centuries..., c. 302; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 237—238.

¹³ H. Philby. Saudi Arabia, c. 218.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, c. 219—220; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 238—239.

¹⁶ H. Philby. Saudi Arabia, c. 220.

¹⁷ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 892—902; ан-Набхани. Ат-тухфа... c. 191; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 245.

¹⁸ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 726—727; Memorial... Vol. 1, c. 244; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 245—247.

¹⁹ R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 247.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, c. 248.

²² Ар-Рейхани, Тарих..., c. 84; ан-Набхани. Ат-тухфа..., c. 239—240; Salil-ibn-Razik. History..., c. CXV—CXVI; L. Pelly. Report on a Journey..., c. 76; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 1128.

²³ H. Philby. Saudi Arabia, c. 159; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 244.

²⁴ Цит. по: R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 242.

²⁵ H. Philby. Arabia of the Wahhabis, c. 135—136; A. Musil. Northern Negd, c. 240.

²⁶ W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 1, c. 203.

²⁷ A. Blunt. A Pilgrimage..., c. 194.

²⁸ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, c. 41—42.

²⁹ W. G. Palgrave. Narrative... Vol. I, c. 174.

³⁰ A. Musil. Northern Negd, c. 239.

³¹ W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 1, c. 130.

³² Там же, c. 128; C. Guarmani. Northern Najd..., c. 53—54; Ch. Huber. Voyage... BSG. Vol. 5, c. 357.

³³ G. A. Wallin. Narrative..., c. 179.

- ³⁴ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, c. 485; A. Musil. Northern Negd, c. 274.
- ³⁵ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 1163—1165; Ch. Huber. Journal..., c. 190; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 242—244.
- ³⁶ H. Philby. Saudi Arabia, c. 224.
- ³⁷ C. Guarmani. Northern Najd..., c. 90—91; Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, c. 20; H. Philby. Arabia, c. 196; Ch. Huber. Voyage... BSG. Vol. 6, c. 140, 141, 146.
- ³⁸ W. F. Blunt. A Visit to Jebel Shammar: Nejd, PRGS. 1880, vol. 2, c. 88.
- ³⁹ G. A. Wallin. Narrative..., c. 180; C. Guarmani. Northern Najd..., c. 91; Ch. Doughty. Travels... Vol. 1, c. 23, 33, 35, 52; Ch. Huber. Voyage.. BSG. Vol. 5, c. 354.
- ⁴⁰ R. Montagne. Notes..., c. 78; он же. La civilisation..., c. 156.
- ⁴¹ Ch. D o u g h t y. Travels.: Vol. 1, c. 588; E. Nolde. Reise Nach Innerarabien. c. 80,86,89; R. M o n t a g n e. Notes...,c. 78; он же. La civilisation..., c. 155—156.
- ⁴² G. A. Wallin. Narrative..., c. 180; J. Euting. Reise in Innerarabien... Vol. 1, c. 200—201; Ch. Doughty. Travels... Vol. 1, c. 610.
- ⁴³ G. A. Wallin. Notes..., c. 43; он же. Narrative... c. 179—180.
- ⁴⁴ G. A. Wallin. Narrative..., c. 80; C. Guarmani. Northern Najd..., c. 46—48; J. Euting. Reise in Innerarabien... Vol. 1, c. 203.
- ⁴⁵ E. Nolde. Reise Nach Innerarabien..., c. 34; W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 1, c. 109.
- ⁴⁶ См. подробно: А. И. Першиц. Хозяйство..., c. 178—179.
- ⁴⁷ C. Guarmani. Northern Najd..., c. 91.
- ⁴⁸ E. Nolde. Reise Nach Innerarabien..., c. 84.
- ⁴⁹ Ch. Huber. Voyage... BSG. Vol. 5, c. 357; J. Euting. Reise in Innerarabien... Vol. 1, c. 177; E. Nolde. Reise Nach Innerarabien..., c. 36.
- ⁵⁰ H. Philby. Saudi Arabia, c. 219; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 248—249.
- ⁵¹ R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 249—250.
- ⁵² Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, c. 50.
- ⁵³ R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 250—251.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Цит. по: R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 251.
- ⁵⁷ S. H. Longrigg. Four Centuries..., c. 302; A. Midhat. The Life..., c. 56—57; A. Blunt. A Pilgrimage... Vol. 2, c. 266; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 252.
- ⁵⁸ A. Blunt. A Pilgrimage... Vol. 2, c. 266—267.
- ⁵⁹ Ар-Рейхани. Тарих..., c. 84; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 253—254; A. Midhat. The Life..., c. 55, 61—62.
- ⁶⁰ R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 255.
- ⁶¹ A. Blunt. A Pilgrimage... Vol. 2, c. 266; Memorial... Vol. 1, c. 257; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 255.
- ⁶² См.: R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 256.
- ⁶³ Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, c. 368; A. Musil. Northern Negd, c. 274; ар-Рейхани. Тарих..., c. 85; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 1132, 1133.
- ⁶⁴ H. Philby. Saudi Arabia, c. 224—225.
- ⁶⁵ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. I, c. 808, 971, 1131 —1132; W. G. Palgrave. Narrative... Vol. 1, c. 99; vol. 2, c. 116.
- ⁶⁶ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 914, 917; ар-Рейхани. Тарих..., c. 85; A. Blunt. A Pilgrimage... Vol. 2, c. 267; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 259—260.
- ⁶⁷ R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 260—261.
- ⁶⁸ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 1 132; Ch. Doughty. Travels... Vol. 2, c. 51, 453—455; R. B. Winder. Saudi Arabia..., c. 260—261.
- ⁶⁹ H. Philby. Saudi Arabia, c. 226; ар-Рейхани. Тарих..., c. 86; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, c. 1134, 1137.
- ⁷⁰ H. Philby. Saudi Arabia, c. 226.

- ⁷¹ J. G. Lorimer. *Gazetteer...* Vol. 1, с. 983; *Memorial...* Vol. 1, с. 267.
- ⁷² R. B. Winder. *Saudi Arabia...*, с. 263—264.
- ⁷³ Ch. Doughty. *Travels...* Vol. 2, с. 455.
- ⁷⁴ A. Blunt. *A Pilgrimage...* Vol. 1, с. 119; vol. 2, с. 268.
- ⁷⁵ Ch. Huber. *Journal...*, с. 114.
- ⁷⁶ R. B. Winder. *Saudi Arabia...*, с. 266. Но относительно точной даты рождения основателя современной Саудовской Аравии есть расхождения.
- ⁷⁷ Ф. Хамза. *Аль-бияд...*, с. 3, 5—10; аль-Мухтар. *Тарих...* Ч. 2, с. 18; G. Kheirallah. *Arabia Reborn...*, с. 74.
- ⁷⁸ Ch. Huber. *Journal...*, с. 162; ар-Рейхани. *Тарих...*, с. 87; Ch. D o u g h t y. *Travels...* Vol. 2, с. 38, 51, 307, 315, 338, 394, 456; R. B. Winder. *Saudi Arabia...*, с. 267.
- ⁷⁹ H. Philby. *Saudi Arabia*, с. 229; ар-Рейхани. *Тарих...*, с. 87.
- ⁸⁰ H. Philby. *Saudi Arabia*, с. 229—230; Ch. Huber. *Journal...*, с. 650, 670, 720.
- ⁸¹ H. Philby. *Saudi Arabia*, с. 230.
- ⁸² Ар-Рейхани. *Тарих...*, с. 88; J. G. Lorimer. *Gazetteer...* Vol. 1, с. 1137; A. Musil. *Northern Negd*, с. 278; Ф. Хамза. *Аль-бияд...*, с. 6; X. Вахба. *Джазират аль-араб...*, с. 235—236. Г. Филби допускает странную ошибку, относя эти события к 1885 г. (H. Philby. *Saudi Arabia...*, с. 231). Российский консул в Басре А. Адамов это событие относит к 1886 г. (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе». 1902, д. 1265, л. 84).
- ⁸³ Ар-Рейхани. *Тарих...*, с. 88.
- ⁸⁴ R. B. Winder. *Saudi Arabia...*, с. 272—273.
- ⁸⁵ Ар-Рейхани. *Тарих...*, с. 88—89; R. B. Winder. *Saudi Arabia...*, с. 273. Г. Филби опять почему-то дает ошибочную дату, переставляя на два года назад все эти события (H. Philby. *Saudi Arabia*, с. 232).
- ⁸⁶ H. Philby. *Saudi Arabia*, с. 232; R. B. Winder. *Saudi Arabia...*, с. 27.1,
- ⁸⁷ H. Philby. *Saudi Arabia*, с. 232.
- ⁸⁸ Ар-Рейхани. *Тарих...*, с. 88—89; A. Musil. *Northern Negd*, с. 278- 279, R. B. Winder. *Saudi Arabia...*, с. 274—275.
- ⁸⁹ A. Musil. *Northern Negd*, с. 279.
- ⁹⁰ Там же, с. 279—280; H. Philby. *Arabia of the Wahhabis*, с. 272—273; J. G. Lorimer. *Gazetteer...* Vol. 1, с. 1177; X. Вахба. *Джазират аль-араб...*, с. 237.
- ⁹¹ Ар-Рейхани. *Тарих...*, с. 91; H. Philby. *Saudi Arabia*, с. 235—239; J. G. Lorimer. *Gazetteer...* Vol. 1, с. 1140; R. B. Winder. *Saudi Arabia...*, с. 277- 278.
- ⁹² H. Philby. *Saudi Arabia*, с. 235—236.
- ⁹³ A. Rihani. *Ibn Saoud...*, с. 218.
- ⁹⁴ A. Musil. *Zur Zeitgeschichte...*, с. 68.
- ⁹⁵ А. И. Першиц. *Хозяйство...*, с. 202.
- ⁹⁶ Цит. по: аз-Зирикли. *Шибх аль-джазира*. с. 85
- ⁹⁷ Там же, с. 119.
- ⁹⁸ J. G. Lorimer. *Gazetteer...* Vol. 1. с. 1 170.
- ⁹⁹ Г. Л. Бондаревский. *Английская политика...*, с. 17
- ¹⁰⁰ Там же, с. 34.
- ¹⁰¹ G. Troeller. *The Birth of Saudi Arabia*, с. 3; Г. Л. Бондаревский. *Английская политика...* с. 15—45
- ¹⁰² G. Troeller. *The Birth of Saudi Arabia*, с. 3.
- ¹⁰³ Г. Л. Бондаревский. *Английская политика...*, с. 208; G. Troeller. *The Birth of Saudi Arabia*, с. 3.
- ¹⁰⁴ G. Troeller. *The Birth of Saudi Arabia*, с. 11.
- ¹⁰⁵ G. de Gaury. *Rulers of Mecca*, с. 253.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 254—260
- ¹⁰⁷ Там же, с. 260.

¹⁰⁸ Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 89. Г. Филби ошибочно дает 1894 г. (Н. Philby. Saudi Arabia, с. 236).

¹⁰⁹ Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 105—107.

¹¹⁰ Там же, с. 109, 114; Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 85—86; С. U. Aitchison. A Collection... Vol. 9, с. 262; J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1049—1050.

¹¹¹ Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 143—148

¹¹² Н. Philby. Saudi Arabia, с. 237—238.

Глава IX

¹ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 238.

² Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 217.

³ Там же, с. 218—221; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе». 1901. д. 1244 л. 221—224.

⁴ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 238.

⁵ А. Адамов. Ирак Арабский..., с. 471.

⁶ Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 234—235.

⁷ Ибн Рашид. Нубза..., с. 58—60; Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 86; А. Адамов. Ирак Арабский..., с. 471; АВПР, ф. «Политархив». 1901 д. 364; J.G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, с. 1029; Н. Philby. Saudi Arabia с. 238.

⁸ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 238; аль-Бассам. Тухфат..., с. 358—359.

⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе». 1902 д. 1265 с. 94

¹⁰ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 239.

¹¹ АВПР, ф. «Политархив». 1901, д. 3195, л. 34; ф. «Посольство а Константинополе». 1901, д. 1245, л. 172.

¹² Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 292.

¹³ АВПР, ф. «Политархив». 1901, оп. 482, д. 364, л. 7.

¹⁴ Н. Philby. Arabia, с. 170—171; Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 357—358.

¹⁵ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 57—60; ар-Рейхани. Тарих..., с. 110.

¹⁶ Эпизод с захватом Эр-Рияда описан и в арабской, и в западной литературе. Здесь использованы: Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 57—60; Ф. Хамза. Аль-бияд..., с. 12—16; ар-Рейхани. Тарих..., с. 108—113; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 97—102; Н. Philby. Saudi Arabia, 239.

¹⁷ Ибн Рашид. Нубза..., с. 117—118.

¹⁸ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 62—63; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 129—130; аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 199; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 239—241.

¹⁹ G. Bell. The Arab War, с. 9.

²⁰ Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 418—419.

²¹ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 62—63; аль-Бассам. Тухфат..., с. 361—362.

²² Ибн Хизлюль. Тарих... с. 63—64; аль-Бассам. Тухфат... с. 362—363; ар-Рейхани. Тарих..., с. 115—118; G. Bell. The Arab War, с. 240—242.

²³ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 64—65; аль-Бассам. Тухфат..., с. 363; ар-Рейхани. Тарих..., с. 123; G. Bell. The Arab War, с. 242.

²⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе». 1903, д. 1266, л. 36—38.

²⁵ АВПР. ф. «Политархив», 1902, оп. 482, д. 365, л. 13—14; J. G. Lorimer. Gazetteer..., Vol. 1, p. 2, с. 1145—1146. Лоример утверждал, что встречу якобы провел Абд аль-Азиз.

²⁶ Аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 200—201; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 65; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе». 1903, д. 1266, л. 38—39.

²⁷ Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 393—394.

²⁸ АВПР. ф. «Политархив». 1903, оп. 482, д. 366, л. 2.

²⁹ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 65—66; аль-Бассам. Тухфат..., с. 364—368.

- ³⁰ Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 427, 495—497.
- ³¹ J. G. Lorimer. Gazetteer..., Vol. 1, p. 2, с. 1146; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 243—244.
- ³² Аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 201—202; аль-Бассам. Тухфат..., с. 369—370; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 244—245.
- ³³ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 69.
- ³⁴ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 245; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 70.
- ³⁵ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 244—245; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 69; аль-Бассам. Тухфат..., с. 370—371.
- ³⁶ D. Howarth. The Desert King, с. 37—38.
- ³⁷ Аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 202.
- ³⁸ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 69; аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 202; аль-Бассам. Тухфат..., с. 371; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 245.
- ³⁹ Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 431.
- ⁴⁰ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 245; аль-Бассам. Тухфат..., с. 371.
- ⁴¹ Ар-Рейхани. Тарих..., с. 125—126; аль-Бассам. Тухфат..., с. 371.
- ⁴² Аль-Бассам. Тухфат..., с. 377—379; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 155—157.
- ⁴³ G. Troeller. The Birth of Saudi Arabia, с. 28—29.
- ⁴⁴ Г. Л. Бондаревский. Английская политика..., с. 432—433.
- ⁴⁵ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 69—70.
- ⁴⁶ Ибн Рашид. Нубза..., с. 120.
- ⁴⁷ Ар-Рейхани. Тарих..., с. 126; аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 203.
- ⁴⁸ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, p. 2, с. 1147—1148.
- ⁴⁹ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 246; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 71; аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 203—204; ар-Рейхани. Тарих..., с. 126—131; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 150—151; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 246—247.
- ⁵⁰ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 71—73; аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 203—204; аль-Бассам. Тухфат..., с. 373.
- ⁵¹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 164.
- ⁵² АВПР, ф. «Политархив». 1905, оп. 482, д. 368, л. 2—3; J. G. Lorimer, Gazetteer... Vol. 1, p. 2, с. 1148—1149.
- ⁵³ АВПР, ф. «Политархив». 1905, оп. 482, д. 368, л. 4.
- ⁵⁴ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 74; аль-Бассам. Тухфат..., с. 374—375; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 167.
- ⁵⁵ АВПР, ф. «Политархив». 1905, оп. 482, д. 368, л. 10; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 73; аль-Бассам. Тухфат..., с. 375; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 167.
- ⁵⁶ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 169.
- ⁵⁷ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, p. 2, с. 1149—1150.
- ⁵⁸ Там же, с. 1150.
- ⁵⁹ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 248; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 73—74.
- ⁶⁰ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 73—74; аль-Бассам. Тухфат..., с. 375.
- ⁶¹ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 76—77.
- ⁶² АВПР, ф. «Политархив». 1906, оп. 482, д. 369, л. 9; Ибн Рашид. Нубза..., с. 121 — 133; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 76—77; ар-Рейхани. Тарих..., с. 138—142; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 250.
- ⁶³ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, p. 2, с. 1152; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 250.
- ⁶⁴ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 80; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 250.
- ⁶⁵ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, p. 2, с. 1152—1153.
- ⁶⁶ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 80—81.
- ⁶⁷ J. G. Lorimer. Gazetteer... Vol. 1, p. 2, с. 1153—1154.
- ⁶⁸ Там же, с. 1154.
- ⁶⁹ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 83.

- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ J. G. Lorimer. *Gazetteer...* Vol. 1, p. 2, с. 1154—1155.
- ⁷² Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 83.
- ⁷³ Аль-Бассам. *Тухфат...*, с. 381.
- ⁷⁴ J. G. Lorimer. *Gazetteer...* Vol. 1, p. 2, с. 1155—1156.
- ⁷⁵ Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 83.
- ⁷⁶ Ар-Рейхани. *Тарих...*, с. 143—150.
- ⁷⁷ Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 251—253; ад-Дахиль. *Аль-кауль...*, с. 155—156; ар-Рейхани. *Тарих...*, с. 160; S. S. Butler, *Baghdad...*, с. 517—535.
- ⁷⁸ Ад-Дахиль. *Аль-кауль...*, с. 156—157.
- ⁷⁹ Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 253—254, 256; ад-Дахиль, *Аль-кауль...*, с. 156—157; ар-Рейхани. *Тарих...*, с. 266.
- ⁸⁰ Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 84—85; аль-Бассам. *Тухфат...*, с. 384.
- ⁸¹ Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 85. Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 252.
- ⁸² Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 86—87; аль-Бассам. *Тухфат...*, с. 384—385.
- ⁸³ Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 88—89.
- ⁸⁴ Г. Филби относит его смерть к январю 1908 г. (Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 251), но аль-Бассам называет июнь 1908 г. (аль-Бассам. *Тухфат...*, с. 387).
- ⁸⁵ Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 254.
- ⁸⁶ Аль-Бассам. *Тухфат...*, с. 385—388.
- ⁸⁷ А. Musil. *The Northern Negaz*, с. 22—31.
- ⁸⁸ Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 91; аль-Бассам, *Тухфат...*, с. 386—387.
- ⁸⁹ Ар-Рейхани. *Тарих...*, с. 173—174; аз-Зирикли. *Шибх аль-джазира...*, с. 195; аль-Бассам. *Тухфат...*, с. 389; Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 256.
- ⁹⁰ Аль-Бассам. *Тухфат...*, с. 389; Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 255; G. E. Leachman. *A Journey...*, с. 266—267.
- ⁹¹ А. Musil. *Arabia Deserta*, с. 117, 142—143, 159, 285.
- ⁹² Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 257; Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 92-94; аль-Бассам. *Тухфат...*, с. 389.
- ⁹³ Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 258.
- ⁹⁴ Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 94.
- ⁹⁵ J. G. Lorimer. *Gazetteer...* Vol. 1, p. 2, с. 1151.
- ⁹⁶ Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 95.
- ⁹⁷ Аз-Зирикли. *Шибх аль-джазира...*, с. 189.
- ⁹⁸ G. Troeller. *The Birth of Saudi Arabia*, с. 36.
- ⁹⁹ G. de Gaury, *Faisal...*, с. 13.
- ¹⁰⁰ С. U. Aitchison. *A Collection...*, с. 187.
- ¹⁰¹ Ph. Graves. *The Life...*, с. 92.
- ¹⁰² Х. Вахба. *Джазират аль-араб...*, с. 254—255; С. U. Aitchison. *A Collection...*, с. 187—188; J. G. Lorimer. *Gazetteer...* Vol. 1, p. 2, с. 1158.
- ¹⁰³ С. U. Aitchison. *A Collection...*, с. 188; аль-Бассам. *Тухфат...*, с. 392.
- ¹⁰⁴ Насыф. *Мады аль-хиджаз...*, с. 18—19.
- ¹⁰⁵ Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 96—98; аз-Зирикли. *Шибх аль-джазира...*, с. 197; Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 259.
- ¹⁰⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе». Басра, 1912, д. 1274, карт. 3, л. 19.
- ¹⁰⁷ Ибн Хизлюль. *Тарих...*, с. 98. Видимо, Г. Филби первый поход шерифа и второй объединяет в один.
- ¹⁰⁸ «Люгат аль-араб». 1912, август, с. 74.
- ¹⁰⁹ А. Musil. *Northern Negd*, с. 284.
- ¹¹⁰ Н. Dickson. *Kuwait...*, с. 149.
- ¹¹¹ Там же, с. 153, 156.
- ¹¹² «Люгат аль-араб». 1913, май, с. 481 — 488.

- ¹¹³ «Умм аль-кура», 1. III.1929.
- ¹¹⁴ «Люгат аль-араб». 1912, сентябрь, с. 120.
- ¹¹⁵ «Люгат аль-араб». 1913, май, с. 481—488.
- ¹¹⁶ Н. Dickson. Kuwait..., с. 155—156; см. также; С. А. Nallino. Raccolta... Vol. 1, с. 118.
- ¹¹⁷ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 109.
- ¹¹⁸ Н. Dickson. Kuwait..., с. 250.
- ¹¹⁹ D. van der Meulen. The Wells of Ibn Saud, с. 66; Ph. Leppen, Expedition..., с. 187.
- ¹²⁰ «Умм аль-кура», 1.III.1929.
- ¹²¹ Н. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 2, с. 41—42; «Умм аль-кура», 20. IX. 1930.
- ¹²² Аль-Мадани. Фиркат..., с. 41.
- ¹²³ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 263—264; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 261.
- ¹²⁴ А. Rihani. Ibn Saoud..., с. 191.
- ¹²⁵ Там же, с. 194; Н. Dickson. The Arab of the Desert, с. 109.
- ¹²⁶ «Люгат аль-араб». 1913, май, с. 482—483.
- ¹²⁷ С. D. Forde. The Habitat..., с. 215—216; А. Musil. Northern Negd, с. 281 — 282.
- ¹²⁸ X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 50; А. Rihani. Ibn Saoud..., с. 202—203.
- ¹²⁹ Н. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 1, с. 297; Н. Philby. Arabia of the Wahhabis, с. 10—12; Н. Philby. Arabia, с. 225; А. Rihani. Ibn Saoud..., с. 194, 202 — 203.
- ¹³⁰ А. И. Першиц. Хозяйство..., с. 211—212.
- ¹³¹ X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 126.
- ¹³² А. Musil. Arabia Deserta, с. 427.
- ¹³³ Н. Dickson. Kuwait с. 156.
- ¹³⁴ G. de Gaury. Faisal..., с. 15.
- ¹³⁵ Н. Dickson. Kuwait..., с. 155.
- ¹³⁶ Там же, с. 156.
- ¹³⁷ Ал-Мадани. Фиркат..., с. 34 — 35; «Люгат аль-араб». 1913, ноябрь с. 277—278.
- ¹³⁸ Аль-Марик. Лямахат..., с. 56 — 60.
- ¹³⁹ Н. Dickson. The Arab of the Desert, с. 232.
- ¹⁴⁰ Н. Dickson. Kuwait..., с. 249; аль-Мадани. Фиркат..., с. 35 — 39; X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 294 — 295
- ¹⁴¹ Н. Dickson. Kuwait..., с. 153.
- ¹⁴² «Люгат аль-араб». 1913, февраль, с. 360.
- ¹⁴³ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 266 — 267.
- ¹⁴⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе». 1903, д. 1266, л. 87.
- ¹⁴⁵ А. Rihani . Ibn Saoud..., с. 207—208.
- ¹⁴⁶ «Люгат аль-араб». 1913, июнь, с. 585 — 586; аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 207—208.
- ¹⁴⁷ АВПР, ф. «Политархив». 1912—1914, оп. 482, д. 375, л. 94 — 95.
- ¹⁴⁸ Н. Philby. Saudi Arabia..., с. 266.
- ¹⁴⁹ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 101 — 102; аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 209; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 267 — 268.
- ¹⁵⁰ АВПР, ф. «Политархив», 1912—1914, оп. 482, д. 375, л. 95.
- ¹⁵¹ Ар-Рейхани. Тарих..., с. 184 — 190; «Люгат аль-араб». 1913, июль, с. 40.
- ¹⁵² АВПР, ф. «Политархив». 1911, оп. 482, д. 374, л. 15; «Люгат аль-араб» (июль 1913 г., с. 56) писал о 60 тыс. лир дохода в год с Эль-Хасы.
- ¹⁵³ «Люгат аль-араб». 1913, август, с. 112.
- ¹⁵⁴ «Люгат аль-араб». 1913, сентябрь, с. 156.
- ¹⁵⁵ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 269.
- ¹⁵⁶ [G. P. Gooch and H. Temperley]. British Documents..., с. 193.
- ¹⁵⁷ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 270.
- ¹⁵⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе». Басра, 1914 г., д. 1276, карт. 3, л. 27.

- ¹⁵⁹ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 269.
¹⁶⁰ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе». Басра, 1914 г., д. 1276, карт. 3, л. 37.
¹⁶¹ G. Troeller. The Birth of Saudi Arabia, с. 244.
¹⁶² См. Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 38.
¹⁶³ Memorial... Vol. 1, с. 391.
¹⁶⁴ «Люгат аль-араб». 1914, июнь, с. 672; 1913, ноябрь, с. 271.

Глава X

- ¹ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 103—104; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 215, 219.
² Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 103—104; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 216, 286.
³ G. Troeller. The Birth of Saudi Arabia, с. 83.
⁴ См.: Н. Philby. Saudi Arabia, с. 271; D. A. Carruthers. Captain pear's Last Journey, (№ 5, с. 330—334; № 6, с. 401—402).
⁵ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 104.
⁶ G. Troeller. The Birth of Saudi Arabia, с. 81.
⁷ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 272.
⁸ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 104—105; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 222; ар-Рейхани. Тарих..., с. 200.
⁹ Ар-Рейхани. Тарих..., с. 221—222; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира. с. 222.
¹⁰ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 104 — 105; X. Вахба. Джазират аль-араб.... с. 295; аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 212.
¹¹ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 272.
¹² Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 40—41.
¹³ G. Troeller. The Birth of Saudi Arabia, с. 83.
¹⁴ Ph. Graves. The Life..., с. 187; A. Musil, Northern Negd, с. 42, 50—52, 179—180, 249; Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 40—41.
¹⁵ Н. Philby. Saudi Arabia..., с. 272—273.
¹⁶ С. U. Aitchison. A Collection..., Vol. II, с. 206—208; X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 334—335; G. Troeller. The Birth of Saudi. с. 244.
¹⁷ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 274; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 286.
¹⁸ Аль-Ахсаи. Тухфат..., с. 213; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира.... с. 227.
¹⁹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 227.
²⁰ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 105—108; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 230.
²¹ А. Musil. Northern Negd, с. 178.
²² Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 108—109.
²³ Этот раздел основан на ряде работ, уже известных историкам Ближнего Востока и Аравии: G. Antonius. The Arab Awakening; E. Bremond. Le Hedjaz dans la guerre mondiale; G. de Gaury. Rulers of Mecca; E. Jung. La revolte arab. Vol. 1 —2; Т. Е. Lawrence. Seven Pillars of Wisdom; [R. Storrs]. The Memoirs of Sir Ronald Storrs; G. Troeller. The Birth of Saudi Arabia; М. С. Лазарев. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке.... X. Вахба. Джазират аль-араб....
²⁴ Т. Е. Lawrence. Seven Pillars of Wisdom, с. 283
²⁵ Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 44; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 208.
²⁶ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 243.
²⁷ А. Musil. Northern Negd, с. 288—289.
²⁸ Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 45.
²⁹ Ар-Рейхани. Тарих..., с. 210—211.
³⁰ Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 46.
³¹ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 273—274; G. Troeller. The Birth of Saudi Arabia, с. 99—

- ³² Ph. Graves. The Life..., с. 214.
- ³³ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 274; ар-Рейхани. Тарих..., с. 215 — 216.
- ³⁴ Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 46—48.
- ³⁵ G. Troeller. The Birth of Saudi Arabia, с. 83.
- ³⁶ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 109 — 110.
- ³⁷ X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 172—174.
- ³⁸ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 275.
- ³⁹ Там же, с. 275—276.
- ⁴⁰ Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 52—54.
- ⁴¹ Н. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 1, с. 284 — 285.
- ⁴² Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 56—58.
- ⁴³ Н. Philby. Arabia of the Wahhabis, с. 335; Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 59.
- ⁴⁴ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 114.
- ⁴⁵ «Аль-Кыбла», 24.IX.1917.
- ⁴⁶ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 113.
- ⁴⁷ Н. Philby. Arabia of the Wahhabis, с. 19.
- ⁴⁸ Там же, с. 19—21; Ибн Хизлюль. Тарих.. с. 114—115.
- ⁴⁹ «Аль-Кыбла», 3.VIII.1918.
- ⁵⁰ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 317.
- ⁵¹ Цит. по: Новейшая история арабских стран, с. 8.
- ⁵² События в Йемене и Асире изложены главным образом по: G. Antonius. The Arab Awakening.
- ⁵³ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 277.
- ⁵⁴ «Аль-Кыбла», 3.VIII.1918, с. 277; аль-Бассам. Тухфат..., с. 398; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 116—117.
- ⁵⁵ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 277.
- ⁵⁶ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 117—118.
- ⁵⁷ Там же. с. 118; Абдаллах. Музаккят..., с. 150—153.
- ⁵⁸ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 118—119.
- ⁵⁹ Там же, с. 119—120.
- ⁶⁰ Абдаллах. Музаккят.. с. 150—151; ар-Рейхани. Тарих..., с. 219—226.
- ⁶¹ Абдаллах. Музаккят..., с. 153—155.
- ⁶² Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 121 — 122.
- ⁶³ «Аль-Кыбла», 19.УП.1919.
- ⁶⁴ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 278; Насыф. Мады аль-хиджаз..., с. 65.
- ⁶⁵ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 279.
- ⁶⁶ Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах. Т. 2, с. 222.

Глава XI

- ¹ Н. Dickson. Kuwait..., с. 250.
- ² Там же, с. 250—251; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 112.
- ³ Н. Dickson. Kuwait..., с. 251.
- ⁴ С. U. Aitchison. A Collection... Vol. 11, с. 208.
- ⁵ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 122—123; С. U. Aitchison. A Collection... Vol. 11, с. 251.
- ⁶ С. U. Aitchison. A Collection... Vol. 11, с. 251.
- ⁷ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 125—126; С. U. Aitchison. A Collection... Vol. 11, с. 253.
- ⁸ Марзук аш-Шамлян. Мин тарих..., с. 186.
- ⁹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 238—239; Н. Dickson. Kuwait... с. 253—255; Марзук аш-Шамлян. Мин тарих..., с. 188; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 127—128.
- ¹⁰ Н. Dickson. Kuwait..., с. 257; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 239.
- ¹¹ Ф. Хамза. Кальб..., с. 166—167.

- ¹² Аль-Бассам. Тухфат..., с. 400—401; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 280; ар-Рейхани. Тарих..., с. 266; Ф. Хамза. Кальб..., с. 167.
- ¹³ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 280.
- ¹⁴ Аль-Бассам. Тухфат..., с. 402.
- ¹⁵ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 129—131.
- ¹⁶ Аль-Бассам. Тухфат..., с. 403.
- ¹⁷ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 281—282; А. Musil. Northern Negd, с. 291—292.
- ¹⁸ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 131 — 133.
- ¹⁹ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 281; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 133—136.
- ²⁰ Аль-Бассам. Тухфат..., с. 404; ар-Рейхани. Тарих..., с. 266—217; P. W. Harrison. The Arab at Home, с. 131 — 132.
- ²¹ Н. Philby. Arabia of the Wahhabis, с. 102.
- ²² G. Bell. The Utters... Vol. 2, с. 534—535.
- ²³ J. B. Glubb. War in the Desert, с. 62.
- ²⁴ Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 262; G. Bell. The Letters... Vol. 2, с. 635-636.
- ²⁵ Визарат аль-хариджийя. Маджмуат аль-муахадат..., с. 1—3; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 284; G. Bell. The Letters... Vol. 2, с. 659; А. Musil. Northern Negd, с. 293.
- ²⁶ А. Musil. Northern Negd, с. 292.
- ²⁷ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 283; C. S. Jarvis. Arab Command, с. 101 — 102.
- ²⁸ Н. Dickson. Kuwait..., с. 267—268; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 284.
- ²⁹ Визарат аль-хариджийя. Маджмуат аль-муахадат..., с. 5—9.
- ³⁰ Н. Dickson. Kuwait..., с. 272—275.
- ³¹ Там же, с. 272—273.
- ³² C. S. Jarvis. Arab Command, с. 106.
- ³³ J. B. Glubb. War in the Desert, с. 74—78.
- ³⁴ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 285; А. Musil. Northern Negd, с. 295.
- ³⁵ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 285—286; Насыф. Мады аль-хиджаз..., с. 97-98; Салтана наджд. Аль-Китаб..., с. 1—76; J. B. Glubb. War in the Desert, с. 107—110.
- ³⁶ C. S. Jarvis. Arab Command, с. 115—118; ар-Рейхани. Тарих..., с. 296-298.
- ³⁷ Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 217—219.
- ³⁸ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 144—145.
- ³⁹ E. Rutter. The Holy Cities of Arabia. Vol. 1, с. 63.
- ⁴⁰ «Oriente Moderno». 1920, vol. 4, № 10, с. 647.
- ⁴¹ Ф. Хамза. Аль-бияд..., с. 53.
- ⁴² Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 145—150.
- ⁴³ А. Musil. Northern Negd, с. 294—295; аль-Хатыб. Аль-имам.... с. 42.
- ⁴⁴ Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 270.
- ⁴⁵ A. J. Toynbee. Survey of International Affairs, с. 290—293.
- ⁴⁶ G. Antonius. The Arab Awakening, с. 331.
- ⁴⁷ Там же, с. 331—335; ар-Рейхани. Тарих..., с. 292—293.
- ⁴⁸ АВП СССР, 1927, ф. 127, оп. 1, папка 1, д. 11, л. 20.
- ⁴⁹ Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 271; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 285; аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 43—44.
- ⁵⁰ Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 147—149; он же. Хамсуна амман..., с. 240; аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 41; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 150—151.
- ⁵¹ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 151 — 153; ар-Рейхани. Тарих..., с. 299— 303; аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 45—47; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 287.
- ⁵² Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 57—60.
- ⁵³ E. Rutter. The Holy Cities of Arabia. Vol. 2, с. 29—33
- ⁵⁴ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 287.
- ⁵⁵ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 154—155; аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 55—65; Насыф. Мады аль-хиджаз..., с. 143; ар-Рейхани. Тарих. с. 304—309; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 288.

- ⁵⁶ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 156; аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 69; Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 273.
- ⁵⁷ Насыф. Мады аль-хиджаз..., с. 141—143; аль-Хатыб. Аль-имам с 72—79.
- ⁵⁸ Насыф. Мады аль-хиджаз..., с. 156—167; аль-Хатыб. Аль-имам.. с. 75—76.
- ⁵⁹ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 166—167.
- ⁶⁰ Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 61.
- ⁶¹ «Умм аль-кура», 12.ХП.1924.
- ⁶² Аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 92—94.
- ⁶³ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 168—169.
- ⁶⁴ «Умм аль-кура», 10.1.1925; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 166.
- ⁶⁵ Аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 101.
- ⁶⁶ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 344.
- ⁶⁷ Аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 106.
- ⁶⁸ Там же, с. 103—107.
- ⁶⁹ Там же, с. 98—99; Визарат аль-хариджийя. Сахыфа...; Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 275.
- ⁷⁰ A. Musil. Northern Negd, с. 299; Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 275.
- ⁷¹ G. Clayton. An Arabian Diary, с. 130—131.
- ⁷² H. Dickson. Kuwait..., с. 284.
- ⁷³ G. Clayton. An Arabian Diary, с. 99—129; Визарат аль-хариджийя. Маджмуат аль-муахадат..., с. 10—17.
- ⁷⁴ Ар-Рейхани. Тарих..., с. 383—387, 392; H. Philby. Saudi Arabia, с. 290; Насыф. Мады аль-хиджаз..., с. 204—213.
- ⁷⁵ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 173—177; «Умм аль-кура», 13.Х1.1925; ар-Рейхани. Тарих..., с. 392; H. Philby. Saudi Arabia, с. 289—290.
- ⁷⁶ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 177; «Умм аль-кура», 2.ХП.1925.
- ⁷⁷ «Умм аль-кура», 16.ХП.1925.
- ⁷⁸ E. Rutter. The Holy Cities of Arabia. Vol. 1, с. 299.
- ⁷⁹ АВП СССР, 1926, ф. 127, оп. 1, папка 1, д. 6, л. 4—6.
- ⁸⁰ Аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 133—135; «Умм аль-кура», 8, 15.1.1926.
- ⁸¹ Аль-Хатыб. Аль-имам... с. 137.
- ⁸² H. Philby. Saudi Arabia, с. 301.
- ⁸³ Аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 143; H. Philby. Saudi Arabia, с. 301
- ⁸⁴ ТАСС, 27.1Х.1926, дневной выпуск № 15
- ⁸⁵ АВП СССР, 1929, ф. 127, оп. 1, папка 2, д. 18, л. 3—5, 10.

Глава XII

- ¹ Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 264—271.
- ² «Умм аль-кура», 12.1, 25.1Х. 1925.
- ³ H. Philby. Arabian Jubilee, с. 82.
- ⁴ H. Philby. Saudi Arabia, с. 305.
- ⁵ Там же, с. 304—305.
- ⁶ Там же.
- ⁷ «Умм аль-кура», 13.1Х.1926; H. Laoust. Essai..., с. 624—630.
- ⁸ «Умм аль-кура», 1.VI. 1925,
- ⁹ H. Wahba. Arabian Days, с. 98.
- ¹⁰ Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 22.
- ¹¹ H. Philby. A Pilgrim in Arabia, с. 60—63.
- ¹² H. Wahba. Arabian Days, с. 20.
- ¹³ Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 66—69; H. Wahba. Arabian Days, с. 95—96.
- ¹⁴ «Умм аль-кура», 25.1Х.1925.

- ¹⁵ Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 309—312.
- ¹⁶ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 184—185.
- ¹⁷ А. J. Тоунбее. Survey of International Affairs, с. 312—319.
- ¹⁸ М. Мустафа. Фи кальб..., с. 41.
- ¹⁹ «Умм аль-кура», 23.1У.1926.
- ²⁰ Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 309—312.
- ²¹ Ф. Хамза. Аль-бияд..., с. 216; Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 271.
- ²² «Умм аль-кура», 28.1, 11,25.11, 4, 11, 18.111.1927; 27.УШ.1928.
- ²³ «Умм аль-кура», 2.УШ.1929.
- ²⁴ АВП СССР, 1929, ф. 127, оп. 1, папка 2, д. 18, л. 19.
- ²⁵ Н. Dickson. Kuwait..., с. 285—287; Н. Dickson. The Arab..., с. 353; А. Rihani. Ibn Saoud..., с. 192—193.
- ²⁶ Н. Dickson. Kuwait..., с. 281.
- ²⁷ J. B. Glubb. War in the Desert, с. 178; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 470.
- ²⁸ аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 464—465.
- ²⁹ Там же, с. 468—469.
- ³⁰ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 185—186; Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 291; Н. Armstrong. Lord of Arabia..., с. 216.
- ³¹ «Умм аль-кура», 8.IV.1927; Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 293.
- ³² Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 187—190.
- ³³ «Люгат аль-араб». 1927, август, с. 123; ноябрь, с. 574—575.
- ³⁴ Н. Dickson. Kuwait..., с. 287; аз-Зирикли, однако, упоминает, что Хамид ибн Мухаммед сражался против ихванов (Шибх аль-джазира..., с. 494), хотя Ибн Сауд мог «простить» его и дать возможность проявить свою лояльность.
- ³⁵ Great Britain. Colonial Office. Report..., с. 24.
- ³⁶ J. B. Glubb. War in the Desert, с. 193.
- ³⁷ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 306; Н. Dickson. Kuwait..., с. 294.
- ³⁸ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 306; Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 90.
- ³⁹ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 306; Н. Dickson. Kuwait..., с. 287.
- ⁴⁰ Н. Dickson. Kuwait..., с. 288—289.
- ⁴¹ J. B. Glubb. War in the Desert, с. 195.
- ⁴² Там же, с. 200.
- ⁴³ Там же, с. 201—202.
- ⁴⁴ «Daily Telegraph», 27.III.1928.
- ⁴⁵ Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 92, 283—286.
- ⁴⁶ «Умм аль-кура», 13.IV.1928.
- ⁴⁷ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 307; J. B. Glubb. War in the Desert, с. 209-225.
- ⁴⁸ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 308.
- ⁴⁹ J. B. Glubb. War in the Desert, с. 267.
- ⁵⁰ «Умм аль-кура», 12.X, 18.XII.1928.
- ⁵¹ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 191; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира, с. 477.
- ⁵² Х. В а х б а. Джазират аль-араб..., с. 302.
- ⁵³ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 192.
- ⁵⁴ J. B. Glubb. War in the Desert, с. 236—247, 264—267, 281—284; «Люгат аль-араб». 1929, апрель, с. 351—352.
- ⁵⁵ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 192.
- ⁵⁶ Там же, с. 193.
- ⁵⁷ J. B. Glubb. War in the Desert, с. 287—289; Н. Philby. Saudi Arabia, с. S09.
- ⁵⁸ Н. Dickson. Kuwait..., с. 302—303; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 309.
- ⁵⁹ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 193—194; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 309.
- ⁶⁰ Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 304.
- ⁶¹ Аль-Ахсаи. Тарих..., с. 230; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 310.

- ⁶² Н. Dickson. Kuwait..., с. 305—306.
- ⁶³ Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 293—301.
493. ⁶⁴ Аль-Ахсаи. Тарих..., с. 230 — 231; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 491—
- ⁶⁵ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 491.
- ⁶⁶ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 309—310.
- ⁶⁷ Н. Dickson. Kuwait..., с. 313—315.
- ⁶⁸ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 195 — 196.
- ⁶⁹ J. V. Glubb. War in the Desert, с. 306.
- ⁷⁰ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 496.
- ⁷¹ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 196 — 199; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 499—
504. ⁷² Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 199; J. V. Glubb. War in the Desert, с. 313— 314; Н. Dickson. Kuwait..., с. 306—318.
- ⁷³ J. V. Glubb. War the Desert, с. 320—326; Н. Dickson. Kuwait..., с. 317— 320.
- ⁷⁴ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 199.
- ⁷⁵ «Умм аль-кура», 10.1.1930.
- ⁷⁶ Н. Dickson. Kuwait..., с. 319—320.
- ⁷⁷ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 311; Н. Dickson. Kuwait..., с. 323—324; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 504 — 505.
- ⁷⁸ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 201—203; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира. с. 507.
- ⁷⁹ Н. Dickson. Kuwait..., с. 326—327
- ⁸⁰ Там же, с. 328.
- ⁸¹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 507.
- ⁸² Н. Wahba. Arabian Days, с. 145.
- ⁸³ А. И. Першиц считал, что разгром ихванов был «ударом по проискал внешней и внутренней реакции». (Хозяйство..., с. 218).
- ⁸⁴ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 312; Визарат аль-хариджийя. Маджмуат аль-муахадат..., с. 68 — 72.
- ⁸⁵ Аль-мамляка..., с. 258.
- ⁸⁶ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 314—315; аль-Мухтар. Тарих..., Ч. 2, с. 453.
- ⁸⁷ Аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 161 — 163.
- ⁸⁸ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 204—207.
- ⁸⁹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 557—559
- ⁹⁰ Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 207—213.
- ⁹¹ «Умм аль-кура», 5.VIII.1932; аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 204.
- ⁹² «Умм аль-кура», 5.VIII.1932; Ибн-Хизлюль. Тарих..., с. 212—213.
- ⁹³ См.: В. И. Но сен ко. Саудовско-йеменская борьба..., с. 294—298. «Люгат аль-араб». 1926, июль, с. 54; август, с. 109; Амин Сайд. Мулюк..., с. 136— 138; Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 127—128.
- ⁹⁴ АВП СССР, 1932, ф. 127, оп. 1, папка 3, д. 29, л. .3—4.
- ⁹⁵ Аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 207; Ибн Хизлюль. Тарих..., с. 213—216.
- ⁹⁶ Конституции государств Ближнего и Среднего Востока, с. 437 — 438.
- ⁹⁷ Ф. Хамза. Аль-бияд..., с. 84—87; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 325; Конституции государств Ближнего и Среднего Востока, с. 431—437.
- ⁹⁸ Аль-Хатыб. Аль-имам..., с. 221—223.
- ⁹⁹ Подробнее саудовско-йеменский конфликт см.: В. И. Носенко. Саудовско-йеменская борьба...; М. W. Wenner. Modern Yemen...; А. Farotlghy. Introducing Yemen; G. de Gaury. Faisal...; С. Мустафа. Таквин...
- ¹⁰⁰ АВП СССР, 1934, ф. 127, оп. 1, папка 3, д. 34, л. 1.

- ¹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 650.
- ² G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 311.
- ³ Memorial... Vol. 2, с. 204.
- ⁴ Там же, с. 218.
- ⁵ H. Laous t. Essai..., с. 294.
- ⁶ Там же, с. 310.
- ⁷ Там же, с. 300—301.
- ⁸ H. Laoust. Le traite..., с. 169—170.
- ⁹ Аль-Мадани. Фиркат..., с. 35.
- ¹⁰ X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 290—292.
- ¹¹ A. Rihani. Ibn Saoud..., с. 204—206.
- ¹² H. Laoust. Essai..., с. 316—317.
- ¹³ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 575.
- ¹⁴ Там же, с. 743—744.
- ¹⁵ H. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 1, с. 297.
- ¹⁶ A. Rihani. Ibn Saoud..., с. 135—136.
- ¹⁷ X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 50.
- ¹⁸ Там же, с. 129—132.
- ¹⁹ ARAMCO. The Royal Family..., с. 30—31.
- ²⁰ Аз-Зирикли. Аль-Алям; IV, с. 277.
- ²¹ H. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 1, с. 76, 360.
- ²² Там же, с. 374.
- ²³ Ф. Ха м за. Кальб..., с. 72.
- ²⁴ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 355—356.
- ²⁵ C. Nallino. Raccolta... Vol. 1, с. 20—22.
- ²⁶ Ф. Хамза. Кальб..., с. 73.
- ²⁷ Там же, с. 74.
- ²⁸ C. Nallino. Raccolta... Vol. 1, с. 66—68, 74—76.
- ²⁹ A. Mac-Kie Froot. Recent..., с. 166—167.
- ³⁰ М. Садик. Татаввур..., с. 25—26.
- ³¹ Конституции государств Ближнего и Среднего Востока, с. 426. В тексте, приведенном в сборнике, содержатся неточности в переводе, исправленные в данной работе.
- ³² Там же, с. 426—427.
- ³³ Там же, с. 427, 430.
- ³⁴ Там же, с. 430—435.
- ³⁵ См.: G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 114.
- ³⁶ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 571—572.
- ³⁷ Там же, с. 573.
- ³⁸ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 114—115.
- ³⁹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 577.
- ⁴⁰ Там же, с. 368.
- ⁴¹ Там же, с. 382—383.
- ⁴² Там же, с. 375.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же, с. 376.
- ⁴⁵ Там же, с. 377—378.
- ⁴⁶ Ф. Хамза. Кальб..., с. 78; С. аль-Мухаммасани. Аль-авдаа..., с. 319-320.
- ⁴⁷ Ф. Хамза. Кальб..., с. 78.
- ⁴⁸ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 454.
- ⁴⁹ Там же, с. 358.

- ⁵⁰ Там же, с. 359.
- ⁵¹ Там же, с. 402.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же, с. 412.
- ⁵⁴ См. Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 87.
- ⁵⁵ А. Mac-Kie Froot. Recent..., с. 166—167.
- ⁵⁶ Конституции государств Ближнего и Среднего Востока, с. 437.
- ⁵⁷ Н. Philby. Saudi Arabia, с. 294.
- ⁵⁸ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 909—910.
- ⁵⁹ АВП СССР, 1929, ф. 127, оп. 1, папка 2, д. 18, л. 37.
- ⁶⁰ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 910.
- ⁶¹ Там же, с. 910—911.
- ⁶² Н. Philby. Saudi Arabia, с. 294—295.
- ⁶³ Там же, с. 296; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 367.
- ⁶⁴ «Люгат аль-араб». 1914, январь, с. 355.
- ⁶⁵ Аз-Зирикли. Ма раайту..., с. 27—28.
- ⁶⁶ А. Musil. The Manners..., с. 431.
- ⁶⁷ Аз-Зирикли. Ма раайту..., с. 152—153.
- ⁶⁸ Н. Dickson. The Arab..., с. 118—132; А. Musil. The Manners..., с. 438—452; Н. Wahba. Arabian Days, с. 14.
- ⁶⁹ Н. Dickson. The Arab..., с. 431—440; J. J. Hess. Von den Beduinen..., с. 90; А. Musil. The Manners..., с. 489—503.
- ⁷⁰ «Люгат аль-араб». 1914, январь, с. 356; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 420.
- ⁷¹ Memorial... Vol. 2, с. 226—231.
- ⁷² P. W. Harrison. The Arab..., с. 150.
- ⁷³ Ф. Хамза. Аль-бияд..., с. 188.
- ⁷⁴ F. S. Vidal. The Oasis..., с. 34.
- ⁷⁵ Там же, с. 209.
- ⁷⁶ X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 71—75.
- ⁷⁷ F. S. Vidal. The Oasis..., с. 34.
- ⁷⁸ P. W. Harrison. The Arab..., с. 229—230.
- ⁷⁹ F. S. Vidal. The Oasis..., с. 96.
- ⁸⁰ Абд аль-Джаббар. Ат-тайарат..., с. 125—126.
- ⁸¹ Аль-маджмуа аль-ильмия ас-саудийя, с. I—15.
- ⁸² X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 300—301.
- ⁸³ Н. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 1. с. 294—295.
- ⁸⁴ Ф. Хамза. Аль-бияд..., с. 189.
- ⁸⁵ Там же, с. 190—191.
- ⁸⁶ «Умм аль-кура», 19.VIII.1927; С. аль-Мухаммасани. Аль-авдаа..., с. 327—329.
- ⁸⁷ С. аль-Мухаммасани. Аль-авдаа..., с. 327.
- ⁸⁸ Там же, с. 329.
- ⁸⁹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 426.
- ⁹⁰ «Умм аль-кура», 19.UII.1927.
- ⁹¹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 425; С. аль-Мухаммасани. Аль-авдаа..., с. 328—329.
- ⁹² Абд аль-Джаббар. Ат-тайарат..., с. 126.
- ⁹³ «Люгат аль-араб». 1914, январь, с. 355—356; С. аль-Мухаммасани. Аль-авдаа..., с. 329—332.
- ⁹⁴ «Умм аль-кура», 19.VIII. 1927.
- ⁹⁵ С. аль-Мухаммасани. Аль-авдаа..., с. 330—331.
- ⁹⁶ G. M. Baroody. Crime..., с. 35—41.
- ⁹⁷ P. Hart. Application..., с. 165—173; G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 122.

- ⁹⁸ G. M. Baroody. Crime..., с. 89—101.
- ⁹⁹ Area Handbook..., с. 194.
- ¹⁰⁰ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 122.
- ¹⁰¹ G. M. Baroody. Crime..., с. 105—107; Area Handbook..., с. 194.
- ¹⁰² Memorial... Vol. 2, с. 291—292.
- ¹⁰³ Там же, с. 328.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 329; «Умм аль-кура», 18.1X.1925.
- ¹⁰⁵ Memorial... Vol. 2, с. 292—293.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 306—308.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 320—321.
- ¹⁰⁸ A. Rihani. Ibn Saoud..., с. 202—204.
- ¹⁰⁹ H. Philby. Arabia of the Wahhabis, с. 21.
- ¹¹⁰ Там же, с. 217—218.
- ¹¹¹ A. Musil. Nothern Negd, с. 253—255.
- ¹¹² H. Dickson. The Arabs..., с. 440—442.
- ¹¹³ Там же, с. 442—443.
- ¹¹⁴ Там же, с. 440.
- ¹¹⁵ Memorial... Vol. 2, с. 318.
- ¹¹⁶ H. Philby. The Heart of Arabia. Vol. 1, с. 6.
- ¹¹⁷ Аль-Мадани. Фиркат..., с. 42—43.
- ¹¹⁸ H. Wahba. Arabian Days, с. 67—69.
- ¹¹⁹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 758.
- ¹²⁰ Там же, с. 1420.
- ¹²¹ Аль-Мадани. Фиркат..., с. 43.
- ¹²² X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 145—147.
- ¹²³ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1419.
- ¹²⁴ X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 110—113.
- ¹²⁵ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1420.
- ¹²⁶ Цит. по аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 187.
- ¹²⁷ Там же, с. 177—178.
- ¹²⁸ R. Lebkicher and others. The Arabia..., с. 86—88.
- ¹²⁹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 178.
- ¹³⁰ Там же, с. 458.
- ¹³¹ «Умм аль-кура», 20.VIII.1950.
- ¹³² Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 991.
- ¹³³ Там же, с. 989, 990—991.
- ¹³⁴ Там же, с. 751.
- ¹³⁵ Там же, с. 412.
- ¹³⁶ «Люгат аль-араб». 1911, июль, с. 16—25.
- ¹³⁷ A. Rihani. Ibn Saoud..., с. 207.
- ¹³⁸ X. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 50.
- ¹³⁹ Аль-Марик. Лямахат..., с. 15—16.
- ¹⁴⁰ A. Rihani. Ibn Saoud... с. 96—99.
- ¹⁴¹ H. Wahba. Arabian Days, с. 77.
- ¹⁴² Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1023, 1025.
- ¹⁴³ Абд аль-Джаббар. Ат-тайарат, с. 155—156.
- ¹⁴⁴ Насыф. Мады аль-хиджаз..., с. 112.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Аль-Марик. Лямахат..., с. 156—157.
- ¹⁴⁷ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1025.
- ¹⁴⁸ «Умм аль-кура», 18, 251; 1.11.1929; Ф. Хамза. Аль-бияд..., с. 220-223
- ¹⁴⁹ G. Trial and R. Winder. Modern Education..., с. 121 — 134

- ¹⁵⁰ Н. Wahba. *Arabian Days*, с. 173; 49—51
¹⁵¹ F. S. Vidal. *The Oasis...*, с. 33.
¹⁵² Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1026—1028
¹⁵³ Там же, с. 635—636.
¹⁵⁴ Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 327.
¹⁵⁵ Там же.
¹⁵⁶ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 635.

Глава XIV

- ¹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1337; Х. Вахба. Джазират аль-араб..., с. 136; Н. Philby. *Arabian Jubilee*, с. 170—175; F.-J. Tomiche. *L'Arabie Seoudite*, с. 56.
² Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 330.
³ Н. Philby. *Arabian Jubilee*, с. 177; Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 3:10
⁴ Sh. Klebanoff. *Middle East Oil...*, с. 4.
⁵ Там же, с. 5.
⁶ Там же, с. 7; Л. Денни. Борьба за нефтяную монополию, с. 37—38.
⁷ Sh. Klebanoff. *Middle East Oil...*, с. 7.
⁸ ARAMCO Handbook..., с. 107.
⁹ Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 329; Rihani. *Ibn Saoud...*, с. 79—88; R. Knauerhase. *The Saudi Arabian Economy*, с. 157; Н. Philby. *Arabian Jubilee*, с. 177.
¹⁰ Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 329.
¹¹ ARAMCO Handbook..., с. 108—109.
¹² Там же, с. 109—110.
¹³ K. S. Twitchell. *Saudi Arabia*, с. 220—224.
¹⁴ Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 331; Н. Philby. *Arabian Jubilee*, с. 177—178; S. H. Longrigg. *Oil...*, с. 107—108.
¹⁵ D. Howarth. *The Desert King*, с. 182.
¹⁶ ARAMCO Handbook..., с. 111.
¹⁷ Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 331.
¹⁸ «Умм аль-кура», 14.VII.1933.
¹⁹ ARAMCO Handbook..., с. 113—114.
²⁰ R. Knauerhase. *The Saudi Arabian Economy*, с. 163.
²¹ Там же, с. 194.

Глава XV

- ¹ См. подробнее: Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 98—112.
² Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 50; см. также: A. Assah. *Miracle...*, с. 64—65.
³ Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 121.
⁴ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 100.
⁵ В. Минаев. Подрывная деятельность..., с. 47.
⁶ Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 108—109.
⁷ В. Минаев. Подрывная деятельность..., с. 48.
⁸ Х. Вахба. Хамсуна амман..., с. 111.
⁹ K. S. Twitchell. *Saudi Arabia*, с. 167—168; A. Assah. *Miracle...* с. 64—65.
¹⁰ См.: Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 103.
¹¹ В. Минаев. Подрывная деятельность..., с. 48.
¹² Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 104.
¹³ Там же.
¹⁴ В. Минаев. Подрывная деятельность..., с. 48.
¹⁵ Н. Philby. *Saudi Arabia*, с. 337.

- ¹⁶ R. F. Mikesell and H. B. Chenery. *Arabian Oil*, с. 77.
- ¹⁷ Н. И. Прошин. *Саудовская Аравия*, с. 106.
- ¹⁸ B. Shwadran. *The Middle East...*, с. 318—319, 324.
- ¹⁹ Sh. Klebanoff. *Middle East Oil...*, с. 14.
- ²⁰ Там же, с. 10.
- ²¹ Там же, с. 17.
- ²² Там же.
- ²³ Цит. по: В. Перло. *Американский империализм*, с. 227.
- ²⁴ B. Shwadran. *The Middle East...*, с. 319.
- ²⁵ R. F. Mikesell and H. B. Chenery. *Arabian Oil*, с. 132—133.
- ²⁶ R. Кнауерхазе. *The Saudi Arabian Economy*, с. 194.
- ²⁷ W. Eddy. *F. D. R. Meets Ibn Saud*; G. de Gaury. *Faisal...*, с. 68; *Area Handbook...*, с. 172.
- ²⁸ G. de Gaury. *Faisal...*, с. 68; Sh. Klebanoff. *Middle East Oil...*, с. 21; G. Lenczowsky. *The Middle East...*, с. 442.
- ²⁹ Sh. Klebanoff. *Middle East Oil...*, с. 22.
- ³⁰ Там же, с. 23; *ARAMCO Handbook...*, с. 86.
- ³¹ *ARAMCO Handbook...*, с. 86.
- ³² Там же, с. 113.
- ³³ Sh. Klebanoff. *Middle East Oil...*, с. 23.
- ³⁴ G. Lenczowsky. *The Middle East...*, с. 442; Н. И. Прошин. *Саудовская Аравия*, с. 109.
- ³⁶ Подробно их встреча описана в брошюре У. Эдди (*W. A. Eddy. F. D. R. Meets Ibn Saud*).
- ³⁶ W. A. Eddy. *F.D.R. Meets Ibn Saud*, с. 35.
- ³⁷ Там же, с. 42.
- ³⁸ *Area Handbook...*, с. 172.
- ³⁹ Sh. Klebanoff. *Middle East Oil...*, с. 57.

Глава XVI

- ¹ *ARAMCO Handbook...*, с. 113.
- ² В. В. Озолинг. *Экономика...*, с. 131; R. Кнауерхазе. *The Saudi Arabian Economy*, с. 196.
- ³ *ARAMCO Handbook...*, с. 77.
- ⁴ В. В. Озолинг. *Экономика...*, с. 111; R. Кнауерхазе. *The Saudi Arabian Economy*, с. 168.
- ⁵ *ARAMCO Handbook...*, с. 148.
- ⁶ S. H. Longrigg. *Oil...*, с. 208.
- ⁷ *ARAMCO Handbook...*, с. 111 — 112; R. Кнауерхазе. *The Saudi Arabian Economy*, с. 193.
- ⁸ R. Кнауерхазе. *The Saudi Arabian Economy*, с. 180.
- ⁹ Там же, с. 163.
- ¹⁰ См.: А. М. Васильев. *Факелы...*, с. 87—91.
- ¹¹ R. Кнауерхазе. *The Saudi Arabian Economy*, с. 180—181; *Area Handbook*, с. 246.
- ¹² *Area Handbook...*, с. 246.
- ¹³ В. В. Озолинг. *Экономика...*, с. 123; R. Кнауерхазе. *The Saudi Arabian Economy*, с. 181.
- ¹⁴ В. В. Озолинг. *Экономика...*, с. 153—154.
- ¹⁵ R. Кнауерхазе. *The Saudi Arabian Economy*, с. 164—165.
- ¹⁶ Н. И. Прошин. *Саудовская Аравия*, с. 117.
- ¹⁷ R. Кнауерхазе. *The Saudi Arabian Economy*, с. 168.

- ¹⁸ Keesing's Contemporary Archives (далее— КСА), с. 13655.
- ¹⁹ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 113.
- ²⁰ См.: D. Howarth. The Desert King, с. 214; Н. Philby. Forty Years..., с. 8, 38—39.
- ²¹ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 23.
- ²² G. de Gaury. Faisal..., с. 77.
- ²³ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 986.
- ²⁴ Там же, с. 1433.
- ²⁵ Там же, с. 1433; G. de Gaury. Faisal..., с. 78.
- ²⁶ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 5; Н. Philby. Saudi Arabia, с. 358; G. de Gaury. Faisal..., с. 78—80.
- ²⁷ G. de Gaury. Faisal..., с. 80.
- ²⁸ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1402.
- ²⁹ Там же, с. 954.
- ³⁰ D. Howarth. The Desert King, с. 231.
- ³¹ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 16—17.
- ³² Там же, с. 40.
- ³³ Там же, с. 36.
- ³⁴ «Всемирное профсоюзное движение». 1954, № 1, с. 17.
- ³⁵ М. Cheney. Big Oilman..., с. 266; И. П. Беляев. Американский империализм..., с. 178—185; Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 284—286.
- ³⁶ Джахим..., с. 32, 106, 309, 319.
- ³⁷ Там же, с. 108, 125; М. Cheney. Big Oilman..., с. 69; Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 277, 289—290.
- ³⁸ Джахим..., с. 82—83, 94—95, 106—111, 118, 125—130, 309, 319; «Проблемы мира и социализма». 1962, № 5, с. 92.
- ³⁹ Labor Law..., с. 58.
- ⁴⁰ D. Howarth. The Desert King, с. 231.
- ⁴¹ Там же, с. 99—100, 179.
- ⁴² Джахим..., с. 12; Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 144.
- ⁴³ Джахим..., с. 13—14; «Arab Observer», 13.XI.1961, с. 7—8.
- ⁴⁴ G Lipsky. Saudi Arabia..., с. 175—177; Н. Philby. Forty Years..., с. 168—169; «Newsweek», 8.VI.1963, с. 40; «Saturday Evening Post», 30.XI.1957; Джахим..., с. 48, 255—273.
- ⁴⁵ Н. Philby. Forty Years..., с. 171.
- ⁴⁶ Джазират аль-араб туттахиму...
- ⁴⁷ Цит. по: Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 161.
- ⁴⁸ Там же, с. 161.
- ⁴⁹ Джахим...
- ⁵⁰ Там же, с. 229.
- ⁵¹ Там же, с. 6, 65—66, 232.
- ⁵² Н. Philby. Forty Years..., с. 34.
- ⁵³ М. Cheney. Big Oilman..., с. 282; G. A. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 282.
- ⁵⁴ Н. Philby. Forty Years..., с. 34.
- ⁵⁵ К. S. Twitchell. Saudi Arabia, с. 187; «Умм аль-кура», 30.XII.1962.
- ⁵⁶ В. Той. A Fool Strikes Oil..., с. 134; М. Cheney. Big Oilman..., с. 284.
- ⁵⁷ Цит. по: Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 155.
- ⁵⁸ Джахим..., с. 139; «Arab Observer», 13.XI.1961, с. 8; М. Cheney. Big-Oilman..., с. 284—285.
- ⁵⁹ Цит. по: Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 157.
- ⁶⁰ Там же, с. 143—144; «Аль-Мусаввар», 13.X.1962, с. 31.
- ⁶¹ Джахим..., с. 66; Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 164—165.
- ⁶² Аз-Зирикли . Шибх аль-джазира..., с. 773—778.

- ⁶³ М. Мады. Ан-нахдат..., с. 227—253, 259—274.
- ⁶⁴ Н. Dickson. Kuwait..., с. 391.
- ⁶⁵ Н. Philby. Arabian Jubilee, с. 212—214.
- ⁶⁶ W. A. Eddy. F.D.R. Meets Ibn Saud, с. 37; D. Howarth. The Desert King, с. 253.
- ⁶⁷ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 17; Н. Philby. Forty Years..., с. 202.
- ⁶⁸ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 123.
- ⁶⁹ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 173; Area Handbook..., с. 173.
- ⁷⁰ Политика США..., с. 238—239.
- ⁷¹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1393.
- ⁷² Там же, с. 1394.
- ⁷³ Там же, с. 1395.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ J. C. Hurewitz. Middle East Politics..., с. 251.
- ⁷⁶ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1395.
- ⁷⁷ Там же, с. 1396—1397.
- ⁷⁸ Там же, с. 1398; Политика США..., с. 244—245.
- ⁷⁹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1399.
- ⁸⁰ Там же, с. 1399; А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 107.
- ⁸¹ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 140.
- ⁸² А. Саид. Тарих..., Т. 3, с. 109; аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1400.
- ⁸³ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 120—121; Политика США..., с. 245—246.
- ⁸⁴ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 121.
- ⁸⁵ Area Handbook..., с. 169.
- ⁸⁶ О положении в Омане в тот период см.: Л. Котлов. Освободительное восстание... с. 48—78; The Arabian Peninsula..., с. 107—141.
- ⁸⁷ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1368; Л. Н. Котлов. Иордания..., с. 74—77, 80—81.
- ⁸⁸ М. Мады. Ан-нахдат..., с. 207.
- ⁸⁹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1368.
- ⁹⁰ Л. Н. Котлов. Иордания..., с. 99.
- ⁹¹ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1368; Л. Н. Котлов. Иордания..., с. 99.
- ⁹² G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 141 — 142.
- ⁹³ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 16-17.
- ⁹⁴ Там же, с. 123—124.
- ⁹⁵ Там же, с. 127.
- ⁹⁶ Там же, с. 128; G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 143.
- ⁹⁷ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 129—134.
- ⁹⁸ Там же, с. 139—144.
- ⁹⁹ Там же, с. 89.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 164—169.
- ¹⁰¹ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 142.
- ¹⁰² См. работы А. Куниной: Доктрина Эйзенхауэра; Провал «доктрины Эйзенхауэра».
- ¹⁰³ О. Туганова. Политика США и Англии..., с. 101.
- ¹⁰⁴ «New York Herald Tribune», 2.IX.1957; Area Handbook..., с. 173; F. H. Arabia..., с. 54 — 55; G. de Gaury. Faisal..., с. 83.
- ¹⁰⁵ G. de Gaury. Faisal..., с. 83.
- ¹⁰⁶ «Правда», 2.111.1957.
- ¹⁰⁷ G. de Gaury. Faisal..., с. 83.
- ¹⁰⁸ Area Handbook..., с. 165.
- ¹⁰⁹ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 207—208.
- ¹¹⁰ Л. Н. Котлов. Иордания..., с. 196—220.

- ¹¹¹ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 211.
¹¹² Там же, с. 203—205.
¹¹³ Политика США..., с. 247.
¹¹⁴ Л. Н. Котлов. Иордания..., с. 229.

Глава XVII

- ¹ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 139.
² G. de Gaury. Faisal..., с. 92.
³ Насыр ас-Саид. Ар-рисаля..., с. 48—56, 61—62.
⁴ G. de Gaury. Faisal..., с. 91—92.
⁵ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 239.
⁶ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 166.
⁷ G. de Gaury. Faisal..., с. 93.
⁸ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 239.
⁹ Политика США..., с. 253.
¹⁰ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 169.
¹¹ Там же.
¹² «Умм аль-кура», 2.У.1958.
¹³ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 170—171.
¹⁴ В. В. Озолинг. Саудовская Аравия, с. 106—107; Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 172.
¹⁵ «Middle East Record» (далее —MER). Vol. 1, с. 372.
¹⁶ В. В. Озолинг. Саудовская Аравия, с. 107—108; Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 172—173.
¹⁷ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 235.
¹⁸ MER. Vol. 1, с. 373.
¹⁹ Там же, с. 374.
²⁰ «Аль-Гумхурия», 25.V. 1960.
²¹ Area Handbook..., с. 153.
²² «Аль-Хайят», 9.IX.1960; MER. Vol. 1, с. 375.
²³ MEK. Vol. 1, с. 375—376.
²⁴ Там же, с. 376; Area Handbook..., с. 153.
²⁵ MER. Vol. 2, с. 428; F. Halliday. Arabia..., с.59; Area Handbook..., с. 173.
²⁶ Area Handbook..., с. 153.
²⁷ MER. Vol. 1, с. 377.
²⁸ Там же; vol. 2, 420.
²⁹ Там же, vol. 2, с. 417, 420.
³⁰ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 175.
³¹ MER. Vol. 2, с. 425.
³² Там же.
³³ Там же, с. 426.
³⁴ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 178.
³⁵ Там же, с. 176.
³⁶ Там же, с. 177.
³⁷ MER. Vol. 2, с. 422—423.
³⁸ Там же, с. 423.
³⁹ Там же, с. 424.
⁴⁰ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 179.
⁴¹ G. de Gaury. Faisal..., с. 105—107.
⁴² Там же.
⁴³ MER. Vol. 2, с. 424.

- ⁴⁴ Там же, с. 427.
- ⁴⁵ А. Саид. Тарих... Т. 3., с. 66—67; Area Handbook..., с. 166; Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 180.
- ⁴⁶ Area Handbook..., с. 170.
- ⁴⁷ D. A. Schmidt. Yemen..., с. 52.
- ⁴⁸ Там же, с. 52—56.
- ⁴⁹ «The Times», 19.X.1962.
- ⁵⁰ D. A. Schmidt. Yemen..., с. 50—51.
- ⁵¹ Там же, с. 51; см.; Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 182.
- ⁵² А. Саид. Тарих... Т. 3., с. 301—309.
- ⁵³ «Newsweek», 8.VII.1963, с. 40.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ «Умм аль-кура», 30.XI.1962; В. В. Озолинг. Саудовская Аравия, с. 68, 98
- ⁵⁶ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 186.
- ⁵⁷ G. de Gaury. Faisal..., с. 169.
- ⁵⁸ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 186.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ «Аш-Шааб», 12.IX.1963.
- ⁶¹ Area Handbook..., с. 154; Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 188.
- ⁶² «New York Times», 3.XI.1963.
- ⁶³ Area Handbook..., с. 155.
- ⁶⁴ Там же, с. 156.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ G. de Gaury. Faisal..., с. 130—133.
- ⁶⁷ Там же, с. 134—135; Area Handbook..., с. 156; A. Assah. Miracle..., с.75—76.
- ⁶⁸ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 190—191.
- ⁶⁹ MER. Vol. 3, с. 452; F. Halliday. Arabia..., с. 67; Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 191.
- ⁷⁰ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 191.
- ⁷¹ «Аль-Кифах», 12.V. 1963.
- ⁷² КСА, с. 19965; Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 194.
- ⁷³ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 195.
- ⁷⁴ Labor Law..., с. 57—58; Area Handbook..., с. 264.
- ⁷⁵ Area Handbook..., с. 198.
- ⁷⁶ MER. Vol. 3, с. 453—454.
- ⁷⁷ Там же, с. 455; F. Halliday, Arabia..., с. 67.
- ⁷⁸ MER. Vol. 5, с. 1026—1027.
- ⁷⁹ Там же, с. 456.
- ⁸⁰ Там же, vol. 5, с. 1027.
- ⁸¹ Там же, с. 1028—1029; F. Halliday. Arabia..., с. 69.
- ⁸² F. Halliday. Arabia..., с. 68; MER. Vol. 5, с. 1030.
- ⁸³ MER. Vol. 5, с. 1031.
- ⁸⁴ F. Halliday. Arabia..., с. 69.
- ⁸⁵ MER. Vol. 5, с. 1033—1036.
- ⁸⁶ Там же, с. 1029.
- ⁸⁷ «Умм аль-кура», 11.I.1963.
- ⁸⁸ «The Middle East Journal». 1963, vol. 17, № 1—2, с. 150—151; M. W. Wenner. Modern Yemen..., с. 198.
- ⁸⁹ «Новое время», 1963, № 2, с. 22.
- ⁹⁰ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 183—184.
- ⁹¹ H. Ingrams. The Yemen..., с. 135—137; M. W. Wenner. Modern Yemen..., с. 198.
- ⁹² M. W. Wenner. Modern Yemen..., с. 199—201; «Аль-Ахрам», 29.XI.1962.

- ⁹³ «The Middle East Journal». 1963, N° 1—2, с. 151; M. W. Wenner. Modern Yemen..., с. 202.
- ⁹⁴ K. Trevaskis. Shades of Amber..., с. 185.
- ⁹⁵ A. Schlesinger. A Thousand Days, с. 452.
- ⁹⁶ D. A. Schmidt. Yemen..., с. 163—164; J. C. Hurewitz. Middle East Politics..., с. 249.
- ⁹⁷ D. A. Schmidt. Yemen..., с. 163.
- ⁹⁸ «The Middle East Journal». 1975, N° 1, с. 52; M. W. Wenner. Modern Yemen с. 207.
- ⁹⁹ См. подробнее: Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 129—130.
- ¹⁰⁰ D. A. Schmidt. Yemen..., с. 206—207.
- ¹⁰¹ «Аль-Ахрам», 15.IX.1964.
- ¹⁰² D. A. Schmidt. Yemen... с. 207; О. Г. Герасимов. Йеменская революция, с. 129—130.
- ¹⁰³ F. Halliday. Arabia..., с. 111.
- ¹⁰⁴ «U. S. News and World Report». 1965, № 21, с. 67—69.
- ¹⁰⁵ G. de Gaury. Faisal..., с. 126; R. R. Sullivan. Saudi Arabia..., с. 29.
- ¹⁰⁶ См.: Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 131.
- ¹⁰⁷ «The Times», 4.VIII.1965.
- ¹⁰⁸ F. Halliday. Arabia... с. 112—113; О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 130—132.
- ¹⁰⁹ Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 131—132.
- ¹¹⁰ A. Assah. Miracle..., с. 88—91; D. A. Schmidt. Yemen..., с. 238—239, 275—276; О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 134—135.
- ¹¹¹ Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 133.
- ¹¹² «The Times», 24.XI.1965; «Observer», 13, 27.XII.1965; A. Assah. Miracle... с. 92—95; О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 135—136.
- ¹¹³ Area Handbook..., с. 172; F. Halliday. Arabia..., с. 59; ООН. Генеральная Ассамблея, XXVI сессия, док. А/РУ, 1966, с. 2.
- ¹¹⁴ О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 136; «The New York Times» 25.11.1966; «The Times», 14.VI. 1966.
- ¹¹⁵ «The Egyptian Gazette», 23.VI.1966.
- ¹¹⁶ «Аль-Ахрам», 2.V. 1966.
- ¹¹⁷ «The Daily Telegraph and Morning Post», 18, 27.VIII. 1966; «The Guardian», 5.X.1966; О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 137.
- ¹¹⁸ Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 136.
- ¹¹⁹ КСА, с. 22271.
- ¹²⁰ Там же, с. 22276.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Там же, с. 22547.
- ¹²³ См.: Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 138.
- ¹²⁴ КСА, с. 22547; «Аль-Ахрам», 12.XI.1967; О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 124.
- ¹²⁵ КСА, с. 22548.
- ¹²⁶ Там же, с. 22548—22549; «Аль-Ахрам», 1.11.1968; J. C. Hurewitz. Middle East Politics..., с. 257; F. Halliday. Arabia..., с. 118—122..
- ¹²⁷ Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 142.
- ¹²⁸ F. Halliday. Arabia..., с. 122—126; О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 141—154.
- ¹²⁹ О. Г. Герасимов. Йеменская революция... с. 156—157.
- ¹³⁰ ИТ, 24.VII.1970.
- ¹³¹ «The Times», 30.VII.1970..
- ¹³² О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 157—159.

- ¹³³ Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 145—146.
- ¹³⁴ См.: О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 180—181.
- ¹³⁵ «Правда», 6, 28.XII.1969; О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 180—182.
- ¹³⁶ О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 182—184; Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 154.
- ¹³⁷ «The Economist», 13.X.1972, с. 37—38.
- ¹³⁸ О. Г. Герасимов. Йеменская революция..., с. 186—188.
- ¹³⁹ G. de Gaury. Faisal..., с. 98.
- ¹⁴⁰ Area Handbook..., с. 172; F. Halliday. Arabia..., с. 59—60; «The Guardian». 15.11.1974.
- ¹⁴¹ «The Guardian», 5.III.1974; F. Halliday. Arabia..., с. 59—61.
- ¹⁴² R. R. Sullivan. Saudi Arabia... с. 29.
- ¹⁴³ ИТ, 2.III.1971; Л. И. Медведко. Ветры перемен..., с. 171.
- ¹⁴⁴ «The Economist», 15.IV.1969, с. 24.
- ¹⁴⁵ КСА, с. 23072-А.
- ¹⁴⁶ «The Times», 21.XI. 1971.
- ¹⁴⁷ «The Times», 21.XII.1971; ИТ, 2.XII.1971.
- ¹⁴⁸ Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 194.
- ¹⁴⁹ «The Economist», 2.1.1972, с. 35.
- ¹⁵⁰ Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 195.
- ¹⁵¹ См. подробнее: А. М. Васильев. Факелы..., с. 157—173.
- ¹⁵² «The Economist», 21.11.1973, с. 34—35; R. R. Sullivan. Saudi Arabia..., с. 33.
- ¹⁵³ КСА, с. 24629.
- ¹⁵⁴ «The Times», 3, 4, 6.1.1970..
- ¹⁵⁵ «Аль-Ахрам», 2.VII. 1971; см. также: «Народы Азии и Африки». 1975, № 6, с. 45.
- ¹⁵⁶ «The Times», 31.VIII; 9.XI.1973; «The Economist», 9.VI.1973, с. 35—36.
- ¹⁵⁷ А. Assah. Miracle..., с. 96—98; «The Economist», 4.IV.1966, с. 1077—1078; «The Egyptian Gazette», 1.II.1966.
- ¹⁵⁸ «The Times», 13. IV. 1966.
- ¹⁵⁹ «Аль-Ахрам», 23.11.1966.
- ¹⁶⁰ Л. В. Валькова. Саудовская Аравия..., с. 168.
- ¹⁶¹ «The Times», 22.VIII.1969.
- ¹⁶² ИТ, 1.IX.1969.
- ¹⁶³ MER. Vol. 5 с. 578; «The Times», 25.IX. 1969.
- ¹⁶⁴ MER. Vol. 5. с. 578..
- ¹⁶⁵ «Умм аль-кура», 27.III.1970.
- ¹⁶⁶ «The Economist», 11.III.1972, с. 47; ИТ, 6.III.1972.
- ¹⁶⁷ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 165—166.
- ¹⁶⁸ Там же, с. 170.
- ¹⁶⁹ См. подробнее: А. М. Васильев. Факелы..., с. 91—94.
- ¹⁷⁰ Там же, с. 94—97.
- ¹⁷¹ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 173.
- ¹⁷² Там же, с. 174.
- ¹⁷³ «Middle East Economic Survey», 1972, № 48, с. 1.
- ¹⁷⁴ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 174.
- ¹⁷⁵ Sh. Klebanoff. Middle East Oil..., с. 150.
- ¹⁷⁶ ИТ, 20.IV.1973..
- ¹⁷⁷ Там же, 7, 8.VII. 1973.
- ¹⁷⁸ «The Times» 28, 31.VIII.1973; «The Economist», 1.IX.1973, с. 15—16, 34—35; 22.IX.1973, с. 64; ИТ, 31.VIII.1973.
- ¹⁷⁹ См.: А. М. Васильев. Факелы..., с. 100—102.

- ¹⁸⁰ «The Times», 8.X.1973.
¹⁸¹ «The Times», 10.X.1973.
¹⁸² «The Times», 15.X.1973.
¹⁸³ «The Times», 19, 23.X.1973; ИТГ. 1.X.1973.
¹⁸⁴ См.: А. М. Васильев. Факелы..., с. 107—108.
¹⁸⁵ В. В. Озолинг. Экономика..., с. 136—137.
¹⁸⁶ ИТГ, 25.XII.1973; W. Laquer. Confrontation..., с. 208—211.
¹⁸⁷ ИТГ, 5.IX. 7, 24.XI.1973.
¹⁸⁸ См.: А. М. Васильев. Факелы..., с. 107—108.
¹⁸⁹ «The Times», 10.XII.1973.
¹⁹⁰ ИТГ, 26, 27.XII.1973.
¹⁹¹ «The Times», 18.III.1974..

Глава XVIII

- ¹ R. Knauerhase The Saudi Arabian Economy, с. 287.
² G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 89.
³ H. Philby. Forty Years..., с. 38—39.
⁴ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 178.
⁵ Там же, с. 179.
⁶ Там же.
⁷ В. В. Озолинг. Саудовская Аравия, с. 105—106; G. Lipsky. Saudi Arabia... с. 195.
⁸ Аль-мамляка..., с. 103—104; G. Lipsky. Saudi Arabia... с. 195; В. В. Озолинг. Саудовская Аравия, с. 106—107.
⁹ БИКИ. 1972, № 13, с. 8.
¹⁰ БИКИ. 1973, № 98, с. 8.
¹¹ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 198.
¹² «Умм аль-кура», 8.1.1960; В. В. Озолинг. Экономика..., с. 164.
¹³ Area Handbook..., с. 294; G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 198.
¹⁴ В. В. Озолинг. Экономика..., с. 165.
¹⁵ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 198.
¹⁶ R. Knauerhase, The Saudi Arabian Economy, с. 250—252.
¹⁷ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 189—190.
¹⁸ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 758.
¹⁹ Area Handbook..., с. 210.
²⁰ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 316—320; Area Handbook..., с. 210.
²¹ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 301.
²² В. В. Озолинг. Экономика..., с. 174.
²³ Там же.
²⁴ Там же.
²⁵ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 301.
²⁶ В. В. Озолинг. Экономика..., с. 166.
²⁷ «Middle East Reporter», 16.VII.1977..
²⁸ Там же; Newsweek», 6.111.1978.
²⁹ См. В. В. Озолинг. Саудовская Аравия..., с. 57.
³⁰ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 232—233.
³¹ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма, с. 362.
³² Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 242—243.
³³ G. Kheirallah. Arabia Reborn, с. 202—204.
³⁴ Там же.
³⁵ В. В. Озолинг. Саудовская Аравия, с. 59.
³⁶ Там же, с. 59—60.

- ³⁷ Аль-мамляка..., с. 122.
- ³⁸ В. В. Озолинг. Экономика..., с. 10—11.
- ^{38a} Этот термин был впервые использован Р. Н. Андреасяном в статье «„Нефтяное процветание" и капиталистическая трансформация аравийских монархий» («Азия и Африка сегодня». 1979, № 1).
- ³⁹ В. В. Озолинг. Экономика..., с. 69—70.
- ⁴⁰ «Overseas Business Report». 1970, № 38, с. 11.
- ⁴¹ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 136.
- ⁴² Там же, с. 142.
- ⁴³ Jeddah 68/69, с. 88—89.
- ⁴⁴ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 14.
- ⁴⁵ В. В. Озолинг. Экономика..., с. 72.
- ⁴⁶ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 132.
- ⁴⁷ Там же, с. 136.
- ⁴⁸ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 235.
- ⁴⁹ «Middle East Economic Digest». 1964, vol. 8, № 10, с. 117.
- ⁵⁰ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 136.
- ⁵¹ Там же, с. 144; В. В. Озолинг. Экономика..., с. 76.
- ⁵² В. В. Озолинг. Саудовская Аравия, с. 66—67; В. В. Озолинг. Экономика..., с. 74.
- ⁵³ «Умм аль-кура», 4.1У.1969; «Кафилят аз-зайт». 1970, т. 18, № 3, с. 46.
- ⁵⁴ «Middle East Economic Survey». 1973, vol. 16, № 17, с. 7.
- ⁵⁵ «Кафилят аз-зайт». 1972, т. 20, № 1, с. 34.
- ⁵⁶ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 144.
- ⁵⁷ «Middle East and North Africa». 1972—1973, с. 597; «Middle East Economic Digest». 1964, vol. 8, № 20, с. 235; «Middle East Economic Digest». 1970, vol. 14, № 3, с. 72; В. В. Озолинг. Экономика..., с. 81—82.
- ⁵⁸ «Кафилят аз-зайт». 1970, т. 18, № 7, с. 39; В. В. Озолинг. Экономика..., с. 74.
- ⁵⁹ «Умм аль-кура», 23.VII. 1965; «Аль-Вакаи аль-арабийя». 1965, № 3, с. 362.
- ⁶⁰ Ares Handbook..., с. 238; В. В. Озолинг. Экономика..., с. 93—94.
- ⁶¹ Аль-Гадири. Ат-тахадди..., с. 96.
- ⁶² В. В. Озолинг. Экономика..., с. 95.
- ⁶³ «Middle East and North Africa». 1964—1965, с. 471.
- ⁶⁴ См. подробнее: В. В. Озолинг. Экономика..., с. 97—99.
- ⁶⁵ Там же, с. 99—105.
- ⁶⁶ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 76.
- ⁶⁷ В. В. Озолинг. Экономика..., с. 161.
- ⁶⁸ Labor Law..., с. 10; В. В. Озолинг. Экономика..., с. 76.
- ⁶⁹ В. В. Озолинг. Саудовская Аравия, с. 117.
- ⁷⁰ В. В. Озолинг. Экономика..., с. 181 — 183.
- ⁷¹ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 239.
- ⁷² Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 251; В. В. Озолинг. Саудовская Аравия, с. 127.
- ⁷³ ИИТ. 1978, February, с. 2.
- ⁷⁴ P. Bonnenfant. Utilisation..., с. 61.
- ⁷⁵ Там же, с. 62.
- ⁷⁶ ИИТ. 1978, February, с. 2.
- ⁷⁷ Ф. Шакир. Далиль аль-мамляка..., с. 323.
- ⁷⁸ H. Philby. Forty Years..., с. 33; D. van der Meulen. The tyells of Ibn Saud, с. 217.
- ⁷⁹ P. Bonnenfant. Utilisation..., с. 62.
- ⁸⁰ Jeddah 68/69, с. 109.
- ⁸¹ ИИТ. 1978, February, с. 2.
- ⁸² P. Hobday. Saudi Arabia Today, с. 83—84.

- ⁸³ «Middle East Economic Digest». Saudi Arabia, Special Issue. 1978, с. 75.
- ⁸⁴ Area Handbook..., с. 218—219
- ⁸⁵ Там же, с. 220.
- ⁸⁶ Там же, с. 220—221.
- ⁸⁷ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 120; G. Lipsky, Saudi Arabia..., с. 210—211.
- ⁸⁸ Area Handbook..., с. 221.
- ⁸⁹ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 210.
- ⁹⁰ В. В. Озолинг. Экономика..., с. 25.
- ⁹¹ «Аль-киتاب аль-ихсайй ас-санауий», т. 3, с. 137.
- ⁹² Labor Law..., с. 9.
- ⁹³ Area Handbook..., с. 222.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ В. В. Озолинг. Саудовская Аравия, с. 41.
- ⁹⁶ Area Handbook..., с. 222.
- ⁹⁷ Там же, с. 223.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же, с. 224.
- ¹⁰⁰ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 120.
- ¹⁰¹ Labor Law..., с. 9.
- ¹⁰² Area Handbook..., с. 225.
- ¹⁰³ Там же, с. 226.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ «Labor Development Abroad». 1969, № 8, с. 2.
- ¹⁰⁷ «Аль-киتاب аль-ихсайй ас-санауий». т. 3, с. 128.
- ¹⁰⁸ Там же, т. 2, с. 110—111.
- ¹⁰⁹ Там же, т. 3, с. 137—138.
- ¹¹⁰ Там же; Labor Law..., с. 9.
- ¹¹¹ См.: М. А. Хрусталеv. Социальная структура..., с. 31.
- ¹¹² См.: Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 230.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ «Умм аль-кура», 19.1X.1968; «The Times», 29.XI.1971; «The Economist». 1971, 7—13 August, с. 25.
- ¹¹⁵ «Умм аль-кура», 19.1X.1968.
- ¹¹⁶ Аш-Шариф. Минтакат анайза..., с. 120—124.
- ¹¹⁷ См.: М. Katakura. Bedouin Village....
- ¹¹⁸ Суммировано по: Area Handbook..., с. 213; Е. Y. Asfour. Saudi Arabia..., с. 15; В. В. Озолинг. Экономика..., с. 4; R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 113; K. S. Twitchell. Saudi Arabia, с. 21; «Le Monde diplomatique». 1974, fevrier, с. 26—27.
- ¹¹⁹ Е. Y. Asfour. Saudi Arabia ..., с. 57; «Geography». 1970, vol. 55, № 4, с. 415; В. В. Озолинг. Экономика..., с. 24.
- ¹²⁰ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 113.
- ¹²¹ Area Handbook..., с. 238; G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 214.
- ¹²² Area Handbook..., с. 237.
- ¹²³ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 126.
- ¹²⁴ Там же, с. 113.
- ¹²⁵ Labor Law..., с. 9.
- ¹²⁶ Area Handbook..., с. 227.
- ¹²⁷ P. Vonnenfant. Utilisation..., с. 64.
- ¹²⁸ Там же; В. В. Озолинг. Экономика..., с. 28—29.
- ¹²⁹ В. В. Озолинг. Экономика..., с. 59—62.

- ¹³⁰ Там же, с. 62.
- ¹³¹ «Financial Times», 19.XII.1972; Area Handbook..., с. 227.
- ¹³² The Kingdom of Saudi Arabia, с. 138.
- ¹³³ Джамиат ад-дуваль аль-арабийя..., с. 411—412.
- ¹³⁴ Area Handbook..., с. 233.
- ¹³⁵ Там же; E. Asfour. Saudi Arabia..., с. 98; «The Middle East and North Africa». 1965—1966, с. 491; В. В. Озолинг. Экономика..., с. 33.
- ¹³⁶ K. S. Twitchell. Saudi Arabia, с. 21.
- ¹³⁷ Джамиат ад-дуваль аль-арабийя..., с. 403.
- ¹³⁸ Area Handbook..., с. 213.
- ¹³⁹ «Аль-Биляд ас-Саудийя», 11.VIII.1967.
- ¹⁴⁰ Labor Law..., с. 39; «Le Monde diplomatique». 1974, fevrier; НАА. 1975, № 6, с. 42—43.
- ¹⁴¹ H. Philby. Forty Years..., с. 57.
- ¹⁴² R. H. Sanger. The Arabian Peninsula, с. 111 — 112.
- ¹⁴⁴ F. S. Vidal. The Oasis..., с. 94.
- ¹⁴⁵ D. P. Cole. Bedouins..., с. 25.
- ¹⁴⁶ Там же, с. 25—26.
- ¹⁴⁷ О начале этого процесса писал М. Чини (M. S. Cheney. Big Oilman..., с. 300)
- ¹⁴⁸ Джамиат ад-дуваль аль-арабийя..., с. 408.
- ¹⁴⁹ Area Handbook..., с. 60.
- ¹⁵⁰ Джамиат ад-дуваль аль-арабийя..., с. 407—408.
- ¹⁵¹ Area Handbook..., с. 56; G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 186, 211; F.-J. Tomishe. L'Arabie Saoudite, с. 87.
- ¹⁵² F. S. Vidal. The Oasis..., с. 101; M. S. Cheney. Big Oilman..., с. 300.
- ¹⁵³ M. Katakura. Bedouin Village..., с. 167.
- ¹⁵⁴ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 219.
- ¹⁵⁵ H. Philby. Forty Years..., с. 57.
- ¹⁵⁶ Area Handbook..., с. 56; G. Kheirallah. Arabia Reborn, с. 161; G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 78, 264.
- ¹⁵⁷ Labor Law..., с. 14.
- ¹⁵⁸ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 79, 91.
- ¹⁵⁹ Там же, с. 162; M. S. Cheney. Big Oilman..., с. 293.
- ¹⁶⁰ Джахим..., с. 148.
- ¹⁶¹ «International Labour Review». 1957, March, с. 195.
- ¹⁶² Ch. N. Hamilton. Americans..., с. 168.
- ¹⁶³ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 207.
- ¹⁶⁴ Джахим, с. 308.
- ¹⁶⁵ M. S. Cheney. Big Oilman..., с. 240; W. Rugh. Emergence..., с. 16.
- ¹⁶⁶ W. Rugh. Emergence... с. 16.
- ¹⁶⁷ «Кафилят аз-зайт». 1971, т. 19, № 3, с. 28.
- ¹⁶⁸ «Аль-Битруль валь-газ аль-арабийя». 1969, № 8, с. 47; Labor Law..., с. 36.
- ¹⁶⁹ W. Rugh, Emergence..., с. 16.
- ¹⁷⁰ Labor Law..., с. 39.
- ¹⁷¹ «Кафилят аз-зайт». 1971, т. 19, № 3, с. 30.
- ¹⁷² Area Handbook..., с. 258.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ «Аль-китаб аль-ихсайя ас-санауий», т. 5, с. 376.
- ¹⁷⁵ Area Handbook..., с. 258.
- ¹⁷⁶ Labor Law..., с. 27.
- ¹⁷⁷ М. А. Хрусталева. Социальная структура..., с. 31.
- ¹⁷⁸ «Labor Development Abroad». 1969, № 8, с. 10.

- ¹⁷⁹ Аш-Шариф. Минтакат анайза..., с. 158.
- ¹⁸⁰ Labor Law..., с. 53.
- ¹⁸¹ Аш-Шариф. Минтакат анайза..., с. 168, 195.
- ¹⁸² Там же, с. 168.
- ¹⁸³ Там же, с. 198—199.
- ¹⁸⁴ Там же, с. 238—239.
- ¹⁸⁵ Там же, с. 239—240.
- ¹⁸⁶ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 157—158.
- ¹⁸⁷ Аш-Шариф. Минтакат анайза..., с. 168.
- ¹⁸⁸ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 165.
- ¹⁸⁹ Там же, с. 166—167.
- ¹⁹⁰ Area Handbook..., с. 262.
- ¹⁹¹ Там же, с. 259.
- ¹⁹² Сводка сделана по: Area Handbook..., с. 19; «Middle East Economic Digest». 1971, vol. 15, № 16, с. 398; «Overseas Business Report». 1971, № 25, с. 4.
- ¹⁹³ Area Handbook..., с. 259.
- ¹⁹⁴ Там же.
- ¹⁹⁵ R. Knauehase. The Saudi Arabian Economy, с. 13.
- ¹⁹⁶ Labor Law..., с. 34—36.
- ¹⁹⁷ В. В. Озолинг. Экономика..., с. 6.
- ¹⁹⁸ M. W. Wenner. Saudi Arabia..., с. 170.
- ¹⁹⁹ Labor Law..., с. 63—64..
- ²⁰⁰ Там же, с. 64.
- ²⁰¹ M. W. Wenner. Saudi Arabia..., с. 171.
- ²⁰² D. E. Long. Saudi Arabia, с. 50.
- ²⁰³ Р. Н. Андреасян. «Нефтяное процветание»..., с. 11.
- ²⁰⁴ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 169.
- ²⁰⁵ P. Bonnenfant. Utilisation..., с. 65—66.
- ²⁰⁶ «The Guardian», 2.V. 1973.
- ²⁰⁷ Там же.
- ²⁰⁸ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира..., с. 1349—1357.
- ²⁰⁹ Area Handbook..., с. 261.
- ²¹⁰ Там же, с. 262.
- ²¹¹ «The Times», 28.1.1974.
- ²¹² G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 168..
- ²¹³ Н. И. Прошин. Саудовская Аравия, с. 272.
- ²¹⁴ Labor Law..., с. 56.
- ²¹⁵ Там же.
- ²¹⁶ Там же, с. 57.
- ²¹⁷ Там же, с. 65—85.
- ²¹⁸ Там же, с. 88, 92.
- ²¹⁹ Там же, с. 60—61.
- ²²⁰ Там же, с. 82.
- ²²¹ Там же, с. 56.
- ²²² Там же, с. 55—56.
- ²²³ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 277.
- ²²⁴ Там же, с. 279.
- ²²⁵ Labor Law..., с. 14.
- ²²⁶ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 280—282.
- ²²⁷ W. Rugh, Emergence..., с. 17.
- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ Area Handbook..., с. 102.

- ²³⁰ M. W. Wenner. Saudi Arabia..., с 176
²³¹ «The Times», 28.1.1974.
²³² R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с 211.
²³³ Там же, с. 218
²³⁴ «The Times», 28.1.1974.
²³⁶ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 221; Labor Law..., с. 25.
²³⁶ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 221; «The Times», 28.1.1974
²³⁷ D. E. Long. Saudi Arabia, с. 14.
²³⁸ Area Handbook..., с. 97.
²³⁹ «The Times», 28.1.1974.
²⁴⁰ G. de Gaury. Faisal..., с. 166—167.
²⁴¹ The Kingdom of Saudi Arabia, с. 200.

Глава XIX

- ¹ «Time», 19.XI.1973, с. 90—91; Labor Law..., с. 13.
² См. G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 116.
³ M. W. Wenner. Saudi Arabia..., с. 168.
⁴ «Le Monde diplomatique». 1974, fevrier, с. 26—27.
⁵ Area Handbook..., с. 157.
⁶ Там же.
⁷ ИТ. 1978, February, с. 2.
⁸ Там же.
⁹ Там же.
¹⁰ D. E. Long. Saudi Arabia, с. 29.
¹¹ ИТ. 1978, February, p. 2; P. Hobday. Saudi Arabia Today, с. 65.
¹² J.-L. Soulie et L. Champenois. Le Royaume..., с. 59.
¹³ ИТ. 1978, February, p. 2..
¹⁴ Там же.
¹⁵ D. E. Long. Saudi Arabia, с. 29—30.
¹⁶ A. R. Kelidar. The Problem..., с. 30.
¹⁷ ИТ. 1978, February, p. 2.
¹⁸ Там же.
¹⁹ D. E. Long. Saudi Arabia, с. 29.
²⁰ ИТ. 1978, February, p. 2.
²¹ Там же.
²² Там же.
²³ Там же.
²⁴ Там же.
²⁵ См. Area Handbook..., с. 143.
²⁶ G. de Gaury. Faisal..., с. 166.
²⁷ Area Handbook..., с. 193.
²⁸ J.-L. Soulie et L. Champenois. Le Royaume..., с. 80.
²⁹ MER. Vol. 1, с. 379.
³⁰ P. Bonenfant. Utilisation..., с. 69.
³¹ D. E. Long. Saudi Arabia, с. 41.
³² «The Financial Times», 24.1.1973.
³³ D. E. Long. Saudi Arabia, с. 32—34.
³⁴ «The Financial Times», 24.1.1973.
³⁵ Area Handbook..., с. 35.
³⁶ Там же, с. 191; G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 124.
³⁷ Area Handbook..., с. 191.

- ³⁸ Аз-Зирикли. Шибх аль-джазира, с. 992—993.
- ³⁹ Area Handbook..., с. 321.
- ⁴⁰ Там же, с. 324—325.
- ⁴¹ Там же, с. 325.
- ⁴² Там же, с. 326—327.
- ⁴³ Там же, с. 330—331.
- ⁴⁴ D. E. Long. Saudi Arabia, с. 37.
- ⁴⁵ The Kingdom of Saudi Arabia, с. 127.
- ⁴⁶ М. А. Хрусталеv. Социальная структура..., с. 34—35.
- ⁴⁷ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 115.
- ⁴⁸ Там же, с. 116.
- ⁴⁹ А. Саид. Тарих... Т. 3, с. 69—72.
- ⁵⁰ Там же, с. 70.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Area Handbook..., с. 139.
- ⁵³ «Аль-китаб аль-ихсаий ас-санауий». Т. 3, с. 327—330.
- ⁵⁴ М. Садик. Татаввур..., с. 197—198.
- ⁵⁵ «Умм аль-кура», 9.IV.1971.
- ⁵⁶ J.-L. Soulie et L. Champenois. Le Royaume..., с. 123.
- ⁵⁷ Там же, с. 124; Area Handbook..., с. 145; R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy..., с. 33.
- ⁵⁸ J.-L. Soulie et L. Champenois. Le Royaume..., с. 123.
- ⁵⁹ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 126.
- ⁶⁰ Area Handbook..., с. 148.
- ⁶¹ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 126.
- ⁶² D. E. Long. Saudi Arabia..., с. 41.
- ⁶³ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy, с. 33.
- ⁶⁴ D. E. Long. Saudi Arabia, с. 33.
- ⁶⁵ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 127.
- ⁶⁶ Там же, с. 128.
- ⁶⁷ См.: М. W. Wenner. Saudi Arabia..., с. 180.
- ⁶⁸ W. Rugh. Emergence..., с. 15—17.
- ⁶⁹ Там же, с. 17—18.
- ⁷⁰ D. E. Long. Saudi Arabia, с. 16.
- ⁷¹ С. аль-Мухаммасани. Аль-авдаа..., с. 344.
- ⁷² См. The Kingdom of Saudi Arabia, с. 124.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ R. Knauerhase. The Saudi Arabian Economy..., с. 25.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ MER. Vol. 2, с. 424.
- ⁷⁸ The Kingdom of Saudi Arabia, с. 124.
- ⁷⁹ С. аль-Мухаммасани. Аль-авдаа..., с. 325—330.
- ⁸⁰ Area Handbook..., с. 193.
- ⁸¹ The Kingdom of Saudi Arabia, с. 125.
- ⁸² D. E. Long. Saudi Arabia, с. 39; The Kingdom of Saudi Arabia, с. 124; Area Handbook..., с. 194.

Заклучение

¹ См.: «Middle East Economic Digest». 1964, vol. 8, № 10, с. 117.

² См.: Area Handbook..., с. 5.

- ³ Там же, с. 65.
⁴ G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 99.
⁵ Area Handbook..., с. 201..
⁶ См.: М. W. Wenner. Saudi Arabia..., с. 167.
⁷ См.: G. Lipsky. Saudi Arabia..., с. 311.
⁸ Area Handbook..., с. 201.
⁹ G. de Gaury. Faisal..., с. 10.

БИБЛИОГРАФИЯ*

(Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений, произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений (5-е изд.))*

- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — Т. 8.
 Маркс К. Западные державы и Турция. — Т. 10.
 Маркс К. Капитал. — Т. 23—25.
 Маркс К. К критике политической экономии. — Т. 46. Ч. 1.
 Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Т. 3.
 Маркс К. и Энгельс Ф. Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция. — Т. 9.
 Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. — Т. 21.
 Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Т. 3.
 Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Т. 11.
 Ленин В. И. Пробуждение Азии. — Т. 23.
 Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу. — Т. 23.
 Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Т. 27.
 Ленин В. И. Тетради по империализму. — Т. 28.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

на русском языке

- Адамов А. Ирак Арабский. Бассорский вилайэт в его прошлом и настоящем. СПб., 1912.
 Андреасян Р. Н. «Нефтяное процветание» и капиталистическая трансформация аравийских монархий. — «Азия и Африка сегодня». 1979, № 1.
 Андреасян Р. Н. и Казюкова А. Д. ОПЕК в мире нефти. М., 1978.
 Андреасян Р. Н. и Эльянова А. Я. Ближний Восток: нефть и независимость. М., 1961.
 Архив внешней политики России. Ф. «Посольство в Константинополе». «Полит-архив». 1800—1818, 1898—1914.
 Архив внешней политики СССР. Ф. № 127, 1924—1938.
 Ашраф К. М. Представители мусульманского Возрождения и события 1857 г. — Народное восстание в Индии 1857—1859. М., 1957.
 Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 1962.
 Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
 Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965.
 Беляев Е. А. Мусульманское сектантство. М., 1957.
 Беляев Е. А. (составитель). Происхождение ислама. Хрестоматия. М., 1931.

- Беляев И. П. Американский империализм в Саудовской Аравии. М., 1957.
- Бодянский В. Л. и Лазарев М. С. Саудовская Аравия после Сауда. М., 1967.
- Бондаревский Г. Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). М., 1968.
- Валькова Л. В. Саудовская Аравия в международных отношениях. М., 1979.
- Васильев А. М. Идеология раннего ваххабизма. — «Народы Азии и Африки» 1965, № 6.
- Васильев А. М. Некоторые особенности социально-политической структуры Саудовской Аравии (20—30-е гг.). — «Народы Азии и Африки». 1980, № 5.
- Васильев А. М. Нефть: монополии и народы. М., 1964.
- Васильев А. М. Первое государство Саудидов в Аравии. — Арабские страны. История. Экономика. М., 1966.
- Васильев А. М. Пуристане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45—1818). М., 1967.
- Васильев А. М. Саудовская Аравия между архаизмом и современностью. — «Азия и Африка сегодня». 1980, № 8—9.
- Васильев А. М. Факелы Персидского залива. М., 1976.
- Волней К.-Ф. Путешествие Волней в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах. Ч. 1—2. М., 1791 — 1793.
- Герасимов О. Г. Йеменская революция 1962—1975 гг. М., 1979.
- Герасимов О. Г. Саудовская Аравия. М., 1977.
- Голубовская Е. К. Революция 1962 г. в Йемене. М., 1971.
- Гришечкин К. И. Рабочее движение в Саудовской Аравии. — Профсоюзы стран Ближнего и Среднего Востока, М., 1966.
- [Давлетшин]. Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз. СПб., 1899.
- Денни Л. Борьба за нефтяную монополию. Пер. с англ. М., 1934.
- Ал-Джабарти, Абд ар-Рахман. Египет под властью Мухаммеда Али (1806-1821). М., 1963.
- Длин Н. А., Зверев Л. С. Кувейт. М., 1968.
- Забилов Б. Ш., Шукин Е. А. Под небом Аравии. М., 1963.
- Иванов Н. А. Марокко. — История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976.
- Иванов Н. А. О типологических особенностях арабо-османского феодализма. — «Народы Азии и Африки». 1978, № 3.
- Иванов Н. А. Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в. — Арабские страны. История. М., 1963.
- Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. М., 1956.
- Котлов Л. Н. Иордания в новейшее время. М., 1962.
- Котлов Л. Н. Йеменская Арабская Республика. М., 1971.
- Котлов Л. Освободительное восстание в Омане в 1957—1959 гг. — Арабские страны. История. Экономика. М., 1970.
- Котлов Л. Н. СССР и страны Аравийского полуострова. — Советско-арабские дружественные отношения. М., 1961.
- Крымский А. История арабов и арабской литературы. Ч. 1—2. М., 1911 — 1912.
- Кунина А. Доктрина Эйзенхауэра. М., 1957.
- Лазарев М. С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914—1918). М., 1960.
- Левин И. и Мамаев В. Государственный строй стран Арабского Востока. М., 1957.
- Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Пер. с англ. Т. 1—2. М., 1957.
- Луцкий В. Б. Лига арабских государств. М., 1946.
- Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1965.

- Мавлютов Р. Р. Ислам. М., 1971.
- Массэ А. Ислам (очерк истории). Пер. с франц. М., 1962.
- Медведко Л. И. Ветры перемен в Персидском заливе. М., 1975.
- Медведко Л. И. К востоку и западу от Суэца. М., 1981. Международный нефтяной картель. М., 1954.
- Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М. — Л., 1947.
- Минаев В. Подрывная деятельность германского фашизма на Ближнем Востоке. М., 1942.
- Новейшая история арабских стран. М., 1968.
- Носенко В. И. Саудовско-йеменская борьба из-за Асира. — История и экономика стран Арабского Востока и Северной Африки. М., 1975.
- О секте ваабиев, отпавших от магометанства. — «Журнал различных предметов словестности». 1805, т. 2. № 1; № 2.
- Озолинг В. В. Саудовская Аравия. М., 1968.
- Озолинг В. В. Экономика Саудовской Аравии. М., 1975.
- О'Коннор. Империя нефти. Пер. с англ. М., 1958.
- Орлов Е. А. Внешняя политика Ирана после второй мировой войны. М., 1975.
- Палм Датт Г. Кризис Британии и Британской империи. Пер. с англ. М., 1954.
- Пензин Д. Саудовская Аравия — нефть и развитие. — «Мировая экономика и международные отношения». 1976, № 11.
- Перло В. Американский империализм. Пер. с англ. М., 1951.
- Першиц А. И. Арабы Аравийского полуострова. М., 1958.
- Першиц А. И. Некоторые особенности классового образования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов. — Становление классов и государства. М., 1976.
- Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961.
- Пирен Ж. Открытие Аравии. Пять веков путешествий и исследований. Пер. с франц. М., 1970.
- Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке (1945—1966). М., 1966.
- Политика США на Арабском Востоке. М., 1961.
- Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.
- Провал «доктрины Эйзенхауэра». М., 1958.
- Прошин Н. И. Саудовская Аравия. М., 1964.
- Прошин Н. И. Страны Аравийского полуострова. М., 1958.
- Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.
- Ралли А. Мекка в описаниях европейцев. Таш., 1913.
- Рафик Муса. В мятежной Аравии. — «Международная жизнь». 1928, № 6.
- Рачков Б. В. Нефть и мировая политика. М., 1972.
- Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.
- Саид, Амин. Восстание арабов в XX веке. Пер. с араб., М., 1964.
- Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
- Степанова З. Н. Борьба арабов за объединение Центральной Аравии и образование Саудовского королевства. ЛГУ, 1950 (канд. дис.).
- Томара М. Истоки ваххабитизма. — «Атеист». 1930, № 53.
- Феоктистов А. Саудовская Аравия в арабском мире. — «Международная жизнь». 1977, № 6.
- Хрусталева М. А. Социальная структура саудийского общества. — «Народы Азии и Африки». 1973, № 4.
- Чураков М. В. «Новая история Неджда» Амина ар-Рейхани как источник по этнографии Центральной Аравии. — «Советская этнография». 1960, № 1.

- Щербатов А. Г. и Строганов С. А. Книга об арабской лошади. СПб., 1900.
 Щербатова О. А. Верхом на родине бедуинов. СПб., 1903.
 Яковлев А. И. Запад и социально-экономическое развитие Саудовской Аравии. — «История и экономика арабских стран». М., 1977.

на арабском языке

- Абд аль-Азиз аль-Авваль. Ар-рисаля (Послание). [Б. м., б. г.).
 Абд аль-Джаббар, Абдаллах. Ат-тайарат аль-адабийя аль-хадиса фи кальб аль-джазира аль-арабийя (Современные литературные течения в сердце Аравийского полуострова). Дамаск, 1959.
 Абдаллах. Музаккярат аль-малик абдаллах ибн аль-хусейн (Воспоминания короля Абдаллаха ибн Хусейна). Амман, 1965.
 Абдуррахим, Абдуррахим Абдуррахман. Ад-давля ас-саудийя аль-уля (1745—1818). (Первое Саудовское государство). Каир, 1969.
 Абу Алия. Абд аль-Фаттах. Ад-давля ас-саудийя ас-сания 1256—1309 х. /1840—1891 (Второе государство Саудидов 1256—1309 х./1840—1891). Эр-Рияд, 1974.
 Аль-Аджляни, Мунир. Тарих аль-бияд аль-арабийя ас-саудийя (История Саудовской Аравии). Бейрут.
 Аль-Аккад, Аббас Махмуд. Аль-ислам фи-ль-карн аль-ишрин (Ислам в XX веке). Каир, 1960.
 Али, Ахмед. Ааль Сауд (Саудиды). Мекка, 1372 х./1957.
 аль-Алюси, Махмуд Шукри. Тарих наджд (История Неджда). Каир, 1343 х.
 Амин, Ахмед. Зуама аль-ислах фи-ль-аср аль-хадис (Лидеры реформ в современную эпоху). Каир, 1949.
 Аттар, Ахмед Абд аль-Гафур. Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб. [Б. м.], 1943.
 аль-Ахсаи, Мухаммед ибн Абдаллах. Тухфат аль-мустафид битарих аль-ахса фи-ль-кадим ва-ль-джадид (Диковинка извлекающего пользу из древней и новой истории Эль-Хасы). Т. 1—2. Эр-Рияд, 1960.
 аль-Багдади, Ибрагим Фасых аль-Хаидари. Унван аль-маджд фи баян ахваль багдад вабасра ванаджд (Символ славы в событиях в Багдаде, Басре и Неджде). Багдад, 1962.
 аль-Бассам, Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Азиз. Тухфат аль-муштакк фи ахбар наджд ва-ль-хиджаз ва-ль-ирак (Диковинное извлечение из сообщений о Неджде, Хиджазе и Ираке). Неджд (Микрофильм рукописной хроники).
 Васильев Алексей. Битруль аль-халидж валь-кадыйя аль-арабийя (Нефть залива и арабская проблема). Каир, 1979.
 Вахба, Хафиз. Джазират аль-араб фи-ль-карн аль-ишрин (Аравийский полуостров в XX веке). Каир, 1961.
 Вахба, Хафиз. Хамсуна амман фи джазират аль-араб (Пятьдесят лет на Аравийском полуострове). Каир, 1380 х. /1960.
 Визарат аль-хариджийя. Маджмуат аль-муахадат мин 1341 —1370 (Министерство иностранных дел. Сборник договоров 1341 —1370). Джидда, 1375 х. /1955-56.
 Визарат аль-хариджийя. Сахыфа тарихийя ан аль-муфавадат аль-ахира (Министерстве иностранных дел. Исторический бюллетень о последних переговорах). Мекка, 1925.
 аль-Гадири, Нахад. Ат-тахадди аль-кабир (Большой вызов). Бейрут, 1965.
 ад-Дахиль, Сулейман ибн Сабах. Аль-кауль ас-садид фи ахбар имарат ар-Рашид (Благоразумное слово о событиях в эмирате Рашидидов). Эр-Рияд, 1966.
 Дахлан, Ахмед ибн Зайни. Хуласат аль-калям фи баян умара аль-баляд аль-харам (Краткое слово в сообщении об эмирах священного города). Каир, 1305 х.
 [Х. А.] Джазират аль-араб туттахиму хуккамаха (Аравийский полуостров обвиняет своих правителей). Каир, 1949.

Джамиат ад-дуваль аль-арабийя. Идарат аш-шуун аль-иджтимаийя ва-ль-амаль. Рияят аль-баду ватахдырухум ватаутынухум (Лига арабских стран. Администрация социальных дел и труда. Забота о бедуинах, их оседание и привлечение к цивилизации). Каир, 1965.

Джахим аль-хукм ас-саудий (Ад саудовского правления), Джабхат аль-ислах аль-ватаний фи-с-саудийя (Фронт национальной реформы в Саудовской Аравии). [Б. м.] , 1957.

аз-Зирикли, Хайр ад-Дин, Аль-Алям (Справочник). Каир, 1954-1950

аз-Зирикли, Хайр ад-Дин. Ма раайту вама самиту мин димашк иля макка (Что я видел и что слышал по пути из Дамаска в Мекку). Каир, 1933

аз-Зирикли, Хайр ад-Дин. Шибх аль-джазира фи ахд аль-малик абд аль-азиз (Аравийский полуостров в эпоху короля Абд аль-Азиза). Т. 1-4. Бейрут, 1970.

Ибн Абд аль-Ваххаб, Мухаммед. Арбаа расаиль (Четыре послания). Тиса расаиль фи-т-таухид (Девять посланий о единобожии). Китаб ат-таухид (Книга единобожия). Китаб кашф шубухат фи-т-таухид (Книга обнаружения сомнений в единобожии). — Маджмуат ат-таухид ан-надждийя (Недж-дийский сборник единобожия). Каир, 1375 х.

Ибн Абд аль-Ваххаб, Мухаммед. Масаиль аль-джахилийя алляти халяфа фиха расуль аллах ахль аль-джахилийя (Вопросы джахилийи, о которых спорили посланник Аллаха и люди джахилийи). Каир, 1348.

Ибн Абд аль-Ваххаб, Мухаммед. Муфид аль-мустафид фи куфр тарик ат-таухид (Назидание извлекающему пользу из нечестивости покинувшего единобожие). Каир, 1954.

Ибн Абд аль-Ваххаб, Мухаммед. Мухтасир сират ар-расуль (Краткое изложение жития посланника). Каир, 1375 Х./1956.

Ибн Абд аль-Ваххаб, Мухаммед. Ситтат усуль азыма (Шесть великих принципов. Каир. [Б. г.]).

Ибн Абд аль-Ваххаб, Мухаммед. Усуль аль-иман (Принципы веры). Фадль аль-ислам (Достоинство ислама). Китаб аль-кабаир (Книга смертных грехов). Насыхат аль-муслимина биахадис хатим аль-мурасилина (Совет мусульманам на основе преданий о печати пророков). — Маджмуат аль-хадис ан-надждийя (Недждийский сборник хадисов). Каир, 1375 х.

Ибн Абд аль-Ваххаб, Мухаммед. Аль-усуль ас-саляса виадиллятуха (Три принципа и их доказательства). Каир.

Ибн Абд аль-Ваххаб. Абдаллах ибн Мухаммед. Аль-кали мат ан-нафия фи-ль-мукаяффарат аль-вакиа (Полезные слова о действительном неверии). — Маджмуат ат-таухид ан-надждийя (Недждийский сборник единобожия). Каир, 1375 х.

Ибн Абд аль-Ваххаб, Абдаллах ибн Мухаммед. Ар-рисаля (Послание).— Аль-хадийя ас-суннийя ват-тухфа аль-ваххабийя ан-надждийя (Суннитский дар и ваххабитская недждийская диковинка). Каир, 1342 х.

Ибн Бишр, Осман. Унван аль-маджд фи тарих наджд (Символ славы в истории Неджда). Ч. 1—2. Мекка, 1349 х.

Ибн Ганнам, Хусейн. Тарих наджд аль-мусамма раудат аль-афкяр валь-афхам (История Неджда, называемая садом мыслей и понятий). Ч. 1—2. Каир, 1949.

Ибн Иса, Ибрагим ибн Салих. Тарих бааду ль-хавадис аль-вакиа фи наджд (История некоторых событий, происшедших в Неджде). Эр-Рияд, 1386 х. /1966.

Ибн Рашид, Дари ибн Фухайд. Нубза тарихийя ан наджд (Исторический очерк о Неджде). Эр-Рияд, 1966.

Ибн Санад аль-Басри, Осман. Тарих багдад (История Багдада). Бомбей 1304 х.

Ибн Сахман, Сулейман. Китаб ад-дыя аш-шарик фи радд шубухат аль-мазик аль-марик (Книга яркого света с возражениями на сомнения еретика). Каир, 1344 х.

Ибн Сахман, Сулейман. Китаб танбих завл аль-альбаб ас-салима ан аль-вуку фи-ль-альфаз аль-вахима (Книга предупреждения людей со здравым рассудком против опасных выражений). Каир, 1343 х.

Ибн ас-Суваиди. Аль-мушкилят аль-мудыйя раддан аля-ль-ваххабийя (Стародавние вопросы в ответе ваххабитам). Stiftung Preussischer Kulturbesitz, Deport der Staatsbibliothek. Tubingen.

Ибн Хасан, Абдуррахман. Фатх аль-маджид, шарих китаб ат-таухид (Открытие славного. Толкование «Книги единобожия»). Каир, 1377 х./1957.

Ибн Хашим, Мухаммед. Хадрамаут. Тарих ад-давля аль-касирийя (Хадрамаут. История государства Касири). 1367 х./1948.

Ибн Хизлюль, Сауд. Тарих мулюк ааль сауд (История королей из династии Саудилов). Эр-Рияд, 1961.

аль-Касыми, Абдаллах Али. Ас-саура аль-ваххабийя (Ваххабитская революция). Каир, 1936.

аль-Кахтани, Абдаллах Салим и Саати, Яхья Махмуд. Муал-ляфат вамараджи ан аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя (Литература и источники по королевству Саудовской Аравии). Эр-Рияд, 1391 Х./1971.

Аль-китаб аль-ахдар ан-надждий. Мутамар аль-кувейт (Зеленая недждийская книга. Конференция в Эль-Кувейте). [Б. м.], 1342 х.

Аль-китаб аль-ихсайи ас-санауий. Аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя. Визарат аль-малийя ва-ль-иктисад (Статистический ежегодник. Министерство финансов и экономики). Эр-Рияд.

аль-Кияли, Наззар Абдуррахман. Аль-васит фи шарх низам аль-амаль ас-саудий (Толкование саудовского трудового регламента). Джидда [Б. г.].

аль-Кутб, Самир Абд ар-Раззак. Ансаб аль-араб (Генеалогии арабов). Бейрут, 1969.

Лям аш-шихаб фи сира Мухаммед ибн абд аль-ваххаб (Блеск метеора в житие Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба) (British Museum, OPB, MSS, Catalogue ADD. 23346).

аль-Маданн, Мухаммед Мугайриби Фугайх. Фиркат аль-ихван аль-исламийя бинаджд (Секта исламских ихванов в Неджде). Каир, 1342 х./1923-24.

Маджмуат ат-таухид ан-надждийя (Недждийский сборник единобожия). Каир, 1375 х.

Аль-маджмуа аль-ильмийя ас-саудийя (Научный саудовский сборник). Под. ред. Мухаммеда ибн Ибрагима Ааль аштШейха. Каир. 1365 х./1946.

Мады, Мухаммед Абдаллах. Ан-нахдат аль-хадиса фи джазират аль-араб фи-ль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя (Современное возрождение на Аравийском полуострове. В Королевстве Саудовская Аравия). Каир, 1952.

Аль-малик аш-шахид фейсал ибн абд аль-азиз. Кайма библиюджафийя мухтара ан хаятихи ваамалихи (Павший за веру король Фейсал ибн Абд аль-Азиз. Краткая библиография о его жизни и его делах). Эр-Рияд, 1976.

Аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя фи ахдыха аль-хадыр. Аль-мудирийя аль-амма лиль-изаа вас-сахафа ван-нашр (Королевство Саудовская Аравия в настоящее время. Генеральный директорат радиобвещения, прессы и издательств). Джидда, 1376 х./1956.

аль-Марик, Фахд. Лямахат ан ат-татаввур аль-фикрий фи джазират аль-араб фи-ль-карн аль-ишрин (Заметки о развитии идей на Аравийском полуострове в XX веке). Дамаск, 1926.

аль-Муаммари, Ахмед ибн Насыр ибн Осман. Ар-рисаля (Послание). [Б. м., б. г.].

Мустафа, Мухаммед Шафик Эфенди. Фи кальб наджд ва-ль-хиджаз (В сердце Неджда и Хиджаза). Каир, 1927.

Мустафа, Салим Рашид. Таквин аль-йаман аль-хадис (Создание современного Йемена). Каир, 1963.

аль-Мухаммасани, Субхи. Аль-авдаа ат-ташриийя фи-д-дуваль аль-арабийя (Законодательство в арабских государствах). Бейрут, 1962.

аль-Мухтар, Салах ад-Дин. Тарих аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя фи мадыха вахадырыха (История Королевства Саудовская Аравия в прошлом и настоящем). Бейрут, 1957.

ан-Набхани, Мухаммед ибн Халифа. Ат-тухфа ан-набханийя фи тарих аль-джазира аль-арабийя (Славная диковинка в истории Аравийского полуострова). Каир, 1342 х.

Насыф, Хусейн ибн Мухаммед. Мады аль-хиджаз вахадыруху (Прошлое и настоящее Хиджаза). Каир, 1349 х. /1930-31.

ар-Рейхани, Амин. Тарих наджд аль-хадис вamuльхакатиhi (История современного Неджда и присоединенных областей). Бейрут, 1928.

Рида, Мухаммед Рашид. Аль-ваххабийуна валь-хиджаз (Ваххабиты и Хиджаз). Каир, 1344 х.

Садик, Мухаммед Тауфик. Татаввур аль-хукм валь-идара фи-ль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя (Развитие правления и администрации в Королевстве Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 1965.

Саид, Амин. Мулюк аль-муслимина аль-муасируна (Современные мусульманские короли). Каир. [б. г.].

Саид, Амин. Тарих ад-дауля ас-саудийя (История саудовского государства). Т. 1—3. Бейрут, 1385 Х./1964.

ас-Саид, Насыр. Рисаля мин насыр ас-сайд иля-ль-малик сауд (Послание от Насыра ас-Саида королю Сауду). [Б. м.], 1958.

Салтана наджд. Аль-китаб аль-ахдар ан-надждий (Султанат Неджд. Зеленая книга о Неджде). Мекка, 1925.

аль-Убаид, Абдуррахман Абд аль-Карим. Кабилят аль-авазим (Племя авизимов). Эр-Рияд, 1971.

аль-Факи, Мухаммед Хами д. Аср ад-дава аль-ваххабийя ри-ль-ислах ад-диний валь-умраний фи джазират аль-араб вагайриха (Воздействие ваххабитской пропаганды на религиозные и культурные реформы на Аравийском полуострове и за его пределами). Каир, 1354 х.

Аль-хадийя ас-суннийя ват-тухфа аль-ваххабийя ан-надждийя (Суннитский дар и недждийская ваххабитская диковинка). Каир, 1342 х.

Хамза, Фуад. Аль-бияд аль-арабийя ас-саудийя (Саудовская Аравия). Мекка, 1355 х./1931-32.

Хамза, Фуад. Кальб джазират аль-араб (Сердце Аравийского полуострова), 1933.

аль-Ханбали, Мухаммед ибн Афалик аль-Ахсан. Рисаля фи радд ибн абд аль-ваххаб (Послание с возражением Ибн Абд аль-Ваххабу) (Stiftung Preussischer Kulturbesitz, Deport der Staatsbibliothek. Tubingen).

Харраз, Рахаб. Ад-давля аль-османийя ваджазират аль-араб (1840 — 1909) (Османская империя и Аравийский полуостров. (1840—1909). Каир, 1970.

аль-Хатыб, Абд аль-Хамид. Аль-имам аль-адиль (Справедливый имам). Каир, 1951.

Шакир, Фуад. Далиль аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя (Гид по Королевству Саудовская Аравия). [Б. м.], 1948.

аш-Шамлян. Сайф Марзук. Мин тарих аль-кувайт (Из истории Кувейта). Каир, 1959.

аш-Шариф, Абдуррахман Садик. Минтакат анайза, дираса иклимийя (Район Анайзы, региональное исследование). Каир, 1969.

аш-Шаукани, Мухаммед ибн Али. Аль-бадр ат-тали (Восходящая луна). Ч. 1—2. Каир, 1348 х.

На западноевропейских языках

Abir M. Relations between the Government of India and the Sharif of Mecca during the French Invasion of Egypt, 1798 — 1801. — «Journal of the Royal Asiatic Society». L, 1965, p. 1—2.

Aitchison C. U. A Collection of Treaties, Engsgements snd Sanads. Vol. 1 1. Delhi, 1933.

- Ali, Sheikh Rustum. Saudi Arabia and Oil Diplomacy. N. Y., 1976.
- Ali bey. Travels. Vol. 1—2. L, 1816.
- Antonius Q. The Arab Awakening. L, 1945.
- The Arabian Peninsula. A Selected Annotated List. Wash., 1951.
- The Arabian Peninsula: Society and Politics. Ed. by Derek Hopwood. L, 1972.
- L'Arabie Saoudite entre le Moyen-age et XX-e siecle. — «Problemes politiques et sociaux». P., 1974, № 230.
- ARAMCO Handbook; Oil and the Middle East. Dhahran, 1968.
- ARAMCO. The Royal Family, Officials of the Saudi Arab Government List and Prominent Saudi Arabs. Dhahran, 1953.
- Area Handbook for Saudi Arabia. Wash., U. S. Government, 1966.
- Armstrong H. Lord of Arabia Ibn Saoud. Lpz.— P. 1938.
- Asfour E. Y. Saudi Arabia. Long-term Projections of Supply and Demand for Agricultural Products. Beirut, 1965.
- Assah, Ahmed. Miracle of the Desert Kingdom. L., 1969.
- Balsan F. A travers l'Arabie inconnue. P., 1954.
- Baroody G. M. Crime and Punishment under Hanbali Law. Dhahran, 1961.
- Batler S. S. Baghdad to Damascus via el-Jauf, Northern Arabia. — «Geographical Journal». 1909, vol. 33.
- Bell, Gertrude. The Arab War. L, 1940.
- Bell, Gertrude. The Letters of Gertrude Bell. 2 vols. N. Y., 1927.
- A Bibliographical List of Works about the Arabian Peninsula. Cairo, 1963.
- Blunt A. A Pilgrimage to Nejd, the Cradle of the Arab Race. Vol. 1—2. L, 1881.
- Blunt W. F. A Visit to Jebel Shammar (Nejd), PROS, 1880, vol. 2.
- Bonnenfant P. Utilisation des recettes petrolieres et strategie des groupes sociaux en Peninsule Arabe. — «Maghreb». P., 1979, N° 83.
- Bremond E. Le Hedjaz dans la guerre mondiale. P., 1931.
- Brydges H. J. An Account of the Transactions of His Majesty's Mission to the Court of Persia (1807—1811), to Which is Appended a Brief History of the Wahaby. Vol. 1—2. L, 1834.
- Burckhardt J. L Notes on the Bedouins and Wanabys Collected during his Travels in the East. Vol. 1—2. L, 1831.
- Burckhardt J. L Travels in Arabia. Vol. 1—2. L, 1829.
- Burton R. F. Personal Narrative of a Pilgrimage to al-Madinah and Meccah. Vol. 1—2. L, 1893.
- Carruthers D. A. Arabian Adventure. L., 1935.
- Carruthers D. A. Captain Shakespear's Last Journey. — «The Geographical Journal». 1922, vol. 59, Afe 5, 6.
- Carruthers D. A. Journey in North-Western Arabia. — «The Geographical Journal». 1910, vol. 35.
- Cevdet. Ahmed. Tarih-i Vekayi-i Devlet-i Aliyye. 12 vols. Istanbul, 1271 — 1292.
- Cevdet. Ahmed. Tezakir 1—12. Ankara, 1953.
- Cheesman R. E. In Unknown Arabia. L, 1926.
- Cheney M. S. Big Oilman from Arabia. L — N. Y., 1958.
- Clayton G. An Arabian Diary. Berkeley — Los Angeles, 1969.
- Cole D. P. Bedouins of the Oil Fields. — «Problemes politiques et sociaux». 1974, № 230.
- [Corancez L. A.]. Histoire des wahabis depuis leur origine jusgu'a la fin de 1809. P., 1810.
- Dickson H. R. P. The Arab of the Desert. L, 1949.
- Dickson H. R. P. Kuwait and Her Neighbours. L., 1968.
- A Dictionary of Islam. L., 1885.

- Didier Ch. Sejour chez le grand-cherif de la Mekke. P., 1857.
- Doughty Ch. Travels in Arabia Desert a. Vol. 1—2. Cambridge, 1888.
- Driault E. L'Egypte et l'Europe. La Crise de 1839—1841. 5 vols. Cairo, 1930—1933.
- Eddy W. A. F. D. R. Meets Ibn Sand. N. Y., 1954.
- Euting J. Reise in Innerarabien 1883/84. — «Verhandlungen d. Gessellschaft f. Erdkunde zu Berlin». 1886, Bd 13.
- Euting J. Tagbuch einer Reise in Innerarabien. Leiden. Bd I, 1896; Bd2, 1914.
- Falk A. Visa pour l'Arabie. P., 1958.
- Farouhy A. Introducing Yemen. N. Y., 1947.
- Finati G. Narrative of the Life and Adventures of Giovanni Finati. Native of Ferrara. Vol. 1—2. L., 1830.
- Forde C. D. The Habitat and Economy of the North Arabian Badawin. — «Geography». 1933, vol. 17.
- Fresnel F. L'Arabie. — «Revue de deux mondes». Ser. 4, 1839, vol. 17.
- Gaury G. de. Rulers of Mecca. L., 1951.
- Gaury G. de. Faisal, King of Saudi Arabia. L., 1966.
- Gibb H. A. R. Mohammedanism. L., 1954.
- Gibb H. and Bowen H. Islamic Society and the West. Vol. I.P. 1,2. L., 1957.
- Glubb J. B. War in the Desert. L., 1960.
- Goldziher I. Le dogme et la loi de l'Islam. P., 1920.
- [Gooch G. P. and Temperley H]. British Documents on the Origins of the War, 1898—1914. Vol. 10. P. 2. L., 1938.
- Graves Ph. The Life of Sir Percy Cox. L., 1941.
- Great Britain. Arbitration Concerning Buraimi and the Common Frontier between Abu Dhabi and Saudi Arabia. Memorial Submitted by the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. 2 vols. L., 1955.
- Great Britain. Colonial Office. Report by His Britannic Majesty's Government on the Administration of Iraq for the Period April 1923 — November 1924. L., 1925.
- Grunebaum G. E. von. Modern Islam. N. Y., 1964.
- Guarmani C. Northern Najd. A Journey from Jerusalem to Anaiza in Qasim. L., 1938.
- Hacker B. Sojourn in Saudi Arabia. N. Y., 1963.
- Halliday F. Arabia Without Sultans. L., 1974.
- Hamilton Ch. N. Americans and Oil in the Middle East. Houston, 1962.
- Harrison P. W. The Arab at Home. N. Y., 1924.
- Hart P. Application of Hanbali Law and Decree Law to Foreigners in Saudi Arabia. — «The George Washington Law Review». Vol. 22, December 22, 1953.
- Hess J. J. Von den Beduinen des innern Arabiens. Zuerich, 1938.
- Hevworth-Dunne G.-E. Bibliography and the Reading Guide to Arabia. Cairo, 1952.
- Hobday P. Saudi Arabia Today. L., 1978.
- Hogarth D. G. The Penetration of Arabia. L., 1905.
- Holden D. Travels to Arabia. L., 1966.
- Howarth D. The Desert King. L., 1964.
- Huber Ch. Journal d'un Voyage en Arabie (1883 — 1884). P., 1891.
- Huber Ch. Voyage dans l'Arabie central, Hammode, Sammar, Kaclm, Hedjas. — «Bulletin de la societe geographique». (BSG). P., 1884—1885.
- Hurewitz J. C. Middle East Politics: the Military Dimension. N. Y., 1969.
- Hurgronje C. S. Mekka. Haag, 1888. (англ. изд. — Leyden, 1931).
- Ingrams H. The Yemen: Imams, Rulers and Revolutions. L., 1963.
- Jarvis C. S. Arab Command. L., 1942.
- Jaussen A. Coutumes des Arabes au pays de Moab. P., 1908.
- Jeddah 68 /69. Nairobi, 1968.

- Jomard E. F. *Etudes géographique et historique sur l'Arabie*. P., 1839.
- Jung E. *La revolte arab*. Vol. 1—2. P., 1924—1925.
- Katakura, Motoko. *Bedouin Village. A Study of a Saudi Arabian People in Transition*. Tokyo, 1977.
- Kelidar A. R. *The Problem of Succession in Saudi Arabia*. —«Asian Affairs». L., 1978, vol. 9, p. 1.
- Kelly J. B. *Eastern Arabian Frontiers*. L., 1964.
- Kelly J. B. *A Prevalence of Furies: Tribes, Politics and Religion in Oman*. — «The Arabian Peninsula: Society and Politics». L., 1972.
- Kheirallah G. *Arabia Reborn*. Albuquerque. New Mexico, 1952.
- Kiernan R. *The Unveiling of Arabia*. L., 1937.
- The Kingdom of Saudi Arabia*. L., 1978.
- Klebanoff Sh. *Middle East Oil and US Foreign Policy*. N. Y., 1974.
- Knauerhase R. *The Saudi Arabian Economy*. N. Y., 1975.
- Labor Law and Practice in the Kingdom of Saudi Arabia*. U. S. Department of Labor. Bureau of Labor Statistics. Wash.. 1972.
- Lammens H. *L'Arabie occidentale avant l'Hégire*. Beyrouth, 1928.
- Laoust H. *Essai sur les doctrines sociales et politiques de Taki-d-Din Ahmad b. Taimiya*. Le Caire, 1939.
- Laoust H. *Le traite de droit public d'Ibn Taimiya*. Beirut, 1948.
- Laquer W. *Confrontation. The Middle East War and World Politics*. L., 1974.
- Lawrence T. E. *Seven Pillars of Wisdom*. L., 1942.
- Leachman G. E. *A Journey in North-Eastern Arabia*. — «Geographical Journal». 1911, vol. 38, № 3.
- Lebkicher R., Rentz G. and Steineke M. *The Arabia of Ibn Saud*. N. Y., 1952.
- Lenczowsky G. *The Middle East in World Affairs*. N. Y., 1956.
- Leppens Ph. *Expedition en Arabie Central*. P., 1956.
- Lipsky G. A. *Saudi Arabia: Its People, Its Society, Its Culture*. New Haven, 1959.
- Long D. E. *Saudi Arabia*. L., 1976.
- Longrigg S. H. *Four Centuries of Modern Iraq*. Ox., 1925.
- Longrigg S. H. *Oil in the Middle East*. L., 1965
- Lorimer J. G. *Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia*. Calcutta. Vol. 1, 1915; vol. 2, 1908. Republished in 1970 by Gregg International Publishers Limited Westmead Farnborough, Hants, England.
- Mac-Kie F. Recent Economic and Social Developments in Saudi Arabia. — «Geography» 1939, vol. 24.
- Macro E. *Bibliography of the Arabian Peninsula*. Coral Gables. Florida, 1958.
- Marlow J. *The Persian Gulf in the Twentieth Century*. L., 1962
- Marston T. E. *Britain's Imperial Role in the Red Sea Area (1800—1878)*. Hamden (Connecticut), 1961.
- Memorial of the Government of Saudi Arabia. Arbitration for the Settlement of the Territorial Dispute*. Vol. 1 —3. Cairo, 1955.
- Mengin F. *Histoire de l'Égypte sous le gouvernement de Mohammed-Aly*. Vol. 1 – 2. P., 1823.
- Mengin F. *Histoire sommaire de l'Égypte sous le gouvernement de Mohammed*. P., 1839 principaux événements qui ont eu lieu de l'an 1823 à l'an 1838.
- Meulen D. van der. *The Wells of Ibn Saud*. L., 1957.
- Middle East Economic Digest. Saudi Arabia, Special Report*. L, 1978 August.
- Midhat, Ali Haydar. *The Life of Midhat Pasha*. L., 1903.
- Mikesell R. F. and Chenerv H. B. *Arabian Oil*. N. Y. 1949.
- Miles S. B. *The Countries and Tribes of the Persian Gulf*. Vol. 1—2. L 1919
- Montagne R. *La civilisation du désert. Nomades d'Orient et d'Afrique*. P., 1947.

- Montagne R. Notes sur la vie sociale et politique de l'Arabie du Nord- les Sammar du Neqd. — «Revue des Etudes Islamiques». 1932, cah. 1.
- Musil A. *Arabia Deserta*, N. Y. 1927.
- Musil A. *The Manners and Customs of the Rwala Beduins*. N. Y. 1928.
- Musil A. *Northern Hegaz*. N. Y. 1926.
- Musil A. *Northern Negd*. N. Y. 1928.
- Musil A. *Zur Zeitgeschichte von Arabien*. Leipzig — Wien, 1918.
- Nallino C. A. *Raccolta di Scritti*. Vol. 1. *L'Arabia Sa'udiana*. Rome, 1939.
- Niebuhr C. *Description de l'Arabie d'après les observations et recherches faites dans le pays même*. Copenhague, 1773.
- Niebuhr C. *Voyage de M. Niebuhr en Arabie et en d'autres pays d'Orient...* Vol. 1—2, 1780. En Suisse.
- Noide E. *Reise nach Innerarabien, Kurdistan und Armenien*, 1892. Braunschweig, 1895.
- Oppenheim M. Fr., von. *Die Beduinen*. Bd 1. Lpz., 1939; Bd 2. Lpz., 1940; Bd 3. Wiesbaden, 1952.
- Palgrave W. G. *Narrative of a Year's Journey through Central and Eastern Arabia (1862—1863)*. Vol. 1—2. L., 1865.
- Pelly L. *A Visit to the Wahabee Capital. Central Arabia*. — JRGS. L., 1865, vol. 35.
- Pelly L. *Report on a Journey to the Wahabee, Capital of Riyadh in Central Arabia*. Bombay, 1866.
- Pelly L. *Report on the Tribes, Trade, and Resources around the Shore of the Persian Gulf*.— *Transactions of the Bombay Geographical Society*. XVII (1863).
- Philby H. St.-J. B. *Arabia*. L., 1930.
- Philby H. St.-J. B. *Arabia of the Wahhabis*. L., 1928.
- Philby H. St.-J. B. *Arabian Days*. L., 1948.
- Philby H. St.-J. B. *Arabian Highlands*. Ithaca— New York, 1952.
- Philby H. St.-J. B. *Arabian Jubilee*. L., 1954.
- Philby H. St.-J. B. *Forty Years in the Wilderness*. L., 1957.
- Philby H. St.-J. B. *The Heart of Arabia*. Vol. 1—2. L., 1922.
- Philby H. St.-J. B. *A Pilgrim in Arabia*. L., 1946.
- Philby H. St.-J. B. *Saudi Arabia*. L., 1955.
- Pirrenne J. *A la découverte de l'Arabie. Cinq siècles de science et d'aventure*. P., 1958.
- Raswan C. *Im Land der Schwarzen Zelte. Mein Leben unter Beduinen*. B., 1934.
- Raswan C. *The Arab and His Horse*. L., 1955.
- Raunkiaer. *Gennem Wahhabiternes Land paa Kamelryg*. Kobenhavn, 1913.
- Raymond J. *Les Wahabys. Document inédit de 1806*. Il Caire, 1925.
- [Reinaud]. *Auszug aus den Briefen des Hrn. Reinaud an Dr. Seetzen*. Haleb, 2. Apr. 1805.— «*Monatliche Correspondenz zur Beförderung der Erd- und Himmelskunde*», hrsg. von Zach. Gotha, 1805, Bd 12, № 22.
- Rehatsek E. *The History of the Wahhabys in Arabia and in India*.— «*The Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society*». Vol. 14. 1878—1880. Bombay, 1880.
- Rihani Ameen. *Ibn Saud of Arabia, Maker of Modern Arabia*. Boston — New York, 1928.
- Rodinson. M. *Islam et capitalisme*. P., 1966.
- Rondot P. *L'Islam et les musulmans d'aujourd'hui*. Vol. 1—2. P., 1958.
- Rouhani F. *A History of OPEC*. N. Y. 1971.
- [Rousseau J.]. *Description du pachalik de Bagdad suivie d'une notice historique sur les Wahabis*. P., 1809.
- Rugh W. *Emergence of a New Middle Class in Saudi Arabia*.— «*Problemes politiques et sociaux*». 1974, № 23.
- Rutter. E. *The Holy Cities of Arabia*. 2 vols. L., 1928.

- Sabry M. *L'Empire Egyptien sous Mohamed-Ali et la question d'Orient (1811 — 1849)*. P., 1809.
- Sadlier G. F. *Account of a Journey from Katif on the Persian Gulf to Yamboo on the Red Sea (Rear 24.4.1821)*. — «Transactions of the Literary Society of Bombay». Vol. 3. L., 1823.
- Salil-ibn-Razik. *History of the Imams and Seyyids of Oman (661 —1856)*. L, 1871.
- Sanger R. H. *The Arabian Peninsula*. N. Y., 1954.
- Schlesinger A. *A Thousand Days*. L., 1965.
- Schmidt D. A. *Yemen: The Unknown War*. L., 1968.
- Seabrook. W. B. *Adventures in Arabia*. L., 1928.
- Shwadran B. *The Middle East, Oil and the great Powers*. N. Y., 1956.
- Smith W. C. *Islam in Modern History*. N. Y., 1957.
- Soulie J.-L. et Champenois L. *Il Royaume d'Arabie Saoudite a l'epruvc des temps modernes*. P., 1978.
- Soulie J.-L. et Champenois L. *Le Royaume d'Arabie Saoudite lace a l'islam revolutionnaire (1953 — 1964)*. P., 1966.
- Sparrow J. G. *Modern Saudi Arabia*. L., 1972.
- Stevens J. H. and King R. *Bibliography of Saudi Arabia*. Durham, 1973.
- [Storrs R.] *The Memoirs of Sir Ronald Storrs*. N. Y., 1937.
- Sullivan R. R. *Saudi Arabia in International Politics*.—«Problemes politiques et sociaux». 1974, № 230.
- Tamisier M. *Voyage en Arabie. Sejour dans le Hejaz. Campagne d'Assir*. Vol. 1—2. P., 1840.
- Thesiger W. *Arabian Sands*. N. Y., 1959.
- Thomas B. *Arabia Felix: Across the Empty Quarter of Arabia*. L., 1932.
- Thomas B. *Alarms and Excursions in Arabia*. L., 1933.
- Tomishe F.-J. *L'Arabie Seoudite*. P., 1962.
- Toy B. *A Fool Strikes Oil. Across Saudi Arabia*. L, 1957.
- Toynbee A. J. *Survey of International Affairs*. 1925. Vol. 1. *The Islamic World*. Ox., 1927.
- Trevaskis K. *Shades of Amber. A South Arabian Episode*. L, 1968.
- Trial G. and Winder R. *odern Education in Saudi Arabia*.—«History of Education Journal» (Spring, 1950).
- Troeller G. *The Birth of Saudi Arabia*. L., 1976.
- Twitchell K. S. *Saudi Arabia*. Princeton, 1958.
- Vidal F. S. *The Oasis of al-Hasa*. Dhahran, 1955.
- Volney C.-F. *Voyage en Syrie et en Egypte pendant les annees 1783, 1784 et 1785*. La Have, 1959.
- Wahba, Hafiz. *Arabian Days*. L, 1964.
- Wallin G. A. *Narrative of a Journey from Cairo to Medina and Mecca by Suez, Acaba, Tawila, al-Yauf, Jubbe, Hail and Nejd in 1845*.—JRGS. 1854, vol. 24.
- Wallin G. A. *Notes Taken During a Journey through Part of Northern Arabia in 1848*. L, 1850.
- Wellsted J. R. *Travels in Arabia*. Vol. 1—2. L, 1838.
- Wellsted J. R. *Travels to the City of the Caliphs*. 2 vols. L, 1840.
- Wenner M. W. *Modern Yemen, 1918—1966*. Baltimore, 1967.
- Wenner M. W. *Saudi Arabia: Survival of Traditional Elites*.—«Political Elites and Political Development in the Middle East». Ed. by F. Tachau. Cambridge, Mass., 1975.
- Weygand, ie general. *Histoire militaire de Mohammed Aly et de ses fils*. 2 vols. P., 1936.
- Wilson A. J. *The Persian Gulf. An Historical Sketch from the Earliest Times to the Beginning of the Twentieth Century*. Ox., 1928.
- Winder R. B. *Saudi Arabia in the Nineteenth Century*. N. Y., 1965.

- Zehme A. Arabian und die Araber seit hundert Jahren. Halle, 1875.
 Zischka A. Ibn Seoud, roi de l'Arabie. P., 1934.
 Zwemer S. M. Arabia: The Cradle of Islam. L, 1900.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

на русском языке

- «Азия и Африка сегодня». М.
 Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М.
 «Всемирное профсоюзное движение». М.
 «Международная жизнь». М.
 «Мировая экономика и международные отношения». М.
 «Народы Азии и Африки» (НАА). М.
 «Правда». М.
 «Проблемы мира и социализма». Прага.
 «Советская этнография». М.

на арабском языке

- «Аль-Биляд ас-Саудийя».
 «Аль-Битруль валь-газ аль-арабий». Бейрут.
 «Аль-Вакаи аль-арабийя». Бейрут.
 «Аль-Гумхурия». Каир.
 «Кафилят аз-зайт». Дахран.
 «Аль-Кифах». Бейрут.
 «Аль-Кыбла». Мекка.
 «Люгат аль-араб». Багдад.
 «Аль-Мусаввар». Каир.
 «Умм аль-кура». Мекка.
 «Аль-Хаят». Бейрут.
 «Аш-Шааб». Бейрут.

на европейских языках

- «Arab Observer». Cairo.
 «The Daily Telegraph and Morning Post». L
 «The Economist». L.
 «The Egyptian Gazette». Cairo.
 «The Financial Times». L
 «Geography». L.
 «The Guardian». Manchester.
 «International Herald Tribune». P (ИHT).
 «International Labour Review». Geneva.
 Keesing's Contemporary Archives. Bristol (KCA).
 «Labor Development Abroad». Wash.
 «Middle East Economic Digest». L
 «Middle East Economic Survey». Beirut.
 «Middle East and North Africa». L
 «The Middle East Journal». Wash.
 «Middle East Record». MER. Vols. 1(1960), 2(1961), 3(1967), 4(1968), 5 (1969 — 1970). Jerusalem.

«Le Monde Diplomatique». P.
 «New York Herald Tribune». N. Y.
 «New York Times». M. Y.
 «Newsweek». N. Y.
 «Oriente Moderno». Roma.
 «Overseas Business Report». Wash.
 «The Observer». L
 «Saturday Evening Post». Indianapolis.
 «The Times». L.
 «U. S. News and World Report». Wash

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Ааль Аид 288, 289
 Ааль Арайар 172, 174, 178, 378
 Ааль Бассам 197, 238
 Ааль Джилюви 502, 507
 Ааль Замиль 195
 АальИдриси (Идрисиды) 315, 316, 318, 319
 Ааль Муаммар 8, 87, 167, 175
 Ааль Муханна 222, 238, 245
 Ааль Рашид (Рашидиды) 50, 51, 184 185, 186, 190, 216, 217, 221, 231, 233, 236, 237, 239, 240, 242, 243 244, 245, 250, 282, 303, 341, 502
 Ааль Сабах 114, 341
 Ааль Сауд (Саудида) 7, 8, 12, 16, 19, 50, 59, 87—91, 94, 96, 108, 110, 112—118, 123, 126, 128—130, 133—137, 140, 142, 146—148, 150—152, 163, 164, 167, 168, 171 — 175, 177, 178, 180, 186, 193, 204—207, 209, 210, 214, 217, 218, 221, 223, 230, 231, 235, 237, 238, 242, 243, 249, 252, 258, 264—266, 284, 288, 301 — 303, 308, 319, 322, 331, 339, 341, 343, 369, 376, 386, 389, 392, 404, 405, 409, 420, 462, 469, 485, 500, 501, 503, 504, 506, 513, 514, 520, 522, 523, 528, 529, 530
 Ааль Субхан 245, 282, 283
 Ааль Судайри 191, 502, 503
 Ааль-Сунайян 7, 191, 503
 Ааль Улайян 195, 222
 Ааль аш-Шейх 94, 171, 177, 205, 254, 301, 324—326, 341, 378, 404, 503, 505, 514
 Ааль Хаззани 249
 Ааль Халифа 95, 115, 203, 213
 Ааль Хумайд 50
 Ааль Шаалян 50
 Аба аль-Хайль 223
 Аббас Махмуд аль-Аккад 13
 Аббас-паша 192, 201, 209
 Аббасиды 52
 Абд аль-Азиз Ааль Муаммар 419
 Абд аль-Азиз Ааль Суляйм 237
 Аба аль-Азиз аль-Ямани (Абдуль Азиз аль-Ямани) 317
 Абд аль-Азиз ибн Абдаллах 242
 Абд аль-Азиз ибн Абдуррахман ибн Фейсал (Ибн Сауд) 6, 10, 12—14 16, 221, 222, 226, 231—257, 260, 262—266, 272—279, 281, 313, 316—319, 321—327, 329—331, 333—335, 337, 340—349, 353—355, 360—363, 366, 367, 371, 376—378, 381, 389, 390, 392—394, 396, 397, 404, 434, 467, 470, 479, 493, 497, 501—503, 509
 Абд аль-Азиз ибн Ибрагим 289

- Абд аль-Азиз ибн Митаб Ааль Рашид 225, 230—233, 235—241, 245
 Абд аль-Азиз ибн Мусаид ибн Джилюви 288, 311, 317
 Абд аль-Азиз ибн Мутлак 211
 Абд аль-Азиз ибн Мухаммед (эмир Бурайды) 180, 182, 196, 197, 198, 199
 Абд аль-Азиз ибн Мухаммед ибн Сауд 87, 88, 90, 91, 96, 101, 108, 112, 121, 122,
 124, 129, 130, 131, 133, 135, 136, 138, 139, 143, 153, 176, 325, 345
 Абд аль-Ваххаб Абд ар-Ракиб 433
 Абд аль-Ваххаб Абу Нукта 50, 109, 116
 Абд аль-Ваххаб ибн Сулейман 63, 64
 Абд аль-Азиз ас-Сувайлим 212
 Абд аль-Илях 401
 Абд аль-Кадир аш-Шайби 292
 Абд аль-Керим аль-Магриби 252
 Абд аль-Керим Джухайман 384
 Абд аль-Латыф 196
 Абд аль-Муин 105, 140
 Абд аль-Муталиб 201
 Абд аль-Мухсин ибн Абд аль-Азиз (ибн Абдуррахман) 408, 411, 412, 504
 Абд аль-Мухсин ибн Абдаллах Ааль Джилюви 502
 Абд ар-Рауф ас-Саббан 314
 Абд аль-Фаттах Абу Алия 14
 Абд аль-Хамид ас-Саррадж 403
 Абд аль-Хамид аль-Хатыб 13, 293
 Абдаллах Ааль Замиль 198
 Абдаллах (Ааль Саббах) 114
 Абдаллах Аба аль-Хайль 246
 Абдаллах Абд аль-Джаббар 14
 Абдаллах Абу Бутайян 197, 198
 Абдаллах аль-Вазир 319
 Абдаллах ад-Даббаг 475
 Абдаллах ад-Дамлуджи 334
 Абдаллах аль-Касими 13
 Абдаллах аль-Фейсал 503
 Абдаллах ас-Саляль (Абдалла Саляль) 413, 414, 424, 427, 431, 433
 Абдаллах ибн Аббас 72
 Абдаллах ибн Абд аль-Азиз 168
 Абдаллах ибн Абд аль-Азиз (ибн Абдуррахман) 497, 501, 502, 506, 529
 Абдаллах ибн Абд аль-Латыф 64, 221
 Абдаллах ибн Абдуррахман 327, 409
 Абдаллах ибн Али ибн Рашид (Ааль Рашид) 182, 184, 186, 187, 192, 195, 215
 Абдаллах ибн Ахмед Ааль Халифа 179, 188
 Абдаллах ибн Джилюви (Ааль Джилюви) 232, 233, 237, 238, 240, 241, 251, 257,
 258, 305, 310, 502
 Абдаллах ибн Замиль 195
 Абдаллах ибн Ибрагим ибн Сайф 63, 77
 Абдаллах ибн Мазру 167
 Абдаллах ибн Митаб ибн Абд аль-Азиз (Ааль Рашид) 282, 283
 Абдаллах ибн Мухаммед Ааль Сауд 108, 176
 Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб 7, 76, 78, 80, 81, 128
 Абдаллах ибн Муххаммед ибн Абд аль-Латыф Ааль аш-Шейх 252, 326, 347
 Абдаллах ибн Мухаммед ибн Аун 201
 Абдаллах ибн Сауд 127, 144, 154, 157, 161 — 168, 185

- Абдаллах ибн Сунайян (Ааль Сунайян) 191, 192, 503
 Абдаллах ибн Фейсал 195—199, 204, 205, 211—215, 217—223
 Абдаллах ибн Таляль (Ааль Рашид) 282, 283, 409, 415
 Абдаллах ибн Хасан 133
 Абдаллах ибн Хусейн 229, 262, 267—269, 271, 275, 278, 283, 293, 314, 396, 397
 Абдаллах ибн Яхья Ааль Замиль 198
 Абдаллах Салим аль-Кахтани 18
 Абдаллах ас-Сулейман 331, 333, 334, 493
 Абдаллах Тарики 408, 411, 412
 Абдуррахим Абдуррахман Абдуррахим 14, 154, 163
 Абдуррахман аль-Бейдани 415
 Абдуррахман аль-Джабарти (в сносках Абд ар-Рахман ал-Джабарти) 16, 111, 149, 155, 158, 164, 214
 Абдуррахман аль-Фейсал 503
 Абдуррахман аль-Шамарани 384
 Абдуррахман аш-Шариф 13, 475, 476, 489, 490
 Абдуррахман ибн Абдаллах 171
 Абдуррахман ибн Мишари ибн Сауд 124
 Абдуррахман ибн Насыр 6
 Абдуррахман ибн Рубайин 309
 Абдуррахман ибн Фейсал 205, 219—221, 223, 224, 229, 230, 233—236, 242
 Абдуррахман ибн Хасан Ааль аш-Шейх 7, 72, 177, 214
 Абу Бакр 300
 Абу Рас ан-Насыри 76
 Абу Талиб 71
 Адамов А. 231, 232
 Адиб Шишекли 371
 Аджлян ибн Мухаммед 224, 232, 233,
 Аззан ибн Каис 211, 213, 214
 Азиз аль-Масри 271
 аль-Айаси 386
 аль-Айни 433
 Аквинский Фома 69
 Аккаб ибн Иджль 282
 Акрам Одджек 468
 Али Ш. Р. 15
 Али Ааль Рашид 184
 Али ад-Даббаг 317
 Али-бей правитель Египта 96, 152
 Али-бей см. Бадия—и—Леблих
 Али-Реза 467, 523
 Али ибн Абдаллах 229, 247
 Али ибн Хусейн 229, 291—293, 294, 298, 299, 348
 Али ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб 94, 168
 Али-кахья (Али-паша) 101, 117
 Алленби 272
 Альбукерки 228
 Аманулла 302
 Амин Сайд 13
 Амин ар-Рейхани 13, 17, 224, 254
 Аммаш Ааль Давиш 236
 Амр ибн Хасан 410

аль-Амри 431
 Андреасян Р. Н. 18
 Антониус Дж. 351
 «Араифы» 237, 248, 249, 503
 Арайар ибн Дуджайн 88, 90, 121
 Армстронг Г. 11
 Аристотель 65
 Аун ар-Расид 229
 Ахмед Ааль Судайри 204, 221, 246
 Ахмед Абд аль-Гафур Аттар 13
 Ахмед Али 13
 Ахмед Амин 13
 Ахмед ибн Зайни Дахлан 6, 65, 79, 96, 140
 Ахмед Заки Ямани 449, 450, 516
 Ахмед ибн Абд аль-Азиз (ибн Абдуррахман) 502
 Ахмед ибн Джабир Ааль Сабах 282, 287, 306
 Ахмед ибн Мухаммед аль-Мудлиджи 124
 Ахмед ибн Насыр ибн Осман 8
 Ахмед ибн Сайд 112
 Ахмед ибн Сунайян (Ааль-Сунайян) 258, 279, 503
 Ахмед ибн Яхья 316, 318, 398, 413, 434
 Ахмед-ага (Бонапарт) 154
 Ахмед-паша (Ахмед Шукри Якан-бей) 174, 177, 184, 185, 189
 Ахмед Мухлис-паша 242
 Ахмед Файзи-паша 241, 242, 243
 Ахмед Шейх Якуб 384
 аль-Ашари 68
 Бадр 113
 Бадр ибн аль-Азиз (ибн Абдуррахман) 408, 409, 411, 421
 Бадиа—и—Леблих (Али-беи) 8, 142, 143, 145, 148
 Бази Ааль Арайар 219
 Базили К. 111
 Бальзам Ф. 11
 Бальфур 293
 Бандар аль-Фейсал 503
 Бандар ибн Таляль 215
 Баррак (XVII в.) 58, 59
 Баррак ибн Абд аль-Мухсин 93, 94, 95, 99
 Баррак ибн Зайд 91
 Бартольд В. В. 11
 Баруди Г. 15
 Белл Г. П., 234, 239
 Беляев Е. А. 17, 79
 Беляев И. П. 18
 Блант Э. 9, 49, 214
 Блэнкет Ют
 Бодянский В. Л. 18
 Бонанфан 15
 Бондаревский Г. Л. 17
 Браун 448
 Бремон Э. 271
 Бриджез Х. 9, 12, 100

- Броккельман К. 7
 Буйрби 386
 Буркхардт И. 8, 9, 12, 23, 25, 30, 32, 36, 37, 39, 41—44, 46, 48, 73, 76, 77, 82, 100—102, 110, 119, 122—124, 126—130, 133—135, 137, 138, 140, 142—145, 147, 148, 153, 154, 157, 161 — 163
 Бэртон Р. 9
 Бэтлер С. 11
 Вайдэл Ф. 14, 337
 Валиулла-шах 169
 Валлин Г. 9, 23, 41, 44, 73, 177, 192, 209, 215, 216
 Валькова Л. В. 17, 430
 Ван дер Мелен 11
 Ван Ли 331
 Вейган 177, 188
 Вильгельм II 227
 Вольней К.—Ф. 8, 9, 22, 32—35, 39, 40, 46, 48, 53, 72
 Вейцман Х. 390
 аль-Газали 68, 69, 76
 Галиб ибн Мусайд 96, 97, 104, 105, 108—110, 116, 152, 156—158, 159
 Галия 159
 Гамаль Абдель Насер 398—400, 402—405, 407, 412, 413, 415, 422—424, 426—432, 438, 441—444, 446
 Гамильтон Л. 355
 Гейс Фараон 468
 Гендж Юсеф 151
 Герасимов О. Г. 18
 Гитлер 335, 362
 Глабб Дж. (Глабб-паша) 11, 284, 305, 306, 312
 Гольдциер И. 16, 67, 69
 Дж. де Гори 11
 Грей Э. 259
 Гробба 361
 Гуармани К. 9, 209, 217
 Гульбенкян К. 353
 аль-Гусайби 468, 523
 ад-Даббаги 314
 Давлетшин 10, 73
 Дайхан Абд аль-Азиз 421
 Даллес 405
 Дари ибн Фухайд Ааль Рашид (ибн Рашид) 7, 191, 193, 216, 240, 243
 Дауд ар-Руми 425
 Даххам ибн Даввас 60, 61, 87, 88, 89
 Джабир Ааль Сабах (XIX в.) 188
 Джабир ибн Мубарак Ааль Сабах 266, 273, 282
 Джабир ибн Хайян 164
 Джаухара 277
 Джаухара бинт Мусайд 502
 Джафар аль-Аскари 271
 Джевдет 115, 190, 200
 Джезар-паша (Джаззар-паша) 106
 Джемаль-паша (из Джидды) 229
 Джемаль-паша (из Багдада) 257

Джилюви ибн Турки 196, 197, 198
 Джордж Л. 280
 Джоунз 203
 Джувайсир 233
 Джуффали 468
 Дивайхис 92
 Дидье Ш. 9
 Дизброу 213
 Диксон Х. 10, 41, 256, 286, 310, 312, 313, 341, 342, 390
 Добс Г. 307
 Доути Ч. 9, 27, 29, 33, 42, 46, 47, 52, 53, 195—197, 199, 214, 221
 Дрио Э. 102
 Дуляйм ибн Баррак 309
 Дэвис Ф. 354
 Ева 72
 Жоссан А. 11, 40, 73
 Заид 439, 440
 Заид ибн Халифа 214
 Зайд 60
 Зайд ибн Арайар .93, 94
 Зайд ибн аль-Хаттаб 71, 84
 Зайд ибн Замиль 88—91
 Зайд ибн Мугайлис 181
 Зайд ибн Муса Абу Зура 60
 Замиль Ааль Субхан 245, 248, 263
 Зайдан ибн Хисляйн 303, 308, 310
 Замиль ибн Фарис 60
 Зишка А. 11
 Ибрагим Абу Такиха 421
 Ибн Абд аль-Ваххаб, см. Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб
 Ибн Биджад см. Султан ибн Хумайд ибн Биджад
 Ибн Бишр см. Осман ибн Бишр
 Ибн Ганнам см. Хусейн ибн Ганнам
 Ибн Джибриль 254
 Ибн аль-Кайим 69, 75, 76
 Ибн Нухайт 254
 Ибн Рухайис 223
 Ибн Санад см. Осман ибн Санад
 Ибн Сауд см. Абд аль-Азиз ибн Абдуррахман ибн Фейсал
 Ибн ас-Сувайди 8
 Ибн Сувайт 249
 Ибн Сунайян 254
 Ибн Таймийя см. Таки ад-Дин ибн Таймийя
 Ибн Халдун 42, 55
 Ибн Ханбал 65
 Ибн Хисляйн см. Зайдан ибн Хисляйн
 Ибрагим Ааль Субхан 284
 Ибрагим Ааль аш-Шейх 505
 Ибрагим аль-Хайдари аль-Багдади 6
 Ибрагим ибн Иса 6, 198, 214, 218, 219
 Ибрагим ибн Сауд 167
 Ибрагим ибн Уфайсан 112

Ибрагим-паша 163—168, 171 — 174, 185, 186, 214, 303
Ибрагим-паша Кючук 184, 189
Ибрагим Хакки-паша 259
Иванов Н. А. 17
Икес Г. 364
Иса Ааль Али 186
Иса (кади Эль-Хасы) 252
Исмаил-бей 185, 186, 187
Италийский А. 105—108
Иффат 503
аль-Кааки 456
Кабус 436, 440
Каррутерз Д. 11
Келидар А. 15
Кеннеди 426, 427
Керзои 227, 228, 237, 278
Кинг Р. 18
Киплинг 240
Кирнен Р. 11
Киррам ибн Мани 322
Киссинджер 451
Китченер 268, 269
Клебанофф Ш. 15
Клейтон Дж. 268, 293, 294, 305, 307
Кнауэрхейз Р. 15, 451, 465, 473, 492
Кокс П. 239, 240, 249, 263, 265, 272—275, 282, 285, 286, 287, 288
Корансез Л. 8, 12, 76, 77, 100—102, 110, 126, 128, 142, 144, 146, 153, 161
Крез 164
Крейн Ч. 351, 355
Крымский А. 16
Кэмбол А. 212
Кэмпбелл, полковник 188
Кэмпбелл, капитан 204
Лазарев М. С. 17, 18
Лебкичер Р. 14
Липский Дж. 14
Личмен Дж. И, 257
Лодж Г. 352
Лонг Д. 15
Лонгригг С. 15, 98, 355
Лоример Дж. 11, 12, 182, 186, 188, 202, 209, 226, 244
Лоуренс Т. 10, 267, 289
Лэндсдаун 228
Ляуст А. 16, 65
Ленин В. И. 459
Маджид ибн Арайар 174, 178
Маджид ибн Хамуд 237, 238
Маймуна бинт аль-Харис Умм-аль-муминин 71
Макмагон Г. 268—271
Макрами 213
Макроу Э. 18
Маккай Фруд 328

- МанженФ. 5, 12, 30, 65, 88, 94, 97, 100—103, 108, 136, 140, 142—146, 157, 158, 162,
- Мансур аль-Бахути аль-Ханбали аль-Фатаухи 338
- Мансур ибн Абд аль-Азиз 346
- Мари ибн Юсеф аль-Карми аль-Макдиси аль-Ханбали 338
- Марголиус Д. 16, 64, 65
- Маркс Карл 37, 57
- Маршалл 449
- Махбуб ибн Джаухар 202
- Махмуд Шукри аль-Алюси 13, 262
- Махфуз 456
- Мидхат-паша 218, 219
- Мильнер 277
- Митаб ибн Абд аль-Азиз ибн Митаб 243, 244, 245
- Митаб ибн Абдаллах Ааль Рашид 215
- Мишари ибн Абдуррахман ибн Мишари ибн Сауд 177, 180, 182, 183
- Мишари ибн Бусайис 309
- Мишари ибн Ибрагим ибн Муаммар 87
- Мишари ибн Сауд 61, 174
- Мишляб 61
- Монтань Р. 11, 73, 255
- Моррисон Х. 392
- Мотоко Катакура 14, 476, 478
- Мубарак Ааль Сабах 229—232, 236, 238, 239, 242, 249, 251, 262, 266
- Мубарак ибн Адван 123
- Мулай Слимман 170
- Мунир аль-Аджляни 13, 66
- Мусаид, шериф 95
- Мусаид ибн Абд аль-Азиз 502
- Мусаид ибн Абдуррахман (ибн Фейсал) 380, 419, 501
- Муса аль-Джамауи 338
- Мусил А. 10, 16, 37, 188, 224, 225, 247, 256, 266, 273
- Мустафа Кемаль Ататюрк 302, 352
- Мутлак аль-Мутайри 112, 115, 158
- Мухаммед 55, 70, 73, 75, 80, 110, 137, 140, 295, 321, 367, 505
- Мухаммед Ааль Абдаллах Аба аль-Хайль 243
- Мухаммед Ааль Аид 288
- Мухаммед Ааль Али 184
- Мухаммед Ааль Арайар 178
- Мухаммед Ааль Сабах 224, 229
- Мухаммед Ааль Давиш 181, 187
- Мухаммед Абдаллах Мады 13
- Мухаммед-ага (Тюркче Бильмез) 178
- Мухаммед Али 133, 151, 152, 154—163, 171, 174, 175, 177, 178, 183—185, 187—192
- Мухаммед Амин аш-Шункайди 315
- Мухаммед Анвар Садат 442, 443
- Мухаммед аль-Ахсаи 13
- Мухаммед Ахмар Ибрагим 421
- Мухаммед аль-Бадр 413, 431, 433
- Мухаммед аль-Мадани 13
- Мухаммед аль-Махруки 154
- Мухаммед аль-Мургада 77

- Мухаммед ан-Набхани 6, 203
 Мухаммед ибн Абд аль-Азиз 294, 295, 502
 Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (Ибн Абд аль-Ваххаб) 7, 16, 29, 63—66, 72, 74—77, 79—87, 91, 93, 94, 96, 112, 123, 126, 128, 135, 136, 160, 168, 169, 325, 337
 Мухаммед ибн Абд аль-Муин ибн Аун 177, 180, 184, 191, 197, 200, 201
 Мухаммед ибн Абдаллах Ааль Рашид 215—218, 221—226
 Мухаммед ибн Абдуррахман (Ааль Сауд) 232, 233, 251, 266, 305
 Мухаммед ибн Абдуррахман ибн Бассам 197
 Мухаммед ибн Аид 212 Мухаммед ибн Али Ааль Идриси 250, 277, 288, 316
 Мухаммед ибн Али аш-Шаукани 6, 77
 Мухаммед ибн Афалик 87
 Мухаммед ибн Афалик аль-Ханбали 8
 Мухаммед ибн Ибрагим Ааль аш-Шейх 410, 420
 Мухаммед ибн Исмаил 77
 Мухаммед ибн Мишари ибн Муаммар 168, 174
 Мухаммед ибн Муаммар 60
 Мухаммед ибн Сауд (XVIII в.) 60, 61, 85, 86, 87, 88, 132, 136
 Мухаммед ибн Сауд (ибн Абд аль-Азиз) 408, 503
 Мухаммед ибн Таяль (Ааль Рашид) 283, 284
 Мухаммед ибн Халифа 193, 203
 Мухаммед Рашид Рида 13, 326
 Мухаммед Садик 13
 Мухаммед ибн Фейсал 196, 205, 217, 223
 Мухаммед Сауд аль-Кабир 503
 Мухаммед Сурур ас-Саббан 333, 526
 Мухаммед аль-Фейсал 503
 Мухаммед Хамид аль-Факи 13, 76
 Мухаммед-эффенди (XIX в.) 188
 Мухаммед-эффенди (XX в.) 342
 Мэйтленд Ф. 188
 Навваф ибн Абд аль-Азиз (ибн Абдуррахман) 407, 411
 Нагиб 398
 Наджим ибн Духайним 95
 Надим-бей 257
 Надир-шах 64, 102
 Наззар аль-Кияль 13
 Найиф ибн Абд Азиз (ибн Абдуррахман) 502
 Найиф ибн Хисляйн 310
 Наллино К. 11, 328
 Намык-паша 201
 Наполеон 8, 101, 115, 162
 Насыр ибн Сауд 153
 Насыр ас-Саид 403, 404, 405, 421
 Насыр-паша ибн Саадун 219, 220
 Нафиз-паша 218
 Нибур К. 8, 9, 30, 40, 71
 Нольде Е. 217
 Нура 322, 378
 Нури ибн Шаалян (Ааль Шаалян) 245, 248
 Нури Сайд 401
 Озолинг В. В. 17, 459, 460, 465, 471, 480
 Омар ибн Мухаммед ибн Уфайсан 179 182, 186, 188, 191

- Омейяды 377
фон Оппенгейм М. 10
Осман аль-Мудайфи 50, 98, 104, 109, 110, 157, 158
Осан дан Фодио 170
Осман ибн Абдаллах ибн Бишр (Ибн Бишр) 5, 17, 42, 58, 64, 65, 72, 88, 93—95, 98, 100, 101, 103, 108, 110, 119, 120, 123—126, 128—133 136— 140, 142, 146, 156, 157, 160—163, 165, 166, 168, 175, 176, 178, 180, 185, 196
Осман ибн Санад (Ибн Санад) 6 76 79, 100, 101, 137, 141 — 143
Осман ибн Хамад ибн Муаммар 83—87
Осман-паша 191
Пелли Л. 9, 132, 202, 205, 206, 208, 212
Першиц А. И. 16, 17, 28, 53, 54, 225, 255
Пико 271, 272
Пирен Ж. 11
Прошин Н. И. 17, 38, 404
Пэлгрев У. 9, 29, 43, 72, 73, 177, 208, 211, 214, 215
Рагиб Харраз 13
Раймон Ж. 9, 82, 100, 101, 127, 129, 142, 143, 144, 153, 161
Ратгед Э. 11
Раджих 159
Ракан 194
Ралли А. 11
Расван К. 11
Раункьяэр Б. 11
Рауф-паша 219
Рачков Б. В. 18
Рашад Фараон 377, 379
Рашид 440
Рашид ибн Хумайд 179
Рашидида, см. Ааль Рашид
Рашид Али аль-Гайлани 362
Рейно 114, 318
Ренц Дж. 14
Рехатсек Э. 14
Ризауддин Сахреддинов 297
Ричардс 402
Россетти Ш. 104, 107, 156
Рузвельт Ф. 364, 365, 377, 390
Ройс 366
Ру У. 14, 513
Руссо Ж. 101, 102
Рухани Ф. 15
Саад аль-Фейсал 503
Саад ибн Абд аль-Азиз 421, 503
Саад ибн Абдуррахман 234, 248, 266
Саад ибн Мутлак 179, 189, 190, 203, 204, 211
Саад ибн Сауд 153
Саад ибн Уфайсан 289
Саад ибн Фахд 412
Саадун ибн Арайар 59, 90—92
Саадун-паша 231, 236, 248
Сайд ибн Султан 113, 115, 179, 183

- Сайд ибн Тахнун 204
 Сайд Курди-бек 396
 Сайд Омари 425
 Сайке 271, 272
 Сакр 112
 Салдана Дж. 12
 Салиль ибн Разик 6, 112
 Салим аль-Харк 112
 Салим ибн Мубарак 266, 281, 282
 Салим ибн Субхан (Ааль Субхан) 222, 223, 232
 Салим ибн Сувайни 212, 213
 Салим ибн Султан 113
 Салим ибн Шакбан 109
 Салих Ааль Муханна Аба аль-Хайль 238, 242, 243
 Салих ибн Абд, аль-Мухсин Ааль Али 184, 185-
 Салих Иса Букари 468
 Салливэн 437
 Сальман ибн Абд аль-Азиз (ибн Абдуррахман) 502
 Салых ад-Дин аль-Мухтар 13
 Сами Хинауи.371
 Сами-паша аль-Фаруки 244
 Сарах 221
 Саттам ибн Абд аль-Азиз 502
 Сауд Ааль Субхан 282
 Сауд ад-Даббаг 315
 Сауд аль-Фейсал 503
 Сауд ибн Абд аль-Азиз (XVIII—XIX вв.) 87, 91, 93—95, 97, 100, 101, 103—105, 108—110, 113, 114, 117, 118, 125—129, 133—135, 137, 142—144, 146, 147, 153, 154, 156, 157, 160, 161, 185
 Сауд ибн Абд аль-Азиз, король 283, 300, 304, 305, 309, 318, 319, 335, 376, 377, 379, 385, 390, 395, 397, 398, 400—404, 405, 407—409, 411, 413, 415, 416, 419, 420, 423, 424, 428, 497, 501, 502, 504, 509, 514
 Сауд ибн Абд аль-Азиз (Ааль Рашид) 245, 282
 Сауд ибн Абдаллах Ааль Джилюви 502
 Сауд ибн Иса 421
 Сауд ибн Мухаммед ибн Микрин 59, 60, 79
 Сауд ибн Салих 262, 263, 266
 Сауд ибн Фейсал 196, 205, 211—214, 217—220, 222, 223, 237, 405, 407, 503
 Сауд ибн Хамуд Ааль Рашид 245, 247
 Сауд ибн Хизлюль 7, 16, 245
 Саудида, см. Ааль Сауд
 Сейид Ахмед Барелви 169
 Селим III 105, 151
 «Семерка Судайри» 502
 Сибрук У. 11
 Сидки-паша 242, 243, 244
 Смилянская И. М. 17
 Солсбери 228
 Саймон 356
 Стейнике М. 14
 Степанова З. Н.
 Стеттиниус 364

- Стивенс Дж. 18
 Сторз Р. 268, 269
 Строганов С. А. 10, 209
 Суайданы 468
 Субхи аль-Мухаммасани 14, 338, 515, 516
 Сувайд 176
 Сувайни, (султан Маската) 211—213
 Сувайни ибн Абдаллах 79, 92, 99, 100
 Сулейман ад-Дахиль 344
 Сулейман ибн Абд аль-Ваххаб 63, 79, 87, 90
 Сулейман ибн Абдаллах 171
 Сулейман ибн Сахман 14
 Сулейман ибн Уфайсан 91, 93
 Сулейман ибн Хамад ибн Гурайар аль-Хумайди 84
 Сулейман Олаян 468
 Сулейман-паша Буюк 92, 98—101, 103 117
 Сулейман-паша Кючук 117
 Сулейман Шафик-паша 250
 Сулье Ж.-Л. 15
 Султан ибн Абд аль-Азиз (ибн Абдуррахман) 379, 425, 502
 Султан ибн Ахмед 112, 113
 Султан ибн Сакр 179
 Султан ибн Хамуд Ааль Рашид 245— 247
 Султан ибн Хумайд ибн Биджад (Ибн Биджад) 254, 278, 290, 291, 301, 303—305,
 307—310
 Сурур 96
 Сэдльер Дж. 8, 9, 165, 171 — 173
 Сэнджер Р. 11
 Табари 347
 Тадж 71
 Таки ад-Дин ибн Таймийя (Ибн Таймийя) 16, 68, 69, 75—77, 323
 Талиб ан-Накыб 262
 Тальха 117
 Таляль ибн Абд аль-Азиз (Ибн Абдуррахман) 397, 407—412, 421, 422, 485, 503,
 514, 517
 Таляль ибн Абдаллах Ааль Рашид 195, 198, 214—216
 Тамерлан 102
 Тами ибн Шуайб 117, 160, 162
 Тамизье М. 9, 184
 Таха Хусейн 76
 Тахир ад-Даббаг 314, 318
 Твитчел К. 11, 351, 355, 357
 Томара М. 16, 83
 Томише Ф. 11
 Томас Б. 11
 Томас Кейс 157, 162
 Треваскис 427
 Троллер Г. 16, 260, 264
 Трумэн 387, 391, 396
 Туайс 79, 99
 Турки аль-Фейсал 378, 503
 Турки ибн Абд аль-Азиз (ибн Абдуррахман) (20-й сын) 502

- Турки ибн Абд аль-Азиз (ибн Абдуррахман), старший сын 277
 Турки ибн Абдаллах ибн Мухаммед ибн Сауд 174-181, 182, 184, 185, 194, 204, 214
 Турки ибн Ахмед Ааль Судайри 204, 211, 213
 Турки ибн Сауд 153
 Турки ибн Утайшан 393, 394
 Турки аль-Хаззани 182, 187, 191
 Тусун 152, 154—159, 162, 163, 303
 Тэйлор У. 354
 Тюрякулов Н. 302, 334
 Уайт 352
 Уайтлок 183
 Убайд 184—186, 192, 195, 214
 Узайиз 308, 311
 Уилсон А. 239
 Уилсон К. 180
 Уилсон К. 271
 Уингейт Р. 275
 Уиндер Р. 12, 16, 205, 216, 218, 219
 Уэлстед Д. 9, 178, 183
 Уэннер М. 527
 Фавваз ибн Абд аль-Азиз 409, 412
 Фаджир 276
 Фальк А. 11
 Фалях ибн Хисляйн 194
 Фарук 397
 Фатх-Али 103
 Фахд Ааль Суяйфи 187
 Фахд ибн Сауд 167
 Фахд ибн Абдаллах ибн Джилюви 310
 Фахд аль-Акили 289
 Фахд ибн Абд аль-Азиз ибн Абдуррахман 379, 404, 405, 408, 419, 424, 425, 502, 506
 Фахд аль-Марик 14
 Фахри-паша 273
 Фейриш У. 352
 Фейсал Ааль Давиш 243, 246, 254, 281, 283, 285, 287, 294. 301, 303--ЗЫ
 Фейсал ибн Ватбан Ааль Давиш 133 165, 171
 Фейсал ибн Мусаид 502
 Фейсал ибн Абд аль-Азиз ибн Абдур-рахман 279, 289, 299, 300, 324, 331 — 335, 365, 377—379, 392, 394, 395, 401, 403—405, 407, 409, 410, 415, 418—420, 422, 424, 426, 428, 430—433, 436—446, 450, 451, 453, 496, 497, 499, 501—505, 509, 514
 Фейсал ибн Сауд 162, 167
 Фейсал ибн Турки 177—179, 181—211 214, 215, 220, 377, 503
 Фейсал ибн Хамуд Ааль Рашид 245
 Фейсал ибн Хусейн 229, 267, 269, 271 272, 282, 283, 312, 314
 Филби Г. 7, 10, 16, 58, 59, 89, 101, 172, 185, 193, 211, 214, 216, 219, 220, 223, 239, 247, 255, 259, 260, 264, 265, 275, 278, 300, 308, 325, 326, 333, 341, 342, 349, 351, 381 382 383 390, 455
 Финати Дж. 160
 Фреснел Ф. 184
 Фуад 314. 327. 397
 Фуад Хамза 13, 327, 334, 335, 362, 389
 Фуад Шакир 468

Фухайд ибн Субхан 237
 аль-Хаджари 434
 аль-Хаззани 247
 Хадиджа 71, 300
 Хайр ад-Дин аз-Зирикли 12, 272, 292, 327, 335, 338, 342, 349, 377, 378, 387, 392
 Хайраллах Дж. 11
 Хазаль 273
 Халид, шериф 315
 Халид ибн Абд аль-Азиз 176, 419, 420, 424, 501, 502
 Халид ибн Мансур ибн Лювай 248, 276, 289, 290, 291, 300, 311
 Халид ибн Сауд 185—188, 190, 191, 200, 201, 204
 Халид аль-Фардж 225, 241, 242, 303
 Халид аль-Фейсал 503
 Халиль-паша (XVIII—XIX вв.)
 Хамад аль-Гусайби 357
 Хамад ибн Яхья ибн Гайхаб 182
 Хаман 164
 Хамза 304
 Хамид ад-Дины 319, 413, 433
 Хамид ибн Насыр 109
 Хамид ибн Салим ибн Рифада 315, 317
 Хамис 60
 Хаммаршельд 394
 Хамуд Ааль Субхан 245
 Хамуд Абу Мисмар 116, 127
 Хамуд ибн Зайд ибн Фавваз 276
 Хамуд ибн Омар 278
 Хамуд ибн Самир 92, 99
 Хамуд ибн Сувайт 285
 Хамфрис Ф. 313
 Хантер У. 169
 Харрисон П. II, 337
 Хасан 117
 Хасан Ааль Аид 277, 288, 289
 аль-Хасан Ааль Идриси 316, 317
 Хасан аль-Банна 326
 Хасан аль-Каляй 109
 Хасан-ага 157
 Хасан Насиф 421
 Хасан Хиббат-улла 88
 Хасан Шукри 239
 Хауэрс Д. 11
 аль-Хатыб 293
 Хафез Асад 442
 Хафиз Вахба 12, 13, 76, 289, 292, 299, 307, 308, 331, 335, 337, 343, 347, 361
 Хашимиты 291, 313, 331, 389, 395, 399
 Хашшогджи 468, 469
 Хейуорт-Джон Г. 18
 Хобдей П. 15
 Холлидей Ф. 15
 Холмс Ф. 353—355
 Худжейлян 166, 174

- аль-Хумайд ибн Абдаллах ибн Захаль 133
 Хуршид-паша 184, 185, 187—191, 204, 303
 Хусейн 103
 Хусейн ад-Даббаг 315, 316
 Хусейн ибн Али 229, 247, 248, 251, 261, 262, 266—279, 288—293, 297—299 348
 Хусейн-бей 175
 Хусейн ибн Ганнам (Ибн Ганнам) 4, 16, 60, 61, 64, 65, 71. 72, 76, 84, 88, 92, 93, 120,
 131, 132, 135, 214
 Хусейн ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб 94
 Хусейн ибн Таляль 397, 413, 426, 442, 445
 Хусни аз-Заим 371
 Хусейн Насыр 13
 Хэннел 189
 Хэрли П. 365
 Цвемер С. 11
 Цеме А. 11
 Черчилль У. 283, 367
 Чизмен Р. 11
 Чини М. 11
 Чураков М. В. 17
 Шакир ибн Зайд 277, 315
 Шампенуа Л, 15
 Шамс ад-Дин ибн Ахмет ибн Кулдам 338
 Швадран Б. 15
 Шевалье Ж.-М. 15
 Шекспир У. 249, 251, 259, 263, 264
 Шериф-паша 107
 Шериф-паша, губернатор Джидды 200
 Шлезинджер А. 427
 Шмидт Д. А. 415, 427
 Шпренгер А. 22
 Шукри Куатли 398, 400
 Щербатов А. Г. 10, 209
 Эдди У. 365, 367
 Эйзенхауэр 399, 400
 Эйтчисон. К. 11
 Энвер-паша 268
 Энгельс Фридрих 57
 Юбер Ш. 9, 195, 221
 Юсеф ибн Саадун 285, 287
 Юсеф-паша 111
 Юсеф Шейх Якуб 384
 Юсеф Ясин 331, 335
 Яхья 238
 Яхья ибн Сурур 159, 177
 Яхья ас-Салих 197, 198
 Яхья ибн Хамид ад-Дин 243, 248, 249, 296, 316—318, 434
 Яхья Махмуд Саати 18

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аббасидский халифат 19

- Абкайк 369, 370
 Абу-Ариш 116, 127, 316
 Абу-Даби 189, 204, 214, 392, 394, 438—440, 443, 447, 448
 Абу-Муса, о. 439
 Абу-Хадрия 369
 Абха 212, 277, 288, 289, 318, 328, 465
 Австралия 226
 Адана 269
 Аден 189, 261, 269, 270, 277, 280, 315, 318, 414, 427, 429
 Аджман 179, 212, 238, 440
 Азия 57, 106, 444, 469
 — Южная 290
 Акаба 267, 271, 291, 293, 297, 306, 315, 396
 Акаба, залив 300
 Акка 106, 151
 Александретта (Искендерун) 270
 Александрия 156, 428, 429
 Алеппо см. Халеб
 Алжир 321, 406, 444, 447, 451
 Амадия 270
 Америка 198
 — Латинская 469
 — Центральная 3, 352
 — Южная 352
 Амман 285, 287, 315, 317, 444
 Анайза 20, 28, 52, 91, 162, 165, 166, 175, 181, 185, 187, 192, 194—200, 221—223, 237—239, 242, 243, 246, 333, 348, 384, 475, 476, 489
 Анатолия 26
 Англия см. Великобритания
 Анкара 361
 Арабский Восток 360, 398, 402, 432, 442
 Аравийский полуостров 9, 12, 18, 26, 82, 118, 125, 146, 180, 184, 226, 229, 259, 261, 272, 277, 284, 320, 349, 383, 389, 392, 403, 421, 423, 424, 429, 436, 442
 Аравийское море 210
 Аравия Восточная 10, 13, 30, 31, 57—59, 65, 70, 92, 93, 95, 118, 172—174, 178, 182, 187, 188, 193, 210, 218, 355, 358, 513
 — Западная 30, 73, 228, 229
 — Северная 9—11, 17, 25, 27, 30, 59, 72, 73, 209
 — Северо-Восточная 310
 — Центральная 11, 13, 17, 25, 27, 30, 51, 57—59, 66, 70, 89, 92, 98, 141, 142, 171, 173, 175, 180—182, 184—190, 193, 200, 202, 209, 215, 217, 220, 221, 224, 225, 229, 232, 240, 243, 244, 247, 249, 252, 259, 264, 283, 284, 302, 303, 347, 377
 — Юго-Восточная 116, 178, 180
 — Южная 11, 315, 318
 Арид 20, 59, 64, 99, 139, 176, 211—223, 235, 246, 263, 288, 312, 328, 345, 507
 Аризона 358
 Асир 9, 50, 97, 110, 116, 160—162, 178, 183—185, 187, 189, 201, 212, 228, 248, 250, 262, 276, 277, 279, 288, 289, 296, 314—318, 328, 337, 338, 429, 434, 470—473, 478, 491, 493, 503, 511
 — Северный 288
 — Южный 277, 316
 Ауда, оазис 133

- Афганистан 296, 302, 326, 360
 Африка 57, 444, 469
 — Восточная 43
 — Северная 17, 262
 — Центральная 43
 Аяйна 29, 59—61, 63—65, 83, 84, 86, 87, 144
 Багдад 9, 57, 64—66, 92, 98—100, 103, 106, 107, 117, 202, 212, 218, 219, 227, 230, 233, 241, 257, 259, 269, 274, 275, 284, 447
 Багдадский вилайет 270
 Багдадский пашалык 103, 151
 Баджиль 316
 Бадр 318
 Балканы 250
 Бани-Шакир, оазис 285
 Барайк 155
 Барзана, район 185
 Басаль 161
 Басра 6, 9, 20, 46, 57, 63—65 72 92 99 105, 113, 114, 117, 138, 185, 199, 215, 219, 224, 230-233, 236, 239, 242, 250, 251, 257-259, 273, 274, 312
 Бассора см. Басра
 Бассорский вилайет 270
 Бахра 294, 312, 331
 Бахрейн 26, 72, 112, 115, 125, 138, 141, 161, 172, 179, 181, 183, 188, 201 — 203, 206, 207, 209, 213, 214, 226, 227, 232, 258, 259, 265, 333, 353— 355, 357, 365, 394, 438, 439,
 Бейрут 41 1, 422, 516
 Белое море 106
 Белуджистан 382
 Бельгия 453
 Бенгалия Восточная 169
 Берлин 226, 227, 230, 232, 235, 261
 Биреджик 269
 Бирма 365
 Биша 97, 98, 104, 109, 161 — 163, 248, 289, 511
 Ближний Восток 30, 70, 228, 261, 263, 265, 269, 277, 321, 342, 349, 351, 355, 361— 366, 369, 376, 386, 387, 389, 390, 394, 398—401, 441, 450, 453, 458, 515
 Ближний и Средний Восток 15, 18, 25, 30, 56, 62, 66, 70, 360, 362, 367, 370, 387, 402, 436, 450, 452, 453, 455, 507
 Большой Нефуд 11, 19, 20
 Большой Томб, о. 439
 Бомбей 113—115, 197, 209, 296, 467
 Британия см. Великобритания
 Британская империя 210, 226, 297, 360
 Британская Индия см. Индия
 Бурайда 20, 90—92, 120, 166, 174, 175, 180, 182, 190, 192, 195—197, 199, 221—223, 232, 238—240, 242—244, 246, 247, 262, 266, 307, 348, 384, 473, 479, 491, 498
 Бушир 235, 249
 Бушур 477
 Вади-Сирхан 217, 285, 287, 293, 328
 Васит 215
 Вашингтон 18, 367, 390, 398—400, 402, 416, 426, 448—451
 Вашм 5, 20, 87, 88, 121, 139, 161, 174, 176, 192, 222, 223, 235, 237, 238, 249, 312

- Великобритания 112—114, 116, 188, 189, 202, 226—232, 235, 237, 239, 240, 248, 250, 258—261, 264, 265, 267—270, 272, 274, 277, 279—281, 284, 287, 289, 290, 293, 294, 297, 305—307, 314, 316, 318, 320, 331, 347, 352, 355, 360—364, 367, 371, 375, 378, 387, 389, 391, 392, 394, 395, 399, 405, 406, 426, 427, 431, 434, 436—440, 442, 453, 507, 508
- Вена 57
- Венесуэла 365, 374, 375, 447
- Виши 335, 362
- Восточная провинция 178, 179, 189—191, 193, 194, 200, 203, 206, 209, 218—220, 249, 258, 329, 337, 339, 342, 354, 355, 380—382, 392, 393, 403, 422, 459, 464, 471, 473, 486, 488, 491, 494, 498, 502, 505, 515, 523
- Восточное Средиземноморье 228
- Восточные Аденские протектораты 434
- Габон 447
- Гавайские острова 356
- Газа 8. 34
- Галлиполи 262, 269
- Геджаз см. Хиджаз
- Германия 227, 261, 331, 352, 360—362
- Голландия см. Нидерланды
- Горькие озера 366
- Греция 361
- Даба 315
- Даммам 179, 181, 188, 193, 203, 212, 369, 391, 393, 456, 459, 461, 463—465, 482, 488, 489, 491, 498
- Дамаск 26, 64, 65, 106, 107, 111, 118, 151, 227, 269, 270, 272, 273, 281 319, 442
- Дамасский пашалык 152
- Дарие (Дерийе) см. Эд-Дирья
- Дарин, о. 265
- Даука 366
- Дахна 194
- Дахран 347, 351, 358, 366, 380, 381, 391, 399, 400, 404, 406, 409, 413, 424, 426, 436, 459, 464, 465, 488, 507, 508
- Дели 11
- Джабрин 471
- Джазират-Ибн-Омар 270
- Джаладжиль 176
- Джануб 103, 139, 142
- Джауф 43, 72, 161, 163, 195, 216, 248, 285, 358, 427
- Джахра 199
- Джебель-Ахдар 112, 204
- Джебель-Канзана 266
- Джебель-Мунифа 281
- Джебель-Шаммар 10, 11, 20, 43, 51, 59, 91, 97, ПО, 161, 163, 171, 176, 177, 182, 184—187, 190—192, 194, 195, 200, 206, 208, 210, 211, 214—218, 220—226, 229, 231, 232, 235, 236, 240—243, 245—249, 260, 263, 264, 266, 273—276, 279, 281—285, 328, 329, 404, 473
- Джидда (Джедда) 11, 14, 27, 30, 51, 56, 72, 104 — 107, 109, 110, 149, 152, 157—160, 172, 178, 184, 191, 200, 201, 229, 271, 277, 279, 288, 290—297, 300, 302, 303, 314, 317, 330—332, 334, 339, 346—348, 351, 355, 357, 361, 365, 366, 370, 391—394, 398, 412, 415, 418, 420—422, 436, 430, 431, 446, 450, 456, 461, 463—465, 467, 468, 476, 488, 489, 491 493, 498, 504, 508, 512—515, 517
- Джизан 316, 317, 415, 429—431, 434 465, 468, 479, 507

- Джираб 265
 Дилам 90, 91, 171, 187, 235, 326
 Диръйский эмират 31, 85, 94, 97, 98, 113, 116, 118—120, 123, 131, 142, 147, 148, 151, 152, 172—174, 184, 193, 208
 Договорный Оман 172, 189, 202, 203, 209, 226, 259, 391, 438, 439
 Дофар 440, 441
 Дубай 189, 204, 438, 440
 Дурма 87, 133, 166
 Духна 254
 Европа 9, 57, 101, 106, 152, 194, 209, 250, 263, 298, 366, 370, 408, 419, 423, 424
 — Западная 370—372, 376, 450—452, 466, 478, 497, 521
 Евфрат, р. 79, 99—101, 171, 228, 234, 261, 285, 365
 Египет 5, 8, 13, 19, 25—27, 29, 52, 56, 72, 96, 101, 104, 105, 111, 114, 148, 149, 151, 152, 154, 156—158, 160, 162—166, 171, 172, 175, 176, 185, 187, 189, 190, 192, 193, 200, 205, 207, 209, 214, 219, 226, 228, 245, 261, 262, 267—269, 275, 280, 289, 290, 296, 300, 304, 314, 315, 321, 326, 327, 331, 335, 342, 346, 349, 356, 367, 380, 381, 383—385, 389, 394—402, 407, 444, 446, 451, 453, 491, 492, 494, 497, 507, 508, 522, 527, 528
 — Верхний 42, 104
 — Нижний 42, 152
 Ембо см. Янбо
 Женева 394, 424, 448
 Западный Аденский протекторат 434
 Иерусалим 65, 106, 275, 296, 445—447
 — Восточный 445, 450, 522
 Израиль 386, 390, 391, 396, 397, 409, 413, 430, 432, 441—447, 450—453, 518, 522
 Индийская империя см. Индия
 Индийский океан 115, 189, 226, 270, 434
 Индия 11, 25, 26, 62, 114, 115, 149, 169, 180, 188, 198, 209, 212, 226—228, 240, 262, 265, 289, 296, 326, 333, 360, 446, 492
 Индонезия 169, 365, 447
 Иордан, Р. 267. 445
 Иордания 10, 11, 272, 283—288, 293, 294, 302, 304, 306, 310, 312, 314, 315, 317, 360, 362, 371, 389, 395—402, 413, 414, 422, 426, 427, 432, 441, 442, 444, 445, 451, 464, 492, 508, 511
 — Восточная 245
 Ирак 9, 10, 20, 23, 26, 27, 58, 72, 98—103, 106, 107, 114, 117, 118, 125, 142, 147—149, 153, 188, 199, 202, 219, 224, 225, 232, 237, 241, 244, 246, 256, 269, 274, 280, 282—288, 293, 294, 296, 302, 304—314, 321, 326, 334, 341, 346, 352, 353, 354, 358, 360—362, 367, 371, 389, 394—396, 398, 399, 401, 402, 422, 432, 436, 438, 439, 443, 444, 447, 448, 452, 489, 511, 513
 — Нижний 65, 92, 98, 101, 249
 — Южный 71, 191, 199, 230
 Иран 64—66, 71, 103, 113, 127, 138, 168, 183, 261, 296, 326, 331, 354, 360, 367, 370, 398, 414, 430, 436, 438—441, 444—447, 452
 Испания 156, 326, 453
 Исфахан 64, 65
 Италия 331, 346, 361, 362
 Йамама 65, 66, 90, 121
 ЙАР см. Йемен
 Йемен 19, 25—27, 31, 56, 58, 71, 72, 77, 92, 97, 116, 118, 122, 124, 125, 137, 138, 141, 146, 152, 178, 184, 189, 201, 215, 219, 223, 228, 239, 243, 248, 259, 262, 267, 269, 276,

- 277, 296, 314, 316, 318, 319, 349, 361, 391, 395, 398, 409, 411, 413—415, 421, 423, 426—437, 441, 444, 507
- Восточный 118, 428
 - Горный 31, 116
 - Северо-Восточный 427
- Кавказ 227
- Каир 18, 65, 106, 152, 154, 157—159, 163, 165, 166, 168, 172, 174, 176, 185, 188, 224, 267, 268, 283, 293, 315, 319, 326, 382, 395—401, 407, 411, 421, 423, 424, 428, 431, 441, 443
- Калькутта 11
- Канада 354
- Карибское море 365
- Касим 9, 13, 20, 26, 43, 52, 58, 59, 88, 90—92, 122, 133, 139, 145, 161 — 163, 165, 166, 171, 174—177, 180, 181, 185—187, 190—192, 194—196, 198—200, 206, 207, 210, 217, 220— 224, 231, 232, 235—246, 248, 249, 251, 252, 257, 273, 275, 303, 309, 311, 325, 328, 333, 347, 473, 479, 512
- Катар 93, 179, 197, 203, 209, 213, 214, 226, 258, 259, 265, 391, 438, 439, 443, 447
- Каф 287
- Кафара 192
- Кербела 101 — 105, 108, 117, 118, 147, 152, 224, 337
- Кипр, о. 291
- Китай 26
- Константинополь см. Стамбул
- Красное море 173, 361, 373, 465
- Крит, о. 189, 361
- Кувейт 10, 114, 188, 202, 209, 218, 221, 224- 227, 229-232, 234-238, 242, 244, 246, 248-250, 252, 257—259, 262, 263, 265, 266, 273, 274, 279, 281-283, 287, 288, 294, 302, 304, 307, 310-312, 326, 341, 354, 356, 358, 360, 372, 394, 432, 438, 439, 442-444, 447, 448, 451-453, 464, 489, 495
- Кум 65
- Кунфуда 159, 160,
- Курдистан 64, 65
- Кусай, 152
- Кусейба 239
- Кут, цитадель 100, 257, 266
- Латакия 335
- Лива 440
- Ливан 280, 296, 346, 371, 384, 395 396 400, 447, 464, 492, 497, 528
- Ливия 170, 360, 432, 439, 441, 442, 446— 448, 451
- Лондон 13, 15, 218, 226, 228, 232, 235 240, 265, 269, 271, 278, 304, 305, 335 352, 355, 389, 392, 395, 398, 402 436—439, 444, 448, 477, 503
- Люксембург 469
- Маан 229, 267, 297, 306, 396
- Маврикий, о. 115
- Магриб 105, 528
- Малабар 467
- Малый Томб, о. 439
- Мальта, о. 156, 335
- Маляха 198
- Манама 115
- Мардин 269, 270
- Мариб 137, 427
- Марокко 170, 321, 326, 432, 446, 451

- Маскат 43, 105, 112, 113, 115, 118, 146, 153, 160, 179, 183, 201, 202, 204, 206, 208, 211—214, 226—228, 239, 250, 392, 394, 395
- Манфуха 43, 60, 64, 87, 120, 131, 173, 176, 177, 180
- Махд-эд-Дахаб 356, 464
- Махмаль 20, 88, 121, 131, 161, 166, 176, 235
- Медина 3, 19, 20, 27, 56, 63, 69, 70, 81, 106—110, 118, 145, 149, 151, 152, 154, 156—158, 161, 162, 165, 167, 168, 172, 174, 177, 184, 185, 200, 215, 227, 229, 244, 245, 262, 271, 273, 275, 276, 292, 294—296, 303, 310, 313, 326, 337, 338, 347, 348, 377, 390, 445, 456, 464, 465, 468, 473, 479, 489, 491, 492, 498, 506, 512
- Междуречье 99
- Мекка 3, 8—10, 19, 24, 27, 30, 42, 43, 50—52, 55, 56, 58, 63, 65, 66, 69—72, 81, 95—98, 104—111, 113, 116, 121, 140, 145, 149—152, 154, 157—162, 168—170, 174, 177, 180, 181, 184, 189, 191, 194, 196—201, 218, 229, 247, 248, 252, 261, 267—271, 276, 277, 289, 291—293, 295, 296, 299—301, 307, 310, 313, 315, 317, 319, 326, 329, 331, 332, 337—339, 347, 349, 409, 413, 421, 456, 464, 465, 468, 472, 476, 477, 489, 491, 492, 497, 498, 502, 505, 506,
- Мерсин 269, 270
- Месопотамия 42, 228, 241, 261, 262, 274
— Нижняя 263
- Мешхед-Али 215
- Мидиат 270
- Мина-Сауд 465
- Миср, местечно 125
- Мосул 108, 334, 293, 352, 353
- Моха 178, 201
- Мохаммера 285, 306
- Муляйда 224
- Муних 88
- Наджран 20, 31, 71, 88, 89, 116, 146, 194, 213, 318, 319, 328, 415, 426, 430, 431, 434, 507, 511
- Народная Республика Южный Йемен см. Южный Йемен
- Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ) см. Южный Йемен
- Негев 125
- Нежд 4—7, 11, 12, 17, 19—21, 24, 26, 27, 29, 31, 32, 35, 42, 56, 58, 61, 62, 64—66, 71, 79, 82, 84, 86—91, 95—99, 109, ПО, 118, 122, 124—126, 128, 131, 132, 136, 138, 140, 149, 153, 162—164, 166, 171—193, 196—203, 207—209, 213, 214, 216, 218—220, 222—224, 230, 231, 233, 234, 239—244, 247—249, 251—253, 257, 259—266, 274—279, 281—290, 294—299, 303—312, 314, 317, 321, 322, 324, 325, 327, 328, 330, 332, 333, 335, 336, 338, 340, 344—346, 349, 353, 384, 386, 465, 471, 473, 481, 489, 491, 493, 503, 505, 509, 511, 513, 515
— Восточный 192, 221
— Северный 9, 22, 31
— Центральный 9, 27, 60, 87, 89, 164, 176, 217, 220, 247
— Южный 43, 88, 187, 235, 242, 245
- Неждийский эмират (вилает) 193, 202, 255, 260, 262, 264, 267, 277, 281, 320, 340
- Нейтральная зона 356, 372, 373, 394, 423, 495
- Нигерия 446, 447
- Нидерланды 331, 452, 453
- Нил, р. 429
- Ницца 394
- Нью-Йорк 395, 415
- Нью-Мексико 358
- ОАР 402, 403, см. также Египет

- Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) 440
- Оклахома 357
- Оксфорд 378
- Оман 9, 11, 19, 26, 27, 31, 56, 58, 71, 92, 112, 113, 115, 118, 124, 125, 138, 141, 153, 158, 161, 179, 183, 188—191, 202, 204, 211, 213, 214, 223, 250, 391, 395, 436, 440, 441
- Оманский залив 112, 179, 190
- Омайядский халифат 19
- Ормузский пролив 439
- Османская империя 19, 57, 58, 62, 69, 70, 81—83, 95, 96, 98, 110, 147, 149, 151, 163, 174, 192, 202, 218, 226—229, 239, 242, 248, 251, 258—262, 266—268, 276, 279, 281, 284, 320, 352, 353
- Пакистан 446, 492
- Палестина 8, 118, 285, 290, 293, 296, 321, 334, 366, 367, 390, 396, 397, 413, 445—447, 522
 - Восточная 397
- Пенджаб 169
- Париж 162, 226, 268, 352, 503
- Патна 169
- Передняя Азия 17, 26, 28
- Персидский залив 11, 12, 17, 19, 27, 58, 93, 112—114, 172, 179, 180, 188—190, 194, 199, 202—204, 206, 209, 210, 212, 223, 224, 226—228, 232, 235, 237, 239, 249, 250, 256, 258, 259, 263, 270, 286, 306, 330, 333, 354, 358, 361, 365, 367, 370, 372, 388, 390, 429, 436, 439, 448, 449, 452, 464, 465, 492, 528
- Персия см. Иран
- Петербург 105, 106, 226, 227, 232, 235
- Пешавар 169
- Польша 331
- Принстон 503
- Рабат 442, 446
- Ранья 104, 161 — 163, 248
- Рас-Таннура 218, 313, 358, 365, 370, 424, 464, 488, 491
- Рас-эль-Хадд 202
- Рас-эль-Хайма 112, 113, 115, 125, 172, 202, 438—440
- Республика Риф 296
- Риад (Рияд) см. Эр-Рияд
- Риядский эмират 177, 178, 180, 193, 202, 203, 207, 211, 215, 217, 223, 231, 247—250, 258, 260, 331, 341
- Россия 4, 156, 227, 228, 236
- Руб-эль-Хали, пустыня 19, 31, 232, 263, 373, 391, 483
- Садик 59, 60, 87, 88, 121
- Сайда 370, 375
- Сайхат 181
- Салоники 159
- Самава 99, 117, 241
- Сана 77, 116, 201, 243, 316, 318, 319, 399, 415, 421, 424, 427, 431—433
- Сан-Ремо 352
- Сафания 370
- Сахара 526
- Северная пограничная провинция 511
- Северный Йемен см. Йемен
- Сибилла 309, 310
- Сильмийя 43, 121

- Симла 265
 Синайский полуостров, Синай 125, 261, 269, 441, 445
 Ситган 169
 Сирийская пустыня 9—11
 Сирия 8, 23, 25—27, 29, 31, 42, 50, 64— 66,72,92,99,107,111, 114, 117, 118, 124, 125, 127, 138, 141, 147—149, 151, 160, 16с, 178, 189, 202, 224, 262, 263, 269—272, 274, 280, 285, 289, 296, 321, 346, 361, 362, 365, 367, 371, 384, 389, 395, 396—398, 400, 402, 413, 439, 442—444, 447, 451, 464, 468, 489, 497, 513, 527
 — Южная 245
 Советская Россия 272, 297,
 Советский Союз, СССР 3, 4, 295, 296, 331, 360, 362, 386, 387, 389, 390, 399, 426, 443
 Сокото 170
 Сомали 239, 382
 Средиземное море 270, 370
 Средний Восток 227, 352, 360, 405
 Стамбул 30, 56, 92, 98, 101, 102, 104— 106, 108, 149, 157, 158, 160, 178, 185, 202, 209, 218, 224, 227—230, 232, 235, 237, 247, 251, 259, 260, 267, 270, 279, 503
 Судайр 20, 43, 59, 63, 87, 88, 121, 133, 139, 161, 162, 165, 167, 168, 174, 176, 181, 192, 222, 223, 231, 237, 246, 249
 Судан 228, 296, 382, 432, 441, 507
 — Западный 170
 Сук-эш-Шуюх 92, 99
 Суматра 170
 Сур 211, 212
 Сухар 113
 Суэц 104, 152, 156, 259, 290, 293
 Суэцкий канал 201, 226, 228, 261, 366, 371, 398, 441, 447
 США 14, 15, 331, 349, 351—353, 357, 362-367, 370, 374—377, 386—391, 396, 398—401, 405, 409, 411, 412, 414, 415, 419, 424, 426, 427, 431, 434, 436, 442, 448, 450—453, 456, 458, 466, 467, 497, 498, 502, 507, 508, 521, 522
 Табу к 21, 285, 468
 Таизз 319, 431, 435
 Тайма 215, 216, 248, 285
 Тарафия 246
 Гармида 87, 88, 175, 176, 237
 Тарут, о. 488
 Тегеран 227, 438, 439, 448
 Тель-Авив 445
 Техас 352, 358
 Тигр, р. 228, 261, 365
 Тихама 31, 103, 116, 118, 125, 138, 141, 146, 161, 316, 319, 328
 — Йеменская 127, 316
 — Северная 277
 — Асирская 473
 Трансиордания см. Иордания
 Тунис 451, 516
 Тунис, город 326
 Тураба 104, 158, 159, 161, 162, 248, 276, 277—279, 288, 314
 Турайф 167, 168
 Турецкая империя 106 см. также Османская империя
 Туркестан 297
 Турция 152, 156, 268, 290, 296, 302, 331, 360, 367, 444, 446, 503, 516

- Умм-эз-Зара 225
 Умм-эль-Кайвайн 189, 438, 440
 Урфа 269
 Ушайзийя 238
 Ушайкир 88
 Фарс 227
 Фатима, вади 14, 476—478
 Фида 71
 Филиппины 453
 Франция 105, 114, 115, 156, 189, 227, 268—270, 280, 331, 362, 399, 406, 453, 467, 508
 Французская Западная Африка 382
 ФРГ 8, 434
 Фуджайра 438, 440
 Хадда 291, 294, 331
 Хадрамаут 31, 115, 118, 141, 146, 435
 Хаиль 50, 51, 184—187, 192, 195, 215—218, 221—223, 225, 230—232, 234 — 240, 242—249, 260, 263, 266, 273—275, 282—284, 308, 311, 341, 347, 348, 404, 512
 Хаибар 20, 43, 124, 215, 216, 471
 Хама 270
 Хамаса 393
 Хамадан 64, 65
 Хамир 430
 Халеб (Алеппо) 8, 9, 26, 65, 114, 118, 270
 Ханифа, вади 20, 71, 167
 Харад 428, 430, 482, 491
 Хариб 427
 Харма 90, 122, 132
 Хартум 432, 441
 Хауран, вади 192, 217
 Хиджаз 8—10, 14, 20, 21, 25, 27, 29, 31, 35, 43, 56—58, 62, 63, 70, 71, 92, 95—98, 100, 103—108, 110—112, 116, 118, 122, 125, 133, 138, 140—142, 146, 149—154, 156—159, 161 — 165, 172, 174, 176, 178, 180, 183, 185, 187, 191, 197, 200—202, 223, 228, 229, 239, 241, 247—249, 252, 261 — 263, 267—269, 271, 272, 274—278, 281, 287—311, 313—317, 322, 326, 328—340, 342, 347, 348, 356, 361, 377, 385, 386, 396, 397, 455, 461, 462, 465, 467, 468, 471, 473, 474, 476, 481, 491—493, 505, 506, 509-511, 513
 — Северный 27, 42, 315
 — Южный 478
 Хиджазские горы 192
 Ходейда 116, 125, 189, 201, 316, 319, 427, 431, 432
 Хомс 270
 Хузестан (Хузистан) 227
 Хураймала 64, 87, 121, 123, 166, 176
 Хуфуф 43, 94, 100, 178, 180, 182, 186, 191, 194, 197, 206, 207, 217, 219, 220, 257, 258, 266, 310, 329, 337, 357, 461, 464, 479, 491, 493
 Шакра 6, 124, 166, 167, 175, 384,
 Шар, горы 315
 Шарджа 179, 189, 204, 393, 438—440
 Шатт-эль-Араб, р. 312
 Швейцария 362, 419
 Шунана 240—242
 Черное море 106, 158
 Эд-Давасир, вади 20, 43, 91, 121, 161, 163, 183, 194, 213

- Эд-Дирья 5, 25, 30, 50, 59—61, 64, 71, 85—97, 99, 101, 107, 108, 112—119, 121, 123—137, 139—142, 144, 145, 153, 163, 164, 166—168, 171, 172, 175, 197, 303
 Эз-Зильфи, 88, 90, 263
 Эз-Зубайр (Эз-Зубейр) 6, 64, 98, 99, 117, 185, 199, 242, 282
 Эз-Зубара 115
 Эквадор 447
 Эль-Аджфар 254
 Эль-Аль 217
 Эль-Артавия 252—254, 303, 304, 309
 Эль-Ариш 105
 Эль-Афладж 20, 91, 176, 183, 194
 Эль-Батин, вади 20
 Эль-Батина, равнина 204
 Эль-Бид 315
 Эль-Букайрия 240, 241
 Эль-Бурайми 12, 112, 179, 187, 203, 204, 206, 211, 213, 219, 322, 323, 341, 391—395, 406, 436, 439, 508
 Эль-Бусайя 306, 307
 Эль-Вадиа 435
 Эль-Ваджх 271
 Эль-Гатгат 253, 254, 278, 290, 304, 310
 Эль-Джадида 158
 Эль-Джубайль 71, 84, 348, 357, 464
 Эль-Джахра 232, 382, 306
 Эль-Джумайма 309
 Эль-Катиф 8, 26, 84, 93, 125, 161, 172, 178, 179, 183, 189, 197, 202, 203, 209, 212, 218, 250, 258, 265, 303, 304, 311, 348, 369
 Эль-Кувейт 114, 198, 199, 202, 209, 282
 Эль-Лухайя 125, 277, 316
 Эль-Маджмаа 63, 64, 90, 132, 166, 176, 222, 234, 246
 Эль-Мисмак 232, 233
 Эль-Укайр 93, 179, 183, 191, 209, 217, 220, 224, 259, 273, 275, 282, 286, 287, 306
 Эль-Ханакия 158, 165, 185
 Эль-Хардж 20, 43, 59, 71, 88—91, 121, 139, 161, 166, 176, 186, 220, 222, 234, 235, 240, 303, 461, 463, 479, 491
 Эль-Харик 121, 167, 182, 186—187, 247, 249
 Эль-Хаса 4, 9, 14, 19, 20, 24, 26, 29, 50, 56—59, 63, 64, 71, 84, 87, 88, 90, 92—95, 98—100, 103, 110, 121, 125, 126 130 135, 145, 153, 161, 163, 165 172, 178, 179, 181, 182, 188, 191, 208, 209, 214, 217—220, 224, 232, 233, 236, 248—251, 257—260, 264—265, 278, 281, 298, 303—305, 308, 310, 311, 325, 328, 329, 337, 338, 342, 353, 355, 362, 367, 372, 381, 385, 393, 412, 465, 467, 473, 479, 493, 502, 511, 513
 Эль-Хаута 121, 176, 298
 Эль-Хильва 175, 187
 Эль-Хубар 357, 464, 465, 488, 491
 Эль-Хурма 97, 157, 275—279, 290
 Эн-Накира 311
 Эн-Неджеф 103, 116, 337
 Эрковит 429
 Эр-Расе 162, 163, 165, 173, 175, 185, 241, 384
 Эр-Рияд 3, 9, 14, 20, 43, 52, 59—61, 87—89, 121, 122, 132, 136, 174—177, 179—183, 186, 187, 191 — 195, 197—199, 203—208, 210, 212—215, 218—224, 229, 231—236, 238—240. 242—245, 248—251, 254, 257, 259, 263, 265, 275, 276, 278, 279, 283—285, 288—292,

298, 302—305, 308—311, 317, 320, 325—327, 333, 334, 338, 339, 343, 347—349, 370, 376, 378, 386, 388—391, 395, 397—399, 401 — 404, 409—412, 419—423, 426, 428, 434, 436—438, 440—442, 449, 450, 459, 461, 464, 465, 468, 479, 482, 485, 489, 491—493, 497, 498, 500, 502, 503, 512

Эр-Румма 20

Эр-Рустак 211, 213

Эс-Сабья 316, 317

Эс-Сариф 231, 232

Эс-Сафра 152, 154, 158

Эс-Сирар 310

Эс-Сохар 204

Эт-Таиф 21, 30, 50, 72, 104, 110, 157, 158, 161, 177, 276, 279, 290, 291, 296, 300, 303; 317, 319, 346, 362, 377, 391, 413, 415, 418, 431, 464, 465, 468, 473, 491, 492, 507, 512

Эфиопия 361, 362, 382

Югославия 361

Южный Йемен 261, 391, 427, 429, 433— 435, 528

Ябрин, оазис 233

Ява, о. 296

Янбо 8, 109, 153—156, 161, 174, 185, 293, 296, 464, 465

Япония 365, 370, 372, 450, 452, 453, 466

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВАСИЛЬЕВ
ИСТОРИЯ САУДОВСКОЙ АРАВИИ (1745—1973)

Утверждено к печати

Институтом востоковедения

Академии наук СССР

Редактор М. Д. Панасьянц

Младший редактор Ю. А. Оленин

Художник А. Г. Кобрин

Художественный редактор Э. Л. Эрман

Технический редактор В. П. Стуковнина

Корректоры Л. И. Письман и Р. Ш. Чемерис

ИБ № 14162

**Сдано в набор 12.11.80. Подписано к печати 22.04.82. А-05396. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. п. л. 38,5.
Усл. кр-отг. 38,75. Уч-изд. л. 44,6. Тираж 5000. Изд. № 4786 Тип. зак. 3657. Цена 4 р. 70**

к.

**Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
2-я типография издательства «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 10.**